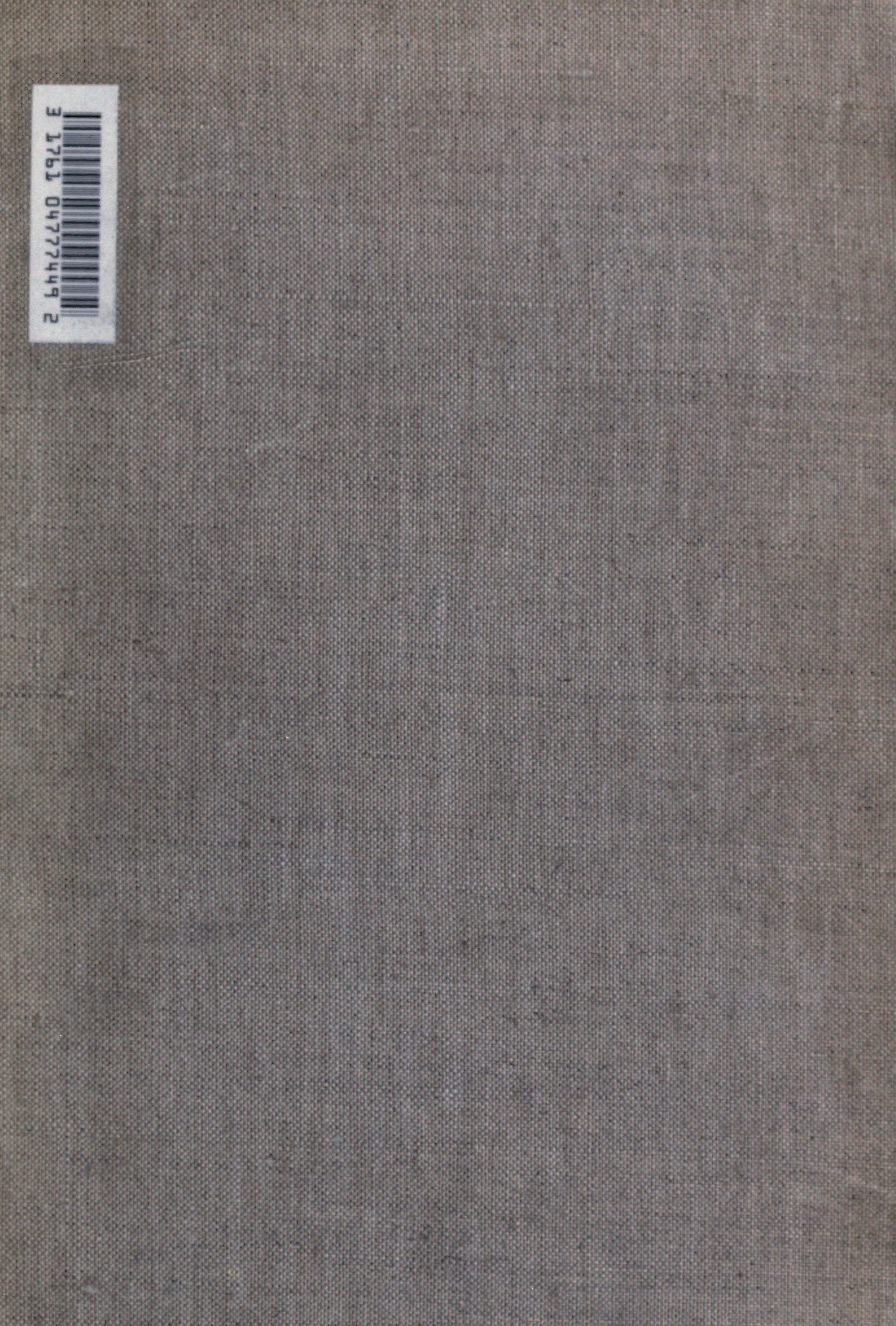
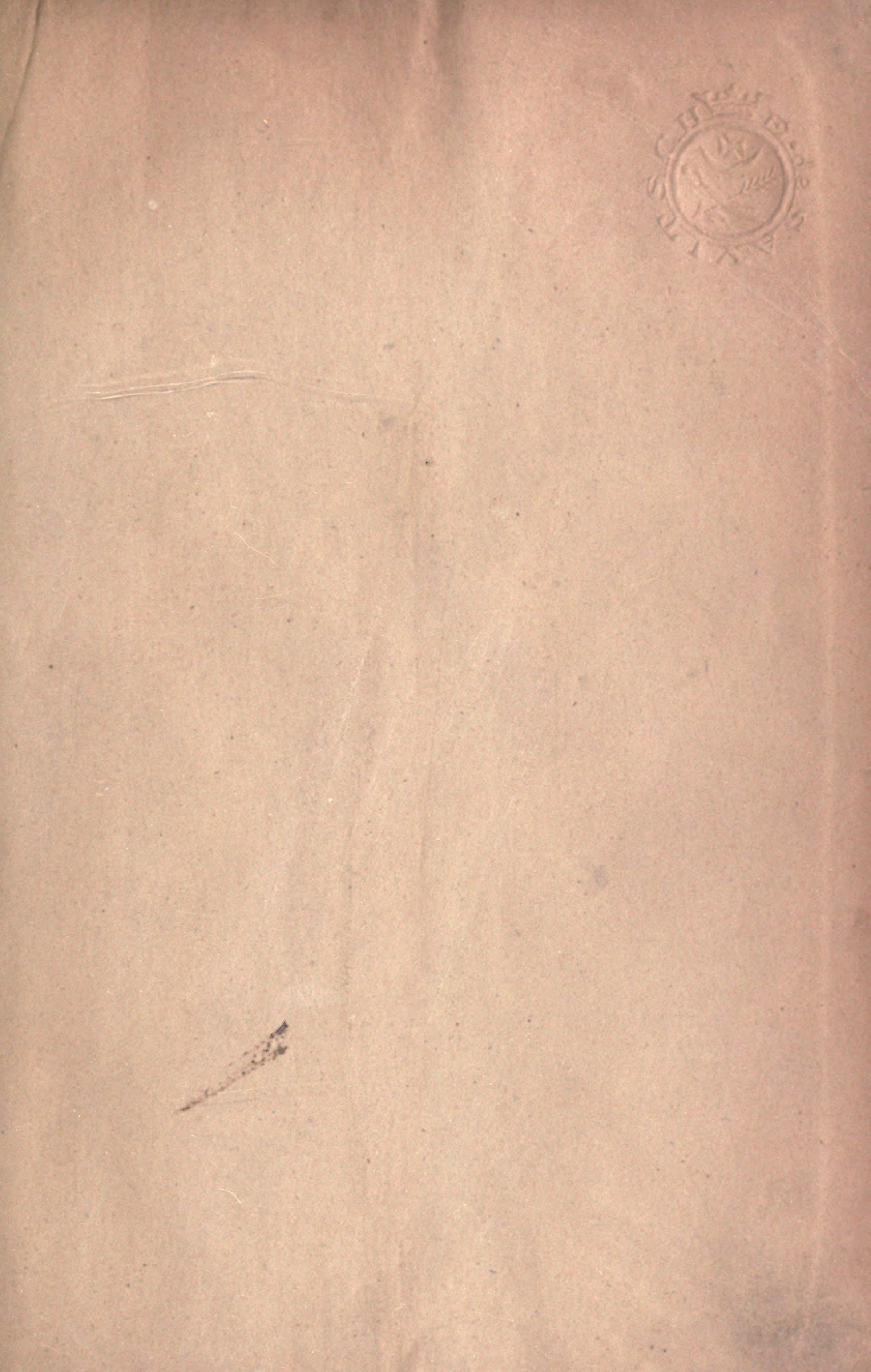

3 1761 04777449 2

EX LIBRIS
de SAVITSCH

ШАРЛЬ ДИЛЬ,
КОРРЕСПОНДЕНТЪ ИНСТИТУТА.

ЮСТИНІАНЪ

и

ВИЗАНТІЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ

ВЪ VI ВѢКѢ.

Съ 209 гравюрами въ текстѣ и 8-ю на отдѣльныхъ листахъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Альтшулера Фонтанка 96.
1908.

LIBRARY
MAR 23 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

ЮСТИНІАНЪ
и
ВИЗАНТІЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ
въ VI вѣкѣ.

Доска изъ слоновой кости, такъ назыв. L'IVOIRE BARBERINI
(Луврскій музей).

Предисловіе.

Не безъ нѣкотораго страха я выпускаю въ свѣтъ эту книгу — такъ обширно и затруднительно изученіе великаго царствованія Юстиніана, захватывающаго почти половину VI-го столѣтія и вполнѣ господствующаго надъ всѣмъ этимъ вѣкомъ; такъ же трудно нарисовать картину той блестящей цивилизаціи, свидѣтелемъ которой было византійское общество того времени. Хотя появившіяся въ послѣдніе годы важныя работы снова привлекли вниманіе къ этому темному періоду и пролили новый свѣтъ на нѣкоторыя стороны его, особенно на тѣ, которыя касаются исторіи искусства, однако до сихъ поръ нѣтъ сочиненія, которое обнимало бы эпоху Юстиніана въ ея цѣломъ, нѣтъ такой книги, которая, опираясь на основательное, непосредственное и строго научное изученіе первоисточниковъ, воскресила бы въ одной картинѣ, интересной даже для тѣхъ, кто не обладаетъ достаточной эрудиціей, живописный образъ исчезнувшаго византійскаго общества. Такую именно книгу я и желалъ написать. Вокругъ великаго имени Юстиніана, столь извѣстнаго даже и въ настоящее время, вокругъ загадочной фигуры Ѳеодоры, такой умной, энергичной, съ качествами настоящаго государственнаго человѣка, я попытался представить нѣкоторыя стороны пышнаго константинопольскаго двора и изобразить нѣсколько лицъ, характеристическихъ для этого исчезнувшаго общества. Я старался уловить разнообразныя проявленія императорской дѣятельности и его великихъ и славныхъ идей, огромное и разнообразное дѣло его колоссальнаго честолюбія, отражавшагося въ теченіе всего восточнаго средневѣковья и сказывающагося въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже на современномъ обществѣ. Наконецъ, чтобы придать этимъ портретамъ и картинамъ фонъ, который оживлялъ бы ихъ, я попытался обрисовать нѣкоторые изъ большихъ городовъ имперіи и въ нихъ, какъ

представителяхъ идей того времени, уловить преобладающіе вкусы и господствующія страсти византійскаго народа. Не мнѣ судить насколько удалось мнѣ выполнить ту широкую задачу, которую я поставилъ себѣ, но полагаю, что, по крайней мѣрѣ, при внимательномъ изученіи нѣкоторыхъ документовъ, или недостаточно извѣстныхъ или только недавно опубликованныхъ, я могъ дать новую оцѣнку нѣкоторымъ обстоятельствамъ и, быть можетъ, показать людей и событія въ новомъ свѣтѣ, нѣсколько отличномъ отъ того, въ какомъ они намъ обыкновенно представляются.

Мнѣ казалось, что обиліе иллюстрацій дастъ глазамъ наилучшій комментарій къ изложенію; но подборъ необходимаго матеріала затруднялъ меня. Изъ памятниковъ VI-го вѣка, которые должны были войти въ изданіе, нельзя было исключить много уже извѣстныхъ, но пропускъ которыхъ не имѣлъ бы оправданія, а съ другой стороны, чтобы освѣжить ихъ, требовалось воспроизвести такіе рисунки, которые или еще ни разу не появлялись въ свѣтъ или, по крайней мѣрѣ, еще очень мало извѣстны. Но еще труднѣе было добываніе ихъ. Поэтому я обязанъ особою признательностью всѣмъ тѣмъ, кто въ этой части моего труда помогъ мнѣ своею любезностью, либо въ видѣ сообщенія драгоцѣнныхъ фотографій, либо благосклоннымъ разрѣшеніемъ воспроизведенія изъ ихъ сочиненій произведеній искусства, открытыхъ или изслѣдованныхъ ими. Я считаю своимъ долгомъ принести въ этомъ двойномъ отношеніи благодарность гг. Babelon, Omont, Schlumberger, de Villefosse, монсеньору Duchesne, такъ обязательно доставившему мнѣ фотографіи миніатюръ и издѣлій изъ слоновой кости ватиканской библіотеки, маркизу de Vogüe, разрѣшившему мнѣ черпать необходимое изъ его прекрасной книги la Syrie centrale, а равно гг. Saladin и Ballu, P. Gaucler, директору собранія древностей Туниса, г. G. Millet, профессору школы высшихъ знаній, г. Laurent, профессору университета въ Нанси, и G. Clausse. И внѣ Франціи также сердечно отнеслись ко мнѣ: г. Venturi, профессоръ римскаго университета, гг. Кондаковъ, членъ Спбургской Академіи Наукъ, и Смирновъ; гг. Van Berchem въ Женевѣ, Pulgher въ Тріестѣ, Haseloff въ Берлинѣ, Graeven въ Гановерѣ, и такъ много сдѣлавшій для изученія византійскаго искусства г. Стржиговскій въ Грацѣ. Всѣмъ имъ я очень обязанъ и считаю своимъ долгомъ высказать это. Я заслужилъ бы упрекъ, если бы не

выразилъ благодарности гг. Alinari во Флоренціи и гг. Hachette et C-ie, въ Парижѣ, за разрѣшеніе воспроизвести многіе изъ ихъ фотографій и рисунковъ. Наконецъ въ лицѣ г. E. Leroux я нашелъ издателя, не пожалѣвшаго средствъ, чтобы снабдить эту книгу иллюстраціями, соотвѣтствующими тому предмету, которому она посвящена.

Такимъ образомъ въ этомъ сочиненіи, составляющемъ часть собранія, издаваемаго французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія подъ названіемъ Monuments de l'art byzantin, помѣщено нѣсколько рисунковъ, еще никогда не издававшихся или еще мало извѣстныхъ. Миніатюры изъ флорентійской сирійской Библіи впервые воспроизведены по фотографіямъ, сдѣланнымъ съ оригинала; ватиканскій Cosmas также далъ нѣсколько другихъ. На страницахъ этой книги на ряду съ невоспроизводившимся до сихъ поръ ватиканскимъ диптихомъ, помѣщены многія византійскія произведенія изъ слоновой кости, которыя можно было видѣть въ витринахъ несравненной исторической выставки, которую не могутъ забыть посѣтители Малаго Дворца. Замѣчательная каѳедра Максиміана, хранящаяся въ Равеннѣ, фигурируетъ во многихъ снимкахъ и наконецъ я имѣлъ счастье получить возможность, въ ожиданіи полнаго изданія описанія еще мало извѣстной базилики въ Паренцо, въ Истріи; дать изображеніе, рядомъ съ равеннскими мозаиками, мозаикъ этого прекраснаго памятника, нѣкоторыхъ частей роскошной мраморной отдѣлки,—почти единственной въ своемъ родѣ,—которою облицованъ его абсидъ и которая можетъ равняться по своему великолѣпію Святой Софіи.

Я буду очень счастливъ, если рисунками, а также и текстомъ, на мою скромную долю выпадетъ удача помочь большему знанію и болѣе справедливому суду надъ исторіею и византійскою цивилизаціею, относительно которой еще сохраняется столько предразсудковъ, и если я до нѣкоторой степени поспособствую исправленію той большой исторической несправедливости, жертвою которой въ теченіе столькихъ вѣковъ была Византія.

Золотой медальонъ Юстиніана: съ гипсоваго снимка въ Британскомъ Музеѣ, сдѣланнаго съ оригинала, прежде хранившагося въ Кабинетѣ Медалей.

ВВЕДЕНІЕ.

Источники для исторіи Юстиніана.

Царствованіе Юстиніана представляетъ несомнѣнно одинъ изъ періодовъ византійской исторіи, о которомъ имѣются самыя обильныя и разнообразныя свѣдѣнія. Историческіе источники греческаго, латинскаго и восточнаго происхожденія; источники дипломатическіе и юридическіе; источники литературные, — ни въ чемъ нѣтъ недостатка для ознакомленія съ этой столь важной эпохой греко-восточной имперіи. И если добавить, что большинство историковъ, лѣтописцевъ, полемистовъ и поэтовъ—современники событій, о которыхъ они сообщаютъ, что большое число дошедшихъ до насъ документовъ исходитъ отъ самого императора или отъ непосредственно окружавшихъ его лицъ, то исключительная цѣнность такихъ историческихъ источниковъ выступаетъ еще съ большею силою. Однако нѣкоторые изъ нихъ подвергались большому сомнѣнію и нерѣдко даже оспаривалась ихъ истинность, а потому становится совершенно необходимымъ указать въ началѣ нашей книги на какихъ именно авторитетахъ она основывается и какую цѣну слѣдуетъ придавать документамъ, которые послужили для нея матеріаломъ.

I.—Источники историческіе.

А.—Греческіе источники.

1. Историки и лѣтописцы.

Наиболѣе важный историкъ царствованія Юстиніана безспорно—Прокопій Кесарійскій [1]; но не менѣе безспорно и то, что онъ болѣе всѣхъ вызывалъ сомнѣнія и подвергался критикѣ. Три его сочиненія—восемь книгъ Войнъ, трактатъ О постройкахъ и Секретная Исторія—полны драгоцѣнныхъ свѣдѣній объ императорѣ и его времени, но въ нихъ встрѣчается столько явныхъ противорѣчій, обнаруживается столько внушающихъ сомнѣніе признаковъ пристрастія, нравственной, а подъ-часъ и умственной посредственности, что точное опредѣленіе и установленіе исторической цѣнности произведеній Прокопія является самою существенною и въ тоже вcovремя самою трудною задачею для разрѣшенія [2].

Сиріецъ по происхожденію, родившійся несомнѣнно въ концѣ V столѣтія,—Прокопій съ раннихъ лѣтъ состоялъ при Велизаріѣ въ качествѣ ассесора или совѣтника по юридической части. Въ этомъ званіи онъ сопровождалъ его въ Персидскихъ походахъ съ 527 по 531 года, затѣмъ послѣдовалъ за нимъ въ Африку въ 533 г., гдѣ провелъ сначала съ Велизаріемъ, а потомъ съ его преемникомъ, Соломономъ, три года. Наконецъ въ 536 г. онъ снова прибылъ къ Велизарію, находившемуся въ Сициліи, и участвовалъ съ нимъ въ его италіанскихъ походахъ, а въ концѣ 540 года воз-

1. Боннское изданіе Диндорфа въ его Byzantine, 3 т., 1833—38. Я цитирую по этому изданію. Кромѣ обѣщаннаго Тейбнеромъ изданія Haury, имѣется критическое изданіе *Comparetti* Готской войны въ 3-хъ томахъ (Fonti per la Storia d'Italia, 1895—1898 г.) и изданная Крашенинниковымъ, въ Юрьевѣ, въ 1899 г., Секретная Исторія.

2. Критическія изслѣдованія сочиненій Прокопія: *Dahn*, Procopius von Cäsarea, Berlin, 1865; *Haury*, I. Procopiana, Augsburg, 1892; II, Zur Beurteilung des Geschichtsschreibers Procopius von Cäsarea; München, 1896, *Brückner*, Zur Beurteilung Procopius von Cäsarea; Ansbach, 1896; *Панченко*, О тайной исторіи Прокопія (Виз. Врем., II, 24—57; 340—371; III, 96—117; 300—316, 461—527); *Krumbacher*, Gesch. d. byz Litt., 2-е изд., 230—237; *Bury*, Hist. of the later roman Empire, I, 359—364; *Ranke*, Weltgeschichte, IV. 2, 285—312; *Димитріу* въ Лѣтописи историко-филолог. общества при Новороссійскомъ университетѣ. Визант. отд., II (1894), 258—302, и примѣчаніе Бэри въ изд. Исторіи Гиббона, IV, 513—518

вратился вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ въ Константинополь. Въ послѣдующіе годы онъ, повидимому, проживалъ въ столицѣ; во всякомъ случаѣ онъ тамъ находился въ 542 году. Въ это самое время, между 543 и 545 годомъ, онъ началъ писать исторію войнъ Юстиніана. Тогда онъ былъ исполненъ энтузіазма къ предпринимаемому имъ труду. Онъ не желалъ, какъ онъ говоритъ въ своемъ предисловіи, чтобы эти сверхчеловѣческія событія были, за неимѣніемъ историка, осуждены на забвеніе [1]; онъ желалъ въ достойныхъ выраженіяхъ прославить подвиги, которые выше всего, даже самаго удивительнаго, что знала древность [2]; и, исполненный восхищенія предъ Велизаріемъ и даже предъ Юстиніаномъ, онъ разсказалъ въ семи книгахъ о войнахъ Персидскихъ, Африканскихъ и Италіянскихъ [3]. Есть основаніе думать, что въ 546 году онъ отправлялся еще разъ въ догонку за Велизаріемъ въ Италію [4]; во всякомъ случаѣ въ 550 году онъ выпустилъ семь первыхъ книгъ своей исторіи, ничего не измѣняя въ редакціи 545 года, но дополнивъ разсказъ нѣкорымъ количествомъ прибавленій [5]. Какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго, можно съ большою вѣроятностью предположить, что въ томъ же 550 году онъ написалъ также и С е к р е т н у ю И с т о р і ю. Во всякомъ случаѣ въ 554 году онъ добавилъ къ сочиненію О В о й н а х ъ восьмую книгу, составленную этотъ разъ не такъ какъ предыдущія, по географическому распредѣленію фактовъ, но излагая событія царствованія за годы 550 по 554 въ ихъ цѣломъ. Въ 560 году, по желанію императора, всегда очень заботившагося о своемъ прославленіи [6], онъ составилъ трактатъ О п о с т р о й к а х ъ, задуманный имъ еще въ 545 [7] году и содержавшій, кромѣ перечисленія сооруженій церковныхъ, гражданскихъ и военныхъ этого царствованія, еще самый безусловный и самый плоскій панегирикъ Юстиніану. Возможно, что Прокопій былъ награжденъ за этотъ трудъ назначеніемъ на высокій постъ городскаго префекта [8]. Во всякомъ случаѣ онъ имѣлъ титулъ i l l u s t r i s и какой то Прокопій въ 562 году носилъ титулъ городского префекта.

1. B. P., 10.

2. Id., 11–12.

3. *Haury*, I, 3–8; II, 37–38.

4. Id., I, 8–9.

5. Id., 6.

6. *Lyd.*, 221–222. Также точно по желанію императора Павелъ Силенціарій въ 562 году составилъ панегирикъ царствованія въ видѣ О п и с а н і я с в. С о ф і и.

7. B. P., 209. *Haury*, I, 28. Относительно времени, id., 27–28.

8. *Haury*, I, 34–35.

И такъ обстоятельства жизни и характеръ Прокопія дали ему возможность быть хорошо освѣдомленымъ на счетъ главныхъ событій царствованія и его современникъ Агаѳій могъ о немъ по справедливости сказать, «что онъ разсказалъ съ большою точностью большинство фактовъ, случившихся въ царствованіе Юстиніана» [1]. Его Исторія войнъ въ дѣйствительности значительно переходитъ за тѣсный кругъ военныхъ событій, а трактатъ О постройкахъ является неисчерпаемымъ источникомъ географическихъ, топографическихъ и экономическихъ свѣдѣній. Но, будучи такъ хорошо поставленъ для выполненія фактической стороны своего труда, обладалъ ли Прокопій тѣми умственными и нравственными качествами, которые соотвѣтствовали бы его задачѣ? Эти качества не рѣдко подвергались сомнѣнію и притомъ съ нѣсколько излишней несправедливостью. Прокопій былъ историкъ добросовѣстный, «который зналъ, говоритъ Агаѳій, неимовѣрно много предметовъ и такъ сказать перерылъ всю исторію» [2]; повидимому, онъ внимательно изучилъ собранные имъ источники и встрѣчающееся иногда его разногласіе съ другими лѣтописцами отнюдь не можетъ быть поводомъ недовѣрять ему [3]. Онъ интересовался неизданными свѣдѣніями, заботился о томъ чтобы представить своимъ читателямъ событія и людей, въ которыхъ они участвовали, «дабы, говоритъ онъ, они не походили на людей, которые сражаются съ тѣнями [4]», и онъ съ удовольствіемъ увеличивалъ съ этою цѣлью количество географичексихъ и этнографическихъ описаній, представляющихъ для насъ очень большую цѣнность. Вообще, будучи хорошо освѣдомленнымъ, онъ въ то же время питаетъ достаточную любовь къ истинѣ и безспорно обнаруживаетъ безпристрастіе [5]. Несомнѣнно, что въ книгѣ О войнахъ онъ не все сказалъ: во времена Юстиніана и Ѳеодоры нельзя было безнаказанно говорить все [6]. Но не трудно прочесть между строкъ строгую критику, на которую онъ не скупится по отношенію къ политикѣ и управленію императора, и надо было имѣть нѣкоторое мужество, чтобы написать, какъ онъ это сдѣлалъ, что одно должностное лицо было назначено на важный постъ «единственно лишь потому, что оно было самымъ жестокимъ изъ людей и наиболѣе способнымъ до-

1. *Agath.*, 11.
2. Id., 264.
3. *Haury*, II, 20–27
4. B., G., 462.
5. B., P. 10–11.
6. Hist. arc., 10–11.

бывать деньги неправыми путями» [1]. Безъ сомнѣнія, чтобы смягчить рѣзкость своихъ сужденій, онъ зачастую съ искусною осторожностью влагалъ ихъ въ уста враговъ императора. Но понимающій читатель легко можетъ прочесть между строкъ сущность дѣла. Наоборотъ: его сильно упрекали въ чрезмѣрной снисходительности къ Велизарію; между тѣмъ нѣтъ основаній думать, чтобы онъ когда либо искажалъ факты изъ симпатіи къ генералу и тамъ, гдѣ это было умѣстно, онъ судитъ его строго, даже сурово [2]. Наконецъ было бы ребячествомъ думать, что, такъ какъ онъ склоненъ подражать въ своемъ разсказѣ Геродоту и Ѳукидиду, то для большаго сходства съ своими образцами онъ выдумывалъ событія и создавалъ положенія [3]. Несомнѣнно, что въ его трудѣ встрѣчается много рѣчей, по образцу Ѳукидида, которыя никогда не были произнесены; въ нихъ надо искать, какъ и у Ѳукидида, впечатлѣніе, которое историкъ испытывалъ отъ событій. Но самая точность разсказа отъ этого нисколько не терпѣла.

Можно ли, однако, безусловно положиться на все, о чемъ сообщаетъ Прокопій? Изученіе его характера и его политическихъ чувствъ, какъ это такъ тщательно сдѣлано Даномъ, показываетъ чего недоставало Прокопію, чтобы быть непогрѣшимымъ историкомъ. Прежде всего на его сужденія должны были неизбѣжно вліять его политическіе взгляды: консерваторъ и аристократъ, онъ имѣлъ мало склонности къ новшествамъ; крайній патріотъ, онъ глубоко чувствовалъ все, что ему казалось униженіемъ имперіи предъ варварскимъ міромъ; наконецъ, какъ бы мало онъ не былъ приверженъ къ павшей династіи Анастасія, все же онъ чувствовалъ антипатію ко всему дѣлу Юстиніана. Будучи скептикомъ или безразличнымъ въ вопросахъ религіи и убѣжденный, что теченіе событій управляется роковыми силами, онъ былъ при этомъ крайне суевѣренъ, вѣруя довольно ребячески въ предсказанія, въ гаданія, словомъ въ чудесное. Къ тому-же онъ не обладалъ сильнымъ характеромъ. Хотя и говорятъ, что лесть, которую онъ расточаетъ Юстиніану въ трактатѣ О постройкахъ, въ своихъ преувеличеніяхъ заключаетъ скрытую иронію [4]; но каковы бы не были по-

1. B. P., 217—218. Ср. *Haury*, I, 24—26.

2. *Haury*, II, 27—32, 39—40, и B. G., 427.

3. *Haury*, II, 3—10.

4. Id., I, 31—32; *Bury*, примѣч. къ Гиббону, IV, 515.

бужденія, внушившія Прокопію этотъ панегирикъ, надо признаться, что его пошлость нѣсколько чрезмѣрна. И какъ бы не были остроумны доводы, при помощи которыхъ пытались объяснить его измѣнчивыя сужденія о Юстиніанѣ и Велизаріѣ[1], надо сознаться, что эти перемѣны тѣмъ не менѣе возбуждаютъ нѣкоторыя сомнѣнія и выставляютъ въ прискорбномъ свѣтѣ совѣсть писателя. Однакожъ, хотя бы и съ такими оговорками, книга О Войнѣ заслуживаетъ въ общемъ безусловнаго довѣрія; трактатъ О Постройкахъ, не смотря на избытокъ лести, сохраняетъ большую документальную цѣну. Такимъ образомъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, Прокопій является предъ нами натурой впечатлительной, склонной къ преувеличеніямъ, способной переходить безъ зазрѣнія совѣсти отъ крайностей похвалы къ крайностямъ порицанія, сомнительной нравственности, умомъ недовольно огражденнымъ отъ суевѣрій и сплетень,—а это не маловажно для разрѣшенія трудной задачи опредѣленія достоинствъ Секретной Исторіи.

Одинъ писатель X вѣка, Свида, сообщаетъ, что Прокопій составилъ, подъ названіемъ Anecdota, продолженіе къ своей исторіи Войнъ, «содержащее критику и сатиру на Юстиніана и Ѳеодору, на Велизарія и его жену»[2]. Это произведеніе, открытое въ 1623 году Алеманни въ ватиканской библіотекѣ, подало поводъ съ тѣхъ поръ къ нескончаемымъ спорамъ. Возникалъ вопросъ дѣйствительно ли это произведеніе Прокопія или оно подложное? Въ особенности юристы сильно оспаривали подлинность скандальной хроники, которая представляла въ такомъ дурномъ свѣтѣ великаго императора-законодателя. Въ этомъ сочиненіи хотѣли видѣть,—и еще совсѣмъ недавно[3],—политическій памфлетъ, составленный изъ нѣсколькихъ кусковъ, можетъ быть и сочиненный по замѣткамъ Прокопія, но принявшій въ кругахъ антидинастической оппозиціи тенденцію явно враждебную тогдашнему правленію. Въ нападкахъ, направленныхъ на Велизарія, искали внушеній Нарзеса, который дѣйствительно страннымъ образомъ пощаженъ въ Секретной Исторіи. Однакожъ, вопреки этимъ гипотезамъ, повидимому достовѣрно, что Anecdota принадлежатъ всетаки Прокопію. Данъ очень ясно доказалъ сходство стиля и мысли, существующее

1. *Haury*, II, 37—41, 42—44.

2. *Suidas*, s. v. Προκόπιος. Ср. относительно XIV вѣка *Niceph. Call.*, Hist. eccl. XVII, 10.

3. *Ranke*, Weltgesch., IV, 2, стр. 300 и сл.—*Димитріу*, l. c. cit.

между безспорными произведеніями Прокопія и *Секретной Исторіей*; онъ показалъ, что противорѣчія въ подробностяхъ, которыя можно замѣтить между этиму двумя книгами, несущественны; а весьма убѣдительное доказательство, приведенное Haury, относительно времени, когда *Anecdota* были написаны, окончательно, по моему мнѣнію, сдѣлало неоспоримой принадлежность этого памфлета Прокопію.

Долгое время думали, что составленіе *Секретной Исторіи* слѣдуетъ относить къ 559 году и глубоко возмущались, видя одного и того же человѣка сочиняющимъ, почти одновременно, эту скандальную хронику и панегирикъ *О постройкахъ*. Нынѣ достовѣрно извѣстно, что книга эта была написана въ 550 году въ то самое время, когда Прокопій обнародовалъ семь книгъ *Войнъ* [1]. А извѣстно въ какомъ состояніи духа былъ тогда Прокопій, какъ его патріотизмъ, жестоко оскорбленный разочарованіемъ, постигшимъ его большія надежды, съ каждымъ днемъ все болѣе возмущался неудачами Велизарія, нерадѣніемъ Юстиніана и авторъ съ отчаяніемъ видѣлъ имперію на краю гибели [2]. Понятно, что онъ пытался выяснить причины такой плачевной неудачи, высказать въ секретныхъ мемуарахъ то, что страхъ помѣшалъ ему помѣстить въ книгѣ, которую онъ издавалъ [3]; понятно, что онъ при этомъ излилъ въ памфлетѣ все свое раздраженіе, все разочарованіе, всѣ свои страсти, всю ненависть. Онъ не прощалъ Велизарію, что послѣдній обманулъ великія надежды, какія онъ на него возлагалъ, и смѣшалъ его съ грязью. Онъ никогда не питалъ особой любви къ Юстиніану и его правленію и сдѣлалъ его всецѣло отвѣтственнымъ за всѣ бѣды имперіи. Если бы при томъ было доказано, что въ этотъ моментъ Прокопій жилъ въ отдаленіи отъ столицы [4], то стало бы еще понятнѣе какимъ образомъ онъ, безъ критики, передалъ всѣ сплетни, которыя ходили по имперіи на счетъ Θеодоры или Антонины. Наконецъ, онъ былъ риторъ, склонный преувеличивать вещи для надобностей своей задачи. Изъ всего этого и родилась **Секретная Исторія**.

Но если этимъ путемъ возможно объяснить происхожденіе книги, то необходимо еще разсмотрѣть на сколько историкъ

1. *Haury*, I, 9—21.
2. Id., II, 37—41.
3. Hist. arc., 10 и 96. Ср. *Haury*, I. 23—24.
4. *Haury*, II—214. 4.

можетъ полагаться на нее. Было бы нелѣпостью слѣпо принимать все, что передаютъ Anecdota: надо очень принимать въ соображеніе горечь, которая наполняетъ душу автора и заставляетъ видѣть въ наихудшемъ свѣтѣ самые безразличные факты; надо принять въ разсчетъ его легковѣріе въ отношеніи всего, въ особенности наиболѣе скандальнаго, о чемъ онъ сообщаетъ, какъ только это можетъ послужить для его доказательствъ, и явныя преувеличенія, къ которымъ его увлекало раздраженіе; а также смѣшную и до ребячества нелѣпую страсть во что бы то ни стало дѣлать Юстиніана отвѣтственнымъ за все. Есть въ этомъ памфлетѣ явная ложь и чистѣйшія глупости, и однако же нельзя сказать, чтобы въ немъ совершенно не было правды. Слишкомъ удобно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и невозможно, какъ огульно довѣрять Секретной Исторіи, такъ и отбросить ее. Внимательное изученіе, путемъ сравненія современныхъ свидѣтельствъ, показало, что въ томъ, что касается политики и управленія въ царствованіе Юстиніана, въ Anecdota не все вымышлено [1]. Въ другихъ сочиненіяхъ — и даже въ Войнахъ — можно найти подтвержденіе тому, что Прокопій сообщаетъ о крайней алчности и постоянной нуждѣ въ деньгахъ императора, о жестокости финансоваго управленія, о разореніи провинцій, о чрезмѣрныхъ расходахъ, производившихся для удовлетворенія роскоши сооруженій и требованій варваровъ. Только эти безспорные факты преувеличены въ Секретной Исторіи и доведены до крайности; отдѣльное происшествіе, единичный случай, Прокопій возводитъ въ общую практику и изъ него выводитъ самый принципъ управленія [2]. Онъ постоянно преувеличиваетъ и такимъ образомъ изъ дѣйствительныхъ фактовъ онъ ухитряется вывести самыя ложныя заключенія. Само собою разумѣется, что въ отношеніи лицъ его оцѣнка еще болѣе сомнительна; онъ приписываетъ Юстиніану множество вещей, за которыя императоръ никоимъ образомъ не могъ считаться отвѣтственнымъ, или о которыхъ, по свидѣтельству Лида, онъ зачастую ничего даже не зналъ. Въ своемъ желаніи все порицать, Прокопій ставитъ ему въ вину мѣры, достойныя всяческой похвалы; онъ перетолковываетъ въ худомъ смыслѣ, и притомъ очень глупо, дѣй-

1. *Панченко*, О тайной исторіи Прокопія (Виз. Врем., loc. cit.).

2. Уже Гиббонъ ясно понималъ это. «Прокопій, говоритъ онъ, легко выдаетъ одинъ случай несправедливости за общее правило тридцати-восьми-лѣтняго царствованія». (Изд. Бэри, IV, 236).

ствія отнюдь не заслуживающія порицанія или легко допускающія иныя объясненія. Онъ принимаетъ лакейскія сплетни, восхищавшія столичныхъ зѣвакъ, и часто — какъ увидимъ — самъ становится недостойнымъ всякаго довѣрія. Но если онъ преувеличиваетъ до эпическихъ размѣровъ скандальныя приключенія отдѣльныхъ лицъ, то и въ этомъ случаѣ, такъ же какъ и въ политической части памфлета, умѣстно предположеніе, что въ основѣ разсказа лежитъ незначительное, болѣе простое, но реальное, происшествіе. Распознать эту часть истины часто трудно; но эта трудность не даетъ права пренебрегать свидѣтельствомъ Секретной Исторіи.

Слѣдуетъ-ли заодно съ Haury предполагать, что Прокопій самъ почувствовалъ преувеличенія своего памфлета и что, измѣнивъ въ 553—554 годахъ свои чувства, онъ сожалѣлъ, что написалъ Anecdota, что въ предисловіи къ своей послѣдней книгѣ Войнъ онъ пытался отвергнуть свое авторство и что трактатъ О постройкахъ былъ формальнымъ отреченіемъ его отъ своей скандалезной хроники? [1]. Это — остроумныя гипотезы, которыя ничѣмъ не подтверждаются. Впрочемъ, вовсе не важны выводы, которые можно извлечь изъ этихъ фактовъ и этихъ противорѣчій относительно моральныхъ качествъ самого Прокопія; важна только объективная цѣнность, которую слѣдуетъ придавать Исторіямъ, и въ этомъ отношеніи несомнѣнно, что, если историкъ въ нихъ сказалъ не все, то по крайней мѣрѣ онъ ничего не сказалъ такого, что не слѣдовало бы считать точнымъ и правдивымъ. Нужно даже придавать нѣкоторую вѣру и другимъ двумъ сочиненіямъ Прокопія, не смотря на ихъ недостатки, заключающіяся въ противорѣчіяхъ. Безъ книгъ Прокопія было бы, собственно говоря, невозможно написать исторію царствованія Юстиніана, и можно пожалѣть, что онъ не имѣлъ времени для составленія труда о религіозныхъ дѣлахъ своего времени, какъ онъ это повидимому намѣревался сдѣлать [2].

Важность сочиненій Прокопія, безконечные споры, къ которымъ онѣ подали поводъ, обязывали насъ нѣсколько остановиться на обсужденіи цѣнности его разсказа. Относительно другихъ источниковъ, изъ коихъ можно почерпнуть данныя для исторіи того времени, мы ограничимся болѣе краткимъ перечисленіемъ ихъ. Прежде всего надлежитъ на-

1. *Haury*, II, 42—46. 2. *Haury*, I, 26—27.

звать двухъ писателей, поставившихъ себѣ задачей быть продолжателями Прокопія. Одинъ изъ нихъ, Агаѳій [1], получившій по своей профессіи адвоката прозваніе Scholasticos, написалъ послѣ смерти Юстиніана сочиненіе въ пяти книгахъ περὶ τῆς Ἰουστινιανοῦ βασιλείας, составляющее точное продолженіе Войнъ Прокопія [2]; оно содержитъ разсказъ о событіяхъ, въ особенноси военныхъ, съ 552 по 558 г. Трудъ этотъ остался неоконченнымъ; Агаѳій намѣревался продолжить его далѣе 558 года, но онъ умеръ довольно молодымъ, въ 582 году, 46 лѣтъ отъ роду. Какъ справедливо замѣтилъ Гиббонъ [3], въ то время, какъ въ Прокопіѣ мы встрѣчаемъ государственнаго человѣка и солдата, въ Агаѳіѣ мы имѣемъ дѣло только съ риторомъ и поэтомъ. Агаѳій началъ литературное поприще съ сочиненія стиховъ, о которыхъ намъ придется еще говорить; это отозвалось и на его исторіи. Не только стиль у него претенціозенъ и вычуренъ, но онъ предается разглагольствованіямъ и безконечно растягиваетъ разсказъ. Кромѣ того, онъ не обладаетъ основательною освѣдомленностью Прокопія; повидимому, онъ пользовался въ качествѣ источниковъ обыкновенно изустными свидѣтельствами; сверхъ того онъ поручилъ одному другу перевести себѣ отрывки изъ персидскихъ хроникъ [4]. Тѣмъ не менѣе его разсказъ цѣненъ. Въ предисловіи [5] онъ пространно объясняетъ, какъ онъ понимаетъ обязанности историка: «непозволительно, говоритъ онъ, насиловать исторію», и заявляетъ, что его постоянною заботой будетъ говорить, насколько это отъ него будетъ зависѣть, правду. Такъ какъ Юстиніанъ умеръ въ то время, какъ онъ писалъ, то онъ могъ правдиво говорить о царствованіи, послѣднее десятилѣтіе котораго онъ имѣлъ возможность знать хорошо и, благодаря этому, его свидѣтельство чрезвычайно интересно. Агаѳій, въ свою очередь, имѣлъ своимъ продолжателемъ и подражателемъ Менандра [6], прозваннаго Protector, потому что онъ служилъ въ гвардіи императора Маврикія. Послѣ безпокойной юности, онъ возымѣлъ мысль стать историкомъ и написалъ сочиненіе, въ которомъ изложилъ событія съ 558 по 582 годъ. Отъ него сохранились важные отрывки,

1. Боннское изд. Byzantine, по которому я цитирую; изд. Dindorf (Hist. gr. min., т. II, Teubner, 1871).

2. *Agath.*, II, 14. Ср. 105, 237.

3. *Изд. Bury*, IV, 420.

4. *Agath.*, 273.

5. Id., 9—11.

6. Боннское изд. Byzantine, по которому я цитирую; изд. Dindorf (Hist. gr. min., II, Teubner, 1871).

которые, по обилію географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, «составляютъ, по словамъ одного авторитетнаго писателя, одинъ изъ важнѣйшихъ историческихъ источниковъ VI вѣка» [1].

Извлеченія изъ Менандра сохранились въ большой исторической компиляціи, составленной въ X вѣкѣ по приказанію Константина Порфиророднаго. Тому же императору мы обязаны знакомствомъ съ отрывками изъ труда патриція Петра, который былъ въ царствованіе Юстиніана начальникомъ службъ и однимъ изъ наиболѣе вліятельнымъ совѣтниковъ государя [2]. Близко причастный къ государственнымъ дѣламъ, дипломатъ, на котораго возлагались важныя порученія, жившій въ интимномъ кругу дворца, и вдобавокъ человѣкъ весьма выдающійся, Петръ имѣлъ положеніе и качества, необходимыя для того, чтобы оставить намъ чрезвычайно интересныя сочиненія. Мы не будемъ говорить объ обширномъ трудѣ, въ которомъ онъ излагаетъ исторію римской имперіи со второго тріумвирата до времени Юліана; но онъ написалъ подъ заглавіемъ *περὶ πολιτικῆς καταστάσεως*, трактатъ о церемоніалѣ, значительныя части котораго перешли въ книгу О Церемоніяхъ Константина VII [3] и который даетъ любопытныя свѣдѣнія о византійской придворной жизни и этикетѣ VI вѣка. Сверхъ того Менандръ сообщаетъ объ оффиціальныхъ донесеніяхъ, сдѣланныхъ Петромъ о своихъ посольствахъ въ Персію [4], при чемъ отрывки изъ нихъ, повидимому, онъ включалъ въ свой собственный разсказъ [5].

Другой дипломатъ Юстиніана, Нонозосъ [6], также написалъ книгу о своихъ посольскихъ путешествіяхъ. Сохранился разборъ ея, сдѣланный патріархомъ Фотіемъ, къ несчастію слишкомъ краткій, который заставляетъ очень сожалѣть объ утратѣ чрезвычайно цѣннаго труда для изученія переговоровъ, веденныхъ Византіей съ арабами Іемена и съ государями ефіопской имперіи Аксума.

Ничего не сохранилось изъ сочиненія, утрата котораго крайне прискорбна, въ которомъ Исихій Милетскій разсказывалъ о царствованіи Юстина I и о первыхъ годахъ пра-

1. *Krumbacher*, loc. cit., 244.

2. Бонское изд. Byzantine.

3. I, гл. 84—85 и весьма вѣроятно 86—95.

4. *Men.*, 428—429.

5. Id., 346 и сл., 365 и сл.

6. Бонское изд. Byzantine; изд. Dindorf (Hist. gr. min., т. I, Taubner. 1871).

вленія Юстиніана; остался лишь очень небольшой отрывокъ сочиненія, въ которомъ Θеофанъ Византійскій изложилъ, можетъ быть въ качествѣ введенія въ свою исторію 566—581 годовъ, событія царствованія Юстиніана [1]. Но важными свѣдѣніями насъ снабжаетъ Церковная Исторія Евагрія [2]. Сиріецъ родомъ, Евагрій провелъ въ Антіохіи, въ качествѣ адвоката, большую часть своей жизни; онъ оставилъ исторію Церкви, обнимающую года съ 431 по 593. Эта Исторія имѣетъ большое значеніе не только для изученія религіозныхъ споровъ V и VI вѣка, но также для свѣтской исторіи, которой Евагрій часто касался. Для насъ важна лишь 4-ая книга его труда, гдѣ онъ излагаетъ царствованія Юстина I и Юстиніана; въ ней авторъ много пользовался Прокопіемъ и хроникой Малалы; но сверхъ того онъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія и въ особенности по Антіохійской области. Не смотря на нѣкоторое пристрастіе, вообще онъ точенъ, хорошо освѣдомленъ, а стараніе, которое онъ приложилъ къ выбору и изслѣдованію источниковъ, служитъ ручательствомъ его правдивости, даже въ томъ случаѣ, когда онъ пользовался документами, нынѣ утраченными.

Таковы, собственно говоря, историки царствованія Юстіанина,—современные эпохѣ, о которой они повѣствовали. Нѣсколько лѣтописей, современныхъ или позднѣйшихъ, въ равной мѣрѣ заслуживаютъ быть принятыми въ соображеніе. Самая древняя и самая важная изъ нихъ принадлежитъ Іоану Малала [3] или ритору, антіохійскому сирійцу, который составилъ въ VI вѣкѣ всемірную исторію доходящую, въ единственной, хранящейся въ настоящее время въ Оксфордѣ рукописи, до 563 года. Она представляетъ замѣчательный примѣръ того, чѣмъ была въ Византіи монастырская и народная лѣтопись, писанная для массъ, гдѣ все поставленно на одинъ планъ, важныя событія и незначительныя происшествія, гдѣ анекдоты, портреты, замѣчательныя явленія природы и легенды занимаютъ важное и несоотвѣтственное имъ мѣсто. По отношенію къ нашему труду—имѣютъ значеніе лишь XVII книга, повѣствующая о царствованіи Юстина I, и въ особенности книга XVIII, въ

1. Бонниск. изд. Byzantine, стр. 48;
2. Изд. Patr. grecque, т. 86; изд. Bidez et Parmentier, Лондонъ, 1898 г.
3. Бонниское изд. Byzantine; важные отрывки изъ него помѣщены у *Моммзена*, Johannes von Antiochia und Mallalas (Hermes, VI, 17 и слѣд.).

которой излагается царствованіе Юстиніана. Нѣтъ надобности доискиваться было ли эта послѣдняя книга,—въ которой Антіохія перестаетъ быть центромъ дѣйствія и замѣняется Константинополемъ,—добавлена самимъ Малалой къ первому изданію его лѣтописи или она была написана другимъ авторомъ: во всякомъ случаѣ это источникъ современный и представляетъ для эпохи Юстиніана, не смотря на свои слабыя стороны, первенствующее значеніе; изложеніе персидскихъ войнъ въ немъ должно въ особенности привлечь вниманіе. Къ сожалѣнію Малала, который пользуется въ восточномъ мірѣ чрезвычайной славой и которому въ теченіе шести вѣковъ подражали всѣ лѣтописцы, дошелъ до насъ лишь въ сокращенномъ видѣ. Есть, однако, возможность, благодаря сохранившимся въ различныхъ рукописяхъ извлеченіямъ изъ оригинала и отрывкамъ, дословно списаннымъ позднѣйшими лѣтописцами, а также существующимъ славянскимъ переводамъ, возстановить первоначальный текстъ. Критическое изданіе Малала, основанное на послѣднихъ изысканіяхъ, было бы крайне нужно; но таковаго еще нѣтъ [1].

Надо различать отъ Іоанна Малала—хотя его часто съ нимъ смѣшивали—другого лѣтописца, Іоанна Антіохійскаго [2], который жилъ, какъ кажется, въ VII вѣкѣ. Его всемірная исторія, повидимому предназначавшаяся для замѣны исторіи Малала и составленная съ большимъ тщаніемъ и на основаніи болѣе внимательнаго изученія источниковъ, начиналась съ сотворенія міра и доходила до смерти Фоки (610 г.). До насъ дошли только отрывки ея [3]. Равнымъ образомъ къ VII столѣтію относится Пасхаліева лѣтопись [4], которая тянется отъ начала міра до 629 года. Написанная въ Кон-

1. Ср. *Krumbacher*, loc. cit., 325—334; *Bury* въ изд. Гиббона, IV, 518—520; *Sotiriadis*, Zur Kritik des Johannes von Antiochia (Jahrb. f. class. Phil., Suppl., XVI, 1888 г.); изслѣдованія *Патцига* и статьи *Gleye*, Zur Johannes Frage (Byz. Zt., 1896, 422—464) и *Haury* (ibid., 1900, 359—360), который отождествляетъ Малала съ патріархомъ Іоанномъ Схоластикомъ. См. также *Mommsen*, Johannes von Antiochia und Malalas (Hermès, VI, 323—383).

2. Изд. Müller, Fragm. hist. graec., тт. IV и V.

3. *Krumbacher*, loc. cit., 334—337; *Patzig*, Johannes Antiochenus und Johannes Malalas, Leipzig, 1892, и цитированная статья *Gleye* (Byz. Zt., 1896, 422). Здѣсь можно познакомиться съ трудной задачей отнесенія къ разнымъ датамъ собранія извлеченій, помѣщенныхъ подъ именемъ Іоанна Антіохійскаго въ компиляціи Константина VII, De virtutibus и De insidiis и въ рукописи [illegible] (Par. 1761).

4. Боннское изд. Byzantine

стантинополѣ, она содержитъ интересныя свѣдѣнія о столичныхъ происшествіяхъ во времена Юстиніана, въ частности же разсказъ о мятежѣ Ника. Наконецъ полезныя свѣдѣнія можно извлечь изъ лѣтописи Ѳеофана [1] (IX вѣка), которая, хотя и слѣдуетъ обыкновенно Малалѣ и Прокопію, тѣмъ не менѣе относительно волненій партій въ Византіи содержитъ новые факты, вродѣ того, почерпнутаго изъ одного архивнаго протокола, діалога, который происходилъ въ циркѣ, наканунѣ возстанія Ника, между Зелеными и императоромъ [2]. Наконецъ слѣдуетъ ознакомиться съ лѣтописями Кедрина [3] и Зонары [4] (начало XII в.), которые оба имѣли въ рукахъ, для періода, продолжающагося съ 457 по 565 годъ, неизвѣстный и нынѣ утраченный, но повидимому превосходный источникъ [5], и это придаетъ части XIV книги Зонары совершенно особую цѣнность.

2. *Источники агіографическіе, географическіе, военные и административные.*

Для исторіи религіознаго движенія въ эпоху Юстиніана многое слѣдуетъ заимствовать изъ писаній великаго агіографа VI вѣка Кирилла Скиѳопольйскаго, въ особенности изъ написаннаго имъ житія св. Саввы, знаменитаго палестинскаго пустынника [6]. Имѣются также жизнеописанія другихъ монаховъ или епископовъ VI вѣка, частью написанныя современниками [7], частью, напримѣръ житіе св. Симеона Младшаго [8], подвергшіяся позднѣйшимъ передѣлкамъ [9]. О монастырской и аскетической жизни того времени многое можно почерпнуть изъ Λειμών или Νέος παράδεισος (Pratum spirituale), въ которомъ монахъ Іоаннъ Мосхъ [10], жившій въ концѣ VI вѣка, собралъ благочестивыя сказанія, слышанныя имъ во время своихъ странствій по знаменитѣйшимъ мона-

1. Изд. Boor, 2 т. Teubner, 1880.

2. Изд. Boor, 181—184.

3. Изд. Боннское.

4. Изд. Бон., т. III, 1897, и изд. Dindorf'a, 6 т., Teubner, 1868—1875.

5. *Krumbacher*, loc. cit., 373.

6. Ed. *Cotelarius*, Eccl. graec. monumenta, т. III, Paris, 1686.

7. Житія Досиоса († около 530 г.), Acta SS. Fevr. 3, 382—84; Ѳеофила Аданскаго († 538) Acta SS. Fevr. 1, 483; Мароы, племянницы Симеона младшаго († 551). Acta SS. Mai, 5, 403—431.

8. Patr. gr. 86. Отрывки жизнеописанія болѣе древняго у *Пападопулосъ Керамеусъ*, Συμεὼν ὁ Θαυμαστορείτης (Виз. Времен., I, 145, 601).

9. Ср. *Krumbacher*, loc. cit., 144—145.

10. Patr. gr., 87.

стырямъ Востока. Равнымъ образомъ существуютъ современныя біографіи константинопольскихъ патріарховъ Мены и Евтихія [1].

Относительно административной географіи имперіи надлежитъ обратиться къ важному трактату Гіерокла [2], Συνέκδημος, который изображаетъ политическое состояніе имперіи незадолго до 535 года. По общей географіи и распространенію торговыхъ сношеній Византіи высокій интересъ представляетъ Христіанская Топографія [3], трудъ Козмы, прозваннаго, за его дальнія путешествія, Indicopleustès. Уроженецъ Александріи, Козма, побывавъ въ качествѣ коммерсанта въ Аравіи, восточной Африкѣ и Индіи, удалился затѣмъ въ одинъ Синайскій монастырь, гдѣ и написалъ около 545—547 г. свою книгу [4]. Здѣсь не мѣсто останавливаться на претендующихъ на научность теоріяхъ, главнымъ объектомъ которыхъ служитъ эта книга; для насъ болѣе важны тѣ свѣдѣнія, которыя даетъ Козьма о томъ, что видѣлъ [5] или слышалъ во время своихъ путешествій. Тутъ имѣются любопытныя сообщенія о торговыхъ сношеніяхъ имперіи съ Египтомъ, Ѳіопіей, Индіей и Китаемъ; живописныя и занимательныя подробности, касающіяся нравовъ и произведеній экзотическихъ странъ, которыя посѣтилъ этотъ торговецъ. Все это разсказано яснымъ и легкимъ языкомъ, къ которому византійскіе просвѣщенные люди высказывали презрѣніе, но который чрезвычайно привлекателенъ.

Для военной исторіи царствованія драгоцѣнныя указанія о составѣ, тактикѣ и вооруженіи византійскихъ войскъ имѣются въ анонимномъ трактатѣ VI вѣка озаглавленномъ περὶ στρατηγικῆς, къ которому можно присоединить небольшое сочиненіе о стрѣльбѣ изъ лука περὶ τοξείας [6]. Для исторіи сооруженій Юстиніана или скорѣе для легендъ, которыя позднѣе связало съ ними народное воображеніе, можно многое почерпнуть изъ сборника Πάτρια [7], написаннаго въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка, который долгое время произвольно приписывали какому то, совершенно неизвѣстному

1. Acta SS., Aug., 5, 169; Patr. gr., 86.

2. Ed. *Burkhardt*, Teubner, 1893.

3. Patr. gr., 88, ср. *Gelzer*, Kosmas der Indienfahrer (Jahrb. f. protest. Theol., 1883, 105—141).

4. VI, стр. 321. Ср. стр. 435—437

5. II, стр. 87.

6. Изд. *Köchly und Rüstow*, Griech. Kriegsschriftsteller, t. II, 2 Abt., Leipzig, 1855.

7. Боннское изд. Byzantine.

Кодину. Слѣдуетъ въ особенности отмѣтить трактатъ περὶ ἀγαλμάτων (de Signis), περὶ κτισμάτων (de Aedificiis) и περὶ τῆς οἰκοδομῆς τῆς ἁγίας Σοφίας. Пользоваться этими сочиненіями нужно съ большою осмотрительностью, но совершенно не принимать ихъ въ соображеніе нельзя, такъ какъ источники, изъ которыхъ почерпнуты сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія, часто имѣютъ большую цѣну, тѣмъ болѣе, что документы подобнаго рода чрезвычайно рѣдки [1]. Наиболѣе интересный трудъ изъ того, что мы имѣемъ по административной исторіи царствованія Юстиніана, на ряду съ Прокопіемъ, это—конечно трактатъ О магистратурахъ, составленный въ VI вѣкѣ Іоанномъ Лаврентіемъ Лидійцемъ [2] (Іоанномъ Лидомъ). Это былъ чиновникъ префектуры преторія, довольно свѣдущій и занимавшійся составленіемъ сочиненій, что было достаточно для того, чтобы императоръ поручилъ ему составить панегирикъ въ его честь [3]. Онъ — тоже принадлежитъ къ недовольнымъ и не прощаетъ нѣкоторымъ изъ своихъ начальниковъ, напримѣръ знаменитому префекту Іоанну Каппадокійскому, внесенныхъ ими въ службу нововведеній; но его еще болѣе раздражаетъ то, какъ онъ былъ уволенъ администраціей [4]. Однако онъ близко видѣлъ вещи и людей и его книга, которую нельзя заподозрить въ неріязненномъ отношеніи къ Юстиніану, представляетъ полезное дополненіе къ Секретной Исторіи Прокопія. На мой взглядъ, до сихъ поръ ею недостаточно пользовались, а между тѣмъ изъ нея можно многое извлечь для пониманія трудной исторіи внутренняго управленія Юстиніана.

Надо наконецъ упомянуть и о знаменитой Жизни Юстиніана, приписываемой нѣкоему Өеофилу, который будто-бы былъ наставникомъ императора. Аллемани сдѣлалъ очень много позаимствованій изъ нея въ своемъ комментаріи къ Секретной исторіи, и на этомъ сочиненіи основываются всѣ общепринятые до послѣдняго времени разсказы о славянскомъ происхожденіи Юстиніана. Брайсъ доказалъ, что рукопись, цитируемая Алеманни, не что иное какъ сдѣланное въ XVII вѣкѣ однимъ далматскимъ священникомъ, Иваномъ Марнавичемъ, сокращенное изложеніе славянской рукописи, хранившейся на Аөонѣ, которая, если и существуетъ, то относится, самое раннее, къ XIV сто-

1. Ср. *Krumbacher*, loc. cit., 423—424, 426—427.
2. [illegible] Byzantina.
3. *Lyd.*, стр. 221—222.
4. Id., 261.

лѣтію. Такимъ образомъ такъ называемая «Жизнь Юстиніана» есть не болѣе какъ любопытный сборникъ славянскихъ легендъ, относящихся къ циклу Юстиніана; но книга эта не имѣетъ рѣшительно никакой исторической цѣны [1].

В.—Латинскіе источники.

Латинскіе источники несравненно менѣе многочисленны и менѣе содержательны, чѣмъ источники греческіе. Это — большею частью довольно сухія хроники, составляющія продолженія извѣстной лѣтописи св. Іеронима. Изъ нихъ полезна хроника комита Марцеллина [2], которая захватываетъ время съ 379 по 534 годъ и затѣмъ неизвѣстнымъ лицомъ продолжена до 548 года. Она — произведеніе современника, лично преданнаго Юстиніану, и въ ней отражается мнѣнія придворныхъ круговъ;—лѣтопись Виктора Тонненнаскаго [3], которая идетъ съ 444 по 567 годъ,—очень страстное произведеніе одного африканскаго епископа, сильно замѣшаннаго въ спорѣ о трехъ главахъ и которому пришлось много претерпѣть за свою приверженность къ православію; — лѣтопись Іоанна Бикларскаго [4], испанскаго епископа, дѣтство котораго протекло въ Константинополѣ и который изложилъ событія съ 567 по 590 годъ; — наконецъ Исторія Готовъ Исидора Севилльскаго [5], жившаго въ VII вѣкѣ, разсказъ котораго чрезвычайно цѣненъ для освѣщенія испанскихъ событій въ VI вѣкѣ. По исторіи отношеній франковъ къ имперіи нѣкоторыя свѣдѣнія даетъ лѣтопись Марія Аваншскаго [6], идущая отъ 445 по 581 годъ, а также Исторія Григорія Турскаго [7], но латинскіе источники даютъ гораздо болѣе свѣдѣній, касающихся Италія. Готъ Іорданъ [8] написалъ въ серединѣ VI столѣтія исторію своего народа, Getica, и хронику Romana, которая доходитъ до 551 года, составленную вообще въ безусловно римскомъ духѣ, т. е. въ тонѣ человѣка, проведшаго въ Константинополѣ нѣсколько лѣтъ своей жизни и не понимавшаго будущ-

1. *Bryce.* The life of Justinian by Theophilus (Engl. hist. Review. 1887, стр. 657—686).

2. Изд. *Mommsen.* (Mon. Germ. hist. Script. ant., XI, 1).

3. Изд. *Mommsen*, (Ibid. XI, 1).

4. Id., (Ibid., XI, 1).

5. Изд. *Mommsen*, (Ibid., XI, 2).

6. Id., (Ibid. XI, 2).

7. Изд. *Arndt-Krusch* (Mon. Germ. hist. SS. rer. merov., T. 1).

8. Изд. *Mommsen* (M. G. H. Script. ant., V, 1).

ности для Готовъ внѣ тѣснаго союза съ имперіей. Приблизительно около того же времени, въ первой трети VI вѣка, компилировалась въ Римѣ Liber pontificalis [1]. Написанныя современниками жизнеописанія папъ той эпохи, Гормиздаса, Іоанна I, Феликса IV, Бонифація II, имѣютъ очень серьезное историческое значеніе, а равно и послѣдующія біографіи (Іоанна II, Агапита и Сильверія, въ началѣ его понтификата), добавленныя около 538 или 539 года, хотя авторъ, свидѣтель событій, обнаруживаетъ въ нихъ сильную враждебность къ папѣ Сильверію. Къ несчастію, жизнеописанія папъ двухъ послѣднихъ третей VI вѣка (начиная съ 536 года) гораздо менѣе авторитетны: они относятся къ концу VI вѣка и сообщаемыя въ нихъ, часто фантастическія, свѣдѣнія должны быть принимаемы съ большою осторожностью [2]. Точно также не надо очень довѣрять и Liber pontificalis Равеннской церкви, которую составилъ въ IX вѣкѣ аббатъ Агнеллусъ [3]. Но если исторія въ собственномъ смыслѣ часто въ его разсказѣ оказывается сомнительной и довольно странно смѣшанной съ народными легендами, зато Агнеллусъ цѣненъ знаніемъ памятниковъ своего родного города, вниманіемъ, съ какимъ онъ относится къ надписямъ, мозаикамъ, живописи: это писатель-археологъ, вещь рѣдкая, почти единственная въ средніе вѣка, и этимъ онъ чрезвычайно дорогъ для изученія памятниковъ, которыми VI вѣкъ украсилъ тогдашнюю столицу Италіи.

Изъ агіографическихъ сочиненій, я нахожу нужнымъ отмѣтить лишь жизнь Фульгенція [4], аббата Руспы Бизаценской, которая содержитъ интересныя данныя относительно вандальской и византійской Африки.

C. — Восточные источники.

О царствованіи Юстиніана несравненно больше можно научиться и получить болѣе новыхъ свѣдѣній у восточныхъ историковъ и въ частности изъ переведенныхъ лишь въ

1. Изд. *Duchesne*, 2 т., 1886; изд. *Mommsen*, Gesta pont. rom. (M. G. H. Script. ant.).

2. *Duchesne*, Liber pontificalis, введеніе I, XXXVI и слѣд., CCXXXI и сл. *Mommsen*, предисловіе къ изд. Lib. pont., XIII и сл. и *Duchesne*, La nouvelle édition du Liber pontificalis (Mél. de Rome, 1898, 400 и сл.).

3. Изд. Waitz (M. G. H. Script. rer. lang. et ital.).

4. Patr. lat., 65.

самое послѣднее время сочиненій сирійскихъ писателей, которые были современниками Юстиніана.

1. Сирійскіе источники.

Около конца V вѣка, Захарія Риторъ [1], епископъ Митиленскій, написалъ по-гречески церковную исторію, продолжающуюся съ 450 по 491 годъ. Около 569 года одинъ сиріецъ, монофизитъ, включилъ переводъ этого труда въ обширную историческую компиляцію, которую онъ составлялъ, и самъ продолжилъ разсказъ до 568—569 года. Поэтому совершенно напрасно цитируютъ все это сочиненіе въ его цѣломъ подъ именемъ Захаріи: шесть послѣднихъ книгъ сирійской компиляціи (VII—XII) ему рѣшительно не принадлежатъ. Но анонимный авторъ для насъ не менѣе цѣненъ; современникъ царствованія Юстиніана, онъ имѣлъ случай воспользоваться оригинальными документами, которые онъ полностью цитировалъ и такимъ образомъ сохранилъ ихъ для потомства [2]. Правда, онъ монофизитъ; но именно вслѣдствіе этого чрезвычайно цѣнны всѣ свѣдѣнія, которыя онъ даетъ объ одной, до сихъ поръ недостаточно выясненной и крайне важной сторонѣ религіозной политики Юстиніана; и сверхъ того онъ сообщаетъ очень интересныя данныя о политическихъ событіяхъ, въ особенности тѣхъ, которыя касаются Сиріи [3].

Другой монофизитскій епископъ, знаменитый Іоаннъ Ефесскій [4] или Іоаннъ Азійскій, представляетъ собою для исторіи VI вѣка еще болѣе важный источникъ. Родившись въ Сиріи около 505 года, сначала монахъ монастыря св. Іоанна въ Амидѣ онъ около 535 года явился въ Константинополь и, не смотря на то, что былъ монофизитомъ, находился въ большомъ фаворѣ у Юстиніана и еще болѣе у Ѳеодоры. Когда въ 543 году Іаковъ Барадей преобразовалъ монофизитскую церковь, Іоаннъ былъ однимъ изъ еписко-

1. Изд. *Ahrens* и *Krüger*, Teubner, 1899, по которому я цитирую; изд. *Hamilton* и *Brooks*. Лондонъ. 1899 г.

2. Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor., изд. Аренса и Крюгера. Введеніе, стр. XL.

3. Ср. Введеніе въ изд. Аренса и Крюгера.

4. Изд. Schönfelder: Die Kirchengeschichte des J. von Ephesus Мюнхенъ, 1862 г.; отрывки у *Land* и *van-Douwen*, Commentarii de beatis Orientalibus, Амстердамъ, 1889; у *Nau*, Analyse de la 2-e partie inédite de l'Hist. de Jean d'Asie (Rev. de l'Orient chrétien, 1897; 2, 457—493) и у *Assemani*, Bibliotheca orientalis, I и II).

повъ, которыхъ посвятилъ новый апостолъ, что не послужило препятствіемъ къ возложенію на него императоромъ порученія по обращенію въ Азіи и въ столицѣ все еще весьма многочисленныхъ язычниковъ. Царствованіе Юстина II къ нему было менѣе милостиво: преслѣдованія монофизитовъ возобновились; заключенный въ тюрьму, сосланный, осужденный на изгнаніе, Іоаннъ принужденъ былъ бѣжать, скрываться: онъ умеръ въ 585 году. Подобно анонимному сирійцу, онъ составилъ объемистую Церковную исторію, которая, начинаясь съ сотворенія міра, доходила до 584 года. Она состояла изъ трехъ частей, въ каждой по шести книгъ. Первая часть къ сожалѣнію утрачена. Вторая, которая шла отъ Θеодосія II по 572 годъ, извѣстна по нѣкоторымъ отрывкамъ; но сверхъ того есть полное основаніе думать, что она цѣликомъ вошла въ одну сирійскую лѣтопись VIII вѣка, извѣстную—и притомъ совершенно неправильно,—подъ именемъ Діонисія Телльмарескаго; третья часть этого труда повидимому представляетъ въ неприкосновенномъ видѣ вторую часть труда Іоанна Ефесскаго. Наконецъ, мы имѣемъ, хотя съ нѣкоторыми пропусками, оригинальный текстъ третьей части Церковной исторіи. Не смотря на замѣчаемую въ ней безпорядочность,—такъ какъ Іоаннъ писалъ изо-дня въ день, во время преслѣдованій, не имѣя времени на приведеніе въ порядокъ своихъ повѣствованій,—это сочиненіе имѣетъ высокую историческую цѣну. Авторъ много видѣлъ и принималъ участіе въ весьма крупныхъ событіяхъ; не смотря на свое сочувствіе монофизитамъ, онъ правдивъ и оригиналенъ. Для исторіи религіозной политики царствованія и монофизитской Сиріи онъ неоцѣнимъ. Не меньшую цѣну для исторіи монофизитской секты, ея пропаганды и ея вождей во времена Юстиніана имѣютъ его Житія восточныхъ блаженныхъ, написанныя имъ около 569 года [1].

Съ VI же вѣка беретъ начало Едесская сирійская лѣтопись [2], которая обнимаетъ время съ 131 года до Р. Х. по 540 годъ. Въ VI вѣкѣ другой яковитскій священ-

1 *R. Duval*. Littérature syriaque, 191—195, 162—163; *Duchesne*, Jean d'Asie, 1892. *Nau* въ Revue de l'Orient chrétien, 1897, т. II, стр. 455 и сл., разбираетъ по псевдо-Діонисію Телльмарескому вторую часть книги Іоанна Ефесскаго. *Land* и *van-Douwen* дали латинскій переводъ Commentarii de beatis Orientalibus, Амстердамъ, 1889.

2 Изд. *Hallier* (*Gebhardt* и *Harnack*, Texte und Untersuchungen, IX. 2, Лейпцигъ, 1892).

никъ, Θома, сократилъ лѣтопись Евсевія и продолжилъ ее до своего времени [1]. Я уже говорилъ о сирійской лѣтописи VIII вѣка, которую Ассемани ошибочно приписалъ антіохійскому патріарху Діонисію Тельмарескому и которая для VI вѣка не имѣетъ много значенія, кромѣ того, что сохранила намъ вторую часть сочиненія Іоанна Азійскаго [2]. Слѣдуетъ наконецъ назвать, такъ какъ оба они пользовались древними источниками, Михаила Мелитенскаго или сирійца [3], патріарха Антіохійскаго съ 1166 по 1169 годъ, автора одной Лѣтописи, которая тянется отъ сотворенія міра до XII вѣка, и въ особенности епископа Алепскаго, Григорія Абулфаради, обыкновенно называемаго Баръ-Гебреусъ [4], который жилъ съ 1226 до 1286 года и оставилъ по себѣ два труда—Chronicon syriacum и Chronicon ecclesiasticum,—оба весьма важны по источникамъ, которыми пользовался авторъ [5].

Я упомянулъ уже въ числѣ сочиненій по агіографіи Житія восточныхъ блаженныхъ Іоанна Ефесскаго. Сохранилась также біографія антіохійскаго монофизитскаго патріарха Севера, сирійскій переводъ произведенія Захаріи Митиленскаго [6], и написанныя современниками жизнеописанія великихъ яковитскихъ проповѣдниковъ, Іоанна Тельскаго и Іакова Барадея [7].

2. *Еѳіопскіе и Арабскіе источники.*

Въ концѣ VII вѣка одинъ египетскій епископъ, Іоаннъ Никіускій [8], составилъ на греческомъ языкѣ лѣтопись, которая идетъ отъ сотворенія міра до конца VII вѣка, причемъ много пользовался трудомъ Малалы. Переведенная на арабскій языкъ, а затѣмъ съ арабскаго на эѳіопскій, эта

1. *Land*, Anecdota syriaca, I, 103 и сл. —

2. *Duval*, loc. cit., 203—206.

3. Изд. *Langlois*, Венеція, 1868; изд. Chabot, печатающееся, но часть, касающаяся Юстиніана, еще не вышла.

4. Chronicon syriacon, изд. Bedjan, Парижъ, 1890. Chron. eccl., изд. Abbeloos и Lamy (съ переводомъ), 3 т. Louvain, 1872—1877.

5. *R. Duval*, loc. cit., 208—210.

6. Id., 164—165. Введеніе къ изд. Ahrens и Krüger, стр. XXVI. Текстъ, изданный Spanuth'омъ (Геттингенъ, 1893), былъ въ послѣднее время переведенъ на французскій языкъ г. *Nau* (Rev. de l'Orient chrétien, 1899 и 1900).

7. Изд. *Kleyn*, Het Leven Johannes van Tella, Leyde 1882; изд. *Van Douwen* и *Land*, Vita Jacobi Baradaei (въ Comm. de beatis Orient.) ср. *Kleyn*, Jacobus Baradaeus, 10 и сл. *Duval*, loc cit. 16.

8. Изд. Zotenberg, Notices et extraits des mss. t. 24, I

лѣтопись дошла до насъ лишь въ этомъ послѣднемъ переводѣ.

Слѣдуетъ наконецъ назвать арабскаго историка Табари [1] (839—923), Анналы котораго идутъ съ сотворенія міра до X вѣка. У него мало критики, но онъ пользовался весьма важными и нынѣ уже утраченными источниками и переписалъ ихъ, каковы напримѣръ, по исторіи Персіи, Chodhainamè, или Книга Государей, составленная въ VI вѣкѣ по повелѣнію Хозроя I и передѣланная въ VII столѣтіи [2].

II. Источники юридическіе и дипломатическіе.

1. Великій законодательный трудъ Юстиніана, исторія котораго будетъ изложена ниже, сохранилъ для нашего времени очень большое количество актовъ, исходившихъ непосредственно отъ императора. Не говоря о большихъ указахъ, которыя предшествуютъ Дигестѣ и Институціямъ, и гдѣ чрезвычайно интересно разсказана исторія законодательной реформы, въ Кодексѣ Юстиніана помѣщено довольно много рескриптовъ, начиная съ 527 г. и по 534 г., которые имѣютъ большое значеніе для политической, административной и религіозной исторіи царствованія. Собраніе Новеллъ имѣетъ еще большую цѣну: въ немъ можно найти полную исторію административнаго управленія царствованія Юстиніана. Изъ этихъ документовъ, изученныхъ до сихъ поръ особенно въ тѣхъ частяхъ, которыя относятся къ частному праву, можно извлечь первоклассныя данныя объ императорскомъ правленіи, о великихъ проектахъ административныхъ реформъ, о политикѣ и религіозной жизни эпохи [3].

Кромѣ императорскихъ рескриптовъ, сохранившихся въ Corpus juris civilis, отдѣльные акты до насъ дошли либо въ видѣ надписей (рескриптъ 527 года, найденный въ Памфиліи [4], Абидосская надпись о правѣ перехода черезъ

1. Изд. Nöldeke (переводъ) Лейденъ, 1879.

2. *Nöldeke*, Введ. къ переводу Табари, Gesch. der. Perser und Araber im Zeitalter der Sassaniden, стр. XV. Ср. стр. XXVII.

3. Corpus Juris civilis, изд. Mommsen, Krüger и Schoell, 3 т., Берлинъ, 1886—1895; Justiniani novellae, изд. Zachariae von Lingenthal, 2 т., Лейпцигъ, 1881; De dioecesi aegyptiaca lex a° 554 lata, изд. Zach. v. Lingenthal, Teubner. 1891.

4. B. C. H., XVII, 501.

проливы[1]), либо въ рукописяхъ (указъ о торговлѣ шелкомъ[2], золотая грамота, данная игумену Синайскаго монастыря[3]). Нѣкоторые акты религіознаго значенія включены въ пасхальную лѣтопись[4] (эдиктъ 533 г., эдиктъ 552 г.).

2. Наконецъ большое число оффиціальныхъ актовъ находится въ собраніи Дѣяній соборовъ[5]. Протоколы великихъ религіозныхъ собраній, засѣдавшихъ въ Константинополѣ въ 536 и 553 годахъ, акты провинціальныхъ синодовъ или переговоровъ о примиреніи, имѣвшихъ мѣсто въ различное время, напримѣръ въ 533 году; эдикты касающіеся религіи, и императорскія посланія къ соборамъ,— все это тамъ собрано, облегчая изученіе религіозной политики Юстиніана.

Сюда же относятся, помимо собранія Дѣяній соборовъ, отдѣльные памятники, каковъ, напримѣръ, Типиконъ или правила, написанныя св. Саввой для своихъ монаховъ[6].

III.—Литературные источники.

Для эпохи Юстиніана источниковъ литературныхъ въ тѣсномъ смыслѣ, писемъ, рѣчей и богословскихъ сочиненій, наконецъ стихотвореній имѣется достаточно много на греческомъ, латинскомъ, а иногда и на сирійскомъ языкахъ. Я не буду ихъ различать по языку—одни и тѣ же лица иногда писали и по гречески и по латыни—но для простоты дѣла я ихъ классифицирую предпочтительно по тому роду литературы, къ которому они принадлежатъ.

1. Письма.

Юстиніанъ очень любилъ писать. Отъ него осталось много писемъ, написанныхъ иныя по гречески, но большею частью по латыни. Онѣ адресованы къ папамъ Гормисдасу, Іоанну II, Агапиту, Вигилію, къ константинопольскимъ патріархамъ, къ епископамъ, соборамъ, и всѣ онѣ посвяще-

1. Ath. Mitth., IV, 307.

2. *Zachariae von Lingenthal*, Eine Verordnung Justinians über den Seidenhandel. С.-Петербургъ, 1865 (Зап. Академ. Наукъ, VII, т. 9., № 6).

3. *Tischendorf*, Anecdota sacra et profana. 2-ое изд., 56 и сл.; P. G., 86

4. Chron. pasc., 630 — 635.

5. *Labbe*, Sacrosancta concilia. Парижъ, 1671, т. IV и V; *Mansi*, Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, Парижъ, 1761, т. VIII, IX

6. Ср. B. Z., 1894, 167.

ны церковнымъ дѣламъ [1]. Равнымъ образомъ мы имѣемъ нѣсколько писемъ константинопольскихъ патріарховъ, Епифанія и Евтихія [2], а псевдо-Захарія Митиленскій сохранилъ крайне интересную переписку между патріархами Анѳимомъ константинопольскимъ, Северомъ антіохійскимъ и Ѳеодосіемъ александрійскимъ. Еще многочисленнѣе папскія письма. Сношенія между Римомъ, императорскимъ дворцомъ и патріархатомъ были часты: мы имѣемъ цѣлую серію важныхъ писемъ, исходящихъ отъ папъ Гормисдаса, Іоанна II, Агапита, Вигилія и Пелагія I, адресованныхъ къ императору и патріархамъ [3].

Всѣ эти письма по существу относятся къ духовной литературѣ; напротивъ, переписка Кассіодора [4] — всецѣло политическая. Квесторъ и начальникъ службъ въ царствованіе остготскаго короля Теодориха, неоднократно префектъ преторія при Амалазунтѣ, Теодатѣ и Витигесѣ, онъ былъ другомъ, совѣтникомъ, секретаремъ послѣднихъ готскихъ королей Италіи. Въ качествѣ таковаго онъ очень часто брался за перо для обсужденія отъ ихъ имени важнѣйшихъ политическихъ и административныхъ дѣлъ; а въ книгахъ съ VIII по X сборника Variae помѣщенъ рядъ важныхъ документовъ, имѣющихъ отношеніе къ дипломатическимъ переговорамъ, начатымъ съ имперіей и къ послѣдовавшему за ними разрыву. Послѣднія письма сборника, гдѣ Кассіодоръ говоритъ послѣдовательно отъ имени Аталариха, Амалазунты, Теодата и Витигеса относятся къ 537 году. Здѣсь мы не будемъ говорить о Хроникѣ Кассіодора, которая останавливается на 519 году, ни объ его утраченной исторіи готовъ; но у насъ имѣются любопытные отрывки изъ рѣчи, произнесенной имъ въ честь Витигеса и нѣсколько небольшихъ трактатовъ, изъ коихъ одинъ, De Institutione divinarum litterarum, представляетъ интересъ для исторіи литературы того времени.

Слѣдуетъ наконецъ упомянуть о нѣсколькихъ сохранившихся письмахъ изъ переписки Юстиніана съ франкскими

1. Списокъ ихъ можно найти у *Knecht*, Die Religions Politik Kaiser Justinians I, стр. 13, 15. Онѣ напечатаны въ Patr. lat., 63, 66, 69.

2. Patr. lat., т. 63; P. G., 86.

3. Ср. *Jaffé-Wattenbach*, Regesta pontificum. Большая часть этихъ императорскихъ и папскихъ писемъ помѣщена въ сборникѣ подъ заглавіемъ *Collectio Avellana*, изд. Гюнтера (Corp. Script. eccl. lat., т. 35. Вѣна, 1895—98 г.). Письма Пелагія I находятся также въ M. G. H., Epist., t. III.

4. Изд. Mommsen, (M. G. H. Script. ant., XII). De inst. div. litt. напечатано въ Patr. lat., 70.

королями Австразіи [1]. Сохранилось также нѣсколько документовъ, исходившихъ отъ Теодеберта или Теодебальда; другіе принадлежатъ франкскимъ епископамъ.

2. *Богословскія сочиненія и рѣчи.*

Великіе религіозные споры VI вѣка, борьба съ монофизитской ересью, распря изъ-за Оригена, дѣло о трехъ главахъ, естественно породили великое множество полемическихъ сочиненій. Здѣсь также Юстиніанъ занимаетъ первое мѣсто [2], и хотя онъ навѣрно для составленія этихъ трактатовъ прибѣгалъ къ содѣйствію своихъ придворныхъ богослововъ, тѣмъ не менѣе есть полное основаніе думать, что ихъ главный авторъ — самъ онъ. Онъ любилъ богословскія пренія, считая себя въ нихъ мастеромъ; онъ любилъ писать. Отсюда родилась цѣлая серія богословскихъ сочиненій, трактатъ противъ Оригена, обращенный въ 543 году къ патріарху Менѣ, трактатъ противъ монофизитовъ, обращенный къ александрійскомъ монахамъ, другой трактатъ того же рода, отъ котораго сохранились лишь отрывки, обращенный къ александрійскому патріарху Зоилу (542—550), наконецъ большой эдиктъ противъ Трехъ Главъ (551) и полемическое произведеніе, впрочемъ неполное, направленное противъ нѣкоторыхъ единомышленниковъ Трехъ Главъ [3].

Но великимъ греческимъ богословомъ того времени безспорно долженъ считаться Леонтій Византійскій [4]. Исторія его жизни извѣстна очень мало. Раздѣляя сначала несторіанскую ересь, онъ потомъ вернулся къ православію; повидимому онъ былъ въ Римѣ около 519 года, затѣмъ удалился въ монастырь св. Саввы. Оттуда онъ вышелъ около 531 года и отправился въ Константинополь, гдѣ и умеръ вскорѣ послѣ 542 года. Такая же неизвѣстность царитъ и относительно точнаго опредѣленія его труда. Онъ — авторъ трактата въ трехъ книгахъ противъ несторіанъ и евтихіанъ, и по всей вѣроятности большого сочиненія противъ монофизитовъ, отъ котораго сохранились лишь отрывки или передѣлки. Современники о немъ мало говорили; однакожъ, онъ повидимому былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ

1. Epist. merowingici... aevi. изд. Gundlach (M. G. H., Epist., III).
2. Patr. gr., 86.
3. Ср. *Knecht*, loc. cit., 15—20.
4. Patr. gr., 86.

церковныхъ писателей своего вѣка и не мало способствовалъ къ установленію примирительной доктрины, восторжествовавшей на соборѣ 553 года [1].

Изъ полемическихъ произведеній, написанныхъ монофизитами, большая часть нынѣ либо утрачена, либо пребываетъ въ забвеніи въ сирійскихъ рукописяхъ, еще неизданныхъ. Мы располагаемъ лишь нѣсколькими отрывками изъ значительнаго литературнаго произведенія антіохійскаго патріарха Севера, еще менѣе — изъ принадлежащихъ патріархамъ александрійскимъ Тимоѳею III и Ѳеодосію и епископу галикарнасскому Юліану. Существуетъ нѣсколько неизданныхъ отрывковъ писаній патріарха константинопольскаго Анѳима [2]. Равнымъ образомъ утрачено довольно значительное количество сочиненій православныхъ писателей, которые опровергали еретиковъ [3].

На Западѣ нѣсколько африканскихъ прелатовъ приняли въ дѣлѣ о «Трехъ Главахъ» значительное участіе и въ своихъ сочиненіяхъ освѣдомляютъ насъ на счетъ этого великаго спора. Либератъ [4], карѳагенскій діаконъ, разсказалъ въ своемъ Breviarium'ѣ о причнахъ распри. Факундъ [5], епископъ Герміанскій, составилъ въ защиту Трехъ Главъ обширный трактатъ въ двѣнадцати книгахъ и нѣсколько сильныхъ памфлетовъ. Подобно всѣмъ только-что поименованнымъ полемическимъ сочиненіямъ, они — страстныя и часто пристрастныя, но это однако ничуть не умаляетъ значенія свѣдѣній, которыя могутъ быть изъ нихъ почерпнуты о вопросахъ, касающихся религіозныхъ дѣлъ VI вѣка.

Слѣдуетъ наконецъ упомянуть о діаконѣ св. Софіи, Агапитѣ [6], посвятившемъ Юстиніану краткій трактатъ объ обязанностяхъ государей, и о комментаріяхъ на Священное Писаніе, написанныхъ александрійскимъ діакономъ Олимпіодоромъ и риторомъ Прокопіемъ газскимъ. Впрочемъ, этотъ послѣдній болѣе извѣстенъ своимъ трактатомъ противъ неоплатонической философіи. Къ той же Газской школѣ, прославившейся въ концѣ V и въ началѣ VI вѣка, принадлежатъ еще епископъ митиленскій, Захарія, уже упомяну-

1 Cp. *Loofs*, Das Leben und die polemischen Werken des Leontius von Byzanz, 1887; *Rügamer*, Leontius von Byzanz, 1894.

2 Cp. *Krumbacher*, loc cit., 51—54

3 Id., 562.

4. Patr. lat., 68.

5. Patr. lat., 67.

6. Patr. gr., 86.

тый нами въ качествѣ историка и написавшій при Юстиніанѣ, около 527 года, трактатъ противъ манихеевъ, а также риторъ Хорицій газскій [1], декламаціи котораго богаты интересными подробностями по общественной и артистической жизни VI в. Въ частности, онъ оставилъ описаніе живописи, которою была украшена одна изъ церквей его родного города: это весьма цѣнный документъ для ознакомленія съ тогдашними способами украшенія церквей [2].

3. *Поэты.*

Цѣнность поэтическихъ произведеній, сохранившихся отъ VI-го вѣка, состоитъ только въ тѣхъ свѣдѣніяхъ объ этой эпохѣ, которыя можно изъ нихъ почерпнуть. Въ Антологіи [3] можно найти цѣлую серію эпиграммъ того времени, относящихся къ произведеніямъ искусства. Такъ книга II содержитъ описаніе бань Зевксиппа, составленное Христофоромъ до великой катастрофы 532 года. Имѣются еще поэмы Юліана Египтянина, Леонтія схоластика, Дамохариса, Македонія, Іоанна Газскаго, который сдѣлалъ описаніе одной карты вселенной; наконецъ мы имѣемъ болѣе сотни эпиграммъ историка Агаѳія [4]. Съ другой стороны мы обязаны Павлу Силенціарію [5] пространнымъ и интереснымъ описаніемъ св. Софіи и амвона, который украшалъ соборъ Юстиніана [6]. Къ этимъ современнымъ свидѣтельствамъ надлежитъ добавить поэму Константина Родосца [7], который въ X вѣкѣ описалъ чудеса Константинополя и въ особенности церковь святыхъ апостоловъ, построенную Юстиніаномъ.

Наконецъ слѣдуетъ назвать одного латинскаго поэта, Кориппа [8], произведенія котораго не смотря на ихъ посредственность, весьма поучительны. Уроженецъ Африки, онъ, какъ очевидецъ, разсказалъ въ своей Іоаннидѣ часть

1. Изд. *Boissonade*, Choricii Gazaei declamationes; другая рѣчь находится въ Rev. de Philologie, 1877 г.

2. Ср. изд. Ahrens и Krüger, стр. XXVI—XXVII; *Seitz*, Die Schule von Gaza, 1892; *Bayet*, Recherches etc., 60—62.

3. Изд. *Didot*, 3 т.; изд. Stadtmüller, Teubner, 1894.

4. Ср. *Christ*. Gesch. d. griech. Litt., 663.

5. Боннское изд. Byzantine; переводъ у *Зальценберга*, Altchristl. Denkmaler von C. P.

6. Объ немъ и о сочиненіи, написанномъ имъ въ концѣ 562 года, ср. *Agath*., 296—297

7. Изд. Legrand и Th. Reinach (Rev. de Études grecques, 1896 г.).

8. Изд. Partsch. (M. G. H. Auct. ant., III, 2).

византійскихъ войнъ и занимательно описалъ жизнь туземныхъ племенъ. Явившись позднѣе въ Константинополь и состоя на службѣ при квесторѣ Священныхъ Палатъ, онъ въ своемъ панегирикѣ Юстину II (In laudem Justini) далъ интересное описаніе церемоніаловъ византійскаго двора. Кориппъ — жалкій и довольно ограниченный поэтъ, но онъ видѣлъ, и притомъ хорошо видѣлъ, то о чемъ говоритъ, и описываетъ вещи съ видимымъ удовольствіемъ, что и дѣлаетъ его чрезвычайно поучительнымъ.

IV. Источники монументальные.

Эпиграфія сохранила для насъ нѣкоторое количество греческихъ и латинскихъ памятниковъ, имѣющихъ отношеніе къ царствованію Юстиніана [1]: нѣсколько императорскихъ эдиктовъ, интересныхъ надписей, исходящихъ отъ варварскихъ царей Эѳіопіи или Нубіи. Сюда-же, въ особенности, относятся посвященія, находимыя въ церковныхъ, гражданскихъ или военныхъ сооруженіяхъ царствованія. Онѣ встрѣчаются въ Константинополѣ, Трапезунтѣ, въ Сиріи, въ Крыму, особенно въ Африкѣ, среди развалинъ византійскихъ крѣпостей, въ Италіи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ. Это — драгоцѣнные памятники, какъ по своей современности, такъ и потому, что они весьма точно показываютъ величіе дѣла, предпринятаго Юстиніаномъ.

Нумизматика также обладаетъ интересными монетами Юстиніана и государей вандальскихъ, остготскихъ, франкскихъ, бывшихъ номинальными вассалами имперіи [2]. Сигиллографія сохранила свинцовыя печати, правда немногочисленныя, съ именами Юстиніана и нѣкоторыхъ изъ его сановниковъ и генераловъ. Но эти буллы VI вѣка, ни по полнотѣ надписей, ни по имѣющимся на нихъ изображеніямъ, не представляютъ того интереса, какой имѣютъ этого рода памятники позднѣйшихъ вѣковъ. Тѣмъ не менѣе онѣ, по своей рѣдкости, достойны вниманія [3].

Но главнымъ образомъ сами монументальные памят-

1. Corpus inscr. graecarum, t. IV; Corpus inscr. lat., t. III, VI и VIII. *Waddington*, Inscr. grecques et latines de Syrie. *Латышевъ*, сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ южной Россіи. С.-Петербургъ. 1896. *De Rossi*, Inscr. urbis Romae christianae, t. I и II.

2. Ср. *Sabatier*, Descr. gén. des monnaies byzantines, I, pl. XII—XX.

3. Ср. *Schlumberger*, Sigillographie byzantine. Introduction.

ники свидѣтельствуютъ о величіи царствованія Юстиніана. Такія громадныя, имѣющія въ виду общественную пользу сооруженія, какъ Константинопольскія цистерны или мостъ на рѣкѣ Сангаріосъ; великолѣпныя, столь многочисленныя, въ особенности въ Африкѣ, развалины военныхъ сооруженій; наконецъ церковныя постройки съ ихъ могучею оригинальностью архитектурныхъ сочетаній, съ ихъ роскошными украшеніями изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ и золотыхъ мозаикъ,— все способствуетъ величію славы византійской имперіи и блеска искусства въ VI вѣкѣ. Я назову лишь главныя изъ этихъ сооруженій. Въ Константинополѣ:—церкви св. Сергія, св. Ирины и, болѣе всего, дивная св. Софія; въ Сиріи: Эзра, Босра, Виѳлеемъ и еще почти нетронутыя развалины мертвыхъ городовъ сирійской пустыни; дальній Синайскій монастырь съ его мозаиками; Салоники и его церкви св. Димитрія и св. Софіи и въ Италіи—Равенскія базилики св. Виталія, св. Аполлинарія Nuovo, св. Аполлинарія in Classe и чудная церковь въ Поренцо, въ Истріи. На ряду съ этими архитектурными памятниками, съ мозаиками, особенно же съ мозаиками св. Виталія, въ поразительныхъ изображеніяхъ которыхъ оживаютъ Юстиніанъ и Ѳеодора, есть еще много другихъ произведеній искусства, иллюстрирующихъ блестящій VI вѣкъ. Таковы тонкой работы издѣлія изъ слоновой кости, консульскіе диптихи, пиксиды, ковчежцы для мощей, епископскія каѳедры, переплеты для евангелій; таковы—рукописныя миніатюры, писанныя золотыми буквами по пурпуровому пергаменту, напримѣръ, Codex Rossanensis или недавно пріобрѣтенный Національной Библіотекой отрывокъ Евангелія и тѣ миніатюры, которыя украшаютъ другіе удивительныя рукописи: Вѣнскій Діоскоридъ, Ватиканскій Козьма, флорентійскія или эчміадзинскія сирійскія рукописи. Таковы, наконецъ, обломки золотыхъ священныхъ предметовъ, пощаженные временемъ лоскутья роскошныхъ, тонко изукрашенныхъ тканей,—произведеній, въ которыхъ находилъ себѣ удовлетвореніе вкусъ къ утонченной роскоши византійскаго искусства VI вѣка.

Таковы главные источники, которые даютъ возможность писать исторію царствованія Юстиніана. При всемъ своемъ обиліи, они все же оставляютъ много тёмныхъ и неясныхъ пунктовъ; при всемъ разнообразіи ихъ происхожденія, они постоянно требуютъ къ себѣ самой строго-внимательной критики. Однако, каковы-бы они не были, но теперь

благодаря въ особенности недавно изданнымъ подлинникамъ и новѣйшимъ подробнымъ изысканіямъ, они даютъ ясное и достаточно цѣльное представленіе объ этомъ важномъ историческомъ періодѣ, полномъ контрастовъ, величія и униженія, великолѣпныхъ замысловъ и жалкихъ неудачъ, соединенія несказанныхъ слабостей съ дѣлами, достойными удивленія, и, можетъ быть, внимательное и добросовѣстное изученіе ихъ позволитъ сдѣлать попытку написать исторію,—чего до сихъ поръ никогда не дѣлалось,—царствованія Юстиніана и византійской цивилизаціи въ VI вѣкѣ.

ЮСТИЛІАНЪ И ЕГО ДВОРЪ

(Мозаика въ церкви Св. Виталія въ Равеннѣ.)

КНИГА ПЕРВАЯ.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ИМПЕРАТОРЪ И ИМПЕРАТРИЦА.—МИНИСТРЫ И ДВОРЪ.

ГЛАВА I.

Императоръ Юстиніанъ.

Въ церкви св. Виталія въ Равеннѣ на стѣнахъ алтарной абсиды видны два большихъ мозаичныхъ изображенія. Слѣва—императоръ въ богатомъ одѣяніи, блещущемъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями, въ красной обуви, съ короной на головѣ, окруженной сіяніемъ, присвоеваемымъ византійцами, наравнѣ со святыми, царямъ, приноситъ дары свои церкви, оконченной его попеченіями. Двѣ группы лицъ его сопровождаютъ: тутъ—архіепископъ равеннскій со своимъ клиромъ, въ длинныхъ облаченіяхъ, тамъ—блестящая свита придворныхъ сановниковъ и тѣлохранителей, вся сверкающая переливами шитья и блистаніемъ щитовъ и оружія. Съ другой стороны абсиды—императрица направляется къ вратамъ алтаря, сопровождаемая свитой женщинъ въ роскошныхъ, изысканныхъ нарядахъ. Императрица одѣта съ неподражаемымъ великолѣпіемъ. По низу ея фіолетовой порфиры свѣтящимися складками развертывается широкое золотое шитье; на груди сіяютъ драгоцѣнности; на головѣ, обрамленной вѣнчикомъ, красуется высокая діадема; въ волосахъ перевиваются нити жемчуговъ и самоцвѣтныхъ камней, спадая на плечи ослѣпительнымъ каскадомъ.

1. Мѣдная монета Юстиніана, выбитая въ Равеннѣ въ 560 г.

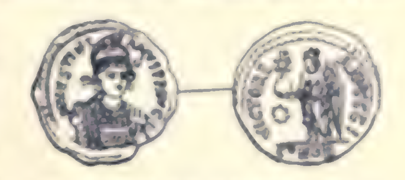
Можетъ быть нигдѣ византійскій міръ не представляется такъ поразительно, какъ-бы воскресшимъ, какъ въ этихъ знаменитыхъ изображеніяхъ. Въ своей слегка торжественной натянутости эти симметрично расположенныя фигуры яв-

ляютъ нашему взору великолѣпіе императорскаго двора, обаяніе его роскоши, утонченность его мелочнаго, но многозначительнаго этикета. Пышныя одѣянія воспроизведены съ натуры. Лица, столь характерныя въ своей священной холодности,—несомнѣнные портреты подлинныхъ личностей; и вотъ предъ этими неподвижными фигурами, въ уединеніи абсиды, легко забываешься, въ долгомъ раздумьи, невольно пытаясь разрѣшить загадку этихъ непроницаемыхъ масокъ, выяснить тайну ихъ исчезнувшей жизни и мыслей, ибо этотъ человѣкъ и эта женщина, тринадцать столѣтій тому назадъ, играли на міровой сценѣ великія историческія роли. Въ теченіи почти полувѣка, въ качествѣ неограниченныхъ властителей, они правили всѣмъ, что составляло тогда цивилизованный міръ; для ихъ славы не было ни въ чемъ недостатка: ни въ престижѣ военныхъ успѣховъ, ни въ блескѣ великихъ административныхъ реформъ, ни въ утонченности самой изящной цивилизаціи, ни въ чудесахъ творческаго искусства; ни въ чемъ, ни даже въ прелести, изъ ряда вонъ, романическаго положенія, которое и донынѣ не перестаетъ возбуждать къ себѣ нашего интереса при неразрывно связанныхъ именахъ Юстиніана и Θеодоры.

Чѣмъ былъ, чѣмъ хотѣлъ быть этотъ царственный выскочка, бѣдный иллирійскій крестьянинъ, возведенный на тронъ цезарей; чѣмъ была, чѣмъ хотѣла быть эта танцовщица, счастливымъ случаемъ перенесенная изъ корридоровъ цирка въ царственное великолѣпіе,—разгадать это въ точности не легко; однако, если загадка и трудна для разрѣшенія, если задача тонка, быть можетъ, невыполнима, все же навѣрно она не безразлична ни для нашей любознательности, ни для исторіи. Чтобы понять чѣмъ была въ VI вѣкѣ эта восточная имперія грековъ, озаряемая въ то время неожиданнымъ лучемъ славы, нужно постараться проникнуть въ тайну этихъ царственныхъ волей, приводившихъ въ движеніе весь механизмъ государства, надлежитъ сдѣлать попытку прочесть въ этихъ душахъ, горделивыхъ и деспотическихъ, наложившихъ на все, къ чему онѣ притронулись, глубокій и неизгладимый отпечатокъ.

I

Въ послѣднихъ годахъ V столѣтія три молодыхъ крестьянина изъ Македоніи покинули однажды свои родныя горы, отправляясь искать счастья. Въ качествѣ единственнаго багажа и всего имущества у нихъ было по мѣшку за плечами съ скуднымъ запасомъ сухарей; и въ такомъ видѣ они направились пѣшкомъ въ Константинополь.

2. Золотой солидъ Юстиніана.

Зато они были малые представительные, крѣпкіе, сильные. По прибытіи въ столицу имъ безъ труда удалось поступить въ императорскую гвардію. А въ тогдашнемъ византійскомъ обществѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ своеобразно демократическомъ, военная служба вела ко всему: это вполнѣ оправдалось на одномъ изъ троихъ товарищей. Его храбрость, хорошая и честная служба доставили ему быстрое повышеніе: онъ сталъ офицеромъ, генераломъ, даже сенаторомъ; онъ начальствовалъ надъ гвардіей, когда, въ 518 году, умеръ императоръ Анастасій. Довольно темная интрига возвела нашего героя на престолъ: то былъ императоръ Юстинъ I[1].

У Юстина былъ племянникъ Флавій Петръ Савватій Юстиніанъ [2], котораго мы именуемъ Юстиніаномъ, родившійся, также какъ и онъ самъ, въ глухой деревнѣ верхней Македоніи, въ окрестностяхъ нынѣшняго Ускюба, на границѣ Албаніи [3]. Для молодого человѣка Юстинъ оказался внимательнѣйшимъ и лучшимъ изъ дядей, при томъ дядей съ наслѣдствомъ. Будучи бездѣтенъ, онъ съ раннихъ поръ принялъ участіе въ сынѣ своей сестры: вызвалъ его въ Константинополь и позаботился о его воспитаніи. Лично Юстинъ былъ не изъ грамотѣевъ: онъ еле умѣлъ читать, а писать—и того менѣе, такъ что для него, по восшествіи его на престолъ, дабы онъ могъ подписывать оффиціаль-

1. Hist. arc. стр. 43—44.

2. Это имя находится записаннымъ полностью въ консульскихъ диптихахъ Юстиніана (*Molinier*, Hist. générale des arts appliqués à l'industrie, I, Les Ivoires, стр. 28) а также у *Molinier*, L'Exposition rétrospective de l'art francais, pl. I (coll. Sig. Bardac).

3. Точное названіе мѣста есть Таурезіумъ, близъ Бедеріаны, въ Дарданіи (Aed., стр. 266; nov. II; *Malalas*, стр. 425).

ные акты, пришлось изготовить деревянную дощечку, съ прорѣзанными въ ней, соотвѣтственно буквамъ императорской подписи, выемками, въ которыхъ монархъ съ трудомъ и неувѣренно водилъ своимъ перомъ [1]. Зато въ отношеніи другихъ, этотъ дунайскій крестьянинъ понималъ силу образованія.

И такъ его племянникъ посѣщалъ школы; въ нихъ онъ глубоко проникся культурой и традиціями древней Греціи и Рима; а когда счастливый случай облекъ его дядю порфирой, онъ оказался вполнѣ подготовленнымъ, чтобы быть его совѣтчикомъ и помощникомъ [2]. И онъ не замедлилъ стать однимъ изъ первыхъ лицъ имперіи; благоволеніе монарха послѣдовательно приблизило его къ самымъ ступенямъ трона. Онъ сдѣлался комитомъ, vir illustris, патриціемъ, консуломъ, главнокомандующимъ войсками столичнаго гарнизона (magister equitum et peditum praesentalium), благороднѣйшимъ [3]; наконецъ, Юстинъ его усыновилъ и пріобщилъ къ управленію имперіей (апрѣль 527 года [4]). Къ тому же, своими дарованіями и ловкостью онъ оправдалъ возлагавшіяся на него дядей надежды. Ему было, когда Юстинъ принялъ власть, около тридцати шести лѣтъ [5]; онъ имѣлъ опытъ въ дѣлахъ, зрѣлый умъ, сложившійся характеръ. Онъ умѣлъ вмѣстѣ и освобождаться, не безъ нѣкотораго вѣроломства, отъ соперниковъ, которые могли препятствовать его возвышенію, и быть пріятнымъ для всѣхъ классовъ византійскаго общества. Строгимъ православіемъ онъ нравился Церкви, а ревностнымъ благочестіемъ стяжалъ похвалы и уваженіе римскихъ первосвященниковъ [6]; пышными празднествами, ознаменовавшими время исполненія имъ общественныхъ должностей (въ качествѣ консула онъ израсходовалъ 288,000 солидовъ золотомъ, на нынѣшніе деньги — болѣе полутора милліона рублей [7]), онъ пріобрѣлъ поклоненіе черни ипподрома [8], удовлетворяя

1. Hist. arc., стр. 44—45.

2. См. B. V., 350; Aed., 184; Hist. arc., 45; о вліяніи, какое оказывалъ «уважаемый и благочестивый патрицій Mar Justianos», см. Chron. Edess., 130 131.

3. P. L., 3, стр. 430—440; *Molinier*, Ivoires, стр. 28; Bell. Pers., стр. 52; *Marcell. comes*, a. 527; *Zonaras*, т. III, стр. 150.

4. De Cerim., стр. 432—433.

5. *Zonaras*, III стр., 151, говоритъ, что въ 527 году ему было 45 лѣтъ. Онъ, слѣдовательно, родился въ 482 г.

6. P. L., т. 63, стр. 495.

7. *Marcell. comes*, 521.

8. См. Hist. arc., 64—65, откуда видно какимъ безчинствамъ предавались «Голубые» подъ открытымъ покровительствомъ Юстиніана. Тѣ же факты приведены у Іоанна Никіускаго, стр. 503. См. о мѣрахъ, какія слѣдовало принять, Chron. pasc., 617.

3. Консульскій диптихъ Юстиніана (изъ коллекціи Trivulzio въ Миланѣ).

одновременно собственному вкусу къ роскоши и расточительности; наконецъ, онъ льстилъ сенату и сумѣлъ угодить аристократіи. Была, правда, у него всѣмъ извѣстная связь съ Ѳеодорой и тотъ нѣсколько скандальный бракъ, котораго, по словамъ одного современнаго писателя, «достаточно, чтобы судить о качествахъ его души и оцѣнить его нравственность». Но добрѣйшій императоръ Юстинъ взглянулъ на дѣло, повидимому, менѣе строго: онъ былъ старый солдатъ, мало заботившійся о благородствѣ происхожденія, который, самъ женясь на любовницѣ, давнишней спутницѣ своей походной жизни, не задумываясь, возвелъ въ византійскія императрицы эту достойную женщину, столь же простую и грубую, какъ и онъ самъ. Онъ, поэтому, не слишкомъ-то горячился изъ за безумной страсти своего племянника. Законъ возбранялъ сенаторамъ и высшимъ сановникамъ женитьбу на женщинахъ рабскаго состоянія, на трактирныхъ служанкахъ, а также на актрисахъ: чтобы доставить удовольствіе Юстиніану, императоръ отмѣнилъ этотъ законъ, и Ѳеодора стала законной супругой наслѣдника престола, съ возведеніемъ въ высокое достоинство патриціанки, причемъ Византія, кажется, и въ самомъ дѣлѣ этимъ не была черезъчуръ скандализирована[3]. Итакъ, когда Юстинъ въ 527 году (1 Августа) умеръ, его племянникъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго затрудненія къ тому, чтобы стать его преемникомъ, а Ѳеодора раздѣлила съ нимъ власть. Почти на сорокъ лѣтъ, съ 527 по 565 г., Юстиніанъ воцарился надъ Восточной греческой имперіей.

II.

Рѣдко о комъ изъ историческихъ лицъ такъ трудно судить, какъ объ Юстиніанѣ. О немъ можно одновременно сказать много хорошаго и много худого, причемъ для оправданія какъ худого, такъ и хорошаго, доказательства, повидимому, все умножаются. Оцѣнку въ этомъ случаѣ усложняетъ не недостатокъ документовъ, какъ въ другихъ задачахъ исторической психологіи, а напротивъ — изобиліе ихъ. Юстиніанъ самъ много написалъ и еще болѣе заставилъ напи-

1. Hist. arc., стр. 68.
2. C. J., 5. 4. 23.
3. Hist. arc., стр. 66—67, 68.

сать; его законодательные памятники предваряются длинными предисловіями, велерѣчивыми указами, гдѣ отражаются мысль и правительственныя идеи государя; и хотя было-бы нѣсколько наивно всю эту канцелярскую литературу принимать за вѣрное выраженіе истины, однако невозможно также совсѣмъ не брать ее въ соображеніе. Съ другой стороны, современные писатели повѣдали намъ съ большою подробностью о событіяхъ этого царствованія и, кажется, изъ ихъ повѣствованій могъ бы выдѣлиться живой образъ императора. Но разсмотрите поближе одного изъ этихъ историковъ, притомъ самаго извѣстнаго, Прокопія. Онъ былъ секретаремъ Велизарія, котораго сопровождалъ во всѣхъ его походахъ; онъ жилъ въ Константинополѣ въ близости ко двору, въ рядахъ высшаго административнаго общества, онъ былъ хорошо поставленъ, чтобы близко наблюдать дѣла и людей. Загляните теперь въ его книги и посмотрите какой противорѣчивый образъ Юстиніана начерталъ намъ этотъ писатель.

4. Печать или свинцовая булла Юстиніана.

Вотъ, напримѣръ, трактатъ «О постройкахъ». Въ этомъ сочиненіи императоръ безъ колебанія превозносится надъ самыми великими мужами древности [1]. Онъ превосходитъ Ѳемистокла военными успѣхами, а Кира административною мудростью. Онъ вернулъ монархіи ея блескъ и ея славу, сокрушилъ варваровъ, завоевалъ обратно утраченныя провинціи, основалъ безчисленные города. Онъ былъ возстановителемъ религіи, поборникомъ православія. Въ темноту и противорѣчивость законовъ онъ внесъ ясность и порядокъ и по-истинѣ положилъ основаніе писанному праву. Онъ упрочилъ безопасность имперіи, украсилъ ея города удивительными зданіями. Особливо же онъ былъ добръ и милостивъ: добръ по отношенію къ своимъ врагамъ, интриги которыхъ простилъ и позабылъ ковы, чтобы помнить лишь оказанныя ему услуги; милостивъ къ бѣднымъ и несчастнымъ, которыхъ осыпалъ богатствами; короче, онъ водворилъ счастье на землѣ [2]. Дабы способствовать ему въ пред-

1. Aed., стр., 171.
2. См. льстивыя рѣчи Кориппа, In laudem Justini, I, 167—270
Patrem respubilca perdidit orbis

пріятіяхъ, самъ Богъ простеръ надъ нимъ свою десницу. Чтобы сохранить людямъ эту столь драгоцѣнную жизнь, Онъ умножилъ въ его пользу чудеса, и въ то время, какъ мудрость человѣческая утратила всякую надежду на спасеніе императора, Онъ посылаетъ съ высоты небесъ своихъ угодниковъ для его исцѣленія[1]. Чтобы помочь ему въ разрѣшеніи заботъ и трудностей правленія, Богъ сообщаетъ ему своего святаго Духа, и Прокопій пресерьезно повѣствуетъ, какъ однажды наводненіемъ опрокинуло стѣны какой-то крѣпости и, между тѣмъ, какъ искуснѣйшіе механики недоумѣвали какимъ способомъ поправить зло, Юстиніанъ, по вдохновенію свыше, самъ начертилъ всѣ необходимые для этого планы[2]. Такимъ образомъ, чтобы возвысить величіе своего избранника, Богъ сдѣлалъ его импровизированнымъ инженеромъ.

Таковъ панегирикъ: онъ безусловенъ, неограниченъ. Но вотъ и обратная сторона медали. Это — знаменитая «Секретная исторія», гдѣ тотъ же Прокопій, около середины царствованія, собралъ всѣ клеветы, всѣ злословія, всякій вздоръ, который константинопольскіе зѣваки разглашали на счетъ Юстиніана. Тутъ[3] уже не Θемистоклъ или Киръ служатъ точками сравненія, а Домиціанъ, худшій изъ тирановъ. И вотъ портретъ государя, рисуемый авторомъ: это вмѣстѣ глупецъ и злой человѣкъ[4], соединеніе слабости съ испорченностью, притворства съ жестокостью; душа вѣроломная, лживая, низко-клятвопреступная, безъ вѣры и честности, подверженная всякимъ вліяніямъ, въ особенности худымъ, завистливая ко всякому надъ собой превосходству, находящая удовольствіе лишь въ предательствѣ и интригахъ; коротко сказать, это соединеніе въ одномъ характерѣ пороковъ, распредѣляемыхъ природою обыкновенно между нѣсколькими лицами. Таковъ былъ частный человѣкъ; а вотъ теперь

Non dominum; quem non hominem pietate benigna
Continuit, fovit, monuit, nutrivit, amavit?
Et tamen innocuo plures voluere nocere.

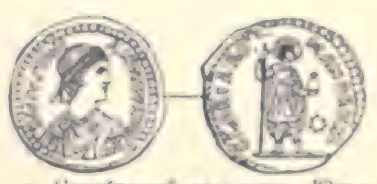
1. Aed., стр. 193 — 194. Ср. стр. 195—197 и *Павелъ Силенц.*, Descr. S. Sophiae, 17—18.

2. Id., стр. 218, ср. стр. 315.

3. Hist. arc., стр. 56—58.

4. Id., 50, μωροκακοήθης. Извѣстное мѣсто (Hist. arc., 53), въ которомъ, какъ долго полагали, Прокопій сравниваетъ Юстиніана съ осломъ, который слушается своего поводыря, довольствуясь тѣмъ, что машетъ ушами, — на самомъ дѣлѣ относится къ Юстину (См. *Haury*, I, 14—15).

императоръ. Если вы пробѣжите книгу «Анекдотовъ», то у васъ получится одно преобладающее впечатлѣніе: въ теченіи своего тридцатилѣтняго царствованія Юстиніанъ имѣлъ одну лишь заботу, единственное попеченіе: собирать деньги во что бы то ни стало, не стѣсняясь при этомъ ни честностью, ни состраданіемъ. При чтеніи разсказа о такой способности, невольно вспоминается извѣстный Панургъ, о которомъ Раблэ говоритъ, «что онъ обладалъ шестидесятью тремя способами добыванія денегъ для своихъ надобностей, причемъ самымъ обычнымъ и наиболѣе почтеннымъ былъ способъ тайной кражи». Когда разсказъ, претендующій на историческую достовѣрность, наводитъ на подобныя сравненія, онъ, думается, сильно рискуетъ не быть болѣе историческимъ.

5. Серебряный медальонъ Юстиніана.

Однако-же Прокопій передаетъ этотъ вздоръ наисерьезнѣйшимъ тономъ: какъ въ дѣлѣ обиранія своихъ подданныхъ Юстиніанъ и Θеодора дѣйствовали за одно—императоръ прикидывался, будто приноситъ въ жертву ненависти императрицы своихъ любимцевъ, которымъ предварительно давалъ возможность обогатиться, а императрица оказывала императору подобную же услугу и, такимъ образомъ, оба сообщника кончали всегда тѣмъ, что разомъ удовлетворяли и своей злобѣ, и своему корыстолюбію [1]; какъ, еще, своею алчностью государь привелъ въ разстройство весь порядокъ государственной службы; какъ онъ былъ фальшивымъ монетчикомъ [2] и проч. По книгѣ «О постройкахъ» Юстиніанъ былъ избранникомъ Божіимъ, въ «Секретной исторіи» Прокопій собираетъ явныя доказательства гнѣва Господа, «который, говоритъ онъ, изъ ненависти къ этому человѣку отъялъ свое покровительство отъ Римской имперіи» [3]. Въ его глазахъ, Юстиніанъ, не болѣе «какъ ниспавшій съ неба бичъ, никого не пощадившій [4]». Онъ представляетъ изъ себя даже нѣчто большее, и здѣсь воображеніе писателя переходитъ границы смѣшного. Онъ преважно сообщаетъ, что, по его мнѣнію, Юстиніанъ не человѣкъ: «это, пишетъ онъ, одинъ изъ тѣхъ страшныхъ демоновъ, которыхъ поэты называютъ вампирами и

1. Hist. arc., стр. 70—71.
2. Id., стр. 140.
3. Id., стр. 111—112.
4. Id., стр. 16.

которые для погубленія смертныхъ принимаютъ человѣческій образъ[1]». А еслибы у васъ на этотъ счетъ явилось сомнѣніе, то выслушайте лучше доказательства[2]: мать Юстиніана сама разсказывала, что имѣла связь съ сверхъестественнымъ существомъ. Но вотъ нѣчто еще болѣе убѣдительное: по ночамъ, какъ утверждаютъ дворцовые слуги, «которые, добавляетъ Прокопій, находились въ совершенно здравомъ умѣ[3]», императоръ зачастую вставалъ и подолгу бродилъ по комнатамъ; но это былъ ужъ не тотъ Юстиніанъ, котораго народъ привыкъ видѣть и привѣтствовать радостными кликами на оффиціальныхъ торжествахъ, то было тѣло безъ головы, въ нескончаемыхъ прогулкахъ обѣгавшее пустынные залы до того часа, когда голова, невѣдомо откуда возвратясь, снова возсоединялась съ такъ странно покинутымъ ею тѣломъ. Въ своемъ предисловіи Прокопій заботливо предупреждаетъ насъ, что будетъ передавать происшествія, «могущія показаться потомству мало вѣроятными и не правдоподобными»[4]. Я очень опасаюсь, чтобы это предупрежденіе не оказалось по меньшей мѣрѣ излишнею предосторожностью.

Выше мы искали объясненія причинъ, почему Прокопій, прежде чѣмъ сдѣлаться крайнимъ панегиристомъ Юстиніана, счелъ нужнымъ стать самымъ горячимъ изъ его порицателей, при чемъ старались опредѣлить, дѣйствительно ли эта «Секретная Исторія», дѣлающая такъ мало чести уму, равно какъ и нравственному достоинству того, кто ее написалъ,— произведеніе Прокопія. Что бы однако не думать на счетъ предложенныхъ заключеній, остается одно, что для насъ важно: гдѣ найти истину между этими двумя совершенно противорѣчивыми портретами?—Безъ сомнѣнія, ни на той, ни на другой сторонѣ, ни въ хвалебныхъ преувеличеніяхъ книги «О постройкахъ», ни въ грудѣ нелѣпостей «Анекдотовъ»; однако, какія же черты изъ этихъ свидѣтельствъ слѣдуетъ предпочтительно удержать, чтобы изобразить человѣка, каковымъ онъ былъ въ дѣйствительности? И если истина заключается между обѣими, какъ это вѣроятно и есть на самомъ дѣлѣ, то какимъ образомъ достичь ея обнаруженія?

Другая трудность усложняетъ задачу. Приступая къ изученію крупной фигуры Юстиніана, не слѣдуетъ забывать

1. Hist. arc., стр. 79.
2. Id., стр. 80—81.
3. Id., стр. 80.
4. Id., стр. 11.

двухъ вещей: во-первыхъ, что въ моментъ вступленія на престолъ ему было сорокъ пять лѣтъ и во-вторыхъ, что онъ процарствовалъ тридцать восемь лѣтъ, то-есть умеръ восьмидесяти трехъ лѣтъ. А за послѣдніе годы, какъ это обыкновенно случается на исходѣ слишкомъ долгаго царствованія, глубокое разслабленіе проникло во всѣ области государственнаго управленія. Императоръ старился: онъ становился безучастнымъ, говоритъ одинъ историкъ той эпохи [1], къ благороднымъ заботамъ, занимавшимъ его въ юности и зрѣломъ возрастѣ, онъ утратилъ ту активность и царственную гордость, коими въ былое время вдохновлялись его рѣшенія. Арміи онъ далъ придти въ упадокъ и крѣпостямъ въ разрушеніе. Безсильный, онъ оставался добровольнымъ зрителемъ злоупотребленій своихъ чиновниковъ, проводя время въ безплодныхъ богословскихъ спорахъ и ограничиваясь въ политикѣ лишь тѣмъ, что посѣвалъ раздоры среди варваровъ и, въ случаѣ опасности, покупалъ цѣною золота ихъ отступленіе. Всѣмъ извѣстно, введенное Мишле, знаменитое медицинское подраздѣленіе царствованія Людовика XIV; также точно пробовали различать въ царствованіи Юстиніана эпохи до и послѣ чумы, и въ самомъ дѣлѣ достовѣрно, что въ 542 году императоръ тяжко занемогъ этой болѣзнью и лишь съ трудомъ оправился отъ нея. Равнымъ образомъ, пытались раздѣлить царствованіе Юстиніана, по времени прав-

6. Императоръ Юстиніанъ на мозаикѣ въ церкви св. Аполлинарія въ Равеннѣ (по фотографіи Алинари).

1. *Agathias*, стр. 306—308.

ленія съ Өеодорой и безъ нея, и неоспоримо тоже, что смерть императрицы, послѣдовавшая въ 548 году, ознаменовываетъ собою начало ослабленія и упадка. Во всякомъ случаѣ, какія бы этому ни были причины, тотъ фактъ остается въ силѣ, что Юстиніанъ состарился и ощутилъ во всей тяжести бремя своихъ лѣтъ. Поэтому, если для написанія его портрета мы станемъ искать чертъ преимущественно въ этомъ періодѣ дряхлости, когда императоръ порою представляется какъ бы пережившимъ самого себя, не рискуемъ ли мы исказить обликъ человѣка и присущій ему характеръ?

Какъ же долженъ поступить историкъ, хотя бы лишь для одного наброска этой внушительной фигуры, безспорно заслуживающей, по выдающемуся міровому положенію человѣка, своего воспроизведенія? Прежде всего, по счастью, у насъ сохранилось о Юстиніанѣ нѣсколько разбросанныхъ свидѣтельствъ историковъ, болѣе независимыхъ и менѣе предвзятыхъ, чѣмъ Прокопій,—каковы: Агаөій, Евагрій, Малала, Іоаннъ Ефесскій, Іоаннъ Никіускій,—которые позволяютъ провѣрять и исправлять утвержденія этого писателя. Затѣмъ и въ самой «Секретной Исторіи» не все безъ разбора должно отвергнуть. Если заимствовать изъ нея слѣдуетъ съ чрезвычайною осторожностью, то по крайней мѣрѣ тѣ немногія хорошія качества, которыя въ этомъ памфлетѣ приписываются императору, ни мало не должны казаться намъ подозрительными. Въ особенности же нужно разсмотрѣть великія событія царствованія, изслѣдовать движущія силы, коими онѣ были вызваны, выяснить роль, какую въ нихъ игралъ императоръ: здѣсь исторія войнъ Юстиніана, написанная Прокопіемъ, на этотъ разъ, съ бо́льшимъ безпристрастіемъ, снабдитъ насъ чрезвычайно полезными указаніями; и когда эти указанія будутъ согласны съ мыслями, выраженными въ законодательныхъ актахъ Юстиніана, то не окажемся ли мы въ правѣ удержать выступившія такимъ образомъ черты, съ нѣкоторой надеждой на ихъ истинность, для портрета императора, который мы должны теперь попытаться сдѣлать?

III.

По тѣлосложенію, говоритъ Прокопій[1], Юстиніанъ былъ роста средняго, плотный, но не толстый; лицо имѣлъ круглое, цвѣтъ лица румяный, голову скорѣе красивую. Другой лѣтописецъ, Іоаннъ Малала[2], добавляетъ, что у него былъ—носъ прямой, цвѣтъ лица свѣтлый и яркій, волосы вьющіеся съ начинающейся плѣшивостью, и что голова и усы его рано засеребрились просѣдью. Интересно сопоставить съ этими свидѣтельствами два мозаичныхъ изображенія, которыя можно видѣть въ Равеннѣ, одно—въ церкви св. Виталія и другое въ храмѣ св. Аполлинарія, называемомъ «Nuovo»[3]. Оба дѣйствительныя произведенія современныхъ Юстиніану художниковъ, причемъ мы знаемъ въ точности и время, къ какому онѣ относятся: первое къ 547 году, а второе позднѣйшее, по меньшей мѣрѣ лѣтъ на десять; оба, сверхъ того, предполагая ихъ въ остальномъ совершенно точными, замѣтно нѣсколько подновлены. Въ абсидѣ св. Виталія голова слегка удлинена, подбородокъ выражаетъ твердость и властность; не очень высокій лобъ осѣненъ прядями волнистыхъ волосъ; носъ прямой, тонкій и характерный; надъ небольшимъ, выразительнымъ ртомъ, съ довольно полными губами, виднѣются усы; широко открытые глаза съ очень расширенными зрачками, смотрятъ пристально, прямо передъ собой. Портретъ, находящійся въ церкви св. Аполлинарія, представляетъ намъ Юстиніана нѣсколько потолстѣвшимъ и обрюзгшимъ; низъ

1. Hist. arc., стр. 54—55.

2. *Malalas*, стр. 425.

3. Монеты снабжаютъ насъ тоже кой-какими полезными указаніями. См. *Sabatier*, Description générale des monnaies byzantines, t. I, pl. XII, 7 (Юстиніанъ молодой); pl. XIII, 13 (Юстиніанъ въ 538 г.); pl. XVI, 21 (Юстиніанъ въ 546 и 554 гг.); pl. XIV, 6 (Юстиніанъ въ 560 г.). Тѣмъ не менѣе изображенія государя на монетахъ не всегда очень характерны; одна и таже фигура встрѣчается на монетахъ 528 и 530 гг., также на монетахъ 547 и 548 гг. (pl. XV, 15—21). Болѣе выразительныя изображенія встрѣчаются на знаменитомъ медальонѣ, украденномъ въ 1831 г. изъ Кабинета медалей (*Babelon*, Justinien et Bélisaire), пожалуй еще на Керченскомъ щитѣ (*Стржиговскій*, Der Silberschild aus Kertsch), да на издѣліи изъ слоновой кости коллекціи Barberini, хранящемся нынѣ въ Луврѣ (*Schlumberger* въ Monuments Piot, t. VII). Впрочемъ то, что императоръ, изображенный на керченскомъ дискѣ, есть дѣйствительно Юстиніанъ, оспаривалось (См. *Бѣляевъ*, Журн. Мин. Нар. Просв. 1893 г., т. 289, стр. 321).

лица пополнѣлъ и обремененъ двойнымъ подбородкомъ; глаза, глубже обведенные синевой, имѣютъ выраженіе болѣе вялое и безучастное; усы исчезли и эта жирная и гладкая маска съ видомъ простодушія и притворства не имѣетъ

7. Императоръ Юстиніанъ на мозаикѣ церкви св. Виталія (фотографія Алинари).

болѣе того выраженія энергіи и нѣкоторой озабоченности, какъ на изображеніи въ церкви св. Виталія. Это — Юстиніанъ въ старости, какимъ онъ является въ концѣ царствованія. Это уже не прежній славный побѣдитель Вандаловъ и Остготовъ.

Такова внѣшность; теперь слѣдуетъ попытаться,—и это представляетъ особыя трудности, — разгадать внутренняго человѣка. Здѣсь внѣшность скорѣе подкупаетъ своею привлекательностью: среди его двора, гдѣ этикетъ играетъ такую значительную роль, императоръ щеголяетъ неподдѣльною простотой обхожденія. Прежде всего онъ доступенъ, милостивъ на пріемахъ; онъ никого не устраняетъ отъ своихъ аудіенцій, нисколько не оскорбляется незначительными погрѣшностями въ позѣ или выраженіи, могущими нарушать церемоніалъ; тонъ у него мягкій и любезный; по его манерамъ, заявляетъ авторъ «Секретной Исторіи», вы бы сказали, что у этого человѣка душа овечья [1].

Умѣстно дополнить, что эта наружная доброта, быть можетъ, была болѣе, чѣмъ одна простая внѣшность. Въ Юстиніанѣ указываютъ на черты истиннаго великодушія и настоящаго милосердія. Онъ былъ чрезвычайно заботливъ въ дѣлѣ благотворенія и сострадателенъ къ несчастнымъ. Безспорно, то была его роль правителя и долгъ христіанина, но въ этомъ же сказался и порывъ его сердца. Малала приводитъ примѣры его щедрости [2], противорѣчащіе ненасытимой алчности, приписываемой ему Прокопіемъ; онъ представляетъ доказательства благодарности, выказанной Юстиніаномъ въ отношеніи вѣрныхъ слугъ, которыя являютъ его не такимъ неблагодарнымъ, какъ это утверждаетъ «Секретная Исторія». Наконецъ, нѣчто болѣе рѣдкое,—этотъ императоръ умѣлъ прощать. Я не говорю здѣсь о благодушіи,—весьма относительномъ,—какое послѣдовало за подавленіемъ мятежа «ника» [3]: здѣсь была скорѣе усталость убивать, а также осторожность, чѣмъ дѣйствительное милосердіе.

8. Мѣдная монета Юстиніана, 538 г.

1. Histor. arc., стр. 82—85. Ср. стр. 92 и *Zonaras*, III, стр. 151.

2. *Malalas*, стр. 439—440.

3. Bell. Pers., стр. 129. Ср. стр. 133 и *Zach. Rh.*, стр. 180, который говоритъ, что Юстиніанъ простилъ бы, но что Θеодора потребовала смерти главарей мятежа.

Я не говорю о снисходительности,—притомъ чрезмѣрной,—какую Юстиніанъ проявлялъ въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ своихъ любимцевъ: это была слабость и ничего болѣе. Но онъ умѣлъ прощать завѣдомыхъ заговорщиковъ, какимъ былъ извѣстный Артабакъ, армянскій кандотьеръ, въ продолженіи долгаго времени осыпаемый его милостями и получившій, не смотря на свою измѣну, послѣ немногихъ мѣсяцевъ опалы, высокое назначеніе[1], или такихъ, какъ Пробъ, приговоренный имперскимъ сенатомъ къ смерти, но котораго онъ отпустилъ на свободу съ такими пренебрежительными, но не лишенными красоты словами: «за себя, я прощаю тебѣ твое преступленіе, лишь бы Богъ тебя такъ же простилъ[2]»!

Но вотъ еще другое хорошее качество. Юстиніанъ чрезвычайно заботился о соблюденіи своего достоинства и величія, приличнаго его сану. Въ самыхъ серьезныхъ обстоятельствахъ онъ умѣлъ, по крайней мѣрѣ въ общемъ, (такъ какъ подъ старость онъ нѣсколько утратилъ такое самообладаніе)[3], владѣть собою и хладнокровно отдавать приказанія. «Никогда,—говоритъ одинъ историкъ,—онъ не проявилъ гнѣва или вспыльчивости въ отношеніи тѣхъ, кто его оскорбилъ»[4]. Скажутъ, пожалуй, что самообладаніе, доведенное до такой степени, отчасти граничитъ съ притворствомъ, но столь же справедливо будетъ добавить, что императоръ не разъ умѣлъ выслушивать безъ раздраженія непріятныя для себя, но честные и вѣрные совѣты, и, что еще болѣе замѣчательно, умѣлъ имъ слѣдовать.

Можно отмѣтить въ немъ и другія достоинства. Этотъ всесвѣтный властелинъ ведетъ жизнь необычайной простоты; его столъ показался бы скромнымъ скромнѣйшимъ гражданамъ нашего времени. Онъ никогда не пьетъ вина, едва отвѣдываетъ кой-какой пищи, преимущественно изъ овощей; онъ считаетъ чѣмъ-то низменнымъ и презрѣннымъ удовлетвореніе этихъ чувственныхъ позывовъ и нерѣдко встаетъ изъ-за стола, еле испробовавъ поданныхъ блюдъ[5]. Онъ часто остается по два дня безъ принятія твердой пищи и, когда религія того требуетъ, охотно подчиняется совершенному посту въ теченіи

1. Bell. Goth., стр. 416.

2. *Malalas*, стр. 438—439. Юстиніанъ, впрочемъ, очень любилъ, чтобы хвалили его милосердіе и великодушіе (*Paul Silent.*, Descr. S. Sophiae, 22, 40, и слѣд.).

3. Bell. Goth., стр. 415. *Malalas*, стр. 494.

4. Hist. arc., стр. 83.

5. Id., стр. 86—87. Ср. id., стр. 81—82, также Aed., стр. 196.

одного дня и двухъ ночей. Такъ же мало времени онъ посвящаетъ сну. Не знаю, который именно изъ его царедворцевъ прозвалъ его: «неусыпный царь» (βασιλεὺς ἀκοίμητος)[1], и, въ самомъ дѣлѣ, онъ поднимается съ разсвѣтомъ и ложится спать лишь позднею ночью; онъ даже снова встаетъ съ постели съ тѣмъ, чтобы среди ночи опять приняться за работу[2], и вотъ гдѣ секретъ тѣхъ ночныхъ прогулокъ, которыя такъ странно смущали воображеніе Прокопія. Если существуетъ качество, которое у Юстиніана невозможно оспаривать, такъ это его большое трудолюбіе: онъ хотѣлъ знать во всѣхъ подробностяхъ текущія дѣла имперіи и не жалѣлъ своихъ трудовъ на то, чтобы самому лично все изслѣдовать[3]. Чтобы быть освѣдомленнымъ, онъ умножалъ аудіенціи, принимая людей самыхъ безвѣстныхъ, даже совершенно незнакомыхъ, и подолгу бесѣдуетъ съ ними. Онъ то и дѣло самъ заступаетъ мѣсто своихъ секретарей, чтобы непосредственно давать ходъ нерѣшеннымъ вопросамъ. Онъ любилъ писать[4], и ему нельзя отказать въ удивительной способности къ труду, въ чрезвычайной любви къ порядку, во внимательной заботливости о регулярномъ ходѣ правленія. Возможно, что въ этомъ отношеніи съ Юстиніаномъ случилось то же, что произошло съ Филиппомъ II, на котораго онъ впрочемъ походитъ и другими чертами характера, а именно, что, благодаря этому стремленію къ добросовѣстному изслѣдованію всякаго предмета до мелочей, онъ оказался наводненнымъ и затопленнымъ дѣлами, и что подъ этой видимостью строгаго контроля расплодилось безъ вѣдома императора много безпорядковъ. Это правдоподобно, даже достовѣрно[5], но тѣмъ не менѣе самое намѣреніе было похвальное. Юстиніанъ умѣлъ выполнять свое дѣло государя.

Впрочемъ, къ этому его вполнѣ естественно побуждалъ его очень властный характеръ. «Онъ не позволялъ никому, говоритъ Прокопій, на всемъ пространствѣ имперіи, принимать малѣйшее рѣшеніе по собственному почину»[6]. За тысячу миль разстоянія онъ предписывалъ своимъ генераламъ подробности плана кампаніи или системы укрѣпленій, от-

1. Надпись въ церкви свв. Сергія и Вакха (C. I. G., 8639). Ср. *Іоаннъ Лидосъ*, 248, который называетъ его τὸν πάντων βασιλέων ἀγρυπνότατον и восхваляетъ его дѣятельность.

2. Aed., 196.

3. Hist. arc., стр. 88.

4. Hist. arc., стр. 88 γνῶναι τοῖς ὡς εἰπεῖν ἅπαντα.

5. *Іоаннъ Лидосъ*, стр. 255, 263.

6. Nist. arc. стр. 88.

нюдь не допуская нарушенія своей воли [1]. Въ своей царственной гордости онъ присваивалъ себѣ всеобъемлющую способность въ области законодательства или суда, равно какъ и въ военномъ дѣлѣ; онъ охотно производилъ судъ самолично [2] и свое рѣшеніе по всякому предмету считалъ безапелляціоннымъ. Однажды онъ написалъ слѣдующія характеристическія слова: «Если какой-либо вопросъ кажется сомнительнымъ, пусть о немъ доложатъ императору, дабы онъ разрѣшилъ таковой своею самодержавною властью, которой одной лишь принадлежитъ право истолкованія закона» [3]. Равнымъ образомъ онъ относился съ недовѣріемъ ко всякому, кто казался достаточно знатнымъ, либо независимымъ, чтобы оспаривать его приказанія [4]. Самые вѣрные слуги, преданнѣйшіе генералы постоянно рисковали задѣть за живое его чуткій деспотизмъ; они всегда находились подъ страхомъ ложнаго обвиненія. Никогда его любимцы, даже самые явные, не могли съ увѣренностью похвалиться тѣмъ, что обладаютъ дружбой своего повелителя. За одинъ лишь шагъ, возбуждающій его зависть, Юстиніанъ забывалъ самыя крупныя услуги. «Ухо его, говоритъ одинъ лѣтописецъ, было всегда отверзто клеветѣ» [5]. Велизарій въ особенности жестоко испытывалъ это на себѣ [6]. Всю свою жизнь онъ былъ подозрѣваемъ: императоръ завидовалъ его военной славѣ, завидовалъ его богатству, завидовалъ его популярности. Противъ него онъ былъ готовъ принимать всѣ доносы, поощрять всякія интриги; даже наканунѣ своей смерти великій и честный полководецъ былъ обвиненъ въ крамолѣ и немедленно подвергнутъ опалѣ [7]. Едвали нужно добавлять, что легенда и пѣсня своеобразно прикрасили эту исторію. Конечно, очень трогательная картина—представить себѣ Велизарія слѣпымъ, вынужденнымъ наравнѣ съ нищими протягивать руку предъ прохожими, но на несчастье чувствительнымъ душамъ, эта картина не имѣетъ въ себѣ ни малѣйшей исторической правды. Однакожъ и того, что было въ дѣйствительности, достаточно для доказательства, что Юстиніанъ не щеголялъ благодарностью. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ добавить, что его тревоги

1. C. J., I, 27, 2.
2. Nov. 88, praef.
3. *Const.*, Tanta, 21.
4. Hist. arc., стр. 85.
5. *Zonaras*, т. III, стр. 151.
6. Hist. arc., стр. 34. Императоръ конфисковалъ въ свою пользу по смерти Велизарія огромныя имѣнія этого генерала (*Zonaras*, стр. 175). Эта подробность могла способствовать образованію легенды.
7. *Malalas* (Hermes, VI 379—380

подчасъ были небезосновательны. Противъ его жизни не разъ составлялись заговоры, да, кромѣ того, и самый способъ, какимъ его дядя и онъ самъ достигли императорской власти, какъ нельзя лучше можетъ служить къ объясненію и оправданію подозрѣній, внушаемыхъ ему слишкомъ блестящей славой его побѣдоносныхъ полководцевъ.

Вотъ еще другая черта. Этотъ абсолютный, деспотическій монархъ проявляетъ часто ребяческое тщеславіе. Этотъ выскочка преисполненъ столь высокаго мнѣнія о своемъ императорскомъ достоинствѣ, что хотѣлъ бы, чтобы его царствованіемъ была обозначена и запечатлѣна его именемъ эра полнаго возстановленія всей имперіи. Несомнѣнно, было бы чрезмѣрнымъ сказать вмѣстѣ съ Прокопіемъ, что онъ имѣлъ необузданную страсть къ безполезнымъ нововведеніямъ [1]; вообще его реформы имѣли серьезныя основанія, но нужно признаться, что онъ съ нѣкоторымъ излишнимъ самодовольствомъ подчеркивалъ ихъ достоинство и новизну и что порою нѣчто смѣшное проглядывало въ его манерѣ украшать предметы, города, учрежденія, полки, эпитетомъ, нѣсколько личнымъ, «Юстиніана» [2]. Я, однако, не думаю, чтобы онъ былъ настолько не уменъ, чтобы прислушиваться ко всяческой низменной лести, которою его осыпали. Когда царедворцы ему заявляли, что онъ могъ бы по желанію воспарить въ воздухѣ, какъ сверхъестественное существо, когда его министръ Трибоніанъ говорилъ ему, что, засѣдая въ совѣтѣ, онъ находился подъ непрестаннымъ страхомъ узрѣть вдругъ своего повелителя восхищаемымъ на небо, подобно пророку Иліи, «за благочестіе» [3], то трудно повѣрить, предполагая розсказни эти точными, чтобы Юстиніанъ въ этомъ находилъ большое удовольствіе. Но несомнѣнно, что подъ этой внѣшностью абсолютизма скрывалась душа нерѣшительная и слабая [4]. Въ трудныхъ обстоятельствахъ

1. Hist. arc., стр. 71, ὅπως δὴ ἅπαντα νεώτερά τε καὶ αὐτοῦ ἐπώνυμα εἴη.

2. *Labbe*, Concilia, V, 582 (Justinianopolis, Nova Justiniana и др.), 583; nov. 11; (Justiniana prima, ср. *Labbe*, IV, 1795, гдѣ папа Агапитъ пишетъ: Justiniana civitas gloriosi natalis vestri conscia); nov. 24, 4, 5; 25, 1, и т. д. *Const.*, Omnem, 2; Bell. Vand, стр. 471. Можно бы приводить подобные примѣры до безконечности. Ср. списокъ, хотя неполный, составленный Алеманни (Procope, боннское изд., т. III, стр. 307—309).

3. Hist. arc., стр. 84. Ср. *Гезихій Милетскій*, De vir. ill., изд. Flach, стр. 52.

4. Hist. arc., стр. 84 — 85, 127. Bell. Goth., стр. 432, 440.

Юстиніана видѣли странно колеблющимся, рискующимъ все испортить своими увертками. Его настроеніе, подвижное и непостоянное, знало рѣзкія перемѣны; то его спокойствіе разрѣшалось внезапнымъ гнѣвомъ, то твердость переходила въ неожиданное уныніе. Это хорошо видно по знаменитому мятежу 532 года, доставившему Сарду одну изъ самыхъ характеристическихъ сценъ въ его «Θеодорѣ»: въ тотъ день онъ, дѣйствительно, явился такимъ, какимъ его изображаетъ драма, низведшимъ до постыднѣйшаго униженія свою царственную гордость, безъ мужества и душевной крѣпости, готовымъ малодушно бѣжать отъ бунтовщиковъ, если бы Θеодора, явившая себя въ эту критическую минуту по истинѣ достойной власти, не вдохнула въ эту смятенную душу сколько-нибудь отъ той пламенной страсти, которая ее воодушевляла [1]. Это еще замѣтнѣе на склонѣ его жизни, когда, останавливаясь въ колебаніи предъ всякимъ твердымъ рѣшеніемъ, онъ то и дѣло раскаивался въ каждомъ принятомъ имъ шагѣ, мѣняя по своему капризу политику, равно какъ и генераловъ, неспособный ко всякому энергическому проявленію воли, сколько-нибудь прочному мнѣнію, и съ непонятною небрежностью предоставляя своему теченію важнѣйшія государственныя дѣла [2]. А вотъ другая слабость. Этотъ всесвѣтный властелинъ, стремившійся къ абсолютизму, служилъ очень часто игрушкою для своихъ окружающихъ и льстецовъ. Θеодора въ теченіи всей своей жизни оказывала на Юстиніана неограниченное вліяніе, столь могущественное, столь безспорное, что столичные сплетники не могли его себѣ объяснить ничѣмъ инымъ, какъ только чародѣйствомъ [3]. Съ не меньшею силою онъ испытывалъ на себѣ власть своего министра Іоанна Каппадокійскаго, искуснаго финансиста, но человѣка продажнаго и порочнаго. Поэтому становится яснымъ, что многія добрыя намѣренія Юстиніана остались невыполненными, остановленныя, либо искаженныя, по совѣтамъ его фаворитовъ [4].

9. Золотой солидъ Юстиніана.

1. Bell. Pers., стр. 125—126.
2. Hist. arc., p. 109—110.
3. Id., стр. 103—104, 127. Ср. Bell. Pers., стр. 134.
4. Bell. Goth., стр. 525.

Было бы ребячествомъ желать скрыть другіе недостатки этого характера: безумную расточительность, швыряющую деньгами безъ счета не столько, впрочемъ, ради собственныхъ нуждъ, сколько для того, чтобы возвысить престижъ и славу монархіи и, какъ необходимое послѣдствіе, чрезвычайную жадность и неразборчивость въ средствахъ добыванія денегъ [1], нѣкоторую наклонность къ притворству, двоедушію, вѣроломству [2],—обычные недостатки при тогдашнемъ византійскомъ дворѣ, исполненномъ хитростей и интригъ; подчасъ, наконецъ,—рѣже, однако, чѣмъ это утверждали,—жестокость, порождаемую въ особенности страхомъ [3], и ненужныя строгости въ отношеніи къ невиннымъ, виновнымъ лишь въ томъ, что обезпокоили государя или осмѣлились противиться его волѣ.

10. Золотая медаль Юстиніана, хранившаяся до 1831 г. въ парижскомъ кабинетѣ медалей.

Въ общемъ, сводя черты настоящаго психологическаго этюда, получается душа плохо уравновѣшенная, полная контрастовъ, и—несмотря на неоспоримыя достоинства,—скорѣе довольно посредственная; чувства—часто мелкія, волю—иной разъ нерѣшительную и слабую, ребяческое тщеславіе, завистливый деспотизмъ, несомнѣнную, но безпокойную и безпорядочную дѣятельность. И въ этомъ весь человѣкъ?—Если бы только это было въ Юстиніанѣ, то конечно трудно было бы понять славу, окружающую его имя; на самомъ же дѣлѣ имѣлось нѣчто иное; если характеръ у него посредственный, то умъ—великій и возвышающій личность. Этотъ македонскій крестьянинъ, взойдя на византійскій престолъ,

1. *Zonaras*, стр. 151,—152 ἀφειδὴς πρὸς χρημάτων ἐξάντλησιν καὶ πρὸς συλλογὴν αὐτῶν ἀναιδέστερος.

2. Hist. arc., стр. 140, 150.

3. Bell. Goth., стр. 415.

былъ продолжателемъ и наслѣдникомъ римскихъ императоровъ; онъ былъ высокимъ представителемъ двухъ великихъ идей: государственной и христіанской, а этого одного достаточно для упроченія его славы.

IV.

Даже изъ императоровъ высокаго происхожденія немногіе обладали въ большей мѣрѣ, чѣмъ этотъ выскочка, чувствомъ императорскаго достоинства и благоговѣйнаго преклоненія предъ римскою традиціей. Прочтите его указы: Юстиніанъ безпрестанно обращается къ воспоминаніямъ о Римѣ, превосходно ему извѣстнымъ и удивительно усвоеннымъ, ища въ нихъ себѣ вдохновеніе. Человѣкъ, какъ мы видѣли,—простъ, почти скроменъ; государь, по занимаемому имъ высокому положенію,—полонъ гордости и честолюбія. Въ силу того, что онъ вступилъ на тронъ Константина, онъ сталъ прямымъ и законнымъ наслѣдникомъ цезарей; онъ, не колеблясь, требуетъ себѣ обратно наслѣдство во всемъ его объемѣ [1]. Тотчасъ по восшествіи своемъ на престолъ, Юстиніанъ сталъ мечтать о всемірной имперіи. То древнеримское единство, среди котораго германскіе выходцы повыкроили себѣ владѣнія, онъ стремился возстановить въ его цѣлости; неотъемлемыя историческія права, тщательно оберегаемыя его предшественниками, онъ хотѣлъ усилить и осуществить въ дѣйствительности [2]; и когда ему приходило на мысль, что имперскія регаліи,—символъ верховной власти,— захваченныя когда-то Гензерихомъ при разграбленіи Рима, находились съ тѣхъ поръ въ плѣну у варваровъ, его гордость испытывала нестерпимое оскорбленіе [3]. Завоевать обратно Африку у Вандаловъ, Италію у Остготовъ, Испанію у Вестготовъ, Галлію у Франковъ,—такова была его мечта. «Онъ стремился, говоритъ Прокопій, покорить весь міръ» [4], а самъ онъ немедленно послѣ занятіи Африки и Сициліи писалъ: «мы питаемъ полную надежду, что Богъ дастъ намъ возвратить остальныя страны, которыми обладали древніе римляне, до предѣловъ обоихъ океановъ [5]». Конечно, въ

1. *Const.*, Deo auctore, 7.
2. C. J., I, 27, 2, praef. Cp. Bell. Vand., стр. 387.
3. C. J., I, 27; I, 7.
4. Bell. Pers., стр. 157.
5. Nov. 30, 11.

высокопарномъ выраженіи этихъ широкихъ упованій было нѣчто призрачное; но и сами порицатели Юстиніана должны признать, что эта жажда славы, направленная у него къ возстановленію римскаго единства, составляла обязанность, присущую его долгу императора[1]. И если подумать, что эта мечта Юстиніана стала почти что дѣйствительностью, что Италія, Африка, Корсика, Сардинія, Балеарскіе острова, часть Испаніи въ его царствованіе были возвращены имперіи, то слѣдуетъ признать, что было нѣкоторое величіе въ человѣкѣ, который сумѣлъ постигнуть и осуществить такую идею.

Римскій императоръ, а Юстиніанъ считалъ себя наслѣдовавшимъ этотъ санъ, былъ не только славнымъ полководцемъ, онъ былъ еще живымъ закономъ, совершеннымъ воплощеніемъ неограниченной власти. Такимъ тоже хотѣлъ быть и Юстиніанъ. Однажды онъ написалъ характеристическія слова: «Что есть большаго и священнѣйшаго императорскаго величества? Кто дерзнетъ пренебрегать сужденіемъ государя, когда сами основатели права прямо и ясно объявили, что императорскія рѣшенія имѣютъ значеніе закона»[2]. Также точно, какъ во внѣшней политикѣ онъ хотѣлъ владычествовать, какъ въ былое время римскій народъ, надъ всѣми народами вселенной, такъ и внутри онъ требуетъ снова для короны всю власть, которая по «lex regia» когда то была дарована императорамъ древности[3]; и дѣйствительно, по выраженію одного историка той эпохи, «онъ былъ первымъ изъ византійскихъ государей, явившимъ себя по имени и на дѣлѣ неограниченнымъ властителемъ римлянъ»[4]. Въ рукахъ самовластнаго монарха все подлежало централизаціи; отъ его высочайшей воли все должно было зависѣть: государство, законъ, религія. Римъ когда то соединялъ въ себѣ военную славу съ блескомъ права; въ этомъ двойственномъ источникѣ онъ черпалъ силу, создавшую его величіе; на этомъ двойномъ основаніи онъ положилъ начало своему всемірному владычеству[5]. Юстиніанъ хотѣлъ дѣлать, какъ его предшественники. Онъ былъ побѣдителемъ, если не лично, то по крайней мѣрѣ усиліями генераловъ, имъ избранныхъ и направляемыхъ; ему хотѣлось быть также и законодателемъ. Онъ имъ и

1. Bell. Pers., стр. 158.
2. C. J., I, 14, 12.
3. *Const.*, Deo auctore., 7.
4. *Agathias*, стр. 306.
5. De Just. cod. confirmando, praef.

былъ съ тѣмъ абсолютизмомъ, какой онъ вносилъ повсюду, безъ колебанія присваивая императорскому сану истинную непогрѣшимость, заявляя свое право, равно и способность, измѣнять, исправлять и толковать законъ. «Наше Величество, пишетъ онъ, по разсмотрѣніи доложенныхъ ему проектовъ, исправило по божественному вдохновенію всѣ неопредѣленности и неясности и придало дѣлу его окончательный видъ[1]». Въ другомъ мѣстѣ, осмѣивая «пустыя и смѣшныя недоумѣнія» тѣхъ, кто подвергалъ сомнѣнію высочайшую непогрѣшимость, онъ замѣчаетъ: «кто былъ бы способенъ, говоритъ онъ, разрѣшать загадочное въ законахъ и открывать его людямъ, если не тотъ, кто одинъ лишь имѣетъ право создавать законъ?»[2] Конечно, въ подобныхъ словахъ есть нѣсколько ребяческое притязаніе; но твореніе, рожденное изъ этихъ идей,—одно изъ величайшихъ въ исторіи. Это—Юстиніаново законодательство, которое господствовало въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ и снабдило современную Европу самыми основами права.

Это еще не все. Императорскому званію прилично заниматься изысканіемъ наивысшаго блага государства. Не знаю, всегда ли заботы Юстиніана имѣли счастливые результаты, какъ онъ надѣялся; но, конечно, есть нѣкоторое благородство, а также извѣстная искренность, въ заявленіяхъ императора, когда онъ утверждаетъ, «что проводитъ дни и ночи въ заботахъ и бдѣніяхъ, дабы придумать для своихъ подданныхъ что либо полезное и угодное Богу»[3]. При добросовѣстности, любви къ порядку и способности къ труду,—что мы за нимъ знаемъ,—это отнюдь не пустыя слова: къ тому же и «Новеллы» всей своей массой обильно свидѣтельствуютъ о разнообразіи его заботъ. «Изъ всѣхъ императоровъ, какъ вѣрно замѣтилъ Ранке, которые царствовали въ Римѣ или Константинополѣ, нѣтъ ни одного, административная дѣятельность котораго прилагалась бы къ столькимъ предметамъ, какъ у Юстиніана»[4]. Справедливость требуетъ добавить, что къ этому царствованію относятся нѣсколько величайшихъ реформъ, и если Юстиніанъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы присоединять свое имя ко многимъ дѣламъ, то иныя изъ нихъ дѣлаютъ честь имени, ставшему съ ними неразлучнымъ.

1 *Const.*, Tanta, praef.

2. C. J., 1, 14, 12, ср. *Const.*, Tanta, 21.

3. Nov. 8, praef.

4. *Ranke*, Weltgeschichte, IV, стр. 120.

Приведемъ еще одну черту. Этотъ императоръ въ столь высокой степени обладалъ сознаніемъ исключительности своего императорскаго достоинства, что желалъ бы окружить его всевозможною пышностью и украсить всяческимъ великолѣпіемъ. Самъ онъ, какъ мы видѣли, мало придерживается этикета, но за то Священныя Палаты должны сіять неслыханнымъ блескомъ. Самъ по себѣ, онъ скроменъ и простъ, но ему хочется, чтобы императорское имя было украшено самыми громкими эпитетами, чтобы звонкіе титулы—Аллеманскаго, Готскаго, Франкскаго, Германскаго, Вандальскаго, Аланскаго, лестныя прозвища—благочестиваго, счастливаго, славнаго, побѣдоноснаго и торжествующаго императора уравнивали его съ знаменитѣйшими изъ его предшественниковъ [1]. Въ особенности ему желательно, чтобы монархія блистала пышнымъ великолѣпіемъ. Онъ ничего не пожалѣетъ для усиленія блеска своей столицы, такъ какъ столица эта нѣкоторымъ образомъ служитъ видимымъ символомъ имперіи. Онъ собираетъ въ нее сокровища античнаго искусства, умножаетъ въ ней образцовыя художественныя произведенія, и вдохновлявшая его къ тому мысль выступаетъ со всею яркостью въ томъ крикѣ гордости, но гордости грандіозной, который вырвался у него въ торжественный день освященія св. Софіи: «Слава Богу, признавшему меня достойнымъ для совершенія такого дѣла! Я побѣдилъ тебя, о Соломонъ!» Тутъ таже идея императорства воодушевляла Юстиніана. И чрезъ св. Софію, а также и за свой Кодексъ, этотъ императоръ, имѣвшій чувство великаго и любовь къ нему, и самъ тоже остается истинно великимъ.

Но на ряду съ римскою традиціею выступаетъ и христіанское вліяніе. Византійскій императоръ не только наслѣдникъ римскаго «imperator'а»; онъ также, какъ говорилось, «isapostolos»,—князь, подобный апостоламъ, верховный глава и защитникъ религіи, которому Церковь воздаетъ настоящее почитаніе. Отсюда въ личности Юстиніана открывается новая сторона.

Юстиніанъ былъ крайне набоженъ и даже суевѣренъ. Къ тому же его религіозная ревность совершенно естественно рождалась изъ идеи, которую онъ себѣ составилъ объ императорскомъ величествѣ. Для него императоръ есть необходимо избранникъ Божій, котораго Господь, по особому своему

1. *Const.*, Deo auctore, Omnem, Tanta, etc. C. I. G., 8636, 8637—8638.

усмотрѣнію, приставилъ къ управленію человѣческими дѣлами[1], простирая надъ нимъ во всѣхъ обстоятельствахъ свою попечительную десницу; къ нему онъ приходитъ на помощь во всѣхъ трудностяхъ и опасностяхъ. Идетъ ли дѣло о томъ, чтобы благополучно завершить великій законодательный трудъ: «вещь, пишетъ государь, казалась трудной, невозможной, но, воздѣвъ руки къ небу и призвавъ Его на помощь, мы снова обрѣли покой, уповая на Бога, который могуществомъ своимъ можетъ привести къ концу самыя безнадежныя предпріятія»[2]. Предстоитъ ли воевать: «это отнюдь не въ оружіи, говоритъ опять императоръ, что мы полагаемъ свою увѣренность, ни въ солдатахъ, ни въ генералахъ, ни въ нашемъ собственномъ геніи; но мы возлагаемъ всю нашу надежду на провиденіе Святой Троицы[3]». И такъ глубока его вѣра въ небесное покровительство, такъ тверда его увѣренность въ договорѣ, связывающемъ его съ божествомъ, что онъ, не колеблясь, прилагаетъ къ себѣ слова пророковъ и стихи Псалмопѣвца: на базисѣ конной статуи, воздвигнутой въ честь его, въ центрѣ форума Августа (Forum Augusteon), Юстиніанъ приказалъ вырѣзать такую смиренно-горделивую надпись, рисующую его настоящимъ представителемъ Бога на землѣ: «Онъ возсядетъ на коней Господнихъ и ѣзда его будетъ спасеніе. Царь возлагаетъ надежду свою на Бога и врагъ его не сможетъ его одолѣть»[4].

11. Статуя Юстиніана на Августеонѣ, по рисунку Нимфиріуса въ библіотекѣ сераля.

1. *Const.*, Tanta, 18.
2. *Const.*, Deo auctore, 2.
3. Id., praef.
4. *Mordtmann*, Esquisse topographique de Constantinople au moyen âge стр. 55. О статуѣ, ср. *Malalas*, стр. 482, и *Mordtmann*, l. c., стр. 64—65.

Для Бога, который его вдохновляетъ и ему помогаетъ [1], умножаетъ въ его пользу милости и чудеса [2], Юстиніанъ долженъ быть самымъ благодарнымъ и преданнымъ изъ слугъ. Если онъ ведетъ войну, то не исключительно затѣмъ лишь, чтобы снова привести къ римскому единству провинціи, плѣненныя варварами: будучи правовѣрнымъ государемъ, онъ страдаетъ, быть можетъ съ еще большимъ нетерпѣніемъ, видя православныхъ христіанъ въ подчиненіи у еретиковъ аріанъ, «гонителей душъ и тѣлесъ» [3]. На ряду съ возстановителемъ историческихъ правъ имперіи въ немъ былъ борецъ за Бога. Въ его военныхъ предпріятіяхъ есть доля энтузіазма крестоваго похода; равно и во внутреннемъ управленіи религія у него нераздѣльна съ политикой. Чтобы вѣрно уловить это сочетаніе разнообразныхъ чувствъ, образующее самую основу императорской души, въ особенности надо прочесть предисловіе къ большому указу, обнародованному Юстиніаномъ тотчасъ послѣ покоренія Африки [4]. Здѣсь все: и благочестіе христіанина, изливающееся въ благодареніяхъ предъ Богомъ, явившимъ ему новое и еще болѣе яркое доказательство своего благоволенія, и гордость государя, который величается тѣмъ, что вернулъ свои утраченныя области и отвоевалъ у варваровъ облаченія и знаки императорскаго достоинства. Тутъ, благоговѣйный князь религіи скромно благодаритъ небо, благоволившее избрать его для отмщенія страданій церкви; тамъ, надменный императоръ горделиво напоминаетъ, что въ пріобрѣтенной имъ славѣ было отказано его предшественникамъ, и объявляетъ, что эра счастья открывается для Африки съ его царствованіемъ. Императорское высокомѣріе, христіанское смиреніе, въ которомъ быть можетъ, проявляется еще болѣе гордости, — въ этомъ весь Юстиніанъ, сказывающійся и резюмирующійся въ характеристическомъ и достовѣрномъ памятникѣ своей мысли.

Конечно, религіозная страсть, воспламенявшая Юстиніана, имѣетъ свои дурныя стороны и опасности. Она быстро ведетъ къ религіозной нетерпимости и порождаетъ гоненіе противъ всякаго, кто вѣруетъ иначе, чѣмъ государь, и гоненіе это, какъ бы жестоко оно ни было, становится

1. Nov. 28, 4, ad fin.

2. Aed., стр. 193—194, 195—196. Ср. *Павелъ Силенц.*, стр. 6—21, который говоритъ, что «противиться государю, значитъ возставать на самого Бога» (Ibid., 54—55).

3. C. J., I. 27, I, I.

4. Id.

для него законнымъ и священнымъ. «Онъ не считалъ убійствомъ, говоритъ Прокопій — и тутъ снова вспоминается Филиппъ II — смерть, которой подвергали людей, не раздѣлявшихъ его вѣрованій» [1]. Самъ онъ какъ то написалъ: «мы питаемъ ненависть къ еретикамъ» [2], и онъ доказывалъ это въ теченіи всей своей жизни, безпощадно преслѣдуя всѣхъ иновѣрцевъ, евреевъ, аріанъ, донатистовъ, монофизитовъ и язычниковъ [3]. А вотъ и другая опасность, проистекающая изъ такого отношенія къ религіи: абсолютный императоръ, интересующійся церковью, очень рискуетъ стать ея тираномъ. Юстиніанъ во всѣ времена любилъ непосредственно вмѣшиваться въ богословскіе споры: онъ красно говорилъ, зналъ это и охотно поучалъ епископовъ въ бесѣдахъ, исполненныхъ умилительности и сладости, отъ которыхъ слушатели оставались въ восхищеніи. «Еслибы я, пишетъ одинъ архіерей, не слыхалъ своими ушами слова, которые, по милости Божіей, исходили изъ благословенныхъ устъ государя, то съ трудомъ бы тому повѣрилъ, настолько въ нихъ обрѣтались соединенными кротость Давида, терпѣніе Моисея и благость апостоловъ» [4]. Такими ораторскими успѣхами быстро опьяняются: Юстиніанъ съ годами все болѣе и болѣе впадалъ въ манію богословствованія. Онъ съ каждымъ днемъ находилъ все болѣе удовольствія въ тончайшихъ изысканіяхъ, въ безполезныхъ спорахъ о природѣ Божества; онъ проводилъ ночи, нѣкогда посвящаемыя государственнымъ дѣламъ, въ преніяхъ съ епископами на тексты Писанія [5]; онъ хотѣлъ поучать такъ же, какъ производилъ реформы и законодательствовалъ, и, имѣя быть можетъ благое намѣреніе возстановить миръ въ церкви и порядокъ въ государствѣ, на самомъ дѣлѣ возбудилъ въ немъ междоусобіе. Таковы неудобства христіанской идеи, когда она развивается въ головѣ императора: но не служитъ ли она за то въ другомъ направленіи могучимъ началомъ дѣятельности? И когда на ряду съ войнами и анаѳематствованіями, забота о религіи внушаетъ христіанскія миссіи, которыя во времена Юстиніана разнесли

1. Hist. arc., стр. 84.

2. Nov. 45, praef.

3. Hist. arc. стр. 73—76, 156.

4. *Labbe*, IV, 1777. См. по поводу любви Юстиніана къ полемикѣ, Nov. 132, гдѣ онъ намекаетъ на свои богословскія писанія, и *Liberatus*, Breviarium (P. L. t. 68, стр. 603)

5. Bell. Goth., 409—410, 429. Hist arc., стр. 110. Ср. Vita Eutychii (P. G., t. 86, 2314).

православіе и цивилизацію отъ оазисовъ Сахары до горъ Кавказа, изъ нѣдръ Абиссиніи до береговъ Дуная, то совершенное дѣло достойно того, чтобы его цѣнили и прославляли.

И, конечно, можно посмѣиваться надъ Юстиніаномъ, сочиняющимъ гимны, регламентирующимъ при помощи церковныхъ текстовъ время поста [1], или съ бранью препирающимся съ невѣжественными монахами, думающими иначе, чѣмъ онъ. Нужно печалиться, когда видишь его забывающимъ, за безплодными спорами, находящуюся въ отчаянномъ положеніи Италію, или проливающимъ кровь въ удовлетвореніе пустому желанію навязать тотъ или иной членъ вѣры. Но когда онъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы служить воспріемникомъ королямъ варваровъ, приходившимъ въ Константинополь за крещеніемъ [2], когда онъ осыпалъ знаками вниманія и подарками этихъ странныхъ новообращенныхъ изъ крымскихъ гунновъ, геруловъ, кавказскихъ иверовъ, когда онъ посылалъ по всему свѣту миссіонеровъ проповѣдывать евангеліе еретикамъ и язычникамъ, то совершалъ дѣло по крайней мѣрѣ столь же политическое, какъ и христіанское, и вотъ тутъ-то христіанская идея, живымъ воплощеніемъ которой Юстиніанъ сталъ позднѣе въ умахъ народовъ [3], встрѣтилась съ идеей императорской, которой онъ остался самымъ славнымъ представителемъ.

V.

Я не думаю, чтобы Юстиніану, изъ-за того, что онъ обладалъ этими двумя великими идеями, слѣдовало приписывать первостепенный умъ: въ глазахъ самихъ современниковъ, какъ мы видѣли, идеи эти казались почти неотдѣ-

1. *Malalas*, стр. 482; ср. id., стр. 489.

2. Id., стр. 438.

3. Одинъ египетскій историкъ VI вѣка, епископъ Іоаннъ Никіусскій, приводитъ интересное сказаніе: «Императоръ Юстиніанъ, говоритъ онъ, любилъ Бога всѣмъ своимъ сердцемъ и всею душею своею». Въ Константинополѣ же былъ въ то время одинъ чародѣй, извѣстный своими волшебствами. Вѣрные тщательно избѣгали этого сообщника ада, но нѣкоторые знатные придворные, которые болѣе занимались театромъ и конскими ристалищами, чѣмъ духовными предметами, совѣтовали императору воспользоваться его услугами. «Человѣкъ этотъ, говорили они, довершивъ разореніе персовъ, доставитъ побѣду римлянамъ;

лимыми отъ сана императора. Но если вспомнить, что человѣкъ, который ихъ такъ удивительно воспринялъ и усвоилъ, былъ лишь простой иллирійскій крестьянинъ, то должно признаться, что умъ этого человѣка не имѣлъ недостатка ни въ широтѣ, ни въ глубинѣ. Историкъ вправѣ спросить себя: не оказался ли бы Юстиніанъ болѣе мудрымъ, принимая ихъ не столь слѣпо, и это на самомъ дѣлѣ можно предполагать. Но посмотрите, какую силу надъ нимъ имѣли

12. Серебряный дискъ съ изображеніемъ императора VI вѣка, найденный въ Керчи.

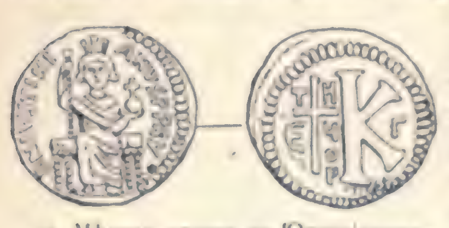
своими тайными сношеніями онъ будетъ полезенъ имперіи, будетъ сдерживать народъ и способствовать легкому поступленію налоговъ; онъ пошлетъ къ персамъ демоновъ, обезсилитъ посредствомъ всяческихъ насланій ихъ воиновъ и сдѣлаетъ то, что римляне восторжествуютъ безъ боя». Несмотря на эти соблазнительныя обѣщанія, императоръ оставался непоколебимъ; однакожъ, подъ конецъ, онъ велѣлъ позвать къ себѣ этого человѣка, но за тѣмъ лишь, чтобы обратиться къ нему съ такою рѣчью: «Я, Юстиніанъ, христіанскій императоръ, буду торжествовать съ помощью демоновъ? Нѣтъ: помощь моя отъ Бога и Господа моего Іисуса Христа, творца небесъ и земли». И, сказавъ это, онъ изгналъ кудесника изъ своего присутствія, а впослѣдствіи, какъ и подобало, приказалъ его сжечь» (Іоаннъ Никіусскій, стр. 509, 510).

эти двѣ господствующія идеи: всякій разъ, когда онѣ его особенно вдохновляли, казалось, что онъ преображается и возвышается надъ самимъ собой. Тогда возстаетъ новый Юстиніанъ, болѣе твердый, болѣе рѣшительный, умѣющій, вопреки оппозиціи окружающихъ его, стать иниціаторомъ смѣлыхъ рѣшеній и держаться таковыхъ. Несомнѣнно,что эти великія идеи несутъ сами въ себѣ свой недостатокъ. Ихъ осуществленіе развиваетъ въ томъ, кто ихъ усвоилъ, невѣроятное высокомѣріе и гордость. «Никогда доселѣ, пишетъ императоръ, Богъ не даровалъ римлянамъ такихъ побѣдъ»[1], какъ въ наше царствованіе. Въ другомъ мѣстѣ онъ восклицаетъ въ восторгѣ тріумфатора: «Благодарите небо, обитатели вселенной, которое сберегло для вашего вѣка совершеніе столь великаго дѣла. То, чего древность, видимо, не была достойна, по суду Божьему осуществилось въ наше время»[2].

Вотъ что идеи эти дѣлаютъ изъ человѣка; для имперіи же послѣдствія ихъ оказались быть можетъ еще болѣе серьезными. Осуществленная христіанская идея породила ту глубокую нетерпимость, которая вызвала неудовольствіе подданныхъ и почти отторгла отъ монархіи монофизическіе Египетъ и Сирію. Осуществленная императорская идея оказалась едва ли не еще болѣе гибельной. Громадныя честолюбія обходятся дорого людямъ, которые имъ служатъ безсознательными орудіями. Чтобы имѣть деньги, всѣ средства представлялись Юстиніану хорошими: налоги умножались и взимались съ безпощадною жестокостью. «Первая обязанность подданныхъ, пишетъ этотъ государь, и лучшее имѣющееся у нихъ средство благодаренія императора за попечительность— уплачивать съ безусловнымъ самоотверженіемъ общественныя подати полностью»[3]. Императоръ предоставилъ полный просторъ алчности и лихоимству своихъ чиновниковъ, лишь бы только деньги исправно поступали въ казну, причемъ «оказывалъ все свое благоволеніе, говоритъ одинъ лѣтописецъ, тѣмъ, кто придумывалъ способы добыванія денегъ»[4], и самъ онъ, ради удовлетворенія нужды въ деньгахъ на свои войны, не останавливался ни предъ несправедливостью, ни предъ самыми безчестными пріемами[5]. Такова ужъ обычная плата за славу: глубокая нищета и полное истощеніе государства.

1. Nov. I, praef.
2. *Const.*, Tanta, 19.
3. Nov. 8, гл. 10.
4. *Zonaras*, стр. 152 Ср Bell. Goth, стр. 525. *Zach. Rhet.*, стр. 188
5. *Evagrius*, 4. 30.

Всѣмъ извѣстенъ знаменитый анекдотъ: «Когда я умру, спрашивалъ Наполеонъ I одного изъ своихъ придворныхъ, что тогда скажутъ?—Государь—отвѣчалъ собесѣдникъ—будутъ говорить разное...—«Нѣтъ, рѣзко прервалъ императоръ, скажутъ: уфъ!» Народы сказали: уфъ! на другой день смерти Юстиніана. Поэтъ Кориппъ повѣствуетъ [1], что когда преемникъ умершаго императора въ первый разъ появился въ гипподромѣ, то былъ встрѣченъ слезно умоляющей толпой криками: «Сжалься надъ нами, взывали эти люди, ибо мы погибаемъ. Приди на помощь твоимъ рабамъ». «Ты благочестивъ, кричали другіе, ты всемогущъ. Воззри на наши слезы, облегчи нашу нищету». Это были всѣ тѣ, у которыхъ Юстиніанъ вымучивалъ деньги: семьи несостоятельныхъ должниковъ, жены и матери заключенныхъ въ темницахъ, всѣ жертвы предшествующаго режима, взывающія къ жалости новаго императора. Настолько глубоко и повсемѣстно было впечатлѣніе освобожденія, что самъ суровый Евагрій, заканчивая повѣствованіе объ этомъ царствованіи, пишетъ: «Такъ умеръ Юстиніанъ послѣ того, какъ наполнилъ весь міръ ропотомъ и смутами и, получивъ тотчасъ по концѣ своей жизни возмездіе за свои злодѣянія, отправился искать себѣ предъ судомъ преисподней подобающаго правосудія» [2]. Какъ бы то ни было, впечатлѣніе, оставленное царствованіемъ Юстиніана, то самое, которое оставляютъ по себѣ всѣ великія царствованія, — Юстиніана, какъ Людовика XIV, Людовика XIV, какъ Наполеона, — и однако же, несмотря на всѣ созданныя ими бѣдствія, считаются ли они отъ того менѣе великими?

13. Мѣдная монета съ Юстиніаномъ, сидящимъ на тронѣ.

Наконецъ, несомнѣнно, что исполненіе иногда не оправдывало намѣреній императора. Одна часть его дѣла осталась неоконченной; иныя дѣла оказались эфемерными [3]. Но мысль

1. *Corippus*, In laud. Just., II, 361 и слѣд.

2. *Евагрій*, V, 1. Нужно, однако, замѣтить, что Кориппъ, наоборотъ, отсылаетъ Юстиніана прямо на небо (In laud. just., I, 245—246). См. также у Павла Силенц., loc. cit., 300—310).

3. Ср. критическія замѣчанія у *Dahn'a*, Prokopius von Cäsarea, стр. 312; *Gelzer'a*. Die politische Stellung von Byzanz, стр. 34—35, и общую оцѣнку у *Ranke*, Weltgeschichte, IV, 2, стр. 125—126.

была высокая и благородная и, что бы ни говорили, это царствованіе отнюдь не было безплоднымъ. Африка, Италія, Испанія, завоеванныя вновь Юстиніаномъ, могли ускользнуть у его преемниковъ; напряженіе этой удивительной административной дѣятельности могло кануть въ забвеніе; его церковная система могла измѣниться, но двѣ вещи и понынѣ остаются: кодексъ Юстиніана и св. Софія [1] навсегда останутся защитниками предъ потомствомъ дѣла великаго императора.

Уже византійское потомство не оспаривало у него имени Юстиніана Великаго [2], и въ самомъ дѣлѣ, не смотря на свои недостатки и пороки, государь этотъ заслужилъ такой титулъ. Въ особенности же народное сказаніе, болѣе снисходительное, чѣмъ исторія, окончательно освятило его славу. Весь свѣтъ сохранилъ и прикрасилъ воспоминаніе объ этой мощной и гигантской личности. Въ Египтѣ VII вѣка, равно какъ и Италіи IX вѣка, съ восхищеніемъ говорили о превосходныхъ мѣрахъ, коими Юстиніанъ возстановилъ порядокъ въ провинціяхъ, о благотворительныхъ учрежденіяхъ и великолѣпныхъ церквахъ, имъ построенныхъ, о его великодушіи, превосходящемъ всѣхъ его предшественниковъ [3]; и вокругъ его имени и памятниковъ его царствованія народное воображеніе соткало цѣлый циклъ живописныхъ и чудесныхъ разсказовъ. Въ Византіи XI и XII вѣка легенда окружила обаяніемъ и чудесами великое произведеніе, изъ всѣхъ наиболѣе хранившее воспоминаніе о Юстиніанѣ, эту дивную св. Софію, колоссальные размѣры которой поражали удивленіемъ выродившееся потомство [4]; и если нѣкоторые разсказы, превознося славу и несчастія Велизарія, напоминали особливо объ императорской неблагодарности, то на востокѣ XII и XIII столѣтій, у сербовъ, у болгаръ, романическія преданія [5], которымъ черезъ-чуръ

1. Уже въ XIV вѣкѣ *Никифоръ Каллистъ* XVII, 31 (P. G., т. 147, стр. 320), заявлялъ, что надѣется, что Богъ взыскалъ Юстиніана своимъ милосердіемъ за то, что онъ построилъ св. Софію.

2. *Константинъ Порфирородный*, De Cerim., I I, 42, стр. 644.

3. *Іоаннъ Никіусскій*, стр. 508; *Agnellus*, стр. 326, 329, 335.

4. *Никифоръ Каллистъ*, XVII, 13 (P. G., т. 147, стр. 302), передаетъ, что еще во времена Алексѣя Комнена ежегодно совершали съ большою торжественностью поминовеніе Юстиніана въ св. Софіи.

5. Эти преданія производятъ Юстиніана изъ семьи славянскихъ поселенцевъ, водворенныхъ въ имперіи въ окрестностяхъ Призренда и Охриды. Его родители носили имена Истока и Вигленицы, а самъ онъ прозывался пер-

долго и напрасно придавали историческую цѣну, требовали признанія за славянскимъ племенемъ чести, что изъ него происходилъ великій императоръ.

И такъ изъ вѣка въ вѣкъ сохранялась память о немъ, подчасъ еще болѣе оживавшая благодаря такимъ поразительнымъ случаямъ, какъ въ тотъ трагическій день 1204 года, когда латинскіе крестоносцы, грабя въ своей святотатственной алчности императорскія могилы въ церкви Святыхъ Апостоловъ, нашли въ оскверненной ими гробницѣ тѣло Юстиніана еще сохранившимся въ цѣлости по прошествіи болѣе шести вѣковъ и, онѣмѣвъ отъ изумленія, отступили предъ этимъ императоромъ, который, казалось, возставалъ изъ гроба во всемъ блескѣ парадныхъ одѣяній и драгоцѣнныхъ камней, его украшавшихъ[1]. И когда, наконецъ, средневѣковый западъ изъ законодательста Юстиніана снова научился забытому римскому праву, обаяніе его возросло еще болѣе. Данте помѣстилъ Юстиніана въ своемъ «Раю» и вложилъ въ его уста многозначительныя слова, которыя хорошо резюмируютъ его мысль и его славу: «Я былъ Цезаремъ и я — Юстиніанъ... Богу было угодно вдохновить меня въ моемъ великомъ дѣлѣ».

Cesare fui, e son Giustiniano...
A Dio per grazia piacque di spirarmi
L'alto lavoro...

Воплощеніемъ императорской идеи, восполненной идеей христіанской, вотъ чѣмъ, дѣйствительно, былъ и чѣмъ хотѣлъ быть Юстиніанъ, и чрезъ это сталъ великъ.

воначально Управдой. Но мнимая «Жизнь Юстиніана», откуда первый Аллемани заимствовалъ эти свѣдѣнія, — хотя Барберинскій списокъ и приписываетъ ее нѣкоему игумену Ѳеофилу, прежнему наставнику императора, — есть на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ сдѣланное въ XVII вѣкѣ сокращеніе романическихъ преданій сравнительно недавняго времени. Брайсъ доказалъ, что эти разсказы берутъ свое начало въ циклѣ легендъ, сложившихся у сербовъ и болгаръ вокругъ имени Юстиніана и основанныхъ имъ церквей въ Призрендѣ и Сардикѣ (Софіи); и въ этомъ отношеніи «Жизнь» любопытна, но она безусловно не имѣетъ никакой исторической цѣны (Ср. *Bryce*, Life of Justinian by Theophilus. Engl. hist. Review, 1887 г., стр. 657—686) и примѣчанія великаго славянскаго историка C. Jirecek'a (Ibid., стр. 684—686). Ср. также по тому же вопросу статьи *Васильева* «О славянскомъ происхожденіи Юстиніана» (Виз. Врем., I, 469—492) и *Ягича* (Arch. f. slav. Philol. XI, 300—304).

[1] *Никита Акоминатъ*, стр 855—856.

ГЛАВА II.

Императрица Өеодора.

Съ тѣхъ поръ какъ Николай Алеманни, библіотекарь Ватикана, въ началѣ XVII столѣтія, нашелъ «Секретную Исторію» Прокопія, опытъ наброска портрета императрицы Өеодоры представляется дѣломъ довольно щекотливымъ и, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, нѣсколько скабрезнымъ. До этого знаменитаго открытія объ ней вообще знали довольно мало: разбросанныя свидѣтельства византійскихъ историковъ указывали, что она имѣла на Юстиніана неограниченное вліяніе, что въ моментъ одного грознаго кризиса она проявила удивительную твердость, что она дѣятельно вмѣшивалась, и подчасъ досадливымъ образомъ, въ придворныя интриги и религіозные споры той эпохи, что, наконецъ, императоръ былъ обязанъ мудрости ея совѣтовъ нѣкоторыми изъ своихъ наиболѣе удачныхъ нововведеній въ законодательствѣ. Самое бóльшее, что церковные историки оплакивали, легкость, съ которою она впала въ ересь, и необузданность, которая подвинула ее на то, чтобы наложить руку на священную особу одного папы. Всего прочаго про нее совсѣмъ не знали, а это прочее Прокопій повѣствуетъ съ

14. Обрывокъ византійской ткани. (Раскопки въ Деиръ-ель-Дикъ).

избыткомъ, почти неудобнымъ, скандальныхъ подробностей. Нынѣ, благодаря этому знаменитому памфлету и успѣху, какой его встрѣтилъ, знаютъ о Ѳеодорѣ чуть ли не слишкомъ много. Ея имя естественно вызываетъ представленіе о всяческомъ распутствѣ и всевозможныхъ порокахъ, настолько, что на первый взглядъ кажется довольно рискованнымъ осмѣлиться коснуться подобнаго предмета.

Однако историкъ, который хочетъ изучить и понять VI вѣкъ Византіи, не вправѣ умалчивать о Ѳеодорѣ. Была ли она дѣйствительно такой великой куртизанкой, какъ это говорятъ?— Не думаю, и въ сущности это совершенно безразлично, потому что она несомнѣнно была еще чѣмъ-то инымъ, великой государыней, которая занимала рядомъ съ Юстиніаномъ значительное мѣсто и играла часто рѣшающую роль въ управленіи. Существуетъ легендарная исторія Ѳеодоры и слѣдуетъ ее напомнить, по крайней мѣрѣ вкратцѣ, хотя бы для того лишь, чтобы оспаривать степень ея правдоподобія. Но на ряду съ ней есть истинная исторія Ѳеодоры, которая гораздо болѣе заслуживаетъ быть разсказанной, потому что рисуетъ личность необычайно оригинальную и сильную, характеръ энергическій и твердый, деспотическій и высокомѣрный, рѣдкаго ума, сложный до противорѣчивости, и вообще полный глубокаго психологическаго интереса. И вотъ объ этой то Ѳеодорѣ я и намѣренъ говорить безъ ложной стыдливости, равно какъ и безъ угодливаго выискиванія черезъ-чуръ живописныхъ подробностей; и если иной разъ мнѣ случится встрѣтить мѣсто слишкомъ затруднительное для перевода, то да позволитъ мнѣ читатель отослать его къ греческому подлиннику Прокопія, который можетъ тѣмъ свободнѣе пренебрегать благопристойностью, что въ наше время совсѣмъ не читаютъ исторіи, хотя бы даже скандальной, если только она написана на мертвомъ языкѣ.

I.

Въ первыхъ годахъ VI вѣка проживалъ въ Константинополѣ бѣдный человѣкъ по имени Акакій, по профессіи сторожъ медвѣдей въ амфитеатрѣ. Это—отецъ Ѳеодоры. Рано осиротѣвъ, она росла съ своими сестрами, подъ присмотромъ не слишкомъ строгой матери, въ довольно таки сомнительномъ обществѣ закулисныхъ завсегдатаевъ иппо-

дрома и, такимъ образомъ, вполнѣ естественно оказалась подготовленной къ своей будущей судьбѣ. Она видѣла какъ старшая изъ ея сестеръ, Комито, поступила въ театръ и пользовалась тамъ успѣхомъ; совсѣмъ еще ребенкомъ она сопровождала эту взрослую сестру на подмосткахъ, играя при ней роли маленькой горничной; когда же она выросла, то вполнѣ естественно стала искать счастья тамъ, гдѣ его нашли прочіе члены ея семьи [1]. Она стала актрисой, но не исключительно пѣвицей или танцовщицей; она болѣе выступала въ живыхъ картинахъ, гдѣ особенно обнаруживалась ея красота, и въ пантомимахъ, гдѣ ея увлекательность и остроумная веселость быстро заставили обратить на нее вниманіе [2]. Она была, говорятъ ея панегиристы, красоты несравненной, «такой, что слова и искусство людей не въ силахъ ее изобразить» [3]. По мнѣнію самихъ ея порицателей, она была очень хорошенькой женщиной, довольно невысокаго роста, крайне граціозной, съ нѣсколько блѣднымъ цвѣтомъ лица, съ глазами, особенно исполненными живости, выраженія и огня [4]. Отъ этой всемогущей очаровательности оффиціальный портретъ, находящійся въ церкви св. Виталія, намъ сохранилъ очень мало: подъ длинной императорской мантіей станъ кажется болѣе высокимъ и неподвижнымъ; подъ тяжелой, скрывающей лобъ діадемой, подъ такимъ же парикомъ, который едва позволяетъ распознать черные волосы [5], мелкое и нѣжное лицо, съ своимъ нѣсколько исхудалымъ оваломъ, длиннымъ, прямымъ и тонкимъ носомъ, имѣетъ видъ торжественно-важный, почти меланхолическій; одна, впрочемъ, черта сохраняетъ силу въ этомъ поблекшемъ обликѣ: это, подъ темной линіей сросшихся бровей, большіе черные глаза, о которыхъ говоритъ Прокопій,—еще озаряютъ и точно поглощаютъ лицо. Но Ѳеодора, помимо красоты, имѣла за себя нѣчто другое; она была смѣтлива, полна ума, забавна; она обладала извѣстнымъ вдохновеніемъ странствующей актрисы, въ которомъ она охотно изощрялась въ ущербъ актрисамъ, игравшимъ вмѣстѣ съ нею [6]. При этомъ, недостатокъ нравственнаго чувства—да впрочемъ и трудно понять откуда бы она ему научи-

1. Hist arc., стр. 58—59.
2. Hist arc., стр. 60.
3. Aed., стр. 206.
4. Hist. arc., стр. 69.
5. См. объ этомъ парикѣ у *E. Molinier*, La coiffure des femmes byzantines (Etudes d'hist. du moyen âge, dediées à G. Monod, стр. 64—70).
6. Hist. arc., стр. 63.

лась—и прирожденное влеченіе къ удовольствіямъ, происхожденіе котораго едва-ли стоитъ доискиваться. По всѣмъ этимъ даннымъ она должна была имѣть быстрый успѣхъ, кромѣ сцены, еще и на иномъ поприщѣ.—У нея, въ самомъ дѣлѣ, было, судя по тому, что передаетъ «Секретная Исторія» [1], неимовѣрное множество приключеній, и очень скандальныхъ: ея милосердіе, по картинному выраженію строгаго Гиббона, было универсально. Прокопій разсказываетъ исторіи маленькихъ ужиновъ, живыхъ картинъ чрезмѣрной вольности [2]; онъ приводитъ словца довольно таки неудобныя, которыя доказываютъ, что Θеодора заботилась болѣе о томъ, чтобы удивлялись ея красотѣ, чѣмъ сдержанности. Одинъ византійскій историкъ XII вѣка говоритъ, что она имѣла умъ любознательный и изобрѣтательный на выдумки [3]; анекдоты «Секретной Исторіи», если бы можно было ихъ пересказать, очень полно показали бы, что эта репутація вполнѣ оправдывалась. Достаточно будетъ сказать, что, если бы только всѣ эти сплетни захотѣть принять въ ихъ буквальномъ смыслѣ, то Мессалина оказалась бы въ сравненіи съ Θеодорой женщиной едва ль не достойной уваженія, и осталось бы добавить, что подобными продѣлками Θеодора оказалась скоро до такой степени скомпрометированной, что порядочные люди, говоритъ Прокопій, которымъ случалось на улицѣ пересѣкать ей дорогу, отстранялись отъ нея изъ опасенія оскверниться отъ столь нечистаго прикосновенія, и что самый фактъ встрѣчи съ нею считался дурнымъ предзнаменованіемъ [4].

Послѣ такого блестящаго начала Θеодора внезапно скрылась. Она покинула столицу, чтобы слѣдовать въ провинцію за нѣкіимъ Гецеболомъ, назначеннымъ губернаторомъ дальняго Пентаполиса въ Африкѣ; затѣмъ она его бросила, или была имъ покинута, и въ теченіи нѣкотораго времени перебивалась въ нищетѣ по большимъ городамъ востока, дабы, говоритъ Прокопій съ напыщенною важностью знатока, «по волѣ діавола, ни одно мѣсто на свѣтѣ не оставалось въ невѣдѣніи распутства Θеодоры» [5]. Наконецъ она вернулась въ Константинополь на театральные подмостки, гдѣ впервые подвизалась; ей было тогда отъ двадцати до двадцати пяти

1. Hist. arc., стр. 60—61.

2. Id., стр. 61—62.

3. *Zonaras*, стр. 152: ἦν δὲ καὶ [illegible] [illegible] ἐπινοῆσαι.

4. Hist. arc., стр. 63.

5. Id., стр. 63.

лѣтъ; приключенія и бродячая жизнь ей надоѣли, она желала, повидимому, основаться въ какомъ-нибудь прочномъ учрежденіи. И вотъ въ этотъ-то моментъ случай привелъ на ее дорогу Юстиніана. Разыграла-ли она для его привлеченія комедію скромности и добродѣтели? Преданіе, быв-

15. Императрица Ѳеодора въ мозаикѣ ц. Св. Виталія. (Фотографія Алинари).

шее еще въ XI вѣкѣ въ ходу въ Византіи, утверждаетъ, что въ это время она вела жизнь очень уединенную и корректную въ скромномъ маленькомъ домикѣ, гдѣ она сидѣла дома и пряла шерсть, какъ римскія матроны добраго стараго времени [1]. Во всякомъ случаѣ она сумѣла понравиться

1. *Анонимъ бандурійскій* въ Imperium orientale, I, ч. III, стр. 47

племяннику императора и Юстиніанъ воспылалъ къ ней такой сильной страстью, что, не довольствуясь тѣмъ, что осыпалъ ее богатствами, захотѣлъ, во что бы то ни стало, на ней жениться. Дѣло это, какъ извѣстно, устроилось не безъ нѣкоторыхъ затрудненій [1]. Юстиніанъ въ это время былъ предполагаемымъ наслѣдникомъ престола имперіи и жена Юстина, императрица Евфимія, была, какъ говорятъ, мало польщена видѣть какую-нибудь Ѳеодору предназначаемой ей въ преемницы. Но Евфимія во-время умерла, въ 523 году. Раньше Юстиніанъ добился, благодаря слабости своего дяди, того, что его любовница получила высокое достоинство патриціанки [2]; теперь онъ достигъ даже еще бóльшаго: когда онъ въ 527 году былъ оффиціально признанъ соправителемъ, Ѳеодора вмѣстѣ съ нимъ, въ самый день Пасхи была торжественно коронована въ св. Софіи руками патріарха и, по обычаю византійскихъ государынь, явилась въ тотъ самый ипподромъ, который былъ свидѣтелемъ ея дебютовъ, для полученія одобренія и привѣтствій отъ народа [3]. Ея мечта осуществилась.

II.

Таковъ романъ Ѳеодоры, какъ его передаетъ Прокопій; и вотъ въ теченіе почти двухъ съ половиною вѣковъ, съ тѣхъ поръ какъ найдена рукопись «Секретной Исторіи», разсказъ этотъ встрѣчалъ къ себѣ чуть не универсальное довѣріе. Нельзя же выдумать, говорилъ Гиббонъ, вещей столь невѣроятныхъ, а потому онѣ должны быть истинны. И успокоенные этимъ прекраснымъ доводомъ, соблазненные, быть можетъ, также самой приправой приключеній, большинство историковъ снисходительно приняли столь пикантную исторію, отдѣлываясь негодованіемъ и награждая Ѳеодору самыми оскорбительными эпитетами. Разсмотримъ въ свою очередь эти сужденія и самый разсказъ [4]. Конечно, я отнюдь не предполагаю — парадоксъ былъ бы немного силенъ, — чтобы юность Ѳеодоры, какою ее изобразилъ

1. Hist. arc., стр. 63, 66—67.
2. Id., 63. *Іоаннъ Ефес.*, Comm., стр. 68.
3. Hist. arc., стр. 67—68.
4. См. объ этомъ спорѣ, *H. Houssaye*, L'impératrice Théodora (Rev. des Deux-Mondes, 1-er février, 1885, стр. 582—583); *Debidour*, Théodora, стр.

Прокопій, могла быть предложена или принята въ качествѣ примѣра для подражанія; еще менѣе буду я пытаться оцѣнивать, по чрезвычайной щекотливости вопроса, большую или меньшую степенень безнравственности поведенія, приписываемаго будущей императрицѣ. Но, наконецъ, если только что приведенную мною исторію изложить простыми словами, то нужно будетъ признаться, что она, отнюдь не будучи вполнѣ нравственной, въ общемъ итогѣ представляется чрезвычайно банальной и довольно обычной. Актриса или танцовщица, рожденная и выросшая между кулисъ, которая себя вела такъ, какъ во всѣ времена ведетъ себя большинство ей подобныхъ, утомленная затѣмъ нескончаемыми любовными похожденіями, ища такого солиднаго человѣка, который поднесъ бы ей бриллiанты и домикъ-особнякъ, и, найдя таковото, сумѣвшая женить его на себѣ и зажившая тогда жизнью самою порядочною и регулярною, дабы закончить дни въ набожности,—неужели же это и въ самомъ дѣлѣ нѣчто ужъ очень необыкновенное? И развѣ оттого, что домикомъ-особнякомъ былъ императорскій дворецъ, а бриллiантами—драгоцѣнности короны, что ставкой игры былъ будущій императоръ, исторія становится гораздо скандальнѣе?—А съ другой точки зрѣнія, уже не моралиста, а историка, дѣлать ли въ самомъ дѣлѣ большое различіе между Ѳеодорой, и, напримѣръ, Екатериной II, изъ-за того лишь, что то, что первая продѣлывала до восшествія на престолъ, другая совершала послѣ, съ тѣмъ смягчающимъ обстоятельствомъ въ пользу первой, что она была дѣвушкой низкаго происхожденія и крайне небрежнаго воспитанія, между тѣмъ какъ другая была весьма честной нѣмецкой принцессой, которую замужество вознесло на тронъ Россіи? И, если

16. Византійская ткань изъ Египта. (Раскопки въ Деиръ-ель-Іикъ).

49, 51—52; *Mallet*, The empress Theodora (English Hist. review, 1887) и *Панченко*, «О тайной исторіи Прокопія» (Виз. Врем., III, 104 и слѣд.)

XVIII вѣкъ цѣликомъ преклонялся предъ Екатериной Великой, если и нынѣ исторія относится къ ней не слишкомъ строго, не должны ли мы также оказать Θеодорѣ, которая несомнѣнно заслуживаетъ этого, и Византіи, которая приняла безъ возмущенія свою новую государыню, нѣкоторое снисхожденіе? Приключеніе Θеодоры, въ общемъ довольно банальное, совсѣмъ не заслуживаетъ—предполагая, что оно достовѣрно—траты громкихъ словъ, которыми ее клеймятъ. А можетъ быть оно и не достовѣрно.

За эти послѣдніе годы независимые умы неоднократно отказывались вѣрить анекдотамъ Прокопія, и стало возможнымъ говорить о легендѣ Θеодоры очень серьезно. «Аксіома права, пишетъ Гуссе, testis unus, testis nullus, имѣетъ свое значеніе и въ исторіи». А кто повѣдалъ потомству о той распутной жизни, которую Θеодора вела у всѣхъ на глазахъ, скандализируя тѣмъ весь Константинополь? —Одинъ единственный свидѣтель, авторъ той самой «Секретной Исторіи», пустыя и смѣхотворныя выдумки которой въ отношеніи Юстиніана [1] были уже нами указаны; и если въ томъ, что касается императора, свидѣтель этотъ, какъ достовѣрно извѣстно, либо нагло преувеличивалъ, либо лгалъ, то допустимо ли въ томъ, что касается императрицы, принимать съ большею вѣрою его росказни за исторію? А вотъ и другая загадка. Какимъ образомъ зналъ Прокопій о тѣхъ необычайныхъ происшествіяхъ, о которыхъ онъ разсказываетъ? Онъ самъ какъ-то написалъ: «Когда императрица хотѣла, чтобы какое-нибудь изъ ея дѣяній оставалось въ тайнѣ и никто о немъ не могъ ни говорить, ни сохранить какое либо воспоминаніе, то тѣ, кто зналъ, имѣли приказъ молчать, тѣ же, которые желали бы узнать, не могли того добиться, не взирая на все свое искусство» [2]. Разъ это такъ, то спрашивается, гдѣ могъ Прокопій узнать эти ужасныя исторіи, по своему характеру въ высшей степени секретныя, о ночныхъ убійствахъ, подземныхъ тюрьмахъ, въ которыхъ Θеодора приказывала пытать свои жертвы, и какимъ образомъ для него одного открылась тайна, такъ хорошо охраняемая? Если же, наоборотъ, эти анекдоты ходили по городу, то какъ сталось, что изъ всѣхъ современниковъ императрицы единственно лишь онъ собралъ эти отголоски народной молвы? А это фактъ, что, за исключеніемъ Прокопія, ни одинъ писатель

1. См. выше, стр. 10—12. 2. Hist. arc., стр. 98.

VI вѣка, равно ни одинъ изъ историковъ послѣдующихъ вѣковъ, не разсказывалъ о скандалахъ Ѳеодоры, никто не сдѣлалъ даже малѣйшаго намека на нихъ [1]. И замѣтьте, что въ числѣ этихъ писателей находится нѣсколько, особливо среди церковныхъ авторовъ, которые питали къ этой государынѣ, заподозрѣнной въ ереси, сильнѣйшую ненависть и не совѣстились осыпать ее всевозможными проклятіями; а между тѣмъ ни одинъ не вспомнилъ, дабы бросить ей этимъ въ

1. Существуетъ, я это знаю, очень любопытный разсказъ Іоанна Ефесскаго (Comm., стр. 86), который, говоря о Ѳеодорѣ, «quae illo tempore patricia erat, tandem vero etiam cum Justiniano rege regnavit», называетъ ее грубо τὴν ἐκ τοῦ πορνείου. Въ сирійскомъ текстѣ стоитъ pornion, что въ самомъ дѣлѣ очень похоже на транскрипцію греческаго слова.—Свидѣтельство это, конечно, важно, потому что Іоаннъ Ефесскій былъ современникъ, даже приближенный Ѳеодоры. Мнѣ кажется, однако, что фразу эту, какъ бы замѣчательна она ни была, должно принять лишь съ нѣкоторой критикой и что отнюдь не слѣдуетъ слишкомъ торопиться извлекать изъ нея безусловно убѣдительный аргументъ въ пользу Прокопія. Помимо того, что крѣпкое слово Іоанна Ефесскаго не вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что передаетъ «Секретная исторія» о происхожденіи императрицы—тамъ нѣтъ нигдѣ рѣчи о πορνεῖον—возникаетъ и другое замѣчаніе. Монофизитъ Іоаннъ Ефесскій питаетъ обыкновенно къ Ѳеодорѣ чувства весьма замѣтнаго благоволенія; онъ ее называетъ «правовѣрной императрицей» (Comm., стр. 138, 154, 157, 160), «христолюбивой императрицей» (id., стр. 162), «царицей, воздвигнутой Богомъ на защиту скорбящихъ противъ жестокости временъ» (id., стр. 114) и для покровительства «народа правовѣрныхъ» (id., 246); онъ не перестаетъ перечислять выдающіяся услуги, оказанныя ею дѣлу преслѣдуемыхъ монофизитовъ (id., 154 и слѣд., 160, 247, 248; Hist. eccl., IV, 6). Вѣроятно ли, чтобы этотъ же самый человѣкъ, къ тому же любимецъ императрицы, считалъ полезнымъ такъ грубо напомнить о происхожденіи государыни? И нѣтъ ли противорѣчія между поношеніемъ, сохранившимся въ этомъ единственномъ мѣстѣ, и похвалами, которыми писатель осыпаетъ обыкновенно императрицу? Добавьте, что Іоаннъ Ефесскій обычно оказываетъ глубокое уваженіе къ личности сильныхъ міра, что въ другомъ мѣстѣ онъ отказался занести въ свою исторію (hac in historia ejus non tradenda esse judicavimus) ругательства, которыми одинъ благочестивый монахъ осыпалъ однажды Юстиніана и Ѳеодору, и это, говоритъ онъ, «propter contemptum erga mundi dominos» (Comm., 138); равно какъ въ подобномъ же случаѣ, дѣлая намекъ на дерзости, сказанныя Ѳеодорѣ, историкъ добавляетъ: quae scribere omittimus (id., 130).—Тутъ какая-то странность, которую трудно объяснить. Слѣдуетъ ли предположить, какъ совѣтуетъ это аббатъ Шабо, что Іоаннъ Ефесскій имѣлъ здѣсь предъ глазами сирійскій текстъ перевода съ греческаго, гдѣ нѣкоторыя слова были буквально скопированы и что онъ придерживался своего документа, сохраняя подобныя слова и не подозрѣвая, что послѣднее слово было транскрипціей πορνεῖον? Можно возразить что въ этой, XIII, главѣ Іоаннъ Ефесскій, повидимому, ведетъ свой разсказъ преимущественно по личнымъ воспоминаніямъ (стр. 71, 72, 73), а съ другой стороны кажется, что онъ хо-

лицо, о мнимомъ развратѣ ея молодости. Да не подумаютъ, что они не смѣли говорить это изъ уваженія къ императору или изъ боязни мести императрицы. Многіе изъ нихъ не останавливались предъ тѣмъ, чтобы наносить живой Ѳеодорѣ разнаго рода оскорбленія; и если даже предположить, что современники молчали страха ради, почему бы, какъ скоро Юстиніанъ и Ѳеодора умерли, языкамъ не развязаться? Почему бы лѣтописцы, которые говорятъ объ алчности императрицы, о ея чрезвычайномъ вліяніи на императора, стали соблюдать на счетъ остальнoго такую изумительную сдержанность? И чего тогда стоитъ, въ виду всеобщаго молчанія, такой единичный, преувеличивающій свидѣтель, каковъ Прокопій? Другое замѣчаніе. Былъ день, когда въ незабвенной сценѣ взбунтовавшійся въ Константинополѣ народъ бросалъ въ лицо Юстиніану самыя жестокія истины, перемѣшанныя съ самыми кровными оскорбленіями [1]. Это было въ 532 году, едва лишь девять лѣтъ спустя послѣ женитьбы, надѣлавшей, по сказанію Прокопія, столько скандала, — въ минуту, когда громкія приключенія Ѳеодоры не могли быть забыты въ столицѣ, которая была ихъ свидѣтельницей.

рошо зналъ по гречески. (*Land*, Пред стр. II).—Нужно ли думать, что примѣчаніе, сдѣланное на поляхъ, проскользнуло въ текстъ Іоанна Ефесскаго, гдѣ, дѣйствительно, встрѣчаются нѣкоторыя прибавки (Comm., 8, 29)? Оно должно быть въ такомъ случаѣ довольно древнимъ (рукопись помѣчена 688 годомъ нашей эры), чтобы имѣть какое-нибудь значеніе; кромѣ того было бы странно, что авторъ примѣчанія выразилъ свою мысль не соотвѣтствующимъ сирійскимъ словомъ, а такимъ неожиданнымъ терминомъ, представляющимъ буквальную транскрипцію греческаго, которое въ сирійской письменности нигдѣ въ иномъ мѣстѣ не встрѣчается, какъ на то обращаетъ мое вниманіе аббатъ Шабо.—Слѣдуетъ ли предположить, что это [illegible] допускаетъ, быть можетъ, другой смыслъ и скрываетъ, напримѣръ, какое-нибудь собственное имя города или страны? Во всякомъ случаѣ споръ относительно этого мѣста остается открытымъ и необходимымъ; но одно положеніе сохраняетъ силу, именно, что внѣ этого мѣста всѣ современники и самъ Іоаннъ Ефесскій отзываются о Ѳеодорѣ въ сочувственныхъ выраженіяхъ. Псевдо-Захарія называетъ ее «боголюбивой императрицей», «христолюбивой императрицей» (стр. 190, 211); Малала (стр. 440—441) говоритъ о «всѣхъ добрыхъ дѣлахъ благочестивой Ѳеодоры», Лидъ, стр. 263, восхваляетъ ея умъ и заботливость о хорошемъ управленіи государствомъ. Евагрій, строгій въ отношеніи императора, ничего не говоритъ объ императрицѣ. Ѳеофанъ, стр. 186, относится къ ней съ подобнымъ же благоволеніемъ. Наконецъ Зонара, будучи хорошо освѣдомленъ, ставитъ ей въ упрекъ алчность и властолюбивый характеръ (стр. 152, 166—167), но ничего не говоритъ о мнимой безпорядочности ея жизни.

1. *Ѳеофанъ*, стр. 181 и слѣд.

Однако, въ сохраненномъ намъ протоколѣ этого удивительнаго разговора между государемъ и его подданными ни одно оскорбительное слово не было направлено противъ Ѳеодоры. Наконецъ, еще одно, послѣднее замѣчаніе. Когда Юстиніанъ встрѣтилъ Ѳеодору, онъ не былъ уже ребенкомъ: это былъ человѣкъ тридцати восьми лѣтъ, ума зрѣлаго и спокойнаго; онъ имѣлъ въ настоящемъ положеніе, которое требовалось беречь, и стремился обезпечить себѣ въ будущемъ положеніе, еще высшее. Признаться, было бы страннымъ неблагоразуміемъ, не скажу взять въ любовницы, а всенародно вступить въ бракъ съ женщиной, отъ которой всякій на улицѣ отворачивался; это значило бы рисковать своей популярностью и утратить всѣ свои шансы попасть на тронъ. Правдоподобно ли такое поведеніе у человѣка, котораго таже «Секретная Исторія» изображаетъ обычно столь разсудительнымъ и владѣющимъ собой? [1]

Значитъ ли это, что должно дѣлать изъ Ѳеодоры, по примѣру одного изъ ея панегиристовъ VI столѣтія, святую [2]? Никакъ; было бы даже чрезмѣрно народоксально желать изобразить ее слишкомъ добродѣтельной. Несомнѣнно, во всемъ этомъ дѣлѣ трудно съ точностью отдѣлить правду отъ лжи; но можетъ быть также было бы и не въ мѣру удобно огульно отринуть все, что разсказано Прокопіемъ. Въ «Секретной Исторіи» можно найти нѣкоторые признаки, которые позволяютъ думать, что въ его разсказѣ существуетъ доля правды. Извѣстныя неоспоримыя черты характера Ѳеодоры согласуются довольно хорошо съ тѣмъ, что разсказываютъ про ея молодость и, наконецъ, мы знаемъ, что она имѣла дочь не отъ Юстиніана [3]. Очевидно, было бы безплодно доискиваться насколько именно она могла пасть и какую мѣру безчестія она не переходила; однакожъ, я склоненъ думать, что она начала такъ, какъ это разсказываетъ Прокопій, съ той только разницей, — а это важно, — что тогда какъ «Секретная Исторія» придаетъ приключенію почти эпической характеръ, дѣйствительность, безъ сомнѣнія болѣе простая и менѣе громкая, должна свестись къ размѣрамъ банальнаго анекдота, къ исторіи авантюристки, достаточно ловкой, чтобы соблюсти нѣкоторую благопристойность.

1. Hist. arc., стр. 57, 83.

2. *Павелъ Силенц.* Descriptio S. Sophiae, 58 и слѣд.

3. *Іоаннъ Ефес.*, Hist eccl., V, 17, стр. 196, 200; *Bar-Hebr.*, Chron. eccl., I, 226. Прокопій, который намекаетъ

и которой удалось заставить на себѣ жениться безъ шумнаго скандала [1].

Достовѣрно, впрочемъ, что счастливый случай, вознесшій Өеодору на тронъ, глубоко поразилъ народное воображеніе и что вокругъ ея имени очень быстро сложился циклъ легендъ. Въ Византіи XI вѣка еще показывали небольшой домикъ, передѣланный впослѣдствіи въ церковь, гдѣ ея скромная и цѣломудренная жизнь привлекла первоначально вниманіе Юстиніана [2]. Даже далеко внѣ стѣнъ столицы хра-

17. Костюмы женщинъ въ VI вѣкѣ. (Мозаика въ ц. Св. Аполлинарія въ Равеннѣ).

нили память о ней. Славянскія преданія XII и XIII столѣтій, не довольствуясь восхваленіемъ ея удивительной красоты, разсказывали, что она была самой изящной, образован-

на эту дочь (Hist. arc., 34), говоритъ также и о сынѣ, котораго она будто бы имѣла до брака и котораго она приказала скрыть, имѣя въ виду Юстиніана (id., 102—103). Успѣхъ, который имѣлъ при дворѣ сынъ ея дочери, дѣлаетъ этотъ разсказъ весьма сомнительнымъ.

1. Разсказъ Іоанна Ефесскаго (Comm., стр. 68), который я выше разбиралъ,—каково бы ни было его дѣйствительное происхожденіе,—клонился бы къ тому, чтобы подтвердить мое предположеніе.

2. *Анонимъ* бандур., loc. cit.

ной и ученѣйшей изъ женщинъ [1]. Сирійскія преданія были еще болѣе лестны. Желая превознести великую противницу Халкедонскаго собора, монофизиты XIII столѣтія утверждали, что отцомъ Ѳеодоры былъ не бѣднякъ, сторожившій медвѣдей въ гипподромѣ, но благочестивый старецъ, быть можетъ сенаторъ, сильный приверженецъ монофизитскихъ воззрѣній, и разсказывали, что когда Юстиніанъ, привлеченный слухомъ о красотѣ и объ умѣ молодой дѣвушки, явился просить ея руки, сей добрый отецъ согласился выдать ее за наслѣдника престола лишь на томъ условіи, что Ѳеодору никогда не станутъ понуждать къ принятію проклятыхъ халкедонскихъ каноновъ [2]. Наконецъ, въ отдаленныхъ монастыряхъ запада отражались слабые отголоски ея шумливой извѣстности. Лѣтописецъ Aimoin de Fleury, жившій въ XI вѣкѣ, разсказываетъ, что Юстиніанъ и Велисарій, оба молодые и связанные тѣсной дружбой, повстрѣчали однажды двухъ сестеръ, Антонію и Антонину, происходившихъ «изъ рода амазонокъ», которыя, ставъ плѣнницами византійцевъ, находились въ самомъ несчастномъ положеніи. Велизарій полюбилъ одну, Юстиніанъ взялъ другую, и эта послѣдняя, которую нѣкое предознаменованіе извѣстило о будущихъ судьбахъ ея любовника, взяла съ него обѣщаніе, что, если онъ когда либо будетъ императоромъ, то сочетается съ ней законнымъ бракомъ. Послѣ связь эта порвалась, при чемъ, однако, Юстиніанъ, въ знакъ своего обѣщанія, далъ Антоніи кольцо. Прошли годы; принцъ сдѣлался императоромъ; и вотъ какъ-то у дверей дворца появилась, прося аудіенціи, женщина, въ роскошномъ нарядѣ и

18. Византійская ткань изъ Египта. Хитонъ изъ льняного полотна (раскопки въ Деиръ-эль-Дикъ).

1. Псевдо-Ѳеофилъ, Vita Justiniani (ed. Bryce, Engl. hist. review, 1887).

2. *Bar. Hebr.*, Chron. syr., стр. 81. Я обязанъ любезности аббата Шабо точнымъ переводомъ этого мѣста по тексту изданія Bedjian'a. Онъ передаетъ этотъ текстъ такъ: filia cujusdam senis (или лучше senatoris) orthodoxi.

удивительной красоты. Будучи введена къ государю, Антонія сперва не была узнана; но она показала кольцо, напомнила данныя нѣкогда клятвы и Юстиніанъ, вновь охваченный прежнею страстью, провозгласилъ немедленно прекрасную амазонку императрицей. Народъ и сенатъ, добавляетъ лѣтописецъ, были нѣсколько удивлены этимъ внезапнымъ бракомъ, но казни заставили умолкнуть недовольныхъ и Антонія раздѣлила съ Юстиніаномъ его тронъ [1]. Не трудно узнать въ этой исторіи приключенія Θеодоры; по этимъ разсказамъ также видно сколько басней породила необычайная судьба императрицы среди людей того времени. Судьба ея была романична, и романъ ею завладѣлъ и приукрасилъ; но какова бы ни была эта легенда—хороша или плоха, снисходительна или строга—она не можетъ претендовать на то, чтобы ее принимали за исторію, и изъ скандальной повѣсти, переданной намъ Прокопіемъ, должно удержать только лишь существенныя черты.

III.

Впрочемъ, было бы ребячествомъ домогаться разрѣшенія вопроса, остающагося по необходимости неразрѣшимымъ и имѣющаго притомъ второстепенное значеніе. Насъ интересуетъ въ Θеодорѣ отнюдь не куртизанка, а государыня, и чтобы получить понятіе о таковой у насъ, къ счастью, имѣются иныя данныя, помимо «Секретной Исторіи».

Сарду, въ своей драмѣ «Θеодора», представилъ намъ императрицу, сохраняющую на тронѣ пріемы авантюристки, удерживающую и при дворѣ развязныя манеры и свободное поведеніе своей молодости, находящую удовольствіе, изъ нѣкотораго рода тоски по былой грязи, въ болтовнѣ по темнымъ угламъ ипподрома съ прежними, хотя и менѣе счастливыми, товарками по цирку или театру, или уходящую ночью изъ Священныхъ Палатъ, чтобы бродить по улицамъ Константинополя; наконецъ, завязывающую любовную интригу съ красавцемъ Андреемъ и, въ качествѣ куртизанки, которою она осталась, по собственнымъ словамъ, приписываемымъ ей Сарду, возвращающуюся къ своимъ старымъ грѣхамъ. Я думаю, что императрица Θеодора, если бы снова появилась на

1. *Aimoin de Fleury*, De Gest Franc., II, 5 (*D. Bouquet*, т. III, стр. 47).

этомъ свѣтѣ, была бы мало польщена ролью, которую ей приписываютъ, и посмертною славой, которою ее удостоиваютъ. Помимо того, что она могла бы довольно законно жаловаться на то, что для развязки и ради доставленія Саррѣ Бернаръ случая умереть съ эффектомъ, Сарду въ послѣднемъ актѣ ее задушилъ лѣтъ на шестнадцать ранѣе, чѣмъ она умерла естественною смертью,—она имѣла бы право сказать очень много и противъ остального. Можетъ быть,

18. Дѣвы мудрыя и дѣвы неразумныя; миніатюра въ Codex Rossanensis.

она признала бы, что имѣла суевѣрную душу, что была способна совѣщаться съ гадателями и приказывала составлять любовные напитки[1]; безъ сомнѣнія, она также признала бы, что, въ качествѣ византіянки, сохраняла и на тронѣ страстную любовь къ тѣмъ самымъ играмъ цирка, въ которыхъ она прославилась въ молодости [2], но она навѣрно стала бы возражать—и была бы права—противъ романическаго продолженія, какое Сарду придалъ роману Прокопія. По правдѣ говоря, Ѳеодора драмы, за исключеніемъ знаменитой мантіи, изображенной на равеннской мозаикѣ, не имѣетъ почти ни одной черты сходства съ византійской императрицей.

По признанію даже Прокопія, на которомъ намъ здѣсь

1. Hist. arc., стр. 82, 127. 2. Hist. arc., стр. 100.

въ особенности слѣдуетъ остановиться, Ѳеодора, послѣ того какъ взошла на тронъ, стала самой корректной, самой строгой, самой безупречной изъ женщинъ[1]. «Секретная Исторія», не стѣснявшаяся въ избыткѣ надѣлять приключеніями ея молодость, не приписываетъ этой глубоко испорченной женщинѣ, хотя бы малѣйшаго поползновенія на любовную интригу послѣ ея замужества. Я отнюдь не хочу извлекать отсюда какого-либо аргумента въ пользу добродѣтели Ѳеодоры: верховная власть стоила того, чтобы ради ея сохраненія были приняты кой-какія предосторожности, и эта респектабильность жизни быть можетъ дѣлаетъ столько же чести ея практическому смыслу, какъ и нравственному чувству. Но, во всякомъ случаѣ, черта эта тѣмъ не менѣе достойна замѣчанія, и грѣшница — если только тутъ была грѣшница—умѣла въ теченіи двадцати пяти лѣтъ давать доказательства удивительной выдержки.

Каково бы ни было ея происхожденіе, на самомъ дѣлѣ, она, пользуясь своею властью, весьма быстро освоилась съ своимъ новымъ положеніемъ величества. Она любила и съ наслажденіемъ пользовалась различными утѣхами, которыя ей обезпечивались верховною властью. Ей доставляло удовольствіе въ своихъ покояхъ Священныхъ Палатъ и въ своей пышной виллѣ на малоазіатскомъ берегу окружать себя всевозможною роскошью и изяществомъ. Какъ женщина и утонченная кокетка, она чрезвычайно и постоянно заботилась о своей красотѣ[2]; чтобы имѣть лицо свѣжее и чарующее, она вставала очень поздно; чтобы придать цвѣту лица яркость и свѣжесть, она принимала частыя ванны, за которыми слѣдовали долгіе часы отдохновенія. Столъ ея всегда сервировался съ отмѣннымъ и тонкимъ вкусомъ; — она не могла довольствоваться такимъ плохимъ обѣдомъ, какой имѣлъ Юстиніанъ. Но тѣмъ сильнѣе она дорожила болѣе видимыми удовольствіями владычества. Тогда какъ Юстиніанъ остался простъ, Ѳеодора, какъ истинная выскочка, обожала этикетъ во всей его сложности и находила удовольствіе въ томъ, чтобы доводить до крайности требованія церемоніала[3]. Она хотѣла, чтобы наивысшіе сановники, являясь предъ нею, повергались ницъ и прикасались губами къ ея ногамъ; она требовала, чтобы, разговаривая съ нею, ее

1. Hist. arc., стр. 95.
2. Id., стр. 92.
3. Hist. arc., стр. 92—93, 164—165.

то и дѣло титуловали «Ваше Величество» и приказывала уволнять, какъ неуча, всякаго, кто погрѣшалъ противъ малѣйшаго обряда церемоніала. Она въ особенности желала, чтобы какъ можно чаще являлись къ ней на поклонъ, заставляя при томъ тѣхъ, кто искалъ ея аудіенціи, подолгу пребывать въ унизительномъ ожиданіи[1], «превращая, по выраженію «Секретной Исторіи» въ постыдное рабство свободный строй государства[2]». И всякое утро

20. Византійская золотая пластинка съ изображеніемъ императрицы (Парижскій кабинетъ медалей).

можно было видѣть «биткомъ набитыми въ ея передней, говоритъ Прокопій, подобно толпѣ рабовъ», знаменитѣйшихъ особъ Византіи, добивающихся, зачастую по нѣскольку дней сряду, своей очереди быть принятыми, и подымающихся на цыпочки, дабы, по крайней мѣрѣ, обратить на себя вниманіе евнуховъ, охранявшихъ входъ въ императорскій кабинетъ; когда же, наконецъ, они бывали введены къ императрицѣ, опять таки церемоніалъ опредѣлялъ ихъ жесты и рѣчи: они должы были ограничиваться лишь отвѣтами на вопросы государыни, отнюдь не позволяя себѣ обращаться къ ней самостоятельно. Въ сущности все то, что такъ скандализируетъ Про-

1 Hist. arc., стр. 92—93.
2. Id., 93. ἐς δουλοπρεπῆ ἡ πολιτεία [illegible] ἦθη, διδασκάλου [illegible].

копія, не содержитъ въ себѣ ничего необычайнаго въ придворной жизни, и если я отмѣчаю эти подробности, то главнымъ образомъ потому, что онѣ свидѣтельствуютъ съ какою легкостью и съ какою охотою Өеодора подчинилась требованіямъ присущаго ей положенія и власти; а также и потому, что онѣ доказываютъ, что женщина, заботящаяся до такой степени объ этикетѣ, никогда бы не стала, подобно Өеодорѣ Сарду, возиться со всякимъ сбродомъ гипподрома и опускаться до вольности поведенія, приписываемаго ей въ драмѣ.

IV.

Однакожъ въ исторической Өеодорѣ отнюдь не слѣдуетъ видѣть образецъ празднолюбивой императрицы, упоенной своимъ недавнимъ величіемъ. Конечно, ей нравился декорумъ власти, но она еще сильнѣе жаждала ея дѣйствительности. Въ высшей степени честолюбивая, она имѣла въ себѣ все, что побуждаетъ желать абсолютной власти: властную душу, сильную и страстную волю, деспотическій и твердый характеръ; она обладала также нѣкоторыми изъ тѣхъ качествъ, что обезпечиваютъ вліяніе: сильнымъ и яснымъ умомъ, быстрою и тонкою сообразительностью[1], остроуміемъ и шутливостью, чѣмъ въ былое время, въ эпоху своей молодости, она говорятъ, достигала того, что умѣла непреодолимо привязывать къ себѣ самыхъ измѣнчивыхъ изъ своихъ поклонниковъ[2], и, благодаря чему, она продолжала неотразимо господствовала надъ Юстиніаномъ. Она даже имѣла, слѣдуетъ добавить, кой-какія изъ высокихъ качествъ, которыя дѣлаютъ законнымъ стремленіе къ верховной власти,—замѣчательную энергію, мужественную стойкость, спокойствіе духа, проявившееся въ своей надлежащей высотѣ среди трудныхъ обстоятельствъ. Никогда не слѣдуетъ, говоря о Өеодорѣ, забывать великаго примѣра, который она подала въ моментъ бунта 532 года[3]. Столица была охвачена возмущеніемъ, императорскій дворецъ подвергся нападенію и почти взятъ мятежниками; половина города была въ огнѣ и, какъ представилъ Сарду въ одной изъ наиболѣе захватывающихъ—

1. Іоаннъ Лидъ, стр. 263, говоритъ, что «она превосходила умомъ всѣхъ когда либо жившихъ», κρείττων τῶν πώποτε ἀνθρώπων ἐπὶ συνέσει.

2. Hist. arc., стр. 60—61.

3. Bell. Pers., стр. 125—126.

одной изъ немногихъ, впрочемъ, дѣйствительно историческихъ сценъ своей прекрасной драмы—побѣдные клики, съ провозглашеніемъ смерти императору, доносились уже до залы, гдѣ Юстиніанъ, обезумѣвшій, потерявшій голову, совѣщался съ

21. Бюстъ женщины VI вѣка, представляющій королеву (Амалазунту?) или императрицу (Римъ, музей Термъ).

своими министрами и генералами. Упадокъ духа былъ полнѣйшій; съ остававшимися тремя тысячами человѣкъ вѣрныхъ ему войскъ, Юстиніанъ не надѣялся подавить возстаніе и опасался даже за возможность защитить свою жизнь. Въ попыхахъ, садами, выходящими на море, нѣсколько судовъ нагружались богатствами императорскаго казнохранилища и Юстиніанъ собирался бѣжать тою же дорогой. Это значило бы спасти свою жизнь, но навѣрно также потерять тронъ, который онъ покидалъ. Однако государь рѣшался на это и всѣ его совѣтники, даже самые энергичные офицеры раздѣляли его слабость. Ѳеодора въ этотъ критическій день при-

сутствовала въ совѣтѣ; до сихъ поръ она ничего не говорила, но вдругъ, прервавъ молчаніе, она въ свою очередь поднялась и, возмущенная всеобщимъ малодушіемъ, напомнила перепуганнымъ императру и министрамъ ихъ долгъ. «Еслибы, заявила она, не оставалось иного спасенія, кромѣ бѣгства, я не пожелала бы бѣжать. Тѣ, кто носили корону, никогда не должны переживать ея потери. Никогда я не увижу того дня, когда меня перестанутъ привѣтствовать титуломъ императрицы. Если ты, цезарь, хочешь бѣжать, это твое дѣло: у тебя есть деньги, корабли готовы, море открыто; что до меня,—я остаюсь. Я люблю старинное изрѣченіе, что порфира — великолѣпный саванъ». Въ тотъ день Θеодора спасла тронъ Юстиніану и, по прекрасному выраженію Уеэ, заслужила себѣ въ государственномъ совѣтѣ то мѣсто, которымъ она до сихъ поръ, быть можетъ, пользовалась только по слабости императора.

Понятно, что такая женщина должна была оказывать на часто нерѣшительную душу Юстиніана неограниченное вліяніе. Государь, повидимому, сохранилъ къ Θеодорѣ до ея послѣдняго дня ту же безпредѣльную страсть, которою она его воспламенила въ молодости[1]. Она была для него, по выраженію историка того времени, «самымъ сладостнымъ очарованіемъ»[2]; она была,—какъ онъ самъ съ особымъ удовольствіемъ, пользуясь именемъ Θеодоры, объявилъ въ одномъ оффиціальномъ актѣ,—«его даромъ отъ Бога»[3]; и, разсказываютъ, что императоръ сохранилъ о ней столь священную память, что много лѣтъ спустя послѣ смерти государыни, когда онъ хотѣлъ дать торжественное обѣщаніе, то клялся именемъ Θеодоры[4]. Онъ ни въ чемъ ей не отказывалъ, ни въ почестяхъ, ни въ дѣйствительномъ пользованіи верховной властью: имя Θеодоры фигурируетъ на ряду съ именемъ Юстиніана въ надписяхъ, вырѣзанныхъ на фасадахъ церквей и надъ воротами цитаделей[5]; ея изображеніе присое-

1. Bell. Pers., стр. 130. Одинъ сирійскій лѣтописецъ VII вѣка, пресвитеръ Θома, дастъ Юстиніану любопытное названіе «Theodorae fidelis maritus» (Liber Chaliphárum, *Land*, Anecdota syriaca, I, 109).

2. Hist arc., стр. 64.

3. Nov. 8, 1, τὴν ἐκ Θεοῦ δεδομένην ἡμῖν εὐσεβεστάτην σύνοικον.

4. *Paul Silent.*, Descr. S. Sophiae, 58, и слѣд.;ср. *Іоаннъ Ефеск.*, Comm. 248. Justinianus quum praesertim studeret ut voluntati uxoris *etiam mortuae* omnibus modis obtemperaret.

5. C. I. L., VIII, 101, 102, 259 1259, 1863, 4677, 4799, и т. д. C. I. G., 8639. Ея монограмма присоединена къ монограммѣ Юстиніана на капителяхъ церквей св. Сергія и св. Софіи (Byz. Zeitschr., IV, 106—107).

динено къ изображенію Юстиніана въ мозаикахъ церкви св. Виталія, ровно какъ и въ тѣхъ, которыя украшали собою покои «Священныхъ Палатъ»[1]. Она появляется на императорскихъ печатяхъ рядомъ съ basileus'омъ и для множества городовъ, даже для одной, вновь созданной, провинціи, было почетомъ полученіе ея имени[2]. Всю свою жизнь она была въ имперіи равной императору. Такъ же, какъ базилевсу, ей воздвигались статуи[3]; судьи, епископы, генералы, губернаторы провинцій присягали ей, какъ самому государю, и клялись «всемогущимъ Богомъ, Его единороднымъ Сыномъ, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и Святымъ Духомъ, святою славною Богородицею Приснодѣвою Маріею, четырьмя евангеліями, святыми архангелами Михаиломъ и Гавріиломъ», что будутъ хорошо служить «благочестивѣйшимъ и святѣйшимъ государямъ Юстиніану и Ѳеодорѣ, супругѣ Его Императорскаго Величества» и при прохожденіи пожалованныхъ «ими» должностей «нелицемѣрно трудиться ради преуспѣянія «ихъ» самодержавія и правленія[4]». Когда Ѳеодора путешествовала, ее сопровождала царская свита, цѣлый дворъ патриціевъ, высокихъ сановниковъ, министровъ и конвой въ числѣ четырехъ тысячъ гвардейцевъ[5]. Ея приказанія принимались съ уваженіемъ во всей имперіи; и если—что иногда случалось—онѣ оказывались въ противорѣчіи съ волею монарха, то не бывало рѣдкостью, что распоряженіямъ Ѳеодоры давали предпочтеніе[6]. Чиновники понимали, что до высшихъ должностей можно достичь чрезъ ея покровительство и что вѣрнѣйшею гарантіею противъ возможныхъ немилостей было заслужить ея благоволеніе[7]. Иностранные послы знали ея вліяніе и, чтобы пріобрѣсти ея благосклонность, спѣшили явиться къ ней на поклонъ[8]. Сами иностранные цари заботились о томъ, чтобы пріобрѣсть себѣ ея расположеніе и

22. Печать или свинцовая була. Іоанна апоѳарха.

1. Aed., стр. 204.
2. Aed., стр. 340. *Agath.*, стр. 279. Бани Ѳеодоры въ Карѳагенѣ. (Aed. стр. 339); провинція Ѳеодоріада (Nov. 8. Notitia, 10).
3. Aed., стр. 205.
4. Nov. 8., ad fin.
5. *Малала*, стр. 441. *Ѳеофанъ* стр. 186. Ср. описаніе пиѳійскихъ банъ Павла Молч. (P. G., т. 86, 2263).
6. *Іоаннъ Ефесск.*, Hist. eccl., IV, 6, 7, стр. 141—142.
7. Hist. arc., 41, 42; B. V., 506—507.
8. Hist. arc., стр. 164.

охотно льстили свойственнымъ ей, какъ выскочкѣ, тщеславію и необузданной любви къ власти[1]. Всѣ лѣтописцы единогласно говорятъ, что въ важнѣйшихъ дѣлахъ она была сотрудницей императора, что она пользовалась такимъ же авторитетомъ, какъ императоръ, и даже быть-можетъ большимъ[2]. Однажды Юстиніанъ самъ призналъ это. Въ одномъ изъ его указовъ мы читаемъ: «посовѣтовавшись въ этомъ случаѣ еще разъ съ нашей преосвященнѣйшей супругой, которую Богъ нашъ даровалъ...[3]». Ѳеодора, впрочемъ, не менѣе открыто заявляла о своемъ вліяніи: она приглашала Теодата предварительно сообщить ей прошенія, съ которыми онъ хотѣлъ бы обратиться къ basileus'у[4], и писала къ одному министру Хозроя: «императоръ никогда ничего не рѣшаетъ, не посовѣтовавшись со мной[5]».

Всѣ дѣла въ государствѣ, равно какъ и въ церкви, она направляла по своему, назначая или подвергая опалѣ генераловъ и министровъ, поставляя и низлагая константинопольскихъ патріарховъ и римскихъ папъ, не зная мѣры въ возвышеніи своихъ фаворитовъ,—банкира Петра Барсимеса, изъ котораго она сдѣлала начальника императорской стражи; евнуха Нарзеса, котораго она произвела въ генералы; діакона Вигилія, котораго возвела въ папы,—и равно ненасытная въ разрушеніи могущества и положенія своихъ противниковъ. При ея умѣ, она въ совершенствѣ понимала нужды имперской политики и акты, иногда необычайно смѣлые, въ которыхъ узнается ея вдохновеніе, дѣлаютъ честь ея выдающимся способностямъ государственнаго человѣка.— Но она въ тоже время была женщиной страстной, горячей, неукротимой, алчущей вліянія, необыкновенно ревнивой къ нераздѣльному сохраненію за собою разъ завоеванной власти. Поэтому она безъ колебанія и безъ стѣсненія устраняла всякое вліяніе, которое ей представлялось способнымъ взять перевѣсъ надъ ея вліяніемъ, и безпощадно сламывала всякую оппозицію, которая казалась ей направленной къ тому, чтобы поколебать ея авторитетъ[7]. Въ интригахъ, которыя

1. *Кассіодоръ*, Var. X, 20, 21, 24. Теодатъ ей пишетъ, что желаетъ «ut non minus in regno nostro quam in vestro jubeatis imperio» (X, 20).

2. *Paul Silent.*, loc. cit., 58 и слѣд.; *Lydus*, стр. 263; *Zonaras*, стр. 152.

3. Nov. 8, 1.

4. *Cassiod.*, Var., X, 20.

5. Hist. arc., стр. 24.

6. Id., стр. 103.

7. Id., стр. 97.

велись съ цѣлью завоевать довѣріе Юстиніана, она всегда домогалась имѣть рѣшающее значеніе и, дѣйствительно, это ей удавалось. Тщетно фавориты, министры, считавшіеся незамѣнимыми, пытались не давать ей ходу, подорвать ея силу при императорѣ,—она умѣла имъ показать, что она не изъ тѣхъ женщинъ, которыя способны потерпѣть подобныя посягательства и когда-либо ихъ простить. Секретарь Прискъ, который благоволеніемъ Юстиніана былъ вознесенъ на высокую должность начальника тѣлохранителей, жестоко поплатился за оскорбленія, которыя онъ себѣ позволилъ нанести

23. Костюмы женщинъ VI вѣка (мозаика архіепископ. капеллы въ Равеннѣ).

Ѳеодорѣ, и за дерзновенную попытку вступить съ ней въ борьбу: онъ былъ удаленъ, заключенъ въ тюрьму, въ концѣ концовъ принужденъ постричься въ монахи, и его огромное состояніе было конфисковано [1]. Исторія немилости Іоанна каппадокійскаго еще болѣе знаменательна: одновременно съ тѣмъ, что она даетъ возможность нѣсколько проникнуть въ нравы этого столь плодовитаго интригами и заговорами византійскаго двора, она освѣщаетъ довольно яркимъ свѣтомъ страстный характеръ, властолюбивую душу, мстительный умъ, безразборчивую энергію и соединенную съ вѣроломствомъ ловкость императрицы Ѳеодоры.

1. Hist. arc., 97. *Малала* (Hermès, VI, 370); *Ѳеоф.*, 186.

V.

Въ теченіи десяти лѣтъ Іоаннъ каппадокійскій занималъ высокую должность начальника императорской стражи, дѣлавшую его одновременно министромъ финансовъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ и почти что первымъ министромъ имперіи. Своими пороками, жестокостью и лихоимствомъ, онъ вполнѣ оправдалъ ходившую среди его соотечественниковъ поговорку: «каппадокіецъ плохъ по природѣ; если онъ достигнетъ власти, то становится еще хуже; когда же дѣло идетъ о пріобрѣтеніи, онъ—отвратительнѣе всего»[1]. Но въ глазахъ Юстиніана Іоаннъ имѣлъ одну чрезвычайную заслугу: онъ доставлялъ по всякому требованію государя деньги, которыя были необходимы при огромныхъ расходахъ царствованія. Цѣною какихъ вымогательствъ, какихъ страданій для подданныхъ достигалъ онъ этихъ превосходныхъ результатовъ,—до этого императору не было дѣла, а быть можетъ даже онъ дѣйствительно ничего о томъ не зналъ[2]. Во всякомъ случаѣ, префектъ былъ большимъ любимцемъ монарха и при дворѣ всѣ предъ нимъ трепетали, наперерывъ прославляя его искусство и успѣшность его управленія. Оказывая могущественное вліяніе на умъ Юстиніана и будучи при томъ необычайно богатъ, онъ мало-по-малу пришелъ въ опьяненіе отъ своего счастья. Роскошь его проявлялась пышными выѣздами, живописнымъ убранствомъ, утонченнымъ великолѣпіемъ, чѣмъ онъ думалъ поразить умы своихъ современниковъ; его воображеніе, суевѣрное, какъ у большинства людей его времени, распалялось при обѣщаніяхъ гадателей, представлявшихъ его взору мелькающія надежды на императорство, а пока, дабы подготовить себѣ путь, онъ полагалъ себя дорослимъ до борьбы съ Θеодорой[3]. Онъ принялъ въ отношеніи императрицы высокомѣрный, почти оскорбительный тонъ и пробовалъ разрушить довѣріе, которымъ она пользовалась у императора. Это были такія вещи, которыхъ Θеодора никому не прощала.

Съ этого момента началась открытая борьба. Префектъ не вѣдалъ, какую страшную противницу онъ затронулъ; онъ зналъ, что она на все способна, даже на то, чтобы

1. *Lydus*, стр. 250.
2. *Lydus*, стр. 255—256, 263. *Zach* тр 188.
3. Bell Pers., стр. 130 Hist. arc., стр. 105.

освободиться отъ враговъ посредствомъ убійства; и по ночамъ, не смотря на цѣлую армію стражи, которою онъ себя окружалъ, зловѣщія сновидѣнія зачастую тревожили его сонъ: ему представлялся стоящій у его изголовья варваръ, готовый его задушить. Но наступившій день возвращалъ ему его смѣлость: онъ сознавалъ настоятельную нужду, какую имѣлъ въ его услугахъ Юстиніанъ, сознавалъ также и тотъ неимовѣрный безпорядокъ, умышленно имъ введеный въ управленіе финансами, который, превращая его настѣдіе въ нѣчто совершенно неразрѣшимое, дѣлалъ его самого необходимымъ [1]. Однако же онъ не принялъ въ разсчетъ всю глубину интригантства Өеодоры. Сначала императрица попробовала просвѣтить Юстиніана на счетъ страданій, которыя управленіе префекта причиняло его подданнымъ [2]; затѣмъ она пыталась возбудить въ немъ подозрѣнія относительно опасностей, которыя угрожали его трону вслѣдствіе честолюбія Іоанна: императоръ, подобно всѣмъ слабодушнымъ людямъ, не рѣшался разстаться съ совѣтникомъ, къ которому долговременная привычка и нѣкоторая дѣйствительная симпатія, повидимому, глубоко привязала его. Өеодора придумала тогда коварную махинацію. Ея фаворитка Антонина, жена Велизарія, какъ разъ только что вернулась изъ Италіи. Антонина, по выраженію Прокопія знавшаго ее хорошо, «не имѣла себѣ равной въ интригѣ» [3]. Өеодора пріобщила ее къ своимъ замысламъ и Антонина, дабы ей понравиться, развернула здѣсь все свое рвеніе. Она вкралась въ дружбу къ единственной дочери префекта, сообщила ей по секрету о недовольствѣ Велизарія, жаловалась на неблагодарность, которую Юстиніанъ оказалъ своему побѣдоносному генералу; молодая дѣвушка безъ малѣйшаго недовѣрія слушала эти опасныя рѣчи и, такъ какъ сама тоже ненавидѣла соперницу своего отца, кончила тѣмъ, что однажды простодушно спросила: «да отчего же, имѣя въ рукахъ армію, вы терпите такія оскорбленія»? Этого только и ждала Антонина. «Революція въ лагеряхъ, возразила она, — вещь невозможная, если не имѣть союзника въ столицѣ. Ахъ! если вашъ отецъ захотѣлъ быть этимъ союзникомъ»! Разговоръ, естественно, былъ переданъ префекту, который поручилъ отвѣтить, что онъ охотно переговорилъ бы съ Антониной. Чтобы его

1. *Lydus*, стр. 263—264.
2. Id., стр. 264.
3. Bell. Pers., стр. 132.

скомпрометировать въ конецъ, эта послѣдняя отложила свиданіе на нѣсколько дней, прося, чтобы оно было ночью, за городомъ, подъ большимъ секретомъ, въ уединенной виллѣ, принадлежавшей Велизарію. Префектъ согласился; тѣмъ временемъ, Θеодора, по мѣрѣ успѣха дѣла, постепенно подготовляла Юстиніана. Она его уговорила, не безъ труда — такъ какъ императоръ упорно сомнѣвался—послать въ часъ рѣшительнаго свиданія двухъ преданныхъ ему людей, Маркелла и Нарзеса, въ виллу Велизарія: спрятанные стараніями Антонины, они должны были накрыть разговоръ врасплохъ, причемъ имѣли приказъ, въ случаѣ, если измѣна имъ представится несомнѣнною, арестовать префекта, а, если бы онъ сталъ сопротивляться, немедленно его умертвить. Уступая такимъ образомъ волѣ Θеодоры, Юстиніанъ въ тоже время, по внушенію послѣдняго остатка привязанности, приказалъ подъ рукою предупредить своего министра, чтобы онъ отнюдь не отправлялся въ роковой домъ [1]. Іоаннъ каппадокійскій не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на этотъ совѣтъ; онъ позаботился лишь о томъ, чтобы при немъ былъ хорошій конвой, и, когда офицеры императора, услышавши изъ его собственныхъ устъ признаніе въ участіи въ заговорѣ, хотѣли наложить на него руки, онъ вырвался и поспѣшилъ укрыться въ неприкосновенномъ убѣжищѣ св. Софіи. Въ этомъ, говорятъ современники, онъ проявилъ недостатокъ хладнокровія и присутствія духа [2]. Дерзни онъ смѣло предстать предъ императоромъ, ему, быть можетъ, удалось бы увѣрить его въ своей невинности; спасаясь, онъ признавалъ себя виновнымъ. Θеодора одержала надъ нимъ побѣду: она вынудила у Юстиніана отрѣшеніе префекта отъ должности. Однако императоръ удовольствовался тѣмъ, что сослалъ въ Кизикъ падшаго министра, который, слѣдуя обычаю византійской опалы, долженъ былъ принять монашество, а немного спустя милость Юстиніана ему снова вернула большую часть изъ его первоначально конфискованныхъ имѣній [3].

Этого отнюдь не было достаточно для удовлетворенія Θеодоры. Въ этотъ опасный моментъ, самый серьезный изъ ознаменовавшихъ ея жизнь въ качествѣ императрицы, было мгновеніе, когда она дрогнула за свою власть; поэтому она никогда не могла уже простить человѣку, который угрожалъ ея

1. Bell. Pers., стр. 132—134.
2. Id., стр. 134—135.
3. *Malalas* (Hermès, VI, 377).

вліянію. Ея упорное злопамятство ничего не щадило, чтобы его погубить; нѣсколько лѣтъ спустя она силилась впутать его въ заговоръ, имѣвшій своимъ послѣдствіемъ убіеніе епископа кизикскаго. Іоаннъ былъ снова арестованъ, подвергнутъ ударамъ розгами и лишенъ всѣхъ своихъ имѣній [1]. Но его невиновность была столь очевидна, что не было возможности приговорить его къ смерти. Однако же Ѳеодора добилась его ссылки въ дальній Египетъ, гдѣ, лишенный всего, онъ былъ вынужденъ просить милостыню для своего пропитанія. Онъ оставался тамъ до смерти своей гонительницы. Конецъ всей исторіи былъ таковъ [2]: въ этой чрезвычайно закаленной душѣ, ни нищета, ни изгнаніе не сломили энергіи; всегда наглый и дерзкій, всегда вѣрящій въ свою звѣзду, Іоаннъ снова появился въ Константинополѣ, но теперь это оказалось слишкомъ поздно. За семь лѣтъ Юстиніанъ успѣлъ позабыть своего прежняго совѣтника: Іоаннъ каппадокійскій не смогъ войти въ милость и умеръ въ Константинополѣ въ той самой монашеской рясѣ, въ которую онъ помимо своей воли вынужденъ былъ облечься. Прокопій добавляетъ,—такъ какъ самъ онъ былъ тоже суевѣренъ и подобно Іоанну Каппадокійскому и Ѳеодорѣ вѣрилъ въ дѣйствительность предсказаній, — что гадатели, обѣщая префекту, что настанетъ день, когда онъ надѣнетъ одѣяніе «августа», нисколько не солгали. Когда, на другой день послѣ своей опалы, Іоаннъ былъ вынужденъ принять монашество, то, за неимѣніемъ подъ рукою необходимыхъ въ его новомъ положеніи одеждъ, ему наскоро накинули на плечи рясу одного изъ клириковъ св. Софіи, который какъ разъ носилъ имя Августа. Предсказаніе сбылось.

VI.

Изъ этой исторіи видно до какихъ крайностей могла дойти Ѳеодора, когда было затронуто ея властолюбіе. Тогда ея деспотическій и жесткій характеръ [3] давалъ себѣ полную волю, и отсутствіе въ ней нравственнаго чувства являлось воочію. Мстительная и жестокая, она никогда не про-

1. Bell. Pers., стр. 136 — 137. Ср. *Malalas* (Hermès, VI, 377—378).

2. Bell. Pers., стр. 300.

3. Hist. arc., стр. 93.

щала тѣмъ, кого она считала предъ собою виновными[1]. Всю свою жизнь она помнила оскорбленія, которыми «Зеленые» осыпали ее въ молодости, и ея упорное злопамятство заставило ихъ жестоко искупить таковыя. Равнымъ образомъ, она неумолимо преслѣдовала до гроба всѣхъ своихъ враговъ своею ненавистью и зачастую, какъ говорятъ, заставляла расплачиваться сыновей своихъ жертвъ за преступ-

24. Оболокъ изъ слоновой кости на каѳедрѣ Максиміана (Каѳедр. соборъ въ Равеннѣ).

ленія, въ которыхъ она обвиняла отцовъ. Чтобы погубить своихъ противниковъ, ея изобрѣтательный умъ никогда не испытывалъ затрудненій и, будучи мало разборчивой въ при-примѣненіи средствъ[2] и выборѣ лицъ, служившихъ орудіями ея злобы, она рѣдко терпѣла неудачу въ предначертанныхъ

1. Hist. arc., стр. 91, 93—94, 126. *Zach. Rh.*, 189, разсказываетъ, что она потребовала въ 532 году смерти Гипатія, котораго Юстиніанъ хотѣлъ пощадить.

2. *Zonaras*, стр. 166—167, указываетъ, что она прибѣгала также къ угрозамъ и подкупа. Прокопій (Hist. arc., 10, 98) говоритъ о шпіонахъ, которыхъ она держала повсюду

ѲЕОДОРА И ЕЯ ДВОРЪ

(Мозаика въ церкви Св. Виталія въ Равеннѣ).

себѣ планахъ. Чтобы изъять Юстиніана отъ всякихъ соперничествующихъ вліяній и крѣпче держать его въ своихъ рукахъ, она удалила отъ двора принцевъ императорской фамиліи, которые ее заслоняли, и своими клеветами почти добилась ихъ опалы; чтобы удержать въ подчиненіи такого всесильнаго полководца, какимъ былъ Велизарій, она примѣняла средства, какъ это будетъ указано нами ниже, наименѣе достойныя одобренія и самыя непозволительныя.

23. Ободокъ изъ слоновой кости на каѳедрѣ Максиміана (Каѳедр. соборъ въ Равеннѣ).

Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы можно было безусловно довѣрять разсказамъ о подземельяхъ, гдѣ она подвергала истязаніямъ свои жертвы, и о тайныхъ казняхъ, посредствомъ которыхъ она уничтожала своихъ противниковъ [1]? Это — сплетни, распускавшіяся столичными зѣваками и ничѣмъ не подтверждающіяся [2]. Конечно, когда Ѳео-

1. Hist. arc., стр. 26—27, 28—30, 100.

2. Несомнѣнно, однако, что иногда происходили странныя дѣла въ императорскомъ дворцѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ приключеніе съ патріар-

дора ненавидѣла, она была, я этому вѣрю, женщиной, не отступающей ни предъ чѣмъ, ни предъ скандаломъ несправедливой опалы, ни даже, быть можетъ, предъ толками объ убійствѣ; но изъ тѣхъ, съ кѣмъ она боролась, большинство, въ общемъ, здравствовало и нѣкоторыя изъ лицъ, представляемыхъ «Секретною исторіею» объектами ея жестокостей и злопамятства, каковы Бутцесъ, Велизарій и еще иные, сдѣлали, несмотря на преходящія немилости, довольно хорошую карьеру. Прискъ, о которомъ опредѣленно говорятъ, что онъ ее оскорбилъ [1], былъ осужденъ лишь на изгнаніе и даже самъ Іоаннъ каппадокійскій, какъ ни былъ онъ ненавидимъ императрицей, хотя и влачилъ свои дни въ нищетѣ, но не былъ умерщвленъ.

Во всякомъ случаѣ можно думать, что если вліяніе Ѳеодоры, какъ о немъ сообщаютъ, и было велико, то оно далеко не всегда было полезно для Юстиніана. Всю свою жизнь она страстно любила власть, роскошь и деньги [2]. Для себя самой она скопила необычайное состояніе: съ самаго начала своей связи съ Юстиніаномъ она, какъ говорятъ, скопила огромныя богатства, пользуясь слабостью своего возлюбленнаго [3]; несомнѣнно, что она не ограничилась этимъ. Въ моментъ брака будущій императоръ ей назначилъ значительную вдовью часть [4], которая затѣмъ постепенно все увеличивалась; а ея имѣнья въ Понтѣ, Пафлагоніи и Каппадокіи, изъ которыхъ она получала 50 фунтовъ золотомъ (до 25,000 рублей) годового дохода, были на столько значительны, что для ихъ управленія потребовалась спеціальная администрація [5]. Не меньшее попеченіе она имѣла о своей семьѣ и была неустанно занята обезпеченіемъ будущности своихъ родственниковъ. Ея старшая сестра, Комито, вышла замужъ за офицера высокаго чина, Ситта, который былъ товарищемъ юности императора и оставался его наперсникомъ [6]. До-

хомъ Анѳимомъ, котораго Ѳеодора послѣ его низложенія такъ хорошо спрятала, что кромѣ двухъ преданныхъ слугъ, приставленныхъ къ его особѣ императрицей, весь свѣтъ считалъ его сосланнымъ, либо умершимъ. Онъ снова появился при смерти Ѳеодоры, послѣ того, что пропадалъ въ теченіи десяти лѣтъ; такой эпизодъ даетъ понятіе о томъ, что могло скрываться въ тайнѣ императорскаго геникея (*Іоаннъ Ефес.*, Comm., 158, 248).

1. *Mal.* (Hermès, VI, 370) ὡς ὑβρίσαντα καὶ λοιδορήσαντα τὴν βασίλισσαν Θεοδώραν.

2. *Zonaras*, стр. 152.

3. Hist. arc., стр. 63.

4. C. J., 7, 37, 3.

5. Nov. 28, 5; 29, 4; 30, 6. Въ C. J., 7, 37, 3, встрѣчается curator divina domus serenissimae augustae.

6. *Mal.*, 430, *Théoph.*, стр. 175.

стовѣрно не извѣстно за кого она выдала дочь, которую она имѣла до брака съ Юстиніаномъ; но во всякомъ случаѣ Аѳанасій, сынъ этой дочери, хотя и монахъ, былъ все же необычайно богатъ и его вліяніе во дворцѣ было велико [1], а до его вступленія въ монашество императрица пробовала даже завладѣть огромнымъ состояніемъ Велизарія, посредствомъ брака Афанасія съ единственной дочерью генерала [2]. Наконецъ, она устроила бракъ своей племянницы Софіи съ племянникомъ Юстиніана, предполагаемымъ наслѣдникомъ престола имперіи [3]. Всю свою жизнь она горько сожалѣла, что не имѣла сына, который могъ бы возвести на византійскій тронъ прямое потомство Ѳеодоры. Но, по крайней мѣрѣ, пока она была жива, она правила имперіей по своей волѣ; и если ея алчность, гордость и жестокость вызвали нѣкоторыя изъ наиболѣе прискорбныхъ мѣропріятій царствованія, непомѣрно возбуждая гордость и алчность императора, то несомнѣнно она принимала также безспорное участіе—и притомъ значительное—въ дѣлахъ Юстиніана, какъ законодателя, администратора [4] и строителя; она вела, подчасъ безъ вѣдома императора, свою личную тайную дипломатію [5], и направленіе общей политики черпало не разъ, что я сейчасъ покажу, свою энергію и ясность изъ ея совѣтовъ.

Но предварительно приведемъ еще одну черту характера, которая пополняетъ довольно хорошо портретъ Ѳеодоры.

«Секретная исторія» утверждаетъ, что императрица проявляла къ женскимъ слабостямъ большую терпимость, въ качествѣ женщины, которая сама имѣла за собой многое, что нуждалось въ прощеніи, и что своею снисходительностью къ любовнымъ интригамъ она глубоко деморализировала столицу [6]. Суровость Юстиніановыхъ законовъ противъ прелюбодѣянія достаточно доказываетъ, что, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи, Ѳеодора была страннымъ образомъ оклеветана. Вѣрно то, — но въ этомъ большая разница съ разсказами Прокопія — что эта государыня, не особенно милостивая къ мужчинамъ, выказывала всегда въ отношеніи женщинъ несравненную заботливость и мягкость.

1. *Іоаннъ Ефес.*, Hist. eccl. V, 1. 7, стр. 196, 200—201; *Bar. Hebr.*, Chron. eccl., I, 226.

2. Hist. arc., стр. 34, 39, 40.

3. *Victor Ton.*, 567. Ср. относительно другихъ родныхъ у Ѳеофана, стр. 237.

4. Nov. 8, 1. Большой указъ 535 г., который завершилъ административную реформу, былъ внушенъ ею.

5. *Cassiod.*, Var., X, 20, 21, 23, 24.

6. Hist. arc., стр. 103.

Нельзя сказать съ увѣренностью слѣдуетъ ли приписать ея вліянію законы, которые Юстиніанъ обнародовалъ въ пользу женщинъ [1] съ цѣлью ли возвысить достоинство брака и сдѣлать его болѣе нерасторжимымъ, или чтобы дать защиту соблазненнымъ дѣвушкамъ отъ своихъ соблазнителей, или же чтобы поднять комедіантокъ изъ того состоянія общественнаго униженія, въ которое онѣ попадали. Весьма вѣроятно, что эти мѣры обязаны своимъ происхожденіемъ внушенію Ѳеодоры; несомнѣнно, что она была, по выраженію одного историка, «естественно побуждаема оказать помощь женщинамъ въ несчастьи» [2] и явилась въ этомъ отношеніи строгой охранительницей общественной нравственности. Такъ, она безпощадно разстроила романъ, который одинъ изъ самыхъ блестящихъ генераловъ имперіи затѣялъ съ племянницей Юстиніана [3]. Прейекта,—таково было имя принцессы,—прибыла въ Карѳагенъ со своимъ мужемъ, назначеннымъ губернаторомъ византійской Африки; но скоро военный мятежъ сдѣлалъ ее вдовой, отдавъ молодую женщину во власть главы мятежниковъ. Она считала себя погибшей, когда ей предсталъ неожиданный избавитель въ лицѣ прекраснаго офицера, армянина, по имени Артабана, энергичнаго воина, сумѣвшаго возвратить ей свободу. Прейекта ни въ чемъ не могла отказать своему избавителю: она обѣщала ему свою руку и честолюбивый армянинъ уже видѣлъ себя, благодаря этой блестящей свадьбѣ, на ступеняхъ трона. Все шло наилучшимъ образомъ: принцесса вернулась въ Константинополь и Юстиніанъ разрѣшилъ Артабану сопровождать ее. Чтобы умѣрить разстояніе, которое раздѣляло его отъ предмета его любви, императоръ осыпалъ его почестями и чинами, какъ вдругъ приключилось нѣчто, непріятно нарушившее всѣ предположенія. Артабанъ совсѣмъ забылъ, что онъ нѣкогда, гдѣ-то въ Арменіи, вступилъ уже въ бракъ, но давно разстался съ первою женой и никогда съ того времени ничего о ней не слыхалъ. Теперь она внезапно явилась въ Константинополѣ, заявляя свои права законной супруги, и нашла сильную поддержку у императрицы. Ѳеодора была непреклонна въ дѣлѣ, гдѣ были затронуты священныя узы брака; она обязала Артабана взять обратно свою жену, а Прейекту, въ видахъ предосторожности, выдала замужъ за другого.

1. Nov. 117, 134, 9, 124, 1 и т. д.
2. Bell. Goth., стр. 407.
3. Id., стр. 405—407.

Руководилась ли Ѳеодора уваженіемъ къ святости брака, когда она неоднократно принималась хлопотать о примиреніи Велизарія съ его женой Антониной [1]? Я не смѣю безусловно утверждать это: у нея были другіе интересы, и быть можетъ болѣе серьезные, въ томъ, чтобы дать почувствовать въ семейной жизни генерала свою всесильную волю. Но есть другое обстоятельство, гдѣ невозможно оспаривать безкорыстную заботу, которую она имѣла о нравственности и милосердіи. На азіатскомъ берегу Босфора, въ старинномъ императорскомъ дворцѣ, она основала для покаявшихся монастырь Метанойя, т. е. покаяніе, а во избѣжаніе впредь всякаго искушенія для несчастныхъ, которыхъ довела до паденія скорѣе нужда, чѣмъ порокъ, она позаботилась обезпечить это благотворительное учрежденіе богатымъ вкладомъ [2]. Слѣдуетъ ли предполагать, что въ этой попечительности, въ заботѣ, которую она и въ другихъ случаяхъ прилагала къ освобожденію, на свои средства, бѣдныхъ дѣвушекъ отъ «ига ихъ позорнаго рабства» [3], отчасти способствовали личныя воспоминанія Ѳеодоры и что она охотно, если бы не сказала, то по крайней мѣрѣ подумала вмѣстѣ съ поэтомъ:

Non ignara mali, miseris succurrere disco.

Можетъ статься; но даже и въ этомъ случаѣ такая забота и названное учрежденіе дѣлали бы ей особенную честь: онѣ свидѣтельствовали бы, что достоинство жизни императрицы представляло нѣчто иное, чѣмъ корыстное лицемѣріе, и что въ этомъ у нея сказалось нѣкоторое раскаяніе и отвращеніе къ своему прошлому.

VII.

Портретъ византійской государыни былъ бы неизбѣжно неполнымъ, если не сказать о ея религіозныхъ чувствахъ, такъ какъ въ отношеніи Ѳеодоры именно въ религіозныхъ вопросахъ лучше всего можно видѣть и энергію ея воли и степень ея вліянія. Ниже я разсмотрю со всей надлежащей

1. Hist. arc., стр. 27, 32—33.

2. Id., стр. 101; Aed., стр. 199—200; *Malalas*, стр. 440—441. Надпись церкви свв. Сергія и Вакха тоже восхваляетъ «неутомимыя попеченія» ея благотворительности (C. I. G., 8639).

3. *Mal.*, 441. См. о строгихъ мѣрахъ, принятыхъ противъ «lenones», безъ сомнѣнія по иниціативѣ Ѳеодоры, въ новеллѣ 14, и у *Іоанна Никіусскаго*, стр. 518.

подробностью церковную политику царствованія, но здѣсь я долженъ остановиться по крайней мѣрѣ на характеристическихъ чертахъ этого дѣла, вдохновительницей котораго она нерѣдко была, и окончательно обрисовывающихъ фигуру императрицы: если въ нихъ обнаруживается пылъ ея страстей, то, думается мнѣ, онѣ также дѣлаютъ честь ея ясному пониманію дѣлъ и стойкой смѣлости ея рѣшеній.

26. Обрывокъ туники (раскопки въ Деиръ-ель-Дикъ).

Какъ всѣ византіянки своего времени, Ѳеодора была религіозна и даже набожна. Она умножила учрежденія въ пользу Церкви. Лѣтописцы называютъ базилики, сиротскіе дома и больницы, построенные ея попеченіями [1], и самъ Юстиніанъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ указовъ о безчисленныхъ пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ ею святѣйшимъ церквамъ, больницамъ, пріютамъ, епископамъ, монахамъ и несчетному множеству другихъ лицъ [2]. Однакожъ Церковь, которую она обогатила, отнеслась къ ней съ чрезвычайной строгостью, и даже при ея жизни не пощадила ее отъ несенія жесточайшихъ обидъ. Около 529 года прибылъ въ Константинополь благочестивый палестинскій пустынникъ

1. Aed., стр. 183; *Zonaras*, стр. 159.

2. C. J., 7, 37, 3. Впрочемъ, она любила, какъ кажется, чтобы ее изображали, именно, какъ щедрую благотворительницу: на богатой, расшитой золотомъ, ткани, изъ которой была сдѣлана напрестольная пелена въ св. Софіи, она была представлена посѣщающей вмѣстѣ съ Юстиніаномъ больницы и церкви—«добрыя дѣла, пишетъ одинъ современникъ, этихъ властителей міра, этихъ покровителей страны» (*Павелъ Силенц.*, Descr. S. Sophiae, 796—800). О ея пожертвованіяхъ церквамъ см. *Evagr.*, IV, 28; VI, 21.

св. Савва. Долгою подвижническою жизнью онъ стяжалъ себѣ славу святости и Ѳеодора, наравнѣ съ Юстиніаномъ, позаботилась о его пріемѣ; но когда однажды императрица, принявъ его отдѣльно, умоляла его помолиться Богу о дарованіи ей дѣтей, св. Савва наотрѣзъ отказалъ въ этомъ: «эта женщина, грубо сказалъ онъ, могла бы родить лишь враговъ Церкви[1]».

Да и въ самомъ дѣлѣ, въ глазахъ православныхъ Ѳеодора, не смотря на свое благочестіе[2], была сильно заподозрѣна въ ереси: она открыто исповѣдывала ученіе монофизитовъ, которые признавали лишь одну природу въ лицѣ Іисуса Христа[3]. Мало того: съ своей обычной энергіею она толкала Юстиніана на тотъ же путь, на который зашла сама, и во имя государственныхъ интересовъ вовлекала его въ политику, которая имѣла основаніе безпокоить православную церковь. Въ одной новѣйшей книгѣ[4] сдѣлана попытка изобразить Ѳеодору миролюбивою христіанкой, озабоченною единственно возстановленіемъ религіознаго мира въ имперіи и примиреніемъ, ради общаго блага, враждующихъ партій. И, конечно, въ этой мысли есть доля правды. При тонкости своего политическаго смысла, Ѳеодора, еще болѣе чѣмъ Юстиніанъ, сознавала какъ опасно поддерживать на востокѣ вредныя для могущества имперіи распри; она понимала всю настоятельную необходимость вернуть, путемъ своевременныхъ уступокъ, Сирію и Египетъ, охваченные моноѳизитствомъ и уже проникшіеся сепаратизмомъ, къ единству монархіи, и можно утверждать, что въ этомъ отношеніи ея взглядъ былъ правиленъ и она ясно предугадывала будущее. Тогда какъ Юстиніанъ, плѣненный величіемъ римской традиціи, упорно хотѣлъ въ возстановленной имперіи цезарей утвердить строгое православіе на единеніи съ Римомъ, Ѳеодора, со свойственной ей чуткостью политической дѣйствительности, обращала взоръ къ Востоку. Она силилась успокоить религіозные раздоры, подъ которыми національности Египта и Сиріи обнаруживали свои сепаратистскія стремленія, и прилагала всѣ старанія къ тому, чтобы направить къ этой цѣли императорскую политику. Именно

1. Vita Sabae, гл. 72.

2. Малала называетъ ее ἡ εὐσεβὴς Θεοδώρα. Надпись въ церкви свв. Сергія и Вакха говоритъ «о ея умѣ, надъ которымъ господствовало благочестіе». [illegible] (C. I. G., 8639).

3. *Evagrius*, IV, 10. *Vict. Tonn.*, a. 542. *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 162, 246.

4. *Debidour*, Théodora, 1885.

ей былъ обязанъ Египетъ сохраненіемъ въ неприкосновенности до 536 года своей монофизической церкви[1]; ей обязана была Сирія возстановленіемъ въ 543 году ея яковитской церкви[2]; ея же покровительству обязаны были диссиденты тѣмъ, что часто избѣгали суровостей свѣтской власти[3]; наконецъ ея поощреніямъ и ея содѣйствію обязаны были монофизитскія миссіи успѣхомъ своей пропаганды[4]. Нерѣшительность Юстиніана, его воля, непостоянная и колеблющаяся, препятствовали Θеодорѣ вполнѣ осуществить свое дѣло и сообщить религіозной политикѣ царствованія то твердое и постоянное направленіе, какое ей желалось. Но можно спросить себя—была ли бы болѣе сильною та имперія, о которой она мечтала, и стала ли бы болѣе надежнымъ оплотомъ противъ натисковъ персовъ и арабовъ та крѣпкосплоченная великая восточная имперія, которую она хотѣла создать? Во всякомъ случаѣ въ этомъ широкомъ планѣ есть высота мысли и ясность взгляда, которые особенно дѣлаютъ честь политическому смыслу Θеодоры.

Но рядомъ съ этими высокими качествами государственнаго человѣка въ императрицѣ сказывалась женщина: она имѣла нравъ слишкомъ страстный, слишкомъ горячій, характеръ слишкомъ властный, чтобы не вносить въ религіозные споры ничего, кромѣ холодныхъ соображеній чистой политики. Она, очертя голову, кинулась въ битву, рѣшительно борясь за торжество своего вѣроученія; и если иной разъ она чувствовала, что Юстиніанъ ускользаетъ изъ ея рукъ, если предъ еще болѣе упорными волями ея воля должна была уступать, то она никогда не признавала себя побѣжденной. И ея вліянію слѣдуетъ приписать ту сложную политику, полную страстности, колебаній и измѣнчивости, которой слѣдовалъ Юстиніанъ въ отношеніи монофизитовъ; ея открытой поддержкѣ была обязана ересь тѣми успѣхами, которыми она долгое время пользовалась. Монофизиты это хорошо понимали; за то они и не скупились расточать ей похвалы, провозглашая ее «императрицей, любящей Бога; императрицей любящей Христа; правовѣрной императрицей»[5]. Никогда, дѣйствительно, она не покидала ихъ партіи; ей удалось возвести своихъ единомышленниковъ на глав-

1. *Іоаннъ Никіусскій*, 154.
2. *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 162—164.
3. Id., 154. 157, 158, 247—249.
4. Id., Hist. eccl., IV, 6, стр. 141—142.
5. *Zach. Rh.*, 190, 211. *Іоаннъ Ефес.* Comm., 138, 154, 157, 160, 162; *Bar Hebraeus*, стр. 204.

ные патріаршіе престолы востока: Севера въ Антіохіи[1], Тимоѳея, котораго она называла «своимъ духовнымъ отцомъ»[2] и Ѳеодосія въ Александріи, Анѳима въ Константинополѣ[3]; когда же, вслѣдствіе представленій папы, православіе Юстиніана встревожилось такимъ выборомъ, она уступила, не отказываясь, однако, ни отъ своихъ сторонниковъ, ни отъ своихъ догматовъ.

Она пріютила во дворцѣ патріарха Анѳима, и въ теченіи многихъ лѣтъ умѣла охранить его отъ преслѣдованій православныхъ[4]. Она превратила дворецъ Ормизда въ монастырь, чтобы дать въ немъ убѣжище монахамъ, изгнаннымъ изъ Сиріи и Азіи преслѣдованіями православныхъ[5]; она взяла подъ свое покровительство патріарха александрійскаго Ѳеодосія[6]. Она сдѣлала еще больше: со свойственною ей ловкостью она задумала вознаградить себя смѣлымъ ударомъ въ самомъ Римѣ. Въ лицѣ діакона Вигилія она нашла фаворита, готоваго угождать ей, а потому, чтобы освободить для него мѣсто на папскомъ престолѣ, она не остановилась предъ тѣмъ, чтобы рукою Велизарія грубо сбросить папу Сильвера съ его епископской каѳедры[7], совершенно такъ же, какъ позднѣе она не побоялась удалить съ нея довольно насильственно того же Вигилія, когда этотъ послѣдній не оправдалъ надеждъ, которыя она на него возлагала. До самаго послѣдняго дня жизни, ея соучастіе, открытое или тайное, покровительствовало монофизитамъ. «Она подогрѣвала, говоритъ одинъ историкъ, рвеніе еретиковъ, водворившихся въ имперіи, а иноземныхъ — осыпала великолѣпными подарками[8]». Когда надлежало доставить торжество своему дѣлу, она не боялась противиться формальной волѣ Юстиніана и, что весьма знаменательно, должностныя лица, поставленные въ необходимость дѣлать выборъ между этими противорѣчивыми, но равно августѣйшими приказами, никогда не колебались исполнять предначертанія Ѳеодоры[9].

Церковь не простила Ѳеодорѣ ни грубаго низверженія Сильвера, ни ея продолжительной приверженности къ мо-

1. *Evagr.*, IV, 12.
2. *Іоаннъ Никіусскій*, 514.
3. *Zonaras*, стр. 166.
4. *Іоаннъ Ефесск.*, Comm., 158, 247. 248.
5. Ib., Comm., 154—157.
6. Id., 248.
7. Lib. pont., стр. 292—293; *Liberatus*, Breviar, 22.
8. *Evagr.*, 4, 10. Ср. *Іоан. Ефес.*, Comm., 57, гдѣ она является выступающей въ защиту монофизитовъ въ Персіи.
9. *Іоан. Ефес.*, IV, 6, стр. 141—142.

нофизитской ереси, ни ея властной насильственности, которую она проявляла въ различныхъ обстоятельствахъ, удовлетворяя свою злобу противъ духовныхъ лицъ, и которая доводила ее до забвенія самыхъ священнѣйшихъ правъ убѣжища[1]. Церковные историки ея времени осыпали ее проклятіями, а позднѣйшіе историки Церкви покрыли ее имя позоромъ. Ей даже благосклонно приписали сверхъ всего, что она совершила, всевозможныя дѣла, за которыя она по всей справедливости не могла быть отвѣтственною; напримѣръ, жестокости въ обхожденіи съ папой Вигиліемъ, безспорно имѣвшія мѣсто уже по смерти Ѳеодоры. Вотъ почему кардиналъ Бароній не находитъ достаточно сильныхъ эпитетовъ, чтобы ее заклеймить; въ его глазахъ супруга Юстиніана была «отвратительною тварью; второю Евою, слишкомъ послушною змію; новой Далилой, второй Иродіадой, жаждущей крови святыхъ; гражданкой ада, покровительствуемой демонами, одержимой духомъ сатаны, подстрекаемой діаволомъ, съ остервенѣніемъ стремившейся разрушить единодушіе, купленное кровью исповѣдниковъ и мучениковъ»[2]. И замѣтье, что Бароній писалъ до открытія рукописи Секретной Исторіи. Что бы онъ сказалъ, если бы сверхъ того зналъ мнимыя похожденія молодости этой женщины, въ которой онъ и безъ того видѣлъ одного изъ злѣйшихъ враговъ Церкви?

Когда въ іюнѣ 548 года Ѳеодора умерла отъ рака[3], Юстиніанъ горько оплакивалъ эту утрату, которая, по справедливости, ему казалась невознаградимой. Онъ хотѣлъ принять къ себѣ, въ личное услуженіе, всѣхъ приближенныхъ базилиссы[4]; онъ считалъ для себя честью исполненіе воли почившей императрицы[5] и много лѣтъ спустя одинъ поэтъ, желавшій ему понравиться, вызывалъ въ немъ воспоминаніе о «превосходной, прекрасной и мудрой государынѣ»[6], которая теперь молила Бога за своего супруга. Надо признаться, что есть нѣкоторое излишество въ такомъ апоѳеозѣ. Ѳеодора не имѣла, собственно говоря, тѣхъ добродѣтелей, которыя открываютъ настежъ двери рая. Недостаточно извѣстно, ни откуда она происходила, ни какими приключеніями

1. Hist. arc., стр. 28, 90.
2. *Бароній*, цитируемый *Дебидуромъ* въ его «Théodora», стр. 12—13.
3. *Vict. Tonn.*, a. 540.
4. *Const. Porph.*, De Cerim., 390.
5. *Ioан. Ефес.*, Comm., 248.
6. *Павелъ Силенц.*, loc. cit., 60.

она начала свою жизнь; какъ императрица, она имѣла недостатки и пороки, желать скрыть которые было бы ребячествомъ. Это была великая властолюбица, часто неразборчивая и безжалостная, государыня—часто деспотическая и жестокая, ни предъ чѣмъ не останавливавшаяся для сохраненія своей власти. Ея ловкость не была лишена нѣкотораго вѣроломства, а любовь къ широкой и роскошной жизни—нѣкоторой алчности. Она рѣдко бывала добра; но она была очень умна, энергична и отважна. Она превосходно поняла нѣкоторыя нужды правленія; въ одномъ рѣшительномъ случаѣ она выказала себя дѣйствительно достойной трона; и когда ея вліяніе прекратилось—какія бы подчасъ прискорбныя послѣдствія оно не имѣло—начался упадокъ, который могъ окончиться лишь со смертью Юстиніана. Наконецъ, она была истая женщина, кокетливая, страстная, хитрая и властная; и при этомъ умная и безконечно увлекательная, но подъ этой внѣшностью скрывалась душа государственнаго человѣка, сильная, твердая, смѣлая и своевольная, которая гораздо болѣе, чѣмъ самъ Юстиніанъ, запечатлѣла собою его царствованіе. Однимъ словомъ, по прекрасному выраженію Гандера̀, если «ея пороки принадлежали ея происхожденію и ея времени, то ея по истинѣ царскія достоинства принадлежали ей самой [1]».

1. *Ganderax*, Rev. des Deux-Mondes. 1885. I стр. 216.

ГЛАВА III.

Дворецъ и дворъ.—Высшіе Сановники.

Когда въ началѣ IV вѣка Константинъ избралъ Византію, чтобы основать въ ней новую столицу имперіи, онъ выстроилъ тамъ, въ числѣ другихъ сооруженій, обширный и роскошный дворецъ, и въ теченіи почти десяти столѣтій этотъ дворецъ, часто, впрочемъ, перестраиваемый и значительно расширенный преемниками перваго христіанскаго императора, оставался одной изъ обычныхъ резиденцій византійскихъ государей. Въ настоящее время, когда путешественникъ, посѣтившій Константинополь, видитъ среди одного изъ красивѣйшихъ въ свѣтѣ мѣстоположеній, на этомъ мѣстѣ Европы, выступающемъ между Босфоромъ и Западнымъ Рогомъ, совокупность изящныхъ, или причудливыхъ построекъ, именуемыхъ Старымъ-Сералемъ; когда онъ направляется вдоль мрачныхъ зубчатыхъ стѣнъ, за которыми въ тѣни цвѣтущихъ садовъ и зеленѣющихъ деревъ скрывается таинственный, бѣлѣющій городъ кіосковъ и павильоновъ,—онъ не сомнѣвается въ томъ, что этотъ турецкій дворецъ, гдѣ нѣкогда великіе султаны держали свой дворъ, построенъ какъ разъ на мѣстѣ Священныхъ Палатъ *базилевсовъ*. Однако, это совершенно не вѣрно. Въ моментъ, когда Константинъ прибылъ въ Византію, древній городъ византійцевъ искони вѣковъ покрывалъ теперешнюю площадь сераля, а на вершинѣ холма были воздвигнуты стѣны его акрополя. Императоръ не пожелалъ трогать этой части древняго города, которая должна была образовать самое ядро его будущей столицы. Онъ сталъ искать внѣ древней ограды мѣста, гдѣ бы онъ могъ построить свой дворецъ и нашелъ его въ нѣкоторомъ разстояніи къ юго-западу, на склонахъ и на вершинѣ плоскогорья, образуемаго продолженіемъ къ западу холма акрополя, или точнѣе, въ мѣстности, кото-

рая нынѣ простирается между Св. Софіей и площадью Атмейданъ на сѣверо-западѣ и Мраморнымъ моремъ на юго-востокѣ и югѣ. На этомъ огромномъ пространствѣ, площадью никакъ не менѣе 400,000 квадратныхъ метровъ, съ неровной поверхностью, спускающейся къ морю подъ довольно сильнымъ уклономъ, императорская любовь къ великолѣпію и художественный вкусъ зодчихъ могли дать себѣ полный просторъ: Священныя-палаты были чудомъ богатства, изящества и своеобразной граціи [1].

Нынѣ отъ этой великолѣпной резиденціи не осталось ничего, или почти что ничего. Задолго до паденія Византіи императоры ее покинули, чтобы поселиться во Влахернахъ и большой дворецъ, который съ этихъ поръ служитъ лишь для рѣдкихъ оффиціальныхъ церемоній, сталъ непримѣтнымъ образомъ приходить въ упадокъ. Онъ былъ въ большомъ разрушеніи въ началѣ XIII вѣка; въ XIV вѣкѣ истощеніе казны помѣшало сдѣлать въ немъ самыя необходимыя исправленія; въ началѣ XV вѣка итальянецъ Буондельмонти нашелъ этотъ когда то самый роскошный кварталъ города совершенно разрушеннымъ. Турки лишь довершили разрушеніе: они употребили на постройку зданій Стараго Сераля обломки византійскаго дворца [2].

Понятно, что при этихъ условіяхъ нѣсколько затруднительно отдать себѣ отчетъ въ томъ, какова была древняя резиденція императоровъ. Болѣе того. На мѣстѣ, которое было когда то занято дворцомъ, нынѣ возвышается большая мечеть султана Ахмета и исключительно турецкій кварталъ, который къ ней прилегаетъ, и теперь довольно трудно, подчасъ даже рискованно, разыскивать въ этихъ узкихъ переулкахъ, между тамошними большими садами, обнесенными стѣнами, и наглухо закрытыми домами рѣдкіе разбросанные остатки, уцѣлѣвшіе отъ разрушенія. Сооруженіе въ 1871 г. адріанопольской желѣзной дороги, открывъ широкую просѣку въ части, идущей вдоль побережья, обнаружило кой-какіе остатки зданій, которые даютъ цѣнныя точки опоры для топографіи Священныхъ-Палатъ, чѣмъ воспользовались ученые современнаго Константинополя и съ похвальнымъ терпѣніемъ постарались опредѣлить сохранившіеся до сихъ поръ

1. *Labarte*, Le palais impérial de Constantinople, стр. 95 — 96, 55 — 56; *Mordtman*, Esquisse topographique de Constantinople au moyen âge, n° 96 стр. 54.

2. *Paspati*, Τὰ Βυζαντινὰ ἀνάκτορα, стр. 133 и слѣд.

слѣды византійскихъ построекъ. Однако по этимъ частямъ полуразрушенныхъ стѣнъ, по колосальнымъ фундаментамъ, нѣкогда державшимъ на себя зданія, по обломкамъ капителей и колоннъ, не смотря на громкія названія, которыя имъ хотятъ присвоить, не легко сдѣлать достаточно точные выводы, и было бы весьма затруднительно, не взирая на эти добросовѣтныя изысканія, возстановить наружный видъ и расположеніе императорской резиденціи, еслибы византійскіе писатели, къ счастью, не оставили бы намъ на этотъ счетъ описаній, полныхъ самыхъ мельчайшихъ подробностей. Конечно, до тѣхъ поръ, пока этотъ кварталъ древней Византіи не будетъ изслѣдованъ путемъ методическимъ раскопокъ,—если только таковыя раскопки будутъ когда либо произведены,—въ воспроизведеніяхъ императорскаго дворца, при всей ихъ тщательности и остроуміи, которыя пытались сдѣлать такія архитекторы, какъ Лабартъ и Ф. фонъ-Реберъ[1], останется много гадательнаго. Тѣмъ не менѣе, сопоставляя свѣдѣнія, сообщаемыя историками, съ указаніями, къ сожалѣнію слишкомъ рѣдкими, которыя даетъ изученіе мѣстности, все таки представляется возможность намѣтить, хотя бы въ главныхъ чертахъ, картину Священныхъ-Палатъ въ томъ видѣ, какой онѣ имѣли при Юстиніанѣ и Θеодорѣ.

I.

Прежде чѣмъ пытаться дѣлать такое общее описаніе, надо съ самого начала отмѣтить одно обстоятельство. Было бы ошибочно представлять себѣ большой византійскій дворецъ въ видѣ зданія, похожаго на извѣстныя намъ королевскія резиденціи, подобно Версалю развертывающія на обширной площади симметрическія линіи пышнаго фасада. Скорѣе слѣдуетъ припомнить султанскій Сераль или еще лучше Кремль, чтобы составить себѣ вѣрное представленіе о дворцѣ базилевсовъ. Подобно имъ, онъ заключалъ въ обширной оградѣ множество зданій, довольно различныхъ эпохъ; дворцы, церкви, пріемныя залы часовни, бани, гипподромы, казармы для стражи и открытыя террасы для прогулокъ, откуда простирался далекій видъ на море,—цѣлая совокупность роскошныхъ построекъ, но до извѣстной степени изолированныхъ

1. *F. von Reber*, Dar Karolingische Palastbau (Abhandl., der bayr. Akad. der Wissensch. 1891, т. 19, стр. 716 и слѣд.).

другъ отъ друга, между которыми растилались вымощенные мраморомъ дворы, длинныя галлереи, лѣстницы, идущія вверхъ и внизъ, а также лимонныя рощи и большіе сады, спускавшіеся къ самому Босфору [1]. Позднѣе, въ X вѣкѣ, крѣпкая стѣна окружила все это цѣлое построекъ и образовала изъ дворца особый городъ въ столицѣ [2]. Нѣтъ указаній, чтобы во времена Юстиніана какая либо серьезная мѣра защиты охраняла императорскую резиденцію, что и дало возможность мятежникамъ, во время знаменитаго бунта 532 г., распространить пожаръ на нѣкоторую часть дворца. И вотъ почему тоже вскорѣ послѣ катастрофы, истребившей вмѣстѣ съ старой св. Софіей большую часть зданій, которыя окружали площадь Августеона, весь этотъ кварталъ блисталъ свѣжестью новизны. Юстиніанъ со свойственнымъ ему вкусомъ къ великолѣпію перестроилъ разрушенныя зданія и, жаждая оставить здѣсь, какъ и во всемъ, слѣдъ своего генія, онъ, при перестройкѣ, подвергъ довольно коренной передѣлкѣ старый императорскій дворецъ Константина.

Въ книгѣ Лабарта, которая, хотя и нуждается въ необходимыхъ поправкахъ, но все же остается основнымъ трудомъ по этому предмету, можно найти обстоятельный планъ и подробное описаніе внутреннихъ помѣщеній дворца. Въ краткомъ и бѣгломъ обзорѣ, который я намѣренъ сдѣлать, я ограничусь только такими чертами, которая съ полною достовѣрностью соотвѣтствуютъ VI вѣку [3].

Точкой отправленія слѣдуетъ принять большую площадь, которая называлась Августеонъ [4]. Весьма вѣроятно, что она простиралась между св. Софіей и дворцомъ, и по четыремъ ея сторонамъ возвышался цѣлый рядъ построекъ:

1. *Labarte*, стр. 59—68.

2. *Schlumberger*, Nicéphore Phocas, стр. 544—547.

3. Сочиненіе *Labarte'a*, Le palais impérial de Constantinople, вышло въ 1861 году. Въ 1885 году Паспати опубликовалъ свою работу Τὰ Βυζαντινὰ ἀνάκτορα, въ которой тщательное изслѣдованіе мѣстности и развалинъ испорчено совершенно неудачнымъ, по моему, воспроизведеніемъ расположенія дворца. Ф. фонъ-Реберъ въ Мемуарахъ Баварской Академіи напечаталъ въ 1891 году чрезвычайно интересную работу о дворцѣ византійскихъ императоровъ и путемъ сравненія съ дворцомъ Діоклетіана въ Спалато внесъ остроумныя поправки въ планъ Лабарта. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что самый компетентный по этому предмету ученый, Мордтманнъ, въ своемъ «Топографическомъ очеркѣ Константинополя въ средніе вѣка», вышедшемъ въ 1895 г., принимаетъ въ общемъ выводы Лабарта.

4. Aed., стр. 181, 202 — 203. Ср. *Mordtmann*, стр. 64; *Labarte*, стр. 31 и слѣд.

великая церковь на сѣверѣ, термы Зевксиппа и Гипподромъ на юго-западѣ, на востокѣ зданіе сената, мѣсто котораго могло быть опредѣлено съ достовѣрностью, и Магнаврскій дворецъ; наконецъ, на югѣ-востокѣ и на югѣ императорская резиденція. Заключенный такимъ образомъ между этими оффиціальными зданіями, для которыхъ онъ служилъ средствомъ сообщенія, Августеонъ представлялъ изъ себя не столько площадь, сколько обширный замкнутый дворъ; онъ былъ, по одному остроумному замѣчанію, «константинопольскою площадью св. Марка». Послѣ пожара 532 года Юстиніанъ еще расширилъ и украсилъ Августеонъ. Портики, поддерживаемые двойнымъ рядомъ колоннъ, окаймляли четыре стороны квадрата; земля была выстлана мраморомъ; а на площади, не подалеку отъ золотого столба, откуда расходились всѣ большія дороги имперіи, высокая бронзовая колонна, воздвигнутая на семи уступахъ изъ бѣлаго мрамора, гордо возвышала въ воздушномъ пространствѣ колосальную конную статую Юстиніана [1]. Императоръ былъ представленъ съ лицомъ, обращеннымъ къ востоку; въ лѣвой рукѣ его была держава, увѣнченная крестомъ, а правая рука простерта въ направленіи къ востоку, «дабы повелѣвать варварамъ, говоритъ Прокопій, чтобы они не выходили за предѣлы своихъ границъ [2]». Онъ былъ представленъ, по античному образцу, въ костюмѣ, присваиваемомъ Ахиллу, и его мантія, наброшенная на плечи, была усѣяннаю звѣздами, а на головѣ — своеобразный уборъ, называвшійся у византійцевъ туфа, представляющій изъ себя золотой обручъ, увѣнченный золочеными павлиньими перьями[3]. Лошадь и всадникъ гигантскихъ размѣровъ были изъ бронзы и Петръ Жилль, посѣтившій Константинополь въ XVI столѣтіи и еще видѣвшій обломки этой статуи, разсказываетъ, что у ней нога была выше человѣческаго роста, а носъ былъ болѣе девяти дюймовъ. Наконецъ на пьедесталѣ имѣлись своеобразно составленныя надписи въ честь монарха съ цитатами изъ Священнаго Писанія: «Онъ возсядетъ на коней твоихъ и ѣзда его будетъ спасеніемъ... Злодѣй уничтоженъ предъ нимъ, а онъ прославляетъ боящихся Господа» [4].

1. Aed., стр. 181—182; *Malalas*, стр. 482; ср. *Labarte*, стр. 13, 35—36; *Paspati*, стр. 111 и слѣд.; *Mordtmann*, стр. 64—66. Ср. также *Constantin le Rhodien*, 36—51, 364—372 и стр. 51 и слѣд. комментарія Т. Рейнаха.

2. Aed., стр. 182.

3. См. любопытный рисунокъ XV вѣка, изображающій эту статую (*Mordtmann*, стр. 65), воспроизведенный нами выше на стр. 28.

4. *Mordtmann*, стр. 55.

Пышные монументы, которые обрамляли площадь, въ равной мѣрѣ возвѣщали славу Юстиніана. Предъ великолѣпно отстроеннымъ зданіемъ сената, онъ приказалъ возвести чудный портикъ, подерживаемый шестью бѣлыми мраморными колоннами и украшенный статуями; въ термахъ Зевксиппа, гдѣ Константиномъ были собраны, какъ въ музеѣ, образцовыя произведенія античной скульптуры[1], Юстиніанъ, послѣ пожара, возстановилъ великолѣпные орнаменты изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ. Извѣстно какими чудесами хотѣлъ онъ разукрасить вновь выстроенную имъ св. Софію; наконецъ, императорскій дворецъ, который занималъ юго-восточную и южную стороны Августеона, былъ, по свидѣтельству Прокопія, перестроенъ заново, почти цѣликомъ, съ такимъ великолѣпіемъ, добавляетъ писатель, что слово безсильно передать это[2].

27. Византійская ткань изъ Египта. (Раскопки въ Деиръ-ель-Дикъ).

Подъ портиками Августеона, безъ сомнѣнія, по срединѣ юго-западной стороны площади, виднѣлись тяжелыя желѣзныя двери. Это былъ входъ въ роскошныя сѣни, которыя назывались Халкой[3]. Войдя въ двери, проходили полукруглымъ дворомъ, огражденнымъ массивными рѣшетками, и вступали въ большую залу съ куполомъ, которую Юстиніанъ около 538 года перестроилъ роскошнѣйшимъ обра-

1. Ср. описаніе, сдѣланное Христодоромъ въ началѣ VI вѣка, составляющее вторую книгу Антологіи.

2. Aed., стр. 203.

3. *Labarte*, стр. 109—115.

зомъ[1]. Чтобы дать понятіе о великолѣпіи императорскаго дворца, Прокопій подробно описалъ въ книгѣ «О постройкахъ» эти сѣни,—истинное чудо художественной архитектуры и декоративной роскоши[2]. Полъ былъ сдѣланъ изъ цвѣтного мрамора, расположеннаго вокругъ большой круглой плиты изъ порфира; панели стѣнъ были выложены разноцвѣтнымъ мраморомъ. По верху мозаичныя фрески изображали побѣды Юстиніана, африканскія и италіянскія войны, тріумфъ Велизарія, представляющаго побѣжденныхъ королей и завоеванныя сокровища Юстиніану и Ѳеодорѣ, а императорскую чету, стоящую среди сенаторовъ въ праздничныхъ одеждахъ, «которые (сенаторы) радуются, говоритъ историкъ, славѣ своего повелителя и поклоняются ему, какъ бы нѣкоему божеству». Нельзя достаточно пожалѣть объ утратѣ этихъ произведеній искусства, принадлежавшихъ навѣрно къ числу наиболѣе замѣчательныхъ образцовъ VI вѣка. По крайней мѣрѣ мозаики церкви св. Виталія даютъ возможность составить себѣ нѣкоторое представленіе объ этомъ великолѣпіи и его сильномъ декоративномъ эфектѣ.

Двустворчатая бронзовая дверь вела изъ ротонды Халки въ караульныя залы, называвшіяся портиками схоларіевъ, протекторовъ и кандидатовъ[3]. Это были обширныя постройки, выходившія на просторные дворы, вымощенные мраморомъ; онѣ, несомнѣнно, служили помѣщеніемъ для дворцовой стражи и сверхъ того заключали въ себѣ парадныя комнаты, въ одной изъ которыхъ стоялъ подъ куполомъ большой серебряный крестъ превосходной работы. Наконецъ, посредствомъ большой окаймленной колоннадами аллеи, которая прорѣзывала кварталъ гвардейцевъ, достигали самаго дворца[4], гдѣ прежде всего вступали въ большой Консисторіонъ[5]. Это былъ тронный залъ; въ него входили, со стороны наружныхъ дворовъ, тремя дверьми изъ слоновой кости, которыя были убраны шелковыми занавѣсами; изнутри стѣны сіяли блескомъ драгоцѣнныхъ металловъ; роскошные ковры покрывали полъ, а въ глубинѣ залы, на возвышеніи, на которое вели три ступени, между двумя «Викторіями» съ распущенными крыльями и держащими лавро-

1. *Malalas*, стр. 479.

2. Aed., стр. 203—204.

3. Chron. pasch., стр. 621. *Labarte*, стр. 115—118.

4. См. *F. von Reber*, loc. cit., стр. 730, 748, замѣчанія котораго и реституція въ этомъ отношеніи чрезвычайно остроумны.

5. *Labarte*, стр. 124 и слѣд.

вые вѣнки, стоялъ, сіяя золотомъ и драгоцѣнными камнями, императорскій тронъ, помѣщенный подъ золотымъ куполомъ, поддерживаемымъ четырьмя колоннами[1]. Позади трона три бронзовыя двери открывались на лѣстницы, которыя вели въ верхнія части дворца. Отсюда появлялся императоръ въ дни большихъ праздниковъ для принятія въ Консисторіонѣ поздравленій, приносимыхъ высшими правительственными чинами, для назначенія новыхъ сановниковъ, или же для пріема пословъ и подарковъ отъ иностранныхъ государей. И таково было во времена Юстиніана великолѣпіе этого параднаго зала, что варвары, допущенные къ императорской аудіенціи, думали, по словамъ одного поэта той эпохи, что они попали прямо на небо:

Et credunt aliud Romana palatio coelum[2].

Рядомъ съ Консисторіономъ находился большой Т р и к л и н і у м ъ, который называли также «Т р и к л и н і у м ъ д е в я т н а д ц а т и л о ж ъ»[3]. Это была большая, роскошно убранная зала, гдѣ давались торжественные пиры въ честь иноземныхъ пословъ и высокихъ сановниковъ; она служила также для нѣкоторыхъ торжественныхъ церемоній, каковы коронованіе императрицы и выставленіе на поклоненіе тѣла почившаго императора. Наконецъ, по сосѣдству возвышалась церковь Спасителя, которая вплоть до IX вѣка была дворцовою церковью[4].

Такова была часть императорскаго жилища, которую вообще называли Халкеей; она находилась всецѣло наравнѣ съ площадью Августеона, на которую были обращены фасадомъ образующія ее зданія. Почти вполнѣ перестроенная заботами Юстиніана, эта часть резиденціи, кажется, имѣла лишь одинъ этажъ; но позади ея, на высшемъ уровнѣ, подымались другія зданія, не меньшей важности. Таковымъ въ особенности былъ, приблизительно, на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ мечетью султана Ахмета, большой дворецъ Дафна, связанный съ аппартаментами Халкеи цѣлымъ рядомъ дворовъ, галлерей, широкихъ лѣстницъ, развертывающихся подъ открытымъ небомъ, но который составлялъ отдѣльное, независимое зданіе[5]. Довольно, впрочемъ, трудно возстановить его расположеніе. Кажется, что его главный входъ нахо-

1. *Coripp.*, Just., III, 191 и слѣд.

2. Id., III, 244.

3. *Labarte*, стр. 125, 128, различаетъ эти двѣ залы, которыя фонъ-Реберъ соединяетъ въ одну.

4. Id., стр. 123.

5. Ср. id., стр. 130—138.

дился противъ юго-восточной двери гипподрома[1] и что вокругъ обширнаго двора, одна изъ сторонъ котораго была занята частнымъ манежомъ императоровъ[2], развертывался на двухъ другихъ сторонахъ непрерывный рядъ высокихъ террасъ и двухэтажныхъ построекъ, достаточно высокихъ, чтобы господствовать надъ зданіями Халкеи. Нижній этажъ былъ занятъ службами императорскаго дома; первый этажъ заключалъ рядъ комнатъ, считавшихся въ числѣ наиболѣе роскошныхъ помѣщеній резиденціи. Это были три залы, которыя назывались «триклиніумъ Августеосъ», «восьмиугольная гостинная» и «коитонъ Дафны». Широкія террасы, съ которыхъ открывался видъ на сады и на море, дополняли эти покои. Это были частью галлереи Дафны, названныя такъ потому, что тамъ помѣщалась статуя нимфы Дафны, привезенная изъ Рима Константиномъ и имя которой подъ конецъ было присвоено всей этой части дворца. Еще и нынѣ за мечетью султана Ахмета видны остатки колоссальныхъ подземныхъ сооруженій, поддерживавшихъ эту террасу[3]. Съ другой стороны находилась длинная галлерея, которая соединяла дворецъ съ церковью св. Стефана и съ гипподромомъ. Императоръ не желалъ, отправляясь на свою пышную трибуну, откуда онъ смотрѣлъ на игры цирка, выходить для этого изъ своего жилища. Поэтому открытый переходъ соединялъ, черезъ церковь св. Стефана, Дафну съ императорской ложей Каѳизмою, представлявшею двухъэтажный дворецъ, гдѣ позади трибуны находилось нѣсколько залъ для пріемовъ или для отдыха. Оттуда-то государь, окруженный своими придворными и гвардейцами, слѣдилъ за шумными перипетіями конскихъ ристаній; что же касается императрицы и придворныхъ дамъ, то онѣ обыкновенно занимали мѣста на верхнихъ галлереяхъ церкви св. Стефана, откуда открывался видъ на гипподромъ[4].

Дворецъ Дафны былъ построенъ Константиномъ и, повидимому, Юстиніанъ ничего въ немъ не передѣлалъ. Но, такъ же какъ и Халкея, эта часть императорскаго жилища не заключала въ себѣ ничего, кромѣ пріемныхъ залъ, а потому приходится задаться вопросомъ: гдѣ были собственные апартаменты государей? Въ IX вѣкѣ, въ обширныхъ садахъ, которые простирались между Дафной и моремъ, имѣлись два

1. *Labarte*, стр. 130.
2. Id., стр. 65.
3. *Paspati*, loc. cit., стр. 158 и слѣд.
4. *Labarte*, стр. 138—142.

большихъ дворца, называемые «Хризотриклиніумъ» и «Триконкъ», гдѣ на ряду съ парадными залами упоминаются жилыя помѣщенія, назначенныя для императорской фамиліи. Весьма вѣроятно, что именно здѣсь со времени Юстиніана, въ уединеніи и среди прохлады садовъ, помѣщалось частное жилище монарха; но, за измѣненіями въ его распланировкѣ, введенными императорами Θеофиломъ и Василіемъ [1], невозможно даже пытаться возстановить существовавшее въ VI вѣкѣ внутреннее расположеніе этой самой интимной части дворца, именно той, которую преимущественно называли Священными Палатами.

Наконецъ, для завершенія этого очерка, слѣдуетъ отмѣтить разнообразныя часовни, которыя византійское благочестіе разсѣяло въ разныхъ частяхъ дворца и посвященныя святымъ апостоламъ или другимъ святымъ, наиболѣе чтимымъ въ православіи [2]. Слѣдуетъ также упомянуть объ уединенномъ дворцѣ, на восточной сторонѣ Августеона, не подалеку отъ сената, который Юстиніанъ реставрировалъ съ своимъ обычнымъ великолѣпіемъ. Это былъ большой «триклиніумъ» Магнавры [3], изъ котораго крытыя галлереи, также построенныя Юстиніаномъ, вели къ св. Софіи: какъ, не выходя изъ своего дома, онъ ходилъ въ гипподромъ, такъ онъ желалъ ходить и въ церковь.

Но это—не все. До своего восшествія на престолъ Юстиніанъ проживалъ въ кварталѣ Ормиздаса въ чрезвычайно элегантномъ домѣ, расположенномъ на берегу моря, который онъ украсилъ съ совершенно особымъ стараніемъ. Ставъ императоромъ, онъ не хотѣлъ уже разставаться съ этимъ жилищемъ своей молодости и включилъ его въ расширенный кругъ дворцовыхъ зданій [4]. Еще и понынѣ, близъ воротъ Чатлади-Капу, нѣсколько къ востоку отъ церкви святыхъ Сергія и Вакха, видны на берегу Мраморнаго моря остатки прежняго дома Юстиніана и совсѣмъ рядомъ огромные своды, поверхъ которыхъ тянулись нѣкогда галлереи Маркіана, составлявшія западную границу большого дворца [5]. Этимъ заканчивается точное опредѣ-

1. *Labarte*, стр. 142, 218

2. Id., стр. 116, 123, 134.

3. Id., стр. 193—195. По всѣмъ вѣроятіямъ, въ немъ надо признать дворецъ, построенный Юстиніаномъ который Кориппъ называетъ Sophianarum splendentia tecta novarum (Just., IV, 287).

4. Aed., стр. 202. Ср. *Labarte*, стр. 104, 200.

5. *Mordtmann*, стр. 54.

леніе площади императорской резиденціи въ томъ видѣ, въ какомъ ее создалъ и жилъ Юстиніанъ.

Однакожъ старый дворецъ, даже расширенный и перестроенный, не представлялся Юстиніану въ достаточной мѣрѣ достойнымъ его императорскаго величества. Онъ пожелалъ имѣть и другія резиденціи и для ихъ возведенія тратилъ безъ счета громаднѣйшія суммы. Прокопій весьма горько сѣтуетъ на безумную гордость этихъ выскочекъ, которые считали для себя слишкомъ малымъ и слишкомъ скромнымъ античное жилище, удовлетворявшее цезарей [1]. И въ самомъ дѣлѣ, достовѣрно извѣстно, что за предѣлами столицы императоръ приказалъ выстроить себѣ нѣсколько пышныхъ виллъ. Такими были: на азіатскомъ берегу Босфора, принадлежавшій Ѳеодорѣ дворецъ Гіеріа,—изящная дача, построенная на берегу моря, съ тѣнистыми садами и ручьями [2]; а на европейскомъ берегу, въ семи миляхъ отъ города,—величественный дворецъ Юкундіана, позднѣе называвшійся Гебдомонъ [3]. Юстиніанъ и Ѳеодора охотно проживали въ этихъ подгородныхъ резиденціяхъ; императрица любила проводить лѣто въ Гіеріи, а императоръ очень часто переносилъ свой дворъ въ Юкундіану, и многіе изъ его указовъ помѣчены «новою Консисторіею дворца Юстиніана» (Novum Consistorium palatii Justiniani [4].

II.

Такова была рамка. Теперь надлежитъ сказать какою роскошью, какою утонченностью великолѣпія и этикета оживляли ее Юстиніанъ и Ѳеодора.

Эти двое выскочекъ, какъ извѣстно, очень быстро привыкли, и онъ и она, къ своему новому, совсѣмъ недавнему величію. Онъ—изъ уваженія къ императорской идеѣ, представителемъ которой онъ былъ, она—по своему характеру, гордому и властному отъ природы, и оба они считали, что ихъ божественному сану приличествуетъ всякаго рода почитаніе. Уже за два вѣка до нихъ, церемоніалъ въ обста-

1. Hist. arc., стр. 146.

2. Aed., 207. Ср. эпиграммы Павла Силенція и Агаѳія (Anthol., IX 663—665) и *Strzygowski*, Die byz. Wasserbehälter von CP., 161—162.

3. Aed., стр. 207. Ср. *Van Millingen*, Byzantine Constantinople, стр. 316—323.

4. C. J., 1, 2, 22; Nov. 118.

новкѣ жизни императоровъ чрезвычайно усложнился, замѣнивъ собою простоту, которую намѣренно выказывали первые цезари. Съ Юстиніаномъ и Ѳеодорой придворная жизнь получила еще сильнѣйшее развитіе[1]. Такъ же, какъ позднѣе Людовикъ XIV въ Версали, они желали, чтобы усердіе важныхъ сановниковъ и высшихъ должностныхъ лицъ проявлялось въ частомъ посѣщеніи дворца, а такъ какъ послѣдній былъ средоточіемъ всѣхъ дѣлъ, то естественно, что всѣ стремились туда. Чезвычайно мелочный этикетъ опредѣлялъ отношенія между государемъ и придворными[2]. Въ былое время доступъ къ государямъ былъ довольно легокъ; теперь же требовалось подчинить свое положеніе и свою рѣчь предписаніямъ церемоніала. Прежде, когда сенаторы являлись предъ императоромъ, они лишь преклоняли правое колѣно, а глава сената, положа правую руку на сердце, отвѣчалъ глубокимъ поклономъ. Теперь предъ Юстиніаномъ и даже предъ Ѳеодорой всѣ безъ исключенія должны были повергаться ницъ, приникнувъ устами къ землѣ, съ распростертыми руками и ногами, и смиренно лобызать пурпуровый сапожекъ царственныхъ особъ. Государя почтительнѣйше титуловали Величествомъ, называя себя самого его нижайшимъ рабомъ, и Ѳеодора въ особенности, говорятъ, являлись неумолимо требовательной въ отношеніи точнаго соблюденія церемоніала. Отнынѣ, прежде чѣмъ быть принятымъ, также надлежало подолгу дожидаться въ передней, и дабы опредѣлить всѣ эти обряды, одно важное лицо того времени, начальникъ дворцовыхъ службъ, Петръ, не счелъ ниже своего достоинства составить, вѣроятно по императорскому приказу, очень подробный трактатъ, отъ котораго намъ къ сожалѣнію осталось лишь нѣсколько отрывковъ и который служилъ церемоніальнымъ уставомъ[3]. Въ настоящее время, когда хотятъ описывать великолѣпіе византійскаго двора, довольствуются вообще заимствованіемъ тѣхъ, въ изобиліи сохранившихся подробностей, которыя оставили намъ писатели X вѣка; на самомъ же дѣлѣ весь этотъ этикетъ гораздо болѣе давняго происхожденія и весьма вѣроятно, что онъ окончательно опредѣлился во времена Юстиніана. Императоръ, какъ извѣстно, любилъ пышность и имѣлъ

1. Hist. arc., стр. 105—106.

2. Id., стр. 164—165. Ср. объ усложненіи придворныхъ обычаевъ, Nov. 47 114, 152.

3. Ср. *Const. Porph.*, De Cerim., I. 84—85, стр. 386—388.

притязаніе запечатлѣвать собою свое время; поэтому весьма вѣроятно, что въ этомъ дѣлѣ, какъ и во множествѣ другихъ,— въ маломъ, какъ и въ большомъ, а это малое ему представлялось, безъ сомнѣнія, особенно важнымъ, поскольку

28. Пилатъ и евреи (Миніатюра въ Codex Rossanensis).

оно возвышало обаяніе и величіе basileus'а,—весьма вѣроятно, говорю я, что и въ этомъ случаѣ онъ хотѣлъ создать нѣчто прочное. Онъ былъ, если не изобрѣтателемъ, то, по крайней мѣрѣ, кодификаторомъ церемоніала, какъ онъ

былъ кодификторомъ законовъ, и можно думать, что чудеса роскоши и этикета, которые позднѣе ослѣпляли наивныя души людей среднихъ вѣковъ, были лишь частицей огром-

29. Христосъ передъ Пилатомъ (Миніатюра въ Codex Rossanensis).

наго и тяжеловѣснаго наслѣдія, переданнаго Юстиніаномъ своимъ преемникамъ.

Писатели той эпохи сохранили намъ чрезвычайно точныя воспоминанія о всей этой роскоши. Помимо только

что приведенныхъ мною отрывковъ изъ церемоніальнаго устава начальника дворцовыхъ службъ, Петра, сохранилась сочиненная нѣкіимъ Кориппомъ весьма любопытная поэма о придворной жизни въ Византіи около половины VI вѣка. Конечно, Кориппъ — жалкій писака, весьма посредственнаго ума, но онъ принадлежалъ къ дворцовой челяди и имѣетъ ту заслугу, что онъ самъ видѣлъ, и притомъ хорошо видѣлъ, великолѣпіе празднествъ, которыя тамъ задавались. Онъ съ любовью описалъ тонкости этикета, богатство костюмовъ, великолѣпіе церемоній, живописное разнообразіе зрѣлищъ, которыя, не переставая, оживляли Священныя Палаты. Ради этого, его Панегирикъ Юстину II стòитъ прочтенія, такъ какъ онъ даетъ самое вѣрное понятіе и какъ бы осязательное представленіе о томъ, каковы были придворная жизнь и церемоніалъ въ Византіи во времена Юстиніана.

Опишемъ нѣкоторыя изъ этихъ празднествъ. Перваго января восточному императору, въ воспоминаніе старинныхъ римскихъ традицій, иногда бывало угодно облекаться въ консульское достоинство: это являлось поводомъ для начала года къ пышной церемоніи. Въ то время, какъ у воротъ Халки тѣснилась толпа въ ожиданіи тріумфальнаго шествія, а на трибунахъ, устроенныхъ на Августеонѣ, городскія корпораціи и партіи цирка занимали мѣста для принятія императорскихъ подарковъ; въ то время, какъ улицы убирались зеленью, коврами, развѣшиваемыми вдоль фасадовъ, шелковыми занавѣсами, прикрѣпленными къ колоннамъ, [1] — внутри дворца придворные служащіе готовили подарки: чеканныя серебряныя вазы, корзины, наполненныя золотыми монетами, диптихи изъ слоновой кости съ изображеніемъ монарха, долженствовавшіе въ этотъ день новаго года служить выраженіемъ щедротъ новаго консула [2]. Въ одной изъ залъ, на золоченыхъ ступеняхъ, устланныхъ богатыми коврами, ставили курульное кресло, все сверкающее золотомъ и драгоцѣнными камнями; императоръ, съ короной на головѣ, съ торжественнымъ и важнымъ видомъ усаживался на немъ, облеченный въ трабею, — античный роскошный костюмъ древнихъ римскихъ консуловъ. На привѣтствіе сената, введеннаго сюда, онъ отвѣчалъ раздачею великолѣпныхъ подарковъ [3]; затѣмъ знаменитѣйшіе риторы произносили

1. *Cor.*, Just., IV, 9—12, 67—74, 75—85.
2. Id., IV, 103—114.
3. Id., IV, 145—148.

50. Отдѣлка изъ мрамора, оникса и перламутра стѣнъ абсида церкви въ Паренцо (VI-го вѣка).

(Фотографія, доставленная г. Courtellemont)

ему по гречески и по латыни панегирики, получая въ свою очередь щедрое вознагражденіе за обильную лесть, которой осыпали государя [1]. Потомъ, одинъ за другимъ, въ іерархическомъ порядкѣ, проходили передъ basileus'омъ безчисленные дворцовые чиновники и каждый изъ нихъ получалъ награду, на которую ему давали право его чинъ или званіе [2]. Послѣ этого образовывался кортежъ для консульской торжественной процессіи: во главѣ—слуги, въ пышныхъ ливреяхъ, несли на своихъ плечахъ кресло, какъ знакъ ихъ должности; за ними слѣдовалъ сенатъ въ праздничныхъ одѣяніяхъ; затѣмъ шла, построившись, по призыву герольдовъ, въ строго опредѣленномъ порядкѣ, требуемомъ церемоніаломъ, многочисленная толпа придворныхъ чиновъ и, наконецъ, окруженный гвардейцами, среди сверкающихъ парадныхъ мундировъ и при ослѣпительномъ блескѣ оружія, выступалъ императоръ [3]. Развертываясь подъ портиками, блестящая процессія выходила на Августеонъ и подъ шумъ народныхъ привѣтственныхъ кликовъ пересѣкала площадь, чтобы вступить въ св. Софію. Къ подножью святыхъ алтарей basileus клалъ дары, жертвуемые имъ въ этотъ торжественный день церкви, и здѣсь, въ залитомъ свѣтомъ огней и свѣчей, храмѣ, благоговѣйно колѣнпреклоненный, онъ принималъ благословеніе духовенства и провозглашеніе божьяго покровительства [4]. По выходѣ изъ церкви, онъ становился на тріумфальную колесницу, и процессія медленно двигалась къ Капитолію, сопровождаемая рукоплесканіями народа.

Повседневно происходили новыя празднества. Это были: торжественныя аудіенціи—silentia [5], выражаясь языкомъ византійскаго этикета,—въ консисторіи, или въ большомъ триклиніумѣ, когда императоръ, въ присутствіи высшихъ придворныхъ сановниковъ, жаловалъ новыя достоинства, объявлялъ повышенія по службѣ и возводилъ въ должности дворцовыхъ чиновъ или гвардейцевъ, посредствомъ врученія присвоенныхъ знаковъ отличія, согласно неизмѣнно установленному церемоніалу [6]. Или это были пріемы королей варваровъ,—Гунновъ, Аваровъ, Геруловъ, князей Кавказа или отдаленной Абиссиніи, которые являлись, нерѣдко въ сопровожденіи женъ и дѣтей, чтобы привѣтствовать

1. *Cor.*, Just., IV, 154—156.
2. Id., IV, 186, и слѣд.
3. Id., IV, 227, и слѣд.
4. *Cor.*, Just., IV, 312, и слѣд.
5. De Cerim., стр. 388.
6. Id., стр. 386, 388.

Юстиніана, возбуждая своими необычными и живописными костюмами крайнее любопытство простонародья [1]. Или — посѣщенія иностранныхъ пословъ, которымъ оказывали, въ особенности если они являлись отъ имени грознаго персидскаго царя, чрезвычайное вниманіе. Въ такіе дни весь дворецъ участвовалъ въ празднествѣ. Чтобы поразить варваровъ и закрѣпить въ ихъ грубыхъ умахъ глубокое и грозное впечатлѣніе византійскаго всемогущества, предъ ними развертывали всю утонченность роскоши, всѣ тонкости этикета [2]. Въ залахъ выстраивались шпалерами гвардейцы съ мечемъ у бедра, съ золотымъ щитомъ на рукѣ, золотымъ шлемомъ на головѣ, на которомъ развѣвался красный султанъ, съ длиннымъ копьемъ въ рукѣ, либо на плечѣ, съ страшной обоюдо-острой сѣкирой; впереди ихъ, знаменщики когортъ гордо поднимали разноцвѣтныя знамена, и между этими двумя рядами людей, на подборъ гигантскаго роста, медленно, одинъ за другимъ, выступали, сопровождаемые толмачами и чиновниками иноземнаго приказа, иноземные послы, уже пораженные громадностью великолѣпныхъ залъ, чрезъ которыя они проходили, и роскошью костюмовъ и оружія. Тѣмъ временемъ въ большой консисторіи, между двухъ статуй Побѣдъ, держащихъ надъ головой императора лавровые вѣнки, онъ занималъ свое мѣсто на тронѣ. Его окружаютъ тѣлохранители, въ бѣлыхъ туникахъ, съ золотыми ожерельями на шеяхъ; вокругъ группируются дворцовые евнухи, а сенаторы въ парадной формѣ и высшіе сановники имперіи, въ шелковыхъ одѣяніяхъ, становятся по окружности обширной залы. Когда все готово, по знаку начальника дворцовыхъ службъ отдергиваютъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго ожиданія, шелковые занавѣсы, которые закрываютъ двери, и императоръ предстаетъ изумленнымъ взорамъ варваровъ во всемъ царственномъ величіи. Троекратно посолъ и его свита повергаются на земь, ожидая всякій разъ приглашеніе basileus'а подняться; затѣмъ, приблизившись, начальникъ миссіи лобызаетъ ноги государя и униженно проситъ его соизволить принять подарки, которые онъ привезъ. Тогда подарки, драгоцѣнные или причудливые, неторопливо разстанавливаются передъ монархомъ,

1. *Malalas*, стр. 427, 431, *Théophan.*, стр. 216, 218, 219, 232, 239; *Cor.*, Just., praef., 4 и слѣд.

2. *Cor.*, Just., III, 231, и слѣд. De Cerim., стр. 404 и слѣд.

который напередъ уже получилъ ихъ списокъ и знаетъ имъ точную цѣну; послѣ чего императоръ въ нѣсколькихъ милостивыхъ словахъ отпускаетъ пословъ и прекращаетъ аудіенцію. Послѣдующіе дни, равно какъ въ теченіи всего времени ихъ пребыванія въ Византіи, иностранцевъ не переставали осыпать вниманіемъ, любезностями и подарками. Ихъ водили на долгія прогулки по городу, впрочемъ, очень оффиціальныя, чтобы дать подивиться его чудесамъ, при чемъ весьма зорко слѣдили за посѣтителями, дабы не допускать ихъ видѣть что-либо иное, кромѣ того, что имъ хотѣли показать; имъ расточали великолѣпные подарки, не считая и не жалѣя на то издержекъ. Разсказываютъ, что однажды подобный пріемъ, оказанный персидскому послу, обошелся императорской казнѣ болѣе милліона [1]. Наиболѣе знаменитымъ или болѣе опаснымъ изъ этихъ гостей, тѣмъ, которыхъ считалось полезнымъ привлечь или же необходимымъ поберечь, сами государи лично старались оказывать ласки и знаки расположенія. Юстиніанъ не гнушался быть воспріемникомъ языческихъ князей, являвшихся въ Константинополь просить крещенія, а высокомѣрная Θеодора становилась любезной и плѣнительной въ обращеніи съ варварскими царицами Иверіи и Гунновъ [2].

Наконецъ, давались еще парадные пиры, на которыхъ открывалась другая картина императорскаго великолѣпія [3]). На столахъ, покрытыхъ пурпуровыми скатертями, разставлялись принадлежности роскошнаго сервиза, сдѣланнаго по приказанію Юстиніана изъ золота, взятаго въ карθагенской сокровищницѣ, драгоцѣнныя, сверкающія камнями, вазы, блюда изъ цѣнныхъ металловъ, на которыхъ, среди барельефовъ, повѣствующихъ о побѣдахъ, было вырѣзано изображеніе императора. Для приданія большей пышности празднеству, пускали въ дѣло всѣ тонкости изысканнаго стола, а императорскій погребъ выставлялъ свои богатства, соединяя вина Аттики съ легкими бѣлыми винами Палестины, смѣняя одно другимъ знаменитыя мѣстныя вина Сиріи и Африки, Египта и Кипра, а также произведенія славныхъ виноградниковъ Итаки, Лесбоса и Фалерны [4].

Такимъ образомъ отъ начала до конца жизни византійскаго императора, всѣ его дѣйствія опредѣлялись церемо-

1 Bell. Pers., стр. 286; Bell. Goth., стр. 506—507, 530—540.

2. *Theoph.*, стр. 216.

3. *Cor.*, Just., III, 111 и слѣд.

4. Id., III, 87 и слѣд.

ніаломъ съ того дня, когда въ большомъ трикдиніумѣ, въ присутствіи всего сената, среди радостныхъ восклицаній сановниковъ, онъ былъ поднятъ на щитѣ [1] и на его голову, увѣнчанную золотымъ обручемъ, знакомъ императорскаго достоинства, патріархъ съ благоговѣніемъ возлилъ священное муро [2]. Въ тотъ день basileus впервые появлялся во всемъ блескѣ царственнаго великолѣпія, облаченный въ златотканную тунику, которую широкой полосой окаймляло драгоцѣнное шитье, обутый въ пурпуровые сапожки, опоясанный богатымъ поясомъ, сіяющимъ эмалью и драгоцѣнными камнями, имѣя на плечахъ широкую пурпуровую, разукрашенную золотомъ, мантію, въ діадемѣ, покрытый всѣми коронными бриллiантами, всѣми драгоцѣнностями,—символами столькихъ же побѣдъ,—завоеванными у вандаловъ и у остготовъ [3]. Въ тотъ день basileus впервые возсѣдалъ на императорскомъ мѣстѣ и, прежде чѣмъ направиться въ гипподромъ, чтобы показаться своему народу и пожаловать ему обычные, по случаю радостнаго восшествія на престолъ, подарки [4], онъ принималъ въ большомъ триклиніумѣ привѣтствія сената и въ своего рода тронной рѣчи начертывалъ ему свою первую правительственную програму [5].

Въ тѣхъ же Священныхъ Палатахъ въ послѣдній разъ проявлялось величество императора, уже почившаго: на парадной вызолоченой постели выставлялся монархъ, въ діадемѣ, облаченный весь въ пурпуръ, съ непокрытымъ лицомъ [6] и въ послѣдній разъ принималъ поклоненія своихъ подданныхъ. Вокругъ высокого катафалка, блещущаго драгоцѣнными канями, на колоннахъ тысячами горѣли золотые и серебряные канделябры; воздухъ наполнялся паромъ отъ ладона и пыланія восковыхъ свѣчей; и въ послѣдній разъ подъ сводами дворца формировалась и двигалась, сопровождаемая теперь священными пѣснопѣніями и надгробнымъ плачемъ, императорская процессія, которая медленно направлялась въ церковь святыхъ Апостоловъ для водворенія basileus'а въ мѣстѣ его вѣчнаго успокоенія [7].

1. *Cor.*, Just., II, 137 и слѣд.
2. Id., II, 160 и слѣд.
3. Id., II, 100 и слѣд.
4. Id., II, 278 и слѣд.
5. *Cor.*, Just., II, 175 и слѣд.
6. Id., I, 226 и слѣд., 276 и слѣд.
7. Id. III, 6 и слѣд.

III.

Для удовлетворенія многосложныхъ требованій этого церемоніала, а также въ видахъ усиленія своимъ присутствіемъ величія царственныхъ особъ, въ залахъ византійскихъ Священныхъ Палатъ тѣснилась цѣлая толпа слугъ, гвардейцевъ, сановниковъ. Прежде всего—люди собственныхъ и императорскихъ покоевъ (sacrum cubiculum), спе-

31. Развалины дома Юстиніана въ Константинополѣ.

ціально состоящіе при особѣ государя для личныхъ услугъ. Императоръ имѣлъ свой дворъ, которымъ управлялъ начальникъ священныхъ покоевъ (praepositus sacri cubiculi)[1]; для служенія за столомъ у него были свои камергеры или кубикуларіи, а при гардеробѣ одѣвальщики или веститоры,— интимныя должности, довѣряемыя чаще всего евнухамъ[2]; онъ имѣлъ своихъ силенціаріевъ,

1. *Theoph.*, стр. 233; *Orelli Henzen*, 1162; C. J., 12, 5, 5.

2. *Cor.*, Just., III, 214. § 99.

которые водворяли молчаніе по пути слѣдованія базилевса [1]; своихъ хартуларіевъ палаты [2], которые изготовляли указы о повышеніяхъ; своихъ референдаріевъ [3], которые принимали прошенія; своихъ особыхъ секретарей или нотаріевъ [4], которые вѣдали его корреспонденцію. Императрица, точно такъ же, имѣла свой дворъ, во главѣ котораго стояли: главный начальникъ покоевъ [5] и главная начальница дворца или кубикуларія [6]; она также имѣла своихъ камергеровъ, своихъ силенціаріевъ, своихъ референдаріевъ, которымъ она сама вручала знаки отличія ихъ должностей [7]; она имѣла, наконецъ, своихъ евнуховъ и приближенныхъ женщинъ,—довольно сомнительной, иной разъ, репутаціи, если вѣрить въ томъ Прокопію,—старинныхъ пріятельницъ прежнихъ дней, попавшихъ, благодаря милости Θеодоры, изъ за кулисъ цирка въ интимный кругъ Священныхъ Палатъ [8]. Затѣмъ идутъ служащіе императорскихъ конюшень, которыми управлялъ комитъ священныхъ конюшень [9], и еще множество другихъ гражданскихъ чиновъ: decani, cursores, magistriani и т. д., которые, будучи сгруппированы въ приказы, работали подъ вѣдѣніемъ начальника службъ [10]. Потомъ — различные корпуса гвардейцевъ [11], доместики и прожекторы, сведенные въ два полка, одинъ пѣхотный, другой конный, которыми командовалъ комитъ доместиковъ [12]; далѣе схоларіи и кандидаты, организованные въ семь схолъ подъ высшею властью начальника службъ [13]. Не смотря на силу ихъ наличной численности—насчитывалось 3500 схоларіевъ, а при Юсти-

32. Прошивка рукавовъ (Раскопки въ Деиръ-эль-Дикъ).

1. Bell. Pers., стр. 243.
2. Nov. 8, notitia.
3. Nov. 10. Cp. Bell. Pers., 259.
4. Hist. arc., стр 97; *Malalas*, стр. 449.
5. C. J., 12, 5, 5.
6. *Gregorii* papae Epist., VII. 22.
7. De Cerim., стр. 389.
8. Hist arc., стр. 104.
9. Bell. Goth., стр. 36
10. De Cerim., стр. 397; C. J., 12, 59, 10.
11. Edict. 8, 3; *Théoph.*, стр. 233.
12. Hist. arc., стр. 136—137; C. J. 12, 17, 4 и 5; 2, 7, 25, 3. *Cassiod.*, Var., 1, 10; XI. 31.
13. Bell. Goth., стр. 602. Hist. arc.

ніанѣ ихъ было до 5500; несмотря на ихъ роскошные костюмы и украшенное золотомъ вооруженіе, эти войска представляли для защиты дворца довольно посредственную опору. Это были, по выраженію одного историка того времени, скорѣе «статскіе въ роскошной формѣ» [1], чѣмъ солдаты, и ихъ единственная роль состояла въ томъ, чтобы своимъ присутствіемъ усиливать блескъ императорскихъ торжествъ. Въ былое время, и еще въ IV столѣтіи, быть зачисленнымъ въ этотъ корпусъ отборнаго войска считалось самою лучшею наградою за храбрость; теперь же, въ VI вѣкѣ, схоларіи уже являлись ничѣмъ инымъ, какъ придворными должностями, покупаемыми за хорошія деньги, при чемъ носители ихъ не имѣли ни военнаго опыта, ни склонности къ походной жизни [2]. Къ тому же Юстиніанъ, съ своимъ практическимъ смысломъ, видѣлъ въ этомъ учрежденіи главнымъ образомъ средство къ созданію доходной статьи: онъ извлекалъ доходъ изъ трусости схоларіевъ, угрожая отправить ихъ въ походъ въ Африку или Италію; и послѣ того какъ онъ, въ цѣляхъ продажи означенныхъ должностей, увеличилъ на 2000 человѣкъ наличную численность дворцовыхъ схолъ и когда позднѣе платить имъ жалованіе стало для него обременительнымъ, онъ вычеркнулъ этихъ добавочныхъ солдатъ изъ списковъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и безъ уплаты имъ денегъ [3]. Каковы-бы они ни были, все же они,—въ своихъ чудныхъ одеждахъ, длинныхъ бѣлыхъ туникахъ, поверхъ которыхъ блистало золотое ожерелье, съ своими золотыми щитами, украшенными иниціалами Христа, золотыми шлемами съ красными султанами, инкрустированными золотомъ копьями, съ своими длинными роскошными мечами [4],—производили хорошій эффектъ при дворцовыхъ церемоніяхъ и, быть можетъ, даже вводили въ заблужденіе пораженныхъ варваровъ. Но ихъ преданности, довольно таки сомнительной, было бы совсѣмъ недостаточно для вѣрной охраны императора, поэтому монархъ на ряду съ ними содержалъ **спатаріевъ**, тѣлохранителей [5], надежныхъ солдатъ, почти

стр. 135, 136; *Agath.*, стр. 309—311. C. J., 12, 29; 1, 31, 5; Bell. Pers., стр. 39. Срав. *Benjamin*, De Justiniani aetata quaestiones militares.

1. *Agath.*, стр. 310.

2. Id., стр. 310.

3. Hist. arc., стр 135—136.

4. *Павелъ Силенц.*, Descr. S. Sophiae, 257 и слѣд.; Cor. Just., III, 167, и слѣд. О *кандидатахъ*, которые составляли 6 и 7 схолы (Chr. Pasch., стр. 501—502, ср. Bell. Goth., стр. 441; *Cor.*, Just., III, 161; C. J., 12, 33, 5, 4; De Cerim., стр. 301—302, 406, 408.

5. Chron. Pasch., стр. 626—627; *Theoph.*, стр. 225—226.

всѣхъ до одного гигантскаго роста, вооруженныхъ копьями или тяжелыми обоюдо-острыми сѣкирами; во главѣ ихъ стоялъ начальникъ тѣлохранителей, и эта должность, по своей важности, довѣрялась особливо вѣрному слугѣ basileus'а, а подъ конецъ присвоивалась предполагаемому наслѣднику престола [1].

Такимъ образомъ въ столицѣ дворецъ представлялъ какъ-бы небольшой городъ: въ немъ одни только войска гвардіи, если вѣрить историку, составляли корпусъ въ 10,000 человѣкъ [2]; число же служащихъ при внутреннихъ покояхъ, при гардеробѣ, при конюшняхъ, толпы гражданскихъ чиновниковъ,—опредѣлить нѣтъ возможности. Высшее управленіе этимъ сложнымъ міромъ принадлежало завѣдывающему дворцомъ или куропалату,—постъ, соединенный съ особой довѣренностью, присваевыемый обыкновенно близкому родственнику императора и считавшійся достойнымъ даже для наслѣдника престола [3].

До сихъ поръ я говорилъ исключительно о лицахъ, спеціально приставленныхъ къ разнымъ должностямъ по императорскому дому и Священнымъ-Палатамъ, но въ придворныхъ торжествахъ участвовало еще множество другихъ лицъ. Прежде всего--министры, всѣ безъ исключенія украшенныя титуломъ преславныхъ [4], которые подъ верховною властью базилевса управляли имперіей. Среди нихъ самый важный—префектъ преторіи Востока [5], въ управленіи котораго находилось болѣе половины имперіи и соединявшій въ своихъ рукахъ все, что относилось къ законодательству, общественному управленію, суду и финансамъ. Затѣмъ идетъ городской префектъ, управлявшій столицей; начальникъ службъ — министръ императорскаго дома и начальникъ канцеляріи; квесторъ Священныхъ Палатъ, министръ юстиціи; комитъ священныхъ щедротъ, министръ казначейства; комитъ частныхъ имуществъ и комитъ патримоніевъ, которые завѣдывали собственнымъ состояніемъ императора; наконецъ

1. *Malalas*, стр. 474. 483; *Lydus*, стр. 130; Bell. Vand., стр. 460; *Cor.*, Just., I, 202; III, 159 и слѣд.; IV. 240.— Bell. Goth., 412. 416, 342. 569; *Théoph.*, стр. 235; *Théophylacte Simocatta*, стр. 136.—*Cor.*, Just., I, 213, и слѣд.; *Greg.* papae epist., I, 31; 3, 61;—*Cor.*, Just., III. 178, 239. и слѣд.

2. *Lydus*., стр. 189.

3. *Malalas*, стр. 491; *Cor.*, Just., I, 137, 138.

4. Nov. 7. *epil.*; Nov. 8, 7. [illegible]

5. Онъ имѣлъ титулъ «высочества» ([illegible]); Nov. 8, 7.

трое начальниковъ милицiи, такъ называемые презенталы, которые командовали войсками, составлявшими гарнизонъ Константинополя, и были главными начальниками армiи. Затѣмъ слѣдуютъ члены сената, который продолжалъ играть въ VI вѣкѣ нѣкоторую роль въ общественныхъ дѣлахъ, но влiянiе котораго съ каждымъ днемъ все болѣе сокращалось [1], и комиты священной консисторiи—члены императорскаго совѣта. Наконецъ лица бла-

33. Христосъ на тронѣ среди ангеловъ (Мозаика ц. св. Аполлинарія Нуово въ Равеннѣ).

городнаго сословiя имперiи, размѣщавшiеся, смотря по чину каждаго, въ строгой и мелочной iерархiи: одни, наиболѣе изъ всѣхъ почитаемые, носили названiе патрицiевъ или illustres; другiе, не исполняя дѣйствительныхъ обязанностей, были облечены придворными званiями кубикуларiевъ или спатарiевъ; иные, уже занимавшiе высокiя должности, сохраняли титулы эксъ-консуловъ либо эксъ-префектовъ; иные, наконецъ, получали въ качествѣ почетныхъ титуловъ нѣкоторыя изъ военныхъ государственныхъ маги-

1. Nov. 62; Hist. arc., стр. 88—89. Ср. *Lecrivain*, Le Sénat romain depuis Dioclétien, стр. 225—226.

стратуръ [1]. Образуя въ совокупности аристократію имперіи, они, по выраженію Юстиніана, суть florentissimi nostri palatii proceres [2] и, какъ таковые, участвовали во всѣхъ придворныхъ празднествахъ и церемоніяхъ. Для завершенія картины слѣдуетъ присоединить еще высокихъ военныхъ сановниковъ, начальниковъ милиціи, военачальниковъ и комитовъ; представителей духовенства, константинопольскаго патріарха, епископовъ, игумновъ, — усердныхъ посѣтителей дворца монарха; и если желательно получить вѣрное представленіе

34. Св. Дѣва Марія на тронѣ среди ангеловъ (Мозаика ц. св. Аполлинарія—Nuovo въ Равеннѣ).

о той пестрой толпѣ въ яркихъ и разнообразныхъ костюмахъ, которая наполняла собою въ непрерывномъ движеніи во всѣхъ направленіяхъ портики и залы, то оживите мысленно неподвижные ряды фигуръ мозаичныхъ фресокъ той эпохи въ Равеннской церкви Св. Виталія или Св. Аполлинарія Nuovo. Вотъ нобили имперіи, въ длинныхъ бѣлыхъ туникахъ, задрапированные по плечамъ въ парадныя мантіи, съ нашитыми на нихъ широкими полосами изъ пурпура или

1. Nov. 70, praef; De Cerim., стр. 187; C. J., 12, 8, 2.

2. Nov. 62, 2.

золота; вотъ начальники арміи въ воинскихъ одеждахъ, тѣлохранители въ полной парадной формѣ; вотъ, въ особенности, придворныя дамы, тоже удостоенныя громкихъ званій патриціанокъ и придворныхъ сановныхъ титуловъ, въ роскошныхъ туникахъ изъ золотой парчи, въ длинныхъ бѣлыхъ платьяхъ, расшитыхъ цвѣтными шелками, въ большихъ плащахъ яркихъ цвѣтовъ, съ сплошь покрывающими грудь драгоцѣнными украшеніями, и съ вплетенными въ волосахъ каменьями. Я уже описывалъ великолѣпное одѣяніе, въ которое облачена на равенской мозаикѣ Ѳеодора и женскія фигуры ея свиты; приведу еще, по описанію одного поэта[1], другой примѣръ чудесъ этой чисто женской роскоши, способствовавшей, на ряду со всѣмъ остальнымъ, къ поднятію блеска византійскаго двора. Это—пышное пурпуровое одѣяніе, все вышитое золотомъ и усыпанное камнями; художникъ изобразилъ на немъ всю серію побѣдъ Юстиніана, побѣжденныхъ царей варваровъ, покоренные иноземные народы, императора, окруженнаго своимъ дворомъ, попирающаго ногою голову поверженнаго предъ нимъ Гелимера, а по правой и лѣвой сторонамъ базилевса двѣ символическія фигуры—Африку, держащую лавровый вѣнокъ, и Римъ, «кормилицу имперіи»,—простирающія руки къ своему освободителю. Это была одна изъ самыхъ дивныхъ вещей императорскаго гардероба; дабы почтить Юстиніана, она тоже была опущена въ склепъ церкви св. Апостоловъ вмѣстѣ съ тѣломъ государя, о дѣяніяхъ котораго повѣствовала.

IV.

Нѣкоторыя лица изъ всей этой толпы окружающей императора, заслуживаютъ, чтобы на нихъ остановиться, такъ какъ ихъ портреты позволятъ намъ уловить одновременно и нѣкоторыя изъ характеристическихъ сторонъ этого общества и ближе ознакомиться съ людьми,—въ томъ числѣ и съ женщинами,—оказывавшими въ извѣстной мѣрѣ вліяніе въ царствованіе Юстиніана и Ѳеодоры.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ назвать принцевъ императорскаго дома. Отъ брака съ Ѳеодорой Юстиніанъ не имѣлъ дѣтей; но у него было не менѣе шести племянниковъ и

1. *Cor.*, Just., I, 276 и слѣд.

племянницъ. Самымъ знаменитымъ изъ нихъ былъ патрицій Германосъ, одинъ изъ славнѣйшихъ и лучшихъ генераловъ той эпохи. Одно его имя нагоняло ужасъ на враговъ монархіи, антовъ и славянъ, мавровъ и остоготовъ, и представлялось народонаселенію имперіи залогомъ спасенія; таково было его обаяніе, такъ велико довѣріе, внушаемое имъ войскамъ, что при одномъ объявленіи похода подъ его начальствомъ, самые доблестные солдаты спѣшили стать подъ его знамена и даже варвары гордились службой подъ его командой [1]. Состоя попеременно главнокомандующимъ во Ѳракіи, въ Африкѣ и въ Сиріи, онъ повсюду одинаково показалъ себя несравненнымъ воиномъ, энергичнымъ начальникомъ, искуснымъ дипломатомъ; онъ сумѣлъ въ 537--538 годахъ, въ то время, когда Африка, взволнованная грознымъ возмущеніемъ, казалась почти потерянной, путемъ своевременныхъ уступокъ въ соединеніи съ несокрушимой строгостью, возстановить въ провинціи порядокъ и миръ [2]. Не меньшія достоинства проявлялъ онъ и въ гражданской жизни. Во дворцѣ, какъ и на форумѣ, всегда исполненный достоинства и спокойствія, онъ употреблялъ свое вліяніе лишь на ниспроверженіе интригъ, слишкомъ обычныхъ при дворѣ Юстиніана. Справедливый по своей природѣ, онъ считалъ за честь являться при всѣхъ обстоятельствахъ почтительнымъ исполнителемъ закона; при этомъ очень доступный, чрезвычайно любезный,—онъ пользовался своимъ громаднымъ состояніемъ съ самою широкою щедростью; наконецъ, явленіе рѣдкое въ Византіи, онъ не увлекался ни страстью къ цирку, ни соперничествомъ партій [3]. По всѣмъ этимъ причинамъ Германосъ былъ очень популяренъ; и по этому тоже, не взирая на важность оказанныхъ имъ услугъ, при дворѣ къ нему относились довольно худо. Въ особенности Ѳеодора, ненавидѣвшая въ немъ вѣроятнаго наслѣдника Юстиніана, еще менѣе ему прощала то, что своимъ слишкомъ блестящимъ бракомъ съ внучкой Теодориха онъ черезъ-чуръ сильно подчеркнулъ низость ея собственнаго происхожденія. Она не скупилась на выраженіе ему знаковъ своего нерасположенія и подъ ея вліяніемъ самъ Юстиніанъ кончилъ тѣмъ, что сталъ держать въ удаленіи, не у дѣлъ, почти что въ немилости, этого, причиняющаго слишкомъ много безпо-

1. Bell. Goth., стр. 440, 450; Bell. Vand., стр. 512.

2. Bell. Vand., стр. 482; Bell. Goth., стр. 446. Ср. *Diehl*, L'Afrique byzantine. стр. 83—86.

3. Bell. Goth., стр. 450—451.

койствъ, слугу[1]. Однако, не смотря на многочисленныя доказательства такой непріязни, Германосъ оставался всегда вѣрнымъ монарху, такъ что послѣ смерти Θеодоры онъ въ концѣ концовъ опять вошелъ къ нему въ милость. Въ 550 году обратились къ его талантамъ, чтобы завоевать обратно Италію, какъ онъ когда-то возвратилъ Африку[2]. На его побѣды возлагались самыя лучшія надежды, но онъ скоропостижно скончался въ Сардикѣ, унесенный въ могилу приступомъ лихорадки, имѣя отъ роду около пятьдесяти лѣтъ. По своимъ высокимъ достоинствамъ и рѣдкимъ добродѣтелямъ Германосъ былъ одной изъ благороднѣйшихъ личностей императорскаго двора; и несомнѣнно, еслибы ему было суждено докончить начатое дѣло, одолѣть Тотилу и посадить свой родъ на византійскій престолъ, онъ оставилъ бы по себѣ въ исторіи громкое имя[3].

Германосъ имѣлъ двухъ сыновей, Юстина и Юстиніана, которые, подобно ихъ отцу, играли большую роль въ исторіи царствованія и такъ же, какъ онъ, извѣдали превратности императорской опалы и милости[4]. На равнѣ съ другими родственниками императора они имѣли, въ особенности по смерти Θеодоры, свою долю участія въ тѣхъ высокихъ военныхъ должностяхъ, которыя государь, изъ естественной осторожности, повидиму, охотно предоставлялъ своимъ близкимъ, а своими военными талантами они показали себя достойными его довѣрія. Оба, однако,—въ особенности старшій, характеръ энергичный, натура пылкая и честолюбивая, которую къ сожалѣнію портила необузданная скупость,—казалось подчасъ тревожили, подобно ихъ отцу, подозрительный духъ Юстиніана. По крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы царствованія симпатія императора обратилась по преимуществу на другого племянника, сына его сестры Вигиланціи. Юстинъ — таково было его имя — женился на племянницѣ Θеодоры и несомнѣнно этотъ бракъ значительно способствовалъ его возвышенію. За долго до 558 года императоръ ему довѣрилъ высокую должность куропалата и вскорѣ молодой человѣкъ, имѣвшій впрочемъ несомнѣнныя качества, способность къ дѣятельности, мужество, энергію, похвальную заботливость о хорошемъ управленіи,

1. Bell. Goth., стр. 408; Hist. arc. стр. 37—38.

2. Bell. Goth., стр. 446.

3. См. о немъ въ Bell. Pers., стр. 178; Bell. Goth., стр. 447.

4. Bell. Goth., 411, 447, 455, 503; *Agath.*, 105, 250, 254—255.

былъ дѣйствительно пріобщенъ къ управленію имперіей и пріобрѣлъ всесильное вліяніе на умъ престарѣлаго Юстиніана[1]. Тѣмъ временемъ сынъ Германоса, отправленный для главно-начальствованія въ дальнія экспедиціи къ Лазамъ, въ Арменію и на Дунай[2], тщетно пытался путемъ интригъ отстоять свои шансы на престолонаслѣдіе. Юстинъ, присутствовавшій при дворѣ, безъ труда одержалъ верхъ надъ своимъ соперникомъ и первымъ дѣломъ новаго монарха было на другой же день своего воцаренія приказать убить сына Германоса, въ лицѣ котораго онъ не безъ основанія опасался слишкомъ страшнаго противника.

53. Хитонъ мужчины (Раскопки въ Деиръ-Эль-Дикъ).

Изъ другихъ лицъ, связанныхъ узами родства съ императорскимъ домомъ и которыхъ Юстиніану угодно было назначать на важныя правительственныя должности, можно было бы назвать еще Ситта, который, будучи женатъ на сестрѣ Өеодоры, достигъ высокаго званія magister militum praesentalis[3], и сенатора Ареобинда, который, женившись на Прейектѣ, племянницѣ императора, былъ назначенъ главнымъ управителемъ Африки, гдѣ и окончилъ свою жизнь довольно трагически. Но болѣе чѣмъ эти второстепенныя личности, интересныя главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что показываютъ насколько Юстиніанъ заботился о сохраненіи монополіи власти за своими близкими, заслуживаютъ внимательнаго изученія его важнѣйшіе сановники, такъ какъ въ дѣйствительности они были главными сотрудниками его дѣяній, тѣми органами, которые приводили въ движеніе весь механизмъ управленія.

Среди нихъ однимъ изъ наиболѣе знаменитыхъ является безспорно Трибоніанъ, квесторъ Священныхъ Палатъ, начальникъ канцеляріи и министръ юстиціи[4], имя

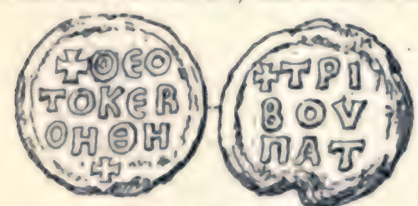
1. *Malalas*, стр. 491; *Cor.*, Just., I., 137—138. *Theoph.*, 239.

2. Bell. Goth., стр. 455, 593; *Agath.*, стр. 250.

3. Bell. Pers., 59, 74, 107, 150, 162 *Mal.*, 429—430. C. J., 1, 29, 5

4. Относительно квестуры и ея организаціи, ср. Nov. 35; о *скриніяхъ* см. Nov. 8, notitia; C. J., 12, 19, 15; Nov. 20, 9; Hist. arc., стр. 117—118.

котораго неразрывно связано съ великимъ законодательнымъ дѣломъ Юстиніана. Родомъ изъ Памфиліи [1], онъ началъ свою карьеру въ отдѣленіяхъ канцеляріи и очень быстро, благодаря своимъ высокимъ достоинствамъ и рѣдкому юридическому смыслу, достигъ высокаго мѣста начальника одного изъ отдѣленій или scrinia. Привлеченный съ этого момента къ участію въ подготовительныхъ работахъ къ законодательной реформѣ, о которой мечталъ императоръ [2], онъ вскорѣ сдѣлался главнымъ руководителемъ этого колоссальнаго предпріятія, когда благосклонностью монарха, въ 529 году, онъ былъ призванъ къ исполненію обязанностей дворцоваго квестора [3]. Юстиніанъ возлагалъ на него послѣдовательно предсѣдательство въ комиссіяхъ, редактировавшихъ Кодексъ, Дигесты и Институціи, и базилевсъ не находилъ достаточно сильныхъ выраженій для восхваленія превосходныхъ качествъ, проявленныхъ имъ въ этихъ должностяхъ. «Онъ, говоритъ объ немъ Юстиніанъ, равно замѣчателенъ въ дѣлѣ, въ словѣ и въ составленіи законовъ, и ничего не ставитъ выше нашихъ приказаній» [4]. Въ другомъ мѣстѣ императоръ съ истиннымъ энтузіазмомъ прославляетъ его дѣятельность, тотъ умъ, который сумѣлъ разсѣять темноту и противорѣчія законовъ и заслужилъ Трибоніану благоволеніе его государя [5]. И дѣйствительно, похвала эта не преувеличена. Этотъ министръ былъ великимъ ученымъ, «величайшимъ своего времени» [6], говоритъ Прокопій, который, однако, отнюдь не щадитъ его. Эрудиція Трибоніана была необычайна; но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ кабинетный ученый былъ человѣкомъ свѣтскимъ, благовоспитаннымъ, мягкимъ, любезнымъ, чарующимъ въ обращеніи [7]. Къ несчастью, крупный недостатокъ портилъ эти качества. Алчность Трибоніана не знала мѣры: ради денегъ онъ былъ готовъ на все, и даже готовъ былъ безъ зазрѣнія совѣсти пренебречь справедливостью и правомъ. Онъ продавалъ, говорятъ, рѣшенія тѣмъ, кто больше давалъ, сочиняя, измѣняя или поправляя

36. Печать Трибоніана.

1. Bell. Pers., стр. 121.
2. De novo codice componendo, I.
3. C. J., 7, 63, 5; *Const.*, Deo auctore, 3.
4. *Const.*, Tanta, 9.
5. Nov. 75.
6. Bell. Pers., стр. 122.
7. Id., стр. 129—30.

законы, смотря по нуждамъ и щедрости просителей [1]. И въ этихъ обвиненіяхъ нельзя видѣть обычныхъ клеветъ Секретной исторіи: мятежъ Ника былъ въ значительной мѣрѣ направленъ противъ Трибоніана. Однакожъ, въ минуту этого страшнаго кризиса императоръ его не покинулъ. Если, въ виду рокочущаго возстанія, онъ и рѣшился отнять у него квестуру [2], то въ возмѣщеніе ей далъ ему постъ начальника службъ (въ 533 и 534 годахъ) [3], а съ 535 года возстановилъ его въ прежней должности квестора [4]. Онъ ее занималъ до самой своей смерти, оставаясь неизмѣнно большимъ любимцемъ монарха, которому, по словамъ Прокопія, расточалъ самую низменную лесть [5]. Но несомнѣнно онъ былъ болѣе необходимымъ выдающимися услугами, которыя онъ оказывалъ Юстиніану, заставлявшими, даже при этомъ правовѣрномъ и благочестивомъ дворѣ, прощать ему сохраняемую имъ въ глубинѣ сердца тайную любовь къ язычеству. Неоднократно присоединялъ онъ къ квестурѣ должность начальника службъ [6] и преуспѣвалъ повсюду. Когда, около 544 или 545 гг., Трибоніанъ умеръ, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ [7]. Урокъ 532 года ему пошелъ на пользу.

Но кто гораздо болѣе Трибоніана былъ дѣйствительно правительствующимъ министромъ и быть-можетъ также злымъ геніемъ царствованія, такъ это префектъ преторіи Іоаннъ Каппадокійскій [8]. Онъ не былъ ученымъ: его первоначальное воспитаніе было чрезвычайно небрежно; но умъ у него былъ первостепенный, а его могущественный практическій геній и его дѣловой смыслъ удивительно «предусматривали всѣ обстоятельства и разрѣшали всякія затрудненія» [9]. Будучи очень низкаго происхожденія, онъ понемногу вкрался въ милость къ государю, заманивая его прекрасными обѣщаніями, и вслѣдствіе этого весьма быстро назначенный на высокій постъ по управленію финансами, а вскорѣ затѣмъ произведенный въ достоинство illustris, онъ достигъ наконецъ въ 531 году должности префекта преторіи [10]. Тутъ его душевная черствость, отсутствіе со-

1. Bell. Pers., стр. 122.
2. Id., стр. 123; *Malalas*, стр. 475.
3. *Const.*, Omnem; Tanta; De emendatione cod. Just., 2.
4. Nov. 17.
5. Hist. arc., стр. 84.
6. Nov. 23.
7. Bell. Pers., 129.
8. О префектурѣ преторіи, см. Nov. 8, 8; 125, epil.; 128, 19 и т. д.
9. Bell. Pers., 121—122.
10. Онъ былъ назначенъ въ апрѣлѣ

57. Мозаика абсиды въ церкви св. Виталія въ Равеннѣ.

вѣтливости и низменность его природы развернулись во всю ширь [1]. Чтобы исторгать у подданныхъ деньги, нужныя для непрестанныхъ расходовъ Юстиніана, онъ не отступалъ ни предъ какой жестокостью, подвергая пыткамъ, зачастую до смерти, тѣхъ, кого онъ подозрѣвалъ въ утайкѣ имущества, разрѣшая своимъ агентамъ совершать въ провинціяхъ самыя крайнія насилія, вродѣ, напримѣръ, увѣковѣченнаго Лидомъ Іоанна «зубастаго» [2], разорившаго лидійскую Филадельфію. При этомъ, крайне алчный самъ по себѣ, Іоаннъ Каппадокійскій управлялъ государственными финансами самымъ безчестнымъ образомъ, урѣзывая жалованье и пенсіи, доходя до поставки въ африканскую армію плохо выпеченнаго хлѣба, который дорогою портился [3], и скопляя себѣ такимъ путемъ огромныя и постыдныя богатства. Наконецъ, при своей низкой и чувственной натурѣ, онъ отличался самыми скверными привычками. Онъ любилъ хорошо поѣсть и до такой степени, что за удачно изготовленное блюдо назначалъ своихъ поваровъ на высокія общественныя должности и никакъ не могъ рѣшиться встать изъ за стола даже для занятій государственными дѣлами. И надо сказать, что столъ этотъ былъ отмѣнный: тамъ подавались блюда самыя изысканныя, вина самыя тонкія, при чемъ все это потреблялось префектомъ съ такою прожорливостью, что иной разъ ему случалось нѣсколько неожиданно облегчаться отъ съѣденнаго на своихъ сосѣдей. Когда онъ выходилъ изъ своего дворца, одѣтый въ зеленый костюмъ, дѣлавшій особенно замѣтной блѣдность цвѣта его лица, его роскошь была не менѣе блистательна и скандальна: обыкновенно онъ бывалъ окруженъ свитой женщинъ столько же легкаго поведенія, сколько и легко одѣтыхъ, небрежно опираясь на плечи которыхъ, онъ подвигался въ живописномъ и полномъ распущенности великолѣпіи, близко напоминающемъ собою извѣстный въѣздъ Карла V въ Антверпенъ, изображенный Макартомъ на его знаменитой картинѣ [4]. Сверхъ всего этого, будучи крайне суевѣренъ, Іоаннъ вѣрилъ въ гадателей, которые ему предвѣщали высокое положеніе и, чтобы способствовать успѣху ихъ предсказаній, онъ самъ тоже зани-

531 года (C. J., 6, 27, 5). Въ мартѣ, 531 года префектомъ былъ Юліанъ (C. J., 2, 58, 2). См. объ этой личности у *Malalas*, стр. 465, и въ Chron. Pasch. стр. 623.

1. *Lydus*, стр. 249, 251.
2. Id., стр. 251.
3. Bell. Vand., стр. 367—369.
4. *Lydus*, стр. 256—257, 258—259.

мался колдовствомъ. Чрезвычайно честолюбивый, онъ осмѣлился домогаться занять мѣсто Юстиніана и въ цѣляхъ подготовленія этого смѣлаго предпріятія пробовалъ образовать себѣ партію въ имперіи, не боясь вступить въ борьбу съ Ѳеодорой [1]. Наконецъ, большой лицемѣръ, сильно заподозрѣнный въ язычествѣ, онъ ходилъ въ церковь, но лишь за тѣмъ, чтобы тамъ бормотать языческія моленія [2]. И не смотря на все это, успѣхъ его долгое время былъ полный: такъ велико, неоспоримо и обаятельно было его искусство добыванія денегъ [3], такъ много встрѣчалось въ этой душѣ, энергичной, сильной и своевольной, выдающихся качествъ государственнаго человѣка. Его жестокости несомнѣнно въ значительной мѣрѣ способствовали возникновенію мятежа «Ника»; когда же Юстиніанъ рѣшился его уволить въ отставку, то пріемъ, оказанный его преемнику, вполнѣ доказалъ насколько Іоаннъ былъ всѣми вообще ненавидимъ. Когда населеніе столицы впервые увидѣло передъ собою новаго префекта Фоку, то съ полнымъ единодушіемъ, по собственному побужденію, воспѣло благодарственную молитву Богу, умилосердившемуся надъ страданіями своего народа [4]. Но радость Византіи была кратковременна. Въ 534 года Іоаннъ Каппадокійскій вернулся къ должности префекта преторіи [5], болѣе жестокій, болѣе алчный, чѣмъ когда либо, и не менѣе увѣренный въ благоволеніи своего монарха. Онъ сталъ консуломъ въ 538 году [6], а затѣмъ патриціемъ, и Юстиніанъ публично его поздравлялъ въ оффиціальномъ рескриптѣ съ тѣмъ, «что онъ такъ радѣетъ о благѣ императора и о возрастаніи общественныхъ доходовъ» [7]. И только благодаря промахамъ его честолюбія и открытой ненависти къ нему Ѳеодоры насталъ конецъ его всесильному фаворитизму [8]. Онъ палъ въ 541 году, но до того, въ продолженіи десяти лѣтъ, пользовался большимъ и прочнымъ вліяніемъ: своимъ отважнымъ характеромъ, смѣлою откровенностью рѣчи [9], какъ и своими услугами, онъ импонировалъ Юстиніану.

1. *Lydus*, стр. 256; Bell. Pers., стр. 130—131;
2. Bell. Pers., стр. 131.
3. Bell. Pers., стр. 130; *Zach. Rh.*, стр. 188.
4. Hist. arc., стр. 110; *Lydus*, стр. 270—271.
5. C. J., 6. 23. 30.
6. Nov. 66.
7. Ed. 13, praef.
8. Bell. Pers., стр 131—137; *Malalas*, стр. 480—481 и Hermes, VI, 377.
9. Bell. Vand., 354—356.

Таковы были вмѣстѣ съ *начальникомъ службъ*[1] Гермогеномъ[2], гуномъ по происхожденію, повидимому весьма замѣчательнымъ дипломатомъ (530—535), и его преемникомъ Василидомъ[3] (536—539), заслуженнымъ законовѣдомъ, который, пройдя послѣдовательно должности префектовъ Востока и Иллиріи, замѣстилъ въ 532 году по кверстурѣ Трибоніана, а также *комиты священныхъ щедротъ*[4] Константинъ[5] (528—533) и Стратегій[6] (535—537) и *комитъ приватныхъ имуществъ* Флоръ[7] (531—536),— главные министры первой половины царствованія Юстиніана[8]. Другіе правили въ концѣ этого царствованія и были не менѣе хорошими слугами, къ достоинствамъ которыхъ императоръ сумѣлъ отнестись съ бо́льшею благодарностью, чѣмъ то угодно утверждать Прокопію.

Преемство Іоанна Каппадокійскаго досталось въ 543 году, послѣ краткаго промежутка[9], одному любимцу Ѳеодоры. Это былъ сиріецъ, по имени Петръ Барсимесъ. Свою карьеру онъ началъ съ торговли серебромъ и обратилъ на себя вниманіе, какъ говоритъ Прокопій, своимъ умѣніемъ нагло и ловко обманывать. Поступивъ позднѣе въ канцелярію префектуры, онъ умѣлъ снискать покровительство императрицы и послѣдняя стала съ этихъ поръ выдвигать его съ такимъ замѣтнымъ благоволеніемъ, что константинопольскіе сплетники, въ объясненіе столь постоянной милости, разсказывали будто префектъ своими волшебствами и любовными напитками околдовалъ императрицу[10]. Для успѣха

1. О *начальникѣ службъ* см. Nov. 82, 1; 85, 3 и т. д.

2. Bell. Pers., стр. 61, 92, 107, 113; C. J., 1, 3, 35; 5, 17, 11 и т. д.; Nov. 2; *Malalas*, стр. 445, 447, 448, 449, 461, 471.

3. De codice confirmando: Bell. Pers., 123; Chron. Pasch., 621; Nov. 85.

4. О раздѣленіи управленія финансами, ср. Hist. arc., стр. 124—125.

5. De novo codice compon., 1; *Const* Tanta, 9.

6. Nov. 136, 105; *Labbe*, IV, 1763.

7. Nov. 12; C. J., 7, 37, 3.

8. Въ Nov. 22, epil., имѣется списокъ министровъ Юстиніана на 18 марта 536 года. Онъ составленъ въ такомъ видѣ: Іоаннъ, префектъ преторія; Патрикій, городской префектъ Василидъ, начальникъ службъ; Стратегій, комитъ священныхъ щедротъ Трибоніанъ, квесторъ; Германосъ, Ситтасъ и Максентіанъ, magistri militum praesentales; Флоръ, комитъ приватныхъ имуществъ. Всѣ они gloriosissimi и большинство экс-консулы и патриціи.

9. Временное исправленіе должности Бассомъ (Nov. 107; ср. Hist. arc. стр. 119) и Ѳеодотомъ (Nov. 111, 112; Hist. arc. стр. 123).

10. Hist. arc., стр. 123—126. Первая посвященная ему въ качествѣ префекта, новелла, помѣчена 16 іюля 543 г. (Nov. 118).

префектъ Петръ повидимому совсѣмъ не нуждался въ такихъ хитростяхъ: посредствомъ управленія, весьма впрочемъ притѣснительнаго, онъ умѣлъ, подобно своему великому предшественнику, доставлять деньги по всѣмъ требованіямъ монарха, и этого одного было достаточно, чтобы обезпечить ему значеніе. Жестокаго характера, лишенный всякой совѣстливости, онъ торговалъ общественными должностями, «продавая съ молотка, говоритъ одинъ современникъ, жизнь подданныхъ у самаго источника власти» [1]. Онъ допускалъ всякіе незаконные поборы, лишь бы только это было ему выгодно, и такимъ образомъ составилъ себѣ огромное состояніе. Но, слишкомъ увѣренный въ себѣ, онъ перешелъ всякую мѣру: скандальныя спекуляціи, предпри-

38. Восточная ткань VI вѣка, хранящаяся въ ц. св. Амвросія въ Миланѣ. (По соч. *Venturi*, Stoffa del pallio Ambrosiano).

1. Hist. arc., стр. 124.

нятыя имъ съ зерновымъ хлѣбомъ и имѣвшія своимъ послѣдствіемъ голодъ въ столицѣ, вызвали въ 546 году такое сильное народное возмущеніе, что испуганный Юстиніанъ рѣшился имъ пожертвовать [1]. Покровительство императрицы, которая тщетно пыталась спасти своего любимца, утѣшало по крайней мѣрѣ его въ несчастьи. Немного спустя послѣ своего паденія, Петръ былъ назначенъ министромъ казна-

39. Серебряная чаша, найденная въ Березовѣ, въ Сибири (коллекція Строгонова)

чейства [2] и въ этой должности снова оказалъ ощутительныя услуги тѣмъ, что сумѣлъ, на этотъ разъ съ пользою для своего государя, сократить расходы и организовать прибыльныя монополіи [3]. И даже послѣ смерти Θеодоры его вліяніе оставалось непоколебленнымъ: въ 555 году, онъ вторично вернулся къ должности префекта преторіи и, не смотря на ненависть народа, который при новомъ возмущеніи сжегъ его

1. Hist. arc., стр. 125—127; Nov. 23, 126.

2. Hist. arc., стр. 127; Ed. 11. Онъ

3. Hist. arc., стр. 141—142.

(Hist. arc., стр. 127—128). замѣстилъ Іоанна Палестинскаго

дворецъ, продержался въ этой должности по крайней мѣрѣ до 559 года [1]. Тщетно враги его обвиняли въ манихействѣ, волшебствѣ, воровствѣ, поддѣлкѣ денегъ: Юстиніанъ упорно сохранялъ этого драгоцѣннаго слугу и кончилъ тѣмъ, что присоединилъ къ его должности префекта постъ министра казначейства, который онъ уже разъ занималъ.

Другой Петръ исполнялъ въ теченіи многихъ лѣтъ высокія обязанности начальника службъ и по всему видно, что эта личность принадлежала къ числу наиболѣе замѣчательныхъ людей царствованія Юстиніана. Родомъ изъ Ѳессалоникъ, онъ началъ свою карьеру въ качествѣ адвоката въ Константинополѣ и вскорѣ обратилъ на себя вниманіе не только своими юридическими познаніями, но еще болѣе своимъ искусствомъ, вкрадчивостью и сговорчивостью, своимъ краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ словомъ [2]. Это— качества дипломата, и если добавить, что Петръ былъ человѣкомъ свѣтскимъ, благовоспитаннымъ, ласковымъ, привѣтливымъ, то не трудно понять почему Юстиніанъ, въ 535 году, возложилъ на него веденіе переговоровъ съ королемъ остготовъ Теодатомъ. Въ этомъ дѣлѣ Петръ явилъ себя предъ королемъ варваровъ дипломатомъ въ высшей степени искуснымъ, ловко соединяя съ угрозой вѣжливость, не лишенную ироніи, остроумно перемежая суровыя заявленія съ обманчивыми обѣщаніями [3]. Дѣло однако приняло для него худой оборотъ. Теодатъ кончилъ тѣмъ, что арестовалъ посла, который томился за тѣмъ до 539 года въ тюрьмахъ Равенны [4]. Столько услугъ и несчастій заслуживали награды и по возвращеніи въ Константинополь Петръ былъ возведенъ въ патриціанское достоинство съ назначеніемъ на высокую должность начальника службъ [5]. Онъ занималъ ее въ теченіи двадцати шести лѣтъ, до своей смерти, которая послѣдовала въ 565 году [6], и пріобрѣлъ въ ней такое вліяніе, что могъ обезпечить преемство въ своей должности за своимъ сыномъ Ѳеодоромъ [7]. Прокопій, отдавая справедливость его заслугамъ, не любилъ его и разсказываетъ, что онъ былъ обязанъ своею силой у Ѳеодоры косвенному участію, какое онъ будто бы принималъ въ убіеніи Амалазунты, а вліяніемъ на императора.

1. Nov 159, Ed. 11, *Malalas*, стр 491.

2. Bell Goth., стр. 21.

3. Id., стр. 30, 31.

4. Id., стр. 238.

5. Id., стр. 238.

6. Id., стр. 506; P. L., т. 69, стр 55—56, 69; *Labbe*, V, 143—432. Nov. 137.

7. Объ этой личности см. *Théoph.*, стр. 235—236. *Cor.*, Just., I, 25, 26.

алчности, дѣлавшей его «самымъ вороватымъ изъ людей» [1]. Трудно сказать сколько правды въ этихъ сплетняхъ [2]; во всякомъ случаѣ Петръ былъ человѣкъ чрезвычайно ученый, любившій науку и разсужденія талантливый писатель, посвящавшій свои досуги отъ занятій дѣлами составленію исторической книги и пользующагося и понынѣ извѣстностью трактата о византійскомъ церемоніалѣ [3]. Это былъ очень цѣнный юристъ и дѣятельный администраторъ, такъ что императоръ, въ теченіе своего царствованія, неоднократно прибѣгалъ къ его дипломатическимъ способностямъ, которыя съ самаго начала содѣйствовали его возвышенію [4]. Наконецъ онъ, повидимому, представлялъ собою идеалъ свѣтскаго человѣка, вѣжливаго, привѣтливаго, чуждаго всякой тупой надменности [5], очень заботившійся о достоинствѣ и великолѣпіи того двора, церемоніальная часть котораго была ввѣрена его попеченію и церемоніалъ котораго имъ былъ кодифицированъ. Іоаннъ Лидъ, служившій подъ его начальствомъ, приписываетъ ему рѣшительно всѣ добродѣтели [6]. Владѣя большимъ состояніемъ, онъ былъ щедръ; чрезвычайно кроткій, онъ умѣлъ, когда это требовалось, быть судьей твердымъ и строгимъ; наконецъ—вещь рѣдкая въ Византіи—онъ былъ неподкупенъ и Кассіодоръ, который его зналъ въ Равеннѣ, прекрасно

40. Прошивка рукавовъ. (Раскопки въ Деиръ-эль-Дикъ).

1. Hist. arc., 97, 136.

2. Достовѣрно извѣстно, что во время переговоровъ съ Теодатомъ, Петръ уже пользовался большимъ благоволеніемъ Өеодоры. Готскій король, пишетъ о немъ императрицѣ (*Cassiod.* Var. X, 23): legatum vestrum virum eloquentissimum Petrum, et, quod est ipsis dignitatibus honorabilius, *vestris obsequiis inhaerentem.*

3. Ср. *Lydus*, 180. *Krumbacher.* Gesch der byz. Litt., 237—239.

4. Bell. Goth., ст. 506; *Ménandre*, стр. 327, 346, 365, 373; ср. стр. 428—429.

5. Hist. arc., стр. 136.

6. *Lydus*, стр. 190—191.

выразился о немъ, похваливъ «прозрачность его совѣсти» [1]. Судя по всему этому, онъ былъ, не смотря на сообщеніе Прокопія, что будто бы его всѣ ненавидѣли [2],—безспорно, не только однимъ изъ лучшихъ слугъ Юстиніана, но также однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ и наиболѣе образованныхъ людей при византійскомъ дворѣ VI вѣка.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, въ числѣ преемниковъ Трибоніана по канцеляріи, квестора священныхъ палатъ Константина. Прокопій отозвался о немъ нисколько не лучше, чѣмъ о прочихъ министрахъ императора. Это былъ, если вѣрить Секретной исторіи, человѣкъ, бывшій самъ о себѣ очень высокаго мнѣнія, быть можетъ довольно хорошій юристъ, но отличавшійся страшною алчностью и нестерпимой гордостью,—«самый вороватый изъ людей», говоритъ писатель,—забывая, что ранѣе онъ уже присудилъ начальнику службъ Петру ту же привилегію на безчестность,—«и самый тщеславный» [3]. Чрезвычайно гордясь занимаемой высокой должностью, онъ былъ почти недоступенъ. Чтобы добиться отъ него самой коротенькой аудіенціи, надо было перехватывать его когда онъ входилъ или выходилъ изъ императорскаго кабинета. Правда, къ деньгамъ, которыя ему давали, онъ относился съ меньшимъ пренебреженіемъ и въ свою очередь тоже составилъ себѣ такимъ способомъ огромное состояніе. Во всякомъ случаѣ и какія бы къ тому ни были причины, онъ пользовался большимъ благоволеніемъ Юстиніана: достигнувъ квестуры около 552 года, онъ продолжалъ еще исполнять свои обязанности въ 562 году [4].

Для полноты настоящаго обзора слѣдовало бы также набросать портреты великихъ полководцевъ царствованія: Ситта, начавшаго свою карьеру службой при военномъ домѣ Юстиніана, когда тотъ еще былъ наслѣдникомъ престола, и упрочившаго свое вліяніе женитьбой на одной изъ сестеръ Ѳеодоры. Онъ былъ послѣдовательно консуломъ, затѣмъ патриціемъ и достигъ высокой должности—magister militum praesentalis [5]; Велизарія, который въ перемежку съ своими славными походами исправлялъ нѣсколько важныхъ придворныхъ должностей — комита священныхъ конюшенъ и потомъ комита тѣлохранителей; по-

1. *Cassiod.*, Var., X, 19. ср. id., X, 22, 23.

2. Hist. arc., стр. 97.

3. Id., стр. 118.

4. Hist. arc., 118; *Mal.*, 402; *Labbe* V, 431.

5. Bell. Pers., стр. 59, 74, 107, 162; *Theoph.*, стр. 175.

слѣднюю должность онъ сохранялъ почти до самой смерти [1]; наконецъ Нарзеса, который прежде чѣмъ прославиться во главѣ армій, пріобрѣлъ въ интимныхъ должностяхъ, предоставляемыхъ дворцовымъ евнухамъ, довѣріе монарха. Онъ послѣдовательно былъ кубикуларіемъ, спатаріемъ, главнымъ начальникомъ покоевъ и пользовался расположеніемъ и Юстиніана и Θеодоры, которые неоднократно въ серьезныхъ обстоятельствахъ дѣлали его своимъ довѣреннымъ лицомъ [2]. Слѣдовало бы также очертить характеры придворныхъ іерарховъ, константинопольскихъ патріарховъ, разныхъ Менасовъ или Евтихіевъ, которые играли такую большую роль въ религіозныхъ дѣлахъ той эпохи. Мы встрѣтимся въ другомъ мѣстѣ съ этими личностями; а теперь, чтобы покончить, достаточно будетъ описать, послѣ министровъ, кой-кого изъ почетныхъ высшихъ придворныхъ сановниковъ, которые, благодаря дружбѣ государей, пользовались продолжительнымъ и могущественнымъ вліяніемъ.

Изъ числа этихъ лицъ, прежде всего слѣдуетъ назвать Маркелла, который въ теченіи долгихъ лѣтъ, съ 541 года и по меньшей мѣрѣ до 548 года, начальствовалъ въ качествѣ комита тѣлохранителей войсками императорской гвардіи [3]. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова честный человѣкъ, строгихъ нравовъ, серьезнаго, нѣсколько скрытнаго характера, презиравшій и деньги и популярность, искавшій лишь справедливости и правды [4]. Это былъ прекрасный образецъ воина, доказывающій, говоря мимоходомъ, что ни Юстиніанъ, ни Θеодора «не возмущались, какъ это утверждаетъ Секретная Исторія, видя среди своихъ слугъ честнаго человѣка» [5]. Напротивъ, вліяніе его было очень велико и императоръ въ одномъ документѣ отозвался съ чрезвычайной похвалой объ этомъ вѣрноподданномъ, «который никогда не покидаетъ нашей особы и возбуждаетъ всеобщее удивленіе своею любовью къ справедливости» [6]. Не смотря на свое прямодушіе и на весьма рѣдкую при византійскомъ дворѣ смѣлость, съ которою онъ свободно говорилъ съ базилевсомъ,—онъ продолжалъ пользоваться благосклонностью Юстиніана, потому что послѣдній зналъ его безусловную преданность и цѣнилъ въ

1. Hist. arc., стр. 35; Bell. Goth., стр. 569.

2. *Malalas*, стр. 469. 476; Chron. Pasch., стр. 626; Bell. Pers., стр. 79. 134; Bell. Goth., стр. 199.

3. Bell. Pers., стр. 134; Bell. Goth. стр. 412.

4. Bell. Goth., стр. 412, 416.

5. Hist. arc., стр. 128.

6. Nov. 82, 1.

немъ хладнокровіе и ту справедливую и здравую оцѣнку вещей, которыя предохраняли императора отъ всякаго поспѣшнаго и необдуманнаго рѣшенія.

Наконецъ слѣдуетъ дать мѣсто—и при томъ въ самомъ первомъ ряду—наперсницѣ императрицы, Антонинѣ, женѣ Велизарія. Секретная Исторія сообщаетъ о ней почти столько же худого, какъ и о Ѳеодорѣ. По словамъ Прокопія, она въ молодости вела самую постыдную жизнь; а позднѣе извѣстностью своихъ скандальныхъ похожденій и выходками своего бурнаго нрава она будто-бы ставила своего мужа, Велизарія, въ самое смѣшное положеніе. Наконецъ, въ удовлетвореніе своей мстительности, она пускала въ дѣло всѣ ухищренія самой гнусной жестокости, преслѣдуя злѣйшей ненавистью даже своего родного сына, виновнаго лишь въ чрезмѣрной заботливости о чести своей матери [1]. Что въ этихъ разсказахъ правда,—разобраться довольно трудно. Достовѣрно, что Велизарій питалъ къ Антонинѣ до такой степени безпредѣльную страсть, что ее объясняли волхвованіями [2]. Когда онъ на ней женился, она была уже не первой молодости и имѣла двоихъ довольно большихъ дѣтей [3]; однако, онъ обожалъ ее до безумія, до слабости [4]. Ради нея, онъ жертвовалъ самыми важными военными предпріятіями, доходя до забвенія своего долга полководца [5]; изъ за нея онъ участвовалъ въ самыхъ нечистыхъ интригахъ и не побоялся поднять руку на священную особу одного папы [6]. Не знаю, пошелъ ли онъ далѣе и проявлялъ ли въ отношеніи ея поведенія преступную снисходительность [7], но во всякомъ случаѣ, благодаря ей, онъ оказался, быть можетъ, слишкомъ замѣшаннымъ въ придворныхъ и женскихъ интригахъ. Антонина была на самомъ дѣлѣ оберъ-гофмейстериной двора и формальной фавориткой Ѳеодоры. Искусная интриганка—мы видѣли изъ исторіи Іоанна Каппадокійскаго степень ея ловкости—она была, по словамъ современника, способнѣе «всѣхъ къ тому, чтобы своими козням добиться успѣха невозможному» [8]; при этомъ скрытная и вмѣстѣ страстная, въ сознаніи своей силы у

1. Hist. arc., стр. 12—18.

2. Id., стр. 16.

3. Id., стр. 19, Bell. Goth., стр. 26—7.

4. Id., стр. 22, 38.

5. Bell. Goth., стр. 355—359. Hist. arc., стр. 35.

6. Hist. arc., стр. 13; Lib. pontif., стр. 292; *Liberatus*, Brev., 22 (P. L. 68, 1040).

7. Hist. arc., стр. 15, 40—41.

8. Bell. Pers., стр. 132.

императрицы и пользуясь ея довѣріемъ, она ни предъ чѣмъ не останавливалась. Сверхъ того, умная, умѣющая разобраться во всякомъ дѣлѣ, при случаѣ мужественная и способная подать хорошій совѣтъ [1], — всѣмъ этимъ качествамъ она была обязана тѣмъ, что Велизарій бралъ ее съ собой во всѣ свои походы, въ Африку, на Востокъ, въ Италію; но, благодаря этому же, она и вмѣшивалась во все [2]. Вслѣдствіе этого же, она часто играла политическую роль и во многихъ обстоятельствахъ служила орудіемъ Θеодоры. Во всякомъ случаѣ, она безусловно управляла Велизаріемъ, поддерживая его въ той абсолютной, нѣсколько рабской вѣрности императору, которая, однако, не избавила его ни отъ подозрѣній, ни отъ немилости. Въ числѣ этихъ немилостей въ особенности одна характеристична для выясненія роли и вліянія Антонины.

Дѣло происходило въ 542 году. Юстиніанъ былъ тяжко боленъ, и генералы объявили, что, въ случаѣ его смерти, они не оставятъ за Византіей, т. е. за дворцомъ, права провозглашенія новаго императора. Подобныхъ рѣчей Θеодора отнюдь не прощала. Велизарій былъ внезапно отставленъ отъ начальствованія и вытребованъ въ Константинополь, съ приказаніемъ оставить при арміи своихъ тѣлохранителей. Онъ былъ дурно принятъ царствующими особами; друзья его отдалялись отъ него, такъ что онъ сталъ опасаться за свою жизнь и считалъ себя окруженнымъ убійцами. Между тѣмъ Антонина оставалась во дворцѣ въ большомъ фаворѣ, будучи въ это время въ холодныхъ отношеніяхъ со своимъ мужемъ. Θеодора весьма ловко задумала примирить между собою супруговъ: она издавна распоряжалась своей фавориткой, секреты которой, ей были извѣстны, и надѣялась забрать въ свои руки и Велизарія чрезъ посредство его жены, устроивъ такъ, чтобы онъ былъ бы всѣмъ обязанъ послѣдней. Когда Велизарій, послѣ императорской аудиенціи, вернулся въ совершенномъ уныніи къ себѣ домой и мрачно, въ задумчивости, прохаживался по одной изъ залъ своего дворца, къ нему неожиданно постучались въ дверь и посолъ отъ императрицы принесъ ему письмо приблизительно слѣдующаго содержанія: «Я много обязана твоей женѣ и ради нея рѣшила тебя простить. Знай, что только ей ты обязанъ своею жизнью. Посмотримъ, какъ ты сумѣешь вести себя

1. Bell. Vand., стр. 300; Bell. Goth., стр. 100, 101.

2. Bell. Vand., стр. 303; Bell. Goth., стр. 95; Bell. Pers., стр. 133; Bell. Goth., стр. 355; Hist. arc., стр. 15—16; Bell. Goth., 180—181.

съ нею». Взволнованный, потерявшій голову Велизарія, бросился къ ногамъ Антонины и поклялся отнынѣ быть ея рабомъ. Такою цѣною онъ получилъ въ 544 году командованіе итальянской арміей [1]. Трудно сказать, что въ этой трагикомедіи истиннаго [2]; однако несомнѣнны два обстоятельства: во-первыхъ, что Велизарій, даже по смерти Ѳеодоры, оставался въ слѣпомъ подчиненіи у Антонины [3], и во-вторыхъ, что эта послѣдняя въ теченіи всей своей жизни сохраняла во дворцѣ очень большое вліяніе [4]. Къ ея услугамъ прибѣгъ ея мужъ, когда въ 548 году просилъ у императора необходимыхъ подкрѣпленій для итальянской арміи, и она же, уже послѣ смерти своей покровительницы, сумѣла добиться отъ Юстиніана отозванія Велизарія. Своими умственными качествами Антонина походитъ на Ѳеодору и въ этомъ быть можетъ была не единственная черта сходства между ними; но, во всякомъ случаѣ, по своему уму и выдающемуся положенію, какое она занимала при дворѣ, она заслуживала быть помѣщенной въ этой галлереѣ портретовъ.

V.

Таковы дѣйствующія лица всей пьесы, но получилось бы весьма неполное представленіе о византійскомъ дворѣ, обильномъ интригами и опалами, если бы, очертивъ характеры, не показать, какъ въ нѣкоторыхъ достопамятныхъ обстоятельствахъ вели свои роли актеры. Я уже разсказалъ драматическую исторію Іоанна Каппадокійскаго; приведу еще два не менѣе характеристичные эпизода для нравовъ того времени.

Это было въ 548 году [5]. Ѳеодора только что умерла, и смерть ея вернула бодрость всѣмъ тѣмъ, которые чрезъ нея пострадали. Іоаннъ Каппадокійскій появился снова въ Константинополѣ и въ самомъ городѣ началась интрига. Артабанъ, тотъ армянскій офицеръ, сентиментальныя при-

1. Hist. arc., стр. 30—35.

2. Не подлежитъ сомнѣнію однако, что Велизарій въ это время дѣйствительно находился въ опалѣ. Въ лѣтописи Марцеллина подъ 545 годомъ читаемъ: Belisarius de Oriente evocatus in offensam *periculumque incurrens grave* et invidiae subjacens.

3. Hist. arc., стр. 40—41.

4. Bell. Goth., стр. 401—405.

5. Id., стр. 405—416.

ключенія котораго мною уже разсказаны, не примирился съ своей судьбой. Какъ только императрица скончалась, онъ поспѣшилъ развестись съ женою; но Прейекта, за которой онъ когда то ухаживалъ, была уже замужемъ за другимъ; отсюда у прекраснаго кондотьера зародилось глухое неудовольствіе. Въ это же время и другой армянскій князь находился тоже въ очень возбужденномъ настроеніи. Вступивъ на императорскую службу, онъ незадолго предъ этимъ былъ подвергнутъ за довольно предосудительныя сношенія съ персами крайне позорной прогулкѣ на верблюдѣ по улицамъ столицы и этого униженія онъ не прощалъ императору, назначившему такое наказаніе. Его дурное настроеніе очень быстро передалось и Артабану. Напрасно Юстиніанъ назначилъ послѣдняго на должность magister militum in praesenti, comes foederatorum, консуломъ; армянинъ сразу позабылъ все. Его легко увѣрили въ томъ, что можно безъ всякой личной опасности осуществить заговоръ противъ государя, который проводитъ ночи безъ охраны, въ богословскихъ разсужденіяхъ съ епископами; ему указали также на Германоса, недовольнаго несправедливостями, оказанными ему и его близкимъ, и увѣрили, что этого племянника императора чрезвычайно легко привлечь къ заговору. Артабанъ объявилъ себя готовымъ на все и интрига завязалась. Германосъ, какъ извѣстно, имѣлъ двухъ сыновей. Обратились прямо къ старшему, Юстину, отважному и энергичному молодому человѣку; его пригласили на тайное свиданіе, на которомъ напомнили ему всѣ обиды, причиненныя его семейству, указали на принцевъ крови, устраненныхъ отъ дѣлъ по волѣ Ѳеодоры и слабости Юстиніана, и на многое другое. Однако, молодой человѣкъ, испуганный такимъ началомъ, отказался слушать дальнѣйшее и побѣжалъ объявить обо всемъ своему отцу. Велизарій въ это время находился въ Италіи и его отсутствіе окончательно подбадривало заговорщиковъ; но такъ какъ Антонина только что добилась его отозванія и было извѣстно, что генералъ уже находился въ пути и скоро долженъ былъ вернуться, то это очень разстроивало планы заговорщиковъ. Сверхъ того оказалось, что они не приняли въ соображеніе Германоса, который, получивъ извѣстіе отъ своего сына, отправился къ комиту Маркеллу и прямодушно ему обо всемъ разсказалъ, прося совѣта. Маркеллъ отвѣчалъ принцу, что пока не нужно говорить ничего, но прежде всего слѣдуетъ хорошенько удостовѣриться

въ важности и размѣрахъ заговора, и въ этихъ видахъ предложилъ Германосу самому войти въ сношенія съ заговорщиками. Такъ и было сдѣлано: по обычаю, Маркеллъ подослалъ одного изъ своихъ друзей съ порученіемъ тайно присутствовать при разговорѣ. Германосъ приказалъ скрыть этого посланнаго за занавѣсомъ и принялъ уполномоченнаго заговорщиковъ. Этотъ человѣкъ объяснилъ, что, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, слѣдуетъ дождаться возвращенія Велизарія, чтобы одновременно съ императоромъ умертвить и его самаго вѣрнаго генерала, который одинъ лишь казался способнымъ отметить за него; затѣмъ, когда это будетъ совершено, престолъ будетъ предложенъ Германосу. Послѣ такихъ объясненій, дѣло было ясно. Маркеллъ, однако, все еще продолжалъ упорно молчать; тогда объятый страхомъ и боясь, что его скомпрометируетъ дальнѣйшее молчаніе, Гермоносъ, ради своей безопасности, сообщилъ обо всемъ двумъ дворцовымъ офицерамъ.

41. Кайма византійской ткани (Раскопки въ Деиръ-эль-Бахри).

Когда, наконецъ, Маркеллъ счелъ, что наступилъ надлежащій моментъ, и узналъ, что Велизарій уже находится подъ самой столицей, онъ сообщилъ о заговорѣ Юстиніану. Артабанъ былъ немедленно арестованъ и наряжено слѣдствіе. Изъ созваннаго во дворецъ сената былъ образованъ верховный судъ, а Гермоносъ и его сынъ, скомпрометированные захваченными письмами, вызваны предъ это судилище. Но невинность ихъ была столь очевидна, что ихъ безъ колебанія оправдали. Тогда императоръ пришелъ въ ярость: онъ жестоко упрекалъ своего племянника въ томъ, что онъ такъ долго медлилъ съ доносомъ о заговорѣ, а окружавшіе его приближенные, при такомъ взрывѣ гнѣва, молчали или низко одобряли его обвиненія. Заговорилъ только одинъ Маркеллъ. Онъ заявилъ, что лишь онъ одинъ отвѣтственъ за все, что Германосъ съ самаго начала ему все открылъ и что это онъ, Маркеллъ, посовѣтовалъ выждать, дабы можно было полнѣе узнать все дѣло. Такая смѣлая откровенность вѣрнаго слуги успокоила императора; а такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ и

другіе довѣренные лица Германоса засвидѣтельствовали его искренность и вѣрность, то Юстиніанъ вернулъ своему племяннику свою полную милость. Императоръ явилъ въ этомъ случаѣ также доказательство своей снисходительности. Онъ удовольствовался тѣмъ, что держалъ заговорщиковъ подъ строгимъ надзоромъ во дворцѣ и отрѣшилъ Артобана отъ занимаемыхъ имъ должностей, да и то лишь на короткое время: въ 550 году, когда Германосъ

42. Женскій хитонъ: Отдѣлка и прошивка.
(Раскопки въ Деиръ-эль-Дикъ).

получилъ назначеніе командовать итальянской арміей, угодливый армянинъ, войдя снова въ милость, получилъ должность magister militum Thraciae, при чемъ на него было возложено обратное покореніе Сициліи.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 562 году, другой заговоръ снова угрожалъ жизни Юстиніана [1]. Заговорщики составили планъ умертвить императора въ то время, когда онъ давалъ вечеромъ въ триклиніумѣ свои обычныя ауденціи; одновременно на улицахъ столицы долженъ былъ вспыхнуть мя-

1. *Malalas* стр. 493—495. Ср. Hermès, VI, 378—380, и любопытное мѣсто у *Павла Силенц.*, loc. cit., 22—40.

тежъ и помочь перевороту. Покушеніе это быть можетъ и удалось бы, еслибъ заговорщики не были выданы однимъ важнымъ придворнымъ чиновникомъ, которому они довольно неосторожно открыли свои намѣренія. Они были задержаны, когда входили во дворецъ, причемъ одинъ изъ заговорщиковъ закололъ себя на мѣстѣ; другой, укрывшійся въ церкви Влахерноской Божіей Матери, былъ почти тотчасъ же выданъ, такъ какъ право убѣжища не распространялось на виновныхъ въ оскорбленіи величества. Слѣдствіе, дѣятельно веденное городскимъ префектомъ Прокопіемъ и дворцовымъ квесторомъ Константиномъ, дало неожиданные результаты: въ числѣ сообщниковъ виновные назвали нѣсколько лицъ, близкихъ Велизарію, а эти послѣдніе, въ свою очередь заключенные въ тюрьму, показали, что самъ патрицій былъ иниціаторомъ заговора. Такое обвиненіе, при всей своей невѣроятности, не могло не обезпокоить — и при томъ очень сильно — Юстиніана. Всю свою жизнь, не смотря на великія услуги Велизарія, не взирая на его испытанную преданность, императоръ не довѣрялъ своему слишкомъ знаменитому генералу; всю свою жизнь онъ его подозрѣвалъ въ тайномъ стремленіи къ власти и боялся съ его стороны попытки произвести переворотъ, который вознесъ бы его на тронъ. Поэтому онъ внезапно, по анонимнымъ доносамъ, вызвалъ его изъ Африки; поэтому же онъ отозвалъ его изъ Италіи, опасаясь чтобы остготы не поднесли ему титула короля; поэтому онъ ему отказалъ въ почестяхъ тріумфатора надъ Витигесомъ; поэтому также, немного позже, онъ устранилъ его отъ начальствованія надъ восточной арміей, и хотя Велизарій дважды являлся истиннымъ спасителемъ Юстиніана, въ первый разъ давно, въ 532 году, во время мятежа Ника, и совсѣмъ незадолго до описываемаго событія, въ 558 году, когда гунны напали на Константинополь, и хотя онъ былъ уже слишкомъ старъ, чтобы рискнуть на предпріятіе, на которое онъ не дѣлалъ попытокъ, будучи молодъ, — императоръ тѣмъ не менѣе охотно преклонялъ ухо къ извѣтамъ, которые обвиняли патриція въ слишкомъ честолюбивыхъ стремленіяхъ и возбуждали безпокойство Юстиніана въ виду чрезвычайной популярности его слуги [1].

Былъ созванъ 5 декабря въ большомъ дворцовомъ триклиніумѣ торжественный Silentium при участіи высшихъ

[1] *Agathias*, стр. 322—323.

сановниковъ имперіи, патріарха и начальниковъ дворцовыхъ схолъ. Юстиніанъ приказалъ прочесть показанія обвиняемыхъ, послѣ чего обратился къ Велизарію съ жестокими укорами, и хотя не было никакихъ доказательствъ его соучастія, императоръ изъ предосторожности отнялъ отъ него солдатъ его гвардіи и лишилъ его всѣхъ высокихъ званій и высшихъ должностей. Затѣмъ, такъ какъ ему казалось, что первоначальные коммиссары проявили слишкомъ большую снисходительность, онъ приказалъ произвести новое слѣдствіе, быть можетъ питая въ глубинѣ души надежду, что оно окончательно скомпрометируетъ Велизарія. И хотя оно не дало ничего новаго, тѣмъ не менѣе патрицій продолжалъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ находиться въ полной опалѣ [1].

Конечно, такой образъ дѣйствій являлся со стороны Юстиніана актомъ явной неблагодарности, но, надо сказать, что его опасенія не были совершенно лишены основанія. Когда Велизарій слѣдовалъ по улицамъ Константинополя, сопровождаемый своимъ конвоемъ изъ готовъ, вандаловъ и мавровъ, его, столь могущественнаго, такъ горячо привѣтствовалъ и такъ страстно желалъ видѣть народъ, что никто, говоритъ одинъ современникъ, не осмѣлился бы противиться его волѣ [2], а потому понятно, что монархъ начиналъ подчасъ побаиваться такого опаснаго подданнаго. Когда Юстиніанъ вспоминалъ, что Велизарій былъ необычайно богатъ; что въ его распоряженіи было 7000 человѣкъ, готовыхъ слѣпо слѣдовать за нимъ повсюду, что онъ былъ кумиромъ толпы и арміи, то становится понятнымъ почему онъ потребовалъ отъ него торжественной присяги въ томъ, что онъ никогда, во всю свою жизнь, не предприметъ ничего, чтобы достигнуть престола [3], и потомъ, даже заручившись такимъ обѣщаніемъ, онъ не былъ имъ вполнѣ успокоенъ. Затѣмъ, если обратить вниманіе на общественное мнѣніе того времени, выражавшее недоумѣніе по поводу

43. Печать или свинцовая булла консула Павла.

1. Онъ былъ подвергнутъ аресту въ своемъ дворцѣ, но его имѣнія не были конфискованы (Hermès, VI, 380)

2. Bell. Goth., стр. 281—282.

3. Id., стр. 268.

неизмѣнной вѣрности Велизарія [1], то дѣлается еще яснѣе, почему Юстиніанъ такъ охотно вѣрилъ доносамъ на него и подвергалъ его всякаго рода униженіямъ и немилостямъ, конечно незаслуженнымъ; послѣднія, впрочемъ, были непродолжительны [2]. Становится понятнымъ, что вообще подозрительный умъ государя легко могъ умышленно создать для генерала во вторую итальянскую компанію то невозможное положеніе, въ которомъ тотъ уронилъ свой военный престижъ. Еще болѣе понятно почему, начиная съ 550 года, императоръ постоянно удерживалъ его въ Константинополѣ, у себя на глазахъ, связавъ его высокою и очень почетною придворною должностью главнокомандующаго императорской гвардіей [3]. Въ такой столицѣ, какъ Константинополь, гдѣ много разъ возникали мятежи, при такомъ дворѣ какимъ былъ византійскій, столь богатомъ интригами, заговорами, дворцовыми революціями,—всякій, кто слишкомъ сильно возвышался и казался черезъ-чуръ популярнымъ, неизбѣжно долженъ былъ безпокоить императора; и естественно, что Юстиніанъ, не смотря на слабость, которую онъ могъ выказывать иногда въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ своихъ совѣтниковъ, хотѣлъ до конца и при всякомъ удобномъ случаѣ всѣмъ очень ярко показать, что одинъ лишь базилевсъ въ монархіи — все, и что самые великіе повидимому генералы или министры пребываютъ всегда во власти его всесильной воли.

1. Bell. Pers., стр. 132; Hist. arc., стр. 35.

2. Подвергнутый опалѣ въ декабрѣ 562 года, онъ снова вошелъ въ милость въ іюлѣ 563 года (*Theoph.*, 239).

3. Bell. Goth., стр. 427.

КНИГА ВТОРАЯ.

ДѢЛО ЮСТИНІАНА.

УПРАВЛЕНІЕ И АДМИНИСТРАЦІЯ ИМПЕРІИ

ХРИСТОСЪ, СВ. ДѢВА и СВЯТЫЕ.
Миніатюра рукописи Космы.

11. Мозаика арки надъ хорами въ церкви свв. Космы и Даміана въ Римѣ (VI-го вѣка).

Глава I.

Внѣшняя политика Юстиніана.

Во главѣ указовъ Юстиніана въ числѣ титуловъ, которыми византійскій церемоніалъ украшаетъ имя императора, встрѣчается двойной рядъ эпитетовъ. Съ одной стороны качественные громкіе и нѣсколько неопредѣленные - «благочестивѣйшаго, счастливѣйшаго, славнѣйшаго, побѣдоноснаго и торжествующаго», и рядомъ другія—болѣе опредѣленныя наименованія, которыя напоминаютъ о лучшихъ временахъ римской имперіи. Какъ въ старину цезари, Юстиніанъ титулуется Африканскимъ, Вандальскимъ, Аллеманскинъ, Германскимъ, Готскимъ, Франкскимъ [1]; и эти титулы отнюдь не пустыя прилагательныя; эти названія, вызывающія воспоминанія о стольких же побѣдахъ, напоминаютъ и о томъ, что это царствованіе дѣйствительно было особенно богато военной славой. Африка, отнятая обратно у вандаловъ; Италія снова завоеванная у остготовъ; юго - западная Испанія—у вестготовъ; Западъ, почти цѣликомъ снова при-

1. De emendatione cod. Just.; *Const*. Omnem. Tanta.

веденный къ римскому единству, и Средиземное море, ставшее почти что византійскимъ озеромъ, ярко свидѣтельствуютъ, что честолюбивыя стремленія Юстиніана были не безплодны, и бросаютъ на его правленіе лучи несравненнаго блеска. Конечно, у медали есть и своя обратная сторона: нельзя забывать какою цѣною были куплены эти побѣды, нужно помнить и Востокъ, матеріально истощенный, открытый вторженіямъ персовъ, славянъ и гунновъ, и имперію, доведенную до состоянія разоренія. Поэтому слѣдуетъ задаться вопросомъ—была ли эта честолюбивая политика наиболѣе своевременной и мудрой, и соотвѣтствовали ли достигнутые ею результаты, въ отношеніи ихъ долговѣчности, тѣмъ жертвамъ, которыя они потребовали? Несомнѣнно, дѣло было велико: невозможно отрицать ни высоты мысли, которая его внушила, ни упорства воли, которая его осуществила, и оно заслуживаетъ труда разсмотрѣть при какихъ обстоятельствахъ, по какимъ побужденіямъ, какими средствами и какими людьми были сметены тѣ варварскія королевства, которыя въ V вѣкѣ почти безъ боя водворились на развалинахъ римской имперіи [1].

I.

Необходимо—хотя бы только для того, чтобы намѣтить отправную точку и лучше понять величіе совершеннаго имъ дѣла—изложить въ немногихъ словахъ чѣмъ была въ моментъ, когда Юстиніанъ вошелъ на престолъ, восточная римская имперія. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 395 году, со смертью Θеодосія, римскій міръ былъ раздѣленъ между Аркадіемъ и Гоноріемъ, никогда болѣе между двумя частями монархіи не возстановлялось древняго единства. Въ теченіе почти полувѣка, обѣ имперіи, восточная и западная, жили то въ добромъ согласіи, то во враждѣ между собою, но все болѣе и болѣе обособляясь другъ отъ друга. Потомъ Западная Имперія мало-по-малу распалась; ея провинціи одна за другою перешли въ руки варваровъ; франки и бургунды

45. Золотой солидъ Юстиніана.

1 Ср. *Jörs*, Die Reichspolitik Kaiser Justinians. Giessen, 1893.

46. Диптихъ Магнуса, консула въ 518 г. (Кабинетъ Медалей въ Парижѣ).

водворились въ Галліи, вестготы въ Испаніи, вандалы въ Африкѣ; наконецъ въ 476 году имперія перестала существовать, а Италія, послѣ кратковременнаго правленія герула Одоакра, превратилась въ королевство великаго властителя остготовъ Теодориха. И такъ, въ моментъ, когда Юстиніанъ принялъ власть, оставалась лишь одна имперія и эта имперія была преимущественно восточною. Благодаря двумъ документамъ той эпохи, *Синекдемосу* географа Гіерокла и таблицѣ, приложенной къ большому апрѣльскому указу 535 года, размѣры имперіи извѣстны довольно хорошо. Въ томъ видѣ, какъ она намъ представляется по этими двумъ источникамъ, она обнимала въ Европѣ Балканскій полуостровъ почти цѣликомъ, отъ Дуная до моря, за исключеніемъ сѣверо-западной части (Далмаціи), принадлежавшей остготамъ; въ Азіи—Малую Азію до горъ Арменіи, Сирію за Евфратъ; въ Африкѣ—Египетъ и Киренаику. Ея 64 *епархіи* раздѣлялись между двумя префектурами преторія: важною восточною префектурою, съ ея 51 провинціей, распредѣленныхъ между пятью діоцезами,—Ѳракіи (столица Константинополь), Азіи (стол. Лаодикея), Понта (столица Анкира), Востока (стол. Антіохія), Египта (стол. Александрія)[1],—и префектурой Иллирика (ст. Ѳессалоники, а впослѣд-

1. 1-я діоцеза, Ѳракія, 6 провинцій Европа, Родопе, Ѳракія, Гемимонтъ: Мизія II, Скиѳія;

2-я діоцеза, Азія, 11 провинцій Азія, Геллеспонтъ, Фригія Пакатіана, Лидія, Пизидія, Ликаонія, Фригія salutaris, Памфилія, Ликія, Острова, Карія.:

3-я діоцеза, Понтъ, 11 провинцій Виѳинія, Гоноріада, Пафлагонія, Галатія I, Галатія salutaris, Коппадокія I, Каппадокія II, Еленопонтъ, Понтъ polemoniacus, Арменія I, Арменія II.

4-я діоцеза, Востокъ, 15 провинцій: Киликія I, Киликія II, Кипръ, Исаврія, Сирія I, Сирія II, Евфратеза, Озроена, Месопотамія, Финикія, Финикія ливанская, Палестина I, Палестина II, Палестина III, Аравія;

5-я діоцеза, Египетъ, 8 провинцій: Египетъ, Августа I, Августа II, Аркадія, Ѳиваида I, Ѳиваида II, Верхняя Ливія, Нижняя Ливія.

Нотиція 535 года, относящаяся лишь до префектуры Востока, почти тождественна со спискомъ Гіерокла. Въ ней однако отмѣчены нижеслѣдующія перемѣны: исчезновеніе въ діоцезѣ Востока, Финикіи ливанской и Исавріи; въ діоцезѣ Понта, Понта Полемонтійскаго и Пафлагоніи, за присоединеніемъ всѣхъ четырехъ провинцій къ другимъ административнымъ округамъ; появленіе четырехъ вновь образованныхъ провинцій: Ѳеодоріаты въ діоцезѣ Востока, Новой Юстиніаніи въ діоцезѣ Азіи, Великой Арменіи въ діоцезѣ Понта, образованной чрезъ присоединеніе армянскихъ вассальныхъ княжествъ; наконецъ Египта II въ діоцезѣ Египта. Не слѣдуетъ придавать какого-либо значенія отсутствію четырехъ египетскихъ провинцій Ѳиваиды I, Ѳиваиды II, Аркадіи и Нижней Ливіи. Онѣ были пропущены въ спискѣ 535 года, но существовали въ это время.

ствіи Юстиніанія прима), несравненно менѣе значительной, въ которой насчитывалось лишь 13 провинцій [1]. Такимъ образомъ, крайне ограниченная въ территоріальномъ отношеніи, благодаря утратѣ Запада, имперія эта, кромѣ того, въ это время подвергалась черезвычайно большой опасности и на самомъ востокѣ. Съ начала VI вѣка персы возобновили свои нападенія на римскую границу [2], а въ 527 году была начата война съ ними. Будучи встревоженъ безпрерывными успѣхами византійской политики, которая на всемъ протяженіи азіатскихъ границъ искусно запасалась на всякій случай союзниками противъ постояннаго врага имперіи, въ особенности же безпокоясь новѣйшими успѣхами, которые, въ царствованіе Юстина, пріобрѣло римское вліяніе въ областяхъ Кавказа, у лазовъ [3], иверовъ [4] и даже у гунновъ [5], — персидскій царь взялся за оружіе: уже на границахъ Сиріи и Арменіи, вассалы обоихъ государствъ сражались между собою [6], а въ Месопотаміи готовилась разразиться открытая война. Но не смотря на такую крайнюю опасность, которая угрожала восточной римской имперіи, не смотря на понесенныя ею территоріальныя потери, во всемъ тогдашнемъ мірѣ она продолжала пользоваться огромнымъ престижемъ; въ умахъ людей того времени оставались глубоко запечатлѣнными извѣстныя господствующія идеи, которыя составляли для византійскаго государства запасъ неоцѣнимой нравственной силы; онѣ въ теченіе почти полувѣка руководили ея политикой и внушали ей несоотвѣтствующія ея силѣ честолюбивыя стремленія.

II.

Естественно, что Юстиніанъ, какимъ онъ извѣстенъ въ качествѣ римскаго и христіанскаго императора, долженъ былъ считать нестерпимымъ такое положеніе вещей, при которомъ нѣкоторыя изъ лучшихъ провинцій монархіи были

1. Префектура Иллирика, 13 провинцій: Македонія I, Македонія II, Ѳессалія, Эллада или Ахайя, Критъ, Древній Эпиръ, Новый Эпиръ, Нижняя Дакія, Верхнья Дакія, Дарданія, Превалитана, Мизія I и Паннонія.

2. О войнѣ съ Персами 502—505 гг. см. B. P., 33—47; *Evagr.*, III, 37; такъ называемую лѣтопись *Іисуса Стилита*, изд. Wright, стр. 37 и слѣд., и *Zach. Rh.*, 104—115.

3. *Malalas*, 412—413; Bell. Pers., стр. 55, 58—59.

4. Bell. Per., 56—57.

5. *Malalas*, 414—415.

6. Id., 434—435; Bell. Pers., стр. 57.

внѣ римскаго единства, а православное населеніе предано тираніи аріанскихъ властителей[1]. Поэтому онъ относился безучастно къ дѣламъ Востока, гораздо менѣе озабочиваясь неминуемою персидскою войною, чѣмъ вопросомъ объ обратномъ завоеваніи и освобожденіи Запада. Не видя, а можетъ быть и не желая видѣть, всей величины опасности, угрожавшей изъ Азіи, онъ считалъ, что можно безъ труда окончить войну, при томъ же чисто оборонительную, предметомъ которой не было возвращеніе какой-либо территоріи,

17. Входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ (Миніатюра въ Codex Rossanensis).

и, желая ускорить конецъ столкновеніямъ и развязать себѣ руки, онъ склонялся къ самымъ широкимъ уступкамъ. На Западѣ же, напротивъ, страдала его гордость и возмущалась вѣра тѣмъ состояніемъ, въ которое были приведены исконные подданные имперіи, и вполнѣ естественно, что онъ былъ охваченъ тѣми двумя идеями, которыя стали руководящими всей его политикой въ отношеніи варваровъ,—идеей римской, которую онъ воспринялъ, какъ наслѣдіе цезарей, и идеей христіанской, которую онъ черпалъ въ горячности своей вѣры.

1. C. J., I, 27; I, 1–8.

Постояннымъ принципомъ Византіи было — никогда не признавать понесенныхъ монархіей территоріальныхъ потерь. Константинопольскіе базилевсы, неизмѣнно считая себя законными наслѣдниками цезарей, мало смущались тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ нѣкоторыя провинціи превратились въ независимыя королевства. Они никогда не считали этихъ отчужденій окончательными и законными, и безусловно держались за историческія права имперіи на эти утраченныя области. Въ ихъ глазахъ варварскіе короли, водворившіеся въ Африкѣ, Италіи и Галліи, оставались связанными съ византійскимъ дворомъ тѣсными узами вассальной зависимости: они были представителями базилевса, его уполномоченными, слугами, и, чтобы отмѣтить эту зависимость, императорская канцелярія жаловала этимъ государямъ титулы и достоинства придворной іерархіи. Такимъ образомъ Анастасій даровалъ Хлодвигу консульскіе знаки отличія и достоинство патриція и, по мнѣнію византійскихъ политиковъ, франкскій государь управлялъ народами Галліи въ качествѣ какъ-бы вице-императора [1]. На такомъ же основаніи и остготъ Теодорихъ занялъ Италію и управлялъ ею, и въ этомъ отношеніи особенно знаменателенъ принятый въ Византіи способъ изложенія исторіи этой оккупаціи. «Императоръ Зенонъ, говоритъ Іорданъ, узнавъ, что Теодорихъ избранъ своими соплеменниками королемъ, одобрилъ этотъ выборъ и повелѣлъ новому главѣ предстать предъ нимъ. Онъ оказалъ ему самый почетный пріемъ и далъ ему мѣсто въ ряду придворныхъ сановниковъ. Потомъ онъ его назначилъ magister militum; онъ сдѣлалъ его даже консуломъ, что считается высшимъ благомъ и первою почестью міра сего. Король Теодорихъ связалъ себя съ императоромъ личнымъ обязательствомъ; онъ сталъ его сыномъ по оружію и его кліентомъ. Однажды онъ сказалъ: «я ни въ чемъ не имѣю недостатка съ тѣхъ поръ, какъ сталъ вашимъ служителемъ; однако я прошу Вашу Милость выслушать благосклонно голосъ моего сердца». Послѣ того, какъ ему было дано разрѣшеніе свободно высказаться, онъ добавилъ: «Италія и городъ Римъ, эта столица и госпожа міра, находятся во власти варварскаго короля, который угнетаетъ вашъ сенатъ и эту часть имперіи; пошлите меня съ моими готами; лучше, чтобы я, рабъ вашъ, обладалъ этимъ королевствомъ

1. *Fustel de Coulanges*, Hist. des institutions politiques, т. II, стр. 400 и слѣд.

по дару отъ васъ». Зенонъ на это согласился и послалъ Теодориха въ Италію, подчинивъ ему сенатъ и римскій народъ. Побѣдитель Одоакра и повелитель Италіи, Теодорихъ получилъ отъ императора разрѣшеніе снять съ себя одежду своего народа и облачиться въ одѣяніе римскихъ сановниковъ, что обозначало, что онъ царствовалъ одинаково, какъ надъ римлянами, такъ и надъ готами. Много времени спустя, когда онъ былъ близокъ къ смерти, онъ призвалъ своихъ комитовъ и совѣтовалъ имъ любить сенатъ и римскій народъ и оказывать всегда благоговѣйное почтеніе государю, который царствуетъ въ Константинополѣ»[1].

48. Дворецъ Теодориха въ Равеннѣ.

Совершенно такъ же думалъ Юстиніанъ и его современники[2]. Въ ихъ глазахъ великій король остготовъ былъ не что иное, какъ уполномоченный базилевса и орудіе императорской политики. Это совершенно ясно выразилъ остготамъ Велизарій, когда они защищали законность своего владѣнія Италіею: «Когда императоръ Зенонъ, отвѣчалъ онъ, послалъ Теодориха воевать въ Италію, онъ никогда не думалъ отдавать ему страну въ полное владѣніе. Да и къ чему было бы, въ самомъ дѣлѣ, замѣщать одного узурпатора другимъ? Онъ про-

1. *Fustel de Coulanges*, ibid., II. 506, по Getica *Iордана*, 57.

2. Анонимъ Валуа всегда называетъ Теодориха patricius (Chron. min., изд. Моммсена, I. 316 318).

сто возложилъ на него порученіе возвратить этой провинціи свободу и снова подчинить ее императорской власти. Правда, Теодорихъ, выполнивъ первоначально въ точности порученіе базилевса, проявилъ затѣмъ неблагодарность и отказался воз-

49. Благословляющій Христосъ (Мозаика церкви св. Аполлинарія Nuovo въ Равеннѣ).

вратить Италію ея законному государю», но императорское право отъ этого ни мало не утратило своей силы, и въ день, когда монархъ признаетъ нужнымъ его возстановить, начнется не завоевательная война, которую онъ предприметъ, а лишь простое требованіе возвращенія своего права» [1]. Въ этомъ

1. Bell. Goth., стр. 171—172.

же смыслѣ византійскій посолъ объявилъ Теодату, что его повелитель призналъ за благо снова вступить во владѣніе страною, которая во всѣ времена принадлежала имперіи [1], и самъ Юстиніанъ однажды очень опредѣленно выразился, что онъ рѣшилъ перенести войну на полуостровъ, «потому, что готы отказываются возвратить ему его Италію, Ἰταλίαν τὴν ἡμετέραν» [2].

Такимъ образомъ императоръ остается естественнымъ, необходимымъ сюзереномъ всѣхъ государей, основавшихся на римской территоріи; но онъ идетъ еще дальше. Если базилевсъ, какъ наслѣдникъ цезарей, имѣетъ права въ отношеніи варваровъ, то христіанскій императоръ, единственный блюститель истины, имѣетъ обязанности въ отношеніи неправославныхъ. Его миссія—распространять повсюду знаніе истинной вѣры, а такъ какъ пророчествами вся вселенная обѣтована царствію Божію, то и вся земля, по божественному праву, принадлежитъ императору. Въ силу этого принципа базилевсъ имѣетъ право не только требовать обратно всѣ извѣстныя страны, на короткое время подпавшія владычеству незаконныхъ властителей, которыя, однако рано или поздно Богъ возвратитъ въ лоно имперіи, но также право владѣть неизвѣстными областями и открывать ихъ [3]. Политики-теоретики ясно формулировали эту идею всемірной имперіи, основанной на религіи. «Въ прежнее время, пишетъ уже Евсевій, вселенная, смотря по народностямъ и мѣстностямъ, была раздѣлена между большимъ числомъ господствъ, тираній, принципатовъ. Отсюда постоянныя войны, съ ихъ послѣдствіемъ—разореніемъ и грабежемъ. Это раздѣленіе происходило отъ различія боговъ, которымъ каждый поклонялся. Но нынѣ, когда крестъ, орудіе спасенія и залогъ побѣды, былъ явленъ землѣ и воздвигся противъ демоновъ, тотъ-часъ же дѣло демоновъ, то есть ложные боги, разсѣялось, какъ дуновеніе; господства, княжества, тираніи, республики отжили свое время. *Одинъ Богъ возвѣщенъ всѣмъ, одна имперія наготовѣ ихъ принять и вмѣстить въ себѣ, а именно—римская имперія.* Итакъ, одновременно по волѣ неба два зародыша возросли, поднялись отъ земли и осѣнили собою вселенную—римская имперія и христіанская вѣра, *предназначенныя* къ тому,

1. Bell. Goth., стр. 30—31.
2. Id., стр. 27.
3. *Gasquet*. L'empire byzantin et la monarchie franque, стр. 37—39. 42—44.

чтобы соединить узами вѣчнаго мира человѣческій родъ во всей цѣлости. Уже греки, варвары и народы, обитающіе на крайнихъ предѣлахъ невѣдомыхъ странъ, услышали голосъ истины; но ея завоеванія не остановятся тамъ:—она распространитъ свое владычество до границъ, гдѣ кончается земля, и работу эту она совершитъ быстро и легко. Міръ станетъ лишь однимъ народомъ, люди составятъ только одну семью подъ скипетромъ одного общаго отца» [1]. Мысль объ объединеніи цѣлаго міра въ великомъ имперскомъ и христіанскомъ единствѣ,—такова безграничная перспектива, которую религіозная вѣра открываетъ императорскому честолюбію, и всѣ, какъ императоры, такъ подданные, сходились въ признаніи этой священной миссіи. Эти идеи были очень распространены въ VI вѣкѣ.

Какой же естественный выводъ могъ быть сдѣланъ изъ этихъ двухъ идей, въ томъ видѣ, какъ онѣ формулировались въ такой горделивой и набожной душѣ, какъ душа Юстиніана? Коль скоро базилевсъ имѣетъ всѣ права сюзерена надъ варварами, водворившимися въ имперіи, онъ воленъ лишить ихъ территорій, которыя онъ, посредствомъ полномочія, всегда могущаго быть отмѣненнымъ, предоставилъ на короткое время ихъ власти. Этотъ міръ, нѣкогда завоеванный древними римлянами «и простиравшійся, какъ это говоритъ Юстиніанъ, до предѣловъ обоихъ океановъ», этотъ міръ, утраченный затѣмъ по нерадѣнію его властителей, императоръ имѣетъ право и даже обязанъ снова ввести въ единство имперіи [2]. И подобное притязаніе кажется столь законнымъ, что самые суровые хулители Юстиніана не думаютъ вовсе порицать таковое. «Естественная роль императора съ возвышенной душой,—пишетъ Прокопій,—желаніе расширить имперію и сдѣлать ее болѣе славной» [3].

Но если цезарь обязанъ посвятить себя возстановленію государства, то, съ другой стороны, долгъ христіанскаго государя,—защищать православное народонаселеніе и освобождать его, когда оно стонетъ подъ игомъ еретическихъ властителей. Между тѣмъ къ началу VI столѣтія половина Запада была аріанскою. Большая часть варваровъ, которые удерживали въ своихъ рукахъ древнія провинціи имперіи,

1. *Евсевій*, De laudibus Const., c. 16; De vita Const., I, 8 и II, 19, по цитатѣ Гаскэ, loc. cit., стр. 39—40.

2. Nov. 30, 11. Cp. Bell. Pers., стр. 157, 164—165.

3. Bell. Pers. стр. 158.

вестготы, вандалы, остготы, исповѣдывали ненавистную ересь, и Юстиніанъ съ трудомъ сносилъ жестокости гоненій, которыя, съ большей или меньшей силой, свирѣпствовали противъ православныхъ въ Испаніи, въ Италіи и въ особенности въ Африкѣ. Поэтому онъ былъ совершенно готовъ поднять мечъ для избавленія Запада отъ тяготѣвшаго надъ нимъ долгаго плѣна, чтобы со всей своей энергіей начать войну съ государями, «гонителями душъ и тѣлесъ»[1]. Считая себя избранникомъ Божіимъ, онъ смотрѣлъ на себя, какъ на естественнаго и необходимаго поборника за Христа, и его политическое честолюбіе воспламенялось рвеніемъ крестоносца.

Его мечты шли еще далѣе; онѣ простирались на весь міръ, который, въ силу божественнаго права, долженъ былъ составлять достояніе христіанскаго императора. Для него не достаточно возможности на законномъ основаніи лишить владѣній еретиковъ-варваровъ, которые захватили его наслѣдіе, но онъ долженъ, путемъ непрестанной дѣятельности своей дипломатіи, простирать свое верховное вліяніе даже за предѣлы имперіи; въ особенности же онъ долженъ предъ лицемъ міра, еще наполненнаго язычниками и еретиками, распространять повсемѣстно, посредствомъ дѣятельной религіозной пропаганды, познаніе истинной вѣры и связать двойными узами, политическими и религіозными, всѣ страны съ имперіей. Такимъ образомъ, императоръ доходитъ до дѣйствительнаго отождествленія своего дѣла съ дѣломъ христіанства; въ его глазахъ, какъ справедливо было замѣчено, «сколько душъ пріобрѣтено для Христа, столько обезоружено враговъ и столько получено вѣрныхъ защитниковъ имперіи»[2]. И совершенно послѣдовательно Юстиніанъ стремился покорить и вмѣстѣ обратить на истинный путь весь міръ, подчинивъ своей непосредственной власти, или своему вліянію, всѣ царства земныя. Можно ли удивляться при этомъ тому властному влеченію и постоянному искушенію, которыя, при такомъ душевномъ настроеніи базилевса, влекли его мысли и честолюбіе къ Западу?

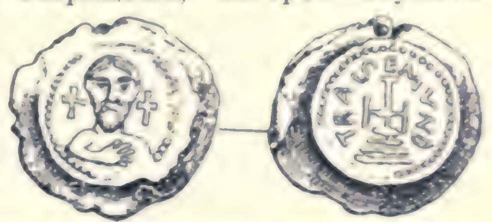
1. C. J. I. 27, 1, 1; Bell. Vand., стр. 356.

2. *Gasquet* loc. cit. стр. 71.

III.

Что Юстиніанъ питалъ эти идеи и эти мечты,—это вполнѣ естественно; но что болѣе замѣчательно и что придавало особую силу императорскимъ требованіямъ,—это то, что эти идеи казались также естественными и почти законными именно тѣмъ, кому предстояло быть ихъ объектами и жертвами.

Въ странахъ Африки и Италіи, въ которыхъ рѣзко запечатлѣлось римское вліяніе, населеніе хранило живое воспоминаніе объ имперіи и нетерпѣливо обращало взоры къ Константинополю въ ожиданіи избавителя. Какъ выразился Фюстель-де-Куланжъ, «оно продолжало твердо вѣрить въ существованіе имперіи и считать римскаго императора своимъ верховнымъ главою. Эта отдаленная власть представлялась имъ, какъ власть достойная почитанія, священная, чѣмъ то вродѣ далекаго Провидѣнія, къ которому взывали и которое было послѣднимъ утѣшеніемъ и надеждою несчастныхъ» [1]. Нерасположенное къ своимъ варварскимъ властителямъ, иго которыхъ, какимъ бы легкимъ его не старались сдѣлать, удерживало ихъ внѣ римскаго единства, населеніе еще глубже чувствовало тягость подчиненія еретическимъ государямъ. Въ Африкѣ, какъ интересы православнаго населенія, такъ и его религія, жестоко потерпѣли отъ самаго факта завоеванія и естественное отвращеніе, которое внушалъ ему побѣдитель-аріанинъ, еще болѣе возросло отъ жестокихъ грабежей и гоненій. Юстиніанъ, не безъ тайнаго удовольствія, перечислилъ однажды притѣсненія, казни, замученныхъ епископовъ, поруганныя церкви, обиженныхъ, подвергнутыхъ пыткамъ и изгнанію людей, оставшихся вѣрными православію, и всѣ бѣдствія «ужаснаго вѣковаго плѣна», которыя оправдывали вмѣшательство Византіи и заранѣе обезпечивали ему поддержку этихъ народовъ [2]. И дѣйствительно, всѣ ожидали и добивались прибытія императорскихъ войскъ. Право-

50. Печать Траземунда, короля вандаловъ.

1. *Fustel de Coulanges*, loc. cit., II, стр. 512.

2. C. J., 27, I, 2—5. Ср. Bell. Vand., стр. 347—348.

вѣрная римская аристократія, не пользовавшаяся довѣріемъ своихъ государей-варваровъ, всячески взывала о присылкѣ солдатъ базилевса и подготовляла всеобщее возстаніе. Изгнанные епископы, окруженные ореоломъ мученичества и чудесами, которыя будто бы совершались надъ ними, стекались во дворецъ и докучали императору своими горячими, неотступными просьбами [1]. Наконецъ во всей Африкѣ царило глухое возбужденіе: среди населенія распространялись разсказы о пророчествахъ и таинственныхъ видѣніяхъ, возвѣщавшихъ приближеніе времени, когда великіе святые африканской церкви явятся сами, чтобы наказать за оскорбленія, нанесенныя ихъ алтарямъ, «и всѣ, говоритъ Прокопій, съ нетерпѣніемъ ожидали исполненія обѣщаннаго мщенія» [2].

То же самое происходило и въ Италіи. Тамъ тоже, не взирая на всѣ усилія со стороны Теодориха продолжать римскія традиціи, не смотря на его постоянную религіозную терпимость и на попытки Амалазунты обезоружить скрытую оппозицію, населеніе было явно враждебно своимъ готскимъ и аріанскимъ государямъ; оно тоже ждало лишь случая, чтобы перемѣнить своихъ властителей. Главы сенаторіальной аристократіи не спускали глазъ съ Византіи и поддерживали въ столицѣ сношенія, которыя вполнѣ основательно могли казаться подозрительными; народъ инстинктивно ненавидѣлъ варваровъ [3]; а православная церковь, забывая долговременную благоразумную и великодушную политику Теодориха, помнила лишь недавнія суровыя преслѣдованія вѣрныхъ, папу, подвергшагося насилію, заключенію и умирающаго въ темницѣ. Невольно являлось сравненіе между еретическимъ государемъ и благочестивѣйшими базилевсами Юстиномъ и Юстиніаномъ, которые такъ дѣятельно способствовали возстановленію единства вѣры и при всѣхъ обстоятельствахъ обнаруживали столько уступчивости, столько почтительности въ отношеніи преемниковъ св. Петра, и которыхъ православныя добродѣтели и ревность о церковномъ мирѣ такъ высоко восхвалялась папою Гормиздасомъ [4]. Строгости Теодориха въ отношеніи несчастнаго Іоанна I противопоставляли торжественный, тріумфальный

1. Bell. Vand., стр. 345. C. I, I, 27, I. 4.

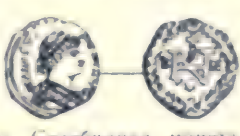
2. Bell. Vand., стр. 307—308. Ср. *Diehl*, l'Afrique byzantine, стр. 7—8, 10—11.

3. Bell. Goth., стр. 34—37.

4. Ср. *Hartmann*, Gesch. Italiens im Mittelalter., I, стр. 214—217, 225—226.

пріемъ папы въ Константинополѣ, гдѣ народъ и императоръ вышли ему на встрѣчу за двѣнадцать миль отъ столицы, при чемъ государь смиренно повергся къ ногамъ папы, который былъ осыпанъ царскими почестями, и просилъ, чтобы папа снова короновалъ его своими священными руками, а по пути его совершались многія чудеса [1]. Такимъ образомъ на ряду съ пробужденіемъ правовѣрія населеніе Италіи опьянялось надеждами и, съ своей стороны, призывало освободителя.

Таковы были чувства народовъ. Но удивительнѣе всего было то, что сами варварскіе короли безпрекословно признавали справедливость честолюбивыхъ имперскихъ теорій. Эти германскіе вожди, основатели королевствъ, тоже питали глубокое благоговѣніе къ той имперіи, обрывки которой они дѣлили между собой, и готовы были повторить слова извѣстнаго вестготскаго государя: «Да, императоръ, это — земной богъ, и всякій, кто подымаетъ на него руку, долженъ заплатить за это преступленіе своею кровью» [2]. Надо вспомнить какъ настойчиво, унижая свое королевское достоинство, они домогались отъ базилевса титуловъ и сановъ римскихъ должностей, гордясь званіемъ консуловъ и патриціевъ, съ тѣмъ, чтобы управлять своими народами въ качествѣ слугъ и делегатовъ императора [3]. Надо вспомнить въ какомъ униженномъ тонѣ пишутъ они базилевсу, какъ расточаютъ они ему имя «повелитель», — обязательное выраженіе для подданнаго того времени въ разговорѣ съ своимъ государемъ. Они дѣйствительно смотрѣли на себя, какъ на вассаловъ императора, и чеканили его изображенія на своихъ золотыхъ монетахъ, «ибо, говоритъ Прокопій, монеты съ изображеніемъ варварскихъ королей не принимались бы въ торговлѣ самими варварами» [4]. Они обращали свои взоры къ Константинополю, какъ къ столицѣ міра; почтительно принимали они распоряженія императора, послушно подчинялись его рѣшеніямъ и склоняли свою голову предъ его замѣчаніями. Когда у нихъ возникали какія нибудь внутренія затрудненія, они обращались къ императору, какъ къ посреднику, судьѣ и верховному покровителю; когда-же базилевсъ заявлялъ свои

50. Серебряная монета Аталариха съ головою Юстиніана.

1. *Ann. Maximian*, c. 61; Liber pontif., 275.

2. *Jordan.*, Get., 28.

3. *Fustel de Coulanges*, loc. cit., стр. 500 и слѣд.

4. Bell. Goth., стр. 417. Ср. *Sabatier*, Description des monnaies byzantines, I, 160—203, 219.

неотъемлемыя права на провинціи, которыя они занимали, для нихъ были понятны подобныя заявленія и они почти были готовы признать ихъ законность. Въ Африкѣ, потомокъ страшнаго Гензериха, слабый Гильдерикъ, совершенно ослѣпленный блескомъ императорскаго имени, гордится быть личнымъ другомъ Юстиніана; ему доставляетъ особое удовольствіе обмѣниваться съ нимъ подарками и посольствами; на своихъ монетахъ онъ приказываетъ замѣнить свое собственное изображеніе изображеніемъ византійскаго государя; незамѣтно онъ становится вассаломъ имперіи [1]. Въ Италіи, слабые преемники великаго Теодориха поддаются, безъ дальнѣйшаго сопротивленія, престижу римской традиціи. Умственные интересы Амалазунты всецѣло направлены къ классической культурѣ, и она хочетъ, чтобы сынъ ея былъ воспитанъ, какъ наслѣдникъ цезарей [2]. Теодатъ хвастается ученостью и платоновской философіей и готовъ считать особымъ достоинствомъ ненависть къ войскамъ и къ войнѣ. Всѣ эти выродившіеся наслѣдники великихъ варварскихъ завоевателей видятъ, среди угрожающихъ имъ опасностей, только одну опору, одно прибѣжище—императора. Сверженный Гильдерикъ задумываетъ бѣжать въ Византію и умоляетъ Юстиніана вступиться за своего преданнаго вассала, который разсчитываетъ на его дружбу [3]. Аталарикъ, на другой же день своего восшествія на престолъ, ищетъ императорской благосклонности и, напоминая, что отецъ его былъ усыновленъ Юстиномъ, ссылается, не безъ гордости, на эту родственную связь, соединяющую его съ особой базилевса [4]. Амалазунта взываетъ къ благоволенію императора къ молодости своего сына, причемъ сама, испуганная заговорами своихъ подданныхъ - варваровъ, проситъ себѣ убѣжища у Юстиніана, предлагая возвратить ему Италію [5]. Наконецъ Теодатъ, какъ только сталъ опасаться за свою жизнь, обращаетъ взоры къ Византіи и за извѣстное содержаніе и титулъ сенатора готовъ предать Тоскану императорскимъ

52. Теодатъ по изображенію на мѣдной монетѣ.

1. *Diehl*, L'Afrique byzantine, стр. 4.

2. Bell. Goth., стр. 12—13. Ср. *Hartmann*, loc. cit., I, 233 и слѣд.

3. Bell. Vand., стр. 431—352.

4. *Cassiod.*, Var., VIII, 1.

5. Bell. Goth., 15—16, 18, 20—21; Bell. Vand., 433.

войскамъ [1]. Онъ такъ рѣшительно убѣжденъ, что Италія принадлежитъ имперіи, что никакая уступка ему не кажется чрезмѣрной; и Прокопій въ одномъ крайне любопытномъ мѣстѣ разсказываетъ до какой степени унизительной покорности доходилъ варварскій государь предъ посломъ Юстиніана, чтобы только добиться мира [2]. Онъ предлагалъ уступить Сицилію въ полную собственность имперіи, поставлять по всякому требованію контингентъ въ 3000 ч. готскихъ солдатъ, посылать ежегодно въ Константинополь, въ знакъ вассальной зависимости, по золотой коронѣ вѣсомъ въ 300 фунтовъ. Сверхъ того онъ обязывался не предавать смерти ни священника, ни сенатора безъ соизволенія императора, даже не конфисковывать ихъ имущества безъ его согласія; онъ принималъ обязательство не назначать безъ его разрѣшенія ни одного сенатора или патриція; наконецъ, на празднествахъ, имя императора должно было возглашаться прежде имени короля варваровъ и всякій разъ, что Теодату посвящалась бы статуя, было условлено возводить другую въ честь Юстиніана. Вслѣдъ затѣмъ, опасаясь, что и столькихъ уступокъ окажется недостаточнымъ для обезоруженія императора, Теодатъ намѣревался уступить Италію всецѣло, лишь бы ему обезпечили ежегодный доходъ въ 1200 фунтовъ золота и титулы римскаго сановника [3]. И нельзя возразить, что все это только результатъ слабости и трусливости Теодата. Первою заботою Витигеса было предложеніе мира Юстиніану чрезвычайно почтительнымъ письмомъ и помѣщеніе на своихъ монетахъ, согласно съ традиціей, изображенія монарха, съ которымъ онъ однако находился въ открытой войнѣ [4]. Даже гордый Тотила охотно соглашался быть вассаломъ императора и обѣщалъ, при условіи, что ему будетъ предоставлено царствовать надъ разоренной Италіей, платить Византіи ежегодно дань и вести себя, по всякому требованію своего сюзерена, какъ его союзникъ и вѣрноподданный [5].

53. Серебряная монета Витигеса съ головою Юстиніана.

Франкскіе государи, не смотря на большую удаленность отъ Константинополя, со своей стороны признавали до нѣкоторой степени верховную власть Византіи. Когда король Теодебертъ писалъ базилевсу, онъ адресовалъ письма такъ:

1. Bell. Goth., стр. 17.
2. Id., стр. 29—30.
3. Id., стр. 31—32.
4. *Cassiod.*, Var., X, 32; *Sabatier* loc. cit., I, 203 и слѣд.
5. Bell. Goth., стр. 585—586.

«Знаменитому и достославному повелителю, побѣдоносному и неизмѣнно августѣйшему императору Юстиніану», а иногда даже добавлялъ къ этимъ титуламъ почтительный эпитетъ «отецъ» [1]. Онъ принимаетъ «съ полнымъ благоговѣніемъ» императорскія предписанія и извиняется, что запоздалъ исполненімъ повелѣній государя; и такова сила римской традиціи, что даже этотъ неистовый и раздражительный варваръ послѣ того, какъ онъ добился отъ остготовъ уступки ему Прованса, счелъ себя его законнымъ обладателемъ лишь тогда, когда это владѣніе было утверждено за нимъ подлинною грамотою императора [2].

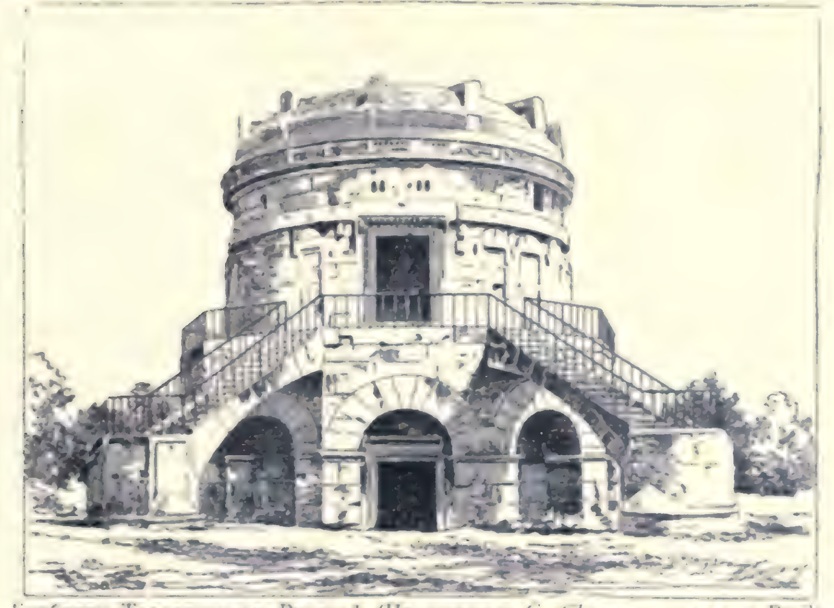
Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ Юстиніанъ почувствовалъ еще большее желаніе воспользоваться своимъ правомъ и, въ качествѣ властелина, вмѣшаться въ дѣла этихъ государствъ, которыя сами признавали себя его вассалами. Въ Африкѣ, послѣ низверженія Гильдерика, онъ сначала потребовалъ возстановленія, а затѣмъ освобожденія свергнутаго короля, и надо прочесть какимъ тономъ онъ требовалъ, чтобы вандальскій государь и его приверженцы были преданы въ его руки [3]. Равнымъ образомъ въ Италіи онъ предложилъ свое покровительство Амалазунтѣ, заключенной въ тюрьму Теодатомъ, а послѣ убіенія этой государыни, императорскій посолъ сдѣлалъ остоготскому королю и его совѣтникамъ чрезвычайно энергичный выговоръ [4]. Юстиніанъ является настоящимъ сюзереномъ, когда объявляетъ, что намѣренъ снова взять себѣ «свою Италію»; въ качествѣ такого же сюзерена, онъ объявляетъ готамъ, «что считаетъ своевременнымъ возвратить ихъ въ лоно монархіи и полагаетъ, что они будутъ довольны этимъ» [5]. И варвары послушно принимаютъ его выговоры; они объясняются, извиняются, проявляя большею частью крайнюю сговорчивость и покорность предъ этимъ императоромъ, который въ силу своего права посредничаетъ въ ихъ распряхъ, разрѣшаетъ споры, и искусная дипломатія котораго ему даетъ постоянные поводы къ интригамъ и предъявленію различныхъ требованій къ нимъ.

---

1. Epist. merowingici aevi, стр. 131—133.
2. Bell. Goth., стр. 416—417.
3. Bell. Vand., стр. 351—352.
4. Bell. Goth., стр. 24—25.
5. Id., стр. 36.

IV.

Но если желаніе возстановить въ цѣлости древнюю римскую имперію по своему замыслу было высоко и благородно, то выполненіе его могло казаться крайне смѣлымъ и труднымъ. Затрагивать грозное государство вандаловъ, которое въ теченіи стольких лѣтъ было предметомъ страха для римлянъ, перевозить за море, далеко отъ всякой серьезной операціонной базы, армію, достаточно многочисленную для на-

54. Гробница Теодориха въ Равеннѣ (По рисунку *G. Clousse* въ его соч. Basiliques et Mosaïques chrétiennes).

паденія на силы большихъ варварскихъ королевствъ Запада, вести войну въ неизвѣстной странѣ, гдѣ малѣйшая неудача могла оказаться гибельною, наконецъ изъ за гадательныхъ выгодъ подвергать Востокъ, лишенный войскъ, постоянно угрожающей опасности вторженій персовъ, — все это было предпріятіемъ конечно чрезвычайно рискованнымъ и самые вѣрные совѣтники императора боялись такого безразсудства. Надо прочесть поразительный разсказъ Прокопія [1] о совѣщаніи, въ которомъ въ первый разъ обсуждался вопросъ объ экспедиціи въ Африку; въ этомъ случаѣ самые муже-

1. Bell. Vand., стр. 353—356.

ственные обнаруживали паническій страхъ. Воспоминаніе о страшномъ бѣдствіи 468 года было еще свѣжо у всѣхъ и когда вспоминали, сколько денегъ и людей стоила эта несчастная экспедиція, министры имперскихъ финансовъ тревожно вычисляли издержки, которыхъ потребовала бы новая кампанія. Генералы страшились этой дальней войны, гдѣ нужно было бояться всего, морскихъ опасностей, незнанія страны, могущества непріятеля, котораго считали особенно страшнымъ, и, резюмируя съ энергичною откровенностью испытываемыя всѣми душевныя безпокойства, Іоаннъ Каппадокійскій перечислялъ, преувеличивалъ всѣ опасности экспедиціи, представляя побѣду гадательной, а пораженіе навѣрно гибельнымъ; выгоду — въ случаѣ успѣха — ничтожной, такъ какъ и удержать за собою покоренную Африку не было бы возможности, тогда какъ, въ противномъ случаѣ, возникали ужасающія опасности, такъ какъ разрывъ съ вандалами навлекъ бы на имперію страшныя опустошенія африканскихъ корсаровъ. Самъ Юстиніанъ, въ виду такой единодушной оппозиціи, бѣдственнаго положенія казны и открытаго неудовольствія солдатъ, начиналъ сомнѣваться въ успѣхѣ предпріятія. Однако руководившіе имъ мотивы были слишкомъ сильны, его желаніе завоеваній черезъ-чуръ пламенно, а вѣра въ свою правоту и божественное покровительство слишкомъ безусловна, чтобы колебаніе было продолжительнымъ, и именно теперь, когда онъ принялъ окончательное рѣшеніе вопреки осторожныхъ совѣтовъ министровъ; когда онъ одинъ взялъ на себя иниціативу того, что всѣмъ казалось скачкомъ въ неизвѣстность, императоръ былъ правъ и неожиданное стеченіе обстоятельствъ явилось ему на помощь для осуществленія его мечты [1].

Прежде всего смерть персидскаго царя, освободивъ имперію отъ непримиримаго противника, дала возможность Юстиніану возстановить миръ на Востокѣ, столь необходимый для его западныхъ предпріятій. Преемникъ Кабада, гордый Хозрой Ануширванъ, встрѣтилъ нѣкоторыя затрудненія къ полученію отцовскаго наслѣдства; онъ чувствовалъ вокругъ себя глухой ропотъ недовольныхъ, завязывающіяся темныя интриги и его недостаточно упроченная власть подвергалась опасности вслѣдствіе разнаго рода заговоровъ. Для него тоже была нѣкоторая выгода въ прекращеніи

1. Ср. *Diehl*, L'Afrique bezantine, стр. 7—8.

борьбы, которая уже въ теченіе пяти лѣтъ свирѣпствовала на Востокѣ. Слѣдуя совѣтамъ своей матери, тайной христіанки, онъ проявилъ бо́льшую, чѣмъ его отецъ, сговорчивость и податливость на предложенія императора; изъ этого обоюднаго желанія возникъ «вѣчный міръ», заключенный въ 532 году между обоими государствами [1]. Для римлянъ онъ совсѣмъ не былъ славнымъ, но Юстиніанъ не считалъ, что покупаетъ его слишкомъ дорого, хотя бы даже цѣною довольно унизительныхъ уступокъ, потому что онъ давалъ полную волю его честолюбивымъ замысламъ, уносившимъ его на Западъ.

Съ другой стороны несомнѣнно, что эти, считавшіяся столь грозными, варварскія королевства пришли въ значительный упадокъ послѣ своего былого величія. Отъ соприкосновенія съ римской цивилизаціей, въ разслабляющемъ южномъ климатѣ, вандальскіе и остготскіе воины быстро утратили свою первоначальную энергію. Въ Африкѣ эта, нѣкогда непобѣдимая, армія и наводившій страхъ на Средиземномъ морѣ флотъ не оправдывали болѣе опасеній, которыя они еще внушали византійцамъ. Вандальскіе солдаты не были даже способны подавить надлежащимъ образомъ возстанія берберійскихъ племенъ; и, къ довершенію несчастья, въ этомъ уже умалившемся и обезсилѣвшемъ народѣ, ненавидимомъ своими римскими подданными, тревожимомъ туземными вассалами, междоусобныя распри породили глубокія раздѣленія на партіи; даже среди самихъ вандаловъ находились люди, которые вели интриги въ Константинополѣ и всячески желали вызвать вмѣшательство императора [2].

Положеніе Италіи было не менѣе благопріятно для плановъ Юстиніана. Тамъ тоже раздоры среди остготовъ работали въ пользу императора. Образовалась аріано-готская реакція противъ государей, подозрѣваемыхъ въ чрезмѣрной склонности къ римскимъ традиціямъ, и Амалазунта, дочь великаго Теодориха, подверглась грубымъ оскорбленіямъ и угрозамъ со стороны своихъ подданныхъ-варваровъ [3]. Подобно Гелимеру въ Африкѣ, Теодатъ воспользовался этимъ неудовольствіемъ въ своихъ властолюбивыхъ цѣляхъ и вскорѣ мѣстная революція усугубила междоусобія на полуостровѣ [4].

1. Bell. Pers., стр. 114.

2. *Diehl*, L'Afrique byzantine, стр 8—9.

3. Bell. Goth., стр. 13—14. Ср. *Hartmann*, loc. cit., I, стр. 230—241.

4. *Hartmann*, loc. cit., стр. 248—250.

Въ виду населенія, нерасположеннаго къ остготамъ, и открытой враждебности къ нимъ православной церкви, послѣдніе своими внутренними распрями лишали себя единственнаго, еще остававшагося у нихъ шанса на спасеніе, и не смотря на ихъ храбрость и энергію, которую они лучше сохранили, чѣмъ вандалы, они также, подобно послѣднимъ, были заранѣе осуждены на пораженіе.

Юстиніанъ все это зналъ. Съ самаго восшествія своего на престолъ онъ внимательно слѣдилъ за дѣлами Африки и Италіи и его искусная дипломатія безъ устали старалась еще болѣе разжигать эти междоусобія [2]. Онъ зналъ, что варвары не станутъ дѣйствовать за одно противъ общаго врага, что остготы, разсорившіеся съ вандалами, допустятъ, безъ вмѣшательства съ своей стороны, сокрушить своихъ сосѣдей и даже будутъ способствовать этому сокрушенію; что православные франки, издавна враждебные остготамъ, ничего не сдѣлаютъ для ихъ спасенія и будутъ даже, если имъ хорошо за это заплатить, союзниками имперіи; что вестготы слишкомъ удалены и не станутъ серьезно вмѣшиваться въ борьбу, и увѣренный, такимъ образомъ, что разобьетъ порознь своихъ противниковъ, исполненный вѣры въ правоту своего дѣла и Божье покровительство, императоръ бодро началъ свое, по его мнѣнію, благочестивое предпріятіе. Къ тому же, къ столькимъ козырямъ, соединеннымъ въ его рукѣ, у него была еще одна и самая крупная карта: страшная военная сила въ видѣ византійской арміи и ея начальниковъ.

55. Обломки такъ называемой золотой брони Теодориха (Равенскій музей).

2. Въ 530 году византійская партія въ Римѣ пыталась провести на папскій престолъ противъ Бонифація II александрійскаго дьякона Діоскора. См. *Duchesne*. La succession du pape Félix IV (Mél. de l'Ecole de Rome, 1883).

ГЛАВА II.

Военное дѣло.

Византійская армія.

При изученіи военнаго дѣла во времена Юстиніана, прежде всего поражаетъ одинъ фактъ: численная слабость войскъ, завоевавшихъ Африку и Италію. Для уничтоженія государства вандаловъ было достаточно 15.000 человѣкъ[1]; при нападеніи на государство остготовъ Велизарій имѣлъ еще менѣе войска: онъ повелъ съ собою только 7.500 солдатъ и свою личную гвардію, что въ совокупности давало всего отъ 10 до 11.000 человѣкъ [2], и съ такою горстью людей онъ покорилъ Сицилію, занялъ южную Италію, взялъ Неаполь и Римъ. Несомнѣнно, что во время осады Рима къ нему пришли подкрѣпленія, сначала 1600 человѣкъ, потомъ—4800; несомнѣнно также, что, сдѣлавъ чрезвычайное усиліе, Юстиніанъ послалъ въ Италію Нарзеса со второю арміею, состоявшею изъ 7000 человѣкъ [3]; такимъ образомъ всѣ эти подкрѣпленія составляютъ 15.000 солдатъ и, слѣдовательно, въ концѣ концовъ отъ 25 до 30.000 войска было достаточно, чтобы одолѣть сопротивленіе остготовъ и уничтожить государство Теодорика [4]. Поэтому, прежде чѣмъ изложить исторію войнъ Юстиніана, полезно познакомиться съ тѣмъ, что представляла изъ себя эта византійская армія, которая, будучи столь немногочисленною, была способна на такія дѣла, и какова была та удивительная военная организація, которая дала такіе великіе результаты.

1. Bell. Vand., 358. Ср. *Diehl*, L' Afrique byzantine, стр. 16—17.

2. Bell. Goth., 26.

3. Bell. Goth., 125, 163—164, 199.

4. Не слѣдуетъ забывать того громаднаго усилія, которое было сдѣлано для окончанія завоеванія. Точная цифра арміи Нарзеса неизвѣстна, но она была значительна, и въ арміи насчитывалось болѣе 30000 человѣкъ (Bell. Goth., 598, 599, 618). Но въ это же время отъ прежней арміи Велизарія не оставалось ничего, или почти ничего.

I.

Составъ арміи былъ довольно своеобразенъ. Если отдѣлить такъ называемыхъ **limitanei**, набиравшихся изъ среды пограничнаго населенія, то въ ней нельзя уже найти войскъ, составленныхъ изъ обитателей самой имперіи. Конечно, существовали еще легіоны, старые римскіе полки, пополнявшіеся изъ дикихъ крестьянъ Иллиріи и Ѳракіи или изъ горныхъ племенъ Исавріи, Пизидіи и Ликаоніи, но такіе случайные полки имѣли очень ничтожное значеніе, такъ какъ въ нихъ входили несчастные люди, оторванные отъ своего плуга и едва умѣвшіе сражаться [1]. Поэтому для надлежащей силы арміи къ ея кадру постоянныхъ войскъ необходимо было прибавлять другіе, болѣе крѣпкіе и выносливые элементы. Ихъ находили среди той массы варваровъ, которые бродили по всѣмъ границамъ имперіи и всегда были готовы продать свои услуги тѣмъ, кто желалъ ихъ купить. Подъ названіемъ **федератовъ** [2] Византія вербовала этихъ наемниковъ и формировала изъ нихъ полки, а такъ какъ она набирала ихъ отовсюду, то подъ знаменами базилевса образовывалась настоящая мозаика народовъ. Гуны, гепиды, герулы, вандалы, готы и лангобарды, анты и славяне, персы, армяне, кавказскіе народцы, сирійскіе арабы, африканскіе мавры, очень часто находившіеся подъ предводительствомъ начальниковъ изъ своей расы, встрѣчались въ арміи Юстиніана и являлись въ ней представителями всѣхъ варварскихъ народовъ [3]. Наконецъ былъ еще одинъ элементъ, входившій въ византійскія силы. Въ VI вѣкѣ было постояннымъ обычаемъ, чтобы каждый генералъ, имѣлъ у себя на службѣ извѣстное число вооруженныхъ людей, связанныхъ съ нимъ клятвою вѣрности, сражавшихся бокъ съ нимъ и которыхъ онъ содержалъ и платилъ имъ жалованье [4]. Число такихъ ὑπασπισταί, какъ ихъ называли, колебалось въ зависимости отъ значе-

1. Bell. Pers., 90, 95—96; *Malalas*, 445; Nov. 25. Лѣтописи называютъ эти регулярныя войска στρατιῶται ἐκ καταλόγου (B. G., 26, 618).

2. См. Bell. Vand., 358, Bell. Goth., 478.

3. Bell. Pers., 62—63 (герулы, гуны); 39—40, 215—216 (готы); 235 (персы), 77—78 (тцаны) и т. д. О составѣ персидской арміи въ 541 г. (Bell. Pers., 244), италійской въ 533 г. (Bell. Goth 26), въ 551 г. (id., 598—599).

4. См. *Benjamin*, De Justiniani aetate questiones militares.

нія даннаго лица, но было не рѣдкостью, что оно достигало нѣсколькихъ тысячь. У Велизарія ихъ было 2000 въ Африкѣ и 7000 въ Италіи [1]; соотвѣтственное число имѣли другіе начальники. Вотъ эти именно люди, обладавшіе хорошими качествами и беззавѣтно преданные своему начальнику, который платилъ имъ, и составляли положительно лучшую часть императорской арміи.

Понятно, что такіе отряды, испытанные въ сотняхъ боевъ, представляли превосходныхъ солдатъ, а ихъ вооруженіе придавало имъ чрезвычайную крѣпость [2]. Византійскій пѣхотинецъ носилъ броню и металическіе набедренники, подъ которыми была надѣта кольчуга толщиною почти въ два сантиметра; на головѣ у него была металлическая каска съ длиннымъ наконечникомъ на верху, а для прикрытія у него былъ огромный щитъ, величиною въ 1 метръ 62 сантиметра въ діаметрѣ. Оружіе его состояло изъ меча, шлема и колчана; кромѣ того половина пѣхоты имѣла еще пики, а нѣкоторое число солдатъ было снабжено крѣпкими обоюдоострыми топорами [3]. Кавалерія была одѣта не менѣе тяжело: и человѣкъ и лошадь были закованы въ желѣзо. На голову лошади надѣвался металлическій налобникъ, а передъ тщательно прикрывался кирасою. Кавалеристъ одѣвался въ стальную броню, имѣлъ щитъ, а на головѣ — высокую

56. Пиксида (VI-го вѣка) изъ слоновой кости. (Собраніе въ Сансѣ).

1. B. V., 360; B. G., 282—283; B. P., 126—127.

2. О византійскомъ оружіи см. Nov. 85. 4; каждый numerus имѣлъ своихъ оружейниковъ (Nov., 85, 1).

3. *Анонимъ*, О тактикѣ, XVI, XXVII 4, XXXVI, 1, XVIII 10. См. Strategika приписываемыя императору Маврикію (изд. Шеффера), стр. 301—305.

каску, украшенную султаномъ; оружіе его было: мечъ, копье, лукъ и колчанъ[1]. Наконецъ, наряду съ линейными войсками и тяжелыми полками катафракторовъ, въ византійской арміи имѣлись еще пѣхота и легкая кавалерія, не такъ тяжело вооруженные и сохранявшіе, особенно если они были составлены изъ иностранныхъ наемниковъ съ ихъ первобытнымъ и легкимъ вооруженіемъ, живописный костюмъ того варварскаго народа, изъ котораго они брались[2]. Однако, эти полки повидимому несли главнымъ образомъ развѣдочную службу, а въ сраженіяхъ играли довольно второстепенную роль[3].

Въ общемъ, византійское орудіе войны не было достаточно подвижно. Пѣхота двигалась нѣсколько медленно, но за то она представляла испытанную крѣпость[4]. Ея карэ держались, какъ скала, при атакахъ легкой персидской кавалеріи и никогда не прорывались. Византійская кавалерія, болѣе многочисленная, чѣмъ пѣхота, была прекраснаго качества и ея натискъ при атакѣ былъ неудержимъ[5]. Наконецъ, самая тактика, примѣнявшаяся въ VI вѣкѣ, придавала этимъ войскамъ особую силу. Пѣхотинцы и кавалеристы всѣ одинаково были вооружены луками, и стрѣлокъ дѣлался дѣйствительнымъ господиномъ битвы[6]. Конечно, нѣкоторые изъ тогдашнихъ писателей порицали этотъ новый способъ вооруженія и находили, что онъ портитъ старинныя военныя качества римскаго солдата[7]; но тѣмъ не менѣе трактаты того времени о тактикѣ показываютъ, что обученіе людей было рѣшительно направлено въ эту сторону. Ихъ учили стрѣлять пѣшими и на лошади, стрѣлять мѣтко, сильно и быстро, и дѣйствительно достигали того, что стрѣлы византійскихъ стрѣлковъ пріобрѣтали поразительную силу удара[8]. Превосходя персидскихъ стрѣлковъ, они, по признанію Велизарія, обезпечили ему также успѣхъ и въ войнѣ съ готами. Несомнѣнно, что эти усовершенствованія имѣли свои недостатки; привыкнувъ сражаться главнымъ образомъ на нѣкоторомъ

1. *Anon.*, XVII. Ioh., IV, 480—501. Strategica, стр. 20—23.

2. B. P., 206.

3. *Anon.*, XXXII, 6, 7; XXXV, 4.

4. B. P., 96—97.

5. См. B. G., 132—133, когда Велизарій посадилъ на лошадей большую часть своей пѣхоты.

6. B. P., 11—13, 94—95; B. G., 105—106.

7. B. P., 11, 12, 13.

8. Объ этомъ существуетъ спеціальный трактатъ περὶ τοξείας (*Köchly und Rüstow*, Griech. Kriegsschriftsteller, II, 2, стр. 198—200). См. также Strategika, стр. 18—19.

разстояніи, пѣхотныя войска нѣсколько опасались непосредственной встрѣчи съ противникомъ, такъ что приходилось прикрывать рогатками фронтъ полковъ, укрѣплять углы каре машинами и возможно тщательно укрывать пѣхотинцевъ за укрѣпленіями, гдѣ они могли съ большимъ хладнокровіемъ дѣйствовать своимъ оружіемъ [1]. Но кавалерія, благодаря своему вооруженію, была несравненна, будучи способна одновременно и разстраивать непріятеля, издали дѣйствуя своими стрѣлами, и врубаться въ него силою своихъ атакъ; поэтому ея одной было достаточно для выигрыша сраженій [2].

II.

Такимъ образомъ, по своему составу, вооруженію и тактикѣ, армія была превосходна; посмотримъ теперь каковъ былъ ея духъ, и въ этомъ отношеніи ея качества и недостатки могутъ быть опредѣлены однимъ словомъ: они соотвѣтствовали арміи наемниковъ [3].

Храбрость этихъ людей была неоспорима, часто даже выше всякой похвалы; варвары наслаждались войною и ихъ подвиги—чудесны [4]; но эти, не имѣвшіе отечества, искатели приключеній думали, что война должна питать войну; поэтому ихъ появленіе было бичемъ для той страны, которою они проходили, безразлично—какъ друзья, или какъ враги [5]. Постоянно, даже наканунѣ битвы, они отправлялись на мародерство или грабежъ и начальникамъ приходилось дѣлать все возможное, чтобы добиться хотя бы очень относительной умѣренности. Приведемъ одну картину изъ тысячи другихъ, заимствованную нами у одного изъ историковъ того времени: «Забывая опасность битвы, солдаты думали только о добычѣ. Безъ начальниковъ, безъ всякаго порядка, не соблюдая никакихъ ранговъ, они шли впередъ, не получивъ лозунга, который обыкновенно давался при подобныхъ обстоятельствахъ, и безъ соблюденія правильнаго строя. Носиль-

1. B. G., 132—133. Ср. трактатъ *Урбицiуса*, написанный въ VI вѣкѣ, а также Strategika, стр. 366—368.

2. О вооруженіи и тактикѣ византійскихъ армій въ VI вѣкѣ, см. *Diehl*. l'Afrique byzantine, стр. 53—58.

3. См. *Finlay*, Hist. of Graece, éd. Tozer, I, 203—212.

4. B. V., 401—402; B. G., 513—515, когда престарѣлый семидесятилѣтній Бессасъ проявилъ героическую храбрость.

5. Ср. Nov. 130.

щики шли смѣшавшись съ солдатами, увлекаемые приманкою богатствъ, которыя должны были удовлетворить ихъ алчность» [1].

Но это еще не все. Отъ этихъ грубыхъ воиновъ, жаждущихъ золота, вина и женщинъ, можно было всегда опасаться какой нибудь неожиданной выходки. Подобно тому, какъ забота о добычѣ была для нихъ главнымъ дѣломъ,— желаніе наживы и склонность къ пьянству заставляли ихъ забывать дисциплину. Основнымъ недостаткомъ византійскихъ армій было чудовищное отсутствіе дисциплины, почти вошедшее въ поговорку. «Своею храбростью и тѣлесною силою, говорилъ Велизарій своимъ солдатамъ, вы много выше вашихъ противниковъ, но вы уступаете имъ только въ одномъ,-въ томъ, что вы не умѣете повиноваться вашимъ начальникамъ» [2]. Федераты въ особенности предъявляли неслыханныя требованія. Подъ предлогомъ, что они союзники, а не подданные императора, а также въ силу данныхъ имъ особыхъ привилегій, они требовали, чтобы съ ними обращались согласно обычаямъ ихъ варварскаго народа и освобождали отъ правилъ общей дисциплины [3]. По ихъ примѣру и вся армія требовала свободы и безнаказанности. Приказы начальниковъ оспаривались и открыто не признавались. Однажды Велизарій вынужденъ былъ открыть имъ свой планъ кампаніи, чтобы только солдаты согласились идти на битву [4]. Въ другой разъ, наканунѣ сраженія, солдаты разошлись, не желая ничего слушать. Иногда они сами начинали битву, не

57. Пиксида (VI-го вѣка) изъ слоновой кости (Собраніе въ Сансѣ).

1. B. P., 264.
2. Id., 69.
3. B. V., 386.
4. B. P., 220.

ожидая сигнала, а иногда безъ зазрѣнія совѣсти оставляли своихъ начальниковъ въ моментъ опасности. У нихъ не было никакого уваженія къ власти; по ничтожному поводу офицеры и даже генералы подвергались оскорбленіямъ, угрозамъ смерти или обвиненіямъ въ трусости [1]. Напримѣръ, Велизарій преслѣдуетъ персовъ; армія утомлена дорогою, истощена постомъ; битва безполезна, потому что непріятель отступаетъ, но войска настойчиво желаютъ сражаться и Велизарій вынужденъ уступить и вступить въ сраженіе [2]. Наконецъ, въ этихъ полкахъ наемниковъ нѣтъ ни чувства патріотизма, ни привязанности къ своему знамени. Ища только случая обогатиться, идя изъ жажды къ добычѣ, они не были недоступны измѣнѣ. Два раза предатели открывали ворота Рима Тотилѣ [3], и большая часть этихъ людей ежеминутно была готова или продаться тому, кто больше даетъ, или дезертировать, если запаздывала раздача жалованья [4], и, вмѣсто строгаго наказанія бунтовщиковъ, нужно было вести съ ними переговоры и идти на сдѣлки.

Примѣромъ этому можетъ служить то, что произошло при Трикамарумѣ [5]. Во время битвы союзные гуны держались въ сторонѣ въ ожиданіи куда повернется счастье, чтобы стать на сторону побѣдителя [6]. Послѣ сраженія вся армія разбрелась на грабежъ и въ теченіе всей ночи происходилъ неописуемый безпорядокъ, при которомъ никто не слушался голоса начальниковъ, не признавалъ дисциплины, и солдаты, опьяненные добычею, заботились только о своихъ дѣлахъ. Даже избранные войска заразились этимъ примѣромъ, такъ что почти во мгновеніе ока вся побѣдоносная армія какъ бы испарилась и Велизарій въ теченіе всей ночи оставался почти одинъ, тщетно стараясь собрать свои полки [7].

Таковъ былъ византійскій воинъ на полѣ сраженія; послѣ битвы—онъ былъ еще хуже. Совершивъ первый походъ, солдатъ желалъ спокойно пользоваться пріобрѣтенными богатствами и намѣревался удобно расположиться въ завоеванной странѣ. Если же возникалъ вопросъ объ организаціи

1. См. *Diehl*, L'Afrique byzantine, стр. 27—30, 336—337, гдѣ мною собрано много подобныхъ примѣровъ.

2. B. P., 93.

3. B. G., 360—362, 433.

4. B. P., 186; B. G., 320—321.

5. Трикамарумъ или Трикамеронъ—городъ въ Африкѣ, въ 32 километрахъ отъ Карѳагена. Въ 534 г. Велизарій одержалъ близъ этого города рѣшительную побѣду надъ Гелимеромъ королемъ вандаловъ. *Перев.*

6. B. V., 416, 420—421.

7. Id. 423—425.

новой экспедиціи, то люди эти жаловались на перенесенные труды, на недостаточность жизненныхъ припасовъ, на суровость климата. По самому ничтожному поводу они заподозрѣвали своихъ генераловъ въ желаніи отнять ихъ долю добычи и при первомъ же сраженіи они мстили за предполагаемое зло тѣмъ, что дурно сражались. Всякая сколько нибудь тяжелая служба, всякое усиліе, требовавшее настойчивости, имъ надоѣдали и, понятно, что такая испорченная армія легко переходили въ открытое возмущеніе [1].

Велизарій покорилъ Африку; его преемнику Соломону нужно было закончить умиротвореніе. Очень строгій въ отношеніи службы и требовательный къ войскамъ, онъ вызвалъ общее неудовольствіе въ арміи. Утомленіе отъ предшествующихъ кампаній, перспектива новаго и труднаго похода не нравилась солдатамъ. Происшедшее запозданіе въ уплатѣ жалованья еще больше усилило ихъ недовольство; они стали жаловаться, что были обмануты при раздѣлѣ добычи. Наконецъ, даже старанія Соломона преобразовать провинцію и ввести въ ней имперскіе законы обратились противъ него. Солдаты, заключивъ браки съ женами побѣжденныхъ, потребовали часть земель вандаловъ. Съ другой стороны, примѣненіе законовъ противъ диссидентовъ возбуждало раздраженіе другого рода: множество аріанъ, служившихъ въ арміи, прислушивались къ жалобамъ своихъ гонимыхъ единовѣрцевъ. Все это вызывало сильное волненіе въ лагеряхъ, и тѣмъ свободнѣе, что между главными начальниками открыто существовало глубокое несогласіе и солдаты могли надѣяться найти даже въ главномъ штабѣ опору противъ главнокомандующаго [2].

Дѣло происходило въ 536 г. Возникъ громадный заговоръ: предполагалось воспользоваться праздниками Пасхи для убійства патриція въ одной изъ карѳагенскихъ церквей. Успѣхъ казался тѣмъ болѣе обезпеченъ, что въ заговорѣ участвовали ближайшіе къ Соломону люди. Удивительно то, что тайна была тщательно сохранена. Однако въ послѣдній моментъ заговорщики поколебались: они откладывали исполненіе его въ теченіе двухъ дней, а затѣмъ, боясь быть преданными, покинули Карѳагенъ. Но вскорѣ по ихъ примѣру возстали другіе полки. Тщетно Соломонъ посылалъ ихъ

1. B. V., 478, 482. Ср. B. P., 137—138, гдѣ разсказывается о военномъ возстаніи, вспыхнувшемъ въ Дара около 534 г.

2. См. мою l'Afrique byzantine, стр. 75—77.

увѣщевать: они даже провозгласили своимъ начальникомъ офицера, которому было поручено ихъ успокоить. Затѣмъ они двинулись на дворецъ, разломали ворота и вскорѣ безпорядки и убійства распространились на весь городъ. Грабежъ прекратился только тогда, когда усталость и опьяненіе пересилили злобу войскъ. Соломонъ избѣжалъ смерти только тѣмъ, что спрятался въ дворцовой церкви и бѣжалъ ночью въ сопровожденіи всего шести человѣкъ. Возстаніе восторжествовало; и какъ разъ въ то время, когда африканскіе туземцы поднялись противъ императорской власти, армія начала въ этой провинціи нескончаемое междоусобіе [1].

Чтобы держать въ порядкѣ такихъ людей, нужны были энергическіе, справедливые и усердные офицеры [2], но большая часть ихъ была такіе же варвары, какъ и ихъ солдаты, и стоили столько же, какъ и эти послѣдніе. Одинаково жаждущіе обогатиться, они такъ же участвовали въ грабежахъ и первые давали имъ примѣръ, истощая населеніе поборами и вызывая въ немъ ненависть къ византійской власти. Именно этимъ путемъ они въ Азіи довели лазовъ, до тѣхъ поръ остававшихся вѣрными, до того, что они отдались персамъ [3], а въ Италіи ихъ грабежъ вызывалъ сожалѣніе о владычествѣ готовъ [4]. Въ теченіе войны ихъ поведеніе было еще хуже. Нѣкоторые изъ нихъ открыто не повиновались и, не заботясь о главной арміи, завязывали стычки съ авангардами непріятеля [5]. Одни напивались пьяными, когда нужно было выступать, или вступали въ споры, когда нужно было сражаться [6]; другіе задумывали измѣну и подъ рукой вели переговоры съ непріятелемъ [7]. Въ особенности всѣ завидовали другъ другу: иные пользовались неудовольствіемъ солдатъ, чтобы удовлетворить свое честолюбіе, а другіе нарочно предоставляли усиливаться нарушеніямъ дисциплины, такъ какъ это парализовало и портило положеніе главнокомандующаго. Даже ближайшіе къ послѣднему лица интриговали противъ него или посылали въ Константинополь доносы, которые всегда находили тамъ хорошій пріемъ [8]. Иногда раздоры доходили до такой степени, что офицеры ни предъ

1. См. B. V., 471—474, и мою Afrique byzantine, стр. 77—79.

2. Объ офицерахъ въ византійскихъ войскахъ см. Nov. 130, 1 и 6; 117, 11; 116, 1 и 117, 11 (foederati).

3. B. P., 218.

4. B. G., 312.

5. B. V., 393—394, 385—386.

6. Id., 426—427, 389.

7. Id. 412, 515—516.

8. Id., 441. См. Afrique byzantine, стр. 28, 46, 75—76, 337.

чѣмъ не останавливались: не довольствуясь взаимной бранью и тѣмъ, что громко обзывали другъ друга трусами и негодяями, они вступали въ открытую борьбу [1]. Одни, чтобы сдѣлать непріятность главнокомадующему, отказывались сражаться и безучастно смотрѣли на разореніе страны [2], другіе не дѣлали ни одного шагу для того, чтобы ихъ соперникъ, котораго они ненавидѣли, потерпѣлъ неудачу и былъ уничтоженъ [3]. Примѣръ этому подавали наиболѣе важные начальники. Въ 538 г. въ помощь Велизарію былъ посланъ въ Италію Нарзесъ. Очень скоро между генералами возникло несогласіе относительно веденія военныхъ операцій и вся армія приняла участіе въ немъ, раздѣлившись между двумя военачальниками. Друзья Нарзеса говорили ему, что — стыдъ для него, человѣка близкаго императору и его довѣреннаго, занимать второе мѣсто, и открыто звали его покинуть Велизарія, обѣщая, что лучшая часть армія пойдетъ за нимъ, когда онъ отдѣлится. Нарзесъ, уже завидовавшій своему сопернику, поддался этимъ совѣтамъ, предъявилъ бумагу Юстиніана, въ которой послѣдній предоставлялъ ему дѣйствовать къ наибольшему благу имперіи, и сослался на нее, какъ на предлогъ, чтобы отдѣлиться отъ главной арміи. Напрасно Велизарій упрашивалъ его исполнить свой долгъ, помѣшать возмущенію и удаленію массы войска,—Нарзесъ не захотѣлъ ничего слушать. Потребовалось вмѣшательство самого Юстиніана; чтобы кончить это дѣло, онъ отозвалъ Нарзеса въ Константинополь, а между тѣмъ въ теченіе всего этого времени завоеваніе Италіи не подвинулось ни на одинъ шагъ [4]. Такимъ образомъ, даже передъ лицомъ грознаго непріятеля, византійскій лагерь былъ полонъ интригъ и заговоровъ, и понятно, что въ такой недисциплинированной и алчной арміи открывалось широкое поле для всякаго рода смутъ и бунтовъ.

Приведемъ еще одинъ примѣръ изъ тысячи. Это было въ 543 г. Императорскія войска овладѣли персидскою Арменіею и предполагали напасть на крѣпость Англонъ, находившуюся на нѣкоторомъ разстояніи отъ Дубіоса (Довина). Какъ и всегда, генералы не были согласны между собою и безпрерывно ссорились, а плохо сдерживаемые солдаты раздѣлились на мелкіе отряды и грабили страну [5]. Все вело

1. B. P., 230—231; B. G., 210 и слѣд.
2. B. V., 506, 513.
3. Id., 514.
4. B. G., 217—221, 222, 235.
5. B. P., 264.

къ гибели. И дѣйствительно, уже въ началѣ битвы, начатой совершенно неожиданно, римскіе солдаты, по большей части новобранцы, представляли довольно жалкій видъ. Тщетно Нарзесъ, одинъ изъ византійскихъ военачальниковъ, во главѣ своихъ геруловъ стремительно напалъ на персовъ. Въ узкихъ улицахъ деревни Англонъ его воины потерпѣли страшное пораженіе, а самъ онъ — убитъ [1]. Это было сигналомъ къ отступленію. «Римляне, говоритъ Прокопій, будучи не въ состояніи сопротивляться непріятелю, обратились въ бѣгство, забывъ мужество, стыдъ и всякое доброе чувство. Всѣ, и въ особенности генералы, думая, что врагъ ихъ преслѣдуетъ, бѣжали кто какъ могъ, безъ оглядки, понукая лошадей голосомъ и бичами, бросая второпяхъ на землю свои кирасы и оружіе. У нихъ не было и мысли оказать сопротивленіе персамъ и вся ихъ надежда на спасеніе была въ ихъ ногахъ и лошадяхъ. Однимъ словомъ, это бѣгство было таково, что, можно сказать, ни одинъ конь не пережилъ его: измученныя скачкой верховыя лошади, какъ только останавливались, падали и издыхали. Никогда до тѣхъ поръ римляне не испытывали такой полной гибели [2]».

При такихъ условіяхъ и съ такими войсками въ концѣ концовъ все зависѣло отъ личности главнокомандующаго. Если онъ не нравился, казался очень требовательнымъ или строгимъ, армія отказывалась повиноваться ему или покидала его на полѣ битвы. Въ лагеряхъ интриговали противъ него или возбуждали бунты и возстанія. Войскамъ не было никакого дѣла до того, что предстояла война или нужно было защищать страну,—они тратили силу на безплодную борьбу и истощались въ междоусобныхъ войнахъ. Наоборотъ, если генералъ былъ популяренъ, если онъ былъ любимъ солдатами, онъ держалъ ихъ въ рукахъ и велъ ихъ туда, куда хотѣлъ. Къ счастью для Юстиніана, въ его царствованіе находились такіе генералы, способные проявлять непреклонную энергію или твердость съ любезностью; но прежде чѣмъ попытаться набросать ихъ портреты, нужно разсмотрѣть еще одинъ источникъ слабости византійскихъ войскъ— администрацію арміи.

---

1. B. P., 265—266.

2. B. P., 266—267; Ср. B. V., 389—390.

III.

Администрація арміи страдала тѣми же недостатками, которые мы увидимъ въ общей администраціи имперіи. Несомнѣнно, Юстиніанъ былъ полонъ благихъ намѣреній: онъ строго наказывалъ своимъ офицерамъ вести себя хорошо, никогда не пытаться наживаться за счетъ жалованья и корма своихъ людей, довольствоваться получаемымъ жалованьемъ, тщательно держать полный составъ дѣйствующихъ войскъ и заботиться о содержаніи ихъ [1]. На дѣлѣ всѣ, сверху до низу, воровали, какъ только могли. Служба продовольствія была очень плоха и самъ префектъ преторія старался выгадать въ свою пользу на поставкахъ. Служба доставки обозовъ и съѣстныхъ припасовъ [2], худо организованная, худо охраняемая, вела къ неудачѣ всякую серьезную экспедицію. Постоянное запаздываніе въ выдачѣ жалованья являлось вѣчнымъ источникомъ жалобъ, возмущеній и измѣнъ [3]. Агенты казначейства своими вымогательствами доводили солдата до нищеты, и вотъ что можно прочесть у Агаѳія: «Офицеры, на которыхъ лежала обязанность платить жалованье, считали своимъ долгомъ подъ всевозможными предлогами притѣснять солдатъ и воровать у нихъ пищу. Подобно морской волнѣ, которая приливаетъ и затѣмъ отливаетъ, серебро, присылаемое въ армію, уходитъ изъ нея и возвращается неизвѣстно какимъ путемъ къ мѣсту

58. Пиксида (VI-го вѣка) изъ слоновой кости, хранящаяся въ національномъ музеѣ во Флоренціи (Изъ соч. *Graeben'a* Frühchristliche und mittelalterliche Elfenbeinwerke aus Italien)

1. C. J., I, 27, 2, 9, 9a и 9b.
2. См. объ этихъ службахъ въ B. V., 368 (хлѣбъ для солдатъ); 369 (вода); 396 (постойные билеты); *Malalas*, 467 (склады хлѣбнаго зерна).
3. См. Nov. 147, 2. 148, 2.

своего отправленія»[1]. Самъ императоръ кончитъ тѣмъ, что допустилъ себя увлечь общею заразою; онъ старался извлечь деньги изъ военнаго управленія, и тогда послѣдствія такого образа дѣйствій стали еще болѣе тяжелыми[2].

Юстиніанъ началъ съ увеличенія арміи[3], но непрерывныя войны, содержаніе войскъ и постройка крѣпостей стоили дорого, а потому старались сократить расходы и тогда дѣйствительный составъ армій былъ уменьшенъ; стали отказывать въ увеличеніи жалованья и много солдатъ было вычеркнуто изъ списковъ[4]. И результатомъ этого было то, что въ 541 г. армія, посланная въ Персію, была составлена, говоритъ Прокопій, изъ солдатъ дурно одѣтыхъ, по большей части не имѣвшихъ оружія и дрожавшихъ при одномъ имени персовъ[5]. Итальянская война тянулась въ теченіе десяти лѣтъ и неудачи въ ней всегда слѣдовали за побѣдами. Но этого мало: на границахъ имперіи такъ-называемые limitanei, составлявшіе особый корпусъ, были дезорганизованы и оставлены безъ денегъ[6]. Вообще, къ концу царствованія Юстиніана армія находилась въ полномъ упадкѣ. Вмѣсто 645000 человѣкъ, которые должны были въ ней состоять, едва насчитывалось 150000, разсѣянныхъ по всѣмъ границамъ[7]. Укрѣпленія оставались безъ гарнизоновъ, а солдаты, вынужденные для своего существованія нищенствовать, напереръвъ дезертировали[8]. «Въ виду отсутствія всего необходимаго, говорится въ одномъ офиціальномъ документѣ, армія до такой степени разстроена, что государство было предоставлено безпрерывнымъ нападеніямъ и обидамъ со стороны варваровъ»[9].

Чтобы знать, что сдѣлалось при такихъ военныхъ обычаяхъ и подобныхъ административныхъ порядкахъ съ такою прекрасною арміею, какой обладалъ Юстиніанъ въ началѣ своего царствованія, нужно прочесть письмо Велизарія, посланное имъ императору въ 544 г.; оно достаточно характерно. «Я прибылъ въ Италію, пишетъ генералъ, безъ солдатъ, безъ

1. *Agath.*, 307.

2. Hist. arc., 132—138.

3. De Just. cod. conf., praef.: militaria quidem agmina multiplicibus et omnem providentiam continentibus modis correximus, tam veteribus ad meliorem statum brevi tempore reductis, quam novis non solum exquisitis, sed etiam recta dispositione nostri numinis sine novis expensis publicis constitutis. Ср. C. J., I, 29, 5.

4. Hist. arc., 124, 132—135.

5. B. P., 222. Относительно кампаніи 540 г., см. id., 177.

6. Hist. arc., 135.

7. *Agath.*, 305—306.

8. Id., 306—307.

9. Nov. 148, praef.

лошадей, безъ оружія и безъ денегъ; поэтому я полагаю, что безъ такихъ рессурсовъ трудно вести войну. Проходя черезъ Ѳракію и Иллирію, я едва могъ собрать немного войска; но это—бѣдняги, не умѣющіе держать въ рукахъ оружіе и не имѣющіе никакого боевого опыта. Что же касается войскъ, которыя я нашелъ здѣсь, то они недовольны, обезкуражены, подавлены тяжестью испытанныхъ неудачъ и готовы бѣжать предъ непріятелемъ, бросивъ оружіе и багажъ. Денегъ нельзя добыть въ Италіи, такъ какъ вся она попала въ руки готовъ; и поэтому я не могу платить солдатамъ ихъ жалованья и такимъ образомъ теряю въ ихъ глазахъ всякій авторитетъ, потому что чувство должника мѣшаетъ мнѣ говорить съ ними съ надлежащею твердостью. Сверхъ того, — замѣтьте себѣ это, государь, — большая часть вашихъ солдатъ перешла подъ знамена непріятеля. Если вы думали, что для того, чтобы поправить дѣло, достаточно послать въ Италію Велизарія, это—хорошо; но если вы хотите быть побѣдителемъ, нужно нѣчто другое: генералъ безъ денегъ ничего не можетъ сдѣлать. Поэтому прежде всего нужно прислать солдатъ моей гвардіи; во-вторыхъ, нужно послать сюда достаточное число гуновъ и другихъ варваровъ и, наконецъ, денегъ, чтобы платить имъ» [1].

При такихъ условіяхъ взять на себя командованіе войсками въ VI вѣкѣ составляло уже заслугу, а тѣмъ больше—умѣть извлечь изъ него пользу. И потому генералы Юстиніана стоютъ того, чтобы заняться ими съ особымъ вниманіемъ, такъ какъ безъ нихъ, безъ ихъ высокихъ качествъ, императоръ съ его византійскими арміями, вѣроятно, ничего бы не достигъ.

IV.

Для управленія такими арміями, отсутствіе дисциплины въ которыхъ такъ легко могло дѣлаться опаснымъ, и для выполненія крупныхъ задачъ, могущихъ явиться источникомъ искушеній для тѣхъ, которымъ онѣ были поручены, Юстиніанъ, какъ извѣстно, часто обращался къ принцамъ императорскаго дома, такъ какъ они менѣе другихъ могли быть заподозрѣны. Таковы были Германосъ и его сыновья [2], Сит-

1. B. G., 325—326.
2. B. G., 455, 591—593 (Юстинъ); 451, 591—593 (Юстиніанъ).

тасъ[1] и нѣкоторые другіе[2]; но все же они не были ни самыми выдающимися генералами той эпохи, ни самыми славными. Два имени царятъ въ военной исторіи VI вѣка, два человѣка составили славу правленія Юстиніана: — Велизарій и Нарзесъ.

59. Накладка изъ слоновой кости на каѳедрѣ въ церкви св. Марка въ Градо (Археологическій музей въ Миланѣ. (Изъ соч. *Graeven'a* Elfenbeinwerke aus Italien.

Велизарій былъ героемъ царствованія: онъ былъ побѣдителемъ персовъ, вандаловъ, остготовъ, завоевателемъ Африки и Италіи. Два раза онъ былъ спасителемъ монархіи; двухъ плѣнныхъ королей повергъ онъ къ стопамъ Юстиніана. Онъ захватилъ сокровища Гензериха и Теодориха и въ нѣсколько лѣтъ удвоилъ размѣры имперіи. Наконецъ, онъ былъ надеждою для Рима, важнѣйшею опорою во всѣхъ опасностяхъ. Но это былъ герой эпохи упадка; это не былъ, какъ древніе римляне, человѣкъ цѣльный, характеръ твердаго закала. Подобные люди во всѣ времена встрѣчаются рѣдко, а тѣмъ болѣе въ такое

1. B. P., 59, 74, 107, 159, 161—162; *Malalas*, 429—430, 466; C. J., I, 29, 5.

2. Интересно также познакомиться съ личностью Іоанна Кроваваго, племянника Виталіана и зятя Германоса. Онъ былъ въ Италіи постояннымъ про-

сложное и скользкое время, какъ то, въ которомъ жилъ Велизарій. Поэтому рядомъ съ высокими качествами у него были недостойныя слабости, сдѣлки со своею совѣстью и пороки. Въ общемъ, это — несомнѣнно прекрасная фигура, но въ металлѣ, изъ котораго она была вылита, была несоотвѣтственная примѣсь[1].

Благодаря Прокопію, который былъ его секретаремъ и сопровождалъ его въ большей части его военныхъ походовъ, мы имѣемъ очень много свѣдѣній о Велизаріѣ. Быть можетъ, даже самое изобиліе подробностей, касающихся его, приводитъ къ нѣкоторому преувеличенію той роли, которую онъ игралъ при Юстиніанѣ. Во всякомъ случаѣ, его услуги были велики, но это были услуги чисто-военныя. Повидимому, у этого генерала, помимо его спеціальности, было мало собственныхъ идей и личной инвціативы; онъ прежде всего былъ исполнитель, покорное орудіе императорской политики. Это—шпага, выигрывающая битвы, но никогда не голова, соображающая и направляющая; да ею онъ никогда и не желалъ быть. Несравненный военачальникъ, онъ не былъ ни администраторомъ, ни организаторомъ; превосходный солдатъ, онъ хотѣлъ оставаться только солдатомъ; хорошій слуга, онъ ограничивалъ свою роль и свое честолюбіе тѣмъ, чтобы хорошо служить.

Сказавъ это, перейдемъ къ ближайшему ознакомленію съ этимъ человѣкомъ. Солдатъ онъ былъ превосходный, удивительно, даже безразсудно храбрый, готовый во главѣ своихъ эскадроновъ участвовать въ атакѣ, какъ простой кавалеристъ[2]. Уже въ силу одной этой отваги, онъ былъ идоломъ своихъ солдатъ; но къ этому присоединялась еще его всегдашняя щедрость. Послѣ битвы его кошелекъ былъ открытъ; отличившимся онъ выдавалъ богатыя награды, раненымъ расто-

гивникомъ Велизарія, а при дворѣ осмѣливался бравировать непріязнью Θеодоры. Занимая второстепенныя мѣста, онъ игралъ важную роль въ военныхъ дѣлахъ царствованія и представляетъ любопытный типъ византійскаго офицера, храбраго, ловкаго, энергическаго, смѣлаго и недисциплинированнаго, страшно жестокаго и баснословно честолюбиваго. Онъ женился на дочери Германоса (B. G., 326; Hist. arc., 37—38) и этотъ союзъ съ императорскою фамиліею внушилъ ему большую увѣренность въ блестящей будущности Ср. B. G., 184—185, 218, 231, 270, 386—388; Hist. arc., 37—38.

1. Ср. *Hodgkin*, Italy and her invaders, IV, 401 и слѣд.; *Dahn*, Prokopius von Cäsaraea, 310 и слѣд., и въ особенности превосходную статью *Гартманна* «Belisarios» въ Real-Encyclopädie Паули-Виссова.

2. B. G., 87—88, 93.

чалъ заботы и оказывалъ помощь; тѣмъ, кто потерялъ лошадь или оружіе, онъ выдавалъ все необходимое вооруженіе [1]. Понятно, что онъ былъ обожаемъ войсками; его гвардія гибла, чтобы только дать ему выходъ, будучи счастлива умереть за своего генерала. Солдаты были ему преданы больше, чѣмъ всякому другому начальнику. Конечно, ему было знакомо обычное отсутствіе дисциплины византійскихъ армій, и его можно упрекнуть за то, что онъ не всегда подавлялъ ее съ надлежащей энергіей [2]. Не разъ онъ вступалъ въ переговоры вмѣсто того, чтобы наказывать; уступалъ вмѣсто того, чтобы заставить повиноваться себѣ; лукавилъ, чтобы избѣжать столкновенія съ недовольными войсками и, что еще хуже, предоставлялъ своимъ офицерамъ не только интриговать противъ себя, но открыто доводить до неудачи. Въ этихъ случаяхъ, какъ и во многихъ другихъ, онъ не проявлялъ необходимой энергіи для противодѣйствія, но, можетъ быть, было трудно и дѣйствовать иначе. Тѣмъ не менѣе, благодаря такой уступчивости, онъ умѣлъ лучше, чѣмъ всякій другой генералъ, извлекать возможную пользу отъ своихъ солдатъ и достигать съ ними великихъ результатовъ. Несмотря на затрудненія, которыя онъ иногда испытывалъ при исполненіи своихъ обязанностей главнокомандующаго, онъ внушалъ довѣріе своимъ войскамъ; его присутствіе казалось имъ залогомъ успѣха, а имя сулило побѣды. «Римляне, замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ Прокопій, держались за своими окопами; Хозрой съ сильною арміею расположился на византійской землѣ. Вдругъ изъ Византіи появляется Велизарій съ отрядомъ войска, смѣло становится передъ арміею великаго царя, и тотчасъ этотъ послѣдній останавливается и затѣмъ начинаетъ отступленіе» [3]. Такъ велика была слава патриція. Провинціалы обожали его за умѣренность, которой онъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ, за заботливость, съ которою онъ охранялъ жатвы и плоды, и за вниманіе, съ какимъ онъ оплачивалъ реквизиціи [4]. Болѣе того— и, быть можетъ, это лучшая честь, оказанная ему—онъ внушалъ врагамъ такое восхищеніе, что готы предложили ему быть ихъ королемъ; таково впечатлѣніе, производившееся его храбростью и высокими качествами на варваровъ, хорошихъ знатоковъ военнаго дѣла [5]. И по ихъ примѣру всѣ

1. B. G., 281.
2. B. V., 301—302, 304.
3. B. P., 238.
4. B. G., 281—282.
5. Id., 272.

бывшіе наканунѣ его противниками, старались сдѣлаться, если не его подданными, то самыми вѣрными слугами: въ его гвардіи были представители всѣхъ націй, которыя онъ побѣдилъ,—вандалы и мавры, персы и остготы[1].

Въ качествѣ главнокомандующаго, Велизарій обладалъ нѣкоторыми свойствами великаго генерала, хладнокровіемъ, предусмотрительностью, удивительною плодовитостью въ изысканіи рессурсовъ, придумываніемъ искусныхъ комбинацій, удивительнымъ упорствомъ, большою опытностью и достаточнымъ знаніемъ военнаго дѣла[2]. Превосходный тактикъ, не столько стратегъ, сколько искусно умѣвшій маневрировать,—онъ старался ничего не предоставлять случаю. Онъ любитъ зрѣло обдуманные планы, постепенно приводимые въ исполненіе рядомъ методически выполненныхъ операцій, и питалъ отвращеніе къ смѣлымъ ударамъ, къ рискованнымъ нападеніямъ, неожиданно поражающимъ непріятеля въ его слабомъ мѣстѣ. Быть можетъ, онъ не обладалъ яснымъ и быстрымъ взглядомъ великаго полководца, который видитъ и схватываетъ рѣшительный моментъ, не обладалъ той смѣлой и плодотворной иниціативой, которою былъ одаренъ въ высокой степени его соперникъ Нарзесъ. И дѣйствительно, онъ совершилъ не мало серьезныхъ промаховъ въ теченіе своей карьеры. Въ Африкѣ у него была такъ плоха развѣдочная служба, что въ двухъ рѣшительныхъ битвахъ онъ былъ захваченъ непріятелемъ врасплохъ. Онъ настолько дурно разсчитывалъ движенія, что его пѣхота всегда являлась слишкомъ поздно, и проявлялъ въ нѣкоторыхъ вещахъ странное для главнокомандующаго невѣжество[3]. Особенно, при какомъ-нибудь неожиданномъ событіи онъ легко терялся и падалъ духомъ; во время бунта Ника былъ моментъ, когда онъ считалъ дѣло проиграннымъ, и только Юстиніанъ придалъ ему бодрость[4]. Во вторую итальянскую войну онъ рѣшительно оказался ниже своей задачи: вмѣсто того, чтобы броситься къ Риму, онъ расположился лагеремъ въ Равеннѣ; когда же захотѣлъ уничтожить блокаду Рима, то потерялъ все вслѣдствіе недостатка хладнокровія. Прокопій, который не принадлежитъ къ его хулителямъ, признается, что иногда

1. B. G., 281.

2. Id., 282. Анонимный авторъ «Тактики» въ одномъ интересномъ мѣстѣ въ подкрѣпленіе своихъ указаній приводитъ примѣръ Велизарія (*Anon.*, XXXIII, 8).

3. B. V., 383—388, 390. См. также Afrique byzantine, стр. 29—31.

4. B. P., 127—128. Ср. B. P., 90.

онъ имѣлъ неожиданныя удачи и что своими успѣхами онъ обязанъ не столько мудрости своихъ плановъ, сколько неумѣлости противниковъ[1]. Въ Африкѣ и Италіи онъ совершилъ много ошибокъ, оставшихся незамѣченными, потому что дѣло кончилось хорошо, а позже, наоборотъ, онъ оказался неспособнымъ выполнить свои наилучше обдуманные планы. «Благоразуміе, говоритъ не безъ нѣкоторой ироніи Прокопій, покидаетъ человѣка въ несчастіи; страданіе отнимаетъ у него умъ и правильность оцѣнки вещей»[2]. Такимъ образомъ, не смотря на безспорные военные таланты, Велизарій все-таки былъ скорѣе счастливымъ, чѣмъ великимъ полководцемъ. Я вовсе не порицаю его за то, что ему случалось проигрывать сраженія; скорѣе онъ достоинъ порицанія за то, что часто подвергался риску быть разбитымъ. Но со всѣмъ этимъ онъ оставался все же лучшимъ почти изъ всѣхъ генераловъ своего времени и всегда являлся необходимымъ человѣкомъ[3].

Таковъ былъ воинъ; теперь посмотримъ, каковъ это былъ просто человѣкъ. Здѣсь снова нужно прежде всего отмѣтить его положительныя качества. Этотъ рослый и величественный человѣкъ былъ безконечно любезенъ, привѣтливъ, вѣжливъ и доброжелателенъ; онъ былъ мягкаго характера, воздержанъ и строгихъ нравовъ. Никогда его не видѣли пьянымъ и никогда—что еще замѣчательнѣе—онъ не обманывалъ Антонину[4]. Всѣмъ этимъ онъ нравился населенію Византіи, какъ нравился и солдатамъ; его привѣтствовали на улицахъ, толпились, чтобы видѣть, когда онъ проходилъ, и провозглашали первымъ полководцемъ всѣхъ временъ. У Прокопія можно видѣть, до какой степени доходилъ народный энтузіазмъ, когда Велизарій возвратился въ Константинополь послѣ первой итальянской кампаніи. «Я не думаю, говоритъ историкъ, чтобы кто-нибудь осмѣлился воспротивиться приказанію, которое онъ бы сдѣлалъ; всѣ наперерывъ хотѣли ему повиноваться столько же изъ уваженія къ его доблестямъ, сколько и изъ страха передъ его могуществомъ[5]». При такихъ условіяхъ, съ его стороны было большою заслугою, что онъ всю свою жизнь оста-

1. Hist. arc., 35—36.

2. B. G., 329; Id., 359, гдѣ Прокопій грубо говоритъ: [illegible].

3. См. справедливыя замѣчанія, дѣлаемыя Финлеемъ относительно военныхъ талантовъ Велизарія, [illegible] I, 245—246.

4. B. G., 281—282.

5. Id., 282—283.

вался вѣрнымъ и лояльнымъ слугою Юстиніана. Будучи несомнѣнно соотечественникомъ императора, родившись, какъ и онъ, во Ѳракіи, привязанный издавна и за долго до вос-

60. Византійскія капители въ ц. Аполлинарія Nuovo въ Равеннѣ.

шествія его на престолъ, Велизарій всегда смотрѣлъ на Юстиніана, какъ на своего господина, съ которымъ онъ лично связанъ[1], и когда однажды императоръ потребовалъ,

1. B. V., 361; B. P., 59.

чтобы онъ присягнулъ, что никогда въ теченіе своей жизни онъ не подумаетъ о тронѣ, Велизарій охотно далъ эту клятву и сдержалъ ее [1]. Да и самый характеръ его, безъ сомнѣнія, не возбуждалъ въ немъ честолюбивыхъ мечтаній. Чувствительный больше всего къ почестямъ и внѣшней славѣ, онъ не обладалъ душою политика и не претендовалъ на обладаніе сущностью власти. Къ тому же, будучи очень податливъ вліянію окружающихъ, подчиняясь сильнымъ, стоящимъ выше его, — Юстиніану или Антонинѣ, — онъ стѣснялся быть на первомъ планѣ, гдѣ нужно было проявить свою личность и иниціативу. Рожденный быть исполнителемъ, служить, онъ не жаждалъ повелѣвать. И нужно признать за нимъ заслугу, что онъ оставался такимъ, какимъ былъ. Подозрительный Юстиніанъ не скупился ни на униженія его, ни на опалу [2], но Велизарій никогда не подумалъ возстать противъ него. Событіе 542 года, такъ потрясшее Θеодору, вовсе не было направлено противъ базилевса. Юстиніанъ былъ при смерти и генералы просто объявили, что они желаютъ соблюденія закона о престолонаслѣдіи [3]. До конца своей жизни Велизарій упорно сохранялъ свою вѣрность; состарившись, онъ снова взялся за оружіе, чтобы въ послѣдній разъ быть спасителемъ монархіи; за это ему заплатили новыми клеветами и непродолжительною опалою [4]. Быть можетъ, одинъ только разъ онъ испыталъ серьезное искушеніе. Это было въ Италіи, въ 540 г., когда генералъ рѣшительно отказался повиноваться приказаніямъ государя и, казалось, готовилъ военное возстаніе. Одно время можно было думать, — и этому вѣрили на Востокѣ [5], — что онъ приметъ предложенія, которыя ему дѣлали готы, и самъ онъ, повидимому, колебался, но однако онъ овладѣлъ собою и въ концѣ концовъ остался вѣренъ своему долгу.

Я не намѣренъ порицать эту вѣрность; она дѣлаетъ большую честь Велизарію; но точно также нельзя, какъ это дѣлаетъ легенда, очень строго осуждать неблагодарность Юстиніана. Несомнѣнно, что Велизарій противъ своей воли могъ внушать безпокойство. Онъ былъ очень могущественъ, очень богатъ, очень побѣдоносенъ, очень любимъ. Невольно имъ занимались всѣ: Θеодора и Іоаннъ Каппадокійскій, ви-

1. B. G., 268, 270.

2. О зависти Юстиніана въ отношеніи Велизарія см. B. V., 441—442; B. G., 280; *Agath.*, 323.

3. Hist. arcan., 30.

4. *Agath.*, 311—312, 323; *Malalas*, 494—495; *Theoph.*, 238, 239.

5. B. P., 106.

дѣвшіе въ немъ вліятельнаго соперника [1], Юстиніанъ, опасавшійся въ немъ своего преемника. До конца дней его могли подозрѣвать въ чрезмѣрномъ искательствѣ популярности, въ честолюбивыхъ мечтаніяхъ и постоянно ждали отъ него какой-нибудь выходки. Въ 541 г. всѣ говорили, что неблагодарность Юстиніана оправдаетъ возстаніе со стороны Велизарія [2]; въ 544 г. въ Византіи были убѣждены, что какъ только патрицій оставитъ столицу, онъ отомститъ свою опалу возстаніемъ [3]. Понятно поэтому, что Юстиніанъ, который никогда не не появлялся въ арміяхъ, котораго вовсе не любили, который старался унизить своего побѣдоноснаго генерала, — иногда боялся его. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ забывать, что несмотря на преходящія опалы, онъ всегда оказывалъ довѣріе Велизарію, щедро награждалъ и сдѣлалъ его самымъ важнымъ изъ всѣхъ своихъ подданныхъ [4].

Съ другой стороны, несомнѣнно, что такое щекотливое положеніе много разъ ставило въ затрудненіе самого Велизарія и его безспорная вѣрность слишкомъ часто получала угодливый и рабскій характеръ. За нимъ было много, требовавшаго прощенія; онъ покупалъ его своею слабостью и въ такихъ низкихъ дѣлахъ, какъ увозъ папы Сильверія, становился послушнымъ орудіемъ Θеодоры [5]. Онъ зналъ, что императрица его не любила, и униженно старался понравиться ей. Словомъ, характеръ его былъ посредственный; онъ слишкомъ унижался [6]. Его добродѣтель была добродѣтелью на греческій манеръ, которая не представляла что либо цѣльное и легко поддавалась разнымъ вліяніямъ.

Не придавая вѣры всему, что разсказывается въ Секретной исторіи о Велизаріѣ, все же должно признать, что у него были пороки. Онъ очень любилъ деньги и былъ совершенно законно заподозрѣнъ въ присвоеніи большой, даже очень большой, доли добычи въ Африкѣ и Италіи [7]. Разсказываютъ, что въ дѣлѣ Сильверія Вигилій для убѣжденія патриція употребилъ аргументы, которымъ византій-

1. B. P., 131.

2. B. P., 132.

3. Hist. arc., 35.

4. Въ 541 г., говоритъ Прокопій, [illegible]. Онъ сдѣланъ comes sacri stabuli въ 544 г. (Hist. arc., 35), комитомъ экскубиторовъ въ 549 г. (B. G., 560). Онъ былъ самымъ виднымъ человѣкомъ въ Византіи (B. G., 427, 560) и игралъ важную роль во всѣхъ дѣлахъ (*Labbe*, V, 431).

5. Hist. arc., 13.

6. Id., 35, 40—41.

7. Id., 34.

ская добродѣтель не имѣла обычая противиться. Во всякомъ случаѣ онъ былъ баснословно богатъ и источникъ его богатства былъ иногда сомнителенъ: онъ не постѣснялся получить дворецъ Іоанна Каппадокійскаго въ награду за участіе, которое принимала Антонина въ низверженіи фаворита [1].

Утверждаютъ, что онъ былъ великимъ дипломатомъ, чрезвычайно искуснымъ и хитрымъ. Нужно признаться, что его дипломатія часто граничила съ настоящимъ вѣроломствомъ. Стоитъ только вспомнить его лукавство съ готами, въ Равеннѣ; въ этомъ случаѣ Велизарій отнюдь не можетъ похвастаться лояльностью. Самыя торжественныя клятвы для него ничего не стоили, когда въ его интересахъ было ихъ забыть или онъ опасался сдержать ихъ [2], и его близкіе, самые преданные друзья и даже родственники не разъ страдали отъ недостатка нравственной твердости и отъ условности чести Велизарія [3].

Наконецъ, онъ проявлялъ большую слабость въ отношеніи своей жены Антонины. Что бы ни думать о сплетняхъ Секретной исторіи, Антонина оказывала на него всемогущее вліяніе [4]. Онъ бралъ ее съ собою во всѣ свои походы и предоставлялъ ей часто вмѣшиваться въ совѣты. Изъ-за страстной любви къ ней, онъ забывалъ иногда высшіе интересы государства [5]. Часто онъ предоставлялъ ей управленіе, и такъ какъ для удовлетворенія ея капризовъ, ненависти и злобы онъ былъ готовъ на все, даже на убійство [6], то не разъ онъ былъ ею компрометированъ [7]. Такъ какъ она была фавориткою Θеодоры, то можно думать, что изъ-за страха поссориться съ императрицею онъ былъ податливъ и снисходителенъ къ Антонинѣ; во всякомъ случаѣ, онъ пользовался ею, чтобы обезпечить себѣ положеніе во дворцѣ [8]. Значитъ ли это, что онъ закрывалъ глаза на тѣ яко-бы скандалы, которые она творила въ его домѣ, и что, проявивъ на короткое время энергію, онъ вновь принялъ ее къ себѣ, чтобы только войти въ милость и заслужить бла-

1. B. G., 427; *Marcell.* comes, a. 544.

2. Hist. arc., 15 — 16, 20, 26 — 27, 35, 40—41.

3. Id., 15, 20.

4. Hist. arc., 35, καταστὰς ἐκτόπως ἐς αὐτὴν ἐρωτόληπτος, καὶ ταῦτα ἑξήκοντα ἔτη γεγονὼς ἤδη. Ср. Id., 38, и B. G. 359.

5. Id., 21 — 22.

6. Id., 15—16; Ср. B. G., 180—181. Hist. arc., 38.

7. B. G., 181, и Hist. arc., 15—16.

8. B. G., 401, 405.

говоленіе императрицы? — Это розсказни, которыхъ нельзя провѣрить [1]. Кажется, однако, что онъ шокировалъ даже своихъ друзей избыткомъ своей супружеской слабости [2], и именно эта черта еще разъ показываетъ, что у такого, какъ онъ, заслуженнаго генерала былъ характеръ слабый и непостоянный.

Какъ и его государь Юстиніанъ, Велизарій представляетъ натуру сложную, и совершенно нелѣпо говорить, какъ это сдѣлалъ Годжкинъ, что нѣкоторыми своими чертами «онъ даетъ предчувствовать идеалъ бродячаго рыцаря и христіанскаго солдата, что онъ предвозвѣщаетъ сира Галагада и Баяра временъ рыцарства». Несмотря на свои дѣйствительныя достоинства, Велизарій въ сущности возвеличенъ не въ мѣру. Человѣкъ въ немъ былъ посредственный, а генералъ—скорѣе счастливый, чѣмъ талантливый. Однако нельзя забывать его превосходную защиту Рима, въ которой онъ восхищаетъ своею смѣлостью и твердостью и тѣмъ гордымъ заявленіемъ, что, пока онъ живъ, вѣчный городъ никогда не попадетъ подъ власть остготовъ [3].

Какъ бы то ни было, но личность Велизарія осталась болѣе популярною изъ числа всѣхъ, дѣйствовавшихъ въ царствованіе Юстиніана. Воспоминаніе объ его подвигахъ и несчастіяхъ сильно поразило потомство; вокругъ его имени сложился цѣлый циклъ легендъ и незамѣтно преобразилъ его въ національнаго героя [4]. Ужъ съ X вѣка въ византійскомъ обществѣ разсказывались объ немъ трогательныя исторіи, повѣствовавшія о его несчастіяхъ и о томъ, какъ великій полководецъ, жестоко ослѣпленный императоромъ, принужденъ былъ протягивать руку, какъ нищій. Эти разсказы имѣли поразительный успѣхъ особенно въ эпоху Палеологовъ, а затѣмъ, развитые и украшенные въ Романѣ Велизарія, распространились въ этой литературной формѣ и на Западѣ. И съ тѣхъ поръ, изъ вѣка въ вѣкъ, передавалась эта поэтическая легенда; XVIII вѣкъ плакалъ съ Мармонтелемъ надъ несчастьями Велизарія и возмущался неблагодарностью его государя; даже теперь многіе знаютъ

1. Есть нѣкоторая грубость въ сужденіи Гиббона, когда онъ говоритъ по этому поводу: «Читатель долженъ съ сожалѣніемъ признаться, что герой (Велизарій) заслуживалъ бы названія, которое не должно имѣть мѣста подъ перомъ благопристойнаго историка». (Изд. Bury, IV, 355).

2. Hist. arc., 40—41.

3. B. G., 114—116.

4. *Krumbacher*, Gesch. d. byz. Litter., стр. 825—827.

имя великаго полководца времени Юстиніана по этимъ трогательнымъ разсказамъ.

На ряду съ Велизаріемъ слѣдуетъ дать мѣсто его сопернику, Нарзесу. Это былъ человѣкъ иного закала и, на мой взглядъ, много выше побѣдителя Гелимера и Витигеса. Армянинъ по рожденію и евнухъ, онъ началъ свою карьеру при дворцѣ въ качествѣ императорскаго кубикулара и спатара и быстро дошелъ до званія старшаго камергера [1]. На этомъ мѣстѣ, этотъ маленькій человѣкъ, худой и по виду слабый, съ мягкими и элегантными манерами, очень скоро проявилъ высокія и серьезныя качества [2]. Во время бунта Ника, пока Велизарій сражался, ему удалось ловкими интригами и своевременною раздачею денегъ отдѣлить синихъ отъ возставшихъ и тѣмъ пріобрѣсти серьезныя права на благодарность базилевса [3]. Потомъ ему часто давались требующія довѣрія порученія, напримѣръ, въ 537 г., когда онъ былъ посланъ въ Александрію для возстановленія мира, нарушеннаго религіозною борьбою; причемъ во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ онъ обнаруживалъ

61. Драгоцѣнныя украшенія византійцевъ и варваровъ. (Равеннскій музей).

1. B. P., 7?; *Malalas*, 4?0, 47?; Chronic pasch., 626; *Orelli-Henzen*, III, 1162.

2. *Agath.*, 47.

3. *Malalas*, ???.

твердость, энергію, проницательность, ясный умъ, гибкость и большую ловкость. Такимъ образомъ, при расположеніи со стороны двора, близости къ Юстиніану и большой благосклонности Ѳеодоры, его положеніе росло со дня на день[1], и все указывало на предстоящую ему великую роль въ будущемъ.

Въ 538 г. ему было поручено вести въ Италію подкрѣпленія. Несомнѣнно, что его миссіей было не столько начальствованіе надъ войсками, сколько наблюденіе за Велизаріемъ. Мы уже знаемъ, какъ онъ выполнилъ эту часть своей задачи. Въ патентѣ о его назначеніи, который передалъ ему императоръ, было сказано, что «ему обязаны подчиняться во всемъ, что полезно для интересовъ государства[2]». Онъ воспользовался этимъ, чтобы главнокомандующій потерпѣлъ неудачу, и довелъ дѣло до того, что пришлось отозвать его самого. Но во время своего короткаго пребыванія въ арміи этотъ придворный обнаружилъ неожиданные военные таланты, рѣдкое пониманіе военнаго дѣла, быстрый и вѣрный взглядъ. Онъ сумѣлъ понравиться солдатамъ тою легкостью, съ которою онъ приспособлялся къ обстоятельствамъ, ясною и понятною рѣчью, въ особенности же—своею щедростью. Въ этомъ хиломъ и хрупкомъ тѣлѣ проявилась несокрушимая энергія и удивительная дѣятельность. Въ Нарзесѣ почувствовался начальникъ, и Юстиніанъ не могъ забыть его.

Не смотря на кажущуюся опалу, вслѣдствіе которой онъ долженъ былъ возвратиться въ Константинополь, евнухъ вновь вошелъ при дворѣ въ прежнюю милость. Именно ему императоръ поручилъ въ 541 г. арестовать Іоанна Каппадокійскаго, и затѣмъ во всѣ послѣдующіе года онъ находился въ постоянной близости къ обѣимъ царствующимъ особамъ[3]. Поэтому только люди поверхностнаго ума могли удивляться, когда въ 550 г. базилевсъ, вспомнивъ его высокія военныя способности, назначилъ своего довѣреннаго главнокомандующимъ въ Италіи[4]. Но именно въ этотъ моментъ Нарзесъ показалъ истинную мѣру своего характера; съ энергіею, которую Велизарій никогда не зналъ, онъ рѣшительно заявилъ Юстиніану, что онъ приметъ это назначеніе только въ томъ случаѣ, если императоръ дастъ ему средства дѣйствовать какъ нужно, и болѣе счастливый, чѣмъ

1. B. G., 109.
2. B. G., 211.
[3.] B. P., 134; *Malalas*, 481.
[4.] B. G., 570.

Велизарій, онъ сумѣлъ этою твердостью получить отъ Юстиніана деньги, оружіе и людей, которыхъ такъ мало получалъ его предшественникъ[1]. Очень умный, очень ловкій, умѣвшій приспособляться ко всѣмъ событіямъ и случайностямъ, новый полководецъ достигъ поразительныхъ успѣховъ. Будучи очень щедръ, онъ скоро пріобрѣлъ популярность, особенно среди солдатъ изъ варваровъ, изъ которыхъ многіе питали къ нему совершенно особою преданность[2]. Такъ какъ онъ привезъ деньги и къ тому же всѣ знали его значеніе у императора, то онъ сумѣлъ заставить солдатъ и офицеровъ повиноваться себѣ. Наконецъ, отличаясь крайнимъ благочестіемъ, хвалясь особымъ покровительствомъ св. Дѣвы, онъ внушилъ своимъ войскамъ какое то, почти суевѣрное, довѣріе[3]. Наемники наперерывъ спѣшили стать подъ его знамена, какъ въ благодарность за прошлыя благодѣянія, такъ и въ надеждѣ на будущія щедроты. Нарзесъ превосходно воспользовался такимъ хорошимъ настроеніемъ. Дѣятельный, энергичный, онъ быстро привелъ въ порядокъ разстроенную армію и заставилъ ее превосходно сражаться. Будучи, быть можетъ, менѣе ученымъ тактикомъ, менѣе знающимъ, чѣмъ Велизарій, онъ, силою своего яснаго и проницательнаго ума, вѣрнымъ взглядомъ, смѣлою подвижностью, умѣлъ находить слабое мѣсто своего противника, уничтожить всѣ усилія готовъ, вновь завоевать Италію и выгнать изъ нея аламаннскія шайки[4]. Хотя раньше самъ онъ позволилъ себѣ довести Велизарія до неудачи, но въ отношеніи къ себѣ онъ не допускалъ оспаривать его желанія и приказанія, безпощадно требовалъ соблюденія дисциплины и заставлялъ дрожать своихъ офицеровъ однимъ движеніемъ бровей[5]. Если по всему этому онъ былъ замѣчательнымъ главнокомадующимъ, безусловно отдавшимся своему дѣлу, занимаясь только солдатами, то нужно прибавить еще, что онъ былъ очень счастливъ, такъ какъ, будучи физически поставленъ въ невозможность питать отдаленные честолюбивые замыслы, онъ никогда не возбуждалъ безпокойства въ подозрительномъ умѣ Юстиніана и его благополучіе не знало ни помраченій, ни немилостей.

1. B. G., 598.

2. Id., 235. 599—600.

3. *Evagr.*, IV, 24. Объ увѣренности Нарзеса въ божественномъ покровительствѣ см. *Agath.*, 79.

4. *Agath.*, 47—48.

5. Id., 78—79. 45. Подчиненные, говоритъ Агаѳій «боялись его замѣчаній больше, чѣмъ смерти».

При такихъ выдающихся качествахъ ума Нарзесъ обладалъ честолюбивымъ и черствымъ характеромъ. Жадный интриганъ, онъ былъ тяжелою ношею для Италіи, которую ему было поручено реорганизовать, и если его искусство восторжествовало надъ трудностями его задачи и ему удалось возстановить порядокъ въ этой провинціи, то его корыстолюбіе оставило на полуостровѣ продолжительное и тяжкое воспоминаніе [1]. Вокругъ его имени, какъ и вокругъ Велизарія, уже очень рано сложилась легенда, но она не приняла того сантиментальнаго и симпатичнаго характера, который нами отмѣченъ относительно Велизарія. Въ памяти византійской Италіи Нарзесъ жилъ, какъ барышникъ, нагромождавшій въ особыхъ тайникахъ богатства, собранныя имъ грабежами [2], или какъ измѣнникъ, побуждавшій лангобардовъ, для удовлетворенія своей злобы, разрушить дѣло, созданное имъ самимъ [3]. Нужно замѣтить, что въ отношеніи Нарзеса, какъ и въ отношеніи Велизарія, романъ занимаетъ большее мѣсто, чѣмъ исторія. Можно считать почти установленнымъ, что Нарзесъ умеръ спокойно въ Римѣ, оставаясь въ немъ полновластнымъ вице-королемъ [4] и вовсе не подвергался немилости тотчасъ по смерти Юстиніана, и если даже можно признать, что онъ дѣйствительно былъ строгій, жестокій и корыстолюбивый администраторъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что ничто и никогда не поколебало довѣрія Юстиніана къ нему. Наконецъ, если можно сдѣлать оговорку относительно нравственныхъ качествъ этой личности, весьма свѣдущей въ придворныхъ интригахъ, въ которыя онъ былъ очень замѣшанъ, то во всякомъ случаѣ нельзя отрицать въ Нарзесѣ выдающихся качествъ дипломата и высокихъ военныхъ талантовъ полковод ца, которыми онъ безспорно обладалъ.

1. *Hartmann*, l. c., I, 350, 364.

2. Lib. pontif., 110; *Agnellus*, 90, 95; *Greg. Tur.*, V, 20; *Paul. Diac.*, III, 12.

3. Lib. pontif., 110; *Isid.*, Chron., 402; Hist. Franc. epitomata, III, 65; *Paul. Diac.*, II, 5. Cp. *Hartmann*, loc. cit., II, 23—24.

4. Lib. pontif., 110; *Agnellus*, стр. 338.

ГЛАВА III.

Военное дѣло.

Войны.

1. Завоевательныя войны.

Юстиніанъ только ждалъ предлога, чтобы осуществить на дѣлѣ свои честолюбивыя мечты, и почти тождественныя обстоятельства очень кстати дали ему желанный поводъ для этого въ 531 г. въ Африкѣ, а въ 535 г. въ Италіи.

А.—Завоеваніе Африки[1].

Извѣстно, какъ неумѣлость слабаго Гильдерика вызвала въ государствѣ вандаловъ внутреннюю революцію. Возмущенные слабостью короля, ненавидѣвшаго битвы и войска котораго были постыднымъ образомъ уничтожены туземцами Бизацены, недовольные либеральною терпимостью къ африканскимъ православнымъ, безпокоясь болѣе всего политикою государя, который, внезапно разорвавъ союзъ съ остготами, слѣпо отдался императору, и къ тому же возбуждаемые гнусными подстрекательствами честолюбиваго соперника, вандальскіе воины низвергли своего законнаго короля и вмѣсто него провозгласили королемъ Гелимера, также

62. Гильдерикъ, по изображ. на серебр. монетѣ.

1. Относительно исторіи африканскихъ войнъ, я отсылаю читателя къ моему сочиненію «Afrique byzantine», въ которомъ я очень подробно изложилъ весь ходъ ихъ. Въ нихъ можно видѣть примѣръ того, что представляли изъ себя въ царствованіе Юстиніана военныя экспедиціи. Вслѣдствіе этого я не считаю нужнымъ излагать подробно въ этой книгѣ нескончаемые эпизоды этихъ войнъ, при чемъ характеръ ихъ, гдѣ бы онѣ не происходили,—

потомка Гензериха[1]. Византійская дипломатія немедленно вмѣшалась въ это дѣло, требуя съ смѣлымъ высокомѣріемъ, чтобы императоръ розобралъ происшедшее столкновеніе. Въ виду такого притязанія Гелимеръ,—быть можетъ единственный изъ всѣхъ варварскихъ королей понимавшій, что какъ бы не были широки уступки, онѣ только замедлятъ столкновеніе, но не устранятъ его,—рѣшительно отказался дать требуемое удовлетвореніе и отвѣчалъ на притязанія Византіи усиленіемъ строгости къ своимъ побѣжденнымъ противникамъ[2]. Началась война и Юстиніанъ рѣшился перенести ее въ Африку. При одномъ извѣстіи о вмѣшательствѣ императора вспыхнули возстанія въ Триполи и Сардиніи, а 22 іюня 533 г. лучшій полководецъ имперіи, Велизарій, сѣлъ на суда, чтобы отправиться на западъ. Пятьсотъ транспортовъ, движимые 20000 матросовъ, везли 10000 человѣкъ пѣхоты и отъ 5 до 6000 — кавалеріи. Эскадра изъ 92 военныхъ кораблей съ 2000 гребцовъ сопровождала экспедицію[3].

Къ счастью для Юстиніана, Гелимеръ меньше чѣмъ кто-нибудь былъ способенъ спасти свой народъ отъ опасности, которая ему угрожала. Натура нерѣшительная и слабая, нервная и сентиментальная, онъ съ непонянною беззаботностью предоставилъ событія своему теченію; когда же высадка Велизарія внезапно разбудила его отъ его оцѣпененія, онъ такъ же не умѣлъ поправить бѣдствіе, какъ не умѣлъ предупредить его. Обладая многочисленною легкою кавалеріею, онъ могъ бы организовать чрезвычайно опасную для византійцевъ партизанскую войну, утомлять ихъ постоянными мелкими стычками, прервать ихъ сообщенія и преградить доставку провіанта; вмѣсто этого онъ предпочелъ рискнуть на два генеральныхъ сраженія и такимъ образомъ поставилъ на карту будущность государства вандаловъ. Гелимеръ, на котораго его народъ смотрѣлъ, какъ на лучшаго воина своего времени[4], отдался безъ сопротивленія подъ

63. Гелимеръ, по изображ. на сер бр. монетѣ.

въ Африкѣ, Италіи или на Востокѣ,— мало отличается другъ отъ друга. Въ предлагаемой теперь книгѣ я ограничиваюсь только существенными чертами военной исторіи царствованія Юстиніана.

1. В. V., Вандальская форма произношенія, повидимому, была Гейламиръ.

2. В. V., 351—352.

3. Id., 358, 360 — 361. См. Afrique byzantine, 15 - 17.

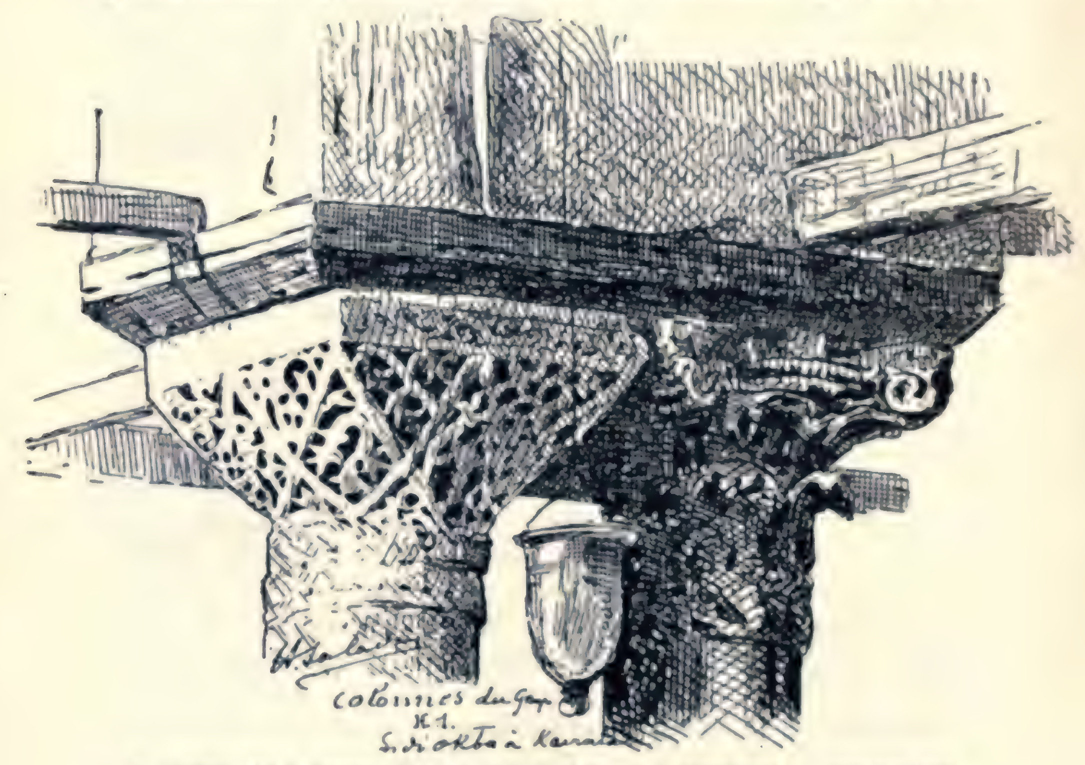
4. Id., 350.

удары судьбы. Въ Децимумѣ онъ потерялъ время, оплакивая тѣло своего умершаго брата, и упустилъ рѣшительный моментъ; при Трикамарумѣ, сочтя свое дѣло окончательно проиграннымъ, онъ бѣжалъ, не сдѣлавъ никакихъ распоряженій, и даже не попытался вновь собрать свои эскадроны, чтобы сдѣлать атаку, которая можетъ быть дала бы ему побѣду. Такимъ онъ оставался до конца, впечатлительнымъ, измѣнчивымъ, безъ всякой настойчивости и не обнаруживая твердой воли. Когда, послѣ пораженія при Трикамарумѣ, горячее преслѣдованіе византійцевъ заставило его искать убѣжища среди мавровъ на горѣ Паппуа, онъ, вмѣсто того, чтобы съ мечемъ въ рукѣ пробиться чрезъ осаждавшіе его отряды, оставался въ бездѣйствіи, страдая отъ холода, голода и лишеній, занимаясь собою и удовлетворяясь сочиненіемъ стиховъ описывающихъ его несчастья. Затѣмъ, мужественно перенося лишенія и отвергнувъ не безъ высокомѣрія сдѣланныя ему предложенія, вдругъ, вслѣдствіе одного случая, затронувшаго его чувствительное сердце, нервы Гелимера разстроились, сопротивленіе ослабѣло и онъ отдался въ руки Велизарія. Послѣдующее поведеніе его передъ византійскимъ генераломъ, а потомъ передъ императоромъ, было странно; онъ держалъ себя съ ироніей разочаровавшагося во всемъ философа, который знаетъ тщету людскихъ дѣлъ и находитъ удовольствіе видѣть въ себѣ достойный удивленія и вниманія примѣръ[1].

Съ такимъ противникомъ Велизарію было справиться легко. Несмотря на блестящія качества кавалеріи вандаловъ и несмотря на сдѣланныя имъ самимъ ошибки, византійскій генералъ, привѣтствуемый населеніемъ Африки, какъ освободитель, одерживалъ успѣхи, одинъ за другимъ. Въ первыхъ числахъ сентября 533 г. онъ безпрепятственно высадился на пустынномъ мысѣ Капутъ Вада[2]; 13-го сентября битва при Децимумѣ однимъ ударомъ уничтожила всѣ надежды Гелимера и отдала въ руки побѣдителя Карѳагенъ, главный городъ и единственное укрѣпленное мѣсто въ Африкѣ[3]. Тщетно король вандаловъ, собравъ всѣ свои силы, пытался взять обратно свою потерянную столицу. При Трикамарумѣ (въ серединѣ декабря 533 г.) византійская кавалерія снова одержала верхъ надъ стремительнымъ пыломъ

1. *Diehl*, Afrique byzantine, 31—32.
2. B. V., 372.
3. B. V., 384—391. Afrique byzantine, 18—23.

варваровъ[1]. Это былъ полный разгромъ. Послѣдовательно всѣ крѣпости Гелимера, его богатства и семья попали въ руки побѣдителя и самъ онъ, будучи окруженъ на горѣ Паппуа, долженъ былъ сдаться въ мартѣ 534 г., получивъ обѣщаніе, что жизнь его будетъ сохранена и онъ будетъ пользоваться достойнымъ его сану обращеніемъ. Событія удивительно служили честолюбію Юстиніана: противъ вся-

64. Византійскія капители VI-го вѣка, вѣроятно кароагенскія, находящіяся теперь въ мечети Сиди-Окба въ Кейруанѣ (Рис. *H. Saladin*, La Mosquée de Sidi-Okba).

каго ожиданія, въ нѣсколько мѣсяцевъ небольшое число кавалерійскихъ полковъ уничтожили государство Гензериха[2].

Африка, казалось, была завоевана. Въ торжественныхъ выраженіяхъ императоръ заявлялъ, что «Богъ, по своему милосердію, отдалъ въ его руки Африку и всѣ ея провинціи[3]» и, пораженный изумительной быстротою завоеванія ея, онъ сыпалъ дѣлами милосердія и благодарилъ Провидѣ-

1. B. V., 420—422.
2. Afrique byzantine, 24—33.
3. C. J., I, 27, I, 7

ніе, избравшее его мстителемъ за церковь и освободителемъ народовъ[1]. Въ своемъ самонадѣянномъ оптимизмѣ, онъ былъ убѣжденъ, что «бдительность и труды его самоотверженныхъ солдатъ» скоро побѣдятъ послѣднее сопротивленіе и что немногихъ недѣль будетъ достаточно для возстановленія во всей ея цѣлости провинціи Африки, въ томъ видѣ, въ какомъ ее знала и владѣла римская имперія[2]. Гордясь возможностью возвратить ей тѣ римскія учрежденія, которыя нѣкогда дѣйствовали въ ней, Юстиніанъ принялъ мѣры, чтобы ввести въ ней «тотъ совершенный порядокъ», который онъ считалъ необходимымъ для всякаго цивилизованнаго государства[3]. Считая войну оконченною, онъ отозвалъ Велизарія, уменьшилъ составъ окупаціоннаго войска и съ торжествомъ присвоилъ себѣ титулы Вандальскаго и Африканскаго, но какъ разъ въ этотъ моментъ ходъ событій получилъ направленіе, которое показывало всю призрачность иллюзій императора. Въ то время, какъ Велизарію устраивали тріумфъ въ Константинополѣ и побѣдитель ослѣплялъ населеніе столицы золотыми креслами, драгоцѣнными камнями, дорогою посудою, великолѣпными одеждами и пышными колесницами, словомъ всѣми богатствами, которыя были скоплены въ Карѳагенѣ за сто лѣтъ грабежа[4]; въ то время, когда благочестіе и гордость Юстиніана удовлетворялись зрѣлищемъ возвращенныхъ святынь храма Соломона и регалій имперіи[5]; въ то время, какъ въ Византіи воздвигались золотыя статуи въ честь Велизарія[6], а на выбитыхъ въ воспоминаніе медаляхъ прославлялась «Слава римлянъ» (ἡ δόξα τῶν Ῥωμαίων) и къ изображенію государя присоединяли изображеніе его побѣдоноснаго генерала[7]; въ то время, наконецъ, когда въ императорскомъ дворцѣ, на стѣнахъ входа въ Халку были изображаемы въ блестящихъ мозаическихъ картинахъ эпизоды завоеванія Африки, а завоеванные города и Гелимеръ униженно чествовали Юстиніана и Ѳеодору[8],—въ это самое время преемникъ Велизарія со своею на половину дезорганизованною

1. C. J., 1, 27, 1 5.

2. C. J., 1, 27, 2, 46.

3. C. J., 1, 27, 1, 10. Ср. Afrique byzantine, 34—50.

4. B. V., 445—447.

5. C. J., 1, 27, 1, 7.

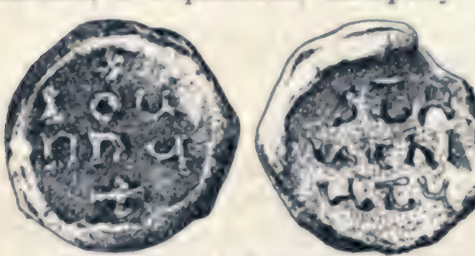
6. *Banduri*, Imperium orientale, I, 3, стр. 7, 95.

7. *Babelon*, Justinien et Bélisaire (Mém. de la Soc. des Antiquaires de France, т. 57).

8. Aed., 23; *Just*., I, 285—287.

арміею въ еще не вполнѣ покоренной и еще хуже охраняемой странѣ боролся съ очень грознымъ возстаніемъ.

Едва Велизарій покинулъ Карѳагенъ, какъ племена берберовъ, остававшіяся покойными при разрушеніи государства вандаловъ, поднялись въ свою очередь. Тщетно преемникъ патриція, энергическій евнухъ Соломонъ, побѣдоносно подавилъ возстаніе въ Бизаценѣ; тщетно пытался онъ въ Нумидіи овладѣть грознымъ массивомъ Авреса[1],—едва, казалось, удалось ему возстановить порядокъ, какъ вспыхнувшій въ лагеряхъ страшный военный мятежъ снова совершенно разстроилъ все дѣло[2]. Для подавленія его пришлось отправить въ Африку лучшихъ генераловъ имперіи—Велизарія, прибывшаго какъ разъ во-время, чтобы спасти Карѳагенъ, и Германоса, которому чудесами мужества, ловкости и энергіи наконецъ удалось уничтожить возстаніе[3]. Четыре года (534—538) было потеряно въ этой безплодной и истощающей борьбѣ. Только въ 539 г. патрицій Соломонъ, возведенный въ званіе правителя всей Африки, могъ закончить умиротвореніе провинціи.

65. Печать или була стратилата Іоанна (музей Бардо). (Фотогр. сообщен. г. П. Гоклеромъ).

Смѣлымъ движеніемъ онъ проникъ въ самое сердце Авреса и заставилъ бѣжать Іабдаса, самаго могущественнаго изъ туземныхъ князей; затѣмъ онъ побѣдоносно прошелъ чрезъ Цабъ, Годна и Ситифіенскую Мавританію, заставивъ главныхъ берберскихъ начальниковъ признать главенство императора[4]. Подъ его благоразумнымъ управленіемъ Африка обрѣла, наконецъ, миръ и безопасность. По словамъ поэта Кориппа, «она воскресла при шумѣ этихъ тріумфовъ и послѣ продолжительнаго траура насладилась нѣсколькими годами радостей[5]».

Однако это не было послѣднимъ испытаніемъ для нея. Послѣ пяти лѣтъ спокойствія, смерть патриція Соломона (544 г.) вызвала еще разъ жестокій кризисъ въ этой про-

1. См. Afrique byzantine, 51—75.
2. B. V., стр. 470—474. Afrique byzantine 75—80.
3. Ср. Afrique byzantine, стр. 80—86.
4. Id., 87—93.
5. *Joh.*, III, 281—283.

винціи. Въ теченіе четырехъ лѣтъ несчастная страна испытывала всякаго рода несчастія и бѣды, набѣги берберовъ и возстанія солдатъ, потери битвъ и бунты въ казармахъ, грабежъ и сожженіе деревень, избіенія и бѣгство жителей[1]. Въ эти печальные годы, говоритъ Прокопій, всѣ результаты побѣдъ Велизарія «были совершенно уничтожены, какъ будто ихъ никогда и не было[2]». Но и на этотъ разъ, когда Африка казалась почти совершенно потеряна имперіею, энергія и умѣнье генерала Іоанна Троглита, походы котораго воспѣты Кориппомъ, устранили опасность. Послѣ двухлѣтней энергической борьбы (546—548) императорская власть была возстановлена, и на этотъ разъ уже окончательно[3].

Несомнѣнно, что вновь завоеванная Африка была не та, о которой мечталъ Юстиніанъ[4]. Она включала въ себѣ Триполи, Бизацену, Проконсуларисъ, Нумидію, Ситифіенскую Мавританію. Сверхъ того имперцы владѣли Сардиніею, Корсикою и Балеарскими о-вами, но за исключеніемъ нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстностей, изъ которыхъ самымъ важнымъ была грозная цитадель Септемъ, у Геркулесовыхъ столбовъ, вся западная Африка не была во власти Юстиніана. Цезарея и Тингитанъ оставались или совершенно независимыми отъ имперіи или были связаны съ ней очень слабыми вассальными узами. Съ другой стороны, послѣ столькихъ лѣтъ борьбы и бѣдствій, страна была совершенно разорена и жестоко искупала желанное объединеніе съ имперіей. Въ одномъ довольно извѣстномъ мѣстѣ своей Секретной исторіи[5] Прокопій перечисляетъ всѣ послѣдствія для Африки завоевательнаго честолюбія Юстиніана: обезлюденная провинція; страна, оставленная безъ защиты, дурно управляемая, разоренная финансовыми вымогательствами; религіозная нетерпимость, военныя возстанія,—вотъ все, что принесло Африкѣ «преславное царствованіе» императора. Въ этомъ чрезмѣрно жестокомъ приговорѣ есть нѣкоторая несправедливость. Несомнѣнно, что господство византійцевъ повлекло за собою многія бѣдствія для страны и было для нея иногда чрезвычайно тяжело, но нельзя отрицать дѣйствительной заботливости, которую обнаруживалъ базилевсъ ко вновь завоеванной области, и его большихъ усилій обезпечить ей порядокъ и процвѣтаніе[6]. Даже и

1. Afrique byzantine, 333—362.
2. B. V., 524.
3. Cp. Afrique byzantine, 363—381.
4. Ibid., 107—111.
5. Hist. arc., 106—107.
6. Afrique byzantine, 382—407.

теперь развалины византійскихъ крѣпостей, разсѣянныя по Африкѣ, краснорѣчиво говорятъ о поразительной дѣятельности императора съ цѣлью защитить страну. Эта сѣть цитаделей, постройка которыхъ дѣлаетъ честь какъ стратегическимъ талантамъ, такъ и усиліямъ генераловъ Юстиніана, вызы-

66. Византійская капитель VI-го вѣка, вѣроятно изъ Карѳагена, находящаяся теперь въ мечети Сиди Окба въ Кейруанѣ (рис. *H. Saladin*, La Mosquée de Sidi-Okba).

ваетъ невольное удивленіе [1]. Подъ охраной этой возстановленной военной границы, страна залѣчила свои раны; но заботливость императора проявилась и въ другихъ дѣлахъ, достойныхъ уваженія. Африканская провинція, организованная, какъ

1. Afrique byzantine, 119—209.

префектура преторіи, съ ея прежними округами, увидѣла не одно только возстановленіе механизма и традицій древней римской администраціи[1], но многія общеполезныя работы въ городахъ, мѣры, принятыя для поднятія деревень и заселенія страны, открытые порты, предпринятыя вновь или возобновленныя гидравлическія сооруженія, являлись очевиднымъ знакомъ того интереса, который обнаруживалъ государь къ своимъ новымъ провинціямъ, и довольно быстро послужили для дѣйствительнаго процвѣтанія ихъ, и при томъ гораздо большаго, чѣмъ это принято думать[2]. Несмотря на безспорные недостатки управленія, завоеваніе Африки греками не было однимъ только удовлетвореніемъ тщеславія Юстиніана,—здѣсь, какъ и вездѣ, царствованіе его оставило глубокій и продолжительный слѣдъ въ странахъ, вошедшихъ въ составъ имперіи. Въ своемъ сознаніи базилевсъ могъ быть доволенъ своимъ дѣломъ: въ Африкѣ его господство не было ни безполезнымъ, ни безплоднымъ.

В. Завоеваніе Италіи[3].

Завоеваніе Африки дало Юстиніану превосходную базу для дѣйствій, направленныхъ противъ Италіи. Вскорѣ ходъ событій далъ ему, какъ и въ Африкѣ, отличный предлогъ для вмѣшательства въ дѣла полуострова.

I.

Извѣстно, какимъ образомъ смерть Аталариха, внука и наслѣдника Теодориха Великаго (въ октябрѣ 534), заставила регентшу Амалазунту раздѣлить тронъ со своимъ двоюроднымъ братомъ Теодатомъ, послѣднимъ мужскимъ представителемъ рода Амаловъ; извѣстно также и то, что уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, дочь Теодориха, по приказанію своего царственнаго мужа, была заключена на островъ Больсенскаго озера и вскорѣ за тѣмъ умерщвлена (въ апрѣлѣ 535 г.)[4].

1. Afrique byzantine, 97—118.

2. Ibid., 387—407.

3. Очень подробный разсказъ обо всѣхъ этихъ событіяхъ можно найти въ соч. *Hodgkin*'a, Italy and her invaders. т. IV и V, и у *Hartmann*'a въ его Gesch. Italiens im Mittelalter., I, 247—400.

4. B. G., 23—25. Убійство Амалазунты до такой степени было выгодно императорской политикѣ, что молва

Юстиніанъ, съ нѣкотораго времени очень внимательно слѣдившій за всѣмъ, что происходило въ Италіи, и искавшій повода для вмѣшательства въ дѣла послѣдней [1], не колеблясь призналъ за casus belli убійство принцессы, которой онъ формально предложилъ,—и это предложеніе было принято,—свое императорское покровительство [2]. По его приказанію, его посолъ Петръ заявилъ Теодату, что послѣ такого преступленія какіе бы то ни было переговоры съ нимъ становятся невозможными и что столь великое преступленіе можетъ быть отомщено только безпощадною войною [3]. Затѣмъ, рѣшительно перейдя отъ угрозъ къ дѣйствіямъ, императоръ немедленно двинулъ двѣ арміи, изъ которыхъ одна должна была занять Далмацію, а другая, болѣе сильная, въ составѣ 7500 человѣкъ, не считая личной гвардіи полководца, была поручена Велизарію съ тѣмъ, чтобы онъ отправился морскимъ путемъ и попытался неожиданно высадиться въ Сициліи [4]. Въ то же время императорскіе дипломаты, подобно тому, какъ прежде, во время войны съ вандалами, позаботились о союзѣ съ остготами, теперь старались заключить противъ послѣднихъ новый союзъ съ другими варварами и хлопотали посредствамъ золота о поддержкѣ со стороны меровинга Теодеберта [5].

67. Теодатъ, по изображенію на мѣдной монетѣ.

Благодаря исключительному счастью Юстиніана, и въ этомъ случаѣ король готовъ, Теодатъ, какъ прежде Гелимеръ въ Африкѣ, былъ человѣкомъ менѣе всего способнымъ оказать сопротивленіе нападенію имперцевъ. Подобно королю вандаловъ, Теодатъ представляетъ характерный примѣръ того, что дѣлало изъ варваровъ соприкосновеніе съ римской цивилизаціей. У него не было ни малѣйшей энергіи, свойственной его расѣ; онъ ничего не смыслилъ въ военномъ дѣлѣ и питалъ презрѣніе и отвращеніе къ оружію. Воспи-

въ Византіи приписывала ее иниціативѣ Феодоры и ея фаворита, посланника Петра (Hist. arc., 16). Но это очень сомнительно, хотя Феодора въ это самое время вела съ Теодатомъ и его женою довольно таинственную переписку (Cass., Var., X, 20, 21, 23, 24), а Петръ былъ ей совершенно преданъ (Ibid., X, 23).

1. B. G., I, 5, 24.

2. Id., 25.

3. Id., 25.

4. Id., 26—29.

5. Id., 27.

танный какъ римлянинъ, съ юности полюбившій литературу[1], гордый своимъ латинскимъ просвѣщеніемъ и платоновской философіей[2], онъ любилъ принимать видъ равнодушнаго и пресыщеннаго человѣка, заявляя, что самая власть утомляетъ и скоро надоѣдаетъ ему и что королевская власть не стоитъ того, чтобы для защиты ея пачкать свои руки въ крови невинныхъ. Въ сущности, его слабая и трусливая природа страшилась тревоги битвъ; онъ охотнѣе занимался дипломатическими переговорами, гдѣ открывался широкій просторъ его вѣроломству, и изъ корыстолюбія торговалъ своимъ достоинствомъ, только бы сохранить и увеличить свое богатство. Обладая очень подвижнымъ умомъ и впечатлительнымъ и измѣнчивымъ характеромъ[3], онъ одинаково легко падалъ духомъ и пріобрѣталъ увѣренность, былъ неспособенъ къ твердымъ рѣшеніямъ и опредѣленнымъ стремленіямъ, едва прикрывая все это претенціознымъ философскимъ лоскомъ, который однако не могъ обмануть внимательнаго наблюдателя относительно недостатка у него энергіи, храбрости и характера.

68. Серебр. монета Теодата съ изобр. Юстиніана.

Велизарію не трудно было справиться съ такимъ противникомъ. Онъ безъ сопротивленія занялъ Сицилію; Палермо, который только одинъ пытался дать отпоръ, сдался послѣ послѣ короткаго сопротивленія и къ концу 535 г. этотъ большой островъ, котораго Іорданесъ называлъ «кормилицей готовъ»[4], снова сталъ византійскою провинціею. Теодатъ даже не пытался защищаться противъ этого внезапнаго нападенія. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, онъ, подъ вліяніемъ страха и, «чувствуя, что на его голову уже пала участь Гелимера»[5], велъ унизительные переговоры и для умилостивленія Юстиніана соглашался на самыя широкія уступки. Онъ до такой степени безпокоился и такъ боялся, чтобы его предложенія не были отвергнуты императоромъ, что, вслѣдъ за уѣзжавшимъ византійскимъ посломъ, отправилъ въ Константинополь съ возможною поспѣшностью въ качествѣ посредника самого папу Агапита[6]. Потомъ вдругъ, съ обычною своею непослѣдовательностью, при одномъ только слухѣ объ успѣхѣ, одержанномъ готами въ Далмаціи, быть можетъ зная

1. B. G., 31.
2. Id., 16–17.
3. Id., 34.
4. *Jordanes*, Getica, 60.
5. B. G., 29.
6. Id., 29–32.

также, что Велизарій очень нуженъ въ Африкѣ, куда его могутъ внезапно отозвать, Теодатъ набрался смѣлости, сталъ несговорчивъ, высокомѣренъ и, считая, что теперь онъ можетъ себѣ позволить все, приказалъ заключить въ тюрьму посланниковъ базилевса[1]. Тогда началась рѣшительная война.

Очевидно, что для того, чтобы задержать наступленіе византійцевъ, требовалось нѣчто другое, нежели медлительная и мимолетная энергія Теодата. И это сказалось очень скоро. Въ то время, когда одинъ изъ императорскихъ генераловъ снова завладѣлъ Далмаціей, Велизарій въ маѣ 536 г. вступилъ въ Италію черезъ Регіумъ и итальянское населеніе, ненавидѣвшее остготовъ, привѣтствовало его, какъ своего освободителя[2]. Затѣмъ онъ осадилъ и взялъ Неаполь, который былъ при этомъ жестоко разграбленъ византійцами[3], тогда какъ Теодатъ, вмѣсто того, чтобы идти спасать его, ограничивался обращеніемъ къ оракуламъ. Сдѣлавшись послѣ взятія этого важнаго города обладателемъ всей южной Италіи, патрицій въ концѣ 536 г. сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ. По зову римскаго населенія и особенно ободренный присланными къ нему папою Сильверіемъ[4] уполномоченными, Велизарій пошелъ на Римъ и 10 декабря занялъ его, при чемъ находившійся въ немъ остготскій гарнизонъ не сдѣлалъ даже попытки сопротивленія, и установилъ въ вѣчномъ городѣ власть Юстиніана.

Столь быстрые и блестящіе успѣхи, казалось, обезпечивали скорое завоеваніе всей Италіи и въ Константинополѣ были такъ увѣрены въ этомъ, что императоръ считалъ уже возможнымъ ввести въ Сициліи управленіе, какъ особой провинціи[5]; но у остготовъ было больше энергіи, чѣмъ у вандаловъ. Еще до взятія Рима Велизаріемъ произошла военная революція, неспособный Теодатъ былъ низвергнутъ и армія варваровъ, возвратясь къ старымъ германскимъ обычаямъ, провозгласила королемъ одного изъ своихъ вождей — Витигеса[6]. Это былъ солдатъ темнаго происхожденія, но испытанной храбрости; онъ прославился въ ста сраженіяхъ[7] и «свободный выборъ народа», какъ говоритъ Кассіодоръ, естественно,

1. B. G., 36.

2. Id., 38—39. Велизарій представлялъ себя въ своихъ прокламаціяхъ исполняющимъ эту задачу. Id., (40—41).

3. B. G., 53—55; Lib. pont., Vita Silv., 3; *Jordanes*, Romana, 370; *Marcell.* com., a. 536.

4. B. G., 73—74.

5. Nov. 75 (537 г.). О титулахъ, принятыхъ императоромъ, см. Nov. 17 (апрѣль 535 г.), 42 (іюль 536 г.) и 43 (май 537 г.).

6. *Jordanes*, Romana, 372.

7. B. G., 58.

палъ на этого человѣка, столь не похожаго на Теодата,—на воина, который «зналъ, какъ товарищей, самыхъ храбрыхъ изъ своихъ солдатъ и въ битвѣ сражался съ ними плечомъ къ плечу»[1]. Къ несчастью, этотъ энергическій солдатъ, превосходно дѣйствовавшій на второстепенныхъ роляхъ, обладалъ очень посредственными способностями какъ главнокомандующій и политикъ. Онъ не понялъ, что главною задачею его было остановить во что бы то ни стало дальнѣйшій походъ Велизарія; вмѣсто этого, сосредоточивъ свое вниманіе на нашествіе франковъ, онъ считалъ болѣе важнымъ избавиться сначала отъ врага, наступавшаго съ сѣвера, чтобы потомъ имѣть возможность броситься со всѣми своими силами на византійцевъ. Съ другой стороны, получивъ такъ недавно королевскій санъ, онъ считалъ его недостаточно обезпеченнымъ и желалъ узаконить свою кажущуюся узурпацію законнымъ бракомъ съ принцессою изъ рода Теодориха. Среди всѣхъ этихъ заботъ, онъ потерялъ драгоцѣнное время; вмѣсто того, чтобъ идти на югъ, онъ отступилъ къ Равеннѣ и, какъ лойяльный и наивный варваръ, считалъ достаточнымъ потребовать отъ римлянъ торжественной присяги въ вѣрности[2]. При извѣстіи объ его отступленіи Велизарій двинулся впередъ, между тѣмъ Витигесъ терялъ драгоцѣнное время на празднованіе въ Равеннѣ своего брака[3], на переговоры съ франками, движеніе которыхъ онъ остановилъ уступкою имъ Прованса[4] и даже на посылку пословъ къ Юстиніану. Паденіе Рима и быстрые успѣхи императорской арміи, занимавшей уже Нарни, Сполето и Перузу сразу пробудили его отъ его неблагоразумнаго бездѣйствія и тогда энергически, «какъ разъяренный левъ», говоритъ хроникеръ Іорданесъ[5], онъ вступилъ въ борьбу съ грозившею опасностью; но ему было не подъ силу бороться съ Велизаріемъ. Его упрямая и неразумная отвага была не менѣе гибельна для остготовъ, какъ и трусость Теодата[6].

69. Витигесъ, по изображенію на мѣдной монетѣ.

1. *Cassiod.*, Var., X, 31, 33. См. похвалу, дѣлаемую ему Кассіодоромъ въ официальной рѣчи, произнесенной имъ передъ новымъ королемъ, отъ которой дошло до насъ нѣсколько обрывковъ (Изд. Моммзена, стр. 473—480).

2. B. G., 61.

3. *Jord.*, Rom., 373; B. G., 61; *Marcell.* com., a. 536: plus vis copulat quam amore.

4. B. G. 73.

5. *Jord.*, Get., 138.

6. B. G., 273.

Тщетно Витигесъ съ 150000 арміей началъ осаду Рима (въ мартѣ 537 г.) [1]; тщетно онъ простоялъ болѣе года подъ стѣнами вѣчнаго города, — всѣ его усилія разбились предъ удивительною энергіею Велизарія. У послѣдняго было едва

70. Porta Asinaria въ Римѣ.

5000 солдатъ; но для него ихъ оказалось достаточно на все. Ни разрушеніе водопроводовъ, совершенное готами съ цѣлью отнять воду у осажденныхъ, ни отчаянные приступы, ни продолжительная блокада, ни изнурительныя болѣзни солдатъ,—ничто не могло сломить сопротивленія Велизарія. Пока

1. B. G., 82.

онъ будетъ живъ, такъ писалъ онъ въ прекрасномъ письмѣ къ Юстиніану[1], Римъ никогда не попадетъ подъ власть варваровъ. Такая блестящая защита тронула, наконецъ, императора и Велизарію были посланы одно за другимъ подкрѣпленія[2], которымъ удалось прорвать блокаду и доставить припасы осажденному городу. Въ то же время, въ началѣ 538 г., другая императорская армія, подъ начальствомъ Іоанна, племянника Виталіана, высадилась на берегахъ Адріатическаго моря, завладѣла Пиценумомъ и захватила Римини, все истребляя на своемъ пути огнемъ и мечемъ. По призыву миланскаго архіепископа, византійскія войска сдѣлали высадку въ Лигуріи и заняли важнѣйшій городъ сѣверной Италіи. Владѣя флотомъ и не имѣя противниковъ на морѣ, имперцы могли повсюду наносить рѣшительные удары. Испуганный этими успѣхами и сознавая невозможность продолжать дольше осаду Рима съ своимъ порѣдѣвшимъ войскомъ, Витигесъ рѣшился начать отступленіе (въ мартѣ 538 г.), а Юстиніанъ сталъ относиться къ Италіи, какъ уже покоренной странѣ[3]: для управленія ею онъ назначалъ префекта преторія[4] и для окончанія завоеванія, а быть можетъ также для наблюденія за Велизаріемъ, онъ послалъ въ серединѣ 538 г. новую армію въ 7000 человѣкъ подъ начальствомъ Нарзеса[5].

Извѣстно, какимъ образомъ разладъ двухъ генераловъ замедлилъ почти на два года ожидавшійся успѣхъ. Имъ удалось однако спасти Римини отъ нападенія Витигеса, но несогласія эти парализировали всѣ операціи и повели къ неудачѣ искусный планъ Велизарія относительно сѣверной Италіи. Миланъ былъ взятъ обратно готами и залитъ кровью, а затѣмъ франки Теодеберта, считая данный моментъ очень выгоднымъ для ихъ цѣлей, перешли Альпы и жестоко разграбили долину р. По, одинаково возмущая своимъ варварствомъ и готовъ и имперцевъ. Наконецъ въ 539 г. Юстиніанъ рѣшился отозвать Нарзеса и предоставилъ одному Велизарію руководительство военными операціями[6]. Немедленно ходъ дѣлъ быстро измѣнился и одни за другимъ пали Фезулы въ Тосканѣ, Ауксимумъ въ Пиценѣ (послѣдній послѣ семимѣсячной осады). Подъ вліяніемъ угрозъ Велизарія и быть можетъ еще болѣе вслѣдствіе болѣзней и голода франки на-

1. B. G., 114—116.
2. Id., 116. 125—126, 163—164.
3. Nov. 69, epil (май 538 г.).
4. B. G., 101.
5. Id., 109.
6. Id., 235.

чали отступленіе[1]. Истощивъ всѣ средства и быть можетъ потерявъ бодрость, Витигесъ,—этотъ храбрый, но подавленный неудачами варваръ[2],—бросился къ Равеннѣ, не теряя еще надежды, что диверсія Хозроя, съ которымъ онъ вступилъ въ переговоры[3], заставитъ Юстиніана отозвать своихъ солдатъ изъ Италіи, чтобы двинуть ихъ на востокъ. Однако, энергія и рѣшительность Велизарія уничтожили этотъ послѣдній шансъ успѣха; въ концѣ 539 г. онъ осадилъ Равенну всѣми своими силами. Началась послѣдняя борьба.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ осады (въ маѣ 540 г.) остатки арміи и народа остготовъ, упавшіе духомъ отъ своихъ неудачъ и побуждаемые голодомъ, стали склоняться къ тому, чтобы сложить оружіе. Напрасно теперь короли фран-

71. Равеннскій дворецъ (мозаика ц. св. Аполлинарія Nuovo).

ковъ предлагали имъ свой союзъ, при чемъ ихніе послы не безъ нѣкотораго хвастовства говорили о 500.000 воинахъ, готовыхъ перейти Альпы и своими страшными копьями разбить, какъ стекло, императорскую армію[4],—готы отвергли эти обманчивыя предложенія и поддержку, опасность которой они хорошо понимали, и только искали способа для почетнаго соглашенія съ Юстиніаномъ. Съ своей стороны и императоръ склонялся къ переговорамъ. Общее положеніе дѣлъ въ его государствѣ было очень серьезно: на Дунаѣ грозило опасное нашествіе славянъ; въ Азіи,—волновалась Персія. Поэтому базилевсъ былъ сговорчивъ; онъ удовольствовался требованіемъ части Италіи, лежащей къ югу отъ р. По, предоставляя земли къ сѣверу отъ нея варварамъ, которые были очень счастливы окончить этою цѣною войну,

1. B. G., 250—251.
2. Id., 273.
3. Id., 237; G. P., 156.
4. Id., 261—263.

могущую затянуться на очень долгое время[1]. Послѣ этого произошелъ одинъ эпизодъ, бросающій интересный свѣтъ на византійскіе нравы VI вѣка. Несмотря на ясно выраженную волю императора, Велизарій, первый разъ въ своей жизни, отказался повиноваться ей; онъ хотѣлъ полной побѣды, желалъ взять въ плѣнъ короля готовъ, какъ раньше взялъ короля вандаловъ, и рѣшительно объявилъ, что не подпишетъ договора. Тогда у готовъ, у которыхъ бѣдствія голода становились все сильнѣе, явилась необыкновенная мысль. Они много разъ имѣли случаи оцѣнить храбрость и высокія военныя качества византійскаго генерала, а потому рѣшились предложить ему сдѣлаться ихъ королемъ и вновь со-

72. Портъ Классисъ. (Мозаика въ ц. св. Аполлинарія Nuovo).

здать для себя Западную Имперію, а для того, чтобы облегчить соглашеніе, самъ Витигесъ изъявилъ готовность сложить съ себя корону[2]. Въ виду этихъ предложеній Велизарій поколебался, но въ концѣ концовъ онъ рѣшился остаться вѣрнымъ своему императору; но случай былъ слишкомъ хорошъ и неожиданъ, чтобы онъ не постарался извлечь изъ него выгоды. Поэтому онъ притворился, что принимаетъ сдѣланныя ему предложенія, потребовавъ однако, чтобы ему открыли ворота въ Равенну, и далъ всѣ обѣщанія, которыя отъ него желали получить, но только отложилъ на нѣсколько дней присягу, которую долженъ былъ принести въ качествѣ короля. Такимъ способомъ онъ овладѣлъ Равенной. По его приказанію византійскій флотъ съ пшеницею и пищевыми запасами для города проникъ въ портъ Классисъ и самъ онъ во главѣ своей гвардіи совершилъ торжественный въѣздъ въ Равенну,

1. B. G., 266.

2. Id., 267—269.

окруженный готами, привѣтствовавшими своего новаго главу Только жены варваровъ, видя ничтожное число и тщедушный видъ византійскихъ солдатъ, бранили своихъ мужей, что они уступили такимъ противникамъ и упрекали ихъ въ трусости.[1] И онѣ были правы: Велизарій вскорѣ сбросилъ маску. Вѣроломный генералъ объявилъ, что онъ ничего не искалъ для себя, удививъ готовъ такимъ необычайнымъ самоотреченіемъ. Во всемъ остальномъ онъ, однако, сдержалъ свои обѣщанія: городъ не былъ разграбленъ и частное имущество осталось неприкосновенно; но въ видахъ предосторожности много варваровъ было удалено изъ города съ цѣлью дать въ Равеннѣ преобладаніе римскому элементу.

II.

Послѣ пятилѣтней войны, Италія казалась окончательно завоеванной. Витигесъ, отправленный въ Константинополь со всею своею семьею и цвѣтомъ готской аристократіи, окончилъ свои дни въ столицѣ, какъ византійскій патрицій; сокровища Теодориха были присоединены въ Священныхъ Палатахъ къ богатствамъ, захваченнымъ въ Карѳагенѣ[2]. Къ своимъ титуламъ Африканскаго и Вандальскаго Юстиніанъ хвастливо прибавилъ еще Готскій и совершенно увѣренный, что борьба кончена,—такъ какъ продолжали сопротивленіе только Верона и Павія,—онъ отозвалъ Велизарія и приступилъ къ административной организаціи своей новой провинціи. Съ тою же лихорадочною поспѣшностью, которую онъ проявилъ въ Африкѣ, Юстиніанъ образовалъ изъ наполовину завоеванной Италіи префектуру преторія[3] и назначилъ чиновника на высокую должность префекта[4]. Ему казалось, что наступило время для введенія въ дѣйствіе новаго гражданскаго устройства въ странѣ. Высшая власть была вручена имъ префекту преторія Аѳанасію, который прибылъ въ мѣсто своего пребыванія—Равенну въ 540 г.[5]. Армія, уменьшенная до размѣровъ обыкновеннаго оккупаціоннаго корпуса, не имѣла болѣе своего особаго главнокомандующаго; наконецъ,

1. B. G., 270–271.

2. Id., 280.

3. Nov. 69, epil. (май 538 г.); 79, 2 (мартъ 539 г.). Въ это время Юстиніанъ говоритъ по поводу Италіи обо «всемъ Западѣ», какъ находящемся подъ его властью.

4. B. G., 238.

5. Id., 270.

какъ было и въ Африкѣ, финансовая реорганизація совершалась тѣмъ же путемъ, какъ и реорганизація управленія новою территоріей[1], и такъ же, какъ въ Африкѣ, дальнѣйшій ходъ событій очень быстро опровергъ всѣ иллюзіи императорскаго оптимизма.

Готы, сначала подавленные паденіемъ Равенны и изъявившіе готовность подчиниться Велизарію[2], быстро оправились при извѣстіи объ отъѣздѣ патриція. Въ области къ сѣверу отъ р. По они были еще сильны. Они рѣшились продолжать борьбу, найдя себѣ вождя въ лицѣ Ильдибальда, племянника короля вестготовъ Тейдиса, «желавшаго сохранить готскому народу обладаніе Италіей»[3]. Чтобы справиться съ начавшеюся опасною агитаціею, было бы достаточно энергическаго и искуснаго нападенія, но оно было невозможно вслѣдствіе обычныхъ пороковъ византійской арміи. Генералы, теперь равные между собою по значенію, пререкались вмѣсто того, чтобы дѣйствовать; солдаты, утомленные борьбою, недовольные неполученіемъ жалованья и замедленіемъ въ исполненіи данныхъ имъ обѣщаній, не повиновались, отказываясь идти въ походъ, и своимъ добровольнымъ бездѣйствіемъ, очень помогли своему врагу[4]. Слѣдовало, по крайней мѣрѣ, постараться привлечь къ себѣ въ только что завоеванной странѣ симпатіи населенія, но плохая финансовая политика разочаровала итальянцевъ въ новомъ режимѣ[5]. Нуждаясь въ деньгахъ, императорскіе логоѳеты взыскивали въ этихъ страшно разоренныхъ войною[6] странахъ съ крайнею суровостью старыя недоимки налоговъ, еще за время готскихъ королей. При такихъ обстоятельствахъ авторитетъ византійцевъ былъ сильно поколебленъ и только нужно было появиться смѣлому противнику, способному пробить брешь въ созданномъ ими зданіи, чтобы все оно рухнуло.

Такой человѣкъ явился въ концѣ 541 г. въ лицѣ Тотилы, наиболѣе славнаго послѣ великаго Теодориха изъ остготскихъ королей. Несмотря на то, что онъ достигъ престола при нѣсколько смутныхъ обстоятельствахъ (онъ готовъ былъ подчиниться императору и велъ объ этомъ переговоры[7]

1. B. G., 284.
2. Id., 271—272.
3. Id., 284.
4. Id., 283, 285.
5. Id., 284—285.
6. Ср. B. G., 226—228. Голодъ былъ страшный: въ Эмиліи и въ Пиценумѣ умерло отъ голода 50000; Тоскана обратилась въ пустыню и т. д.
7. B. G., 288.

какъ разъ въ то время, когда смерть короля Ильдибальда и выборъ готовъ открыли для его честолюбія самыя широкія перспективы),—этотъ послѣдній защитникъ готской національности является личностью необыкновенно плѣнительною и симпатичною. Очень умный, чрезвычайно смѣлый и гораздо болѣе искусный, чѣмъ его предшественники, онъ своею доблестью и предпріимчивостью удивлялъ своихъ соотечественниковъ [1], а рыцарскими качествами вызывалъ уваженіе своихъ противниковъ. Прокопій хвалитъ его гуманность, которой не ожидали, говоритъ онъ, отъ врага и варвара [2]. И дѣйствительно этотъ варваръ, не смотря но то, что долженъ былъ вести безпощадную борьбу, умѣлъ быть милостивымъ къ побѣжденнымъ и милосерднымъ къ своимъ врагамъ. Въ Неаполѣ онъ безъ выкупа отпустилъ взятый въ плѣнъ византійскій гарнизонъ и принялъ трогательныя мѣры для раздачи съѣстныхъ припасовъ оголодавшему населенію, которое въ нихъ нуждалось [3]. Въ Римѣ, взятомъ штурмомъ, онъ запретилъ избіенія, защищалъ женщинъ противъ насилій со стороны его солдатъ и внялъ мольбамъ діакона Пелагія [4].

73. Тотила по изображенію на мѣдной монетѣ.

Онъ велъ войну, никогда не разоряя тѣхъ странъ, по которымъ шелъ [5], желая этимъ, какъ онъ говорилъ, заслужить для остготовъ въ возмездіе божеское благоволеніе [6], потерянное преступленіями Теодата. Конечно, онъ проявлялъ строгость, особенно на словахъ, къ начальникамъ, къ тѣмъ римскимъ патриціямъ, которыхъ онъ обвинялъ въ низкомъ предательствѣ, и несомнѣнно, что въ припадкѣ грандіознаго варварства, онъ задумалъ стереть Римъ съ лица земли [7], но въ первомъ случаѣ онъ скоро смягчился и простилъ, а во второмъ—склонился на предстательство Велизарія и понялъ какое преступленіе онъ готовъ былъ совершить противъ цивилизаціи [8]. Всѣ эти качества, для того времени неожиданныя и поразительныя, очень скоро привлекли на его сторону низшіе классы Италіи и притѣсняемыхъ крупными собственниками сельскихъ жителей, положеніе которыхъ онъ старался улучшить искусными мѣрами [9]. Этимъ именно и

1. B. G., 288.
2. Id., 308.
3. Id., 308—309.
4. Id., 365.
5. Id., 327.
6. B. G., 311—312, 365—367.
7. Id., 371.
8. Id., 371—372.
9. Ср. *Hartmann*, loc. cit., 305—306.

объясняется почему Тотила могъ въ теченіе одиннадцати лѣтъ справляться съ направленными противъ него всѣми силами имперіи, вновь завоевать всю Италію и погубить военную славу Велизарія.

Онъ переходилъ отъ одного успѣха къ другому. Въ 542 г. всего съ 5000 человѣкъ онъ перешелъ р. По, не встрѣтивъ сопротивленія, и вскорѣ побѣды при Фаенца и Мужиллo отдали ему центральную Италію. Затѣмъ съ большимъ стратегическимъ искусствомъ онъ бросился на югъ полуострова и послѣдовательно захватилъ Бруціумъ, Калабрію, Апулію и Луканію,—области, наименѣе пострадавшія отъ войны, въ которыхъ онъ легко могъ собрать государственную подать и въ которыхъ имѣлись обширныя частныя земельныя имущества. Въ средствахъ владѣльцевъ такихъ латифундій, принадлежавшихъ къ императорской партіи, онъ могъ найти необходимыя для него рессурсы[1]. Въ 543 г. онъ овладѣлъ даже Неаполемъ, а у Адріатическаго моря осадилъ Отранте, — портъ, чрезъ посредство котораго имперцы получали всѣ свои припасы. Въ то же время онъ интриговалъ въ Ри распространяя въ немъ манифесты, въ которыхъ напоминалъ о мягкости остготскаго управленія и о жестокости грековъ[2]. А въ это время запертые въ укрѣпленныхъ крѣпостяхъ и изолированные другъ отъ друга византійскіе генералы предоставляли полную свободу дѣйствій своему врагу и обращались лишь съ безнадежными мольбами о помощи къ императору[3].

74. Серебрян. монета Тотилы съ изображ. Анастасія.

Наконецъ Юстиніанъ рѣшился снова отправить Велизарія въ Италію (въ 544 г.); но онъ послалъ его безъ арміи, безъ денегъ, безъ всякихъ средствъ[4], и на этотъ разъ Велизарій, побѣдитель Гелимера и Витигеса, парилизуемый нерасположеніемъ къ нему военныхъ начальниковъ, которые должны были служить подъ его начальствомъ, оказался ниже своей славы. Прежде всего онъ потерялъ дорогое время въ Далмаціи; потомъ, довольный тѣмъ, что ему удалось снабдить припасами Отранте, онъ расположился лагеремъ въ Равеннѣ и далѣе не трогался (545 г.). Въ это время Тотила продолжалъ дѣлать успѣхи: одинъ за другимъ, онъ занялъ города: Ауксимумъ, Фирмумъ, Аскулумъ, Сполету, Ассизи

1. B. G., 301–302, 327.
2. Id., 313–314.
3. Id., 312.
4. Id., 316, 325–326.

и Клузіумъ. Овладѣвъ проходами черезъ Апеннины, онъ прервалъ всѣ сношенія между Равенной и Римомъ и, обезпечивъ такимъ образомъ свой тылъ, обложилъ Римъ (546 г.). Тщетно Велизарій, слишкомъ поздно понявшій послѣдствія своего гибельнаго бездѣйствія[1], силился съ помощью подкрѣпленій, прибывшихъ наконецъ къ нему съ востока, прорвать блокаду вѣчнаго города, дѣйствуя съ моря. Счастье перестало ему улыбаться и при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ онъ казалось потерялъ свои обычныя качества рѣшительности и хладнокровія, которыя прежде обезпечивали ему успѣхъ. Особенно это сказалось во время плачевной битвы при Порто, когда въ тотъ моментъ, когда Велизарій уже былъ близокъ къ тому, чтобы помочь и спасти Римъ, онъ ребячески растерялся и вслѣдствіе ложнаго слуха, котораго онъ даже не попытался провѣрить, отступилъ, бросивъ все на произволъ. Подавленный этою неудачей, больной лихорадкою, патрицій долженъ былъ оставаться безсильнымъ зрителемъ паденія города (17 декабря 546 г.) и всѣхъ послѣдовавшихъ за нимъ событій. Когда Тотила, раздраженный высокомѣрнымъ отказомъ Юстиніана на всѣ его предложенія о мирѣ[2], пригрозилъ сжечь Римъ и превратить занимаемое имъ мѣсто въ обширное пастбище, Велизарій долженъ былъ ограничиться просьбами, обращенными къ королю готовъ, о милосердіи вѣчному городу[3]; когда же Тотила, обезпокоенный успѣхами, одержанными имперцами на югѣ Италіи, рѣшился очистить Римъ, увозя съ собою плѣнный сенатъ и изгнавъ все населеніе изъ родного города, патрицій не предпринялъ ничего, что могло бы помѣшать намѣренію короля или затруднить его походъ. Такимъ образомъ свершилось событіе, неслыханное въ исторіи и никогда болѣе не повторившееся: Римъ въ теченіе сорока дней оставался совершенно безъ жителей, превратясь въ пустыню[4].

Наконецъ Велизарій воспрянулъ. Смѣлымъ ударомъ, казавшимся сначала окружавшимъ его настоящимъ безуміемъ[5], онъ бросился въ оставленный Римъ и побѣдоносно отразилъ наступательныя попытки Тотилы (547 г.). Хотя этотъ

1. B. G., 329.
2. Id., 368—369. Ср. стр. 342.
3. B. G., 371—372.
4. *Marcell.* comes, a. 547. *Bar-Hebraeus* (Chron. Syr. 84) сообщаетъ, что когда вѣсти объ этомъ несчастіи дошли до Константинополя, Юстиніанъ и сенатъ облеклись въ трауръ.
5. B. G., 377.

неожиданный успѣхъ и поколебалъ до нѣкоторой степени престижъ короля готовъ, однако военное счастье не покинуло послѣдняго. Императорская армія, разбросанная на пространствѣ между Равенною и Тарентомъ, повсюду была безсильна. Велизарій упорно держался въ Римѣ, а Іоаннъ ограничивался нѣсколькими удачными дѣйствіями на югѣ Италіи, но военнымъ дѣйствіямъ византійской арміи не доставало общаго руководительства и въ неурядицѣ, еще усиливавшейся отъ недостатка денегъ и раздора между генералами, нельзя найти слѣдовъ какого нибудь плана или стратегическихъ соображеній. Потребовалось вмѣшательство самого Юстиніана, давшаго Велизарію формальный приказъ принять начальство надъ всею арміею, сосредоточенной въ южной Италіи, и распорядившагося посылкою подкрѣпленій. Но и на этотъ разъ несогласія генераловъ сдѣлали невозможнымъ сколько нибудь серьезныя военныя дѣйствія. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ Велизарій переходитъ изъ одного города въ другой, изъ Рима въ Мессину, изъ Мессины въ Отранте, а въ это время Тотила напалъ и взялъ на сѣверѣ Перуджію, а на югѣ Росціанумъ (548 г.). Приведенный въ отчаяніе этими неудачами и бездѣйствіемъ, Велизарій отправилъ въ Константинополь свою жену Антонину въ надеждѣ, что она своею ловкостью и вліяніемъ на императрицу Ѳеодору вырветъ наконецъ отъ вялаго императора подкрѣпленія, становившіяся со дня на день все болѣе необходимыми[1]; но императрица только что умерла и все, чего могла достигнуть Антонина, это отозванія несчастнаго полководца изъ Италіи.

Современники очень строго осуждали послѣднюю италіянскую кампанію Велизарія. «Такимъ образомъ, говоритъ Прокопій, Велизарій безславно возвратился въ Византію. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ не могъ достаточно укрѣпиться въ Италіи; ему нигдѣ не удалось подвинуться впередъ; во все это время онъ долженъ былъ безпрестанно прятаться или бѣжать, плавая вдоль береговъ отъ одной крѣпости къ другой»[2]. Но было бы несправедливо сдѣлать Велизарія отвѣтственнымъ за его печальную бездѣятельность, въ которой онъ похоронилъ свою военную славу[3]. Что могъ онъ сдѣ-

1. B. G. 401.

2. Id., 427. Cp. Hist. arc., 36.

3. *Гиббонъ*, быть можетъ нѣсколько преувеличивая, говоритъ: «На взглядъ тѣхъ, кто умѣетъ различать намѣренія и событія и сопоставлять средства съ тѣмъ, что нужно было сдѣлать, Велизарій является болѣе вели-

нать съ своею слабою и дезорганизованною арміею, съ непослушными и враждебными ему генералами, радующимся возможности поставить его въ затруднительное положеніе или довести до неудачи его стратегическіе планы? Что могъ онъ предпринять съ навязаннымъ ему товарищемъ въ лицѣ Іоанна, племянника Виталіана, съ которымъ онъ былъ съ 538 г. въ серьезной ссорѣ, который, принадлежа теперь къ партіи Германоса, ненавидѣлъ Велизарія и Антонину, какъ фаворитовъ и орудія Θеодоры [1] и о ненависти и нерасположеніи котораго къ своему главному начальнику знала вся Италія? [2] И что, наконецъ, могъ онъ пытаться сдѣлать при полномъ отсутствіи денегъ, въ которое онъ былъ поставленъ, вслѣдствіе чего для полученія необходимыхъ средствъ онъ былъ вынужденъ безпощадно выжимать ихъ изъ населенія полуострова [3] и этими вымогательствами толкалъ своихъ естественныхъ союзниковъ въ руки Тотилы? Понятно, что при такихъ условіяхъ онъ не разъ былъ вынужденъ на самые ложные шаги, за которые его сурово осуждаетъ Прокопій, а въ то же время его самыя лучшіе планы приводили къ результатамъ, совершенно противоположнымъ тѣмъ, которые онъ ожидалъ [4]. Вотъ почему нѣкоторые его современники пришли къ заключенію, что самъ Богъ помогалъ Тотилѣ и готамъ [5].

Отъѣздъ Велизарія еще болѣе ухудшилъ и безъ того плачевное положеніе дѣлъ. Тотила снова занялъ Римъ (549 г.), въ которомъ на этотъ разъ онъ занялъ положеніе настоящаго государя съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать этотъ городъ столицею остготскаго королевства въ Италіи [6]. Онъ подвергъ тѣсной блокадѣ Центумцелле, грозилъ Анконѣ и заставилъ капитулировать Римини и Тарентъ (549 г.). Но онъ не ограничился этимъ. Съ помощью многочисленнаго флота, который былъ выстроенъ, благодаря его энергіи [7], ему удалось сдѣлаться распорядителемъ морскихъ путей. Его эскадры грабили Далмацію (549 г.), завоевали Сицилію (550 г.), Корсику, Сардинію (551 г.), опустошили Корциру и побережье Эпира (551 г.). Не прошло года послѣ отъѣзда Вели-

кимъ полководцемъ, тѣмъ въ то счастливое время, когда онъ привелъ двухъ плѣнныхъ королей къ престолу Юстиніана». (Изд. Bury, IV, 406—407).

1. Hist. arc., 37—38.

2. B. G., 386.

3. His. arc., 37.

4. B. G., 320.

5. Id., 329.

6. Id., 437. Ср. *Hartmann*, loc. cit., I, 322—323.

7. B. G., 437.

зарія, какъ въ рукахъ византійцевъ осталось только четыре приморскихъ города: Равенна, Анкона, Отранте и Кротона: «весь западъ, говоритъ Прокопій, былъ въ рукахъ варваровъ»[1]. Не смотря на просьбы италіянскихъ эмигрантовъ, нахлынувшихъ въ Византію, разныхъ Либеріевъ, Цетеговъ,

75. Фасадъ церкви св. Аполлинарія Nuovo въ Равеннѣ (*Clausse*, Basiliques et Mosaïques chrétiennes).

Кассіодоровъ, не смотря на мольбы папы Вигилія, старѣющій Юстиніанъ, къ тому же занятый преніями о Трехъ Главахъ, забывалъ въ праздныхъ теологическихъ спорахъ уже почти потерянную для имперіи Италію[2].

Однако, послѣ многихъ колебаній, императоръ рѣшился наконецъ сдѣлать послѣднее усиліе и въ 550 г. поручилъ

1. B. G., 416. 2. Id., 428—420.

своему племяннику Германосу задачу новаго завоеванія Италіи. Выборъ былъ удачный. Четырнадцать лѣтъ тому назадъ и при подобныхъ же обстоятельствахъ Германосъ замѣчательно успѣшно выполнилъ трудное дѣло подчиненія и умиротворенія возставшей Африки, и хотя, вслѣдствіе нерасположенія къ нему Ѳеодоры, онъ находился послѣдніе года вдали отъ дѣлъ, но его слава была такъ велика, что при одномъ слухѣ о назначеніи его главнокомандующимъ «готы, по выраженію Прокопія, пришли въ большое безпокойство, а римлянамъ возвратилась надежда»[1]. Уже по призыву новаго вождя, щедрость котораго была извѣстна, подъ его знамена стали отовсюду стекаться волонтеры[2], какъ вдругъ, къ несчастью для имперіи, Германосъ внезапно скончался въ Салоникахъ (въ концѣ 550 г.). Приходилось все начинать сызнова.

Теперь для нанесенія рѣшительнаго удара Юстиніанъ обратился къ Нарзесу, выборъ котораго вызвалъ сначала удивленіе[3]. Этотъ, уже престарѣлый, генералъ и евнухъ, котораго карьера была сдѣлана болѣе при дворѣ, чѣмъ въ лагеряхъ, обнаружилъ при дальнѣйшемъ веденіи дѣлъ энергію и необычную рѣшимость. Онъ смѣло поставилъ императору свои условія, заявивъ, что приметъ командованіе только въ томъ случаѣ, если ему будутъ даны необходимыя средства, и этимъ путемъ ему удалось побѣдить инерцію Юстиніана и добиться отъ него всего, что онъ давалъ въ такомъ чрезмѣрно умѣренномъ количествѣ его предшественникамъ, т. е. денегъ, оружія и солдатъ[4]. Въ теченіе зимы 551 — 552 г. Нарзесъ внимательно и не торопясь организовалъ въ Далмаціи свою армію, и такъ какъ его имя было очень популярно, а щедрость была извѣстна среди людей военнаго ремесла[5], причемъ нѣкоторые отряды варваровъ были даже особенно преданы ему[6], то для него не составило особаго труда присоединить къ регулярнымъ войскамъ, которыя онъ велъ съ собою изъ Византіи, и къ силамъ, уже собраннымъ Германосомъ, еще толпы наемныхъ варваровъ, гуновъ, лангобардовъ и геруловъ[7]. Въ то время, какъ онъ заканчивалъ сосредоточеніе этой арміи, быть можетъ, самой сильной изъ всѣхъ, которыя когда-либо ввѣрялись Юстиніаномъ его ге-

1. B. G., 130.
2. Id., 447.
3. Id., 570.
4. Id., 568.
5. Id., 599—600.
6. Id., 235, 600.
7. Id., 598—599.

нераламъ[1], и подготовлялъ все необходимое для вторженія весною 552 г. въ сѣверную Италію, на югѣ полуострова продолжали дѣйствовать другіе императорскіе генералы. Въ 551 г. Артабанъ снова овладѣлъ Сициліею, которую Тотила долженъ былъ очистить, чтобы направить свои силы противъ опасности, грозившей ему съ сѣвера, а на Адріатическомъ морѣ Іоаннъ одержалъ надъ остготскимъ флотомъ серьезную побѣду[2]. Анкона была освобождена отъ блокады, а Кротонѣ оказана помощь. Встревоженный Тотила, желая прійти къ соглашенію съ императоромъ, снова сдѣлалъ Юстиніану предложеніе о мирѣ. Онъ соглашался отдать Далмацію и Сицилію, требуя только, чтобы ему, какъ вассалу, была предоставлена разоренная Италія[3], но базилевсъ не хотѣлъ ничего слышать, и Тотилѣ оставалось начать рѣшительную и безнадежную борьбу.

Покуда Тотила сосредоточивалъ свои силы близъ Рима, Нарзесъ смѣлымъ и искуснымъ движеніемъ прошелъ къ Равеннѣ и, вызвавъ къ себѣ всѣ остававшіяся еще въ Италіи императорскія войска[4], двинулся къ югу, чтобы однимъ ударомъ и рѣшительнымъ сраженіемъ покончить войну. Онъ направился (въ маѣ или іюнѣ 552 г.) въ Тагинэ, въ Апеннинахъ. Остготская армія, отброшенная при первомъ же столкновеніи, бѣжала, охваченная паникою, въ крайнемъ безпорядкѣ. Самъ Тотила погибъ во время отступленія; это было гибелью государства остготовъ. Имперцы, въ началѣ сраженія видѣвшіе съ удивленіемъ, смѣшаннымъ со страхомъ, этого короля варваровъ, одѣтаго въ золото и пурпуръ, верхомъ на прекрасномъ конѣ, появлявшагося какъ страшное и величественное видѣніе между стоявшими другъ передъ

70. Серебрян. монета Тотилы, съ изображ. Юстиніана.

1. Точная цифра дѣйствительнаго состава арміи неизвѣстна, но есть нѣкоторыя указанія на значительность ея. Кромѣ римскихъ контингентовъ (гвардія Нарзеса, войска Валеріана, Дагистея, Іоанна, племянника Виталіана, и Іоанна Обжоры), состоявшихъ изъ большого числа кавалеріи и 8000 стрѣлковъ изъ лука, въ ней было 5200 лангобардовъ, 3000 геруловъ, къ которымъ нужно прибавить второй контингентъ этого же народа, 400 гепидовъ, большаго числа ([illegible]) гуновъ, персовъ и еще 1500 регулярной кавалеріи (B. G., 598—599, 618). Это составитъ при указанныхъ 18100 человѣкъ и съ тѣми войсками, точное число которыхъ неизвѣстно, армію изъ 30—35000 человѣкъ.

2. B. G., 578—585.

3. B. G., 585—586.

4. Въ то же время онъ уплатилъ имъ всегда запаздывавшее жалованье. B. G., 597.

другомъ двумя арміями[1], сначала не вѣрили гибели ихъ великаго противника. Чтобъ удостовѣриться въ своемъ счастьи, они выкопали изъ земли его трупъ, «долго созерцали его»[2], говоритъ Прокопій, и поняли, что теперь Италія окончательно покорена[3]. Тщетно остатки готскаго народа собрались вокругъ новаго короля Тейяса, чтобы продолжать безнадежную борьбу; послѣдовательно всѣ города центральной Италіи, Нарни, Перуджіа, Сполето и наконецъ Римъ, сдавались имперцамъ. Тщетно готы, чувствуя, что Италія потеряна для нихъ и что они бьются только ради чести и мести, избивали въ своей слѣпой ярости всѣхъ римлянъ, сенаторовъ и патриціевъ, которые попадали имъ въ руки или которыхъ они держали въ видѣ заложниковъ[4], — Нарзесъ твердо шелъ къ своей цѣли, осадилъ Кумы и въ битвѣ при Монте-Леттере (Mons Lactarius), у подножія Везувія, въ Кампаньѣ, разбилъ послѣднее войско варваровъ (въ началѣ 553 г.). Битва длилась два дня; это была борьба остервенѣлая, отчаянная, эпическая, «борьба героевъ», по собственному выраженію Прокопія[5]. Въ твердомъ рѣшеніи побѣдить или умереть, готы выпустили на свободу своихъ лошадей и упорно бились вокругъ своего короля, не отступая ни на шагъ. Даже смерть Тейяса не сломила ихъ упорства, и когда, наконецъ, вечеромъ, на второй день, измученные усталостью и жаждою, они рѣшились отказаться отъ дальнѣйшей борьбы, Нарзесъ не отказался войти въ почетное соглашеніе съ этими людьми, рѣшившимися умереть[6], и остатки готскаго народа съ ихъ оружіемъ и имуществомъ могли, никѣмъ не тревожимые, идти искать себѣ земли среди другихъ варваровъ, гдѣ они не могли сдѣлаться подданными Юстиніана[7].

77. Монета Тейяса съ изображ. Анастасія.

Но для Италіи, залитой кровью, опустошенной, разоренной семнадцатилѣтней войной, конецъ испытаніямъ еще не насталъ; франки воспользовались событіями, чтобы вовремя обезпечить себѣ господство на сѣверѣ полуострова. Они заняли часть Лигуріи и провинціи Коттійскихъ Альпъ,

1. B. G., 620.

2. Id., 626.

3. Какъ побѣдный трофей, были отправлены въ Константинополь окровавленныя одежды и діадема Тотилы (*Théophane*, 228).

4. B. G., 632—633.

5. Id., 639.

6. Id., 642.

7. Id., 641—642.

почти всю Венецію[1] и, заботясь только о собственныхъ интересахъ, отнеслись съ одинаковымъ презрѣніемъ, какъ къ обращеніямъ къ нимъ Тотилы, такъ и къ угрозамъ Юстиніана[2]. Однако, они попытались помѣшать походу Нарзеса[3] и не допустили имперцевъ послѣ битвы при Тагинахъ занять Верону[4]; теперь, когда Нарзесъ былъ занятъ завоеваніемъ Тосканы, они сочли, что для нихъ насталъ моментъ воспользоваться наслѣдствомъ готовъ. Въ срединѣ 553 г., два аламанскихъ вождя, Левтарисъ и Бутилинъ, двинулись съ 75.000 варваровъ на Италію, разбили близъ Пармы византійскую армію и весь край, отъ сѣвера до юга, предали огню и мечу. Къ счастью для Нарзеса, послѣдній вождь готовъ, Алигернъ, державшійся еще въ Кумахъ, предпочелъ, какъ прежде Витигесъ въ Равеннѣ, подчиниться скорѣе имперіи, чѣмъ франкамъ, столько разъ нарушавшимъ свои обѣщанія[5]. Благодаря такому неожиданному содѣйствію, византійскому генералу удалось разбить близъ Капуи (осенью 554 г.) наиболѣе сильную орду аламановъ и освободить отъ нихъ Италію. Капитуляція Компсе, гдѣ остготы Южной Италіи еще продолжали сопротивленіе, закончила умиротвореніе полуострова.

Наконецъ, послѣ двадцатилѣтней борьбы, Италія подпала подъ власть императора. Полагая, что война окончилась, народъ и солдаты старались забыться въ празднествахъ и забросили оружіе, которое считали теперь уже не нужнымъ[6], и Нарзесъ имѣлъ право поздравить себя въ тріумфальныхъ надписяхъ въ томъ, что своею энергіею и искусствомъ успѣлъ «согнуть суровыя души готовъ»[7]. Этотъ огромный и безспорный успѣхъ былъ, однако, купленъ очень дорогою цѣною. Часть древней итальянской префектуры, Паннонія, Рецiя и Норика, оставалась во власти варваровъ[8], и даже на сѣверѣ самаго полуострова такія сильныя крѣпости, какъ Бресчія и Верона, продолжали быть занятыми племенами готовъ, подчинившихся гораздо позже (563 г.). Но самое важное было то, что изъ этой долгой и ужасной войны Италія вышла совершенно разоренной. Она не только подвергалась всѣмъ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ борьбы,—

1. B. G., 586.
2. Id., 635. 587—590.
3. Id., 600.
4. Id., 628.
5. *Agath.*, 56.
6. Id., 88, 89.
7. C. I. L., VI, 1199, rigidas Gothorum subdere mentes.
8. B. G., 418.

постоянному опустошенію деревень, продолжительнымъ осадамъ, голоду, болѣзнямъ, избіеніямъ,—при чемъ одинаково страдала при походахъ какъ готовъ, такъ и имперцевъ; не только жестоко пострадали при этомъ самые большіе ея города—Римъ и Неаполь, но солдаты Юстиніана своими вымогательствами, грабежомъ и наглостью очень скоро заставили населеніе пожалѣть о тѣхъ варварахъ, освободителями отъ которыхъ они себя объявляли[1]. «Вожди императорской арміи, говоритъ Прокопій, вмѣстѣ съ солдатами грабили имущество подданныхъ и соперничали съ своими подчинен-

78. Саркофагъ въ Равеннѣ.

ными въ наглости и распутствѣ. Офицеры въ занятыхъ ими крѣпостяхъ держали женщинъ и предавались кутежамъ; солдаты не слушались никакихъ приказаній и совершали всякія безчинства. Вся Италія страдала отъ самаго жестокаго обращенія и ея обитателямъ оставалось только переносить насилія и умирать, такъ какъ они были лишены всего самого необходимаго»[2]. Но и это было не все. Чтобы добыть финансовыя средства, необходимыя для веденія войны, приходилось предавать еще не вполнѣ завоеванный край безжалостнымъ требованіямъ агентовъ фиска, и генералы и логофеты соперничали въ усердномъ истощеніи страны[3]. «Такимъ образомъ, говоритъ Прокопій, вся эта обширная земля была

1. B. G., 312.
2. Id., 312.
3. Hist. arcan., 37, 108.

почти лишена жителей; одни изъ нихъ погибли во время войны, другіе — отъ чумы и болѣзней, явившихся какъ послѣдствіе войны»[1]. И Тотила былъ совершенно правъ, когда, напоминая молчавшимъ сенаторамъ благодѣянія Теодориха и Амалазунты, спрашивалъ ихъ съ горькою ироніею, какое добро сдѣлалъ имъ Юстиніанъ, и указывалъ имъ на отнятый почетъ, на жестокость лагофетовъ, на налоги, требуемые съ одинаковою строгостью какъ во времена мира, такъ и во время войны, на всѣ тѣ блестящія доказательства того, что онъ называлъ въ насмѣшку «добрымъ расположеніемъ грековъ къ ихъ подданнымъ, великодушіемъ и величіемъ души солдатъ императора въ отношеніи ихъ друзей и хозяевъ»[2]. Наконецъ, набѣгъ аламановъ, болѣе жестокихъ и неумолимыхъ, чѣмъ всѣ остальные варвары[3], закончилъ разореніе. И вся Италія, опустошенная и обезлюденная, умоляла Юстиніана помочь ей, если онъ не желаетъ, «чтобы она погибла отъ невозможности уплачивать подати»[4].

Прогматическая санкція 554 года предназначалась для исцѣленія этого ужаснаго экономическаго и финансоваго кризиса. Тотила нанесъ жестокіе удары какъ отдѣльнымъ личностямъ, такъ, особенно, имуществамъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, подозрѣваемыхъ въ особой преданности Византіи; теперь Юстиніанъ однимъ почеркомъ пера уничтожалъ всѣ законы, изданные «тиранномъ», и возвратилъ ихъ законнымъ владѣльцамъ земли, стада, колоновъ и рабовъ, которые были отняты у нихъ конфискаціей, или которые они вынуждены были уступить изъ страха или вслѣдствіе насилія[5]. Въ дѣйствительности это были мѣры, главнымъ образомъ, политическаго характера, но Юстиніанъ принялъ и другія мѣры для устраненія кризиса, происходившаго отъ огромнаго количества долговъ[6], а также для облегченія подавляющей тяжести налоговъ[7]. Посредствомъ усиленія общественныхъ работъ[8], онъ повсюду старался поправить бѣдствія, причиненныя войною, но, не смотря на его добрыя намѣренія, потребность въ деньгахъ ложилась

1. B. G., 108.
2. Id., 308, 313—314.
3. *Agath.*, 51, 65.
4. Nov., App. VIII. *Agnellus* (95) говоритъ: A Basilii tempore consulatum agentis (541) usque ad Narsetem patricium provinciales Romani ubique ad nihilum redacti sunt. А папа Пелагій писалъ: Quia Italiae praedia ita desolata sint ut ad recuperationem eorum nemo sufficiat.
5. Pragm. Sanct. (Nov., App. VI) 2, 4, 5, 8, 15, 16.
6. Nov., App. VIII.
7. Pragm. Sanct., 18, 26.
8. Id., 25; *Mar. Avent.* a. 568.

слишкомъ тяжело на разоренный и потерявшій населеніе край, чтобы возможно было въ немъ серьезное возрожденіе. Крупная аристократія, возстановленная въ своихъ правахъ и владѣніяхъ, охраняемая и обогащаемая Церковь могли поздравить себя съ благоволеніемъ Юстиніана, но промышленность и торговля, за исключеніемъ, быть можетъ, Равенны и Неаполя, исчезли изъ городовъ; недостатокъ рукъ препятствовалъ развитію сельскаго хозяйства и оставлялъ громадныя пространства земли необработанными и пустынными [1].

Тѣмъ не менѣе Юстиніанъ могъ гордиться тѣмъ, что онъ достигъ исполненія самой дорогой для него честолюбивой мечты «возвратить Риму всѣ привилегіи Рима», какъ говоритъ одинъ современникъ [2], распространить на завоеванную страну всѣ благодѣянія новаго, изданнаго имъ законодательства [3], и учрежденіемъ префектуры преторія со всѣми ея полномочіями возстановить для населенія полуострова точный образъ римской имперіи въ томъ видѣ, въ какомъ оно знало его въ былое время [4]. Конечно, новая итальянская префектура была ограничена въ своихъ размѣрахъ: въ нее не входили ни Африка, ни Сицилія, ни Корсика, ни Сардинія; и несомнѣнно также, что новое управленіе, обязанное снабжать средствами всегда нуждавшееся въ деньгахъ правительство, должно было оказываться для страны очень тяжелымъ. Не менѣе чѣмъ тѣмъ, что онъ вырвалъ Италію изъ «тираніи» [5], Юстиніанъ гордился еще тѣмъ, что онъ установилъ въ ней «совершенный миръ» [6]. Онъ льстилъ себя увѣренностью, что сдѣлалъ все, чтобы избавить ее отъ «разоренія» [7] и охранить своихъ новыхъ подданныхъ отъ жадности своихъ чиновниковъ [8].

---

1. См. *Hartmann*, loc. cit., I, 356—367.
2. *Lydus*, стр. 248.
3. Pragm. Sanct., 11.
4. *Diehl*, Études sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne, 82—85.
5. Pragm. Sanct., 2.
6. Nov., App. VIII.
7. Id.
8. Pragm. Sanct., 18.

70. Церковь св. Аполлинарія Nuovo въ Равеннѣ.

C.—Завоеваніе Испаніи.

Къ завоеваннымъ уже Африкѣ и Италіи Юстиніанъ въ теченіе нѣкотораго времени могъ съ гордостью утѣшать себя прибавленіемъ еще и Испаніи. Уже нѣсколько разъ обстоятельства приводили его въ соприкосновеніе съ варварскимъ королевствомъ, которое замѣнило на иберійскомъ полуостровѣ императорское правительство. Въ 534 г. солдаты Велизарія выгнали вестготовъ изъ сильной крѣпости Септемъ, которую послѣдніе занимали въ Тингитанѣ[1]; позднѣе король Тейдисъ, по происхожденію остготъ, бывшій въ родствѣ съ однимъ изъ италіянскихъ остготскихъ королей[2], пытался оказать помощь своимъ соотечественникамъ, тѣснимымъ императорскими войсками, и сдѣлалъ смѣлую, хотя и неудавшуюся, диверсію нападеніемъ на византійскую провинцію Африки[3] (544). Этого было болѣе чѣмъ достаточно для Юстиніана, чтобы сдѣлать попытку, подъ этимъ предлогомъ, вмѣшаться въ дѣла Испаніи. Къ тому же и здѣсь обстоятельства, какъ и въ другихъ варварскихъ королевствахъ, слагались благопріятно для честолюбія императора.

Вестготская Испанія около 550 г. находилась въ глубокомъ упадкѣ. Одинъ за другимъ короли Тейдисъ (531—548) и его преемникъ Тейдигисклъ (548—549) были убиты[4], и къ такому очень смутному состоянію политическихъ дѣлъ неблагоразуміе короля Агилы (549 — 554), начавшаго преслѣдованія православныхъ, прибавило одновременно еще всю остроту религіозныхъ распрей[5]. Византія превосходно сумѣла воспользоваться этими раздорами. Одинъ узурпаторъ, по имени Атанагильдъ, возсталъ при содѣйствіи православныхъ противъ Агилы и естественно обратился за помощью великаго ортодоксальнаго императора, который только-что раздавилъ въ Африкѣ и Италіи аріанъ, и также естественно императоръ поспѣшилъ поддержать его[6]. Патрицій Либерій, римскій сенаторъ, вынужденный событіями поселиться въ Константинополѣ и которому незадолго до этого поручено было императоромъ овладѣть Сициліею[7], былъ посланъ въ

1. *Isid.*, Hist. Goth., стр. 284.
2. B. G. 174.
3. *Isid.*, Hist. Goth., стр. 284.
4. Id., стр. 284—285.
5. *Isid.*, стр. 285.
6. Id., Hist. Goth., 286.
7. B. G., 25, 433, 440 445, 451—45[illegible].

Испанію съ флотомъ и войсками [1]. Хотя онъ уже былъ старъ и едва ли годился для командованія арміями [2], но все же ему удалось въ теченіе нѣсколькихъ недѣль разбить силы короля Агилы и занять именемъ императора многіе укрѣпленные города на юго-востокѣ полуострова, напримѣръ, Картагену (Carthago Spartaria), Малагу, Кордову, Ассидону [3]. Болѣе сообразительные, чѣмъ варвары Африки и Италіи, вестготы скоро поняли опасность, грозившую ихъ независимости отъ вмѣшательства императора [4] въ ихъ дѣла; поэтому они прекратили внутренніе раздоры и соединились для борьбы съ нашествіемъ. Даже сторонники короля Агилы не поколебались ради общаго дѣла пожертвовать своимъ главою, предоставивъ тронъ Атанагильду (554). Новый король, ставши такимъ образомъ законнымъ государемъ, немедленно обратился противъ своихъ бывшихъ союзниковъ и хотя ему не удалось отнять отъ грековъ всѣ ихъ завоеванія [5], но онъ все же помѣшалъ дальнѣйшимъ успѣхамъ ихъ въ Испаніи.

Это было послѣднее завоевательное предпріятіе Юстиніана на Западѣ. Ему не удалось осуществить вполнѣ колоссальную мечту его честолюбія и вновь созданной имъ имперіи недоставало многихъ прежнихъ римскихъ провинцій. Хотя государство вандаловъ исчезло, но весь западъ Африки ускользнулъ отъ власти Византіи; хотя королевство остготовъ рухнуло, но все же значительная часть древнихъ провинцій, зависѣвшихъ отъ Италіи, Реціи и Норика, остались во власти варваровъ. Въ Испаніи королевство вестготовъ сохранило свою независимость, выдержавъ нападеніе имперцевъ; что касается Галліи, то несмотря на двусмысленное поведеніе франкскихъ королей, Юстиніанъ относился къ нимъ не столько какъ къ противникамъ, сколько какъ къ союзникамъ, которыхъ полезно сохранять, и императоръ даже согласился предоставить имъ Провансъ. Изъ этого видно какія жертвы должна была понести гордость базилевса и какъ далеки были мечты его политики отъ дѣйствительности. Однако, если, съ другой стороны, сравнить размѣры территоріи его монархіи въ томъ видѣ, въ какомъ онъ оставилъ ихъ, съ тѣми, которые она имѣла при его вступленіи на престолъ, то нельзя не удивляться поразительнымъ резуль-

1. *Jord.*, Getica, 58 (стр. 136).

2. B. G., 445.

3. *Georg. Cypr.*, изд. Гельцера, стр. XXXII—XLIII.

4. *Isid.*, Hist. Goth., стр. 286. Metuentes ne Spaniam milites auxilii occasione invaderent.

5. Id., 286.

татамъ, достигнутымъ его упорнымъ честолюбіемъ. Благодаря усиліямъ Юстиніана, Далмація, Италія, восточная Африка, юго-востокъ Испаніи и острова западнаго бассейна Средиземнаго моря, Сицилія, Корсика, Сардинія и Балеарскіе, вошли въ составъ его имперіи, и пространство его государства, вслѣдствіе этихъ завоеваній, почти удвоилось. Занятіемъ Септема власть императора распространилась до Геркулесовыхъ Столбовъ, и если исключить часть побережья, которую удержали за собою вестготы въ Испаніи и Септиманіи, а франки въ Провансѣ, то Средиземное море снова сдѣлалось римскимъ озеромъ, подъ главенствомъ Византіи. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать сколько было эфемернаго въ этихъ завоеваніяхъ, а еще болѣе—какими усиліями, страданіями и разореніемъ было куплено это торжество. И можно задаться вопросомъ—не принесли ли всѣ эти гигантскія предпріятія, требовавшія крайняго напряженія всѣхъ средствъ имперіи и, особенно, уклонявшія ее отъ естественнаго направленія, которое должна была имѣть ея политика,—въ концѣ концовъ болѣе вреда, чѣмъ пользы? Тѣмъ не менѣе не подлежитъ спору, что всѣмъ этимъ Юстиніанъ придалъ своей имперіи особый престижъ и блескъ, и что если отдаленные результаты его дѣла сомнительны, хотя и не настолько ничтожны, какъ это иногда думаютъ, то величіе самой задачи было дѣйствительно и безспорно, и въ свое время она дала не ребяческое удовлетвореніе его тщеславію, но обезпечила монархіи ту моральную силу, которою нельзя пренебрегать въ жизни каждаго государства.

II. Оборонительныя войны

Въ то время, когда Юстиніанъ, для осуществленія своихъ честолюбивыхъ замысловъ, направлялъ всѣ усилія своего оружія на Западъ, восточнымъ границамъ имперіи, почти лишеннымъ всякой защиты, грозила серьезная опасность. Недостаточность военныхъ силъ, которыми можно было располагать въ этой части государства, наносила тяжелый вредъ наиболѣе существеннымъ интересамъ имперіи. Это было оборотною стороною медали и какъ бы платежомъ за блестящіе успѣхи у вандаловъ и остготовъ. «Отъ Египта до границъ Персіи, говоритъ Прокопій, во все продолженіе этого царствованія, сарацины постоянно дѣлали нападенія на восточныхъ римлянъ и наносили имъ такой вредъ, что на всемъ этомъ пространствѣ край окончательно обезлюдилъ, и, какъ я думаю, никогда не удастся опредѣлить число погибшихъ въ этой борьбѣ. Персы и Хозрой троекратно вторгались въ римскую имперію и разрушали города, а жителей, которыхъ они находили какъ въ нихъ, такъ и въ деревняхъ, однихъ убивали, другихъ уводили въ неволю, и вездѣ, гдѣ они проходили, людей больше не оставалось» [1]. На Балканскомъ полуостровѣ гуны и славяне дѣйствовали со своей стороны, и хотя эта борьба часто обходилась очень дорого для нападавшихъ, тѣмъ не менѣе имперія чрезвычайно страдала отъ нихъ.

А.—Персидскія войны [2].

Персидское государство было въ теченіе многихъ вѣковъ постояннымъ врагомъ римлянъ въ Азіи. Границы обѣихъ государствъ не только соприкасались во многихъ мѣстахъ, особенно въ Месопотаміи, но даже тамъ, гдѣ не было непосредственнаго соприкосновенія ихъ, народцы, жившіе между ними, постоянно колеблясь между этими государствами,

1. Hist. arcan., 108—109.

2. Ср. *Bury*, Hist. of the later Roman empire, I, 372—380, 418—469. Въ этомъ сочиненіи исторія персидскихъ войнъ изложена очень точно.

служили постояннымъ искушеніемъ и давали вѣчные поводы для столкновеній. Между римскою Сиріею и долиною Ефрата блуждали племена арабовъ, изъ которыхъ однѣ считались вассалами Византіи, а другія—Персіи, при чемъ ихъ споры и безчинства часто являлись источникомъ затрудненій. Арменія, раздѣлившаяся съ IV вѣка на два государства, зависѣвшихъ одно отъ Персіи, а другое отъ имперіи, съ

80. Серебряная сассанидаская чаша съ изображеніемъ Хозроя II (590—627 гг.). (Кабинетъ медалей).

своей стороны служила источникомъ войнъ. Наконецъ, у подножія Кавказа населеніе страны Лазовъ и Иберіи то находилось въ подданствѣ базилевсовъ, то подъ покровительствомъ сассанидовъ. Но всѣ эти маленькія государства, - изъ которыхъ многія, особенно же Лазика, представляли важныя стратегическія и коммерческія позиціи,—и персы и римляне поочередно пытались либо распространить, либо поддерживать, свой протекторатъ, вслѣдствіе чего происходили

тяжелыя войны, которыя должны были одинаково ослабить какъ государство сассанидовъ, такъ и Восточную греческую имперію[1].

Въ серединѣ V вѣка персидская имперія утратила свое значеніе. Она была глубоко потрясена внутренними смутами: борьба между претендентами, оспаривавшими престолъ, столкновеніе царской власти съ высшей духовной и военной аристократіей, и религіозная и соціальная агитація маздакитовъ[2],—все это обусловило ея глубокое разстройство. Въ то же время извнѣ ей грозила чрезвычайная опасность: на сѣверо-восточной границѣ, со стороны Бактріаны[3], гефталиты или бѣлые гуны, воспользовавшись внутренними смутами государства, страшно опустошили страну. Когда одинъ изъ персидскихъ государей, Пероцъ, былъ убитъ врагами (484 г.), другой, Кабадъ, чтобы овладѣть престоломъ, призвалъ гуновъ[4]. Тѣмъ не менѣе персидская имперія оставалась еще способною вести борьбу, что и испытала Византія, когда въ 502 г. былъ нарушенъ миръ, заключенный въ 422 г. на на сто лѣтъ. Однако, не смотря на неудачи въ послѣдовавшей трехлѣтней войнѣ (502—505 гг.), Анастасій могъ безъ особенныхъ затрудненій превратить въ 507 г. городъ Дара, на границѣ Месопотаміи, въ сильную крѣпость, уничтожавшую значеніе персидской крѣпости Низибы[5]. Потомъ Юстинъ, въ свою очередь, счелъ возможнымъ прекратить выдачу вознагражденія, которое римляне платили Персіи за поддержаніе укрѣпленій, защищавшихъ проходы на Кавказъ, и сверхъ того онъ принялъ подъ свое покровительство Лазовъ и Иберовъ[6]. Кабадъ былъ старъ — ему въ то время было уже 75 лѣтъ — и озабоченъ обезпеченіемъ наслѣдованія трона своему сыну и потому былъ склоненъ на разныя уступки. Къ этому прибавлялась еще маздакитская ересь, которая, все болѣе волнуя страну, требовала особаго вниманія съ его стороны. Поэтому онъ долго ничего не предпринималъ и когда наконецъ, послѣ многихъ вызововъ, особенно же послѣ нападенія имперцевъ на Низибу, началъ въ 527 г. войну, то послѣдняя, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ,

1. *Bury*, loc. cit., I. 304—309.

2. О маздакитахъ см. у *Nöldeke*. Gesch. der Perser und Araber, стр. 455—467.

3. Гефталиты были отброшены до Согдіаны (области Бухары и Самарканда). Ср. *Ménandre*, 295.

4. B. P., 15—24.

5. B. P., 35—50. Относительно Дары см. B. P., 40—50; *Zach. Rh.*, 115—118, 343.

6. B. P., 56—59; *Malalas*, 412—413.

для византійской имперіи не была ни очень продолжительною, ни очень разорительною[1].

За исключеніемъ большого грабительскаго набѣга арабскаго эмира изъ Гиры Аламундара[2], который дошелъ въ 529 г. до стѣнъ Антіохіи, и ужаснаго вторженія гунновъ въ Сирію въ концѣ 531 г.[3],—всѣ военныя операціи происходили большею частью въ областяхъ, сосѣднихъ съ границею. Императорская армія, которую тогда еще не отвлекали войны на Западѣ, была достаточно сильна и могла оказывать серьезныя услуги; когда же въ 529 г. во главѣ ея былъ поставленъ Велизарій, то, конечно, она достигла бы важныхъ успѣховъ, если бы соперничество генераловъ и отсутствіе дисциплины въ войскахъ не парализовали много разъ дѣйствія главнокомандующаго. Не должно забывать, что оба противника не были всецѣло поглощены этою войною: Кабадъ былъ занятъ преимущественно внутренними смутами, а Юстиніанъ желалъ какъ можно скорѣе раздѣлаться съ нею, чтобы имѣть возможность дѣйствовать съ полною свободою на Западѣ. При такихъ условіяхъ, когда Велизарію удалось одержать въ 530 г. серьезную побѣду при Дарѣ, «первую побѣду надъ персами послѣ многихъ лѣтъ неудачъ», въ которой онъ въ первый разъ обнаружилъ силу своихъ военныхъ талантовъ[4], и когда другой генералъ въ то же время достигъ большихъ успѣховъ въ персидской Арменіи[5], — Юстиніанъ не счелъ нужнымъ серьезно воспользоваться всѣмъ этимъ. Съ другой стороны, когда въ слѣдующемъ году новое нашествіе персовъ на Сирію принудило Велизарія къ битвѣ при Каллиникумѣ[6], въ которой его армія потерпѣла жестокое пораженіе, персы точно такъ же не подумали воспользоваться своими успѣхами, какъ Юстиніанъ не думалъ объ отомщеніи за свою неудачу[7]. Вотъ почему во время этой войны переговоры за-

1 Относительно первой персидской войны слѣдуетъ обращаться, на ряду съ Прокопіемъ (B. P. 59—114), къ разсказу Малалы (427, 434—435, 441—442, 449—450, 452—453, 461—473, 477—488) и Захарія Митиленскаго (стр. 168—176), которые ведутъ свое повѣствованіе независимо отъ Прокопія. Сравненія ихъ разсказовъ см. у *Sotiriadis*'а, Johannes von Antiochia, стр. 116 и слѣд.

2 B. P., 88—89. Ср. *Malalas*, 434—435, а относительно личности Аламундара (Аль Мондиръ) — *Nöldeke*, loc. cit., 170—171.

3. *Zach. Rhet.*, 173—175, 188. *Mal.* 472—473. Chron. Edess., 136.

4. B. P., 62—74.

5. Id., 74—79.

6. Id., 91—97. *Malalas*, 463—464.

7. Тѣмъ не менѣе побѣдоносный Велизарій подвергся порицанію со стороны императора и былъ смѣщенъ (*Malalas*, 465—466. *Zach. Rh.*,

нимали такое же мѣсто, какъ и военныя операціи; когда же по смерти Кабада, въ сентябрѣ 531 г. на престолъ вступилъ его сынъ Хозрой Ануширванъ, то встрѣченныя имъ при этомъ затрудненія заставили новаго сассанидскаго государя быть еще болѣе сговорчивымъ[1]. Благодаря вліянію матери Хозроя, которая, какъ увѣряютъ, была тайно обращена въ христіанство[2], переговоры, начатые при вступленіи его на престолъ, закончились въ сентябрѣ 532 г. заключеніемъ «вѣчнаго мира»[3]. Юстиніанъ былъ очень доволенъ окончаніемъ войны и обязался ежегодно уплачивать за поддержаніе крѣпостей на Кавказѣ 110.000 фунтовъ золотомъ и обѣщалъ перенести изъ Дары въ Константину резиденцію герцога Месопотамскаго. Иберія отдавалась подъ покровительство сассанидовъ, а персы, съ своей стороны обязались очистить крѣпости въ землѣ лазовъ.

Таково было первое столкновеніе Юстиніана съ Персіей; но Хозрой былъ не такой человѣкъ, чтобы удовольствоваться своими первыми успѣхами. Греческіе писатели, особенно же Прокопій, описываютъ этого государя самыми черными красками, изображая его вѣроломнымъ, лицемѣрнымъ, лживымъ, не соблюдающимъ даннаго обѣщанія, часто безгранично жаднымъ и жестокимъ[4]. Сверхъ того онъ былъ честолюбивъ, любилъ войну и велъ ее безъ пощады и безъ милосердія. Тѣмъ не менѣе это былъ великій государь и, конечно, не безъ нѣкотораго основанія онъ былъ прозванъ «Справедливымъ». Во всякомъ случаѣ Хозрой удивительно умѣлъ управлять своимъ государствомъ, реорганизовалъ армію, реформировалъ порядокъ собиранія налоговъ, сдѣлавъ ихъ менѣе тягостными для подданныхъ и болѣе выгодными для своего казначейства, и увеличилъ количество сооруженій общественной пользы. Кромѣ того, своею энергіею онъ сумѣлъ объединить свое государство, привязать къ себѣ духовенство, не допустивъ его управлять собою, и могъ опираться на высшую знать, сдѣлавъ ее послушною своимъ желаніямъ[5]. Онъ даже былъ склоненъ къ милостивому от-

Объ отозваніи его см. *Haury*, II, 30—32). Со своей стороны персы осадили Мартирополисъ (531) (*Malalas*, 468—470), а ихъ союзники гуны разграбили Сирію до Антіохіи (въ дек. 531 г.) (*Zach. Rh.*, 173—175).

1. B. P., 109—110.

2. *Zach. Rh.*, 175—176.

3. B. P., 111—112, 113—114.

4. Id., 114; 192—195; *Agath.*, 271

5. Ср. *Nöldeke*, Geschichte der Perser und Araber, стр. 160—162, и текстъ *Tabari*, 154—164.

ношенію къ своимъ христіанскимъ подданнымъ и въ одномъ памятномъ обстоятельствѣ сумѣлъ дать Юстиніану хорошій примѣръ терпимости[1]. Конечно, онъ не былъ философомъ, хотя и любилъ выставлять себя знающимъ по гречески и читавшимъ Платона[2], но аѳинскіе профессора жестоко ошиблись, считая его способнымъ серьезно оцѣнить ихъ споры и изслѣдованія. Однако, онъ имѣлъ склонность къ наукамъ, особенно къ медицинѣ, охотно окружалъ себя греческими законовѣдами[3] и основалъ въ Гунде-Сапоръ, въ Сузіанѣ, медицинскую академію, пріобрѣвшую большую славу[4]; онъ любилъ исторію и для сохраненія воспоминанія о древнихъ преданіяхъ персовъ приказалъ составить такъ называемую Книгу государей — *Ходаи-намехъ;* наконецъ, онъ покровительствовалъ литературѣ и повелѣлъ доставить ему изъ Индіи и перевести сборникъ басенъ Бидпаи. Сверхъ всего, это былъ энергическій, честолюбивый, дѣятельный и стремившійся къ завоеваніямъ государь. «Относительно всего, касавшагося подготовленія военныхъ походовъ, командованія арміями, однимъ словомъ всѣхъ трудностей войны, слѣдуетъ сказать въ похвалу Хозрою, говоритъ грекъ Агаѳій, что никогда ему не могли помѣшать ни утомленіе, ни бремя годовъ[5]». Въ теченіе своего долгаго 48-лѣтняго царствованія (531—579) онъ значительно увеличилъ государство сассанидовъ, распространилъ границу своей имперіи до Оксуса, расширилъ ее къ востоку и далъ почувствовать свое верховное главенство до Іемена, а для грековъ это былъ самый искусный и наиболѣе опасный изъ всѣхъ ихъ враговъ.

Это вполнѣ сказалось въ 540 г. Хозрой съ безпокойствомъ слѣдилъ за развитіемъ честолюбивыхъ плановъ императора и за его успѣхами[6]; онъ хорошо сознавалъ, что стремленіе къ всемірному господству рано или поздно станетъ грозить и самой монархіи сассанидовъ. Къ тому же и обстоятельства побуждали его къ дѣйствіямъ: въ отдаленной Италіи, доведенные до изнеможенія готы умоляли его сдѣ-

1. *Agath.*, 132.

2. Id., 126—127. Ср. *Land*, Anecd. Syr., IV, 1; въ нихъ Павелъ Персъ, представляя свою *Логику* Хозрою, начинаетъ свое предисловіе такими словами: Philosophia, quae est scientia vera omnium rerum, in Vobis est.

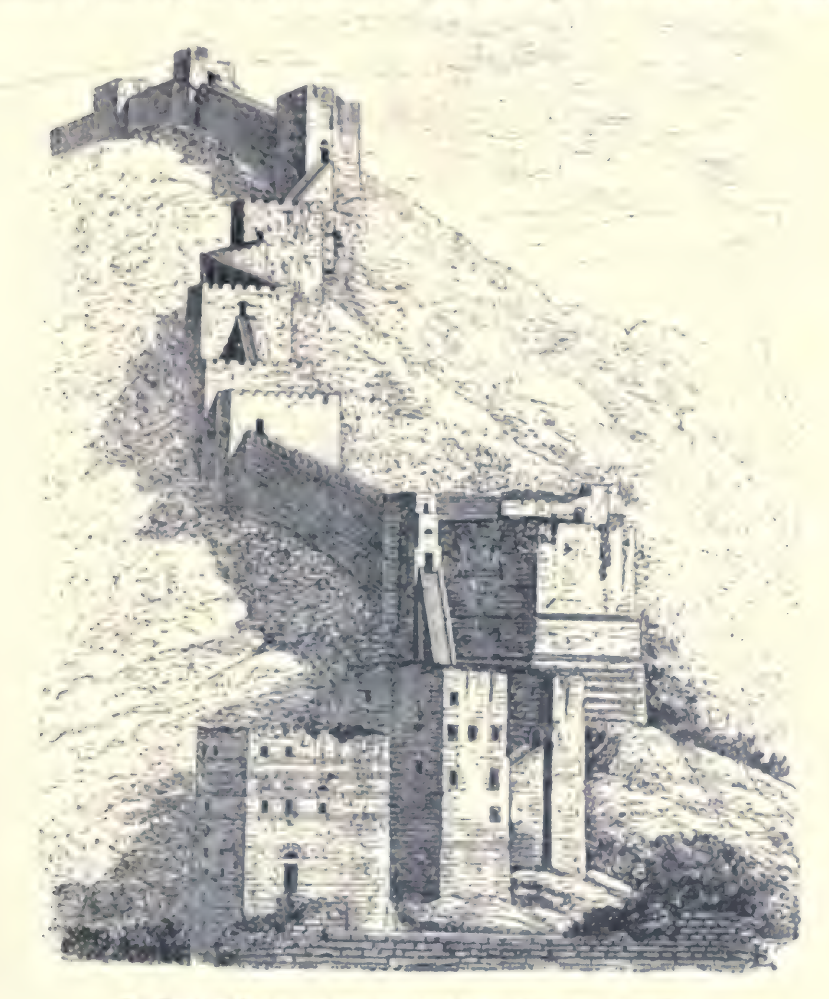
3. B. P., 281. B. G., 504; *Zach. Rh.*, 256.

4. *Assemani*, Bibl. or., IV, 745; *Nöldeke*, loc. cit., 41—42.

5. *Agath.*, 136.

6. B. P., 164—165.

лать въ ихъ пользу рѣшительную диверсію; въ сосѣдней Арменіи возставшее вслѣдствіе притѣсненій византійскихъ губернаторовъ населеніе призывало его на помощь[1]; въ странѣ Лазовъ, которую Юстиніанъ предусмотрительно занялъ военными силами, враждебно относились къ императорскому господству и даже царь ихъ просилъ о вмѣшательствѣ Хозроя[2]; на границахъ Сиріи арабскія племена враждовали между собою и персидскій государь—справедливо или нѣтъ—подозрѣвалъ грековъ въ стремленіи принять Аламундара подъ

81. Византійскія стѣны въ Антіохіи (по рис. Cassas).

1. В. Р., 159—161, 163—166

2. В. Р., 217—221

свое покровительство[1]; наконецъ, въ то время, какъ римская граница была почти совершенно лишена войскъ, Хозрой воспользовался восемью годами, протекшими со времени договора 532 г., и развилъ свои военныя силы. Теперь, подъ предлогомъ, что Юстиніанъ втайнѣ вооружалъ противъ него гуновъ[2], онъ произвольно нарушилъ миръ, подвергнувъ азіатскія провинціи имперіи въ теченіе пяти лѣтъ (540—545 г.) всѣмъ ужасамъ безпощадной войны. Сражались повсюду: въ Сиріи, въ Месопотаміи, въ Арменіи и у Лазовъ. Тщетно возлагались на лучшихъ генераловъ имперіи, сперва на Германоса, а потомъ на Велизарія (начало 541 г.), только что отозваннаго изъ Италіи, порученія остановить Хозроя; и если имъ иногда удавалось, благодаря блеску, которымъ были окружены ихъ имена, разбивать сассанида, или даже заставлять его отступать[3], то въ концѣ концовъ, при малочисленности византійскихъ войскъ, они были безсильны дѣйствительнымъ образомъ защищать римское населеніе. Въ 540 г. Хозрой бросился на Сирію, предалъ ее огню и залилъ кровью, беря выкупы съ городовъ, по большей части неспособныхъ оказывать сопротивленіе, овладѣвая силою крѣпостями, рѣшавшимися защищаться, избивая жителей или уводя ихъ въ рабство. Такимъ образомъ, грабя и все разрушая по дорогѣ, онъ дошелъ до Антіохіи, «самаго прекраснаго и самаго богатаго изъ всѣхъ городовъ римскаго Востока[4]», и эта столица Сиріи, попавшая послѣ непродолжительнаго сопротивленія въ руки побѣдителя, испытала на себѣ всѣ бѣдствія и весь ужасъ войны: церкви были разграблены, зданія сожжены, а та часть населенія, которая избѣгла избіенія, была отправлена въ качествѣ плѣнныхъ за Ефратъ[5]. И въ то время, когда Хозрой, приблизясь къ Средиземному морю, символически принялъ его во владѣніе[6], имперскіе генералы оставались безсильными зрителями этихъ бѣдствій и не сдѣлали ни одной попытки остановить царя. Въ 541 г. Хозрой напалъ на страну Лазовъ, разсчитывая завоеваніемъ ея открыть себѣ выходъ къ морю и закончить завоеваніе Иберіи, еще недостаточно подчиненной, отрѣзавъ ее отъ Византіи[7]. Дѣйствительно,

1. B. P., 143.
2. Id., 155—156.
3. Id., 212, 217—218.
4. Id., 180.
5. Id., 180—191, 194. Относительно Новой Антіохіи, основанной Хозроемъ въ Персіи, см. *Tabari*, 165, 239.
6. B. P., 199.
7. Id., 221.
8. Id., 282—283. О кампаніи 541 г

благодаря поддержкѣ населенія этой области, онъ овладѣлъ крѣпкою цитаделью Петра, недавно выстроенной по приказанію Юстиніана къ югу отъ Фазиса. Въ 542 г. настала очередь Комагены (Евратизіи); въ 543 г. была произведена демонстрація со стороны Арменіи; въ 544 г. Хозрой снова появился въ Месопотаміи и, не смотря на героическую защиту Эдессы[1], жестоко опустошилъ всю страну. Единственная серьезная военная попытка, сдѣланная за все это время императорскими войсками, а именно вторженіе въ персидскую Арменію въ 543 г. арміи изъ 30000 человѣкъ, окончилась совершенною неудачею[2]. Поэтому Юстиніанъ, котораго въ то время очень озабочивали событія въ Италіи гдѣ Тотила вновь овадѣлъ всѣмъ полуостровомъ, былъ очень счастливъ, когда въ 545 г. явилась возможность купить за 2000 фунтовъ золота перемиріе на пять лѣтъ[3]. Благодаря этому договору, возобновлявшемуся потомъ еще два раза, въ 551 и въ 555 гг.[4], императоръ обезпечилъ относительный покой своимъ азіатскимъ провинціямъ, хотя борьба продолжалась еще на границѣ Сиріи между арабскими вассалами обоихъ государствъ и, въ особенности, тянулась еще многіе годы въ Лазистанѣ.

Обѣ враждебныя стороны безъ труда находили себѣ союзниковъ среди населявшихъ Кавказъ воинственныхъ племенъ, вѣрность которыхъ была очень непостоянна и измѣнчива. Тогда какъ лазы, будучи недовольны персидской тираніей[5], отдались въ 549 г. въ руки Юстиніана[6], абхазцы, прежде находившіеся подъ вліяніемъ Византіи, предались въ 550 г. Хозрою[7]; за ними послѣдовали другія племена, а именно: въ 552 г. народцы Сванетіи[8], а въ 554 г.—Мизиміани[9]. Въ этой горной и лѣсистой странѣ, перерѣзанной ущельями, въ которыхъ нѣсколькихъ рѣшительныхъ людей было достаточно, чтобы остановить цѣлую армію, война сдѣлалась нескончаемою. Въ теченіе многихъ лѣтъ сражались за обладаніе Петрой, взятой въ 541 г. персами, безуспѣшно осаждаемой византійцами въ 549 г. и наконецъ отнятой въ 551 г. энергическимъ нападеніемъ

см. Hist. arc., 22—24.

1. B. P., 277. 278—279
2. Id., 262.
3. Id., 281.
4. Id., 506, 557; *Agath.*, 275—276.
5. B. P., 283—284
6. Id. 287—288.
7. B. G., 498—499
8. *Ménandre* 357, 371.
9. *Agath.*, 176. 231.

Бессаса[1]. Съ такимъ же упорствомъ велась война за другія укрѣпленныя мѣста въ этой странѣ: Археополисъ (551 г.), Оногурисъ (552 г.) и Фазисъ (553 г.). Юстиніанъ, повидимому придававшій большое значеніе обладанію этою страною[2], направлялъ въ нее значительныя силы: 12000 человѣкъ въ 551 г.[3], и 50000 въ 552 г.[4]. Тѣмъ не менѣе, благодаря ничтожеству византійскихъ генераловъ, гораздо болѣе заботившихся о собственномъ обогащеніи, чѣмъ о войнѣ[5], и столкновеніямъ съ туземными начальниками[6], которыя могли, вслѣдствіе убійства короля лазовъ, повести къ полному отдѣленію всей страны отъ имперіи,—императоръ не могъ извлечь изъ всего этого предпріятія желанную пользу. Въ концѣ концовъ, Хозрой, сознавъ всю безполезность этой нескончаемой борьбы, предложилъ въ 551 г. перемиріе на условіяхъ uti possidetis[7], а шесть лѣтъ спустя это перемиріе превратилось въ окончательный мирный договоръ[8], который былъ заключенъ на 50 лѣтъ, при чемъ персы согласились очистить Лазику. Но императоръ дорого заплатилъ за эту уступку. Онъ обѣщалъ выплачивать Персіи ежегодную дань въ 30000 aurei и сразу заплатилъ эту дань впередъ за семь лѣтъ. По дополнительному договору Юстиніанъ добился полной религіозной терпимости для христіанъ, жившихъ въ Персіи[9], но при непремѣнномъ условіи не вести въ этой странѣ религіозной пропаганды. Со стороны императора и христіанина это являлось тяжелою уступкою, серьезно задѣвавшею гордость Юстиніана, но зато Лазика оставалась за нимъ и такимъ образомъ персидское государство было отрѣзано отъ моря. Это являлось очень важнымъ результатомъ и въ концѣ концовъ, даже по мнѣнію Прокопія[10], всѣ эти войны были въ общемъ удачны и хотя онѣ часто сопровождались бѣдствіями для страны, все-же онѣ прибавили нѣсколько славныхъ страницъ къ военной исторіи царствованія Юстиніана.

1. B. G., 513—515, 522—528.
2. *Agath.*, 104—105.
3. B. G., [illegible]
4. *Agath.*, 133.
5. B. G., [illegible]; *Agath.*, 140.
6. *Agath.*, 139—140, 142—145.
7. Id., 275—276.
8. *Menander*, 353—354, 359—364.
9. Id., 363—364.
10. Hist. arc., 109.

B. — Набѣги гунновъ и славянъ.

Въ теченіе нескончаемой борьбы, нарушавшей спокойствіе азіатскихъ провинцій, европейскія провинціи еще сильнѣе почувствовали послѣдствія завоевательныхъ войнъ, которыя совершенно лишили защиты границы имперіи. Варварскіе народы, жившіе къ сѣверу отъ Дуная,—Болгары и Славяне, Анты и Гунны,—уже издавна привыкли переходить черезъ великую рѣку [1] и хорошо знали, какую богатую добычу доставляла римская страна, чтобы не воспользоваться представлявшимися имъ очень удобными случаями. Поэтому почти каждый годъ царствованія Юстиніана отмѣченъ ихъ набѣгами. Вскорѣ послѣ его восшествія на престолъ гунны вторглись во Ѳракію, а анты—въ Иллирію, но были энергичееки отброшены и такъ жестоко разбиты, «что великій ужасъ, говоритъ современникъ, охватилъ варварскіе народы» [2]; но по мѣрѣ того, какъ экспедиціи на Западъ стали поглощать всѣ государственныя силы, смѣлость нападающихъ увеличивалась и увѣнчивалась бо́льшимъ успѣхомъ. Въ 534 г. Хильбудъ, magister militum Ѳракіи, былъ убитъ въ сраженіи [3], и славяне и болгары проникли въ имперію. Въ 538 г. гунны проникли въ Скиѳію и Мизію [4]; въ 540 г. они предали огню и мечу Ѳракію, Иллирію и Грецію до Коринѳскаго перешейка. Гунны прошли, не встрѣтивъ сопротивленія, отъ Адріатическаго моря до предмѣстій столицы [5], а нѣкоторые отряды ихъ даже переправились черезъ Геллеспонтъ. По сообщенію очевидца, Іоанна Эфесскаго, Константинополь былъ охваченъ страшной паникой. Варвары дерзко послали сказать императору: «мы возмемъ ваши дворцы и придемъ разграбить ихъ», и приведенное въ ужасъ населеніе пряталось въ своихъ домахъ, а самъ Юстиніанъ со своими приближенными забаррикадировался въ Священныхъ Палатахъ, «какъ-будто онъ рѣшился предоставить весь городъ

3. Относительно разселенія славянъ къ югу отъ Дуная, начиная съ VI вѣка, см. Aed., 295 (Мизія). 304 область Филиппополиса), и *Jirecek*, Gesch. der Bulgaren, 79. О разселеніи славянъ, антовъ и славонцевъ къ сѣверу отъ рѣки см. *Jirecek*, loc. cit., 82. 87. Объ ихъ нравахъ, B. G., 254, 334, 336.

4. *Malalas*, 451.

3. B. G., 331—332.

4. *Malalas*, 437—438.

5. B. P., 167—168.

непріятелю»[1]. Въ 546 г. послѣдовало новое нашествіе гунновъ, а въ 547 славяне, вступивъ въ Иллирію, дошли до Дирраxіума. Внушаемый ими ужасъ былъ такъ великъ, что жители оставляли укрѣпленные города, ища убѣжища въ горахъ и лѣсахъ, а имперскіе генералы, не смотря на то, что располагали 15000 арміею, шли на нѣкоторомъ разстояніи отъ отрядовъ варваровъ, не рѣшаясь аттаковать ихъ[2]. Въ 551 г. шайка славянъ въ числѣ 3000 человѣкъ бросилась на имперію: одна часть ихъ грабила Ѳракію, а другая пошла на Иллирію и достигла Эгейскаго моря, повсюду производя страшныя опустошенія[3]. Въ 552 г. славяне и анты угрожали Ѳессалоникѣ[4] и расположились на византійской территоріи, «зимуя здѣсь, какъ въ своей собственной странѣ»[5]. Въ 558 г. гунны-кутургуры напали на Ѳракію; одна банда ихъ дошла до Ѳермопилъ, другая проникла до Херсонеса Ѳракійскаго и, наконецъ, третья появилась передъ стѣнами самаго Константинополя, который едва спасся, и то благодаря мужеству пре-

52. Византійская капитель въ ц. св. Аполлинарія Nuovo въ Равеннѣ.

1. *Іоаннъ Ефесскій*, Hist. (R. Or. Chr., loc. cit., 485.
2. [illegible]
3. Id., 442—444.
4. Id., 449.
5. Id., 455.

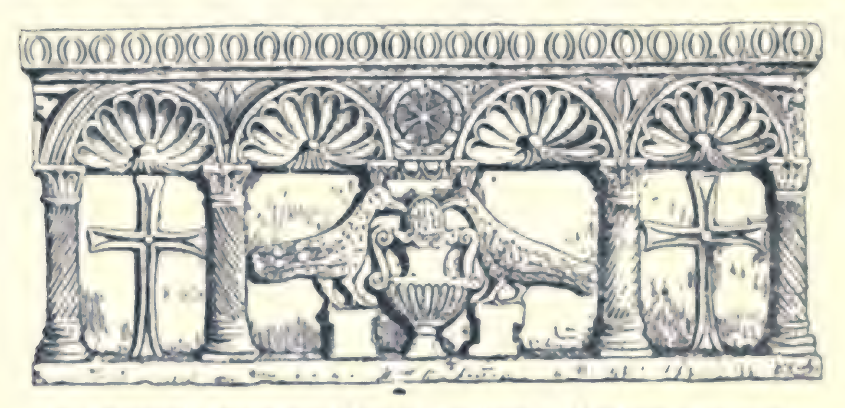
старѣлаго Велизарія [1]. Въ 562 г. гунны появились снова. Однако, ни одно изъ этихъ нашествій не закончилось, какъ то было въ слѣдующемъ вѣкѣ, осѣданіемъ варваровъ въ имперіи на продолжительное время: всякій разъ императорскимъ генераламъ удавалось въ концѣ концовъ отбросить за Дунай орды нападающихъ; но легко понять, какія бѣдствія приносилъ съ собою этотъ бичъ, ставшій почти постояннымъ явленіемъ, и какія варварства совершали эти дикія и жестокія толпы повсюду, гдѣ онѣ проходили.

Приводимъ разсказъ Прокопія о нашествіи 551 г. «Съ того момента, какъ славяне бросились на римскую страну, они избивали, не взирая на возрастъ, всѣхъ, кто попадалъ имъ въ руки, такъ что вся страна, образующая Иллирію и Ѳракію, была завалена трупами, оставленными по большей части безъ погребенія. При этомъ они не убивали тѣхъ, кто попадался имъ на встрѣчу, мечемъ, топоромъ или какимъ-нибудь другимъ обычнымъ способомъ, но они крѣпко врывали въ землю камни, концы которыхъ они предварительно обтачивали, дѣлая ихъ острыми, и звѣрски сажали на нихъ свои несчастныя жертвы, погружая въ ихъ тѣла острія камней, такъ что послѣдніе проникали чрезъ всѣ внутренности, и такимъ образомъ умерщвляли. Иногда эти варвары вколачивали въ землю четыре крѣпкихъ бревна, къ которымъ привязывали своихъ плѣнниковъ за руки и за ноги, затѣмъ начинали безостановочно наносить по головѣ сильные удары бичемъ и такимъ образомъ убивали ихъ, какъ собакъ, змѣй или другихъ вредныхъ животныхъ. Другихъ они запирали въ ихъ домахъ вмѣстѣ съ быками и баранами, которыхъ не могли увести съ собою, и немилосердно сжигали ихъ. И такимъ образомъ славяне погубили всѣхъ, кого только нашли на своемъ пути» [2]. Относительно нашествія 558 г. Агаѳій приводитъ не менѣе ужасныя подробности. «Не встрѣчая ни препятствія, ни сопротивленія, гунны безнаказанно бродили по странѣ и разоряли ее, собирая громадную добычу и уводя съ собою множество плѣнниковъ. Среди послѣднихъ было много женщинъ высокаго происхожденія и добродѣтельныхъ; ихъ безчеловѣчно уводили и онѣ находились въ самомъ ужасномъ положеніи, будучи вынуждены подчиняться безпутству и капризамъ варваровъ. Многія изъ нихъ уже съ дѣтства от-

1. *Agath.*, 301—321.

2. B. G., 443—444. Ср. Ibid., 592.

казались отъ брака, отъ міра, отъ заботъ и всѣхъ радостей жизни, чтобы скрыться въ убѣжищахъ, посвященныхъ молитвѣ, и вести вдали отъ соприкосновенія съ людьми непорочное и свободное существованіе въ уединеніи, которое онѣ любили. Завоеватели вырывали даже этихъ изъ ихъ святого убѣжища и подвергали обидамъ и позорно насиловали ихъ. Многія другія, находившіяся въ супружествѣ и будучи беременными, уводились въ рабство, а потомъ, когда наступало время родовъ, онѣ должны были рожать при всѣхъ, среди дороги, давая зрѣлище своихъ страданій, не

83. Равеннскій саркофагъ (*Clausse*, Basiliques et Mosaïques chrétiennes).

имѣя возможности даже спеленать, какъ принято, новорожденнаго и унести его. Матерей уводили дальше, не позволяя имъ — дѣло неслыханное — даже жаловаться на свою судьбу, а несчастныя дѣти бросались на произволъ собакъ и хищныхъ птицъ, какъ будто только для этого они родились на свѣтъ и жизнь ихъ безполезна. Вотъ до чего дошли дѣла римлянъ, когда горсть варваровъ даже въ пригородѣ столицы могла совершать подобныя жестокости»[1]. Прокопій заканчиваетъ свою Секретную Исторію слѣдующими словами: «Иллирія, вся Ѳракія, вся страна, простирающаяся отъ Іоническаго моря до предмѣстій Константинополя, Греція, Херсонесъ, были почти ежегодно опустошаемы гуннами, славянами и антами, начиная съ того времени, какъ Юстиніанъ сталъ править римскою имперіею; жители ея подвергались самымъ жестокимъ истязаніямъ. Я полагаю, что число римлянъ, которые въ каждое изъ этихъ нашествій

1. Agath., 303—305.

были либо умерщвлены, либо уведены въ рабство, можно опредѣлить въ 200.000, такъ что названныя провинціи походили на пустыни Скиѳіи [1].»

Все это являлось печальною расплатою за великіе успѣхи, одержанные на Западѣ. Однако, справедливость требуетъ отмѣтить, что эти несчастныя событія относятся ко второй половинѣ царствованія Юстиніана, когда состарившійся императоръ предоставилъ дѣла ихъ собственному теченію; но такое равнодушіе онъ обнаруживалъ не всегда. Съ цѣлью охраненія старыхъ провинцій имперіи, а также для защиты новыхъ завоеваній, онъ принималъ, по крайней мѣрѣ въ первые годы своего царствованія, энергическія и мудрыя мѣры, которыя, несмотря на все вышесказанное, все же оказывались иногда дѣйствительными.

---

[1] Hist. arc., 108.

ГЛАВА IV.

Военное дѣло.

Защита имперіи.

Однимъ изъ постоянныхъ предметовъ попеченія Юстиніана должна была быть забота объ охраненіи границъ имперіи и обезпеченіи безопасности подданныхъ государства противъ нашествій варваровъ. «Отъ начала своего царствованія и до настоящаго времени, пишетъ одинъ современникъ, онъ не переставалъ заниматься сооруженіями, и для защиты своего государства онъ умножилъ основаніе городовъ и повсюду возобновилъ укрѣпленія поселеній» [1]. Какъ только была завоевана Африка, первою его заботою было охранить новыя провинціи «отъ какого бы то ни было непріятельскаго вторженія» и, какъ онъ говорилъ, доставить имъ «миръ и спокойствіе», лишивъ берберовъ всякой возможности «напасть и разорить страну, занятую подданными базилевса» [2]. Съ такимъ же вниманіемъ онъ принималъ серьезныя мѣры и для защиты Ѳракіи. «Для того, чтобы остановить нашествія варваровъ, говорилъ онъ, нужно сопротивленіе, и при томъ серьезное» [3]. Вездѣ онъ вносилъ ту же заботливость, опредѣляя самъ систему оккупаціи военныхъ границъ, набрасывая планы цитаделей, устанавливая размѣщеніе гарнизоновъ и качество составляющихъ ихъ войскъ и вообще не оставляя въ сторонѣ ни одного изъ вопросовъ, касавшихся защиты; въ то же время онъ наблюдалъ, иногда даже чрезмѣрно, за исполненіемъ во всѣхъ подробностяхъ предписанныхъ имъ мѣръ. Для надлежащаго выполненія великаго реорганизаціоннаго дѣла онъ считалъ наиболѣе дѣйствительными слѣдующія три мѣры: учрежденіе крупныхъ военныхъ управленій, созданіе

1. *Zach. Rh.*, 168.
2. C. J., 1, 27, 2, 4.
3. Nov. 26, 1. Cp. Aed., 146.

на границѣ военныхъ поселеній и, наконецъ, постройку безчисленнаго количества цитаделей, расположенныхъ по новой системѣ, могущей надлежащимъ образомъ обезпечить безопасность страны.

I.

Начиная съ V вѣка, имперія раздѣлялась въ военномъ отношеніи на извѣстное число большихъ округовъ, состоявшихъ подъ начальствомъ такъ называемыхъ magistri militum. Таковы были въ Европѣ: magister militum Иллиріи и mag. militum Ѳракіи, къ которымъ нужно прибавить еще magistri militum praesentales, имѣвшихъ пребываніе въ Константинополѣ и командовавшихъ войсками въ значительной области, окружавшей столицу; въ особенности на ихъ обязанности лежала защита Длинной Стѣны, воздвигнутой Анастасіемъ близъ Константинополя, между Чернымъ и Мраморнымъ морями [1]. Юстиніанъ сохранилъ эти территоріальныя разграниченія [2], но, повидимому, прибавилъ къ нимъ еще одинъ новый округъ, заключавшій въ себѣ Мизію и Скиѳію; по крайней мѣрѣ, въ его приказахъ много разъ упоминается magister militum Мизіи [3], и извѣстно также, что эта область была предметомъ важныхъ административныхъ передѣлокъ [4]. Въ Азіи огромная территорія, въ которую входили всѣ провинціи отъ Чернаго моря до Египта, была поставлена подъ власть одного magister militum Востока. Юстиніанъ раздѣлилъ этотъ черезчуръ большой округъ, при чемъ Арменія и Понтъ составили новый округъ, довѣренный magister militum Арменіи [5]. Кажется, что нѣсколько времени спустя управленіе magister militum Востока было снова сокращено [6], при чемъ Озрена и Месопотамія получили отдѣльное управленіе и только Сирія и Египетъ остались подъ властью magister militum Востока [7]. Наконецъ, вновь завоеванныя провинціи получили подобную

1. Nov. 26, praef. Ср. Nov. 22, epil.; *Malalas*, 465. О Длинной стѣнѣ см. у *Evagr.*, IV, 38.

2. Относительно Иллиріи см. B. P., 127; B. G., 26, 199; *Malalas*, 438; относительно Ѳракіи — B. G., 331, 459; *Malalas*, 402.

3. *Agath.*, 54; *Mal.*, 438.

4. Nov. 41, 50; ср. Nov. 148, 1.

5. Cod. J., I, 29, 5; *Mal.*, 429—430; Aed., 246; B. P., 74, 162, 215; *Mal.*, 469.

6. B. P., 176.

7. *Mal.*, 417; Ed. 13, 2; Nov. 103, 3; B. P., 61, 261; Nov. 8, 13.

же организацію: во главѣ управленія Африкою былъ поставленъ magister militum Африки[1]; точно также защита Италіи и Испаніи были, вѣроятно, ввѣрены тоже magistri militum[2]. Такимъ образомъ девять или десять генераловъ раздѣляли между собою высшее управленіе византійскими военными силами, и каждый изъ нихъ долженъ былъ, въ предѣлахъ территоріи своего округа, принимать мѣры, необходимыя для защиты государства[3].

II.

Но для непосредственной охраны границъ недостаточно было имѣть только такихъ главнокомандующихъ; поэтому, для болѣе дѣйствительнаго обезпеченія территоріи Юстиніанъ реорганизовалъ, пополнивъ его, военное управленіе древней имперіи: по всему протяженію границъ онъ устроилъ настоящія военныя поселенія подъ управленіемъ герцоговъ (дуковъ), имѣвшихъ титулъ spectabiles[4]. Онѣ защищались особыми войсками, причисленными къ каждой изъ этихъ территорій, и носили названіе limitanei, т. е. пограничные солдаты.

Начиная съ середины III вѣка охраненіе границъ, которое до этого времени лежало на войскахъ всей вообще имперіи, было ввѣрено солдатамъ особаго рода, одновременно и солдатамъ и колонамъ, которымъ были розданы земли по сосѣдству съ границей съ обязанностью обрабатывать и защищать ихъ. Надѣясь, говоритъ историкъ, «что они станутъ усерднѣе служить имперіи, если будутъ защищать въ то же самое время и тѣмъ самымъ свою собственность[5]». Юстиніанъ постарался реорганизовать этотъ видъ территоріальной арміи и для Африки самъ начертать планъ, по которому должны были быть устроены и распредѣлены ея части между наиболѣе важными пограничными крѣпостями[6].

1. *Diehl*, Afrique byzantine, 122.

2. C. I. L., II, 3420.

3. *Diehl*, L'origine des thèmes dans l'empire byzantin (Études d'hist. du moyen âge, dédiées à G. Monod, 57 и сл.) и *H. Gelzer*, Die Genesis der byz. Themenverfassung, стр. 5—6.

4. Nov. 8, 10. 23, 4.

5. Vita Alex. Severi, 58.

6. C. J., I. 27. 2, 8. Ср. эдиктъ Анастасія о военной организаціи въ Ливіи, изд. Zachariae de Lingenthal, пп. 11, 14; *Mommsen*, Das römische Militärwesen seit Diocletian, 198—200; *Monnier*, [illegible] (Nouv. Revue hist. de droit, 1892, стр. 533 и слѣд.)

Изъ очень интереснаго рескрипта, даннаго по этому случаю императоромъ Велизарію, очень ясно видны положеніе и роль этихъ солдатъ. Набираемые изъ среды провинціальнаго населенія, главнымъ образомъ пограничнаго[1], эти люди получали отъ государства земли, которыя при этомъ по всей вѣроятности освобождались отъ налоговъ; сверхъ того имъ назначалось жалованье[2]. Въ вознагражденіе за это они должны были въ мирное время обрабатывать занятыя ими земли и тщательно наблюдать за всѣми дорогами, пересѣкающими границы, чтобы препятствовать всякаго рода неразрѣшеннымъ коммерческимъ сношеніямъ между варварами и римскими областями[3]. Если же на границѣ обнаруживалось какое-либо движеніе, они должны были немедленно вооружаться какъ для того, чтобы защищать тѣ посты, которые имъ были поручены, такъ и для содѣйствія другимъ войскамъ такого же рода съ цѣлью отбросить нападающихъ. Ни въ какомъ случаѣ они не должны были оставлять тѣ limes, на которыхъ они были поселены, такъ какъ непрерывность ихъ военной службы была основнымъ условіемъ ихъ права на собственность. Имъ была представлено право жениться и ихъ жены и дѣти жили съ ними въ тѣхъ castella, въ которыхъ они сами были размѣщены[4]. Подчиненные власти герцога, распредѣленные въ полки подъ начальствомъ трибуновъ, эти солдаты-земледѣльцы были расположены въ видѣ болѣе или менѣе многочисленныхъ гарнизоновъ по укрѣпленнымъ городамъ или по пограничнымъ замкамъ, а для того, чтобы они могли оказывать надлежащую пользу, начальники должны были возможно часто упражнять ихъ въ частыхъ военныхъ экзерсиціяхъ[5].

Этими мѣрами Юстиніанъ надѣялся обезпечить защиту границы безъ содѣйствія регулярной арміи. Онъ дополнилъ ихъ возстановленіемъ римскаго военнаго учрежденія, которое подъ именемъ foederati или gentiles включало въ императорскую армію варварскіе народцы, жившіе въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ имперіею. Посредствомъ ежегодной субсидіи (annona), выплачиваемой ихъ начальникамъ[6], а также посредствамъ уступокъ земель, отводимыхъ на

1. C. J., 1, 27, 2, 8. Ср. *Joh.*, III, 47—50.

2. C. J., 1, 27, 2, 8, 15.

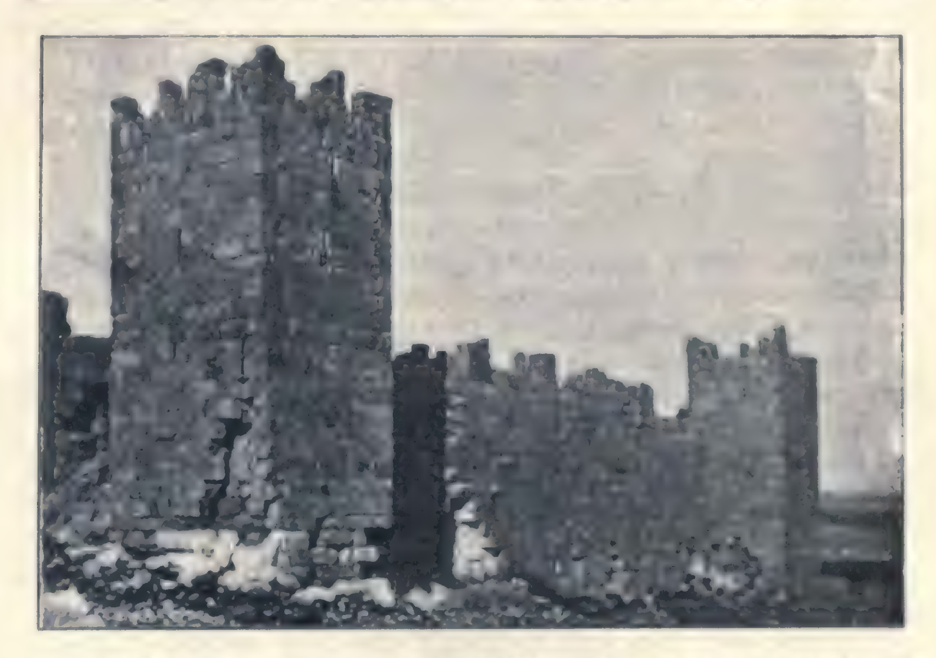
3. Эдиктъ Анастасія, nº 11.

4. C. J., 1, 27, 2, 8; *Joh.*, III, 326; IV, 72; *Anon.*, IX, 6.

5. C. J., 1, 27, 2, 9. Ср. Afrique byzantine, 133—136.

6. B. P., 198; B. V., 504—507; *Mal.* 495.

римской территоріи[1], эти племена обязывались договоромъ на вѣчныя времена[2] служить Византіи и предоставлять своихъ воиновъ въ распоряженіе императорскихъ властей. По первому требованію базилевса они должны были являться подъ командою своихъ національныхъ начальниковъ[3] и становиться подъ начальство герцоговъ сосѣднихъ съ ихъ поселеніями limes и содѣйствовать пограничникамъ (limitanei) въ защитѣ римской территоріи. Будучи очень

84. Византійская цитадель въ Лемзѣ (Тунисъ). Видъ съ юго-запада.

цѣнными своею храбростью, знаніемъ мѣстности, привычкою къ войнѣ, превосходно приспособленной къ условіямъ страны и противника, эти иррегулярныя войска оказывались иногда опасными слугами своею недисциплинированностью, невѣрностью и жадностью. Въ Византіи хорошо знали, что самыя священныя клятвы ничего не стоили для этихъ измѣнчивыхъ и вѣроломныхъ союзниковъ и что съ ихъ стороны всегда должно было опасаться какого-нибудь бунта или измѣны[3], а потому пограничнымъ герцогамъ вмѣнялось въ обязанность очень строго наблюдать за ними; для того же, чтобы обезпечить себѣ ихъ вѣрность, византійское правительство

4. B. G., 203, 418—419, 555.
5. B. G., 478, 555.

1. *Agath.*, 57.
2. B. V., 443, 467, 517.

чрезвычайно искусно соединяло въ отношеніяхъ къ нимъ строгость и снисходительность, щедро раздавая ихъ начальникамъ разныя должности, награды и почетныя отличія, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень дѣятельно вмѣшиваясь во всѣ внутреннія дѣла этихъ племенъ; въ особенности же оно принимало, въ случаѣ смерти какого-нибудь вассальнаго государя, всѣ мѣры, чтобы изъ его наслѣдниковъ былъ выбранъ наиболѣе пріятный для Византіи преемникъ[1]. Такимъ об-

85. Византійская цитадель въ Лемзѣ. Внутренній видъ.

разомъ Юстиніанъ по всѣмъ границамъ обезпечилъ себя покровительствуемыми имъ вассалами: по линіи Дуная—герулами[2], гепидами[3], лангобардами[4], гуннами[5] и антами[6]; по границѣ съ Арменіею—лазами и тцанами[7]; по сирійской границѣ—множествомъ арабскихъ племенъ и, наконецъ, въ Африкѣ—берберскимъ населеніемъ Бизацены, Нумидіи и Мавританіи.

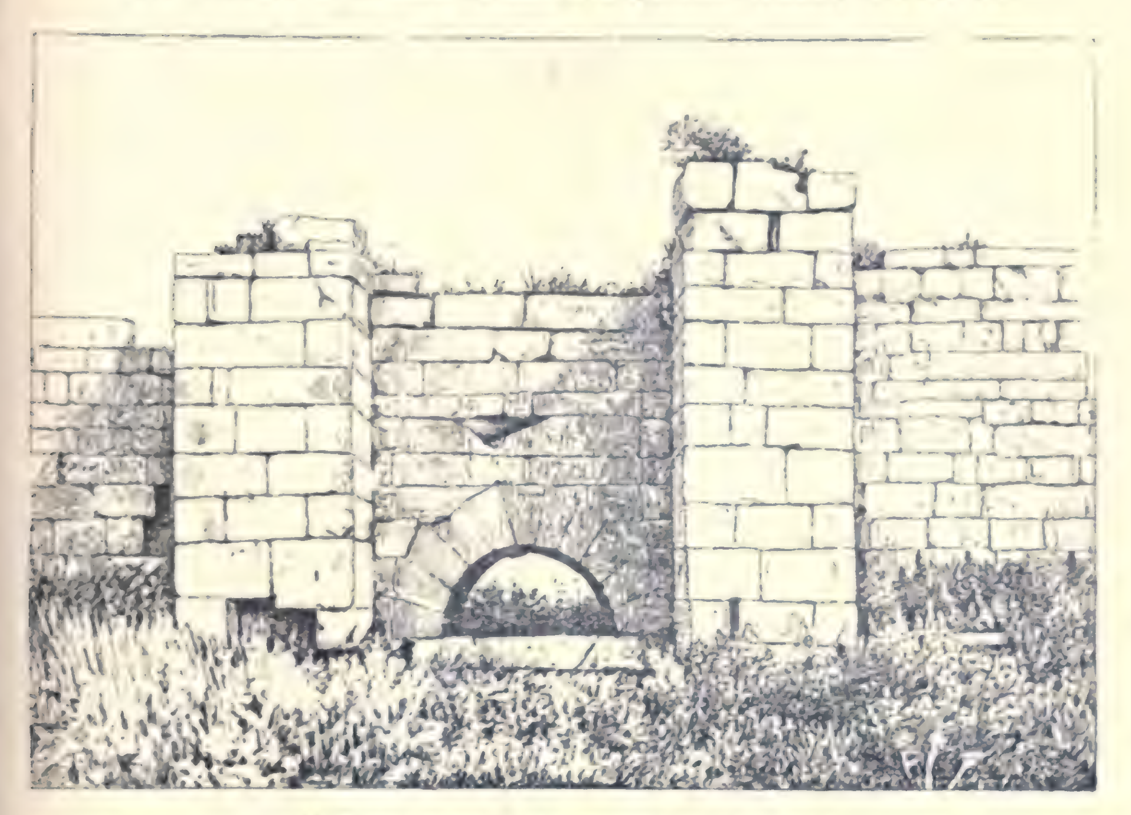
Военныя территоріи, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали послѣ реорганизаціи ихъ во времена Юстиніана,

1. Cp. Afrique byzantine, 319—330.
2. B. G., 203, 419.
3. Id., 421.
4. Id., 418.
5. Id., 555.
6. Id., 336—337.
7. B. P., 219; B. G., 525; Aed. 257—258.

извѣстны довольно точно. Ниже мы покажемъ, какимъ образомъ въ нѣкоторыхъ внутреннихъ провинціяхъ имперіи базилевсъ былъ вынужденъ слить гражданскую и военную власть и вслѣдствіе этого упразднить герцоговъ, начальствовавшихъ до того въ Пизидіи, Ликаоніи и Исавріи [1]. Однако эти мѣры, вызванныя, главнымъ образомъ, потребностями внутренняго управленія, повидимому, не могли быть примѣнены въ пограничныхъ провинціяхъ, и герцогъ, на которомъ лежала спеціальная обязанность охраненія территоріи, оставался въ нихъ рѣзко разграниченнымъ отъ гражданскаго губернатора. Въ этомъ отношеніи рескриптъ, касающійся Африки, съ большою точностью опредѣляетъ, какъ была устроена ея защита. Были учреждены четыре военныя территоріи (limites): Мавританія, Нумидія, Бизацена и Триполи [2]; затѣмъ, нѣсколько позже, Бизацена была еще подраздѣлена на два округа [3]. Для защиты Египта Юстиніанъ учредилъ limes Ливійскую и limes Ѳеваидскую [4], — два округа, заключавшіе въ себѣ каждый по нѣсколько провинцій, и, вѣроятно, онъ дополнилъ это устройство учрежденіемъ Египетской limes, соединившей въ себѣ двѣ гражданскія провинціи Августамники. По сирійской границѣ издавна существовали герцогскія управленія Аравіи, Палестины и Ливанской Финикіи. Юстиніанъ ихъ сохранилъ [5], но для усиленія защиты послѣдней провинціи онъ раздѣлилъ начальствованіе: рядомъ съ герцогомъ Дамасскимъ [6] имѣлся герцогъ Эмезскій, мѣстопребываніе котораго было потомъ приближено къ границѣ и перенесено въ Пальмиру [7]. Ефратъ охраняли герцоги Ефратезскій (въ Каллиникумѣ), Озроенскій (въ Эдессѣ) и Месопотамскій [8], причемъ послѣдній пребывалъ въ важной крѣпости Дара. Въ Арменіи герцоги находились въ Мартирополисѣ и въ Катаризонѣ [9]; въ IV-й Арменіи magister militum Armeniae начальствовалъ въ Ѳеодосіополисѣ [10], а другой генералъ находился у Тцановъ въ Арменіи I-й [11], тогда какъ позади, въ Арменіи III-й, въ очень укрѣпленной цитадели въ Мелитенѣ, жилъ графъ

1. Nov. 20, 4.
2. C. J., I, 27, 2.
3. Cp. Afrique byzantine, 126—135.
4. Ed. 13, 18 и 25.
5. Nov. 102, 2. *Mal.*, 435—Nov. 103. 2, 3: B. P., 155; *Mal.*, 434—Ed. 4, 2; B. P., 60, 186, 224, 236.
6. *Mal.*, 441.
7. Id., 426.
8. *Mal.*, 435; B. P., 113, 216, 230; *Marc. com.*, a. 536.
9. Aed., 248; *Mal.*, 427; *Zach. Rh.*, 172, 175.
10. Aed., 256.
11. Aed., 259.

Арменіи, у котораго была сосредоточена защита всей этой области [1]. Менѣе точно извѣстна организація Дунайской границы; однако упоминаются limites [2], учрежденныя по ту сторону великой рѣки для защиты имперіи, и можно думать, что существовали, какъ въ V вѣкѣ, герцоги въ Скифіи, въ обѣихъ Мезіяхъ и нижней Дакіи [3]. Вѣроятно также, что Юсти-

86. Ворота византійской цитадели въ Млаурухѣ.

ніанъ, подобно Африкѣ, занимался реорганизаціей limites въ Италіи и Испаніи. Въ Италіи, гдѣ вслѣдствіе оставленія въ рукахъ лангобардовъ Панноніи и Норики [4] и невозможности вновь овладѣть Реціей, граница была перенесена на линію Альпъ и, повидимому, были учреждены четыре limites: двѣ въ Истріи-Венеціи (Фріуль и Трентинъ), аваппосты которыхъ доходили до Дравы и охраняли дорогу черезъ Брен-

1. Aed., 255; Nov. 31, 1, 3.
2. Ed. 13, 11.
3. Cp. Aed., 261.
4. B. G., 418. Cp. Nov. 41, 50 и 148, 1

неръ; третья—на озерахъ, въ сѣверной части провинціи Лигуріи, запиравшая дорогу черезъ Сенъ-Готардъ, и, наконецъ, четвертая—въ западныхъ Альпахъ, въ провинціи Коттійскихъ Альпъ [1]. Наконецъ, были еще герцоги въ Сардиніи [2] и въ Сициліи [3].

III.

По всей этой широкой полосѣ военныхъ территорій, расположенныхъ, какъ ободокъ, по всей окружности имперіи, существенною обязанностью для пограничниковъ было занимать и защищать укрѣпленныя мѣста, находившіяся вдоль limes [4]. Для охраненія своего государства Юстиніанъ позаботился построить по всѣмъ границамъ непрерывную цѣпь крѣпостей. Отъ одного конца имперіи до другого, въ степяхъ Годны и Туниса, какъ у подножья массивовъ Авреса, отъ береговъ Ефрата до горъ Арменіи и до береговъ Дуная въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ имъ было совершено почти сказочное дѣло: онъ возсоздалъ, укрѣпивъ ее, замѣчательную оборонительную линію, нѣкогда устроенную Римомъ, и покрылъ всѣ провинціи частою сѣтью замковъ (castella), искусное расположеніе которыхъ и быстрая постройка одинаково дѣлаютъ честь какъ энергической волѣ императора, такъ и стратегическимъ талантамъ его помощниковъ. Даже теперь, взирая на развалины этихъ безчисленныхъ и крѣпкихъ цитаделей, разбросанныхъ по всему пространству древней византійской имперіи, невольно приходишь въ изумленіе, и въ виду этого колоссальнаго дѣла, которымъ, по выраженію Прокопія, Юстиніанъ дѣйствительно «спасъ государство» [5], легко понять и раздѣлить тѣ чувства восхищенія и удивленія, которыя выразилъ историкъ VI вѣка. «Если бы мы показали, говоритъ онъ, списокъ крѣпостей, воздвигнутыхъ Юстиніаномъ, людямъ, живущимъ въ какой-нибудь отдаленной странѣ и потому не могущихъ собственными глазами убѣдиться въ вѣрности нашего сообщенія, то, конечно, такое число этихъ сооруженій показалось бы имъ сказочнымъ и невѣроятнымъ [6]», и Прокопій задаетъ себѣ вопросъ, можетъ ли

1. Ср. *Hartmann*, Byz. Verwaltung in Italien, 53—54.

2. C. J., I. 27, 2.

3. Nov. 75.

4. C. J., 1, 27, 2, 8, 14—15.

5. Aed., 209. Ср. Id., 171—172 и 343—344.

6. Aed., 277.

потомство, знакомясь съ числомъ и величиною всѣхъ этихъ, построекъ допустить, «что всѣ онѣ были дѣломъ одного человѣка [1]».

Юстиніанъ не довольствовался, однако, однимъ только возстановленіемъ и пополненіемъ старой римской оборонительной системы. Римляне для защиты территоріи имперіи ограничивались прямой военной защитой границъ и только въ тылу устраивали нѣсколько укрѣпленій, которыя должны были служить поддержкою и сборнымъ пунктомъ для разбросанныхъ по первой линіи постовъ [2]. Такая система уже не годилась для византійскаго времени. Съ одной стороны, греческія арміи, будучи не такъ многочисленны и, что важнѣе, не такъ стойки, были менѣе способны вести успѣшно продолжительную войну и притомъ онѣ лучше дрались за укрѣпленіями. Съ другой стороны, постепенное ослабленіе римской оборонительной системы,— внушая больше смѣлости врагамъ имперіи, вслѣдствіе чего ихъ нашествія и грабительскіе набѣги становились все чаще,— вынуждало увеличить число укрѣпленій, могущихъ служить, въ случаяхъ тревоги, надежнымъ убѣжищемъ для обывателей незащищенныхъ мѣстъ страны [3]. Отсюда вытекала новая система укрѣпленій, гораздо болѣе сложная, чѣмъ прежде, а потому требующая краткаго описанія ея общаго устройства [4].

Прежде всего, вдоль всей границы имѣлся рядъ укрѣпленныхъ городовъ, связанныхъ между собою непрерывною линіею постовъ (castella, φρούρια) [5], расположенныхъ довольно близко одинъ отъ другого, прочно построенныхъ, хорошо снабженныхъ водою и съѣстными припасами и занятыхъ обыкновенно небольшими гарнизонами [6]. Назначеніе ихъ было двоякое: они должны были заграждать границу и наблюдать за приближеніемъ непріятеля и, во-вторыхъ, служить операціонною базою для отрядовъ войскъ, посылаемыхъ на разореніе враждебной территоріи [7]. Но по указаннымъ выше соображеніямъ, эта первая линія, хотя и болѣе плот-

1. Aed., 172.

2. *Cognat*, L'Armée romaine d'Afrique 496.

3. Ср. *Anon.*, VI, 2; XII, 5.

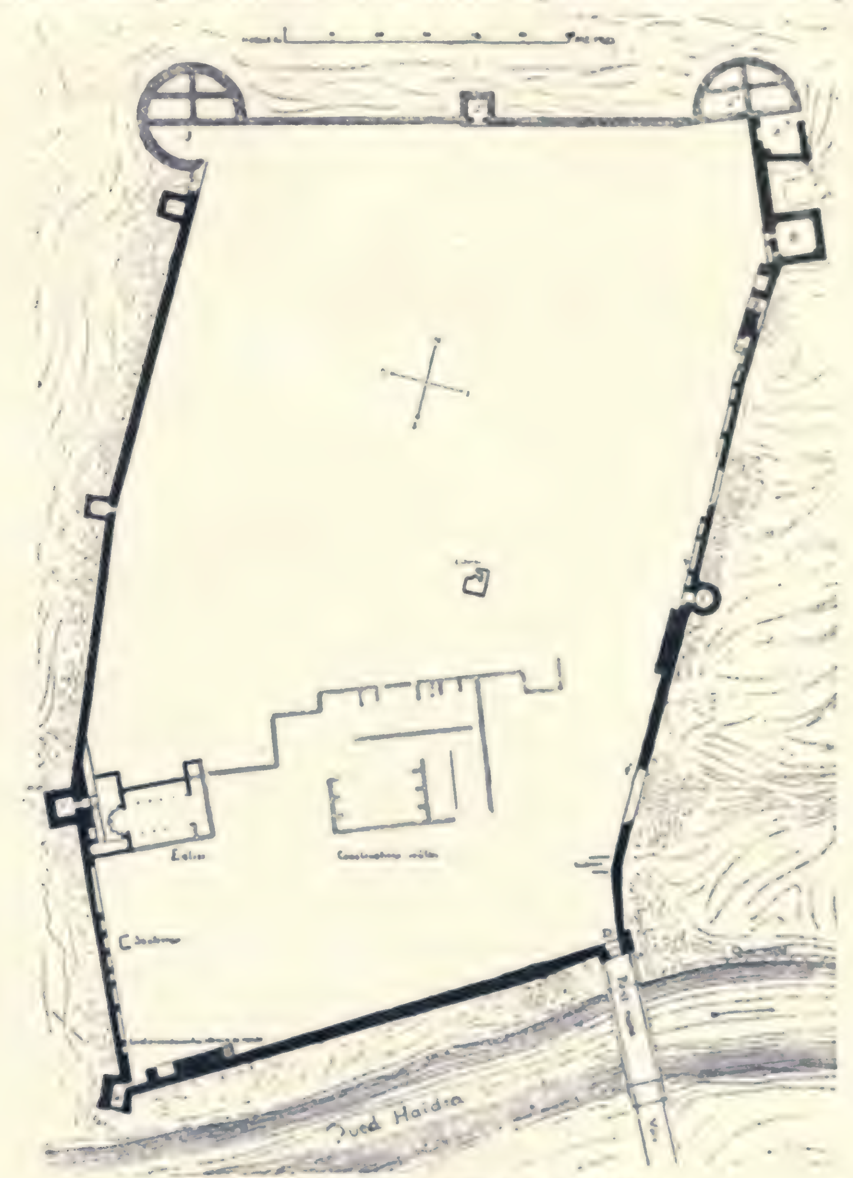
4. Ср. Afrique byzantine, 130—141.

5. По границѣ Месопотаміи, сверхъ большихъ укрѣпленій Дара и Амида, Прокопій перечисляетъ рядъ φρούρια, связывавшихъ оба укрѣпленныхъ города (Aed., стр. 222). Ср. стр. 227—228. О тожествѣ словъ φρούρια и castellum см. Aed., стр. 225.

6. *Anon.*, IX, 3. 8. Въ нихъ содержались небольшіе гарнизоны съ тою цѣлью, чтобы не дать непріятелю повода вести продолжительную осаду такого мѣста.

7. *Anon.*, IX, 1.

ная, чѣмъ прежде, и болѣе способная помѣшать переходу черезъ нее, не была уже достаточною, чтобы служить надлежащею пре-

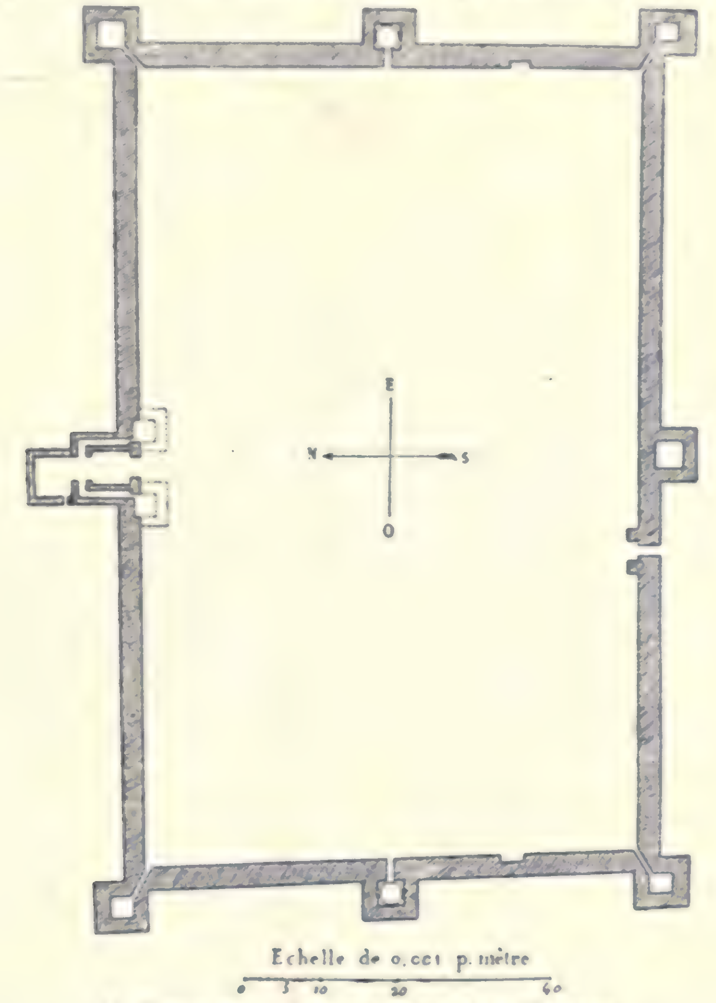

87. Гаидра. Планъ византійской цитадели.

градою. Поэтому на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея устраивалась вторая линія болѣе важныхъ и просторныхъ цитаделей [1];

1. Aed., стр. 228. О второй линіи въ Арменіи см. id., стр. 252—253. (Сатала, Колонейя, многія castella. Никополисъ, Себастея).

по большей части это были довольно большіе города, защищенные болѣе сильными горизонами[1] и представлявшіе одновременно и поддержку пограничнымъ укрѣпленіямъ, и новое препятствіе для нашествія, и убѣжище для населенія

88. Планъ византійскаго укрѣпленія въ Тимгадѣ.

незащищенныхъ мѣстностей. Дѣйствительно, постоянною заботою византійскихъ тактиковъ и генераловъ было обезпеченіе безопасности жителямъ провинціи и достиженіе того, чтобы страна возможно меньше страдала отъ непріятельскаго

1. *Anon.*, IX, 7. Онъ выражаетъ желаніе, чтобы большіе города были вообще довольно удалены отъ границы, особенно, если они расположены на равнинѣ.

нашествія[1]. Это очень хорошо выражено Прокопіемъ: «Желая, говоритъ онъ, прикрыть дунайскую границу, Юстиніанъ усѣялъ берега рѣки множествомъ крѣпостей и учредилъ вдоль всего берега посты съ цѣлью помѣшать попыткамъ варваровъ перейти рѣку; но, зная всю тщету человѣческихъ надеждъ, онъ, закончивъ постройки, нашелъ, что въ случаѣ, если непріятель преодолѣетъ всѣ эти препятствія, то онъ найдетъ все населеніе совершенно беззащитнымъ и ему будетъ легко людей увести въ неволю, а имущество ихъ разграбить. Поэтому онъ не удовольствовался тѣмъ, что обезпечилъ населенію, посредствомъ цитаделей по рѣкѣ, безопасность вообще, но умножилъ по всей незащищенной странѣ укрѣпленія, такъ что всякая земельная собственность оказалась либо превращенною въ крѣпкій замокъ, либо находилась вблизи укрѣпленнаго поста[2]».

Легко понять послѣдствія такой системы. Весь край покрывается цитаделями; въ каждомъ стратегическомъ пунктѣ возвышается крѣпость; каждое поселеніе замыкается стѣнами; всякая дорога усѣяна башнями. Здѣсь большой городъ, весь окруженный валами[3], сверхъ того иногда еще защищенный отдѣльными фортами, прикрывающими часть его стѣнъ (civitates)[4]; тамъ — такой же городъ вовсе не укрѣпленъ, но его безопасность обезпечивается цитаделью, построенною на господствующей надъ нимъ мѣстностью (castella)[5]. Здѣсь, на границѣ, болѣе или менѣе значительныя отдѣльныя крѣпости (castella или burgi), наблюдающія за непріятельскою территоріей; тамъ — обширныя укрѣпленныя поселенія, предназначенныя для сбора въ нихъ населенія сосѣднихъ деревень[6], или шанцы, устроенные на высотахъ, какъ убѣжища для жителей долинъ[7]. Имѣющіе значеніе проходы и ущелья охраняются редутами и превращаются, по византійскому выраженію, въ настоящія clisures[8]. Въ особенно опасныхъ пунктахъ возвышаются

1. См. у *Anon.*, V. 1—3, указаніе на важность правилъ относительно [illegible].

2. Aed., 268.

3. Въ Африкѣ: Тебесса, Бежа, Багэ, Тебурсукъ.

4. Aed., 230 (Эдесса). Въ Африкѣ: Суфесъ, Зелентъ.

5. Aed., 269. Въ Африкѣ: Гаидра, Тимгадъ, Мадаурухъ, Тобна.

6. Aed., 29[illegible] (Редестосъ). Въ Африкѣ — Борджи-Халлалъ, Цана. Относительно подробностей всѣхъ этихъ военныхъ сооруженій см. мой «Отчетъ по двумъ миссіямъ въ Африку» (Nouv. Archives des Missions. T. IV).

7. Aed., 222—223.

8. Id., 250, 261, 271—273, 306. B P., 290. Въ Африкѣ — Лемза, Гепниръ, Сиди-Амара, Аинъ-ель-Борджи.

отдѣльныя башни [1], а для огражденія дороги, имѣющей особую важность, строятся длинныя стѣны на обширномъ пространствѣ страны [2]. Такимъ образомъ, ничего не предоставляется случайности: въ центрѣ равнинъ огромныя цитадели охраняютъ всю сосѣднюю страну [3]; при входѣ въ долины или выходѣ изъ ущелій стоятъ редуты, заграждающіе проходъ; на холмахъ, сторожевыя башни наблюдаютъ приближеніе непріятеля, чтобы своевременно сообщить извѣстіе о

89. Византійская цитадель въ Гаидрѣ. Восточный фронтъ.

нашествіи, и повсюду шанцы даютъ убѣжище населенію деревень. Наконецъ, стратегическія дороги, проведенныя по всей странѣ, содѣйствуютъ сообщенію между городами и облегчаютъ защиту [4].

Конечно, всѣ эти укрѣпленія имѣли не одинаковое значеніе и не одинаковую важность. Тогда какъ большія цитадели, особенно тѣ, которыя стояли на азіатской границѣ, были укрѣплены тройною защитою — опоясывающею двухэтажною стѣною съ сильными зубчатыми башнями для прикрытія боковъ, передовою стѣною съ бойницами, прикрывающею ап-

1. Aed., 228.

2. Id., 270—271 (Ѳермопилы); 273 (Коринѳскій перешеекъ).

3. Въ Африкѣ — Сетифъ, Ларибусъ, замокъ Беллецма.

4. Aed., 258.

прочи крѣпостной ограды, и широкимъ и глубокимъ рвомъ, окаймленнымъ земляною насыпью[1]; — менѣе значительныя крѣпости и пограничные редуты строились гораздо проще и имѣли иногда двѣ, а иногда только одну линію окоповъ. Но за исключеніемъ этой разницы въ деталяхъ, обусловленной естественнымъ расположеніемъ мѣстности или необходимостью быстро закончить работы по защитѣ, вообще соблюдались опредѣленныя правила относительно постройки всѣхъ византійскихъ крѣпостей. Требовалось, чтобы стѣны были очень высоки и толсты, т.-е. настолько высоки, чтобы противостоять штурму и не дать возможности непріятелю расположиться выше защитниковъ[2], и настолько толсты, чтобы выдержать удары машинъ и не дать при этомъ бреши. И дѣйствительно, стѣны Мартирополиса были толщиною въ 3,70 метра (т.-е. около 5½ аршинъ) и высотою въ 12,20 метра (около 18 аршинъ)[3]; стѣны Дары достигали въ высоту 18,50 метровъ (около 27 аршинъ)[4]; въ другихъ крѣпостяхъ средняя высота куртинъ колебалась отъ 8 до 10 метровъ (отъ 12 до 15 аршинъ). Требовалось также, чтобы многочисленныя башни, достаточно выступая и располагаясь въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, надлежащимъ образомъ прикрывали промежуточныя пространства[5] и чтобы нѣкоторыя изъ нихъ, будучи выдѣлены изъ остальной защитной системы, представляли изъ себя настоящіе редуты, которые являлись бы пунктами наибольшаго сопротивленія[6]. Требовалось, чтобы ровъ былъ очень глубокъ и защищалъ насыпи противъ нападеній непріятельскихъ минёровъ. Въ особенности же требовалось, чтобы цитадель была хорошо снабжена водою и съѣстными припасами, вслѣдствіе чего внутри укрѣпленій было очень много цистернъ[7] и водопроводовъ и устраивались продовольственные магазины въ такихъ размѣрахъ, чтобы снабжать даже всѣ маленькіе посты своей области[8]. Сверхъ того, въ каждомъ городѣ былъ свой общественный арсеналъ и учреждены были спеціальные отряды для содержанія и управленія военными машинами[9]. Если ко всему этому прибавить, что выборъ

1. Относительно Дары см. Aed. 211—214; относительно Мартирополиса см. id., 255—256.

2. Aed., 212, 225, 304.

3. Id., 256.

4. B. P., 212.

5. Aed., 224—225.

6. Id., 225, 256, 304.

7. Id., 214, 236, 239, 269, 271.

8. Id., 271, 312; B. G., 480.

9. Nov., 85, 2.

мѣста, гдѣ должна была быть построена крѣпость, дѣлался чрезвычайно тщательно и вообще очень удачно, то сдѣлается очевиднымъ, какое громадное дѣло на всѣхъ границахъ имперіи было выполнено волею Юстиніана, и можно удивляться, сколько нужно было потратить труда и денегъ и какая требовалась быстрая и энергическая дѣятельность, чтобы докончить въ нѣсколько лѣтъ это колоссальное предпріятіе[1].

Такова была въ общихъ чертахъ, система византійскихъ укрѣпленій въ VI вѣкѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она обнаруживается не только въ Африкѣ, но и въ нѣкоторыхъ важныхъ цитаделяхъ греческаго Востока. Между ними ограда Антіохіи,—съ ея высокими зубчатыми стѣнами, подымающимися по склонамъ горъ, съ ея могучими четыреугольными трехэтажными башнями, съ ея дозорною дорогою, устроенною на аркахъ, съ ея громаднымъ пятиугольнымъ редутомъ и укрѣпленнымъ редюитомъ, съ массивными боковыми башенками, господствовавшими надъ всѣмъ городомъ и стоявшими на почти неприступной скалѣ, —существовала еще очень недавно и представлялась однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ сооруженій[2]. Дара[3], Никея[4], Аказарба[5] представляютъ не менѣе любопытные образцы военнаго искусства византійцевъ VI вѣка. Съ помощью такихъ памятниковъ легко возсоздать въ ихъ истинномъ видѣ нѣкоторыя изъ цитаделей, такъ хорошо описанныхъ Прокопіемъ[6], и такое изслѣдованіе имѣетъ тѣмъ большую важность, что, по весьма вѣрному замѣчанію, «многія расположенія частей, примѣнявшіяся византійцами въ ихъ фортификаціонныхъ работахъ, представляютъ собою переходъ отъ древнихъ пріемовъ къ пріемамъ среднихъ вѣковъ»[7].

Намъ нѣтъ надобности перечислять здѣсь, слѣдуя Прокопію, все безчисленное множество укрѣпленій, которыя были исправлены или вновь выстроены по приказу импе-

1. Объ основныхъ требованіяхъ византійскихъ военныхъ построекъ см. мою Afrique byzantine, 145—167.

2. *Rey*, Architecture militaire des croisés, стр. 185—193 и табл. 81. Ср. Aed., стр. 238—241. Воспроизведеніе ея см. выше (стр. 221).

3. *Texier*, Archit. byz., стр. 53—55.

4. *Texier*, Archit. byz., стр. 23; Asie Mineure, I, 39—43.

5. *Texier*, Archit. byz., стр. 19—20; *Schlumberger*, Nicéphore Phocas, стр. 197—198.

6. Ср. реституцію Гандры по предположеніямъ Саладэна, воспроизведенную нами на стр. 248—249.

7. Rech. des antiquités en Afrique, стр. 159.

ратора; мы ограничимся лишь тѣмъ, что отмѣтимъ главныя черты всего дѣла[1]. На сѣверной границѣ, начиная отъ впаденія Савы и до устьевъ Дуная, было построено или возстановлено болѣе 80 замковъ или цитаделей, изъ числа

90. Византійская стѣна въ Тебессѣ. Внутренняя сторона.

которыхъ нужно назвать Сингидинумъ (Бѣлградъ), Октавумъ, Виминаціумъ, возстановленіе котораго Юстиніанъ особенно восхвалялъ[2], Новэ и еще восточнѣе — Рацiарія, Августа, Секуриска, Дуросторумъ, Трезмисъ и на лѣвомъ берегу сильный tête de pont Ледераты[3]. По большой части

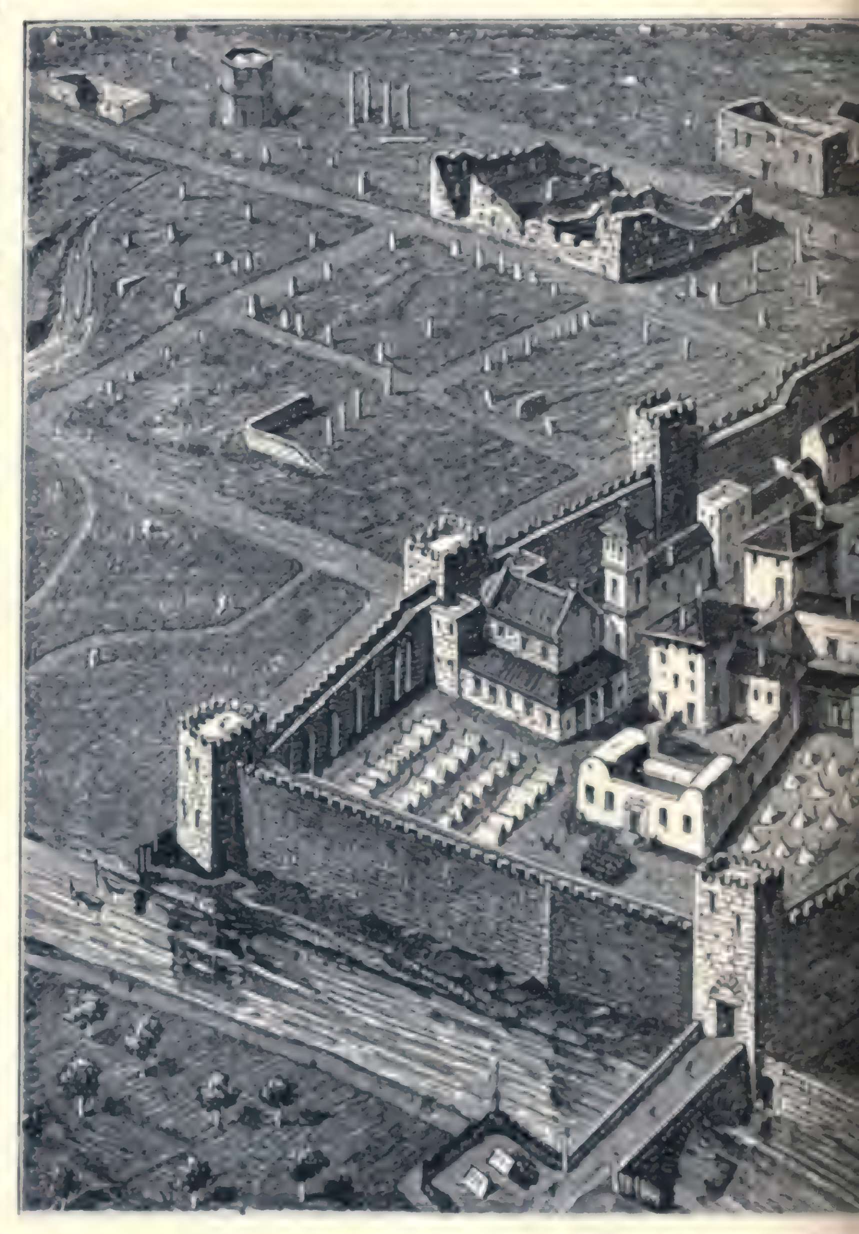
1. Ср. *Bury*, loc. cit., II, 22—24.
2. Nov., 11.
3. Aed., 287—293.

это были староримскія цитадели, которыя были только приведены императоромъ въ положеніе, годное для защиты; но личное его дѣло гораздо лучше выступаетъ въ мѣрахъ, принятыхъ имъ для обезпеченія защиты византійской территоріи[1], позади этой первой линіи. Въ Дакіи, Дарданіи, въ Мезіи и, болѣе къ югу, въ Эпирѣ, Македоніи и во Ѳракіи были построены сотни castella, образуя вторую и третью оборонительныя линіи[2]. Въ одной Дарданіи, родинѣ самого Юстиніана, Прокопій насчитываетъ, кромѣ большихъ укрѣпленныхъ городовъ Юстиніана прима, Сардики и Наиссуса[3], еще болѣе 150 кастеллъ. Были построены укрѣпленія даже на берегахъ Мраморнаго моря и Архипелага. Гераклея была защищена, а Рёдестосъ перестроенъ за-ново; длинныя стѣны прикрыли Херсонесъ Ѳракійскій[4]. Наконецъ, были построены крѣпости еще болѣе къ югу, въ Ѳессаліи и въ сѣверной Греціи; длинныя стѣны загораживали Ѳермопилы[5]; валъ съ боковыми башнями затруднялъ доступъ черезъ Коринѳскій перешеекъ[6]. Такимъ образомъ, весь Балканскій полуостровъ представлялъ какъ-бы обширный укрѣпленный лагерь[7].

На берегахъ Понта Эвксинскаго длинныя стѣны охраняли колонію Херсонъ, а сильная цитадель Петра защищала страну лазовъ. Затѣмъ отъ Трапезунда до Ефрата въ нѣсколько линій были расположены цитадели[8]. Таковы были, кромѣ замковъ въ странѣ Тцановъ, Ѳеодосіополисъ (Эрзерумъ), Киѳарицонъ, Мартирополисъ; въ Месопотаміи—Амида, Константина, «оплотъ римской имперіи»—Дара[9], другой Ѳеодосіополисъ, Цирцезіумъ на Ефратѣ, далѣе—Зеновія и Пальмира на границахъ пустыни, не считая промежуточныхъ castella, соединявшихъ указанные большіе города и которыхъ на пространствѣ между Дарой и Амидой насчитывалось не менѣе пятнадцати[10]. Нѣсколько позади, во второй линіи, находились Сатала, Колонея, Никополисъ, Себастея, «оплотъ Арменіи» Мелитена[11], Эдесса, Карра, Каллиникумъ въ Озроенѣ, Сура, Гіераполисъ, Ценгма въ Ефратезѣ и, нако-

1. Aed., 268.
2. Id., 277—285.
3. Id., 267—268.
4. Id., 294—304. Ср. B. P., 168.
5. Id., 273—274.
6. Id., 271—272.
7. Id., 305—308.
8. Относительно восточной границы см. Жизнь Александра Акоиметоса (A. SS., Jan. II, 307) и Acta Sergii et Bacchi (Anal. Bolland., XIV, 384—385).
9. Aed., 213. Ср. B. P., 92. *Mal.*, 399.
10. Id., 222.
11. Id., 255.

нецъ, Антіохія, которая послѣ катастрофы 540 г. была обращена въ сильную крѣпость. Конечно, не всѣ эти сооруженія начаты были въ царствованіе Юстиніана; многія изъ нихъ, напримѣръ Дара, Мартирополисъ, Θеодосіополисъ, начаты были императоромъ Анастасіемъ [1], но заслуга Юстиніана въ томъ, что онъ пополнилъ эти работы и привелъ ихъ въ строгообдуманную систему [2].

91. Реституція византійской [...]

Въ Африкѣ совершенное Юстиніаномъ дѣло было еще больше. Вандалы предусмотрительно снесли укрѣпленія почти всѣхъ городовъ [3]; поэтому здѣсь приходилось дѣлать все сызнова, и помощники императора сумѣли выпол-

1. B. P., 49—50; *Mal.*, 399.

2. Ср. Aed., 210—243 (Сирія и Месопотамія), 244—263 (Арменія).

3. B. V., 332; Aed., 338.

нить возложенную на нихъ задачу. Эвагрій говоритъ о 150 городахъ, перестроенныхъ по приказанію Юстиніана[1], и къ этимъ работамъ по возобновленію прежнихъ, нужно прибавить еще большое число новыхъ крѣпостей. Въ Триполи были возстановлены въ Лептисъ-Магна и въ Сабратѣ ихъ прежнія наружныя укрѣпленія [2]. Въ Бизаценѣ все морское побережье покрылось цитаделями[3]. Внутри страны, Капса и Θелепта превратились въ сильныя крѣпости для наблюденія за границею[4]; нѣсколько дальше, замокъ Аммедера заграждалъ большую и важную доро-

…трѣ (Рисунокъ г. H. Saladin.).

1. *Evagr.*, IV, 18.
2. Aed., 335, 336, 337.
3. *Joh.*, VII, 395; Aed., 340—342; Bell. Vand., 510—511.
4. C. J. L., VIII, 101, 102; Aed., 342; Cod. Just., I, 27, 2, 1a.

гу, ведущую изъ Тевеста въ Карѳагенъ [1]. Позади этой первой линіи, крѣпости Суфесъ и Хузира защищали подходы къ горному массиву, находящемуся въ центрѣ Тунизіи [2], а укрѣпленіе Ларибусъ закрывало южнымъ номадамъ доступъ въ равнины Меджерды [3]. Другіе города — Мамма, Кулулисъ—также содѣйствовали защитѣ границъ Бизацены [4]. Въ Проконсуларіи, возстановлены прежнія стѣны въ Карѳагенѣ [5]; въ долинѣ Баградасъ, Вага была окружена валами [6]; въ Борджи-Халлалъ, сильная крѣпость запирала съ западной стороны доступъ въ богатыя равнины Булла Регія [7], а Сикка Венерія прикрывала мѣсто, гдѣ сходятся дороги изъ Тевесты и Цирты [8]. Нумидія также была покрыта цитаделями: у подножія возвышенности Неменхасъ, вдоль сѣверныхъ склоновъ массива Авреса, разграбленные маврами города, которые византійцы нашли совершенно покинутыми, были превращены въ укрѣпленныя мѣста [9], причемъ Тевеста[10], Багаи, Тамугади [11] и Ламфуа [12] закрывали для номадовъ доступъ къ высокимъ плато, а два форта, поставленные на ближайшихъ вершинахъ горъ, могли наблюдать за краемъ на далекое разстояніе [13]. Позади этой первой линіи, въ сѣверной части провинціи, Тагура [14], Мадавра [15], Гадіофала [16], Тигизисъ [17], Калама [18], Константина [19] Милевъ [20], образовывали вторую преграду, защищавшую область Телль. Въ Ходна,—возстановленная изъ развалинъ Цаби-Юстиніана сдѣлалась сильнымъ укрѣпленнымъ городомъ [21]; въ Ситифіеннѣ Ситифисъ прикрывалъ византійскую границу съ запада [22]. И даже за предѣлами совершенно покоренныхъ провинцій, вдоль всѣхъ береговъ Африки до Геркулесовыхъ столбовъ, вездѣ высились цитадели. Таковы были Цезарея въ Цезарейской Мавританіи [23] и, въ виду Испаніи, на самыхъ границахъ

1. Aed., 342.
2. C. I. L., VIII, 250, 700.
3. *Joh.*, VII, 143—146. B. V., 508; *Proc.* Aed (неизд. часть, имѣющаяся въ одномъ ватиканскомъ манускриптѣ; сообщена Haury).
4. Aed., 342.
5. Aed., 334; Bell. V., 521.
6. Id., 339—340; C. I. L., VIII, 14399.
7. C. I. L., 1250, 14347.
8. Aed. (неизд. часть).
9. Id., 342—343.
10. C. I. L., VIII, 1863, 1864.
11. Aed., (неизд. часть).
12. Ibid.
13. Aed., 343 и неизд. часть.
14. C. I. L., VIII, 16851.
15. Ibid. VIII, 4677.
16. Ibid., 4799.
17. Aed. (неизд. часть).
18. C. I. L., VIII, 5352, 5353; Aed. (неизд. часть).
19. C. J., 1, 27, 2, 1a.
20. Aed. (неизд. часть).
21. C. I. L., VIII, 8805.
22. Id., VIII, 8483; Aed. (неизд. ч.).
23. Cod. Just., I, 27, 12, 2.

императорскихъ владѣній, построенъ грозный замокъ Септемъ, который, по словамъ Прокопія, Юстиніанъ «сдѣлалъ неприступнымъ для всего міра [1]».

IV.

Обозрѣвая всю совокупность этого оборонительнаго дѣла, можно прійти въ изумленіе, какимъ образомъ всѣ эти такъ зрѣло обдуманныя мѣры оказывались такъ часто недѣйствительными; какимъ образомъ эта столь частая сѣть укрѣпленныхъ мѣстъ, такъ разумно расположенныхъ, въ концѣ концовъ оказалась безсильною остановить нашествія персовъ и арабовъ въ Азіи, славянъ и гунновъ въ Европѣ и берберовъ въ Африкѣ. Это обстоятельство необходимо выяснить.

Прежде всего эти укрѣпленія, покрывавшія густою сѣтью всю страну, были, вѣроятно, черезчуръ многочисленны для того, чтобы можно было обезпечить дѣйствительную защиту ихъ. Чтобы воздвигнуть въ нѣсколько лѣтъ такое множество цитаделей, не одинъ разъ приходилось жертвовать прочностью сооруженія только бы поскорѣе закончить его [2]. Поэтому многіе изъ крѣпостей имѣли недостаточно хорошо сдѣланные валы [3], а въ нѣкоторыхъ они даже остались недоконченными. Съ другой стороны, армія, долженствовавшая занять ихъ, была недостаточно велика для серьезнаго охраненія ихъ; многіе укрѣпленные города во второй линіи, повидимому, оставались вовсе безъ гарнизоновъ и были предоставлены охраненію своихъ обывателей [4], и даже тамъ, гдѣ были размѣщены императорскія войска, часто имѣлись только очень слабые отряды ихъ, быть можетъ достаточные для защиты стѣнъ города, но совершенно неспособные надлежащимъ образомъ наблюдать за окружающей страной и охранять ее [5]. Конечно, эти крѣпости оказывали серьезныя услуги, давая сельскому населенію въ общемъ неприступное убѣжище [6]; конечно также, ихъ

1. Aed., 343. Относительно этого громаднаго оборонительнаго дѣла, для подробнаго изученія котораго имѣется въ Африкѣ очень много данныхъ, см. мою Afrique byzantine, стр. 167—299, и мой отчетъ о двухъ миссіяхъ въ Сѣверную Африку.

2. Cp. Aed., 210—211, 235, и Afrique byzantine, 172—185.

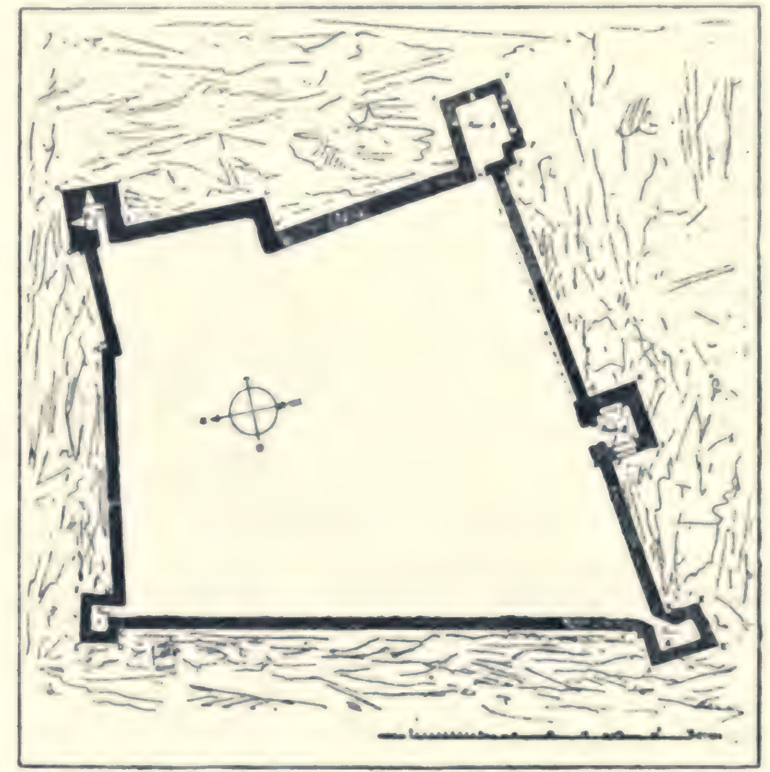
3. *Joh.*, I, 406—408; Bell. Vand., 509.

4. Bell. Vand., 508, 510.

5. Id., 463, 509—510.

6. Id., 512.

крѣпкія стѣны могли противостоять нападеніямъ противника, несвѣдущаго въ осадномъ искусствѣ [1], но если такимъ путемъ они и обезпечивали городамъ относительную безопасность, остальной незащищенный край былъ открытъ для нападеній варваровъ. Легкая кавалерія сарациновъ, гунновъ, славянъ и берберовъ проходила, не останавливаясь, мимо этихъ безсильныхъ цитаделей, защитники которыхъ

92. Планъ византійской цитадели въ Аинъ-Тунга (Рисунокъ H. Saladin).

должны были оставаться бездѣятельными зрителями совершающихся грабежей и пожаровъ. Такимъ образомъ, эта оккупаціонная система, повидимому такъ зрѣло обдуманная, на дѣлѣ оказывалась довольно недѣйствительной. Не смотря на столь остроумное и сложное расположеніе укрѣпленій, граница подвергалась нападеніямъ; черезъ нее варвары проходили, грабили страну, а жителей захватывали и уводили въ неволю.

1. Id., 508; Aed., 235. О способѣ нападенія, необходимомъ для овладѣнія византійскимъ укрѣпленнымъ городомъ, см. Aed., 211.

Съ другой стороны, нужно замѣтить, что многія изъ этихъ укрѣпленій, перечисленіе которыхъ занимаетъ столько мѣста въ книгѣ О сооруженіяхъ, очевидно, были очень неважны, представляя скорѣе мѣста убѣжищъ, чѣмъ цитадели; кромѣ того, многія изъ нихъ были воздвигнуты немедленно послѣ извѣстныхъ намъ нашествій въ видахъ предотвращенія ихъ въ будущемъ. Во время второй персидской войны, большая часть крѣпостей въ Месопотаміи имѣла очень посредственное значеніе[1], и только послѣ бѣдствій, сопровождавшихъ нашествіе Хозроя, императоръ принялъ необходимыя мѣры для защиты страны[2]. То же самое, вѣроятно, произошло на Дунаѣ послѣ набѣга славянъ въ 540 г., и, безъ сомнѣнія, именно съ этого времени были предприняты важныя работы для защиты внутреннихъ провинцій Балканскаго полуострова.

Но въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всемъ остальномъ, за дѣятельностью первыхъ годовъ очень быстро наступило ослабленіе и упадокъ. Прокопій разсказываетъ въ одномъ мѣстѣ, что въ началѣ царствованія Юстиніанъ совершенно пренебрегалъ защитою границы: «Прежде римскіе императоры, говоритъ онъ, ставили на границахъ имперіи много отрядовъ, которые должны были защищать ихъ и, особенно на Востокѣ, силою отражать набѣги персовъ и сарацинъ. Эти отряды назывались limitanei. Въ началѣ своего царствованія Юстиніанъ относился къ этимъ солдатамъ равнодушно и презрительно, до такой степени, что заставлялъ ихъ ждать полученія своего жалованья въ теченіе четырехъ и пяти лѣтъ. Когда же между персами и римлянами былъ заключенъ миръ, эти несчастные вмѣсто того, чтобы пользоваться, наравнѣ съ другими, благами мира, должны были отдать государству часть причитающихся имъ денегъ. Позже, безъ всякаго повода, отъ нихъ даже были отняты ихъ мѣста въ арміи, такъ что границы имперіи оставались безъ защиты, а солдаты были вынуждены жить на счетъ благотворительности благочестивыхъ людей[3]». Это — невѣрно, если сообщеніе Прокопія отнести къ тому времени, на которое онъ указываетъ, такъ какъ эти факты имѣли мѣсто нѣсколько позже. Вся обширная оборонительная система стоила дорого, поэтому экономничали больше, чѣмъ слѣдовало. Армія, уменьшенная въ своемъ дѣйствующемъ составѣ, не могла уже

1. B. P., 180—181, 248, 178.
2. Aed., 237—238. B. P. 276—277.
3. Hist. arc., 135.

охранять территорію имперіи[1]; плохо поддерживаемыя укрѣпленія были предоставлены самимъ себѣ, не поправлялись и оставались безъ гарнизоновъ[2]; вмѣсто энергической оборонительной политики, императоръ возложилъ всѣ свои упованія на сомнительную дипломатію, покупавшую цѣною золота отступленіе варваровъ, или нейтрализовавшую ихъ, возстановляя однихъ противъ другихъ. Все это вѣрно и вполнѣ объясняетъ бѣдствія, которыми отмѣченъ конецъ царствованія; но всего этого недостаточно, чтобы забыть величіе военнаго дѣла Юстиніана. Въ концѣ концовъ въ его царствованіе счастливыя войны удвоили пространство имперіи и, не смотря на очень частыя нашествія, серьезная организація обороны обезпечивала странѣ относительную безопасность. Даже въ настоящее время развалины цитаделей VI вѣка свидѣтельствуютъ объ удивительной дѣятельности, проявленной великимъ императоромъ, и слѣдуетъ признать, что, несмотря на безспорные недостатки,—особенно же, если принять во вниманіе то орудіе войны, которымъ онъ располагалъ,—Юстиніанъ въ этой части своей задачи не оказался недостойнымъ той великой римской администраціи продолжателемъ и наслѣдникомъ которой онъ себя считалъ.

1. *Agath.*, 305—306.

2. Id., 305.

ГЛАВА V.

Законодательство.

Если бы Юстиніанъ былъ только завоевателемъ, его царствованіе имѣло бы нѣкоторое значеніе въ исторіи, но имя его, конечно, было бы извѣстно не болѣе, чѣмъ имена другихъ византійскихъ государей-воителей, вродѣ Никифора Фоки, Іоанна Цимисхія или Василія II. Если же его имя оставалось чрезвычайно популярнымъ; если все средневѣковье хранило память о великомъ императорѣ; если и въ настоящее время его имя извѣстно мало-мальски просвѣщенному человѣку, то всѣмъ этимъ онъ обязанъ своему законодательному дѣлу. Его повелѣніемъ, его вліяніемъ и при его содѣйствіи былъ составленъ тотъ громадный сборникъ, обнимающій какъ право классическихъ юристовъ, такъ и законодательство императоровъ, который впослѣдствіи получилъ названіе Corpus juris civilis и четыре части котораго— Институціи (Institutiones), Дигесты (Digesta seu Pandektae), Кодексъ (Codex Justiniani) и Новеллы (Novellae)—составляли въ теченіе всего средневѣковья и остаются даже въ настоящее время истинною основою изученія римскаго права. Въ настоящемъ очеркѣ можетъ быть изложена лишь внѣшняя исторія этой громадной реформы, при чемъ мы будемъ касаться чисто юридическихъ сторонъ ея только въ очень общихъ чертахъ. Но если для изученія внутренняго развитія его нужна компетенція юриста, то все-же историкъ не можетъ обойти молчаніемъ эту важную сторону дѣятельности Юстиніана, тѣмъ болѣе, что самое дѣло имѣетъ глубокій историческій интересъ. «Corpus juris civilis, говоритъ одинъ писатель, есть послѣдній продуктъ римской юридической науки, высшее усиліе концентраціи права въ борьбѣ противъ медленнаго распаденія его, чувствовавшагося уже

съ III вѣка[1]». Но въ немъ есть и нѣчто другое — и, быть можетъ, еще болѣе важное. Въ Corpus juris civilis вложены существенные принципы права, дѣйствующаго въ современномъ обществѣ, и его изученіе, скрытно продолжавшееся въ первые вѣка отдаленнаго средневѣковья и съ XI вѣка получившее чрезвычайное развитіе, внушило варварскимъ народамъ Запада идею государства, основаннаго на правѣ. Именно этимъ отраженіемъ, проходящимъ чрезъ всю исторію Запада, — чего, несмотря на необходимое критическое отношеніе, никогда не слѣдуетъ забывать, — воля Юстиніана совершила дѣло, наиболѣе плодотворное для прогресса человѣчества.

I.

Извѣстно какое почти суевѣрное уваженіе питалъ Юстиніанъ къ традиціямъ римской древности, къ той «непогрѣшимой древности»[2] (inculpabilis antiquitas), представителемъ и законнымъ наслѣдникомъ которой онъ себя почиталъ. Если Римъ былъ великъ, то по двумъ причинамъ: блескомъ военной славы и наукою права; въ глазахъ Юстиніана римскій императоръ представлялъ собою лицо, имѣющее двойное назначеніе: онъ былъ «не только побѣдителемъ въ войнахъ съ чужеземцами, но и умѣющимъ преслѣдовать законными путями несправедливость и клевету; онъ одновременно тріумфаторъ надъ врагами и внимательный защитникъ права»[3]. Такимъ образомъ, Юстиніанъ, по примѣру своихъ великихъ предшественниковъ, долженъ былъ быть государемъ-воиномъ и государемъ-законодателемъ. Совершеніе юридическаго дѣла являлось новымъ способомъ выраженія наслѣдованія древняго Рима, и Юстиніанъ тѣмъ менѣе могъ колебаться въ этомъ, что смотрѣлъ на себя, какъ на облеченнаго самимъ Богомъ правомъ созданія законовъ, и императорское величество казалось ему, по своему всевѣдѣнію, способнымъ съ помощью всемогущаго Провидѣнія разрѣшить всѣ темныя стороны юридической науки[4].

1. *G. May*, Élements de droit romain, I, 47.

2. Nov. 8, jusjurandum. Ср. Nov. 23, 3; относительно же почтенія, съ которымъ Юстиніанъ требуетъ къ традиціямъ, Nov. 24, praef.; 25, praef. 103, praef., и т. д.

3. *Const.*, Imperatoriam majestatem (въ началѣ Институцій), praef. Ср. De Iust. cod. confirmando, praef.

4. *Const.*, Tanta, 18, 21; Nov. 113, 17.

Другія соображенія, менѣе отвлеченнаго и теоретическаго характера, способствовали окончательному рѣшенію базилевса: именно, страшный безпорядокъ, въ который пришло римское право. Оно почерпало свои правила изъ двухъ источниковъ: съ одной стороны, изъ императорскихъ указовъ (leges), и съ другой – изъ толкованій юрисконсультовъ (jus); но эти матеріалы были очень разбросаны, пользоваться ими было очень трудно и, сверхъ того, они были полны противорѣчій [1]. Юстиніанъ очень часто и горько жалуется на «безполезное многословіе [2]» (supervacua prolixitas) этихъ безчисленныхъ текстовъ и еще болѣе на неудобства, проистекающія для надлежащаго юридическаго примѣненія отъ ихъ темноты и вѣчныхъ разнорѣчій, вслѣдствіе чего дѣла становятся нескончаемыми и приговоры основываются не столько на законахъ, сколько на усмотрѣніи и прихоти судей [3]. Такимъ образомъ, было существенно важно собрать и согласовать всѣ эти тексты въ опредѣленной, однообразной и облегчающей пользованіе системѣ, положить во всемъ предѣлъ произволу чиновниковъ и создать, какъ вы-

93. Башня византійской стѣны въ Бежа.

1. De emend. cod. Just., praef.
2. Id., 1.
3. De novo cod. compon., praef. и 3.

ражался Юстиніанъ, «точные и неоспоримые законы[1]». Какъ мы увидимъ ниже, императоръ очень заботился о порядкѣ и правосудіи; онъ очень живо чувствовалъ всѣ недостатки судебнаго дѣла и тяжелыя послѣдствія отъ этого для подданныхъ. Это являлось еще однимъ поводомъ къ тому, что въ горячкѣ начала царствованія, столь богатаго обѣщаніями и великими предначертаніями, онъ смѣло взялся на великую законодательную реформу.

Но если слѣдуетъ отдавать Юстиніану честь за замыселъ этого колоссальнаго предпріятія, то нужно сказать, что онъ имѣлъ также счастье найти возлѣ себя человѣка, способнаго выполнить его. Трибоніанъ былъ настоящею душою великаго намѣренія и императоръ это хорошо сознавалъ, такъ какъ онъ не скупился на похвалы юридическимъ познаніямъ своего министра, его практической опытности, преданности государю и усердію, съ которымъ онъ старался выполнить всѣ желанія своего государя[2]. И дѣйствительно, все дѣло велъ Трибоніанъ. 13 февраля 528 г. была учреждена для реформы кодекса комиссія изъ десяти членовъ, которые всѣ были «люди науки, опыта, неутомимаго и и похвальнаго усердія къ общественному дѣлу[3]». Здѣсь были собраны, вмѣстѣ съ Трибоніаномъ, высокіе чиновники администраціи, два заслуженные адвоката и профессоръ права константинопольской школы Ѳеофилъ. Императоръ предложилъ имъ собрать и классифицировать всѣ императорскія установленія, начиная со временъ Адріана, заимствуя все, что слѣдовало сохранить изъ трехъ кодексовъ—Грегоріанскаго, Гермогеніановскаго и Ѳеодосіевскаго, и собрать всѣ рескрипты, изданные впослѣдствіи императорами. Дѣло велось съ большою быстротою и было кончено черезъ годъ съ небольшимъ. 7 апрѣля 529 г. составленное такимъ образомъ собраніе законовъ было готово къ обнародованію; это былъ Кодексъ Юстиніана, который, въ подражаніе закону Двѣнадцати Таблицъ, былъ раздѣленъ на двѣнадцать книгъ и отнынѣ долженъ былъ на всемъ пространствѣ имперіи имѣть силу закона и замѣнить всѣ другіе сборники подобнаго же рода.

Какъ ни важно въ этомъ отношеніи дѣло Юстиніана, но оно, однако, не было совершенно оригинальнымъ. Раньше

1. De Just. cod. confirmando, 1. Cp. *Const.*, Tanta, praef.

2. *Const.*, Imperatoriam majestatem 3; Deo auctore, 3; Tanta, 9.

3. De Just. cod. conf., 1.

его Діоклетіанъ и, вѣроятно, Өеодосій II составили кодексы въ этомъ же родѣ. Но дѣломъ, лично принадлежавшимъ Юстиніану, были Дигесты. Въ нихъ Юстиніанъ пожелалъ собрать во едино ученія самыхъ знаменитыхъ юрисконсультовъ древняго Рима. При этомъ преслѣдовалась не одна только практическая цѣль—дать юристамъ въ удобной и сподручной формѣ необходимые для юриспруденціи тексты; у императора было болѣе высокое и научное намѣреніе: онъ желалъ сохранить для потомства драгоцѣнные матеріалы, накопленные въ теченіе вѣковъ мудростью римлянъ, и льстилъ себя надеждою дать этимъ новый толчокъ юридической наукѣ. Задача, которую предстояло выполнить, была громадна; требовалось разобрать ни болѣе ни менѣе, какъ 2000 книгъ, въ которыхъ было около трехъ милліоновъ строкъ[1]. Самъ Юстиніанъ, казалось, сначала испугался. «Никто, говоритъ онъ, не смѣлъ надѣяться и мечтать о такомъ дѣлѣ; оно было самое трудное, вѣрнѣе—даже невозможное, но, воздѣвъ руки къ небесамъ и призвавъ помощь Божію, мы взялись за него, надѣясь на Предвѣчнаго, который, по своему всемогуществу, можетъ вывести изъ самаго безнадежнаго положенія[2]». Это «безнадежное дѣло», какъ называлъ его императоръ[3], Трибоніанъ довелъ до конца, и нужно видѣть, какъ высокопарно говоритъ Юстиніанъ объ успѣхѣ предпріятія, «о которомъ никто до нашего царствованія не мечталъ, которое казалось невозможнымъ для человѣческаго рода[4]» и въ которомъ, «какъ въ глубокомъ морѣ», должны были потонуть самые ученые и искусные люди.

15 декабря 530 г. была назначена комиссія изъ шестнадцати членовъ. Она состояла изъ одиннадцати адвокатовъ, четырехъ профессоровъ права, двухъ изъ Константинополя и двухъ изъ Бейрута, и предсѣдателя—Трибоніана[5]. Масса текстовъ, которые предстояло разобрать, была громадна; сверхъ того, многіе изъ древнихъ юрисконсультовъ были либо мало знакомы, либо почти позабыты. Но во всемъ этомъ эрудиція и изобрѣтательность Трибоніана сдѣлала чудеса. Подъ его высшимъ руководительствомъ комиссія раздѣлилась на три секціи. Одна разбирала сочиненія, относящіяся къ jus civile, и, въ особенности, разработанные комментаріи, которыми Помпоній, Ульпіанъ и Павелъ обогатили трактатъ

1. *Const.*, Tanta, 1.
2. *Const.*, Deo auctore, 2.
3. *Const.*, Imperatoriam majestatem, 2.
4. *Const.*, Tanta, praef.
5. *Const.*, Tanta, 9.

гражданскаго права Сабина, такъ называемыя libri ad Sabinum; другая разработывала все, относящееся къ jus honorarium, главнымъ образомъ, работы Ульпіана, Павла и Кая, относящіяся къ преторскому эдикту Адріана и которыя называются libri ad edictum; наконецъ, третья разработывала тексты, которые не могли быть отнесены ни къ одной изъ предыдущихъ категорій, особенно Вопросы и Отвѣты Папиніана, Павла и Сцеволы. Такимъ образомъ, получились три группы извлеченій: сабиніанская, эдиктная

94. Porta Maggiore въ Римѣ (древніе Пренестинскія и Лабиканскія ворота).

и папиніановская[1]. Собранные матеріалы были затѣмъ разсмотрѣны комиссіей, классифицированы, приведены въ соотвѣтствіе одни съ другими и, наконецъ, распредѣлены въ семи частяхъ и въ пятидесяти книгахъ. Сорокъ юрисконсультовъ доставили необходимыя извлеченія, начиная съ К. Муція Сцеволы, какъ самаго древняго, до Гермогена и Аркадія Харизіуса, жившихъ въ IV вѣкѣ; но главнымъ образомъ заимствованія были сдѣланы изъ Ульпіана, давшія цѣлую треть Дигестъ, и изъ Павла, давшія около одной шестой части ихъ[2]. Такимъобразомъ, въ 150000 строкахъ была резюмирована сущность античной науки, «былъ выстроенъ, по выраженію Юстиніана, священный храмъ рим-

1. *Krueger*, Hist. des sources du droit romain, стр. 448—451; *Muirhead*, Introduction historique au droit privé de Rome, стр. 515.

2. *Krueger*, стр. 438—439; *Muirhead*, стр. 516—517.

ской юстиціи [1]», и въ пятидесяти книгахъ Пандектовъ — полное собраніе — «было заключено, какъ въ цитадели, все античное право (vetus jus), остававшееся неразработаннымъ въ теченіи 1400 лѣтъ и, наконецъ, приведенное въ порядокъ Юстиніаномъ» [2].

Полагали, что потребуется, по крайней мѣрѣ, не меньше десяти лѣтъ для окончанія всего дѣла, но оно было закончено въ три года [3], и 16 декабря 533 г. Дигесты были обнародованы. Юстиніанъ очень любилъ, чтобы его желанія быстро осуществлялись, и много разъ самъ вмѣшивался для ускоренія работъ членовъ комиссіи, требуя отъ нихъ отчетовъ о ходѣ дѣла, устраняя сомнѣнія и разрѣшая затрудненія въ силу той универсальной компетенціи, которая была дарована ему небомъ [4] и пользоваться которою Трибоніанъ охотно побуждалъ его [5]. Но легко понять, что дѣло, такъ быстро исполненное, не могло быть совершеннымъ и даетъ основаніе для многихъ оговорокъ относительно результатовъ такой чрезмѣрно торопливой работы.

Относительно редакціи Кодекса, какъ и редакціи Дигестъ, Юстиніанъ предоставилъ членамъ комиссіи полную свободу выбора извлеченій, которыя они дѣлали, но только настойчиво совѣтовалъ наблюдать, чтобы въ нихъ не было повтореній и противорѣчій [6]. Онъ сознавалъ однако, какъ трудно вполнѣ соблюсти это желаніе и заранѣе извинялся за повторенія, которыя могутъ встрѣтиться, приписывая ихъ естественной человѣческой слабости. «Ибо, говоритъ онъ, помнить все и ни въ чемъ не ошибаться — это привилегія божества, а не человѣчества [7]». И дѣйствительно, въ Дигестахъ много повтореній, причемъ либо одно и то же извлеченіе воспроизводится нѣсколько разъ, либо по одному и тому же поводу приводятся отрывки изъ разныхъ юрисконсультовъ, устанавливающихъ однородныя правила [8]. Юстиніанъ извинялся также и за возможные пропуски [9], но рѣшительно заявилъ, что за то во всемъ трудѣ нельзя найти ни одного противорѣчія [10]. Однако, какъ онъ ни льстилъ себя этимъ, но въ

1. *Const.*, Deo auct., 5.

2. *Const.*, Deo auct., 5; *Const.*, Tanta, 1, 17.

3. *Const.*, Tanta, 12.

4. Id., praef.

5. *Instit.*, I, 5, 3. Nostras deciosiones, per quas, suggerente nobis Triboniano viro excelso quaestore, antiqui juris altercationes placavimus.

6. De novo cod. comp., 2; *Const.* Deo auct., 7—10; Tanta, 10.

7. *Const.*, Tanta, 13a.

8. См. *Krueger*, loc. cit., 441—442.

9. *Const.*, Tanta, 16.

10. Id., 15.

Дигестахъ есть противорѣчія, и даже ихъ много[1]. Вообще, самый серьезный упрекъ, который можетъ быть обращенъ къ редакторамъ этого обширнаго сборника, это—полное отсутствіе единства въ ихъ работѣ. Торопясь какъ можно скорѣе кончить его, они сдѣлали мозаику изъ драгоцѣнныхъ обрывковъ, помѣщенныхъ одни за другими по мѣрѣ того, какъ каждая секція комиссіи доставляла ихъ, часто очень поверхностно распредѣленныхъ и не разъ весьма неудачно слитыхъ законовѣдами эпохи упадка. По недосмотру, были сохранены многія постановленія, уже потерявшія силу закона; въ особенности же составители считали очень труднымъ и требующимъ много времени выработку методическаго плана труда и удовольствовались совершенно внѣшней классификаціей [2]. Юстиніанъ, конечно, указалъ только въ общихъ чертахъ порядокъ, которому надлежало слѣдовать [3], именно: предметы должны были распредѣляться въ порядкѣ, принятомъ въ Преторскомъ эдиктѣ, или, вѣрнѣе, въ комментаріяхъ Ульпіана къ этому эдикту. Но содержимое каждой главы распредѣлено совершенно поверхностно; вмѣсто того, чтобы «принять въ основаніе каждаго вопроса изложеніе его какимъ либо юрисконсультомъ и пополнять его извлеченіями изъ сочиненій другихъ юристовъ [4]», были приставлены одинъ къ одному обрывки всѣхъ трехъ группъ, причемъ во главѣ ихъ ставили тотъ, изъ котораго сдѣлано наибольшее извлеченіе. Сверхъ того, многіе тексты внесены по ошибкѣ подъ такія рубрики, къ которымъ они не имѣютъ никакого отношенія. Въ надписяхъ, помѣщенныхъ въ началѣ каждаго отрывка и указывающихъ авторовъ, нѣтъ недостатка въ ошибкахъ и неточныхъ ссылкахъ, что является очень большимъ недостаткомъ [5].

Есть и другой, еще болѣе важный недостатокъ. Юстиніанъ предложилъ членамъ комиссіи устранять все, что они признаютъ безполезнымъ, и для составленія точной и ясной редакціи уполномочилъ ихъ исправлять то, что покажется имъ въ текстахъ темнымъ или дурно изложеннымъ; наконецъ, онъ позволилъ имъ дѣлать прибавки и урѣзки и даже сливать во-едино по нѣсколько отрывковъ различнаго происхожденія [6]. Члены комиссіи широко воспользовались пре-

1. *Krueger*, loc. cit., 442.
2. *Krueger*, 448; *Muirhead*, 517—519.
3. *Const.*, Deo auct., 14.
4. *Krueger*, loc. cit., 448.
5. Cp. *Krueger*, 448—455.
6. *Const.*, Deo auct., 7—10; *Const.*, Tanta, 10.

доставленной имъ свободой—и притомъ нерѣдко недостаточно разумно. Они не только уничтожали, вычеркивая все, относящееся къ установленіямъ, уже отмѣненнымъ или устарѣлымъ, не только уничтожали, для краткости, глубокія замѣчанія авторовъ и противорѣчія, на которыя указывали послѣдніе [1]; но они по произволу портили, измѣняли, обрѣзывали и передѣлывали ихъ, замѣняя своими словами выраженія древнихъ юристовъ, выкраивая учрежденія и трактаты права, подобно какой-нибудь одеждѣ, сшитой изъ лоскутковъ. «Трибоніанъ, пишетъ одинъ юристъ, наложилъ варварскую руку на удивительные остатки римской юриспруденціи; онъ испортилъ, изувѣчилъ самое лучшее твореніе Рима—его гражданское право; онъ уничтожилъ Ульпіана, Павла, Папіана, Кая, чтобы только приспособить эти обломки къ нуждамъ греческой имперіи и построить изъ нихъ зданіе, состоящее изъ лохмотьевъ [2]». Въ этомъ жестокомъ отзывѣ есть много правды. Но можно ли идти далѣе и сказать, «что ему, быть можетъ, мы обязаны потерею этихъ драгоцѣнныхъ книгъ, подвергшихся послѣ компиляціи Юстиніана забвенію и презрѣнію?» Такое предположеніе очень спорно [3]. Были бы составлены Дигесты, или нѣтъ, сочиненія классическихъ юрисконсультовъ, изъ которыхъ многія были очень мало распространены, все равно, по всей вѣроятности, погибли бы. Съ другой стороны, рано или поздно, но практическія потребности заставили бы составить сборникъ, подобный Дигестамъ, и этотъ сборникъ, составленный другими, могъ быть сдѣланъ еще хуже. Благодаря Юстиніану и его сотрудникамъ, для насъ сохранились источники римскаго права, конечно, далеко неполные, но во всякомъ случаѣ въ такомъ объемѣ, какого не встрѣчается ни въ одной изъ вѣтвей античной науки. Конечно, можно осуждать методъ, которому слѣдовали при составленіи Дигестъ, и недостаточно практическій характеръ дѣла, которое воскресило, сохранивъ ихъ, много правилъ и учрежденій, уже давно забытыхъ, но остается безспорнымъ, что по научному достоинству, которое Юстиніанъ хотѣлъ придать своему сборнику, онъ сдѣлалъ цѣнное и оригинальное дѣло, а богатствомъ матеріаловъ, которые онъ желалъ передать по-

1. *Krueger*, loc. cit., стр. 442—444.

2. *Giraud*, Hist. du droit romain, стр. 411.

3. Ср. *Krueger*, loc. cit., стр. 462—464.

томству, онъ оказалъ громадную услугу какъ юридической наукѣ, такъ и исторіи.

Именно, на эту точку зрѣнія и слѣдуетъ становиться для оцѣнки предпріятія Юстиніана; но оно представляетъ для

95. Диптихъ консула Анастасія (517 г.) (Кабинетъ медалей.).

историка и интересъ другого рода. Въ немъ можно найти драгоцѣнныя указанія какъ на духъ императора, такъ и на духъ его времени.

Прежде всего поражаетъ слѣдующее. Въ этой имперіи, въ большей своей части чисто восточной, латинскій языкъ

остается по преимуществу языкомъ юридическимъ [1]. Черта эта характеристична: для Юстиніана, наслѣдника римскихъ императоровъ, латинскій языкъ всегда оставался не только оффиціальнымъ языкомъ, но и національнымъ языкомъ имперіи [2]. Въ дѣйствительности, греческій языкъ могъ быть гораздо болѣе распространеннымъ и понятнымъ, но наслѣдникъ цезарей соглашался употреблять его только изъ снисхожденія; въ ежедневной же практикѣ управленія упорно придерживались латинскаго языка. Даже въ такой провинціи, какъ Сирія, гдѣ большинство населенія говорило по-сирійски и только высшіе классы объяснялись по-гречески, въ VI вѣкѣ всѣ тексты актовъ составлялись по-латыни [3].

Другое важное замѣчаніе, вызываемое этимъ законодательствомъ, состоитъ въ проведеніи въ послѣднемъ идеи государства, основаннаго на обдуманной іерархіи чиновниковъ, повинующихся одному неограниченному начальнику, управляющему безконтрольно и власть котораго является божественнымъ правомъ. Никогда, быть можетъ, теорія императорскаго деспотизма не была выражена болѣе точно и полно, чѣмъ въ законодательствѣ Юстиніана, и въ этомъ отношеніи Юстиніанъ былъ истиннымъ наслѣдникомъ цезарей.

Но наряду съ преданіями прошлаго, благоговѣйно сохраненными людьми VI вѣка, появились новыя идеи [4]. При всѣхъ недостаткахъ внѣшней формы, несмотря на многословіе и напыщенность слога, несмотря даже на частое отсутствіе логики и опредѣленности [5], сущность все-таки указываетъ на довольно значительную широту взгляда; въ ней чувствуется новое вѣяніе и проводятся реформы, имѣвшія

1. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что редакторы Кодекса и Дигестъ, компилируя сочиненія, написанныя по-латыни, держались того же языка, но предисловія, сопровождающія эти сборники, и большое число включенныхъ въ нихъ указовъ Юстиніана написаны также по-латыни. То же самое слѣдуетъ сказать и объ *Институціяхъ*, которыя могли бы быть изложены съ одинаковымъ удобствомъ и по-гречески.

2. Nov. 7, I. Cp. Nov. 15, praef.; 66, 1. 2. Относительно греческаго и латинскаго текстовъ одной новеллы Юстиніанъ заявляетъ, что послѣдній есть κυριωτάτη διὰ τὸ τῆς πολιτείας σχῆμα. Объ употребленіи латинскаго языка въ законодательствѣ см. *Finlay*, Hist. of Greece, I, 215.

3. Cp. *Gelzer*, въ Byz. Zeitschr., III 22—24.

4. Въ этихъ замѣчаніяхъ, касающихся всей совокупности законодательства Юстиніана, я имѣю въ виду также и тѣ, нерѣдко весьма значительныя, измѣненія, которыя были введены *Новеллами*.

5. Cp. *May*, loc. cit., 50.

дѣйствительную важность. Не смотря на свое глубокое уваженіе къ древности, Юстиніанъ сильно чувствовалъ безполезную сложность и устарѣлость во многихъ отношеніяхъ древняго римскаго права, а потому въ своихъ рѣшеніяхъ, затрогивавшихъ права личности, онъ охотно руководился тѣмъ, что онъ любилъ называть humanitas, а въ рѣшеніяхъ, касавшихся правъ другого рода,—общественною пользой и naturalis ratio [1]. Такимъ образомъ, болѣе широкіе и справедливые принципы новаго jus gentium окончательно уничтожали узкія, подвергшіяся на практикѣ частичной отмѣнѣ, постановленія права Двѣнадцати Таблицъ; но этимъ дѣло не ограничилось. Въ расширенные римскіе взгляды проникъ христіанскій духъ, и чрезъ законодательство Юстиніана, отъ начала до конца, проходитъ постоянная забота объ общественной справедливости и живое попеченіе объ общественной нравственности [2].

Въ личномъ правѣ старое воззрѣніе на семью исчезаетъ окончательно [3]. Женщина становится равною мущинѣ и получаетъ даже нѣсколько привиллегированное положеніе. Законъ опредѣляетъ и укрѣпляетъ ея права на приданое, уменьшая власть распоряженія имъ со стороны мужа въ теченіе брака и упрощая способы возврата его при расторженіи послѣдняго. Чтобы еще болѣе увеличить независимость жены, законъ обязываетъ будущаго супруга, въ обмѣнъ и какъ бы въ соотвѣтствіе обѣщанному приданому (ἀντίφερνα), обезпечить женѣ посредствомъ donatio propter nuptias извѣстныя средства, которыя дѣлаются ея собственностью при расторженіи брака [4]. Точно также измѣняются отношенія между отцомъ и дѣтьми. Patria potestas уже не допускаетъ болѣе отказа отца на согласіе на бракъ его сына или дочери, или, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ представить суду основанія такого отказа. Сынъ, который имѣлъ право на полученіе родового имѣнія, дѣлался безусловнымъ собственникомъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ имъ какимъ бы то ни было способомъ (благопріобрѣтенное имущество, bona adventitia [5]), причемъ отецъ не могъ предъявлять на это имущество никакихъ претензій, за исключеніемъ peculium profectitium. Нѣкоторое освобожденіе изъ-подъ родительской власти уничтожило прежній характеръ отношеній, при которыхъ ребенокъ

1. *Muirhead*, 523.
2. Ср. Новеллу 77, 1.
3. *Muirhead*, loc. cit., 523 - 529.
4. Новеллы 61 и 97.
5. Ср. *May*, loc. cit., 116 - 117.

низводился на уровень раба, и, вообще, во всѣ отношенія между членами семьи вносился большой духъ мягкости съ яркимъ признаніемъ личнаго достоинства ихъ. Въ томъ же духѣ опредѣлялось положеніе тѣхъ, которые въ прежнемъ обществѣ находились въ состояніи лишенныхъ правъ. Слѣдуя Ульпіану [1], законъ объявлялъ, что по естественному праву всѣ люди равны, что всякій человѣкъ рождается свободнымъ и что рабство есть состояніе, противное природѣ, вслѣдствіе чего рабство было смягчено, освобожденіе поощрялось и было облегчено. Не менѣе либераленъ законъ и относительно отпущенныхъ, а также и женщинъ, которыхъ профессія какъ бы выдѣляетъ изъ общества, таковы — куртизанки и актрисы. Законъ разрѣшаетъ послѣднимъ бракъ со свободными людьми и даже съ лицами, носящими санъ сенатора [2]. Въ послѣднихъ мѣрахъ смѣло можно распознать вліяніе Θеодоры.

96. Атріумъ базилики въ Паренцо.

1. Dig., 50, 17, 32, quod ad jus naturale attinet, omnes homines aequales sunt.

2. C. J., 1, 4, 33; 5, 4, 29

Тотъ же духъ проявлялся и въ законодательствѣ относительно имуществъ[1]. Измѣненія, введенныя Юстиніаномъ въ право наслѣдованія, особенно въ наслѣдіяхъ безъ завѣщанія, были, по словамъ одного автора, «совершенно революціонными[2]». Прежде, при вызовѣ наслѣдниковъ, право агнатовъ представлялось безусловнымъ; теперь родство по крови, какъ по мужской, такъ и по женской линіямъ, являлось единственнымъ указаніемъ для передачи имущества. Было признано безспорнымъ принципомъ естественнаго права, что каждое дитя должно наслѣдовать часть отцовскаго наслѣдства. Сынъ, за нѣкоторыми весьма рѣдкими исключеніями, не могъ быть лишенъ наслѣдства, и законная часть, на которую онъ имѣлъ право, была увеличена. Право матери на наслѣдство сдѣлано было независящимъ отъ jus liberorum; дочери или сестры были признаны имѣющими право на наслѣдство съ исключеніемъ правъ агнатовъ. Все это, несомнѣнно, не было полнымъ нововведеніемъ; во многихъ отношеніяхъ законодательство Юстиніана только узаконивало то, что давно уже совершалось въ дѣйствительности[3], но оно тѣмъ не менѣе очищало юридическую почву отъ устарѣвшихъ слѣдовъ древняго права, упрощало положеніе и порядокъ вещей, какъ, напримѣръ, въ отношеніи формъ передачи имуществъ и формальностей при обязательствахъ[4]. И всѣмъ этимъ,—тѣмъ духомъ справедливости, мягкости, упрощенія, который, по мнѣнію авторитетнаго судьи, дѣлалъ изъ закона о наслѣдованіяхъ «верхъ совершенства всего дѣла Юстиніана»[5],—онъ «приготовилъ пути, по которымъ должно было послѣдовать дальнѣйшее законодательство»[6].

Тѣмъ не менѣе, Кодекса и Дигестъ самихъ по себѣ было недостаточно. Не всѣ могли, какъ выразился Юстиніанъ, «снести тяжесть такой мудрости»[7], и потому необходимо было подумать о болѣе молодыхъ умахъ, нуждающихся въ болѣе простой пищѣ, «о тѣхъ еще недостаточно опытныхъ людяхъ, которые стоятъ въ преддверіи закона, жаждая проникнуть въ его святилище»[8]. «Для этой юности, желающей

1. *Muirhead*, 532—537.
2. Id., 532. См. очень важныя въ этомъ отношеніи новеллы 118 (543 г.) и 127 (548 г.).
3. *May*, loc. cit., 50—51.
4. *Muirhead*, 520—532.
5. *Accarias*, Précis de droit romain, I, 1182.
6. *May*, loc. cit., 51.
7. *Const.*, Tanta, 22.
8. Id., 11.

изучить право»[1], необходимо было хорошее практическое руководство. О немъ подумалъ Юстиніанъ еще въ 530 г.[2], и въ 533 г. поручилъ составить его Трибоніану и двумъ профессорамъ права, Θеоѳилу и Дороѳею. Эта задача была выполнена съ такою быстротою, что книга могла появиться 21 ноября 533 г., даже раньше окончанія Дигестъ. Это были четыре книги Институцій, составленныхъ по плану Институцій Кая, которыя и легли въ основу новаго произведенія, но такъ, по словамъ Юстиніана, чтобы «собрать мутныя воды древнихъ источниковъ въ прозрачное озеро»[3], т.-е. изложеніе ихъ должно быть не такимъ метафорическимъ, и изъ него должно было быть исключено все устарѣвшее и введено въ эту новую элементарную книгу все, что необходимо было знать о современномъ состояніи права и особенно о реформахъ Юстиніана[4]. Наконецъ, въ 534 г. явилось второе изданіе Кодекса, пересмотрѣнное и увеличенное большимъ числомъ новыхъ указовъ, изданныхъ императоромъ послѣ 529 г., и сборникомъ Пятидесяти опредѣленій (quinquaginta decisiones), содержащихъ въ себѣ императорскія рѣшенія съ 529 по 532 гг. Новый Кодексъ былъ обнародованъ 17 ноября 534 г. подъ заглавіемъ Codex repetitae praelectionis[5]. Имъ отмѣнялось изданіе 529 г., и именно это изданіе, заключающее въ себѣ отъ 4600 до 4700 постановленій, идущихъ отъ времени Адріана до 534 г., составляетъ то, что мы имѣемъ теперь подъ названіемъ Кодекса Юстиніана. Всѣ законоположенія расположены въ отдѣлахъ въ хронологическомъ порядкѣ; во главѣ каждаго изъ нихъ стоитъ имя императора, отъ котораго исходилъ законъ, а мѣсто и время изданія указаны въ концѣ[6].

II.

Когда Юстиніанъ довелъ начатое имъ дѣло до конца, онъ окинулъ всю совокупность его своимъ взоромъ и «нашелъ, что оно хорошо». Самодовольно вспоминая въ одномъ изъ указовъ 533 г. «небесные дары», которыми Провидѣніе наградило его въ этотъ годъ его царствованія,—миръ заключенный съ Персіей, завоеваніе его оружіемъ Африки,—онъ по-

1. Cupidae legum juventuti.
2. *Const.*, Deo auct., 11.
3. *Const.*, Omnem, 2.
4. *Krueger*, loc. cit., 455—457.
5. De emend. cod. Just.
6. *Krueger*, 457—461.

ставилъ на одномъ ряду съ ними окончаніе великой законодательной реформы [1]. Онъ радовался, что внесъ новый свѣтъ въ темную ночь древняго права, что своими Институціями и Дигестами проложилъ яркій и легкій путь, а Кодексомъ зажегъ для всѣхъ глазъ блестящую звѣзду [2]; онъ кичился совершеніемъ невозможнаго дѣла, тѣмъ, что далъ для на-

97. Византійская капитель въ ц. св. Виталія въ Равеннѣ.

стоящаго и будущаго наилучшіе законы [3], и, приглашая подданныхъ возблагодарить небеса, сохранившія для того вѣка, въ которомъ они живутъ, столь великолѣпное дѣло,— онъ увѣщевалъ ихъ благоговѣйно чтить эти законы, которые древніе не достаточно чтили [4]. Затѣмъ онъ велерѣчиво перечисляетъ ихъ достоинства: съ точки зрѣнія юридической опредѣленныя статьи замѣнили произволъ судей; съ точки

1. *Const.*, Tanta, 23.
2. De emend. cod. Just., 3
3. *Const.*, Tanta, 12.
4. Id., 19. Cp. praef.

зрѣнія научной,—вся сумма античнаго знанія собрана въ Corpus juris и, такимъ образомъ, предохранена отъ забвенія [1]. Юстиніанъ не упустилъ также изъ виду литературныя и даже экономическія достоинства всего дѣла, этихъ точныхъ, краткихъ и доступныхъ для всѣхъ законовъ, которые, къ тому же, каждый легко можетъ имѣть: «за нѣсколько солидовъ, говоритъ онъ, богатые и бѣдные могутъ купить ихъ и пріобрѣсти съ ничтожными издержками квинтъэссенцію мудрости» [2]. Воздавъ благодареніе Богу, покровительство котораго позволило ему осуществить его намѣреніе, онъ повелѣвалъ, чтобы новое законодательство получило силу закона на всемъ пространствѣ имперіи [3], въ отмѣну всѣхъ прежнихъ постановленій; чтобы оно почиталось, какъ неизмѣнное и святое, и чтобы все въ немъ написанное, даже ошибки, не подвергалось ни малѣйшему сомнѣнію. И Юстиніанъ приказывалъ, чтобы въ судѣ, при разногласіи между древнимъ и подлиннымъ текстомъ закона и измѣненнымъ текстомъ, помѣщеннымъ въ Дигестахъ или въ Кодексѣ, принимался во вниманіе только послѣдній [4].

Въ видахъ сохраненія своего удивительнаго законодательства въ его первоначальной чистотѣ, Юстиніанъ упорядочилъ еще юридическое преподаваніе, основою котораго должно было служить это законодательство, и юридическую науку, бывшую его отправною точкою.

Школъ права въ имперіи было довольно много. Онѣ были въ Константинополѣ, Римѣ, Беритѣ (Бейрутѣ), Цезареѣ, Александріи и въ другихъ мѣстахъ. Юстиніанъ сохранилъ изъ нихъ только первыя три [5]. Самое преподаваніе было также измѣнено съ цѣлью согласованія его съ новыми законодательными сборниками. До этихъ поръ, изученіе права продолжалось четыре года; но при этомъ во время лекцій изучались очень немногія произведенія, всего 87 изъ 2000, которыя оставались отъ старыхъ авторовъ, и прочитывалось не болѣе 60000 строчекъ изъ громадной массы законовъ [6]. Дѣло ограничивалось изложеніемъ Институцій Кая, нѣкоторыхъ отрывковъ изъ книгъ Ульпіана ad Sabinum, большихъ отрывковъ его комментарія на Эдиктъ, восмью книгами Responsa Папиніана и двадцатью тремя

1. *Const.*, Tanta, 17.
2. Id., 13.
3. Id., Deo auct., 6. De Just. cod. conf., 3.
4. De Just. cod. conf., 3; *Const.*, Deo auct., 7.
5. *Const.*, Omnem, 7.
6. Id., 1.

книгами изъ Responsa Павла [1]. Многое оставлялось безъ вниманія, какъ устарѣлое и безполезное, и сами учителя, не зная большей части древнихъ произведеній, весьма мало помогали дальнѣйшему развитію науки. Наоборотъ, терялось много времени на изученіе того, что не имѣло никакого практическаго значенія. Уголовное право и уголовное судопроизводство совершенно оставлялись въ сторонѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ школы не могли опредѣлить, когда въ нихъ можно приступить къ изложенію новаго гражданскаго судопроизводства, къ изученію сборниковъ императорскихъ установленій и внесенныхъ въ нихъ нововведеній. Послѣдствіемъ всего этого, по словамъ Юстиніана, было то, что студенты оставляли школы «только испорченными наукою».

Реформа школы являлась необходимостью. Была начертана новая программа занятій. Продолжительность обученія была увеличена до 5 лѣтъ [2]. Студенты перваго года, которыхъ прежде въ насмѣшку называли Dupondii и которыхъ императоръ пожелалъ украсить именемъ Justiniani novi, должны были изучать Институціи и четыре первыя книги Дигестъ. Второй, третій и четвертый года посвящались изученію Дигестъ, при чемъ книги 37—50 оставались внѣ программы и изученіе ихъ предоставлялось на волю каждаго студента; наконецъ, пятый годъ предназначался для Кодекса. Благодаря такому распредѣленію занятій, «студенты, говорилъ императоръ, проникнувъ въ тайны права, не будутъ имѣть ничего скрытаго, но, прочитавъ все, что собрано Трибоніаномъ и его сотрудниками, станутъ превосходными адвокатами, охранителями правосудія, могучими борцами и всегда умѣлыми судьями въ ходѣ процессовъ [3]». И затѣмъ въ стилѣ, напоминающемъ тотъ, который обыкновенно употребляется при раздачѣ наградъ, Юстиніанъ старается возбудить усердіе студентовъ и ихъ наставниковъ: «примите же, говоритъ онъ ученикамъ, со вниманіемъ и уваженіемъ издаваемые нами законы, покажите себя настолько любознательными, чтобы считаться могущими удовлетворить самую лучшую изъ возлагаемыхъ на васъ надеждъ, покажите, что вы, пройдя всю науку права, будете умѣть управлять въ государствѣ на тѣхъ постахъ, которые будутъ вамъ ввѣрены [4]». Обращаясь къ профессорамъ, онъ

1. Cp. *Krueger*, loc. cit., 467—470.
2. *Const.*, Omnem, 2—5.
3. Id. 6.
4. *Const.*, Imperatoriam majestatem, 7.

говоритъ: «И такъ, начните съ помощью Божіей преподаваніе науки права, откройте путь, который мы указали вамъ, дабы ваши ученики сдѣлались превосходными слугами правосудія и государства, а вы сами заслужили-бы себѣ вѣчную славу[1]». Въ заключеніе базилевсъ со свойственною ему эрудиціею прибавляетъ: «Въ ваше время право дѣйствительно подверглось преобразованію, подобное тому, о которомъ говоритъ отецъ всѣхъ добродѣтелей Гомеръ, когда онъ изображаетъ Главка и Діомеда вымѣнивающими вещи, совершенно несходныя — золото за мѣдь, стоимость девяти быковъ за одну гекатомбу[2]». И съ своею обычною заботою о всѣхъ мелочахъ Юстиніанъ предписываетъ соблюденіе въ новыхъ университетахъ празднествъ, сопровождающихъ переходъ на третій курсъ, и строго запрещаетъ «тѣ постыдныя, отвратительныя и достойныя только рабской душѣ» испытанія, которыя студенты налагали на своихъ вновь поступившихъ товарищей и нерѣдко распространялись даже на профессоровъ[3].

Такова была новая программа преподаванія, основанная главнымъ образомъ на строгомъ изученіи Corpus juris civilis. Тотъ же духъ опредѣлилъ и предписанія, касающіяся научныхъ изысканій. Юстиніанъ рѣшительно не желалъ, чтобы его дѣло подверглось какимъ-либо измѣненіямъ вслѣдствіе какихъ либо возраженій; поэтому онъ запретилъ всякое критическое изслѣдованіе относительно законодательныхъ текстовъ, всякаго рода комментаріи или простое измѣненіе въ изложеніи законовъ. Онъ разрѣшилъ только переводы, при условіи, чтобы они были буквальны, краткое изложеніе, указатели (indices) и, наконецъ, работы, состоящія въ сближеніи статьи Дигестъ съ постановленіями по тому же предмету, заимствованными изъ законодательныхъ актовъ (παράτιτλα); все остальное въ его глазахъ было бы не толкованіемъ, а извращеніемъ, и, являясь безполезною болтовнею, служило бы только къ ослабленію значенія императорскаго дѣла[4]. Конечно, наука была поставлена этимъ въ чрезвычайно узкія границы, особенно если вспомнить, что законы Юстиніана должны были съ этого времени сдѣлаться основою всякаго научнаго изслѣдованія, и тѣмъ болѣе узкія, что соблюденіе императорскихъ повелѣній въ дѣйствительности было невозможно. Несмотря на наказанія, налагавшіяся на

1. *Const.* Omnem, 11.
2. Id., 11.
3. Id., 4, 9.
4. *Const.*, Deo auct., 12; Tanta, 21; Omnem, 8.

ихъ нарушителей, эти мѣры остались мертвою буквою. Ихъ уважали только по внѣшности и подъ именемъ indices давались свободныя изложенія текста; въ нихъ дѣлались толкованія его, сопровождающіяся объяснительными и научными комментаріями (παράγραφοι)[1]. Примѣръ этому дали сами члены комиссіи, учрежденной Юстиніаномъ; такъ Ѳеофилъ и Дороѳей составили на греческомъ языкѣ Indices къ Дигестамъ, а въ концѣ царствованія другой профессоръ права, Стефанъ, издалъ, тоже по-гречески, очень пространный комментарій къ Пандектамъ. На греческомъ же языкѣ появилось изло-

98. Миніатюра изъ ватиканскаго списка Козьмы Индикоплевста.

женіе Институцій, приписываемое, быть можетъ ошибочно, Ѳеофилу; наконецъ для Кодекса были изданы по-гречески комментаріи юрисконсультами Ѳалалеемъ, Исидоромъ и Анатоліемъ. Всѣ эти работы свидѣтельствуютъ о большой дѣятельности въ школахъ права VI вѣка; онѣ показываютъ также крайнюю необходимость перевода на греческій языкъ оффиціальныхъ латинскихъ текстовъ новаго законодательства для того, чтобы оно сдѣлалось доступнымъ массѣ населенія. Тѣмъ не менѣе, можно было опасаться, что при такой крайне ограниченной области, предоставленной для работъ, юридическая наука должна была довольно скоро прійти въ нѣкоторый упадокъ.

1. См. *Krueger*, loc. cit., 483—400.

Узко ограничивая самостоятельность другихъ, Юстиніанъ не намѣренъ былъ ограничивать свою. Сверхъ того, что онъ сохранилъ за собою право во всѣхъ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ, устранять возникшее недоразумѣніе въ силу своей императорской власти, онъ формально обѣщалъ, что если въ будущемъ ему покажется необходимымъ измѣнить какое-либо постановленіе или если онъ придумаетъ лучшее рѣшеніе,—издавать соотвѣтствующее законоположеніе[1]. И онъ очень широко воспользовался даннымъ имъ самому себѣ разрѣшеніемъ. Съ 534 г. по 565 онъ издалъ подъ именемъ новеллъ рядъ повелѣній, всего 154, которыя въ нѣкоторыхъ очень важныхъ статьяхъ, напримѣръ, въ вопросѣ о наслѣдованіи при отсутствіи завѣщанія внесли серьезныя измѣненія въ законы Дигестъ и Кодекса; но большая часть ихъ относится къ дѣламъ административнаго и церковнаго порядка и, въ силу этого, представляютъ высокій интересъ для исторіи административнаго управленія въ его царствованіе[1]. Въ отношеніи этихъ указовъ необходимо сдѣлать два замѣчанія. Первое, это—то, что, несмотря на первоначальное намѣреніе Юстиніана, эти указы никогда не были собраны въ одно цѣлое оффиціальное изданіе; въ первый разъ ихъ собралъ во-едино послѣ 555 г. одинъ константинопольскій адвокатъ, Юліанъ; другіе, болѣе полные сборники, были составлены нѣсколько позже. Другое замѣчаніе касается факта, достойнаго особаго вниманія, а именно, что большая часть новеллъ была издана на греческомъ языкѣ: «Мы не написали этотъ законъ, говоритъ Юстиніанъ въ одномъ указѣ 535 г., не на національномъ языкѣ, но на общеупотребительномъ греческомъ, дабы онъ сталъ извѣстенъ всѣмъ, такъ какъ при этомъ всѣ легко поймутъ его[2]». Для государя, желавшаго оставаться римскимъ императоромъ, это являлось большою уступкою, чреватою послѣдствіями, и ничто не указываетъ такъ хорошо на глубокую эволюцію, совершившуюся въ государствѣ, и на тщету усилій Юстиніана остановить ее.

---

1. De emend. cod. Just., 4.

1. См. *Krueger*, loc. cit., 472—478. *Biener*, Gesch. der Novellen Justinians.

2. Nov. 7, 1.

99. Византійскія капители базилики въ Паренцо.

ГЛАВА VI.

Административное дѣло.

Въ то время, когда Юстиніанъ взялъ въ свои руки управленіе Восточною имперіею, внутреннее состояніе государства было чрезвычайно затруднительно и опасно[1]. Повсюду были источники безпорядка и смутъ. Въ Константинополѣ партіи ипподрома терзали столицу своимъ соперничествомъ и поддерживали оппозицію новому порядку со стороны низверженныхъ наслѣдниковъ императора Анастасія; въ провинціяхъ гибельные пріемы общественнаго управленія вызывали чувство неувѣренности въ своей безопасности и глубокое обнищаніе. Возрастающая бѣдность лишала имперію источниковъ государственныхъ средствъ, налоги поступали плохо, казна была пуста и резервный фондъ, предусмотрительно основанный Анастасіемъ, былъ почти исчерпанъ. Сверхъ этого, религіозные споры увеличивали внутреннее раздѣленіе страны и еще болѣе обостряли опасный кризисъ, переживаемый государствомъ. Чтобы найти

1. См. *Diehl*, Rescrit des empereurs Justin et Justinien, en date du 1-er juin 527 (B. C. H., XVII, 501—520).

средства противъ такого зла, ввести порядокъ въ государствѣ, извлекать больше изъ возсозданныхъ источниковъ доходовъ имперіи и, особенно, чтобы ввести въ управленіе болѣе строгія требованія честности и нравственности,—требовались весьма серьезныя реформы. Юстиніанъ смѣло взялся за это трудное дѣло и съ похвальною настойчивостью преслѣдовалъ его въ теченіе большей части своего царствованія; если же въ этихъ усиліяхъ онъ не вполнѣ достигъ того, что желалъ, если ему не удалось уничтожить закоренѣлые пороки византійской администраціи, то во всякомъ случаѣ онъ внесъ къ нее нѣкоторые новые принципы и ввелъ въ общественную организацію существенныя правила, важныя по своимъ послѣдствіямъ. Въ этомъ отношеніи его царствованіе представляетъ важный моментъ въ исторіи управленія Восточною греческою имперіею.

I.

Чтобы убѣдиться, какъ были сильны основанія и какъ ихъ было много для того, чтобы натолкнуть вниманіе Юстиніана на необходимость административной реформы, достаточно пробѣжать длинный рядъ Новеллъ, посредствомъ которыхъ онъ пытался осуществить свои намѣренія. Эти оффиціальные документы, которыхъ нельзя заподозрить въ желаніи какъ можно чернѣе нарисовать картину, даютъ ужасающее представленіе о нищетѣ, въ которой находилась имперія, и о тѣхъ глубокихъ бѣдствіяхъ, противъ которыхъ требовалось принять безотлагательныя мѣры.

Въ Византіи изстари существовалъ обычай, съ которымъ постоянно боролись, но никогда не могли уничтожить,—торговля общественными должностями. Самыя высшія лица въ государствѣ, даже императоры, не краснѣя, дорого продавали искателямъ должностей свою благосклонность и покровительство[1]. Чтобы склонить на свою сторону этихъ необходимыхъ патроновъ, кандидаты на мѣста разорялись, дѣлая займы за огромные проценты, лишь-бы добыть необходимыя деньги, но они шли дальше и съ безстыдною откро-

1. Nov. 8, praef.

венностью, показывающею, какъ глубоко проникло зло, они выдавали своимъ заимодавцамъ обязательства на полученіе доходовъ изъ провинцій, объ управленіи которыми ходатайствовали[1]. По полученіи мѣста нужно было покрыть свои издержки, уплачивать капиталъ и проценты своимъ кредиторамъ, которые нерѣдко для большей вѣрности сопровождали чиновника на мѣсто его управленія[2]. Наконецъ, благоразуміе требовало подумать о будущемъ и сберечь извѣстныя средства на то время, когда придется покинуть свою должность[3]. Естественно, что всѣ расходы должна была покрывать провинція; отсюда—непрерывныя вымогательства, притѣснительное и требовательное финансовое управленіе, продажная и позорная юстиція, полная «кражъ и несправедливости[4]». Естественно также, что по примѣру губернатора поступали и всѣ окружающіе его; чиновники officium'а грабили и брали взятки сколько имъ было угодно[5]; финансовые агенты набивали себѣ карманы, требуя отъ плательщика больше, чѣмъ слѣдовало, и придумывали сотни предлоговъ, чтобы требовать дополнительныхъ податей[6]; служащіе по полиціи, солдаты, обязанные защищать подданныхъ[7], обременяли послѣднихъ еще тяжелѣе; они были, какъ выражался Юстиніанъ, «бо́льшими грабителями, чѣмъ разбойники», и жили на счетъ края, опустошая дома, отымая земли, и открыто заявляли, что «законъ существуетъ не для нихъ[8]». Если ко всему этому прибавить посылаемыхъ въ провинцію съ особыми порученіями представителей центральнаго правительства, которые, со своей стороны, преимущественно думали о томъ, какъ бы набрать побольше денегъ[9]; затѣмъ, изумительную снисходительность, которую оказывали губернаторы всѣмъ, кто былъ достаточно богатъ или силенъ, чтобы купить ихъ расположеніе, то можно представить себѣ тѣ гибельныя послѣдствія, которыя влекъ за собою такой порядокъ вещей. Жадность финансоваго управленія вызывала возстанія и смуты[10]; пристрастіе правосудія порождало общую

1. Nov. 1 и 7.

2. Id., 28, 4.

3. Nov. 8, praef.

4. Ibid.

5. Nov. 8, 6. 30, 7.

6. Nov. 30, 4. Ed. 2, praef.; Nov. 30, 2, 3.

7. ληστοδιῶκται, βιοκωλύται, τοποτηρηταί. Nov. 8, 12 и 13.

8. Nov. 33. Ср. Nov. 8. 12. 13; 17 10; 28, 4; 29, 3; 30, 7.

9. Nov. 17, 4; 24, 3; 25, 4; 26, 4. 30, 6, 7, 8. Особенно въ Новеллѣ 25, 4, можно найти любопытную картину ихъ вымогательствъ.

10. Nov. 8, praef.

необезпеченность[1]; убійства, разбой, презрѣніе законовъ казались вполнѣ естественными для всякаго, кто быль довольно силенъ или богатъ, чтобы быть увѣреннымъ въ своей безнаказанности[2]. Крупные собственники, настоящіе феодальные тираны, содержали у себя на жалованьи толпы вооруженныхъ людей, грабили страну, притѣсняли, произ-

100. Мозаика абсида собора въ Паренцо (VI-го вѣка)

вольно овладѣвали чужими землями, не щадя даже земель, принадлежащихъ Церкви и самому императору[3]. Подъ тяжестью всѣхъ этихъ бѣдствій, дѣлавшихъ «провинціи совершенно необитаемыми», край становился безлюднымъ. Города, которыхъ ихъ защитники были безсильны защищать[4], были разорены; деревни превратились въ пустыни; земледѣліе заброшено и въ Константинополь отовсюду приходили жалобы, указывающія на «ужасныя злоупотребленія чиновниковъ[5]». Просители всѣхъ возрастовъ, чиновъ и положеній

1. N. 8, praef. и N. 69, praef. и 1.
2. Ibid.
3. Nov. 17, 13 и 14; 30. 5; 65. praef.; 32 и 35.
4. Nov. 15, praef.; Nov. 8, edictum, I.
5. Nov. 24, 3. 25, 4.

массами отправлялись въ Византію, принося съ собою въ столицу опасные элементы неудовольствія и смуты, и всѣ эти разоренные люди требовали отъ императора правосудія, говоря, — почти такъ же, какъ говорятъ русскіе крестьяне: до Бога высоко, а до царя далеко, — что они все потеряли, «потому что никого не было близъ нихъ, чтобы помѣшать всѣмъ этимъ злымъ дѣламъ[1]». Наконецъ, послѣднее и самое тяжелое зло изъ всѣхъ давало себя чувствовать тѣмъ, что нищета подданныхъ влекла за собою истощеніе источниковъ общественныхъ средствъ, такъ какъ изъ разоренныхъ провинцій налоги поступали очень дурно[2]. На все это губернаторы возражали, что «они купили свои должности» и потому ихъ стремленіе покрыть произведенныя ими издержки вполнѣ законно[3].

Стоитъ прочесть затѣмъ рядъ указовъ, касающихся не всей реформы во всей ея совокупности, но переустройства каждой отдѣльной провинціи, чтобы еще сильнѣе почувствовать, каково было въ началѣ царствованія Юстиніана положеніе имперіи, особенно въ ея азіатскихъ провинціяхъ, и какъ повелительно ощущалась необходимость реформы. Въ Памфиліи подданные жалуются, что они остаются совершенно беззащитными противъ притѣсненій императорскихъ чиновниковъ, подвергаются личнымъ оскорбленіямъ, а земли ихъ отнимаются солдатами и чинами полиціи, на обязанности которыхъ лежитъ обезпеченіе общественной безопасности[4]. Въ Пизидіи гражданскія и военныя власти дѣйствуютъ согласно только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о разореніи плательщиковъ, а такъ какъ ихъ непрерывныя вымогательства вызываютъ въ безпокойномъ населеніи ея постоянные бунты, то въ странѣ царятъ разбои, налоги перестали поступать, а общая необезпеченность еще усиливается вслѣдствіе грабежей и преступленій крупныхъ собственниковъ[5]. Таково же было положеніе Ликаоніи и Исавріи; здѣсь возстанія чередуются съ вымогательствами и населеніе этихъ провинцій, чрезвычайно безпокойное и всегда готовое на возстаніе, очень озабочивало своимъ возбужденіемъ императорское правительство[6]. Въ Понтѣ и въ Пафлагоніи царятъ убійства, нападенія вооруженною рукою, похищеніе женщинъ и до-

1. Nov. 8, praef. 69; I. 80, особенно 80, 9.

2. Nov. 8, praef.

3. Ibid.

4. Указъ Юстина и Юстиніана (B. C. H. XVII, 502).

5. Nov. 24, особенно 1 и 3.

6. Nov. 25, особенно 1. Ср. *Mal.*, 445.

машняго скота, вымогательства солдатъ и безчинства полиціи, захваты со стороны крупныхъ собственниковъ и воровство губернаторовъ [1]. Въ Каппадокіи дѣла обстояли еще хуже; положеніе въ ней было на столько плохо, что самъ императоръ потерялъ надежду найти какое-нибудь средство противъ испытываемыхъ ею бѣдствій и выражалъ удивленіе, что есть еще жители, которые остаются въ этой несчастной провинціи. Подавленное тяжестью налоговъ, барщины, беззаконными поборами, грабимое солдатами, крупными собственниками и агентами казначейства, населеніе либо возстаетъ, либо разбѣгается; деревни приходятъ въ разрушеніе, недовольные города волнуются, а губернаторъ ничего не предпринимаетъ противъ этого, заботясь больше о томъ, какъ бы подороже продать свою благосклонность или молчаніе, чѣмъ о защитѣ людей, ввѣренныхъ его управленію [2]. Еще мало цивилизовавшаяся Арменія, полная кровавыхъ или варварскихъ обычаевъ, испытываетъ тотъ же администрьтивный безпорядокъ, ту же необезпеченность [3], и такимъ же образомъ вся Малая Азія [4] остается такъ мало населенной, или истощенной безплодными волненіями, что «вслѣдствіе злоупотребленій чиновниковъ» становится рѣшительно необитаемой. Не лучше положеніе и въ Сиріи: обѣ Палестины полны смутъ, которыя еще усиливаются религіозными несогласіями, и эта богатая, населенная страна, одинъ изъ лучшихъ источниковъ дохода казначейства, платитъ очень неисправно налоги [5]. Въ Финикіи подданные разорены злоупотребленіями администраціи и захватами крупныхъ владѣльцевъ [6]. Въ Аравіи царятъ воровство и несправедливость губернаторовъ, грабежи крупныхъ собственниковъ и главъ племенъ, жалобы, возстанія и смятеніе, и эта плодородная провинція становится неспособною уплачивать, какъ слѣдуетъ, налоги [7]. Такой же безпорядокъ въ Египтѣ, и при томъ такой глубокій, такъ искусно охраняемый мѣстными администраторами, «что въ Константинополѣ не знаютъ, что тамъ происходитъ [8]». Наконецъ въ европейскихъ провинціяхъ, во Ѳракіи, Скиѳіи и Мезіи, нерадѣніе или испорченность администраціи были неменьшія и положеніе въ нихъ еще отягощалось постоянною опасностью набѣговъ варваровъ [9].

1. Nov. 28, особенно 5; 29, особ. 4.
2. Nov. 30, особ. I, 5, 9.
3. Nov. 21, особенно praef.
4. Сравн. относительно обѣихъ Фригій и Писидіи Nov. 145, praef.
5. Nov. 103, особенно praef. и 2.
6. Ed., 4, 2.
7. Nov. 102.
8. Ed. 13, особенно praef.
9. Nov. 26, praef. и 1. Nov. 50.

II.

Такое крайне тяжелое положеніе вещей могло озабочивать каждаго главу государства и Юстиніанъ болѣе всякаго другого долженъ былъ обратить на него особое вниманіе. Между многими его хорошими качествами, императоръ обладалъ въ высокой степени административными способностями[1]. Онъ любилъ порядокъ, и въ этомъ отношеніи нерѣдко даже проявлялъ мелочность[2]; онъ отлично сознавалъ тяжелыя послѣдствія, проистекавшія отъ такого смутнаго положенія въ отношеніи общественной безопасности, финансоваго положенія городовъ и процвѣтанія земледѣлія[3]. Съ другой стороны, у него были и искреннее желаніе дѣлать добро и серьезная забота о своихъ подданыхъ[4]; онъ считалъ, что быть реформаторомъ это—долгъ его императорскихъ обязанно-

101. Благовѣщеніе (Мозаика въ соборѣ въ Паренцо, VI в.).

1. *Mal.*, 442, 448. Ср. 470—471.
2. Nov. 13, epil. Ed., 13, praef. и 24.
3. Nov. 80, 1 и 2. 128, 16.
4. Nov. 8, praef., 10, 11, 85, praef.

стей, выраженіе благодарности Богу, осыпавшаго его своими милостями [1]. Онъ горячо желалъ дѣлать полезное дѣло, и когда онъ говорилъ о своихъ работахъ и ночныхъ бдѣніяхъ, посвященныхъ благу своего народа, это не было метафорой [2]. Наконецъ, его властный и абсолютистскій характеръ естественно направлялъ его къ административной централизаціи; для отправленія же гражданской власти, которую онъ желалъ имѣть сильною и безспорною, ему нужны были дисциплинированные и послушные администраторы, тщательно подбираемые и хорошо обставленные [3]. Былъ еще одинъ мотивъ, и быть можетъ самый сильный, дѣлавшій реформу для него обязательной. При чтеніи императорскихъ указовъ сильно чувствуется постоянный недостатокъ средствъ, настоятельность удовлетворенія финансовыхъ нуждъ [4], а между

102. Посѣщеніе Богородицею св. Елисаветы (Мозаика VI-го вѣка въ соборѣ Паренцо).

1. Nov. 28, 4.
2. Nov. 30, 11.
3. Ср. *Finlay*, Hist. of Greece, I. 165 - 199.
4. См. всю 8-ю новеллу, въ особенности же предисловіе, а также Nov. 13, praef.

тѣмъ безпорядки администраціи, смуты и возрастающая бѣдность страны истощали источники общественныхъ богатствъ; со дня на день налоги поступали все труднѣе, а крупныя предпріятія Юстиніана стоили дорого. «Вы знаете, говорилъ императоръ своимъ подданнымъ, что военныя операціи и завоеванія не дѣлаются безъ денегъ; поэтому надлежитъ, чтобы вы уплачивали общественные налоги въ полности и исправно [1]». Въ силу именно этого мотива императоръ принималъ очень къ сердцу благополучіе и спокойствіе своихъ подданныхъ; онъ понималъ, что отъ разоренныхъ провинцій онъ ничего болѣе не можетъ извлечь для самого себя и очень ясно выразилъ тайныя основанія и границы своего доброжелательства, когда заявлялъ, что его подданные должны быть освобождены «отъ всякаго бремени и заботы, за исключеніемъ поземельныхъ платежей государству и справедливаго и законнаго налога [2]». Охранить плательщиковъ отъ вымогательствъ чиновниковъ и сохранить въ неприкосновенности неотъемлыя права фиска, таковы были два неразрывно связанныя положенія его реформаторской политики.

III.

Только въ 535 г., т.-е. послѣ восьмилѣтняго царствованія, Юстиніанъ взялся за это дѣло. Въ двухъ большихъ указахъ, отъ 15 и отъ 16 апрѣля этого года [3] онъ установилъ основы административной реформы и въ опредѣленныхъ выраженіяхъ начерталъ новыя обязанности, которыя онъ налагалъ на своихъ чиновниковъ. Отнынѣ губернаторы должны были «отечески относиться къ населенію, охранять ихъ отъ всякой несправедливости, отнюдь не брать отъ него денегъ, являться правосудными, какъ въ своихъ судебныхъ рѣшеніяхъ, такъ и въ административныхъ дѣйствіяхъ, преслѣдовать преступленія, наказывать виновныхъ по закону и вообще держать себя по отношенію къ подвластнымъ такъ, какъ отецъ относится къ дѣтямъ [4]». Продажа должностей отмѣнялась; впредь, вмѣсто тяжелаго suffragium, новые должностныя лица должны оплачивать только самые незначительные

1. Nov. 8, 10. Cp. Nov. 30, 11.

2. Nov. 8, praef. Cp. Nov. 17, 1. Sicut etiam privatis injuriam patientibus opem ferimus, ita etiam incolumem manere volumus.

3. Nov. 8 и 17.

4. Nov. 8, 8.

взносы за грамоты, выдаваемыя при ихъ назначеніи[1], а для того, чтобы отнять у администраторовъ всякій предлогъ для эксплуатаціи плательщиковъ, императоръ значительно увеличивалъ жалованье лицъ, занимающихъ общественныя должности[2]. Въ видахъ устраненія поводовъ для уступокъ требованіямъ могущественныхъ частныхъ лицъ, Юстиніанъ старался повысить внѣшнее значеніе своихъ чиновниковъ, поднять ихъ достоинство и дать имъ средства заставить уважать себя и повиноваться себѣ[3]. Особенно онъ желалъ, чтобы они были честны и чтобы у нихъ, по его выраженію, постоянно выходящему изъ-подъ его пера, «были чисты руки». Добиваясь такого результата, императоръ издавалъ множество самыхъ мелочныхъ инструкцій и указаній. Губернаторы,— и чтобы всякій зналъ это, каждому новому должностному лицу, при назначеніи, будетъ сообщаться императорское повелѣніе[4], — ни въ какомъ случаѣ не должны насиловать управляемыхъ; а напротивъ творить правосудіе, одинаково охранять ихъ какъ отъ насилій солдатъ,такъ и отъ притѣсненій агентовъ центральной администраціи; посредствомъ частыхъ разъѣздовъ по своимъ округамъ они должны заставлять уважать порядокъ и сохранять миръ; ихъ дѣло — прекращать разбойничество, наблюдать за надлежащимъ состояніемъ общественныхъ работъ; тщательно надзирать за дѣйствіями своихъ officiales и финансовыхъ агентовъ и за поведеніемъ чиновъ полиціи, препятствовать захватамъ сильныхъ, удерживать земледѣльцевъ на ихъ земляхъ; упорядочивать религіозныя дѣла, относясь съ равнымъ уваженіемъ къ правамъ Царкви и государства; оберегать автономію городовъ; жить въ согласіи съ епископами своей провинціи и съ нотаблями поселеній и во всѣхъ случаяхъ заслужить хорошую репутацію[5]. Но больше всего они должны стараться «увеличить доходы казначейства и всячески заботиться о защитѣ его интересовъ[6]». Правильное поступленіе налоговъ составляло первую ихъ обязанность и для большей обезпеченности его императоръ сдѣлалъ ихъ отвѣтственными за безнедоимочный взносъ платежей провинціею,

1. Nov. 8, praef. и 1. Относительно размѣра платежей за эти codicilli см. Nov. 8, notitia. Cp. Nov. 30, 11 и 82, 9.

2. Nov. 26, 4; 27, epil.; 28, 4; 102, 3.

3. Nov. 28, 4; 102, praef.; 103, praef.

4. Nov. 17, praef.

5. Nov. 8, 8; Nov. 17, особенно пп 1, 2, 3, 5, 7, 8, 10, 13, 14. Ср. Nov. 28, 4 и 5; 29, 2; 30, 8; Ed. 12. Относительно религіозныхъ дѣлъ см. Nov. 8, конецъ; 17, 11. Относительно городовъ, см. Nov. 15, praef; 2 и 3. О провинціальныхъ чиновникахъ, см. Nov. 25, 1; 26, 2; 27, 1.

6. Nov. 28, 5.

ввѣренную ихъ попеченію[1]. Въ то же время и съ неменьшею точностью Юстиніанъ указывалъ своимъ подданнымъ ихъ обязанность; она была проста: уплачивать безнедоимочно, правильно, «со всею преданностью», государственные налоги и тѣмъ показывать свою признательность императору[2]. Такимъ образомъ, если подданные будутъ платить хорошо, а чиновники честно управлять, «произойдетъ повсюду прекрасное и гармоническое согласіе между управляющими и управляемыми[3]».

Чтобы еще дѣйствительнѣе обезпечить исполненіе своей воли, Юстиніанъ вмѣнилъ въ обязанность каждаго новаго чиновника при вступленіи въ должность приносить торжественную присягу въ присутствіи высшихъ государственныхъ чиновъ на святыхъ евангеліяхъ[4]. При этомъ чиновникъ обѣщалъ управлять «безъ обмана и подлога», неподкупно и честно, «сохранять на сколько онъ будетъ въ состояніи подданныхъ благочестивѣйшаго императора отъ всякаго насилія», призывая на свою голову, въ случаѣ нарушенія своего обѣщанія, «всю строгость страшнаго суда Божія, участь Іуды, проказу Гіезіи, трепетъ Каина[5]». Сверхъ того, подданные имѣли право приносить въ Константинополѣ самому государю жалобы и императоръ настойчиво поощрялъ ихъ искать въ его правосудіи всегда надежное прибѣжище[6]. Епископы также приглашались наблюдать за поведеніемъ губернаторовъ, требовать строгаго примѣненія законовъ, которые всегда сообщались имъ и текстъ которыхъ они должны были приказывать выставлять въ церквахъ на паперти[7]. Наконецъ, строгія наказанія налагались на нарушившихъ свои обязанности чиновниковъ[8], а обѣщанія повышеній поощряли вѣрныхъ и исполнительныхъ слугъ[9].

Таковы были принципы административной реформы, и въ своихъ указахъ Юстиніанъ безпрерывно ссылается на эти непреложныя основы новаго порядка управленія, который онъ хотѣлъ установить[10]. Но въ провинціяхъ, которыми было трудно управлять, особенно же въ тѣхъ, которыя

1. Nov. 8, 10 и 14.
2. Nov. 8, 10.
3. Nov. 8, 10.
4. Nov. 8, 7 и 14.
5. Nov. 8, jusjurandum.
6. Nov. 8, 8—9.
7. Nov. 8, edictum, praef.; Ed. 12, 2.
8. Nov. 8, 7 и 8.
9. Nov. 28, 7; 30, 10.
10. Nov. 24, 2 (Писидія); 25, 2 и 3 (Ликаонія); 26, 2 и 3 (Ѳракія); 28, 4 и 5 (Еленопонтъ); 29, 2 и 3 (Пафлагонія); 30, 7, 8 и (Каппадокія); 102, 1 (Аравія).

самъ Юстиніанъ называетъ «asperiores provinciae[1]», требовалось сдѣлать нѣчто большее. Чтобы возстановить порядокъ въ возмущенномъ краѣ или обитаемомъ неспокойнымъ населеніемъ, для установленія болѣе сильнаго мѣстнаго управленія и болѣе послушной центральной власти нужны были болѣе спеціальныя и рѣшительныя реформы. Юстиніанъ не уклонился отъ этой задачи. Въ IV вѣкѣ административнымъ правиломъ имперіи было крайнее увеличеніе числа провинцій, безконечное осложненіе чиновничьей іерархіи и тщательное раздѣленіе гражданской и военной власти. Юстиніанъ рѣшительно порвалъ съ этими устарѣлыми принципами; онъ хотѣлъ располагать болѣе простой административной организаціей, имѣть меньшее количество провинцій, но за то лучше устроенныхъ, меньше чиновниковъ, но лучше оплачиваемыхъ, обладающихъ большею властью, но и болѣе непосредственно зависящихъ отъ центральной власти. 535 и 536 года цѣликомъ были посвящены этимъ реформамъ, конорыя должны были имѣть важныя послѣдствія для административной исторіи византійской имперіи.

Вмѣсто прежнихъ провинцій былъ учрежденъ рядъ крупныхъ управленій[2]. Еленопонтъ былъ присоединенъ къ Понту Полемонскому (Pontus Polemoniacus)[3], Пафлагонія къ Гоноріадѣ[4], Македонія II-ая къ Дарданіи[5]. Арменія, значительно увеличившаяся вслѣдствіе недавнихъ пріобрѣтеній и которую Юстиніанъ стремился романизировать, посредствомъ болѣе искуснаго распредѣленія территорій, была раздѣлена на четыре провинціи[6]. Египетъ также былъ реорганизованъ по болѣе простому плану, по которому были соединены въ одно управленіе двѣ прежнія провинціи Ливіи и подготовлялись послѣдующія слиянія путемъ учрежденія надъ провинціальными администраторами высшаго чиновника для двухъ Египтовъ, двухъ Θиваидъ, двухъ Августамникъ[7].

1. Nov. 24, 1.

2. Конечно, были созданы и нѣкоторыя новыя провинціи: Θеодоріада въ Восточной діоцезѣ (Nov. 8, notitia, 10; Mal., 448; Labbe, V, 582. См. Георгій Кипр., стр. 45). Нея-Юстиніана въ Азіятской діоцезѣ (Nov. 8, notitia, 21), но это были совершенно исключительныя мѣры, тогда какъ господствовавшей тенденціей было — возможное сліяніе территорій.

3. Nov. 28, 1; 29, praef. Ср. Nov. 28, praef. и 31, 1.

4. Nov. 29. praef.; 29, 1.

5. Ср. Nov. 11 и 131, 3, а также Duchesne, L'Illyricum ecclésiastique (Byz. Zeitsch., I, 530—537).

6. О дѣленіи Арменіи до реформы см. С. J., I. 29, 5. О реформѣ см. Nov. 8, notitia, 23; Nov. 28, 3; особенно же Nov. 31, 1. Ср. Labbe, V, 582.

7. Ed. 13, 19, 22. Ср. Zachariae de

Подобный же порядокъ соединялъ въ объединенные административные округа подъ высшимъ контролемъ старшаго чиновника въ судебномъ и военномъ отношеніи[1] Карію, Кипръ, Циклады, Скиѳію и Мезію; а обѣ Палестины и обѣ Каппадокіи — въ судебномъ отношеніи[2].

Наряду съ уменьшеніемъ числа провинцій, а слѣдовательно и губернаторовъ, уничтожались викаріи діоцезовъ, прежде служившіе посредниками между управляющими про-

103. Византійскія капители въ соборѣ въ Пареніо.

винціями и префектомъ преторія. Вмѣсто возлагавшагося на нихъ контроля надъ всею діоцезою, они были превращены въ администраторовъ тѣхъ провинцій, въ которыхъ издавна было ихъ мѣстопребываніе, въ Пакатіенской Фригіи, въ Галатіи, въ Сиріи и Египтѣ, и такимъ образомъ они заняли мѣста прежнихъ губернаторовъ — consulares или praesides[3].

Наконецъ, желая упростить механизмъ административной машины и усилить для блага своихъ подданныхъ государственную власть, Юстиніанъ рѣшился, особенно въ провин-

Lingenthal, De dioecesi aegyptica, стр. 51. Ed. 13, passim.

1. Nov. 41, аргументъ, и 50. Ср. Nov. 148, 1.

2. Nov. 30, 10; 103, 2.

3. Nov. 8, 2, 3, 5; Nov. 27, praef.; Ed. 2, 1 (Азія); Nov. 20, 6; 24, 4 (Понтъ); 20, 5 (Востокъ); Ed. 13, 19, 23, praef. и 1 (Египетъ).

ціяхъ, управленіе которыхъ представляло большія затрудненія, соединить въ рукахъ одного должностнаго лица какъ гражданскую, такъ и военную власть; этимъ путемъ онъ надѣялся положить конецъ соперничеству, отъ котораго страдала, теряя значеніе, общественная власть[1]. Безъ сомнѣнія, даже на Востокѣ, императоръ не думалъ доводить до конца свои намѣренія: въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, особенно въ сосѣднихъ съ границею, каковы Ливія, Ѳиваида, Египетъ, онъ удовольствовался тѣмъ, что назначалъ въ нихъ герцога, какъ высшее іерархическое лицо для гражданскаго управленія[2]; въ другихъ—онъ еще строже сохранилъ раздѣленіе властей[3], ограничившись повышеніемъ значенія гражданскихъ губернаторовъ посредствомъ расширенія предметовъ ихъ вѣдомства и украсивъ ихъ громкими титулами; такъ въ Аравіи и въ Финикіи praeses былъ повышенъ въ званіе moderator'a[4], а въ Палестинѣ и въ Арменіи 1-й—въ званіе proconsul'a[5]. Но въ другихъ областяхъ Юстиніанъ дѣйствовалъ гораздо радикальнѣе. Въ Пизидіи, Ликаоніи, Пафлагоніи и Ѳракіи были учреждены преторы[6]; въ Исавріи, Фригіи Покатіенской, въ Галатіи, Сиріи и Арменіи 3-й—комиты[7]; Геленопонтомъ управлялъ модераторъ[8], а Каппадокіей—проконсулъ[9]. Всѣ эти чиновники, возведенные въ рангъ spectabiles и украшенные еще, чтобы всякій зналъ, откуда они ведутъ свое начало, звонкимъ эпитетомъ Justiniani[10], соединяли въ своихъ рукахъ всѣ аттрибуты власти и жалованье презусовъ и герцога, мѣста которыхъ они заняли. Съ гражданскою властью они соединяли широкія полномочія относительно солдатъ, расположенныхъ въ ихъ округахъ; въ ихъ рукахъ сосредоточивалось финансовое вѣдомство и очень широкія судебныя права. Какъ аппеляціонной инстанціи, имъ были подсудны всѣ гражданскія дѣла до 500 золотыхъ солидовъ и этимъ путемъ административная реформа непосредственно сближалась съ судебною[11].

1. Nov. 24, 1; 26, 1; 30, 6: sub unum magistratum rem in ea provincia cogimus, ne dum distrahitur claudicet.

2. Ed. 13, 18, 20 (Ливія), 23 — 25 (Ѳиваида); *Zacch. de Lingenthal*, De dioec. aeg., стр. 69 (Египетъ).

3. Nov. 8, 10; 101, 2; 103, 2 и 3; Ed. 4, 2.

4. Nov. 102, 1; Ed. 4, 1—3.

5. Nov. 103; Nov. 31, 1; 20, 3.

6. Nov. 24, 3; 25, praef.; 20, 4; 29, 1; 26, 5.

7. Nov. 27, 1; 31, 1—3; 20, 5.

8. Nov. 28, 3.

9. Nov. 20, 2; 30, 1.

10. Nov. 29, 2; 25, 1; 24, 4 и т. д.

11. Ср. Nov. 24, 1, 3, 4, 5; 25, 1, 5, 6; 27, 2; 26, 1, 3, 5; 28, 3-8; 29, 4—5, 30, 1, 5, 7, 10, особенно 1: triplicem ei potestatem imponimus... idem et ci-

Дѣйствительно, Юстиніанъ, со своею любовью къ порядку и упрощенію администраціи, былъ очень пораженъ несовершенствомъ судебнаго управленія. Медленность суда, произволъ, продажность и пристрастность судей влекли за собою очень вредныя послѣдствія какъ для подданныхъ, такъ и для общественнаго порядка[1]. Будучи безсильны получить желаемое удовлетвореніе на мѣстѣ, люди, нуждавшіеся въ судѣ, старались уклониться отъ мѣстнаго суда и отправлялись искать въ столичныхъ трибуналахъ болѣе справедливыхъ рѣшеній; они аппелировали въ Константинополь на приговоры первыхъ судей или даже обращались прямо къ подножію трона съ своими жалобами и обидами. Отсюда — для подданныхъ длинные и дорого стоющіе переѣзды, причемъ часто судебныя издержки превосходили стоимость самаго процесса, а для столичныхъ судовъ— накопленіе маловажныхъ дѣлъ, которыя поневолѣ сильно залеживались и очень вредно отзывались на правильномъ отправленіи судопроизводства. И въто время, когда Византія вслѣдствіе этого переполнялась массою праздныхъ и недовольныхъ людей, очень скоро превращавшихся въ нищихъ, воровъ и агитаторовъ, обезлюденныя провинціи непоправимо разорялись[2]. Какъ средство противъ этого зла, Юстиніанъ обязалъ губернаторовъ оказывать на мѣстѣ справедливое и скорое правосудіе[3] и магистрату, отказавшему въ возстановленіи правъ просителей или судившему не согласно съ установленными законами, грозили строгія наказанія[4]. Съ другой стороны, чтобы сдѣлать болѣе доступною и менѣе обременительною для тяжущихся аппеляцію, Юстиніанъ учредилъ въ провинціяхъ рядъ аппеляціонныхъ инстанцій, промежуточныхъ между трибуналомъ губернатора и трибуналами префекта преторія и квестора[5]. Всѣ вновь созданные Юстиніаномъ администраторы для діоцезовъ Понта и Азіи, — комиты, преторы, проконсулы, модераторы, въ Египтѣ—префектъ Августалы и на Востокѣ—комитъ Востока,—были уполномочены рѣшать дѣла, въ качествѣ аппеляціонной инстанціи и безъ послѣдующаго взысканія убытковъ, всѣ иски стоимостью ниже 500 золотыхъ

vilis erit magistratus et militaris et tamiacis praeerit rebus. Nov. 31, 3; 8, 3; Ed. 13, 1, 8, 13. Относительно власти надъ солдатами, см. Nov. 31, 3; 17, 4.

1. Nov. 69, 4.

2. Nov. 80, 1—4, 9.

3. Nov. 23,3; 24, 3; 25, 3, 6; 26, 3; 30, 9.

4. Nov. 30, 9; 82, 13. Ср. Nov. 113.

5. Nov. 23, 3.

солидовъ[1]. На рѣшенія магистратовъ, имѣющихъ титулъ spectabiles, объявленныя въ качествѣ первой инстанціи, по прежнему апелляціи должны были подаваться въ Константинополь и разсматриваться въ трибуналахъ префекта преторія и квестора; но и въ этомъ отношеніи была проведена реформа посредствомъ учрежденія многихъ промежуточныхъ апелляціонныхъ палатъ. Только одинъ префектъ преторія

104. Такъ называемый Юстиніановскій водопроводъ близъ Константинополя (Изъ соч. *Стржиговскаго* Die byzantinischen Wasserbehälter von Constantinopel).

могъ жаловаться на послѣдствія реформы, такъ какъ она, подымая значеніе и власть губернаторовъ и увеличивая ихъ полномочія, какъ апелляціонныхъ судей, тѣмъ самымъ уменьшала его личное значеніе[2]. Однако, императоръ могъ только поздравить себя съ такимъ ограниченіемъ всемогущества министра, образъ дѣйствій котораго нерѣдко былъ крайне произвольный и тираническій[3], а подданные могли только благодарить государя за его заботу о нихъ и за тѣ усилія, которыя онъ дѣлалъ, чтобы обезпечить имъ спокойствіе.

По непослѣдовательности, которая на первый взглядъ можетъ показаться довольно странной, Юстиніанъ не счи-

1. Ср. Nov. 24, 5; 25, 6; Nov. 50.
2. Nov. 20, praef. и 5; 23, 4.
3. Ср. Nov. 128, 17–19; 1[illegible]

талъ нужнымъ вводить на Западѣ тѣ реформы, посредствомъ которыхъ онъ преобразовалъ Востокъ. Озабочиваясь дать населенію этихъ странъ точный образъ римской администраціи въ томъ видѣ, въ которомъ оно знало ее прежде, онъ сохранилъ въ учрежденной имъ въ Африкѣ префектурѣ преторія, а также и во вновь присоединенной Италіи, съ ея прежними административными округами, древнее раздѣленіе гражданской и военной властей. Въ Африкѣ подъ начальствомъ префекта преторія, главы гражданскаго управленія, вводилось семь губернаторовъ, consulares или praesides, управлявшіе провинціями; военная же власть, тщательно отдѣленная отъ гражданской, была поручена четыремъ герцогамъ (дукамъ)[1]. Въ Италіи, подъ высшею властью префекта, состояли два викарія—для Рима и для Италіи; провинціи же, какъ и встарину, были ввѣрены гражданскимъ чиновникамъ. Прагматическая санкція 554 г. опредѣленно удерживаетъ древнее раздѣленіе гражданской и военной властей[2]. И если справедливо, что на практикѣ политическая необходимость не одинъ разъ требовала, въ отношеніи высшаго управленія провинціей, временнаго сосредоточенія всѣхъ властей въ однѣхъ рукахъ; если справедливо, что такія отступленія отъ установленныхъ принциповъ на дѣлѣ влекли за собою упрощеніе административнаго управленія, напоминающее реформы, введенныя на Востокѣ[3],—тѣмъ не менѣе остается безспорнымъ, что Юстиніанъ никогда не намѣревался примѣнить реформу во всей ея смѣлости и объемѣ на Западѣ.

Громадный толчекъ, данный общественнымъ работамъ, очень хорошо дополнялъ дѣло императора. Во всѣхъ своихъ указахъ онъ предписываетъ губернаторамъ внимательно заботиться о поддержаніи дорогъ, мостовъ, стѣнъ, водопроводовъ[4] и обѣщаетъ, въ случаѣ, если встрѣтится необходимость въ работахъ подобнаго рода, прибавить къ средствамъ муниципальныхъ бюджетовъ[5] пособіе отъ государства. Книга «О сооруженіяхъ» вполнѣ доказываетъ, что это не были только пустыя слова. Какъ въ древнихъ странахъ государства, такъ и въ недавно завоеванныхъ провинціяхъ, одною изъ постоянныхъ заботъ императора было оказаніе помощи

1. C. J., 1, 27, 1 и 2. См. также Afrique byzantine, 97—137.

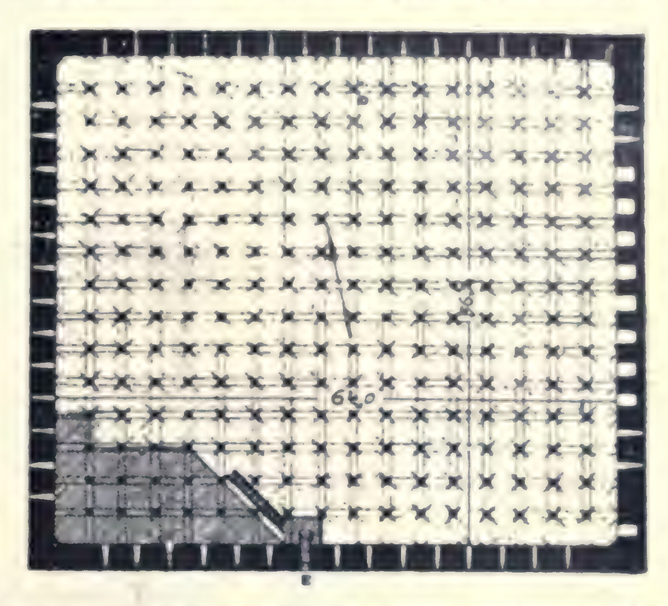
2. Pragm. sanct., 23. Ср. мои Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat, стр. 4—5, 82—83. Относительно Сициліи, см. Nov., 75.

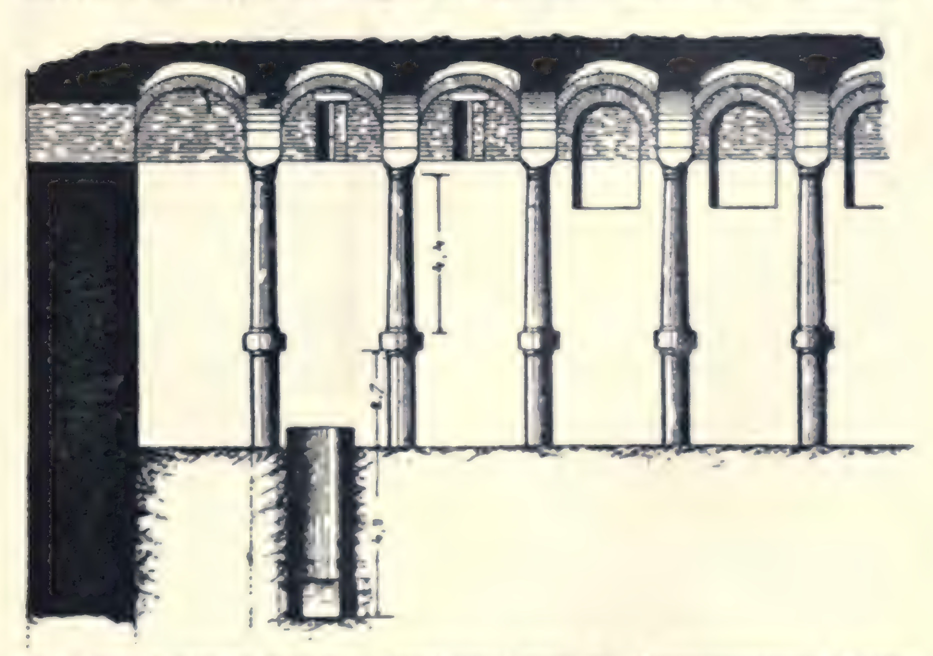
3. См. Afrique byzantine, 471—472; Exarchat, 84—85.

4. Nov. 24, 3; 25, 4; 26, 4.

5. Nov. 17, 4; Aed., 253, 318.

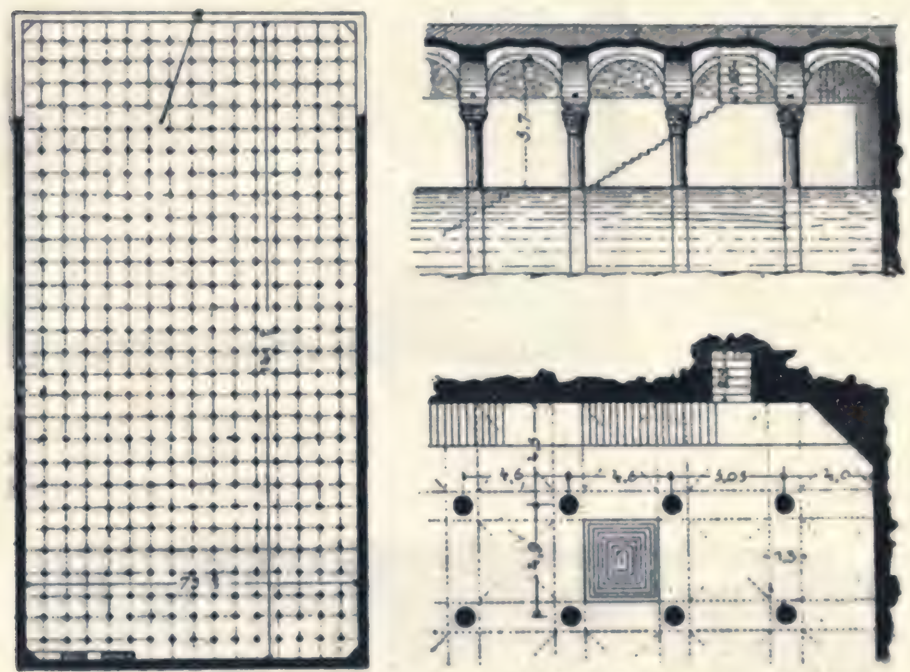
всѣмъ городамъ при производствѣ въ нихъ работъ, имѣвшихъ въ виду общественную пользу: термъ, водопроводовъ, фонтановъ, необходимыхъ для снабженія питьевой водой и вообще для благосостоянія жителей. Раньше я говорилъ о мѣрахъ, принимавшихся для защиты имперіи и о большихъ фортификаціонныхъ работахъ въ видахъ обезпеченія территоріальной безопасности, а дальше мы покажемъ какою массою церквей, монастырей и страннопріимныхъ учрежденій

105. Планъ и разрѣзъ цистерны Бинъ-биръ-Диркъ въ Константинополѣ (*Strzygowski*, Die byz. Wassebehälter von Constantinopel).

покрылась вся имперія заботами Юстиніана. Но этимъ еще не ограничилась неутомимая дѣятельность императора. Съ цѣлью облегчить сообщенія устраивались вездѣ дороги [1], какъ на недоступныхъ горахъ страны тцановъ [2], такъ и въ суровыхъ ущельяхъ, соединяющихъ Сирію съ Киликіею [3]. Попеченіями Ѳеодоры, всегда и во всемъ помогавшей Юстиніану, была вымощена на топкихъ равнинахъ Виѳиніи

106. Планъ и разрѣзъ цистерны Жеребатанъ-Серай въ Константинополѣ (*Strzygowski*, Die byz. Wasserbeh. von Cp.).

большая дорога, ведущая изъ Никомедіи въ глубь Малой Азіи [4]. Въ безводныхъ пустыняхъ Сиріи и Палестины было увеличено число колодцевъ и цистернъ для продовольствія каравановъ [5]; были также построены мосты на разныхъ рѣкахъ, на Драконѣ и Сангаріосѣ (Сакаріа) въ Виѳиніи [6], на Пирамѣ въ Мопсуестіи [7], на Саросѣ въ Аданѣ [8], на Оронтѣ

1. Aed., 309.
2. Id., 258.
3. Id., 318.
4. Id., 315.
5. Id., 328.
6. Id., 312—315. Относительно моста на Сангаріосѣ см. у *Агаѳія* (Anthol., IX, 641), у *Ѳеофана*, 234, и у *Павла Силенц.*, Descr. S. Sophiae, 930—933.
7. Aed. 319.
8. Id.

въ Антіохіи[1]. Повсюду теченіе рѣкъ было урегулировано или ограждено плотниками съ цѣлью защитить города отъ бѣдствій, причиняемыхъ наводненіями[2]; но особенно императоръ любилъ увеличивать въ городахъ всѣ сооруженія, касающіяся водоснабженія: въ Мессопотаміи—Дара и Константина[3], въ Ефратезѣ—Сергіополисъ и Гіераполисъ[4], въ Сиріи—Антіохія[5]; въ Дарданіи—Юстиніана прима[6], въ Гераклеѣ—Херсонесъ[7], въ Виѳиніи—Еленопополисъ, Никея и Никомедія[8], въ Каппадокіи—Моцезосъ, въ Киренаикѣ—Птолемаисъ[9] и многіе другіе города получили вспомоществованіе для устройства водопроводовъ и цистернъ, и даже въ настоящее время великолѣпные резервуары Жере-батанъ-Серай и Бинъ-биръ-Дирекъ въ Константинополѣ показываютъ сколько заботы было приложено для самаго широкаго обезпеченія питьевой водою жителей столицы[10]. Вездѣ устраивались общественныя бани, напр. въ Цирцезіумѣ[11], въ Антіохіи, въ Юстиніанѣ, въ Никеѣ и въ Никомедіи, и сверхъ того въ Лептисъ магна[12] было устроено и обставлено съ особымъ великолѣпіемъ морское купанье по образцу Пиѳіи въ Виѳиніи[13]. Когда дѣло шло объ этихъ великихъ общественныхъ сооруженіяхъ, прославлявшихъ его имя, Юстиніанъ никогда не отказывалъ въ деньгахъ[14]. Во всѣхъ безчисленныхъ городахъ, которые онъ возобновилъ, во всей массѣ поселеній, которыя онъ вновь создалъ силою своей воли, его гордость не довольствовалась прибавкою «Юстиніана» (Justiniana Capsa, Carthago Justiniana, Justiniana Zabi, Justiniana prima[15], и т. д.), но желалъ оставить въ нихъ видимые знаки своего царствованія и величія. Послѣ разоренія, случившагося въ 540 г., Антіохія была вновь перестроена съ неслыханною роскошью, снабжена водопроводами, стоками, банями, общественными площадями, театрами, «всѣмъ тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о процвѣтаніи города[16]» и она возстала изъ развалинъ болѣе прекрасною, чѣмъ была раньше[17]. Скром-

1. Aed. 238.
2. Id., 215, 229, 238, 240, 316 и 321
3. Id., 220—225.
4. Id., 235—236.
5. Id., 241.
6. Id., 266.
7. Id., 299.
8. Id., 312—314.
9. Id., 317, 323.
10. Id., 206—207. Объ этихъ цистернахъ см. *Strzygowski*, Byz. Wasserbehalter, 177 и слѣд., 212—220.
11. Aed., 227.
12. Id., 337.
13. Id., 315—316.
14. Id., 253. 318.
15. C. I. L., VIII, 101, 102; Nov. 37; C. I. L., VIII, 8805.
16. Aed., 241.
17. См. *I. Ефесскій*, Hist. (R. O., Chr., loc. cit., 477—478.

ная деревня Таврезіумъ, возлѣ Бедеріаны, въ которой родился императоръ, превратилась въ большой городъ Юстиніана-прима, административную и религіозную столицу Иллиріи. Чтобы украсить ее, Юстиніанъ построилъ въ ней водопроводъ, бани, портики, фонтаны, площади, рынки, церкви и такимъ образомъ создалъ городъ «большой, населенный и цвѣтущій, дѣйствительно достойный базилевса[1]». Когда при бунтѣ «Ника» была разрушена часть Константинополя, императоръ возобновилъ ее съ несравненнымъ великолѣпіемъ; Св. Софія, Священныя Палаты, большая площадь Августеонъ и окружающія ихъ постройки, длинные портики, которые, начинаясь отъ императорской резиденціи, шли до форума Константина[2],—все это свидѣтельствуетъ о любви къ пышности и о высокомѣрной гордости императора. Когда отъ бывшихъ въ 551 и 554 гг. землетрясеній пострадали Тиръ, Сидонъ, Бейрутъ, Библосъ, Антіохія и даже въ самомъ Константинополѣ были разрушены многія зданія, императоръ не щадилъ ничего, чтобы только возстановить съ новымъ великолѣпіемъ города пострадавшіе отъ этого великаго бѣдствія[3]. Наконецъ, когда побѣды его генераловъ подчинили его власти Африку и Италію, императоръ далъ въ нихъ полный просторъ своей любви къ постройкамъ и тратамъ. «Юстиніанъ, говоритъ Евагрій, возобновилъ въ Африкѣ сто пятьдесятъ городовъ; нѣкоторые онъ перестроилъ за-ново, другіе, бывшіе въ большей своей части разрушенными, онъ возобновилъ съ большимъ великолѣпіемъ. Во всѣхъ онъ тратилъ большія средства на ихъ украшеніе, на общественныя и частныя постройки, опоясывалъ ихъ стѣнами и сооружалъ великолѣпныя зданія, столько же служившія для блеска поселеній, сколько и угодныя Богу[4]». По берегамъ моря создавались порты[5]; родились новые города въ пустыняхъ нумійдской возвышенности. Карѳагенъ съ его дворцами, церквами, великолѣпными термами, которымъ супружеская любовь императора присвоила имя «Ѳеодорскія»[6], съ его площадями, окруженными портиками, превратился по волѣ Юстиніана въ совершенно новый го-

1. Aed., 267.
2. Id., 202—204.
3. *Mal.*, 485. Тоже самое онъ сдѣлалъ для исправленія бѣдствій, постигшихъ Помпеіонолисъ въ 539 г. (*Іоанн. Ефесск.*, Hist. въ Comm., 225—226), Лаодикею въ 541 г. (id., 227), Кизику въ 543 г. (id. 227). Относительно катастрофы 558 г. см. id., 242
4. *Evagr.*, IV, 18.
5. Aed., 341—342.
6. Id., 339.

родъ[1]. Въ Италіи тоже проводились новыя дороги и строились великолѣпныя зданія; и теперь еще въ Равеннѣ церкви Св. Виталія и Св. Аполлинарія свидѣтельствуютъ о попеченіи, оказывавшемся базилевсомъ полуострову и о побыкновенномъ развитіи сооруженій, придающихъ славу его царствованію. Даже въ настоящее время, отъ одного конца имперіи до другого, отъ константинопольской св. Софіи до отдаленнаго монастыря на Синаѣ, отъ ѳессалоникскихъ церквей до виѳлеемскихъ, отъ базиликъ въ Равеннѣ и Паренцо до погибшихъ городовъ центральной Сиріи, отъ африканскихъ крѣпостей до константинопольскихъ колоссальныхъ цистернъ или до сохранившихся въ цѣлости арокъ моста на Сангаріосѣ,—всѣ безчисленныя зданія и все имъ созданное свидѣтельствуютъ во славу Юстиніана, о его благородныхъ заботахъ, о его дѣятельности и о великолѣпіи его построекъ.

Съ тѣмъ же нѣсколько чрезмѣрнымъ жаромъ, который Юстиніанъ вносилъ во всѣ части своего дѣла, онъ отдался всецѣло въ теченіе 535 и 536 гг. своему великому предпріятію—административной реформѣ и надѣялся въ двѣнадцать-пятнадцать мѣсяцевъ посредствомъ ряда указовъ осуществить всѣ свои благія намѣренія. Съ тѣмъ обычнымъ самообманомъ, которымъ онъ отличался всегда, когда дѣло шло о его предначертаніяхъ, онъ думалъ, что его торопливое законодательство все исправило, и хвалился, «что своими великими предначертаніями онъ поднесъ государству новый цвѣтокъ[2]». На дѣлѣ же онъ жестоко ошибался. Измѣнять людей не такъ легко, какъ статьи закона, и Юстиніанъ могъ въ этомъ убѣдиться тяжелымъ опытомъ остального періода своего царствованія. Въ теченіе двадцати девяти лѣтъ, которые ему оставалось еще прожить, онъ безпрерывно долженъ былъ укрѣплять и чинить то зданіе, которое онъ думалъ создать, и большая часть его благихъ намѣреній оставались плачевно-безплодными. Законодательные и историческіе документы согласно свидѣтельствуютъ объ этой неудачѣ, къ изслѣдованію причинъ которой мы теперь перейдемъ.

---

1. Aed., 339. 2. Nov. 103, praef. Cp. 102. praef.

IV.

Если задаться вопросомъ — каковы были результаты великой реформы 536 г., то прежде всего поражаетъ тотъ

107. Преображеніе. Мозаика VI-го вѣка въ монастырѣ на Синаѣ. (По фотогр. г. Кондакова.).

фактъ, что до конца своего царствованія Юстиніанъ постоянно долженъ былъ возобновлять свои указы и повторять

разныя запрещенія и предписанія, изъ чего можно заключить, что реформа плохо прививалась. Императоръ надѣялся, что, благодаря принятымъ имъ мѣрамъ, онъ возстановилъ порядокъ, а между тѣмъ общественное спокойствіе продолжало нарушаться; въ оффиціальныхъ документахъ безпрерывно толкуется о разбояхъ и убійствахъ, губящихъ населеніе деревень, о вооруженныхъ стычкахъ и возстаніяхъ, волнующихъ страну. Чтобы положить этому конецъ, въ 539 г. задумали воспретить ношеніе оружія всѣмъ не зачисленнымъ въ армію [1]; нѣсколько позже въ нѣкоторыхъ провинціяхъ пришлось установить настоящее осадное положеніе и, что особенно замѣчательно, это было сдѣлано какъ разъ въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ была введена реформа 536 года. Въ Понтійской діоцезѣ отмѣненная должность викарія была снова возстановлена въ 548 г. съ правами чрезвычайнаго коммисара, соединявшаго въ своихъ рукахъ гражданскую и военную власть и облеченнаго самыми широкими полномочіями [2]. Къ 553 г. Пизидія, Ликаонія, обѣ Фригіи и Лидія были соединены подъ властью одного дука, которому поручалось энергически возстановить въ нихъ спокойствіе и который выполнилъ свою задачу съ чрезвычайною суровостью [3]. Равнымъ образомъ административный округъ комита Востока былъ также расширенъ [4].

Все это, казалось бы, было ничѣмъ инымъ, какъ болѣе широкимъ примѣненіемъ тѣхъ самыхъ принциповъ, которые были положены въ основу административной реформы; но подъ этимъ скрывалось нѣчто, неизмѣримо худшее. Юстиніанъ надѣялся своими указами измѣнить пріемы общественнаго управленія, а между тѣмъ лихоимство чиновниковъ продолжалось по-прежнему. Императорскіе законы, обнародовавшіеся съ удивительною медленностью [5], соблюдались еще хуже. Всѣ пороки, такъ сурово осужденные въ указахъ 535 года, сохранились и процвѣтали. И для доказательства этого нѣтъ надобности во множествѣ свидѣтельствъ истори-

1. Nov. 85, особенно гл. 1. 3. Ср. Nov. 17, 17.

2. Ed. 8, особенно предисловіе и 1 и 3.

3. Nov. 145, praef. и 1. Однако, нужно отмѣтить, что чисто гражданское управленіе было возстановлено въ 548 г. въ Галатіи 1-й (Ed. 8, 1), въ обѣихъ Фригіяхъ и въ Пизидіи въ 553 г. (Nov. 145, 1), и что въ 545 г. Юстиніанъ всегда различаетъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ (Nov. 128, 20, 21). Ср. Nov. 134, 1 (556 г.).

4. Nov. 157 (Озроена и Мессопотамія); *Mal.*, 487 (Палестина).

5. Nov. 1 и 18; Nov. 66, praef. и 1.

ковъ,—такъ какъ Прокопія и Лидуса можно заподозрить въ предвзятомъ осужденіи и въ ненависти, которыя въ извѣстной степени понижаютъ цѣнность ихъ сообщеній [1],— но сами оффиціальные акты съ поразительною точностью подтверждаютъ разсказы хроникеровъ и показываютъ на сколько безплодными оставались добрыя намѣренія Юстиніана.

Каждая страница Новеллъ констатируетъ продолжающіеся пороки византійской администраціи. Въ 539 г. импе-

108. Мостъ на Сангаріосѣ.

раторъ выражаетъ сожалѣніе по поводу медленности, съ которою вновь назначенные чиновники вступаютъ въ управленіе дѣлами, оставляя ввѣренный имъ край въ теченіе многихъ мѣсяцевъ въ забвеніи [2]. Затѣмъ въ 545, 553 и 556 гг. онъ указываетъ на администраторовъ, безстыдно обворовывающихъ общественное имущество, обращающихъ въ свою пользу большую часть взимаемыхъ ими денегъ, притѣсняющихъ сотнею способовъ подвластныхъ имъ людей и «въ позорной страсти къ наживѣ» заставляющихъ платить имъ за разрѣшеніе регистраціи завѣщаній, совершеніе браковъ и даже за погребеніе [3]. Въ 535 г. съ цѣлью слѣлать дѣйстви-

1. См. *Dahn*, Prokopius, стр. 328, 335—336. О Лидосѣ см. De magistro стр. 260—261, 262—263. Въ источнони сообщеній Прокопія можно убѣдиться въ Hist. arc., стр. 129—130, 143.

2. Nov. 95, 1.

3. Nov. 147, 2. Ср. B. P., 210, B. G., 497; Nov. 128, 22; 134, 1

тельною отвѣтственность администраторовъ, Юстиніанъ рѣшилъ, что послѣ оставленія ими должности они должны оставаться въ теченіе пятидесяти дней въ мѣстѣ пребыванія своего управленія; но это было совершенно неудачная мѣра, надъ которою чиновники открыто смѣялись. Въ 539 г. пришлось прибѣгнуть къ очень сильнымъ выраженіямъ, говорить объ оскорбленіи Величества, чтобы заставить ихъ повиноваться[1] и, не смотря на это, они такъ плохо повиновались, что въ 545 г. нужно было снова возобновить повелѣніе[2]. Низшіе агенты администраціи подражали примѣру своихъ начальниковъ: служащіе въ канцеляріяхъ охотно шли на подкупъ и требовали себѣ подарковъ[3]; делегаты центральныхъ управленій, чины полиціи, которую Юстиніанъ повелѣлъ упразднить, дѣлали то же самое[4], и императоръ вынужденъ былъ уполномочить своихъ подданныхъ отказывать въ подобныхъ требованіяхъ, хотя бы даже силою. Солдаты являлись для провинцій настоящимъ бичемъ, а прохожденіе войскъ—источникомъ нескончаемыхъ прижимокъ[5]. Финансовое управленіе притѣсняло выше всякой мѣры[6], а юстиція оставалась такою же, какою было до реформы, т. е. медленною, продажною и испорченною[7].

Тщетно въ 539, 541, 543, 544, 545 и 556 годахъ[8] Юстиніанъ увеличивалъ количество своихъ указовъ; тщетно онъ возобновлялъ ихъ, повторяя въ 545 и 556 г. то, что онъ предписалъ въ 535 г.[9]; тщетно придумывалъ онъ новыя мѣропріятія. Въ 539 г., съ цѣлью ускорить отправленіе правосудія и освободить столицу отъ наплыва массы просителей и нищихъ, которые переполняли ее, онъ учредилъ въ Константинополѣ новую должность чрезвычайнаго магистрата, такъ называемаго quaesitor'а, одновременно верховнаго судью и префекта полиціи[10]. Безпрерывно увеличивалъ онъ контроль епископовъ надъ чиновниками[11]; безпрерывно распекалъ губернаторовъ, требуя, чтобы они судили по за-

и особенно 3: adeo impie turpis lucri studio agi.

1. Nov. 95, praef. и 1.

2. Nov. 128, 23.

3. Nov. 80, 6; 86, 5.

4. Nov. 86, 9; 124, 3; 128, 21; 134, 1 и 2.

5. Ср. B. G., 312, 353; Nov. 130, 1—4, 6, 9.

6. Nov. 128, 6, 9, 11, 15—18.

7. Nov. 86, 1, 2, 4, 9.

8. Nov. 86 и 95 (539 г.); 113 (541 г.); 125 (543 г.); 124 (544 г.); 128, 130 (545 г.) 147 (553 г.); 134 (556 г.).

9. Nov. 17, 10 (535 г.); Nov. 128; 20, Nov. 134.

10. Nov. 80.

11. Nov. 128, 16, 17; 134, 3; 145, 1.

конамъ, быстро и неподкупно[1], но въ 544 и въ 545 гг. злоупотребленія не уменьшались[2] и въ своемъ большомъ указѣ отъ 556 г. Юстиніанъ былъ вынужденъ повторить все то, что имъ было сказано двадцать лѣтъ раньше[3]. Какъ и въ 535 г., онъ предписывалъ губернаторамъ «вести себя честно и хорошо управлять»; какъ и въ 535 г., онъ приказывалъ внимательно наблюдать «за сборомъ податей и за безопасностью края»; какъ въ 535 г., онъ указывалъ на медленность, продажность, испорченность юстиціи, на то, что чиновники щадятъ богатыхъ преступниковъ и обогащаются на счетъ обвиняемыхъ, на корыстолюбіе и страсть къ наживѣ, какъ на единственное, чѣмъ руководятся чиновники[4].

Можно удивляться, что такой государь, какъ Юстиніанъ, столь ревниво охранявшій свою власть, оказался такимъ безсильнымъ заставить повиноваться себѣ и что всѣ его добрыя и, повидимому, искреннія намѣренія оставались до такой степени не производящими никакого дѣйствія. А это происходило отъ того, что, какъ сказалъ одинъ изъ преемниковъ императора, «недостаточно издавать указы, но нужно умѣть настоять на ихъ точномъ выполненіи[5]»; но для этого Юстиніанъ оказался неспособнымъ: нужды управленія заставляли его самого давать примѣръ нарушенія законовъ, имъ самимъ обнародованныхъ.

Всю свою жизнь Юстиніанъ страдалъ самымъ худшимъ видомъ бѣдности—нуждою въ деньгахъ. Для своихъ завоевательныхъ войнъ, для построекъ, для поддержанія императорской пышности, на издержки, требовавшіяся его политикою въ отношеніи варваровъ,—требовались огромныя суммы и, чтобы найти ихъ, императоръ ни предъ чѣмъ не останавливался. Онъ самымъ торжественнымъ образомъ запретилъ продажу должностей, но не прошло года послѣ этого, какъ онъ самъ открыто сталъ продавать съ аукціона общественныя должности, сдѣлавши этимъ примѣромъ совершенно призрачною ту торжественную присягу, которую онъ требовалъ отъ своихъ губернаторовъ, — не давать и не получать денегъ[6]. Онъ предписалъ болѣе честное отправленіе право-

1. Nov. 115, praef. и 1. 125.
2. Nov. 124, 1; 128, 21.
3. Nov. 134, 2.
4. Id., 3—4.
5. Id., 161, praef. Non tantum legibus quae par est sancire summum bonum est, sed etiam sancita diligenter servare.
6. Hist. arc., 120—121. Cp. *Evagr.* 4, 30.

судія, а между тѣмъ въ самомъ дворцѣ законы и рѣшенія продавались. «Вѣсы правосудія, по образному выраженію Прокопія, колебались по произволу и склонялись въ ту сторону, куда влекла ихъ большая тяжесть золота [1]». Докладчики и солдаты стражи торговали своимъ вліяніемъ, не рискуя, что императоръ, легко позволявшій обманывать себя, усмотритъ ихъ вымогательства, отъ которыхъ ему случалось получать свою часть [2]. Онъ приказалъ, наконецъ, охранять подданныхъ имперіи, объявилъ, что удовольствуется существующими налогами, не прибѣгая ко вреду народовъ къ чрезвычайнымъ мѣрамъ [3], на дѣлѣ же, для пополненія казны, онъ долженъ былъ установить новые налоги; особенно же для удовлетворенія нуждъ государственнаго казначейства, «этого брюха, какъ выражается Кориппъ, которымъ питаются всѣ остальные члены общественнаго тѣла [4]», ему пришлось примѣнять неумолимую строгость во всѣхъ частяхъ финансоваго управленія.

У Іоанна Лидоса [5] можно найти безконечный списокъ налоговъ, которыми министры Юстиніана обременяли подданныхъ имперіи [6]. Къ уже и безъ того тяжелому поземельному налогу, предусмотрительная система распредѣленія котораго давала возможность при всякой нуждѣ въ деньгахъ дѣлать его болѣе угнетающимъ [7], прибавилась подавляющая тяжесть такъ называемаго ἐπιβολή [8]. Множество разнообразныхъ бѣдствій того времени, чума, войны, голода, вымогательства губернаторовъ, необезпеченность обыденной жизни,—несли за собою тяжелыя послѣдствія: деревни пустѣли и съ покинутыхъ земель въ казну пересталъ поступать доходъ. Чтобы прекратить во что бы то ни стало это грозное обезлюденіе, лишавшее государственное казначейство самого предмета обложенія, и чтобы прикрѣпить къ землѣ деревенскихъ собственниковъ, составлявшихъ финансовую силу имперіи, законодатель нашелъ нужнымъ присоединить къ обрабатываемымъ и плодороднымъ землямъ безплодныя

1. Hist. arc., 89.
2. Id., 88—89.
3. Nov. 8, 11.
4. Just., II, 249—250.
5. *Lydus*, 264.
6. *Humbert*, Essai sur les finances et la comptabilité publique chez les Romains, I, стр. 359—389, и II, стр 8—21, и *Zachariae de Lingenthal*, Zur Kenntniss d. röm. Steuerwesens in der Kaiserzeit (Mém. de l'Acad. des sciences de Saint-Pétersbourg, 1863).
7. *Monnier*, ἐπιβολή (Nouv. Rev. hist du droit, 1892, 154—155).
8. Id., 125, 330, 497, 637.

и покинутыя и посредствомъ круговой поруки кадастровыхъ (ὁμόδουλα) и фисковыхъ (ὁμόκηνσα)[1] группъ обезпечить безнедоимочное внесеніе налога. Это и было то ἐπιβολή или adjectio, которое конечно, не было придумано Юстиніаномъ, но окончательная организація котораго была, повидимому, закончена и установлена въ его царствованіе[2], причемъ чиновники во всѣхъ случаяхъ примѣняли ее съ неслыханною жестокостью. «Ἐπιβολή, говоритъ Прокопій, это—чума, внезапно нападающая на деревенскихъ собственниковъ и окончательно разрушающая всѣ надежды на прокормленіе»; затѣмъ, опредѣливши сущность этого притѣсненія, историкъ прибавляетъ: «кажется, что ἐπιβολή стало примѣняться только въ наше время[3]». Другой налогъ, ἀερικόν, созданіе котораго Прокопій, съ обычнымъ ему преувеличеніемъ, приписываетъ также Юстиніану, и который онъ называетъ налогомъ, «упавшимъ съ облаковъ и неоправдываемымъ ни закономъ, ни обычаемъ[4]», повидимому, ложился на собственность,

109. Византійская капитель въ Салонѣ.

1. *Monnier*, loc. cit., 336—338.
2. Id., 352.
3. Hist. arc., 131. Cp. Nov. 128, 7—8; 166; 168; 17, 14.
4. Hist. arc., 119.

заключающуюся въ постройкахъ [1]. Наконецъ, на всѣхъ, не обладавшихъ имуществомъ, падалъ личный налогъ, capitatio humana или καπνικόν. Всѣ эти подати платились деньгами, но наряду съ ними были не менѣе тяжелы гѣ натуральныя повинности (annonae, σιτωνία, coemptiones), которыми жадность Юстиніана опутала фискальною сѣтью подданныхъ государства [2]. На содержаніе войска и на продовольствіе столицы провинціи должны были доставлять необходимые припасы, особенно зерновой хлѣбъ, и это обстоятельство составляло для плательщиковъ источникъ нескончаемыхъ притѣсненій. Этотъ налогъ не только взимался совершенно произвольно агентами, нерѣдко военнаго вѣдомства, на которыхъ лежала обязанность установить и взыскивать повинность [3]; не только она налагала на подданныхъ тяжелую обязанность самимъ перевозить изъ глубины провинцій зерновой хлѣбъ въ города, гдѣ были расположены войска, и въ порты, гдѣ онъ нагружался для отправки въ Византію [4], причемъ, какъ говоритъ Лидосъ, «всѣ дороги были устланы трупами женщинъ и дѣтей, умершихъ отъ лишеній» при выполненіи этой повинности [5], но сверхъ всего этого уплата аннoны представляла для начальниковъ общественнаго управленія постоянные случаи для возмутительныхъ спекуляцій. Если количество доставленнаго зерна превышало потребности столицы, префектъ заставлялъ провинціаловъ покупать обратно зерно, накопившееся въ императорскихъ житницахъ [6], при томъ часто уже испорченное; если жатва была обильна, казна требовала, чтобы налогъ вносился не натурою, а деньгами, и деревенскіе жители, жившіе далеко отъ моря, не имѣя возможности продать зерно, видѣли, какъ гнила ихъ жатва на мѣстѣ [7]. Въ другихъ случаяхъ, если снабженіе Византіи съѣстными припасами было недостаточно и ей угрожалъ голодъ, то чиновники изъ страха возможнаго бунта выжимали изъ провинцій все, что могли, рискуя совершенно истощить ихъ [8]. Затѣмъ были еще и другіе, такъ называемые чрезвычайные налоги, барщины или angariae, metatum, veredi, prestatio tironum и т. п., а также носившія непріятныя названія—instructio viarum pon-

1. *Monnier*, loc. cit., 508.
2. Hist. arc., 130.
3. Hist. arc., 130. Cp. Ed., 13. 4—9. 11.
4. Ibid., 125. 130; *Lydus*, 264.
5. *Lydus*, 264.
6. Hist. arc., 125.
7. *Lydus*, 255.
8. Hist. arc., 125—126.

tiumque, carbonis praebitio, panis excoctio, и т. д., всѣ—наслѣдіе римскаго управленія, которыхъ уничтожить Юстиніанъ не пожелалъ. Наконецъ, были еще косвенные налоги, таможенные сборы, установленные при входѣ въ Геллеспонтъ и въ Босфоръ [1], патентные [2], тяжелые налоги на морскую торговлю [3] и на торговлю шелкомъ [4]; потомъ монопольная организація разнаго рода промысловъ [5], представлявшихъ безусловную необходимость въ общественной жизни, такихъ, напримѣръ, какъ производство хлѣба,—также была источникомъ всяческихъ притѣсненій, но за то приносила казнѣ баснословныя выгоды къ большому ущербу подданныхъ [6]. Секретная исторія полна перечисленіемъ фискальныхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ Юстиніанъ старался удовлетворить постоянную нужду въ деньгахъ, и ихъ гибельныя послѣдствія. Дѣйствительно, возможно, что экономическая политика императора отзывалась крайне вредно на процвѣтаніи византійской промышленности и торговли [7]. Тѣмъ не менѣе было бы нѣсколько неблагоразумно принимать буквально всѣ обвиненія, которыми Прокопій осыпаетъ императора. Многіе изъ налоговъ, изобрѣтеніе которыхъ онъ приписываетъ ему, существовали и до его царствованія; съ другой стороны, извѣстно, что Юстиніанъ не разъ пытался путемъ серьезной экономіи установить нѣкоторое равновѣсіе въ тяжеломъ бюджетѣ имперіи. Возможно, что нѣкоторыя изъ этихъ экономическихъ мѣръ были плохо задуманы, что предписанныя императоромъ сокращенія расходовъ, отмѣна отставки для гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ [8], отмѣна общественной почтовой службы [9], уменьшеніе военнаго бюджета и кредитовъ, предназначаемыхъ на интендантство [10], — были въ извѣстной степени или несправедливы, или неблагоразумны. Не менѣе справедливо, что другія мѣры, строго осуждаемыя Прокопіемъ и Іоанномъ Лидосомъ, внушались похвальнымъ желаніемъ экономіи, которое было у Юстиніана [11]. Когда онъ отмѣнилъ безполезный консулатъ [12],

1. Hist. arc., 138—139.

2. Id. 115.

3. Id. 139—140.

4. Id. 140—142. Cp. *Zachariae de Lingenthal*, Eine Verordnung Justinians über d. Seidenhandel. St. Pétersb., 1865.

5. Hist. arc., 115, 140, 145.

6. Hist. arc., 145.

7. Id., 140, 142.

8. Id., 137—138; *Lydus*, 261.

9. Id., 161—162; *Lydus*, 254—255.

10. Id., 163.

11. *Dahn*, Prokopius, 335—339.

12. Hist. arc., 144.

когда сократилъ даровыя раздачи праздному населенію большихъ городовъ [1], когда уменьшилъ дѣйствующій составъ парадныхъ войскъ, состоявшихъ изъ цеховыхъ [2], или положилъ конецъ ненужной расточительности на цирковыя игры [3],—онъ сдѣлалъ хорошое и достойное императора дѣло. И, что замѣчательно, этотъ государь, такъ нуждавшійся въ деньгахъ, сумѣлъ, если вѣрить Малалѣ [4], отмѣнить одинъ стѣснительный и тяжелый налогъ [5].

Но вѣрно то, что Юстиніанъ съ неумолимою строгостью требовалъ уплаты налоговъ. Большой указъ 545 г., регламентирующій сборъ податей, свидѣтельствуетъ о подавляющей тягости финансоваго управленія [6]. Въ законѣ дѣлались ограниченія относительно нѣкоторыхъ категорій имуществъ; такъ церковныя имущества и благотворительныя учрежденія, привлекавшіяся къ платежу поземельнаго налога, освобождались отъ чрезвычайныхъ и неправильныхъ обложеній и вовсе не подлежали такъ называемому ἐπιβολή; военные фонды, пользовавшіеся еще большею льготою, не платили ничего [7]. Юстиніанъ старался уменьшать число привилегированныхъ и ни въ какомъ случаѣ не допускалъ увеличенія ихъ. Хотя онъ относился съ чрезвычайнымъ уваженіемъ къ Церкви, но не захотѣлъ, чтобы право убѣжища являлось препятствіемъ ко взысканію налоговъ [8] и не позволялъ, чтобы отсутствіе крупнаго земельнаго собственника могло служить предлогомъ отказа отъ платежей [9]. Онъ постоянно совѣтовалъ подданнымъ исправно платить подати, а чиновникамъ — требовать поступленія ихъ съ неумолимою строгостью [10]. «Государство, говоритъ онъ въ одной новеллѣ, такъ сильно увеличившееся милостію Божіею и вслѣдствіе именно этого увеличенія вовлеченное въ войну съ сосѣдними варварами, болѣе чѣмъ когда-либо нуждается въ деньгахъ [11]». Ему мало дѣла до того, что въ это самое время чума опустошила имперію, а война разорила провинціи,—«онъ не допускалъ, говоритъ Прокопій, никакого послабленія въ отношеніи земельныхъ соб-

1. Hist. arc., 128, 147, 148—149.
2. Id., 137.
3. Id., 143—144.
4. *Malalas*, 437.
5. См. также у *Лидоса*, стр. 250—263, гдѣ упреки, дѣлаемые имъ Іоанну Каппадокійскому за уменьшеніе персонала канцелярій префектуры, кажется преувеличены.
6. Nov. 128.
7. C. J., 11, 50. 3.
8. Nov. 17, гл. 6 и 7; Ed. 13. 10, 28.
9. Ed. 13, 12.
10. Nov. 8, 10.
11. Nov. 147, praef.

ственниковъ¹». Онъ ничего не жалѣлъ для сбора необхо-

110. Церковь св. Виталія въ Равеннѣ.

димыхъ денегъ, и вслѣдствіе этого, не смотря на добрыя

1. Hist. arc., 132.

намѣренія, проявленныя имъ въ началѣ царствованія, провинціи рѣдко когда испытывали такое, какъ при немъ, ужасное притѣсненіе.

Въ одномъ, пользующемся громкою извѣстностью, мѣстѣ своего сочиненія[1] Прокопій говоритъ о всѣхъ бѣдствіяхъ, которыя принесло за собою для Африки и Италіи возстановленіе императорской власти, и хотя въ этомъ отрывкѣ можно замѣтить явные признаки преувеличенія[2], несомнѣнно однако, что въ Африкѣ и еще болѣе въ Италіи новый режимъ прибавилъ къ разоренію, вызванному войною, еще самую ужасную финансовую тиранію[3]. Если въ только что завоеванныхъ и часто даже еще не вполнѣ подчиненныхъ странахъ считалось возможнымъ подобное отношеніе къ жителямъ, то тѣмъ меньше церемонились съ старыми областями государства. Непрерывныя войны, защита границы и уплата жалованья арміямъ требовали отъ имперіи тяжелыхъ денежныхъ жертвъ[4] и казалось законнымъ возложить на провинціи содержаніе войскъ, которыя должны были ихъ защищать, и чиновниковъ, обязанныхъ управлять ими[5]. Потребности центральнаго управленія, роскошь двора, великолѣпіе построекъ вызывали съ своей стороны другія требованія и казалось вполнѣ естественнымъ, чтобы подданные участвовали въ расходахъ, подымавшихъ престижъ и величіе государства[6]. И такъ какъ въ теченіе всего царствованія противорѣчіе между гигантскими претензіями императорскаго честолюбія и дѣйствительнымъ положеніемъ финансовыхъ средствъ имперіи шло постоянно увеличиваясь, то трудность покрытія дефицита вела къ все возростающей строгости. Въ европейскихъ провинціяхъ, постоянно опустошаемыхъ и обезлюденныхъ гунами и славянами, походившихъ, по словамъ Прокопія, на пустыни Скиѳіи[7], въ тѣхъ сирійскихъ провинціяхъ, которыя были разграблены Хозроемъ, взявшимъ съ нихъ, сверхъ того, огромный выкупъ[8], — агенты казначейства дѣлали напрасныя попытки собрать подати и, какъ выражается историкъ, «быстро на-

1. Hist. arc., 106—108.

2. См. Afrique byzantine, 382—387.

3. Относительно Африки см. B. V., 443—445. 512, 534; относительно Италіи см. B. G., 284—285, 368, 585.

4. Nov. 8, 10; 30, 17; 147, praef.

5. C. J., 1, 27, 2, 18. Ed. 13, 10 21. Hist. arc., 147.

6. Ed. 13, 10, 11, 20.

7. Hist. arc., 108.

8. Id., 108, 109. Cp. *Dahn*, loc. cit., 292.

ступаетъ время, когда сборщики не найдутъ болѣе денегъ для доставленія императору, потому что не будетъ людей, чтобы платить налоги[1]». При такомъ положеніи вещей, при невозможности для плательщиковъ внести платежи, бѣдствія страны все увеличивались[2] и Юстиніану приходилось, иногда несмотря на отвращеніе его къ отсрочкѣ какого бы то ни было платежа[3], «ради доставленія нѣкотораго успокоенія подданнымъ[4]», слагать неуплоченный казначейскому управленію долгъ[5]. Но гораздо чаще, вмѣсто такихъ милостивыхъ уступокъ, неисправныхъ должниковъ постигали процессы, конфискаціи и разореніе[6]. Въ этомъ случаѣ многіе изъ нихъ предпочитали бѣгство и покидали свои земли[7]; и для всѣхъ, говоритъ Прокопій, «императоръ былъ страшнѣе варваровъ»[8], даже непріятельское нашествіе, по выраженію Іоанна Лидоса, «было менѣе ужасно, чѣмъ прибытіе агентовъ казначейства[9]».

Но дѣло этимъ не ограничивалось. При такой финансовой неурядицѣ и вѣчной нуждѣ въ деньгахъ, жадности чиновниковъ открывался самый широкій просторъ. Будучи увѣрены, что императоръ будетъ доволенъ ими, если они добьются поступленія денегъ въ казну, и вслѣдствіе этого будетъ ихъ считать вѣрными исполнителями его воли[10], всѣ губернаторы, vindices, на обязанности которыхъ было собираніе налоговъ[11], tractatores и scriniarii[12], exceptores и susceptores[13], palatini и cohortales[14], и всѣ остальные всячески притѣсняли подданныхъ. Забывая присягу, по которой они клялись воздерживаться отъ какого бы то ни было хищенія[15], они знали только одно: какъ бы обогатиться на счетъ плательщиковъ[16], а такъ какъ для дворца нужны были деньги во что бы то не стало, то всѣ ихъ прижимки ставились въ заслугу чиновника, лишь бы казначейство получило отъ него свою часть[17], и базилевсъ принужденъ былъ закрывать глаза на бѣдствія своихъ подданныхъ, о которыхъ онъ, быть можетъ,

1 *Lydus*, 249.
2. Nov. 147, 1; 148, 1.
3. Hist. arc., 128—129.
4. Nov. 147, 1.
5. Nov. 147; *Malal.*, 144.— Vie de saint Sabas, стр. 220 и сл. Въ Hist. arc на стр. 128 — 129 очевидныя преувеличенія.
6. Hist. arc., 129.
7. Ibid., *Lydus*, 265
8. Ibid., 130.
9. *Lydus*, 264.
10. Hist. arc., 80.
11. Nov. 128, 5; 134, 2. Ср. *Monnier*, loc. cit., 132, прим. 2.
12. Nov. 147, 2; Ed. 13, 9, 27.
13. Nov. 147, 1; 163, 2.
14. Ed. 13, 20; Nov. 163, 2
15. Hist. arc., 120.
16. Ibid.
17. Ibid.

часто и не зналъ[1]. «Императоръ Юстиніанъ, говоритъ Прокопій, имѣлъ обычай много прощать своимъ виновнымъ чиновникамъ, вслѣдствіе чего они много грѣшили и противъ нравственности, и противъ интересовъ государства[2]».

У историковъ описываемаго времени можно найти безчисленное множество примѣровъ, показывающихъ, что вся административная лѣстница, сверху до низу, начиная отъ ближайшихъ лицъ къ императору и до низшихъ чиновъ отдаленнѣйшихъ провинцій, — всѣ чиновники соперничали въ испорченности и вымогательствахъ. Извѣстно, какъ въ центрѣ финансоваго управленія, въ префектурѣ преторія, Іоаннъ Каппадокійскій, этотъ «худшій изъ людей[3]», направлялъ все искусство своего генія для полученія денегъ въ казну[4], какъ онъ, чтобы собрать золото, частью для казначейства, частью для самого себя, безжалостно и безстыдно жертвовалъ человѣческими жизнями и разорялъ цѣлые города[5]. Столько же жестокій, какъ и алчный[6], онъ для того, чтобы вырвать деньги у тѣхъ, кого онъ считалъ богатыми, устроилъ въ тюрьмахъ преторія цѣлый арсеналъ для пытокъ, откуда его жертвы выходили или «обобранными или мертвыми»; «всегда готовый украсть[7]», чтобы увеличить свое колоссальное богатство, онъ скандальнымъ образомъ спекулировалъ на всемъ, напр. на хлѣбѣ, на поставкахъ войскамъ[8], очень мало безпокоясь о послѣдствіяхъ, лишь бы самому поживиться. Однако, несмотря на то, что его презирали рѣшительно всѣ[9], онъ пользовался безпредѣльнымъ довѣріемъ императора[10] и своею изобрѣтательностью въ изысканіи средствъ на покрытіе всякаго рода расходовъ, «своею постоянною заботою, какъ говорилъ Юстиніанъ, объ увеличеніи государственныхъ доходовъ», онъ сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ, и ему все прощалось[11]. Послѣ него такъ же поступалъ Петръ Барзимесъ и пользовался такимъ же расположеніемъ. Онъ открыто продавалъ должности, предоставляя полную свободу тѣмъ, которые ихъ купили, вознаградить себя въ провинціяхъ[12], и

1. Hist. arc., 89, 127; *Lydus*, 255, 263.
2. B. G., 525. Ср. Hist. arc., 86, 120.
3. B. P., 122.
4. B. V., 367.
5. B. P., 122.
6. Id., 130.
7. *Lydus*, 250—251.
8. B. P., 122.
9. *Lydus*, 255; B. V., 368—369.
10. B. P., 130—131; *Lydus*, 263.
11. *Lydus*, 263—264; B. V., 369; *Zach. Rh.*, 188.
12. Hist. arc., 124.

до такой степени возмутительно спекулировалъ на хлѣбѣ, что даже вызвалъ бунтъ въ столицѣ[1]. Съ цѣлью достигнуть нѣкоторой экономіи, онъ урѣзывалъ жалованье войскамъ, сокращалъ даровыя раздачи народу[2] и выпускалъ фальшивую монету[3], но болѣе всего не забывалъ чудовищно обогащаться,

III. Наружный видъ церкви св. Виталія въ Равеннѣ.

до такой степени, что смутилъ самого Юстиніана[4]. Но при всемъ томъ было бы ребячествомъ соглашаться цѣликомъ со всѣми обвиненіями, которыми осыпаютъ этихъ крупныхъ администраторовъ Прокопій и Лидосъ, такъ какъ во мно-

1. Hist. arc., 124—126.
2. Id., 124, 128.
3. Id., 128.
4. Id., 126.

гихъ мѣрахъ, за которыя они ихъ упрекаютъ, я не могу не усмотрѣть похвальныхъ попытокъ къ экономіи, и въ ихъ оправданіе слѣдуетъ еще прибавить, что достигнуть въ царствованіе Юстиніана равновѣсія въ государственномъ бюджетѣ—было очень трудною задачею. Тѣмъ не менѣе, не можетъ подлежать спору, что для подданныхъ такіе министры должны были казаться тираническими и жестокими, и что сами они мало заботились о своемъ личномъ достоинствѣ. Большая часть придворныхъ поступали такъ же, какъ и они. Въ министерствѣ юстиціи Трибоніанъ продавалъ за деньги приговоры и законъ[1], а его преемникъ квесторъ Константинъ, «самый вороватый изъ людей», какъ говоритъ о немъ Прокопій, такъ умѣло воспользовался своею должностью, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ составилъ себѣ громадное состояніе. Онъ также былъ большимъ любимцемъ государя, потому что нашелъ средство обогатить казначейство[2]. Даже приближенные императора, его секретари, торговали, если вѣрить Секретной исторіи, правосудіемъ и пользовались своими обязанностями какъ для постыднаго обогащенія императора, такъ и самихъ себя[3] Въ провинціяхъ, особенно въ тѣхъ, куда не доходилъ взоръ императора, вымогательства были безмѣрны. Такъ какъ во что бы то не стало нужно было посылать деньги въ Константинополь и въ то же время возвратить себѣ тѣ авансы, которые были выданы за покупку должности, то губернаторы и агенты казначейства употребляли все свое искусство, «чтобы заставить выйти изъ земли тотъ оболъ, который въ ней скрывался[4]». Акакій обиралъ Арменію и обложилъ страну, до тѣхъ поръ свободную отъ повинностей, чрезмѣрными налогами[5]. Сергій своею жадностью, наглостью и развратомъ возбуждалъ негодованіе и безпокойство въ Африкѣ[6]. Іоаннъ Цибосъ, обязанный своему состоянію «тому, что онъ былъ, говоритъ Прокопій, самый злой изъ всѣхъ людей и самый искусный въ придумываніи незаконныхъ налоговъ[7]» разорялъ страну Лазовъ, присвоивъ себѣ монополію торговли и, сдѣлавшись купцомъ и маклеромъ, обязалъ жителей продавать ему по дешевой цѣнѣ всѣ ихъ припасы и дорого покупать у него

1. B. P., 122; Hist arc., 118.
2. Hist arc., 118.
3. Id., 90—91, 97.
4. *Lydus*., 251, 255.
5. B. P. 159.
6. B. V., 506. См. также Afrique byzantine, 340.
7. B. P., 218.

всѣ необходимые для нихъ предметы [1]. Вессасъ во время ужасовъ осады Рима въ 546 г. скупилъ весь зерновой хлѣбъ и затѣмъ продавалъ его по страшнымъ цѣнамъ оголодавшему населенію, заботясь только о томъ, чтобы получить такимъ образомъ какъ можно больше денегъ [2]. Но нижеслѣдующіе три примѣра особенно хорошо покажутъ, каковъ былъ образъ дѣйствій, отъ одного конца имперіи до другого, византійскихъ должностныхъ лицъ [3].

Изъ азіатскихъ провинцій, Лидія была одною изъ наиболѣе богатыхъ; это — страна Крёза и Пактола, и память объ нихъ создала для нея репутацію огромнаго богатства. Одинъ изъ агентовъ преторіи налегъ на эту область и въ теченіе цѣлаго года разорялъ ее. Это былъ нѣкій Іоаннъ, одной внѣшности котораго было достаточно, говоритъ историкъ, чтобы понять его душу: толстый, почти потерявшій отъ жира всякій обликъ, съ лоснящимъ, раздутымъ лицомъ, отвислыми щеками и огромными, какъ у плотояднаго животнаго, челюстями. Народъ прозвалъ его Максиллоплюмакіосъ, т.-е. человѣкъ съ тяжелыми челюстями. Это хищное животное напало на городъ Филадельфію и такъ расправилось съ нимъ, что въ короткое время въ немъ не осталось ни денегъ, ни жителей. Онъ никого не щадилъ: ни женщинъ, ни дѣтей, и ни чѣмъ не брезгалъ, ни движимостью, ни землями, удовлетворяя только свою жестокость, корыстолюбіе, любовь къ роскоши и разврату. Одинъ уважаемый и образованный житель, по имени Петроній, обладалъ замѣчательными по обработкѣ и красотѣ драгоцѣнными камнями; Іоаннъ приказалъ его арестовать, заковать въ цѣпи и сѣчь розгами. Приведенный въ ужасъ народъ не посмѣлъ вступиться за несчастнаго; наконецъ, на это рѣшился епископъ. Во главѣ своего духовенства и держа въ рукѣ св. Писаніе, онъ явился къ губернатору, но послѣдній, окинувъ его съ головы до ногъ наглымъ взоромъ, отвѣтилъ ему грубою бранью, которую можно услышать только въ самыхъ скверныхъ мѣстахъ. При такомъ поруганіи Бога епископъ облился слезами и ничего не могъ сдѣлать; Петроній долженъ былъ уступить силѣ и разстаться съ своимъ богатствомъ. Отъ другого гражданина, стараго отставного солдата, потребовали двадцать золотыхъ солидовъ и, чтобы принудить

1. Ib., 217—218, 220. Ср. B. G., 541.

2. B. G., 347, 356—357, 360.

3. У Агафія, стр. 285, разсказана также исторія вымогательствъ *куратора* Анатолія.

его заплатить ихъ, подвергли его всякаго рода пыткамъ. Наконецъ, измучившись и рѣшившись умереть, онъ обѣщалъ выдать деньги и просилъ отправить его домой, гдѣ они будто бы были спрятаны; здѣсь, попросивъ палачей подождать пока онъ ихъ разыщетъ, этотъ человѣкъ повѣсился. Взбѣшенная стража разграбила жилище и стащила трупъ несчастнаго на живодерню, а въ терроризованномъ городѣ никто не посмѣлъ пожертвовать для него даже саванъ[1].

Другой эпизодъ. Нѣкій Іоаннъ, родомъ изъ Африки, человѣкъ темнаго происхожденія и низкаго званія, но ловкій и злой, къ тому же, говоритъ Агафій, «способный на всякую несправедливость и беззаконіе для пріобрѣтенія денегъ», вошелъ въ милость одного изъ принцевъ императорскаго семейства, молодого сына Германоса, Юстина, командовавшаго въ то время арміею въ Колхидѣ[2]. Однажды онъ попросилъ у своего покровителя одолжить ему нѣкоторую сумму денегъ, обѣщая не только возвратить ее съ прибавкою хорошихъ процентовъ, но и уплачивать, пока будетъ состоять въ долгу, за все, что будетъ нужно принцу и его семейству. Какъ ни загадочно было предложеніе, но оно понравилось Юстину и хотя онъ не могъ сомнѣваться, «что для того, чтобы сдержать подобное обѣщаніе, нужно было умножить несправедливости и насилія и разорить незаконными сдѣлками всѣхъ, кому придется имѣть съ нимъ дѣло[3]», Юстинъ далъ Іоанну денегъ, предоставивъ послѣднему свободу «дѣлать все, что пожелаетъ». Ничего другого ему не было нужно. Подъ предлогомъ реквизицій для арміи, онъ сталъ притѣснять жителей, требуя отъ нихъ невозможнаго и вынуждая ихъ откупаться цѣною золота за ихъ воображаемое нежеланіе исполнять требуемое. Этимъ путемъ онъ очень быстро удвоилъ свой капиталъ. Затѣмъ онъ занялся коммерческими предпріятіями, обязывая лазовъ, иногда даже насильно, продавать ему по самой низкой цѣнѣ всѣ продукты ихъ почвы. Такимъ образомъ онъ скупалъ весь зерновой хлѣбъ и искусственно вызывалъ голодъ, которымъ пользовался, чтобы перепродавать жителямъ по дорогой цѣнѣ то, что раньше у нихъ же купилъ. Юстинъ не вмѣшивался въ это. Напрасно подданные съ мольбою бросались къ его ногамъ и со слезами просили положить конецъ ихъ страданіямъ, принцъ оставался безучастнымъ, «пользуясь безъ стѣ-

1. *Lydus*, 251—254.
2. *Agath.*, 51.
3. Id., 253.

сненія, говоритъ Агаѳій, этими несправедливостями и радуясь, что можетъ даромъ жить хорошо и сверхъ того набивать свой кошелекъ[1]». Благочестивый историкъ прибавляетъ, что божеская справедливость жестоко заставила потомъ Юстина искупить преступленія, которыя онъ допускалъ своимъ покровительствомъ, но тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть, какое

112. Византійская капитель въ ц. св. Виталія въ Равеннѣ.

зло приноситъ государству такой порядокъ, когда даже принцы императорскаго семейства могли позорить себя такими скандальными дѣлами и закрывали глаза на подобный образъ дѣйствій администраціи.

1. *Agath.*, 254—255.

По всей имперіи дѣло шло такимъ же образомъ. Въ только что завоеванной Италіи свирѣпствовалъ логоѳетъ Александръ, прозванный «Ножницы» за искусство, съ которымъ онъ однимъ взмахомъ обрѣзывалъ окружность золотой монеты и притомъ такъ, что нельзя было замѣтить обмана[1]. Будучи очень ловокъ и совершенно беззастѣнчивъ, онъ составилъ себѣ хорошее состояніе, а за искусство, обнаруженное имъ въ изысканіи источниковъ государственному казначейству, онъ пользовался большимъ расположеніемъ Юстиніана[2]. Посланный въ Равенну въ качествѣ начальника финансоваго управленія, онъ началъ съ того, что потребовалъ уплаты всѣхъ недоимокъ за время владычества готовъ, причемъ для увеличенія количества взносовъ даже составлялъ подложные списки, прибавляя, какъ бы въ насмѣшку, что такъ какъ плательщики обогатились, обманывая Теодориха, то вполнѣ законно отнять отъ нихъ неправильно пріобрѣтенное. Въ Римѣ онъ совершенно отмѣнилъ въ цѣляхъ экономіи даровыя раздачи хлѣба, производившіяся передъ храмомъ ап. Петра. Онъ отмѣнилъ также награды, пожалованныя готскими королями многочисленной дворцовой прислугѣ[3], и во всей странѣ, истощенной войною, онъ повысилъ налогъ до размѣровъ мирнаго времени. Юстиніанъ очень одобрялъ его усердіе[4], но это и погубило Александра. Онъ сталъ относиться къ арміи такъ же, какъ онъ относился къ провинціаламъ: сурово обращался съ солдатами и уменьшилъ ихъ жалованье[5]; все это породило общее неудовольствіе и наконецъ вызвало повсемѣстное возстаніе.

Конечно, изъ приведенныхъ примѣровъ не слѣдуетъ дѣлать заключеніе, что вся византійская администрація во времена Юстиніана была устроена по этимъ образцамъ. Самъ Прокопій долженъ былъ признать, что даже при дворѣ и на высшихъ постахъ можно было найти такихъ честныхъ людей, какъ министръ казначейства Іоаннъ Палестинскій[6] и префекты преторіи Ѳока и Бассъ[7], и, что бы ни разсказывала Секретная Исторія, я не могу повѣрить, будто единственнаго факта—быть честнымъ, было для Юстиніана

1. B. G., 234.
2. Hist arc., 147.
3. Id.
4. Id., 147.
5. B. G., 285; Hist arc., 134—135.
6. Hist arc., 127.
7. Id., 119.

и Θеодоры достаточно, чтобы попасть къ нимъ въ немилость[1]. Среди окружавшихъ ихъ людей мы встрѣчаемъ людей неподкупной честности и тѣмъ не мѣнѣе имѣвшихъ значеніе; но безспорно то, что при постоянныхъ денежныхъ затрудненіяхъ, съ которыми приходилось считаться императору, ему казались наиболѣе полезными слугами тѣ, которые доставляли средства казначейству[2], и что многіе изъ чиновниковъ, чтобы сдѣлать карьеру и пользоваться императорскимъ расположеніемъ, должены были скрывать свои достоинства и являться въ худшемъ видѣ, чѣмъ они были въ дѣйствительности[3].

Легко представить себѣ послѣдствія столь постоянныхъ и безжалостныхъ вымогательствъ. Вездѣ царила чрезвычайная бѣдность; чтобы избѣжать суровости фиска и жестокости солдатъ, проходящихъ черезъ страну[4], сельское населеніе бросало свои деревни и земли, провинціи становились безлюдными, а почва безплодною[5]. Кромѣ того, неудовольствіе влекло за собою и еще болѣе тяжелыя послѣдствія: ограбленное населеніе возмущалось противъ императорской власти и завоеванія генераловъ терялись вслѣдствіе вымогательствъ губернаторовъ[6]. Въ особенность же со дня на день уменьшались денежныя средства имперіи. Вступивъ на престолъ, Юстиніанъ нашелъ въ государственномъ казначействѣ огромную запасную сумму въ 320000 фунтовъ золота, т. е. около 120 милліоновъ рублей на наши деньги, сохраненную благоразумною экономіею императора Анастасія. Въ нѣсколько лѣтъ, благодаря колоссальнымъ издержкамъ новаго царствованія, этотъ резервный фондъ былъ исчерпанъ[7] и тогда пришлось прибѣгать къ разнымъ уловкамъ, умножать незаконные поборы, притѣснительные налоги, словомъ — находить деньги во что бы то не стало и потопить благосостояніе подданныхъ въ бездонной пропасти государственнаго козначейства[8]. Чтобы пополнить подавляющій дефицитъ, нужно было сократить расходы на рос-

1. Hist. arc., 128.

2. *Zonaras* на стр. 112 говоритъ: «Постоянно нуждаясь въ деньгахъ, онъ оказывалъ свое расположеніе тѣмъ, которые придумывали способы находить ихъ».

3. Hist. arc., [illegible].

4. B. G., [illegible].

5. Nov. [illegible], praef., [illegible], praef. и 3.

6. B. P., 159 (Арменія); 217—218 (Лазика). B. V., 506 (Африка); B. G. 285 (Италія).

7. Hist. arc., 113. *Lydus*, 244. Однако Іоаннъ Ефесскій утверждаетъ что часть этого фонда еще сохранялась въ моментъ смерти Юстиніана.

8. Hist. arc., 113.

кошь; вмѣсто этого прибѣгали къ другимъ видамъ экономіи, но гораздо болѣе опаснымъ. Чтобы найти средства, не выдавали жалованье арміи [1], а это было очень рисковано въ виду того, что войска формировались главнымъ образомъ изъ наемниковъ, которые мстили за это плохою службою и возстаніями. Крѣпости оставлялись безъ вниманія и вскорѣ дурно защищаемая граница повсюду стала подвергаться набѣгамъ варваровъ. Послѣдствіемъ этого было то, что подданные не только жестоко чувствовали тяжесть отъ этихъ нашествій, такъ какъ нападавшіе безнаказанно опустошали, грабили и истребляли населеніе и совершенно разоряли провинціи [2], но, въ виду неспособности имперіи отбить эти нападенія силою оружія, ей приходилось цѣною золота покупать отступленіе варваровъ, а такая разорительная щедрость только поощряла ихъ на новые набѣги [3]. Такимъ образомъ получался только ложный кругъ, который очень хорошо замѣченъ уже Прокопіемъ [4]. За недостаткомъ денегъ, предоставили разрушаться необходимымъ орудіямъ войны, за недостаткомъ солдатъ, приходилось потомъ искать еще болѣе денегъ, чтобы платить постоянно вновь нарождавшимся врагамъ. Если прибавить къ этому другія бѣдствія, за которыя Юстиніанъ не можетъ считаться отвѣтственнымъ, но отъ которыхъ не менѣе жестоко страдало государство [5], каковы: повторяющійся голодъ [6], чума, землетрясенія [7],

113. Пиксида VI-го вѣка.

1. B. G., 149, 302, 321, 324—325, 402, 433 и т. д.

2. B. P., 167; B. G., 443—444, 455—456, 554, 592.

3. Hist. arc., 72—73.

4. Id., 72.

5. Ср. *Zach. Rh.*, 249—250.

6. *Mal.*, 488.

7. *Mal.*, 485—489; *Agath.*, 95—100, 281—287; *Іоаннъ Ефесскій*. Comm., 225—227, 242.

которыя, разоряя жителей, въ то же время истощали казну, вынужденную исправлять эти бѣды [1], — то легко понять, что современники, въ виду такой всеобщей нищеты, съ ужасомъ спрашивали себя, «куда дѣвались богатства римлянъ» [2] и считали, что слова безсильны передать бѣдствія ихъ времени [3]. А между тѣмъ, по мѣрѣ продолженія царствованія нужда въ деньгахъ все болѣе давала себя чувствовать: офиціальные документы показываютъ, что въ 553 и въ 556 гг. казна находилась въ отчаянномъ положеніи и императоръ принужденъ былъ сдѣлать губернаторовъ отвѣтственными собственнымъ имуществомъ за уплату налоговъ [4]. И если пожелать узнать, въ какомъ плачевномъ состояніи было въ концѣ царствованія финансовое положеніе имперіи, — а моральное было еще хуже, — то потрясающій отвѣтъ на это нужно искать опять таки въ законодательныхъ актахъ, которыхъ нельзя заподозрить въ сгущеніи красокъ [5].

Въ Новеллѣ Юстина II отъ 566 г. читаемъ слѣдующее: «Мы нашли казну, разоренную долгами и доведенную до крайней нищеты, и армію до такой степени разстроенную, что государство предоставлено было непрерывнымъ нашествіямъ и нападеніямъ варваровъ» [6]. Подъ тяжестью обрушившихся на нихъ несчастій, подданные уже были не способны уплачивать налоги; число недоимщиковъ было громадно [7], а нужда такова, что вскорѣ размѣры сборовъ пришлось уменьшить на одну четверть [8]. Съ другой стороны, нравы чиновниковъ, которые Юстиніанъ хотѣлъ реформировать, были хуже, чѣмъ когда-либо. Агенты казначейства воровали собираемыя ими деньги, военные казначеи воровали жалованье, предназначавшееся для солдатъ [9], губернаторы пользовались каждымъ случаемъ для полученія «постыдныхъ барышей» [10], и такъ какъ они попрежнему покупали должности, то попрежнему вознаграждали свои расходы, эксплоатируя жителей [11]. И теперь Юстинъ II, такъ же, какъ нѣкогда Юстиніанъ при своемъ восшествіи на престолъ, постоянно повторялъ своимъ чиновникамъ приказанія

1. *Іоаннъ Ефесскій*, ibid.
2. Hist. arc., 166.
3. *Lydus*, 261.
4. Nov. 147, praef; 134, 2.
5. См. также уже упомянутую картину, набросанную Кориппомъ, Just., II, 361 и слѣд.
6. Nov. 148, praef.
7. Nov. 148 2; 163, praef. и 2, ч. 2.
8. Nov. 163, 1.
9. Nov. 148, 2; 140, 2.
10. Nov. 140, 1.
11. Nov. 149, 1; 161, praef.

СОШЕСТВІЕ СВ. ДУХА.

Миніатюра Сирійской рукописи 586 года, хранящейся во Флоренціи.

и угрозы; требовалъ, чтобы они добросовѣстно управляли и творили праведный и скорый судъ, и снова, подобно Юстиніану, онъ льстилъ себя надеждою, что такимъ образомъ «государственные налоги станутъ поступать правильно», «ибо безъ денегъ, говорилъ онъ, республика не можетъ быть спасена»[1].

Таковы, въ концѣ концовъ, были результаты Юстиніановой реформы управленія, и это было весьма печальнымъ обстоятельствомъ. Для завоеванія Запада Юстиніанъ несомнѣнно почти совершенно разорилъ Востокъ и очень существенно пошатнулъ будущее имперіи, уничтоживъ живыя силы ея. Конечно, намѣренія его были хороши и самъ онъ далъ доказательства своей заботливости о выполненіи своего реформаторскаго дѣла, но по слабости, а также и по необходимости, онъ долженъ былъ закрывать глаза на многія злоупотребленія; возрастающее же финансовое оскуденіе понуждало его, особенно въ послѣдніе годы его жизни, терпѣть зло, которое вначалѣ онъ хотѣлъ искоренить. Однако, былъ моментъ — въ первые годы царствованія — когда императоръ имѣлъ твердое намѣреніе и надежду на успѣхъ и затѣмъ до конца, уже безъ прежнихъ иллюзій, но неустанно онъ боролся за улучшеніе административныхъ нравовъ, что, при оцѣнкѣ дѣла Юстиніана, несмотря на совершенную неудачу реформы, все же слѣдуетъ зачесть въ его пользу.

---

1. Nov. 140, 2.

Глава VII.

Вопросы религіи.

Подобно всѣмъ византійскимъ императорамъ, Юстиніанъ очень занимался Церковью. Религіозный по природѣ, даже набожный, онъ неминуемо долженъ былъ обратить свое вниманіе на предметы религіозные, а его законное желаніе «устранить, какъ онъ выражался, изъ святѣйшей Церкви всякій соблазнъ» должно было внушать ему заботу о поддержаніи церковнаго благочинія [1]. Съ другой стороны, крѣпко привязанный къ православію, котораго въ царствованіе Юстина онъ былъ защитникомъ и возстановителемъ [2], Юстиніанъ всѣми силами души ненавидѣлъ еретиковъ, тѣхъ самыхъ еретиковъ, о которыхъ онъ выразился въ одномъ документѣ [3], «что одно ихъ прикосновеніе есть скверна и что слѣдъ ихъ и самое имя должны бы исчезнуть съ лица земли». Горя желаніемъ нещадно поражать «этихъ проклятыхъ», считая, какъ онъ написалъ на первой страницѣ своего эдикта 551 г., «что Богу ничто не можетъ быть угоднѣе, какъ соединеніе всѣхъ христіанъ въ единой чистой вѣрѣ и уничтоженіе всякихъ раздоровъ въ лонѣ святой церкви [4]», Юстиніанъ почиталъ за честь для себя возстановить единство вѣры и догмата и охранять святѣйшее православіе отъ всякаго посягательства на него. Къ тому же весьма свѣдущій въ вопросахъ, касающихся религіи, обладая склонностью къ словопреніямъ и необузданною любовью къ богословской полемикѣ, онъ любитъ разсуждать и писать о предметахъ вѣры, а особая компетенція, которую онъ приписывалъ себѣ въ этихъ важныхъ

1. *Contr. Orig.* (P. G., 86, 989).

2. Coll. Avellana, 592, 593, 601, 614, 633, 644, 648, 655, 659, 665, 679, 715, 743; ср. *Knecht*, Die Religions-Politik Kaiser Justinians I, стр. 58—62.

3. C. J., 1, 5, 12, 2.

4. P. G. 86, 994.

вопросахъ, еще болѣе усиливала его желаніе вмѣшиваться въ ихъ разрѣшеніе.

На ряду съ побужденіями, руководившими имъ, какъ человѣкомъ, онъ какъ государь, находилъ въ своемъ санѣ еще болѣе серьезные мотивы къ тому, чтобы не оставаться безучастнымъ къ дѣламъ церкви. Съ того дня какъ Константинъ пришелъ, по выраженію Евсевія [1] «возсѣсть среди архіереевъ, какъ будто онъ былъ однимъ изъ нихъ», съ тѣхъ поръ какъ онъ объявилъ [2], что рядомъ съ епископами, обязанными блюсти внутреннія дѣла церкви, онъ поставленъ Богомъ быть «внѣшнимъ епископомъ», всѣ византійскіе императоры присвоивали себѣ такія же прерогативы и провозглашали себя бдительными хранителями церковнаго вѣроученія и дисциплины и призванными защитниками православія. Юстиніанъ не былъ человѣкомъ, способнымъ отказаться отъ чего-либо изъ императорскаго наслѣдства. «Благочестивые и православные императоры, отцы наши, писалъ онъ [3], желали всегда искоренять ереси и чрезъ искреннее провозглашеніе православной вѣры поддерживать въ мирѣ святую Божью церковь»; по примѣру Константина и Ѳеодосія, императоръ считалъ первымъ долгомъ государя «хранить непрекосновенною чистую христіанскую вѣру и охранять отъ всякаго волненія состояніе святѣйшей каѳолической и апостольской церкви [4]».

Равнымъ образомъ, его властный умъ не допускалъ, чтобы въ имперіи, объединенной его стараніями, существовало какое либо различіе въ вѣрованіяхъ. «Единое государство, единый законъ, единая церковь»,—такова была краткая формула, въ которой резюмировались его правительственныя идеи, а потому въ преслѣдованіи тѣхъ, кто нарушалъ совершенную гармонію, о которой онъ мечталъ, онъ видѣлъ исполненіе своего долга. Точно также его абсолютизмъ не допускалъ, чтобы въ благоустроенной монархіи могло что-либо быть изъятымъ изъ подъ наблюденія государя, и, чувствуя какимъ превосходнымъ правительственнымъ орудіемъ была Церковь, онъ хотѣлъ, чтобы это орудіе находилось въ его рукахъ. Такъ же, какъ онъ пріобщалъ епископовъ къ управленію государствомъ, онъ думалъ пріобщить и имперію къ управленію церковью и рѣшительно требовалъ признанія своей власти въ ней не только надъ лицами,

1. *Евсевій*, Vita Const., I, 37.
2. Id., 4, 24.
3. P. G., 86, 1036. Ср. P. L., 69, 30.
4. P. G., 86, 946—947.

не исключая самыхъ высшихъ, но еще и въ области дисциплины и вѣроученія. Да и какъ могло быть иначе? Избранникъ Божій, непрестанно получающій Его непосредственныя внушенія, представитель, намѣстникъ, образъ Божій на землѣ, — развѣ императоръ не обладалъ истиннымъ знаніемъ всѣхъ вещей? Какъ говорилъ одинъ византійскій богословъ, «императоръ для церквей есть верховный учитель вѣры».

114. Церковь св. Ирины въ Константинополѣ.

Пользуясь своею властью какъ священствомъ, онъ отдавалъ приказанія подобно тому, какъ древняя сивилла — прорицанія, и религіозный характеръ этой власти такъ очевиденъ, что «нѣтъ никого стыда для церкви находиться въ подчиненіи у государства, ибо императоръ, предпринимая ея преобразованіе, простираетъ надъ нею не чуждую ей руку мірянина, но при этомъ она сама себя преобразуетъ посредствомъ одного изъ своихъ членовъ [1]».

Наконецъ, самая политика обязывала Юстиніана вмѣшиваться въ религіозные вопросы. Конечно, этотъ государь, тратившій свое время на сочиненіе догматическихъ трактатовъ и гимновъ, любилъ богословскія тонкости самихъ по себѣ; конечно, его пылкая вѣра предрасполагала къ

1. *Rambaud*, Empereurs et impératrices de Byzance (Rev. des Deux Mondes, 1891, I, 164). Cp. *Gasquet*, De l'autorité impériale en matière de religion

тому, чтобы принести императорскую власть на службу религіи; конечно, гордость его абсолютизма подстрекала его къ разрѣшенію догматическихъ вопросовъ и составленію изложеній вѣры;—тѣмъ не менѣе, прилагая столько рвенія къ возстановленію единства въ Церкви, онъ руководился на столько же государственными соображеніями, на сколько и православной ревностью. Какъ глава имперіи, онъ понималъ какія важныя послѣдствія для безопасности государства могли имѣть религіозные раздоры; и въ этомъ случаѣ, опять таки слѣдуя традиціи своихъ царственныхъ предшественниковъ, онъ устанавливалъ догматы отнюдь не ради одной лишь пустой склонности къ нововведеніямъ, но главнымъ образомъ ради того, чтобы найти между враждующими партіями почву для соглашенія и примиренія, и устранить, хотя бы силою, раздражающіе вопросы, которые угрожали единству имперіи.

Какъ бы не были разнообразны мотивы, которые руководили религіозной политикой Юстиніана, политика эта сама по себѣ очень ясна. Въ теченіи всего своего царствованія императоръ считалъ себя, въ силу своего званія, защитникомъ Церкви; онъ захотѣлъ охранять ее отъ себя самой, точно также какъ и отъ нападокъ ея противниковъ; онъ хотѣлъ сохранить въ ней порядокъ и доставить ей миръ. Но отъ этой же самой Церкви, объединенной его стараніями, онъ услышалъ, что онъ ея учитель и верховный глава, а потому желалъ, когда представлялся случай, предписывать ей правила, вѣроученіе и подчинить ее своей всемогущей волѣ. Быть организаторомъ, защитникомъ и наставникомъ Церкви,—таковъ былъ, даже при всѣхъ колебаніяхъ его политики и вѣрованій, постоянный предметъ честолюбія Юстиніана [1].

I.

На первой же страницѣ Кодекса Юстиніана въ яркихъ чертахъ проявляются признаки религіозныхъ заботъ, наполнявшихъ душу императора. Во главѣ этого юридическаго памятника, въ томъ мѣстѣ, гдѣ современные намъ кодексы помѣстили бы изложеніе принциповъ, находимъ

[1] Объ этихъ вопросахъ см. *A. Knecht.* Die Religions-Politik Kaiser Justinians I. Würtzburg, 1896.

главу «О пресвятой Троицѣ и каѳолической вѣрѣ». Никейскій символъ повторяется въ немъ два или три раза, сопровождаясь анаѳемами, провозглашенными противъ еретиковъ четырьмя вселенскими соборами [1] и выраженіями уваженія къ Риму, «главѣ всѣхъ святыхъ церквей» [2]. Чтобы еще яснѣе засвидѣтельствовать, можно бы сказать почти что гарантировать, православіе императорской вѣры Римъ присоединяетъ къ этимъ заявленіямъ свою рекомендательную приписку, для чего рядомъ съ императорскими рескриптами помѣщены письма папы, въ которыхъ восхваляются чувства basileus'а, его преданность православію, его ревность о «мирѣ Церкви и единствѣ вѣры» и объявляется, что «нѣтъ ничего прекраснѣе истиной вѣры у государя [3]». Вслѣдъ за такимъ, столь характеристическимъ, началомъ послѣдующія главы кодекса безъ перерыва посвящены религіозному законодательству, какъ-бы естественному вступленію и необходимой опорѣ закона гражданскаго. Да и въ самомъ дѣлѣ таковъ былъ взглядъ Юстиніана. «Упованіе на Бога, говоритъ онъ въ одной новеллѣ, составляетъ наше единственное прибѣжище для существованія монархіи; въ немъ спасеніе нашей души и имперіи; поэтому подобаетъ, чтобы все наше законодательство вытекало изъ этого принципа, чтобы онъ былъ для него началомъ, серединой и концомъ [4]».

Согласно поставленному такимъ образомъ правилу, Юстиніанъ хотѣлъ опредѣлить до мелочей все, что касается строя церкви. «Церковное благоустройство, говоритъ онъ, есть опора имперіи [5]», и вслѣдствіе этого онъ приложилъ все свое стараніе, всю свою удивительную любовь къ деталямъ къ тому, чтобы установить съ мелочною точностью все, что могло обезпечивать этотъ безусловный порядокъ. Кодексъ и въ особенности Новеллы свидѣтельствуютъ объ этой работѣ: все, что касается организаціи духовенства, надзора за его дѣйствіями, правилъ его нравственной жизни; все, что относится къ устройству и управленію церквей, обсуждено до мельчайшихъ подробностей въ безчисленныхъ указахъ, которые до самаго конца царствованія свидѣтельствуютъ о неизмѣнности намѣреній Юстиніана. «Надлежитъ, говоритъ императоръ, избирать, согласно ученію апостоловъ, священниковъ безу-

1. C. J., 1, 1, 5 и 6.
2. C. J., 1, 1, 8, 11.
3. Id., 1, 1, 8.
4. Nov. 109, praef.
5. C. J. 1, 3, 42; 1, 4, 34.

пречныхъ, ибо—присовокупляетъ онъ съ тѣмъ политическимъ смысломъ, который его никогда не покидаетъ, —они своими молитвами привлекаютъ благоволеніе Божіе на общественныя дѣла [1]». И законъ до тонкости опредѣляетъ, какимъ

115. Церковь Св. Сергія и Вакха въ Константинополѣ.

образомъ долженъ быть избираемъ новый епископъ, его нравственныя качества и тѣ гарантіи, которыми должна быть обставлена правильность его нареченія [2]. Съ такою же точностью законъ опредѣляетъ порядокъ посвященія клириковъ, условія, которымъ должны удовлетворять кандидаты на священство, возрастъ, когда они могутъ получать духовный санъ [3]. Такая же строгость устанавливается относительно

1. C. J., 1, 3, 41.
2. Id., 1, 3, 41, 47; Nov. 123.
3. Nov. 123.

выбора настоятелей монастырей, монаховъ, составляющихъ братство, и управителей для безчисленныхъ благотворительныхъ учрежденій столицы и имперіи [1]. Тутъ безконечныя наставленія о поведеніи клириковъ, о благовременности исправленія ихъ нравовъ [2], о жизни, которую должны вести монахи чтобы быть «достойными подвижниками монашескаго любомудрія [3]»; затѣмъ—указанія относительно имущественныхъ распорядковъ, которые наидѣйствительнѣйшимъ образомъ обезпечивали бы въ монастыряхъ чистоту нравственной жизни [4]; тутъ и совѣты патріарху наблюдать за епископами [5], а епископамъ за клириками и монахами, «дабы церковный строй и священныя правила были тщательно соблюдаемы [6]».

Но заботливость императора проявляется еще яснѣе въ томъ, что касается доходовъ церкви. Сохраненіе и пріумноженіе богатства церковныхъ учрежденій составляло одну изъ главныхъ заботъ Юстиніана. Безпрестанно новые указы устанавливаютъ правила для хорошаго управленія имуществомъ духовенства. Для епископа, игумена, начальника страннопріимнаго дома, оно составляетъ почти столь же существенную обязанность, какъ охраненіе своей паствы или уходъ за больными, и законъ строго возбраняетъ всякое отчужденіе церковныхъ земель, подробно опредѣляетъ условія для поднятія цѣнности церковныхъ имѣній и предоставляетъ духовнымъ лицамъ дѣйствительныя средства для защиты божьяго достоянія; въ тоже время онъ отчетливо устанавливаетъ отвѣтственность администраторовъ [7]. Императоръ печется о томъ, чтобы лица, принимающіе монашество, располагали своимъ имуществомъ на пользу церкви [8]; онъ озабоченъ тѣмъ, чтобы освободить отъ всѣхъ законныхъ формальностей имѣнія, приносимыя въ даръ церкви [9]; онъ всячески поощряетъ благочестивыя учрежденія и крайне внимательно опредѣляетъ условія для ихъ основанія [10].

Его благоволеніе идетъ еще дальше. Для всѣхъ церковниковъ устанавливается и особая юрисдикція [11]; одинъ епископъ—ихъ судья; свѣтскій судъ не можетъ вѣдать ка-

1. C. J., 1, 3, 46, 41.
2. C. J., 1, 4, 34.
3. Nov. 5, 3; Nov. 133.
4. C. J., 1, 3, 43; Nov. 123.
5. Nov. 123.
6. Id., 123, 10.
7. C. J., 1, 2.
8. Id., 1, 3, 41, 47; Nov. 5.
9. C. J., 1, 2.
10. Nov. 67, 131.
11. C. J., 1, 4, 29; Nov. 79, 123.

сающіяся ихъ дѣла, іерархамъ же церкви, напротивъ, предоставляется контроль надъ гражданской администраціей. Законъ обезпечиваетъ епископамъ [1] значительныя привилегіи, которыя дѣлаютъ изъ главы епархіи особаго покровителя бѣдныхъ, узниковъ, рабовъ, пострадавшихъ и вообще естественнаго защитника обиженныхъ и угнетенныхъ.

Намѣренія императора сказываются не въ одномъ только законодательствѣ: дѣла свидѣтельствуютъ еще ярче о благоволеніи, которое онъ хотѣлъ излить на церковь, преобразованную его попеченіями. На всемъ пространствѣ имперіи, благодаря щедротамъ императора, воздвигались во множествѣ церкви, монастыри, благотворительныя учрежденія. Не было ни одного большого города,—объ этомъ свидѣтельствуетъ Прокопій въ книгѣ «О постройкахъ»,—гдѣ бы Юстиніанъ не воздвигъ или не возобновилъ какого-нибудь религіознаго учрежденія. На это же указываютъ раскошные подарки, сдѣланные наиболѣе знаменитымъ изъ храмовъ, тѣмъ болѣе, что они давали возможность императору блеснуть великолѣпіемъ; въ особенности же видна постоянная забота объ удовлетвореніи желаній церкви, заглаживаніи слѣдовъ преслѣдованій тамъ, гдѣ она являлась жертвою своихъ противниковъ, всяческое способствованіе возрожденію «цвѣта ея прежняго благоденствія [2]» и наконецъ повсемѣстная защита ея отъ враговъ, удовлетвореніе довнишняго чувства обиды и глубокой ненависти, которыя она питала къ еретикамъ.

II.

Религіозное состояніе Восточной Имперіи въ первой половинѣ VI вѣка было чрезвычайно усложнено, благодаря разнообразію боровшихся въ ней между собой вѣрованій. Не смотря на преслѣдованія императоровъ IV и V вѣковъ, язычество еще не умерло и сохраняло за собой приверженцевъ даже въ средѣ, непосредственно окружавшей императора. Евреи были многочисленны въ имперіи, а самаритяне составляли въ Палестинѣ компактную группу диссидентовъ. На западѣ аріанство слишкомъ долгое время было государственной религіей, оно слишкомъ полно использовало благоволеніе вандальскихъ и остготскихъ королей, и потому

1. C. J., I, 4.
2. Nov., App. II.

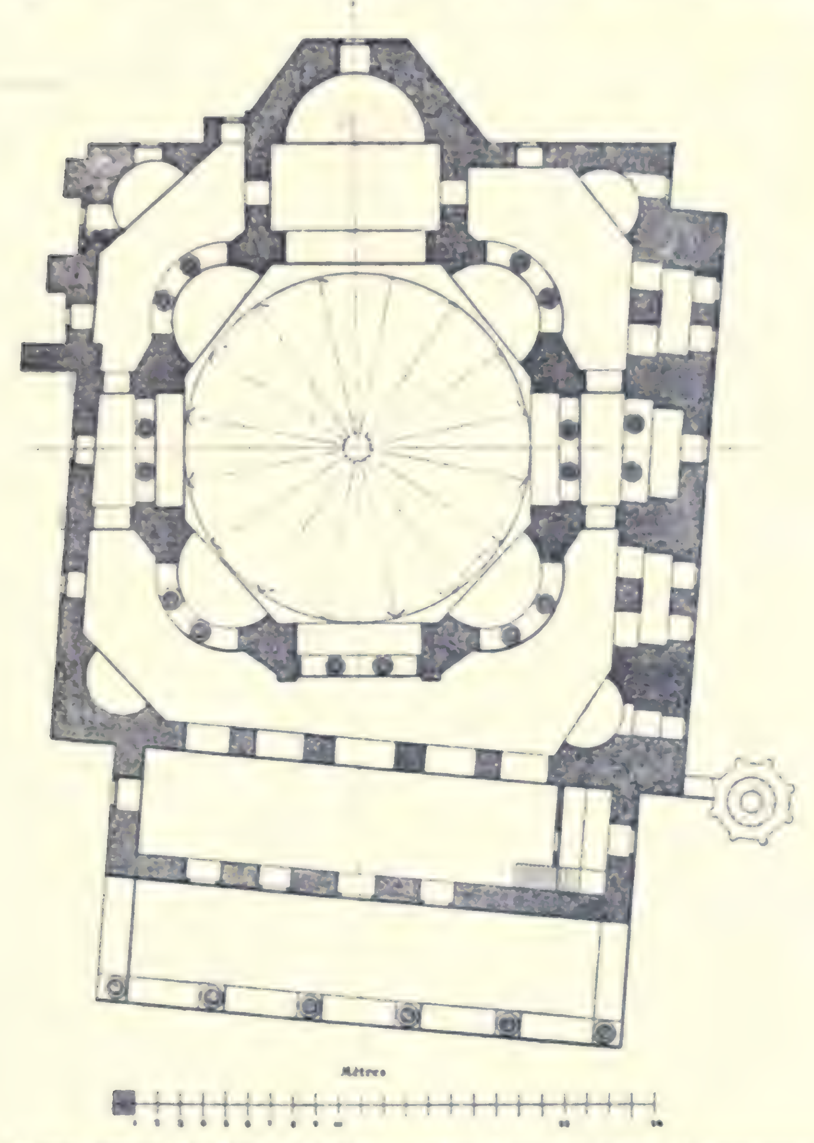
имѣло многочисленныхъ сторонниковъ и богатыя и могущественныя общины. Къ этому же источнику раздѣленія церкви присоединялась въ Африкѣ ересь донатистовъ, пустившая съ IV вѣка глубокіе корни въ странѣ, гдѣ она возникла. На Востокѣ существовало еще бо́льшее разнообразіе вѣрованій; на-ряду съ сохранившимися остатками всѣхъ старыхъ ересей,—монтанистовъ во Фригіи, несторіанъ въ Арменіи, манихеевъ въ Малой Азіи,—монофизиты, не взирая на торжественныя анаѳемы, произнесенныя противъ нихъ въ Халкедонѣ, были очень многочисленны и вліятельны. Благодаря религіозной политикѣ Зенона и Анастасія, они сохраняли въ церкви и въ имперіи важное положеніе. Конечно, они ослабляли свои силы множествомъ враждующихъ между собою сектъ, причемъ одни присоединялись къ политикѣ примиренія, возвѣщенной Генотикономъ Зенона, другіе оставались непримиримыми противниками Халкедонскаго собора и назывались акефалами, «потому что ихъ непримиримость не позволяла принять ихъ во дворъ овчій, куда Генотиконъ былъ дверью» [1]. Споры метафизическаго характера поддерживали между ними другія подраздѣленія и сами акефалы дробились на безчисленное множество сектъ—коррупликоловъ и инкоррупликоловъ [2], агноэтовъ, и еще много другихъ, длинный перечень которыхъ имѣется у богослововъ того времени [3]; но всѣ онѣ, однако, объединялись общею ненавистью къ Халкедонскому собору. Несомнѣнно также, что политика Юстина, гордившагося возстановленіемъ единенія съ Римомъ, подвергла партію монофизитовъ жестокому испытанію. Ея знаменитѣйшіе вожди были жертвою примиренія съ Святѣйшимъ Престоломъ. Северъ, патріархъ Антіохійскій, самый замѣчательный человѣкъ ихъ партіи, былъ подвергнутъ анаѳемѣ соборомъ 518 года, низложенъ съ каѳедры и изгнанъ; болѣе пятидесяти другихъ епископовъ, въ томъ числѣ Петра Анамейскаго, Юліана Галикарнасскаго, Іоанна Теллькаго и Ѳому Дарскаго, постигла та же участь; монофизитскія общины въ Сиріи были грубо разогнаны, монастыри закрыты, монахи вынуждены бѣжать,

1. *Duchesne*, Vigile et Pelage (Rev. des Quest. hist., 1884, стр. 385).

2. Ср. продолжительную полемику, завязавшуюся по этому вопросу между патріархомъ Северомъ и Юліаномъ Галикарнасскимъ (*Zach. Rh.*, 177 и сл.). — *Liberatus*, Brev. P. L., 68, 1042 и сл.).

3. P. G., 86, 12—70.

подвергнуты насиліямъ, заключенію или избіенію [1]. Не смотря на эти жестокости, ересь держалась въ Египтѣ, гдѣ

116. Планъ церкви Св. Сергія и Вакха (*Pulgher*, Anciennes églises de Constantinople).

монахи составляли для нея преданную и фанатичную армію, и гдѣ самъ патріархъ принималъ православіе лишь съ ого-

1. О **преслѣдованіи** 520—521 г. см. очень подробные разсказы *Іоанна Ефесскаго*, Comm., 33 и сл., 46 и сл., 64, 68, 130; *Hist. eccl* (въ изд. Comm., 217—220; въ Rev. Or. Chr., 1897, 2 стр. 467—468, и *Assemani*, Bibl.

ворками Генотикона[1]. Въ Палестинѣ, въ Сиріи, въ Мессопотаміи, въ Озроенѣ, въ Арменіи, особенно въ Сирійской пустынѣ, гдѣ изгнанники возродили свои общины, превративъ ихъ въ настоящее «государство»[2], и такъ какъ эти общины славились аскетическими добродѣтелями, то и сохранили за собою значительное положеніе. Въ то же время Северъ, «скала Христова, непоколебимый стражъ истинной вѣры», хотя и бѣжавшій въ Александрію, поддерживалъ путемъ ревностной пропаганды непрестанную агитацію, а вліяніе его слова въ скоромъ времени дало ему прозелитовъ и покровителей въ самой столицѣ и непосредственно у трона[4].

Возстановленіе православія, совершенное Юстиномъ, и желаніе Юстиніана, — столько же изъ религіозной ревности, сколько и ради достиженія своихъ притязаній на Западѣ,—сохранить ненарушимымъ соглашеніе, заключенное съ Римомъ, подсказывали императору его долгъ въ отношеніи къ ереси. «Найдя, говоритъ Прокопій[5], вѣрованія оставленными на произволъ судьбы и Церковь во всѣхъ смыслахъ расшатанною, онъ закрылъ всѣ пути, которые ведутъ къ заблужденію и поставилъ религію на прочныя основы единой вѣры». Считая на самомъ дѣлѣ, какъ онъ это торжественно объявлялъ, что первое и величайшее благо для людей заключается въ обладаніи истинной и чистой христіанской вѣрой[6], Юстиніанъ, съ другой стороны, полагалъ, что первый долгъ государя, желающаго быть полезнымъ своимъ подданнымъ, это —пещись «о существенномъ предметѣ, необходимѣйшемъ изъ всѣхъ, т. е. о спасеніи ихъ душъ»[7]. Онъ преслѣдовалъ еретиковъ для того, чтобы всѣ хорошо поняли, «насколько одинаково онъ заботится какъ объ истинной вѣрѣ Господа нашего Іисуса Христа, такъ и о спасеніи своихъ подданныхъ»[8]. Съ этихъ поръ нетерпимость становилась государственною добродѣтелью и долгомъ совѣсти, и Юстиніанъ безпощадно прилагалъ ее на дѣлѣ.

orient., II, 48—50; *Псевдо-Захарій Митиленскій*, 156—157, 358—359; ср. ibid., 158—159 и 361—362, и Chron. Edess., 124—128.

1. *Zach. Rh.*, 158; *Іоаннъ Ефес.*, Comm. 68.

2. *Zach. Rh.*, 157, 159—166; *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 130—135.

3. *Zach. Rh.*, 224.

4. О его сношеніяхъ съ Цезаріей, вѣроятно сестрой императора Анастасія (*Hermès*, VI, 358), см. *Іоаннъ Никіус.*, 502. Объ этой личности см. *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 174—176. Ниже будетъ указанъ фаворъ, которымъ пользовался Северъ у Ѳеодоры.

5. Aed., 171.

6. Nov. 132.

7. C. J., I, 5, 18; Nov. 115, 3, 14.

8. Nov. 109, epil.

Многіе указы, относящіеся къ 527 или 528 году, очерчиваютъ очень ясно принципы его политики. «Справедливо, говоритъ императоръ, лишать земныхъ благъ тѣхъ, кто не поклоняется истинному Богу» [1]. Поэтому его законы устраняютъ еретиковъ отъ всѣхъ общественныхъ должностей, гражданскихъ, военныхъ и даже муниципальныхъ; никто не можетъ быть принятъ на государственную службу, если его православіе не будетъ удостовѣрено тремя свидѣтелями, подъ присягой на Евангеліяхъ [2], и всякій еретикъ, состоящій въ должности въ моментъ обнародованія эдикта, долженъ быть безпощадно уволенъ со службы [3]. За еретиками сохраняются только такія тягостныя должности, какъ куріалы и когорталы, но при этомъ они могутъ нести лишь должностныя обязанности, не имѣя права требовать себѣ соотвѣтствующихъ преимуществъ [4]. Наконецъ, законъ устраняетъ еретиковъ отъ всякихъ свободныхъ профессій; онъ возбраняетъ заниматься адвокатурой и запрещаетъ быть профессорами «изъ опасенія, чтобы они своимъ преподаваніемъ не вовлекли простыя души въ свои заблужденія [5]». Законъ не допускаетъ никакихъ внѣшнихъ выраженій еретическаго культа и запрещаетъ еретикамъ собираться вмѣстѣ, имѣть свою іерархію, совершать крещеніе и рукоположеніе во священство [6]. Онъ предписываетъ закрывать аріанскіе храмы, еврейскія и самарянскія синагоги; требуетъ ихъ разрушенія или преобразованія въ православныя церкви и преслѣдуетъ тайныя еретическія собранія, «потому что, говорится въ одной новеллѣ, нелѣпо было-бы дозволять нечистивымъ совершеніе священныхъ обрядовъ» [7]. Законъ преслѣдуетъ еретика своими запрещеніями даже въ его частной жизни. Юстиніанъ утверждаетъ, что справедливо, чтобы православные пользовались въ обществѣ большими преимуществами, чѣмъ еретики [8]. Законъ также лишаетъ еретиковъ права давать на судѣ свидѣтельскія показанія противъ православныхъ [9]; онъ имъ отказываетъ въ правѣ наслѣдства и ограничиваетъ право завѣщанія. Если въ числѣ дѣтей еретика-отца одни тоже еретики, а другіе православные, то послѣдніе признаются имѣющими предпочтительное

1. Id., 1, 5, 12, 5.
2. Id., 1, 4, 20.
3. Id., 1, 5, 12, 9.
4. Id., 1, 5, 12, 6.
5. Id., 1, 5, 18, 4.
6. C. J., 1, 5, 14; 1, 5, 20.
7. Nov. 37, 8.
8. Nov. 109, 1.
9. C. J., 1, 5, 21.

право предъ первыми на наслѣдованіе послѣ отца [1]. Если сыновья заподозрѣны въ ереси, то наслѣдство переходитъ къ болѣе отдаленнымъ родственникамъ, лишь бы они были православными; если же православныхъ родственниковъ не оказывается, то наслѣдство переходитъ государству [2]. Если между родителями происходитъ разногласіе относительно воспитанія дѣтей, то законъ отдаетъ преимущество тому изъ нихъ, кто склоняется на сторону православія [3]. Такимъ образомъ, еретикъ является паріемъ въ обществѣ: всякое легальное дѣйствіе ему возбранено; законъ даже воспрещаетъ ему имѣть рабовъ—христіанъ [4]; и если ради избѣжанія подобнаго изгнанія изъ общества, онъ рѣшается обратиться въ православіе, то законъ на каждомъ шагу его жизни наблюдаетъ за его искренностью, и если онъ снова впадаетъ въ свое прежнее заблужденіе [5], то въ наказаніе за притворство онъ приговаривается къ смерти.

Таковы основные принципы религіозной политики Юстиніана [6]. Однако, его систематическая ненависть къ ереси имѣетъ много степеней и смягченій. Конечно, открыто онъ заявляетъ, что «ненавидитъ еретиковъ» [7]; онъ не можетъ о нихъ говорить безъ того, чтобы не осыпать ихъ самыми сильными эпитетами, указываетъ на ихъ безуміе [8], нетерпимую дерзость [9], на дьявольское дѣло, которое они исполняютъ [10], на нечестивый и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣхотворный характеръ ихъ обрядовъ [11], и несомнѣнно также, что подъ опредѣленіе «еретикъ» онъ подводитъ всякаго, кто не почитаетъ каѳолической и апостольской церкви и святой православной вѣры [12]. Но въ этой массѣ онъ умѣетъ дѣлать различія; религія и совмѣстно съ нею политика предписываютъ ему относиться не одинаковымъ образомъ къ разнымъ сектамъ и, при всей строгости общихъ принциповъ, въ подробностяхъ онъ допускаетъ множество различій и и даже очень существенныхъ.

1. C. J. 1, 5, 18, 8; Nov. 115, 3, 14.
2. Id., 1, 5, 18, 9; Nov. 115, 3, 14.
3. Id., 1, 5, 12, 18.
4. Id., 1, 3, 10.
5. Id., 1, 5, 16, 4.
6. Главные законы противъ диссидентовъ: C. J. 1, 11 (язычники); 1, 5, 18 и 19; 1, 6, 7 и 9; Nov. 115 (530 г.), 38, 77, 109, 129, 131, 132, 45 (542 г.).
7. Nov. 45, praef.
8. C. J., 1, 1, 7.
9. Id., 1, 5, 12.
10. Nov. 132.
11. C. J., 1, 5, 18, 3.
12. Id., 1, 5, 12, 4. 1, 5, 18, 4.

Наибольшую ненависть питаетъ императоръ къ манихеямъ. Для этихъ «проклятыхъ» одна лишь смерть можетъ искупить ихъ преступленіе: ихъ надо гнать отовсюду, стирать ихъ имя съ лица земли, наказывать позорнѣйшею казнью повсюду, гдѣ они будутъ найдены [1]. Принимать этихъ отверженцевъ, не выдать немедленно судьѣ — неизгладимое преступленіе; даже ихъ книги осуждены на сожженіе, и всякій, кто хранитъ или скрываетъ эти пагубныя писанія, наказывается безъ пощады [2].

Та же суровость проявляется и въ отношеніи язычниковъ, которыхъ Юстиніанъ рѣшительно отождествляетъ съ манихеями [3]. Преслѣдовать этихъ людей, «которые возбуждаютъ, говоритъ императоръ, праведный гнѣвъ Божій» [4], составляетъ долгъ каждаго, и Юстиніанъ выполнялъ это, какъ долгъ своей совѣсти. Ниже мы подробнѣе изложимъ тѣ мѣры, которыя онъ принималъ противъ нихъ; здѣсь же достаточно отмѣтить, что манихеи тоже были исключены изъ общественныхъ должностей, отстранены отъ публичнаго преподаванія и даже лишены права владѣнія, «дабы обнаженные ото всего, они погибли въ нищетѣ» [5]. Путемъ этихъ строгостей надѣялись содѣйствовать обращеніямъ; а для лучшаго достиженія этой цѣли, совершеніе языческаго культа было запрещено подъ страхомъ смерти и высшая степень казни постигала обращенныхъ, которые снова впадали въ свое заблужденіе [6].

Евреи первоначально пользовались сравнительной терпимостью на Востокѣ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что противъ нихъ не было принимаемо какихъ-либо спеціальныхъ строгостей [7]. Но вскорѣ возстаніе самаритянъ ухудшило ихъ положеніе. Доведенный до крайности нетерпимыми законами и алчностью Юстиніана, а также оскорбительными притѣсненіями со стороны христіанъ, народъ этотъ, неоднократно тревожившій своими волненіями Палестину [8], въ 529 году возсталъ. Христіане были избиты,

1. Id., 1, 5, 12, 3. Ср. *Іоаннъ Ефес.* Hist. ecl (R. Or. Chr., 1897, 2, стр. 481).

2. C. J., 1, 5, 16.

3. Id., 1, 11, 10, 3.

4. Id., 1, 11, 10, praef.

5. C. J., 1, 11, 10, 2.

6. C. J., 1, 11, 10.

7. C. J., 1, 5, 18, 5.

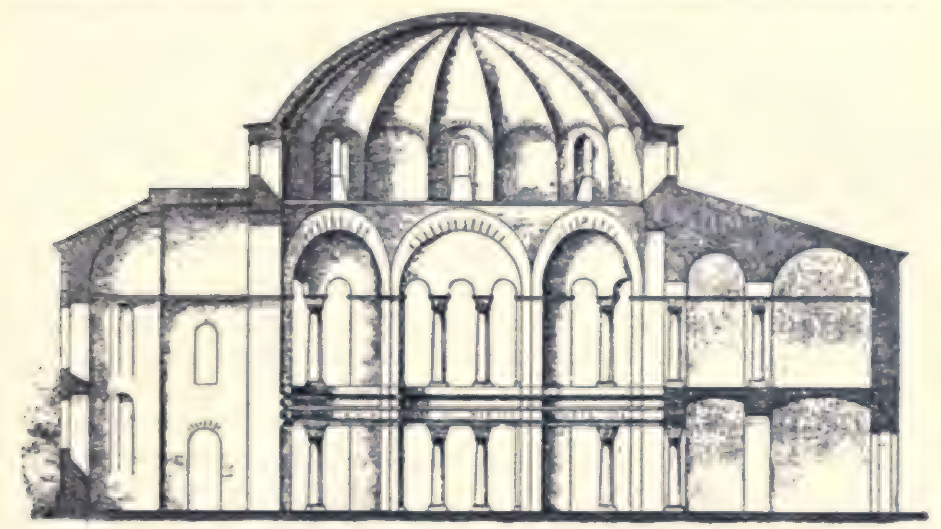
8. Вообще населеніе относилось къ нимъ съ большою нетерпимостью (*Іоаннъ Ефескій*, Comm., 53; *Hermes*, VI, 376) и Юстиніанъ объявилъ въ 527 г., что онъ намѣренъ усилить противъ нихъ существующіе законы (C. J., 1, 5, 12, 4).

церкви сожжены, страна опустошена и разграблена; но важнѣе всего было то, что мятежники провозгласили своего императора. Противъ этого движенія, къ которому вскорѣ присоединилось все языческое и манихейское населеніе страны, Юстиніанъ воздѣйствовалъ съ крайнею жестокостью: императорскія войска, къ которымъ примкнули шайки пограничныхъ арабовъ, залили возстаніе кровью. Двадцать тысячъ самаритянъ погибло въ борбѣ, такое же число ихъ было отдано арабскимъ шейхамъ и продано въ рабство на персидскихъ рынкахъ; узурпаторъ, взятый въ плѣнъ, былъ обезглавленъ и его голова, украшенная діадемой, была поднесена императору въ качествѣ трофея [1]. Съ этого времени противъ всего, что оставалось отъ этой народности, велась безпощадная война, особенно, когда въ 530 году Юстиніанъ удостовѣрился, что мятежники призываютъ себѣ на помощь враждебныхъ имперіи персовъ [2]. Ихъ окружили въ горахъ, всѣхъ сдавшихся начальниковъ ихъ казнили смертью, а остальныхъ огнемъ и мечемъ старались обратить въ православіе. Синагоги были разрушены и возобновленіе ихъ запрещено [3]; противъ побѣжденныхъ было издано спеціальное законоположеніе; они не только были устранены отъ всякихъ общественныхъ должностей, за исключеніемъ тягостныхъ, но они не могли ни завѣщать, ни наслѣдовать, ни получать по завѣщанію, ни передавать своихъ имѣній [4]. Безъ сомнѣнія—и Юстиніанъ въ этомъ признается—практика была менѣе сурова, чѣмъ буква закона [5]; съ другой стороны, самаритяне стали обращаться, по крайней мѣрѣ наружно [6], въ православіе, такъ что въ 551 году, по просьбѣ епископа Кесарійскаго Сергія, Юстиніанъ считалъ возможнымъ ослабить кой-какія изъ своихъ строгихъ мѣръ [7]. Но спокойствіе было лишь наружное; въ 556 году евреи и самаритяне, соединенные общею ненавистью, возмутились въ Кесаріи и убили проконсула Палестины [8]; съ другой стороны дѣло обращенія подвигалось плохо и самаритяне возвращались массами къ своему заблужденію [9]. Вслѣдствіе чего Юстинъ II долженъ былъ въ 572 году возстановить во всей силѣ старый законъ

1. *Mal.*, 445—447; *Hermès*, VI, 376; Hist. arc. 75.
2. *Mal.*, 445.
3. C. J., I, 5, 17.
4. Nov. 129, praef. Cp. Nov. 45.
5. Nov. 129.
6. Aed., 326; Hist. arc., 150, 153.
7. Nov. 129.
8. *Mal.*, 487.
9. Nov. 144.

549 года противъ этихъ людей, которые «своимъ безуміемъ сдѣлавъ себя недостойными человѣколюбія закона, могутъ винить только самихъ себя въ томъ, что лишились милосердія Божьяго и императорскаго снисхожденія» [1].

Возстаніе самаритянъ повлекло за собой другія послѣдствія: въ отношеніи всѣхъ тѣхъ, кто на нихъ походилъ, законъ сталъ строже. Съ евреями начали обходиться съ большею суровостью [2]; императорская власть дошла до вмѣшательства во внутреннія дѣла синагогъ, замѣняя древній еврейскій текстъ Ветхаго Завѣта греческимъ переводомъ

117. Внутренній разрѣзъ церкви св. Сергія и Вакха.

семидесяти толковниковъ [3]; въ то же время довольно ловкая пропаганда силилась путемъ убѣжденія обратить евреевъ въ христіанство [4]. Но особенно безпощадно преслѣдовались монтанисты и другія, подобныя имъ, секты; мѣста ихъ культа были закрыты [5], духовенство изгнано изъ столицы [6], ихъ обряды и собранія уничтожены, сношеніе съ ними правовѣрнымъ христіанамъ воспрещено. Подобно самаритянамъ, имъ возбранялось всякое легальное дѣйствіе [7]; имъ запрещалось даже давать свидѣтельскія показанія въ дѣлахъ, касающихся исключительно еретиковъ. На эти стро-

1. Nov. 144, 1.
2. Nov. 45; 131, 14.
3. Nov. 146, въ особенности 1, Ср. *Knecht*, loc. cit., стр. 40—40.
4. Nov. 146, 1. Ср. *Knecht*, стр. 48—49.
5. C. J., 1, 5. 18, 3.
6. Id., 1, 5. 20, 3.
7. Id., 1, 5. 21.

гости они тоже отвѣчали мятежами. Фригійскіе монтанисты, затворившись въ своихъ церквахъ, предпочитали сжигать ихъ и сами гибли въ пламени, чѣмъ покориться [1].

На Западѣ обратное завоеваніе Африки у вандаловъ было непосредственнымъ сигналомъ къ гоненіямъ. Имперія представлялась православному населенію возстановительницей его вѣры; поэтому со всѣми диссидентами, евреями, язычниками, аріанами и донатистами было поступлено съ крайнею суровостью. Ихъ силою заставили возвратить вселенской церкви земли, богослужебныя зданія, священные сосуды и облаченія,—все, что они незаконно отняли отъ нея. Культъ ихъ былъ запрещенъ, ихъ храмы разрушены или получили другое назначеніе, священники изгнаны, пропаганда запрещена, а равно и тайныя собранія. Законъ устранялъ ихъ отъ общественныхъ должностей и даже обращеніе въ православіе не открывало имъ доступа въ магистратуры [2], «потому что, говоритъ Юстиніанъ, для нихъ довольно и того, что они живы». Однако, не смотря на рѣшительность всѣхъ этихъ мѣръ, можно думать, что императоръ удовольствовался бы меньшимъ. Не смотря на все свое благочестіе, онъ понималъ, что ему слѣдовало соблюсти нѣкоторую осторожность въ отношеніи такого могущественнаго и чрезвычайно вліятельнаго духовенства, какъ аріанское. Онъ хотѣлъ сохранить званія за тѣми духовными лицами, которые вернулись бы въ православіе. Но такая благоразумная снисходительность представлялась въ глазахъ африканской каѳолической церкви недопустимой и ради удовлетворенія той злобы, которую поддерживалъ самъ папа, Юстиніанъ долженъ былъ уступить [3]. Точно также въ Италіи побѣда имѣла своимъ результатомъ ограбленіе аріанъ въ пользу православныхъ [4]; однако на Востокѣ аріанство было преслѣдуемо съ меньшею строгостью. Несомнѣнно, что богатство аріанскихъ церквей, обширныя имѣнія, которыми онѣ владѣли, въ концѣ концовъ возбудили жадность императора и вызвали общія конфискаціи [5]; тѣмъ не менѣе аріане были причислены къ еретикамъ только на основаніи закона 545 г. [6].

1. Hist. arc., 74—75, и *Іоаннъ Ефес.*, Hist. (R. O. Chr., 480).

2. Nov. 37.

3. Cp. *Diehl*, Afrique byzantine, 39—40, 48, 418—419.

4. *Agnellus*, 84. Cp. *Hartmann*, Gesch. Italiens, I, 367, 374—380.

5. Hist. arc., 74.

6. Nov. 131, 14.

Въ отношеніи несторіанъ [1] и въ особенности монофизитовъ [2] политика Юстиніана была еще болѣе полна смягченій, колебаній и перемѣнъ. Конечно, съ самаго начала своего царствованія императоръ въ своихъ вѣроизложеніяхъ рѣшительно предавалъ анаѳемѣ Несторія и Евтихія [3], но онъ былъ гораздо менѣе строгъ по отношенію къ приверженцамъ обоихъ великихъ іересіарховъ. Въ теченіе долгаго времени законъ снисходительно называлъ ихъ «колеблющимися» (διακρινόμενοι) [4], и лишь въ 541 году въ списокъ еретиковъ были опредѣленно внесены «тѣ, которые слѣдуютъ безумію Несторія, евтихіанъ и акефаловъ, которые принимаютъ ересь Діоскора и Севера» [5]. Дѣйствительно, съ этого момента всѣ общіе законы, направленные противъ еретиковъ, распространяются и на монофизитовъ [6]. Ихъ культъ воспрещается, торжественный эдиктъ 544 года запрещаетъ имъ отправленіе богослуженій, совершеніе крещенія, сооруженіе, какъ говоритъ императоръ, «вертеповъ ихъ нечестія» [7]. Гражданскій законъ относится къ нимъ съ неменьшей суровостью; они не могутъ владѣть землею, ни даже арендовать ее [8]; ихъ жены лишены права на приданое [10]; все это, разумѣется, не исключаетъ примѣненія и общихъ законовъ противъ еретиковъ. Но изъ этихъ самыхъ указаній видно, какъ долго монофизиты пользовались благосклоннымъ отношеніемъ къ себѣ, а потому интересно выяснить причины такой, столь неожиданной терпимости.

Изъ религіозныхъ вопросовъ, привлекавшихъ вниманіе Юстиніана, вопросъ о томъ, какой политики слѣдовать въ отношеніи монофизитовъ, былъ однимъ изъ наиболѣе затруднительныхъ. Религіозныя чувства императора, реставрація православія, совершенная Юстиномъ, возстановленное единеніе съ Римомъ и важность поддержанія таковаго для упроченія въ Африкѣ и Италіи византійскаго владычества [11], все склоняло Юстиніана къ преслѣдованію диссидентовъ. Но, съ другой стороны, монофизиты составляли на Востокѣ многочисленную и сильную партію; изгнать ихъ—значило воз-

1. Ср. *Knecht*, loc. cit., 92—97.
2. Ср. ibid., 97, и сл.
3. С. J., I, 1, 5, 6, 7, 8.
4. P G., 86, 51.
5. Nov. 109, praef.
6. Nov. 115, 3, 14; 131, 14. 1.
7. Nov. 132.
8. Nov. 131, 14.
9. Nov. 131, 14.
10. Nov. 109.
11. Объ уваженіи Юстиніана къ папѣ, первенство котораго онъ признавалъ, и къ Риму, см. *Knecht*, loc. cit., 63 и сл.

будить противъ имперіи важныя провинціи, и политическій разумъ императора ясно понималъ опасности, которыя возникли бы при этомъ для монархіи. Такимъ образомъ онъ находился передъ дилеммой: либо возстановить единство на Востокѣ, жертвуя единеніемъ съ Римомъ,—то, что сдѣлали Зенонъ и Анастасій,—либо поддерживать согласіе съ Западомъ, возбудивъ оппозицію монофизитскаго Востока,—то, что сдѣлалъ Юстинъ. Понятно, что Юстиніанъ колебался между этими двумя рѣшеніями, которыя оба имѣли за себя серьезные политическіе мотивы. Его колебанія еще болѣе увеличивались, благодаря той поддержкѣ, которую оказывала монофизитамъ императрица Ѳеодора, склонявшаяся на ихъ сторону [1]. Большая поклонница патріарха Севера, которому она открыто покровительствовала, Ѳеодора, еще до достиженія престола, употребляла въ пользу монофизитовъ и для смягченія строгости преслѣдованія ихъ то всемогущее вліяніе, которое она имѣла на Юстиніана [2]. Ставъ императрицей, она еще открытѣе пустила въ ходъ свою силу къ ихъ услугамъ, оказывая имъ хорошій пріемъ во дворцѣ, благосклонно выслушивая ихъ совѣты, жалобы, даже выговоры [3]; и такъ какъ, при тонкости своего политическаго смысла, она еще лучше, чѣмъ императоръ, сознавала опасность увѣковѣчивать на Востокѣ распри, гибельныя для могущества монархіи,—то она открыто и дѣйствовала въ пользу ереси [4]. Стоя между папой и

138. Византійская капитель въ церкви свв. Сергія и Вакха.

1. *Evagr.*, 4, 10.

2. *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 68; ср. id., 70.

3. Ibid., 74, 10—11. Ср. 138, 139.

4. *Bar-Hebr.*, Chron. eccl., I, 204, который является лишь отголоскомъ сирійскихъ писателей VI вѣка, говоритъ: Iustinianus ecclesiarum pacem pluri-

Ѳеодорой, Юстиніанъ находился въ довольно большомъ затрудненіи. Всю свою жизнь онъ старался примирить крайности предстоявшей ему задачи и найти почву для соглашенія, на которой, не жертвуя православіемъ, онъ могъ бы отказаться отъ Халкидонскаго собора и истолковать его постановленія такимъ образомъ, чтобы удовлетворить монофизитовъ и уничтожить оппозицію, которая его тревожила, одинаково и какъ государя и какъ богослова. Въ силу этого особеннаго положенія, изъ желанія изобрѣсти компромиссъ, который всѣхъ бы удовлетворилъ, должна была вытекать политика сложная, нерѣшительная, иногда и противорѣчивая, смотря по тому, одерживало ли верхъ вліяніе Рима или энергичная воля Ѳеодоры, были ли сильнѣе мотивы политическіе или религіозные, но во всякомъ случаѣ политика чрезвычайно интересная для изученія и, въ общемъ выводѣ, довольно достойная императора.

Съ самого начала своего царствованія Юстиніанъ озабочивался изысканіемъ почвы для единенія съ монофизитами, стараясь разсѣять сомнѣнія, которыя питали въ отношеніи Халкидонскаго собора диссиденты, и хотѣлъ доказать имъ полную гармонію, которая существовала между канонами 450 годъ и антинесторіанской доктриной, принятой диссидентами и формулированной такимъ отцомъ Церкви, какъ Кириллъ Александрійскій. Съ 529 или 530 года, въ доказательство своихъ благихъ намѣреній, онъ по совѣту Ѳеодоры прекратилъ гоненія, возвративъ изъ ссылки епископовъ и монаховъ, изгнанныхъ и бѣжавшихъ [1]. Вскорѣ онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ [2]. Зная вліяніе, которымъ поль-

mum fovisset nisi peccatores obstitisseut. Et magis adhuc pacem curabat Theodora, imperatrix fidelis, in charitate et fide persecutioni obnoxios suscipiens.

1. *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 134; Hist. eccl. (изд. Comm., 220 и R. Or. Chr., 1897 г., 2. стр. 469); *Zach. Rh.*, 180.

2. Іоаннъ Ефескій (Comm., 10—11) въ объясненіе перемѣнчивости Юстиніана сообщаетъ любопытный случай. Одинъ монофизитскій монахъ, знаменитый Зоора, о которомъ будетъ сказано далѣе, прибылъ въ Константинополь требовать отъ императора прекращенія преслѣдованій. Юстиніанъ пришелъ въ негодованій, пригрозилъ ему и отказалъ въ какой либо уступкѣ. Но на другой день императоръ впалъ въ безуміе, отъ котораго исцѣлился только по молитвамъ блаженнаго, поспѣшно призваннаго Ѳеодорой И тогда въ благодарность, тронутый благодатью, онъ ослабилъ строгость законовъ, направленныхъ противъ еретиковъ. Разсказъ интересенъ, не смотря на довольно легендарную окраску.

зовался въ сектѣ, благодаря религіозности, учености и непоколебимой твердости во времена гоненій, бывшій антіохійской патріархъ Северъ[1]; признавая, что онъ исповѣдуетъ ученіе, которое отнюдь не казалось несогласимымъ съ православіемъ[2], онъ попытался сойтись съ этой личностью, справедливо разсчитывая, что такая побѣда повлекла бы безчисленныя присоединенія. Однако, не взирая на посланныя ему Юстиніаномъ и Θеодорой лестныя приглашенія[3], Северъ скрывался и, не ожидая ничего отъ императорской попытки, сославшись на свой преклонный возрастъ и на свою слабость, онъ отказался прибыть въ Константинополь[4]. Тѣмъ не менѣе императоръ не потерялъ надежды. За отсутствіемъ Севера, онъ пригласилъ его учениковъ собраться «для возстановленія единства[5]» на собесѣдованіе съ православными, и дѣйствительно бесѣда состоялась въ Константинополѣ въ 533 году[6]. Весьма характерно, что при этомъ былъ данъ лозунгъ оказывать въ отношеніи монофизитовъ совершенную кротость и невозмутимое терпѣніе. «Они раздражены, говорилъ императоръ православнымъ; постарайтесь же, какъ подобаетъ святымъ и правовѣрующимъ людямъ, дать имъ удовлетвореніе со всею кротостью и спокойствіемъ»[7]. Императорскій министръ, которому было поручено предсѣдательствовать на собраніи, держалъ подобную же рѣчь: «Не въ силу своей верховной власти, говорилъ онъ, но съ нѣжностью священника и отца, императоръ собралъ васъ, дабы всѣ ваши сомнѣнія присутствующіе здѣсь епископы могли разсѣять и успокоить»»[8]. Въ заключительномъ засѣданіи, въ которомъ предсѣдательствовалъ самъ Юстиніанъ, то же желаніе примиренія было выражено въ императорской рѣчи, въ которой онъ, какъ свидѣтельствуетъ одинъ очевидецъ, «говоря съ полнымъ благодушіемъ и спокойствіемъ, сумѣлъ соединить кротость Давида, терпѣніе

1. О возвышенномъ, умѣренномъ и миролюбивымъ характерѣ Севера см. *Zach. Rh.*, 177—178, 180, 187. Относительно его вліянія смотр. письма Анонима (*Zach.*, 213), Θеодосія (id., 234—235) и въ особенности *Zach.*, 227.

2. *Леонтій Виз.* (P. G., 86, 1317).

3. *Evagr.*, 4, 11.

4. *Іоаннъ Ефес.*, (Hist. Въ Comm., 245), *Zach. Rh.*, 196 письмо Севера къ императору (*Zach.*, 196—204).

5. *Іоаннъ Ефес.*, Hist. (въ Comm. 245).

6. Ср. *Zach. Rh.*, 189—196 (письмо епископовъ къ императору, въ которомъ они излагаютъ свою вѣру). О собесѣдованіи, см. Vita Jacobi Baradaei (въ Comm., 203). Что касается времени бесѣды, относимой то къ 533, то къ 531 году, то указанія сирійскихъ лѣтописцевъ, повидимому, относятъ его къ 533 году.

7. *Labbe*, IV, 1763.

8. Id., IV, 1764.

Моисея и благость апостоловъ» [1]. Однако, не смотря на эти благія намѣренія, и къ великому сожалѣнію Ѳеодоры, которая устроила это собесѣдованіе [2], оно кончилось ничѣмъ. Но интересно то, что и эта неудача не обезкуражила императора; «онъ продолжалъ надѣяться, говоритъ одинъ современникъ, на милость Божью для возвращенія къ добру отщепенцовъ [3]».

Чувствуя однако въ этой неудавшейся попыткѣ нѣчто для себя компрометирующее и какъ бы въ вознагражденіе за этотъ опытъ примиренія, Юстиніанъ счелъ нужнымъ во всеуслышаніе заявить о своемъ православіи. Цѣлая серія указовъ была адресована въ 533 г. на имя патріарха константинопольскаго и населенія всѣхъ большихъ городовъ имперіи [4] съ цѣлью установить, въ виду Несторіева и Евтихіева «безумія», правила истиной христіанской вѣры. Одновременно съ этимъ Юстиніанъ расточалъ передъ римскимъ папою увѣренія въ своемъ православіи и уваженіи [5]: необходимая предосторожность для такого времени, когда императорское честолюбіе обратилось на Западъ, подготовлялось покореніе Африки и уже возникали мечты о завоеваніи Италіи.

119. Византійская капитель въ церкви свв. Сергія и Вакха.

Однакожъ, не смотря на эти торжественныя заявленія, Юстиніанъ проявлялъ въ отношеніи монофизитовъ полную благожелательность. Онъ хотѣлъ удовлетворить ихъ на богословской почвѣ, стараясь разрѣшить нѣкоторыя изъ формулированныхъ ими на бесѣдѣ 533 года возраженій, въ особенности же предлагая православному духовенству теопас-

1. *Labbe*, IV, 1777.
2. *Іоаннъ Ефес.*, Hist. (въ Comm., 245).
3. *Labbe*, IV, 1779.
4. C. J., I, 1, 5, 6.
5. Id., I, 1, 8.

хитскую формулу, которую справедливо прозвалъ «новымъ Генотикономъ [1]». Къ отдѣльнымъ лицамъ онъ выказывалъ еще болѣе терпимости; когда, напримѣръ, въ 535 г. умеръ константинопольскій патріархъ Епифаній, монофизитамъ, при поддержкѣ Ѳеодоры, удалось возвести на его мѣсто архіерея, тайно преданнаго ихъ дѣлу,—епископа трапезундскаго Анѳима [2]. Съ этого времени они считали дѣло выиграннымъ. Северъ, возвращенный изъ ссылки милостью императрицы [3], рѣшился, по настоянію своихъ единовѣрцевъ, отправиться въ Константинополь. Принятый и помѣщенный во дворцѣ [4], онъ вскорѣ возымѣлъ на новаго патріарха всемогущее вліяніе [5]. Преисполненный восхищенія предъ человѣкомъ, въ которомъ видѣлъ истиннаго «учителя Церкви» [6], Анѳимъ въ письмѣ къ антіохійскому эксъ-патріарху открыто принималъ Генотиконъ Зенона, «изданный въ опроверженіе Халкидонскаго собора и нечестиваго посланія Льва» [7], причемъ исповѣданіе вѣры, которое онъ присоединилъ къ этому заявленію, было, хотя и въ смягченной формѣ, чисто монофизитскимъ [8]. Затѣмъ, при посредствѣ Севера, Анѳимъ вошелъ въ сношенія съ новымъ монофизитскимъ патріархомъ Александріи, Ѳеодосіемъ [9]. Онъ добился признанія и какъ его избранія такъ и ученія со стороны патріарха іерусалимскаго, и теперь три патріарха открыто стремились, «въ интересахъ мира» [10], какъ говорилъ Северъ, подъ покровительствомъ Ѳеодоры и при соучастіи императора, выступить на путь возвращенія къ политикѣ Генотикона [11]. «Я принимаю, писалъ Анѳимъ Ѳеодосію, Генотиконъ Зенона, изданный въ опроверженіе Халкидонскаго Собора и посланія Льва» [12]; и, не взирая на протестъ столичныхъ монаховъ, патріархъ

1. *Harnack*, Dogmengesch., 2, 391. О теопасхитскомъ конфликтѣ см. *Knecht*, loc. cit., 73—85, 88—89, а о достоинствѣ этой формулы см. *Loofs*, Leontius von Byzanz, 304.

2. *Ioan. Efes.*, Comm., 158; Hist (въ Comm., 247).

3. *Zach. Rh.*, 196, 207.

4. *Ioan. Efes.*, Hist. (Comm., 245).

5. *Evagr.*, 4, 11.

6. *Zach. Rh.*, 217.

7. Id., 214.

8. Id., 222, 223.

9. См. похвалу Ѳеодосію, которую выражаетъ Северъ въ своемъ письмѣ къ Анѳиму (*Zach.*, 221), а также письмо Анѳима къ Ѳеодосію (id., 218—231) и чрезвычайно интересную переписку между собою трехъ патріарховъ, съ которой насъ знакомитъ Захарія (212—236).

10. *Zach.*, 221—22.

11. Id., 214, 230, 234; *Ioan. Efes.*, Comm., 158; Hist. (Comm., 247).

12. *Zach. Rh.*, 230.

отказывался анаѳематствовать еретиковъ, осужденныхъ соборными постановленіями 450 года [1].

Имѣя такую поддержку, монофизиты ободрились [2]. Въ теченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ благоволеніе Юстиніана снова допустило ихъ въ предѣлы имперіи, ихъ проповѣдники, въ особенности неутомимый Іоаннъ Телльскій, вели въ Азіи дѣятельную пропаганду [3], а нѣкоторые изъ наиболѣе горячихъ апостоловъ монофизитства, увѣренные въ хорошемъ пріемѣ и покровительствѣ Ѳеодоры, не побоялись явиться даже въ Константинополь, чтобы высказать предъ самимъ трономъ свои жалобы и упреки [4]. Теперь со всего востока стали стекаться въ столицу ихъ знаменитѣйшіе учителя, Петръ Апамейскій, монахъ Зоора и еще многіе другіе, епископы, клирики, архимандриты, и всѣ они наперерывъ спѣшили поддержать пропаганду Севера [5]. Вскорѣ, благодаря связямъ, которыя они имѣли во дворцѣ [6], и нескрываемому покровительству «нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ при дворѣ [7]», они стали, вопреки формальнымъ запрещеніямъ закона, устраивать религіозныя собранія, проповѣдывать по домамъ, обращать женщинъ, крестить дѣтей, посвящать епископовъ, пользуясь въ особенности успѣхами въ высшихъ классахъ общества [8] и въ семьяхъ должностныхъ лицъ Священныхъ Палатъ, что ясно указываетъ на какую сторону склонялось расположеніе императора; простые же умы, говорится въ писаніяхъ православныхъ, были ими обмануты «и они развращали души не только духовно, но и тѣлесно, потопляя ихъ въ пучинѣ нечестія и сластолюбія [9]».

Энергія папы Агапита разрушила всѣ эти надежды. Въ февралѣ 536 года онъ прибылъ въ Константинополь въ качествѣ посла короля готовъ Теодата. Оповѣщенный патріархомъ антіохійскимъ Ефремомъ о возбуждающемъ тревогу поведеніи Анѳима [10] и получивъ формальный доносъ отъ столичныхъ монаховъ, онъ, не смотря на просьбы Юстиніана

1. *Labbe*, V, 18.

2. См. письмо Севера къ Ѳеодосію (*Zach. Rh.*, 223): это настоящій тріумфальный кликъ. Ср. отвѣтъ Ѳеодосія (id., 225—226).

3. *Іоан. Ефес.*, Comm., 109—110.

4. Id., 10, 138, 147: о монахѣ Зоорѣ, id., 10—11: о Іаковѣ Барадеѣ, id., 160.

5. *Іоан. Ефес.*, 114 и Hist. (Comm., 246).

6. Id., Comm., 76, 150, 179.

7. *Labbe*, V, 23. Ср. *Zach. Rh.*, 196

8. Ib., V, 23, 26.

9. Id., V, 123. О большомъ вліяніи монаха Зооры въ Константинополѣ см. *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 11, 14.

10. *Zach. Rh.*, 208—209.

и Θеодоры, отказался войти въ общеніе съ патріархомъ и смѣло, при всеобщемъ одобреніи православныхъ, низложилъ его (въ мартѣ 536 г.), воспретивъ ему выполненіе его священныхъ обязанностей, пока онъ не очистится отъ обвиненія въ ереси. Юстиніанъ, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, преклонился предъ авторитетнымъ представителемъ православія [1] и поспѣшилъ дать папѣ доказательство своего уваженія къ Риму и чистоты своей вѣры [2], вручивъ ему свое исповѣданіе вѣры, и предоставилъ Агапиту посвятить въ преемники Анѳиму священника Мену (въ мартѣ 536 г.) [3].

Агапитъ не надолго пережилъ свое торжество; его скоропостижная смерть (въ апрѣлѣ 536 г.), — на которую православные смотрѣли какъ на результатъ волхвованій своихъ противниковъ [4], а монофизиты, наоборотъ, усматривали въ ней справедливое наказаніе Божье [5], — оживила на время надежды диссидентовъ. Дѣйствительно, не смотря на паденіе Анѳима, еретики не упали духомъ; они продолжали свою пропаганду [6] въ увѣренности, что найдутъ поддержку при самомъ дворѣ. Толпа епископовъ, клириковъ и архимандритовъ упорно стояла на сторонѣ Анѳима [7], причемъ наиболѣе экзальтированные изъ нихъ, въ особенности же пылкій Зоора, выражали съ оскорбительной наглостью свои чувства къ императору, котораго они открыто обвиняли въ измѣнѣ [8]. Однако преемникъ Анѳима, при содѣйствіи православныхъ монаховъ, приложилъ все свое усердіе къ тому, чтобы осуществить до конца приговоръ Агапита. Константинопольскій соборъ (въ маѣ 536 г.) формально предалъ анаѳемѣ Анѳима, Севера, Петра Апамейскаго, Зоору и ихъ сторонниковъ, осудилъ ихъ сочиненія, объявилъ ихъ лишенными всѣхъ церковныхъ должностей и исключилъ имена ихъ изъ числа православныхъ. Три мѣсяца спустя (6 августа 536 г.), слѣдуя своему обычаю придавать всему законный характеръ, Юстиніанъ издалъ эдиктъ, которымъ подтвердилъ приговоръ Церкви. Анѳиму, Северу и ихъ сторонникамъ было воспрещено пре-

1. Любопытно ознакомиться въ какомъ видѣ сиріецъ Іоаннъ Ефесскій представляетъ эти событія (Comm. 158, Hist., 247), указывая какъ самъ Богъ покровительствовалъ Зоорѣ противъ Агапита (Comm., 11—12).

2. Coll. Avellana, стр. 338.

3. Ср. ibid., стр. 340 исповѣданіе вѣры Мены и на стр. 342 поздравительное письмо Агапита къ императору.

4. *Ioan. Efes.*, Comm., 13.

5. Id., 12.

6. Id., 14.

7. *Labbe*, V, 30.

8. *Labbe*, V, 22—23.

бываніе въ Константинополѣ и во всѣхъ другихъ большихъ городахъ имперіи [1]; подъ страхомъ конфискаціи имущества всѣмъ запрещалось принимать ихъ и давать пріютъ [2]. Такимъ образомъ, говорилъ Юстиніанъ, «миръ въ Церкви былъ возстановленъ и чрезъ то обезпечено благоденствіе государства, согласно обѣтованію, которое Богъ и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ даровали тѣмъ, кто Имъ поклоняется въ истинѣ и чистосердечіи [3]».

Римское православіе торжествовало. Анѳимъ, вынужденный скрываться, былъ обязанъ своимъ спасеніемъ лишь неизмѣнному благоволенію Ѳеодоры [4]. Северъ, принужденный бѣжать, покинулъ столицу и отправился искать убѣжища въ пустыняхъ Египта, гдѣ немного времени спустя (въ февралѣ 538 г.) окончилъ свой долгій и многотрудный жизненный путь [5]. Монахъ Зоора былъ сосланъ во Ѳракію, въ castellum Деркосъ [6], и всѣ остальные,—клирики, монахи и міряне, толпы которыхъ привлекла въ Константинополь надежда на побѣду,—въ виду угрожающаго преслѣдованія, разсѣялись въ уныніи и справедливо тревожась за будущее [7]. И дѣйствительно, съ конца 537 года, по энергическому внушенію патріарха антіохійскаго Ефрема и его епископовъ и при усердномъ содѣйствіи свѣтской власти, возобновилось преслѣдованіе монофизитовъ на Востокѣ [8]. Снова въ Сиріи, Месопотаміи и Арменіи монахи, какъ во времена Юстина, были изгоняемы изъ монастырей, подвергались преслѣдованію, облавѣ, вынуждаемые среди зимы спасаться бѣгствомъ въ пустыню, причемъ, подъ угрозою смерти, было запрещено принимать бѣглецовъ [9]. Снова остававшіеся вѣрными подвергались арестамъ, сѣченію розгами и пыткамъ; на публичныхъ площадяхъ,—«дѣло, говоритъ одинъ современникъ, которое сами язычники гнушались бы дѣлать»,—запылали костры, «откуда запахъ сожженныхъ тѣлъ мучениковъ, подымаясь въ воздухѣ, печально достигалъ обонянія вѣрныхъ» [10]. Разрушали столбы столпниковъ; закрывали

1. Nov. 42, 1.

2. Id., 3.

3. Id., 3.

4. *Ioan. Ефес.*, Comm., 158; Hist. (въ Comm., 247—248).

5. *Ioan. Ефес.*, 158, 246. Объ этой личности см. монографію *Евстратіоса* Σεβῆρος ὁ μονοφυσίτης. Leipzig. 1894 г.

6. *Ioan. Ефес.*, Comm., 14.

7. Id., Hist., 246.

8. *Zach. Rh.*, 237.

9. *Ioan. Ефес.*, Comm., 104—105, 134—135, 188 и Hist. (въ Comm., 221—222; и R. Or. Chr., loc. cit., 479).

10. *Ioan. Ефес.*, Comm., 112.

монастыри. Съ цѣлью сломить сопротивленіе и разстроить еретическія общины особенно немилосердно относились къ тѣмъ неутомимымъ проповѣдникамъ, которые съ 530 года, не взирая на доносы и угрозы, дѣйствительно возстановили монофизитскую церковь на Востокѣ [1]. Самымъ знаменитымъ изъ нихъ былъ Іоаннъ Телльскій, апостольская дѣятельность котораго привлекла болѣе 170000 человѣкъ къ Северовой вѣрѣ [2], вслѣдствіе чего его особенно ненавидѣли православные. Онъ долго и тайно продолжалъ свое дѣло пропаганды; однако, въ концѣ концовъ, онъ попалъ въ руки Ефрема антіохійскаго и «истязатель вѣрныхъ» [3], какъ называли современники этого архіерея, погубилъ въ пыткахъ, доставившихъ Іоанну среди своихъ славу мученика, страшнаго противника, который въ теченіи столькихъ лѣтъ наводилъ на него ужасъ (въ 538 г.). «И православный народъ, говоритъ лѣтописецъ Іоаннъ Азійскій, не имѣя болѣе никого, кто бы ему приносилъ животворящія тайны, находился въ великой печали и тяжеломъ бѣдствіи» [4].

При дворѣ римское вліяніе также торжествовало. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ апостольскій нунцій Пелагій былъ въ религіозныхъ дѣлахъ довѣреннымъ совѣтникомъ императора. Это былъ человѣкъ «энергичный, предпріимчивый, непреклонный въ обычныя времена, однако не склонный бороться во что бы то ни стало противъ необходимости» [5]. Назначенный въ 536 году нунціемъ въ Константинополь, онъ постарался снискать благоволеніе Юстиніана и Ѳеодоры и очень скоро достигъ того, что создалъ себѣ, даже при императрицѣ [6], очень видное положеніе; тѣмъ сильнѣе было его вліяніе на императора, только что вернувшагося къ строгому православію. Юстиніанъ совѣщался съ нимъ во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся религіи, и несомнѣнно ему слѣдуетъ приписать неожиданную ревность, которую проявило правительство въ борьбѣ съ ересью, и рядъ суровыхъ мѣръ, которыя были приняты, чтобы наложить руку на самую важную твердыню монофизитовъ, Египетъ, и на александрійскій патріаршій престолъ. До тѣхъ поръ, благодаря всемогущему вліянію Ѳеодоры, тщательно избѣгали преслѣдовать ересь въ этой области [7]; теперь же, подъ вліяніемъ

1. *Іоан. Ефес.*, 110—111.
2. Id., 111.
3. Id., 111, quaestionarius fidelium
4. Id., 112.
5. *Duchesne*, Vigile et Pélage, стр. 384.
6. *Liberatus*, Brev., 22.
7. *Іоаннъ Никіусскій*, 514.

Пелагія, признавалось, что наступило время вернуть и ее къ православію.

Тимоѳей IV, патріархъ александрійскій, въ 536 году умеръ и вопросъ о его замѣщеніи вызвалъ въ городѣ смуты [1]. Въ то время какъ непримиримые монофизиты

120. Архитравъ въ церкви свв. Сергія и Вакха.

опираясь на свою фанатичную армію монаховъ, провозглашали избраннаго ими Гаіаноса, друзья Севера проводили нѣкоего Ѳеодосія. Это событіе совпало съ моментомъ, когда Ѳеодора только-что водворила на константинопольскомъ престолѣ Анѳима и когда подъ покровомъ обновленнаго Генотикона пытались примириться съ моноѳизитами; изъ двухъ кандидатовъ оффиціальная поддержка вполнѣ естественно

1. *Liberatus*, Brev., 20.

была оказана Ѳеодосію, болѣе умѣренныя воззрѣнія котораго гарантировали возможность сговориться [1]. Его водворили на каѳедру не безъ нѣкоторыхъ затрудненій. Пришлось пустить въ ходъ обычныя въ этихъ случаяхъ средства: послать императорскія войска и отправить въ Египетъ чрезвычайнаго коммиссара, каммергера Нарзеса, всецѣло преданнаго энергичной Ѳеодорѣ. Этимъ путемъ было обезпечено торжество Ѳеодосія и явилась надежда снова привязать Египетъ къ имперской политикѣ. Но за предѣлами оффиціальнаго міра, весь городъ, вся страна были враждебны патріарху, заподозрѣнному въ терпимости и скомпрометированному покровительствомъ царственныхъ особъ [2]. Совершившаяся въ Юстиніанѣ перемѣна въ 536 году еще болѣе ухудшила положеніе: вѣтеръ поворачивалъ въ сторону абсолютнаго православія; Ѳеодосій былъ въ 538 году вызванъ въ Константинополь и ему было предложено открыто признать Халкидонскій соборъ [3]. Такъ какъ онъ отказался отъ этого, то его, не смотря на покровительство Ѳеодоры [4], сослали вмѣстѣ съ его клиромъ въ Деркосъ, во Ѳракіи [5], и стали пріискивать ему преемника, способнаго доставить въ Египтѣ торжество новымъ видамъ императорской политики и осуществить тамъ реставрацію халкидонскаго исповѣданія. И въ этомъ случаѣ снова римскій нунцій Пелагій взялся подыскать человѣка для такого труднаго дѣла. Выборъ его остановился на «Павлѣ, монахѣ изъ Табенны, родомъ египтянинѣ, изъ числа людей, тѣмъ равнодушнѣе относящихся къ палочнымъ ударамъ, сыплющимся на спины другихъ, чѣмъ болѣе они сами испытываютъ на себѣ дѣйствіе этого рода аргументовъ» [6]. Въ присутствіи Пелагія и представителей антіохійскаго и іерусалимскаго патріарховъ новый епископъ Александріи былъ посвященъ Меной въ Константинополѣ; затѣмъ онъ отбылъ въ Египетъ (540 г.). Ему было дано полномочіе возстановить православіе; всѣ должностныя лица обязаны были ему оказывать слѣпое повиновеніе; весь египетскій епископатъ цѣликомъ подлежалъ отрѣшенію отъ должностей и замѣщенію сторонниками Халкидонскаго собора [7]. Подъ вліяніемъ террористи-

1. Ср Похвалу ему отъ Севера (*Zach. Rh.*, 221).

2. О затрудненіяхъ Ѳеодосія см. *Zach. Rh.*, 221, 227—228, 229.

3. *Zach. Rh.*, 238.

4. Id., 238. *Ioan. Efes.*, Comm., 113—114.

5. *Ioan. Efes.*, Comm., 14, 113—114.

6. *Duchesne*, loc. cit., 387.

7. *Liberatus*, Brev., 23.

ческаго режима, который ввелъ новый патріархъ, всѣ покорились; даже монахи признали проклинаемый соборъ; наступилъ моментъ, когда Юстиніанъ и Пелагій могли утѣшаться, что заставили Египетъ обратиться въ православіе. Правда, два года спустя одно довольно важное обстоятельство заставило Юстиніана освободиться отъ архіерея, оказавшаго ему такія услуги[1], — но, что очень характерно и ясно показываетъ устойчивость римскаго вліянія, — и на этотъ разъ императоръ снова поручилъ Пелагію предсѣдательствовать въ слѣдственной коммиссіи и руководить соборомъ, низложившимъ въ Газѣ патріарха, а также избрать ему преемника (542 г.). Дать еще большее доказательство вліянія Рима на Востокѣ, — было бы очень трудно.

Не смотря на эти кратковременныя строгости и на это преходящее торжество православія, монофизиты не падали духомъ и ждали случая получить удовлетвореніе. Предъ непреклонностью папы Агапита, Өеодора, ихъ обычная союзница, была безсильна: ни ея обѣщанія, ни угрозы не могли поколебать римскаго папу. Но императрица не была женщиной, способной перенести такую неудачу. Преслѣдуемому Северу она доставила возможность бѣжать изъ Константинополя; низложенному Анөиму она продолжала оказывать открытое покровительство и вопреки императорскому повелѣнію дала ему убѣжище во дворцѣ[2]. Наконецъ, въ то время когда соборъ въ 536 году громилъ безплодными анафемами обвиняемыхъ, которые къ тому же и не явились на него, — Өеодора воспользовалась смертью Агапита и постаралась нанести чрезвычайно смѣлый ударъ, посадивъ по своему выбору на папскій престолъ папу, готоваго помириться съ монофизитами и осуществить желанное соединеніе римскаго православія съ восточною ересью.

Для этой роли она нашла подходящаго человѣка; это былъ римскій діаконъ Вигилій, состоявшій уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ апостольскимъ нунціемъ въ Константинополѣ. Честолюбивый, беззастѣнчивый, способный на многія послабленія и компромиссы, Вигилій весьма ловко втерся въ милость къ Өеодорѣ и она разсчитывала, что на папскомъ престолѣ онъ будетъ покорнымъ орудіемъ ея воли. Разсказываютъ, что за императорское покровительство Вигилій обязался возстановить Анөима, войти въ сношенія

1. *Liberatus*. 23; Hist. arc., 50, 152 2. *Ioan. Ефес.*, Comm., 158, 247—248.

съ Θеодосіемъ и Северомъ и отказаться отъ Халкидонскаго собора [1]; разсказываютъ также, что въ награду за услуги, которыя отъ него ожидались, ему была обѣщана большая сумма денегъ. Можно ли принимать на вѣру всѣ эти разсказы? «Для того, кто изучалъ характеръ Вигилія, нельзя сдѣлать ни одной оговорки относительно характера предварительныхъ переговоровъ. Вигилій былъ способенъ все обѣщать или по крайней мѣрѣ дать надежду на все» [2]. Несомнѣнно, что онъ отправился въ Римъ съ письмами къ Велизарію и къ его женѣ, Антонинѣ, и что письма эти были таковы, что не допускали никакихъ возраженій. Совершенно очевидно, что Юстиніанъ предоставилъ въ этомъ дѣлѣ полную свободу дѣйствій императрицѣ, быть можетъ втайнѣ надѣясь достигнуть этимъ путемъ рѣшеніе задачи возстановленія желаемаго имъ единства церкви, которое могло бы привести римскаго первосвященника къ соглашенію съ Востокомъ.

Однако водворить Вигилія на папскомъ престолѣ удалось не безъ труда. На другой же день по смерти Агапита въ Римѣ немедленно былъ выбранъ ему преемникъ, а потому, чтобы посадить Вигилія на каѳедру святого Петра, требовалось предварительно низвести съ нея Сильверія. Исполняя формальное приказаніе императорскаго правительства, Велизарій взялся за это отвратительное дѣло. Повидимому, нѣсколько колеблясь впутываться въ эту темную интригу, онъ пробовалъ внушить Сильверію способъ выдти изъ затруднительнаго положенія въ томъ смыслѣ, чтобы онъ самъ предложилъ императрицѣ сдѣлать уступки, которыхъ она ожидала отъ Вигилія [3]. Сильверій рѣшительно отказался идти на подобную сдѣлку; слѣдовательно приходилось, подъ мнимымъ предлогомъ измѣны, грубо арестовать его, низложить и отправить въ ссылку. 29 Марта 537 года, Вигилій занялъ мѣсто Сильверія, и Θеодора, казалось, добилась своего.

«Честолюбцы не всегда бездарности. Они становятся даже честными, если для нихъ является болѣе выгоднымъ быть таковыми. Тотъ, кто очень низко пресмыкался, чтобы возвыситься, снова выпрямляется, коль скоро достигаетъ своей цѣли, и съ гордостью говоритъ о своей совѣсти, давая чувствовать своимъ удивленнымъ патронамъ,

1. *Liberatus*, Brev., 22; Lib. pont. 292 298.

2. *Duchesne*, loc. cit., 373.

3. *Liberatus*, Brev., 12; Lib. pont., 292.

что они должны съ нимъ считаться»[1]. Такъ случилось съ Вигиліемъ. Разъ утвердившись, онъ, не смотря на требованія Велизарія, медлилъ выполненіемъ своихъ обѣщаній[2]. Правда, говорятъ, будто онъ кончилъ тѣмъ, что уступилъ и послалъ главнымъ вождямъ монофизитовъ, Анѳиму, Северу и Ѳеодосію, письмо въ которомъ всецѣло соглашался съ ихъ ученіемъ; но подлинность этого документа[3] весьма сомнительна, а оффиціальныя исповѣданія вѣры, которыя онъ отправилъ императору и патріарху Менѣ, исполнены строгаго православія[4]. Поддержка Пелагія, который давно

121. Церковь св. Димитрія въ Салоникахъ.

уже соединилъ съ нимъ свою судьбу, вліяніе нунція на императора, надежда, которую казалось сама Ѳеодора въ началѣ имѣла на то, что онъ впослѣдствіи выполнитъ свои обѣщанія[5],—все это давало возможность Вигилію лавировать и выжидать. Въ концѣ концовъ, вопреки проискамъ императрицы и монофизитской партіи, попытка наложить руку на апостольскій престолъ потерпѣла полную неудачу.

1. *Duchesne*, loc. cit., 371.
2. *Liberatus*, Brev., 22.
3. Id., 22.
4. *Coll. Avellana*, 348, 354.
5. *Liberatus*, 22; Lib. pont., 297.

Однако на востокѣ, благодаря тайному покровительству императрицы, монофизиты сохраняли большое значеніе. Несомнѣнно, что подъ вліяніемъ строгостей православныхъ архіереевъ, большинство ихъ вождей принуждено было уступить или бѣжать; ихъ самые знаменитые епископы, Іоаннъ Телльскій и Ѳома Дарскій, уже умерли; другіе находились въ заточеніи или въ ссылкѣ, такъ что въ 543 году во всей имперіи насчитывалось лишь три епископскихъ престола, занятыхъ еретиками[1]. Но населеніе, не смотря на преслѣдованія, оставалось упорно преданнымъ своей вѣрѣ; оно неизмѣнно продолжало признавать законнымъ патріархомъ антохійскимъ изгнаннаго и скрывавшагося въ Египтѣ Севера, а послѣ его смерти назначеннаго ему тайно въ преемники—Сергѣя Телльскаго [2]. Съ другой стороны главные вожди секты съ удивительною ловкостью старались дѣйствовать въ Константинополѣ,дабы «смягчить императора и воспламенить ревность императрицы въ отношеніи вѣрныхъ» [3]. Не смотря на изданные эдикты, монофизитская община существовала у самыхъ воротъ столицы въ сирійскомъ монастырѣ, основанномъ съ помощью Ѳеодоры въ предмѣстьи Сикеѣ [4], а ея начальникъ, Іоаннъ, бывшій нѣкогда монахомъ монастыря св. Іоанна Амидскаго, своимъ усердіемъ въ изобличеніи язычниковъ и въ борьбѣ съ ними сумѣлъ завоевать себѣ даже благоволеніе Юстиніана [5]. Домъ низложеннаго патріарха Александрійскаго, Ѳеодосія, возвращеннаго, благодаря Ѳеодорѣ [6], изъ Ѳракіи въ Константинополь, былъ другимъ центромъ монофизитскихъ интригъ и пропаганды [7], тамъ встрѣчались такіе дѣятельные и энергичные люди, какъ Юліанъ, будущій проповѣдникъ евангелія въ Нубіи, Сергій, будущій патріархъ антохійскій [8], Ѳеодосій, который сдѣлался епископомъ Бостры, Іаковъ Барадей, занимавшій епископскую каѳедру въ Едессѣ и возстановившій монофизитскую церковь [9]. Императрица Ѳеодора открыто

1. *Іоаннъ Ефес.*, Comm. 110, 160, 162; *Bar. Hebr.* Chron. eccl., I. 216.

2. *Bar. Hebr.*, Chron. eccl., I. 214; *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 150, 164.

3. *Bar. Hebr.*, I. 210.

4. *Ioan. Ефес.*, 18, 105, 136, 140.

5. *Ioan. Ефес.*, Hist. (K. Or. Chr., loc. cit., 481—482) и Comm., 136, 140. Cp. *Bar.-Hebr.*, Chron. eccl., I. 192: qui post Anthimum fuit Constantinopoli episcopus orthodoxorum.

6. *Ioan. Ефес.*, Comm., 114. 268.

7. Уже въ Деркоѣ онъ собиралъ вокругъ себя и ободрялъ диссидентовъ, которые притекали въ столицу (*Ioan. Ефес.*, Comm., 114).

8. *Ioan. Ефес.*, Comm., 159. 164.

9. *Id.*, Comm., 160. Hist. eccl., IV, 6. *Bar. Hebr.*, Chron. eccl., I. 220.

покровительствовала всѣмъ этимъ диссидентамъ. Не довольствуясь оказаніемъ широкой помощи монахамъ, изгнаннымъ изъ Сиріи православными, и помѣщеніемъ ихъ во дворцѣ Гормиздасъ, превращенномъ по ихъ желанію въ монастырь [1], она принимала въ Священныхъ Палатахъ главныхъ монофизитскихъ вождей, патріарха Ѳеодосія, епископа лаодикійскаго Константина, Іоанна Египтянина, Іакова Барадея и многихъ другихъ [2]. Она безпрестанно рекомендовала ихъ и просто навязывала императору. Среди лицъ, окружающихъ Ѳеодосія, она остановилась на священникѣ Юліанѣ и поручила ему въ 540 году нубійскую миссію; точно такъ же, когда Гаритъ Гассанидъ явился, въ 543 году, въ Константинополь съ просьбою дать ему епископа, она выбрала изъ той же среды пресвитера Ѳеодосія, котораго приказала назначить на епископскую каѳедру въ Бостру [3], наконецъ оттуда же она намѣревалась избрать людей, которые должны были открыто возстановить монофизитскую церковь. Тщетно Юстиніанъ, покровительствуя православнымъ, старался нейтрализовать эти попытки [4],—императрица была сильнѣе его и вся администрація признавала это [5]. При такихъ условіяхъ достаточно было малѣйшей оплошности со стороны православныхъ, чтобы доставить монофизитамъ случай одержать верхъ. Легатъ Пелагій оказался въ 543 году самъ виновникомъ такой непоправимой ошибки.

Во время извѣстной поѣздки въ Газу, предпринятой въ цѣляхъ низложенія патріарха Павла, Пелагій былъ ознакомленъ палестинскими монахами съ обстоятельствами стараго спора, возникшаго въ этой странѣ столѣтіе тому назадъ по поводу ученія Оригена. Изъ православной ревности,—Римская Церковь нѣкогда запретила чтеніе Оригена,—но также и по причинамъ болѣе человѣческимъ, въ особенности, чтобы досадить епископу цезарейскому, Ѳеодору Аскидѣ, архіерею, пользовавшемуся большимъ расположеніемъ двора и являвшимся для нунція вліятельнымъ соперникомъ [6], Пелагій, тотчасъ же по возвращеніи въ

1. *Іоан. Ефес.*, Comm., 154—155. Она основала для другихъ изгнанниковъ *xenodochium* на Хіосѣ (id., 165).

2. Id. (Hist. Comm., 248); Comm., 160; *Bar.-Hebr.*, Chron. eccl., I, 216. Объ Іоаннѣ Египтянинѣ, см. *Іоан. Ефес.*, Comm., 114—115.

3. *Іоан. Ефес.* Comm., 162—163.

4. Id. Hist. eccl., IV, 6 и *Assemani*, Bibl. orient., I, 385.

5. См. объ этомъ періодѣ, *Kleyn*, Jacobus Barandaeus, стр. 45—48.

6. *Evagrius*, 4, 38; *Liber.*, Brev., 23

Константинополь, довелъ объ этомъ дѣлѣ до свѣдѣнія патріарха и императора. Юстиніанъ, который былъ всегда радъ случаю догматизировать, съ рвеніемъ накинулся на трактаты, на которыя ему указывали какъ на еретиче-

122. Церковь св. Димитрія въ Солоникахъ.

скія, и въ въ пространномъ эдиктѣ, адресованомъ къ патріарху Минѣ, занялся обсужденіемъ этого предмета и въ заключеніе предалъ анаѳемѣ главные пункты ученія Оригена. Затѣмъ былъ созванъ соборъ, который осудилъ знаменитаго александрійца (въ январѣ 543 г.) и Юстиніанъ

вмѣстѣ съ Пелагіемъ величались этой новой услугой, оказанной ими православію [1].

Но этимъ былъ созданъ опасный прецедентъ; онъ показалъ, по словамъ одного автора, «что можно откапывать заблужденія, содержащіяся въ старыхъ книгахъ, отдавать на судъ богословскихъ властей утвержденія, авторы которыхъ не имѣютъ болѣе возможности ни отречься отъ нихъ, ни изъяснить таковыя, и изъ за ничтожныхъ теологическихъ погрѣшностей поражать анаѳемой память людей, окруженныхъ благоговѣйнымъ почитаніемъ» [2]. Ѳеодоръ Аскида воспользовался этимъ; желая отмстить за Оригена, а еще болѣе въ отместку Пелагію [3], зная вмѣстѣ съ тѣмъ манію богословствованія императора и его постоянное желаніе умиротворить монофизитскую распрю, наконецъ будучи увѣренъ угодить этимъ путемъ Ѳеодорѣ [4],—онъ отыскалъ въ числѣ сочиненій, одобренныхъ Халкидонскимъ соборомъ, произведенія трехъ лицъ, ненавистныхъ для монофизитовъ, Ѳеодора Мопсуетскаго, Ѳеодорита Кирскаго и Ивы Едесскаго, явно зараженныхъ несторіанской ересью. Уже во время диспута въ 533 году диссидентскіе епископы заявляли, что однимъ изъ существенныхъ возраженій ихъ противъ признанія Халкидонскаго собора является терпимость, выказанная соборомъ въ отношеніи Ивы и Ѳеодорита. Такимъ образомъ, посредствомъ энергичнаго осужденія этихъ сочиненій, этихъ «*трехъ главъ*», Аскида давалъ Юстиніану средство, и легкое и православное, разсѣять недовѣріе монофизитовъ къ Халкидонскому собору: «обновленный и очищенный этимъ путемъ—говорилъ онъ—соборъ будетъ признанъ всѣми и во всемъ; и стараніями вашего благочестія еретики возвратятся въ лоно каѳолической церкви, вселенская церковь возрадуется, а ваше милосердіе пріобрѣтетъ себѣ этимъ вѣчную славу» [5].

Это былъ какъ разъ тотъ моментъ, когда монофизитская церковь, при содѣйствіи Ѳеодоры, заканчивала свое возстановленіе. Епископы секты, укрывавшіеся въ Константинополѣ, тайно посвятили въ епископа Едесскаго, съ властью, простирающеюся на всю Сирію и Азію, любимца императрицы монаха Іакова Барадея [6] (543 г.). Этотъ че-

1. Ср. *Diekamp*, Die origenistischen Streitigkeiten im VI Jahrh., Munster, 1899 и *Knecht*, loc. cit., 118—125.
2. *Duchesne*, Vigile et Pélage, стр. 391.
3. *Evagr.*, 4. 38; *Liber.*, Brev., 24.
4. *Liberatus*, Brev., 24.
5. *Liberatus*, 24.
6. *Ioan. Ephes.*, Comm., 160. Reginae fidelis auctoritate et impulsu.

ловѣкъ, мужественный, энергичный, строгій, «быстрый, говоритъ одинъ историкъ, какъ второй Азаилъ [1]», готовился въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ вернуть монофизитамъ все могущество ихъ на Востокѣ. Берясь за дѣло, которое вели въ азіатскихъ провинціяхъ сначала Іоаннъ Телльскій, а въ послѣднее время Іоаннъ Египтянинъ [2], онъ обошелъ, «часто скрываясь подъ одѣяніемъ нищаго [3]», Сирію, Арменію, Каппадокію, Киликію, Исаврію, Памфилію, Азію и острова Родосъ, Кипръ, Хіосъ и Митилену [4], проповѣдуя и наставляя, поставляя священниковъ для новыхъ общинъ, организуя церковные округа и поставляя въ нихъ епископовъ [5]. Тщетно православные архіереи, перепуганные волненіемъ, которое вызывало это апостольство, старались добиться ареста Іакова; тщетно самъ Юстиніанъ назначилъ цѣну за его голову [6]: святой разрушалъ всѣ козни своихъ преслѣдователей и продолжалъ идти «правымъ путемъ» [7]. Онъ появлялся то въ Константинополѣ, то въ Азіи, то въ Александріи, странствуя всегда пѣшкомъ, ведя постоянно жизнь аскета, но всегда неутомимый и неуловимый. Съ дозволенія патріарха Ѳеодосія онъ заставилъ египетскихъ епископовъ посвятить двоихъ изъ своихъ сотоварищей въ епископы, одного въ Тарсъ, а другого въ Селевкію Исаврійскую [8], а затѣмъ при ихъ содѣйствіи поставилъ другихъ епископовъ для Лаодикеи, Коннесрина, Селевкіи Сирійской, Гарраха, Дары и Амиды; двѣнадцать епископовъ были назначены въ Египтѣ и въ Ѳиваидѣ; другимъ были поручены діоцезы въ Смирнѣ, Пергамѣ, Траллѣ, Хіоссѣ, Афродизіассѣ, Алабандѣ и въ Ефессѣ. Въ этомъ послѣднемъ епископская каѳедра была предоставлена знаменитому Іоанну Азійскому, пользовавшемуся, не смотря на свои еретическія воззрѣнія, большимъ уваженіемъ самого императора [9]. Наконецъ въ 550 году Іаковъ Барадей поставилъ антіохійскаго патріарха Павла [10]. Такимъ образомъ была основана новая монофизитская церковь, которая по имени своего великаго учредителя сохранила съ тѣхъ поръ названіе я к о в и т с к о й.

1. *Bar.-Hebr.*, Chron. eccl., I, 218.
2. *Ioan. Efes.*, Comm., 110—113. 115—117. Ср. *Kleyn*, loc. cit., 50—52.
3. *Bar.-Hebr.*, loc. cit., I, 218.
4. *Ioan. Efes.*, Comm., 103, ср. 160.
5. Id., 160, 163—164. Ср. *Kleyn*, 53—57.
6. *Ioann. Efes.*, 161.
7. Id., 161.
8. Id., 163.
9. Id., 163, 164. Ср. *Kleyn*, loc. cit., 57—61.
10. *Ioan. Efes.*, Hist. eccl., IV, 15.

Двадцать семь посвященныхъ епископовъ, болѣе 100,000 рукоположенныхъ священниковъ и діаконовъ [1] краснорѣчиво свидѣтельствовали о дѣятельности Іакова Барадея и, не смотря на преслѣдованія, его дѣлу предстояло непрерывно рости и перейти даже за предѣлы имперіи [2]. Θеодора, которая еще до своей смерти (548 г.) видѣла его почти завершеннымъ, могла порадоваться успѣху своей религіозной политики и не трудно понять, что неожиданное возрожденіе секты съ 543 года не осталось безъ вліянія на волю Юстиніана.

При такихъ условіяхъ императоръ легко поддался убѣдительнымъ внушеніямъ Θеодора Аскиды; его давнишняя мечта о единеніи, теперь болѣе чѣмъ когда-либо необходимомъ для блага Церкви и безопасности государства, казалась ему наканунѣ своего осуществленія. Пелагія, возвратившагося въ Римъ, уже болѣе не было для поддержанія его въ православной традиціи, тогда какъ непосредственное вліяніе Θеодоры, всецѣло преданной проекту соглашенія, который былъ благопріятенъ для ея друзей, происки монофизитовъ, которые всѣ, даже непримиримые, были рады видѣть скомпрометированнымъ авторитетъ Халкидонскаго собора [3],—все толкало его къ формулѣ единенія. Удовольствіе поразсуждать о богословскихъ предметахъ являлось сверхъ того лишней приманкой для государя: такимъ образомъ не представлялось никакого труда подвинуть его на то, чтобы лично ввязаться въ это дѣло [4]. По всѣмъ этимъ мотивамъ появился въ 543 году, первый эдиктъ, объявлявшій анаθему противъ «Трехъ Главъ»: имъ началась та долгая и скандальная борьба, въ которой долженъ былъ обнаружиться, болѣе чѣмъ въ какихъ-либо иныхъ обстоятельствахъ, абсолютизмъ Юстиніана и его притязаніе управлять Церковью по своему произволу.

---

1. *Ioan. Efес.*, Comm., 162—164.

2. Въ 550 году онъ учредилъ монофизитскую митрополію для Персіи (*Bar.-Hebr.*, Chron. eccl., II, 100—102). См. о дѣлѣ Іакова *Kleyn*, loc. cit., 62—71. Іоаннъ Ефесскій говоритъ о немъ (Comm., 162): veluti flumina magna sacerdotii in omne regnum romanum effudit, а его анонимный біографъ (Vita, въ Comm., 203) выражается такъ: nisi Deus ecclasiae suae misertus (eum) suscitasset, ecclesia persecutione nefanda Dyophysitarum pessumdata fuisset.

3. *Facundus*, Defensio, II, 1; IV, 3.

4. *Liber.*, Brev., 24.

III.

Какъ извѣстно, въ теченіе всего своего царствованія, Юстиніанъ присваивалъ себѣ право самодержавно распоряжаться дѣлами Церкви, «интересы коей, — говорилъ онъ, — ему были не менѣе дороги, чѣмъ собственная жизнь» [1]. Съ самаго начала царствованія онъ безпрестанно регламентировалъ, путемъ мелочного законодательства, мельчайшія детали церковной дисциплины, посредствомъ указовъ онъ передѣлывалъ и измѣнялъ по произволу границы епархій и іерархію церковныхъ сановниковъ [2], учреждалъ по своему усмотрѣнію новыя епархіи, раздавалъ омофоры епископамъ и предоставлялъ къ услугамъ ненависти православныхъ и каноническихъ осужденій всю силу свѣтской власти. Но еще ближе, чѣмъ церковную дисциплину, онъ принималъ къ сердцу самое вѣроученіе и ради установленія послѣдняго его несокрушимая вѣра и абсолютизмъ уже ничѣмъ не стѣснялись, не останавливаясь ни предъ какими соображеніями. Хотя Юстиніанъ, въ 535 году, чрезвычайно ясно разграничилъ «священство отъ государства, одно, — имѣющее своимъ попеченіемъ предметы божественные, другое—заботящееся о вещахъ человѣческихъ» [3], тѣмъ не менѣе, по старой императорской традиціи, онъ имѣлъ притязаніе созывать соборы, опредѣлять имъ ихъ задачи, намѣчать предѣлы, которыми должны ограничиваться ихъ пренія, наблюдать лично или чрезъ своихъ уполномоченныхъ за ходомъ разсужденій, санкціонировать эдиктами рѣшенія отцовъ церкви, при чемъ эти рѣшенія лишь въ томъ случаѣ становились обязательными, если императорская воля превращала ихъ въ государственный законъ [4]; наконецъ, онъ присваивалъ себѣ право измѣнять или отмѣнять каноны въ силу того, что одинъ актъ императорской власти можетъ уничтожить то, что установлено другимъ таковымъ же актомъ [5]. И прямо, въ глаза папѣ, патріархамъ, епископамъ, Юстиніанъ называлъ себя учителемъ церкви, непогрѣшимымъ толковникомъ священнаго писанія, и составлялъ изложенія вѣры, меча анаѳемы то противъ Оригена, то противъ «Трехъ Главъ», а церковь, въ особенности восточная, не протестуя, признавала эти притязанія и эти узурпаціи [6]. На-

1. Nov. 57, epil.
2. Nov. 11; 131.
3. Nov. 6, praef.
4. Nov. 131, 1.
5. Ср. *Knecht*, loc. cit., 66 и сл.
6. *Gasquet*, De l'autorité impériale en matière de religion, 155.

тріархъ Мена формально объявлялъ епископамъ собора 536 года, что «ничего не должно дѣлаться въ Святѣйшей Церкви вопреки мнѣнію и приказаніямъ императора» [1], и что всякое новое предложеніе, вносимое на обсужденіе собора, подлежитъ предварительному разсмотрѣнію государя. Гражданскіе чиновники безпрестанно вмѣшивались въ религіозныя разсужденія: одинъ императорскій министръ предсѣдательствовалъ на совѣщаніи 533 года; въ собраніяхъ 536 и 553 годовъ придворные сановники на каждомъ засѣданіи выступали съ своими заявленіями, играя роль посредниковъ. Первое засѣданіе собора 553 г. открылось чтеніемъ длиннаго императорскаго посланія, опредѣлявшаго предметъ преній, внушавшаго порядокъ, которому надлежало слѣдовать Отцамъ и указывавшаго имъ поведеніе, котораго они должны держаться, а также ихъ обязанности, причемъ рекомендовалось дѣйствовать «какъ приличествуетъ священникамъ, которые носятъ въ сердцѣ страхъ Божій и память страшнаго суда, и которые должны жертвовать всѣмъ для благочестія, истинной вѣры и правды, въ честь и славу Божію» [2]. Между дворцомъ и соборомъ происходили постоянныя сношенія, непрестанныя снованія туда и сюда посланныхъ и сановниковъ, а иногда даже и самъ императоръ благоволилъ появляться лично. Такъ Юстиніанъ предсѣдательствовалъ на послѣднемъ засѣданіи совѣщанія 533 года и назидалъ всѣхъ присутствовавшихъ своимъ краснорѣчіемъ и апостольскою благодатью своего слова [3].

Легко понять вредъ такихъ черезъ-чуръ интимныхъ отношеній и какъ было опасно для Церкви заявлять, какъ это дѣлали византійскіе богословы, «что волею Божею императоръ предназначенъ управлять міромъ, какъ глазъ данъ тѣлу, чтобы направлять его, и что императоръ имѣетъ надобность только въ Богѣ, и между Богомъ и имъ не существуетъ посредника» [4]. Несомнѣнно Церковь находила выгоду въ этомъ могущественномъ и непрестанномъ покровительствѣ; но когда она по собственному побужденію требовала вмѣшательства свѣтской власти, когда она громко взывала къ этой власти о наказаніи еретиковъ, отрѣшеніи, либо заточеніи схизматическихъ епископовъ, она слишкомъ забывала, что неограниченный государь можетъ въ одинъ

1. *Labbe*, V, 61.
2. Id., V, 424.
3. Id., IV, 1777.
4. P. G., 86, 1178 (Can. 45), 1183 (Can. 63).

прекрасный день обратить противъ нее самой эти опасные совѣты, что, признавая за нимъ безспорную власть надъ духовными лицами, сама Церковь подвергалась императорскому произволу и что можетъ наступить день, когда станетъ яснымъ, сколько податливости и послушанія отъ Церкви потребуетъ императоръ, взамѣнъ милостей, которыя онъ ей оказывалъ.

Юстиніанъ хорошо далъ почувствовать это. Сильный императорскимъ правомъ, которое онъ себѣ присваивалъ и которое сама Церковь за нимъ признавала, онъ безпощадно обходился со всякимъ, кто имѣлъ дерзость противиться его волѣ. Въ отношеніи православныхъ, которые отказывались подчиняться его богословскимъ фантазіямъ или даже приспособляться къ цѣлямъ его религіозной политики, онъ выказывалъ ту же властную суровость, ту же жестокость, которыя примѣнялъ къ еретикамъ. Незаконное низложеніе епископовъ, насильственное и противъ желанія вѣрныхъ водвореніе архіереевъ, аресты, заключенія и ссылки въ отдаленныя мѣста священниковъ, подавленіе сопротивленія посредствомъ угрозъ или подкуповъ, и даже пролитіе самой крови для доставленія торжества доктринѣ, одобренной базилевсомъ,—таковы были средства императорскаго абсолютизма и таковъ способъ пользованія Юстиніаномъ своими прерогативами въ области религіи. Самыя непреклонныя головы должны были либо склониться, либо подвергнуться преслѣдованію; даже папы испытали на себѣ всю жестокость произвола монарха. «Держись моего мнѣнія, говорилъ государь Агапиту, или я тебя сошлю»[1]. То, что было лишь мимолетной угрозой, стало дѣйствительностью для преемниковъ Агапита: Сильверій, предательски схваченный, беззаконно низложенный, таскаемый изъ одного мѣста ссылки въ другое, осыпаемый оскорбленіями и непріятностями, умеръ въ нищетѣ на островѣ Тирренскаго моря, принужденный ѣсть «хлѣбъ скорби» и пить «воду томленія»[2]. Вигилій, въ свою очередь, а съ нимъ и вся западная Церковь, должны были увидѣть въ дѣлѣ о «Трехъ Главахъ», какъ понималъ Юстиніанъ управленіе церковными дѣлами.

Нѣтъ надобности разсказывать здѣсь всѣ эпизоды этого продолжительнаго спора, который въ теченіи десяти лѣтъ,

1. Lib. pont. 287.
2. Id., 293.

съ 544 по 554 годъ, глубоко волновалъ имперію и Церковь и оставилъ по себѣ долгія и печальныя послѣдствія. Для насъ достаточно будетъ отмѣтить наиболѣе характерныя черты этой прискорбной исторіи,—черты, въ которыхъ яснѣе всего выступаютъ руководящія идеи религіозной политики Юстиніана [1].

Тотчасъ по обнародованіи императорскаго эдикта о «Трехъ Главахъ» стали озабочиваться полученіемъ согласія на него іерарховъ Церкви. Не смотря на нѣкоторыя колебанія и кой-какія противорѣчія, восточные патріархи уступили приказаніямъ и угрозамъ императора, который грозилъ низложеніемъ въ случаѣ сопротивленія [2]; оставалось только заполучить подпись римскаго папы. Вилигій совсѣмъ не казался человѣкомъ, способнымъ возстать противъ воли дворца; но была извѣстна глубокая преданность всего Запада дѣлу Халкидонскаго собора и предвидѣли, что въ римской средѣ, находясь подъ вліяніемъ Пелагія и окруженный духовенствомъ, весьма недовѣрчиво относящимся къ греческимъ богословамъ, папа долженъ обнаружить менѣе податливости и покорности. Поэтому, чтобы имѣть его у себя подъ рукой, Юстиніанъ велѣлъ пригласить Вигилія прибыть въ Константинополь. Императорскій секретарь, на котораго было возложено это порученіе, грубо, съ отрядомъ солдатъ, захватилъ папу въ церкви Св. Цециліи въ Транстеверѣ и немедленно отправилъ его подъ конвоемъ [3] (въ ноябрѣ 545 года).

Но, покинувъ Римъ, Вигилій,—безъ сомнѣнія не желавшій ввязываться въ «богословское осиное гнѣздо» [4] Трехъ Главъ, опасаясь быть-можетъ также злобы императрицы, надежды которой онъ такъ плохо оправдалъ,—пробылъ въ теченіи многихъ мѣсяцевъ въ Сиракузахъ и только въ началѣ 547 года появился въ Византіи при томъ совсѣмъ не въ томъ настроеніи, которое ожидалъ отъ него Юстиніанъ. Многочисленныя демонстраціи, которыми епископаты Италіи, Сардиніи, Африки и Иллирика свидѣтельствовали свое сочувствіе «Тремъ Главамъ» [5], просьбы церквей, умолявшихъ его стать на защиту православія, оппозиція, которая

1. Обстоятельная исторія этой борьбы со всею подобающею подробностью и притомъ мастерски изложена въ соч. *Duchesne*, Vigile et Pélage, Rev. des Questions hist., 1884. II стр. 369).

2. *Facundus*, Defensio, IV, 4.

3. Lib. pont., 297.

4. *Duchesne*, loc. cit, стр. 382.

5. *Facundus*, loc. cit., IV, 3. Ср. мою книгу Afrique byzantine, 434—438.

обнаруживалась въ самомъ Константинополѣ противъ сторонниковъ императорскаго эдикта,—все это вмѣстѣ придало ему бодрость: не взирая на просьбы императора, онъ отказался войти въ общеніе съ патріархомъ Меной и торжественно отлучилъ его и его сторонниковъ отъ Церкви. Однако, вскорѣ Вигилій сталъ мягче. Уступая настойчивости императора, энергичной волѣ Ѳеодоры и предупредительности придворныхъ богослововъ, онъ призналъ возможнымъ предать анаѳемѣ «Три Главы». Въ угоду императрицѣ онъ съ іюля мѣсяца примирился съ патріархомъ [1] и затѣмъ сдѣлалъ еще шагъ дальше. Несомнѣнно, что, не взирая на угрозы, онъ съ непреклоннымъ упорствомъ отказывался подписать императорскій эдиктъ, считая, что преемникъ Св. Петра не можетъ ограничивать свою роль простымъ утвержденіемъ сентенцій, которыя монархъ высказываетъ по предметамъ вѣры,—но онъ формально обязался въ присутствіи Юстиніана, его министровъ и нѣсколькихъ епископовъ осудить «Три Главы» [2]; и въ качествѣ залога своего обѣщанія онъ вручилъ императору и императрицѣ двѣ объ-

123. Византійская капитель въ ц. св. Димитрія въ Солоникахъ.

1. *Ѳеофанъ*, 225.

2. *Labbe*, V, 549.

яснительныя записки за собственноручною подписью. Какъ онъ заявлялъ впослѣдствіи, онъ дѣйствовалъ такъ «дабы избѣжать всякаго скандала, успокоить умы и найти выходъ изъ очень серьезнаго положенія»[1]; онъ льстилъ себя также надеждою, что сможетъ найти такую удачную комбинацію, которая, не подрывая авторитета Халкидонскаго собора, дастъ удовлетвореніе Юстиніану. Наконецъ его увлекала мысль подчинить суду апостольскаго престола дѣло, обсужденное уже восточными патріархами и самимъ императоромъ, и, разъ рѣшившись, онъ твердо, даже грубо, заградилъ уста для всякихъ возраженій со стороны своихъ окружающихъ. Наканунѣ Пасхи 548 года онъ обнародовалъ свой Judicatum, который, сохраняя вполнѣ съ формальной стороны авторитетъ канóновъ 450 года, осуждалъ съ неменьшею опредѣленностью личности и сочиненія Θеодора, Ивы и Θеодорита[2]. Это было послѣднимъ торжествомъ Θеодоры; наканунѣ своей смерти, видя униженіе папы и возрастающіе успѣхи монофизитской церкви, она могла вѣрить, что мечта ея религіозной политики осуществилась.

124. Византійская капитель въ ц. св. Димитрія въ Салоникахъ.

1. P. L., 69, 60.

2. Ср. *Duchesne*, loc. cit., 400—405.

По всеобщему негодованію, съ которымъ на всемъ западѣ былъ принятъ папскій приговоръ, по брани, которою былъ покрытъ «злополучный Judicatum»[1] и его авторъ, несчастный папа скоро понялъ, что ошибся въ разсчетахъ[2]. Африканскіе епископы, собравшись въ 550 году на генеральный соборъ, отлучили его отъ вселенской церкви; подобно Африкѣ протестовали Далмація и Иллирія. Посыпались оскорбляющіе папу памфлеты, высмѣивающіе пошлость и продажность восточнаго духовенства, забрасывающіе грязью даже самого императора. Тщетно Вигилій отвѣчалъ на анаѳему своихъ противниковъ анаѳемой; тщетно, для успокоенія этого волненія и чтобы снять съ себя также отвѣтственность, онъ умолялъ императора положить конецъ спору путемъ вселенскаго собора: папа былъ теперь не болѣе, какъ плѣнникомъ и игрушкой Юстиніана. Правда, ему позволили взять назадъ Judicatum (въ апрѣлѣ 550 г.); но эта кажущаяся уступка была получена цѣною новаго униженія: Вигилій долженъ былъ поклясться на гвоздяхъ, которыми былъ распятъ Спаситель, и на четырехъ евангеліяхъ, что онъ будетъ стараться за одно съ императоромъ и изо всѣхъ силъ способствовать провозглашенію анафемы противъ «Трехъ Главъ»[3], но клятва эта, въ видахъ безопастности папы и впредь до особаго приказанія, должна была храниться въ тайнѣ. Ему обѣщали сверхъ того созвать соборъ, но вскорѣ, подъ вліяніемъ Аскиды, Юстиніанъ нашелъ такой способъ дѣйствія слишкомъ длиннымъ, безполезнымъ и опаснымъ. Къ тому же, видя, что монофизиты весьма медлятъ возсоединяться съ православными, онъ собственною властью новымъ эдиктомъ отъ 551 года взялъ на себя вторично осудить «Три Главы». Въ то же время одна за другой слѣдовали суровыя мѣры. Высшія власти африканскаго епископата, будучи вытребованы въ Константинополь, были обрабатываемы: посредствомъ искуснаго соединенія ласокъ и угрозъ, путемъ осужденій, ссылокъ а также подкуповъ, надѣялись сломить ихъ сопротивленіе[4]. Въ самомъ Карѳагенѣ, не обращая вниманія на духовенство и народъ, силою поставили новаго епископа, которому было поручено быть въ Африкѣ исполнителемъ императорской воли; гражданская

1. *Facundus*. Adv. Mocianum (P. L., 67, 868).

2. Ср. мою Afrique byzantine, стр. 437—439.

3. *Mansi*, IX, 365.

4. Ср. мою Afrique byzantine 440—441.

власть, чтобы навязать архіерея по своему выбору, не побоялась проливать кровь даже въ церкви и дѣйствовала не менѣе энергично въ цѣляхъ прінсканія среди латинскаго епископата людей, либо покорныхъ, либо угодливыхъ велѣніямъ императора[1]. Затѣмъ, въ виду того, что крайне возмущенный Вигилій протестовалъ противъ эдикта и, опираясь на поддержку возвратившагося къ нему Пелагія, прервалъ всякія сношенія съ патріархомъ Меной, исключилъ изъ своего общенія Θеодора Аскиду и упорно продолжалъ требовать созванія собора,—Юстиніанъ рѣшился съ нимъ покончить.

Въ Августѣ 551 года папа, не чувствуя себя болѣе въ безопасности въ Плацидіанскомъ дворцѣ, отправился искать убѣжища въ церкви Св. Петра въ Гормиздѣ; императоръ далъ приказъ его тамъ арестовать. Преторъ съ отрядомъ солдатъ вторгается въ базилику, при чемъ окружающихъ папу клириковъ стали грубо выталкивать изъ священнаго убѣжища; когда же Вигилій ухватился за колонны престола, то на него набросились, схватили за ноги и за бороду, и борьба длилась до тѣхъ поръ, пока не обрушился престолъ и едва не задавилъ папу. Сбѣжавшаяся толпа, при видѣ этой возмутительной сцены, стала въ ужасѣ кричать; сами солдаты не рѣшились довершить свое дѣло и преторъ былъ вынужденъ отретироваться[2], такимъ образомъ ударъ не удался. Но вскорѣ, не смотря на торжественныя клятвы, которыми Юстиніанъ, чтобы извлечь папу изъ его убѣжища, гарантировалъ его безопасность, насилія возобновились и Плацидіанскій дворецъ превратился затѣмъ въ настоящую тюрьму[3]. Окруженный шпіонами, опасаясь за свою свободу и жизнь, вспомнивъ въ этотъ торжественный часъ, какъ Юстиніанъ обошелся съ Сильверіемъ, Вигилій рѣшился бѣжать. 23 Декабря 551 года, тёмною ночью, онъ ускользнулъ съ нѣсколькими приближенными изъ Плацидіанскаго дворца и отправился искать убѣжища въ церкви Св. Евфиміи, въ Халкидонѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ засѣдалъ соборъ, за который Вигилій терпѣлъ теперь мученичество[4].

Смущеніе въ Константинополѣ было очень велико, когда стало извѣстно отчаянное положеніе, въ которое поставила папу императорская тиранія; но оно еще болѣе усилилось, когда въ Византіи извѣстіе объ этомъ разнеслось на Западѣ[5].

1. Cp. Afrique byzantine, 441—444.
2. P. L., 69, 55 и 117.
3. Id 69, 56, 117.
4. P. L., 56.
5. Id. 114 и сл.

и когда Вигилій, громоносной энцикликой отъ 9 февраля 552 года, повѣдалъ христіанскому міру о насиліяхъ и преслѣдованіяхъ, жертвой которыхъ онъ былъ [1]. Юстиніанъ понялъ, что борьба, доведенная до крайности, становилась опасной, поэтому онъ началъ переговоры. Самые высшіе придворные сановники, съ Велизаріемъ во главѣ, въ качествѣ посольства отправились въ церковь Св. Евфиміи съ предложеніемъ всякихъ гарантій, давая всевозможныя клятвы лишь бы папа согласился вернуться въ столицу. Вигилій слишкомъ хорошо зналъ цѣну этихъ обѣщаній. Тогда императоръ снова пришелъ въ раздраженіе, послѣдствіемъ чего была новая попытка нанести рѣшительный ударъ папѣ въ убѣжищѣ Св. Евфиміи [2]; но, такъ какъ ничто не могло поколебать твердости Вигилія, ни насилія, ни нищета, ни болѣзнь, ни смерть нѣкоторыхъ изъ его приближенныхъ [3], и въ эту минуту крайней опасности онъ явилъ непоколебимое мужество, то императоръ возобновилъ переговоры. Онъ приказалъ своимъ епископамъ извиниться передъ папой и, вернувъ его въ Константинополь посредствомъ этого внѣшняго удовлетворенія, онъ снова выдвинулъ идею собора; однако, дабы имѣть его въ своихъ рукахъ, онъ требовалъ, чтобы это собраніе происходило въ Византіи. Онъ хотѣлъ, чтобы западный епископатъ на немъ былъ не многочисленъ, опасаясь, что присутствіе латинскихъ епископовъ сдѣлаетъ Вигилія менѣе податливымъ на осужденіе «Трехъ Главъ». Понятно, что на такихъ основаніяхъ нельзя было придти къ какому-либо соглашенію, а потому когда, послѣ многихъ препятствій, соборъ наконецъ открылся 5 мая 553 года въ Св. Софіи, только нѣсколько африканскихъ прелатовъ, тщательно подобранныхъ изъ числа невѣжественныхъ или подобострастныхъ людей, оказались единственными представителями, среди греческихъ архіереевъ, западнаго епископата; папа же со своею свитою на отрѣзъ отказался принять участіе въ преніяхъ. Тщетно отправляли къ папѣ посольство за посольствомъ, чтобы склонить его прибыть для участія въ засѣданіи вмѣстѣ съ Отцами и сообщить ихъ рѣшенію санкцію своей апостольской власти. Вигилій отказался отъ всѣхъ предложеній и въ то время, какъ соборъ выполнялъ задачу, предписанную ему императоромъ, онъ, со своей стороны, 14 мая 553 года, издалъ свой приговоръ по спорному во-

1. P. L., 53 и сл.
2. *Mansi*, IX, 57.
3. P. L., 69, 53, 116.

ВОЗНЕСЕНІЕ.

Миніатюра Сирійской рукописи 586 года, хранящейся во Флоренціи.

просу. Въ этомъ Constitutum'ѣ онъ отрекался отъ ученія Ѳеодора Мопсуестскаго, по существу осужденнаго на Халкидонскомъ соборѣ, отказываясь однако предать анаѳемѣ его личность, такъ какъ и сами соборы всегда избѣгали осужденія умершихъ. Что же касается Ивы и Ѳеодорита, то папа утверждалъ, что Халкидонскій соборъ вовсе не высказался противъ нихъ, а потому неумѣстно что либо измѣнять въ его рѣшеніяхъ [1] и всѣ православные должны находить достаточнымъ то, чѣмъ удовольствовался соборъ [2]. Это было совсѣмъ не то, чего ожидалъ императоръ; поэтому онъ отказался признать рѣшеніе папы. «Если въ своемъ рѣшеніи, говорилъ онъ, ты осуждаешъ «Три Главы», то я не нуждаюсь въ этомъ новомъ писаніи, такъ какъ я имѣю отъ тебя много другихъ, содержащихъ подобныя же осужденія. Если же, наоборотъ, ты измѣнилъ въ этомъ писаніи свои прежнія заявленія, то ты самъ себя осудилъ [3]». По приказанію Юстиніана соборъ не принималъ болѣе въ соображеніе Constitutum'a Вигилія и останавливался лишь на документахъ, любезно сообщенныхъ ему императоромъ, въ которыхъ папа нѣкогда отказывался отъ «Трехъ Главъ». Чтобы угодить монарху, соборъ исключилъ Вигилія изъ церковныхъ диптиховъ и, наконецъ, 2-го іюня, осудивъ въ пространномъ декретѣ «Три Главы», разошелся [4].

125. Мозаика V вѣка въ церкви Панагія Αγγελόκτιστος близь Кити (на Кипрѣ).

Теперь оставалось только сломить упорство отдѣльныхъ лицъ; Юстиніанъ зналъ способъ какъ этого достигнуть. «Изъ диссидентовъ, разсказываетъ Либератъ, одни были смѣщены и отправлены въ ссылку; другіе, вынужденные скрываться, умерли въ нищетѣ [5]». Императоръ относился съ особою суровостью ко всѣмъ тѣмъ, кто способствовалъ под-

1. Coll. Avellana, 312.
2. Id., 317. Смотри полный текстъ Constitutum'a, ibid., 230—232
3. *Mansi*, IX, 349.
4. Ср. мою Afrique byzantine 444—445.
5. *Liber.*, Brev., 24.

держанію энергіи Вигилія: епископъ гадруметскій Примазій былъ заточенъ въ Студійскій монастырь; діаконъ Либератъ отправился въ ссылку въ Евхаитъ; другіе были сосланы въ Өиваиду; римскіе діаконы, и изъ нихъ первымъ Пелагій, были брошены въ темницу; то же грозило самому Вигилію и тогда, изолированный, утомленный безысходной борьбой, опасаясь какъ-бы во вновь завоеванномъ Римѣ ему не назначили преемника, онъ наконецъ уступилъ и подалъ второй Constitutum (въ февралѣ 554 года), въ которомъ согласился на осужденіе «Трехъ Главъ» и утвердилъ рѣшенія Константинопольскаго собора [1].

Сломивъ сопротивленіе въ Византіи, Юстиніанъ занялся провинціями. Въ Африкѣ волненіе было чрезвычайно велико; здѣсь отказывались повиноваться собору и торжественно отлучали «измѣнника» Вигилія [2]. Чтобы покончить съ этой оппозиціей, императоръ отдалъ энергическія приказанія; пытки, тюрьма, ссылка—стали въ рукахъ императорскихъ агентовъ дѣйствительными средствами убѣжденія [3]. По обыкновенію, къ этимъ насиліямъ присоединили умѣлую раздачу милостей и ловкіе переговоры; и мало по малу, за исключеніемъ безплоднаго и единичнаго сопротивленія нѣкоторыхъ непримиримыхъ, спокойствіе въ провинціи водворилось. Отрѣшеніе епископа салонскаго, митрополита Далмаціи, точно также положило конецъ оппозиціи въ Иллиріи. Съ Италіей дѣло было болѣе сложно. Вигилій, на котораго императоръ разсчитывалъ для привлеченія диссидентовъ, въ 555 году умеръ, прежде чѣмъ ему удалось добраться до своего епископскаго города. На его мѣсто, на римскую каѳедру Юстиніанъ возвелъ Пелагія; но чтобы стать папой, прежній совѣтникъ Вигилія, энергичный защитникъ «Трехъ Главъ», долженъ былъ рѣшиться осудить то, что онъ такъ доблестно поддерживалъ. Эта неожиданная измѣна имѣла очень плачевныя послѣдствія; вся верхняя Италія, руководимая митрополитами миланскимъ и аквилейскимъ, рѣшительно отказалась имѣть общеніе съ человѣкомъ, который отказался отъ «Трехъ Главъ» и, несмотря на попытки Пелагія направить на упорствующихъ свѣтскую власть, не смотря на усилія его преемниковъ, расколъ затянулся на многіе годы и окончательно прекратился лишь въ концѣ VII вѣка.

1. Cp. Afrique byzantine, 445—446.
2. *Vict. Tonn.*, a. 557.
3. *Vict. Tonn.*, a. 552—556. Cp. Afrique byzantine, 446—448.

Что-же въ итогѣ получилось отъ этой долгой распри изъ за «Трехъ Главъ?» Римская церковь была глубоко оскорблена и унижена; ея представители, подвергаясь насиліямъ и обидамъ, были принуждены противорѣчить самимъ себѣ и отмѣнять свои рѣшенія; въ западной церкви были посѣяны сѣмена пагубныхъ раздоровъ и нескончаемыхъ расколовъ, и для приведенія къ покорности знаменитыхъ церквей оказалось нужнымъ пустить въ ходъ преслѣдованія. Достигли-ли, по крайней мѣрѣ, этой цѣной тѣхъ результатовъ, къ которымъ стремилась религіозная политика императора? Жестоко оскорбляя православныхъ, склонили-ли, по крайней мѣрѣ, монофизитовъ на свою сторону и умиротворили-ли Востокъ? Хотя смерть Θеодоры была для дѣла монофизитовъ весьма чувствительнымъ ударомъ и ихъ противники пробовали воспользоваться этимъ событіемъ, чтобы возбудить противъ упрямыхъ еретиковъ властную душу и религіозную ненависть Юстиніана [1],—диссиденты отказывались отъ всякаго примиренія. Напрасно императоръ, «желавшій, говоритъ Іоаннъ Ефесскій, по всѣмъ пунктамъ быть послушнымъ волѣ своей умершей жены» [2], чтобы склонить ихъ къ примиренію, то и дѣло устраивалъ бесѣды и совѣщанія съ ними: всѣ его попытки остались безполезными [3]. «Юстиніанъ, говоритъ Леонтій Византійскій, видя что изъ за Ивы и Θеодорита диссиденты отвергаютъ Халкиданскій соборъ, думалъ, что, предавъ анаθемѣ этихъ двухъ учителей, онъ побудитъ еретиковъ признать соборъ; ради этого онъ приказалъ произнести противъ нихъ анаθему, дабы осуществить соединеніе всѣхъ христіанъ. Но даже и этою цѣною диссиденты не согласились признать собора [4]». Все это огромное богословское усиліе, вся масса той жестокости и произвола, которыми Юстиніанъ унизилъ Церковь и привелъ ее въ подчиненіе своей волѣ,—все это не привело ни къ чему и императорскій абсолютизмъ довелъ раздраженіе противниковъ до того, что у нихъ стали срываться рѣзкія осужденія. Факундъ опредѣленно говоритъ, что «одинъ Христосъ есть царь и священникъ [5]» и что императоръ долженъ «исполнять каноны церкви, но отнюдь не устанавливать ихъ, либо преступать [6]».

1. *Іоан. Ефес.*, Comm., 157; Hist. (Въ Comm., 246).
2. Id., Hist., 248.
3. Id., Hist., 246—247, 248.
4. P. G., 86, 1238.
5. P. L., 67, 841.
6. Id., 838.

IV

Однако, таково именно было притязаніе императора до конца жизни и притомъ не иключительно только по политическимъ соображеніямъ; онъ любилъ теологію, самое по себѣ. Съ первыхъ лѣтъ своего царствованія онъ боролся въ Римѣ съ монахами-ацеметами, заподозрѣнными въ несторіанствѣ и добился отъ папы Іоанна II ихъ осужденія [1]. Въ своемъ постоянномъ желаніи примирить монофизитовъ, онъ пристрастился къ теопасхитской формулѣ и до тѣхъ поръ не имѣлъ покоя, пока не достигъ ея одобренія со стороны папскаго престола [2]. Позднѣе онъ опровергалъ «нечестиваго» Оригена и «Три Главы» не только путемъ правительственныхъ эдиктовъ, напичканныхъ богословствованіемъ, но и посредствомъ настоящихъ полемическихъ сочиненій [3]. Какъ всѣ истинные теологи, онъ обожалъ словопренія и имѣлъ страсть убѣждать. Онъ любилъ писать и оставилъ послѣ себя безконечныя письма, имѣющія своимъ назначеніемъ отвѣтъ сторонникамъ «Трехъ Главъ», обличеніе заблужденія египетскихъ монофизитскихъ монаховъ, споръ съ патріархомъ александрійскимъ Зоиломъ [4]. Повидимому онъ весьма гордился своими сочиненіями [5]. Еще болѣе любилъ онъ устныя пренія; умѣя говорить красно, онъ доставлялъ себѣ удовольствіе блеснуть логикой своихъ доказательствъ, силой эрудиціи, краснорѣчіемъ [6] и полагалъ, не безъ нѣкоторой наивности, что не имѣлъ равнаго себѣ въ ученомъ искусствѣ состязанія [7]. Онъ также не упускалъ ни одного случая развернуть свой излюбленный талантъ, вступая въ пренія со всякимъ встрѣчнымъ, съ константинопольскими манихеями, обратить которыхъ онъ затѣялъ, держа, впрочемъ, въ запасѣ, въ качествѣ высшаго аргумента, костеръ [8]; съ александрійскими судохозяевами, которые привозили въ столицу хлѣбъ изъ

126. Обломокъ мозаики VI вѣка въ цер. Панагія Κανακαριά на Кипрѣ (по фотографіи г. Смирнова).

1. Ср. *Knecht*, loc. cit., 85—88.

2. *Hefele*, loc. cit., 3, 171, и *Knecht*, loc. cit., 88—89.

3. P. G., 86, 1042, 1103.

4. *Krumbacher*, Gesch. d. byz. Litt., 57—58.

5. На это онъ намекаетъ въ Nov. 32. Ср. *Liber.*, Brev. (P. L., 68, 993); *Facundus*, Defensio, II, 3.

6. Vita Eutychii (P. G., 86, 2314).

7. *Іоаннъ Ефес.*, Hist. (Comm., 249): rex et ipse in disputando exercitatus, qui ratus erat neminem episcoporum neque aliarum arte disputandi sibi parem esse.

8. *Іоаннъ Ефес.*, Hist. (R. Or. Chr., loc. cit., 481).

Египта и оказывались въ большомъ затрудненіи на богословскихъ собесѣдованіяхъ, куда онъ ихъ созывалъ[1]. Помѣрѣ того, какъ онъ старился, эта склонность у него превращалась въ настоящую манію; онъ проводилъ долгіе часы, цѣлыя ночи, въ разсужденіяхъ съ епископами[2]; все чаще сталъ устраивать пренія и бесѣды съ цѣлью убѣдить и примирить монофизитовъ[3] и даже наканунѣ своей смерти вызвалъ въ Константинополь шесть африканскихъ архіереевъ, упорствовавшихъ въ защитѣ «Трехъ Главъ» и старался ихъ переубѣдить[4].

Въ этомъ образѣ дѣйствій заключалась дѣйствительная опасность, если принять во вниманіе, что въ подобныхъ диспутахъ императоръ имѣлъ всегда въ видѣ высшихъ аргументовъ тюрьму, ссылку или костеръ, и если, съ другой стороны, припомнить, что это пристрастіе къ богословію, въ соединеніи съ постоянной охотой вводить новшества въ области религіи, побуждало его относиться съ особымъ самодовольствомъ къ своимъ нововведеніямъ. Это въ особенности сказалось, когда, въ концѣ своего царствованія, онъ открыто вдался въ ересь. Мучимый постоянно своимъ неизмѣннымъ желаніемъ обратить монофизитовъ, онъ высказался въ одномъ эдиктѣ за доктрину Incorrupticoles, исконныхъ противниковъ Севера и самыхъ непримиримыхъ изъ всѣхъ диссидентовъ[5] и, не озабочиваясь глубокимъ противорѣчіемъ между этимъ новымъ положеніемъ и прежними многочисленными изложеніями своей вѣры, онъ думалъ навязать принятый имъ догматъ православному духовенству Востока. Напрасно константинопольскій патріархъ Евтихій, заступившій въ 552 году мѣсто Мены и давшій императору многочисленныя доказательства своей покорности[6], пытался протествовать[7]; напрасно антіохійскій патріархъ Анастасій открыто опровергалъ императорскую ересь[8],—ничто не остановило Юстиніана. Снова, чтобы сломить сопроти-

1. *Іоаннъ Еф.*, Hist. (Comm., 249).

2. B. G., 400—410.

3. Одна такого рода бесѣда происходила въ 549—550 гг. (*Іоаннъ Ефес.*, Hist. (Comm., 246—247, 248), другая—въ 558 (*Іоаннъ Ефесскій*, Hist. (R. Or. Chr., 491 и Comm., 248). Еще одна въ 560 году, на которую онъ созвалъ въ Константинополь толпу грамматиковъ, адвокатовъ и монаховъ изъ Александріи. (*Іоан. Ефес.*, Hist. (R. Or. Chr. 491 и Comm., 249).

4. *Vict. Tonn.*, a. 565.

5. Объ этомъ довольно спорномъ пунктѣ см. *Knecht*, 140—141.

6. *Evagr.*, 4, 38. Впрочемъ, онъ считался благосклоннымъ къ умѣреннымъ монофизитамъ школы Севера и Ѳеодосія (*Іоаннъ Никіусскій*, 519).

7. Vita Eutychii (P. G., 86, 2318).

8. *Evagr.*, 4, 39—40.

вленіе епископовъ, употребилъ онъ силу. Евтихій былъ арестованъ въ алтарѣ у престола въ занятомъ силою патріархатѣ, подобно тому, какъ нѣкогда Вигилій въ церкви св. Петра [1]; его клирики были подвергнуты заключенію и былъ моментъ, когда онъ самъ считалъ свою жизнь въ опасности. Заключенный въ монастырь, онъ, не взирая на всѣ свои протесты, былъ низложенъ соборомъ, отправленъ подъ крѣпкой стражей на островъ Принкипо и наконецъ сосланъ въ Амазію. Такая же участь должна была постигнуть епископа антіохійскаго; его тоже Юстиніанъ уже приговорилъ къ ссылкѣ и на Востокѣ снова возобновились гоненія [2], какъ на счастье для спокойствія Церкви, которое должно было нарушиться преслѣдованіями, Юстиніанъ въ ноябрѣ 565 года умеръ. До послѣдняго дня вѣрный себѣ, онъ имѣлъ притязаніе предписывать Церкви свою волю и насильственно сокрушать всякую попытку сопротивленія; до послѣдняго дня онъ необыкновенно настойчиво преслѣдовалъ также различными и часто даже противорѣчивыми способами осуществленіе идеи единства, которая была вдохновительницей и господствующимъ началомъ всей его религіозной политики.

Если попробовать сдѣлать общую оцѣнку религіознаго дѣла Юстиніана, то слѣдуетъ признать, что, не смотря на похвальныя цѣли его политики соединенія, его власть въ области религіи проявлялась съ чрезвычайною нетерпимостью, суровостью, притѣсненіями, и что, не смотря на упорство его попытокъ, достигнутые результаты были ничтожны и плачевны. Къ счастью для памяти императора, въ его религіозномъ дѣлѣ было еще нѣчто другое. Эту любовь къ единству, которую онъ положилъ въ основу своихъ правительственныхъ идей, онъ не ограничивалъ одними предѣлами имперіи; подобно своему предшественнику Константину Великому, онъ считалъ себя отвѣтственнымъ и за вѣрованія всего міра. Подобно Константину, онъ присваивалъ себѣ священную миссію распространенія, путемъ широкой апостольской дѣятельности, христіанства по всей вселенной [3]. Отсюда возникли безчисленныя миссіи,—«новый элементъ, который сообщаетъ византійской политикѣ ея отличительный характеръ [4]»,—и которыя были однимъ изъ наиболѣе

1. Vita (P. G., 86, 2318—2319).

2. *Ioan. Efes.*, Comm., 135.

3. Ср. *Gasquet*, L'empire byzantin et la monarchie franque, 75, 40.

4. *Gasquet*, ibid., 75.

полезныхъ и дѣйствительныхъ орудій императорской дипломатіи временъ Юстиніана. Въ этомъ отношеніи ихъ гораздо правильнѣе относить къ исторіи дипломатическаго дѣла императора; но и при обсужденіи религіозной стороны его дѣятельности, ихъ также нельзя обойти; онѣ составляютъ одну изъ самыхъ блестящихъ ея сторонъ и незапятнанную славу Юстиніана.

ГЛАВА VIII.

Дипломатія.

Вокругъ Византійской имперіи, по всѣмъ ея границамъ, тѣснилась безпорядочная и нестройная масса народовъ, находившихся въ непрерывномъ движеніи, въ непрестанной работѣ политической формировки, и рѣзкія перемѣщенія и внезапныя движенія которыхъ представляли для имперіи постоянную опасность. Византійцы, какъ прежде римляне, обыкновенно обозначали эти народы общимъ именемъ **варваровъ**. Правда, въ числѣ этихъ народовъ находились въ VI вѣкѣ такіе, которые издревле организовались въ государства, напримѣръ Персія; другіе, въ позднѣйшую эпоху, подъ защитой римскихъ учрежденій, сложились въ правильные и постоянные организмы, таковы Вандалы, Вестготы, Остготы и Франки. Это не мѣшало Византійской имперіи продолжать считать себя единственнымъ центромъ политической жизни, единственнымъ благоустроеннымъ государствомъ, которое одно лишь обладало прочными и сильными административными учрежденіями. И въ извѣстномъ смыслѣ она не ошибалась. Среди тѣхъ мало однородныхъ элементовъ, которые безпрестанно то смѣшивались, то разсыпались, Византійская имперія дѣйствительно представляется единственнымъ опредѣленнымъ и устойчивымъ государствомъ; а ея реальная сила увеличивалась еще престижемъ римской традиціи, наслѣдіе коей она бережно сохранила. Въ виду этого вниманіе историка останавливается на нѣсколькихъ вопросахъ: какъ относилась Византія въ VI вѣкѣ къ этому сложному и смѣшанному варварскому міру? Какое дѣйствіе оказывала она на него,

127. Обломокъ мозаики VI в. въ церкви Панагія Канакарія на о. Кипрѣ (по фот. г. Смирнова).

какія опасности грозили ей отъ этого міра и какими способами она старалась устранить эти опасности? Словомъ, наконецъ, какова была въ отношеніи варваровъ политика Юстиніана?

I.

Въ своемъ притязаніи быть наслѣдникомъ Рима, въ стремленіяхъ ко всемірному владычеству, императоръ, какъ мы говорили, смотрѣлъ на себя, какъ на законнаго сюзерена и естественнаго государя всѣхъ варварскихъ королевствъ. Равнымъ образомъ и варварскіе короли, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые водворились на территоріи имперіи, какъ мы видѣли, считали себя не менѣе естественными представителями и вассалами императора. Но было еще нѣчто большее. Даже внѣ границъ древней римской имперіи, народы безъ противодѣйствія подчинялись властолюбивымъ видамъ Византіи: для внѣшнихъ варваровъ, такъ же какъ и для внутреннихъ, имперія имѣла огромное обаяніе и необыкновенное притяженіе. Далекіе отъ того, чтобы питать къ ней малѣйшую непріязнь, всѣ они имѣли одно желаніе: быть принятыми въ этомъ обществѣ, богатомъ, цвѣтущемъ, цивилизованномъ, гдѣ царили глубокій міръ и совершенная безопасность; гдѣ города полны великолѣпія, а поля плодоносны. Въ особенности Константинополь пользовался у этихъ наивныхъ душъ неслыханнымъ престижемъ: тѣ, которые въ немъ побывали, твердили своимъ братьямъ о его чудесахъ и сохраняли о немъ нѣчто вродѣ тоски по родинѣ; у тѣхъ, которыя наслушались разсказовъ о немъ, умъ былъ заполоненъ славой о богатствѣ и его великолѣпіи, а любовь къ приключеніямъ, либо надежда на обогащеніе, отовсюду влекли ихъ въ столицу монархіи. Конечно, не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что въ этихъ чувствахъ было много сильнаго желанія принять участіе въ весьма положительныхъ выгодахъ; что въ нихъ входила большая доля зависти и алчности, и несомнѣнно также слѣдуетъ признать, что варвары неоднократно пытались осуществить свои желанія насиліемъ, но замѣчательно, что гораздо чаще они старались проникнуть въ имперію мирными путями. Всѣ они наперерывъ спѣшили предложить императору свои услуги и свои силы, лишь бы имъ дали мѣсто въ арміи, позволили

бы водвориться въ качествѣ поселенцевъ на византійской территоріи. Бóльшаго они не просили въ увѣренности, что на этой привиллегированной землѣ, какой имъ представлялась имперія, они не могутъ не быть счастливыми. Они являлись не въ качествѣ враговъ, но смиренно прибѣгали къ благоволенію монарха, они умоляли принять ихъ услуги; съ почтительною алчностью протягивали они руки къ византійскимъ богатствамъ и почестямъ; съ наивнымъ усердіемъ соперничали они въ стараніяхъ заслужить милости императора. Изъ множества примѣровъ, можно указать на обращеніе къ Юстиніану обезсилившихъ преемниковъ Аттилы, на рѣчь пословъ нѣкогда столь страшныхъ гунновъ, а теперь, по смерти ихъ великаго вождя, совершенно дезорганизованныхъ. «Пастухи имѣютъ обычай брать отъ сосцовъ щенятъ, вскармливать ихъ и выращивать у себя. Взрослая собака помнитъ благодѣянія своихъ кормильцевъ и любитъ только ихъ, такъ что, когда волки нападаютъ на стадо, собаки вмѣстѣ съ пастухомъ защищаютъ и охраняютъ овчарню. Онѣ не строятъ козней стадамъ; онѣ никогда не вступаютъ противъ нихъ въ союзъ съ волками. Между тѣмъ, какъ въ твоемъ царствѣ, преисполненномъ столькихъ богатствъ, что умъ едва ихъ можетъ постичь, дѣло, какъ кажется, происходитъ совсѣмъ иначе... Въ то время, какъ мы съ трудомъ проживаемъ въ своихъ безплодныхъ пустыняхъ, ты отпускаешь Кутургурамъ хлѣбъ въ изобиліи; они свободно пользуются виномъ изъ подваловъ; ихъ принимаютъ въ обще-

128. Ангелъ изъ слоновой кости; часть диптиха (Британскій музей).

ственныя бани; эти бродяги покрыты золотомъ, одѣты въ легкія матеріи, вышитыя и затканныя золотомъ. А между тѣмъ они увели въ свое отечество тысячи римлянъ, они требовали отъ нихъ унизительныхъ обязанностей рабовъ. При малѣйшемъ проступкѣ, даже безъ причины, они ихъ подвергали бичеванію, иногда смерти и всяческимъ истязаніямъ, какія только жестокость можетъ внушить уму злыхъ господъ. Мы же, напротивъ, своими трудами и съ опасностью для себя освободили этихъ несчастныхъ, мы ихъ вернули ближнимъ. Вотъ наши услуги и услуги ихъ, но, какъ различно оплатили вы ихъ» [1]. Не трудно понять смыслъ апологіи: завидуя другъ другу, всегда готовые доносить одни на другихъ или воевать между собою, эти варвары имѣли одно единственное желаніе — своими услугами, вѣрностью и подобострастіемъ добиться милостей, которыя щедро расточалъ императоръ [2].

Изъ совпаденія императорскаго честолюбія и варварской алчности необходимо должны были возникнуть постоянныя отношенія. Особенно въ VI вѣкѣ, когда соприкосновеніе имперіи съ варварствомъ стало чаще и непосредственнѣе, когда напоръ варварскаго міра сталъ сильнѣе, а вслѣдствіе этого потребность въ защитѣ для все болѣе угрожаемой и ослабѣвшей имперіи — настоятельнѣе, внѣшняя политика естественно выступила на первый планъ въ ряду заботъ императора. Другого рода причины, коммерческія или религіозныя, еще болѣе увеличивали важность и интересъ этой дипломатической дѣятельности. Въ силу всего этого въ Византіи сложилась настоящая «наука управленія варварами» [3], практическіе пріемы которой нужно искать большей частью въ древне-римскихъ традиціяхъ, а потому прежде всего нужно познакомиться съ ихъ основными принципами.

II.

Противъ безпрестанной опасности варварскихъ вторженій одного оружія было уже не достаточно для защиты имперіи: его дополнили чудесами ловкости и дипломатическаго искусства. Изученіе міра варваровъ сдѣлалось одной изъ наиболѣе постоянныхъ заботъ политиковъ и импера-

1. B. G., 557—558.

2. Ср. *Gasquet*, L'empire byzantin et la monarchie franque, стр. 48—60.

3. *Gasquet*, loc. cit., стр. 71.

торскаго двора. О каждомъ изъ племенъ этого міра, о его нравахъ, силахъ, о раздѣляющихъ его междуусобныхъ раздорахъ, о торговыхъ сношеніяхъ, которыя съ нимъ можно поддерживать, о способахъ воздѣйствія на него, пользованія имъ или нейтрализаціи, тщательно собирались записи и свѣдѣнія. Знали какъ слѣдовало поступать, чтобы противопоставлять эти народы одинъ другому и держать ихъ такимъ образомъ, чтобы они подготовляли неудачи одни для другихъ; знали какія въ каждомъ изъ нихъ были наиболѣе вліятельныя фамиліи; какіе подарки болѣе всего нравились; на какихъ чувствахъ, на какихъ интересахъ въ особенности надлежало играть. И дѣйствительно, если вглядѣться съ нѣкоторымъ вниманіемъ въ пріемы этой политики, нельзя достаточно надивиться дѣятельности, гибкости и изобрѣтательности, которыя проявила византійская дипломатія въ вѣкъ Юстиніана [1].

Прежде всего всѣмъ этимъ варварамъ платятъ ежегодную субсидію—annona, за которую они обязуются защищать сосѣднюю съ мѣстомъ ихъ поселенія границу имперіи и поставлять по всякому требованію военныхъ властей опредѣленное число солдатъ [2]. Затѣмъ, дабы ихъ еще крѣпче привязать къ Византіи, вождямъ племенъ предоставляютъ почести и титулы придворной іерархіи. Обыкновенно, въ моментъ, когда они признаютъ себя вассалами базилевса, въ знакъ императорскаго сюзеренитета, имъ дается нѣчто вродѣ инвеституры ихъ начальствованія. Въ одномъ мѣстѣ сочиненій Прокопія имѣется весьма любопытный списокъ отличій, врученныхъ отъ имени Юстиніана главнымъ вождямъ варваровъ. Это были: серебряный жезлъ, инкрустированный золотомъ, серебряная діадема, бѣлая мантія, застегивающаяся на плечѣ золотымъ аграфомъ, бѣлая туника, украшенная вышивками, обувь, отдѣланная золотыми украшеніями [3]. Казавшіеся наиболѣе важными людьми получали золотую діадему, украшенную драгоцѣнными камнями, бѣлую шелковую хламиду, украшенную золотымъ передникомъ, на которомъ выдѣлялся вышитый портретъ императора, бѣлую парагоду, расшитую золотыми медальонами, тоже окружающими императорское изображеніе, золотой аграфъ, отдѣланный драгоцѣнными камнями, и иногда кожанные

Ср. *Gasquet*, loc. cit., стр. 60—64

2. B. V., 504, 507; *Mal.*, 495; *Менандръ*, 286—287, 292, 377.

3. B. V., 406, 407.

полусапожки, выкрашенные въ пурпуровый цвѣтъ[1]. Для каждаго изъ этихъ князей весьма древній церемоніалъ опредѣлялъ, смотря по ихъ важности, способъ инвеституры. Но не трудно догадаться, что для всѣхъ ихъ великолѣпіе костюма и церемоніала, который сопровождалъ его возложеніе, льстя ихъ тщеславію, были въ дѣйствительности самымъ надежнымъ залогомъ вѣрности. Сверхъ этого варварскимъ вождямъ предоставлялись мѣста въ іерархіи дворцовыхъ сановниковъ: король лазовъ имѣлъ титулъ силенціарія и въ качествѣ таковаго пользовался содержаніемъ[2]; другіе назначались начальниками милиціи или патриціями[3]; тѣ, которыхъ императоръ удостаивалъ быть ихъ воспріемникомъ, получали завидное званіе сыновей базилевса[4]; и гордящіеся этими почестями, очень польщенные командованіемъ, иной разъ какимъ-нибудь отрядомъ регулярныхъ войскъ, всѣ эти иноземцы, считая себя полу-римлянами, «цивилизованныхъ нравовъ, съ важностью совершенно латинской[5]», объявляли себя въ напыщенномъ усердіи «рабами императорскаго величества[6]». Иногда, наконецъ, чтобы окончательно закупить ихъ, имъ жаловали земли. Такъ ломбардамъ Юстиніанъ разрѣшилъ водвориться въ Норикѣ и въ Панноніи[7]; геруловъ онъ поселилъ въ Дакіи, гунновъ-кутургуровъ—во Ѳракіи, при чемъ со всѣми ими былъ заключенъ формальный договоръ, дѣлавшій изъ нихъ федератовъ. Его обхожденіе съ аварами, быть-можетъ, еще любопытнѣе. Чрезъ посредство алановъ имъ удалось войти въ сношенія съ имперіей: ихъ послы, будучи представлены Юстиніану, заявили со свойственнымъ варварамъ хвастовствомъ, «что они самый великій и храбрый народъ на землѣ, племя непобѣдимое, способное отразить и истребить всѣхъ враговъ императора. Въ интересѣ государя, говорили, они, заключить съ ними союзъ и пріобрѣсть себѣ такимъ образомъ цѣнныхъ помощниковъ. Со своей стороны, они вполнѣ готовы служить Византіи, съ условіемъ чтобы имъ дали хорошіе подарки, ежегодное содержаніе и плодородныя земли для поселенія». Юстиніанъ охотно принялъ эти гром-

1. *Mal.*, 412—413; *Agath.*, 172; *Theoph.*, 168—169 (Лазы). Ср. относительно знаковъ отличія армянскихъ князей, Aed., 247.

2. B. P., 291.

3. B. G., 502; *Theoph.*, 240; *Joh.*, VI; 267; VIII, 268—270.

4. *Zon.*, III, стр. 148.

5. Joh., IV, 512.

6. B. V., 506.

7. B. G., 418—419, 555.

кія предложенія: онъ обѣщалъ аварамъ области на рѣкѣ Савѣ, во второй Панонiи [1].

Чтобы упрочить среди этихъ вассаловъ имперіи непрерывность византійскаго вліянія, ихъ женили на римлянкахъ, обыкновенно изъ сенаторіальной аристократіи [2], а сыновей воспитывали въ Константинополѣ среди жившей въ роскоши дворцовой челяди; побѣжденнымъ въ междуусобныхъ войнахъ, недовольнымъ претендентамъ, низложеннымъ соперникамъ,—давали пріютъ въ Византіи; такимъ образомъ

129. Рѣшетка въ церкви св. Аполлинарія въ Равеннѣ.

содержался настоящій штабъ кандидатовъ на тронъ, существованіе котораго держало въ повиновеніи вассальныхъ князей; въ противномъ же случаѣ позволяло наказывать ихъ поползновенія къ возстанію. Въ случаяхъ, когда какой нибудь престолъ оставался незанятымъ, императоръ безъ труда находилъ среди этихъ креатуръ замѣстителя для такого трона по своему выбору и часто сами варвары умоляли его назначить имъ правителей [3]. Но чтобы еще крѣпче держать въ рукахъ своихъ вассаловъ, императоръ старался пускать имъ пыль въ глаза. Когда они являлись въ Константинополь, то имъ для внушенія надлежащаго представленія о силѣ и престижѣ имперіи, устраивались пышные

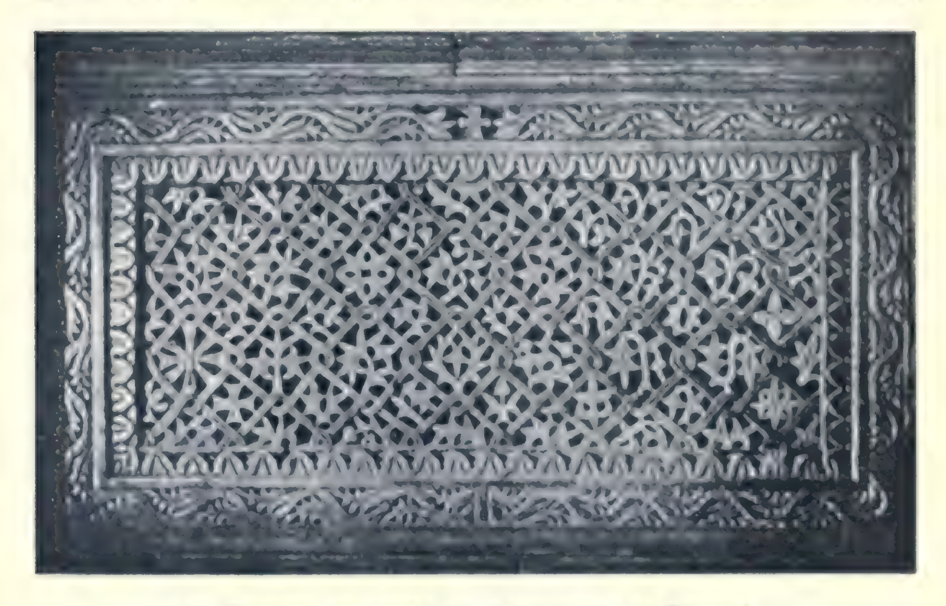
1. *Менандръ*, 282, 285.
2. B. G., 408.
3. *Agath.*, 170; *Theoph.*, 240.

пріемы. Ихъ поощряли повторять такія посѣщенія. Въ теченіе всего царствованія Юстиніана являлся непрерывный рядъ иноземныхъ государей, герульскихъ, гуннскихъ, гепидскихъ, аварскихъ, сарраценскихъ, аксумитскихъ, лазскихъ, иверскихъ, людей всѣхъ племенъ и странъ, которые съ своими женами, дѣтьми и свитами въ причудливыхъ и живописныхъ костюмахъ наполняли столицу говоромъ на языкахъ всего свѣта. Ихъ осыпали знаками вниманія, ласками, подарками, украшеніями; провожали съ большою пышностью, въ сопровожденіи конвоя блестящихъ всадниковъ, среди трубныхъ звуковъ и развѣвающихся знаменъ [1]. И хотя подчасъ современники находили нѣкоторое излишество и несоотвѣтствіе въ почестяхъ, оказываемыхъ этимъ князькамъ, несомнѣнно однако, что послѣдніе, когда возвращались въ свои родныя степи, будучи ослѣплены императорскими величіемъ и пышностью, считали за особое счастье вѣрой и правдой служить императору, который принималъ ихъ такъ хорошо и такъ щедро награждалъ тѣхъ, кто оставался ему вѣренъ [2].

Таковъ былъ одинъ изъ обычныхъ практическихъ пріемовъ византійской дипломатіи. Другой способъ дѣйствія состоялъ въ томъ, чтобы нейтрализовать варварскіе народы однихъ посредствомъ другихъ, противопоставляя ихъ другъ другу, поддерживая среди нихъ взаимныя соперничества, вражду, раздраженіе и открытую войну. Достичь этого среди всѣхъ этихъ племенъ, взаимно ненавидѣвшихъ другъ друга, было весьма легко. Всякій разъ, когда это требовалось ея политикой, Византія безъ труда находила одну группу варваровъ, чтобы натравить ее на другую; такъ она бросила ломбардовъ на гепидовъ, гунновъ-утургуровъ на кутургуровъ, аваровъ на гунновъ [3]. Пріемъ для возникновенія такихъ войнъ былъ до крайности простъ. «Я послалъ мои подарки самому могущественному изъ вашихъ вождей, писалъ Юстиніанъ одному гуннскому князю; предназначалъ я ихъ тебѣ, почитая тебя самымъ могущественнымъ; но другой насильно перехватилъ мои подарки, заявляя будто онъ первый между вами. Покажи ему, что ты выше всѣхъ, отними у него то, что онъ взялъ у тебя, отомсти ему. Въ противномъ случаѣ будетъ ясно, что именно онъ—верхов-

1. *Agath.*, 172.
2. Ср. *Gasquet*, loc. cit., 81—92
3. *Agath.*, 306.

ный вождь и мы скажемъ ему наше благоволеніе, а ты потеряешь преимущества, которыми мы тебя пожаловали[1]». Ничего больше не требовалось, чтобы воспламенить въ этихъ наивныхъ уязвленныхъ самолюбіяхъ страшную ярость и такимъ путемъ, не прибѣгая къ оружію, византійская дипломатія устраняла опасности, которыя угрожали имперіи. Гибкій и выдержанный геній Юстиніана находилъ совсѣмъ особое удовольствіе въ комбинаціяхъ этого рода; и чрезъ это онъ изъ глубины своего дворца,—подобно тому,

130. Рѣшетка въ церкви св. Аполлинарія въ Равеннѣ.

какъ его генералы на поляхъ битвы,—одерживалъ побѣды и способствовалъ съ своей стороны славѣ римскаго имени.

Нанимать варваровъ за жалованіе на службу имперіи или приводить къ гибели, раздѣляя ихъ, если хорошенько разобрать, въ сущности—образъ дѣйствія, который Византія унаслѣдовала отъ древняго Рима; но былъ и новый пріемъ, всецѣло свойственный греческой дипломатіи. Въ Византіи, какъ извѣстно, политика и религія были тѣсно связаны[2]; дѣло обращенія въ христіанство, христіанская пропаганда, шло на ряду съ завоеваніями; миссіонеръ былъ

1. *Іоаннъ Антіохійскій*, fr. 218; *Agath.*, 332, 333.

2. Объ этомъ сочетаніи дипломатіи и религіи см. у *Павла Силенц.*, Descr. S. Sophiae, 983—986.

сотрудникомъ солдата, онъ трудился не менѣе дѣйствительно, чѣмъ дипломатъ, надъ упроченіемъ императорскаго главенства[1]. Образованный, ловкій, терпѣливый, по всѣмъ этимъ качествамъ онъ обыкновенно становился первоклассным агентомъ; на ряду съ купцомъ, negotiator'омъ, который своими смѣлыми путешествіями освѣщалъ поле дѣйствія дипломатіи и доставлялъ ей необходимыя свѣдѣнія, монахъ, съ еще большею пользою, подготовлялъ путь политикамъ и открывалъ новыя области для цивилизаціи. Средства его успѣха просты и дѣйствительны. Въ варварской странѣ, которую онъ желалъ покорить Христу, онъ обращается къ вліятельнымъ лицамъ, подлаживаются къ государю, но въ особенности стараясь заручиться женщинами, какъ болѣе чувствительными къ мистической притягательности новой вѣры. Если государь поддается, народъ слѣдуетъ его примѣру и всею массою устремляется къ крещенію. Если государь колеблется, ему искусно внушается путешествіе въ Константинополь, гдѣ среди пышности пріемовъ и великолѣпія религіозныхъ церемоній весьма быстро побѣждаются его послѣднія сопротивленія[2]. Съ этого времени въ обращенной странѣ византійское вліяніе царитъ всецѣло. Священники становятся довѣренными, совѣтчиками, министрами государя; водворяются епископы, которые зависятъ отъ Константинополя. Христіанство не только приноситъ съ собою новый культъ, невѣдомую плѣнительную литургію, но оно вноситъ цѣлый міръ идей, чувствъ, внѣшнихъ привычекъ, и новая цивилизація, всецѣло византійская, пропитываетъ и преобразуетъ варваровъ[3].

Одинъ историкъ VI вѣка оставилъ крайне любопытную картину этихъ христіанскихъ миссій въ царствованіе Юстина I, ихъ способовъ дѣйствія и достигнутыхъ результатовъ. Одинъ албанскій епископъ, по имени Θеоклетъ, имѣлъ однажды видѣніе: ему явился ангелъ Господень и повелѣлъ ему отправиться съ шестью сотоварищами въ страну сабирскихъ гунновъ, на сѣверъ отъ Каспійскихъ воротъ, чтобы тамъ крестить язычниковъ, пріобщить ихъ св. тайнъ и утѣшить ихъ, обѣщая ему, что Богъ пребудетъ съ нимъ и уготовитъ

1. Ср. *Gasquet*. loc. cit., 75—81. Юстиніанъ, говоритъ Іоаннъ Ефесскій, «имѣлъ большое попеченіе и большое усердіе къ обращенію къ вѣрѣ невѣрныхъ». (R. O. Chr., 1897, 2, стр. 475).

2. О глубокомъ впечатлѣніи, которое производила на варваровъ церковь св. Софіи, см. у *Павла Силенціар.*, loc. cit., 986—990.

3. Ср. *Gasquet*, loc. cit., 75—77

хорошій пріемъ. Епископъ повиновался и чудесно руководимый и поддерживаемый божественною помощью, проповѣдывалъ, обращалъ, крестилъ и даже перевелъ на гунскій языкъ Священное писаніе. Когда императоръ узналъ объ этомъ, онъ былъ весьма обрадованъ и отправилъ миссіонерамъ тридцать муловъ, нагруженныхъ мукой, виномъ, елеемъ, полотномъ и церковными облаченіями. Поддерженные такимъ образомъ священники продолжали свое апостольство. Когда, спустя четырнадцать лѣтъ, Өеоклетъ покинулъ страну, въ ней уже существовала маленькая христіанская община и для руководительства ею явился другой епископъ, армянинъ. Эта часть разсказа чрезвычайно интересна: «онъ построилъ, говоритъ лѣтописецъ, церковь изъ кирпичей, сдѣлалъ посадки и посѣялъ разнородныя сѣмена; онъ совершилъ чудеса и крестилъ множество людей. Когда языческіе князья увидали эти новости, они изумились и возрадовались, видя такого мужа, и весьма его почтили; и каждый звалъ его въ свою страну и къ своему народу и просилъ его стать его наставникомъ и владыкой [1]».

Въ этой знаменательной картинѣ нѣтъ ни въ чемъ недостатка: ни въ божественномъ характерѣ миссіи, ни въ земной поддержкѣ, которую оказываетъ императорская политика; къ дѣлу пропаганды тѣсно приплетается дѣло цивилизаціи, и успѣхъ миссіонера столько же зависитъ отъ ревности его проповѣди, какъ и отъ его умѣнья сдѣлаться полезнымъ и необходимымъ для новообращенныхъ. Можно судить о тѣхъ результатахъ, которые византійская дипломатія должна была извлечь изъ подобнаго образа дѣйствій. «И такъ миссіи,—какъ это справедливо замѣчаетъ одинъ авторъ,—вотъ тотъ новый элементъ, который въ VI вѣкѣ сообщаетъ византійской политикѣ ея отличительный характеръ [2]».

III.

Эту политику, полную изобрѣтательности и разнообразія въ отношеніи примѣненія способовъ дѣйствія, не многіе императоры практиковали съ большею гибкостью и искусствомъ, чѣмъ Юстиніанъ. «Выражаясь современнымъ языкомъ, никто лучше не зналъ политической шахматной игры своего времени; изъ глубины

1. *Zach. Rh.*, 254—255. 2. *Gasquet*, loc. cit., стр. 75.

своего дворца и изъ своей столицы, которую онъ никогда не покидалъ, никто не умѣлъ маневрировать фигурами съ большею вѣрностью и искусствомъ» [1]. Его послы и миссіонеры проникали въ страны самыя отдаленныя, самыя невѣдомыя, отъ равнинъ южной Россіи и горъ Кавказа до горной возвышенности Абиссиніи и оазисовъ Сахары. На востокѣ, чтобы связать руки монархіи сассанидовъ, императоръ повсюду подыскивалъ ей враговъ, напримѣръ, среди сабирскихъ гунновъ, которые съ сѣвера могли ринуться на персидское царство; среди саррацинъ сирійской пустыни, которые съ южной стороны дѣлали диверсіи, полезныя Византіи; среди арабовъ Іемена и даже ефіопскаго царства Аксума. На западѣ, не довольствуясь тѣмъ, чтобы сокрушить силою оружія вандаловъ и остготовъ, онъ давалъ почувствовать свое вліяніе вестготамъ и франкамъ. Среди народовъ, которые толпились по дунайской границѣ, онъ искусно сѣялъ раздоры и удерживалъ однихъ другими: болгаръ—гуннами, гепидовъ—ломбардами, гунновъ—аварами; благодаря своей непрестанной дѣятельности онъ успѣвалъ во всѣхъ задачахъ, устранялъ опасности, все далѣе распространялъ вліяніе Византіи и, быть можетъ, никогда, даже въ самыя цвѣтущія времена Рима, римское имя не разносилось такъ далеко и съ большею славою [2].

На южномъ берегу Понта-Эвксинскаго имперія занимала два аванпоста — Херсонъ и Боспоръ въ Крыму [3]. Отсюда она дѣйствовала на массу бродячихъ народовъ, которые перемѣщались, безпрестанно влекомые къ западу, въ обширныхъ равнинахъ южной Россіи. Это были, на восточномъ берегу Крыма, племена гуннскаго происхожденія и далѣе по Азовскому морю, на полуостровѣ Тамань, остатокъ готскаго переселенія, готы тетракситскіе [4]. Сѣвернѣе, къ востоку отъ Танаиса, гунны-утургуры бродили по необъятнымъ степямъ южной Россіи; къ западу отъ Танаиса, другая отрасль этого племени, кутургуры, простирала свои кочевья и свои набѣги до Дуная [5]. Со всѣми этими народами Византія поддерживала постоянныя сношенія. Херсонъ и Боспоръ были большими рынками, куда греческіе купцы являлись обмѣнивать на произведенія сѣвера издѣлія, из-

1. *Gasquet*, loc. cit., стр. 67.

2. О Юстиніанѣ, какъ о просвѣтителѣ варваровъ, см. *Павел. Сил.*, loc. cit., 4—5 и 983—986.

3. B. P., 57. 164; B. G., 480; Aed., 261, 262.

4. B. G., 479.

5. B. G., 478—479

любленныя варварами, пряности, драгоцѣнности и роскошныя ткани Ливана. Естественно, что въ этихъ торговыхъ сношеніяхъ императорская дипломатія получала возможность собирать цѣнныя свѣдѣнія и пускать въ ходъ дѣйствительныя средства для вліянія. Торговля доставила Византіи рядъ вассальныхъ государствъ. Готы тетракситскіе давно уже были обращены въ христіанство; страхъ, внушаемый имъ гуннами, окончательно превратилъ ихъ въ естественныхъ союзниковъ имперіи. Поэтому они охотно предоставляли людей въ распоряженіе императора, принимали для защиты византійскіе гарнизоны и служили во всемъ этомъ раіонѣ развѣдчиками и совѣтниками греческой политики [1]. Боспорскіе гунны только что приняли христіанство и въ началѣ царствованія Юстиніана ихъ король Гродъ прибылъ въ Константинополь для принятія крещенія и засвидѣтельствованія почтенія императору. Правда, его подданныхъ пришлось склонять послѣдовать его примѣру, а грубое разрушеніе ихъ старыхъ языческихъ идоловъ вызвало среди нихъ открытое возстаніе. Гродъ погибъ, Баспоръ достался въ руки мятежниковъ и для возстановленія императорской власти въ Крыму пришлось прибѣгнуть къ силѣ [2]. Но послѣ этой экзекуціи византійское владычество признавалось и миръ не нарушался. Наконецъ, широко пользуясь для всѣхъ надобностей своей политики неисчерпаемымъ запасомъ людей, который ей предоставляли гунны Танаиса, Византія охотно помогала дальнимъ утургурамъ, которыхъ ей нечего было опасаться, и была готова принять и даже поселить на территоріи государства остатки побѣжденныхъ кутургуровъ, но при этомъ она не упускала случая поддерживать между обѣими фракціями великаго народа выгодныя для нея вражду и соперничество [3]. Всѣ эти хитроумныя интриги завязывались лучше всего изъ Крыма и съ этою цѣлью, а также чтобы удержать въ своей власти эти цѣнные наблюдательные посты, Юстиніанъ съ самаго начала своего царствованія усилилъ мѣстные гарнизоны, солидно укрѣпилъ Боспоръ и Херсонъ, а для защиты вассаловъ имперіи и упроченія ея вліянія занялъ наиболѣе важные стратегическіе пункты за-

1. B. G., 474—475; Aed., 262.
2. *Mal.*, 431—432; *Ioan. Ephes.* (R. Or. Chr., 1897, 2, стр. 475).
3. B. G., 474. 553—554. 554—555. *Men.*, 345; Agath., 332—333.

ново построивъ на крымскомъ берегу и на полуостровѣ Тамань укрѣпленные замки [1].

Въ глубинѣ Чернаго моря, у подножья Кавказа, находилась древняя Колхида, теперешняя Мингрелія; въ VI вѣкѣ ее называли страною Лазовъ. Въ торговомъ отношеніи эта мѣстность находилась въ тѣсной зависимости отъ имперіи; византійскіе купцы снабжали ее солью, виномъ и хлѣбомъ, а въ обмѣнъ забирали тамъ кожи, корма и рабовъ [2]. Не меньшее значеніе для грековъ этотъ край имѣлъ и въ военномъ отношеніи. Эта горная и лѣсистая страна, перерѣзанная узкими проходами, *clisures*, которыхъ легко могла защищать даже слабая армія, противопоставляла, съ сѣверной стороны, непроходимую преграду гуннскимъ и аварскимъ племенамъ; а съ южной стороны, что было особенно важно, она преграждала персамъ доступъ къ Черному морю и лишала ихъ превосходной операціонной базы противъ имперіи [3]. Византійская дипломатія ничего не упустила, чтобы упрочить за собою обладаніе Лазикой. Во времена Юстина греческіе миссіонеры принесли туда христіанство, а чрезъ него вліяніе Византіи; царь Тзатіосъ прибылъ въ Константинополь для принятія крещенія и торжественной инвеституры на свое царство, женился на гречанкѣ и даже передалъ императорскимъ гарнизонамъ нѣсколько своихъ укрѣпленныхъ замковъ [4]. При Юстиніанѣ эта вассальная связь стала еще тѣснѣе [5]. Чтобы дать отпоръ постояннымъ нападеніямъ персовъ, нужно было закрѣпить за собою эту мѣстность, а потому для ея защиты императоръ приказалъ построить на югѣ отъ Фаза сильную цитадель—Петра Юстиніана. Кромѣ того были воздвигнуты вновь, или отняты у персовъ, другія крѣпости, а постоянное присутствіе императорскихъ полководцевъ естественно нѣсколько уменьшало независимость страны [6]. Подъ вліяніемъ притѣсненій и насилій со стороны греческихъ военачальниковъ, лазы, въ концѣ концовъ, поняли, «что, будучи въ теоріи союзниками и друзьями римлянъ, на дѣлѣ они стали ихъ нижай-

1. *Mal.*, 432; Aed., 262; *Латышевъ* въ Виз. Врем., 1894, 657—672; *Кулаковскій*, ibid., 1895, 189—198, и 1896, 1—17; Byz. Zt., VI, 387—391. Ср. замѣтку *Bury* въ изданіи Гиббона, IV, 537—539.

2. B. P., 283—284; ср. ibid., 217.

3. B. P., 221, 283; *Agath.*, 104—105. О географіи страны см. B. P., 288—290; B. G., 468; B. P., 221, 229.

4. *Mal.*, 412—413; *Theoph.*, 168—169; B. P., 55, 58—59.

5. B. P., 216—217.

6. B. P., 217—218, 227—228, 293; B. G., 526; Aed., 261; *Mal.*, 427.

шими рабами» [1], и такимъ образомъ недальновидность генераловъ неоднократно вредила дѣлу политиковъ. Къ счастью, христіанское вѣроисповѣданіе лазовъ, къ которому они были очень привержены, плохо мирилось съ какимъ-либо прочнымъ соглашеніемъ съ персами, которыхъ они боялись, какъ гонителей ихъ вѣры [2]. Къ счастью также, цари лазовъ, нерѣдко получавшіе воспитаніе въ Константинополѣ, либо женившіеся на римлянкахъ, находились подъ очень сильнымъ византійскимъ вліяніемъ и потому не поддавались обѣщаніямъ Хозроя, а сверхъ того и они сами и ихъ знать находили вообще болѣе выгодъ въ сохраненіи непоколебимой вѣрности императору, который ихъ осыпалъ деньгами и почестями [3]. Несмотря на нападенія персовъ, на пораженія, а иногда и на почти полную утрату страны, Юстиніанъ сохранялъ свой авторитетъ у лазовъ [4]. Хотя Агафій и говоритъ, будто торжественные пріемы, оказываемые кавказскимъ государямъ, были болѣе пышны, чѣмъ это приличествовало столь маленькимъ князькамъ, но въ этомъ случаѣ онъ ошибается, и византійская дипломатія знала, что дѣлала. Когда Юстиніанъ приказывалъ своимъ генераламъ и солдатамъ облечься въ парадную форму для встрѣчи новаго царя лазовъ, дать ему пышный конвой всадниковъ, принять съ развернутыми знаменами и трубными звуками,— онъ поступалъ, какъ искусный политикъ [5]: этою цѣною Лазика, какъ онъ однажды выразился, стала дѣйствительно «его» страною (τῇ τε ἡμετέρα Λαζικῇ) [6].

Между страною лазовъ и имперской территоріей простиралась по южному побережью Чернаго моря независимая отъ Византіи область, но обитатели ея, обращенные въ христіанство, были союзниками монархіи [7]. По другимъ границамъ Лазистана, на востокѣ и на сѣверѣ, жили другія племена, по большей части вассалы царя лазовъ, и чрезъ посредство послѣдняго на нихъ также распространялось по всему Кавказу византійское вліяніе [8]. Прежде всего это были: съ восточной стороны—мѣста осѣдлости скимновъ и сванетовъ [9]; на сѣверѣ, по берегу, находились въ послѣдовательномъ порядкѣ племена апсиліанъ, мизиміанъ, абхазовъ,

1. B. P., 219.
2. B. P., 283; *Agath.*, 170.
3. B. G., 408, *Agath.*, 170.
4. B. P., 284, 287—288.
5. *Agath.*, 172.
6. Nov. 28, praef.
7. B. G., 465, 466—467.
8. Cp. Nov. 28, praef.
9. B. G., 467; *Men.*, 356—357, 368—369; 370—373.

зековъ и сагидовъ[1]; нѣсколько позади, у подножья Кавказа, селились аланы[2]. Всѣ эти народы были обращены въ христіанство, либо вслѣдствіе прикосновенія съ лазами, либо, какъ абхазы, непосредственно проповѣдью греческихъ миссіонеровъ, посланныхъ Юстиніаномъ, и съ того времени всѣ они входили въ область византійской политики[3]. Для поддержанія ихъ вѣрности императоръ ежегодно отпускалъ имъ довольно значительныя пособія[4], за что они ему поставляли солдатъ и получали себѣ вождей прямо отъ него или отъ его вассала, царя лазовъ. Для большей предосторожности греческія войска занимали на ихъ территоріи нѣкоторые важные стратегическіе пункты, напримѣръ Севастополисъ и Питіонтъ, и хотя въ теченіи персидскихъ войнъ императорскія войска бывали иногда вынуждены очищать нѣкоторыя изъ этихъ позицій, а безпокойные и ненадежные кавказскіе народцы неоднократно причиняли имъ серьезныя затрудненія своими отпаденіями и измѣнами, тѣмъ не менѣе въ общемъ византійцы брали всегда верхъ и удерживали за собою на Кавказѣ покровительствуемыхъ ими подданныхъ и союзниковъ[5].

Черезъ посредство Лазики Византія прикоснулась къ двумъ другимъ варварскимъ народамъ — гуннамъ-сабирамъ на сѣверѣ, а на юго-востокѣ—къ племенамъ Иверіи, нынѣшней Грузіи. Первые жили у подножія Кавказа, на границахъ имперіи и персидскаго царства, и занимали два знаменитыхъ прохода, извѣстныхъ подъ именемъ Каспійскихъ воротъ[6]. Въ этомъ и заключалось ихъ значеніе. Будучи властны открывать или преграждать, по своему произволу, сѣвернымъ номадамъ большую дорогу для нашествій на полуденныя страны, они были какъ для императора, такъ и для царя сассанидовъ союзниками, которыхъ нужно было беречь, вслѣдствіе чего оба государя одновременно выдавали имъ субсидіи[7]. Но гунны были очень ненадежными союзниками: разбитые на множество колѣнъ, они не представляли изъ себя ничего связнаго и ихъ вожди безпрестанно, смотря по обстоятельствамъ, переходили отъ одного господина къ

1. B. G., 468—469; *Agath.*, 173, 249—250; B. G., 471—473, 498 и сл., 473.

2. B. G., 469; B. P., 288.

3. *Zach. Rh.*, 253, 382; B. G., 472—473.

4. *Agath.*, 173.

5. B. G., 473—474; Aed., 261. Ed. 13, 11; B. G., 498.

6. B. P., 47—49; B. G., 469.

7. B. G., 509—510; cp. id., 469.

другому. Тѣмъ не менѣе византійская дипломатія умѣла извлекать изъ нихъ достаточно хорошую выгоду. Въ началѣ царствованія Юстиніана, царица Боа, правившая однимъ изъ наиболѣе значительныхъ гунскихъ клановъ, стала получать пособія отъ имперіи и энергично поддерживала противъ другихъ вождей, преданныхъ Персіи, верховенство грековъ въ своей области[1]; позднѣе Юстиніанъ не переставалъ щедро субсидировать эти народы и набирать себѣ изъ нихъ солдатъ[2]. Равнымъ образомъ христіанство, повидимому, проникло въ началѣ VI вѣка къ гуннамъ-сабирамъ и склонило къ союзу съ Византіей часть ихъ племенъ[3]. Приблизительно такъ же дѣло шло и съ Иверами: обращенные въ христіанство и весьма пылкіе въ своей вѣрѣ[4] они видѣли въ православномъ императорѣ своего естественнаго защитника. Поэтому, хотя въ политическомъ отношеніи они были подчинены Персіи, но сильно домогались римскаго покровительства. Въ царствованіе Юстина, ихъ царь Гурдженъ, спасаясь отъ преслѣдованій Кабада, бѣжалъ на византійскую территорію; и даже послѣ мира 532 года многіе иверы остались на службѣ императора[5]. Этимъ путемъ

131. Миніатюра изъ Эчміадзинскаго евангелія VI-го вѣка (*Strzygowski*, Das Etschmiadzin Evangeliar).

1. *Mal.*, 430—431.
2. B. P., 296; ср. id., 288—290.
3. Ср. *Mal.*, 414—415. *Zach. Rh.*, 254—255.
4. B. P., 56—57, 113—114; *Zach. Rh.*, 253.
5. B. P., 113—114.

Юстиніанъ поддерживалъ сношенія съ этой страной, всегда сильно-страдавшей подъ властью сассанидовъ[1]. Въ 534 году, иверскій царь Заманарзосъ въ сопровожденіи своей жены и главныхъ сановниковъ явился къ императору и просилъ его союза; Юстиніанъ и Өеодора сдѣлали все возможное, чтобы поразить и плѣнить кавказскихъ горцевъ[2]. Конечно, византійской дипломатіи никогда не удавалось вполнѣ подчинить Иверію византійскому сюзеренитету; но она оказывала на нее тайное вліяніе, возбуждавшее безпокойство Хозроя[3].

152. Миніатюра изъ Эчміадзинскаго евангелія VI-го вѣка (*Strzygowski*, Das Etschmiadzin Evangeliar).

Подобно Кавказу, собственно Арменія, расположенная между Персіей и имперіей, представляла другую арену для примѣненія искусства византійской политики. Это была страна хорошо населенная, обработанная, плодородная; ея богатыя золотыя розсыпи, расположенныя на самой границѣ обоихъ государствъ, дѣлали обладаніе ею весьма желательнымъ[4]. Большія ярмарки въ Дубіосѣ, куда стекались купцы изъ Персіи, имперіи, Иверіи и даже изъ Индіи, поддерживали тамъ живое торговое и мѣновое движеніе[5]. Поэтому персы и византійцы горячо оспаривали другъ у друга эту страну. Съ V вѣка восточная часть ея подъ именемъ Персарменіи принадлежала сассанидамъ; западная же

1. B. P., 282—283.
2. *Өеоф.*, 216.
3. Относительно стратегическаго значенія страны, см. B. G., 524.
4. B. P., 77; *Mal.*, 455—456.
5. B. P., 203.

часть была связана съ имперіей довольно неопредѣленными вассальными узами. Задачею Юстиніана было превратить въ дѣйствительную власть этотъ довольно слабый сюзеренитетъ. Къ сѣверу отъ Евфрата, въ гористой, мало доступной, лѣсной мѣстности, господствующей надъ черноморскимъ побережьемъ, жили свирѣпыя языческія племена Цановъ, привыкшія существовать кражами и грабежами. Императоръ привелъ этихъ опасныхъ сосѣдей въ подчиненіе и принудилъ ихъ платить дань; въ ихъ неприступныхъ горахъ онъ устроилъ торговые и стратегическіе пункты, а посредствомъ крѣпостей и гарнизоновъ онъ прочно овладѣлъ страной [1]. Въ особенности же онъ старался посредствомъ обращенія ихъ въ христіанство смягчить жестокость ихъ нравовъ; для этого онъ построилъ имъ церкви и обязалъ ихъ посѣщать божественныя службы [2]; выстроилъ города, которые заселилъ колонами, призванными изъ другихъ мѣстъ; пріучалъ ихъ къ торговлѣ и земледѣлію. Это было весьма крупное цивилизаторское дѣло, которымъ Юстиніанъ повидимому справедливо гордился. Хотя окончательное подчиненіе было достигнуто не сразу, но несомнѣнно, что императоръ очень скоро нашелъ въ своихъ новыхъ подданныхъ прекрасныхъ солдатъ для своей арміи [3] и что подъ покровомъ религіи византійское вліяніе сдѣлало у нихъ быстрые успѣхи. Такъ же дѣло шло и среди армянскихъ

133. Византійское издѣліе VI-го вѣка изъ слоновой кости (Миланскій археологич. музей).

1. B. G., 462, 464. Aed., 257—260; Nov. 1, praef.; 28, praef.; *Agath.*, 278 и сл., въ особенности 281.

2. B. P., 77. Aed., 258.

3. B. P., 288; *Agath.*, 184—185, 188.

племенъ верхняго Евфрата. До Юстиніана Софанена, Анзитена, Софена, Асѳіатена и Балабитена управлялись туземными сатрапами, которые получали инвеституру отъ императора[1]. Юстиніанъ ихъ упразднилъ и присоединилъ ихъ территоріи къ своему государству. Равнымъ образомъ племена Великой Арменіи были принуждены признать, въ замѣнъ своихъ мѣстныхъ начальниковъ, власть, часто стѣснительную и суровую, императорскихъ чиновниковъ[2]. Посредствомъ этихъ мѣръ, дополненныхъ методическимъ занятіемъ территоріи, Юстиніанъ думалъ очень крѣпко защитить границы имперіи и закрыть персамъ весьма удобные для нихъ пути вторженія. Въ то же время въ этой странѣ, уже давно христіанской, онъ увеличилъ число церквей и монастырей и не упустилъ ничего, что могло содѣйствовать распространенію среди этихъ, обыкновенно жестокихъ и варварскихъ племенъ болѣе мягкихъ нравовъ и болѣе цивилизованной жизни. Въ этихъ дикихъ кланахъ Арменіи женщина находилась въ глубокомъ пренебреженіи, «какъ будто она не была созданіемъ Божіимъ, а существомъ низкимъ, презрѣннымъ, недостойнымъ никакого уваженія»[3]. Мужъ покупалъ ее, какъ вьючное животное; она совсѣмъ не получала приданаго, которое составляло бы ея неотъемлемую собственность; она была безусловно устранена отъ наслѣдованія. Юстиніанъ преобразовалъ эти варварскіе обычаи. «Съ того времени, какъ армяне, пишетъ онъ, составляютъ часть нашей имперіи и пользуются всѣми преимуществами нашихъ поданныхъ, нельзя допустить, чтобы однѣ женщины были исключены изъ равноправности, которая царитъ у насъ»[4]. Повсюду, куда проникло византійское владычество, должна была проникнуть также и цивилизація: съ греческимъ управленіемъ Арменія получила благодѣянія римскаго законодательства и волей-неволей должна была приноравливаться къ болѣе утонченнымъ нравамъ своихъ обладателей[5].

Южнѣе, въ обширныхъ пустыняхъ, которыя на востокѣ римской Сиріи отдѣляли имперію отъ государства сассанидовъ, бродили многочисленныя арабскія племена. Съ III-го

1. B. P., 164; Aed., 248; Nov. 31, 1, 3; C. J., 1, 29, 5.

2. B. P., 159; B. G., 467, 479; Nov. 8; 20, 3.

3. Nov. 21, praef.

4. Ibid.

5. Сіунія (Васпурасанъ) осталась независимой, но подъ управленіемъ христіанскихъ князей (*Zach. Rh.*, 253).

вѣка Римъ вошелъ съ ними въ сношенія и старался воспользоваться этими кочевниками для защиты своихъ границъ[1]. Юстиніанъ продолжалъ эту политику. Арабскіе племена получали ежегодныя субсидіи и за это, получивъ военную организацію, должны были содѣйствовать защитѣ византійскихъ владѣній[2]; ихъ національные шейхи, которыхъ имперская администрація называла **филарками**, получали инвеституру отъ императора и часто даже назначались послѣднимъ[3]; нѣсколько племенъ ихъ получили также разрѣшеніе водвориться въ чертѣ римскихъ постовъ[4] и такимъ образомъ, подъ начальствомъ мѣстныхъ дуковъ, отъ которыхъ зависѣли арабскіе вожди, была образована цѣлая система обороны. Юстиніанъ сдѣлалъ даже нѣчто бо́льшее. Дабы создать противовѣсъ арабскому государству — Хира, находившемуся въ вассальной зависимости отъ Персіи, онъ организовалъ въ 531 году государство арабо-романское. Онъ поставилъ всѣ племена Сиріи подъ высшее начальство одного общаго филарка Ареѳа (Харитъ-ибнъ-Габала), главы могущественнаго рода Хассанидовъ. Его сдѣлали патриціемъ, платили ему ежегодное крупное пособіе, и власть этого вассальнаго князя простиралась на всю пустыню[5]. Къ тому же Ареѳа былъ христіанинъ, такъ какъ уже съ конца IV вѣка христіанство проникло въ предѣлы этихъ странъ[6]. Такъ какъ Ареѳа и его подданные исповѣдывали монофизитскую вѣру, то онъ былъ очень хорошо принятъ при дворѣ, по крайней мѣрѣ у Ѳеодоры, и даже получилъ императорское соизволеніе,—въ то время, когда въ 543 году монофизитская церковь возстановлялась подъ царскимъ покровительствомъ,—на учрежденіе епископской каѳедры въ Бострѣ, съ распространеніемъ ея юрисдикціи на Аравію и Палестину[7]. Онъ часто появлялся въ Византіи[8], и въ теченіи своего долгаго царствованія (530—570) онъ въ общемъ оказалъ имперіи большія услуги.

На ряду съ арабами, союзниками Рима, другое арабское государство, центромъ коего была Гира на Евфратѣ,

1. Ср. *Duchesne*, Les Missions chrétiennes au sud de l'empire romain (Mél. de Rome, 1896, стр. 112—121) и *A. Müller*, Der Islam, I, 10 и сл.

2. B. P., 158.

3. B. P., 89; *Mal.*, 434—435, 447, 461—464.

4. *Mal.*, 446; B. P., 100.

5. B. P., 89; *Theoph.*, 240; *Mal.*, 461.

6. *Duchesne*, loc. cit., 114—116.

7. *Bar.-Hebr.*, Chron. eccl., I, 220.

8. Ibid.; *Theoph.*, 240.

зависѣло отъ Персіи[1]. Во главѣ его находился съ 505 года эмиръ Мундхиръ III (505—554), котораго византійскіе хронографы именуютъ Аламундаромъ и который былъ однимъ изъ самыхъ страшныхъ враговъ Юстиніана. «Своею вѣрностью персамъ, говоритъ Прокопій, и своею необычайною дѣятельностью онъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ повергалъ долу счастье Римлянъ. Изъ всѣхъ враговъ Рима этотъ человѣкъ былъ самымъ ужаснымъ»[2]. Его хищническіе набѣги, во время которыхъ онъ на своемъ пути предавалъ все огню и мечу, наводили ужасъ на Сирію, Финикію, Месопотамію; свирѣпый язычникъ, ревностный поклонникъ древнихъ семитическихъ божествъ, онъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы приносить имъ въ жертву христіанъ; однажды онъ, такимъ образомъ, предалъ закланію четыреста христіанскихъ дѣвъ, другой разъ—сына своего вѣчнаго противника Харита Хассанида. Тщетно византійцы пытались остановить его набѣги; неуловимый, онъ появлялся внезапно, разорялъ все и, когда императорская армія успѣвала собраться, онъ уже исчезалъ. Византійская дипломатія много разъ прилагала усилія привлечь на свою сторону этого неукротимаго врага. Въ царствованіе Анастасія, патріархъ антіохійскій Северъ отправилъ въ Гиру двухъ монофизитскихъ епископовъ, которые изложили Мундхиру свое ученіе и то, какимъ образомъ божественная природа, тѣсно соединенная въ Христѣ съ человѣчествомъ, пострадала плотью на крестѣ. Арабъ придумалъ довольно курьезное опроверженіе. Въ присутствіи епископовъ одинъ изъ его людей явился и что-то сообщилъ ему на ухо, послѣ чего эмиръ принялъ весьма опечаленный видъ; когда же епископы спросили его, почему онъ опечалился, Мундхиръ отвѣтилъ: «Потому что мнѣ сейчасъ сообщили, что архангелъ Михаилъ умеръ». Епископы закричали, что это совершенно невозможно. Тогда эмиръ сказалъ: «Итакъ, если ангелъ не можетъ умереть, какъ же вы мнѣ разсказываете, будто божество страдало и умерло, вслѣдствіе своего соединенія съ плотью и сліянія двухъ природъ въ одну?» И послѣ этого онъ больше не пожелалъ ихъ слушать[3]. Для привлеченія арабскаго государя Юстиніанъ испробовалъ другія средства. Онъ велѣлъ предложить ему значительныя суммы денегъ, послалъ роскошные подарки и тогда безъ труда добился

1. Ср. *Zach. Rh.*, 157, 169. О нравахъ арабовъ, В. Р., 155, 234.

2. В. Р., 88; ср. id., 282.

3. *Zonaras*, III, 139—140.

отъ него обѣщанія, что въ случаѣ войны съ Персіей, Мундхиръ будетъ соблюдать нейтралитетъ[1]. Это послужило даже, при преемникѣ Мундхира, его сынѣ Амрѣ (554—568), причиной довольно серіозныхъ затрудненій, когда арабскій князь потребовалъ себѣ, какъ должнаго, ежегодной пенсіи въ сто фунтовъ золота, а представители императора отвѣчали, что подарокъ этотъ, отнюдь не обязательный, долженъ покупаться формальнымъ признаніемъ своей покорности базилевсу. Однако Юстиніанъ въ концѣ концовъ согласился продолжать Амру выдачу субсидіи, уплачивавшуюся его отцу[2]. Такимъ образомъ византійское вліяніе давало себя чувствовать даже у арабовъ, вассаловъ Персіи. Нужно прибавить, что въ гирскомъ государствѣ христіане были довольно многочисленны[3] и даже жена Мундхира исповѣдывала христіанство. Она основала въ Гирѣ монастырь и изъ сохранившейся посвятительной надписи можно заключить, что сынъ ея, Амръ, былъ тоже христіанинъ[4]. Поэтому ничуть не удивительно, что на службѣ имперіи встрѣчались арабы изъ Гиры[5].

На югѣ сирійской пустыни, со стороны Краснаго моря и Аравіи, Византія, во время Юстиніана, оказывала не менѣе значительное вліяніе, и донесенія византійскихъ дипломатовъ, которыми пользовался Прокопій, показываютъ, какова была въ этихъ удаленныхъ мѣстахъ ихъ дѣятельность и какъ далеко простирались ихъ честолюбивые виды. Мотивы этого дипломатическаго дѣла въ высшей степени интересны. Въ то время заливъ Акаба, которымъ заканчивается на сѣверо-востокѣ Красное море, не былъ такимъ пустыннымъ, какъ теперь. При его южномъ входѣ находился островъ Іотабея, важный центръ транзитной торговли; на немъ обитало еврейское населеніе, но въ VI вѣкѣ туда проникло христіанство и его обитатели въ царствованіе Юстиніана стали подданными имперіи[6]. На сѣверной оконечности залива имѣлся портъ Айла, большой торговый городъ, конечный пунктъ всей торговли Краснаго моря[7]. Отсюда уже съ IV вѣка имперія поддерживала религіозныя или торговыя сношенія съ прибрежными народами

1. B. P., [illegible] 161; *Men.*, [illegible]. *Theoph.*, 170.
2. *Men.*, [illegible]—370.
3. *Zach. Rh.*, 147—148. B. P., 240. *Joan. Eph.*, Comm., 31.
4. *Duchesne*, loc. cit., 120—121.
5. *Zach. Rh.*, 170, 174.
6. B. P., 99. Ср. *Duchesne*, loc. cit. 117.
7. B. P., 99.

этого моря[1]. На восточный берегъ византійскіе купцы отправлялись за цѣнными произведеніями счастливой Аравіи, ладономъ, алое, миррой, или направляясь къ порту Оцелисъ, или слѣдуя сухимъ путемъ «чрезъ горы Гиміаритовъ»[2]. На западномъ берегу они поддерживали еще болѣе выгодныя сношенія съ эфіопскимъ царствомъ Аксумъ. Въ портѣ Адулисѣ они могли закупать всѣ произведенія внутренней Африки,

134. Внутренній видъ мечети Эль-Акса, въ Іерусалимѣ, бывшей при Юстиніанѣ церковью.

корицу, ладонъ, варварійскія (берегъ Сомалисъ) пряности, слоновую кость, рабовъ и въ особенности золото, получавшееся изъ богатыхъ розсыпей страны Сазу[3]; но главнымъ образомъ при посредствѣ іеменскихъ арабовъ и эфіоповъ вступали они въ сношенія съ Индіей. Подобно римлянамъ,

1. *Duchesne*, loc. cit., 90—99; Cod. Theod., 12, 12. 2; *Св. Аѳанасій*, Apol. ad Constantium (изд. Bened., I, 313); ср. *Dillmann*, Z. Gesch. d. Axumitischen Reiches (Записки Берлинской Акад. 1880, стр. 10—13).

2. *Іоан. Ефес.* Bibl. orient., 360.

3. *Cosmas*, Topogr. christ. l. XI, стр. 449; l. II, стр. 87, 97, 98, 99, 107.

византійцы VI вѣка получали съ дальняго востока множество цѣнныхъ предметовъ, изъ Китая—шелкъ, изъ Индіи—пряности, духи, драгоцѣнные камни; но сами они не отправлялись за ними въ страны, производившія эти предметы; товары получались либо сухимъ путемъ, посредствомъ каравановъ, которые чрезъ центральную Азію достигали долины Евфрата, либо моремъ, благодаря кораблямъ Оцелиса и особенно Адулиса, которые ходили на Цейлонъ — главное складочное мѣсто товаровъ всей Индіи [1]. Такимъ образомъ Персія была на материкѣ необходимымъ посредникомъ въ этой торговлѣ и она тщательно сохраняла за собой монополію въ этомъ отношеніи. Но такъ какъ съ Персіей имперія находилась въ постоянной войнѣ, то торговля прерывалась; да и въ мирное время византійская политика съ неудовольствіемъ смотрѣла на столь обильный притокъ денегъ къ врагамъ государства. Это именно и побудило Юстиніана обратить все свое вниманіе на морскіе пути; въ цѣляхъ охраненія и развитія въ этихъ странахъ византійской торговли, въ особенности же, чтобы отвлечь сюда торговлю шелкомъ, онъ завязалъ весьма дѣятельныя и крайне любопытныя сношенія [2].

Между византійской Палестиной и счастливой Аравіей жили арабы области Пальмъ (ὁ φοινικών) и еще южнѣе, на центральномъ плато Неджеда, племена Кинда и Маадъ. На первую изъ этихъ странъ Юстиніану удалось распространить свою власть; шейхъ Абу-Харабъ уступилъ ему оазисы, въ замѣнъ чего получилъ постъ филарка Палестины [3]. Съ киндитами отношенія были не менѣе хороши. Во времена Анастасія, въ 503 году, одинъ византійскій дипломатъ, Евфразіосъ, заключилъ союзный договоръ съ эмиромъ Харитомъ (Ареѳой) [4], по смерти котораго, — онъ былъ захваченъ и обезглавленъ Мундхиромъ гирскимъ (529 г.),— внукъ его Каисъ, котораго отожествляютъ съ Имрулькаисомъ, «странствующимъ царемъ» арабскихъ лѣтописцевъ, поддерживалъ съ Юстиніаномъ еще болѣе дружественныя отношенія. Въ 530 году императоръ, помогшій ему возстановить свою власть въ Неджедѣ, отправилъ къ нему въ качествѣ посла сына Евфразіоса, Абрама, который получилъ

1. *Cosmas*, loc. cit., l. II, стр. 96—97, 98, 99, l. XI, стр. 445—447, l. III, стр. 169.

2. B. F., 98, 106—107.

3. B. F., 99—100, 164; *Nonnosos*, стр. 480.

4. Ср. *Duchesne*, loc. cit., 118—119; *Müller*, der Islam, I, 19—21.

отъ филарка въ залогъ его сына, отосланнаго имъ въ Константинополь. Нѣсколько позже, сынъ Абрама, Ноннозосъ (какъ кажется, эта семья дипломатовъ имѣла своею спеціальностью арабскія и эѳіопскія дѣла) былъ въ свою очередь командированъ къ Каису съ порученіемъ привезти его самого въ Византію. Это ему не удалось; но его отецъ, Абрамъ, при вторичной миссіи въ Неджедъ, былъ болѣе счастливъ. Онъ уговорилъ Каиса раздѣлить свои владѣнія между сво-

135. Церковь Рождества Христова въ Виѳлеемѣ, построеннаго во времена Юстиніана. Внутренній видъ.

ими сыновьями и отправиться въ Константинополь, гдѣ императоръ ему пожалуетъ важный постъ филарка всей Палестины. Прибавимъ, что этотъ Каисъ былъ христіаниномъ и его исторія показываетъ, какое вліяніе Юстиніанъ сумѣлъ пріобрѣсти въ центральной Аравіи[1].

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ имперія открывала себѣ пути на югъ, она отнимала у сассанидовъ всякую надежду на расширеніе своихъ предѣловъ въ ту же сто-

1. В. Р., 100, 106; *Nonnosos*, 478—479.

рону и создавала имъ страшныхъ враговъ. Подобныя же политическія соображенія руководили византійской политикой въ Іеменѣ и Эѳіопіи[1]. Въ южномъ углу аравійскаго полуострова находилось савское царство Гиміаръ или Гомеритское, — страна довольно ранней цивилизаціи и съ широко процвѣтающей торговлей[2]. Христіанство туда проникло въ концѣ V вѣка и въ Неджиранѣ образовалась христіанская община монофизитскаго толка[3]; но большинство населенія, остававшееся приверженнымъ къ древнему савскому политеизму или обращенное въ іудаизмъ, было весьма враждебно къ христіанамъ. Политика гиміарскихъ царей тяготѣла къ Персіи и вполнѣ естественно они относились враждебно къ новообращеннымъ, видя въ нихъ агентовъ византійскаго вліянія[4]. Поэтому, съ туземными христіанами и даже съ греческими купцами обращались въ этой странѣ очень дурно. Со времени Юстина византійская политика задалась цѣлью улучшить такое положеніе вещей и для этого она весьма удачно воспользовалась честолюбіемъ аксумскихъ эѳіопскихъ царей. Великое абиссинское государство было въ то время весьма обширно: на сѣверъ оно простиралось до окрестностей Суакима, на югъ—до берега сомалисовъ; къ западу оно достигало, по ту сторону Таказзе и Атбары, до самой долины Нила, а войска царя Тацены недавно поднялись вверхъ по теченію этой рѣки до царства Алоа, откуда спустились внизъ до страны красныхъ нубійцевъ[5]. Издавна мѣстность эта находилась въ торговыхъ сношеніяхъ съ Византіей и греческій языкъ былъ даже оффиціальнымъ въ эѳіопскомъ царствѣ. Эти добрыя отношенія еще болѣе укрѣ-

1. Ср. *Duchesne*, loc. cit., 99—112 и не вполнѣ точное примѣчаніе *Bury* въ издан. Гиббона, IV, 531—543. Относительно Аксума ср. записки *Диллманна* (Abhandl. Берлинск. Академ. 1878, 177—238, и 1880, 1—51 и Берлинскіе Berichte, 1890 г.), *D. H. Müller'a* (Denkschriften Вѣнской Академіи, 1894) и *Drouin'a* Les monnaies éthiopiennes, Paris, 1882 г., и Les listes des rois éthiopiens (Rev. arch., 1882, 2). О Гиміарѣ см. изд. *Глазера* Skizze der Gesch. Arabiens, Мюнхенъ 1889 г.; *D. H. Müller*, Die Burgen und Schlösser Süd-Arabiens, *Schlumberger*, le Trésor de Sana.

2. B. P., 100—101.

3. Ср. *Duchesne*, loc. cit., 99; *Halévy*, Mélanges d'épigraphie et d'archéol. sémitiques, стр. 23.

4. *Duchesne* (Rev. des études juives, 1890 г., стр. 224).

5. Ср. *Dillmann*, loc. cit., и его комментарій къ абиссинскимъ надписямъ Аксума, напечатанный у *Мюллера*, loc. cit., 30—41, 44—47. Греческая надпись царя Аейцаны (C. I. G., III, 5127) перепечатана у *Мюллера* 16—17.

пились съ обращеніемъ абиссинскихъ царей въ христіанство[1]. Дѣйствительно, къ концу V вѣка, подъ вліяніемъ Александріи, монофизитская церковь основалась въ странѣ и, по свидѣтельству Косьмы Индикоплевста, аксумское царство въ началѣ VI вѣка было великимъ христіанскимъ государствомъ и признаннымъ покровителемъ христіанъ на всемъ югѣ[2]. Все это знали въ Византіи, а также и то, что «цари царей» (титулъ, принятый аксумскими государями) питали на гиміарское царство давнишнія притязанія; поэтому не стоило никого труда бросить ихъ на іеменскихъ арабовъ. Царь Калебъ или Ела-Атсбеха, сынъ Тацены[3], котораго византійскіе лѣтописцы именуютъ Елесбаасомъ, пошелъ на Аравію между 520 и 523 годами, свергъ мѣстную династію и поставилъ тамъ абиссинскаго вице-короля; одновременно съ этимъ онъ основывалъ церкви и призвалъ къ гомеритамъ миссіонеровъ[4]. Это являлось большимъ успѣхомъ для имперской политики. Къ несчастью, народное возстаніе едва не погубило дѣло: христіане были съ изощренною жестокостью избиты въ Сафарѣ и въ особенности въ Неджранѣ. Тогда, по просьбѣ императора[5], Елесбаасъ снова выступилъ противъ Гиміара. Усмиреніе было суровое: предводитель мятежниковъ, Дху-Новасъ, со своими главными сторонниками былъ убитъ въ борьбѣ; для управленія страной былъ поставленъ вице-король подъ верховною властью Абиссиніи; для облегченія торговли были открыты дороги и по просьбѣ Елесбааса, «весьма ревностнаго христіанина», говоритъ Прокопій, для проповѣдыванія въ странѣ явилась монофизитская миссія (525 г.)[6].

1. Ср. C. I. G., III, стр. 508 и 515 (пп. 5127 и 5128), и *Letronne*, Oeuvres, I, 41—48. Относительно обращенія см. у *Малалы*, стр. 433, который ошибочно относитъ событіе ко времени Юстиніана.

2. Ср. *Dillmann*, loc. cit., 1880 г., стр. 26—27. *Іоан. Ефес.* (Comm. 56) изображаетъ намъ монофизитскаго аксумскаго царя вступающимся даже въ Персіи за своихъ единовѣрцевъ.

3. *Schlumberger*, въ Rev. numism., 1886 г.; ср. *Dillmann* въ Берлинскихъ *Berichte*, 1880 г., стр. 8—9 и 9—11.

4. *Mal.*, 433—434; *Іоан. Ефес.* (Bibliot. orient., I, 359—361); *Іоан. Никіусскій* (Journal asiat., 7-e serie, XII, 334); письма Симеона *Бетъ-Арзама* (Bibl. orient., I, 365—366); ср. *Cosmas*, loc. cit., 1880, стр. 28—33.

5. *Zach. Rh.*, 152.

6. В. P., 104—105; *Іоан. Ефес.* (Bibl. orient., I, 363); письма Симеона Бетъ-Арзама (Bibl. orient., I, 364—379); *Zach. Rh.*, 142 и сл. и примѣчаніе на стр. 355, гдѣ содержится библіографія этого запутаннаго вопроса). *Mal.*, 457, надп. Гисиъ-Хораба (*Halévy*, Journ. asiat., іюнь 1873 г.); *Іоан. Ефес.* (Bibl. orient., I, 383—384). Ср. *Fell* Die Christenverfolgung in Südarabien (Zt. d. morgenl. Gesch., 1881) и *Dillmann*, loc. cit., 1880, стр. 33—44).

Этими побѣдами византійское вліяніе было обезпечено на югѣ. Юстиніанъ стремился закрѣпить и пріумножить

136. Сцены изъ жизни Іосифа (барельефъ на каѳедрѣ Максиміана въ Равеннѣ).

добытые результаты. Одновременно съ его стараніемъ отвлечь къ Красному морю, съ помощью адулисскихъ и гиміарскихъ купцовъ, торговлю шелкомъ, онъ пытался

вовлечь абиссинцевъ въ крупное предпріятіе противъ Персіи. Гиміарскій абиссинскій вице-король Езимфеосъ долженъ былъ сначала возстановить въ Киндѣ изгнаннаго филарка Каиса и поддержать его въ наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ сассанидовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланы были попытки заинтересовать въ предпріятіи самаго Елесбааса[1].

137. Сцены изъ жизни Іосифа (барельефъ на каѳедрѣ Максиміана въ Равеннѣ).

1. B. P., 106—107; *Mal.*, 457—459.

Все это происходило между 529 и 531 годами. Императорскій посолъ, Юліанъ, былъ отправленъ въ Сафаръ и въ Аксумъ, при чемъ сохранился весьма любопытный докладъ Малалы, сдѣланный имъ объ абиссинскомъ дворѣ. «Царь», разсказываетъ онъ, «былъ голый, имѣя вокругъ пояса золототканную матерію, а на плечахъ и на животѣ — сѣтку изъ драгоцѣнныхъ камней. На рукахъ онъ носилъ золотые браслеты, а на головѣ кусокъ затканной золотомъ матеріи, закрученной въ видѣ повязки, съ каждой стороны которой висѣли четыре цѣпочки; вокругъ шеи у него было золотое ожерелье. Онъ стоялъ на четырехколесной колесницѣ, влекомой четырьмя слонами; верхъ колесницы былъ обложенъ листовымъ золотомъ; царь же стоялъ на ней, имѣя въ рукѣ небольшой золотой щитъ и два дротика, тоже золотые. Его знать, во всеоружіи, окружала его, а хоры пѣли подъ звуки флейтъ». Негусъ принялъ съ большимъ уваженіемъ императорское письмо, поцѣловалъ печать и принялъ съ большою радостью подарки, присланные ему Юстиніаномъ. Затѣмъ онъ обѣщалъ исполнить все, о чемъ его просили, приказалъ даже мобилизировать свою армію и, обнявъ посла, отпустилъ его съ большимъ почетомъ, съ письмами и подарками для его государя[1]. Кажется, однако, что все ограничилось обѣщаніями. Только Каисъ былъ возстановленъ въ Неджедѣ и гиміарскій вицекороль отправилъ въ свою очередь посла въ Константинополь[2]. Въ теченіи послѣдующихъ лѣтъ переговоры продолжались: неоднократно дипломаты, повѣренные въ арабоэѳіопскихъ дѣлахъ, Абрамъ и Ноннозосъ, сновали изъ Кинды въ Сафаръ и изъ Сафара въ Аксумъ[3]. Между тѣмъ, возстаніе, поднятое нѣкіимъ Абрага, вырвало Гиміаръ изъ подъ абиссинской власти и несмотря на двѣ экспедиціи, предпринятыя Елесбаасомъ, Іеменъ остался независимъ отъ Аксума[4]. Чрезъ это савское государство было поставлено въ необходимость еще болѣе ладить съ имперіей и дѣйствительно между обоими правительствами существовали

1. *Mal.*, 457—459. B. P., 106. *Bury* напрасно полагаетъ (loc., cit. IV, 542—543), что это посольство было тождественно съ посольствомъ Ноннозоса. Правда, Малала не указываетъ имени посла, но Ѳеофанъ, переписавшій разсказъ Малалы (стр. 244—245), называетъ посла Юліаномъ. И въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ пословъ, отправленныхъ Юстиніаномъ въ Гиміаръ и въ Аксумъ, дѣйствительно носилъ это имя (B. P., 106, 155); ср. *Dillmann*, loc. cit., 1880, стр. 40—43.

2. *Ioan. Efес.*, (Bibl. orient., I, 380).

3. *Nonnosos*, 479—481.

4. B. P., 105—106.

настолько дѣятельныя сношенія, что Гиміаръ считался присоединеннымъ къ монархіи [1]. По просьбѣ императора, Абрага попробовалъ даже, около 542 года, отправить экспедицію на сѣверъ, причемъ пытался захватить Мекку [2], и при поддержкѣ Византіи его династія сохранила власть вплоть до 570 года. Съ другой стороны, въ Аксумъ былъ отправленъ Ноннозосъ для поддержанія союза, заключеннаго Юліаномъ [3]. Однако, всѣ эти дипломатическіе ходы не удались, потому что шелкъ продолжалъ идти черезъ Персію; зато христіанская ревность Елесбааса аксумскаго и Абрага гиміарскаго обезпечила въ этихъ странахъ на все время царствованія Юстиніана византійское вліяніе [4].

Въ Египтѣ, съ тѣхъ поръ какъ Діоклетіанъ вывелъ посты изъ нижней Нубіи, южная граница имперіи отодвинулась до перваго порога. По ту сторону обитали грозные сосѣди, Блемміи, а южнѣе—Нобады. Это были хищные народы, постоянные набѣги которыхъ были крайне тягостны для Египта; Византія кончила тѣмъ, что рѣшилась платить имъ ежегодное пособіе [5]. Кромѣ того, они были язычники и изъ-за нихъ христіанская имперія должна была терпѣть въ Филе существованіе древняго храма Изиды. Дѣйствительно, договоры признавали за варварами право являться туда для жертвоприношенія и кромѣ того дозволяли имъ уносить къ себѣ въ извѣстныя времена золоченыя кіоты (aedicolum) съ изображеніями богини [6]. Самъ Юстиніанъ долженъ былъ съ этимъ примириться, но можно судить какъ много должны были стоить подобныя уступки его нетерпимому и набожному уму [7].

Между тѣмъ, около 540 года, нобадское царство, центромъ котораго была Донгола, сдѣлалось довольно могущественнымъ. Царь Силько, воюя противъ блемміевъ и народовъ верхней Эѳіопіи, образовалъ по Нилу довольно обширное государство. Онъ торжественно провозгласилъ себя «царемъ нобадовъ и всѣхъ эѳіоповъ» и въ образныхъ вы-

1. В. Р., 164.

2. Марибскія надписи (541—543) въ Rev. Et. juives, 1889, 313; В. Р., 107.

3. *Nonnosos*, 479.

4. Извѣстно, что эѳіопы и гомериты просили себѣ епископовъ у Юстиніана (*Іоан. Еф.*, въ Bibl. orient., I, 385).

5. В. Р., 102—103.

6. Id., 103—104. Ср. *Priscus*, стр. 21; *Letronne*, Oeuvres, I, 34—35, 60—61, 68—69.

7. Ср. объ этомъ эпизодѣ у Дюшена, loc. cit., 82—90; *Letronne*, Oeuvres, т. I; *Revillout*, Mémoire sur les Blemmyes (Acad. Inscr. Savants étr., VIII, 371—445).

раженіяхъ объявлялъ, «что онъ не только не слѣдуетъ позади другихъ царей, но еще идетъ впереди ихъ»; что онъ не позволяетъ своимъ врагамъ «отдыхать въ тѣни, но принуждаетъ ихъ оставаться на солнечномъ припёкѣ и при томъ такъ, что никто не принесетъ имъ воды въ ихъ жилища. Ибо,—добавлялъ онъ,—я левъ для нижнихъ странъ (низовья) и медвѣдь для верхнихъ странъ (верховья)[1]». Въ этомъ африканскомъ деспотѣ, очевидно, надлежало искать

138. Византійская ткань, хранящаяся въ Сансѣ (сцены изъ жизни Іосифа).

союзника и византійская дипломатія не преминула это сдѣлать.

Въ теченіе довольно долгаго времени, въ Нубіи, равно какъ въ Абиссиніи, греческій языкъ былъ общеупотребительнымъ, являясь средствомъ для проникновенія въ эти страны и вліянія на нихъ. Такъ, около 540 года одинъ мо-

1. C. I. G., III, 5072. Ср. *Letronne.* Oeuvres, I, 22—23 и статью *Лепсиуса* (Hermès, 1875 г., стр. 129—144).

нофизитскій священникъ, по имени Юліанъ, проживавшій при низложенномъ александрійскомъ патріархѣ Θеодосіѣ, задумалъ просвѣтить евангеліемъ нобадовъ. Θеодора очень поощряла его въ этомъ намѣреніи, и такъ какъ Юстиніанъ, узнавъ объ этомъ, задумалъ послать въ Нубію православныхъ миссіонеровъ [1], то императрица со свойственнымъ ей умѣніемъ и настойчивостью постаралась обезпечить своимъ агентамъ успѣхъ въ этомъ дѣлѣ. Юліану, на котораго было возложено подношеніе великолѣпныхъ подарковъ, удалось достичь хорошаго пріема у Силько. Царь принялъ крещеніе и его примѣру послѣдовалъ весь народъ; затѣмъ онъ заключилъ союзъ съ Византіей и предоставилъ свои войска къ услугамъ имперіи [2]. Послѣдствіемъ этихъ событій явился походъ противъ языческихъ блеммієвъ. Въ то время какъ Силько «съ Божьей помощью» напалъ на нихъ съ юга и завладѣлъ ихъ страной, помѣстивъ въ ихъ главномъ храмѣ, въ Тальмисѣ, надпись, прославляющую его побѣды, уполномоченный императора, Нарзесъ, закрылъ окончательно храмъ въ Филе (въ 541 или 542 году), арестовалъ жрецовъ и отправилъ въ Константинополь священныя изображенія, а въ святилищѣ, превращенномъ въ церковь, поставилъ епископа Θеодора [3]. Отсюда христіанство начало распространяться среди побѣжденныхъ Блеммієвъ.

Послѣ двухлѣтней проповѣди среди нубійцевъ, Юліанъ возвратился въ Константинополь, быть можетъ по смерти царя Силько, предоставивъ заботу о продолженіи своего дѣла филейскому епископу Θеодору [4]. Этотъ архіерей повидимому имѣлъ большое вліяніе на преемника Силько, Ергамена, и сдѣлалъ его всецѣло преданнымъ видамъ императорской политики. Благодаря этимъ добрымъ отношеніямъ, власть византійцевъ утвердилась среди блеммієвъ и греческій резидентъ, экзархъ Тальмиса, былъ назначенъ для управленія ими; благодаря, главнымъ образомъ, его содѣйствію, страна обратилась въ христіанство. Усиліями епископа Θеодора и экзарха Іосифа, «ревнителя дѣлъ Божіихъ»,

1. Объ этой склонности посылать миссіи см. *Іоан. Ефес.* (Bibl. or., I, 385); изъ-за нея возникали часто большія затрудненія.

2. *Іоан. Ефес.*, Hist eccl., IV, 6—7. Относительно даты см. *Revillout*, loc. cit., 436—443.

3. B. P., 104. Дата смерти Нарзеса (543 г.), B. P., 265, опредѣляетъ время событія. Летроннъ и Дюшенъ ошибаются въ опредѣленіи этой даты.

4. *Іоан. Ефес.*, Hist. eccl., IV, 48. Ср. ibid., IV, 9. О его роли въ Филе. C. I. G., III, 8647—8649.

языческіе храмы были превращены въ церкви; воздвиглись новые алтари; организовалась община[1]. Мало-по-малу вытѣсненные блемміи удалились во внутреннія страны между Ниломъ и Краснымъ моремъ, и вся мѣстность отъ Филе до Мерое, обращенная въ христіанство, признала надъ собою верховную власть Юстиніана. Отсюда христіанство должно было вскорѣ проникнуть еще болѣе на югъ, благодаря преемнику Ѳеодора по нубійской миссіи Логину, который просвѣтилъ евангеліемъ алодовъ и макуритовъ[2].

Въ сѣверной Африкѣ точно такъ же политика и религія тѣсно переплетались. На югѣ отъ Триполи христіанство проникло, съ помощью императорскаго вліянія, въ ближайшіе оазисы Сахары. Въ авгильскомъ оазисѣ, гдѣ до того времени существовалъ культъ Аммона съ его гіеродулами, прорицательницами и жертвоприношеніями, все народонаселеніе цѣликомъ обратилось въ христіанство и была построена церковь во имя Богородицы[3]; къ югу отъ Лептисъ-магна племя Гадабитани приняло православную вѣру[4] и верховная власть Византіи стала признаваться до самого Хадамеса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и распространилось христіанство[5]. Тѣмъ легче было для императорской дипломатіи оказывать глубокое вліяніе на берберійскія племена, проживавшія между Сиртами и Габесомъ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ византійскими провинціями. Лѣтописцы того времени оставили любопытныя изображенія великихъ туземныхъ вождей, разныхъ Анталасовъ, Кутсинъ, Іабдасовъ, столь сходныхъ съ современными кабилами. Всегда готовые подчиниться, т. е. продаться Юстиніану, они, когда имъ щедро платятъ и осыпаютъ вниманіемъ и почетными титулами, считаютъ за особое счастье быть «рабами императорскаго величества». Относясь съ большимъ почтеніемъ къ римскому имени, они смотрятъ на себя какъ на дѣйствительныхъ государей лишь послѣ полученія отъ греческихъ генераловъ торжественной инвеституры, и всѣ наперерывъ спѣшатъ предложить свои услуги, добиться союза съ Византіей, объявить себя вассалами базилевса[6]. Они гордятся быть друзьями полководцевъ и патриціевъ, сражаться вмѣстѣ съ ними и величаются ихъ побѣдами; но вмѣстѣ съ тѣмъ они, несомнѣнно, мало на-

1. Дендурская надпись (544 г.) у *Revillout*, loc. cit., стр. 371.
2. Ср. *Letronne*, I, 33, 52—55.
3. Aed., 333—334.
4. Aed., 337.
5. Id., 335.
6. Ср. *Diehl*, Afrique byzantine 299—330.

дежные союзники, измѣняющіе безъ зазрѣнія совѣсти, но при этомъ, по своей подвижности и впечатлительности и всегда руководимые своими интересами или личными счетами, очень скоро опять подчиняются, оставаясь послушными орудіями въ рукахъ византійской дипломатіи.

139. Даніилъ среди львовъ (Миніатюра ватиканскаго Козьмы).

По одному примѣру можно судить обо всѣхъ. Кутсина, одинъ изъ вождей верхняго нумидійскаго плато, полу-берберъ, сынъ туземнаго князя и римлянки[1], возсталъ однажды противъ византійскаго владычества[2], но, послѣ получен-

1. Joh., IV, 511—512, 1095—1096; VIII, 271.

2. Bell. Vand., 448.

наго имъ при этомъ жестокаго урока, поставилъ себѣ главною заботою какъ можно скорѣе примириться съ имперіей. Хотя его и изгнали изъ его владѣній въ Бизаценѣ и принудили искать себѣ въ Нумидіи новыхъ территорій, тѣмъ не менѣе онъ весьма быстро сталъ вѣрнымъ другомъ того самаго Соломона, который его побѣдилъ[1]. Дѣло въ томъ, что, съ одной стороны, Кутсина ненавидѣлъ Анталаса на столько же, на сколько Анталасъ не выносилъ Кутсину, и возстаніе одного необходимо влекло за собою преданность другого. Съ другой стороны, престижъ имперіи оказывалъ могущественное вліяніе на этого великаго вождя. Онъ гордится быть полуримляниномъ «цивилизованныхъ нравовъ и важности совсѣмъ латинской»[2]. Онъ охотно вспоминаетъ свое происхожденіе, которое его дѣлаетъ «почти римляниномъ по крови и совершенно — по сердцу»[3]. Онъ гораздо болѣе гордится титуломъ magister militum, который ему пожаловалъ императоръ, чѣмъ 30,000 всадниками, которыхъ онъ ведетъ въ сраженіе[4]; онъ испытываетъ дѣтскую радость, командуя отрядомъ регулярныхъ войскъ[5], и вся его блестящая храбрость тратится на то, чтобы довершить разгромъ своихъ одноплеменниковъ. При самыхъ серьезныхъ обстоятельствахъ, среди неурядицы послѣ пораженія или смутъ при мятежѣ, онъ хвастается тѣмъ, что остается въ качествѣ просвѣщеннаго человѣка, какимъ онъ себя считаетъ, вѣрнымъ своему слову и своимъ союзникамъ[6]. Конечно, иногда берберъ беретъ въ немъ верхъ; является хорошій случай пограбить, соблазнъ набрать добычу превозмогаетъ и онъ, ни мало не колеблясь, ринется въ возстаніе; подчасъ, находясь между двумя враждебными сторонами, онъ продѣлываетъ рядъ внезапныхъ и огорашивающихъ перемѣнъ фронта подъ двойнымъ воздѣйствіемъ своихъ интересовъ и личныхъ счетовъ, но въ сущности онъ всегда готовъ вернуться къ имперіи, хотя бы для этого потребовалось на самомъ потѣ сраженія измѣнить своимъ союзникамъ — берберамъ[7]. Онъ мало заботится о національной независимости; подобно другимъ, онъ безъ труда приноравливается къ положенію императорскаго вассала и до самой своей смерти

1. Joh. III, 400—407.
2. Id., IV, 511.
3. Joh., IV, 511. «Animo Romanus erat, nec sanguine longe».
4. Joh. VI, 267; VII, 268; VIII, 270.
5. Id., VII, 268—271.
6. Id., VI, 268; VIII, 121—129.
7. Id. V, 517.

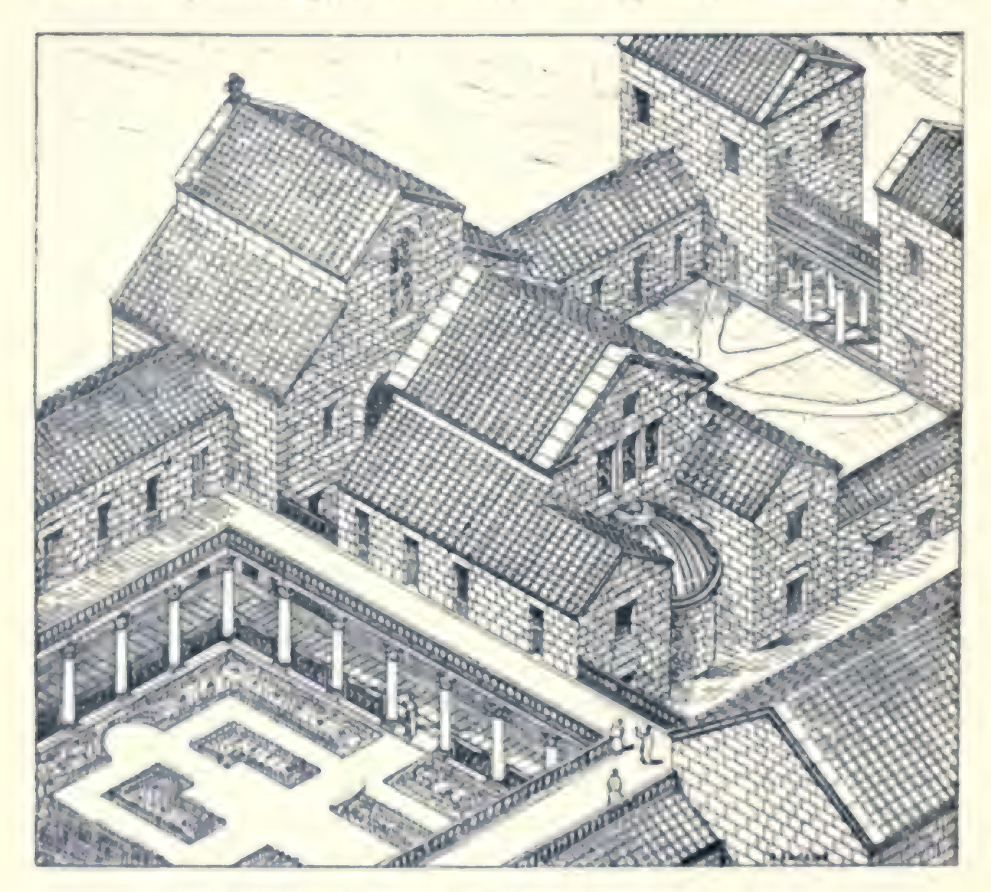
остается одной изъ самыхъ лучшихъ поддержекъ византійской власти въ Африкѣ.

Греческой дипломатіи не стоило никакого труда склонять на свою сторону подобныхъ людей и, обуздывая ихъ одного другимъ, а также поддерживая ихъ взаимныя распри и счеты, одинаково порабощать ихъ. Съ помощью во-время розданныхъ денегъ, заманчивыхъ обѣщаній, которыя она предоставляла себѣ право не сдерживать, она разстраивала всякія коалиціи, подавляла всѣ возстанія, находила всегда союзниковъ и создала для имперіи ту обширную кліентелу вассальныхъ племенъ, которыхъ называли **Mauri pacifici** или Πάκατοι (pacati)[1]. Менѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ послѣ появленія византійцевъ въ Африкѣ всѣ большія берберійскія государства признавали власть Юстиніана. Въ 540 году главныя племена Триполитаніи, Леваты, Ифурацы, Мекалы признали верховенство имперіи[2]; въ Бизаценѣ Анталасъ ручался за вѣрность берберійскаго населенія[3]; въ Нумидіи Кутсина былъ преданнымъ союзникомъ[4], а Іабдасъ, если еще не былъ подчиненъ, то во всякомъ случаѣ сдѣлался безсильнымъ. Сами мавританскіе князья искали византійской инвеститури; Ортайасъ и Массонасъ находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Соломономъ[5] и, какъ говоритъ Кориппъ, «предводители мавровъ, трепеща передъ оружіемъ и успѣхами Рима, спѣшили добровольно подчиниться игу и законамъ императора»[6].

Перейдемъ теперь, слѣдуя далѣе по границамъ имперіи, къ западнымъ окраинамъ. До самыхъ франковъ, которые занимали Галлію, проникало вліяніе византійской дипломатіи[7]. Въ своихъ письмахъ къ Юстиніану, Теодебертъ называетъ его **господиномъ**, какъ вассалъ, обращающійся къ своему государю; въ другомъ мѣстѣ онъ зоветъ его **отцомъ**, и весьма вѣроятно, что для укрѣпленія узъ, которыя его привязывали къ Византіи, Юстиніанъ, по распространенному обычаю того времени, дѣйствительно усыновилъ франкскаго короля[8]. Такимъ образомъ Теодебертъ сталъ союзникомъ грековъ, получалъ императорскія субсидіи и вмѣстѣ съ греками сражался противъ остготовъ. Правда,

1. Joh., IV, 999; VI, 596; Aed., 335; *Iord.*, Rom., стр. 52.
2. Bell. Vand., 502; Joh., III, 410—412.
3. Id., 503—504.
4. Joh., III, 406—407.
5. Bell. Vand., 406, 405.
6. Joh., III, 287—289.
7. Ср. *Gasquet*, loc. cit., 163—171.
8. Epist. Merow. et Karolini aevi, I, 132—133.

это былъ союзникъ капризный, часто предательскій, и несомнѣнно также, что ему подъ конецъ надоѣли притязанія императорскаго господства. Этотъ высокомѣрный, неугомонный и дерзкій германецъ раздражался тѣмъ, что Юстиніанъ въ своихъ рескриптахъ присоединялъ къ титуламъ готскаго и африканскаго также титулы франкскаго и аламанскаго, какъ будто онъ побѣдилъ франковъ. Теодебертъ

130 Византійская церковь въ Гаидра. Реституція H. Saladin'a

считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы работать для самого себя, и онъ это хорошо доказалъ[1]. Для Византіи было большою непріятностью, когда Теодебертъ на своихъ золотыхъ монетахъ замѣнилъ изображеніе Юстиніана своимъ собственнымъ, и быть можетъ въ Византіи даже испугались, когда узнали, что франкскій король, возбуждая гепидовъ и лом-

1 Agath., 21.

бардовъ, мечталъ о томъ, чтобы направить варваровъ на имперію и завоевать Константинополь[1]. Однако, не смотря на эти выходки, римскій престижъ сохранялъ свою силу въ Галліи. Когда франки заняли Провансъ, уступленный имъ остготами, они стали считать себя законными владѣльцами его лишь послѣ того, какъ Юстиніанъ формальною грамотою утвердилъ ихъ въ правахъ. Другой фактъ еще знаменательнѣе. Въ одномъ письмѣ Юстиніанъ проситъ Теодеберта извѣстить его въ точности на какіе народы распространяется его власть въ Германіи[2]. Этотъ запросъ, могущій вызвать недоумѣніе, объясняется очень просто. Въ своемъ желаніи распространять христіанство среди языческихъ народовъ и даже «въ странахъ, самаго названія коихъ никто до него не зналъ»[3], Юстиніанъ простиралъ эти заботы и на подданныхъ своихъ союзниковъ, намѣреваясь вызвать ихъ сотрудничество въ своемъ великомъ дѣлѣ религіозной пропаганды. Такое притязаніе не содержитъ въ себѣ ничего удивительнаго; но замѣчательно то, что Теодебертъ почтительно принимаетъ порученную ему миссію и въ глазахъ христіанскихъ франковъ Константинополь на столько является дѣйствительной столицей міра, что одинъ тревскій епископъ писалъ императору: «Ты блистаешь въ цѣломъ мірѣ подобно солнцу; и мы всѣ, милостію Божіей, предстоятели церквей, радуемся твоей мудрости»[4]. Такимъ образомъ, какъ выразился Гаскэ, «имперія постоянно обнимаетъ всѣ страны, которыя покорило христіанство»[5], и въ дальнихъ церквахъ запада священники, по предложенію папы, «возносятъ Богу непрестанныя молитвы, дабы Онъ покрылъ Своимъ заступленіемъ нашихъ благочестивѣйшихъ государей Юстиніана и Ѳеодору»[6].

Включительно до дикихъ народовъ, толпившихся къ сѣверу отъ Дуная, имперія давала чувствовать свое вліяніе. Съ давнихъ поръ уже ломбарды, обращенные въ православіе[7], находились въ хорошихъ отношеніяхъ съ имперіей; они получали отъ нея субсидіи и поставляли ей солдатъ[8]. Юстиніанъ пошелъ дальше. Около 547 г. онъ разрѣшилъ ломбардамъ поселиться въ Норикѣ и въ

1. Ibid., B. G., 417. Cp. *Gasquet*, loc. cit., 171—178.
2. Epist. merow aevi, I, 133.
3. Hist. arc., 114.
4. Epist. merow. aevi, I, 118.
5. *Gasquet*, loc. cit.
6. Вигилій Авксанію (ibid., I, 62).
7. B. G., 423.
8. Id., 236.

Паннонін, причемъ выдалъ имъ значительныя суммы денегъ[1]. Этимъ путемъ онъ разсчитывалъ обезпечить себѣ ихъ содѣйствіе противъ ихъ сосѣдей гепидовъ, и вслѣдствіе заключеннаго союза византійскія войска неоднократно поддерживали ломбардовъ короля Одуина противъ его враговъ и доставляли ему побѣду[2]. Помимо того, что онъ нейтрализовалъ такимъ образомъ грозныхъ враговъ, Юстиніанъ находилъ въ союзѣ съ ломбардами еще другую выгоду: онъ вербовалъ среди нихъ превосходныхъ солдатъ для своей арміи[3]. Это не мѣшало, однако, Юстиніану, для обезпеченія вѣрности ихъ королей, принимать въ Константинополѣ вытѣсненныхъ ими соперниковъ и осыпать ихъ почестями[4]. Этимъ способомъ онъ держалъ въ подчиненіи вождей варваровъ и поощряяъ ихъ къ исполненію долга, подобно тому какъ, возбуждая соперничество между народами, онъ подстрекалъ ихъ оспаривать другъ у друга знаки императорскаго благоволенія.

На западъ отъ ломбардовъ, въ Мизіи I, были поселены со времени Анастасія герулы[5]. Будучи въ началѣ VI вѣка еще язычниками крайне варварскихъ нравовъ, они были обращены въ христіанство заботами Юстиніана[6]. Ихъ король, Грепесъ, явился въ Константинополь для крещенія вмѣстѣ съ двѣнадцатью своими родственниками и главными представителями своей знати: императоръ самолично былъ его воспріемникомъ[7]. Тѣсный союзъ былъ послѣдствіемъ этого обращенія. Императоръ предоставилъ геруламъ новыя земли въ Дакіи и въ окрестностяхъ Сингидунума; онъ увеличилъ уплачиваемую имъ субсидію и за это вербовалъ среди нихъ большое число солдатъ[8]. Принявъ христіанство, союзные герулы начали цивилизоваться. Тѣмъ не менѣе внутреннія революціи влекли за собою въ извѣстной мѣрѣ отдаленіе ихъ отъ Византіи, такъ что, не смотря на старанія Юстиніана дать имъ короля[9], часть ихъ колѣнъ покинула имперію и соединилась съ гепидами.

Эти послѣдніе проживали отъ Дуная до Карпатъ; они только что овладѣли Сирміумомъ и частью Дакіи[10]. Гепиды

1. B. G., 418.
2. Id., 420, 551—552, 593—594.
3. Id., 598.
4. Id., 409—410, 602.
5. Id., 203; *Marcell. Com.*, a. 512. ср. B. G., 209, 419.
6. B. G., 199, 204.
7. *Mal.*, 427—428; *Іоан. Еф.* (R. Or. Chr., 1897, 2, стр. 475).
8. B. G., 419, 199, 204, 426, 598.
9. Id., 209.
10. B. V., 313, B. G., 418, 425.

тоже были союзниками имперіи и пользовались отъ нея субсидіями[1]; но эти неугомонные и хищные варвары, къ тому же еще аріане, были очень нелюбимы Юстиніаномъ[2]. Поэтому онъ прекратилъ имъ выдачу особыхъ пособій и постоянно поддерживалъ противъ нихъ ломбардовъ. Тщетно гепиды являли совершенную покорность, напоминая объ оказанныхъ ими военныхъ услугахъ и скромно испрашивая себѣ небольшихъ уступокъ земель[3]; тщетно, желая быть союзниками имперіи, они учащали посольства въ Константинополь[4], — Юстиніанъ не прощалъ имъ ихъ дерзостей и ихъ вторженій; онъ не забывалъ ни того, что они приняли бѣглыхъ геруловъ, ни того, что они призвали себѣ на помощь гунновъ-кутургуровъ и, презрѣвъ договоры, помогли славянамъ перейти Дунай[5]. Лишь послѣ неоднократныхъ неудачъ, ихъ король Торизиндъ добился заключенія съ имперіей и ломбардами вѣчнаго мира, который отдалъ его во власть императора[6].

Восточнѣе, славяне и болгары угрожали низовьямъ Дуная[7]. Одна изъ ихъ группъ, словены, занимала Паннонію; другая, болѣе грозная, анты, бродила между Дунаемъ, Днѣстромъ и Днѣпромъ; наконецъ на сѣверъ отъ Палюсъ-Меотидэ (Азовское море), въ западномъ направленіи отъ него, жило могущественное племя аваровъ. Всѣхъ ихъ византійская дипломатія щедро снабжала деньгами и землями, требуя взамѣнъ, чтобы они поставляли для Византіи солдатъ и защищали ея границы отъ нападеній другихъ варварскихъ племенъ[8]. Такъ она возбуждала антовъ противъ гунновъ, аваровъ противъ утургуровъ, сабировъ и антовъ, задаривая ихъ пословъ, чтобы заручиться ихъ союзомъ, шелковыми одеждами, золотыми цѣпями, платя ихъ предводителямъ крупныя субсидіи и обѣщая плодоносныя земли для поселенія. Юстиніанъ могъ похвалиться, что этою цѣною онъ «съ Божьей помощью увеличилъ республику и снова

1. B. G., 418—419.

2. Id., 423.

3. Id., 423—425.

4. Id., 593.

5. Id., 552, 593.

6. Id., 605.

7. Ср. *Jireček.*, Gesch. der Bulgaren, 82, 87; объ ихъ нравахъ см. любопытное сообщеніе въ B. G., 254, 334—336.

8. Относительно антовъ, B. G., 125, 370, 336, относительно аваровъ, *Men.*, 283, 285, 286; *Өеоф.* 232, который отмѣчаетъ эффектъ, произведенный въ Византіи ихъ странными костюмами. Относительно турокъ см. примѣчаніе *Bury* въ изд. Гиббона, IV, 539—541.

подчинилъ своей власти оба берега Дуная»[1]. На дѣлѣ же онъ создавалъ себѣ тамъ весьма опасныхъ союзниковъ, всегда готовыхъ опустошать римскую территорію и уводить изъ нея безчисленное множество плѣнниковъ и добычу. Какъ говоритъ Прокопій, «варвары дѣлили между собою имперію»[2] и по мѣрѣ того, какъ уменьшались силы государства и слабѣла энергія монарха,—политика эта, съ виду грандіозная и искусная, должна была породить, особенно въ столь угрожаемомъ раіонѣ Дуная, крайне гибельныя послѣдствія.

Однако, даже здѣсь дипломатическое дѣло не было вполнѣ безплоднымъ: христіанская пропаганда, какъ и всегда, сопровождала политическое дѣйствіе и распространяла вмѣстѣ съ цивилизацiей византійское вліяніе. Мы видѣли, какъ на всѣхъ границахъ миссіонеры служили Византіи первоклассными агентами и, между прочимъ, замѣчательно, что великое дѣло евангельской пропаганды было главнымъ образомъ выполнено тѣми самыми монофизитскими священниками, которыхъ Юстиніанъ подчасъ столь жестоко преслѣдовалъ внутри имперіи[3]. Именно имъ обязаны обращеніемъ гунновъ-сабировъ и сирійскихъ арабовъ; ихъ миссіи завоевали Гиміаръ и Аксумъ, нобадовъ и блемміевъ. Повидимому, Юстиніанъ не очень противился ихъ проповѣди[4], тогда какъ Θеодора всячески поощряла ихъ. Эта утилизація православнымъ правительствомъ неутомимой энергіи диссидентовъ представляетъ собою весьма любопытный фактъ религіозной исторіи того времени. Всѣ эти новообращенные христіане просили у императора себѣ епископовъ; Константинополь посылалъ архіереевъ готамъ-тетракситамъ, абасхамъ, арабамъ, гомеритамъ и эѳіопамъ[5] и такимъ путемъ византійское вліяніе распространялось далеко за предѣлы имперіи. Въ Персіи имѣлись многочисленныя христіанскія общины, прочно организованныя подъ властью католикоса, къ которымъ Хозрой относился съ широкою терпимостью[6]; существовали христіане и на Цейлонѣ, встрѣ-

1. Nov. 11.

2. B. G., 419.

3. Zach. Rh., 247; Ioan. Ef., Comm., 193, 308.

4. Ср. однако оговорки дѣлаемыя Ioan. Ephes. (Bibl. or., I, 385).

5. B. G., 366, 473; Ioan. Ef. (Bibl. or., I, 385); Bar.-Hebr., Chr. eccl., 220.

6. Zach. Rh., 142, 256, 383—384; B. P., 281; B. G., 304; Cosmas, loc. cit., I. II, стр. 74. Относительно несторіанской церкви въ Персіи, ср. Chabot, l'Ecole de Nisibe (J. Asiat., 1896, 2, стр. 48—49, 52—54).

чались даже въ Китаѣ[1]. И изъ нѣдръ крайняго востока, равно какъ изъ снѣжныхъ пустынь сѣвера притекали къ Юстиніану, какъ когда-то къ Августу[2], посольства, нагруженныя драгоцѣнными и рѣдкими подарками. Когда взглянешь на это колоссальное распространеніе христіанской пропаганды, становится понятнымъ, что современники имѣли безграничную вѣру въ успѣхъ имперіи. Что могли значить угрозы и преходящія вторженія варваровъ?—Христіанская имперія должна была быть непобѣдимой, «ибо, какъ говоритъ Козьма, она имѣетъ своей миссіей отнюдь не допускать, чтобы христіанскій міръ уменьшался въ объемѣ, но наоборотъ безпредѣльно расширять его»[3].

IV.

Несомнѣнно, и это надо оговорить, политика эта имѣла свои опасности. Въ силу того, что варварамъ раскрывали богатства имперіи, что имъ снисходительно давали субсидіи и земли, какія они просили, кончили тѣмъ, что сдѣлали ихъ чрезвычайно опасными для Византіи[4]. Ослѣпленные блескомъ и славой монархіи, они сначала являлись смиренно, въ качествѣ просителей; по мѣрѣ того, какъ они освоивались съ нею; по мѣрѣ того, какъ они ближе знакомились съ богатствомъ и слабостью имперіи, къ нимъ возвращалась ихъ первоначальная наглость и они усиливали свои требованія. «Разъ они отвѣдали богатствъ Византіи, говоритъ Прокопій, стало невозможнымъ отвлечь ихъ отъ таковыхъ и заставить позабыть къ нимъ дорогу»[5]. Теперь, какъ только имъ отказывали въ удовлетвореніи ихъ требованій, они мстили за отказы звѣрскими вторженіями, грабя римскую территорію, уводя въ рабство населеніе, немедленно позабывъ прежніе субсидіи и договоры. Юстиніанъ неоднократно испыталъ это на собственномъ горькомъ опытѣ. Онъ считалъ цѣлесообразнымъ входить въ соглашенія съ варварами, противопоставлять ихъ другъ другу; онъ надѣялся привязать ихъ къ себѣ, раздѣлить и нейтрализовать; но союзники постоянно выражали новыя желанія и новые просители

1. *Cosmas*, l. III, стр. 169. О христіанскихъ миссіяхъ въ Индіи, ср. *Assemani*, Bibl. Orient., IV, 413—548.

2. *Mal.*, 477. 484; *Өеоф.*, 239. *Павелъ Силент.*, loc. cit., 229—230.

3. *Cosmas*, l. II, стр. 113.

4. Ср. *Dahn*, Prokopius. 112—114, 310—312.

5. Hist. arc., 51.

появлялись изъ неисчерпаемаго источника людей, каковымъ былъ варварскій міръ. «Нѣтъ другого средства,—высказывается рѣшительно Прокопій,—къ тому, чтобы заставить варваровъ быть вѣрными въ отношеніи Рима, кромѣ страха передъ императорскимъ оружіемъ»[1]. Благодаря тому, что Юстиніанъ забылъ этотъ принципъ, онъ увидалъ Балканскій полуостровъ страшно опустошеннымъ, славянъ — въ Адріанополѣ[2], гунновъ,—подъ самыми стѣнами Константинополя. А такъ какъ всѣ силы имперіи были отвлечены на Западъ, то этимъ завоевателямъ предлагали золото, а не желѣзо, и, дорого покупая ихъ отступленіе, тѣмъ самымъ поощряли ихъ къ скорѣйшему возвращнію.

Въ этомъ заключалась дѣйствительная невыгода этой политики; но она приносила также и моральный ущербъ. Помимо того, что щедроты, оказываемыя варварамъ, стоили казнѣ крайне дорого, онѣ сопровождались еще нѣкоторымъ униженіемъ. Для престижа имперіи было не вполнѣ достойно покупать цѣною золота міръ у Хозроя и уплатою ежегодныхъ субсидій[3] придавать себѣ видъ данника арабовъ или гунновъ. Понятно поэтому, что историки VI вѣка иногда жестоко упрекали Юстиніана за ошибки его политики. «Онъ расточалъ,—говорилъ Прокопій,—огромныя богатства, не забывая ни одной, всѣмъ варварскимъ націямъ, восточнымъ и западнымъ, южнымъ и сѣвернымъ, до народовъ далекой Британіи включительно. Онъ осыпалъ своими милостями народы, коихъ имени до него никто не зналъ и которыхъ видѣли впервые, не зная даже откуда они. Поэтому варвары, освѣдомленные насчетъ образа его дѣйствій, стекались со всѣхъ концовъ земного шара въ Византію. Однако, онъ ихъ сейчасъ же принималъ и радостью, написанною на его лицѣ, свидѣтельствовалъ объ удовольствіи, которое доставляло ему видѣть ихъ, и о выгодахъ, которыя онъ отъ этого ожидалъ. Такимъ образомъ онъ истощилъ богатства имперіи, расточая ихъ варварамъ, которыхъ отпускалъ всегда нагруженными подарками. И такимъ образомъ варвары сдѣлались обладателями достоянія Рима, то путемъ пенсій, которыя имъ выдавалъ императоръ; то путемъ добычи и плѣнныхъ, которыхъ они уводили; то путемъ мира, который они продавали»[4]. Послѣдствіемъ этой нера-

1. B. P., 101.
2. B. P., 415.
3. Ср. обстоятельства, которыя [illegible] будить миръ 551 года (B. G., 515, 518—519).
4. Hist. arc., [illegible].

зумной расточительности было слѣдующее: «Въ былое время, до Юстиніана, римляне жили въ мирѣ со своими сосѣдями. Но этотъ человѣкъ въ своемъ лютомъ неистовствѣ не имѣлъ покоя, пока не натравитъ варваровъ другъ на друга. Безъ всякаго основанія вызывалъ онъ къ себѣ вождей гунновъ, осыпалъ ихъ съ безумной расточительностью огромными богатствами, чтобы пріобрѣсти,—говорилъ онъ,— ихъ дружбу. Возвратившись къ себѣ, нагруженные золотомъ, эти послѣдніе при-

141. Миніатюра изъ ватиканскаго Козьмы.

глашали другихъ вождей своего племени опустошить своими ордами земли императора, дабы вынудить его купить у нихъ миръ, который имъ всегда готовы были хорошо оплатить. За этими являлись другіе, извлекая двойную выгоду изъ грабежей, которымъ предавались, и денегъ, которыя получали отъ щедротъ монарха. И такимъ образомъ добыча получалась безъ перерыва и война, вызванная неразумной расточительностью императора, тянулась безъ конца и кругъ никогда не замыкался»[1].

1. Hist. arc., 72—73. Cp. ibid. 122—123.

Нельзя не признать, что для такихъ жалобъ имѣлось нѣкоторое основаніе. Другіе писатели той эпохи, Іоаннъ Антіохійскій, Агаѳій, Менандръ, высказываютъ ихъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ[1] и народъ кончилъ тѣмъ, что сталъ весьма сильно упрекать Юстиніана за его щедроты, «точно,—говорили тогда,—римлянамъ надлежитъ искупать какія-то вины въ отношеніи варваровъ»[2]. Дѣло въ томъ, что въ послѣдніе годы своего царствованія императоръ дѣйствительно довелъ эту систему до чрезмѣрности. Допустивъ, по нерадѣнію, разстройство арміи и разрушеніе крѣпостей, онъ лишилъ свою дипломатію необходимой силы и, не импонируя болѣе въ достаточной мѣрѣ варварамъ, онъ очутился въ большой зависимости отъ нихъ. Но по этимъ крупнымъ недостаткамъ еще нельзя заключить о всемъ дѣлѣ въ его цѣломъ. Политическій принципъ, котораго держался Юстиніанъ, въ сущности былъ вѣренъ и люди съ менѣе предвзятыми мыслями, чѣмъ Прокопій, напримѣръ Агаѳій и Менандръ, сходятся въ похвалахъ благоразумію (προμήθεια), правильности взглядовъ (εὐβουλία), искусству (τὸ ἀγχίνουν) императора въ веденіи его дипломатіи[3]. Въ тотъ самый моментъ, когда критиковали его планы, «мысль базилевса,—говоритъ Агаѳій,—видѣла дальше и событія весьма скоро принуждали его хулителей восхищаться его предусмотрительностью и искусствомъ. Раздѣляя варваровъ, онъ самъ, не обнажая меча, одерживалъ посредствомъ своего ума побѣду и осуществлялъ свои надежды». «Базилевсъ понималъ,—говоритъ Менандръ,—что во всякомъ случаѣ, окажись авары побѣдителями или побѣжденными, Римъ отъ этого всегда будетъ въ выгодѣ», и таково уваженіе историка къ Юстиніану, что онъ добавляетъ: «безъ войны, благодаря одной своей εὐβουλία, онъ уничтожилъ бы варваровъ, если-бы дольше прожилъ». Факты подтверждаютъ это свидѣтельство. Своею необыкновенною способностью къ ассимиляціи, своею дѣятельною религіозною пропагандою Византія подчиняла эти разнородные варварскіе элементы одной общей формѣ цивилизаціи. Мы уже видѣли, какъ въ ея войскахъ встрѣчались между собою самыя разнородныя расы, служа одной цѣли, и среди генераловъ и министровъ Юстиніана было

1. *Ioan. Ant.* фр. 217; *Ibid.* 306. Извѣстно, что отрывокъ, приписываемый Іоанну Антіохійскому, весьма вѣроятно ему не принадлежитъ (*Mommsen*, въ Hermes, VI, 323—324).

2. *Agath.*, III.

3. Id., I (?) — 332, 335; *Men.*, 283—284.

много варваровъ по происхожденію. Начальникъ службъ Гермогенъ былъ гуннъ[1]; начальникъ милиціи Мундусъ — гепидъ[2]; Свартасъ и Филемутъ — герулы[3]; Аскумъ — гунъ[4]; Соломонъ, Іоаннъ Троглита, Артабанъ — армяне; Пераній — иверъ[5]; Нарзесъ — плѣнникъ, захваченный въ персидской Арменіи; Велизарій — быть можетъ, славянинъ. Тѣмъ не менѣе всѣ они носятъ въ равной мѣрѣ романскій отпечатокъ; всѣ одинаково слились въ великомъ единствѣ римской и христіанской имперіи. Такой результатъ—немаловаженъ. Наконецъ можно привести еще одно соображеніе: политика Юстиніана—именно та, которую, быть можетъ съ нѣсколько большимъ искусствомъ, византійская имперія практиковала въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Только благодаря удивительному искусству своихъ дипломатовъ, неутомимой дѣятельности своихъ миссіонеровъ, Византія просуществовала столько вѣковъ и устояла противъ столькихъ завоевателей; благодаря тому же, она распространила свою цивилизацію по всему Востоку и оставила въ исторіи неизгладимый слѣдъ.

---

1. *Mal.*, 445.
2. Id., 450—451.
3. B. G., 593.
4. *Mal.*, 438.
5. B. G., 20.

ГЛАВА IX.

Конецъ царствованія Юстиніана.

Послѣдніе годы царствованія Юстиніана, какъ это часто бываетъ въ концѣ очень долгаго правленія, были отмѣчены глубокимъ разстройствомъ всѣхъ отраслей государственнаго управленія. Состарившійся, утомленный и ослабѣвшій императоръ—въ 550 г. ему было 67 лѣтъ, а умеръ онъ на 82 году—утратилъ ту энергическую предпріимчивость, которая прежде толкала его на завоеваніе Африки и Италіи. Вмѣсто прежняго императорскаго честолюбія, изъ котораго исходили прежде рѣшенія, вмѣсто любви къ славѣ, которая влекла его и поддерживала въ наиболѣе трудныхъ предпріятіяхъ, государь сталъ относиться къ дѣламъ совершенно безразлично, обнаруживая все сильнѣе полное равнодушіе [1]. Съ тѣхъ поръ какъ въ 548 г. смерть Ѳеодоры отняла у него опору въ твердой и упорной волѣ послѣдней, недостатки Юстиніана стали гораздо замѣтнѣе, а его маніи стали проявляться все сильнѣе. Онъ доказалъ это въ послѣдніе годы италіанской войны своею постоянною нерѣшительностью [2] и плачевною безпечностью [3]. Вскорѣ онъ окончательно потерялъ интересъ къ военнымъ дѣламъ, находя скучными и безполезными тѣ заботы о войнахъ, которыя прежде онъ такъ любилъ [4], и вмѣсто престижа силы, онъ считалъ теперь болѣе удобнымъ и искуснымъ прибѣгать для обезпеченія безопасности имперіи къ дипломатической ловкости и хитростямъ, часто очень мелочнымъ. Законодательная дѣятельность, составившая славу начала его царствованія, замерла и почти прекратилась; за время съ 555 по 565 года едва набралось десять Новеллъ, тогда какъ прежде, отъ 536 до 541 г., ежегодно появлялось пятнадцать, двадцать и даже двадцать пять указовъ. Конечно административныя мѣры не прекратились вовсе; императоръ

1. *Agath.*, 306, *Men.*, 283.
2. B. G., 411, 440, 441.
3. B. G., 420, 598.
4. *Men.*, 283, *Agath.*, 306.

иногда обращалъ вниманіе на поведеніе своихъ чиновниковъ и желалъ измѣнить его [1]; въ особенности въ новыхъ провинціяхъ государства онъ старался возстановить прежнее процвѣтаніе [2], но и тутъ его главная забота обращалась не на эту сторону и во всякомъ случаѣ его болѣе интересовало правильное поступленіе налоговъ, чѣмъ спокойствіе его подданныхъ [3]. Главнымъ же образомъ имъ почти исключительно овладѣла манія богословствованія. Уже давно забота о религіозныхъ дѣлахъ была такъ дорога его сердцу, что ради нихъ онъ забывалъ самые существенные интересы государства [4]; теперь же эта забота охватила его цѣликомъ. Замѣчательно, что послѣдній указъ, изданный Юстиніаномъ 26 марта 565 г., относится къ церковнымъ дѣламъ и переполненіе его цитатами изъ св. Писанія и отцовъ церкви отлично характеризуетъ настроеніе государя. Какъ говоритъ Кориппъ, котораго вообще нельзя заподозрить въ строгомъ отношеніи къ царствующимъ особамъ, «старикъ болѣе ни о чемъ не заботился; уже холодѣя, онъ жилъ только ожиданіемъ вѣчной жизни; умъ его виталъ въ небесахъ [5]».

Естественно, что зараза такого печальнаго примѣра охватила всѣ ступени управленія [6] и при отсутствіи всякаго строгаго направленія, дѣло, о которомъ мечталъ Юстиніанъ [7], рушились во всѣхъ своихъ частяхъ. Армія была въ полномъ разстройствѣ. Такъ какъ, начиная съ 555 г., война прекратилась на всѣхъ границахъ, то, въ видахъ экономіи, дѣйствующій составъ ея былъ несообразно уменьшенъ: вмѣсто 645000 человѣкъ, изъ которыхъ она должна была состоять, осталось едва 150000, разбросанныхъ въ Италіи, Африкѣ, Испаніи, въ странѣ лазовъ и въ Египтѣ. Сверхъ того воспользовались первыми признаками мира, чтобы распустить войска, считая ихъ на будущее время безполезными [8]. Граница Персіи оставалась открытою, но, что всего удивительнѣе, даже въ столицѣ имперіи весь ея горнизонъ состоялъ только изъ полковъ дворцовой гвардіи, служившихъ только для парадовъ, но не имѣвшихъ никакой военной цѣнно-

1. Nov. 147 (553 г.), 134 (556 г.).

2. Nov. App. 6 и 6 (558 г. относительно Африки и App. 7 и 8 относительно Италіи.

3. Nov. 134, 2.

4. B. G., 429.

5. Just., II, 263—276:

Nulla fuit jam cura seni: jam frigidus omnis.
Alterius vitae solo fervebat amore.
In caelum mens omnis erat.

6. *Agath.*, 306—307.

7. Id., 305—306.

8. Id. 306; Hist. arc. 133.

142. Миніатюра изъ евангелія ап. Матѳея, недавно пріобрѣтеннаго Національною Библіотекою въ Парижѣ.

сти [1]. Въ довершеніе, даже этотъ уменьшенный дѣйствительный составъ арміи содержался крайне плохо: снаряженіе его и снабженіе провіантомъ производилось крайне неправильно; на всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи совершалось организованное воровство и солдаты, лишенные всего необходимаго и принужденные иногда питаться милостынею, взапуски бѣжали отъ своихъ знаменъ [2]. Прежде — и еще около 550 г.—густая сѣть имперскихъ крѣпостей по крайней мѣрѣ достаточно сильно защищала границу [3], но въ 558 г. укрѣпленія на Дунаѣ и цитадели въ Мизіи, Скиѳіи и во Ѳракіи были покинуты [4]; въ странѣ лазовъ византійскіе генералы собственными руками разрушили стѣны укрѣпленныхъ городовъ, чтобы онѣ не служили опорою для непріятеля [5]; даже у воротъ Константинополя Длинная Стѣна Анастасія,[6] плохо поддерживаемая, разрушилась и представляла валы съ образовавшимися въ нихъ тысячами брешей; никакого гарнизона для ея защиты уже не было и на ней не находилось ни одной машины, которая бы охраняла ее; «здѣсь не слышалось, какъ выражается Агаѳій, даже лая сторожевой собаки, который раздается на выгонахъ для скота [7]». Конечно, такая картина представлялась не вездѣ; сохранялись горнизоны, занимавшіе и успѣшно защищавшіе стѣны Херсонеса и Ѳермопилъ, а послѣ нашествія въ 558 году сдѣлано кое-что для исправленія Длинной Стѣны [8]; въ общемъ же и на всѣхъ границахъ войска, будучи очень слабы, были не въ состояніи обезпечить охрану ихъ, такъ что, по словамъ оффиціальнаго документа, «въ виду отсутствія всего самого необходимаго, армія была настолько разстроена, что государство было предоставлено непрерывнымъ нашестіямъ и нападеніямъ варваровъ [9]».

Противъ враговъ имперіи Юстиніанъ считалъ необходимымъ примѣнять новую политику. Высшимъ искусствомъ считалось теперь противопоставить варварамъ варваровъ, сѣять цѣною золота несогласія между ихъ главами, нейтрализовать и уничтожать однихъ посредствомъ другихъ. Особенное искусство видѣлъ онъ въ томъ, чтобы, опять таки цѣною золота, укрощать ихъ склонность къ нашествіямъ и поддерживать

1. *Agath.*, 310—311.
2. Id., 306—307; Hist. arc. 128—138
3. B. G., 522,
4. *Agath.*, 301, 308.
5. B. G., 522, 526.
6. *Agath.*, 305.
7. Id., 325, 332.
8. *Theoph.*, 234.
9. Nov. 148, praef.

спокойствіе въ ихъ племенахъ; если же, не смотря на эти предосторожности, случался набѣгъ—покупать, все тою же цѣною золота, и при томъ очень дорого, ихъ отступленіе [1]. Юстиніанъ полагалъ, что такой образъ дѣйствія будетъ много дешевле содержанія на военномъ положеніи многочисленной арміи; онъ думалъ, что ему гораздо легче управлять дипломатическими сношеніями, чѣмъ военными дѣйствіями, и удивительно то, что современники, Агаѳій и Менандръ, восхищаются, вопреки тѣмъ, кто порицалъ его за это, мудростью и тонкостью этой политики и свидѣтельствуютъ о ея успѣхѣ [2]. И дѣйствительно, можно допустить, что, бросая гуновъ утургуровъ на гуновъ кутургуровъ, какъ это сдѣлалъ Юстиніанъ въ 550 [3] и 559 [4] годахъ, или натравивъ аваровъ на утургуровъ и антовъ [5], Юстиніанъ поступилъ очень ловко, «потому что, какъ говоритъ Агаѳій, варвары взаимно уничтожали другъ друга, а императоръ, не обнажая меча, одерживалъ побѣду, каковъ бы не былъ исходъ ихъ взаимной борьбы [6]»; возможно также, что онъ игралъ навѣрняка, «потому что, замѣчаетъ Менандръ, останутся ли авары побѣдителями или будутъ побѣждены, въ томъ и другомъ случаѣ римляне будутъ въ выигрышѣ [7]». Все это вѣрно, и все это было въ сущности лишь продолженіемъ, но съ большею небрежностью, старой римской политики; только при этомъ нужно было по прежнему имѣть еще и хорошую армію, которая могла бы при случаѣ и обуздать искушенія, появлявшіяся у варваровъ вслѣдствіе щедрости базилевса, и которая была бы способна потушить желаніе всѣхъ ихъ получить отъ императора, волей или неволей, свою часть отъ его щедротъ. Между тѣмъ такой арміи не было и послѣдствіемъ этого были тѣ отношенія, которыя долженъ былъ поддерживать Юстиніанъ въ концѣ своего царствованія съ гунами и аварами.

Въ теченіе многихъ лѣтъ имперія находилась въ сношеніяхъ съ гунами - утургурами, жившими къ востоку отъ Палюсъ-Меотиде [8], и съ гунами кутургурами, жившими къ западу отъ него. Нѣсколько разъ, особенно около 550 и 551 гг. Юстиніанъ устраивалъ нападенія первыхъ на

1. *Agath.*, 306.
2. Id., 331—332. *Men.*, 283—284.
3. B. G., 552—554.
4. *Agath.*, 332—334. *Men.*, 345.
5. *Men.*, 284—285.
6. *Agath.*, 335.
7. *Men.*, 284.
8. B. G., 553. Moeotis Palus—Азовское море.

вторыхъ [1], оказывая денежныя пособія и вообще относясь благосклонно къ утургурамъ, что не помѣшало ему въ тоже время принять и поселить во Өракіи отряды кутургуровъ [2]. Онъ находилъ очень благоразумнымъ возбуждать въ этихъ племенахъ соперничество и желаніе служить имперіи, но самъ убѣдился потомъ, какъ опасна была такая игра. Кутургуры, завидуя преимуществамъ, предоставленнымъ ихъ противникамъ, и желая доказать, что они также опасные воины, достойные уваженія и денежныхъ выдачъ, бросились зимою 558 г. на Өракію [3] и, опустошая все по пути, дошли даже до стѣнъ Константинополя. Началась страшная паника среди впечатлительнаго и подвижнаго населенія Византіи; ему уже казалось, что городъ осажденъ, грозитъ голодъ, валы взяты приступомъ, а пожаръ и грабежъ опустошаютъ городъ. Жители толпились на площадяхъ, либо бѣжали куда глаза глядятъ, какъ будто варвары уже проникли въ ворота города. Въ торопяхъ были перенесены на азіатскій берегъ Босфора богатства и украшенія церквей, казавшихся въ такомъ видѣ недостроенными или опустѣлыми; наиболѣе выдающіеся люди и даже самъ императоръ—трепетали [4]. Извѣстно, какъ въ эти печальные дни старикъ Велизарій охранилъ и спасъ старость Юстиніана; однако, несмотря на пораженіе варваровъ, императоръ нашелъ нужнымъ купить цѣною золота ихъ отступленіе [5]. Онъ вознаградилъ себя тѣмъ, что сильно задѣлъ гордость утургуровъ, притворяясь, что сомнѣвается въ ихъ достоинствахъ, и грозя передать ихъ соперникамъ то денежное пособіе, которое онъ обыкновенно платилъ имъ[6]; тѣмъ не менѣе имперія все таки жестоко пострадала отъ нашествія, а обнаружившаяся слишкомъ очевидная слабость государства послужила ободряющимъ толчкомъ для повторенія подобныхъ же попытокъ.

Это вполнѣ обнаружилось въ отношеніи аваровъ въ 562 г. Нѣсколько лѣтъ раньше этотъ народецъ, убѣгая отъ тюрковъ [7], вошелъ черезъ посредство алановъ въ сношенія съ имперіей. Послы хана прибыли въ Константинополь съ нѣсколько тщеславнымъ предложеніемъ своихъ услугъ Юстиніану, требуя въ вознагражденіе за это подар-

1. B. G., 552—554.
2. B. G., 555.
3. *Agath.*, 302 и сл.
4. Id., 308—309.
5. Id., 331.
6. *Agath.*, 332—332.
7. Относительно тюрковъ см. примѣчаніе Bury во франц. переводѣ сочиненія Гиббона, т. IV русск. пер. стр. 481 и слѣд.

ковъ, жалованья и земель для поселенія [1]. На такія заносчивыя и горделивыя предложенія императоръ, по обычаямъ своей политики, отвѣчалъ довольно униженно. Онъ одарилъ посланныхъ чудесами византійской роскоши и обѣщалъ аварамъ ежегодное пособіе [2]. Этою цѣною онъ предотвратилъ нашествіе ихъ на имперію и обезпечилъ себѣ ихъ помощь противъ гуновъ-утургуровъ, гуновъ-сабировъ и антовъ [3]. Однако вскорѣ затѣмъ авары, убѣдившись въ слабости имперіи [4] и ободренные первымъ успѣхомъ, подошли къ Дунаю, требуя себѣ земель. Юстиніанъ предложилъ имъ поселиться въ Паннонiи второй, замѣстивъ въ ней геруловъ [5], но варвары пожелали лучшаго. Вскорѣ стало очевидно, что подъ внѣшнимъ и лживымъ видомъ уваженія къ договорамъ, они намѣревались перейти Дунай и затѣмъ начать войну. На этотъ разъ воспоминаніе 558 года вызвало нѣкоторую дѣятельность со стороны Юстиніана; сѣверная граница была охраняема строже и, такимъ образомъ, нашествіе отдалено. Но зато въ послѣдующія царствованія авары стали смѣлѣе и хотя Менандръ утверждаетъ [6], что еслибы Юстиніанъ прожилъ дольше, то онъ уничтожилъ бы ихъ всѣхъ до одного, можно думать однако, что слабость, обнаруженная имъ при первыхъ ихъ просьбахъ, содѣйствовала дальнѣйшей заносчивости ихъ требованій.

Хотя и соблюдалось значительная экономія, переходившая даже за предѣлы благоразумія и необходимости относительно расходовъ на армію и на военныя сооруженія, но неблагоразумно раздаваемыя пособія варварамъ истощали еще сильнѣе государственную казну. Съ другой стороны, Юстиніанъ не могъ рѣшиться на какое либо сокращеніе издержекъ на роскошь. Императоръ безъ счета расходовалъ на поддержаніе блеска византійскаго двора и того императорскаго величія, которое было однимъ изъ средствъ его политики, а также на окончаніе тѣхъ безчисленныхъ построекъ, которыми онъ украсилъ свою столицу и все государство. «Расточали деньги, нужныя для арміи, говоритъ Агаѳій, на безчестныхъ женщинъ, на возничихъ цирка, на ничего не стоющихъ людей, способныхъ заниматься только общественными смутами, да борьбою партій [7]». Еще разорительнѣе

1. *Men.*, 282.
2. Id., 285, 286.
3. Id., 284.
4. Id., 287.
5. *Men.*, 285.
6. Id., 285.
7. *Agath.*, 307.

143. Мозаика въ церкви св. Аполлинарія in Classe въ Равеннѣ.

обходились постройки; особенно захватывало императора сооруженіе церкви св. Софіи. Постройка этого громаднаго храма, законченная только въ 562 г., и торжества, сопровождавшія освященіе его (въ декабрѣ 562 г.), стоили чудовищныхъ суммъ [1]. Наконецъ, непредвидѣнныя несчастія, особенно участившіяся въ концѣ царствованія, требовали отъ Юстиніана новыхъ тратъ. Въ 551 г. страшное землетрясеніе опустошило Палестину, Аравію, Месопотамію, Финикію, разрушивъ Тиръ, Сидонъ, Бейрутъ и Триполи; потребовалась помощь правительства жертвамъ этой катастрофы и возмѣщеніе бѣдствій, причиненныхъ городамъ [2]. Въ 554 г. такая же катастрофа поразила Константинополь и Никомедію [3] и столицу охватилъ при этомъ такой ужасъ, что въ послѣдующіе годы въ годовщину этого великаго бѣдствія весь городъ толпился въ церквахъ, молясь о божественномъ милосердіи [4]. Въ декабрѣ 557 г. это бѣдствіе повторилось еще ужаснѣе: «немногаго не доставало, говоритъ Агаѳій, чтобы вся Византія была разрушена [5]». Въ теченіе многихъ дней повторные толчки колебали почву; толпа, тѣснясь въ церквахъ, считала, что наступилъ конецъ міра [6], и потребовалось много времени для успокоенія обезумѣвшаго населенія, постоянно воображавшаго, что подъ его ногами колеблется земля [7]. Въ знакъ траура императоръ въ теченіе тридцати дней не надѣвалъ своей діадемы [8], но этимъ нельзя было ограничиться: нужно было возстановлять разрушенное [9] и помогать жертвамъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ 558 г., чума въ свою очередь опустошила столицу [10], и такимъ образомъ на протяженіи шести мѣсяцевъ ее постигли два бѣдствія.

Само собою понятно, что все это стоило очень дорого [11].

1. *Agath.*, 295, 297; *Mal.*, 490, 495.

2. *Mal.*, 485; *Іоаннъ Ефес.*, Hist (Comm., 241—242). Малала опредѣляетъ время индиктомъ 14=550 - 551. Іоаннъ Ефес.—870 г. александрійской эры=558—559; *Agath.*, 95—100.

3. *Mal.*, 486—487, указываетъ на августъ мѣсяцъ индикта 2=554 г. Іоаннъ Ефес., Hist (Comm., 241) относитъ событіе къ августу 865 г.=554.

4. *Іоаннъ Еф.*, Hist., 241.

5. *Agath.*, 281.

6. Id., 287.

7. Id., 295.

8. *Mal.*, 489, опредѣляетъ время индиктомъ 6.

9. *Agath.*, 295. Ср. *Іоаннъ Еф.*, Hist. (въ Comm., 225—226, 227, 242).

10. *Agath.*, 297—298; *Mal.*, 489.

11. *Evagr.*, 4, 30. Нужно замѣтить, что въ это самое время были вновь предприняты нѣкоторыя важныя общественныя сооруженія, каковы, напр., мостъ на Сангаріосѣ, который началъ строиться въ 560 г. (*Теоph.*, 234) и былъ оконченъ въ концѣ 562 г. (*Павелъ Силенц.*, 930—933).

Истощенное излишествомъ расходовъ, государственное казначейство еще сильнѣе обременялось долгами и потребность въ финансовыхъ средствахъ со дня на день чувствовалась все сильнѣе. «Никогда государство, пишетъ Юстиніанъ въ 552 г., не испытывало такой нужды въ деньгахъ, какъ въ настоящее время [1]». Чтобы достать ихъ, увеличивались мѣры строгости, но несмотря на приказанія государя, налоги, тяжесть которыхъ постоянно усиливалась, поступали съ величайшимъ трудомъ. Въ 559 г. значительныя суммы не могли поступить, такъ какъ агенты казначейства не могли добиться ихъ уплаты [2]. Сверхъ того, жадность должностныхъ лицъ, безсовѣстно эксплуатировавшихъ провинціи, постоянно увеличивала безъ всякой выгоды для государства нищету населенія. Администраціи предоставлена была полная свобода; воровали открыто, говоритъ Агаѳій [3], и безсовѣстное лихоимство губернаторовъ задерживало по дорогѣ большую часть доходовъ казны. Правосудіе было возмутительно медленно и продажно [4]; притѣсненіе провинцій—постоянное и позорное и неурядица въ управленіи дошла до такой степени, что въ 556 г. въ самомъ Константинополѣ, вслѣдствіе непринятія необходимыхъ предупредительныхъ мѣръ, обнаружился голодъ и пришлось въ теченіе трехъ мѣсяцевъ кормить населеніе столицы [5], установивъ выдачи въ возможно малыхъ размѣрахъ. Въ 562 г., несмотря на сооруженныя Юстиніаномъ громадныя цистерны, не хватало воды [6], и по такимъ примѣрамъ, имѣвшимъ мѣсто передъ глазами самого государя, можно судить о томъ, что происходило въ отдаленныхъ провинціяхъ. Въ послѣдніе года царствованія приходилось постоянно прибѣгать къ разнаго рода уловкамъ; выпускалась фальшивая манета [7]; затѣмъ, чтобы пополнить пустую казну, должны были прибѣгнуть къ насильственнымъ и тяжелымъ займамъ [8], чѣмъ только сильнѣе запутывались въ долгахъ [9], и, въ концѣ концовъ, по словамъ офиціальнаго документа, казна была «приведена до послѣдней степени нищеты» [10]. Таковъ былъ результатъ всего хода дѣлъ.

Другимъ послѣдствіемъ плачевной финансовой политики

1. Nov. 147, praef.
2. Nov. 148, 1
3. *Agath.*, 307.
4. Nov. 134, 2, 4.
5. *Mal.*, 488.
6. *Mal.*, 492.
7. Id., 486.
8. Just., II, 261.
9. Nov. 148, praef.
10. Nov. 148, praef.

было постоянное возрастаніе народнаго неудовольствія. Въ Константинополѣ уже позабыли кровавую репрессію, нѣкогда послѣдовавшую за возмущеніемъ «Ника»; теперь не проходило почти ни одного года, чтобы какая нибудь смута не волновала столицу и столкновенія Зеленыхъ и Голубыхъ снова наполняли Византію убійствами и пожарами [1]. Когда въ 553 г. сдѣлана была попытка выпускать фальшивую монету,—произошелъ бунтъ [2]; голодъ 556 г. вызвалъ безпорядки, причемъ самъ императоръ подвергся оскорбленіямъ въ циркѣ, такъ что пришлось приняты жестокія мѣры [3]. Въ 559 г. происходила уличная борьба, во время которой бунтовщики осадили и сожгли дворецъ префекта преторіи; морской арсеналъ и нѣкоторыя другія общественныя постройки также сдѣлались добычею пламени [4]. Въ 560 г., когда прошелъ слухъ, что императоръ скончался, были разграблены лавки и казалось началась революція [5]. Въ 561, 562 и 564 гг. снова произошли безпорядки въ циркѣ и на улицахъ [6], и въ то время, когда въ городѣ то и дѣло подымались смуты, интриги и заговоры шли вокругъ самого состарившагося императора. Въ 562 г. составился заговоръ убить Юстиніана [7]. Въ виду близкой кончины его и открывавшагося престолонаслѣдія шли интриги и племянники базилевса уже заранѣе спорили о наслѣдствѣ. Съ одной стороны стояли сыновья Германоса и особенно старшій изъ нихъ Юстинъ, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и популярныхъ генераловъ имперіи [8]; съ другой—сынъ Вигиланціи, тоже Юстинъ, женатый на Софіи, племянницѣ Θеодоры. Повидимому между обоими соперниками шла горячая борьба, и каждый изъ нихъ старался заслужить благосклонность императора и добивался должностей, которыя могли бы обезпечить ему наслѣдіе престола. Но въ то время, когда сынъ Германоса сражался на границахъ Лазики и Дуная, его соперникъ оставался при дворѣ и получилъ высокую должность куропалата [9]. Во многихъ торжественныхъ случаяхъ онъ являлся представителемъ стараго императора, а его жена Софія, наслѣдовавшая нѣкоторыя черты честолюбивой смѣлости своей тетки, Θеодоры, искустно помогала ему проложить дорогу къ трону. Наконецъ

1. *Mal.*, 483—484.
2. Id., 486.
3. Id., 488.
4. Id., 490—491.
5. *Theoph.*, 234—235.
6. *Mal.*, 492; *Theoph.*, 235—236, 239; *Hermès*, VI, 380—381.
7. *Mal.*, 493—494.
8. *Evagr.*, 5, 1.
9. *Mal.*, 461; *Theoph.*, 239.

между обоими соперниками былъ заключенъ формальный договоръ; послѣ долгихъ споровъ было условлено, что тотъ, которому достанется престолъ, сдѣлаетъ другого первымъ послѣ базилевса лицомъ въ государствѣ [1]. Однако Юстиніанъ изъ предосторожности избѣгалъ окончательнаго рѣшенія. Память Ѳеодоры болѣе склоняла его симпатіи на сторону куропалата, но, становясь съ годами все болѣе недовѣрчивымъ, подозрительнымъ и ревнивымъ ко всякого рода популярности и честолюбію [2], онъ, казалось, боялся вызвать формальнымъ назначеніемъ себѣ преемника неудовольствіе однихъ и ободрить другихъ высокими надеждами. Подобно тому, какъ онъ нейтрализовалъ варваровъ, противопоставляя однихъ противъ другихъ, такъ же точно онъ держалъ въ рукахъ своихъ предполагаемыхъ наслѣдниковъ, сохраняя въ отношеніи ихъ равновѣсіе. Онъ умеръ (въ ноябрѣ 565 г). ничего не рѣшивъ, даже въ смертный часъ не призвавъ къ себѣ куропалата, но послѣдній, со своей стороны, принялъ мѣры предосторожности. Будучи увѣренъ въ большинствѣ сената и еще болѣе въ преданности императорской гвардіи и ея начальника Тиверія, онъ сразу овладѣлъ престоломъ и вскорѣ сумѣлъ избавиться отъ своего прежняго соперника [3].

Таковъ былъ конецъ царствованія Юстиніана,—довольно печальный конецъ славной исторіи, и понятно, что въ виду всѣхъ перечисленныхъ бѣдствій, униженій и позора, сужденіе современниковъ о послѣднихъ годахъ состарившагося императора было жестоко [4]. Понятно также, что по ихъ примѣру и позднѣйшіе историки,—особенно пораженные печальною картиною той эпохи, когда Юстиніанъ дѣйствительно пережилъ самого себя, — являются нерѣдко чрезвычайно строгими въ отношеніи оцѣнки управленія великаго императора. Однако несправедливо судить объ императорѣ по этому періоду упадка, когда, подъ внѣшностью величія и славы, такъ жестоко обнаружились его слабости; это такъ же несправедливо, какъ судить о Людовикѣ XIV, котораго Юстиніанъ напоминаетъ многими чертами, только по послѣднимъ пятнадцати годамъ его долгаго царствованія. Конечно, въ дѣлахъ византійскаго цезаря не все одинаково достойно похвалъ; великіе замыслы его политики не разъ омрачались

1. *Evagr.*, 5, 1.
2. *Agath.*, 322.
3. *Evagr.*, 5, 1, 2.
4. Id., 5, 1: *Corr.*, Just., II, 260—263.

посредственностью исполенія и окончательные результаты его гигантскаго честолюбія были во многихъ отношеніяхъ плачевны. Дѣло реформы управленія осталась невыполненнымъ, попытка религіознаго соглашенія не удалась самымъ жалкимъ образомъ, а дипломатическія уловки оказались безсильными охранить государство. Но, какъ бы не былъ печаленъ конецъ, не слѣдуетъ забывать того, что было безспорно и дѣйствительно великимъ. Если желать сдѣлать правильную оцѣнку Юстиніана, какъ человѣка и какъ дѣятеля, необходимо очень тщательно раздѣлить его почти сорокалѣтнее царствованіе на періоды и не относить на все сумерки печальнаго конца; требуется очень точная хронологическая отправная точка, которая, однако, не всегда соблюдалась. Только при этомъ можно различить благородныя намѣренія и высокія мысли этого, такъ осуждаемаго управленія, увидѣть безспорное величіе этого долгаго царствованія, бывшаго довольно продолжительное время славнымъ, и особенно — понять совершившійся обширный и плодотворный прогрессъ цивилизаціи въ громадныхъ областяхъ его имперіи.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ВИЗАНТІЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ ВЪ VI ВѢКѢ.

БОЛЬШІЕ ГОРОДА ИМПЕРІИ.

ГЛАВА I.

Константинополь.—Ипподромъ.

Среди большихъ городовъ греческой имперіи, гдѣ наиболѣе сказывались господствующія страсти и характерные вкусы византійскаго общества VI вѣка, Константинополь естественно занимаетъ первое мѣсто. Въ этомъ громадномъ городѣ, который уже во времена Юстиніана насчитывалъ около милліона жителей [1], гдѣ толпились и сталкивались всѣ народности имперіи и представители всѣхъ варварскихъ племенъ [2]; среди этого пестраго, волнующагося и шумнаго населенія, легковѣрнаго и подвижнаго, суевѣрнаго и набожнаго, всегда готоваго на всякаго рода панику и мятежъ,—проявлялись какъ бы въ уменьшенномъ видѣ всѣ наиболѣе выдающіяся черты цивилизаціи данной эпохи. Тутъ можно было наблюдать всевозможные контрасты и профессіи. На ряду съ чудесами византійской роскоши, украшавшими Священныя Палаты и жилища высшихъ сановниковъ, громадная торговая дѣятельность царила въ портахъ и верфяхъ Босфора, гдѣ сосредоточивались произведенія трехъ частей свѣта. Здѣсь совмѣщались и торжественныя проявленія религіозной жизни, и благочестивая праздность безчисленныхъ монастырей, и дѣятельная и цвѣтущая промышленность, группирующаяся въ сложную іерархію рабочихъ корпорацій [3]. Наконецъ противъ высокомѣрной аристократіи сенаторовъ, патриціевъ, членовъ верховнаго совѣта, богатой буржуазіи изъ банкировъ, негоціантовъ и спекулянтовъ здѣсь стояла

1. Эту цифру даетъ *Krause* въ своемъ соч. Die Byzantiner des Mittelalters, стр. 72.

2. *Прокопій*, Hist. arc., 132, говоритъ, что въ его время въ Константинополѣ жило 70,000 варваровъ.

3. Объ этихъ очень многочисленныхъ корпораціяхъ или συστήματα въ столицѣ см. Nov. 43. praef., 59 и 122; объ особенно важной корпораціи банкировъ или *аргентаріевъ* см. Nov. 136; Ed. 7 и 9.

громадная масса плебса, изъ года въ годъ увеличивавшаяся приливомъ всякаго рода праздношатающихся, бродягъ, воровъ и нищихъ, которые отправлялись въ Константинополь изъ провинцій [1].

144. Крестъ Юстина II, хранящійся въ церкви св. Петра въ Римѣ.

Управлять, сдерживать и держать въ порядкѣ эту впечатлительную толпу, одинаково легко переходящую отъ привѣтствій къ оскорбленіямъ и отъ развлеченій къ бунту, — для императора было далеко нелегкимъ дѣломъ. Какъ и во всѣхъ столицахъ, въ Византіи царила чрезвычайная распущенность. Юстиніанъ, любившій выставлять себя защитникомъ нравственности и надѣявшійся добродѣтельною ревностью заслужить божеское благоволеніе [2], описалъ съ трудно воспроизводимыми подробностями всѣ пороки, которыми былъ

1. Nov. 80, praef. и гл. 4 и 9.

2. Nov. 14, гл. 1 ad finem; ср. C. I., 5, 17, 11, въ которыхъ къ прежнимъ поводамъ къ разводу Юстиніанъ прибавляетъ обстоятельство, по его мнѣнію, совершенно недопустимое для женщины, — совмѣстное купанье съ мужчинами.

зараженъ городъ, непотребные дома, усѣявшіе весь городъ и даже устраивавшіеся подъ сѣнью церквей [1], позорные нравы, проявляемые, говоритъ онъ, «по дьявольскому наущенію» почти открыто [2], нечестивыя кощунства [3] и страсть къ игрѣ, ведущая къ позорнѣйшимъ скандаламъ [4]; наконецъ всѣ тѣ пороки, которые, по словамъ императора, «влекутъ за собою справедливый гнѣвъ Божій, насылающій на людей чуму, голодъ и землетрясенія» [5]. Для исправленія этихъ нравственныхъ бѣдъ онъ назначалъ разслѣдованія и издавалъ приказы. Еще болѣе озабочивало его броженіе умовъ. Константинополь былъ излюбленнымъ мѣстомъ предсказателей и гадальщиковъ [6]; съ ихъ голоса суевѣрная и нервная толпа часто доходила до безумія въ непостижимыхъ паникахъ [7]. Нужно прочесть у историковъ того времени разсказъ о тѣхъ трагическихъ дняхъ, когда неизвѣстно откуда появлявшіяся ворожеи и гадальщицы бѣгали по городу, возвѣщая близкій конецъ міра и новый потопъ, который зальетъ всю вселенную. Благоразумные люди находили, что слѣдовало бы по просту арестовать агитаторовъ, смущавшихъ столицу своими обманами [8]; но перепуганный народъ вѣрилъ ихъ словамъ и полныя ужаса массы народа толпились въ церквахъ, творя молитвы, оглашая храмы своими воплями и взывали къ небесамъ, прося божескаго милосердія пѣніемъ жалобной, трогательной молитвы Kyrie Eleison. Нѣкоторые поступали въ монастырь, отказываясь отъ своего состоянія и должностей; другіе отдавали свои имущества церкви или расходовали ихъ на благотворительныя дѣла. Каждый желалъ умереть, получивъ прощеніе, и подобная смута иногда продолжались въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, прежде чѣмъ императору удавалось успокоить страхи, которые онъ самъ раздѣлялъ. Но еще хуже было тогда, когда дѣйствительная опасность,—землетрясеніе или неожиданное нападеніе варваровъ,—возбуждала испугъ населенія столицы [9]. Въ такихъ случаяхъ паника становилась ужасающею; народъ собирался

1. Nov. 14, praef.

2. Nov. 77 и 141.

3. Nov. 77.

4. Cod. J., 3, 43; 1, 4. 34. 1.

5. Nov. 77, гл. 1; 141, praef. Ср. Nov. 142, praef., запрещающую оскопленіе и указывающую, что изъ 90 дѣтей, подвергшихся этой операціи, пережили ее только трое.

6. *Mal.*, 481; *Agath.*, 287. О чудесахъ, въ которыя вѣрило константинопольское населеніе, см. у *Evagr.*, 4, 36.

7. *Mal.* 480; *Agath.*, 287, 288.

8. *Agath.*, 288.

9. Id., 281, 287, 295.

на площадяхъ, въ лавкахъ, въ алтаряхъ, крича и вопя, молясь и распѣвая гимны; иногда внезапныя тревоги вызывали среди этой плотной толпы безпорядочныя свалки. Спѣшно увозились церковныя сокровища и образа, чтобы спасти ихъ отъ катастофы; каждый второпяхъ старался помѣстить въ безопасное мѣсто хоть немного изъ того, что имѣлъ, и самъ императоръ, потерявъ голову, отчаявался въ спасеніи государства [1]. Но безуміе достигло крайнихъ предѣловъ во время жестокой чумы въ 542 г., которая въ теченіе цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ губила населеніе столицы [2]. Сначала ежедневно она уносила по 5,000 жертвъ, но вскорѣ дошло до 10,000, а бывали дни, когда умершихъ насчитывали до 16,000. Опустѣлыя улицы были завалены трупами, которыхъ не успѣвали хоронить и которыхъ какъ попало сваливали въ башняхъ, на валахъ или на пустыхъ корабляхъ, приносимыхъ теченіемъ Босфора [3]. Всѣ дѣла въ городѣ прекратились; ремесленники не работали и къ болѣзни присоединился голодъ, такъ какъ сталъ обнаруживаться недостатокъ хлѣба. Когда же самъ императоръ заболѣлъ чумою и прекратилась оффиціальная дѣятельность [4], общественная жизнь исчезла и ужасъ достигъ высшей степени. Народное легковѣріе создавало разныя страшныя бредни: разсказывали, что по улицамъ блуждаютъ призраки, поражающіе тѣхъ, кто съ ними встрѣчается, и обрекающіе на смерть; говорили о странныхъ видѣніяхъ, при чемъ ужасные голоса возвѣщали несчастнымъ, что они внесены въ списокъ жертвъ [5], и испуганные жители запирались въ своихъ домахъ, отказываясь открывать ихъ даже для своихъ ближайшихъ друзей, боясь, чтобы привидѣніе не проскользнуло въ открытую дверь; другіе толпились въ церквахъ, молясь, исповѣдуя свои грѣхи, каясь въ надеждѣ искупить раскаяніемъ свою распущенную или преступную жизнь и такимъ внезапнымъ обращеніемъ къ благочестію заслужить божеское милосердіе [6]. Больные падали на улицахъ въ обморокѣ, изъ котораго

1. *Agath.*, 308—309; *Іоаннъ Ефес.*, Hist. (R. O. Chr., loc. cit., 485).

2. B. P., 249—254; *Mal.*, 482. *Evagr.*, 4, 29. *Bar Hebraeus*, Chr. syr., 80, и особенно *Іоаннъ Ефес.*, Hist., (въ Comm., 232—240), бывшій какъ и Прокопій (B. P., 251), очевидцемъ страшной эпидеміи. У него же можно найти картину постепеннаго развитія ея въ Сиріи и Малой Азіи (Hist. въ Comm., 227—232), куда историкъ бѣжалъ въ виду этого бѣдствія (ibid., 231—232).

3. B. P., 257; *Іоаннъ Еф.*, 235—236.

4. Id., 258—259; *Іоаннъ Еф.*, 237.

5. Id., 251. Ср. *І. Еф.*, 229. и Bibl. or., II, 86.

6. B. P., 251, 257—258.

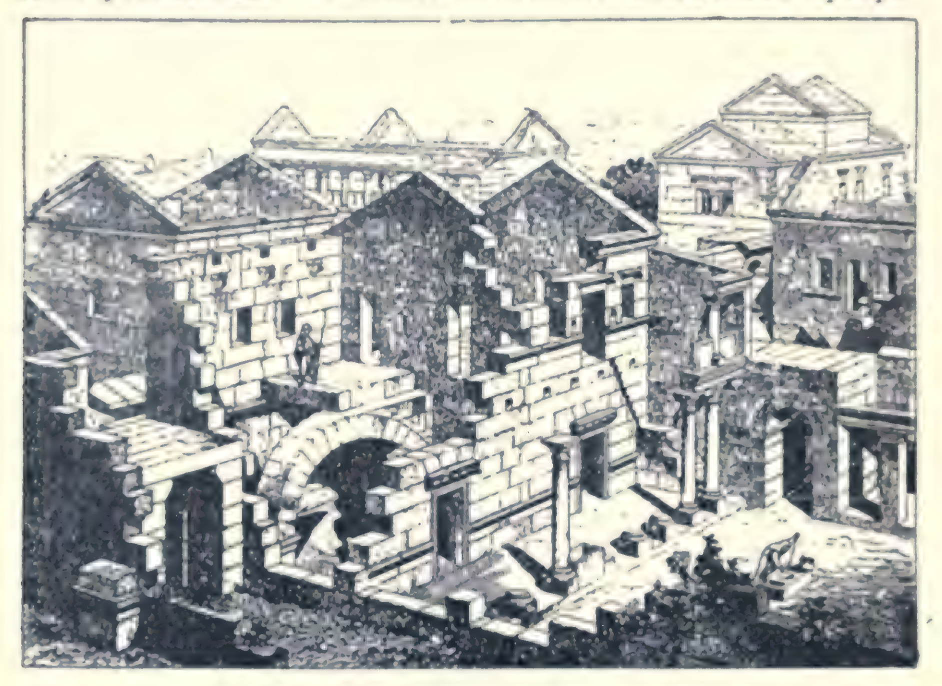
болѣе не приходили въ себя, или же, охваченные внезапнымъ безуміемъ, съ ужасающими криками бѣжали отъ преслѣдованія созданныхъ ихъ воображеніемъ палачей и въ такомъ бреду бросались въ море[1]. Всѣ различія общественнаго положенія и семейныя связи исчезли: рабы, потерявшіе хозяевъ, и важныя особы, лишенныя прислуги, перемѣшивались въ общей сутолокѣ; самые близкіе родные не отдавали послѣдняго долга своимъ умершимъ родственникамъ[2], и даже Зеленые и Синіе прекратили свои распри и слились во всеобщемъ траурѣ[3].

Такое положеніе бывало въ критическіе моменты, но и въ обычное время ежедневно разносители новостей смущали своими разсказами эту толпу праздныхъ зѣвакъ, любопытство которыхъ возбуждалось всѣмъ одинаково, китомъ-ли, который однажды былъ выброшенъ на берегъ Босфора[4], или послѣдней пѣсенкой противъ Ѳеодоры. Обыкновенно они собирались вечеромъ подъ аркадами императорскаго Портика[5] и располагались въ книжныхъ лавочкахъ, разсуждая и споря обо всемъ, о философіи, политикѣ, медицинѣ, богословіи, при чемъ они такъ упорно защищали свои мнѣнія и заявленія, что нерѣдко споръ переходилъ въ ругань и во взаимныя оскорбленія. Своими манерами, высокопарною и обходительною рѣчью, важностью затрогиваемыхъ ими вопросовъ и тѣмъ, какъ они все объясняли, они производили впечатлѣніе на внимательно прислушивавшуюся къ нимъ чернь. Въ общемъ обыкновенно это были необразованные и невоспитанные ничтожества, «шуты», мечтавшіе попасть въ паразиты при богатыхъ домахъ, и которымъ выпитое ими вино сообщало и вымыслы, и краснорѣчіе. Свѣтскіе люди, находившіе забавными ихъ непристойности и выходки при полученіи остававшихся объѣдковъ, обращались съ ними съ фамильярностью, часто оскорбительною и жестокою[6]; но толпа съ восторгомъ слушала произносимыя ими пустыя рѣчи и глубокомысленныя объясненія, которыя они давали событіямъ; она удивлялась тѣмъ особымъ отношеніямъ ихъ, которыя они старались выставить на показъ, и слѣпо вѣрила ихъ разсказамъ и новостямъ, которыя они привозили изъ своихъ путешествій за границу[7]. Изъ этого видно,

1. B. P., 252—253.
2. *Mal.*, 482.
3. B. P., 257.
4. Hist. arc., 96; B. G., 399—400.
5. *Agath.*, 127. Cp. Aed., 206, и *Mordtmann*, loc. cit., 66—67.
6. *Agath.*, 127—130. Cp. B. P. 249.
7. Id., 130, 135—136.

сколько заботъ должно было прилагать правительство для поддержанія тишины и порядка въ этомъ волнующемся и фрондирующемъ городѣ, особенно же для сохраненія матеріальнаго спокойствія.

Юстиніанъ не отступилъ передъ этой задачей. Въ видахъ установленія въ Константинополѣ благочинія, прекра-

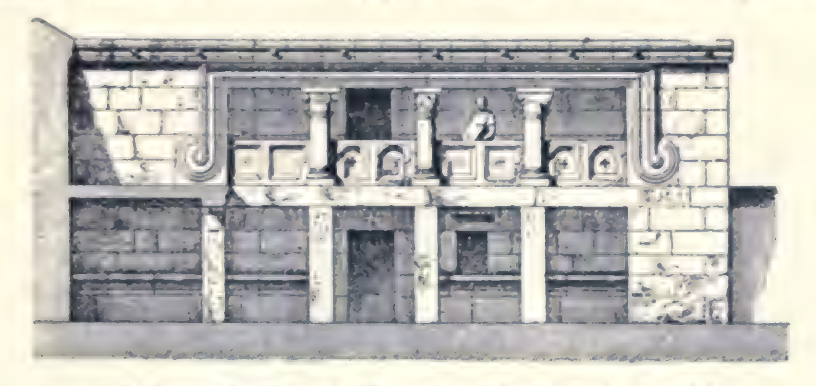
145. Византійскій городъ VI-го вѣка (Реституція де Вогюэ).

щенія смутъ и преслѣдованія кражъ, разврата и убійствъ, однимъ словомъ, для того, чтобы, какъ онъ выразился, «очистить нашу столицу отъ лютыхъ звѣрей, которые грабятъ ее», онъ учредилъ въ 535 г. рядомъ съ префектомъ города, новую судебную должность, такъ называемыхъ народныхъ преторовъ[1]. Вскорѣ, довольный успѣхомъ этого перваго опыта[2], Юстиніанъ создалъ въ 539 г. еще другую должность—квезитора[3] съ цѣлью освободить городъ отъ множества наполнявшихъ его праздныхъ провинціаловъ, воровъ и нищихъ, изъ которыхъ составлялись ряды участниковъ въ мятежахъ, и въ томъ же году, въ видахъ ускоренія судопроизводства, онъ учредилъ особую

1. Nov. 13. Cp. Hist. arc., 116.
2. Nov. 80, praef.
3. Nov. 80, Hist. arc., 116—117.

судебную палату, засѣдавшую въ Императорскомъ Портикѣ и примѣнявшую упрощенный порядокъ производства дѣлъ[1]. Но главною заботою его было кормить, занимать и непрерывно развлекать населеніе столицы, привыкшее жить на счетъ императорскихъ щедротъ, и недовольство котораго и внезапныя вспышки внушали ему постоянное и основательное безпокойство.

Подобно тому, какъ населеніе Рима въ теченіе пяти вѣковъ имперіи, такъ и населеніе Византіи требовало отъ своихъ владыкъ только двухъ вещей: хлѣба и зрѣлищъ.

146. Византійскій домъ VI-го вѣка (*Vogüé*, Syrie centrale).

Поэтому префекту преторіи ежегодно предстояло очень важное дѣло—собрать достаточно зерноваго хлѣба, необходимаго для питанія столицы; своевременное прибытіе такъ называемаго пшеничнаго флота[2] очень живо интересовало самого императора. Плебсъ въ сущности весьма мало интересовался политикою, лишь бы зерно было дешево и щедро раздавались раціоны хлѣба, вина и оливковаго масла; но какъ только, по неосмотрительности администраціи или вслѣдствіе преступныхъ спекуляцій какихъ либо должностныхъ лицъ, начиналъ обнаруживаться недостатокъ въ нихъ, тотчасъ въ столицѣ начинались волненія и безпорядки, часто сопровождавшіеся пожарами и кровопролитіемъ[3]. Но больше чѣмъ хлѣба, народъ требовалъ зрѣлищъ. Извѣстно, какъ Юстиніанъ заслужилъ народное расположеніе тѣмъ, что, празднуя свой «знаменитый» консулатъ,—при чемъ роскошью онъ превзошелъ всѣхъ своихъ пред-

1. Nov. 82. Объ этихъ различныхъ судахъ см. *Zachariae von Lingenthal*, Gesch. des Griechisch-röm. Rechts, 372, 367—369, 358—359.

2. Aed., 310—311; Ed. 13.

3. Hist. arc., 125—126; *Mal.*, 488, 491.

шественниковъ,—онъ приказалъ убить въ циркѣ двадцать львовъ и тридцать леопардовъ, роздалъ побѣдителямъ на бѣгахъ лошадей, покрытыхъ богатыми попонами, и вообще въ нѣсколько дней издержалъ болѣе полутора милліона рублей на современныя деньги[1]. То, что онъ сдѣлалъ въ этомъ случаѣ, онъ позднѣе, ставши императоромъ, возвелъ въ принципъ управленія. Въ длинномъ указѣ онъ съ удовольствіемъ занялся подробнымъ установленіемъ какого рода празднествами каждый новый консулъ долженъ праздновать свое вступленіе въ должность[2]. Чтобы доставить народу удовольствія, на которыя онъ имѣетъ право,—развлеченія должны были продолжаться полныхъ семь дней; чтобы не лишать плебсъ ни одной изъ забавъ, ему должны были быть даны поочередно: бѣгъ колесницъ, охоты на животныхъ, борьба людей съ дикими животными, театральныя представленія, особенно комическія и шутовскія[3], хоры, пантомимы, словомъ, говорится въ указѣ, «всякія представленія, которыя могутъ усладить умъ и глаза». Въ другомъ мѣстѣ Юстиніанъ говоритъ: «нужны зрѣлища, чтобы увеселять народъ»[4], и затѣмъ съ довольно тонкимъ психологическимъ чутьемъ прибавляетъ, что такія зрѣлища нужно вести такъ, чтобы не наводить на народъ скуки. «То, что видятъ рѣдко, писалъ онъ, особенно возбуждаетъ восхищеніе»[5]. Такимъ образомъ удовлетвореніе народнаго любопытства блескомъ торжествъ и празднествъ представлялось Юстиніану однимъ изъ полезныхъ средствъ управленія; съ другой стороны, надежнымъ орудіемъ для него было еще отвѣчать склонности плебса къ набожности, давая ему, наряду съ чудесами Ипподрома, величественныя церемоніи и великолѣпіе Святой Софіи. Циркъ и религія,—таковы были двѣ главнѣйшія стороны жизни населенія Константинополя, и съ этой двойной точки зрѣнія, въ этихъ двухъ господствующихъ страстяхъ нужно изучать это праздное и любопытное, благочестивое и суевѣрное, въ то же

1. *Marcel. comm.*, ann. 521.

2. Nov. 105, гл. 1.

3. Nov. 105, гл. 1: [illegible] О томъ, что представлялъ въ Византіи театръ въ собственномъ смыслѣ, см. *Sathas*, Ἱστορ. δοκίμιον περὶ τοῦ θεάτρου τῶν Βυζαντινῶν, стр. [illegible], и рѣчь *Choricius*'а (Rev. de Phil., 1877, стр. 212—247). См. также B. G., 93, и о нелюбви Юстиніана къ театру въ Hist. arc., 147.

4. Nov. 105, гл. 1: πρὸς ψυχαγωγίαν τοῦ δήμου.

5. Nov. 105, гл. 1

время раздражительное и склонное къ бунту население, трудно сдерживаемая горячность котораго выливалась нерѣдко въ опасныя возстанія и которое,—если только чего-нибудь недоставало для удовлетворенія его нуждъ и развлеченій, если хлѣбъ становился дорогъ или его возбуждали страсти цирка, либо воспламенялъ какой-нибудь религіозный вопросъ,—было готово обращать свой гнѣвъ и брань даже на императора, при чемъ, при такихъ вспышкахъ внезапнаго безумія, оно даже не останавливалось предъ тѣмъ, чтобы ниспровергнуть самый императорскій тронъ.

Ипподромъ[1].

Въ центрѣ современнаго Стамбула, на большой площади Атмеиданъ, передъ мечетью Султанъ-Ахметъ, виднѣются три монумента, наполовину вошедшіе въ землю. На одномъ концѣ ея стоитъ высокая каменчая пирамида, въ настоящее время довольно попорченная и пострадавшая, но прежде она была одѣта позолоченными бронзовыми досками и воздвигнута въ X вѣкѣ, какъ «чудо, соперничающее съ Колоссомъ Родосскимъ[2]». На другомъ концѣ площади—египетскій обелискъ, который по распоряженію императора Θеодосія былъ привезенъ съ береговъ Нила для украшенія его столицы и продолжаетъ стоять въ своей незыблимой гранитной массѣ на пьедесталѣ, цѣликомъ украшенномъ интересными барельефами[3]. Между этими двумя памятниками помѣщается почти уже ушедшая въ землю небольшая бронзовая колонна, состоящая изъ спирально свившихся трехъ змѣй, головы которыхъ расходились въ разные стороны, служа опорою золотому треножнику. Въ настоящее время треножника уже нѣтъ: во время столькихъ грабежей, которымъ подвергался Константинополь, предметы такой цѣнности не могли сохраниться. Точно также нѣтъ болѣе и змѣиныхъ головъ. Уже въ очень давнее время суевѣріе византійцевъ приписывало имъ разныя таинственныя свойства и разсказывали, что какой то патріархъ, свѣдущій въ колдовствѣ, желая избавить своего владыку императора отъ трехъ опасныхъ, грозившихъ ему враговъ, пришелъ однажды въ полночь и, произнося кабалистическія формулы, обезглавилъ ударами молотка трехглавое чудовище[4]. Тѣмъ не менѣе на

1. См. *Rambaud*, L'Hippodrome à Constantinople (Rev. des Deux-Mondes, 15 авг. 1871 г.). Я очень обязанъ этой интересной статьѣ. См. также *Rambaud*, De Byzantino hippodromo et circensibus factionibus, Paris, 1870.

2. *Unger*, Quellen der byz. Kunstgeschichte, 307—308.

3. Ibid., 303—307.

4. Ibid. loc. cit. 308, 311—312.

спираляхъ пострадавшихъ змѣй и теперь еще можно прочесть древнюю греческую надпись, дающую возможность признать эту колонну за одну изъ самыхъ замѣчательныхъ историческихъ святынь древности. Здѣсь перечисляются имена тридцати шести греческихъ городовъ, которые сражались при Платеѣ съ персидскимъ завоевателемъ и которые послѣ битвы соединились, чтобы посвятить Дельфамъ въ храмѣ Аполлона этой трофей ихъ побѣды. Когда византійскіе императоры пожелали украсить свою столицу, то не стѣсняясь ограбили самыя знаменитыя святыни древняго міра: Римъ и Аѳины, Хіосъ и Кизика, Александрія и Сиракузы, Дельфы и Олимпія должны были отдать Константинополю все, что у нихъ было драгоцѣннаго или рѣдкаго [1], и такимъ образомъ треножникъ, служившій воспоминаніемъ о герояхъ Платеи, былъ поставленъ какъ заурядное украшеніе константинопольскаго Ипподрома.

Эти три монумента, которые теперь стоятъ располагаясь по одной длинной прямой линіи, нѣкогда обозначали большую ось византійскаго Ипподрома, и даже въ настоящее время площадь Атмеданъ сохраняетъ имя и форму этого гигантскаго цирка, длиною около 180, а шириною отъ 30 до 35 сажень, стороны котораго были ограничены 30 или 40 рядами мраморныхъ уступовъ, на которыхъ могло разсѣсться болѣе 30000 человѣкъ, а окружающая галлерея и широкія мѣста для прогулокъ были украшены массою статуй [2]. Въ этомъ циркѣ происходили нѣкоторыя изъ наиболѣе драматическихъ сценъ въ исторіи Восточной имперіи, а проявлявшаяся въ немъ борьба освѣщаетъ одну изъ самыхъ любопытныхъ сторонъ византійской цивилизаціи. Хотя въ настоящее время уже никто не считаетъ, какъ это было прежде, что соперничество въ циркѣ, знаменитыя распри Зеленыхъ и Синихъ, совмѣстно съ богословскими пререканіями, составляли все въ Восточной имперіи, тѣмъ не менѣе должно признать, что Ипподромъ является однимъ изъ самыхъ характерныхъ явленій византійскаго міра. «Въ Константинополѣ, какъ вѣрно замѣтилъ Рамбо, Богъ имѣлъ Св. Софію, императоръ—Священныя Палаты, а народъ—Ипподромъ [3].

---

1. *Pseudo-Codinus*. Des signis. 52—54.

2. *Unger*, loc. cit., 289—295, 300 317, 326.

3. *Rambaud*, loc. cit., стр. 787.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ императорскій абсолютизмъ стеръ въ государствѣ всѣ слѣды древне римской свободы, Ипподромъ сдѣлался настоящимъ византійскимъ форумомъ, сосредоточіемъ и центромъ всего, въ чемъ выражалась еще общественная жизнь. Здѣсь, въ присутствіи собравшагося народа, совершались самыя важныя торжества національной жизни; здѣсь выставлялись на показъ всѣмъ византійскимъ праздношатающимся трофеи, свидѣтельствовавшіе о побѣдахъ *базилевса*, и здѣсь же, чествуя подвиги Велизарія, Юстиніанъ воскресилъ всю пышность древнихъ римскихъ тріумфовъ. Въ этотъ день толпа, наполнявшая ступени цирка, любовалась во теченіе многихъ часовъ движущеюся передъ нею добычею, захваченною въ только-что завоеванной Африкѣ: тутъ были золотые троны, драгоцѣнныя вазы, груды драгоцѣнныхъ камней, дорогіе сосуды, великолѣпныя одежды, роскошныя колесницы, кучи серебряной монеты, словомъ всѣ богатства, которыя въ сто лѣтъ грабежа скопились въ рукахъ вандаловъ. Затѣмъ слѣдовали имперскіе регаліи и сосуды изъ храма Соломона, взятые нѣкогда при разграбленіи Рима Гензерихомъ и возвратившіеся теперь, послѣ восьмидесятилѣтняго плѣна, въ руки своего законнаго обладателя. Наконецъ, позади побѣдоноснаго генерала шли плѣнники, высокій ростъ и рыжіе волосы которыхъ вызвали въ народѣ удивленіе, смѣшанное съ восхищеніемъ, и между ними Гелимеръ, съ пурпуровымъ плащомъ на плечахъ, бросавшій на ступени, покрытыя зрителями, и на Юстиніана, сидѣвшаго въ императорской ложѣ, взглядъ, исполненный твердости и какой то грустной ироніи. Проходя черезъ циркъ, длинный картежъ растянулся до императорскаго трона; здѣсь король вандаловъ, съ котораго грубо сорвали пурпуровую мантію, былъ брошенъ, какъ проситель, къ ногамъ государя и въ то время, когда изъ устъ побѣжденнаго раздавались слова Экклезіаста: «суета суетъ и всяческая суета», Велизарій въ свою очередь преклонилъ колѣна передъ императоромъ. Затѣмъ торжественная процессія пошла дальше, а побѣдитель раздавалъ народу добычу, взятую у варваровъ: золотые пояса, серебряныя вазы, всякаго рода драгоцѣнныя

вещи, и казалось, что на празднующій Ипподромъ упалъ какъ бы послѣдній лучъ исчезнувшей римской славы [1].

147. Барельефы на обелискѣ Ѳеодосія на бывшемъ Ипподромѣ.

Здѣсь же, въ циркѣ, новый императоръ въ первый разъ приходилъ въ соприкосновеніе со своимъ народомъ. Здѣсь именно Юстиніанъ и Ѳеодора, только что коронованные

1 В. V., 445—447.

въ Св. Софіи патріархомъ, были встрѣчены криками энтузіазма своихъ новыхъ подданныхъ, когда окруженные пышнымъ рядомъ патриціевъ и гвардіи, они явились въ императорскую ложу, чтобы занять мѣста на золотомъ тронѣ, и среди кликовъ, пожеланій успѣховъ и мѣрнаго пѣнія партій, они, согласно обряду, осѣнили крестнымъ знаменіемъ головы собравшейся толпы. И здѣсь же, нѣсколько лѣтъ спустя, между *базилевсомъ* и его народомъ разыгрались другія, болѣе трагическія, сцены, когда между властелиномъ и подданными произошли тѣ поразительные діалоги, въ которыхъ чернь обращалась съ запросомъ прямо къ Юстиніану, освистала и подвергла его оскорбленіямъ [2]. И все это потому, что Ипподромъ для византійцевъ VI вѣка оставался дѣйствительно «послѣднимъ убѣжищемъ общественной свободы [3]». Уже давно эта чернь, считавшая себя наслѣдницей римскаго народа, отказалась отъ своихъ старинныхъ правъ: она уже не голосовала на форумѣ, не выбирала болѣе трибуновъ и консуловъ, но за то всегда сохраняла за циркомъ «свободу привѣтствовать, поносить, свистать и апплодировать [4]», право обращаться къ императору съ просьбами и жалобами, а еще чаще съ насмѣшками и оскорбленіями. Въ Ипподромѣ государь и подданные встрѣчались лицомъ къ лицу, одинъ со всею пышностью императорскаго величія, окруженный патриціями, камергерами и солдатами, другой—въ своемъ страшномъ численномъ могуществѣ, со всѣмъ пыломъ сильныхъ и подвижныхъ страстей, и не разъ всемогущій базилевсъ принужденъ былъ сдаваться предъ ропотомъ цирка [5].

Наконецъ Ипподромъ имѣлъ еще одно качество: это былъ самый великолѣпный изъ музеевъ [6]. На узкой террасѣ, раздѣлявшей арену на два круга и называвшейся spina, спинной хребетъ цирка, вдоль широкаго канала, протекавшаго у подножія ступеней, на фасадѣ императорской ложи, въ чудесныхъ мѣстахъ для прогулокъ, покрывавшихъ верхнія террасы, откуда открывался великолѣпный видъ на весь городъ и на другой берегъ Босфора, до отдаленныхъ горъ и покрытыхъ зеленью деревьевъ азіатскаго берега,

1. Just., II, 26 и сл.
2. *Mal.*, 488. *Theoph.*, 182—184.
3. *Rambaud*, loc. cit., 780.
4. Ibid., 780.
5. Ср. *Rambaud*, Empereurs et impératrices d'Orient (Rev. des Deux-Mondes, янв. 1891 г., стр. 155—157.
6. *Rambaud*, loc. cit., 784—787.

подъ портиками изъ колоннадъ, - вездѣ стояла масса статуй [1]. Всѣ онѣ были высшими образцами античнаго искусства, которые Азія, Греція и Римъ должны были уступить для украшенія новой столицы имперіи. Рядомъ съ волчицей Ромула стояли Геркулесъ Лизиппа и та восхитительная статуя Елены, «полуоткрытыя уста которой, подобныя чашечкѣ цвѣтка, плѣнительная улыбка, глубокія глаза и прелестное тѣло [2]» не произвели однако впечатлѣнія на грубыхъ спутниковъ Виллыгардуина. Надъ императорской ложей возвышались тѣ четыре лошади изъ позолоченной бронзы, которыя были перевезены въ V вѣкѣ изъ Хіоса въ Византію [3], а теперь украшаютъ фасадъ церкви св. Марка въ Венеціи. Здѣсь было собрано все, что составляло славу и чудеса искусства и что было извлечено изъ глубины ихъ святилищъ. Нѣкоторыя изъ нихъ внушали суевѣрнымъ византійцамъ странные и ужасные страхи [4]. Однако, болѣе всего и главнымъ образомъ Ипподромъ представлялъ для населенія Византіи обычное мѣсто ихъ развлеченій, гдѣ оно находило удовлетвореніе своимъ излюбленнымъ вкусамъ и самымъ горячимъ страстямъ.

II.

Ни одинъ народъ, за исключеніемъ римлянъ, не увлекался циркомъ такъ всецѣло, какъ византійцы VI вѣка. «Надо удивляться, пишетъ одинъ современникъ, тому неслыханному возбужденію, которое охватываетъ при этомъ зрѣлищѣ болѣе, чѣмъ при всякомъ другомъ, умы присутствующихъ. Побѣждаетъ зеленый возничій и одна часть народа въ отчаяніи, обгоняетъ синій и тотчасъ половина города въ крайнемъ огорченіи. Ничего не выигрывая и не теряя ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, народъ съ тѣмъ большею яростью или наноситъ оскорбленія противной сторонѣ или еще глубже чувствуетъ жестокое пораженіе, и такимъ образомъ изъ-за пустяковъ люди вступаютъ въ борьбу, какъ будто дѣло идетъ о спасеніи отечества отъ опасности [5]». Самъ суровый Прокопій, обнаруживающій вообще мало склонности къ подобнымъ развлеченіямъ, заявляетъ однако, что безъ театра и Иппо-

1. *Unger*, loc. cit., 302, 317—326.
2. *Nicetas Acominatus*, 863—864.
3. *Unger*, loc. cit., 290.
4. Ср. *Pseudo-Codinus*, De signis, 54—57.
5. *Cassiod.*, Var., 3,50.

дрома «жизнь была бы дѣйствительно лишена радостей» [1]. Немудрено, что большая часть граждань Византіи была охвачена страстью къ этого рода удовольствіямъ. Приведемъ два анекдота изъ тысячи другихъ, которые покажутъ, до чего доходила эта страсть во времена Юстиніана При постройкѣ Св. Софіи одинъ собственникъ не согла-

148. Площадь Атмейданъ, бывшій Ипподромъ.

сился на экспропріацію его земли, необходимой для архитекторовъ. Ему были предложены огромныя деньги за нее,— онъ отказалъ; тогда его заключили въ тюрьму, но онъ упорно не соглашался. Потомъ его перестали кормить; онъ страдалъ отъ голода, но не жаловался и не уступалъ. Тогда городскому префекту пришла счастливая идея: онъ попросить императора объявить о предстоящихъ бѣгахъ на Ипподромѣ, и это оказалось сильнѣе мужества заключеннаго:

1. Hist. arc., 144

при мысли, что онъ не увидитъ зрѣлища, онъ уступилъ свой домъ за дешевую цѣну [1]. Другой собственникъ оказался болѣе сговорчивымъ. Онъ заявилъ, что готовъ немедлено продать желаемую недвижимость, но съ условіемъ, чтобы ему и его наслѣдникамъ было предоставлено почетное мѣсто на Ипподромѣ и чтобы ему отдавались, когда онъ будетъ входить въ циркъ, тѣ-же почести, что и императору. По своему общественному положенію, этотъ тщеславный византіецъ былъ сапожникъ. Юстиніану показалось это забавнымъ и онъ согласился на требованія сапожника, однако съ оговоркой, что всѣ императорскія почести ему будутъ отдаваться за его спиною. Вотъ почему, еще много вѣковъ спустя, народъ привѣтствовалъ ироническими возгласами и шутовскими колѣнопреклоненіями потомковъ юстиніановскаго сапожника [2].

Такимъ образомъ Византія увлекалась всѣмъ, что касалось бѣговъ: лошадьми, а еще болѣе тѣми, кто правилъ послѣдними. Возничіе Ипподрома были привилегированными особами [3]. Ничего не доставало для ихъ славы, ни апплодисментовъ, ни статуй, ни почестей, ни стиховъ, ни даже освобожденія отъ налоговъ. Императоръ лично выдавалъ имъ грамоты на званіе почетныхъ возничихъ и предоставилъ имъ носить шапку, вышитую серебромъ, и шарфъ цвѣта ихъ факціи (партіи). Столичные болтуны всячески прославляли ихъ заслуги, примѣромъ чего можетъ служить слѣдующее четырестишіе, достойное Бенсерада: «Когда природа наконецъ породила Порфиріоса, она дала клятву и устами, которыя никогда не лгутъ, она сказала: кончено, я болѣе не буду производить на свѣтъ, такъ какъ всю прелесть, какую имѣла, я отдала Порфиріосу» [4]. Возничіе цирка получали болѣе апплодисментовъ и болѣе возбуждали страсти византійскаго общества, нежели побѣдоносные генералы или знаменитые тріумфаторы. По цвѣту ихъ плащей народъ дѣлился на партіи, и горячее соперничество между Зелеными и Синими наполняло въ теченіе ряда вѣковъ исторію Византіи; въ царствованіе же Юстиніана оно вызвало столько волненій, бунтовъ и столкновеній, что здѣсь

1. *Pseudo-Codinus*, De Sancta Sophia, 133—134.

2. *Pseudo-Codinus*, 134.

3. Ср. *Rambaud*, loc. cit., 771.

4. Anthol., XXVI, 352. Объ этомъ возничемъ, жившемъ, какъ кажется, въ царствованіе Юстина I, см. *Mal.*, Hermès, VI, 375; и *Pseudo-Codinus*, De signis, 40.

не лишнимъ будетъ изложить, хотя бы вкратцѣ, что представляли изъ себя эти двѣ знаменитыя партіи.

Уже со временъ прежней римской имперіи возничіе Ипподрома носили плащи четырехъ цвѣтовъ: зеленые, синіе, красные и бѣлые, и люди, склонные къ миѳологіи, придавали этимъ цвѣтамъ особый символическій смыслъ: зеленый цвѣтъ обозначалъ землю, синій — море, красный — огонь, бѣлый — воздухъ[1]. Красный и бѣлый плащи никогда не вызывали о себѣ много разговоровъ, но

149. Развалины Ипподрома съ современными на нихъ постройками (По соч. Стржиговскаго: Byz. Wassarbehälter in Constantinopel.).

уже съ перваго вѣка христіанской эры Зеленые имѣли горячихъ сторонниковъ, въ числѣ которыхъ называютъ нѣкоторыхъ императоровъ, напримѣръ Калигулу и Нерона; Синіе также насчитывали не менѣе знаменитыхъ поклонниковъ. Страсть, которую вносила каждая партія для поддержанія своего цвѣта, много разъ возбуждала смуты и кровопролитія. Естественно, что эта мода вмѣстѣ съ другими учрежденіями старой имперіи перешла въ Константинополь и здѣсь, какъ кажется, соперничество партій стало

1. См. *Cassiod.*, Var., 3,51, который считаетъ, что четыре цвѣта обозначаютъ четыре времени года.

еще острѣе. Въ VI и VII вѣкахъ не разъ исторія имперіи смѣшивается съ борьбою между зеленой партіей и синей.

Обыкновенно партіи Ипподрома представляются состоящими изъ многихъ различныхъ элементовъ[1]. Прежде всего въ нихъ входили нѣчто вродѣ обществъ бѣговъ, своего рода жокей-клубы, состоявшіе изъ нѣсколькихъ сотенъ и даже тысячъ членовъ, задачею и обязанностью которыхъ было содержать лошадей, колесницы, возничихъ и вообще все, что было нужно для участія въ цирковыхъ празднествахъ, словомъ, по тогдашнему выраженію,—«организація извѣстнымъ образомъ народныхъ удовольствій»[2]. Эта группа составляла оффиціальную партію, являвшуюся учрежденіемъ общественной пользы и имѣвшую свое мѣсто во всѣхъ большихъ оффиціальныхъ торжествахъ, опредѣленное положеніе при дворѣ, обладавшую особыми привилегіями и избираемаго главу, а члены вносили установленную плату въ кассу общества. Къ этому ядру естественно присоединялся многочисленный персоналъ, необходимый для самихъ игръ. «Нужны были поэты для сочиненія стиховъ, которые въ извѣстные дни пѣлись въ честь императора, мелисты, чтобы класть ихъ на музыку, капельмейстеры — для ихъ исполненія, органисты, чтобы аккомпанировать имъ, живописцы и скульпторы для производства изображеній императора, курсоры—для поддержанія порядка, сторожа при барьерахъ, чтобы спускать ихъ при выходѣ, надзиратели при гардеробняхъ, наблюдавшіе за сохранностью плащей и золотыхъ коронъ возничихъ; затѣмъ для интермедій—танцовщики, мимы, акробаты, паяцы; наконецъ служителя при конюшнѣ, сторожа при животныхъ и т. д., но главнымъ образомъ возничіе, носившіе плащи цвѣта партіи»[3]. Кромѣ того въ составъ партіи входилъ еще одинъ элементъ. Каждый византіецъ считалъ за честь для себя быть зачисленнымъ въ одну изъ партій и стоять за бойца, выставлявшагося ею на бѣга; онъ носилъ перевязь избраннаго имъ цвѣта, сидѣлъ въ циркѣ на той части ступенекъ, которая была отведена для людей его партіи, приходилъ въ восторгъ или отчаяніе при успѣхѣ или неудачѣ своихъ. Такимъ образомъ все населеніе столицы дѣлилось на двѣ большія

1. *Rambaud*, loc. cit., 764, 768. *Гиббонъ*, рус. пер., IV, стр. 319—329.

2. *Rambaud*, loc. cit., 768.

3. Id. 769. Относительно этого персонала см. *Анонимъ*. О тактикѣ (*Köchly* und *Rüstow*, Griech. Kriegsschriftsteller, II, 2, стр. 54).

партіи. Совершенно такія же партіи имѣлись въ другихъ городахъ имперіи и такъ какъ между всѣми этими ассоціаціями очень быстро установилась солидарность, порожденная одинаковыми вкусами и страстями, то по всему государству образовалось нѣчто похожее на франмасонство [1], синее и зеленое, которое стало представлять даже нѣкоторую опасность.

Возможно однако, какъ это недавно высказано, что партіи представляли нѣчто большее [2]. Можно считать почти достовѣрнымъ, что онѣ имѣли въ VI вѣкѣ политическую и военную организацію, налагавшую на столичное населеніе извѣстныя обязанности, за что ему предоставлялись и извѣстныя права. Отсюда происходило то, что помимо дѣлъ, касающихся собственно цирка, δῆμοι часто вмѣшивались въ политическія и религіозныя дѣла государства, а такъ какъ эти партіи имѣли оружіе и представляли своего рода городскую милицію, то ихъ волненія были далеко не безопасны для государства. Несомнѣнно также, что императоры, подобно своимъ подданнымъ, увлекались цирковыми состязаніями и брали сторону Зеленыхъ или Синихъ; поэтому, когда новый государь впервые присутствовалъ на бѣгахъ, возникалъ большой интересъ, почти что настоящій государственный вопросъ,— узнать на какую сторону склоняются его симпатіи. Со времени Θеодосія II Зеленые занимали почетное мѣсто по лѣвую сторону базилевса, но не разъ они теряли императорскую благосклонность. Въ частности Юстиніанъ и Θеодора выражали свое особое покровительство Синимъ [3] и, конечно, благосклонность императоровъ имѣла своимъ обычнымъ послѣдствіемъ то, что соперничество партій выходило за предѣлы стѣнъ цирка. Дѣйствительно, тогда какъ партія, поддерживаемая дворомъ, получала всякаго рода выгоды и привилегіи, другая партія, не пользовавшаяся расположеніемъ, а иногда даже устраняемая отъ общественныхъ дѣлъ и преслѣдуемая, естественно становилась въ оппозицію. Этимъ вполнѣ объясняется особая острота, которую приняла борьба между Зелеными и Синими, и ея политическія послѣдствія, и если можно удивляться, что императоръ не сохранялъ между этими двумя враждующими партіями строгаго и бла-

1 *Rambaud*, 505.

2 *Успенскій*, Партіи цирка и димы въ Константинополѣ (Виз. Врем. I, 1—16). Сравни примѣчаніе Бюри къ Гиббону, IV, 531—532.

3 *Evagr.*, 4, 32; *Mal.*, 416. Ср. *Іоаннъ Никіусскій*, 503, и Hist. arc., 64—65.

горазумнаго нейтралитета, то нужно помнить, что онъ тоже былъ византіецъ, человѣкъ своего времени и своей страны. Все это справедливо и дѣйствительно Юстиніанъ, повидимому, имѣлъ большую страсть къ зрѣлищамъ Ипподрома[1], но всего этого еще недостаточно для объясненія серьезности столкновеній, которыя столько разъ едва не доводили до гибели и правительство, и партіи. Повидимому, здѣсь играло роль, съ одной стороны, то обстоятельство, что въ народныхъ массахъ продолжали существовать остатки стараго демократическаго духа греческихъ городовъ, а съ другой, что въ правительствѣ обнаруживалось постоянно возрастающее стремленіе къ безграничному абсолютизму. Борьба между эти двумя противоположными принципами была неизбѣжна и циркъ былъ ея театромъ; но онъ не былъ единственною причиною ея и, быть можетъ, даже не главнымъ поводомъ[2].

III.

Какъ бы то ни было, но для всего населенія Константинополя были великимъ днемъ празднества на Ипподромѣ[3]. Уже наканунѣ весь городъ былъ въ волненіи. Въ частныхъ амфитеатрахъ каждой партіи дѣлались окончательныя приготовленія, растягивали надъ ареною большіе шелковые пурпуровые шатры для защиты зрителей отъ палящихъ лучей солнца, разсыпали по землѣ свѣжій песокъ, смѣшанный съ благоухающимъ кедровымъ порошкомъ, провѣряли барьеры, стоя позади которыхъ конкурренты ждали сигнала для выѣзда. Въ это же время чрезъ открытыя большія ворота Августеонскаго форума толпы народа спѣшили заранѣе занять лучшія мѣста. Въ назначенный день, на ступенькахъ вдоль длинныхъ боковъ Ипподрома и на заканчивающемъ его полукружіи, весь Константинополь былъ въ сборѣ; на ближайшихъ скамьяхъ къ аренѣ размѣщались оффиціальные члены партій, опоясанные перевязью изъ соперничествующихъ цвѣтовъ, держа въ рукахъ короткія палки съ полулуніемъ наверху. Далѣе, на отведен-

1. Одною изъ первыхъ заботъ его было украсить императорскую ложу въ Ипподромѣ (*Marcell. com.*, a. 528). Въ циркѣ находилась его статуя (Anthol., XVI, 62—63).

2. Ср. *Успенскій*, loc. cit.

3. Ср. *Rambaud*, loc. cit., 788 и слѣд.

ныхъ для нихъ мѣстахъ, садились посланники иностранныхъ народовъ, а въ ложахъ, устроенныхъ вдоль короткой прямолинейной стороны цирка, сидѣли генералы, сенаторы, высшіе сановники двора и даже церкви. Тамъ же находилась императорская ложа, поднятая на нѣсколько этажей выше уровня арены такъ, чтобы базилевсъ, находясь среди своего народа, былъ въ то же время огражденъ отъ него [1]. Съ этою же цѣлью со стороны Ипподрома не было ни одной лѣстницы, которая вела бы отъ цирка къ оффиціальной трибунѣ, а на расположенной нѣсколько ниже послѣдней и выступающей впередъ террасѣ располагались отряды гвардіи, всегда на-готовѣ защищать своего владыку противъ внезапныхъ нападеній плебса. Въ этихъ же видахъ, наконецъ, было устроено сзади ложи государя прямое сообщеніе съ дворцомъ и крѣпкія бронзовыя двери защищали трибуну отъ непредвидѣннаго нападенія [2]. Сюда, окруженный евнухами, придворными и высшими сановниками, являлся императоръ и садился на тронъ, съ короной на головѣ и со скипетромъ въ рукѣ. Склоненныя головы народа онъ торжественно осѣнялъ крестомъ, а со всѣхъ сторонъ раздавались апплодисменты и пѣніе гимновъ и пѣсенъ, исполняемыхъ членами партій. Императрица не присутствовала въ императорской ложѣ; при этомъ восточномъ дворѣ этикетъ не допускалъ, чтобы она часто показывалась народу, но въ качествѣ истой византійки, какою она была, императрица не меньше своего мужа и своего народа интересовалась циркомъ. Прокопій сообщаетъ, что женщины, хотя и не ходили въ циркъ, но такъ же какъ и мужчины крайне увлекались борьбою партій [3]; да и могла ли Ѳеодора оставаться безучастной къ аренѣ ея первыхъ подвиговъ, первыхъ тріумфовъ и первыхъ враждебныхъ столкновеній? Она присутствовала здѣсь, хотя и невидимая; со своими придворными дамами она занимала мѣсто на верхнихъ галереяхъ церкви св. Стефана, изъ которыхъ видно было все, что дѣлается въ циркѣ [4], и когда обозначалось присутствіе императрицы за рѣшетчатыми окнами церкви—спектакль могъ начинаться.

По знаку базилевса открывалось четверо воротъ внизу подъ императорской ложей и вылетали четыре колесницы четырехъ цвѣтовъ, запряженныя каждая четверкою лошадей.

1 *Unger*, loc. cit., [illegible].

2 *Labarte*, Le Palais impérial, 45—48, 67, 140.

3. B. P., 120.

4. *Labarte*, loc. cit., 66—67.

Среди криковъ и привѣтствій онѣ устремлялись по одному направленію, ободряемыя поощреніями, сопровождаемыя пожеланіями соперничающихъ партій, стараясь обогнать другъ друга съ рискомъ разбиться на трудномъ поворотѣ, обозначенномъ оконечностью spinae. Въ этотъ моментъ страсть къ бѣгамъ, «эта душевная болѣзнь», какъ выражается Прокопій, овладѣвала болѣе чѣмъ когда либо всѣмъ народомъ. Забывается все, родные, друзья, божескіе и человѣческіе законы, и думаютъ только объ одномъ—о побѣдѣ своей партіи[1]. Теперь нѣтъ дѣла ни до опасностей, грозящихъ государству, ни до личныхъ заботъ: чтобы обезпечить побѣду возничему своей партіи,—всякій съ радостью отдалъ бы и свое состояніе и даже самую жизнь. Склонясь впередъ, задыхаясь, зрители слѣдили за всѣми перемѣнами въ ходѣ бѣговъ съ тревожнымъ вниманіемъ, которое еще усиливалось при видѣ сопернической партіи, торжествующей при неудачахъ противника и сопровождающей оскорбленіями или издѣвательствами ея безпокойство или отчаяніе[2]. При этомъ обѣ стороны обмѣниваются взглядами, полными ненависти и вызовами, онѣ задираютъ другъ друга словами и жестами, обмѣниваются сарказмами и ругательствами, и, если бы не было cursores, которые, съ палками въ рукахъ, сдерживаютъ зрителей, не одинъ изъ этихъ страстныхъ людей вскочилъ бы на арену «самъ не зная за чѣмъ»[3], говоритъ одинъ современникъ, и бросился бы, чтобы обмѣняться ударомъ кулака съ людьми другой партіи. Наконецъ бѣга кончаются и провозглашается побѣдитель; затѣмъ арена выравнивается и то же зрѣлище повторяется еще три раза. Этимъ выполняется первая часть програмы.

Теперь наступаетъ очередь интермедій, пантомимъ, представленій съ интересными животными, акробатическихъ упражненій, шутокъ клоуновъ[4]. Извѣстно, какъ въ этой части празднествъ Θеодора, во времена своей молодости, плѣняла собравшійся народъ; иногда другое представленіе, хотя и менѣе пикантное, также очень забавляло публику. Во времена Юстиніана особенно была любима амфитеатромъ кривая

1. B. P., 119—120.

2. *Rambaud*. loc. cit., 765—766.

3. B. P., 119.

4. На консульскихъ диптихахъ имѣются очень интересныя изображенія такихъ интермедій и вообще всего, что происходило на Ипподромѣ. *Meyer*, Zwei antike Elfenbeindiptychen; въ Abhandl. Мюнхенской Академіи 1879 г. и *Molinier*, Hist. des arts appliqués à l'industrie. т. I, les Ivoires, 20—29).

130 и 131. Диптихъ консула Ареобинда (506 г.) и неизвѣстно кому принадлежащій Диптихъ VI-го вѣка. (Спб. Эрмитажъ. По фотогр. г. Кондакова).

на одинъ глазъ, желтая, ученая собака[1]. Это было замѣчательное животное; она распредѣляла медали императора не хуже заправскаго нумизмата; разносила перстни, смѣшанные въ одной вазѣ, каждому собственнику по принадлежности; безошибочно умѣла указать среди зрителей самаго скупого, самаго благороднаго или самаго порочнаго человѣка и даже узнавала женщинъ дурнаго поведенія. И византійскіе болтуны увѣряли, что въ тѣлѣ этой собаки положительно живетъ пророческій духъ Пиѳона.

Такъ проходило утро. Затѣмъ императоръ съ высокими сановниками удалялся въ прилегавшую къ трибунѣ столовую дворца Каѳизмы, а народъ принимался за свои запасы, если государь не устраивалъ самъ, къ общему удовольствію, завтракъ для своихъ подданныхъ. Этотъ завтракъ обыкновенно былъ очень скроменъ; его меню составляли овощи, фрукты и соленая рыба, но этого было достаточно, чтобы народъ былъ доволенъ. Однако, императоръ долженъ былъ быть не менѣе умѣренъ, чѣмъ его подданные; если же его обѣдъ затягивался, толпа очень скоро приходила въ нетерпѣніе. Однажды, когда одинъ изъ преемниковъ Юстиніана, императоръ Фока, оставался очень долго за обѣденнымъ столомъ, толпа принялась пѣть, сначала почтительно: «Вставай, о императорское солнце, вставай, появись», но такъ какъ базилевсъ продолжалъ заставлять себя ждать, то вскорѣ требованія стали настойчивѣе и уже въ болѣе грубомъ тонѣ: «ну ты ужъ черезчуръ чествуешь бутылку, кричали ему; вотъ снова затуманилось у тебя въ глазахъ»[2].

Обыкновенно не въ обычаѣ императоровъ было доводить себя до такихъ призывовъ; они, по собственному побужденію, возвращались, чтобы подать знакъ къ новымъ бѣгамъ, которыхъ, какъ и утромъ, было четыре въ теченіе времени послѣ полудня. Но съ окончаніемъ зрѣлища страсти, возбужденныя имъ, не успокоивались. При выходѣ побѣдители горделиво важничали, развертывая среди толпы свои одержавшіе верхъ цвѣта, а побѣжденные преслѣдовались насмѣшками и оскорбленіями. Вслѣдствіе этого часто возникали ссоры, нерѣдко переходившія въ кровавыя столкновенія, помѣшать которымъ не всегда удавалось императорской гвардіи.

1. *Mal.*, 453—454; *Zonaras*, 158. 2. *Theoph.*, 290.

IV.

Однако дѣло этимъ не ограничивалось. Партія, сильная императорскимъ покровительствомъ, позволяла себѣ всякія

152. Диптихъ консула Филоксена (525 г.) Парижскій Кабинетъ медалей.

излишества не только въ дни бѣговъ, но и повседневно. Со времени своего вступленія на престолъ и даже ранѣе этого, Юстиніанъ, какъ и его дядя Юстинъ, проявляли къ Синимъ особое благоволеніе, да къ тому же и Ѳеодора по-

ощряла такое предпочтеніе. Она не забывала, что въ молодости принадлежала къ партіи Синихъ и, по своей мстительной природѣ, она не прощала Зеленымъ тѣхъ непріятностей, которыя, по ея мнѣнію, она терпѣла отъ нихъ[1]. Увѣренные, вслѣдствіе этого, въ императорской благосклонности, Синіе вскорѣ стали позволять себѣ всяческія безчинства[2]. Естественно, что въ этомъ мірѣ спорта и кулисъ, общество было достаточно смѣшанное; извѣстное число авантюристовъ и виверовъ проникало въ партіи въ надеждѣ найти здѣсь поле для пріятныхъ увеселеній или для извлеченія пользы. Именно эти люди главнымъ образомъ и задавали тонъ. Подобно щеголямъ временъ Директоріи, они для отличія эксцентрически одѣвались и создавали необыкновенныя моды: носили длинную бороду на манеръ персовъ, брили волосы на передней части головы, какъ гуны, оставляя ихъ расти сзади въ видѣ длинныхъ локоновъ. Они носили хитоны съ очень узкими рукавами на запястьи и съ широкими буффами на плечахъ; просторные, богато вышитые плащи; нижнее бѣлье и обувь, сшитыя по модѣ гунновъ. Наряженные такимъ образомъ, они шлялись ночью по Константинополю, нападая вооруженною рукою на мирныхъ прохожихъ и грабя ихъ, особенно тѣхъ, которые принадлежали къ партіи Зеленыхъ, убивая или рубя даже въ церквахъ своихъ личныхъ враговъ, вынуждая своихъ кредиторовъ возвращать росписки, насилуя женщинъ, и, не смотря на все это, ни полиція, ни судъ не мѣшали имъ[3]. Естественно, что Зеленые, постоянно терпя и оставаясь беззащитными, организовывали съ своей стороны шайки, которыя также стали производить всякаго рода безчинства. А такъ какъ многіе изъ нихъ были привязаны къ династіи Анастасія, прежняго своего покровителя, племянники котораго, Ипатій и Помпей, жили въ Константинополѣ, то вскорѣ оппозиція зеленой партіи приняла политическій характеръ. Конечно, противъ такихъ противодинастическихъ стремленій общественное управленіе дѣйствовало безпощадно и суды въ дѣлахъ, касающихся Зеленыхъ, забывали всякую справедливость. «Въ тяжбахъ, пишетъ одинъ современникъ, судили не на основахъ правосудія и закона, но сообразно тому была ли сторона враждебна или благопріятна къ извѣстной партіи. Пренебречь этимъ

1. Hist. arc., 64., 99—100.

2. Id., 47—52. Cp. *Evagr.*, 4. 32.

3. Cp. *Mansi*, VIII, 1105, откуда видно, что въ Сиріи, въ Апамеѣ, Синіе позволяли себѣ такія же безчинства.

значило для судьи быть осужденнымъ на смерть[1]». Если Прокопій не преувеличиваетъ въ этомъ, то такой порядокъ вещей представлялъ собою настоящій терроръ, отъ котораго мирные жители всѣхъ партій одинаково страдали. Во всякомъ случаѣ послѣдствіемъ этого было въ первые года царствованія опасное броженіе, еще болѣе усиливаемое дурнымъ управленіемъ и вымогательствами главныхъ министровъ, особенно Трибоніана и Іоанна Каппадокійскаго. Все это вмѣстѣ породило въ январѣ 532 г. страшный бунтъ, извѣстный подъ именемъ возстанія Ника, которое, начавшись въ циркѣ, вскорѣ распространилось по всему городу и едва не ниспровергло престолъ Юстиніана. Оно очень характерно для византійскихъ нравовъ, хорошо выясняетъ страсти, волновавшія Ипподромъ, представляя очень яркій эпизодъ въ ссорахъ Зеленыхъ съ Синими; въ особенности же оно имѣло очень серьезныя послѣдствія въ отношеніи хода всего управленія, а потому вполнѣ заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія[2].

V.

11 Января 532 года, въ воскресенье, по обычаю, происходили бѣга въ Ипподромѣ. Императоръ присутствовалъ на нихъ съ большой торжественностью, но въ этотъ день собраніе было сильно возбуждено. На ступеняхъ, гдѣ сидѣли Зеленые, шелъ непрерывный шумъ и свистъ. Партія имѣла намѣреніе жаловаться на одного изъ чиновъ дворца, начальника гвар-

1. Hist. arc., 51. Нужно было особое мужество для чиновниковъ, чтобы оставаться безпристрастными, и часто имъ это совсѣмъ не удавалось, примѣромъ чего можетъ служить приключеніе съ префектомъ города, Теодатомъ, въ царствованіе Юстина (Hist. arc., 64—65; *Mal.*, 416). Іоаннъ Никіусскій утверждаетъ, что онъ даже рѣшился арестовать племянника императора (стр. 503). Во всякомъ случаѣ были приняты строгія мѣры (Chron. pasch., 617), но, какъ кажется, безъ большого успѣха.

2. О возмущеніи Ника см. B. P. 120—122; *Malalas*, 473—477; *Lydus*, 265—266; *Marcell. com.*, a. 532; *Zach. Rh.*, 188—189; отрывокъ у Малалы (Hermès, VI, 377); Chron. pasch. 620—628; *Theoph.*, 181—186, *Zonaras*, 153—154. Сравненіе разсказа Малалы съ Пасхальной хроникой и заимствованнаго изъ нихъ разсказа Ѳеофана сдѣлано у *Sotiriadis*'а, Zur Kritik des Johannes von Antiochia, 107—114. Ср. *Bury*, The Nika Riot (Journ. of hell. Studies, 1897), *Mordtmann*, Justinian und der Nika-Aufstand (Mitth. d. deutschen Excursionsclub in CP., IV), *P. Kalligas*, περὶ τῆς στάσεως τοῦ Νίκα (Μελέται καὶ λόγοι, 1882, 320—358).

дія Колоподіоса[1] и по всякому поводу открыто выражала свое дурное настроеніе. Къ концу, выведенный изъ терпѣнія Юстиніанъ приказалъ своему глашатаю обратиться съ запросомъ къ народу и тогда между уполномоченными Зеленыхъ и императора начался самый удивительный діалогъ, во время котораго жалобы, сперва почтительныя, вскорѣ превратились въ жестокія обвиненія, въ которыхъ гнѣвъ перемѣшивается съ ироніей. Его нужно привести почти цѣликомъ на столько онъ характеристиченъ для византійскихъ нравовъ VI-го вѣка[2].

Зеленые.—Долгоденствіе императору Юстиніану! Да будетъ онъ всегда побѣдоноснымъ! Но, лучшій изъ государей!—намъ творятъ всякаго рода несправедливости; и, Богу извѣстно, мы не можемъ ихъ выносить дальше. Однако, мы страшимся назвать нашего притѣснителя изъ страха, что его неистовство усилится еще болѣе и мы подвергнемся большимъ опасностямъ.

Глашатай.—Я не знаю, о комъ вы говорите.

Зеленые.—Тотъ, кто насъ притѣсняетъ, о трижды августѣйшій, живетъ въ кварталѣ башмачниковъ.

Глашатай.—Никто не дѣлаетъ вамъ зла.

Зеленые.—Насъ преслѣдуетъ одинъ человѣкъ. О Матерь Божія, защити насъ!

Глашатай.—Я не знаю кто этотъ человѣкъ.

Зеленые.—Нѣтъ, ты хорошо знаешъ, трижды августѣйшій, кто теперь нашъ палачъ!

Глашатай.—Я не знаю, кто васъ преслѣдуетъ.

Зеленые.—Ну такъ это, владыка міра, спатаръ Калоподіосъ.

Глашатай.—Калоподіосъ не имѣетъ никакого дѣла съ вами.

Зеленые.—Чтобы тамъ ни было, но онъ испытаетъ участь Іуды и Богъ скоро накажетъ его за несправедливость!

Глашатай.—Вы очевидно явились сюда не для того, чтобы смотрѣть на представленіе, но чтобы оскорблять правящихъ!

Зеленые.—Да! Кто творитъ намъ зло, того постигнетъ судьба Іуды.

Глашатай.—Молчите, жиды, манихеи, самаритяне!

1. Объ этомъ лицѣ, вошедшемъ позже въ милость, см. *Theoph.*, 233.

2. *Theoph.*, 182—184

Зеленые.—Ты называешь насъ жидами и самаритянами; да хранитъ насъ Господь всѣхъ одинаково.

Глашатай.—Я совѣтую всѣмъ вамъ креститься.

Зеленые.—Прекрасно! Мы всѣ готовы принять крещеніе.

Глашатай.—Право, если вы не замолчите, я прикажу васъ всѣхъ казнить.

Зеленые.—Всякій хочетъ имѣть власть, чтобы его почитали. Если наши рѣчи тебѣ не нравятся, пусть Твое Величество не раздражается ими. Тотъ, кто божественъ, долженъ все терпѣливо переносить, но такъ какъ намъ данъ даръ слова, то мы называемъ всѣ вещи своими именами. Мы уже теперь не знаемъ, трижды августѣйшій, гдѣ дворецъ и гдѣ правительство; мы бываемъ въ городѣ, только проѣзжая по немъ на спинѣ осла. Это несправедливо, трижды августѣйшій.

Глашатай.—Всякій свободный человѣкъ можетъ появляться вездѣ, гдѣ хочетъ.

Зеленые.—Мы сами хорошо знаемъ, что мы свободны, но намъ не даютъ возможности пользоваться свободою. И если какой нибудь свободный человѣкъ заподозрѣвается, что онъ Зеленый, общественная власть тотчасъ его подвергаетъ карѣ.

Глашатай.—Вы не боитесь за свои души, висѣльники!

Зеленые.—Пусть запретятъ цвѣтъ, который мы носимъ, и правосудію нечего будетъ дѣлать. Ты позволяешь, чтобы насъ убивали, и сверхъ того ты приказываешь, чтобы насъ наказывали. Ты—источникъ жизни, а ты умерщвляешь, кого захочешь. Поистинѣ, человѣческая природа не можетъ выносить подобныхъ противорѣчій. Ахъ, лучше было бы, если бы по волѣ небесъ твой отецъ Савватій вовсе не родился: онъ не породилъ бы убійцу! Недавно уже шестое убійство совершено въ Цевгмѣ: вчера человѣкъ былъ живъ, а вечеромъ, владыка всѣхъ вещей, онъ уже былъ мертвъ.

Синіе.—Всѣ убійцы въ Стадѣ изъ вашей партіи.

Зеленые.—Это вы убиваете, но вы избѣгаете кары.

Синіе.—Это вы убиваете и еще смѣете спорить; всѣ убійцы въ Стадѣ изъ вашихъ.

Зеленые.—О, императоръ Юстиніанъ! Они жалуются а между тѣмъ никто ихъ не убиваетъ. Разберемъ на дѣлѣ кто убилъ дровяника въ Цевгмѣ?

Глашатай.—Вы.

153. Мозаика изъ Гафзы, изображающая представленія въ циркѣ (VI-го вѣка). Музей Бардо.

Зеленые.—А сына Эпагаѳоса? Кто убилъ его, о, императоръ?

Глашатай.—Опять таки вы, а вы обвиняете въ этомъ Синихъ!

Зеленые.—Довольно! Владыка, пожалѣй насъ! Истина ниспровергнута. Если вѣрно, что Богъ управляетъ міромъ, откуда же столько несчастій?

Глашатай.—Богъ чуждъ злому.

Зеленые.—Богъ чуждъ злому! Тогда почему же насъ преслѣдуютъ? Пусть философъ или пустынникъ разрѣшатъ эту задачу.

Глашатай.—Да замолчите вы, богохульники, враги Божіи!

Зеленые.—Если Твое Величество прикажетъ, мы замолчимъ, хотя и по неволѣ, трижды августѣйшій. Мы знаемъ все, все, но мы будемъ молчать. Прощай справедливость, тебя уже нѣтъ! Мы уйдемъ, сдѣлаемся евреями. Богу извѣстно, что лучше быть язычникомъ, чѣмъ быть Синимъ.

Синіе.—Мерзость! Мы не ходимъ ихъ видѣть; такая злоба возмущаетъ насъ!

Зеленые.—Да будутъ брошены на живодерню кости зрителей!

Съ этими словами партія Зеленыхъ толпою вышла изъ Ипподрома, чѣмъ наносилось самое тяжкое оскорбленіе, какое могло быть сдѣлано, императорскому величеству.

Въ то время какъ раздраженная толпа по выходѣ изъ цирка разсѣялась по улицамъ, Юстиніанъ съ своей стороны возвратился во дворецъ, разсчитывая, что, какъ это обычно случалось, соперничества Синихъ будетъ достаточно, чтобы довольно скоро успокоить возбужденіе другой партіи. Къ несчастью, одно печальное обстоятельство объединило обѣ партіи. Городской префектъ захотѣлъ проявить свое рвеніе и приказалъ арестовать, а за тѣмъ приговорилъ къ смерти многихъ бунтовщиковъ. Палачъ плохо выполнилъ свою обязанность, такъ что веревка два раза обрывалась подъ тяжестью казнимыхъ. Тогда раздраженный народъ освободилъ жертвы, которыхъ монахи монастыря Св. Конона укрыли въ сосѣдней церкви. Случилось такъ, что одинъ изъ арестантовъ былъ Синій, а другой Зеленый, и такимъ образомъ обѣ партіи сблизились въ виду одинаковой опасности. Это проявилось вполнѣ два дня спустя, 13 января, въ Ипподромѣ, гдѣ вновь произошли очень бурныя сцены и вскорѣ

вмѣсто вѣрноподданническихъ криковъ: «Побѣда императору Юстиніану», повсюду раздавалось: «Долгоденствіе Зеленымъ и Синимъ, объединившимся ради помилованія [1]»! Затѣмъ съ криками «Ника» (побѣда)—отъ этого лозунга получило это возмущеніе свое названіе, сохранившееся затѣмъ въ исторіи—бунтовщики бросились по улицамъ города. Они направились къ префектурѣ, требуя освобожденія виновныхъ, еще содержавшихся въ тюрьмѣ, перебили стражу, зажгли префектуру и въ теченіе всей ночи волнующійся народъ наполнялъ всѣ улицы столицы.

Вслѣдствіе соединенія обѣихъ партій возстаніе приняло серьезный характеръ. На другой день, 14 января, народная волна выбила рѣшетки во дворцѣ, требуя смѣны начальника гвардіи и городскаго префекта и сверхъ того двухъ ненавистныхъ министровъ: Трибоніана и Іоанна Каппадокійскаго. Юстиніанъ уступилъ, но было уже поздно. Уступка со стороны императора только ободрила раздраженную толпу: бунтъ превратился въ революцію.

Однако до этихъ поръ спокойная часть населенія держалась въ сторонѣ отъ событій и еще не все было потеряно. Юстиніанъ считалъ возможность прибѣгнуть къ энергическимъ дѣйствіямъ и 15 января направилъ противъ возставшихъ войска, состоящія изъ варваровъ, съ Велизаріемъ во главѣ. Къ несчастью, во время начавшейся борьбы эти наемники затолкали священниковъ изъ церкви св. Софіи, которые явились съ священными предметами съ цѣлью раздѣлить сражавшихся [2]. Тогда ярость овладѣла всѣми; изъ оконъ, съ высоты крышъ, устроенныхъ въ видѣ террасъ, посыпался на святотатцевъ градъ черепицъ и камней, и даже женщины, которыя пришли въ наибольшее возбужденіе, приняли активное участіе въ битвѣ. Приведенные этой бурей въ замѣшательство, солдаты должны были отступить ко дворцу, а побѣдоносный народъ, чтобы еще болѣе усилить ихъ пораженіе, предалъ огню всѣ сосѣднія общественныя зданія. Сенатъ и подъѣзды ко дворцу сдѣлались добычею пламени, и въ продолженіи трехъ дней огонь, раздуваемый жестокимъ вѣтромъ, продолжалъ свое разрушеніе, уничтожая одни за другими св. Софію, подступы къ Августеону, термы Зевксиппа, а вскорѣ за тѣмъ церковь св. Ирины, xenodochium Эвбула, большой Самсоновскій госпиталь, сгорѣ-

1. *Mal.* 474. 2. *Zon.* 153—154.

шій со всѣми находившимися въ немъ больными, большое число дворцовъ и домовъ частныхъ лицъ и весь кварталъ, одинъ изъ самыхъ красивыхъ въ городѣ, который шелъ отъ Священныхъ Палатъ къ форуму Константина. «Городъ, говоритъ очевидецъ, представлялъ собою кучу чернѣющихъ холмовъ; какъ на Липари или около Везувія, онъ былъ наполненъ дымомъ и золою; всюду распространившійся запахъ гари дѣлалъ его необитаемымъ и весь видъ его внушалъ зрителю ужасъ, смѣшанный съ жалостью»[1].

Испуганный Юстиніанъ заперся съ остававшимися ему вѣрными во дворцѣ; но въ его распоряженіи почти совершенно не было средствъ для защиты. Гвардія представляла парадныя войска, годныя для участія въ церемоніяхъ, но довольно сомнительной вѣрности. Однѣ только войска Велизарія и Мундуса, набранныя изъ варваровъ, внушали довѣріе императору, но онѣ были очень немногочисленны. По этому, сильно безпокоясь, видя во всѣхъ окружающихъ заговорщиковъ и убійцъ, базилевсъ все болѣе терялъ голову. Племянники Анастасія явились во дворецъ засвидѣтельствовать свою преданность; онъ приказалъ имъ, не смотря на ихъ просьбы, возвратиться домой, не сообразивъ, что этимъ онъ даетъ возстанію тѣхъ предводителей, которыхъ ему до сихъ поръ не доставало.

18 января, на шестой день возстанія, Юстиніанъ попытался сдѣлать большой шагъ. Онъ явился въ Ипподромъ, держа въ рукѣ евангеліе, и обратился къ собравшемуся народу съ рѣчью: «Клянусь этою святою книгою, говорилъ онъ, я прощаю вамъ всѣ ваши обиды; я не арестую ни одного изъ васъ, лишь бы вы успокоились. Вы ни въ чемъ не виноваты въ совершившихся событіяхъ; я одинъ причина всему. Это—мой грѣхъ, когда я отказалъ вамъ въ томъ, о чемъ вы меня просили въ Ипподромѣ»[2]. Эти слова встрѣтили одобреніе со стороны немногихъ лицъ, но со всѣхъ сторонъ въ отвѣтъ государю стали кричать: «ты лжешь, оселъ, ты даешь ложную клятву»; на этотъ разъ и Ѳеодора не избѣжала оскорбленій. Въ виду такого настроенія толпы Юстиніанъ не оставался дольше въ циркѣ и какъ можно скорѣе вернулся назадъ во дворецъ.

Случилось то, что можно было предвидѣть. Народъ, стремясь имѣть новаго главу и уже въ теченіе нѣсколькихъ

1 *Lydus*, 266. 2 Chron. pasch., 623—624.

дней при всякомъ удобномъ случаѣ привѣтствовавшій Ипатія, направился наконецъ къ дому племянника Анастасія. Не смотря на его нерѣшительность и слезы жены, его повели на форумъ Константина, подняли на щитъ, возложили на голову вмѣсто діадемы золотую цѣпь, принесли императорскіе знаки отличія и мантію, унесенную изъ захваченной части дворца, и затѣмъ толпа бросилась въ Ипподромъ. Здѣсь новаго государя подняли въ императорскую ложу и предводители возстанія начали обсуждать лучшій способъ штурма резиденціи, которую Юстиніанъ, какъ говорили, намѣревается вскорѣ покинуть.

Все это происходило 18 января послѣ полудня. Возстаніе, подкрѣпленное всѣми недовольными и присоединившимися въ большомъ числѣ сенаторами и нобилями, получало все болѣе и болѣе характеръ политическаго движенія. Событія ускорялись и наступилъ рѣшительный моментъ. «Сама имперія, пишетъ Лидій, казалась наканунѣ гибели»[1]. Не имѣя средствъ для борьбы, потерявъ всякую надежду, Юстиніанъ хотѣлъ уже все бросить, когда энергія Ѳеодоры вновь пробудила энергію императора и его совѣтниковъ. Наконецъ рѣшились принять мѣры защиты. Въ то время какъ Нарзесъ старался отдѣлить Синихъ отъ возстанія и цѣною золота уже достигалъ этой цѣли,—чему благопріятствовало несогласіе, возникавшее среди инсургентовъ, такъ что уже вновь стали раздаваться вѣрноподданическіе возгласы «Да здраствуетъ Юстиніанъ! Сохрани, Господи, Юстиніана и Ѳеодору»!—Велизарій и Мундусъ подготовляли рѣшительную аттаку на Ипподромъ. Велизарію удалось проникнуть черезъ горящія развалины на арену, тогда какъ съ противоположныхъ воротъ, которые назывались Воротами мертвыхъ[2], ворвались солдаты Мундуса, а съ высоты мѣстъ, назначенныхъ для прогулки въ амфитеатрѣ, императорскія войска стали осыпать градомъ стрѣлъ толпу, собравшуюся въ Ипподромѣ. Тогда среди всей этой массы, запертой въ циркѣ, началась страшная паника, еще болѣе усилившаяся, когда солдаты двинулись черезъ арену, никого не щадя на своемъ пути. Всѣ, кто попадалъ имъ въ руки, были безжалостно убиты и къ ночи, когда наконецъ прекратилась эта бойня, болѣе тридцати тысячъ труповъ, по сказаніямъ однихъ, и около пятидесяти тысячъ, по свидѣ-

1 *Lydus*, 283. 2. *Unger*, loc. cit., 313.

тельству другихъ, валялись на окровавленной почвѣ Ипподрома.

Ипатій вмѣстѣ съ его двоюроднымъ братомъ Помпеемъ былъ арестованъ и приведенъ къ Юстиніану. Оба они пали на колѣни, умоляя о прощеніи, клянясь въ своей невиновности и въ томъ, что они уступили лишь насилію; они говорили, что, собравъ бунтовщиковъ въ Ипподромѣ, они хотѣли предоставить ихъ беззащитными подъ удары императора. И это была правда, но къ несчастію для Ипатія его посланный, при томъ безпорядкѣ, который царилъ во дворцѣ, не могъ добраться до императора. Теперь Юстиніанъ, которому уже вернулось хладнокровіе, отвѣтилъ просителямъ съ жестокою ироніею: «Хорошо, но такъ какъ вы пользовались такимъ авторитетомъ у этихъ людей, то вы должны были примѣнить его прежде, чѣмъ они сожгли мой городъ»[1], и приказалъ казнить ихъ утромъ на другой день. Юстиніанъ, говоритъ Гиббонъ, слишкомъ трусилъ, чтобы простить[2].

Сверхъ того, большое число сенаторовъ, замѣшанныхъ въ возстаніи, было казнено, либо сослано[3]; для оправданія же этихъ строгихъ мѣръ въ обществѣ было распространено офиціальное изложеніе событій, въ которомъ сообщалось, что Ипатій и его двоюродный братъ заранѣе подготовили и затѣмъ руководили возмущеніемъ, при которомъ должна была пасть императорская власть[4].

Ужасное кровопролитіе, которымъ закончилась эта шестидневная борьба, успокоила партіи Ипподрома и дала возможность утвердить абсолютную власть императора. Теперь Юстиніанъ могъ, не вызывая уже никакого противодѣйствія, ограничить и даже на нѣсколько лѣтъ почти совершенно отмѣнить представленія въ циркѣ[5]. Разумѣется, что впослѣдствіи и даже въ его царствованіе партіямъ вернулась ихъ смѣлость: снова въ амфитеатрѣ возникали между ними столкновенія и борьба, и снова раздавались ропотъ и оскорбительные для императора крики, чѣмъ Юстиніанъ былъ тѣмъ болѣе недоволенъ, что однажды одинъ иностранный

1 *Mal.*, 476.

2 Захарій Митиленскій сообщаетъ, что Юстиніанъ хотѣлъ было простить, но Ѳеодора потребовала смерти Ипатія (стр. 188—189).

3 Chron. pasch., 628.

4 *Marcell. com.*, a. 532; *Jord.*, Rom. 47.

5 Hist. arc. 143; *Mal.* (Hermès VI, 377).

посолъ присутствовалъ при такомъ мало почетномъ эпизодѣ[1]; и снова и не одинъ разъ, какъ въ 532 г., Константинополь былъ свидѣтелемъ смутъ и ужасныхъ битвъ, а пожаръ уничтожалъ общественныя сооруженія[2]. Однако императорская власть, укрѣпившись, всегда быстро и энергично подавляла подобныя противоправительственныя манифестаціи и, сдѣлавшись болѣе справедливою, теперь не боялась дѣйствовать противъ Синихъ, когда послѣдніе, полагаясь на покровительство государя, неоднократно начинали безпорядки. Благодаря такимъ своевременнымъ мѣрамъ, «въ городѣ снова водворился порядокъ, говоритъ одинъ современникъ; теперь всѣ пользуются свободою и всѣ могутъ безъ страха заниматься своими дѣлами или развлекаться»[3]. И хотя въ столицѣ часто происходили волненія, но послѣдующіе бунты, по своимъ послѣдствіямъ, были ничтожны въ сравненіи съ большимъ возстаніемъ, которое безъ энергіи Ѳеодоры могло ниспровергнуть тронъ Юстиніана.

Таковы были, четырнадцать вѣковъ тому назадъ, буйныя сцены, наполнявшія Ипподромъ и Византію убійствами и пожарами; но если возстаніе и было подавлено, слѣды его оставались повсюду. Въ старомъ городѣ Константина огонь произвелъ большія опустошенія; нужно было все перестроить: церкви, дворецъ, общественные памятники, и эта перестройка являлась однимъ изъ наиболѣе славныхъ и грандіозныхъ дѣлъ Юстиніана; ими онъ создалъ столицу по своему вкусу и неразрывно связалъ свое имя съ великолѣпіемъ Святой Софіи.

1. *Mal.*, 488.

2. Въ 547 (*Mal.*, 485), въ 548 и 549 (id., 488), въ 556 (id., 488), въ 559 (id., 490—491), въ 562 (id., 492) и въ 564 гг. (Hermès, VI, 380, 381; *Theoph.*, 235—236, 239).

3. *Mal.* (Hermès VI, 380—381) говоритъ, что, благодаря строгости префекта Юліана, [illegible]

ГЛАВА II.

Константинополь.-Святая Софія[1].

Возмущеніе Ника оставило Константинополь въ развалинахъ; Юстиніанъ приложилъ всю свою энергію снова построить его съ особымъ великолѣпіемъ. Какъ извѣстно, всю свою жизнь императоръ былъ великимъ строителемъ: величественныя сооруженія удовлетворяли его любовь къ роскоши и склонность къ издержкамъ; съ другой стороны, онъ видѣлъ въ этомъ наилучшее средство увѣковѣчить на будущее время свое имя. Поэтому вся имперія его заботами покрылась множествомъ монументовъ, церквей и крѣпостей, мостовъ и водопроводовъ, госпиталей и дворцовъ, описанія которыхъ было достаточно, чтобы наполнить цѣлое сочиненіе Прокопія, а развалины которыхъ, разсѣянныя отъ береговъ Дуная до подножія Атласа, отъ береговъ Ефрата до Геркулесовыхъ столбовъ, свидѣтельствуютъ повсемѣстно объ удивительной дѣятельности Юстиніана. Еще и въ настоящее время на высокихъ плоскогоріяхъ Алжира и Туниса, какъ и въ уединеніи Синая; въ пустынныхъ областяхъ Малой Азіи и въ населенныхъ городахъ Салоникѣ и въ Антіохіи, на каждомъ шагу встрѣчаются неизгладимыя напоминанія о великомъ императорѣ, а на берегахъ Босфора, стоитъ, по выраженію одного древняго писателя, какъ корабль на якорѣ, возвышаясь своею громадою надъ остальными зданіями го-

1. Кромѣ описаній современниковъ Прокопія, Агафія, Евагрія и Павла Силенціарія и отрывка нѣсколько позднѣйшаго времени извѣстнаго подъ именемъ Комбефискаго Анонима, нерѣдко ошибочно приписываемаго Псевдо-Кодину, относительно Св. Софіи нужно на ряду съ драгоцѣнными комментаріями Дюканжа, вновь изданными въ боннскомъ изданіи, какъ продолженіе Павла Силенціарія, обращаться къ сочиненіямъ: *Salzenberg'a* Altchristliche Baudenkmäler von CP., 1854; *de Choisy*, L'Art de bâtir chez les Byzantins 1882 и къ превосходной книгѣ *Lethaby* and *Swainson*, The church of Sancta Sophia, 1894.

2. Aed., 174.

рода, Святая Софія, вѣчно напоминающая имя и славу Юстиніана.

I.

Юстиніанъ отлично понялъ, какое чудное положеніе создаютъ природа и море для его столицы, какую несравненную декорацію можно устроить вдоль береговъ Босфора и Золотого Рога[1]. Со стороны суши своимъ грознымъ поясомъ валовъ и башень Константинополь казался страшнымъ военнымъ городомъ; съ моря, напротивъ, все дышало богатствомъ и красотою, спокойною, изящною и великолѣпною жизнью. Юстиніану хотѣлось красотою зданій еще увеличить естественную прелесть этого удивительнаго города. На нѣкоторомъ разстояніи отъ Византіи, на берегахъ Пропонтиды, термы Аркадія, возстановленныя его стараніями, возвѣщали о великолѣпіи сосѣдней столицы. Это было чудесное собраніе построекъ, дворовъ и портиковъ, украшенныхъ колоннами, мраморами, статуями, гдѣ вѣтеръ, дующій съ моря, постоянно поддерживаетъ свѣжесть, а къ террасамъ, о которыя нѣжно ударялись волны, могли приставать самые большіе корабли для разгрузки своей клади[2]. Подальше, близъ Золотыхъ Воротъ, возвышалась церковь св. Маріи Источницы, расположенная въ тихой, прелестной мѣстности, въ большомъ лѣсу изъ кипарисовъ, среди лужаекъ, усѣянныхъ цвѣтами[3]. На Босфорѣ церковь св. Михаила своими мраморными террасами спускалась прямо въ море и здѣсь ежедневно, подъ покровомъ этой святыни, кипѣло веселое оживленіе рынка[4]. Но особенно вокругъ Золотого Рога были разсыпаны, какъ драгоцѣнные камни ожерелья[5], бѣлыя часовни и церкви съ непомѣрными куполами[6]. Въ своемъ неутомимомъ желаніи украшать столицу, императоръ воздвигъ въ Константинополѣ и его предмѣстьяхъ не менѣе тридцати храмовъ[7], построенныхъ по различнымъ планамъ; всѣ

1. Aed., 191—192.
2. Id., 205—206.
3. Id., 184—185.
4. Id., 197—198.
5. Id., 195.
6. Id., 193—197.
7. Aed., 184 (Св. Маріи Влахернской), 185—187 (Св. Сергія и Вакха), 187—190 (Св. Апостоловъ), 195 (Св. Ирины), и т. д. Въ Антологіи помѣщены надписи, относящіяся ко многимъ изъ этихъ церквей (Изд. Дидо, т. I, стр. и слѣд.; II, стр. 533 и слѣд.).

они блистали мраморами и драгоцѣнными металлами и были расположены удивительно искусно въ смыслѣ усиленія великолѣпія Византіи. Въ настоящее время, если при захожденіи солнца подняться на Галатскую башню, чтобы взглянуть на Стамбулъ, то немного можно найти зрѣлищъ, которыя могли равняться со всѣми этими монументами, выдѣляющимися на вершинѣ холмовъ, на прозрачномъ, блѣдномъ небѣ, съ этою длинною и прихотливою линіею куполовъ, минаретовъ и

154. Печать или свинцовая булла капитула храма св. Софіи.

башенъ, которыя обрисовываются отъ мыса Сераля до тѣнистаго Эйюба. Панорама во времена Юстиніана была не менѣе поразительна и не менѣе прелестна. Вдоль береговъ стояло множество церквей, террасы которыхъ омывались моремъ [1], или же онѣ, по прихоти императора и побѣждая природу, воздвигались на сваяхъ среди самыхъ волнъ [2]. Далѣе, въ глубинѣ Золотого Рога, въ предмѣстьи Эйюбъ, составляющемъ въ настоящее время одно изъ святилищъ ислама, виднѣлась церковь святыхъ Козьмы и Даміана, святыхъ врачей, благодѣтельное вліяніе которыхъ испыталъ самъ Юстиніанъ во время своей тяжкой болѣзни, не оставлявшей надежды на исцѣленіе. Въ эту церковь благочестивые византійцы благоговѣйно приносили своихъ близкихъ, облегчить страданія которыхъ человѣческая наука была безсильна [3].

1. Aed., 194.
2. Id., 193.
3. Aed., 193—194.

Выше, на холмахъ, тамъ, гдѣ теперь стоитъ мечеть Магомета II со своими куполами, увѣнчанными полумѣсяцемъ, тамъ высилась церковь св. Апостоловъ,—мѣсто погребенія особъ царскаго дома[1]; потомъ шла необозримая масса церквей, дворецъ, дома, колонны, а надъ всѣмъ этимъ, какъ и теперь, водопроводъ Валенса протягивалъ длинную линію своихъ арокъ и подавлялъ своею громадною массою каѳедральный соборъ святой Софіи. Таковъ былъ общій видъ Константинополя, какимъ его создалъ Юстиніанъ, но во внутреннихъ частяхъ самого города было чѣмъ изумляться еще болѣе: на площади Августеонъ, окаймленной со всѣхъ сторонъ роскошными зданіями, все блистало всей свѣжестью и великолѣпіемъ новаго сооруженія[2]; отсюда прелестные портики вели на Форумъ Константина[3]. Въ другихъ мѣстахъ были устроены гостинницы для бѣдныхъ путешественниковъ, вынужденныхъ по своимъ дѣламъ проживать въ столицѣ,—благотворительное учрежденіе, основанное Юстиніаномъ и Ѳеодорою[4]; большія больницы, представляющія быть можетъ въ исторіи первый примѣръ опредѣленной системы общественнаго призрѣнія[5]; потомъ — обширныя цистерны для снабженія города питьевой водой[6]; снова дворцы и церкви и повсюду сохраненные чудные виды на море, «самый лучшій видъ на свѣтѣ», говоритъ Юстиніанъ въ одномъ изъ своихъ указовъ[7]. Въ настоящее время отъ всего этого великолѣпія осталось очень мало: нѣсколько величественно и смѣло расположенныхъ обширныхъ цистернъ --подъ землею; а на поверхности нѣсколько бывшихъ церквей, св. Ирины, свв. Сергія и Вакха и еще нѣкоторыя другія, которыхъ едва можно распознать подъ разными именами турецкихъ мечетей. Но сохранился одинъ монументъ—Святая Софія, чудо и слава царствованія, любимое твореніе Юстиніана, представляющее сверхъ того особый интересъ и заслугу, такъ какъ оно породило совершенно новое искусство. Дѣйствительно Святая Софія является наилучшимъ типомъ византійскаго искусства въ томъ видѣ, какъ оно сложилось въ царствованіе Юстиніана и какъ оно послѣ него развивалось въ теченіе многихъ вѣковъ. И, по правдѣ говоря, въ исторіи

1. Aed., 186—190.
2. Id., 202—205.
3. Id., 206.
4. Id., 208.
5. Id., 208.
6. Id., 206—207; *Mal.*, 435—436. Cp. *Strzygowski*, Die Byz. Wasserbehälter von CP., 55. 57, 177—182, 212—220.
7. Nov. 63. Cp. C. J., 8, 10, 12.

всего христіанскаго искусства быть можетъ нѣтъ ни одного зданія, которое бы равнялось съ нею по своей важности. Какъ ни замѣчательна сама по себѣ парижская Notre Dame, но она имѣетъ равныхъ себѣ; римскому святому Петру нѣ-

153. Наружный видъ ц. св. Софіи въ настоящее время.

сколько не достаетъ оригинальности и онъ—христіанскій только по своему назначенію; напротивъ, Святая Софія—единственная въ своемъ родѣ и, обнаруживая наступленіе новаго стиля, она въ то же время является и его апогеемъ; она сразу и впервые выстроена въ такихъ размѣрахъ, которыхъ съ тѣхъ поръ на Востокѣ никогда не осмѣливались перейти[1].

1. Ср. *Bayet*, L'Art byzantin, 41—82: здѣсь имѣется превосходная сводка всего, что касается Святой Софіи.

ВНУТРЕННІЙ ВИДЪ ВЪ СВ. СОФІИ.

II.

До возстанія 532 года, такъ жестоко опустошившаго Константинополь, въ послѣднемъ уже въ теченіе двухъ вѣковъ существовала церковь, посвященная Божественной Мудрости; это была базилика, построенная Константиномъ, подновленная Өеодосіемъ II и несомнѣнно очень похожая, по крайней мѣрѣ по размѣрамъ, на римскія базилики святаго Павла или Santa-Maria-Magiore. Это зданіе сгорѣло во время возстанія и когда Юстиніанъ рѣшился его вновь построить, то пожелалъ, чтобы оно было неслыханнаго великолѣпія съ цѣлью воздвигнуть, по выраженію одного хроникера, «такую церковь, какой еще никогда не было со временъ Адама и какой никогда болѣе не будетъ»[1].

Вмѣсто довольно незначительной базилики, построенной Константиномъ, императоръ мечталъ создать нѣчто гигантское и необыкновенное. Для увеличенія мѣста подъ будущую постройку были пріобрѣтены на вѣсъ золота окружающіе дома, что потребовало громадныхъ денегъ, если вспомнить, что они находились въ самомъ богатомъ кварталѣ столицы[2]. Для полученія матеріаловъ, достойныхъ предположеннаго великолѣпія, былъ разосланъ всѣмъ губернаторамъ провинцій императорскій циркуляръ, приглашающій ихъ отправить въ Константинополь «для постройки Богомъ хранимой дивной церкви» самые великолѣпные остатки древнихъ сооруженій[3]. Изъ Рима прибыли восемь колоннъ изъ порфира, взятыхъ изъ храма Солнца,—даръ одной патриціанки, пожелавшей, для спасенія своей души, оказать содѣйствіе постройкѣ. Изъ Эфесса губернаторъ прислалъ восемь колоннъ изъ зеленаго мрамора; другіе доставлялись изъ Кизикіи, Троада и Аөинъ[4]. Вмѣстѣ съ тѣмъ были использованы мраморныя ломки въ Проконнезѣ (нынѣ Мармора), Каристосѣ на Евбеѣ, Іазосса въ Каріи, Гіерополиса во Фригіи, Шемту въ Нумидіи. Египетъ послалъ свои порфиры, Өессалія и Лаконія—крапленые зеленые мраморы (verde antiqo)[5]; Юстиніанъ принималъ все и обращалъ на постройку. Нѣкогда древніе греки, воздвигая Парөенонъ или Пропилеи,

1. *Pseudo-Codinus*, De S. Sophia, 131.
2. Id., 131—132.
3. Id. 131.
4. *Ps.-Cod.*, 132—134.
5. *Павелъ Силенц.*, Descr. S. Sophiae, 376—397, 617—647.

розыскивали самые лучшіе мраморы, цѣня ихъ блескъ и чистоту; Юстиніанъ, напротивъ, любилъ художественную многоцвѣтность, перемѣшивая съ чрезвычайнымъ вкусомъ самые разнообразные мраморы различныхъ цвѣтовъ. Но онъ не ограничился этимъ, идя въ роскоши и расточительности гораздо дальше. Ничто не казалось ему ни достаточно прекраснымъ и богатымъ для увеличенія великолѣпія его сооруженія: золото, серебро, слоновая кость, драгоцѣнные камни,—все было пущено въ дѣло въ неслыханныхъ размѣрахъ и не столько для увеличенія дѣйствительной красоты зданія, сколько для того, чтобы ослѣплять блескомъ сказочной роскоши. Въ одной прекрасной легендѣ даже разсказывается, что Юстиніанъ хотѣлъ покрыть золотомъ стѣны святой Софіи до пола церкви, но его астрологи сообщили ему, что въ концѣ вѣковъ придутъ очень бѣдные цари, которые, съ цѣлью захватить всѣ богатства храма, сроютъ его до основанія; если же онъ будетъ построенъ скромнѣе изъ простого камня, то простоитъ до конца міра[1], и Юстиніанъ, заботившійся о своей славѣ еще болѣе, чѣмъ о великолѣпіи своего сооруженія, согласился до извѣстной степени ограничить роскошь его постройки.

Для выполненія своей воли и осуществленія своей мечты, Юстиніанъ избралъ двухъ архитекторовъ, обоихъ азіатскаго происхожденія, Исидора изъ Милета и Анфимія изъ Траллеса, познанія, умъ и искусство которыхъ единогласно восхваляютъ всѣ современники[2]. Изъ нихъ Анфимій былъ выдающимся ученымъ[3], отличался изобрѣтательностью и, будучи довольно веселаго нрава, любилъ, если вѣрить легендѣ, устраивать разныя школьническія шутки[4]. Исторія разсказываетъ, что онъ жилъ рядомъ съ адвокатомъ Зенономъ, человѣкомъ чрезвычайно краснорѣчивымъ и большимъ любимцемъ императора. Однажды сосѣди поссорились изъ-за стѣны, раздѣлявшей ихъ владѣнія, а въ послѣдовавшемъ затѣмъ процессѣ краснорѣчію адвоката стоило не много труда, чтобы выиграть дѣло. Желая отомстить, ученый постарался найти въ наукѣ средство сыграть довольно остроумную шутку надъ своимъ противникомъ. Онъ размѣстилъ у себя въ нижней комнатѣ много сосудовъ, наполненныхъ водою. Въ крышки этихъ

1. *Ps. Codinus* 141—142.
2. Aed., 174.
3. *Agath.*, 289—290. 295. *Пав. Силенц.* 268—273. Изъ его сочиненій сохранилось нѣсколько обрывковъ научныхъ трактатовъ (Hermès, XVI 201 и 617).
4. Agath. 291—294.

сосудовъ были вставлены мѣдныя трубы, постепенно суживавшіяся къ вершинѣ; концы этихъ трубъ примыкали балкамъ и переводамъ сосѣдскаго дома. Затѣмъ онъ развелъ огонь подъ сосудами и паръ устремился въ трубы. Какъ разъ въ этотъ день у Зенона были гости; дѣйствіемъ паровъ, стремившихся найти себѣ выходъ, было разрушено все, встрѣчавшееся на ихъ пути. Всѣ собравшіеся подумали, что произошло землетрясеніе, и испуганный Зенонъ бросился на улицу, разспрашивая встрѣчныхъ о предполагаемыхъ имъ опустошеніяхъ. Сначала надъ нимъ посмѣялись, но когда онъ упорно утверждалъ, что было землетрясеніе, котораго жители Константинополя очень боялись, на него стали сердиться. Въ концѣ концовъ, ничего не понимая, онъ вернулся домой. Въ другой разъ произошло приключеніе иного рода. Анфимію захотѣлось позабавиться, устроивъ своему сосѣду настоящую театральную грозу. Посредствомъ зеркалъ онъ внезапно, какъ молнію, направлялъ въ глаза адвоката и его гостей лучи солнца, и въ то же время различные звучащіе предметы, приводимые въ движеніе и сталкивающіеся одни съ другими, симулировали громъ. Зенонъ жаловался императору, говоря довольно остроумно, что ему, простому смертному, не по плечу бороться сразу съ Юпитеромъ, пускающимъ громы и молніи, и съ Нептуномъ, потрясающимъ землю. Исторія не сообщаетъ чѣмъ кончилось это дѣло, но во всякомъ случаѣ Анфимій умѣлъ быть, когда это было нужно, и серьезнымъ. Онъ доказалъ это, начертавъ планы Святой Софіи и опредѣливъ условія для полученія той гармоніи [1], которая придаетъ всему зданію «такую удивительную легкость структуры» и дѣлаетъ его даже въ настоящее время «однимъ изъ самыхъ великихъ созданій архитектуры» [2].

Подъ начальство этихъ двухъ главныхъ архитекторовъ было поставлено сто десятниковъ, изъ которыхъ каждый завѣдывалъ сотней рабочихъ [3], что составляло 10000 рабочихъ, которые, во избѣжаніе жалобъ и недоразумѣній, получали вечеромъ каждаго дня свою заработную плату [4]. Когда мѣсто было очищено, патріархъ съ большою торжественностью отслужилъ молебенъ объ успѣхѣ всего дѣла, а импера-

1. *Пав. Силенц.*, 270—271.

2. Ср. *Choisy*, loc. cit., 135—188 и табл. XXIV; *Salzenberg*, loc. cit; 65—75.

3. *Ps.-Codin.*, 135.

4. Id., 136. 141.

156. Внутренній видъ ц. Св. Софіи въ настоящее время.

торъ торжественно положилъ первый камень[1]. Но усердіе Юстиніана и страсть, съ которою онъ относился къ постройкѣ, этимъ не ограничились. Ежедневно, забывая даже свой обычный послѣобѣденный отдыхъ, онъ приходилъ посмотрѣть на работы, одушевляя усердіе рабочихъ[2]. Не разъ также, по привычкѣ поступать такъ всегда, онъ давалъ совѣты архитекторамъ; а такъ какъ императоръ, въ силу своего сана, компетентенъ во всемъ, то эти совѣты признавались превосходными и многіе полагали, что онъ выводилъ архитекторовъ изъ очень серьезныхъ затрудненій[3]. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ императоръ не скупился средствами и, по выраженію Іоанна Лида, «текъ потокъ денегъ»[4], то дѣло подвигалось съ поразительною быстротой. Въ пять лѣтъ церковь была окончена и стоила баснословныхъ суммъ. Въ то время, когда она поднялась всего на два локтя надъ поверхностью земли, уже было издержано около 51 милліона; когда же она была кончена, то не считая ни матеріаловъ, доставленныхъ безвозмездно, ни украшеній, нужныхъ для богослуженія, издержки дошли до 361 милліона[5].

Однако же, если въ настоящее время смотрѣть на соборъ Святой Софіи снаружи, то сначала получается довольно посредственное впечатлѣніе. Это происходитъ, съ одной стороны, отъ того, что для поддержанія юстиніановскаго сооруженія пришлось впослѣдствіи подпирать его массивными контрафорсами, и среди этихъ паразитныхъ подпорокъ самый куполъ, при всей смѣлости его сооруженія, кажется тяжеловатымъ и сдавленнымъ. Съ другой стороны, о византійской церкви нельзя судить по ея внѣшности; все ея великолѣпіе и вся смѣлость постройки чувствуется внутри. Нужно войти въ Святую Софію, чтобы понять всю могучую ея оригинальность и рѣдкое великолѣпіе.

Впереди храма открывается большой дворъ, окруженный портиками, атріумъ, по серединѣ котораго мраморный фонтанъ мечетъ воду въ обширные бассейны[6]. Потомъ проходишь черезъ двойную паперть, изъ которой девять дверей ведутъ въ церковь. Здѣсь, въ громадномъ четыреугольномъ пространствѣ въ 77 метровъ длиною и 71,70 м. шириною, развертывается великолѣпный центральный корабль, увѣн-

1. *Ps.-Codin.*, 135
2. Id., 135, 137.
3. Aed., 180—181.
4. *Lyd.*, 271.
5. *Ps.-Codin.*, 136, 143.
6. *Павелъ Силенц.*, 590 и слѣд. Ср. *Lethaby and Swainson* 180—192

чанной громаднымъ куполомъ въ 31 метръ въ діаметрѣ. Онъ опирается на четыре большія арки, въ свою очередь укрѣпленныя на четырехъ колоссальныхъ столбахъ. Двѣ изъ этихъ арокъ, для приданія имъ большей устойчивости, задѣланы стѣною, поддерживающею два этажа колоннъ. На восточной и западной аркахъ помѣщены два обширныхъ полу-купола, подпирающіе и поддерживающіе центральный куполъ. Въ глубинѣ полукруга, покрываемаго восточнымъ полукуполомъ, устроены три ниши (абсиды): средняя — направляется къ востоку и заключаетъ въ себѣ алтарь, а двѣ боковыя открываются въ наружные корабли, которые раздѣлены на два этажа; причемъ верхнія галереи предназначались для женщинъ [1]. Здѣсь сидѣла императрица со своими придворными дамами во время богослуженія [2]. Что касается императора, то у него была особая ложа, устроенная между центральнымъ и южнымъ кораблями [3].

Не входя въ спеціально техническія подробности, я все таки считаю нужнымъ обратить вниманіе читателя на новое и чудесное въ зданіи,—на увѣнчивающій его колоссальный куполъ. Въ настоящее время всѣми признается, что архитекторы Юстиніана позаимствовали идею его сооруженія изъ восточной архитектуры, главнымъ образомъ персидской, исчитается вѣроятнымъ, что пріемы и новые способы постройки распространились черезъ посредство Сиріи по Малой Азіи, откуда и перешли въ Константинополь [4]. Но въ пользованіи этими свѣдѣніями и въ ихъ примѣненіи съ неслыханной до того смѣлостью и удивительною полнотою строители Святой Софіи являлись болѣе, чѣмъ простыми подражателями. Создавая этотъ несравненный памятникъ, «чудо прочности и смѣлости, чистоты линій и блеска цвѣтовъ» [5], они, конечно, явились настоящими самостоятельными творцами. «Никогда, говоритъ одинъ компетентный судья, геній Рима и Востока не соединялись въ болѣе поразительномъ и гармоническомъ цѣломъ [6]». Великою заслугою Анфимія и его сотрудниковъ

1. *Павелъ Силенц.*, 184, 300—307, 310—311, 386—387.

2. *Lethaby*, 33. На бортахъ перилъ сѣверной галереи было нацарапано: «Мѣсто благороднѣйшей патриціанки нашей владычицы Феодоры» (*Lethaby* and *Swainson*, 297).

3. *Павелъ Силенц.*, 380—387.

4. Ср. *Choisy*, loc. cit., 151—162. Онъ относитъ даже въ Малую Азію центръ художественнаго нововведенія (*Choisy*, Hist. de l'architecture, II, 82), и *Lethaby* and *Swainson*, 198—204.

5. *Choisy*, Hist. de l'architecture, II, 51.

6. Id., II, 51.

было осуществленіе въ совершенствѣ такого рѣдкаго сочетанія, и Константинополь, усвоивъ и освятивъ въ единственномъ въ своемъ родѣ зданіи плодотворные методы, переданные ему Востокомъ, сдѣлалъ ихъ истинною принадлежностью византійскаго искусства.

Однако эти замѣчательные результаты были достигнуты не безъ труда. Осуществить огромные размѣры, которые архитекторъ желалъ дать куполу, было нелегкою задачею. Поэтому для поддержанія его были построены четыре массивныхъ столба, камни которыхъ, обтесанные чрезвычайно тщательно, были сцѣплены цементомъ и связаны желѣзными скобами [1]; для предотвращенія трещинъ въ колоннахъ стержни ихъ были охвачены металлическими обручами [2]; для болѣе равномѣрнаго распредѣленія погрузки ряды камней положены на листы расплющеннаго свинца [3]; но несмотря на всѣ эти предосторожности точки опоры не разъ осѣдали подъ тяжестью огромныхъ арокъ, которыя онѣ поддерживали, и являлись опасенія, что все сдѣланное рушится [4]. Относительно купола затрудненія были еще больше [5]. Съ цѣлью уменьшить тяжесть, для постройки его употреблялись особые матеріалы чрезвычайно легкія черепицы изъ бѣлой губчатой глины, спеціально для этого изготовлявшіяся въ Родосѣ; при чемъ сообщаютъ будто на каждой изъ нихъ, въ обычномъ для того времени набожномъ и мистическомъ духѣ, была выбита слѣдующая надпись: «Богъ посреди его, и онъ не поколеблется. Богъ ежедневно будетъ приходить въ помощь ему [6]». Въ теченіе всего времени пока производилась постройка, священники ежедневно служили молебны о благополучномъ окончаніи сооруженія [7], а въ самомъ зданіи въ его стѣны были положены частицы мощей [8]. Наконецъ работа была кончена и на высотѣ болѣе 55 метровъ надъ уровнемъ земли поднялся куполъ Святой Софіи, «удиви-

1. *Павелъ Силенц.*, 454—456.

2. Aed., 180. Ср. *Choisy*, loc. cit., 15.

3. Id., 178; *Павелъ Силенц.*, 476—480. Ср. *Choisy*, 16—17.

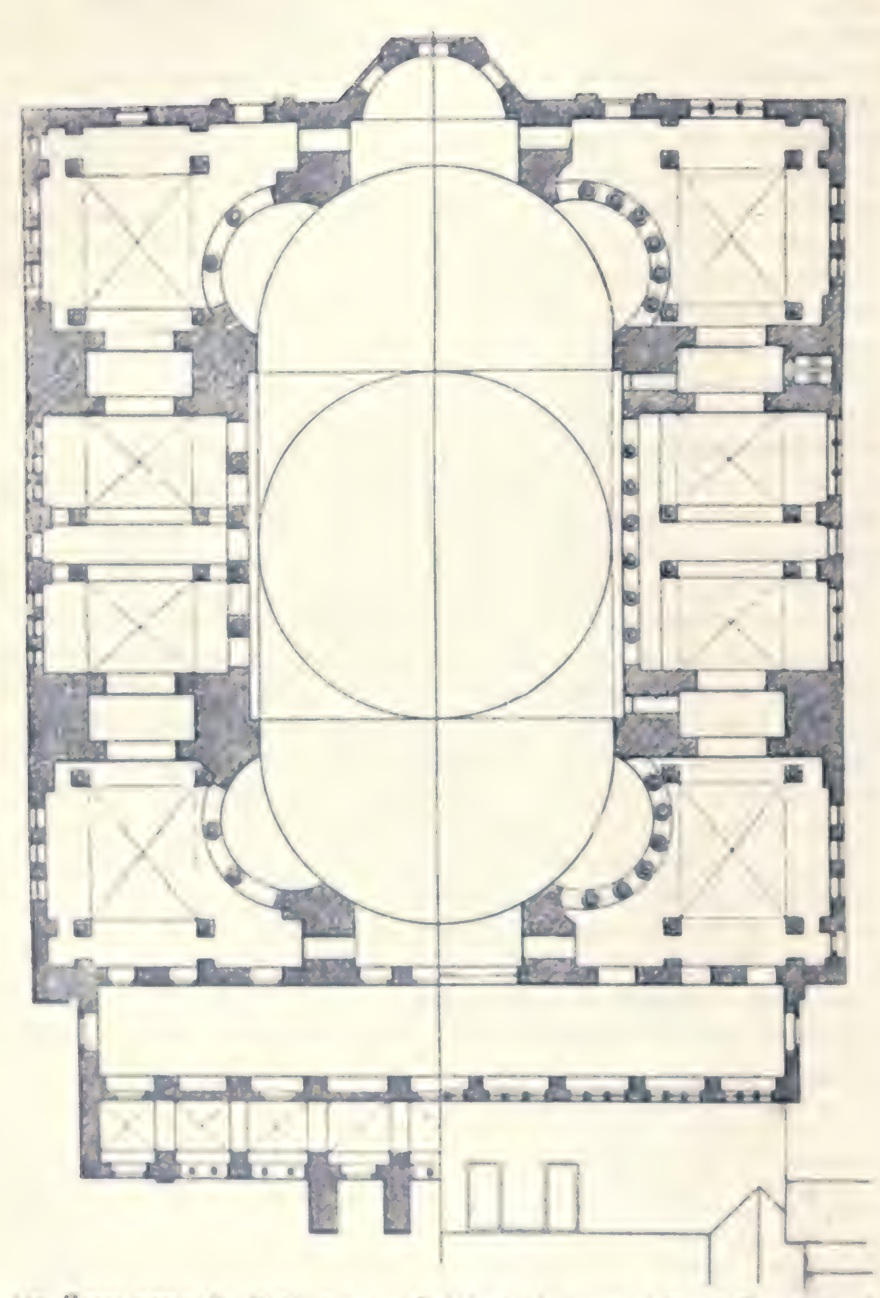
4. Aed., 180—181. Относительно сводовъ см. *Lethaby* and *Swainson*, 220—226.

5. Aed., 176—177.

6. *Ps.-Codin.*, 140—141. Подобныя же надписи находятъ и въ другихъ мѣстахъ (*Byz. Zeitschr.*, 1894. 222 Зальценбергъ нашелъ въ Святой Софіи много кирпичей съ надписями (loc. cit., 64). Во второмъ этажѣ слѣдуетъ читать не такъ какъ Летеби и Свенсонъ (loc. cit., 156), но просто: ἡ μεγ(άλη) ἐκκλ(ησία): несомнѣнно должна быть лигатура η и μ.

7. *Ps.-Codin.*, 141.

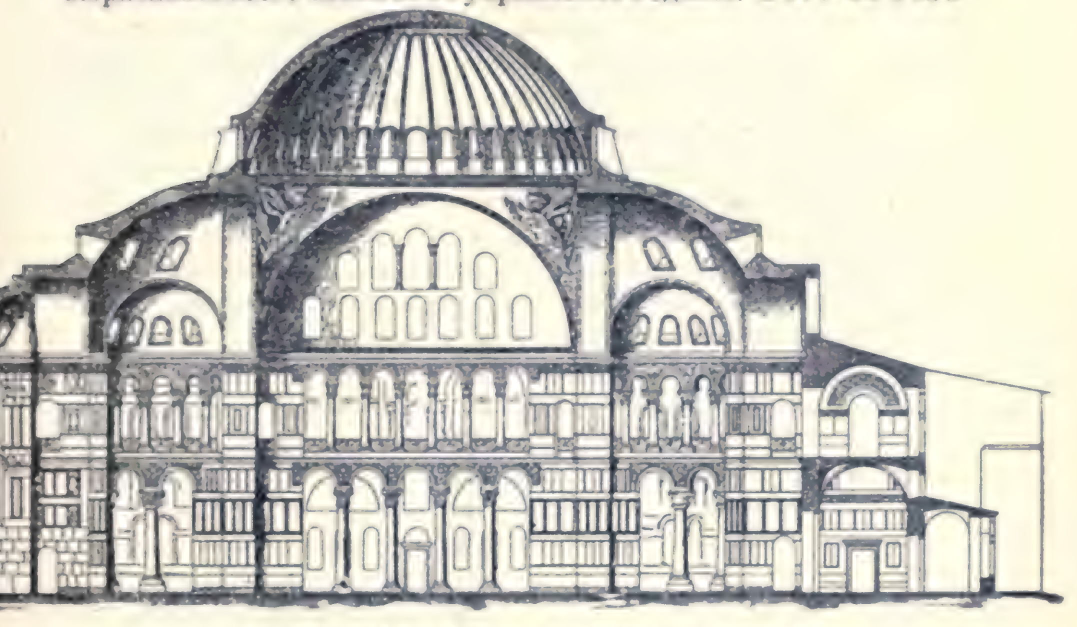
8. Id., 141

117. Планъ храма Св. Софіи (по соч. *Pulgher'a* Anciennes églises de Constantinople

тельное и вмѣстѣ съ тѣмъ приводящее въ трепетъ созданіе [1]», по выраженію Прокопія, «и кажется, что оно лежитъ не на камняхъ, а спущено на золотой цѣпи съ высоты небесъ [2]»,

Такова въ общихъ чертахъ архитектура Святой Софіи; но любовь къ великолѣпію, которымъ упивался Юстиніанъ, выразилась всего сильнѣе въ украшеніяхъ зданія. Въ VI-мъ вѣкѣ

158. Внутренній разрѣзъ ц. Св. Софіи (по *Pulgher'у*)

во всей византійской имперіи искусство и общество были насквозь проникнуты любовью къ утонченной роскоши и пышности, и тогда какъ высшій свѣтъ и дворъ прилагали стараніе разнообразить разными нововведеніями блескъ костюмовъ и пышность церемоній, художники, со своей стороны, старались замысловатыми украшеніями возбуждать вниманіе нѣсколько пресыщенной публики. Она стала относиться презрительно ко всему сдѣланному просто, и значеніе преодолѣнныхъ препятствій получило особую привлекательность и прелесть. Прежде, при господствѣ классической архитектуры, украшеніе всегда было подчинено общему характеру постройки; теперь оно дѣлалось само по себѣ и ради себя самаго. Византійская капитель покрыта ка-

1. Aed., 175.
2. Aed., 177. Сравнить описаніе Евагрія, 4, 31.

меннымъ кружевомъ, которое—уже не скульптура, а чеканное мастерство на мраморѣ. Появляются смѣлыя сочетанія разныхъ цвѣтовъ въ колоннадахъ, облицовка стѣнъ сливаетъ красноту порфировъ съ блескомъ черныхъ или бѣлыхъ мраморовъ, съ желтыми или зелеными переливами брекчій и циполиновъ. Теперь для украшенія пышныхъ церквей, которыми покрылся христіанскій міръ, наивныя изображенія первоначальнаго искусства въ катакомбахъ уже кажутся недостаточными; теперь хотятъ болѣе выдержаннаго величія, позъ болѣе благородныхъ и строгихъ, и великолѣпія болѣе соотвѣтствующаго престижу и могуществу религіи. «Прежде стиль былъ полонъ естественности и непринужденной простоты, теперь почти не выносятъ такой безискусственности, и избѣгаютъ ее, какъ доказательства недостатка выдержанности и достоинства. Христосъ—царь; настоящее мѣсто для него тронъ, блистающій золотомъ и драгоцѣнными камнями, среди двора изъ архангеловъ, святыхъ и апостоловъ [1]». Поэтому мозаисты вмѣсто прежнихъ изображеній создаютъ на золотомъ фонѣ, выстилающемъ абсиды и куполы, сложныя композиціи, отличающіяся сильнымъ декоративнымъ эффектомъ, и тѣ симметрически расположенныя, спокойныя и неподвижныя фигуры, которыхъ строгое величіе производитъ такое глубокое впечатлѣніе своимъ благородствомъ.

Таково дѣйствительно новое искусство, сказавшееся въ Святой Софіи. Тонкое кружево, вырѣзанное на кубическихъ [2], нерѣдко украшенныхъ позолотою [3] капителяхъ, помѣщается на гигантскихъ колоннахъ изъ порфира или зеленаго античнаго мрамора [4]. На полу церкви, на нижнихъ частяхъ стѣнъ,—вездѣ мраморы разнообразныхъ цвѣтовъ, яшмы, зернистые гипсы, циполины, серпентины, порфиры, и всѣ они расположены, образуя разныя сочетанія оттѣнковъ, которые какъ будто сдѣланы рукою самаго искуснаго живописца [5]. По словамъ одного современника, все это можно было бы назвать ковромъ или цвѣтникомъ, усыпаннымъ пурпурными цвѣтами, разсѣянными по зеле-

1. Объ этой эволюціи, начавшейся въ IV вѣкѣ, см. у *Bayet*, Recherches, 44—47, 53—56, и мою кн. Ravenne, 36—38, 40—43.

2. Ср. *Lethaby & Swainson*, 248—258.

3. *Павелъ Силенц.*, 176.

4. *Павелъ Силенц.*, 376—397, 544—550. Ср. *Salzenberg*, 76—83.

5. Aed., 178—179; *P. Silent.*, 617—647; *Ps.-Cod.*, 141; Ср. *Salzenberg*, 89—94, и главнымъ образомъ *Lethaby & Swainson*, 235—247.

ному газону[1], и дѣйствительно, нѣкоторыя изъ этихъ панно, очень похожихъ на тѣ, которыя имѣются въ абсидѣ Паренцо, обладаютъ блескомъ и бархатистостью восточнаго ковра[2]. Выше, вдоль стѣнъ, на сводахъ куполовъ и нишей расположены громадныя мозаики на ярко золотомъ[3] или темноголубомъ фонѣ. Человѣческой фигурѣ обыкновенно отводилось немного мѣста въ такихъ украшеніяхъ, хотя прекрасный архангелъ, находящійся въ южной части алтаря, почти навѣрно сдѣланъ въ VI вѣкѣ, а въ южномъ порталѣ находилась мозаика, которую еще видѣлъ Фоссати, представлявшая Дѣву Марію съ Божественнымъ Сыномъ между Юстиніаномъ, подносящимъ Святую Софію, и Константиномъ, отдающимъ основанный имъ городъ[4]. Но есть много основаній думать, что большія фигуры святыхъ и апостоловъ, такъ же какъ и прекрасная мозаика на тимпанѣ царскихъ вратъ, относятся къ болѣе позднему времени[5]. Въ цѣломъ первоначальныя украшенія Святой Софіи были главнымъ образомъ орнаментальнаго характера: на вершинѣ большого купола былъ помѣщенъ колоссальный крестъ среди усѣяннаго звѣздами неба[6]; въ другихъ мѣстахъ шли орнаменты изъ цвѣтовъ и зелени, и все это удивительно выдѣлялось, благодаря массѣ свѣта, даваемаго всему зданію сорока окнами, продѣланными въ основаніи купола и въ толщѣ стѣнъ и нишей. При такихъ условіяхъ, богато одѣтая мозаиками, Святая Софія являлась до такой степени залитой свѣтомъ, что, по словамъ историка того времени, казалось, что не она освѣщалась лучами солнца, но свѣтъ исходитъ отъ нея самой[7].

Но Юстиніанъ, какъ мы уже говорили, желалъ еще большаго: вмѣсто мрамора на полу и стѣнахъ, онъ хотѣлъ облицовать церковь листами золота; но принужденъ былъ ограничиться великолѣпіемъ ювелирныхъ издѣлій изъ золота, которыя онъ пожертвовалъ церкви. Въ центрѣ зданія, подъ куполомъ, возвышался огромный амвонъ, также «поражающій своими мраморными цвѣтами и чудесами искусства[8]». Матовый отблескъ слоновой кости и серебра и ослѣпительное сіяніе драгоцѣнныхъ камней смѣшивались здѣсь съ переливами са-

1. Aed., 178—179. Ср. *P. Silent.*, 618.

2. Ср. воспроизведенія, помѣщенныя въ соч. *Lethaby* и *Swainson*'a на стр. 244—245 и у *Salzenberg*'a, табл. IX, XVI, XXI и XXII.

3. Aed., 178; *P. Silent.*, 668 и сл.

4. *Lethaby* и *Swainson*, 286.

5. *Salzenberg*, 96—110; особенно же *Lethaby* и *Swainson*, 273—289.

6. *P. Silent.*, 491—492; 286—288.

7. Aed., 175. Ср. *P. Silent.*, 408—410.

8. *P. Silent.*, Descr. Ambonis, 231.

мыхъ лучшихъ мраморовъ; надъ амвономъ былъ воздвигнутъ куполъ, покрытый золотыми листами, украшенными драгоцѣнными камнями, а сверху возвышался крестъ[1]. Главная ниша, въ которой находился алтарь, отдѣлялась иконостасомъ изъ чеканнаго серебра, закрывая такимъ образомъ это священное мѣсто отъ взоровъ мірянъ. На колоннахъ, обра-

150. Паперть ц. св. Софіи.

зовывавшихъ иконостасъ, помѣщались въ особыхъ медальонахъ образа Христа, Дѣвы Маріи, архангеловъ, пророковъ и апостоловъ[2], но главнымъ образомъ скрытый за иконостасомъ алтарь представлялъ собою настоящее чудо. Престолъ былъ весь изъ золота, блистая драгоцѣнными камнями и эмалями; онъ стоялъ на золотыхъ колоннахъ, а надъ нимъ четыре вызолоченныя серебряныя колонны поддерживали куполъ, увѣнчанный большимъ золотымъ крестомъ[3]. «Кто не будетъ пораженъ, говоритъ поэтъ того времени, великолѣпіемъ престола? Кто

1. *Пав. Силенц.* Descr. Ambonis. Отрывокъ, переведенный въ первый разъ въ сочиненіи Зальценберга (т. XXIII — XXXI), недавно воспроизведенъ *Lethaby* и *Swainson*'омъ, стр. 54—60.

2. *Пав. Силенц.*, Descrip. S. Sophiae, 682—712.

3. *Павелъ Силенц.*, Descrip. S. Sophiae, 720—755; *Ps.-Codin*, 141—142.

можетъ понять, какъ онъ сдѣланъ, когда онъ сіяетъ самыми разнообразными цвѣтами, то отражая блескъ золота и серебра, то блистая какъ сапфиръ, бросая всюду и многообразные лучи,—соотвѣтственно драгоцѣнныхъ камнямъ, жемчугамъ и всякого рода металламъ, изъ которыхъ онъ сдѣланъ[1]». Напрестольная пелена была изъ чудной ткани, разукрашенной мелкими вышивками изъ пурпура и золота[2]. Наконецъ, въ глубинѣ алтаря стоялъ патріаршій тронъ, тоже изъ вызолоченнаго серебра[3], и если пожелать составить себѣ представленіе обо всемъ этомъ великолѣпіи, то достаточно запомнить, что, по словамъ Прокопія, только на одинъ алтарь Святой Софіи пошло 40000 фунтовъ серебра[4].

Но что повидимому вызывало большее, чѣмъ все остальное, удивленіе у современниковъ, это—красота освѣщенія ночью во время большихъ праздниковъ. Павелъ Силенціарій очень подробно описалъ[5] серебрянные поликандила, лампы въ видѣ кораблей, канделябры, имѣвшіе видъ деревьевъ, огни которыхъ казались цвѣтками, наружные фонари, подвѣшенные къ круглому основанію купола[6]; всѣмъ этимъ пожелалъ украсить императоръ Святую Софію, какъ убираютъ драгоцѣнными камнями царскую принцессу[7]. Она была разукрашена до такой степени, что, по словамъ поэта, «сіяющая ночь, улыбающаяся какъ день, получала краски розы[8]», и церковь свѣтилась точно величественный пожаръ, возвѣщая издали мореплавателямъ близость столицы и славу Юстиніана[9]. Въ самомъ зданіи, на престолѣ и на капителяхъ колоннъ, разныя монограммы воспроизводили имена Юстиніана и Θеодоры , а пышныя ткани, напоминая объ ихъ добрыхъ дѣлахъ[11], представляли ихъ неразрывно связанными подъ благословляющею рукою Дѣвы Маріи или Іисуса Христа[12].

27 декабря 537 года Святая Софія была торжественно освящена. Взойдя на колесницу, запряженную четверкою лошадей, Юстиніанъ отправился изъ дворца до входа на Августеонъ, гдѣ его встрѣтилъ съ процессіей патріархъ и проводилъ въ церковь. Дойдя до царскихъ воротъ и увидя, что

1. *Banduri*, Imp. orientale. I. Atiq. Const., I, IV, 210—211.
2. *Павелъ Силенц.*, 758, 802.
3. Id., 363—368, 422.
4. Aed., 179.
5. *Павелъ Силенц.*, 806—920.
6. Id., 487—488.
7. *Пав. Силенц.*, 866.
8. Id., 888—889.
9. Id., 900—920.
10. Id., 712—713; *Lethaby* и *Swainson*, 292—296.
11. *Пав. Силенц.*, 796—802.
12. Id., 803—805.

его мечта осуществилась, что все великолѣпіе храма—его дѣло, императоръ, торжествуя, быстро взошелъ на амвонъ, находившійся подъ главнымъ куполомъ, и, простерши руки, вскричалъ: «Хвала Богу, удостоившему меня докончить такое дѣло. О Соломонъ, я побѣдилъ тебя [1]!» Чтобы ознаменовать этотъ памятный день, Юстиніанъ устроилъ для народа разнаго рода празднества и осыпалъ его милостями [2]; затѣмъ онъ съ обычною расточительностью принялъ рядъ мѣръ для поддержанія церкви, нуждъ богослуженія въ ней и организаціи клира. Онъ одарилъ Святую Софію золотыми вазами и богатыми священническими ризами [3]. Кромѣ того, онъ назначилъ ей 365 имуществъ, по одному на каждый день, въ пригородѣ Константинополя [4] и въ теченіи всей своей жизни заботился объ охраненіи и увеличеніи ея обширныхъ владѣній [5]. Было назначено болѣе пятисотъ причетниковъ на службу «Великой Церкви [6]» и пышность богослуженія въ ней сдѣлалась единственною въ своемъ родѣ. Наконецъ, самыя почитаемыя священныя реликвіи еще болѣе усиливали значеніе церкви; между многими другими драгоцѣнностями Святая Софія обладала верхнею закраиною колодца, возлѣ котораго Христосъ бесѣдовалъ съ самаритянкой, и трубами, отъ которыхъ пали стѣны Іерихона [7].

Тогда какъ Юстиніанъ строилъ свой каѳедральный соборъ, Ѳеодора со своей стороны занималась постройкою другого зданія, заслуживающаго занять мѣсто рядомъ со Святой Софіей. Это была церковь Святыхъ Апостоловъ [8]. Начатая въ 536 г. на мѣстѣ базилики IV-го вѣка, которая была для этого совершенно снесена, она была торжественно освящена 28 іюня 550 г. [9]. Два главныхъ архитектора Святой Софіи, Анфимій Траллесскій и Исидоръ Младшій, завѣдывали постройкой и, какъ въ Святой Софіи, дали широкое мѣсто всему великолѣпію и изысканности византійскихъ украшеній. Цѣлый лѣсъ колоннъ, несомнѣнно большею частью

1. *Mal.*, 479; *Theoph.*, 217; *Ps.-Cod.*, 143.

2. Id., 143.

3. Id., 142.

4. Id., 142.

5. Nov. 41, praef.; 59, 1; 120, 7.

6. Nov. 3, 1. Псевдо-Код. говоритъ о 1000 (стр. 142). Ср. *Lethaby* и *Swainson*, 91—96.

7. *Ps.-Cod.*, 142. Ср. *Lethaby* и *Swainson*, 97 и слѣд.

8. Aed., 187—190; *Ps.-Codin.*, De S. Sophia, 147—148; *Constantin le Rhodien*, Descr. de l'église des Saints Apôtres (éd. Reinach et Legrand и комментаріи къ нему Рейнаха, стр. 62—69. Ср. *Choisy*, Hist. de l'architecture II, 51—53.

9. *Mal.*, 484.

взятыхъ изъ языческихъ храмовъ, образовывалъ по всей окружности зданія два этажа разнообразныхъ цвѣтовъ. На полу и на стѣнахъ драгоцѣнные мраморы были расположены, образуя ослѣпительную мозаику. На сводѣ куполовъ внутри церкви были сдѣланы мозаики, изображавшія по сторонамъ торжествующаго Христа, окруженнаго Дѣвою Маріею и апостолами, и главные эпизоды земной жизни Спасителя[1]. Но церковь Святыхъ Апостоловъ занимаетъ особо важное мѣсто въ исторіи византійской архитектуры главнымъ образомъ по плану самого сооруженія. Дѣйствительно, она имѣла форму греческаго креста и въ то время, какъ въ Святой Софіи одинъ громадный куполъ вѣнчалъ все зданіе, здѣсь пять куполовъ возвышались надъ пересѣченіемъ и концами сторонъ креста[2]. Это представляло нововведеніе, имѣвшее наибольшей успѣхъ въ исторіи византійской архитектуры, и тогда какъ Святая Софія, подражать которой было очень трудно, оставалась почти единственной въ своемъ родѣ, церковь святыхъ Апостоловъ послужила образцомъ для строителей послѣдующихъ вѣковъ и для большей части церквей въ Константинополѣ, Греціи и вообще всего Востока, повторявшихъ эту множественность куполовъ храма Апостоловъ и характеръ его постройки; даже церковь Св. Марка въ Венеціи—только повтореніе церкви, выстроенной Юстиніаномъ и Ѳеодорой.

Императоръ приказалъ перенести въ новую церковь съ великимъ торжествомъ мощи апостоловъ Луки, Андрея и Тимоѳея, чудеснымъ образомъ открытыхъ подъ поломъ старой базилики[3], и, согласно съ желаніемъ Константина, который хотѣлъ, чтобы церковь Святыхъ Апостоловъ была мѣстомъ погребенія восточныхъ греческихъ императоровъ[4], Юстиніанъ распорядился приготовить въ ней для себя и для Ѳеодоры великолѣпные саркофаги, сдѣланные изъ самыхъ рѣдкихъ мраморовъ[5], въ которыхъ должны были быть помѣщены впослѣдствіи золотые гроба обѣихъ царственныхъ особъ[6].

Тѣмъ не менѣе, главнымъ предметомъ заботъ базилевса оставалось всегда Святая Софія. Но въ этомъ излюбленномъ дѣлѣ его ему пришлось испытать нѣсколько разочарованій Удивительный гигантскій куполъ церкви оправдалъ тѣ опасенія,

1. *Const. le Rhodien*, 739 и слѣд.
2. Aed., 187—188.
3. Id., 189.
4. Aed., 189.
5. De ceram., 644.
6. Just., III, 61.

которыя онъ внушалъ архитекторамъ [1]. Уже въ 553 г. землетрясеніе вызвало въ немъ нѣсколько глубокихъ трещинъ, а 7 мая 558 г. онъ рухнулъ, разбивъ подъ своими развалинами стоявшій подъ нимъ знаменитый амвонъ [2]. Говорили, что причиною этого паденія была чрезмѣрная поспѣшность, съ которою были убраны во время постройки деревянныя дуги съ цѣлью дать возможность болѣе быстрой работы мозаикъ, которыми долженъ былъ быть украшенъ куполъ; говорили также, что онъ возведенъ чрезмѣрно и излишне высокимъ, но какъ бы то ни было самое событіе произвело по всей имперіи всеобщее огорченіе [3]. Риторы того времени сочиняли заунывныя одноголосныя пѣсни (монодіи) о паденіи знаменитаго купола [4], а императоръ страстно желалъ, чтобы несчастье было исправлено какъ можно скорѣе; но Анфимія и Исидора уже не было въ живыхъ и потому задача исправленія дѣла двухъ великихъ архитекторовъ была возложена на племянника послѣдняго. Съ этою цѣлью онъ подкрѣпилъ большія арки и, поднявъ куполъ еще на тридцать футовъ и уменьшивъ его отверстіе, придалъ ему форму болѣе сдавленную и не столь смѣлую, какъ прежде [5]. Этотъ именно куполъ, менѣе красивый, но болѣе прочный, и покрываетъ еще и въ настоящее время корабли Святой Софіи. Въ 562 г. перестройка была закончена и 24 декабря, наканунѣ Рождества, во второй разъ церковь была торжественно освящена въ присутствіи императора и патріарха Евтихія [6]. Это дало поводъ къ устройству великолѣпныхъ празднествъ [7], во время которыхъ Павелъ Силенціарій произнесъ предъ Юстиніаномъ свое знаменитое Описаніе Святой Софіи, а восхищенная Византія, созерцая это дѣло, по выраженію поэта—«самое великое всего царствованія», могла смотрѣть на него, какъ на послѣдній лучъ славы, освѣтившій печальные годы, которыми заканчивалась старость Юстиніана.

---

1 *Aed.*, 180—181.

2 *Mal.*, [illegible]; *Theoph.*, 232; *Пав. Силенц.*, 176, 186—204; *Agath.*, 295; *Ps. Cod.*, 141.

3 *Павелъ Силенц.*, [illegible].

4 Напр. монодія Прокопія Газскаго (P. G., 87, 3, стр. 2817).

5 *Agath.*, 295—296. *Ps. Codinus* (144) ошибочно сообщаетъ, что высота купола была понижена.

6 *Mal.*, 495; *Theoph.*, 238; *Пав. Силенц.*, 313—350.

7 *Павелъ Силенц.*, 74—80.

160 Внутренній видъ въ ц Св. Софіи

III

Церковь, построенная Юстиніаномъ, вызывала у современниковъ глубокое восхищеніе. Писатели VI-го вѣка не находятъ достаточно похвалъ генію архитекторовъ, «созданіе которыхъ, до тѣхъ поръ, пока оно будетъ существовать, обезпечитъ за ними вѣчную славу»[1]. Другой историкъ пишетъ о Святой Софіи: «Это—твореніе могучее, несравненное, такое, которому до сихъ поръ нѣтъ примѣра въ исторіи;—дивная церковь, единая въ своемъ родѣ, описать которую слово безсильно[2]». Для Кориппа это — чудо изъ чудесъ, которое стираетъ все великолѣпіе храма Соломона и представляетъ точное изображеніе самого неба[3]. Для Прокопія она — «зрѣлище всякой красоты, превосходящее ожиданіе посѣтителей и кажущееся невѣроятнымъ для тѣхъ, кто можетъ слышать только разсказы о немъ[4]», и затѣмъ онъ прибавляетъ, что еслибы до пожара 532 года кому нибудь было показано изображеніе будущей церкви, которую долженъ былъ воздвигнуть Юстиніанъ, и затѣмъ спросили бы его нужно ли для осуществленія такого чуда осудить на сожженіе древнюю базилику, то никто бы не поколебался сказать да[5]. Поэтъ императорскаго двора, Павелъ Силенціарій, прославилъ въ поэмѣ, состоящей болѣе чѣмъ изъ 1000 стиховъ, красоты Святой Софіи и посвятилъ другое свое произведеніе болѣе чѣмъ въ 300 стиховъ описанію одного только амвона; но лучше всего привести здѣсь одно дѣйствительно трогательное мѣсто изъ сочиненій Прокопія, въ которомъ онъ превосходно выразилъ впечатлѣніе, получаемое отъ Святой Софіи. «Когда, говоритъ онъ, входятъ въ эту церковь для молитвы, то тотчасъ чувствуютъ, что этотъ храмъ не есть дѣло людскаго могущества и искусства, но скорѣе дѣло самого божества, и душа, обращаясь къ небу, сознаетъ, что Богъ здѣсь, близко отъ нея, и что ему нравится этотъ домъ его, который онъ самъ избралъ для себя[6]».

И въ послѣдующіе вѣка гигантское сооруженіе Юстиніана продолжало сильно поражать народное воображеніе и вокругъ купола Святой Софіи сложилось множество ле-

1. *Agath.*, [illegible]
2. *Evagr.*, IV, 31.
3. Just., IV, 283 и слѣд.
4. Aed., 174.
5. Id., 173.
6. Id., 179.

161. Верхнія галереи церкви Св. Софіи.

гендъ[1]. Извѣстно какую значительную роль приписывало дьяволу средневѣковое суевѣріе въ постройкѣ готическихъ соборовъ Запада; постоянно при всѣхъ затрудненіяхъ архитекторовъ является на помощь послѣднимъ сатана и не одинъ планъ церквей явился такимъ образомъ результатомъ договора, заключеннаго съ демономъ. Востокъ также чувствовалъ необходимость объяснить сверхестественными силами постройку Святой Софіи, но, будучи болѣе набожнымъ и быть можетъ относясь съ большимъ уваженіемъ къ священнымъ предметамъ, онъ перенесъ честь сооруженія на самого Бога. По словамъ легенды, ангелы постоянно оказывали помощь, чтобы довести предпріятіе Юстиніана до желаннаго конца. Ангелъ явился во снѣ Юстиніану и показалъ ему планъ будущаго зданія[2]; ангелъ же посовѣтовалъ закончить церковь тремя абсидами[3]; наконецъ, и въ послѣдующее время ангелъ охраняетъ крѣпость постройки Святой Софіи[4]. Правда, онъ это дѣлаетъ не совсѣмъ по своей доброй волѣ и его исторія нѣсколько напоминаетъ тѣ продѣлки, которыя приписывались дьяволу на Западѣ. Однажды, когда отдыхали рабочіе и всѣ лѣса были пусты, на нихъ оставался только сынъ одного десятника, четырнадцатилѣтній мальчикъ, для присмотра за инструментами, служившими для работы. Вдругъ этотъ юноша увидѣлъ, что къ нему идетъ кто-то, одѣтый во все бѣлое, похожій на одного изъ дворцовыхъ евнуховъ, который обратился къ нему со слѣдующими словами: «Почему рабочіе не торопятся какъ можно скорѣе окончить дѣло Господне и все бросили, уйдя обѣдать?—Они скоро возвратятся, господинъ, отвѣчалъ юноша.—Ступай, сейчасъ же розыщи ихъ, приказалъ пришедшій и, такъ какъ юноша колебался, прибавилъ: ступай и позови ихъ; клянусь тебѣ Божественною Мудростью, въ честь которой строится эта церковь, что я не уйду отсюда до тѣхъ поръ, пока ты не вернешся». Мальчикъ пошелъ и разсказалъ все, какъ было, отцу, который увѣдомилъ объ этомъ императора. Тотчасъ было приказано собраться всѣмъ евнухамъ и такъ какъ юноша не призналъ ни одного изъ нихъ за лицо, говорившее съ нимъ, то императоръ понялъ, что таинственный посѣтитель былъ никто иной какъ ангелъ Божій, и возрадовался, что его дѣло прі-

1. См. *Krumbacher*, Byz. Litt., 421, 426—427.

2. *Ps. Codin.*, 133.

3. *Ps. Cod.*, 140.

4. Id., 137—138.

ятно Богу. Но сверхъ этого онъ очень предусмотрительно распорядился, отправивъ юношу изъ Константинополя въ отдаленныя мѣста, такъ что ангелъ, связанный своею клятвою, остался и теперь постоянно охраняетъ церковь Юстиніана въ ожиданіи возвращенія юноши, а этого никогда не будетъ.

Народное воображеніе было еще болѣе поражено громадными суммами, которыя были потрачены императоромъ

162. Верхнія галереи церкви Св. Софіи.

на церковныя сооруженія, и оно не могло понять гдѣ царствующія особы находили деньги, необходимыя для выполненія ихъ великихъ предпріятій. Это также породило рядъ прелестныхъ легендъ. Разсказывали, напримѣръ, что когда сооружалась церковь Святыхъ Апостоловъ, то въ моментъ, когда нужно было приступить къ украшенію ея мозаиками, у Ѳеодоры оказалось полное отсутствіе денегъ для выполненія работы. Императрица была въ большомъ затрудненіи, но во снѣ ей явились апостолы и сказали: «Не безпокойтесь, не просите денегъ у вашего мужа, Юстиніана, а идите за ворота Дексіократа и тамъ найдете зарытыми въ землю двѣнадцать вазъ, наполненныхъ золотомъ». Съ помощью такого щедраго дара, очевидно божественнаго—всѣ монеты найденнаго клада были съ изображеніями апостоловъ—Ѳе-

одора могла закончить зданіе и роскошно украсить его [1]. Что касается Святой Софіи, то исторія съ ней еще болѣе чудесна и походила на сказку фей [2]. Соборъ подымался; приступили къ сооруженію большихъ куполовъ, но Юстиніанъ былъ озабоченъ и печаленъ, потому что ему не хватало денегъ для продолженіе работъ. Однажды, когда онъ поднялся на подмостки и не безъ грусти глядѣлъ на дѣло, которое приходилось прервать, онъ увидѣлъ подходящаго къ нему евнуха, который сказалъ ему: «Почему вы безпокоитесь о деньгахъ? Пошлите ко мнѣ завтра кого нибудь изъ вашихъ высшихъ сановниковъ и я принесу вамъ денегъ, сколько вы пожелаете». На другой день, когда императоръ снова былъ на лѣсахъ, къ нему явился тотъ же человѣкъ и сказалъ: «Дайте мнѣ нѣсколько человѣкъ, которымъ вы довѣряете, и мы пойдемъ съ ними». Удивленный такою настойчивостью, Юстиніанъ отправилъ четырехъ высшихъ сановниковъ со множествомъ слугъ и двадцатью мулами. Евнухъ вывелъ ихъ за городъ и вдругъ предъ ихъ глазами предсталъ удивительный дворецъ, который казался сдѣланъ не человѣческими руками. Тутъ проводникъ предложилъ имъ сойти съ лошадей и ввелъ ихъ въ залу, которая вся была наполнена золотыми монетами. Взявъ лопату, таинственный евнухъ нагрузилъ каждаго мула 400 фунтами золота, что соотвѣтствуетъ 450000 франкамъ современной монеты, и такимъ образомъ нагрузилъ болѣе 9 милліоновъ; послѣ чего онъ отправилъ сановниковъ къ императору, сказавъ, что долженъ запереть залу. Когда Юстиніанъ увидѣлъ все это золото, то приказалъ разсказать ему во всѣхъ подробностяхъ все, что произошло, и такъ какъ евнухъ больше не приходилъ, то онъ послалъ розыскать его. Однако мѣсто, гдѣ возвышался дворецъ, было теперь пустынно и человѣкъ исчезъ. Поэтому Юстиніанъ не сомнѣвался, что все это дѣло — чудо и приписалъ его Богу, который всегда заботился о немъ.

Во все время, пока существовала византійская имперія, Святая Софія продолжала быть чудомъ Константинополя и религіознымъ центромъ всего государства. Въ «Великой Церкви» Юстиніана совершались самыя важныя событія и самыя пышныя торжества. Преемники великаго христіан-

1 Ps. Codin., 13. 2 Ps. Codin. 138—139.

скаго императора ежегодно съ благоговѣніемъ чтили память основателя этого несравненнаго сооруженія [1], и такимъ образомъ заботливо поддерживаемый и постоянно изъ года въ годъ украшаемый, древній соборъ существовалъ до того дня, когда въ 1453 г. онъ былъ передѣланъ въ мечеть. Въ настоящее время Святая Софія утратила много своего былого великолѣпія. Въ ней исчезли мозаики на золотомъ фонѣ, которыя блистали на сводахъ и куполахъ и которыя турки, враги изображеній, покрыли толстымъ слоемъ извести. На мѣстѣ разрушеннаго иконостаса и уничтоженнаго алтаря помѣщается обычная обстановка турецкой мечети, — каѳедра или мимберъ, гдѣ, между двумя побѣдными знаменами Магомета II, становится имамъ, читая коранъ; тутъ святая ниша или михрабъ, указывающая направленіе Мекки. Гдѣ возвышался амвонъ, тамъ находится трибуна султана, окруженная позолоченною рѣшеткою, а на верху столбовъ, на громадной высотѣ, прикрѣплены большіе зеленые диски, на которыхъ написаны золотыми буквами нѣкоторыя изрѣченія корана. Но устраните мысленно всѣ эти паразитныя украшенія; посмотрите только на стѣны, блещущія многоцвѣтными мраморами, на колонны яркихъ тоновъ, на легкіе купола, въ особенности на пропорціональность всей постройки, столь обширной и въ тоже время столь гармоничной; отбросьте на мгновеніе всѣ эти мусульманскіе пюпитры, устраните желтоватую окраску, которая оскверняетъ стѣны и своды, и вы безъ труда воскресите для себя Святую Софію, какою она была 1300 лѣтъ тому назадъ. А затѣмъ представьте, какъ было, въ этихъ обширныхъ нефахъ блестящія императорскія шествія, великія церемоніи коронованія или собора, или еще лучше отдайтесь просто тому чувству уединенія, которое свойственно большой базиликѣ, и вы тотчасъ сильно почувствуете оригинальное величіе, рѣдкую и поразительную красоту всего окружающаго. Одинъ писатель XIV вѣка сказалъ, что Богъ конечно будетъ милосерденъ къ Юстиніану уже за одно только то, что онъ построилъ Святую Софію [2]. И въ настоящее время Великая Церковь краснорѣчиво ходатайствуетъ за императора. Забываются тѣ тягости, которыми были обременены подданные, лишенія, которыя терпѣли народы, участвовавшіе

1. *Niceph. Calliste*, XVII, 31.

2. Id. Но еще раньше Павелъ Силенціарій высказалъ, что Юстиніанъ этимъ благочестивымъ дѣломъ уже при жизни открылъ себѣ путь на небо (307—309).

въ ея постройкѣ; забываются слабости, ошибки и пороки человѣка, который соорудилъ ее;—продолжаетъ жить только одно—несравненный монументъ, въ которомъ проявилась въ исключительномъ по своимъ достоинствамъ произведеніи творческое могущество византійскаго искусства, дивная церковь, которая остается въ древней столицѣ базилевсовъ видимымъ и живымъ символомъ эллинской народности.

ГЛАВА III

Константинополь. — Религіозная жизнь въ VI-мъ вѣкѣ.

Когда въ началѣ IV вѣка аскетизмъ сталъ впервые идеаломъ христіанства, когда на всемъ Востокѣ вспыхнулъ порывъ энтузіазма, которымъ были охвачены какъ анахореты, такъ и совмѣстно жившіе монахи въ пустыняхъ и монастыряхъ, — эта новая форма благочестія возбуждала одновременно и страстное восхищеніе и очень сильную злобу [1]. Разсудительные люди съ огорченіемъ смотрѣли, какъ эта религіозная лихорадка уносила изъ общества лучшихъ людей. Извѣстно, какъ сильно противилась мать Іоанна Златоуста тому пылкому стремленію, которое влекло ея сына въ пустыню; отцы, еще болѣе чѣмъ матери, энергически боролись противъ такого гибельнаго покиданія міра; даже домашніе слуги испытывали нѣкоторый стыдъ за своихъ господъ, мечтавшихъ объ аскетической жизни, и молодымъ людямъ часто приходилось прибѣгать къ разнаго рода уверткамъ и благочестивымъ хитростямъ для того, чтобы осуществить свои мечты. Еще болѣе чѣмъ семьи, общество ясно сознавало опасность увлеченія, которое отнимало у государства драгоцѣнныя силы и лишало его достойныхъ и талантливыхъ людей; даже въ самой Церкви наиболѣе выдающіеся умы дѣлали нѣкоторыя замѣчанія объ излишествахъ аскетизма. Самъ Златоустъ, вначалѣ такъ сильно чувствовавшій прелесть его, переживъ его, очень скоро понялъ, что для христіанина нужна жизнь болѣе активная, болѣе практическая и дѣйствительно болѣе полезная, чѣмъ мистическія и безплодныя созерцанія монашества. Но увлеченіе пересиливало всѣ со-

1. *Puech*, S. Jean Chrysostome, 251—253. 262.

ображенія; два вѣка спустя, въ описываемую нами эпоху, монашеская жизнь была предметомъ общаго почитанія. Египетъ [1], Сирія и Палестина [2] были полны монастырями, въ которыхъ великій палестинскій пустынникъ Савва постарался упорядочить религіозную жизнь, а въ разоренной войною Италіи св. Бенедиктъ открытъ въ Субіако и въ Монте-Кассино убѣжища для волновавшихся душъ, которыхъ страшили мірскія бѣдствія или которыя пресытились ими [3]. Состарившійся Кассіодоръ въ уединеніи своего монастыря Сквилаце благочестиво заканчивалъ свою политическую карьеру, совершенную имъ на службѣ у остготскихъ королей [4].

Чтобы вполнѣ оцѣнить важное мѣсто, занимавшееся религіею въ христіанскомъ мірѣ VI-го вѣка, и лучше обрисовать отпечатокъ, одинъ изъ наиболѣе характеристическихъ, который имѣла въ это время византійская столица, — нѣтъ, быть можетъ, лучшаго способа, какъ изученіе монашеской жизни той эпохи. Несомнѣнно стоило бы труда набросать фигуры тогдашнихъ представителей восточной Церкви, разныхъ Менасовъ и Евтихіевъ [5], которыхъ честолюбіе, поддерживаемое гражданскою властью, съ этого времени было направлено къ тому, чтобы присвоить себѣ титулъ вселенскаго патріарха [6]; или же обрисовать организацію той «Великой Церкви», святой Софіи, для которой Юстиніанъ такъ усердно старался создать безчисленный клиръ [7] и такъ заботился о сохраненіи и увеличеніи ея громадной патримоніи и богатой казны [8]. Однако, мнѣ кажется, что еще лучше можно уловить специфическія свойства всего этого общества, постаравшись возсоздать внѣшнюю и внутреннюю жизнь тѣхъ безчисленныхъ монастырей, которые наполняли Константинополь настоящею арміею монаховъ и которые оказывали очень большое вліяніе, иногда становившееся даже опаснымъ, на религіозное движеніе того времени и распространявшееся также на общественныя дѣла государства.

1. О развитіи и распространеніи монашества см. *Ladeuze*, Études sur le cénobitisme pakhômien.

2. *Couret*, La Palestine sous les empereurs grecs. *Олмаревскій*, Палестинское монашество съ IV до VI вѣка. и *Usener*, Der heilige Theodosios.

3. *Hartmann*, Gesch. Italiens im Mittelalter, I, 177 и сл.

4. Ibid., 372 и сл.

5. Жизнеописаніе Мены имѣется въ A. Ss., Aug., т. V, стр. 169; Житіе Евтихія помѣщено въ Patr. Gr., т. 86, стр. 2273 и сл.

6. Nov. 58.

7. Nov. 3.

8. Nov. 7, 46, 120.

I.

Населеніе Византіи относилось съ глубокимъ уваженіемъ къ монахамъ съ ихъ строгимъ видомъ и длинными черными одеждами, и къ тѣмъ благочестивымъ женщинамъ, которыя отрѣшились отъ міра, чтобы принять «ангельскія облаченія» и сдѣлаться «гражданами неба [1]». Оно чтило ихъ за ихъ добродѣтели, за покаянія и молитвы, которыми они восполняли недостаточное усердіе другихъ христіанъ. Многіе также желали слѣдовать за ними въ тѣ кельи, гдѣ эти аскеты подвизались, достигая святости, чтобы подражать имъ въ тѣхъ добродѣтеляхъ, которыми они обезпечивали себѣ спасеніе; словомъ, общее увлеченіе влекло всѣ классы общества къ аскетической жизни. Конечно подобныя стремленія вызывались самыми разнообразными мотивами; у нѣкоторыхъ, искреннее и дѣйствительное благочестіе вело либо въ келью, либо къ какому нибудь знаменитому аскету или извѣстному столпнику, и они мечтали раздѣлить съ ними всю строгость его жизни и постничества; другіе шли въ монастырь ради смиренія и покаянія, съ цѣлью отдать въ пользу бѣдныхъ свой трудъ и состояніе, чтобы искупить какой нибудь тяжелый грѣхъ и заслужить божеское милосердіе. Въ смутныя времена, переживавшіяся людьми шестого вѣка, многіе уходили въ монастырь вслѣдствіе упадка духа и утомленія мірскими дѣлами, въ надеждѣ найти въ немъ болѣе обезпеченную и мирную жизнь, или же—особенно среди высшихъ общественныхъ классовъ—вслѣдствіе потребности отреченія, покоя и мира отъ усталости и ошибокъ свѣтской и бурной жизни [2]. У многихъ склонность къ аскетизму вызывалась менѣе благородными мотивами: одни искали въ немъ пристанище и убѣжище противъ опалы или же средство возвратить себѣ посредствомъ полученія высокаго духовнаго сана утраченное вліяніе въ гражданскихъ должностяхъ; нѣкоторые находили въ этомъ способъ избѣжать тягости военной службы. Бѣглый рабъ или воръ искали въ монашествѣ охраненія себя отъ строгостей своего гос-

1. Nov. 133. 3 и 6.

2. См. у *Marin*, Les moines de Constantinople, стр. 38 и сл.; въ особенности же много отдѣльныхъ фактовъ, приводимыхъ Іоанномъ Ефесскимъ въ его *Комментаріяхъ*, стр. 167—171, 102—103, 178—179, 69 и сл., 174—176.

163. Миніатюра изъ сирійской Библіи VI вѣка, хранящейся во Флоренціи.

подина [1]; колонъ, покидая свое поле, шелъ въ монастырь, чтобы избавиться отъ тираніи крупнаго земельнаго собственника [2]. Но каковы бы не были причины,—влеченіе къ келіи было всеобщимъ; женщины, какъ и мужчины [3], крупные сеніоры, какъ и богатые купцы, даже члены самой императорской фамиліи [4],—всѣ были рады оставить свое имущество и свѣтъ, чтобы вести въ какомъ нибудь монастырѣ или въ какомъ нибудь уединенномъ скитѣ «смиренную и святую» жизнь [5] въ молитвахъ, лишеніяхъ и скорби. Многіе изъ тѣхъ, которые были удержаны въ міру, старались и въ немъ вести жизнь монаховъ [6] и идеаломъ даже повидимому самыхъ равнодушныхъ людей было умереть или по крайней мѣрѣ быть похороненнымъ въ священной оградѣ монастыря. Иные, чувствуя приближеніе смерти, приказывали переносить себя въ монастырь; многіе также уже при жизни строили себѣ тамъ гробницы, въ которыхъ они желали покоиться на освященной землѣ.

Особенно же всѣ стремились какъ можно болѣе дѣлать монастырямъ богатые дары и основывать при нихъ благочестивыя учрежденія. Императоры и императрицы, принцы и принцессы крови, богатые сенаторы и высшіе сановники двора и арміи, разбогатѣвшіе торговцы, женщины знатныхъ родовъ кичились крупными пожертвованіями существующимъ монастырямъ или постройкою съ большими издержками новыхъ, болѣе обширныхъ и какъ можно болѣе великолѣпныхъ. Въ сущности въ этомъ играла роль не одна религія, но и тщеславіе. Многіе основывали монастыри изъ моды, для показа своего благочестія или для сохраненія въ потомствѣ своего имени, неразрывно связаннаго съ учрежденіемъ монастыря, который они построили или возобновили [7], но большинство было побуждаемо къ этому благочестіемъ. Два брата изъ Амида, честно разбогатѣвъ торговлею, собирали въ своемъ домѣ въ Мелитенѣ бѣдныхъ и странниковъ и учредили въ немъ сообщество, управлявшееся согласно строгой монастырской дисциплинѣ [8]; странствующіе монахи, утомленные безплодными скитаніями, основывали монастырь, въ которомъ собирали сосѣднихъ жителей, по-

1. Nov. 7, 2, 3.
2. Nov. 123, 35.
3. *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 191 106
4. Id., 174—176.
5. Id., 119.
6. Id., 149—151, особенно же 180—181.
7. Nov. 67, 2.
8. *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 119—120.

учая ихъ [1]; крупный собственникъ, продавшій свои имѣнія, чтобы раздать полученные деньги неимущимъ, и оставившій себѣ только дворецъ, въ которомъ велъ вмѣстѣ съ женою, дѣтьми, слугами и друзьями строгую жизнь затворниковъ [2]; благородная матрона, отдавшая свои пурпурныя и шелковыя одежды и драгоцѣнныя ткани, обшитыя золотыми фигурами, либо на украшенія церкви, либо на продажу въ пользу монастыря [3],—всѣ эти благочестивыя и пылкія души, имена которыхъ благоговѣйно сохранены Іоанномъ Ефесскимъ, конечно достойны за свое благородство и искренность намѣреній того прекраснаго названія блаженныхъ, которое имъ присвоено восхищеннымъ духовнымъ писателемъ.

Царствованіе Юстиніана было золотымъ вѣкомъ основанія монастырей. Подобно своимъ подданнымъ, императоръ глубоко чтилъ «эту столь почетную монашескую жизнь, которая приводитъ человѣка въ непосредственное прикосновеніе съ Богомъ, стираетъ съ него всю человѣческую грязь, дѣлаетъ его чистымъ, сильнымъ созерцаніемъ и стоящимъ выше всѣхъ людскихъ заботъ [4]». Подобно своимъ подданнымъ, онъ видѣлъ въ строгой жизни въ кельи «не только вещь, святую самое по себѣ, такъ какъ она приводитъ души къ Богу, и тѣмъ полезную тѣмъ, кто ведетъ ее, но еще и полезную всему обществу въ силу святости монаховъ и молитвъ, которыя они возносятъ къ Богу [5]». Онъ считалъ, что развитіе такого учрежденія являлось и хорошимъ примѣромъ и хорошею политикою; онъ думалъ, что если «эти чистыя руки и освященныя души будутъ молиться за имперію, то при обезпеченной такимъ образомъ милости Божіей, армія будетъ крѣпче, процвѣтаніе государства больше, земледѣліе и торговля—болѣе цвѣтущи [6]». И, будучи на столько же набожнымъ государемъ, насколько мудрымъ императоромъ, онъ относился съ изумительною заботливостью ко всему, что касалось монастырей, поощряя подданныхъ умножать учрежденіе новыхъ, подавая этому примѣръ, регламентируя съ обычными для него подробностями все, что касалось вновь устраиваемаго монастыря, средства, которыми онъ обезпечивался, дисциплину, которая должна была въ немъ соблюдаться, входя въ мельчайшія стороны монашеской жизни, на-

1. *Іоаннъ Еф.*, 106.
2. Id., 102—104.
3. Id., 176—178.
4. Nov. 5, praef.
5. Nov. 133, praef.
6. Nov. 133, 5.

граждая духовенство привилегіями, предписывая величайшее уваженіе къ священной одеждѣ, которую они носили, и въ особенности запрещая выводить ихъ на сцену [1]. И такимъ образомъ законодательство Юстиніана, гораздо болѣе чѣмъ правила самого св. Саввы, сдѣлалось въ Византійской имперіи настоящимъ основаніемъ монашескаго института [2].

Понятно, что при такихъ условіяхъ монастыри строились въ царствованіе Юстиніана въ большомъ числѣ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ. Въ 536 г. въ Константинополѣ насчитывалось не менѣе 67 мужскихъ монастырей [3], не считая женскихъ, а позже этого времени Юстиніанъ выстроилъ или реставрировалъ много другихъ, изъ которыхъ наиболѣе знаменитымъ былъ монастырь святыхъ Сергія и Вакха, устроенный въ бывшемъ дворцѣ Гормиздаса [4]. По его примѣру Ѳеодора основала монастырь Покаянія [5], а монастыри св. Мамы и св. Лаврентія были построены усердіемъ высшихъ дворцовыхъ сановниковъ или благочестивыхъ монаховъ [6]. Внѣ Константинополя, въ Палестинѣ, Сиріи, Месопотаміи, Исавріи, Арменіи и до отдаленнаго Синайскаго полуострова [7] и вновь завоеванной Африки, — всюду были или построены или украшены монастыри императоромъ [8] и частными лицами [9]. Нѣкоторые большіе восточные города, напримѣръ, Амида, Эдесса, Іерусалимъ, были окружены какъ бы вѣнкомъ изъ монастырей; Александрія и Египетская пустыня были переполнены ими, а въ самой Византіи въ нѣкоторыхъ кварталахъ монастыри располагались одинъ за другимъ въ нескончаемомъ порядкѣ, покрывая огромныя пространства земли. Многіе изъ нихъ, самые древніе [10] и най-

1. Nov. 123. 44.

2. См. особенно Nov. 5 (535 г.), 133 (539 г.), 123 (546 г.). См. превосходное сочиненіе *W. Nissen*'a. Die Regelung des Klosterwesens im Rhomäerreiche. Hamburg, 1897.

3. Списокъ имѣется у *Mansi*. VIII, 1007—1014.

4. Aed., 186; *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 157.

5. Aed., 199—200. Ср. id., 183.

6. *Marin*, loc. cit., 22.

7. См. хризобуллу, пожалованную Юстиніаномъ настоятелю синайскому, въ которой говорится объ этой «божественной и священной горѣ, славной дѣлами и добродѣтелями святыхъ» (P. G., 86, I, 1149 и сл.) и надпись, касающуюся основанія монастыря (C. I. G., 8634).

8. Aed., 328, 253—254, 327, 339, и *Diehl*, Une charte lapidaire du VI siècle (C. R. de l'Acad. des Inscrip., 1894, 383—393).

9. *Іоаннъ Ефес.*, Comm., passim.

10. Относительно первыхъ монастырей, основанныхъ въ Константинополѣ, см. *Pargoire*, Les débuts du monachisme à CP., (Rev. des quest. hist., янв. 1866, 67—119).

болѣе чтимые занимали мѣстность вдоль Мраморнаго моря отъ Золотыхъ воротъ до Священныхъ Палатъ. Здѣсь находились монастыри Студіонъ, Далмаціосъ, архимандритъ котораго съ титуломъ экзарха имѣлъ наблюденіе за всѣми монастырями столицы, Діосъ или Ацеметесъ, святыхъ Сергія и Вакха [1]. Другіе находились далеко отъ центра, въ менѣе населенныхъ мѣстностяхъ, по сосѣдству съ городскими стѣнами; таковы были: за Позолоченными воротами монастырь Авраамитовъ, монастырь Хора или сельскій, близъ нынѣшнихъ адріанопольскихъ воротъ, монастырь св. Мамы на мѣстѣ теперешняго Эюба [2]. Наконецъ на пятомъ холмѣ, въ безпокойной области Петріона, сталъ образовываться маленькій монастырскій городокъ въ окрестностяхъ древней часовни святой Евфиміи; другіе, напримѣръ сирійскій монастырь Сикэ или монастырь св. Конона, были расположены на восточномъ берегу Золотого Рога [3], или же, наконецъ, какъ руфиніанскій монастырь,—на азіатскомъ берегу Босфора [4]. Масса монаховъ толпилась во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ, богато одаренныхъ усердіемъ или ихъ основателей или благочестивыхъ лицъ, которые ихъ возобновили.

II

Въ настоящее время большая часть монастырей, существовавшихъ въ Константинополѣ, безслѣдно исчезла и для того, чтобы составить представленіе о томъ видѣ, какой имѣли эти обширныя монастырскія учрежденія, нужно искать ихъ внѣ Константинополя. Къ счастью, въ Греціи (Дафни), въ Египтѣ (Ассуанъ), въ Африкѣ (Тебесса) и въ Сиріи (Св. Симеона столпника) сохранились довольно значительныя развалины монастырей V и VI вѣка, изъ которыхъ монастырь св. Симеона, находящійся между Алеппо и Антіохіей, какъ показали прекрасныя изслѣдованія де-Вогюэ, представляетъ особый интересъ. Здѣсь можно познакомиться съ тѣмъ, какъ обыкновенно строились эти монастыри и каковы были размѣры и великолѣпіе многихъ изъ нихъ.

1. *Mordtmann*, Esquisse topogr. de CP., 50, 77; 68, 54.
2. Id., 71, 70, 54.
3. *Ibid.* [illegible] Сочин., 111, 136. *Mordtmann* 43.
4. *Pargoire*, Rufinianes (Byz. Zeitschr., 1899), 429 и сл..

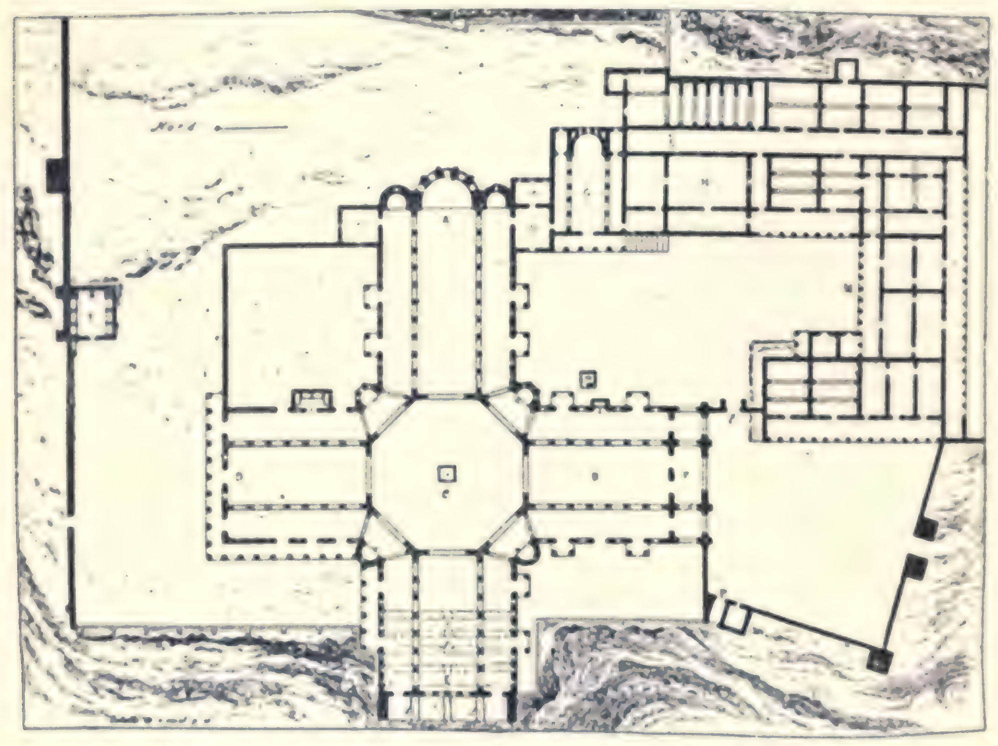
Въ первые года V-го вѣка въ этой части центральной Сиріи жилъ монахъ по имени Симеонъ. Уже съ раннихъ лѣтъ склонность къ аскетической жизни увлекла его въ монастырь, но вскорѣ пылкость его благочестія и любовь къ уединенію заставили его желать большаго. Онъ получилъ отъ старшихъ разрѣшеніе жить въ маленькой кельи, построенной на вершинѣ колонны, а затѣмъ, чтобы полнѣе уединиться отъ міра, онъ постепенно увеличивалъ высоту этого пьедестала съ шести до десяти метровъ (отъ 3 саж. до 5) и, наконецъ, до пятнадцати. Такъ онъ прожилъ тридцать семь лѣтъ и вскорѣ его необыкновенный образъ жизни, ревность его благочестія, слава подвижничества, а также совершенныя имъ чудеса, привлекли къ подножію колонны святого Симеона толпы пилигримовъ[1]. Довольно скоро, для пріема стекавшейся массы народа, стали строиться въ ближайшей мѣстности дома и гостинницы, а потомъ, когда послѣ смерти пустынника, приливъ вѣрующихъ къ освященнымъ имъ мѣстамъ увеличился еще болѣе, была построена церковь и вокругъ чтимой колонны, на которой жилъ аскетъ, образовалось общежитіе; такимъ образомъ возникъ монастырь св. Симеона.

Хотя начало его относится къ концу V-го вѣка и, слѣдовательно, за нѣсколько лѣтъ до эпохи, которою мы занимаемся, тѣмъ не менѣе очень интересно познакомиться съ его устройствомъ[2]. Вокругъ колонны святого былъ расположенъ обширный восьмиугольный дворъ подъ открытымъ небомъ, отъ котораго шли, образуя четыре стороны креста, четыре огромныя зданія, каждое съ тремя кораблями. Одно изъ нихъ, оканчивающееся тремя абсидами, было монастырскою церковью, остальныя служили портиками, гдѣ толпились пилигримы. Для внушенія вѣрующимъ болѣе глубокаго почтенія къ святому всѣ эти зданія были очень раскошно разукрашены. Полы были выстланы мраморными плитками, стѣны — красиво выкрашены, позолоченные и раскрашенные кессоны дополняли украшенія потолковъ. На концѣ южной части креста прекрасный портикъ, очень оригинальной архитектуры, велъ въ алтарь. Сбоку церкви былъ расположенъ монастырь. Въ немъ имѣлось много довольно просторныхъ комнатъ, предназначавшихся для жилья монаховъ, большая парадная зала въ два этажа, служившая для собраній членовъ общежитія;

1. *Evagr.*, I, 13.

2. *Vogüé*, Syrie centrale, таб. 139—150.

дальше домъ съ великолѣпнымъ портикомъ, въ которомъ жилъ начальникъ монастыря, и, наконецъ, маленькая церковь спеціально для общинниковъ. Всѣ эти постройки располагались вокругъ обширнаго, почти четыреугольнаго двора, мѣстами окаймленнаго портиками. Во второмъ дворѣ, находившемся впереди монастыря, имѣлось зданіе, въ которомъ помѣщались

164. Планъ монастыря св. Симеона (по *Vogüé*, Syrie centrale).

службы монастыря, гостинница для странниковъ и больница. Этотъ дворъ не имѣлъ сообщенія съ зданіемъ, въ которомъ жили монахи. Наконецъ крѣпкая наружная стѣна съ башнями, стоявшими на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, охватывала всѣ постройки; въ ней имѣлись единственныя сводчатыя ворота, охраняемыя двумя четыреугольными могучими башнями. Таковъ былъ еще въ VI вѣкѣ, когда его посѣтилъ Евагрій, монастырь св. Симеона; пилигримы продолжали толпами стекаться въ него, а въ дни праздника поселяне собирались въ огромномъ числѣ вокругъ колонны святого и благочестивому воображенію вѣрующихъ по временамъ казалось, что

они видятъ появляющуюся то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ тѣнь пустынника съ его длинною бородою и высокою шапкою въ формѣ тіары, которую онъ носилъ при жизни [1].

Можно также и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Дафни [2], въ Ассуанскомъ деирѣ [3], особенно же въ прекрасномъ византійскомъ монастырѣ въ Тебессѣ [4], распознать характе-

165. Общій видъ монастыря св. Симсона (фот. Van Berchem'a).

ристическія черты, свойственныя плану всѣхъ монастырскихъ построекъ VI-го вѣка. За укрѣпленной солидной опоясывающей стѣной, обыкновенно образующей обширный четыреугольникъ, и пройдя черезъ единственныя, имѣвшіяся въ ней ворота, ведущія въ монастырь, прежде всего подходили къ обширному зданію, предназначенному для служебныхъ потребностей всего учрежденія, для гостинницы со множествомъ комнатъ (при ней оригинальныя конюшни), для больницы, убѣжища для странниковъ и, быть можетъ, также школы. Далѣе возвышалась церковь, всегда непосредственно доступная всѣмъ вѣрующимъ и повсюду очень богато украшенная; еще дальше подъ сѣнью храма, отдѣленныя отъ мѣстъ для пришлаго народа и обыкновенно расположенныя довольно далеко отъ мірского шума, стояли собственно монастырскія зданія, образуя замкнутый дворъ, окруженный портиками,—монастырь въ настоящемъ смыслѣ. Здѣсь, рядомъ съ парадною залою, которая имѣ-

1. *Evagrius*, I, 14.

2. *Millet*, Le monastère de Daphni, 4—9.

3. *Gayet*, Le Déir d'Assouan (l'Architecture, 1892).

4. *Ballu*, Le monastère byzantin de Tébessa; *Diehl*, Afrique byzantine, 430—431.

лась во всѣхъ безъ исключенія монастыряхъ, имѣлись обширныя комнаты, гдѣ монахи обѣдали и спали сообща [1], жилище игумена и особая церковь для монаховъ. Извѣстное число отдѣльныхъ келій или laures назначалось для старыхъ или больныхъ братій, или для тѣхъ, которые, съ разрѣшенія старшаго, желали въ бóльшемъ уединеніи вести болѣе строгую аскетическую жизнь [2]. Наконецъ, обширное пространство было занято монастырскими службами, хлѣбными амбарами, кладовыми и мастерскими для ручныхъ работъ. Нерѣдко также монастырь былъ окруженъ большими прекрасными садами, которыя доставляли живущимъ въ немъ часть продуктовъ, необходимыхъ для ихъ существованія [3].

Такими же, и даже еще болѣе роскошными, нужно представлять себѣ большіе и богатые монастыри византійской столицы; но только нѣсколько монастырскихъ церквей, оставшихся неприкосновенными, даютъ возможность въ настоящее время оцѣнить ихъ былое великолѣпіе. Мечеть Имрахоръ-джами въ кварталѣ Псаматіа сохраняетъ форму базилики: прекрасныя мраморныя колонны, богатый скульптурный верхній карнизъ, разноцвѣтный каменный полъ, украшавшіе въ V вѣкѣ церковь знаменитаго монастыря св. Іоанна Студита [4]. Точно также красивая мечеть въ Кучукѣ Ая Софія съ ея центральнымъ куполомъ, лежащимъ на восьми столбахъ, между которыми устроены четыре абсиды, съ элегантною роскошью ея капителей и рѣзнымъ фризомъ, есть не что иное, какъ церковь монастыря святыхъ Сергія и Вакха, основаннаго въ VI-мъ вѣкѣ Юстиніаномъ и Ѳеодорой [5].

III.

Теперь сдѣлаемъ попытку представить нѣкоторыя черты той жизни, которую вели въ этихъ монастыряхъ.

«Тѣ, говоритъ въ одной новеллѣ Юстиніанъ, которые промѣняли недостойную свѣтскую жизнь на ангельское состояніе, должны имѣть двойную заботу: или прилежно изу-

1. *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 53, упоминаетъ о commune fratrum oratorium и о нѣсколькихъ кельяхъ по сторонамъ ея. Ср. Nov. 5, 3. 133, praef. и 1; 123, 36.

2. Nov. 123, 36.

3. *Marin*, loc. cit. 57—60.

4. *Salzenberg*, Altchrist. Denkmäler von CP., 36—41 и табл. 2—4; *Pulgher*, Anciennes églises byz. de CP., табл. 1. Ср. *Marin*, De Studio coenobio CPtano. Paris, 1897.

5. *Salzenberg*, ibid., стр 41—45 и табл. 5; *Pulgher*, ibid., табл. 2 и 3.

чать священное писаніе, или усердно заниматься ручными работами, приличными для монаховъ. Разумъ, остающійся празднымъ, не произведетъ ничего добраго [1]». Поэтому жизнь монаха въ общемъ должна была направляться на дѣла благочестія и на практическія работы; но въ частности его существованіе было подчинено множеству мелочныхъ обязанностей, опредѣлить которыя, по примѣру египтянина Пахомія, [2] постарался въ IV вѣкѣ св. Василій [3], а затѣмъ въ началѣ VI вѣка ихъ съ большею точностью и еще съ бóльшими строгостями изложилъ св. Савва въ своемъ Типиконѣ [4]. Съ того дня, какъ монахъ облачился въ рясу изъ грубой шерстяной матеріи чернаго цвѣта и надѣлъ на голову черную камелавку (χαμελαύχιον), онъ долженъ отречься отъ всѣхъ радостей и всѣхъ богатствъ міра, долженъ жить въ покаяніи и постоянной скорби, «творя добровольно, говоритъ св. Василій, то, что дѣлаютъ по приказанію похоронные плакальщики [5]», ибо для истиннаго анахорета нѣтъ праздника на землѣ. Онъ долженъ жить просто, бѣдно, довольствуясь только самой необходимой пищей для питанія. Никогда онъ не долженъ ѣсть говядины; фрукты и овощи, иногда рыба, яйца, молоко и сыръ составляютъ его обыкновенный столъ. Этотъ режимъ долженъ былъ казаться иногда тяжелымъ тѣмъ, кто поступалъ въ монастырь послѣ дѣятельной жизни, которую они вели въ міру. Вино разрѣшалось монаху, но онъ никогда не долженъ былъ пить или ѣсть до-сыта и часто правило предписывало сколько разъ онъ могъ пить при каждой ѣдѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ трапеза происходила только разъ въ день; вечеромъ довольствовались остатками; было также въ обычаѣ, чтобы только молодые монахи шли въ это время въ трапезную. Сверхъ того, продолжительные и частые посты еще болѣе усугубляли строгость такого режима, а именно: великій постъ, продолжающійся семь недѣль, постъ святыхъ апостоловъ, постъ Успенія Пресвятой Богородицы и Рождественскій. Въ это время монахи ѣли только одинъ разъ въ день и пища ихъ состояла изъ сухихъ фруктовъ, хлѣба и воды; при этомъ правило предписывало имъ воздерживаться отъ вина, масла и овощей [6].

1. Nov. 133, 6.
2. *Ladeuze*, loc. cit., стр. 256 и сл.
3. *Marin*, loc. cit., 108—110.
4. Byz. Zeitschr., 1894, стр. 168.
5. *Василій Вел.*, Epist., 74 (P. G. 31, 970).
6. *Marin*, loc. cit., 120—122. Объ этихъ строгостяхъ см. у *Іоанна Ефес.*, Comm., 89—90.

Затѣмъ идетъ вторая и постоянная задача монашеской жизни. Монахъ долженъ отказаться отъ всѣхъ желаній и всѣхъ мірскихъ наслажденій; давая обѣтъ цѣломудрія, онъ избралъ жизнь ангеловъ, и потому онъ долженъ жить такъ, какъ будто у него вовсе не было тѣла [1]. Поэтому женщина представляла для него предметъ ужаса. Прежде, во времена первоначальной невинности, часто учреждались двойные монастыри, гдѣ монахи и монахини жили подъ одною кров-

166. Южный портикъ церкви св. Симеона (фот. Van Berchem'a).

лею и даже въ VI вѣкѣ учреждались еще нѣкоторые монастыри подобнаго рода [2]. Нужно видѣть, съ какою строгостью возстаетъ Юстиніанъ противъ такой скверны [3], съ какою заботливостью онъ наблюдаетъ, чтобы ни одинъ мужчина не входилъ въ женскій монастырь и ни одна женщина не проникала въ мужской [4]. «Монахъ, говоритъ онъ, съ того дня, какъ принялъ небесное житіе, не имѣетъ болѣе родныхъ на землѣ» [5]. Поэтому онъ болѣе всего долженъ избѣгать присутствія женщинъ и разговора съ ними. Если безусловная необходимость понуждаетъ къ встрѣчѣ съ ними, онъ

1. Св. *Василій* (P. G., 31, 873).
2. *I. Ефес.*, Comm., 102–103.
3. Nov. 123. 3. Ср. *Marin*, loc. cit., 41.
4. Nov. 133. 2—5.
5. Nov. 133. 5.

долженъ какъ можно скорѣе удалиться, потому что при подобныхъ бесѣдахъ онъ всегда подвергается возможности унести съ собою какую-нибудь невидимую рану [1]. Никогда монахъ не долженъ прекращать наблюденія за своимъ сердцемъ; никогда, даже проведя долгіе годы въ монастырѣ, онъ не долженъ считать себя вполнѣ обезпеченнымъ отъ опасности. Поэтому, чѣмъ рѣже онъ будетъ выходить изъ монастыря, тѣмъ лучше. «Выйти изъ монастыря, говоритъ св.

167. Абсида церкви св. Симеона (фот. Van Berchem'a).

Василій, значитъ сказать прощай цѣломудрію; идти въ міръ это значитъ рисковать бросить взглядъ на одну изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ ласковыя рѣчи—западня для ушей, а лицо—соблазнъ для глазъ. Своими прелестями она привлечетъ васъ къ себѣ, прильнетъ къ вашимъ членамъ; она ослабитъ ваше столь твердое желаніе сохранить совершенное цѣломудріе. Мало по малу она отвратитъ васъ отъ вашего святого житія и погубитъ васъ вмѣстѣ съ собою. Если случайно вы избѣгните ея сѣтей, воспоминаніе о ней будетъ преслѣдовать васъ и потребуется безконечныя усилія, чтобы преодолѣть его» [2]. Не менѣе безпокоится и потому не

1. *Св. Василій* (P. G., 31, 1344—1345).

2. *Св. Василій* (P. G., 31, 635—636).

менѣе суровъ св. Савва. Если кто нибудь изъ монаховъ войдетъ въ женскій монастырь или напишетъ женщинамъ или отвѣвѣтитъ на ихъ письмо, или вообще будетъ имѣть какія бы то ни было отношенія къ женщинамъ, «онъ долженъ быть изгнанъ изъ сообщества, говоритъ благочестивый аскетъ, какъ источникъ соблазна не только для христіанъ, но даже и для язычниковъ» [1]. Поэтому Юстиніанъ, какъ человѣкъ практическій, предписываетъ, чтобы къ единственнымъ монастырскимъ воротамъ были приставлены два старыхъ и испытанныхъ брата, которые должны запрещать монахамъ уходить изъ монастыря и недопускать постороннихъ проникать въ него [2]. По этой же причинѣ онъ находитъ нужнымъ устройство крѣпкой стѣны вокругъ монастыря. И таковъ былъ страхъ женщины—вѣрнѣе, всякаго существа женскаго пола—что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ допускались изъ животныхъ только самцы.

Для огражденія себя отъ искушенія монахъ долженъ прибѣгать къ молитвѣ и главнымъ образомъ къ общей молитвѣ. Поэтому большая часть монашеской жизни занята богослуженіемъ, очень длинными дневными и ночными службами, столь продолжительными, что для того только, чтобы прочесть денную службу нужно употребить на это болѣе шести часовъ, а наканунѣ большихъ праздниковъ монахи проводятъ всю ночь въ богослуженіи, въ самый же день праздника имъ случается нерѣдко оставаться въ церкви до двадцати двухъ часовъ [3]. Никто не имѣлъ права уклониться отъ этихъ благочестивыхъ собраній. «Всякій разъ, говоритъ св. Василій, какъ васъ зовутъ въ церковь, присутствуйте на божественной службѣ до конца послѣдней молитвы; вы не можете уйти отъ нея, не нанося великаго ущерба вашей душѣ. Если, когда вы принимаете вашу тѣлесную пищу, васъ нельзя оторвать отъ стола, пока вы не удовлетворите вполнѣ требованія природы, то на сколько болѣе необходимо присутствовать вамъ на духовныхъ пиршествахъ, въ которыхъ ваша душа питается и укрѣпляется молитвою. Удовлетворяйте тѣлесныя нужды сообразно часамъ молитвы, гоните подальше отъ себя благовидные предлоги, которые внушаетъ вамъ діаволъ во время молитвъ, чтобы только удалить васъ отъ нихъ. Не должно быть пустыхъ извиненій, никогда не говорите: «о, какъ у меня болитъ голова; о, какъ у меня бо-

1. Byz. Zeitschr., 1894, 168—169.
2. Nov. 133, 1.
3. *Marin*, loc. cit., 128—131.

литъ животъ», обращаясь такимъ образомъ за помощью вашей лѣни къ нѣмымъ свидѣтелямъ притворной болѣзни [1]». Поэтому для возбужденія слабѣющаго усердія предусмотрительный законодатель учредилъ въ каждомъ монастырѣ

168. Восмиугольный дворъ въ монастырѣ св. Симеона.

особую должность эпистемонарха, который долженъ будить ночью для заутрени спящую братію и затѣмъ, во время богослуженія, обходить кельи, чтобы призвать къ исполненію долга запоздавшихъ и лѣнивыхъ. Днемъ онъ обходитъ монастырь, чтобы убѣдиться нѣтъ ли монаховъ, остающихся безъ дѣла, праздно болтающихъ или совершающихъ что либо противное уставу. Равнымъ обра-

1. *Св. Василій* (P. G., 31, 645).

зомъ въ церкви онъ наблюдаетъ за всѣми и будитъ уснувшихъ братьевъ. Однимъ словомъ, это — общій надзиратель монастыря, непреклонный стражъ духовной дисциплины [1].

Кромѣ молитвы, монахъ посвящалъ часть своего времени ручнымъ работамъ. Весь монастырь представлялъ большую мастерскую, въ которой подъ высшимъ руководствомъ игумена каждый приносилъ свою долю пользѣ и общему благу общины. Здѣсь же монахъ находилъ наибольшее приложеніе своего обѣта совершеннаго и безусловнаго послушанія [2]. Дѣйствительно, каждый изъ нихъ долженъ былъ совершать работу не ту, которая ему болѣе всего нравилась, но которая признавалась мудростью его начальниковъ наиболѣе для него подходящею [3]. Въ этой практической дѣятельности царила также весьма строгая дисциплина, воспрещающая очень сложныя занятія, которыя отвлекаютъ умъ отъ божественнаго созерцанія и мысленной молитвы, и недопускавшая изготовленія предметовъ роскоши, которые наводятъ мысль на мірскія утѣхи; вообще запрещалось все, что могло привести монаха къ коммерческимъ занятіямъ или къ прибыли. Работы, приличныя для монашескаго званія, суть преимущественно тѣ, которыя полезны для жизни общины. Такимъ образомъ имѣлись ткачи для изготовленія одежды, архитекторы—для постройки и исправленія зданій, врачи — для леченія братіи, а еще болѣе для помощи больнымъ и бѣднымъ, призрѣваемымъ въ монастырѣ [4]. Но больше всего св. Василій совѣтуетъ земледѣльческія работы, какъ болѣе простыя и менѣе поглащающія разумъ [5]. Что касается продуктовъ работы, то только игуменъ могъ ими распорядиться. Дѣйствительно, настоятель, разъ онъ избранъ общиною, утвержденъ и поставленъ патріархомъ [6], являлся живымъ указомъ, неподкупнымъ стражемъ дисциплины. Требуемыя отъ него закономъ [7] высокія нравственныя качества оправдывали то большое значеніе и безусловный авторитетъ, которые были ему присвоены [8]. Временный управитель монастыря, духовный руководитель общины, онъ, при содѣйствіи состоящихъ при немъ должностныхъ лицъ [9], неустанно наблюдаетъ за всѣми и за всѣмъ, и очень

1. *Marin*, loc. cit., 102—103.
2. Id., 119.
3. *Св. Василій* (P. G., 31, 1164).
4. *Marin*, loc. cit., 112—113.
5. *Св. Василій В.* (P. G., 31, 1016—1017).
6. *Marin*, loc. cit., 90—91. О выборахъ см. C. J., 1, 3, 46; Nov. 5, 9, 123, 34.
7. Nov. 123, 34.
8. Объ игуменѣ см. *Marin*, loc. cit., 92—97.
9. О другихъ монашескихъ должностяхъ ibid., 98—106.

многочисленныя и тщательно опредѣленныя эпитеміи налагаются имъ за всякое нарушеніе устава, представителемъ котораго онъ состоитъ [1].

Таковая была въ теоріи жизнь монастыря, какъ ее установили правила церковныхъ законодателей и указы Юстиніана,—та идеальная и совершенная монашеская жизнь, которая велась въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ примѣрно добродѣтельныхъ общинахъ. Іоаннъ Ефесскій описалъ нѣкоторые изъ тѣхъ монастырей, гдѣ дни и ночи проходили въ бдѣніи, постахъ и молитвахъ, гдѣ «изъ каждой келіи, изъ каждаго угла и каждаго портика слышались священные гимны, непрерывно возносящіеся къ небесамъ». Онъ зналъ и обрисовалъ эти пылкія и страстныя общины, въ которыхъ всякое праздное слово, всякая человѣческая бесѣда, всякая шутка или улыбка были запрещены; гдѣ «эти духовные борцы»—монахи соперничали другъ съ другомъ въ лишеніяхъ, умерщвленіи плоти и тому подобномъ, гдѣ дѣйствительно, по выраженію благочестиваго хроникера, казалось, что живешь «среди гражданъ неба, а не между обитателями земли» [2]. Однако, это были исключенія. На дѣлѣ строгость монастырской дисциплины часто смягчалась, что видно изъ постоянной возобновлявшихся законовъ съ цѣлью поддержанія ея. Уставъ св. Саввы предвидитъ случаи, когда монахъ напьется до пьяна или допуститъ себя до воровства, или же позволитъ себѣ по отношенію къ братіи ругательства или оскорбленія. Онъ дѣлаетъ намекъ на внутреніе раздоры, которые «діаволы разрушители» стараются посѣять между монашествующими, чтобы нарушить согласіе въ общинѣ и мирную жизнь монастыря [3]. Уставы о наказаняхъ и императорскіе рескрипты также свидѣтельствуютъ о частотѣ подобныхъ проступковъ. Да и само по себѣ это вполнѣ понятно. Богатые люди, поступавшіе въ монастырь, не охотно мирились съ требованіями строгой дисциплины и часто въ основываемыхъ ими монастыряхъ строили для себя болѣе просторныя и богатыя помѣщенія. Еще труднѣе подчинялись суровости совмѣстной жизни тѣ, которыхъ бросала въ монастырь опала или политическія обстоятельства. Особенно византійскія принцессы, которыхъ дворцовая революція понуждала надѣть монашеское одѣяніе, не могли отрѣшиться отъ своихъ прежнихъ привычекъ и любви къ роскоши и

1. Объ *Эпитиміи* или монашескихъ наказаніяхъ, ibid., 136—156.

2. *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 130—132.

3. Byz. Zeitschr., 1894, 169—170

изяществу. Съ своей стороны и монахи болѣе низкаго общественнаго положенія легко совершали разнаго рода проступки и нарушенія правилъ, что было тѣмъ легче, что способъ пополненія братіи въ византійскихъ монастыряхъ допускалъ поступленіе въ нихъ людей очень сомнительныхъ достоинствъ. Конечно, законъ строго опредѣлялъ условія поступленія; надлежало ставить разнообразные вопросы просителямъ для испытанія искренности ихъ призванія [1], устанавливался продолжительный срокъ пребыванія въ послушникахъ; законъ даже стремился закрыть доступъ въ монастыри нѣкоторымъ катетегоріямъ лицъ [2]; конечно также были монастыри, гдѣ умные игумны усиливали благоразумныя предосторожности и удлиняли отсрочки для тѣхъ свѣтскихъ людей, которые являлись къ нимъ испросить принятія въ монашество [3]; но такъ было далеко не вездѣ. Во многихъ монастыряхъ, сообщаетъ Іоаннъ Ефесскій, «когда кто нибудь являлся, убѣгая изъ міра, вслѣдствіе ли совершеннаго преступленія, для избѣжанія рабства, отъ долговъ или вслѣдствіе процесса съ женою, кражи или неминуемаго осужденія, тотчасъ ему брѣютъ голову и принимаютъ его, хотя мірскіе нравы и привычки еще глубоко проникаютъ этого человѣка. И новый монахъ, какъ только увидитъ себя постриженнымъ и облаченнымъ въ одежды, тотчасъ же считаетъ себя достигшимъ высшаго совершенства и выполнившимъ идеалъ монашества. Точно также въ монастыряхъ имѣется много людей, которые, проведя въ нихъ многіе годы, не могли освободиться отъ броженія мірскихъ страстей. И такъ какъ съ самаго начала изъ нихъ не были вырваны шипы и тернія нечестивыхъ, развратныхъ и дикихъ нравовъ мірской жизни, то чистое сѣмя монашеской одежды пало на нихъ только снаружи и поэтому сатанѣ было легко увлечь многихъ изъ нихъ къ совершенію жестокихъ или горделивыхъ дѣяній, и къ нравамъ и душевнымъ движеніемъ, крайне постыднымъ и омерзительнымъ» [4]. Поэтому часто возбуждались вопросы о пьянствующихъ, ворующихъ и сварливыхъ монахахъ, ссоры которыхъ переходили иногда въ настоящіе кулачные бои. Обязательство постояннаго затворничества соблюдалось не лучше. Несмотря на предосторожности, принятыя Юстиніаномъ для регламентаціи входа и выхода изъ монасты-

1. Nov. 5, 2.

2. Nov. 5, 2; 123, 35. Ср. *Marin*, loc. cit., 111—115, и особенно *Nissen* loc. cit., 17—24.

3. *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 99—100.

4. Id., Comm., 98.

рей [1], можно было постоянно видѣть монаховъ на улицахъ и въ кабакахъ [2]. По всѣмъ дорогамъ имперіи встрѣчались странствующіе монахи, бѣжавшіе отъ строгости дисциплины и переходившіе изъ монастыря въ монастырь, прося милостыню и бездѣльничая, при чемъ они часто кончали тѣмъ, что вновь возвращались въ міръ [3]. Сверхъ того, многіе изъ

169. Византійская церковь въ Калатъ-Семанѣ (фот. Van Berchem'a).

этихъ монаховъ отличались чрезвычайнымъ невѣжествомъ и часто даже сами начальники общинъ были безграмотны, какъ въ томъ многіе изъ нихъ чистосердечно признались на соборѣ 536 года. Наконецъ, несмотря на то, что дисциплина постоянно ставила ихъ на стражѣ отъ мірскихъ опасностей, византійскіе монахи постоянно занимались дѣлами міра и особенно тѣми изъ нихъ, которыя касались политики и религіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчались и такіе люди, которые, наоборотъ, неудовлетворялись обыкновенною монастырскою жизнью. Христіансто всегда проповѣдывало необходимость умерщвленія плоти, приведенія ея въ рабское подчи-

1. Nov. 133, 2—5.
2. Nov. 133, 6.
3. Nov. 5, 7; 123, 42. Ср. *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 165.

неніе духу, и пылкое воображеніе восточныхъ монаховъ непрерывно искало новыхъ средствъ для выполненія этихъ обязанностей. Уставъ совѣтовалъ, а законъ предписывалъ совмѣстную жизнь [1]; однако многіе монахи желали вести болѣе уединенный образъ жизни, при которой они могли бы предаваться денно и нощно всякаго рода проявленіямъ болѣе страстнаго благочестія. Ихъ желаніямъ должны были уступить и въ каждомъ монастырѣ имѣлось извѣстное число келій, гдѣ съ разрѣшенія игумена эти благочестивые затворники, анахореты или эзихасты стремились къ болѣе совершенной жизни [2]. Другимъ нужно было еще большее. Аскеты удалялись въ пустыни Сиріи и Египта, въ «пустыню святыхъ» [3], какъ тогда говорили, или въ пещеры горъ Арменіи, вести, среди дикихъ звѣрей, подъ палящимъ зноемъ солнца или въ снѣгахъ, существованіе, полное всякихъ лишеній и наводящее ужасъ [4]. Столпники взбирались на вершины колоннъ и проводили долгіе годы на этихъ недоступныхъ убѣжищахъ, назидая толпы пилигримовъ своими аскетическими дѣяніями, пророческими видѣніями, чудесными исцѣленіями и ежедневными побѣдами надъ дьяволами. Имперія въ VI вѣкѣ была полна этими подражателями великаго святаго Симеона и не одинъ монастырь образовался возлѣ тѣхъ колоннъ, которыя служили пьедесталомъ ихъ славы [5].

IV.

Можно представить себѣ какое сильное дѣйствіе и глубокое вліяніе оказывали такіе люди на населеніе. Іоаннъ Ефескій приводитъ одинъ очень любопытный примѣръ этого [6]. Въ то время, когда гоненіе со стороны православныхъ изгнало изъ Сиріи и Азіи монаховъ-монофизитовъ, многіе изъ послѣднихъ—столпники, оставившіе свои колонны, затворники, удаленные изъ своихъ убѣжищъ, монахи, выгнанные изъ своихъ монастырей—искали убѣжища въ Константинополѣ. Ѳеодора собрала 500 такихъ изгнанниковъ во дворцѣ Ормиз-

1) Nov. 5, 3; 123, 36.

2) Nov. 5, 3. Cp. *I. Eph.*, Comm., 13—16, 73—74, 95—96.

3) *Іоаннъ Еф.*, Comm., 137.

4) Ibid., 19, 71, 82, 137, 174 и т. д.

5) Ibid., 22—30. Другой знаменитый столпникъ VI-го вѣка былъ Симеонъ Чудной горы (*Evagr.*, V, 21; VI, 23). Его біографія помѣщена въ P. G., 86, 2987.

6) Ibid., 154—157.

даса и заботами ее старая императорская резиденція превратилась въ «большое и чудесное мѣсто уединенія монаховъ[1]». Были построены кельи для престарѣлыхъ и болѣе славныхъ монаховъ, для столпниковъ и анахоретовъ; большое общее зданіе укрыло массу братіи и вскорѣ слухъ объ ихъ строгой жизни, постахъ, молитвахъ, наполнявшихъ это святое жилище, привлекъ толпы жителей столицы, являвшихся посмотрѣть на такое рѣдкое зрѣлище и просить благословенія этихъ людей, которые оказались столь сильными предъ Богомъ. Ѳеодора подавала примѣръ и постоянно черезъ два или три дня являлась, чтобы преклонить колѣни у ногъ монаховъ; Юстиніанъ, не смотря на свое предубѣжденіе противъ нихъ, дѣлалъ то же самое и не менѣе глубоко чтилъ ихъ назиданія[2], и даже изумленные сторонники Халкедонскаго собора, чувствовали, что раскаяніе проникаетъ въ ихъ души. Какъ это обыкновенно бываетъ при громадномъ стеченіи народа, не замедлили обнаружиться чудеса[3] и слава о благочестивой общинѣ возрасла до такой степени, что «государи, сильные міра и цѣлый городъ восхваляли Господа и чтили блаженныхъ[4]».

Но не однимъ только благочестіемъ возбуждали монахи удивленіе народа и не одною только любовью къ ближнимъ они завоевывали души,—еще сильнѣе они поражали толпу особенностями своего образа жизни. Когда въ Антіохіи увидѣли святаго Симеона, который, какъ безумный, несся по улицамъ города и, врываясь, какъ буря, въ харчевни, пожиралъ все, что стояло на столахъ, и сердито отворачивался, если кто нибудь привѣтствовалъ его при встрѣчѣ[5],—всѣ были убѣждены, что божественное наитіе осѣняло эту неуравновѣшанную душу и наивное благочестіе вѣрующихъ приписывало такому свыше вдохновенному человѣку чудесную силу. Когда въ другой разъ онъ явился въ Антіохіи на форумѣ, вооруженный большимъ хлыстомъ, и сталъ имъ хлестать колонны портика, приговаривая: «стойте хорошо, скоро затанцуете», и когда вскорѣ послѣ этого всѣ колонны, не тронутыя святымъ, были сброшены на землю при землетрясеніи[6], набожное легковѣріе приписало даръ пророчества тому, кого называли «юродивымъ ради Христа». Точно также вѣрили, что и эти анахореты, находясь въ близкихъ

1. *Іоаннъ Ефес.*, 155.
2. Ibid., Comm., 156.
3. Ibid., 156—157.
4. Ibid., 157.
5. *Evagr.*, 4. 34.
6. Id., 4. 34.

отношеніяхъ къ Богу, могли въ тѣхъ кельяхъ, въ которыхъ они затворились, продолжить свою благочестивую жизнь далеко за нормальные предѣлы, такъ что, напримѣръ, жители г. Газы разсказывали, будто одинъ монахъ, жившій въ окрестностяхъ, продолжалъ жить въ своемъ уединеніи, не смотря на то, что уже болѣе пятидесяти лѣтъ его никто не видѣлъ; когда же однажды епископъ пожелалъ открыть святое убѣжище, то изъ него вырвалось громадное пламя, пожравшее всѣхъ присутствовавшихъ при этомъ [1].

Но этимъ дѣло не ограничивалось. Кромѣ достоинствъ самихъ монаховъ, въ каждомъ монастырѣ имѣлись для поклоненія вѣрующихъ чтимыя мощи и чудотворныя иконы, — т. е. то, чему византійское населеніе придавало чрезвычайную важность. Дѣйствительно, начиная съ V и VI вв. поклоненіе иконамъ начало принимать въ Восточной имперіи такое сильное развитіе, что испугало императоровъ иконоборцевъ. Съ этого времени повсюду распространились святыя иконы, въ церквахъ и домахъ, въ спальняхъ и лавкахъ, на одеждахъ, чашахъ и дорогихъ вещахъ [2], и вѣрующіе глубоко чтили ихъ, какъ залогъ и гарантію божественнаго покровительства. Этимъ путемъ монастыри,— а такихъ которые обладали «нерукотворною» иконою, было очень много,— пользовались большимъ почетомъ народной толпы, и въ силу этого же монахи, хранители и стражи этихъ священныхъ предметовъ, пользовались всеобщимъ уваженіемъ.

Мы уже знаемъ, что населеніе Византіи отличалось чрезвычайнымъ суевѣріемъ. Всѣмъ статуямъ, наполнявшимъ общественныя мѣста, оно присвоивало чудесныя легенды или чудотворныя свойства. Когда случалось, что большой бронзовый быкъ, стоявшій близъ цирка, издавалъ звукъ, похожій на мычаніе, никто не сомнѣвался, что вскорѣ послѣдуетъ что либо ужасное [3]; точно также всѣ были увѣрены, что большой бронзовый орелъ Ипподрома охранялъ городъ отъ змѣй [4]. Таинственная надпись, понятная только нѣкоторымъ посвященнымъ, на одной статуѣ съ грустною позою, возвѣщала страшныя несчастья [5]; подъ копытомъ одной бронзовой лошади будто бы было написано имя будущаго разрушителя Византіи. Другіе монументы обладали еще болѣе удивительными и странными свойствами; напримѣръ, къ

1. *Evagr.*, 4. 33. cp. 4. 35.
2. *Marin*, loc. cit., 320—321.
3. *Pseudo-Codinus*, De signis, 60.
5. *Pseudo-Codinus*, De signis, 60.
4. Id., 57.

одному изображенію Венеры могли безопасно подходить только добродѣтельныя женщины, съ другихъ же—и разсказываютъ, что такой случай произошелъ съ одною племянницею Θеодоры—въ тотъ моментъ, когда онѣ проходили передъ статуей, внезапно срывались всѣ ихъ одежды [1]. Естественно, что и относительно древнихъ религіозныхъ памятниковъ сложились также легенды, которыя пользовались еще большимъ довѣріемъ народа, и монахамъ не трудно было дѣйствовать ими на набожную, легковѣрную и впечатлительную толпу, всегда готовую вѣрить, что эти святые люди возвѣщаютъ волю Божію. Въ виду всего вышесказаннаго, монахи представляли въ государствѣ страшную силу, съ которою должны были считаться и императоръ и патріархъ. По своему невѣжеству, нетерпимости, фанатизму, воспламенявшемуся по самому ничтожному поводу, они являлись въ городѣ элементомъ постоянной смуты и такъ какъ они, по своей численности, образовывали настоящую армію, то въ концѣ концовъ стали представлять очень серьезную опасность.

Іоаннъ Ефесскій сохранилъ для потомства весьма интересныя описанія нѣкоторыхъ изъ этихъ монаховъ, которыя даютъ довольно точное представленіе объ ихъ неутомимой дѣятельности, смѣлости, настойчивости и о томъ огромномъ вліяніи, которымъ они пользовались. Особенно много посылала Сирія въ Константинополь этихъ пылкихъ аскетовъ, которые, не затрудняясь, разрѣшали самыя сложныя соціальныя проблемы и, напримѣръ, вопросъ о долгахъ рѣшали тѣмъ, что молились о смерти кредитора [2]; еще менѣе обращали они вниманіе на существующія власти и установленные законы, а потому легко вообразить себѣ изумленіе, испытывавшееся придворными и кубикуларіями отъ того диссонанса, который они вносили своими лохмотьями и обличеніями въ такъ тщательно установленный церемоніалъ Священныхъ Палатъ [3]. Однажды, напримѣръ, пустынникъ Марасъ, сильный сиріецъ, который могъ одинъ справиться съ десятью разбойниками [4], «не уважая ни пурпура, ни короны [5]», выбранилъ Юстиніана и Θеодору и съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ отвергъ подарки, предложенные ему императрицей [6]. Въ другой разъ монахъ Зоора «съ божественною свободою [7]» сдѣлалъ

1. *Ps.-Cod.*, De signis, 50—51.
2. *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 4—5.
3. Ibid., 138.
4. Ibid., 139—140.
5. Ibid., 138.
6. Ibid., 138—139.
7. Ibid., 10.

строгій выговоръ императору и въ то время, какъ всѣ дрожали при вспышкахъ гнѣва государя, отвѣчалъ на угрозы базилевса проклятіями. И,—что еще удивительнѣе и что доказываетъ уваженіе, которымъ пользовалось монашество,—ко всѣмъ этимъ необычайнымъ выходкамъ императоръ и императрица относились съ неслыханною снисходительностью. Когда Марасъ разразился противъ нихъ бранью, они ограничились замѣчаніемъ, что «этотъ человѣкъ—настоящій философъ не отъ міра сего[1]» и Византія по примѣру царствующихъ особъ одаряла вниманіемъ и почетомъ этихъ непримиримыхъ пустынниковъ. «Весь городъ и даже сенатъ, говоритъ Іоаннъ Ефесскій, сбѣгался къ Зоорѣ, зная чрезвычайную свободу, съ которою этотъ человѣкъ говорилъ тѣмъ, которые во имя Бога пользовались правомъ на жизнь и смерть[2]». Напрасно въ дни волненій ихъ изгоняли или ссылали[3],—они снова постоянно возвращались, «чтобы броситься въ пасть льва[4]» и всегда ихъ мужество находило себѣ покровителей. Когда, не смотря на эдикты, Іоаннъ Египетскій возвратился въ столицу для проповѣди монофизитства, сама Θеодора дала ему убѣжище и, прилагая всѣ усилія, чтобы умѣрить нездержанность его усердія, постоянно защищала его отъ преслѣдованій[5]. Когда же кто либо изъ этихъ людей умиралъ, казалось будто наступало общественное бѣдствіе и самъ императоръ посылалъ на его погребеніе «самыхъ знаменитыхъ и благородныхъ людей своего двора, кубикуларіевъ, сенаторовъ, епископовъ, клерковъ и массу монаховъ[6]».

Понятно, что при такомъ порядкѣ вещей и въ такомъ государствѣ, гдѣ религія была тѣсно связана съ политикой, монахи постоянно вмѣшивались въ важнѣйшія дѣла государства. Въ этомъ отношеніи православные были не менѣе пылки и смѣлы, чѣмъ монофизиты, а такъ какъ они были многочисленѣе, по крайней мѣрѣ въ Константинополѣ, и знали какимъ вліяніемъ они пользуются среди народа, то ихъ непримирямый фанатизмъ, когда имъ казалось, что религія подвергается опасности, не отступалъ ни передъ чѣмъ. Когда вспоминаешь тѣ торжественныя манифестаціи, во время которыхъ всѣ настоятели церквей столицы въ сопровожденіи монаховъ направлялись въ процессіи къ патріарху или къ

1. *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 138.
2. Ibid., 14. Ср. 10—11, 139—141.
3. Ibid., 14. 114.
4. *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 115.
5. Ibid., 115—116.
6. Ibid., 141.

императору для выраженія своихъ жалобъ; когда вспоминаешь какъ они объединялись, какъ это было въ 536 г., для заявленія папѣ Агапиту объ ереси Анфима[1] или, чтобы вырвать отъ Юстиніана осужденіе вождей монофизитовъ[2]; въ особенности, когда вспоминаешь успѣхъ ихъ требованій и значительную, господствующую роль, которую играли монахи въ собраніи 536 г., душою котораго они были,—то получается точная мѣра того, что̀ они смѣли и могли сдѣлать. Самъ императоръ признавалъ это вліяніе и до извѣстной степени узаконилъ его, когда въ августовскомъ эдиктѣ 536 г. онъ говоритъ о приговорѣ, произнесенномъ противъ диссидентовъ патріархами и епископами «съ одобренія монашества[3]». Палестинскіе монахи въ свою очередь были бойцами православія противъ заблужденій Оригена и требовали отъ Юстиніана осужденія сторонниковъ александрійскаго учителя. Предъ монашескими манифестаціями склонялся даже законъ, или оказывался безсиленъ; да къ тому же, когда дѣло касалось догмата, монахи мало считались съ законами. Это вполнѣ обнаружилось въ 518 г., когда св. Савва, во главѣ настоящей арміи изъ почти 10.000 монаховъ, вырвалъ отъ іерусалимскаго патріарха, еще колебавшагося, заявленія, согласныя съ православіемъ, обратилъ въ бѣгство губернатора провинціи и заставилъ сдаться предъ своими требованіями племянника императора[4]. Тоже самое случилось и въ 530 г., когда великій палестинскій пустынникъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ Юстиніаномъ. Не смотря на свои старческіе года, онъ явился въ Константинополь, чтобы добиться отъ императора пониженія налоговъ, которые платили обѣ Палестины. Онъ былъ принятъ въ столицѣ почти съ королевскими почестями; императоръ выслалъ ему на встрѣчу на императорскихъ галерахъ патріарха Епифана, многихъ епископовъ и множество высшихъ сановниковъ, а самъ, при приближеніи старца, сошелъ съ трона, палъ къ ногамъ святого и просилъ его благословенія[5]. Θеодора сдѣлала то же самое и обое наперерывъ старались удовлетворить требованія монаха; только въ одномъ императоръ колебался, а именно въ уменьшеніи налоговъ, и чтобы уклониться отъ этого, онъ сдѣлалъ для монастырей святого значительные подарки. Но

1. *Mansi*, VIII, 896—913.

2. Ibid., 883—890, 984—996. Встрѣчаются также обращенія къ патріарху Менѣ (ibid., VIII, 996—1021) а къ собору (ibid., 1049—1056).

3. Nov. 42, 1.

4. Vita. S. Sabae, c. 56.

5. Id., c. 70—71.

Савва отвѣчалъ на это: «Они въ этомъ не нуждаются; ихъ имущество — Тотъ, кто въ пустынѣ питалъ небеснымъ хлѣбомъ свой неблагодарный и непокорный народъ. То, чего мы требуемъ, это — облегченія налоговъ въ обѣихъ Палестинахъ, раззоренныхъ самаритянами, возобновленія сожженныхъ церквей, устройства въ Іерусалимѣ пріюта для больныхъ пилигримовъ, окончанія храма Пресвятой Дѣвѣ и, наконецъ, постройки крѣпости въ центрѣ основанныхъ мною монастырей [1]». И предъ такою опредѣленностью требованій Юстиніанъ сдался.

Чрезвычайное развитіе монашества имѣло и другія неудобства. Монастыри отнимали подданныхъ отъ имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ лишали ее земель, нужныхъ для обработки. Такъ какъ монахи не подлежали военной службѣ, то армія теряла, такимъ образомъ, множество людей, и такъ какъ монастыри были освобождены отъ большей части государственныхъ повинностей, то казна лишалась весьма значительныхъ источниковъ дохода. При этомъ, благодаря громадной земельной собственности, которою владѣли монастыри, національное богатство мало-по-малу накоплялось въ рукахъ духовныхъ обществъ. Юстиніанъ съ бо̀льшимъ религіознымъ усердіемъ, чѣмъ съ политическимъ смысломъ, дѣлалъ все, чтобы охранить и увеличить церковныя имущества. «Справедливо, писалъ онъ, чтобы доходы, которые никогда не угасаютъ, были соединены съ добродѣтелями, которыя никогда не исчезнутъ [2], ибо», прибавляетъ онъ, «эти святые дома и общества, которыя живутъ въ нихъ, будутъ существовать вѣчно, до скончанія вѣковъ, до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать и пользоваться уваженіемъ людей имя христіанина [3]». Вслѣдствіе этого, если кто либо поступалъ въ монастырь, онъ долженъ былъ принести въ него большую часть, а во многихъ случаяхъ и все свое имущество [4]; если кто либо основывалъ монастырь, онъ долженъ былъ широко одарить его [5], и недвижимыя имущества, разъ сдѣлавшіяся собственностью монастыря, должны принадлежать всегда и неприкосновенно той общинѣ, которая его получила [6]. Подъ страхомъ самыхъ строгихъ наказаній Юстиніанъ запрещалъ отчужденіе чего бы то ни было изъ церковныхъ владѣній

1. Vita Sabae, c. 72.
2. C. J. 1, 3, 57, 3.
3. C. J. 1, 3, 57, 3.
4. Nov. 3, 5, 6, 7, 123, 38, 39, 40, 41, 42.
5. Nov. 67, 2. Cp. *Nissen*, loc. cit. 10—13.
6. Nov. 7, praef.

и объявлялъ ничтожнымъ и не имѣющимъ силы всякій договоръ, клонящійся къ такому отчужденію[1]. Конечно, во всѣхъ этихъ мѣрахъ онъ руководился похвальнымъ желаніемъ воспрепятствовать растратѣ монастырскаго имущества небрежными или неумѣлыми управителями, но такія привилегіи, содѣйствуя увеличенію до безконечности церковныхъ имуществъ, представляли очень серьезную опасность, которую впослѣдствіи многіе императоры понимали[2], но которая никогда не могла быть устранена.

V.

Однако, было бы несправедливо обойти молчаніемъ большія и дѣйствительныя услуги, оказанныя монашествомъ обществу, государству и цивилизаціи.

Во многихъ монастыряхъ, особенно столичныхъ, занятіе науками пользовалось почетомъ. Юстиніанъ формально предписалъ монахамъ чтеніе Священнаго Писанія, «которое дѣлаетъ душу лучшею, такъ какъ при этомъ на нее нисходитъ благодать божественныхъ словъ»[3]; многіе монахи любили чтеніе Отцовъ церкви[4] и во времена Юстиніяна были такіе монастыри, какъ Асеметы, библіотека котораго содержала большое число томовъ[5]. Изъ обыкновенныхъ занятій монаховъ, снятіе копій и разрисовка манускриптовъ занимала важное мѣсто. Мастерская каллиграфіи въ монастырѣ Асеметъ пользовалась большою славою въ VI-мъ вѣкѣ и, повидимому, она не была грѣшна въ производствѣ апокрифическихъ документовъ[6]. Наконецъ, изъ числа прекрасныхъ миніатюрныхъ манускриптовъ, дошедшихъ до насъ отъ этого времени, многіе, такіе, напримѣръ, какъ сирійскій манускриптъ, хранящійся во Флоренціи, или знаменитый Codex Rossanensis, — безспорно монастырскаго происхожденія. Во многихъ монастыряхъ имѣлись также школы, въ которыхъ монахи поучали истинамъ христіанской религіи[7]. Конечно, умственныя качества этихъ монаховъ часто были очень посредственны, полное доказательство чего можно найти въ разсказахъ Іоанна Ефесскаго

1. Nov. 7, особенно 1, 5, 6; 120, 1, 7.
2. Ср. *Marin*, loc. cit., 326—333.
3. Nov. 133, 2.
4. *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 103.
5. P. G., 84, 587; *Mansi*, VII, 679.
6. *Pitra*, Analecta novissima, I, 41.
7. *Іоаннъ Ефес.*, Comm., 106.

или въ разныхъ эпизодахъ, пользовавшихся особымъ вниманіемъ монастырскихъ хроникеровъ, какимъ былъ, напримѣръ, Іоаннъ Малала[1]. Ихъ наивное легковѣріе довольствовалось анекдотами, мелочными фактами, причудами природы и чрезвычайными явленіями; ихъ набожное суевѣріе увлекалось необыкновенными легендами, чудесами, благочестивыми событіями. Они сильно вѣрили въ постоянное вмѣшательство сверхестественнаго въ жизнь людей, въ искушенія, которыми діаволы испытываютъ добродѣтель христіанъ, въ разныя шутки, которыя демоны стараются сыграть съ монахами[2] и въ постоянную борьбу, которую аскеты должны были вести съ злымъ духомъ[3]. Они вѣрили въ пророческія видѣнія, въ чудесныя исцѣленія, достигнутыя необычайными средствами[4], въ свойства, присущія монашеской одеждѣ, которой было достаточно самой по себѣ для полученія спасенія[5]. Вообще въ отдаленныхъ провинціальныхъ монастыряхъ умственный уровень былъ еще болѣе, чѣмъ въ Константинополѣ, низокъ. Тѣмъ не менѣе въ VI вѣкѣ и эти монастыри занимали значительное мѣсто въ писаніяхъ, преподаваніи и въ распространеніи религіозныхъ истинъ. Наиболѣе выдающійся представитель византійскаго богословія, Леонтій Византійскій, былъ, какъ кажется, палестинскимъ монахомъ[6]; точно также самый извѣстный изъ гагіографовъ того времени Кириллъ Скиѳопольскій тоже принадлежалъ къ монашескому сословію[7]. Въ монастыряхъ зародилась въ лицѣ Іоанна Малалы хроника, ставшая весьма быстро очень популярною[8], и, быть можетъ, въ нихъ же получила свое удивительное развитіе гимнографія, начавшись съ Романоса[9].

Византійскіе монахи оказали и другія услуги тою заботливостью, съ которою они относились къ дѣламъ милосердія, и огромнымъ развитіемъ благотворительныхъ учрежденій и общественныхъ попечительствъ. Уже въ IV-мъ вѣкѣ св. Василій Великій и св. Іоаннъ Златоустъ совѣтовали монахамъ употреблять монастырскія имущества на облегченіе

1. Ср. *Krumbacher*, Byz. Litt., 326.

2. Ср. *Іоаннъ Еф.*, Comm., 41—42, 80—81.

3. *Іоаннъ Еф.*, Comm., 13—16.

4. *Amélineau*, Contes de l'Égypte chrétienne, XXIX.

5. Ibid., XXV—XXVI.

6. *Krumbacher*, Byz. Litt., 54—55.

7. Id., 185.

8. Id., 325 и сл.

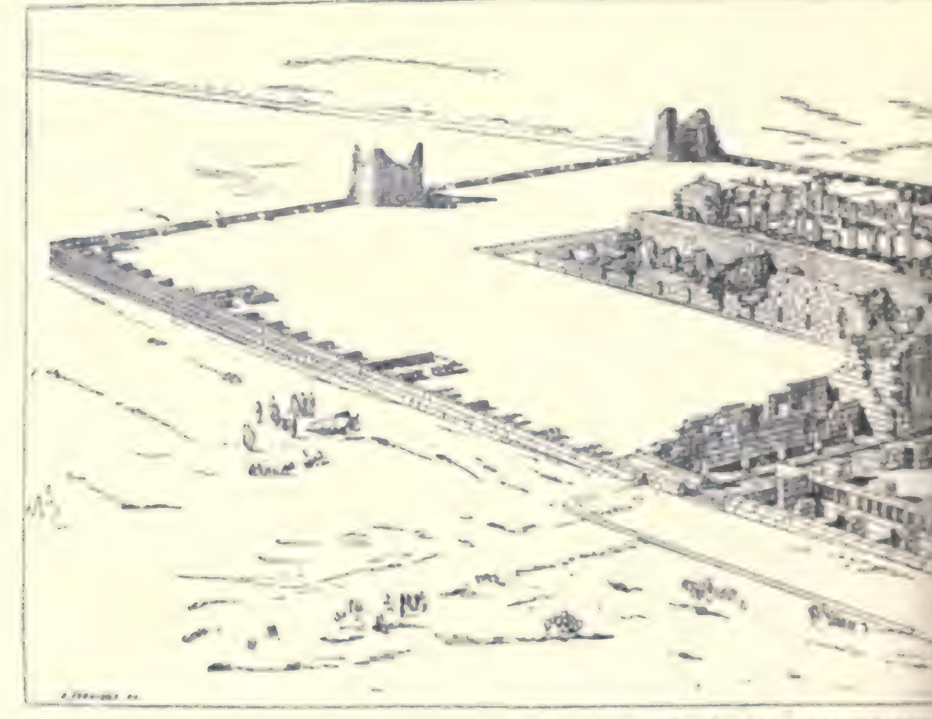
9. Id., 663—665. (Однако, нужно принять во вниманіе оговорки *Крумбахера* въ его Umarbeitungen bei Romanos, 1899, 142 и сл.

человѣческихъ несчастій, и этотъ призывъ не остался безплоднымъ. Въ VI-мъ вѣкѣ въ каждомъ монастырѣ имѣлся монахъ ξενοδόχος, обязанный принимать иностранцевъ, бѣдныхъ и больныхъ, доставать имъ все, въ чемъ они нуждались, «ибо то былъ не только тѣлесный человѣкъ, котораго они принимали, но самъ Богъ, воплотившійся въ этомъ презрѣнномъ и несчастномъ тѣлѣ[1]». Поэтому въ большіе константинопольскіе монастыри приходили сотнями со всѣхъ сторонъ несчастные, ища пропитанія и крова[2], и нерѣдко такой странникъ оставался въ призрѣвшемъ его монастырѣ многіе годы, часто даже до конца жизни, при чемъ никто и никогда не подумалъ относиться къ нему, какъ къ лицу постороннему[3]. «Если къ намъ приходитъ братъ, писалъ святой Василій, исполняющій тѣ же правила, какъ и мы, пусть онъ почувствуетъ себя дома. Онъ найдетъ у насъ все, что онъ покинулъ въ своемъ жилищѣ. Если онъ усталъ съ дороги, принесемъ ему необходимое облегченіе, чтобы онъ забылъ свое утомленіе. Если это міранинъ, пусть онъ получитъ у насъ примѣръ и правила воздержанія, которыя нужно соблюдать при ѣдѣ, и скудости, которую мы требуемъ для нашего стола во имя любви ко Христу[4]». Равнымъ образомъ и св. Савва устанавливаетъ мѣры, которыя необходимо принимать «въ виду множества бѣдныхъ, ежедневно приходящихъ въ монастырь[5]».

Кромѣ пріюта и гостинницы, которые имѣлись во всѣхъ монастыряхъ, существовало еще множество благотворительныхъ учрежденій, ксенодохіи или больницы, геронтокоміи или убѣжища для престарѣлыхъ, птохотрофіи — для бѣдныхъ, нозокоміи для больныхъ, орфанотрофіи для сиротъ, ясли или брефотрофіи, лепрозоріи или loboтрофіи, — цѣлая совокупность учрежденій, называвшихся εὐαγεῖς οἶκοι[6]. Императоры и частныя лица соперничали въ стараніи увеличить число этихъ благочестивыхъ учрежденій и въ царствованіе Юстиніана они появились въ очень большомъ числѣ[7]. Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ домовъ подобнаго рода въ Константинополѣ былъ ксенодохіумъ Сампсона, который сгорѣлъ во время возмущенія Ника, но потомъ былъ роскошно отстроенъ вновь и богато одаренъ

1. *Іоаннъ Еф.*, Comm., 89.
2. Id., 14.
3. Id., 89.
4. *Св. Василій* (P. G., 31, 972).
5. Byz. Zeitschr., 1894, 170.
6. C. J., 1, 3, 45; Nov. 7, 1; 123, 16, 23; 131, 10, 13, 15.
7. *Evagr.*, 4, 30.

императоромъ [1]. Другіе обязаны своимъ учрежденіямъ щедротамъ Ѳеодоры [2]. Точно также во всѣхъ большихъ городахъ имперіи, въ Антіохіи [3], въ Іерусалимѣ [4] и во многихъ другихъ [5] имѣлись подобныя же учрежденія. На азіатскомъ берегу Босфора Юстиніанъ устроилъ пріютъ для неизлѣчимыхъ [6] и по примѣру государя частныя лица старались

170. Общій видъ византійска...

устраивать и распространять по всей имперіи общественныя благотворительныя учрежденія [7].

Всѣ эти заведенія, по большей части очень богатыя и относительно которыхъ Юстиніанъ очень заботился, чтобы обезпечить имъ средства [8], управлялись чаще всего монахами

1. Aed., 183, *Mal.*, 479; Nov. 59, 3; 131, 15. Cp. *Mordtmann* Esquisse, 69.

2. Aed., 181, 280.

3. Aed., 241—242; *Mal.*, 423, 452; *Evagr.*, 4, 35.

4. Aed., 324.

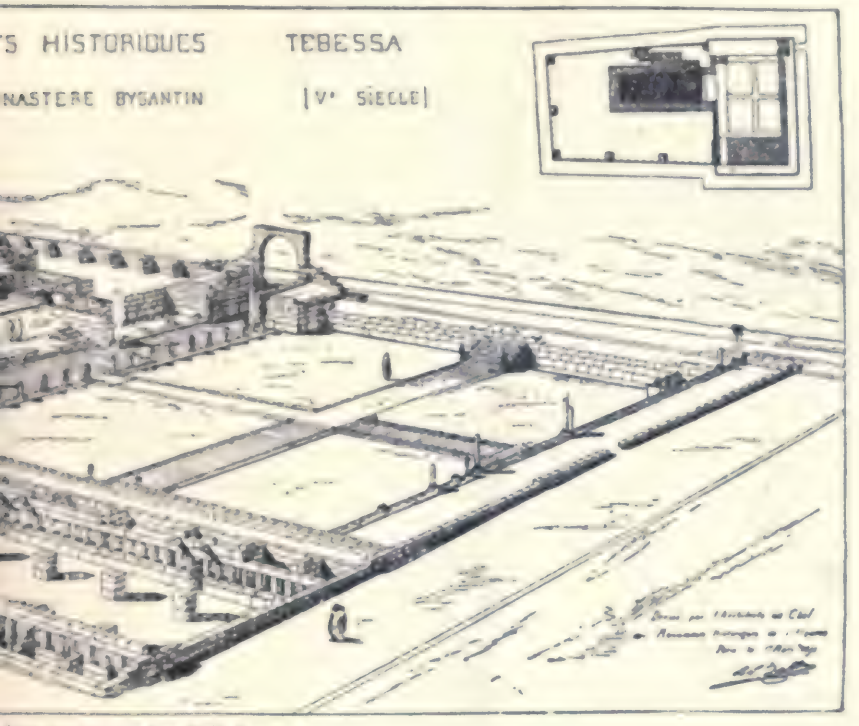
5. Id., 302, 317, 328—329, 311.

6. Id., 200—201.

7. *Ioannis Eph.*, Comm., 152, и особенно 153—154, гдѣ онъ разсказываетъ очень любопытное учрежденіе Павла Антіохійскаго, распространявшее свое дѣйствіе на всю столицу и на ея обширное предмѣстье.

8. Nov. 7, § 12; 131; 131, 10, 15.

причемъ эти администраторы, очень внимательно выбираемые [1], были подчинены власти епископа и патріарха. Главный директоръ—великій орфанотрофъ—обыкновенно былъ изъ монаховъ; особое отдѣленіе «благочестивыхъ учрежденій» управлялось также монахами [2]. Ихъ же заботами часто совершались тѣ даровыя раздачи [3], интересныя тессеры кото-

(по рисунку А. Ballu).

рыхъ съ благотворительными надписями сохраняютъ память объ нихъ и указываютъ на ихъ дѣятельность [4]. Такимъ образомъ Церковь приняла на себя обязанность и обезпечивала въ силу своихъ привилегій важную общественную службу, хотя и за счетъ государства [5].

1. C. J. I, 41, 20; I, 3, 45. 2, 3; Nov. 7, 5.

2. Ср. *Schlumberger*, Mélanges d'archéol. byz., 295 и сл.; Sigillographie byz., 154—155, 377—378, 394. Подробности объ этихъ учрежденіяхъ можно найти у *Ducange*, Constantinopolis christiana, l. VI, гл. IX. Ср. *Marin*, loc. cit., 61—72.

3. Nov. 88, 2. Относительно заботъ, лежащихъ на государствѣ, о τὰ ἄχρηστα (больные, дѣти, престарѣлые) см. любопытныя замѣчанія у *Анонима* о тактикѣ, I, 4; II, 9; III, 13, и Nov. 80, 5.

4. *Schlumberger*. Mélanges, 282—294.

5. Ср. другой примѣръ относительно дароваго погребенія, Nov. 59.

171. Монастырь Маръ-Саба.

Раньше мы уже видѣли какую великую роль играли византійскіе монахи въ дѣлѣ христіанскаго миссіонерства и какое участіе они принимали въ распространеніи религіи и цивилизаціи. Этою стороною своей дѣятельности, своими умственными занятіями и благотворительностью они заслуживали то расположеніе, которымъ они пользовались въ обществѣ VI-го вѣка и до нѣкоторой степени оправдали важное, часто даже чрезмѣрное и опасное, мѣсто, которое они занимали въ немъ. Именно этимъ даже и теперь, не смотря на свои недостатки и вредъ, византійское монашество заслуживаетъ вниманія, благодарности и уваженія.

ГЛАВА IV.

Константинополь. — Византійская торговля въ VI вѣкѣ.

Во времена Юстиніана, какъ и въ теченіе всей античной эпохи, главная торговля всегда велась съ Востокомъ. Подобно римлянамъ, византійцы получали изъ глубины Азіи большую часть драгоцѣнныхъ продуктовъ для удовлетворенія потребностей роскоши. Китай снабжалъ ихъ шелкомъ, сабуромъ, гвоздикой, санталомъ; Индія посылала пряности, перецъ, мускусъ, ароматическія вещества, слоновую кость, драгоцѣнные камни и жемчугъ. Всѣ эти предметы въ VI-мъ вѣкѣ требовались Византіею въ огромномъ количествѣ. «Императоры, говоритъ Гейдъ, любили окружать себя при своихъ пышныхъ церемоніяхъ массою придворныхъ, одѣтыхъ въ шелкъ и пурпуръ; во время офиціальныхъ празднествъ приглашенные засѣдали на пиршествахъ, устриваемыхъ въ залахъ, пропитанныхъ запахомъ алое, и получали богатые подарки шелковыми одеждами. Только для этого требовалось множество пряностей и тонкихъ восточныхъ матерій. Но была еще и другая причина громаднаго потребленія новымъ римскимъ дворомъ продуктовъ Востока, — причина чисто политическая, а именно — онъ старался показать сѣвернымъ варварамъ свои торговыя связи съ чудесными странами Индіи и Китая. Чѣмъ менѣе онъ могъ импонировать имъ размѣрами своихъ военныхъ силъ, тѣмъ болѣе онъ нуждался въ средствахъ другого рода, чтобы поддержать превосходство надъ ними римской имперіи. Какъ

172. Монетная гиря съ изображеніемъ префекта Зимарха (Колл. Шлюмберже).

бы не были ничтожны дружескія отношенія какого нибудь варварскаго короля съ Византіей, ему или его посламъ дѣлались подарки шелковыми тканями, драгоцѣнными камнями, перцемъ и другими продуктами Востока. Большое количество шелковыхъ издѣлій шло также и на Западъ; ихъ посылалъ императоръ либо въ церкви или ихъ служителямъ для украшеній, либо государямъ для поддержанія блеска ихъ двора [1]».

Чтобы удовлетворить требованія великолѣпія и императорской дипломатіи, а также всеобщему стремленію къ роскоши, которымъ отличалось византійское общество VI вѣка [2], торговля получила во времена Юстиніана громадный толчокъ. Со своей стороны императоръ оказывалъ ея развитію совершенно особое вниманіе; въ переговорахъ, которые онъ велъ [3], въ договорахъ, которые онъ заключалъ [4], экономическіе вопросы занимаютъ видное мѣсто, а иногда и самое главное. Но онъ сдѣлалъ бо́льшее: онъ старался открыть для византійской торговли новые пути и освободить ее отъ тиранніи посредниковъ, отъ которыхъ она зависѣла. Если же вслѣдствіе крайней мелочности регламентаціи ея и чрезмѣрнаго и стѣснительнаго старанія опредѣлить всѣ подробности, онъ иногда затруднялъ и мѣшалъ экономическому процвѣтанію имперіи, то все же слѣдуетъ отмѣтить интересъ, съ которымъ онъ относился къ этимъ задачамъ: здѣсь, какъ и вездѣ, онъ хотѣлъ отмѣтить свое царствованіе печатью своей всемогущей воли.

I.

Въ моментъ вступленія Юстиніана на престолъ, византійскіе торговцы вообще не отправлялись непосредственно сами въ страны, производящія иноземные товары, которые они распространяли по имперіи. Въ это время существовали двѣ главныя дороги, черезъ которыя производились сношенія крайняго Востока съ бассейномъ Средиземнаго моря. Одна, болѣе древняя и въ то же время болѣе короткая [5], вела изъ Китая въ оазисы Согдіаны (Самаркандъ, Бухара), откуда караваны

1. *Heyd*, Hist. du commerce du Levant. Фр. пер. Furcy-Rainaud, I, 18.

2. *Ménandre*, 298, замѣчаетъ, что ни одинъ народъ на землѣ не потребляетъ столько шелка, сколько византійцы.

3. В. P., 106–117.

4. *Mén.*, 360–361.

5. *Cosmas*, Topogr. christ (P. G., t. 88, стр. 97)

доставляли въ Персію драгоцѣнные продукты, привозимые китайскими торговцами [1]. Отъ Китайскаго моря до границъ Персіи считалось 150 дней пути, а отсюда до Низибы, на римской границѣ, еще 80 дней [2]. Въ серединѣ второго вѣка христіанской эры былъ открытъ другой путь, морской, съ цѣлью избавить римскихъ торговцевъ отъ требовательности посредниковъ, въ то время пареянъ, которые занимали часть сухопутной дороги [3], но и въ VI вѣкѣ послѣднею еще очень пользовались. На южной оконечности Индіи, большой островъ Тапробанъ (Цейлонъ) служилъ чрезвычайно цвѣтущимъ складочнымъ мѣстомъ торговли, *эмпоріономъ* [4]. Китайцы привозили туда по морю шелкъ, алое, гвоздику и санталъ; сюда же отправляли свои продукты страны Малабарскаго побережья,Мале—перецъ, Калліана—мѣдь, кунжутъ, хлопокъ; а долины Инда—свои богатства [5]. На самомъ островѣ добывались драгоцѣнные камни, особенно—аметисты [6]. За всѣмъ этимъ являлись на Цейлонъ западные купцы, при чемъ они иногда осмѣливались предпринимать морскія путешествія до Сіама, Анама и Тонкина [7]; но въ числѣ ихъ византійцы были рѣдки. Случалось иногда, что торговцы изъ Александріи доходили до великаго индѣйскаго рынка; Козма приводитъ этому примѣры, но наилучшій далъ онъ самъ [8]. Однако это были единичные случаи, да къ тому же греки совершали свои поѣздки не самостоятельно, но обыкновенно на эфіопскихъ корабляхъ [9]. Какъ и на сухопутной дорогѣ, посредники обладали монополіей сношеній между великимъ индѣйскимъ *эмпоріономъ* и имперіей. «Изо всей Индіи, говоритъ Козма, изъ Персіи и Эфіопіи приходитъ въ Цейлонъ большое количество кораблей, потому что онъ занимаетъ центральное положеніе между этими странами, и точно также онъ отправляетъ свои продукты..... въ Персію, въ Гиміаръ и въ Адулисъ» [10]. Такимъ образомъ изъ Цейлона на Западъ направлялось двойное теченіе: одна дорога вела къ берегамъ Африки, къ портамъ царства Аксума, Іемена и Краснаго моря [11], а другая, которою больше пользовались

1. *Men.* 295—296.
2. *Cosmas*, 97.
3. Гу-ханъ-шу у *Гирта*, China and the Roman Orient, 42.
4. *Cosmas*, 445.
5. Id., 445—447, 451.
6. Id., 445.
7. Гу-ханъ-шу, (*Hirth*, 42; Лiангъ-шу (*Hirth*, 47—48).
8. *Cosmas*, 447, 449, 87. О Козмѣ см. *H. Gelzer*, Kosmas der Indienfahrer (Jahrb. f. protest. Theol., 1883, 105—141).
9. Id., 447.
10. Id., 445, 447.
11. Id., 445, 447, 99.

и болѣе важная [1], вела къ Персидскому заливу, къ устьямъ Евфрата и Тигра, откуда товары, особенно во время большихъ ярмарокъ въ Гирѣ, расходились по всѣмъ направленіямъ [2].

Такимъ образомъ, на сушѣ и на морѣ, персы были хозяевами торговли крайняго Востока. По караванной дорогѣ они ревниво наблюдали за тѣмъ, чтобы шелкъ попадалъ византійцамъ только черезъ ихъ руки и международныя соглашенія между обѣими странами тщательно регламентировали торговлю этимъ драгоцѣннымъ товаромъ. Нѣкоторые пограничные города были спеціально назначены для обмѣна, ихъ называли, вслѣдствіе присвоенныхъ имъ таможенныхъ правъ,—δεκατευτήρια [3]. Таковы были: на югѣ Каллиникумъ въ Озроенѣ; въ центрѣ—Низиба въ Мессапотаміи; на сѣверѣ Артаксата въ Арменіи [4], которая несомнѣнно тожественна съ фортами Дубіоса, о которыхъ говоритъ Прокопій; здѣсь встрѣчались въ VI вѣкѣ купцы Индіи, Персіи и имперіи [5]. Очень строгіе законы, изданные еще въ V вѣкѣ, но возобновленные Юстиніаномъ, наказывали конфискаціей товаровъ и штрафомъ всякій обманъ или контрабанду [6] и опредѣляли до мелочей условія обмѣна, предметы, запрещенные къ продажѣ, и права выкупа для тѣхъ, кто ихъ покупалъ [7].

Такимъ образомъ персы обладали монополіею сухопутной торговли шелкомъ; что же касается морского пути, то, хотя они встрѣчали конкурренцію со стороны эѳіоповъ и гиміаритовъ, ихъ положеніе было не менѣе благопріятно. Близкіе сосѣди Индіи, персидскіе купцы были хозяевами на цейлонскомъ рынкѣ [8]. Они не только являлись туда въ большомъ числѣ [9], при чемъ, благодаря благосклонности мѣстныхъ государей, пользовались всякаго рода привилегіями и освобожденіемъ отъ налоговъ [10], но образовывали въ этой странѣ значительную и могущественную колонію [11]. Такимъ

1. *Cosmas*, 97.

2. *Heyd*, loc. cit., 7. О важномъ торговомъ значеніи Гиры см. *Hirth*, 148 и сл., 196 и сл.

3. *Men.*, 360.

4. C. J., 4. 63. 4.

5. B. P., 263.

6. C. J., 4, 63, 4; *Men.*, 360—361.

7. C. J. 4. 40 и 41; 4. 63. 2; Dig., 39. 4. 11 и 16. Ср. *Zachariae von Lingenthal*, Eine Verordnung Justinians über den Seidenhandel (Mém. de l'Acad. de St.-Pét., серія VII, т. IX, nº 6), стр. 5—6.

8. B. P., 107.

9. *Cosmas*, 445. 447.

10. Id., 449.

11. Id., 445.

образомъ и на сушѣ, и на морѣ, Византія состояла въ отношеніи необходимыхъ для нея предметовъ данникомъ царства сассанидовъ. А такъ какъ между обѣими государствами войны были часты, то при этомъ прекращалась торговля; однако, и въ мирное время константинопольскій дворъ съ огорченіемъ видѣлъ сколько золота уходитъ изъ страны и переходитъ въ руки враговъ государства [1].

II.

Постоянною заботою Юстиніана было найти средство противъ такого положенія вещей и освободить византійскую торговлю отъ зависимости отъ персовъ.

Въ VI вѣкѣ византійскіе купцы завязали въ двухъ пунктахъ важныя коммерческія отношенія. Въ Черномъ морѣ, посредствомъ крымскихъ портовъ Боспора и Херсона, они эксплуатировали богатыя области южной Россіи, доставляя варварамъ, готамъ, гунамъ и аварамъ, пряности, мануфактурные продукты византійской промышленности, дорогія мелкія вещи и богатыя ткани, которыя были ими очень любимы [2], и получали въ обмѣнъ пушной товаръ и мѣха съ сѣвера [3], а быть можетъ также и амбру [4]. Такимъ образомъ Херсонъ сдѣлался крупнымъ рынкомъ, куда доставлялись, если вѣрить Іордану, также и продукты Азіи [5]. Съ другой стороны, въ глубинѣ Чернаго моря Византія вела дѣятельную торговлю въ странѣ Лазовъ, ввозя въ нее зерно, соль, вино и вывозя кожи, мѣха и рабовъ [6]. Но изъ Азовскаго моря, какъ и изъ Колхиды, можно было достигнуть Каспійскаго моря и, повернувъ къ сѣверу, пройти въ Согдіанскій оазисъ, минуя персидскую территорію. Пытался ли Юстиніанъ открыть эту дорогу, — остается неизвѣстнымъ; однако въ началѣ царствованія Юстина II уже большое

173. Византійская гиря въ одинъ фунтъ (324 гр.) съ именемъ префекта Фоки, изготовленная въ 532 или 533 году (Луврскій музей).

1 B. P., 105.
2 B. G., 558.
3 *Jordanes*, Getica 5.
4 *Heth*, loc. cit., 47, 244—245.
5 *Jord.*, Get., 2.
6. B. P., 283—284, 217.

число тюрковъ жило въ Константинополѣ [1] и дѣятельныя сношенія, завязавшіяся между этими новыми обладателями Туркестанскаго оазиса и имперіею [2], имѣли цѣлью снабжать Византію шелкомъ непосредственно черезъ Кавказъ [3].

Но главнымъ образомъ Юстиніанъ старался дѣйствовать со стороны Краснаго моря. На сѣверо-восточномъ концѣ этого моря греки владѣли портомъ Айла, а нѣсколько южнѣе островомъ Іотабе [4]; на сѣверо-западномъ концѣ у нихъ былъ недалеко отъ нынѣшняго Суеца портъ Клизма. Отсюда сирійскіе и египетскіе купцы отправлялись для эксплуатаціи всѣхъ побережныхъ странъ Краснаго моря [5]. На восточ-

174. Бѣгство въ Египетъ. Барельефъ изъ слоновой кости на каѳедрѣ Максиміана.

1. *Men.*, 398.
2. Ср. *Heyd*, loc. cit., I, 15—16.
3. *Men.*, 295—296, 380 и сл.
4. В. Р., 99.
5. *Cosmas*, 101.

номъ берегу они либо пользовались сухопутнымъ путемъ, либо отправлялись въ портъ Оселисъ, куда доставлялись изъ страны Гиміаръ ладонъ и кассію, привозимыя жителями Варваріи (Сомалійскій берегъ), отстоявшей всего въ двухъ дняхъ пути отъ моря [1], затѣмъ алое, мирра и другія душистыя вещества Счастливой Аравіи. На западномъ берегу они часто посѣщали большой эѳіопскій портъ Адулисъ [2], куда свозились всѣ продукты внутренней Африки, ладонъ, пряности, варварійскій папирусъ [3], изумруды изъ страны Блеммієвъ [4], слоновая кость изъ Эѳіопіи [5], золото, больше всего изъ отдаленной страны Сасу, за которымъ аксумскіе караваны ходили, везя съ собою для обмѣна съ туземцами мясо, соль и желѣзо [6]. Наконецъ въ Адулисѣ же шла торговля невольниками [7]. Мы уже знаемъ какія, кромѣ того, обширныя торговыя сношенія были у Адулиса съ азіатскимъ Востокомъ. Эѳіопскіе купцы вели торговлю съ островомъ Діоскорида (Сокотора) [8], съ прибрежьемъ Гиміаръ и съ Персіею [9]; они развозили товары свои и тѣ, которые получали изъ византійской имперіи, отъ Романіи [10] до Индіи и дальше до страны бѣлыхъ гуновъ [11]. Этимъ путемъ византійская торговля получала часть товаровъ крайняго Востока. Юстиніанъ надѣялся, что этою дорогою онъ могъ бы и въ отношеніи полученія шелка освободить своихъ подданныхъ отъ монополіи персовъ. Съ этою цѣлью были начаты около 530 или 531 г. переговоры съ аксумскимъ дворомъ, въ надеждѣ склонить эѳіоповъ взять на себя роль такихъ посредниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ старались выяснить королю ту значительную выгоду, которую онъ извлечетъ изъ этого. Элесбаасъ дѣйствительно согласился съ желаніями императора [12]. Но въ индѣйскихъ портахъ персы пользовались большою силою и не допустили, чтобы ихъ обобрали, такъ что эѳіопамъ не удалось отнять отъ нихъ монополію закупки шелка [13]; когда же въ 532 г. былъ заключенъ миръ между Персіею и имперіею, то Юстиніану пришлось согласиться на возстановленіе обычнаго порядка торговыхъ сдѣлокъ [14].

1. *Cosmas*, 97—99.
2. Id., 101.
3. Id., 97.
4. Id., [illegible]
5. Id., 449.
6. Id., 97, [illegible]
7. Id., [illegible]
8. *Cosmas*, 169.
9. Id., 449.
10. Id., 8[illegible], 449.
11. Id., 449.
12. См. выше, стр. [illegible]
13. B. P., 106—107, 98.
14. *Zachariae*, loc. cit., 3, 5.

При такихъ условіяхъ каждый разрывъ съ государствомъ сассанидовъ влекъ за собою тяжелыя послѣдствія для византійской торговли; это сильно почувствовалось, когда въ 540 г. война возобновилась. Принужденные, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, платить гораздо дороже за сырой шелкъ, необходимый для промышленности, и сверхъ того неся тяжесть не задолго передъ тѣмъ установленныхъ Юстиніаномъ болѣе обременительныхъ ввозныхъ пошлинъ, бейрутскіе и тирскіе фабриканты не замедлили повысить продажную цѣну тканей, выходившихъ изъ ихъ фабрикъ [1], что было очень тяжело для государства, въ которомъ шелковыя издѣлія были предметомъ повседневнаго употребленія [2]. Съ другой стороны, высокая цѣна сырца также сильно отразилась на императорскихъ фабрикахъ (baphia, gynaecia), гдѣ подъ высшимъ руководствомъ comes largitionum изготовлялись драгоцѣнныя ткани, нужныя для двора [3]. Эти два обстоятельства вызвали вмѣшательство Юстиніана. Съ V вѣка законъ возлагалъ на агентовъ казначейства, называвшихся comites commerciorum или commerciarii, обязанность закупать у персидскихъ купцовъ шелковый сырецъ [4]; этимъ способомъ, вслѣдствіе отсутствія конкурренціи, надѣялись помѣшать продавцамъ очень повышать цѣны; въ этомъ были тѣмъ болѣе увѣрены, что коммерціаріи могли отпускать частнымъ лицамъ необходимый шелкъ для промышленности только въ томъ случаѣ, когда всѣ таможенныя пошлины будутъ вполнѣ оплачены [5]. Поэтому Юстиніанъ предписалъ своимъ агентамъ покупать шелкъ-сырецъ по цѣнѣ не свыше 15 золотыхъ солидовъ за фунтъ и уступать по своей цѣнѣ торговцамъ шелкомъ и фабрикантамъ все, что останется лишнимъ за удовлетвореніемъ потребностей императорскихъ мануфактуръ [6]. Этимъ путемъ онъ надѣялся снабдить генинцеи по умѣреннымъ цѣнамъ сырымъ матеріаломъ и въ то же время лишить частную промышленность всякаго предлога для повышенія цѣнъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изданный законъ о максимумѣ запрещалъ продавать шелковыя ткани выше предѣльной суммы [7]. Намѣреніе императора было хорошее [8], но результаты его оказались плачевными. Персидскихъ купцовъ нельзя было заставить продавать товаръ

1. Hist. arc., 141.
2. *Men.*, 298.
3. *Zachariae*, loc. cit., 16.
4. C. J., 4, 40, 2.
5. *Zachariae*, loc. cit., 8—10.
6. Id., 13—16.
7. Hist. arc., 141.
8. *Zachariae*, 17.

по цѣнѣ, опредѣленной императорскимъ эдиктомъ, и такъ какъ они предпочли прекратить поставку, то частная промышленность, за недостаткомъ сырого матеріала, вскорѣ почти совершенно прекратилась, а очень строго соблюдавшійся законъ о максимумѣ повлекъ за собою разореніе большинства мануфактуристовъ, такъ какъ они должны были продавать товаръ съ убыткомъ для себя [1]. Въ виду такого бѣдствія comes largitionum Петръ Барзимесъ придумалъ другой способъ дѣйствія. Такъ какъ для потребностей двора и публики были безусловно необходимы шелковыя издѣлія, то онъ рѣшился уступить требованіямъ персидскихъ купцовъ, но вмѣстѣ воспользоваться упадкомъ частной промышленности для организаціи монопольнаго производства, сохраненнаго за государственными фабриками, и такимъ образомъ создалъ для казны очень большіе доходы [2]. Какъ кажется, производство въ гинецеяхъ не могло удовлетворить требованія и тогда онъ передалъ дѣло въ частныя фабрики, которыя при этомъ подчинялись правительственному надзору [3]. Во всякомъ случаѣ византійская промышленность, особенно въ Сиріи, очень пострадала отъ этого кризиса и многіе мануфактуристы совершенно разорились [4].

При такомъ плачевномъ положеніи счастливый случай явился кстати и непредвидѣннымъ образомъ помогъ осуществленію желанія Юстиніана. Между 552 и 554 годами два монаха, долго проживавшіе въ странѣ Серинда (вѣроятно, это Хотанъ въ центральной Азіи [5]), предложили императору доставить оттуда яица шелковичнаго червя, утверждая, что они сумѣютъ вывести изъ нихъ червей, которыхъ безъ труда можно кормить листьями тутоваго дерева. Юстиніанъ съ радостью согласился на это и миссіонеры дѣйствительно сумѣли привезти драгоцѣнныхъ животныхъ [6]. Такимъ образомъ разведеніе шелковичнаго червя было введено въ Византійской имперіи и быстро процвѣло здѣсь. Сирія покрылась плантаціями шелковичныхъ деревьевъ [7] и немного лѣтъ спустя Юстинъ II могъ показать изумленнымъ тюркскимъ посламъ, что византійская торговля можетъ обходиться безъ посредниковъ [8]. Благодаря такому счастливому обстоятель-

1. Hist. arc. 131.
2. Id., 131—132.
3. *Zachariae*, loc. cit., 10.
4. Hist. arc., 132.
5. *Heyd*, loc. cit., 12; ср. Id., [illegible]
6. B. G., 546—547. Ср. *Θеофанъ Византійскій* (Боннское изд.), стр. 484.
7. Вей-шу (*Hirth*, loc. cit., 50).
8. *Θеофанъ Византійскій*, 484.

ству, шелковая промышленность, находя по болѣе дешевой цѣнѣ сырье и имѣя возможность сама производить его, вновь поднялась. Однако, разведеніе червя въ такомъ размѣрѣ, который могъ доставлять нужное для производства количество сырого шелка требовало времени, поэтому въ мирномъ договорѣ съ Персіей въ 562 г. возобновлялись прежнія условія торговли шелкомъ [1], а вскорѣ послѣ смерти Юстиніана еще озабочивались, не смотря на достигнутые результаты, нельзя ли найти путь, который давалъ бы возможность покупать шелкъ на мѣстѣ его добыванія, минуя посредничество персидскихъ купцовъ [2].

III.

Какъ бы то ни было, византійская торговля въ VI вѣкѣ была очень цвѣтуща. «Византійцы, говоритъ Гейдъ, были хозяевами тѣхъ мѣстностей, къ которымъ примыкали азіатскіе торговые пути; они владѣли Египтомъ, куда черезъ Красное море привозились товары изъ Ливана и Сиріи, гдѣ разгружались караваны, шедшіе отъ Аравійскаго и Персидскаго заливовъ или изъ центральной Азіи; наконецъ на Черномъ морѣ у нихъ были добавочные пункты, имѣвшіе значеніе для ливанской торговли [3]». Не менѣе значителенъ и дѣятеленъ былъ вывозъ. Александрія отправляла въ Аравію огромныя количества зерноваго хлѣба, не уменьшая своихъ ежегодныхъ доставокъ его въ Константинополь [4]. Продукты сирійской промышлености, стеклянныя эмальированныя издѣлія, тонкія ткани, вышивки, драгоцѣнныя вещи, не считая кораловъ, янтаря и нефрита [5],—все это расходилось, достигая даже Китая. Но самымъ главнымъ и несравненнымъ рынкомъ былъ Константинополь. Прокопій сообщаетъ, что въ столицу имперіи стекались со всего міра [6], а Павелъ Силенціарій рисуетъ какъ торговые корабли всей вселенной плывутъ, полные надежды, къ царственному городу и самые вѣтры сговариваются, чтобы привести въ него товары, которыми обогащаются его граждане [7]. Мы уже го-

1. *Men.*, 360.
2. Id., 295—296; 298; *Theoph. Byz.*, 484—485.
3. *Heyd*, loc. cit., I, 24.
4. Cp. Ed., 13; Aed., 310. 330—331.
5. Гу-ханъ-шу (*Hirth*, 41); Ліангъ-шу (id., 47) и очень интересныя комментарій Гирта, 228—272.
6. Aed., 208.
7. *P. Silent.*, loc. cit., 232—235.

ворили о числѣ и богатствѣ корпорацій (συστήματα)[1] великаго города и о дѣятельной торговлѣ серебромъ, производившейся въ немъ богатыми банкирами (argentarii)[2].

114. Вшествіе Христа въ Іерусалимъ. Барельефъ изъ слоновой кости изъ каѳедры Максиміана (Кол. Строгонова). *Graeven*, Elfenbeinwerke aus Italien.

Наконецъ Византія являлась огромнымъ посредникомъ по отправкѣ продуктовъ Ливана на Западъ. Завоеваніе Африки и Италіи очень облегчило и усилило торговыя операціи греческихъ купцовъ въ этихъ странахъ, а императорское правительство, повидимому, всѣми мѣрами поощряло торговлю съ новыми провинціями имперіи[3]. Купцы изъ Египта, Арменіи и Сиріи особенно охотно слѣдовали въ этомъ отношеніи указаніямъ правительства и въ VI-мъ вѣкѣ ихъ можно было встрѣтить въ Африкѣ, Сициліи, въ концѣ Адріатическаго моря—въ Равеннѣ[4]. Они доходили до Испаніи и даже за предѣлы имперскихъ областей—въ порты и въ глубь Галліи, въ Марсель, Бордо, Нарбонну и даже до Тура, Орлеана и Па-

1. Nov. 43, praef.; (G. 13).
2. Nov. 136; Ed. 7 и 9.
3. Hist. arc., 139—140; Pragm. sanctio, 18.
4. *Marini*, Papiri diplomatici, 114 (90, 74, 93); *Greg. Magni* Epist. 1, 28. Cp. *Sidon. Apoll.*, 1, 8.

рижа[1]. Въ нѣкоторыхъ городахъ Запада они имѣли довольно значительныя колоніи, куда они привозили ткани, выдѣланныя кожи, сирійскія вина, египетскій папирусъ. Такимъ образомъ по всему бассейну Средиземнаго моря византійцы пользовались несомнѣннымъ первенствомъ, которое никто не пытался оспаривать.

Тѣмъ не менѣе Прокопій обвиняетъ Юстиніана въ томъ, что своими стѣснительными мѣрами онъ разорилъ византійскую промышленность и торговлю. Онъ упрекаетъ его въ ограниченіи свободы торговли до такой степени, что многіе купцы предпочли сжечь свои корабли[2]; въ учрежденіи на Геллеспонтѣ и на Босфорѣ таможенныхъ сборовъ, которые тяжело обременяли торговлю[3], и наконецъ въ организаціи монополій, уничтожившихъ частную промышленность[4]. Очень трудно опредѣлить съ точностью долю истины въ обвиненіяхъ Прокопія. Безспорно, что въ VI-мъ вѣкѣ появились новые таможенные посты на проливахъ[5] и чрезвычайно вѣроятно, что фискальная политика въ царствованіе Юстиніана стремилась извлекать источники дохода изъ торговли и промышленности. Вѣрно также то, что торговля была очень строго регламентирована, въ чемъ собственно, Юстиніанъ только продолжалъ традиціи предшествующихъ вѣковъ, при чемъ, вѣроятно, иногда принимались имъ неудачныя мѣры[6]. Но нельзя также сомнѣваться, что Прокопій здѣсь, какъ и во всемъ, допустилъ очень большія преувеличенія[7]. Въ частности, таможенные сборы, по крайней мѣрѣ съ шелка, повидимому скорѣе были уменьшены, чѣмъ увеличены[8], а сборы, взимавшіеся съ товаровъ при входѣ и выходѣ изъ проливовъ какъ кажется были лишь возстановленіемъ, и при томъ съ небольшимъ увеличеніемъ, прежнихъ порядковъ[9]. Наконецъ рядъ полезныхъ мѣръ, устройство дорогъ[10], созданіе портовъ[11], поддержаніе канала между Краснымъ моремъ и Ниломъ, свидѣтельствуютъ о заботливости императора о развитіи торговли. Факты прекрасно доказываютъ

1. *Heyd*, loc. cit., I, 20—23.

2. Hist. arc., 139—140.

3. Id., 139.

4. Id., 140—142.

5. *Agath.*, 333; *Mal.*, 432. Ср. надпись, найденную въ Абидосѣ, повидимому представляющую отрывокъ эдикта Юстиніана (Ath. Mittheil., IV, 307).

6. *Zachariae*, loc. cit., 17.

7. Id., 18.

8. Id., 6.

9. Ath. Mittheil., IV, 307.

10. Aed. 258.

11. Id., 310—311, 341—342; Joh. I, 372—373.

что эта заботливость была небезплодна: въ экономическомъ мірѣ VI-го вѣка Византія занимала столь крупное мѣсто, что по сообщенію Козмы отъ одного конца земли до другого ея монеты принимались на всѣхъ рынкахъ вселенной[1].

---

1. *Cosmas*, 115; ср. id., 447.

ГЛАВА V.

Аѳины и язычество.

Съ того времени, когда вмѣстѣ съ Константиномъ христіанство взошло на тронъ цезарей, началось медленное, но непоправимое паденіе язычества [1]. И Церковь и Государство ожесточенно боролись съ нимъ. Тщетно императоръ Юліанъ сдѣлалъ попытку придать ему кажущуюся жизненность, — обстоятельства были сильнѣе его воли, да къ тому же благочестіе его преемниковъ озаботилось поскорѣе прекратить всѣ подобныя попытки воскрешенія язычества. Жестокая набожность испанца Ѳеодосія Великаго считала своею задачею установленіе религіознаго единства въ имперіи: «заставить всѣхъ поклоняться единому Богу и владыкѣ» [2], и съ замѣчательною послѣдовательностью онъ началъ окончательную борьбу съ язычествомъ. Уже было запрещено, подъ страхомъ смерти, посѣщеніе храмовъ; жертвоприношенія также воспрещены, гаданіе на внутренностяхъ наказывалось, какъ богохульство [3]. Законъ 392 г. нанесъ рѣшительный ударъ [4]. Языческіе обычаи, въ чемъ бы они не состояли, были воспрещены по всей имперіи; запрещалось даже зажигать свѣтильники, жечь ѳиміамъ, развѣшивать въ дому гирлянды цвѣтовъ. Въ деревняхъ запрещено вплетать ленты въ вѣтви деревьевъ и воздвигать алтари изъ травъ. Законъ касался даже частныхъ жилищъ, воспрещая, подъ страхомъ конфискаціи, зажигать огонь домашняго очага, сжигать первые плоды въ честь пенатовъ. Ничего не было упущено, запретъ былъ полный; казалось, что старое язычество должно умереть [5].

Однако оно умерло не сразу. Хотя тридцать лѣтъ спустя Ѳеодосій II объявилъ, что онъ полагаетъ, что въ

1. Ср. *Boissier*. La fin du paganisme, I, 80 и сл.; II, 254 и сл.; 293 и сл.: *V*. *Schultze*. Gesch. d. Untergans b. griechisch-röm. Heidenthums. т. I.

2. Cod. Theod., 16, 5. 6.

3. Ibid., 16, 10, 7, 9 и 10.

4. Ibid., 16, 10, 12.

5. Ср. C. J. 11, 1, 2, 3, 7 и 8.

имперіи не осталось болѣе язычниковъ[1], самая частота издававшихся противъ нихъ указовъ въ теченіе V-го вѣка достаточна для доказательства противнаго. Несомнѣнно, храмы были заперты и даже въ 426 г. отдано было прика-

176. Санскій диптихъ (VI-го вѣка).

заніе ихъ частичнаго разрушенія, но много древнихъ праздnествъ продолжало существовать. Конечно, въ теоріи законъ исключалъ язычниковъ отъ занятія общественныхъ должностей, но практически онъ не имѣлъ большого значенія; если бы онъ исполнялся буквально, то пришлось бы лишиться очень большого числа хорошихъ служащихъ. Конечно, также,

1. Cod. Theod., XVI, 10, 22.

что со времен Льва I исповѣданіе язычества разсматривалось и наказывалось, какъ «общественное преступленіе[1]», но горячность пропаганды ослабѣла и самъ кодексъ сталъ допускать нѣкоторую терпимость къ язычникамъ, «которые живутъ смирно и не дѣлаютъ ничего, противнаго закону». Такимъ образомъ, особенно въ восточной части имперіи, язычество въ началѣ VI-го вѣка продолжало жить; старыя преданія эллинизма продолжали привлекать вѣрныхъ къ древнимъ богамъ. Въ религіозномъ Египтѣ, переполненномъ монастырями, гдѣ христіанство сдѣлало столь быстрые успѣхи, даже въ фанатической Александріи, гдѣ чернь въ пылу своей набожности столько разъ начинала страшные погромы язычниковъ, даже здѣсь школа неоплатониковъ поддерживала культъ эллинизма и нѣкоторые учителя собирали еще большое число учениковъ у своихъ каѳедръ[2]. Болѣе того, на границахъ страны—оставались офиціально открытыми два языческихъ святилища. Въ оазисѣ Аугила существовалъ храмъ, посвященный Юпитеру Аммону и богу Александру, съ цѣлымъ населеніемъ гіеродуловъ и съ совершенно особенными церемоніями[3]. На островѣ Елефантинѣ на Нилѣ, у перваго порога, Изида продолжала царствовать въ своемъ храмѣ Филэ и ежегодно священная барка богини подымалась по рѣкѣ, направляясь къ Нубійскимъ берегамъ, неся священную статую, къ которой прибрежные жители обращались за прорицаніями, и ежегодно также южные номады являлись толпою къ святилищу, въ которомъ по прежнему совершались древнія церемоніи[4]. Въ Сиріи, Антіохія конечно была большою христіанскою столицею, а въ городѣ Газа, въ которомъ язычество исчезло только послѣ кровавыхъ казней и жестокаго истребленія[5], школа христіанскихъ философовъ и риторовъ процвѣтала въ VI-мъ вѣкѣ;—однако, несмотря на свирѣпость религіозной борьбы, въ этомъ краю съ семитскимъ населеніемъ, отличавшемся особою экзальтированностью чувствъ, жило много язычниковъ. Въ Палестинѣ въ нѣкоторыхъ храмахъ упорно сохранялись бронзовыя статуи древнихъ боговъ, которымъ

1. C. J., I, 11, 8.

2. Объ этомъ офиціальномъ пережиткѣ язычества см. любопытные тексты, приведенные у *Révillout*, Mémoires sur les Blemmyes, стр. 418—429.

3. Aed., 333.

4. B. P., 103—104. Ср. *Priscus*, боннское изд., 153—154.

5. Ср. *Schultze*, loc. cit., II, 2.9—250.

вѣрующіе продолжали въ тайнѣ поклоняться, и христіане разсказывали какъ въ этихъ притонахъ идоловъ дьяволы изощрялись въ издѣвательствахъ надъ довѣрчивостью простодушныхъ [1]. Старая Финикія столь упорно держалась за свои древнія божества, что много вѣковъ спустя въ Библосѣ находился еще, какъ говорятъ, въ одномъ храмѣ Астарты языческій идолъ, покрытый золотыми уборами [2]. Въ Геліополисѣ, нынѣшнемъ Баальбекѣ, который по словамъ христіанъ, дьяволъ называлъ своимъ «излюбленнымъ городомъ [3]», гигантскіе храмы оставались нетронутыми. Правда, великій храмъ Ваала былъ конфискованъ по приказанію Θеодосія Великаго и превращенъ въ церковь и часовня Пресв. Дѣвы стояла рядомъ со знаменитымъ трилитономъ [4], но христіанство съ большимъ трудомъ проникало въ эту область и населеніе оставалось чисто языческимъ. «Безпрерывно приносились въ этомъ храмѣ, говоритъ одинъ писатель VI-го вѣка, жертвоприношенія, мольбы и поклоненія дьяволу, и никто не могъ добиться, чтобы онъ потерялъ свое значеніе [5]». Тоже самое происходило и вокругъ. Въ центральной Сиріи, надписи, относящіяся къ началу VI-го вѣка, сохраняютъ слѣды жестокой борьбы, начавшейся для замѣны «Божьимъ домомъ» «жилища дьявола», «сіяніемъ солнца» «тьмы» языческихъ обрядовъ. Онѣ указываютъ на гибельный и свирѣпый фанатизмъ, стремящійся разрушить храмы и ниспровергнуть старыхъ боговъ [6]. Въ Месопотаміи, язычники были очень многочисленны: Карргэ (Гарранъ) въ Озроенѣ съ его культомъ луны и знаменитымъ оракуломъ заслуживалъ прозванія Гелленополисъ; существовала легенда, что отсюда распространилось поклоненіе идоламъ по всему міру, и его языческая репутація стояла такъ твердо, что въ силу этого Хозрой пощадилъ почти только одного его изъ всѣхъ городовъ Сиріи [7]. Во всѣхъ самыхъ населенныхъ центрахъ, даже въ Антіохіи, продолжали существовать слѣды язычества и старыя запрещенныя празднества [8]. Благочестивый историкъ Евагрій не одинъ разъ прерываетъ теченіе своего разсказа,

1. *Ioannes Ephes.*, Comm., 230—231.
2. *Schultze*, loc. cit., II, 255.
3. Ibid., 252.
4. *Zach. Rh.*, 134,—очень любопытное мѣсто.
5. *Ioannes Ephes.*, Hist. E. (R. O. Chr., loc. cit., 401).
6. *Waddington*, Inscrp. grecques et latines de la Syrie, 2498. Cp. *Schultze*, loc. cit., 253—257.
7. P., 211. Cp. *Schultze*, 268—270.
8. *Mal.*, 396, 417.

«чтобы направить свои обличенія противъ соотечественниковъ-язычниковъ[1] и много лѣтъ спустя послѣ смерти Юстиніана большой религіозный процессъ показалъ, какіе глубокіе корни сохранялъ во всей этой области запрещенный культъ[2]. Въ Малой Азіи города перешли въ христіанство и наперерывъ мѣняли свои древнія имена на благочестивыя названія, заимствованныя отъ новой религіи. Аполлоніасъ назвался Теотокіей, Вифинская Аполлонія — Созополисомъ, Афродизіасъ сталъ называться Ставрополисъ, Тіана—Христуполисъ; но въ деревняхъ языческіе храмы, алтари, священныя деревья — оставались неприкосновенными и почитаемыми[3], и даже тамъ, куда христіанство успѣло проникнуть, оно существовало только на поверхности. Напримѣръ, въ горныхъ мѣстностяхъ Арменіи во многихъ деревняхъ не было священниковъ; невѣжество и небрежность относительно священныхъ предметовъ были чудовищны; церкви, остававшіяся безъ призора и разрушенныя, были пусты и христіане появлялись въ нихъ только разъ въ жизни—для крещенія за-одно всѣхъ своихъ дѣтей[4]. Но больше всего язычество сохраняло свою силу въ Греціи, и до такой степени, что для людей VI-го вѣка слово эллинъ всегда было синонимомъ язычника[5]. Правда, здѣсь какъ и вездѣ, оффиціально храмы были закрыты уже съ VI-го вѣка и покинутые великіе оракулы приведены къ молчанію. Дельфы, Олимпія, Додона, Аѳины были ограблены и ихъ chefs-d'oeuvre'ы обогатили Константинополь; олимпійскія игры были запрещены съ 393 года; въ 395 г. Аларихъ разрушилъ храмъ Елевзинскихъ мистерій[6]. Но въ Аѳинахъ школа нео-платоновской философіи поддерживала со славою свѣточь эллинизма и по прежнему, хотя осторожно, совершались жертвоприношенія[7]. Наконецъ въ самомъ Константинополѣ, на глазахъ у императора, несмотря на усилія религіозной пропаганды, не смотря превращенія храмовъ въ церкви и переодѣваніе античныхъ статуй въ христіанскіе образа[8], высшее об-

1. *Evagr.*, 5, 18; ср. 1, 11.

2. *Schulthe*, II, 258 и сл., 273—275.

3. *Іоаннъ Еф.*, His. (R. O. Chr., loc. cit., 482).

4. Id., Comm., 83—84, 86; здѣсь нарисована очень любопытная картина этого положенія вещей.

5. B. P., 104, 131. C. J., I, 11, 10.

6. Ср. *Schultze*, loc. cit., II, 205—211. *Gregorovius*, Gesch. d. Stadt Athen im Mittelalter, I, 48 и сл.; *Hertzberg*, Gesch. Griechenlands unter der römischen Herrschaft, III, 428 и сл.

7. Ср. B. G., 596.

8. Ср. *Schultze*, II, 281 и сл.

щество сохраняло снисходительную и благосклонную симпатію къ той религіи, съ которой было связано столько воспоминаній и художественной и литературной славы. Большинство лучшихъ умовъ того времени, наиболѣе знаменитые свѣтскіе писатели V-го и VI-го вѣковъ — христіане только по имени и на высшихъ постахъ управленія, въ сенатѣ и даже среди окружающихъ Юстиніана, было много людей, совершенно законно подозрѣваемыхъ въ язычествѣ [1]. Изъ министровъ императора Трибоніанъ считался атеистомъ, а объ Іоаннѣ Каппадокійскомъ говорили, что, придя въ церковь, онъ бормоталъ въ ней чисто языческія молитвы. Въ сущности, это не представляло ничего особенно дурного; въ этомъ скорѣе выражалась привязанность къ эллинизму и къ философіи, чѣмъ къ самому язычеству; это была вѣра, проявлявшаяся болѣе какъ уваженіе къ славному прошлому, а не какъ глубокая набожность; это—оппозиція салоновъ, свѣтскихъ людей и выдающихся умовъ, не имѣвшая большого практическаго значенія. Однако все это раздражало и достаточно было, чтобы на тронъ взошелъ неограниченный и набожный императоръ, чтобы все это окончательно прекратилось.

II.

Такой моментъ насталъ со вступленіемъ на престолъ Юстиніана. Отъ природы очень набожный и въ тоже время властный, онъ желалъ чтобы подобно одному закону въ имперіи была и одна религія. Онъ питалъ свирѣпую ненависть ко всему, что не было православнымъ; онъ жестоко презиралъ «тѣхъ людей, которые, какъ онъ говорилъ, не должны бы существовать на землѣ, прикосновеніе которыхъ пачкаетъ и даже имя которыхъ не должно было бы произноситься [2]», и, относясь къ нимъ то съ отвращеніемъ, то съ жалостью, онъ обзывалъ ихъ то нечестивцами и извергами, то больными или безумцами [3]. Съ другой стороны, воспитанный въ чисто латинской традиціи, гордясь воспоминаніями о Римѣ, наслѣдникомъ котораго онъ себя называлъ, онъ не питалъ никакой склонности, никакой симпатіи къ эллинизму. Наконецъ—и главнымъ образомъ—ему казалось, что единство

1. *Mal.*, 449, *Ioannes Eph.*, Hist. (R. O. Chr., 481—482).

2. C. J., 1. 5, 12, 2.

3. Id., 1, 11, 10 praef. и 2.

вѣрованій составляетъ необходимое условіе существованія благоустроеннаго государства. Поэтому, какъ только онъ вступилъ на престолъ, онъ тотчасъ же принялъ самыя суровыя мѣры противъ диссидентовъ. Запрещеніе всякихъ собраній и какихъ бы то не было религіозныхъ актовъ [1], недопущеніе, какъ язычниковъ, такъ и ихъ дѣтей, къ общественнымъ должностямъ и даже къ адвокатской профессіи [2], —все было примѣнено къ нимъ. Было предписано удалить отъ должностей тѣхъ, кто будетъ упорствовать въ язычествѣ, а на будущее время каждый кандидатъ на государственную должность долженъ былъ поклясться на евангеліи при трехъ свидѣтеляхъ, что онъ — православный [3]. Язычникъ былъ даже лишенъ права на всѣ акты гражданской жизни; онъ не могъ ни управлять своимъ имуществомъ, ни свободно располагать имъ; если онъ завѣщаетъ свое состояніе еретику,—завѣщаніе не имѣетъ никакой силы. Если его дѣти—язычники, они устранялись отъ наслѣдованія и православные родственники замѣняли ихъ въ полученіи наслѣдства [4]. Язычникъ даже не могъ являться на судъ свидѣтелемъ [5]; онъ не могъ имѣть у себя раба христіанина [6]. Даже и семья была потрясена въ своей интимной жизни: интересы сыновей, которые обратятся въ христіанство, охранялись противъ воли отца [7], законъ устанавливалъ различіе между дѣтьми христіанскими и язычниками. Въ концѣ концовъ, нѣсколько времени спустя, Юстиніанъ заявилъ, что для еретиковъ «достаточно того, что они живутъ [8]».

Однако все это было пока лишь подтвержденіемъ прежнихъ эдиктовъ, но только съ большею строгостью и послѣдовательностью въ примѣненіи ихъ. Вскорѣ послѣдовали новыя и еще болѣе строгія мѣры. Чтобы лишить язычество матеріальныхъ средствъ, Юстиніанъ воспретилъ дѣлать какія либо приношенія или завѣщать имущества «съ цѣлью поддержанія нечестія язычниковъ» [1]; еще строже законъ воспрещалъ совершать съ тою же цѣлью, но въ скрытой формѣ, даренія или завѣщать имъ имѣнія. Всякое нарушеніе этого закона наказывалось конфискаціею суммъ, имѣвшихъ такое назначеніе, и деньги шли въ пользу городовъ или государ-

1. C. J., 1, 5, 14; ср. 1, 5, 20.
2. Id., 1, 5, 12; ср. 1, 5, 18.
3. Id., 1, 4, 20.
4. Id., 1, 5, 14; ср. 1, 5, 18 и 19.
5. Id., 1, 5, 21.
6. C. J., 1, 10, 2.
7. Id., 1, 5, 12; ср. 1, 5, 19.
8. Nov. 37.

1. Ad sustentandam paganorum impietatem. C. J., 1, 11, 9.

… Диптихъ консула Ареобинда (506 г.) (Луврскій музей).

ства. Съ другой стороны, чтобы отнять у язычества средства нравственнаго вліянія, Юстиніанъ старался отнять отъ нихъ преподавательную дѣятельность. Это составляло его постоянную заботу; онъ безпрерывно возвращался къ этому пункту, безпрестанно выражалъ опасеніе, чтобы «подъ видомъ обученія языческіе учителя не завлекали въ свои заблужденія простыя души и не дѣлали ихъ этимъ путемъ менѣе усердными въ отношеніи чистой и истинной православной вѣры» [1]. Кромѣ того, онъ настаивалъ на необходимости запретить «тѣмъ, кто страдаетъ нечестивымъ безуміемъ язычниковъ», какое бы то ни было преподаваніе «изъ опасенія, чтобы они, какъ бы обучая несчастныхъ, посѣщающихъ ихъ школы, на дѣлѣ не испортили бы души своихъ учениковъ [2]». Въ виду этого языческія школы были лишены присвоенныхъ имъ отъ государства жалованія, пожертвованій и пособій [3], и требовалось подъ страхомъ конфискаціи имущества и ссылки, чтобы всякій, желающій преподавать, исповѣдывалъ православіе. Затѣмъ послѣдовали еще болѣе строгія мѣры, самыя жестокія, какія когда либо принимались противъ язычества. До сихъ поръ наказанія, установленныя для упорствующихъ, состояли главнымъ образомъ въ денежныхъ взысканіяхъ, — новый эдиктъ все это измѣнилъ [4]. Юстиніанъ пришелъ къ заключенію, что настало время покончить съ нечестивыми и мерзкими язычниками, «которые превращаютъ милосердіе Божіе въ справедливый гнѣвъ», упорствуютъ въ совершеніи жертвоприношеній идоламъ и празднуютъ богохульныя празднества. Поэтому, всякій язычникъ, принявшій христіанство и возвратившійся снова къ язычеству, подлежалъ смертной казни; остальные рѣшительно приглашались заявиться общественнымъ властямъ, чтобы ихъ немедленно крестили, «и пусть они знаютъ, что если они откажутся отъ этого, прибавляетъ указъ, то будутъ исключены изо всего, что составляетъ государство; они не будутъ имѣть права владѣть какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имуществомъ, и послѣ отобранія отъ нихъ всего, что они имѣютъ, они будутъ доведены до нищеты, помимо тѣхъ наказаній, которыя они заслуживаютъ». Это было массовое обращеніе по приказу съ постановкою внѣ закона тѣхъ, кто будетъ сопротивляться. Установлялись наказанія, которымъ под-

1. C. J., 1, 5, 18.
2. Id., 1, 11, 10.
3. C. J., 1, 11, 10, 2.
4. Id., 1, 11, 10

вергались упорствующіе. Для неподчиняющихся эдикту — полагались конфискація имущества и ссылка; для тѣхъ, кто въ тайнѣ исповѣдуетъ воспрещенный культъ, — смертная казнь. Тотъ, кто приметъ христіанство, но предоставитъ женѣ, дѣтямъ или слугамъ оставатья язычниками, — удаленіе отъ должности, если онъ чиновникъ, а для всѣхъ вообще — конфискація имущества, «такъ какъ очевидно, говоритъ эдиктъ, что подобные люди приняли крещеніе не вполнѣ искренно». Наконецъ, дѣти отбирались отъ родителей и подлежали крещенію и воспитанію въ христіанской вѣрѣ [1]. Новый указъ былъ выставленъ по всей имперіи [2]; строгіе приказанія предписывали магистратамъ слѣдить за его исполненіемъ и приглашали епископовъ оказать содѣйствіе гражданской власти. Обо всякомъ серьезномъ случаѣ императоръ предписывалъ сообщать ему [3]. На этотъ разъ язычество казалось окончательно осужденнымъ.

Таковы были установленные принципы; теперь посмотримъ, какъ они прилагались.

Согласно императорскимъ инструкціямъ были начаты административныя разслѣдованія въ Константинополѣ и провинціяхъ при дѣятельномъ участіи духовныхъ властей. Онѣ дали непредвидѣнные и удивительные результаты. Въ Константинополѣ были обличены въ язычествѣ нѣсколько высокихъ сановниковъ и въ числѣ ихъ бывшій квесторъ Священныхъ Палатъ [4]. Виновные были наказаны лишеніемъ должностей, конфискаціей имущества и осужденіемъ къ смертной казни. Наступилъ, говоритъ писатель того времени, «настоящій терроръ [5]» который свирѣпствовалъ въ столицѣ въ теченіи многихъ лѣтъ. Сжигались книги, статуи боговъ [6]; но еще жесточе преслѣдовались люди [7]. Церковь принимала живое участіе въ этихъ преслѣдованіяхъ и охотно оказывала въ этомъ содѣйствіе властямъ; при этомъ Юстиніанъ возымѣлъ мысль воспользоваться для обращенія язычниковъ, какъ это онъ сдѣлалъ раньше для миссіонерскихъ цѣлей, священниками изъ диссидентскаго духовенства, тѣми монофизитами, пылкое и страстное рвеніе кото-

1. Объ этихъ способахъ обращенія въ христіанство см. у Іоанна Еф., Comm., 86—87.

2. *Mal.*, 449.

3. C. J., I, 11, 9.

4. *Mal.*, 449. О квесторѣ Фомѣ см. De Nov. cod. comp.; de Just. cod. confirm., и Nov. 35.

5. *Mal.*, 449.

6. Id., 491.

7. Hist. arc., 76.

рыхъ въ дѣлахъ, касающихся религіи, онъ хорошо зналъ. По одному остроумному замѣчанію, «полиція, чувствуя свое безсиліе, обратилась къ инквизиціи [1]». Она нашла удивительнаго помощника въ знаменитомъ Іоаннѣ Ефесскомъ, который послѣ многолѣтняго управленія сирійскимъ монастыремъ Сикэ въ Константинополѣ, позже былъ секретно посвященъ въ санъ монофизитскаго епископа для Азіи. Самъ обманывая много разъ, онъ превосходно зналъ какъ обманываютъ офиціальный надзоръ и примѣнилъ для государственной службы свой опытъ и религіозный пылъ. Онъ дѣйствовалъ удачно. Въ 546 г. онъ нашелъ, что въ Константинополѣ язычество продолжаетъ держаться среди высшихъ классовъ и просвѣщенныхъ людей. Онъ обличилъ «много знаменитыхъ и благородныхъ людей съ кучею грамматиковъ, софистовъ, схоластиковъ и врачей [2]», которыхъ тотчасъ же подвергали тюремнымъ заключеніямъ, бичеваніямъ и пыткамъ. Въ числѣ виновныхъ оказался бывшій префектъ преторіи Фока. «Видя строгость розыска», говоритъ Іоаннъ Ефесскій, онъ избѣгъ неминуемаго осужденія посредствомъ самоубійства, но такова была ненависть Юстиніана къ язычникамъ, что «императоръ справедливо повелѣлъ, чтобы Фоку похоронили, какъ осла, и чтобы при этомъ его никто не сопровождалъ и чтобы не читалось ни одной молитвы [3]». Остальные согласились принять христіанство, но были отданы подъ надзоръ полиціи [4]. Съ такою же строгостью императоръ освободилъ столицу отъ манихеевъ, которыхъ въ ней было очень много; послѣ споровъ съ ними, стараній «вывести ихъ изъ ихъ вреднаго заблужденія» и усилій «доказать имъ посредствомъ Священнаго Писанія, что ихъ ученіе примыкаетъ къ язычеству», онъ кончилъ тѣмъ, что отправилъ ихъ на костеръ, «и въ числѣ ихъ, говоритъ хроникеръ, было много знатныхъ женщинъ, благородныхъ людей и сенаторовъ [5]».

Въ провинціяхъ дѣло истребленія язычества велось съ не меньшею энергіею. Въ 542 г. была отправлена въ Малую Азію большая миссія во главѣ съ Іоанномъ Ефесскимъ, который самъ называетъ себя «истребителемъ идоловъ и мо-

1. *Duchesne*, Jean d'Asie, 14.

2. *Іоаннъ Еф.*, Hist. (R. O. Chr., 481).

3. *Іоаннъ Еф.*, Hist. (R. O. Chr., 482). О префектѣ Фокѣ см. *Mal.*, 449; *Lydus*, 267—278; Chron. pasch., 621 Nov. 82, 1 и 2.

4. Hist. arc., 76.

5. *Іоаннъ Еф.*, Hist. (R. O. Chr. 481).

лотомъ язычниковъ». Усиліями его и усердіемъ сопровождавшихъ его монаховъ изъ его монастыря [1], въ четырехъ провинціяхъ—Азіи, Каріи, Лидіи и Фригіи—отъ 70.000 до 80.000 людей «покинули, говоритъ онъ, заблужденія язычества». Храмы были разрушены, статуи—сброшены, алтари—сломаны, священныя деревья срублены до корней и крещеніе новообращенныхъ совершалось массами, причемъ ихъ поощряли къ принятію новой вѣры раздачею имъ одежды и награждая каждаго человѣка одною третью aureus'a [2]. Чтобы закрѣпить дѣло обращенія, было построено около ста церквей и дюжина монастырей [3]. Между прочимъ, Іоаннъ Ефесскій нашелъ также возможность превратить нѣсколько синагогъ въ церкви [4], преслѣдовать монтанистовъ и вырыть изъ земли и сжечь кости Монтана [5]. Императоръ внимательно слѣдилъ за успѣхами своихъ миссіонеровъ и всѣми силами содѣйствовалъ имъ. «Желая, какъ говоритъ Прокопій, обезпечить своимъ подданнымъ не только безопасность для тѣла, но и спасеніе души» [6], онъ поддерживалъ пропаганду своимъ авторитетомъ и деньгами, помогая постройкѣ новыхъ церквей, снабжая ихъ священными чашами, книгами и облаченіями [7]. Вездѣ древніе храмы безпощадно запирались, разрушались или обращались въ церкви. Военная экспедиція подъ начальствомъ Нарзеса была отправлена въ Филэ для уничтоженія культа Изиды. Жрецы были брошены въ тюрьмы, а священныя изображенія отправлены въ Константинополь, древніе барельефы на алтарѣ были покрыты известью и самъ онъ, стараніями епископа Ѳеодора, былъ освященъ для культа христіанской религіи [8]. Тоже самое было сдѣлано въ Аугилѣ, гдѣ храмъ во имя Дѣвы Маріи занялъ мѣсто языческаго храма [9]. Одновременно съ сооруженіями, исчезали и древнія языческія учрежденія; въ числѣ мѣръ, принятыхъ съ этою цѣлью, одною изъ самыхъ важныхъ было закрытіе знаменитыхъ школъ въ Аѳинахъ.

1. *Іоаннъ Еф.*, Comm., 143—145, 148, 166.

2. Id., Hist. (R. O. Chr., 482).

3. Id., Hist., (R. O. Chr., 482) и Comm., 148, 150. Cr. Kirchengeschichte, изд. Шёнфельдера, 133—135.

4. Id., Comm., 156.

5. Id., Hist., (R. O. Chr., 480).

6. Aed., 333.

7. *Іоаннъ Еф.*, Hist. (R. O. Chr., 482).

8. B. P., 103—104. Cp. *Letronne*, Oeuvres choisies, 1-e série, t. 1. Observations sur l'époque où le paganisme a été aboli à Philé. и *Schultze*, II. 220—231.

9. Aed., 333.

III.

Въ VI вѣкѣ Афины уже очень много потеряли изъ своего былого величія. Они уже лишились тѣхъ художественныхъ чудесъ, которыя нѣкогда составляли ихъ гордость и славу. Рисунки Полигнота исчезли изъ Пецилъ; статуя Аѳины Промакосъ послѣдовала въ Константинополь вслѣдъ за другими великими твореніями Фидія; колонны и мраморы античныхъ зданій пошли на постройку византійскихъ церквей и Юстиніанъ не брезгалъ ими, сооружая Св. Софію [1]. Основаніе въ V-мъ вѣкѣ константинопольской школы нанесло не менѣе тяжелый ударъ литературному значенію города [2] и уже Синезій писалъ, «что отъ старинной славы Аѳинъ сохранилось только имя, что, бывши нѣкогда отечествомъ избранныхъ мудрецовъ, она теперь славится только своимъ медомъ [3]». Однако, несмотря на ограбленіе и на разрушительные эдикты, афинскіе храмы оставались не тронутыми и Акрополь по прежнему былъ богатъ монументами. Несмотря на основаніе высшей школы въ Константинополѣ, школы въ Афинахъ пользовались нѣкоторою славою и философы поддерживали въ ней «золотую цѣпь» Платона. Афиняне по прежнему страстно интересовались своимъ древнимъ университетомъ; богатые люди соперничали въ разныхъ пожертвованіяхъ ему и ученики стекались въ большомъ числѣ изъ Египта, Ассиріи, Малой Азіи и Арменіи. Учителя были очень уважаемы, славясь своими нравственными качествами и «тѣ, которые посѣщали Академію, Лицей и Портикъ, говоритъ одинъ писатель, были точно полу-боги среди ословъ [4]». По этому преподаванію, въ которомъ тайны языческой религіи перемѣшивались съ мистической философіей неоплатониковъ, по великимъ воспоминаніямъ прошедшаго, вызывавшимся ихъ монументами; по сохранившимся въ нихъ привычкамъ къ утонченной и элегантной жизни,—Аѳины постоянно оставались столицою эллинизма. Само христіанство обнаруживало въ нихъ болѣе терпимости, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ: за исключеніемъ разрушенія Асклепіейона, въ нихъ нельзя отмѣтить другого насилія. Императоры кичились снисходительностью къ этой

1. Cp. *Gregorovius*, loc cit., 48–60; *Hertzberg*, loc. cit 428–429.
2. Cp. *Boissier*, loc. cit., I, 171
3. *Synesius*, Ep. 135.
4. Cp. *Gregorovius*, loc. cit., 54–55 *Hertzberg*, loc. cit. 480, 498, 503.

178. Пилястра сирійской работы въ церкви св. Марка въ Венеціи.

сдержанной и литературной оппозиціи, во главѣ которой стояли почтенные, любезные и безупречные люди, полемика которыхъ была очень умѣренна, а философія слишкомъ высока, чтобы оказывать большое вліяніе [1]. Быть можетъ, неожиданное счастье Атенаисы-Евдокіи, дочери одного профессора, взошедшей на престолъ Византіи, также было небезполезно для ея родного города; какъ бы то ни было, но въ Аѳинахъ продолжала дѣйствовать прежняя магистратура, преподованіе пользовалось уваженіемъ и въ новомъ мірѣ, ставшемъ христіанскимъ, городъ Фидія и Перикла существовалъ, какъ нѣчто вышедшее изъ моды, но уважаемое.

Однако христіанство незамѣтно дѣлало успѣхи въ этомъ городѣ и мало-по-малу стало совершаться сліяніе обѣихъ религій [2]. Въ VI-мъ вѣкѣ античные храмы постепенно преобразовались въ церкви; святая Софія замѣнила Аѳину въ ея алтарѣ въ Парѳенонѣ [3]; дѣвѣ Маріи былъ предоставленъ Эрехтейонъ; одна церковь была устроена въ Пропилеяхъ, а другая въ храмѣ Викторіи Аптеры; въ Тезейонѣ устроена была церковь св. Георгія, а монастырь Дафни былъ выстроенъ на мѣстѣ храма Аполлона; вездѣ возникали церкви и монастыри, но въ сущности, несмотря на новыя имена, присвоенныя имъ, тамошніе христіане не чувствовали большой разницы съ прошлымъ. Подъ видомъ святыхъ новой религіи продолжали жить, немного измѣнившись, большинство языческихъ боговъ [4]. Святой Георгій, убившій дракона, явился естественнымъ наслѣдникомъ Геркулеса и Тезея, истребителей чудовищъ; святые врачи Козьма и Даміанъ, два «анаргира», вызывали воспоминаніе о діоскурахъ Касторѣ и Поллуксѣ; святой Димитрій напоминалъ имя Деметра, св. Діонисій замѣнилъ Діонисіоса, пророкъ Илья, взятый на небо въ огненной колесницѣ, наслѣдовалъ Геліосу, богу солнца, съ его блестящей колесницей, запряженной четверкой коней. Какъ и прежде, новые боги стали признанными покровителями, спеціальными патронами и какъ бы собственностью

1. *Hertzberg*, 499—505; *Gregorovius*, I, 62.

2. *Атенаисъ Евдокія*, жена Ѳеодосія II, была дочерью аѳинскаго философа Леонтія. Первоначальное имя ея было Атенаисъ. Умерла въ изгнаніи въ Іерусалимѣ въ 460 г. Она переложила въ стихи первыя восемь книгъ Ветхаго Завѣта и написала стихами жизнь Іисуса Христа.

3. *Hertzberg*, 447 — 448; *Gregorovius*, I, 67—72.

4. Относительно времени этихъ преобразованій см. у Стржиговскаго (Athen. Mitth., XIV, 271 и сл.).

того или другаго города. Св. Димитрій былъ верховнымъ богомъ въ Ѳессалоникахъ[1] и даже Аѳины имѣли у себя Пресв. Дѣву — Panagia Atheniotissa[2]. Обряды также не очень измѣнились: теперь, чтобы получить чудесное исцѣленіе, отправлялись спать въ церкви, какъ прежде въ святилище Асклепіодота; пышность процессій напоминала великолѣпіе античныхъ шествій; праздники святой недѣли вызывали у простыхъ людей чувства, весьма близкія тѣмъ, которыя испытывались посвященными въ елевзинскія тайны. Такимъ образомъ совершался переходъ отъ одной религіи къ другой, и медленно, не замѣтно для самихъ себя и не волнуясь, Афины сдѣлались христіанскими.

Съ другой стороны, школа въ ней ослабѣвала. Проклъ былъ послѣднимъ изъ ея великихъ учителей и со времени его смерти (въ 485 г.) начался упадокъ. Его преемники въ должности схолярховъ были хорошіе люди, но посредственные и сверхъ того въ большинствѣ иностранцы, явившіеся изъ Сиріи, Лидіи и Финикіи[3]. Занимаясь преимущественно филологіей, правомъ и медициною, они низвели философію въ безплодную схоластику и ихъ честолюбіе не шло дальше того, чтобы являться только толкователями и комментаторами[4]. Въ тоже время многія лица, дававшія имъ денежныя средства, принимали христіанство; конкурренція Константинополя и Александріи уменьшала число учениковъ; но больше всего школа теряла отъ того, что занималась безвозвратно умершимъ прошлымъ, несогласимымъ со всѣмъ настоящимъ. Въ набожномъ VI вѣкѣ афинскій университетъ любилъ утверждать и до крайности подчеркивать свой языческій характеръ. Существуетъ прекрасная легенда будто Аѳина, изгнанная изъ своего святилища въ Акрополѣ, явилась во снѣ къ Проклу и сказала ему, что отнынѣ она будетъ жить въ его домѣ[5]. Преемники Прокла являлись самыми страстными защитниками древнихъ боговъ; они упорно отказывались сдѣлать то, что сдѣлали ихъ товарищи въ Александріи, т. е. свести преподованіе къ чисто философской формѣ, отнюдь не касаясь религіозныхъ вопросовъ. Послѣдній схолархъ,

1. *Gregorovius*, I, 71; ср. *Hertzberg*, Gesch. Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens, I, 77—78, и *Schultze*, II, 217.

2. Ср. *Gelzer*, Die Genesis der byz. Themenverfassung, 33—34.

3. *Schlumberger*, Sigillographie byz., 173—174.

4. *Agath.*, 131.

5. *A. et M. Croiset*, Hist. de la litt. grecque, V, 1038—1040.

6. *Marinus*, Vita Procli, 30.

Дамаскъ, пылкій и восторженный сиріецъ, вносилъ, напротивъ, особенную нетерпимость въ свое преподаваніе и, благодаря своей энергіи, успѣлъ даже какъ бы наэлектризовать умирающую школу [1]. Агаѳій говоритъ объ афинскихъ профессорахъ, что они были «цвѣтомъ философовъ своего времени» [2]. Все это кончилось тѣмъ, что возбудило безпокойство въ Константинополѣ и вызвало строгія мѣры со стороны Юстиніана.

Въ 529 году, послѣ обнародованія Кодекса, школа права была закрыта. Потомъ появились эдикты, касающіеся преподаванія; естественнымъ послѣдствіемъ ихъ было уничтоженіе афинскаго университета; и дѣйствительно императорскимъ указомъ было навсегда воспрещено преподаваніе философіи [3], профессора изгнаны, имущества и пожертвованія, на которыя онъ существовалъ, конфискованы. На этомъ событіи народное воображеніе вышило свои узоры. Разсказывали, что послѣдніе учителя афинской школы, изгнанные императоромъ, отправились искать убѣжища въ отдаленной Персіи. Тамъ съ 531 г. царствовалъ Хозрой и издали этотъ варваръ могъ казаться осуществляющимъ идеалъ Платона. Говорили, что онъ любитъ литературу, владѣетъ Аристотелемъ лучше любого грека, что онъ любитъ читать діалоги Платона, что онъ умнѣе и ученѣе всѣхъ, кто занимается философіей, что ему извѣстны всѣ источники искусствъ и науки; однимъ словомъ, примѣняя философію на престолѣ, онъ воцарилъ вокругъ себя справедливость, честность и добродѣтель [4]. Дамаскъ и его друзья соблазнились сладкими надеждами и отправились просить покровительства сассанидскаго государя, но хотя они были очень хорошо приняты имъ, они вскорѣ почувствовали тщетность своихъ мечтаній и, разочаровавшись, пожелали уѣхать, чтобы по крайней мѣрѣ умереть на родинѣ. Великодушіе Хозроя обезпечило имъ возможность этого: по мирному договору 532 г. имъ было разрѣшено возвратиться въ имперію и даже сохранить свою религію. Здѣсь они умерли въ неизвѣстности, безъ учениковъ и безъ преемниковъ [5].

Нерѣдко преувеличивали значеніе этого факта, въ дѣйствительности же это было только эпизодъ, очень мало поразившій современниковъ. Языческая философія уже за

1. Ср. *Hertzberg*, loc. cit., 546 и сл.
2. *Agath.*, 131.
3. *Mal.*, 451.
4. *Agath.*, 126.
5. Id., 131—133.

долго до этого начала умирать, а съ нею вмѣстѣ и язычество. Однако, закрытіе афинскихъ школъ имѣетъ символическое значеніе; имъ обозначается моментъ, когда греко-латинскій міръ окончательно уступаетъ мѣсто византійскому. Съ этого

179. Мозаики на сводѣ ц. св. Виталія въ Равеннѣ.

времени Афины превращаются въ маленькій провинціальный городокъ, который потомъ въ теченіе многихъ вѣковъ ведетъ темную жизнь, а Юстиніанъ интересовался послѣ этого ими только въ томъ отношеніи, что уменьшилъ размѣръ ихъ стѣнъ и окружилъ ихъ нѣсколькими укрѣпленіями [1].

1. Aed., 272. Ср. *Gregorovius*, I, 73–76.

Въ остальной Греціи, разоренной матеріальными бѣдствіями [1], истощенной сборщиками податей [2], разграбленной нашествіемъ варваровъ [3], эллинизмъ умеръ одновременно съ Аѳинами. За недостаткомъ денегъ, театры закрылись, а ихъ имуществамъ Юстиніанъ далъ другое назначеніе [4]; постройки прекратились, источникъ общественной помощи—изсякъ; слово эллинъ стало офиціальнымъ синонимъ язычника, названіе грекъ стало браннымъ или презрительнымъ выраженіемъ [5], а великіе греческіе боги превратились въ злобныхъ дьяволовъ. Христіанскій Константинополь сталъ центромъ христіанской цивилизаціи. «У васъ, афинянъ, говорится въ одной эпиграммѣ, всегда на устахъ ваши философы, Платонъ, Сократъ, Эпикуръ, Аристотель; а на дѣлѣ у васъ остается только Гиметтъ съ его медомъ, гробницы вашихъ покойниковъ и тѣни вашихъ мудрецовъ; вѣру и мудрость слѣдуетъ искать теперь здѣсь, въ Константинополѣ [6]». Одинъ панегиристъ Юстиніана презрительно упоминалъ о «поѣдателѣ бобовъ, афинянинѣ», противопоставляя его «тѣмъ благочестивымъ и справедливымъ людямъ, пріятнымъ Богу и императору, которые правятъ городами и держатъ въ своихъ рукахъ бразды краснорѣчія и великихъ дѣлъ [7]». Это—уже окончательное осужденіе, нѣсколько печальный конецъ того греческаго міра и той языческой цивилизаціи, которые были когда-то озарены такою славою.

IV.

Однако, можно ли сказать, что Юстиніану удалось вполнѣ уничтожить въ имперіи презираемое имъ язычество? Повидимому, строгость его законовъ и горячность пропаганды не дали тѣхъ результатовъ, на которые онъ надѣялся. «Многіе люди, говоритъ Прокопій, сдѣлались христіанами во избѣжаніе грозившей имъ нищеты, но вскорѣ опять возвратились къ возліяніемъ вина, жертвоприношеніямъ и другимъ нечестивымъ обрядамъ язычества [8]». Рядомъ съ лицемѣрами, которые благоразумно охраняли себя, еще не разъ

1. B. G. 594—596.
2. Hist. arc., 147.
3. B. P., 168.
4. Hist. arc., 147—148.
5. Id., 134.
6. *Cramer*, Anecd. graeca Par., IV, 315.
7. *P. Silent.*, Descr. S. Sophiae. 125 и сл.
8. Hist. arc., 76.

неожиданно пробуждался пылъ фанатиковъ. Въ концѣ VI-го вѣка, уже послѣ смерти Юстиніана, пришлось прибѣгнуть въ Геліополисѣ къ кровавымъ расправамъ для подавленія настойчивости приверженцевъ старыхъ боговъ[1]. Около того же времени въ Антіохіи большой религіозный процессъ раскрылъ существованіе секретныхъ и языческихъ обществъ, распространявшихся по всему городу и развѣтвлявшихся въ Эдессѣ и въ другихъ мѣстахъ. При этомъ была открыта правильная организація, таинственныя жертвоприношенія и еще болѣе серьезные факты; въ дѣлѣ были замѣшаны даже крупные чиновники, а нѣкоторые епископы были заподозрѣны въ томъ, что они знали обо всемъ и терпѣли[2]. Вслѣдствіе этихъ открытій было произведено много арестовъ въ Сиріи и Азіи и послѣдствія всего происшествія отразились даже на столицѣ. Много людей подверглось основательному подозрѣнію въ язычествѣ и въ числѣ ихъ самъ городской префектъ[3]. Несмотря на эти судорожныя вспышки, язычество все болѣе и болѣе теряло свое вліяніе на массы, оставаясь только нѣкоторымъ развлеченіемъ немногихъ образованныхъ людей или въ формѣ секретнаго общества простымъ средствомъ политической оппозиціи. Очевидно, Юстиніанъ нанесъ язычеству окончательный ударъ.

Тѣмъ не менѣе эллинизмъ не умеръ вполнѣ. Много языческихъ обрядовъ, каковъ, напримѣръ, культъ императоровъ, продолжало жить въ христіанской Византіи; много языческихъ праздниковъ, напримѣръ такъ называемый праздникъ Brumalia, продолжали ежегодно праздноваться въ Священныхъ Палатохъ, и самая Имперія, которую Юстиніанъ хотѣлъ сдѣлать римскою, кончила тѣмъ, что почти вполнѣ эллинизировалась. Начиная съ VI вѣка, несмотря на сопротивленіе двора и правительства, греческій языкъ сталъ обычнымъ дѣловымъ языкомъ, а съ конца этого вѣка и оффиціальнымъ языкомъ управленія и законовъ. Церковь также постепенно получила совершенно эллинскій характеръ, а поэзія и искусство стали постоянно искать образцовъ и вдохновенія въ древности. Въ этомъ, каковы бы ни были намѣренія Юстиніана, византійская и христіанская имперія примыкаютъ къ языческой традиціи и этимъ же продолжилась въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ славная цѣпь эллинизма.

1. *Іоаннъ Еф.*, Hist eccl., изд Шенфельдера, 121—122.

2. Ibid., 122—124.

3. Ibid., Hist eccl., 125—131.

ГЛАВА VI.

Антіохія и сѣверная Сирія.

По своему богатству, величинѣ и количеству населенія, по красотѣ и богатству, Антіохія, говоритъ Прокопій, занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ городовъ, которыми обладаютъ римляне на Востокѣ [1]». Расположенная въ чрезвычайно красивой мѣстности на берегу рѣки Оронта, она поднималась этажами по сѣвернымъ склонамъ горы Сильпіосъ, образуя своими постройками какъ бы амфитеатръ надъ долиною [2]. Мягкость климата и обиліе водъ дѣлали изъ нее самое здоровое и пріятное мѣсто для жительства. Ее называла Антіохія «Великая [3]» и дѣйствительно окружавшія её стѣны, которыя подымались съ долины по сторонамъ горы и затѣмъ вѣнчали скалистыя гребни Ставрина и Ороказіаса, имѣли огромные, даже излишніе размѣры [4], такъ какъ въ дѣйствительности верхняя часть города была почти необитаема: тутъ были пустопорожнія пространства, пустынныя, только мѣстами обработанныя земли, но большая ихъ часть была усѣяна скалами, между которыми лежали глубокіе овраги, прорытые потоками, низвергавшимися съ Сильпіоса [5]. Въ видахъ безопасности города было признано необходимымъ включить въ его предѣлы господствовавшія надъ нимъ высоты, но въ дѣйствительности вся эта мало доступная и трудно проходимая область, удаляя до нѣкоторой степени укрѣпленія отъ центра настоящаго города [6], облегчала внезапный захватъ ихъ и дѣлала защиту менѣе обезпеченною. Сверхъ того, не смотря на принятыя предосторожности, все же оставались слабыя мѣста, такъ

1. B. P., 189—190; cp. id., 87.
2. Id., 178.
3. *Іоаннъ Еф.*, Hist. eccl., 5, 29. стр. 123; *Mal.*, 476.
4. B. P., 178; Aed., 239.
5. Aed., 238—239; B. P., 189.
6. Id., 239.

какъ въ стѣны не были включены скалистые массивы, господствовавшіе надъ оградой[1], и такимъ образомъ Антіохія, занимая очень большое пространство, была въ дѣйствительности слабо защищена. Это вполнѣ обнаружилось въ 540 г., когда Хозрой осадилъ и взялъ городъ.

Антіохію называли также «Прекрасною». Начиная съ основавшаго ее въ началѣ III вѣка Селевка Никатора, всѣ

180. Церковь въ Турманинѣ (реставрація по *Vogüé*, Syrie centrale).

владѣвшіе ею Антіохи, какъ и римскіе императоры, соперничали, всячески раскошно украшая ее[2]. Красота ея зданій пользовалась большою славою; ея длинныя прямыя улицы, окаймленныя двойнымъ рядомъ портиковъ, имѣли внушительный и великолѣпный видъ[3]. Расхваливали ея обширный театръ, высѣченный въ скалѣ по склонамъ Сильпіоса[4], ея циркъ, длиною почти въ 200 метровъ, расположенный въ

1. Aed., 239. B, P., 178.

2. Ср. *Förster*, Antiochia am Orontes (Jahrb. d. Archaeol. Instituts, 1897, стр. 103 и сл.) и приложенный къ этой статьѣ планъ (табл. VI).

3. *Evagr.*, I, 18; *Förster*, loc. cit., 121—124.

4. *Mal.*, 234—235.

долинѣ на берегу рѣки [1], роскошь ея купаленъ [2] и красивую постройку на форумѣ, въ которой жилъ magister militum Востока [3]. На островѣ на рѣкѣ Оронтѣ, соединенномъ съ городомъ Антіохомъ Великимъ и на которомъ образовался «новый городъ», возвышался императорскій дворецъ, предъ которымъ находился роскошный портикъ, называвшійся Тетрапилонъ [4], откуда шли колоннады, окаймлявшія улицы новой Антіохіи. За укрѣпленіями, по всѣмъ направленіямъ, были расположены обширныя предмѣстья; изъ нихъ наибольшею славою пользовалось Дафнэ, съ ея дивнымъ лѣсомъ изъ вѣковыхъ кипарисовъ, которыхъ, на основаніи одного древняго эдикта, не долженъ былъ касаться топоръ [5], съ прохладою ея потоковъ, съ алтаремъ Нимфъ и древнимъ храмомъ Аполлона [6]. Въ VI-мъ вѣкѣ прелесть и слава Антіохіи по прежнему сохранялись; великолѣпіе совершавшихся здѣсь празднествъ и красота мѣста постоянно привлекали сюда большія толпы народа [7], а въ почитаемыхъ убѣжищахъ еще многочисленные язычники Антіохіи въ тихомолку совершали культъ своихъ древнихъ боговъ [8].

Съ 528 г. Антіохію, по совѣту благочестиваго чудотворца св. Симеона младшаго [9], стали называть также Теуполисъ [10]. Дѣйствительно, городъ былъ не только административною столицею Сиріи, резиденціею высокаго сановника, именовавшагося графомъ Востока: будучи мѣстопребываніемъ патріарха, юрисдикція котораго распространялась очень далеко и занимала въ іерархіи мѣсто непосредственно за Константинополемъ, прославленная воспоминаніемъ объ апостолахъ, болѣе свѣжею памятью св. Іоанна Златоуста,— Антіохія была по существу великимъ христіанскимъ городомъ. Новая религія очень быстро распространилась въ ней; уже очень рано языческіе алтари превратились въ ней въ церкви и даже храмъ антіохійской Фортуны, Тихеонъ, не избѣжалъ общей участи [11]. Сверхъ того, императоры построили тутъ много церквей, между которыми одною изъ самыхъ замѣчательныхъ былъ «позлащенная церковь»,

1. *Mal.*, 307.
2. *Evagr.*, 1, 12.
3. Id., 1, 18.
4. Id., 1, 12; cp. *Förster*, loc. cit., 124—125.
5. B. P., 215.
6. Id., 199.
7. *Mal.*, 396; cp. id., 307.
8. *Іоаннъ Еф.*, Hist. eccl., 3, 29, стр. 123—124. Относительно Дафнэ см. *Mal.*, 307.
9. *Mal.*, 443.
10. Aed., 238, 318. Cp. C. J. 1, 1, 6.
11. *Evagr.*, 1, 16.

сооруженная Константиномъ [1], «которая, какъ говорили, не имѣла себѣ равной во всей римской имперіи [2]». По большей части великолѣпно украшенныя, чрезвычайно богатыя [3], эти сооруженія, съ своей стороны, еще болѣе способствовали величію города и въ концѣ концовъ окончательно придавали ему его христіанскій характеръ [4].

Кромѣ того Антіохія была большимъ коммерческимъ городомъ. По своему положенію на судоходной рѣкѣ, по сосѣдству съ моремъ, она имѣла возможность поддерживать обширныя связи съ отдаленными мѣстами. Съ другой стороны, она являлась однимъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ, куда направлялись караваны, доставлявшіе черезъ центральную Азію и Персію товары изъ Индіи и Китая. Богатая также своею собственною промышленностью [5] — будучи однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ шелковаго производства — она вела по всему побережью Средиземнаго моря большую и выгодную вывозную торговлю [6]. Сирійскіе купцы доставляли на всѣ рынки имперіи ливанскія издѣлія, продукты производства предметовъ роскоши; они доходили до Сициліи и Африки, до крайнихъ предѣловъ Адріатическаго моря, въ Галлію, и разсказываютъ, что св. Симеонъ Столпникъ, до котораго дошелъ черезъ ихъ посредство слухъ о славѣ св. Женевьевы, никогда не упускалъ случая поручить своимъ соотечественникамъ передать его привѣтствіе франкской святой [7]. Благодаря такому коммерческому процвѣтанію, богатство Антіохіи было чрезвычайно; здѣсь составлялись громадныя состоянія, и любовь къ празднествамъ, роскоши и удовольствіямъ была одною изъ характерныхъ чертъ ея, такъ сильно поражавшихъ иностранцевъ [8].

Въ началѣ VI вѣка число жителей Антіохіи доходило до 300.000 человѣкъ [9]. Какъ и въ Константинополѣ, это населеніе было очень безпокойное, впечатлительное, суе-

1. *Mal.*, 419.

2. *Іоаннъ Еф.*, Hist. (въ Comm., 225).

3. B. P., 104.

4. Въ началѣ VI-го вѣка, въ числѣ антіохійскихъ церквей, находились на ряду съ «великою церковью», еще церкви Богородицы, св. Игнатія (прежній Тихеонъ), св. Феклы, св. Романа и др. (Röm. Quartalschrift XI, 30, 45).

5. Ср. Vita S. Symeonis, c. I (P. G., 86, 2990); *Evagr.*, V, 18, и *Hirth*, China and the Roman Orient, 40—43, 47—51, 228—270.

6. *Heyd.*, Hist. du commerce du Levant, I, 19—21.

7. Vita Genovefae (A. SS. Jan., I, 140).

8. *Antonini Martyr*, De locis sanctis (изд. Tobler и Molinier).

9. *Mal.*, 420.

вѣрное, легко приходившее въ возбужденіе, которое кончалось безпорядками, но такъ же быстро и падавшее духомъ [1]. Оно чрезвычайно интересовалось вопросами политики, отличаясь крайнею измѣнчивостью; при этомъ оно было крайне фанатично и непримиримо во всемъ, что касалось религіи. Фрондерское настроеніе и дерзкій и насмѣшливый складъ ума

181. Абсидъ церкви въ Турманинѣ, близъ Алеппо (*Vogüé*, Syrie centrale.).

антіохійцевъ были общеизвѣстны; въ этомъ однажды могъ на опытѣ убѣдиться императоръ Юліанъ и даже въ VI-мъ вѣкѣ царь персидскій Хозрой подвергся ихъ насмѣшкамъ и вышучиванію [2]. Однако, болѣе всего современники отмѣчали ту страсть къ удовольствіямъ, которая господствовала надъ всѣмъ въ этомъ большомъ сирійскомъ городѣ. «У народа, говоритъ Прокопій, нѣтъ другой заботы, кромѣ мысли о о празднествахъ, удовольствіяхъ и непрерывномъ соперничествѣ въ театрѣ и циркѣ [3]». Столкновенія Зеленыхъ и Синихъ были здѣсь такъ же остры, какъ и въ столицѣ [4], и партія синихъ, поддерживаемая тайнымъ сочувствіемъ правительства, позволяла себѣ тѣ же крайности, которыя

1. B. P., 186.
2. Id., 186.
3. B. P., 87.
4. *Mal.*, 416, 449. B. P., 188.

такъ возмущали въ Константинополѣ [1], не подвергаясь здѣсь бо́льшимъ наказаніямъ, чѣмъ тамъ. Напрасно для прекращенія безпорядковъ графъ Востока проявлялъ иногда энергію [2]: борьба постоянно возобновлялась и дошла до того, что раздраженный Юстиніанъ долженъ былъ въ концѣ концовъ рѣшиться воспретить игры [3]. Но такова была страсть народа къ этого рода развлеченіямъ, что первою мыслею побѣдителя Хозроя было приказаніе возобновить въ сирійскихъ городахъ празднества обычныхъ бѣговъ, на которыхъ онъ самъ присутствовалъ съ большою торжественностью, потому что созвать народъ на ипподромъ, дать ему зрѣлище возничихъ и колесницъ,—всегда было лучшимъ средствомъ для пріобрѣтенія расположенія толпы [4].

Но что еще болѣе поражало въ населеніи Антіохіи, это своеобразный характеръ его, зависѣвшій отъ смѣси племенъ и вѣрованій, которыя здѣсь встрѣчались. Въ этомъ космополитическомъ городѣ греки, сирійцы и евреи [5] жили бокъ-о-бокъ, причемъ послѣдніе представляли многочисленную и богатую общину; въ тоже время языческія преданія оставили въ немъ глубокій слѣдъ, сохранявшійся на ряду съ побѣдоноснымъ христіанствомъ. Антіохія постоянно являлась однимъ изъ центровъ эллинизма [6]. Ея школы философіи, долго находившіяся въ цвѣтущемъ состояніи, хранили остатки бывшаго величія, а краснорѣчіе ея риторовъ, художественные вкусы и утонченное изящество гражданъ возбуждали общія похвалы. Это богатое и просвѣщенное полу-греческое полу-восточное общество любило роскошь, блескъ, красоту, наслаждалось великолѣпіемъ зрѣлищъ, прелестью бесѣдъ подъ таинственною сѣнью Дафны. Язычество сохранялось въ народныхъ празднествахъ, особенно въ тѣхъ олимпійскихъ играхъ, которыми славилась Антіохія и которыя незадолго до того. съ большимъ трудомъ удалось запретить [7]; но оно еще глубже было запечатлѣно въ сердцахъ обывателей [8] и подъ христіанскою внѣшностью жила скрытая привязанность къ древнему культу и прирожденная склонность къ насмѣшливой терпимости, которая иногда, особенно въ высшихъ классахъ, умѣряла остроту разногласій.

1. *Mal.*, 416—417; *Mansi* VIII, 1105 (Апамея); *Evagr.*, 4, 32 (Антіохія).
2. *Evagr.*, 4, 32; *Mal.*, 416—417.
3. *Mal.*, 448—449. Объ этихъ смутахъ см. id., 396—397.
4. B. P. 203—204 (Апамея).
5. *Mal.*, 396.
6. *Іоаннъ Еф.*, Comm., 103—101.
7. *Mal.*, 417.
8. *Evagr.*, 1, 11.

Съ другой стороны и христіанство сдѣлало изъ Антіохіи также одну изъ своихъ столицъ. Въ ней благоговѣйно сохранялись воспоминанія и культъ апостоловъ, которые антіохійскою церковью признавались ея основателями; здѣсь гордились тѣмъ, что именно въ Антіохіи прежде всего возникло названіе христіанинъ[1]. Значеніе патріаршества, мѣстопребываніемъ котораго она была, частые соборы, происходившіе въ ней въ теченіи IV-го и V-го вѣковъ, слава великихъ епископовъ, управлявшихъ ею,—все это увеличивало еще болѣе престижъ христіанства въ этомъ городѣ. Здѣсь было множество церковныхъ зданій, безчисленное число монастырей и усердно посѣщаемыхъ монашескихъ школъ. Богатая и щедрая церковь устроила въ Антіохіи много благотворительныхъ учрежденій, кормила бѣдныхъ продуктами своихъ владѣній, основывала больницы и убѣжища для больныхъ и странниковъ[2]. Наконецъ, торжества христіанскихъ праздниковъ совершались въ ней съ особымъ великолѣпіемъ и при чтеніи интересныхъ проповѣдей, произнесенныхъ между 512 и 518 годами патріархомъ Северомъ, можно представить себѣ все ихъ своеобразное величіе[3]. Кромѣ праздниковъ Христа и Св. Дѣвы, изъ которыхъ Крещеніе (τὰ φῶτα) праздновалось съ исключительною торжественностью[4], благоговѣйно чтились праздники въ честь апостоловъ[5], архангела Михаила, мучениковъ св. Романа, св. Θеклы, свв. Сергія и Вакха[6], такихъ мѣстныхъ исповѣдниковъ, какъ епископъ антіохійскій св. Игнатій[7]; совершались поминовенія св. Антонія, отца монашества, великаго александрійца Аθонасія, знаменитаго столпника св. Симеона[8]. Такимъ образомъ здѣсь очень интенсивно шла христіанская жизнь и хотя въ этомъ городѣ удовольствій, игръ, бѣговъ и праздниковъ проповѣдь нисколько не измѣнила нравовъ и не уменьшила порочности, тѣмъ не менѣе пылкая вѣра одушевляла массы, которыя не разъ, когда ихъ возбуждалъ какой нибудь случай, проявляли въ разныхъ демонстраціяхъ свой фанатизмъ или набожность[9].

1 Ср. *Schultze*, loc. cit., II, 260.

2. *Vogüé*, Syrie centrale, 14—15; особенно же *Іоаннъ Еф.*, Comm., 153.

3. *Baumstark*, Das Kirchenjahr in Antiochia (Röm. Quartalschrift, XI, 32 и XIII, 305.

4. *Baumstark*, XI, 54.

5. *Baumstark*, XIII, 315. Ср. *Thomas de Marga*, Hist. monastica, II, 5.

6. Ibid., XIII, 320.

7. Ibid., loc. cit., XIII, 320.

8. Ibid., XIII, 322.

9. *Іоаннъ Еф.*, Hist. eccl., 5, 20, стр. 124, и Hist. (въ Comm., 226).

Все это было выраженіемъ того, что подобно тому, какъ христіанство не могло вполнѣ искоренить въ Сиріи слѣды языческаго культа, такъ точно подъ внѣшностью эллинизма постоянно сохранялись въ глубинѣ души населенія характерныя черты семитической расы — страстная пылкость и наклонность къ обособленности. Сирійское христіанство приняло довольно своеобразный отпечатокъ. Весь

152. Церковь въ Кальбъ-Лузѣ (*Vogüé*, Syrie centrale).

этотъ край Антіохіи, Апамеи, Эдессы, Озроены и Месопотаміи былъ избранною страною монаховъ, пустынниковъ, столпниковъ, чудотворцевъ. По всей Сиріи, не говоря уже о Палестинѣ[1], монастыри, какъ православные, такъ и диссидентскіе, были чрезвычайно многочисленны[2]. Въ Антіохіи, Селевкіи, Эдессѣ, Амидѣ, Решаинѣ, Кеннезринѣ и въ двадцати другихъ мѣстахъ сосредоточивались значительныя монашескія сообщества, изъ которыхъ многія, — какъ напри-

1. О монастыряхъ въ Палестинѣ см. *Aed.*, 327—329, и *Couret*, La Palestine sous les empereurs grecs 121 и сл., 178 и сл., 277 и сл.

2. *Zach. Rh.*, 156—157, 358—360 и

мѣръ монастырь св. Ѳомы въ Селевкіи [1], Цукнинскій близъ Амиды [2], св. Іоанна въ Амидѣ [3], Фазильта близъ Антіохіи [4],—были довольно извѣстными центрами умственной дѣятельности. Другая, не менѣе значительная подобная же группировка монастырей основалась въ пустынѣ горной области, сосѣдней съ Ефратомъ, на границахъ Комагены и Каппадокіи: Тополевый монастырь насчитывалъ болѣе тысячи братій [5]; Келійный монастырь былъ не менѣе важенъ [6], такъ что, по выраженію одного современника, монахи-общинники образовали тамъ «настоящее государство [7]». Еще больше было пустынниковъ. Во всей этой странѣ склонность къ аскетизму была очень велика и восхищеніе, вызываемое строгою жизнью анахоретовъ,—всеобщимъ [8]. Нерѣдко можно было видѣть людей, странствующихъ, «подобно дикимъ звѣрямъ» по пустыннымъ горамъ, живущихъ въ пещерахъ, и мысли которыхъ обращались къ одному только небу [9]. Здѣсь никто не удивлялся, видя какъ благочестивый затворникъ запирался на долгіе годы въ маленькой кельи, въ которой только окошко, продѣланное на верху стѣны, оставалось единственнымъ сообщеніемъ съ міромъ [10]. Здѣсь считали прекраснымъ и достойнымъ похвалы самыя необыкновенныя дѣйствія, напримѣръ продолжительныя прогулки, совершаемыя блаженнымъ Марасомъ по снѣгу зимою совершенно нагимъ [11], или обычай блаженнаго Захарія постоянно держать во рту камень, не позволявшій ему говорить, и обматывать себя веревкою, завязанную тремя узлами, которые глубоко врѣзывались въ его тѣло [12]; восхваляли ихъ за отказъ отъ мірской роскоши мыть по нѣсколько разъ въ день лицо и руки [13]. Но столпники вызывали особый восторгъ [14]. Съ тѣхъ поръ какъ св. Симеонъ придумалъ въ V-мъ вѣкѣ этотъ способъ умерщвленія плоти, никогда не было недостатка въ подражателяхъ ему. Православные и диссиденты одинаково соревновали въ усердіи, съ которымъ увеличивали высоту

1. *Zach. Rh.*, 155 и 138.
2. *Іоаннъ Еф.*, Comm., 15.
3. Id., 77. 181—189. Въ Амидѣ находился также монастырь эдессцевъ съ 700 монахами (id., 79, 125), монастырь Маръ-Самуилъ (id., 185) и др.
4. *Іоаннъ Еф.*, 160.
5. Id., 134. 188. 221.
6. Id., 182. 188.
7. *Zach. Rh.*, 159.
8. *Іоаннъ Еф.*, Comm., 44—45.
9. Id., 82.
10. Id., 31—32. Ср. В. Р., 34—35.
11. Id., 137.
12. Id., 95—96.
13. Id., 69.
14. *Delahaye*, Les Stilites (Rev. des quest. hist., 1895, I, 52 и сл.).

своихъ столбовъ и придумывали всевозможные способы покаянія и поста. У воротъ Антіохіи, на Дивной горѣ, св Симеонъ младшій провелъ 68 лѣтъ на своей коллонѣ, и народы всѣхъ странъ, римляне и варвары, шли къ нему отовсюду, прося его благословенія [1]. Учитель Іоанна Ефесскаго, блаженный Маронъ, велъ жизнь столпника въ теченіе 29 лѣтъ [2], при чемъ во избѣжаніе странниковъ, привлекаемыхъ его святостью, онъ упорно отказывался исцѣлять тѣхъ, которыхъ къ нему приводили, и кончилъ тѣмъ, что сталъ изображать изъ себя сумашедшаго [3]. Знаменитый монахъ Зоора прежде чѣмъ началъ горячую борьбу за монофизитство былъ столпникомъ [4]. Обо всѣхъ этихъ людяхъ разсказывали много чудеснаго: о совершаемыхъ ими исцѣленіяхъ, объ ихъ дарѣ пророчества, объ укрощеніи ими дикихъ животныхъ и изгнаніи демоновъ [5], и естественно, что въ этой странѣ чудотворныхъ иконъ [6] и мощей [7] значеніе такихъ лицъ было очень велико. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что своимъ мужествомъ при гоненіяхъ эти сирійскіе монахи возбуждали къ себѣ уваженіе и благоговѣніе [8]; если же вслѣдствіе большого числа больныхъ, которыхъ привлекала ихъ слава, они иногда становились бременемъ для общинъ, въ которыхъ жили [9], за то они оказывали большія услуги проповѣдуя [10], обучая [11] и внося въ въ страну культуру [12]. Въ то же время они, когда въ томъ являлась надобность, не боялись сражаться для защиты города, гостепріимствомъ котораго пользовались [13].

Вполнѣ понятно, что въ такой странѣ пылъ религіозныхъ страстей былъ чрезвычайно великъ. Надписи, открытыя въ погибшихъ городахъ центральной Сиріи, свидѣтельствуютъ съ какою яростью христіане всей этой области преслѣдовали и уничтожали язычество. На дверяхъ церкви въ Эзра, построенной въ 515 г., можно прочесть слѣдующій крикъ торже-

1. *Evagr.*, 6, 23. Ср. его жизнеописаніе, написанное въ X-мъ вѣкѣ (P. G., 86, 2987 и сл.) и статью Пападопулоса Керамевса въ Виз. Врем., I, 141—150.

2. *Іоаннъ Еф.*, Comm., 81.

3. Id., 23—24.

4. Id., 9.

5. *Evagr.*, 1, 13, 14; 6, 23. Ср. B. P., 35.

6. B. P., 206—209. *Evagr.*, 4, 27 (Эдесская икона); B. P., 200—201; *Evagr.*, 4, 26 (Апамейскій св. крестъ).

7. *Evagr.*, 4, 28. О почитаніи мощей см. Röm. Quartalschr., XIII, 317.

8. *Іоаннъ Еф.*, Comm., 37—38.

9. Id., 80.

10. Id., 85—88.

11. Id., 32.

12. Id., 47.

13. B. P., 57.

ства: «Мѣсто сборищъ дьявола стало домомъ Господнимъ; свѣтъ солнца освѣщаетъ мѣсто, которое затемняла преисподняя; идолопоклоническія жертвоприношенія замѣнились ангельскими хорами; гдѣ совершались оргіи боговъ, тамъ теперь поется хвалу Богу[1]». Въ Антіохіи царили подобные же фанатизмъ и благочестіе, и въ этомъ отношеніи я имѣю въ виду не только такія чрезвычайныя и живописныя процессіи, какъ тѣ, которыя совершались во время ноябрьскаго землетрясенія въ 539 г., когда ихъ сопровождало все населеніе города, босое, съ оливковыми вѣтвями въ рукахъ, за милю отъ города, и при падающемъ снѣгѣ и страшномъ холодѣ, валялось цѣлыми часами на землѣ съ плачемъ и стенаніями моля съ возгласами Kyrie eleison о Божьемъ милосердіи[2]. Сцены другого рода лучше характеризуютъ глубину и непримиримость вѣры жителей города. Это было въ 579 г., нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Юстиніана. Получились доказательства, что довольно значительныя языческія сообщества существовали въ Геліополисѣ, Эдессѣ и Антіохіи; при этомъ указывалось на многихъ высокихъ чиновниковъ, какъ участниковъ секты, и даже обвиняли самого патріарха Григорія въ томъ, что онъ принималъ участіе въ ночныхъ и кровавыхъ жертвоприношеніяхъ въ Дафнэ. Графъ Востока, не придавшій этому вѣры или подкупленный, не рѣшался начать преслѣдованія, но народъ бодрствовалъ. Вспыхнуло грозное взстаніе и раздались крики: «Въ огонь епископа! Городу нуженъ патріархъ христіанинъ»! Пришлось запереть церкви, прекратить богослуженіе и испуганный Григорій не рѣшался выходить изъ своего дворца. Въ то же время толпа неистовствовала, требовала арестовъ и казней. Естественно, что при этомъ среди суевѣрнаго населенія ходили невѣроятные слухи. Разсказывали, что святая икона три раза сама поворачивалась къ стѣнѣ, чтобы не видѣть язычниковъ; говорили, что Пресвятая Дѣва явилась, призывая вѣрныхъ отметить богохульникамъ за святотатство по отношенію къ ея божественному сыну. Вообще событія приняли такой оборотъ, что все дѣло было перенесено въ Константинополь, и антіохійскому патріарху не безъ труда удалось избѣжать осужденія за его воображаемое соучастіе въ языческомъ сообществѣ[3].

Такимъ образомъ въ этихъ провинціяхъ съ партикуляри-

1. *Vogüé*. Syrie centrale.стр. 62.

2. *Іоаннъ Еф*. Hist. (въ Comm 226)

3. *Evagr*., 5, 18, *Іоаннъ Еф*. Hist. eccl., 3. 27—34; особенно стр. 124 и 5, 17, 208—209.

стическимъ настроеніемъ христіанство должно было принять въ VI вѣкѣ особый отпечатокъ. Начиная со второй половины V-го вѣка въ Сиріи, Озроенѣ и Месопотаміи ученіе монофизитовъ пустило не менѣе крѣпкіе корни, чѣмъ въ Египтѣ, а въ царствованіе Юстиніана оно распространилось еще болѣе. Тогда какъ несторіанство было отодвинуто и перенесло за предѣлы имперіи, въ Персію, центръ и дѣятельность своей пропаганды [1], монофизитство, напротивъ, со дня на день пріобрѣтало больше почвы и сепаратистическія стремленія сирійскаго населенія нашли въ немъ прекрасное средство для своего проявленія. Большая часть учителей и апостоловъ секты были родомъ изъ Сиріи: Іаковъ Саругскій, Филоксенъ Маббугскій, умершіе еще до царствованія Юстиніана [2], наконецъ пылкій Іоаннъ Телльскій [3], запальчивый Зоора [4], Петръ Апамейскій и многіе другіе [5], ведшіе страстную борьбу противъ халкидонскаго православія, наконецъ Іаковъ Барадей [6] и Іоаннъ Азійскій [7], искусная и неутомимая дѣятельность которыхъ повела съ 543 г. къ возсозданію Яковитской церкви, до того почти уже уничтоженной предшествующими гоненіями [8]. Въ большихъ сирійскихъ городахъ, въ Эдессѣ Теллѣ, Амидѣ, и въ многочисленныхъ монофизитскихъ монастыряхъ это ученіе находило себѣ самыхъ пылкихъ сторонниковъ и самыхъ смѣлыхъ проповѣдниковъ. Но борьба получала особую остроту главнымъ образомъ въ Антіохіи, сообразно тому занималъ ли патріаршій престолъ самый знаменитый учитель монофизитовъ Северъ [9] (512—518) или возведенный въ санъ епископа бывшій графъ Востока Ефремъ [10] (526—545), внесшій въ гоненія на диссидентовъ всю строгость православнаго и всю систематичность опытнаго чиновника [11]. И несмотря на то, что Антіохія офиціально на-

1. См. *R. Duval*, La littérature syriaque, 344—351; относительно школы въ Низибѣ, — *Chabot* (Journ. asiat., 1896, 2 стр. 63 и слѣд.); о большомъ монастырѣ на горѣ Изла, близъ Низибы, см. Regulae monasticae ab Abrahamo et Dadjesu conditae (изд. *Chabot* въ Accad. dei Lincei 1898) и наконецъ о несторіанахъ въ VII вѣкѣ см. *Thomas de Marga*, The book of governors, изд. Budge, London, 1893).

2. Ср. *R. Duval*, loc. c., 352—358.

3. *Іоаннъ Еф.*, Comm., 108—113.

4. Id., 8—14.

5. Ср. *R. Duval*, loc. cit., 360—362.

6. *Іоаннъ Еф.*, Comm., 159—162; Vita (въ Comm., 203—215) и *Kleyn*, Jacobus Baradaeus, Лейденъ, 1882.

7. *Duchesne*, Jean d'Asie; *Duval*, loc. cit., 191 и сл.; 364.

8. См. выше стр. 357—359.

9. *Evagr.*, 3, 33; 4, 4.

10. Id., 4, 6.

11. *Zach. Rh.*, 237—238. *Іоаннъ Еф.*, Comm., 111—112, 134—135, 188 и Hist. (въ Comm., 221—223).

ходилась въ рукахъ халкидонцевъ, она постоянно оставалась для монофизитовъ центромъ ихъ церквей, а Северъ, хотя и низложенный, оставался для нихъ до самой его смерти (538 г.) истиннымъ патріархомъ. Послѣ него Сергій [1] (538—550) потомъ Павелъ, котораго посвятилъ Іаковъ Барадей [2], были признанными главами секты. И хотя Эдесса, мѣстонахожденіе епископской каѳедры великаго апостола

183. Церковь въ Кальбъ-Люзэ (реставрація по *Vogüé*, Syrie centrale).

яковитовъ, пріобрѣла вслѣдствіе этого особую важность, но престижъ Антіохіи, ея признанное значеніе христіанской столицы всего края были до такой степени неоспоримы, что во время такого великаго религіознаго событія, какъ совращеніе почти всей Сиріи и Месопотаміи въ монофизитство, все таки на нее были устремлены всѣ глаза и она считалось центромъ и цѣлью борьбы.

---

1. *Assemani*. Bibl. orient., II, 51.

2. *Іоаннъ Еф*., Hist. eccl., 4, 15

II.

Однако въ теченіе IV-го вѣка Антіохія уже нѣсколько утратила изъ своего прошлаго величія. Страшное землетрясеніе 29 мая 526 г., «предверіе, какъ выражается одинъ изъ современниковъ, грядущихъ ея бѣдствій [1]», нанесло очень сильный ударъ ея процвѣтанію [2]. Отъ большого сирійскаго города не осталось камня на камнѣ, а пожаръ докончилъ гибель тѣхъ зданій, которыя не разрушились при землетрясеніи. Жертвы катастрофы считались тысячами [3] и впечатлѣніе отъ этого несчастья было такъ сильно по всей имперіи, что въ Византіи были отмѣнены игры, а въ праздникъ Троицы императоръ явился въ церковь безъ діадемы, сопровождавшій же его дворъ — въ траурныхъ одеждахъ [4]. Конечно императоръ сдѣлалъ все возможное для поправленія бѣдствія [5]: первою заботою Юстиніана, только что пріобщеннаго къ управленію, было послать въ Антіохію большія суммы денегъ [6]. Однако, повторившіяся землетрясенія два года спустя, въ 527 году [7] и потомъ въ ноябрѣ 529 г. [8], снова тяжело отразились на городѣ, и, хотя на всемъ востокѣ, у персовъ и у арабовъ, слава о его богатствѣ и великолѣпіи оставалась очень большою [9] и извѣстность его дошла даже до Китая, гдѣ на большой городъ страны Татсинъ смотрѣли какъ на дѣйствительную столицу всей имперіи [10]; хотя Антіохію продолжали считать «третьимъ городомъ всего міра», — въ дѣйствительности наступило время ея упадка. Затѣмъ новое бѣдствіе должно было нанести Антіохіи окончательный ударъ, отъ котораго она уже никогда не могла оправиться.

Въ 540 г. Хозрой со всѣми своими силами началъ осаду Антіохіи. Со стороны долины городъ былъ неприступенъ; но по гребнямъ Ороказіаса, валы, надъ которыми господствовали очень близко расположенныя скалы, представляли чрезвычайно слабое мѣсто защиты [1]. Тщетно племянникъ

1. *Evagr.*, I. 5.
2. *Mal.*, 418—420; *Іоаннъ Еф.*, Hist. (въ Comm., 224—225); *Evagr.*, I. 5; *Zach. Rh.*, 154—155; *Іоаннъ Никіусскій*, 504—506; B. P., 213.
3. *Mal.*, 420, B. P., 213.
4. Id., 421.
5. Id., 421.
6. Id., 424.
7. Id., 442—443; *Іоаннъ Еф.*, Hist. (въ Comm., 226).
8. *Іоаннъ Еф.*, Hist. (въ Comm., 226).
9. B. P., 87.
10. *Hirth*, China and the Roman Orient, 48—50, 207—214.
11. B. P., 178.

императора, Германосъ, посланный съ возможною поспѣшностью изъ Константинополя для защиты города, пытался поправить этотъ недостатокъ укрѣпленія: для выполненія его приказаній не было времени, и принцъ, боясь плѣна, счелъ болѣе благоразумнымъ довольно поспѣшно покинуть городъ [1]. Часть населенія и даже патріархъ Ефремъ послѣдовали его примѣру [2]; оставшіеся надѣялись купить спасеніе цѣною золота [3], но въ это время неожиданное прибытіе императорскихъ войскъ пробудило бодрость гражданъ. Перейдя съ обычною подвижностью отъ унынія къ заносчивости, обыватели Антіохіи теперь, стоя на своихъ стѣнахъ, поносили и смѣялись надъ Хозроемъ [4], а молодые люди, «которыхъ борьба въ циркѣ, говоритъ Прокопій, пріучила къ битвамъ», смѣло стали помогать солдатамъ въ организаціи защиты [5]. Само собою понятно, что главное нападеніе персовъ было направлено на очень скоро найденное слабое мѣсто стѣнъ; поэтому осажденные, чтобы имѣть возможность помѣстить здѣсь возможно большее число защитниковъ, придумали расширить куртинное укрѣпленіе посредствомъ подвѣшиванія на веревкахъ между башнями деревянныхъ платформъ. Къ несчастью, веревки не выдержали большой тяжести и лопнули, при чемъ солдаты сосѣднихъ башень, услышавъ шумъ паденія, подумали, что рухнула самая стѣна и, растерявшись, обратились въ бѣгство [6], послѣ чего во всемъ городѣ началась страшная паника. Разбѣжавшееся византійское войско бросилось къ оставшимся еще свободнымы выходамъ, давя подъ ногами своихъ лошадей все, что мѣшало имъ, женщинъ, дѣтей, стариковъ; бились только за то, чтобы скорѣе бѣжать, и кровь лилась у воротъ [7]. Въ это время гражданское населеніе продолжало храбро защищаться и персы подвигались очень медленно изъ за укрѣпленныхъ валовъ. Во время этого сраженія на улицахъ былъ даже такой моментъ когда казалось, что жители Антіохіи стали одолѣвать, они «уже запѣли побѣдную пѣснь, говоритъ Прокопій, и провозглашали императора Юстиніана побѣдителемъ [8]». Но этотъ успѣхъ былъ непродолжителенъ. Подавленные превосходствомъ силъ, они наконецъ сдались и тогда началось ужаснѣйшее избіеніе, во время котораго

1. B. P., 178—179.
2. Id., 183, 186.
3. Id., 179 и сл.
4. Id., 186—187.
5. B. P., 187—188.
6. Id., 187—188.
7. Id., 189.
8. Id., 190.

персы ничего не щадили, ни возраста, ни пола [1]. Когда наконецъ удалось установить бѣшенство солдатъ, Хозрой лицемѣрно оплакивалъ несчастную Антіохію [2], но тѣмъ не менѣе увелъ въ плѣнъ всѣхъ оставшихся живыми и предалъ грабежу богатства церквей и частныхъ лицъ. Затѣмъ онъ приказалъ предать городъ огню [3] и разрушеніе было на столько полно, что, какъ говоритъ современникъ, «все было сожжено и уничтожено, такъ что жители Антіохіи не могли даже распознать среди кучи обломковъ, оставшихся послѣ сожженнаго города, самого мѣста, гдѣ были расположены ихъ дома [4]». Вмѣсто города на Оронтѣ, Хозрой захотѣлъ основать въ Персіи новый городъ; онъ поселилъ въ

184. Скульптурный архитравъ въ Дана (*Vogüé*, Syrie centrale).

немъ своихъ плѣнниковъ, построилъ въ немъ термы, гипподромы, помѣстилъ въ нихъ возничихъ и музыкантовъ, которыхъ захватилъ во время своей побѣдоносной войны, и наконецъ даровалъ городу разныя привилегіи, льстя себя надеждою даже изгладить на землѣ память о римской Антіохіи [5].

Это было ужасающее бѣдствіе, отъ котораго, по словамъ Прокопія, у современниковъ «закружилась голова [6]». Юстиніанъ считалъ своимъ долгомъ немедленно поправить его. Онъ всегда питалъ особую симпатію къ Антіохіи. Тотчасъ по вступленіи на престолъ онъ возобновилъ старыя привилегіи города [7]; нѣсколько позже онъ послалъ ему въ знакъ особаго благоволенія свою императорскую тогу, украшенную драгоцѣнными камнями [8]; тѣмъ болѣе

1. B. P., 191.
2. Id. 192.
3. Id., 194.
4. Aed., 240.
5. B. P., 214—215.
6. Id., 195.
7. *Mal.*, 424.
8. Id., 450.

онъ ничего не упустилъ, чтобы поднять Антіохію изъ развалинъ и сдѣлать ее, какъ говоритъ Прокопій, «еще болѣе крѣпкою и прекрасною, чѣмъ прежде [1]».

Персы оставили стоять городскія стѣны [2], но онѣ дали жестоко испытать все неудобство такой длиной и мало надежной ограды, чтобы Юстиніанъ не сознавъ необходимости до нѣкоторой степени сократить ихъ. Поэтому островъ на Оронтѣ и кварталъ, расположенный въ сѣверномъ направленіи, на излучинахъ рѣки [3], были исключены изъ городской черты, а для болѣе дѣйствительной защиты новой линіи ограды измѣнили естественное направленіе Оронта и заставили течь по отводящему каналу, пробитому у подножія самыхъ стѣнъ [4]. Со стороны горы измѣнили направленіе опоясывающей ограды съ цѣлью удалить ее отъ господствующей надъ нею опасной скалы, а для облегченія сообщеній ограды съ центромъ города были устроены въ этой гористой и очень неудобной мѣстности широкіе спуски [5]. Значительныя искусственныя сооруженія, пробитые въ скалѣ резервуары, цистерны, устроенныя въ башняхъ стѣнъ, должны были обезпечивать защитникамъ этой части ограды снабженіе необходимою для нихъ водою [6]. Наконецъ на опасномъ потокѣ, протекавшемъ въ глубинѣ оврага между Ставриномъ и Ороказіасомъ и во время половодья не разъ сильно портившемъ стѣну и опустошавшемъ городъ, были устроены плотины, которыя своимъ зрѣло обдуманнымъ расположеніемъ сдѣлали его безопаснымъ на будущее время [7]. Съ западной и восточной сторонъ города стѣна осталась въ томъ видѣ, какъ была перестроена въ 528 году.

Затѣмъ нужно было выстроить за ново самый городъ. Одна церковь и нѣсколько домовъ, расположенныхъ въ отдаленномъ углу, представляли все, что осталось отъ Антіохіи и ея предмѣстій [8]; въ громадной кучѣ обломковъ нельзя было даже найти слѣдовъ улицъ, площадей и портиковъ [9]. Юстиніанъ началъ съ того, что приказалъ очистить все это мѣсто и затѣмъ былъ составленъ новый планъ города, который долженъ былъ прорѣзываться широкими, вымощенными камнемъ улицами; на немъ были намѣчены

1. Aed., 238.
2. B. P., 196.
3. Cp. *Förster*, loc. cit., 125—130.
4. Aed., 238. Cp. *Förster*, 131—133.
5. Id., 239; *Förster*, 134—135.
6. Aed., 239.
7. Id., 239—240; *Förster*, 135—138.
8. B. P., 195—196.
9. Aed., 241.

площади и аллеи и только послѣ этого приступили къ постройкамъ [1]. Сооружались водопроводы, фонтаны и резервуары для воды, которые должны были обезпечить потребности населенія; воздвигались бани, театры и другія общественныя зданія для развлеченія и удовлетворенія его нуждъ [2]. Прежде императорскій дворецъ находился на островѣ Оронта, теперь былъ выстроенъ новый внутри города [3]; но особенно много было сооружено церквей, и между ними храмъ Дѣвы Маріи, который императоръ такъ великолѣпно одарилъ, что его съ тѣхъ поръ стали называть церковью Юстиніана [4], а также не менѣе роскошную церковь Св. Михаила [5]. Были построены также больницы и ксенодихіи для больныхъ, бѣдныхъ и чужестранцевъ [6]. Какъ и всегда, Өеодора также участвовала въ благотворительныхъ учрежденіяхъ императора [7] и такимъ образомъ Антіохія возстала изъ своихъ развалинъ еще болѣе прекрасною, чѣмъ прежде [8].

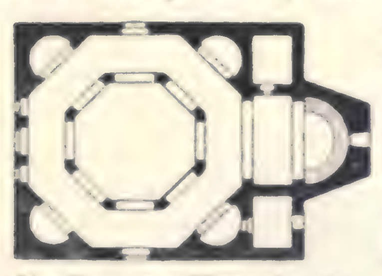
Въ настоящее время, за исключеніемъ стѣнъ, и теперь очень внушительныхъ и живописныхъ, осталось очень мало отъ города Юстиніана [9]; но пока болѣе обширныя раскопки обнаружатъ остатки бывшихъ монументовъ, можно уже и теперь возсоздать точный образъ сирійскаго общества VI вѣка. Въ очень интересныхъ вымершихъ городахъ, открытыхъ гг. Вогюэ и Ваддингтономъ, оно воскресаетъ цѣликомъ «со всѣмъ его изяществомъ и смиреніемъ, со всѣми произведеніями искусства и благотворительности, съ его роскошью и искреннею вѣрою. Здѣсь рядомъ съ богатою виллою мы находимъ школу, рядомъ съ общественными ваннами—церковь, рядомъ съ пышною гробницею—церковный пріютъ, и повсюду крестъ, высѣченный изъ камня или нарисованный на стѣнѣ, свидѣтельствуетъ о христіанскомъ чувствѣ, воодушевлявшемъ обитателей этихъ жилищъ. Вездѣ также греческій рисунокъ, акантовый листъ, а еще болѣе точность работы, указываютъ на греческое воспитаніе и греческую культуру ихъ строителей [10]». Нѣтъ мѣста, гдѣ

1. Aed., 241.
2. Id., 241.
3. Cp. *Förster*, loc. cit., 141.
4. Aed., 241; *Mal.*, 423; *Evagr.*, 4, 21.
5. Id., 241; *Mal.*, 423.
6. Id., 241—241. *Mal.*, 423, 452. *Evagr.*, 4, 35.
7. Mal., 423.
8. *Іоаннъ Еф.*, Hist. (R. O. Chr., loc. cit., 477—478).
9. *Förster*, loc. cit., 142.
10. *Vogüé*, Syrie centrale, 15.

можно было лучше понять какова была та своеобразная культура, которая развилась въ Сиріи въ VI вѣкѣ и какое глубокое вліяніе оказала Антіохія на ея развитіе.

III.

Немного странъ занимаютъ такое большое мѣсто въ исторіи умственнаго и художественнаго движенія во времена Юстиніана, какъ сирійскія провинціи. VI-ой вѣкъ представляетъ дѣйствительный апогей сирійской литературы, давъ такихъ писателей, какъ Іаковъ Саругскій и Филоксенъ Маббугскій [1], такихъ ученыхъ, какъ врачъ Сергій Решаинскій [2], историковъ, какъ Іоаннъ Ефесскій [3], такихъ хроникеровъ, какъ продолжатель Захарія Митиленскаго или анонимныхъ авторовъ такъ называемой хроники Іоссіи столпника и хроники Эдесской [4], наконецъ, такихъ проповѣдниковъ, какъ Симеонъ Бетъ-Арзамскій, Іоаннъ Телльскій или Іаковъ Барадей [5]. Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе изъ болѣе извѣстныхъ греческихъ писателей того времени также были родомъ изъ этихъ областей. Не говоря уже объ учителяхъ краснорѣчія въ Газской школѣ, Прокопіѣ и Хориціусѣ, о такихъ составителяхъ жизнеописаній святыхъ, какъ Кирилъ Скиѳополисскій, о такихъ философахъ, какъ нѣкоторые изъ послѣднихъ учителей аѳинской школы,— величайшій историкъ царствованія, Прокопій, былъ уроженцемъ Цезаріи; Іоаннъ Малала — антіохіецъ; Евагрій и Іоаннъ Епифанійскій были также сирійцы. Знаменитые юристы того времени, Ѳеоѳилъ, Дороѳей, Стефанъ, по большей части были профессорами въ Бейрутѣ. Самые извѣстные духовные писатели той эпохи, патріархъ Северъ, какъ и его противникъ Ефремъ, Іоаннъ Климакъ и Симеонъ столпникъ младшій и многіе другіе менѣе извѣстные,— всѣ жили и дѣйствовали въ сирійскихъ провинціяхъ. Извѣстно, какая умственная дѣятельность царила въ тѣхъ

185.—Планъ ц. VI-го вѣка въ Эзра (*Vogüé*, Syrie centrale).

1. *R. Duval*, Litt. syriaque. 352—358.
2. Id., 254—256. 365—366.
3. *R. Duval*, 191—195. 364.
4. Id., 193—197. 187—190.
5. Id., 361—363.

большихъ монастыряхъ съ богатыми библіотеками[1], въ знаменитыхъ школахъ Антіохіи, Эдессы и Низибы, но еще болѣе было въ нихъ несравненныхъ по великолѣпію монументовъ и потому Сирія должна была оказывать глубокое вліяніе на развитіе византійскаго искусства.

Между Антіохіей, Алепо и Апамеей и еще болѣе къ югу, въ окрестностяхъ Дамаска и въ Гауранѣ, въ настоящее время находится множество замѣчательныхъ развалинъ. «Это, говоритъ де Вогюэ, — первый открывшій ихъ существованіе, — рядъ оставшихся почти неприкосновенными городовъ,

186. Разрѣзъ церкви VI-го вѣка въ Эзра (*Vogüé*, Syrie centrale).

видъ которыхъ переноситъ путешественника въ глубь утраченной цивилизаціи и, такъ сказать, раскрываетъ ему всѣ ея тайны. Проходя по ихъ пустыннымъ улицамъ, покинутымъ дворамъ, вдоль портиковъ съ ихъ изувѣченными колоннами, обвитыми виноградными лозами, испытываешь чувство, подобное тому, которое является въ Помпеѣ, но болѣе свѣжее, потому что та цивилизація, которую видишь, менѣе извѣстна, чѣмъ цивилизація вѣка Августа. Дѣйствительно, всѣ эти города, которыхъ болѣе ста на пространствѣ отъ 30 до 40 лье, образуютъ такую совокупность, отъ которой ничего нельзя отдѣлить, гдѣ все связывается между собою, переплетается, принадлежитъ одному стилю, одной системѣ

1. О библіотекѣ епископа Мара амидскаго см. *Zach. Rh.*, 155–156.

и наконецъ одной эпохѣ, и эта эпоха,—эпоха примитивнаго христіанства,—та, которая обнимаетъ собою время отъ IV до VII вѣка нашей эры. Переносишься въ среду христіанскаго общества, подмѣчаешь его жизнь, но не жизнь, скрывавшуюся въ катакомбахъ, а широкую, богатую, художественную, которую вели въ выстроенныхъ изъ крупныхъ обдѣланныхъ камней большихъ домахъ, отлично приспособленныхъ, съ крытыми галлереями и балконами, съ прекрасными садами

187. Церковь VI вѣка въ Босра (*Vogüé*, Syrie centrale).

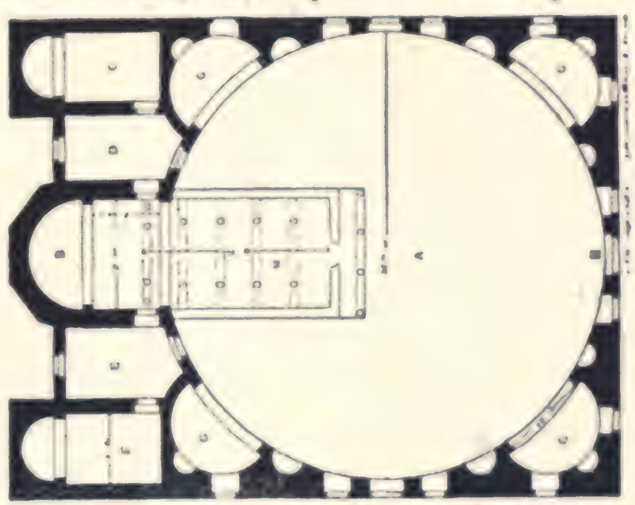
и виноградниками, съ тисками для приготовленія вина, съ каменными чанами и бочками для его сохраненія, съ обширными подземными кухнями и конюшнями для лошадей. Здѣсь же находимъ красивыя площади, окаймленныя портиками; изящныя ванны, великолѣпныя церкви съ колоннами и башнями по бокамъ, окруженныя пышными гробницами. Кресты и монограммы Христа рельефно выдѣланы на большей части дверей; множество надписей на монументахъ въ формѣ благочестивыхъ сентенцій, отрывковъ изъ Св. Писанія символы, даты. И во всемъ сказывается чувство побѣды—въ

стихахъ псалмопѣвца, вырѣзанныхъ прекрасными красивыми буквами на архитравѣ, украшенномъ скульптурами, или въ какомъ нибудь graffito неизвѣстнаго художника, написавшаго въ порывѣ христіанскаго этузіазма, перефразируя надпись на императорской хоругви, τούτῳ νίκα—сей побѣждаетъ [1]».

Многія изъ этихъ зданій безспорно построены въ VI вѣкѣ и если онѣ представляютъ большой интересъ для исторіи сирійской цивилизаціи, живой образъ которой онѣ возсоздаютъ, то быть можетъ онѣ еще болѣе важны для исторіи византійской архитектуры и искусства. На нихъ можно прослѣдить весь рядъ интересныхъ попытокъ, которыя, начиная съ III вѣка, продѣлали архитекторы, когда они впервые задумали соорудить куполъ на четыреугольномъ основаніи. Здѣсь видно, какими робкими шагами они дошли наконецъ до той формы сферической подпорной арки (паруса), которая составляетъ характеристическую черту византійскаго стиля. Конечно, какъ справедливо замѣтилъ уже Вогюэ, «чтобы видѣть окончательное рѣшеніе задачи, нужно отправиться въ Константинополь, къ Св. Софіи [2]», но медленная эволюція, приведшая отъ К а л и б е въ Ом-ец-Цейтунѣ, сооруженной въ 282 году [3], къ соборамъ въ Эзра и Босра, построенныхъ въ началѣ VI-го вѣка, не менѣе поучительна и полезна, до такой степени эти послѣднія зданія даютъ возможность уже предчувствовать великія византійскія церкви столицы. Своими двумя правильными восьмиугольниками, вписанными въ четыреугольникъ, и куполомъ на восьми опорныхъ столбахъ центральнаго восьмиугольника, сложеннымъ изъ камней и поставленнымъ на тамбуръ, переходящій постепенно изъ многоугольной формы въ кругъ,—церковь Св. Георгія въ Эзра, оконченная постройкою въ 515 году, предвѣщаетъ уже нѣкоторые пріемы, примѣненные впослѣдствіи при сооруженіи церквей свв. Сергія и Вакха и св. Виталія въ Равеннѣ [4]. Церковь въ Босра, законченная въ 512 г., построена въ томъ же стилѣ, но только въ большихъ размѣрахъ. Центральная часть ея была увѣнчана куполомъ, сложеннымъ изъ кирпичей, а быть можетъ и деревяннымъ [5], и воздвигнутомъ на кругломъ тамбурѣ, поддерживаемомъ восемью столбами. Около помѣщался кольцеобразный боковой придѣлъ съ деревянною крышею,

1. *Vogüé*, Syrie centrale, стр. 7—8.
2. Id., loc. cit., 17.
3. Id., стр. 43—45 и табл. VI, рис. 4 и 5.
4. *Vogüé*, стр. 61—62.
5. *Choisy*, Hist. de l'architecture, II, 58.

тоже вписанный въ четыреугольникъ. Какъ и въ Эзра, четыре наружныя пристройки, занимая углы четыреугольника, подпирали большой наружный кругъ. Но, будучи весьма тяжелымъ и недостаточно подкрѣпленнымъ и производя очень сильное распорное давленіе на деревянную постройку опирающуюся на несоотвѣтственно тонкую наружную стѣну, куполъ въ Босрѣ очень скоро обрушился. Когда же, нѣсколько лѣтъ спустя, Юстиніанъ приступилъ къ постройкѣ въ Константинополѣ церкви свв. Сергія и Вакха, а въ Равеннѣ стали строить церковь св. Виталія, прогрессъ въ сооруженіи заключался въ томъ, что, сохраняя типъ постройки храма въ Босрѣ, не только куполъ былъ сдѣланъ изъ болѣе легкихъ матеріаловъ, но озаботились укрѣпить общее равновѣсіе постройки, связавъ центральные столбы съ наружными стѣнами особою системою арокъ и сводовъ[1]. Церкви въ Гауранѣ имѣютъ не менѣе важное значеніе въ исторіи сооруженія купола по восьмиугольному плану. Вѣроятно, недостатокъ дерева и необходимость употреблять камень во всѣхъ частяхъ зданія придали всѣмъ этимъ сооруженіямъ, какъ и всѣмъ подобнымъ имъ въ центральной Сиріи, свойственный имъ мѣстный характеръ, но Святая Софія, построенная цѣликомъ изъ кирпича и камня, одѣтыхъ мозаиками и мраморами, конечно требовала нѣсколько иного пріема и болѣе научнаго искусства. Тѣмъ не менѣе, вліяніе сирійскихъ школъ было не безполезно: ихъ попытки и опыты содѣйствовали подготовленію окончательныхъ рѣшеній; даже ихъ несовершенные пріемы примѣнялись въ разныхъ мѣстахъ обширной византійской имперіи. Гробница

188. Планъ собора въ Босрѣ, VI. в.(по *Vogüé*. Syrie centrale)

1. *Vogüé*, loc. cit., 63—67.

Теодориха въ Равеннѣ съ ея тяжелою монолитною крышею напоминаетъ зданія центральной Сиріи [1]. Въ силу этого они заслуживаютъ особеннаго вниманія при изученіи исторіи развитія византійской архитектуры [2].

Одновременно съ тѣмъ, какъ въ области Гаурана, управляемой арабскими христіанскими князьями, вассалами имперіи, развивались методы, переданные Персіей Византіи, въ сѣверной части, центромъ которой была Антіохія, проявилось не менѣе важное художественное движеніе. Въ этой части Сиріи также имѣются въ большомъ числѣ памятники VI вѣка. Въ Рефади сохранились почти неприкосновенными нѣкоторые дома, и такъ какъ надписи на нихъ помѣчены 510 годомъ, то они даютъ точное представленіе о жилищахъ въ этомъ краю [3]. Относящіяся къ той же эпохѣ церкви въ Деиръ-Сета, Бакузѣ, Кальбъ-Люзэ и въ Турманинѣ, по словамъ Вогюэ, представляютъ собою «такіе превосходные образцы, которыми могли бы воспользоваться архитекторы нынѣшняго времени [4]». Конечно, почти всѣ безъ исключенія эти зданія имѣютъ форму базиликъ, но онѣ чрезвычайно интересны своими живописными фасадами, съ ихъ широкими арками и двумя башнями по бокамъ, своими обширными нефами, которые были тогда покрыты деревянными потолками, своими очень поднятыми клиросами, заканчивающимися алтаремъ [5]. И если архитектурное расположеніе въ нихъ не всегда представляетъ что либо новое, за то орнаментація, наоборотъ, является въ чрезвычайно интересныхъ формахъ, напоминающихъ уже византійское искусство. Красивый архитравъ на дверяхъ въ Дана [6], на которомъ изображены среди виноградныхъ вѣтвей приближающіеся къ вазѣ павлины, архитравъ въ Эль-Барахѣ съ виднѣющейся въ завиткахъ христіанской монограммой [7], архитравъ въ Кальбъ-Люзэ [8], всѣ они по своему стилю напоминаютъ іерусалимскія Златыя Врата, относящіяся ко временамъ Юстиніана. Плоская рѣзная отдѣлка капителей въ Деиръ-Сета и Турманинѣ можетъ быть отнесена къ тому же типу, что на капителяхъ

1. *Vogüé*, loc. cit., 22.
2. *Choisy*, loc. cit., II, 56—58.
3. *Vogüé*, loc. cit., 126 и таблицы 110—111.
4. Id., loc. cit., 10.
5. Id., 131 и табл. 116 (Деиръ-Сета); 132—134 и табл. 118—119 (Бакузэ); 135—138 и табл. 122—129 (Кальбъ-Люзэ); 138—140 и табл. 130—136 (Турманинъ).
6. *Vogüé*, 90 и табл. 45.
7. Id., 82—83.
8. Id., 136.

Св. Софіи и св. Виталія. Разрѣзъ основанія въ нихъ вполнѣ византійскій; но особенно въ Кальбъ-Люзэ и Турманинѣ всѣ архитектурныя части, архитравы и наличники дверей, архивольты арокъ, кронштейновъ и карнизовъ покрыты великолѣпными скульптурными украшеніями, въ которыхъ христіанскіе символы переплетаются съ рисунками, заимствованными изъ античныхъ украшеній. И хотя эта орнаментація быть можетъ нѣсколько тяжеловѣсна по своему богатству, но прелестная кружевная рѣзьба по мрамору и камню такъ искуссно сочетана, что является удивительно изящною и чрезвычайно эффектна. Во всякомъ случаѣ, вліяніе ея на византійское декоративное искусство VI-го вѣка было очень велико. Такимъ образомъ, сирійскіе мастера своими удачными нововведеніями направили искусство къ новымъ пріемамъ и не разъ являлись творцами даже въ подробностяхъ архитектуры. Церковь въ Турманинѣ своею высокою, ведущею въ нее, лѣстницей въ четырнадцать ступеней, папертью, пріемной (loggia), устроенной надъ террасою предъ входомъ,—представляетъ собою базилику чрезвычайно оригинальнаго типа; но еще замѣчательнѣе большой монастырь св. Симеона-столпника, который справедливо названъ «археологическою драгоцѣнностью христіанской центральной Сиріи [1]». Мы уже описали оригинальный планъ этого интереснаго зданія, въ которомъ съ такою очевидностью обнаруживается высокая архитектурная школа; но въ немъ не менѣе интересна орнаментація своею смѣсью античныхъ пріемовъ и новыхъ формъ и изящною оригинальностью деталей, украшающихъ въ особенности его абсидъ и южный входъ. Постройкою такихъ многочисленныхъ, разнообразныхъ и серьезно задуманныхъ зданій архитекторы центральной Сиріи, не смотря на мѣстный характеръ нѣкоторыхъ изъ ихъ сооруженій, занимаютъ видное мѣсто въ исторіи византійскаго искусства. Они содѣйствовали подготовленію нѣкоторыхъ изъ тѣхъ пріемовъ, которые довели это искусство въ VI-мъ вѣкѣ до апогея; они кромѣ того содѣйствовали тому, что орнаментація заняла подобающее ей мѣсто и придали ей новый стиль. Несомнѣнно, что и въ другихъ областяхъ, какъ и въ Малой Азіи, совершалась та же работа слиянія, изъ котораго вытекли тѣ способы, которые потомъ были освящены въ Константинополѣ [2]. Сирія при-

1. *Vogüé*, loc. cit., 141—153 и табл. 130—150.

2. *Choisy*, loc. cit., II, 82.

няла въ этомъ свою долю участія и быть можетъ даже наиболѣе полную, о чемъ будетъ сказано далѣе. Такимъ образомъ эта богатая, цвѣтущая, счастливая провинція, полная оригинальной, творческой силы, по великолѣпію своихъ городовъ, по интенсивности религіозной жизни и блеску литературной и художественной культуры, заслуживаетъ въ исторіи византійской цивилизаціи VI-го вѣка совершенно особое мѣсто.

189. Мозаика тріумфальной арки въ ц. св. Лаврентія за стѣнами, въ Римѣ.

ГЛАВА VII.

Римъ. — Имперія и папство.

9 декабря 536 года, Велизарій во главѣ 5000 человѣкъ византійскаго войска, торжественно вступилъ въ Римъ [1]. Остготскій гарнизонъ, оставленный въ немъ Витигесомъ, отступилъ при приближеніи непріятеля безъ малѣйшаго сопротивленія и римское населеніе встрѣчало съ энтузіазмомъ имперцевъ, какъ своихъ освободителей. Церковь радовалась поступая подъ власть православнаго государя; высшая аристократія мечтала о скоромъ возстановленіи римской имперіи, въ которой надѣялась занять свое прежнее положеніе; толпа, инстинктивно ненавидѣвшая варваровъ-еретиковъ, радовалась перемѣнѣ управленія, которое должно было удовлетворить ея мечтанія; особенно же она радовалась тому, что такая перемѣна совершилась мирно, и была счастлива, избѣжавъ ужасы осады или взятія города приступомъ. Ни папа, ни сенаторы, ни народъ не предвидѣли, что столь празднуемое имъ возстановленіе византійской власти открывало собою для Рима одинъ изъ самыхъ мрачныхъ періодовъ его исторіи. По сентенціонному выраженію Прокопія «тутъ ясно сказалось, что для тѣхъ, кого рокъ предназначилъ къ гибели, даже видимое благополучіе обращается

1. B. G., 73—75.

въ катастрофу, и тѣ, кои почитаютъ себя спасенными, гибнутъ въ нѣдрахъ своего благополучія [1]».

I.

Когда Велизарій, именемъ Юстиніана, принялъ во владѣніе Вѣчный Городъ, Римъ былъ еще, какъ во времена императоровъ, однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ и великолѣпныхъ городовъ всего міра. «По величинѣ, народонаселенію и богатству онъ былъ, говоритъ Прокопій, первымъ между всѣми городами Запада [2]». Правда, для украшенія своей столицы на Босфорѣ, Константинъ безцеремонно ограбилъ нѣкоторыя римскія зданія и увезъ изъ нихъ нѣсколько самыхъ знаменитыхъ произведеній искусства, а позднѣе то же самое сдѣлали готскіе короли для украшенія Равенны. Несомнѣнно также, что торжество христіанства имѣло своимъ послѣдствіемъ закрытіе языческихъ храмовъ и превращеніе многихъ изъ нихъ въ церкви, но это дѣлалось съ глубочайшимъ уваженіемъ къ прошлому и въ чрезвычайно скромныхъ размѣрахъ [3]. Несомнѣнно также, что великія бѣдствія V-го вѣка нанесли Риму еще болѣе чувствительные удары: Аларихъ, Гензерихъ и Рицимиръ въ три пріема брали штурмомъ и разграбляли Римъ [4] и несомнѣнно, наконецъ, что постепенно вокругъ античныхъ памятниковъ начинала образовываться пустыня и молчаніе, а время совершало свое разрушительное дѣйствіе [5]. Тѣмъ не менѣе, великолѣпіе императорскаго города было такъ велико, а количество памятниковъ такъ многочисленно, что слѣды грабежей все еще были мало замѣтны. Для людей VI-го вѣка Римъ сохранялъ свой прежній престижъ; пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ сенатъ продолжалъ торжественно засѣдать въ атріумѣ Свободы, только что возстановленномъ стараніями Теодориха [6]; по прежнему провозглашалась верховная власть

1. B. G. 632.

2. Id., 178. О состояніи памятниковъ въ Римѣ въ VI вѣкѣ см. *Gregorovius*, Gesch. der Stadt Rom, I (Русскій пер., стр. 261 и сл., 301 и сл.); *Grisar*, Gesch. Roms und der Päpste im Mittelalter, I, 95—100; *Lanciani*, Pagan und christian Rom. London, 1892.

3. *Lanciani*, 29. Папа Симплицій, превращая въ церковь базилику Юнія Басса на Эсквилинѣ, сохранилъ античныя украшенія ея. Ср. *Grisar*, 358 и сл.

4. *Grisar*, loc. cit., 59—83.

5. Въ это время театръ Помпея уже находился въ развалинахъ.

6. *Cassiod.*, Var., стр. 302 (Письмо Теодориха сенату).

римскаго народа и чистота его крови [1], а самъ онъ ревниво заботился о поддержаніи воспоминаній и памятниковъ его славы. «Изо всѣхъ извѣстныхъ мнѣ людей, пишетъ Прокопій, римляне принадлежатъ къ тѣмъ, которые больше всего любятъ свой городъ; у нихъ постоянная забота — исправлять и спасать все, что составляетъ славу ихъ отечества, дабы Римъ не утратилъ ничего изъ своего былого великолѣпія [2]». Вмѣстѣ съ тѣмъ, для всего міра Римъ, своими зданіями, произведеніями искусства, благоговѣйно хранимыми реликвіями, продолжалъ быть и въ VI-мъ вѣкѣ самымъ святымъ изъ всѣхъ городовъ,—sacra urbs Roma [3].

Языческій Римъ поражалъ великолѣпіемъ своихъ построекъ. На площадяхъ, у подъѣздовъ зданій, вездѣ была масса статуй, величайшихъ твореній самыхъ знаменитыхъ ваятелей Греціи—Фидіевъ, Мароновъ, Лизипповъ [4],—такъ что, по выраженію современнаго автора, его мраморное населеніе почти равнялось живому [5]. Его великія зданія, «чудесный лѣсъ стѣнъ [6]», какъ говоритъ современникъ, продолжали стоять, постоянно возбуждая изумленіе посѣтителей. На Палатинскомъ холмѣ по прежнему возвышался величественный дворецъ цезарей; на вершинѣ Капитолія стоялъ храмъ Юпитера, блистая своею позолоченною кровлею, колоннами, украшенными золотомъ, и длинными портиками, увѣнчанными статуями. На древнемъ форумѣ республики, вдоль неприкосновенно охранявшейся священной дороги, тянулись, какъ и прежде, храмы— Города, Януса съ древнею бронзовою статуею бога съ двойнымъ лицомъ [7]; а далѣе—форумы императоровъ, представляя несравненную послѣдовательность своихъ дивныхъ зданій [8], тріумфальныя арки, обогащенныя грабежемъ всего міра, высокія колонны, гордо напоминавшія прошлыя побѣды,—рядъ величественныхъ монументовъ, казавшихся построенными на вѣчныя времена. На Марсовомъ полѣ высился надъ всѣми зданіями высокій золотой куполъ Пантеона Агриппы, а на мавзолеѣ Адріана обрисовывались въ небѣ изящные силуэты громадной массы ста-

1. Cassiod., XII, II, 369.

2. B. G. 572–573.

3. Соборъ 501 г. (въ изд. Кассіодора, стр. 431). Ср. *Grisar*, loc. cit., 463—471.

4. B. G., 570–571.

5. *Cassiod.*, Var., VII, 15, стр. 211—212. Объ этой массѣ статуй см. въ описаніи Рима, сдѣланномъ Захаріемъ Митиленскимъ. (Bull. della Comm. archeol., 1884, стр. 224).

6. *Cassiod.*, Var., VII, 15, стр. 211.

7. B. G., 122.

8. *Grisar*, loc. cit., 630 и сл.

туй [1]. Вблизи отъ него благоговѣйно хранились остатки легендарнаго корабля, на которомъ нѣкогда прибылъ въ Италію Эней [2]. Въ другихъ частяхъ города — также тянулись длинные и величественные ряды храмовъ, Циркъ и Колизей, гдѣ по прежнему происходили игры, бѣга колесницъ и бои животныхъ; затѣмъ термы, окруженныя портиками, красота которыхъ восхвалялась современниками [3]; роскошные дворцы, полные чудесами искусства, и зеленѣющіе громадные сады римской аристократіи. А за городомъ, среди полей, могучія линіи водопроводовъ, доставлявшихъ въ Римъ ту свѣжую и благодатную воду, обиліе которой, по словамъ Кассіодора, придавало столько прелести римскимъ монументамъ [4]. И въ довершеніе всего, даже подъ землею, шли широкія великолѣпныя сточныя трубы, устройство которыхъ возбуждало удивленіе всѣхъ посѣтителей. «Какой городъ, говоритъ писатель VI-го вѣка, можетъ соперничать съ такими зданіями, возвышающимися на поверхности, когда даже подъ землею, великолѣпіе твоихъ сооруженій не имѣетъ ничего равнаго себѣ [5]».

Одинъ изъ послѣднихъ представителей античной культуры, Кассіодоръ, краснорѣчиво передаетъ глубокое впечатлѣніе, которое производилъ умирающій Римъ, тотъ Римъ, который, какъ выражался гордый сенаторъ въ 535 г., «положительно не имѣетъ себѣ равнаго во всей вселенной [6]», и въ то же время онъ очень интересно разсказываетъ о заботливости управителей Вѣчнаго Города въ видахъ поддержанія его великолѣпія. Въ превосходныхъ выраженіяхъ онъ восхваляетъ безчисленный «народъ» статуй, стада лошадей,— чудеса матеріала и искусства, всю ту «римскую красоту», ради одного только уваженія къ которой, говоритъ онъ, слѣдуетъ охранять ихъ отъ какого либо поврежденія [7]. «Въ Римѣ, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, все, что видишь, сдѣлано для того, чтобы вызывать восхищеніе. Форумъ Траяна несравненъ. Капитолій — верхъ совершенства, превосходящій всѣ творенія людскаго рода [8]». И, сравнивая знаменитыя семь чудесъ свѣта съ Вѣчнымъ Городомъ, онъ не безъ гордости приходитъ къ заключенію: «Когда въ одномъ городѣ встрѣчаешь собранными столько

1. B. G., 106–107.
2. Id., 573–574.
3. *Cassiod.*, Var., VII, 6, стр. 208.
4. Id., VII, 6, стр. 205.
5. *Cassiod.*, III, 30, стр. 94–95.
6. Id., Var., X, 18, стр. 308.
7. Id., VII, 13, стр. 210.
8. Id., VII, 6, стр. 205.

чудесныхъ вещей, то приходится признать, что самъ по себѣ весь Римъ—чудо [1]». Въ виду всѣхъ несравненныхъ монументовъ, нужно имѣть каменное сердце, лишенный всякаго смысла разумъ, чтобы остаться равнодушнымъ и ничего не понять въ немъ, и въ словахъ, полныхъ очень тонкаго и вѣрнаго вкуса, описывая всѣ римскія чудеса, онъ выражаетъ свои чувства: «Здѣсь можно видѣть предметы, гораздо лучшіе, чѣмъ тѣ, о которыхъ пишется въ книгахъ, болѣе прекрасные, чѣмъ можетъ создать себѣ воображеніе; статуи, которыя кажется еще носятъ на себѣ печать своихъ творцовъ, до такой степени бьются еще ихъ жилы подъ бронзою, такъ напрягаются ихъ мускулы, такъ натянуты ихъ нервы, такъ въ тѣлѣ лошадей чувствуется ихъ внутренній огонь. Что можно сказать о гордомъ изяществѣ подымающихся колоннъ, о могучей массѣ построекъ, которая какъ бы стоитъ на цѣломъ лѣсѣ пикъ [2]»? Кассіодоръ однимъ словомъ обозначаетъ ту особую прелесть, которую онъ справедливо называетъ «римскимъ очарованіемъ»—Romanae deliciae [3].

Къ этимъ памятникамъ язычества христіанскій Римъ прибавилъ несравненное великолѣпіе своихъ религіозныхъ зданій.

Съ того времени, какъ Константинъ возвелъ христіанство на тронъ цезарей, началось возрожденіе римскаго искусства, совершенно преобразовавшагося и обновившагося. Для новой религіи, ставшей государственною, потребовались новые монументы – болѣе прекрасные и болѣе достойные ея недавняго торжества, а потому вездѣ, но въ Римѣ болѣе чѣмъ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, начался пышный расцвѣтъ сооруженій обширныхъ и величественныхъ базиликъ. Въ началѣ VI-го вѣка ихъ насчитывалось въ центрѣ Вѣчнаго Города не менѣе двадцати пяти. Одною изъ самыхъ древнихъ и наиболѣе знаменитыхъ была базилика Константина, нынѣ церковь Св. Іоанна Латеранскаго, построенная и богато одаренная первымъ христіанскимъ императоромъ и затѣмъ, въ серединѣ V-го вѣка, великолѣпно реставрированная стараніемъ папы Льва I. Серебряныя статуи, алтари, украшенные драгоцѣнною отдѣлкою, высокій балдахинъ, возвышавшійся въ глубинѣ алтаря,—все это дѣлало эту цер-

1. *Cassiod.*, VII, 15. стр. 212.
2. Id., Var., VII, 15, 211—212.
3. *Cassiod.*, VII, 9, стр. 208.

ковъ замѣчательною; но быть можетъ еще важнѣе были въ ней прекрасныя мозаики V-го вѣка, украшавшія его абсидъ, фрески главнаго корабля, представлявшія во всей послѣдовательности библейскія сказанія, отъ грѣхопаденія прародителей до входа раскаявшагося разбойника въ рай [1]. На Виминальскомъ холмѣ возвышалась либерійская базилика, теперешняя Santa Maria Maggiora, получившая свое названіе отъ основателя — папы Либерія (352—360 г.), которая также въ V-мъ вѣкѣ была до основанія передѣлана и реставрирована папою Сикстомъ III. Раздѣленная на три корабля великолѣпными, могучими колоннадами, она была одѣта блестящими мозаиками. На стѣнахъ главнаго корабля развертывались широкимъ историческимъ цикломъ эпизоды Ветхаго Завѣта, и рядомъ — процессіи мучениковъ, съ помѣщенными у ногъ каждаго изъ нихъ орудіями его пытокъ, направлявшіяся въ торжественномъ шествіи къ сидящей на тронѣ Дѣвѣ Маріи. На главной аркѣ другія мозаики изображали сцены дѣтства Христа, а другія картины украшали абсиды [2]. Вся поразительная цѣлостность сооруженія, относящагося къ V вѣку, являлась выраженіемъ одной идеи — прославленіемъ Дѣвы-матери, Theotokos, божественность и культъ которой незадолго до этого освятилъ Ефесскій соборъ. Въ церкви Santa Maria Maggiora еще и донынѣ сохраняются много очень интересныхъ остатковъ этихъ памятниковъ искусства [3]. Другія церкви были не такъ богаты и величественны, какъ двѣ

190. Капитель въ ц. св. Климента съ именемъ діакона Меркурія (VI в.) (По соч. *Clausse*, Les Marbriers romains)

1. *Grisar*, loc. cit., 754 и сл.; *Pérate*, l'Archéologie chrétienne, 170—186; *Rohault de Fleury*, Le Latran.

2. Lib. pontif., 235. *Pérate*, loc. cit., 216—223.

3. *Grisar*, 561 и сл.

главныя базилики, но онѣ пользовались не меньшею славою и популярностью. Такъ съ церковью Пуденція, теперешнею Св. Пуденціаны, связывалось почитаемое воспоминаніе объ апостолѣ Петрѣ, и домъ христіанскаго сенатора, уже давно превращенный въ часовню, въ концѣ IV-го вѣка былъ увеличенъ и украшенъ замѣчательною мозаикою, которую можно видѣть и теперь. Въ другихъ мѣстахъ, не далеко отъ базилики Константина, стояла церковь Св. Креста Іерусалимскаго; на Авентинѣ — церковь Св. Сабины съ прекрасными мозаиками и замѣчательными рѣзными деревянными дверями, сдѣланными въ концѣ V или въ началѣ VI вѣка [1]. Рядомъ съ этими древними церквами, предметомъ особаго почитанія странниковъ, постоянно возникали новыя. Въ началѣ VI вѣка папа Симмахъ (498 — 514 г.) построилъ церковь свв. Сильвестра и Мартина (San Martino ai Monti) [2], а въ прекрасной базиликѣ св. Климента были сдѣланы замѣчательныя скульптурныя украшенія [3].

Но главнымъ образомъ внѣ города, вдоль дорогъ, расходившихся по всѣмъ направленіямъ изъ Рима, стояла масса религіозныхъ зданій. Это были мѣста, гдѣ первые христіане во времена гоненій находили въ удобномъ мракѣ катакомбъ убѣжища для погребенія своихъ покойниковъ. Поэтому, въ дни торжества пылкая и страстная набожность проявлялась съ особою силою у этихъ почитаемыхъ могилъ, а такъ какъ, не кощунствуя, нельзя было выносить священныя кости мучениковъ, то историческіе склепы, въ которыхъ они покоились, превращались въ мѣста богослуженія и надъ ихъ священными могилами строились церкви. И къ старымъ кладбищамъ, на которыхъ уже съ начала V-го вѣка никого не хоронили, со всѣхъ сторонъ стекались странники съ горячимъ пыломъ религіознаго вѣрованія [4]. Въ кладбищенскихъ церквахъ, въ подземныхъ часовняхъ, ежедневно совершались церковныя службы въ честь исповѣдниковъ вѣры и даже теперь начертанныя на стѣнахъ graffiti свидѣтельствуютъ о томъ исключительномъ уваженіи и особой привлекательности, которыми пользовался культъ мучениковъ. На Номентанской дорогѣ стояла недавно исправленная и украшенная папою Симмахомъ церковь св. Агнесы и рядомъ съ нею, въ глубинѣ базилики, помѣщался мавзолей Константины, дочери Константина, украшенный изящными

1. *Grisar*, loc. cit., 372 и сл.
2. Id., 486 и сл.
3. *Grisar*, 165 и сл.
4. *Lanciani*, loc. cit., 120.

мозаиками IV-го вѣка, которыя можно видѣть въ настоящее время въ такъ называемой часовнѣ св. Констанцы [1]. На Лабиканской дорогѣ находилось кладбище ad Duos Lauros, называвшееся также кладбищемъ свв. Петра и Марцеллина, въ которомъ покоилась въ роскошномъ мавзолеѣ мать перваго христіанскаго императора — Елена. На Ардеатинской дорогѣ, надъ кладбищемъ Дометиллы, была построена базилика свв. Нерея и Ахиллея, воздвигнутая въ концѣ IV вѣка и недавно реставрированная папою Іоанномъ I (524—526 г.), возлѣ которой находилась знаменитая часовня св. Петрониллы. На Тибуртинской дорогѣ — церковь св. Лаврентія со своими двумя базиликами — большой, которую Никстъ III обогатилъ драгоцѣнными дарами, и той, которая была построена въ началѣ V-го вѣка, такъ называемая ad Corpus съ знаменитымъ обширнымъ и великолѣпно разукрашеннымъ склепомъ [2]. Но изъ всѣхъ кладбищъ самыми знаменитыми были: то, которое находилось на Аппіевой дорогѣ, называвшееся ad Catacumbas, гдѣ покоился мученикъ св. Себастіанъ и гдѣ на короткое время были погребены апостолы Петръ и Павелъ, и другое, почти столь же славное, Каллиста, гдѣ покоились въ чтимомъ алтарѣ мученики III-го и начала IV вѣка и гдѣ другіе склепы, напр. св. Корнилія и святой Цециліи, одинаково возбуждали благоговѣніе благочестивыхъ посѣтителей [3]. На всѣхъ этихъ кладбищахъ, церкви, построенныя на поверхности земли, и часовни и каплицы, устроенныя подъ землею, напоминали о мученикахъ; повсюду прекрасныя надписи, дѣло папы Дамаза, излагали въ витіеватыхъ стихахъ ихъ героическую смерть и ихъ славу, и хотя въ теченіе V-го вѣка, въ 410 и 457 годахъ, катакомбы нѣсколько пострадали отъ грабежей варваровъ, но большія реставраціонныя работы, незадолго до того предпринятыя папами Симмахомъ (498 — 514 г.) и Іоанномъ I (523—526 г.), возстановили къ серединѣ VI вѣка ихъ былое великолѣпіе. Изъ маленькихъ книжекъ, предназначавшихся въ руководство вѣрующимъ, — причемъ большая часть ихъ относится къ VI-му вѣку [4], — видно, какъ громаденъ былъ въ это время приливъ пилигримовъ въ Вѣчный Городъ.

Однако, изъ церквей, построенныхъ на могилахъ му-

1 *Pératé*, 184, *Grisar*, 378 и сл.
2 *Grisar*, 748 и сл.
3. Id., 949 и след.
4 *De Rossi*, Inscr. christ. urbis Romae, II, 47—48.

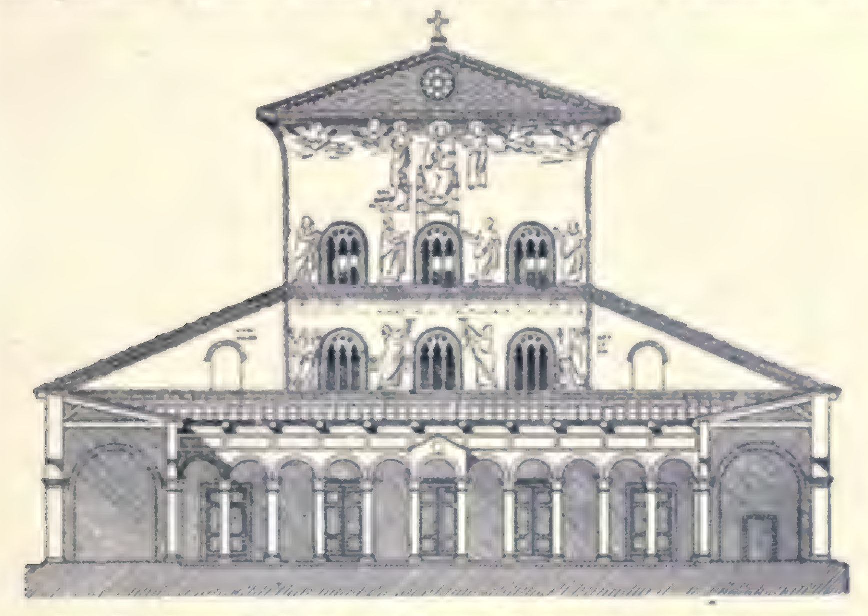
чениковъ, двѣ пользовались особою славою, а именно церкви свв. апостоловъ Павла и Петра. На Остійской дорогѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ погребенъ апостолъ Павелъ, еще Константинъ распорядился построить базилику. Перестроенная и увеличенная въ концѣ IV-го вѣка, она была снова, вслѣдствіе опустошившаго ее пожара, великолѣпно реставрирована Львомъ I при благочестивомъ и широкомъ содѣйствіи Галлы Плацидіи. Этой щедрости государыни церковь особенно обязана прекрасными мозаиками, украшающими главную арку; въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, по стѣнамъ главнаго корабля, тянулся длинный рядъ медальоновъ съ портретами римскихъ первосвященниковъ. Чрезвычайно обширная и величественная базилика апостола Павла въ началѣ VI-го вѣка блистала всею свѣжестью новизны, благодаря реставраціоннымъ работамъ, предпринятымъ папою Симмахомъ [1]. На Авреліанской дорогѣ возвышалось самое знаменитое религіозное сооруженіе Рима—базилика св. апостола Петра, которая, будучи особенно чтимою и постоянно украшаемою, оставалась неприкосновенною въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и только въ эпоху Возрожденія она была разрушена. Она также относилась ко временамъ Константина, который построилъ ее недалеко отъ цирка Нерона, и съ той поры, изъ году въ годъ, каждое поколѣніе,—и при Львѣ I и при Симмахѣ,—благоговѣйно старалось поддерживать и украшать ее. Огромная лѣстница, обширный атріумъ, окруженный портиками, надъ арками которыхъ были расположены мозаики, а посрединѣ ихъ изящный фонтанъ, льющій свою освѣжающую воду; пять кораблей, раздѣленныхъ четырьмя рядами колоннъ, по 23 колонны въ каждомъ; обширные и гармоническіе размѣры храма и наконецъ абсидъ, въ который вели семь широкихъ порфировыхъ ступеней и въ которомъ, подъ ciborium'омъ, поддерживаемомъ четырьмя порфировыми колонками, возвышался подъ изгибомъ тріумфальной арки главный алтарь,—все это придавало базиликѣ необыкновенное великолѣпіе. Это была святая святыхъ. Здѣсь, позади портика изъ шести колоннъ, покрытыхъ высѣченными на камнѣ виноградными вѣтвями (vitineae), находилась *исповѣдня*, изъ которой можно было издали видѣть могилу князя апостоловъ. Она представлялась въ видѣ прямоугольнаго углубленія подъ самымъ алтаремъ, закрытаго двумя крѣпкими рѣшетками

1. *Grisar*, 354 и сл.

191. Ц. Св. ап. Павла за стѣнами (*Clausse*, Basiliques et Mosaïques chrétiennes).

(cataractae); въ глубинѣ, въ подземной комнатѣ, бронзовый саркофагъ съ золотымъ крестомъ на поверхности хранилъ священныя кости св. Петра и въ этомъ же склепѣ, доступъ въ который во время нашествій V-го вѣка предусмотрительно былъ сдѣланъ невозможнымъ, покоились по сторонамъ апостола первые римскіе первосвященники. Не менѣе великолѣпна была и отдѣлка базилики. Мозаики на главномъ фасадѣ изображали Христа между Дѣвою Маріею и святымъ Пет-

102. Древній фасадъ ц. Св. Петра (*Clausse*, Basiliques et Mosaiques chrétiennes).

ромъ; расположенныя на тріумфальной аркѣ мозаики представляли Спасителя, стоящаго между апостоломъ и императоромъ Константиномъ, подносящимъ церковь, построенную его заботами [1]. На сводѣ абсида, реставрированнаго св. Львомъ, по стѣнамъ центральнаго корабля другія мозаики блистали своимъ золотомъ [2]. Я уже не говорю о золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ и о драгоцѣнныхъ вещахъ,—приношеніяхъ королей и императоровъ,—такъ какъ базилика болѣе чѣмъ этими образцами искусства пользовалась славою по воспоминанію объ апостолѣ, о томъ Петрѣ, котораго, говоритъ Прокопій, «римляне почитали и которому поклонялись болѣе, чѣмъ кому либо [3]». Вѣрующіе мечтали покоиться

1. Rev. archéol., январь, 1883.
2. *Pératé*, loc. cit., 206—207.
3. B. G., 110.

своимъ послѣднимъ сномъ вблизи его святой гробницы; папы, со временъ Льва I, приняли за правило дѣлать распоряженія о своемъ погребеніи подъ портиками атріума, который велъ въ базилику, и сами императоры не гнушались иногда слѣдовать этому примѣру [1]. Со всѣхъ концовъ міра посѣтители и приношенія стекались въ базилику и къ гробницѣ Петра. Во время понтификата Ормиздаса (514 — 523 г.) Юстинъ и Юстиніанъ, во свидѣтельство своей вѣры, прислали апостолу богатыя золотыя и серебряныя вазы и дорогія чаши, украшенныя драгоцѣнными камнями [2], и почти наканунѣ экспедиціи Велизарія благочестивѣйшій базилевсъ Юстиніанъ послалъ папѣ Іоанну II (533—535 г.) великолѣпные подарки, какъ свое приношеніе наиболѣе славной изъ всѣхъ римскихъ базиликъ [3].

Еще и теперь по церкви S. Maria Magiora можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ видѣ, который представляли собою въ VI вѣкѣ большія базилики Вѣчнаго Города и о глубокомъ впечатлѣніи, которое производили онѣ на вѣрующихъ. Величественные размѣры зданія, великолѣпіе украшеній, мраморные полы, золоченые потолки, роскошь усѣянныхъ драгоцѣнными камнями алтарей и священныхъ сосудовъ, переливы тканей и обоевъ, вышитыхъ разными цвѣтами и золотомъ, блескъ мозаикъ, украшавшихъ стѣны,— все содѣйствовало тому, чтобы внушить посѣтителю самое сильное и поражающее представленіе о торжествующемъ христіанствѣ. Сверхъ того, все убранство базилики какъ бы свидѣтельствовало, что она является достойнымъ жилищемъ самого Бога [4]. Въ абсидѣ, торжествующій Христосъ показывалъ церковь во всемъ ея великолѣпіи; по бокамъ клироса другія изображенія, часто взятыя изъ Ветхаго Завѣта, свидѣтельствовали о высокой и таинственной силѣ Евхаристіи. На тріумфальной аркѣ видиѣлись страшныя сцены изъ апокалипсиса, а вдоль кораблей длинный рядъ мучениковъ вызывалъ воспоминаніе о долгой и славной борьбѣ церкви. Одновременно съ тѣмъ, какъ эти мистическія сцены какъ бы выливались въ одинъ гимнъ прощенія и любви во славу торжествующей церкви и побѣдоноснаго Христа, рядъ картинъ болѣе историческаго характера, представлялъ глазамъ вѣрующаго эпизоды изъ церковныхъ хроникъ, изъ

1. *Lanciani*, 203—204.
2. *Grisar*, 480—481.
3. Lib. pontif., 281. Относительно базилики св. Петра, см. *Grisar*, 219—240.
4. *Pératé*, 182—185, 200—205.

жизни святыхъ и мучениковъ, дополняя въ образахъ поученія священниковъ. И такимъ образомъ, вдвойнѣ почитаемый, вдвойнѣ святой, — своими чудесами умершаго язычества и славою рождающагося христіанства,—Римъ, въ которомъ африканецъ св. Фульгенцій видѣлъ прообразъ небеснаго Іерусалима [1],—такъ онъ былъ прекрасенъ, — въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ равнаго себѣ. Какъ говорится въ современной поэмѣ, это былъ «городъ—владыка міра, самый чудесный, красный отъ крови мучениковъ, бѣлый и чистый, какъ лилія дѣвственицъ, городъ благословенный между всѣми другими, достойный того, чтобы существовать во всѣ вѣка»:

O Roma nobilis orbis et domina,
Cunctarum urbium excellentissimma,
Roseo martyrum sanguine rubea,
Albis et virginum liliis candida,
Salutem dicimus tibi per omnia,
Te benedicimus, salve per saecula.

Этотъ дивный Римъ, столь полный монументами, воспоминаніями и славой, такъ что, по словамъ современника, «обладаніе всею Италіею безъ него ничего не стоило [2]», суждено было видѣть послѣдними, въ его неприкосновенномъ видѣ, Велизарію и его войскамъ. Долгая и неизгладимая война, наполнившая послѣ этого въ теченіе двадцати лѣтъ весь полуостровъ кровью и развалинами, должна была обозначить и для Рима конецъ его процвѣтанію. Пять разъ взятый и снова отнятый во время этого печальнаго періода, измученный ужасами долгой осады, штурмовъ, неистовствами варваровъ, лишенный защищающихъ стѣнъ, обезлюденный, пустынный и даже остававшійся въ теченіе нѣсколькихъ недѣль вполнѣ необитаемымъ, этотъ царь античнаго міра въ эти печальные годы медленно нисходитъ въ рядъ посредственнаго и незначительнаго провинціальнаго города. Его граждане гибнутъ подъ мечемъ побѣдителей, его зданія рушатся, слава — меркнетъ. «Повсюду, говоритъ нѣсколько лѣтъ спустя въ трагической гомеліи папа св. Григорій Великій, повсюду мы видимъ только трауръ и слышимъ одни только вздохи. Римъ, нѣкогда владыка міра, корчится отъ невыразимой боли, подъ ударами варваровъ, подъ развалинами своихъ монументовъ. Гдѣ сенатъ? Гдѣ народъ? Слава міра потеряна, остается только жалкая толпа, постоянно находящаяся подъ мечемъ варваровъ. Что сталось со славою

1. Vita Fulgent i, 13 (P. L., 65, 130).

2. *Грегоровіусъ*, loc. cit., I.

Рима? Во что превратилась его гордость? Сенатъ исчезъ, народъ погибъ, опустѣлый городъ рушится самъ собою [1]». Въ это время уже памятники были заброшены, храмы разрушались, форумъ пустъ, императорскіе дворцы почти покинуты; большой циркъ, въ которомъ Тотила въ послѣдній разъ устроилъ большія игры, заросъ травою; Колизей и театры — пусты. Термы, въ которыя разрушенные водопроводы уже не доставляли болѣе воды съ горъ, высились среди громадныхъ пустынныхъ пространствъ въ видѣ огромныхъ полуразрушенныхъ массъ, но тогда какъ римское населеніе, подавленное тяжестью своихъ бѣдствій, уменьшившееся до жалкаго числа едва 50000 душъ, съ тоскою ждало близкаго конца міра, — медленно, на развалинахъ императорскаго Рима, сталъ рости и развиваться городъ папъ.

Изъ числа немногихъ зданій, построенныхъ въ Римѣ, въ VI вѣкѣ, два сохранившихся памятника даютъ возможность вполнѣ оцѣнить всю глубину наступившаго упадка. На форумѣ, на Священной Дорогѣ, еще и теперь стоитъ церковь свв. Козмы и Даміана, построенная въ честь двухъ чрезвычайно популярныхъ святыхъ, тѣхъ «мучениковъ-врачей», покровительство которыхъ, какъ говорится въ надписи на абсидѣ, «было для народа вѣрнымъ залогомъ спасенія» [2]. Постройка, относящаяся къ началу VI вѣка, замѣнила при папѣ Феликсѣ IV (526—530 г.) древнее зданіе, принадлежавшее городской префектурѣ, которое передѣлали и приспособили для нуждъ христіанскаго богослуженія. Интересныя мозаики съ сильнымъ грандіознымъ эффектомъ украшаютъ его абсидъ: на темносинемъ небѣ, освѣщаемомъ красноватою зарею, выдѣляются колоссальнаго размѣра строгія энергическія фигуры, сильныя и крѣпкія. Несмотря на проявляющіеся уже недостатки, все произведеніе по стилю все еще замѣчательно и притомъ оно представляетъ ту особенность, что обозначаетъ собою послѣднее выраженіе продолжительной художественной эволюціи въ Римѣ, послѣднее усиліе оригинальнаго творчества. И въ самомъ дѣлѣ, въ новизнѣ плана церкви, напоминающемъ подобныя же зданія на Востокѣ, въ выборѣ святыхъ покровителей, особенно дорогихъ для восточнаго благочестія, — проявляются новыя вліянія, которыя съ этихъ поръ, съ теченіемъ времени, все усиливались, но тѣмъ не менѣе, искусство остается пока римскимъ и независимымъ

1. *Greg. Magn.* Hom. in Ezech., II, 6 (P. L., 76, 1010).

2. *De Rossi*, Inscr. christ., II, 71, 134, 152.

отъ византійскихъ требованій [1]. Но стоитъ обратить вниманіе на то, что сдѣлано пятьдесятъ лѣтъ спустя въ базиликѣ св. Лаврентія, реставрированной папою Пелагіемъ II (578—590 г.): посмотрите на мозаики, украшающія ея тріумфальную арку. Здѣсь типы—уже совершенно восточные, но сильнѣе всего тутъ чувствуется быстро наступившій пора-

193. Мозаика абсида церкви свв. Козмы и Даміана въ Римѣ.

жающій, непоправимый упадокъ. Фигуры — слабыя, драпировка—вялая, постановка ихъ натянутая, неестественная; самая работа не обнаруживаетъ силы и выраженія [2]. Это—слѣдствіе того, что, въ теченіе полу-вѣка, раздѣляющаго оба произведенія, произошло глубокое измѣненіе какъ въ римскомъ искусствѣ, такъ и въ жизни. Одновременно съ Афинами, низведенными съ положенія античной столицы эллинизма на роль маленькаго провинціальнаго городка, Римъ, античная столица міра, претерпѣлъ не менѣе полную перемѣну. Въ эту эпоху, опредѣляющую для него конецъ

1. *Pératé*, 246—248; *Grisar*, 184 и сл.

2. *Grisar*, 745 и сл.

античнаго времени, онъ принялъ видъ, который потомъ сохранялъ въ теченіе всего средневѣковья, и на развалинахъ дворцовъ цезарей въ немъ постепенно развилась власть папъ. Какъ совершилось это превращеніе, сдѣлавшее изъ царя вселенной посредственный провинціальный городъ? Для объясненія этого достаточно обратиться къ свидѣтельству очевидца, Прокопія, видѣвшаго послѣдніе дни римскаго великолѣпія и подробно описавшаго всѣ поразившія его несчастія; но и въ другихъ отношеніяхъ слѣдуетъ познакомиться съ его разсказами. Въ нихъ можно познакомиться съ тѣмъ, отъ чего страдали подданные въ царствованіе знаменитаго Юстиніана и какъ страдала церковь подъ управленіемъ очень благочестиваго, но и очень деспотическаго императора [1].

II.

Римляне были увѣрены, что завоеваніе Италіи закончится не у стѣнъ Вѣчнаго города. Убѣжденные, что Велизарій не допуститъ осадить себя въ этомъ громадномъ городѣ, который такъ трудно защищать, что онъ никогда не возметъ на себя задачу кормить его огромное населеніе, они думали, что судьба полуострова опредѣлится далеко отъ нихъ какою нибудь рѣшительною битвою, и это было одною изъ причинъ ихъ желанія отдаться имперцамъ. Поэтому они были очень встревожены, увидя, что византійскій генералъ наполняетъ зерномъ общественныя житницы, что онъ распорядился доставить изъ Сициліи съѣстные припасы, въ особенности же, когда они узнали, что началось самое поспѣшное возстановленіе старыхъ стѣнъ Авреліана и Гонорія [2]. Еще болѣе испугались они, когда въ мартѣ 537 г. они увидали страшную армію остготовъ, которая, подобно потоку, разлилась вокругъ города и солдаты Витигеса заняли позиціи, расположившись у стѣнъ Рима, въ семи лагеряхъ. Началась великая осада города, одна изъ самыхъ продолжительныхъ и самыхъ ужасныхъ, какія когда либо онъ выдерживалъ: она тянулась ровно одинъ годъ и девять дней. На одной сторонѣ насчитывалось 150000 воиновъ, цвѣтъ народа готовъ, ожесточенно стремившихся вновь завладѣть столицею ихъ ко-

1. О различныхъ осадахъ Рима см. *Грегоровіусъ*, loc. cit., т. I; *Hodgkin*, Italy and her invaders, т. IV; *Hartmann*, Gesch. Italiens im Mittelalter, I; *Grisar*, loc. cit., 531—535.

2. B. G., 76.

ролевства, а на другой имѣлось едва 5000 человѣкъ, укрѣпившихся за плохо подправленными стѣнами, среди недовольнаго населенія, нетерпѣливо переносившаго ужасы осады и среди котораго къ тому же нерѣдко возникали измѣнническія теченія. Но въ городѣ былъ Велизарій, гордо заявившій, что, пока онъ живъ, Римъ не сдастся [1], и его удивительная храбрость, военное искусство и хладнокровіе должны были побѣдить всѣ препятствія. Нужно прочесть Прокопія, очевидца всѣхъ событій, весь его разсказъ, часто принимающій эпическій характеръ, о семидесяти сраженіяхъ, происшедшихъ у стѣнъ Рима, и особенно о той по истинѣ гомерической битвѣ, въ которой проявилась и почти легкомысленная храбрость и рѣдкая предусмотрительность Велизарія [2]. Съ отрядомъ въ тысячу кавалеристовъ генералъ выступилъ для рекогносцировки непріятеля, разсчитывая встрѣтиться съ его авангардомъ, но попалъ въ центръ всей остготской арміи. Сидя на превосходномъ конѣ съ бѣлой звѣздочкой на лбу, Велизарій повелъ атаку съ неумѣстною для главнокомандующаго горячностью [3]. Вокругъ него началась бѣшенная рукопашная свалка, во время которой гибли наиболѣе смѣлые изъ его конвоя, защищая своего генерала. Въ концѣ концовъ Велизарій сталъ отступать, а затѣмъ въ виду все увеличивающейся массы готовъ, пришлось бѣжать; греческая кавалерія въ безпорядкѣ отступила къ стѣнамъ Рима. Въ городѣ распространился слухъ, что Велизарій убитъ и стража, не узнавшая своего начальника въ прискакавшемъ кавалеристѣ, покрытомъ пылью и кровью, отказалась открыть ворота, боясь, чтобы вмѣстѣ съ бѣгущими не проникли въ городъ готы. Въ такомъ безвыходномъ положеніи Велизарій сдѣлалъ послѣднее усиліе и новою аттакою онъ на время отбросилъ варваровъ, что дало ему возможность возвратиться въ Римъ. Наступалъ уже вечеръ, но генералъ продолжалъ работать безъ отдыха. Непріятель былъ близокъ и потому, опасаясь ночного нападенія, Велизарій пожелалъ лично осмотрѣть всѣ стѣны, провѣрить посты, дать инструкціи начальникамъ и только очень поздно друзьямъ удалось уговорить его немного поѣсть и отдохнуть [4]. И дѣйствительно, положеніе было чрезвычайно критическое. Витигесъ, презирая грековъ, надѣялся взять городъ открытою силою; уже въ первые дни осады онъ приказалъ начать общій штурмъ.

1. B. G., 116.
2. Id., 87—91.
3. B. G., 87.
4. Id. 92.

Для этого онъ распорядился построить большія деревянныя башни, которыя на быкахъ должны были быть притащенными къ стѣнамъ города, и такимъ образомъ, облегчить варварамъ приступъ [1], и римляне въ безумномъ ужасѣ видѣли приближеніе этихъ страшныхъ военныхъ машинъ къ городскимъ укрѣпленіямъ. Велизарій установилъ свою квартиру близъ главнаго пункта атаки, на Пинчіо, и въ то время, когда всѣ были охвачены страхомъ, онъ одинъ сохранялъ хладнокровіе и спокойствіе. Когда непріятельскія машины приблизились на надлежащее разстояніе, онъ лично нанесъ первый ударъ по нимъ [2]; потомъ, приказавъ своимъ стрѣлкамъ изъ луковъ цѣлиться въ быковъ и, такимъ образомъ, очень быстро лишивъ непріятеля возможности управлять машинами, онъ сдѣлалъ ихъ неподвижными. Но готы не потеряли бодрости: у Саларскихъ воротъ Витигесъ лично руководилъ нападеніемъ. Однако, смѣлая вылазка осажденныхъ заставила его солдатъ отступить въ безпорядкѣ и вскорѣ красный блескъ горящихъ военныхъ машинъ оповѣстилъ римлянъ о первой неудачѣ осаждающихъ [3]. Въ другомъ пунктѣ шла не менѣе горячая битва. По ту сторону Тибра, мавзолей Адріана прикрывалъ находившійся близъ него мостъ на рѣкѣ; онъ былъ сильно укрѣпленъ византійцами, но подъ прикрытіемъ портиковъ, соединявшихъ мавзолей съ базиликой Св. Петра, готамъ удалось проскользнуть къ самымъ стѣнамъ, вслѣдствіе чего балисты сдѣлались безполезными для того, чтобы отогнать непріятеля, и осаждающіе стали ужъ совсѣмъ насѣдать на гарнизонъ, когда отчаяніе внушило грекамъ внезапное рѣшеніе. Мавзолей Адріана былъ великолѣпно украшенъ статуями; ихъ разбили на тысячи кусковъ и стали бросать ихъ на варваровъ. Подъ этою лавиною осколковъ скульптурныхъ произведеній остготы отступили. Этотъ способъ защиты объясняетъ почему впослѣдствіи во рвахъ замка св. Ангела были найдены спящій Фавнъ, находящійся теперь въ Мюнхенѣ, и флорентійскій пляшущій Фавнъ [4]. Легенда, относящаяся къ этому времени, приписываетъ самому апостолу Петру участіе въ оборонѣ своего города. Возлѣ Фламминіевыхъ воротъ часть стѣны была въ очень плохомъ состояніи, грозя совершенно развалиться; ее даже называли «проломанной стѣной». По преданію, когда св. Петръ, идя на казнь, проходилъ возлѣ стѣны, она склонилась передъ апостоломъ. Понятно, что Велизарій за-

1. B. G., 101—101.
2. Id., 103.
3. B. G., 111—113.
4. Id., 106—100.

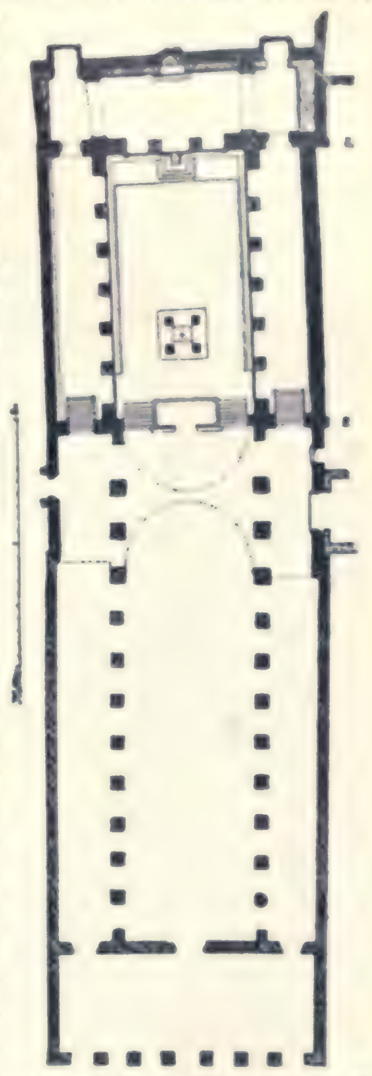
191. Ц. св. Лаврентія за стѣнами. Наружный видъ. (*Clausse*, Basiliques et Mosaïques chrétiennes).

хотѣлъ исправить этотъ слабый оборонительный пунктъ, но римляне воспротивились этому, говоря, что св. Петръ обѣщалъ быть самъ на стражѣ укрѣпленій, и дѣйствительно готы были какъ будто ослѣплены апостоломъ, потому что ни разу не сдѣлали попытки нападенія въ этомъ мѣстѣ [1]. Какъ бы то не было, но къ вечеру этой кровавой битвы 30000 тѣлъ готовъ усѣяли подступы къ Риму и всю ночь въ то время, когда византійскіе солдаты распѣвали въ городѣ свои побѣдные гимны, въ станѣ варваровъ раздавались возгласы горя и оплакиванія героевъ, павшихъ въ сраженіи [2].

Витигесу не удалось открытое нападеніе, но городъ все таки не былъ еще спасенъ. Съ самаго начала осады варвары разрушили водопроводы, что являлось весьма серьезнымъ обстоятельствомъ, потому что вслѣдствіе этого Римъ долженъ былъ довольствоваться, какъ это потомъ продолжалось въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, водою изъ цистернъ и изъ Тибра. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ мельницы, получавшія воду изъ водопроводовъ, стали, и нужна была вся изобрѣтательность Велизарія, чтобы замѣнить ихъ новыми сооруженіями, приводившимися въ движеніе водою рѣки [3]. Однако обложеніе города не было полнымъ, дорога къ морю оставалась открытою и Велизарій воспользовался ею для удаленія изъ города части населенія, не принимавшей участія въ оборонѣ [4], а также для набѣговъ на всю окрестную область своей легкой кавалеріи, особенно своихъ нумидійскихъ всадниковъ, которые наводили большой страхъ на готовъ. Но мало-помалу обложеніе становилось все тѣснѣе; Витигесъ понялъ, что онъ не можетъ овладѣть городомъ штурмомъ и что маленькая византійская армія была слишкомъ слаба, чтобы рискнуть на генеральное сраженіе. Вслѣдствіе этого онъ вмѣсто осады началъ блокаду; онъ овладѣлъ г. Порто у устья Тибра [5] и занялъ между дорогами Аппіевой и Латинской крѣпкую позицію, которая господствовала надъ ними обѣими и запирала ихъ. Такимъ образомъ было достигнуто полное обложеніе города и въ Римѣ начался страшный голодъ [6]. Мяса не хватало; на вѣсъ золота пріобрѣталось мясо палыхъ или убитыхъ муловъ. Количество воды уменьшилось и она стала нездоровою; тѣмъ не менѣе ее можно было покупать только по дорогой цѣнѣ; овощей не хватало для питанія населенія;

1. B. G., 109—110.
2. Id., 113—114.
3. Id., 96—98.
4. B. G., 119—120.
5. Id., 123—125.
6. Id., 154—156; Lib. pontif., 201.

едва можно было доставать фуражъ для животныхъ. Къ тому же все это происходило въ іюлѣ; развились лихорадки, а плохо погребенные трупы вызвали эпидемическія заболѣванія. Затѣмъ, одна неудачная вылазка довершила упадокъ духа среди осажденныхъ. Въ городѣ начался ропотъ и къ Велизарію была послана депутація, которая умоляла его сжалиться надъ Римомъ и сдаться [1]. Но онъ одинъ оставался непреклоненъ. Онъ обѣщалъ скорое прибытіе подкрѣпленій и доставку жизненныхъ припасовъ и, чтобы поскорѣе достигнуть этого, послалъ въ Неаполь свою жену, энергическую Антонину, и вѣрнаго Прокопія [2], которымъ удалось прорвать блокаду. Къ счастью для Велизарія положеніе готовъ было также плохо. Римская долина дала ему двухъ драгоцѣнныхъ союзниковъ: лихорадку и голодъ. Дѣло происходило въ іюлѣ. Разрушеніе водопроводовъ превратило предмѣстье Рима въ обширное болото; въ лагеряхъ остготовъ болѣзни производили страшное опустошеніе, и сверхъ того, легкая византійская кавалерія и мавры съ ихъ дрессированными собаками для обнаруживанія засадъ постоянно прерывали сообщенія и отбивали обозы осаждающихъ, такъ что Витигесъ вынужденъ былъ покинуть южную часть города. Потомъ, въ декабрѣ, онъ рѣшился предложить перемиріе, чтобы имѣть время для переговоровъ съ Константинополемъ [3]. Какъ разъ въ это же время прибыли подкрѣпленія для грековъ и большая флотилія, нагруженная провизіею, вошла въ Остію, а затѣмъ безпрепятственно поднялась по Тибру [4]. Дѣло готовъ было про-

105. Планъ и. св. Лаврентія за стѣнами (*Clausse*, Bas. et Mos. chrétiennes).

1. B. G., 156—158; ср. стр. 99.
2. Id., 159—160.
3. B. G., 167—174.
4. Id., 172—174.

196. Взятіе на небо пророка Ильи. Барельефъ на деревянной двери ц. св. Сабины

197. Вознесеніе. Барельефъ изъ деревянной двери ц. св. Сабины.

играно. Тщетно Витигесъ упорно продолжалъ его,—всѣ аттаки готовъ кончались неудачею; тщетно солдаты Витигеса пытались проникнуть въ городъ черезъ водопроводъ: ихъ выдалъ свѣтъ факеловъ, которые они несли съ собою [1]. Потерявъ всякую надежду, получая отовсюду угрожающія свѣдѣнія, считая, что самой Равеннѣ грозитъ опасность,—Витигесъ наконецъ снялъ осаду. Въ концѣ марта 538 г. римляне съ высоты своихъ стѣнъ увидѣли, какъ колонны готовъ пошли по направленію къ сѣверу, предавъ огню свои лагери. Цвѣтъ народа готовъ погибъ подъ стѣнами Вѣчнаго Города [2].

Римъ считалъ себя спасеннымъ и въ праздники Пасхи, слѣдовавшіе за снятіемъ осады (4 апрѣля 538 г.), онъ радостно отпраздновалъ дѣлами милосердія свое освобожденіе и свое торжество [3]. Папа Вигилій, недавно занявшій каѳедру св. Петра, проявилъ большое рвеніе въ исправленіи бѣдствій, причиненныхъ войною. Алтари мучениковъ и пригородныя кладбища были возмутительно разграблены варварами [4]: папа занялся, особенно въ катакомбахъ св. Петра и Марцеллина, въ подземной базиликѣ св. Ипполита и на кладбищахъ по Саларской дорогѣ, реставраціею этихъ чрезвычайно чтимыхъ мѣстъ, къ которымъ, какъ гласитъ одна надпись, «преступленіе враговъ еще болѣе усилило народную любовь [5]». Со своей стороны Велизарій освятилъ успѣхъ своего оружія основаніемъ благотворительныхъ учрежденій и великолѣпными приношеніями въ церковь [6]. Даже муза какъ бы захотѣла озарить своимъ блескомъ эти печальные годы. Въ 544 г. поддіаконъ Араторъ, по приглашенію Вигилія, перевелъ Дѣянія апостоловъ латинскими двустишіями, и это произведеніе, казавшееся въ то время чудеснымъ, было прочитано съ большимъ торжествомъ въ базиликѣ св. Петра in Vincoli [7]. «Все, что оставалось въ Римѣ изъ числа образованныхъ, горячо привѣтствовало его и нѣсколько старыхъ консуларовъ, изъ тѣхъ, которые исправляли манускрипты Горація и Тита Ливія, быть можетъ вспоминали о храмѣ

1. B. G., 181—182.

2. Id., 186.

3. Sacramentarium leonianum, изд. Feltoe, стр. 73. Ср. *Duchesne*, Orig. du culte chrétien, 131.

4. Lib. pontif., 291.

5. *De Rossi*, Inscr. christ., II, 1, стр. 83, 100, 137; Nuovo Bull. di arch. crist., IV, 156 и сл.; *Lanciani*, loc. cit., 324—325; *Grisar*, 534—535; ср. id, 650 и сл.

6. Lib. pontif., 296. *Grisar*, 545—546.

7. *Grisar*, 546 и сл.

Аполлона на Палатинѣ и его библіотекахъ, гдѣ во времена Августа поэты и ораторы декламировали свои произведенія предъ собраніемъ просвѣщенныхъ людей [1] ».

III.

Это были дѣла мирнаго времени, которыя, однако, должны были очень скоро прекратиться. Осада 537 г. была просто игрушкою въ сравненіи съ наступающими бѣдствіями. Извѣстно, что въ 542 г. остатки готскаго народа соединились вокругъ героя и борьба началась по всей Италіи. Уже Флоренція, Неаполь, Тибуръ попали подъ власть Тотилы; Римъ, сжатый со всѣхъ сторонъ, чувствовалъ приближеніе новыхъ бѣдъ и дѣйствительно осенью 545 г. король готовъ сталъ лагеремъ передъ его стѣнами [2].

На этотъ разъ для его защиты не было Велизарія. Отозванный послѣ взятія Равенны на востокъ съ порученіемъ вести войну съ персами, затѣмъ впавшій въ немилость, онъ былъ потомъ, въ виду чрезвычайно важныхъ обстоятельствъ, снова посланъ въ Италію, но безъ солдатъ, безъ денегъ и, будучи совершенно безсиленъ, долженъ былъ безнадежно только присутствовать при событіяхъ, которымъ не могъ помѣшать. Вмѣсто него жестокій и алчный начальникъ Вессасъ командовалъ 3000 человѣкъ, составлявшихъ весь гарнизонъ Рима. Считая свои войска слишкомъ немногочисленными для того, чтобы прорвать осаждающія войска, онъ ограничивался охраненіемъ стѣнъ и упорно отказывался отъ вылазки. Со своей стороны Тотила понялъ, что онъ будетъ напрасно тратить свои силы въ кровавыхъ приступахъ, поэтому онъ ограничился плотною блокадою города, перерѣзавъ всѣ сообщенія, заперѣвъ искусственными сооруженіями нижнее теченіе Тибра и сдѣлавши такимъ образомъ излишнимъ обладаніе г. Порто, въ которомъ стоялъ византійскій отрядъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ, постоянно ожидая помощи, которая однако не приходила, Римъ вскорѣ сталъ добычею всѣхъ ужасовъ самаго страшнаго голода [3]. Напрасно папа, находившійся въ то время въ Сициліи, послалъ флотъ съ зерновымъ хлѣбомъ: онъ былъ захваченъ готами [4]. Напрасно діаконъ Пелагій, управлявшій за отсутствіемъ Вигилія римскою цер-

1. *Duchesne*, Vigile et Pélage, 379
2. B. G., 327.
3. B. G., 327—328.
4. Id., 339.

ковью, пытался смягчить гнѣвъ Тотилы: король-варваръ не захотѣлъ ничего слышать [1]; а въ это время римское населеніе гибло отъ голода. Прокопій оставилъ приводящее въ содроганіе описаніе этого ужаснаго года [2]. Нужда была такъ велика, что за мѣру пшеницы платили по семи золотыхъ солидовъ, за небольшое количество муки съ отрубями по два золотыхъ солида. Мясная туша продавалась за пятьдесятъ золотыхъ солидовъ, но и при этомъ ее трудно было достать. Трупъ дохлой лошади считался благополучіемъ для тѣхъ, кто его находилъ, и, несмотря на всѣ великодушныя усилія нѣкоторыхъ благородныхъ людей, особенно Пелагія, чтобы облегчить бѣдствія осажденныхъ, голодъ становился со дня на день все ужаснѣе. Ѣли собакъ, крысъ; чтобы заглушить голодъ, питались травою, крапивою, которую кипятили. Множество людей умирало. Повсюду можно было видѣть только багровыя лица, бродящія тѣни. Начались самоубійства, а то, что совершалось вокругъ, приводило въ ужасъ несчастныхъ живыхъ. На всѣ мольбы римлянъ, желавшихъ смерти, какъ избавленія отъ ихъ мукъ [3], Вессасъ не обращалъ вниманія. Онъ сохранялъ для гарнизона всѣ средства, которыми можно было располагать, или пользовался тѣми запасами, которые онъ сдѣлалъ заранѣе, чтобы обогатиться лично ему самому. Однако, позже, онъ за дорогую цѣну позволилъ нѣкоторому числу лицъ удалиться изъ города, но многіе изъ нихъ, истощенные предшествовавшими лишеніями, умерли въ дорогѣ. Такимъ образомъ, говоритъ Прокопій, вспоминающій въ эти дни всеобщаго горя, знаменитое былое изрѣченіе, «рокъ каралъ сенатъ и римскій народъ [4]».

Среди всѣхъ этихъ мукъ явился лучъ надежды. Узнали, что въ Порто прибылъ Велизарій съ войсками и флотомъ изъ двухсотъ кораблей, нагруженныхъ пшеницею, которые онъ заготовилъ, чтобы помочь Риму и накормить его. По обыкновенію, Антонина сопровождала генерала и это было причиною неудачи. Направившись къ Риму, Велизарій оставилъ свою жену въ Порто, строго приказавъ Исааку, начальнику гарнизона, ни въ какомъ случаѣ не выступать изъ города. Ему уже удалось уничтожить загражденіе, запиравшее Тибръ, когда среди византійскаго войска внезапно распространился слухъ, что Исаакъ убитъ. Но если такъ,

1. B. G., 340—341.
2. Id., 347—349.
3. B. G., 346—347.
4. Id., 349.

если Порто взять, то для арміи Велизарія отступленіе было бы отрѣзано, но, главное, въ такомъ случаѣ Антонина попала бы въ руки варваровъ, и, ничего не провѣривъ, ничего не слушая, Велизарій поспѣшно пошелъ назадъ. А между тѣмъ въ Порто было все спокойно, Антонина свободна и Исаакъ живъ; новость была ложная, но все предпріятіе для освобожденія Рима рухнуло. Въ отчаяніи отъ этой неудачи, Велизарій серьезно заболѣлъ и послѣдняя надежда спасенія для осажденныхъ исчезла [1].

Въ ночь на 17 декабря 546 г., благодаря измѣнѣ, Тотила проникъ въ Римъ. Внезапно пробужденные трубными звуками побѣдителя [2], римляне считали, что насталъ ихъ послѣдній часъ. Среди ночи они спѣшили въ церкви, а греческій гарнизонъ поспѣшно бѣжалъ въ сопровожденіи всѣхъ, кому удалось достать лошадь. Множество народа укрылось въ церкви св. Петра, въ этомъ наиболѣе священномъ и чтимомъ убѣжищѣ. Утромъ туда же отправился и Тотила, чтобы поклониться гробницѣ апостола. Пелагій встрѣтилъ его на порогѣ храма съ евангеліемъ въ рукѣ и просилъ прощенія побѣжденнымъ римлянамъ [3]. Король склонился на его мольбы; за нѣсколькими исключеніями, жизнь горожанъ была пощажена, но Тотила, въ награду своимъ солдатамъ, разрѣшилъ имъ грабежъ города и жестоко далъ почувствовать римлянамъ все ихъ униженіе. Сдѣлавъ смотръ войскамъ на форумѣ, онъ вошелъ въ сенатъ, державшій свое послѣднее засѣданіе подъ такимъ непредвидѣннымъ предсѣдательствомъ, и разразился безпощадными упреками по адресу патриціевъ за ихъ неблагодарность. И на этотъ разъ снова, среди всеобщаго молчанія, раздался одинъ голосъ, голосъ Пелагія, просившаго пощады сенату, подобно тому, какъ онъ добился ее для римскаго народа [4].

Положеніе Рима было плачевно. Война, осада и эмиграція низвели населеніе его до горсти людей. Прокопій говоритъ, что въ городѣ оставалось едва 500 человѣкъ и при томъ совершенно нищихъ [5]. Потомки самыхъ знатныхъ фамилій, самые знаменитые сенаторы были доведены до необходимости просить кусокъ хлѣба; но между ними выдѣляется одна благородная фигура, а именно Рустиціана, дочь Симмаха и вдова Боеція. Тотчасъ по возстановленіи власти

1. B. G., 355–360.
2. Lib. pontif., 298; B. G., 362 и сл.
3. B. G., 364.
4. B. G., 367–368.
5. Id., 365.

византійцевъ она отомстила за несправедливость, оказанную близкимъ ей людямъ, приказавъ свалить статую Теодориха; потомъ, во время осады, она великодушно раздала все свое имущество бѣднымъ и теперь разоренная, вынужденная протягивать руку, она подвергалась величайшимъ опасностямъ. Раздраженные готы требовали ея смерти, но ее спасло милосердіе Тотилы [1]. Дѣйствительно, въ эти печальные дни король варваровъ обнаруживалъ снисходительность къ отдѣльнымъ лицамъ, но городъ, предъ которымъ пало столько близкихъ ему людей, внушалъ ему страшную ненависть. Сначала онъ приказалъ снести часть стѣнъ, но вскорѣ потомъ онъ сталъ грозить сжечь городъ и превратить весь Римъ въ обширное пастбище [2]. Затѣмъ, въ минуту гнѣва, онъ приступилъ къ выполненію еще болѣе чрезвычайной мѣры. Въ началѣ 547 г. онъ попытался начать переговоры съ византійскимъ дворомъ, но Юстиніанъ высокомѣрно отвергъ мирныя предложенія; тогда Тотила принялъ грандіозное и страшное рѣшеніе. Все населеніе Рима, съ сенаторами во главѣ, было уведено, какъ плѣнники, въ Кампанью и городъ остался совершенно безлюднымъ [3]. «Римъ, разсказываетъ одинъ современникъ, былъ до такой степени опустѣлымъ, что въ немъ, кромѣ животныхъ, не оставалось ни одного живаго существа» [4]. Въ стѣнахъ великой метрополіи царила пустыня; въ теченіе шести недѣль—неслыханный и неповторявшійся въ его исторіи случай—жизнь въ Римѣ совершенно прекратилась и трудно представить себѣ печальное и устрашающее зрѣлище, которое представлялось тогда робкому прохожему, отважившемуся войти въ этотъ мертвый городъ съ его «пустынными улицами, молчаливыми площадями, запертыми церквами и опустѣлыми жилищами, гдѣ дикіе звѣри заняли мѣсто людей [5]».

IV.

Однако, эта кажущаяся смерть продолжалась не долго. Велизарій, все еще державшійся въ Порто, воспользовался благопріятнымъ моментомъ и съ небольшимъ отрядомъ войска занялъ городъ. Въ теченіе двадцати пяти дней онъ исправилъ разрушенныя стѣны, поспѣшно заполняя ихъ

1. B. G., 365.
2. Id., 371.
3. Id., 373.
4. *Marcell. com.*, a. 547.
5. *Duchesne*, Vigile et Pélage, 405.

остатками древнихъ монументовъ [1], и когда Тотила, полагавшій, что онъ стеръ даже память о Римѣ, вновь появился у Вѣчнаго города, византійскій генералъ энергически отбилъ всѣ штурмы, заставивъ короля варваровъ горько пожалѣть, что онъ въ минуту раздраженія предпочелъ уничтожить городъ вмѣсто того, чтобы сохранить его для себя [2]. Тѣмъ не менѣе бѣдствія города еще не кончились. Въ 549 г. Тотила вновь явился у стѣнъ Рима, въ которомъ на этотъ разъ Велизарія не было. Снова измѣна открыла готамъ ворота города и снова Римъ испыталъ ужасы взятія его штурмомъ [3]. Въ теченіе трехъ лѣтъ варвары занимали его, какъ хозяева, до тѣхъ поръ, пока въ 552 г. Нарзесъ не взялъ его въ пятый разъ приступомъ, послѣ чего онъ оставался во власти Восточной имперіи въ теченіе двухъ послѣдующихъ вѣковъ [4]. Считая себя окончательно спасеннымъ, Римъ праздновалъ побѣду византійскихъ армій [5] и высокопарныя надписи прославляютъ за одно и пораженіе готовъ, уничтоженныхъ поразительнымъ искусствомъ грековъ, и свободу, возвращенную Риму, и торжество Нарзеса [6].

Пять разъ взятый приступомъ въ теченіе короткаго времени, на протяженіи шестнадцати лѣтъ, городъ являлся лишь тѣнью самого себя [7]. Война, голодъ, чума и эмиграція низвели то, что составляло нѣкогда владычествовавшій народъ, къ горсти людей. На громадномъ пространствѣ, опоясанномъ стѣнами, едва насчитывалось отъ тридцати до сорока тысячь разоренныхъ, обнищалыхъ, несчастныхъ жителей. «Такова, писалъ діаконъ Пелагій, нужда и бѣдность города, что мы не можемъ смотрѣть безъ сердечной боли на людей, которыхъ мы прежде знали богатыми и уважаемыми [8]». Отъ римской аристократіи сохранились только жалкіе остатки. Многіе патриціи бѣжали изъ Рима навсегда, одни въ Сицилію, другіе даже въ Константинополь. Многіе, попавъ въ руки готовъ, испытали еще болѣе горькую участь: въ отчаянной борьбѣ 552 г. они были безжалостно истреблены варварами [9]. Тѣ же, которые воротились, нашли свои дворцы пустыми; ихъ сельскія имущества были разорены или превратились, вслѣдствіе разрушенія водопроводовъ, въ болота. И въ та-

1. B. G., 377—378.
2. Id., 378—381.
3. Id., 432—436.
4. Id., 629—632.
5. *Agath.*, 88—89; Lib. pontif., 305.
6. C. I. L., VI, 1199.
7. *Грегоровіусъ*, loc. cit., I; *Grisar*, 586—589.
8. B. G., 60, 404—405.
9. Id., 623.

комъ разоренномъ видѣ, самомъ большемъ, какой когда либо зналъ Римъ (даже во времена авиньонскихъ папъ онъ не падалъ такъ низко) они едва могли узнать свой городъ. Внутри стѣнъ теперь находились огромныя пустыя пространства, на которыхъ во время осады 549 г. сѣяли пшеницу; древніе памятники, о которыхъ уже никто не заботился, превращались въ развалины, не смотря на тѣ запоздалыя мѣры къ ихъ поддержанію, которыя были предписаны Юстиніаномъ [1]. Въ большомъ циркѣ послѣднія игры были даны Тотилой въ 549 г., а на улицахъ послѣднее тріумфальное шествіе Нарзеса имѣло мѣсто въ 552 г.— Нарзесъ, какъ и Велизарій, чтобы отпраздновать свою побѣду, основалъ нѣкоторыя благочестивыя учрежденія.

У римскихъ воротъ, близъ Сальвіанскихъ водъ (ad Aquas Salvias), онъ основалъ монастырь для греческихъ монаховъ [2], у Санъ-Саба и Санта-Марія in Cosmedin при его содѣйствіи основались другія греческія монашескія общежитія [3] и наконецъ у подошвы Квиринала, какъ памятникъ владычества и славы византійцевъ, онъ построилъ по образцу знаменитой церкви св. апостоловъ въ Константинополѣ церковь во имя апостоловъ Филиппа и Іакова [4]. Это повело къ тому, что Римъ преобразовался. Въ его базиликахъ появились греческіе святые, а въ монастыри проникали греческіе монахи; цѣлое греческое поселеніе устроилось въ кварталѣ, идущемъ вдоль Тибра и по склонамъ Авентинскаго холма. Въ возобновленномъ императорскомъ дворцѣ, сдѣлавшемся мѣстопребываніемъ итальянскаго вице короля, императорскія изображенія заняли мѣсто въ часовнѣ св. Цезаря in Palatio [5]:—фактически античный Римъ умеръ. «Ужасною готскою войною, говоритъ Грегоровіусъ [6], были погублены навсегда древнія формы жизни, какъ въ Римѣ, такъ и во всей Италіи. Въ сожженныхъ, опустошенныхъ и разрушенныхъ городахъ свидѣтелями древняго величія оставались только однѣ развалины. Такимъ образомъ прорицаніе сивиллъ сбылось. Глубокая ночь варварства одѣла своимъ мракомъ разрушенный латинскій міръ и въ этомъ геракѣ не было видно другого свѣта, кромѣ мерцающаго огня свѣчей

1. Pragm. sanctio, 25.
2. *Grisar*, 613 и сл.
3. Id., 618.
4. Id., 619 и сл.
5. *Duchesne*, Bull. crit., 1885, стр. 417; *Grisar*, 616 и сл.
6. *Грегоровіусъ*, Ист. г. Рима въ средніе вѣка. Русскій пер., т. I, стр. 427.

въ церквахъ, да одинокаго свѣта рабочей лампады погруженнаго въ свои думы монаха въ монастырѣ».

V.

Несомнѣнно, что въ эти печальные дни церковь жестоко пострадала. Ко всѣмъ бѣдствіямъ войны деспотизмъ Юстиніана съ своей стороны не разъ присоединялъ не менѣе возмутительныя мѣры. Уже въ 536 г., когда папа Агапитъ прибылъ въ Константинополь выполнить то, что Либератусъ удачно называетъ «посольствомъ Христа» (Christi legatio) [1], онъ уже испыталъ самодержавное насиліе базилевса и въ Liber pontificalis занесенъ знаменательный и символическій діалогъ, во время котораго императоръ сказалъ папѣ: «Исполни мои требованія или я тебя сошлю», на что папа съ мужественною твердостью отвѣчалъ: «Я, пастырь, явился сюда, чтобы видѣть христіаннѣйшаго императора Юстиніана, а вмѣсто него нахожу Діоклетіана. Я не боюсь твоихъ угрозъ» [2]. При преемникахъ Агапита отношенія между папами и императоромъ обострились еще болѣе. Въ мартѣ 537 г., во время великой осады, Сильверій былъ принесенъ въ жертву интригамъ діакона Вигилія и злопамятству Ѳеодоры, а Велизарій, побуждаемый Антониною и, быть можетъ, получивъ еще, какъ утверждаютъ, деньги отъ Вигилія, не отказался быть орудіемъ низкаго заговора. Папа жилъ въ латеранскомъ дворцѣ. Его обвинили въ желаніи сдать готамъ находившіяся по сосѣдству ворота Азинарія, а для того чтобы придать обвиненію необходимыя доказательства, по обыкновенію сфабриковали ложныя письма, которыя будто бы были перехвачены. Однако, Велизарій, повидимому, въ послѣднюю минуту поколебался: онъ посовѣтовалъ Сильверію сдѣлать по собственному почину тѣ уступки, которыя Ѳеодора ожидала отъ услужливаго Вигилія; но папа рѣшительно отвергъ это предложеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ,—для опроверженія ходившихъ слуховъ объ измѣнѣ,—онъ переѣхалъ подальше отъ стѣнъ, на Авентинъ, по сосѣдству къ церкви св. Сабины, куда Велизарій, обязанный повиноваться приказаніямъ, полученнымъ изъ Константинополя, послалъ за нимъ, требуя къ себѣ. Несмотря на боязнь окружающихъ,

1. *Liberatus*, Brev., 21. 2. Lib. pontif., 287.

Сильверій явился во дворецъ Пинчія и первая встрѣча ихъ обошлась безъ насилій; но вскорѣ папа былъ снова вызванъ къ генералу. Такъ какъ папу сопровождала многочисленная свита, то были приняты мѣры, чтобы устранить ее, и съ этою цѣлью ее задержали въ прихожихъ, и Сильверій одинъ, сопутствуемый Вигиліемъ, былъ введенъ во внутренніе покои, гдѣ онъ засталъ Велизарія, сидящимъ у ногъ Антонины, небрежно лежавшей на кровати. «И такъ, господинъ папа, крикнула жена главнокомандующаго, что мы и римляне сдѣлали вамъ, что вы хотите предать насъ готамъ?» Что говорилось потомъ, — неизвѣстно; но что сдѣлали — это мы знаемъ. Съ папы были сорваны его первосвященническіе уборы, его одѣли въ платье простого монаха, грубо низложили и сослали на востокъ [1], а на его мѣсто 29 марта 537 г. былъ избранъ папою безъ протестовъ, подъ давленіемъ византійской власти, Вигилій [2].

198. Капитель въ церкви св. Климента. (*Clausse*, Les Marbriers romains).

Извѣстно, что послѣднему предстояло очень горько искупить тѣ способы, посредствомъ которыхъ онъ занялъ каѳедру св. Петра, и что современники осудили его съ заслуженною строгостью. 22 ноября 545 г. въ то время, когда онъ служилъ обѣдню въ церкви св. Цециліи на Транстеверинѣ, онъ былъ грубо захваченъ въ самой церкви ворвавшимся въ нее отрядомъ греческихъ солдатъ и поспѣшно посаженъ на корабль, который тотчасъ отправился внизъ по Тибру, сопровождаемый криками, плачемъ и свистомъ населенія, смущеннаго и испуганнаго этимъ актомъ насилія [3]. Возможно, что самъ Вигилій добровольно пошелъ на этотъ увозъ, такъ какъ это выводило его изъ затруднительнаго положе-

1. Lib. pontif. 292—293; B. G., 121; *Liberatus*, Brev., 22; *Duchesne*, loc. cit. 374—376.

2. Cp. Hist. Jahrb. d. Görresgesellschaft, т. XX, стр. 282—288.

3. Lib. pontif., 297.

нія, и что онъ даже желалъ его [1]; но когда изъ Сиракузъ, куда онъ былъ сначала доставленъ, ему также пришлось отправиться на Востокъ, то тѣ восемь лѣтъ, которые онъ провелъ въ столицѣ (съ 25 января 547 г. до начала 555 г.) были полны опасностями и насиліями надъ нимъ и горемъ и униженіемъ для папства, до тѣхъ поръ пока, утомившись всѣмъ этимъ, онъ не уступилъ, наконецъ, богословскимъ требованіямъ Юстиніана. И подобно своей жертвѣ Сильве-

199. Церковь св. Лаврентія за стѣнами, въ Римѣ.

рію, ему не пришлось увидѣть снова свой городъ, такъ онъ умеръ по дорогѣ въ Римъ, въ Сиракузахъ (7 іюня 555 г.).

Однако, несмотря на всѣ эти несчастія, авторитетъ папства постоянно возрасталъ въ Римѣ, въ Италіи и на всемъ Западѣ. Во время ужасовъ пяти осадъ и во время отсутствія Вигилія, при всеобщемъ бѣдствіи, одинъ человѣкъ непоколебимо стоялъ въ Римѣ, это былъ діаконъ Пелагій. Будучи очень богатъ, онъ истратилъ свое состояніе на облегченіе участи осажденныхъ; мужественно, какъ нѣкогда святой Левъ передъ Аттилой, онъ пренебрегъ гнѣвомъ То-

1. *Duchesne,* loc. cit., 381—382.

тилы и внушилъ королю готовъ уваженіе къ своему характеру и твердости; и вообще при всѣхъ обстоятельствахъ онъ обнаруживалъ высокую, твердую, благородную душу и такимъ образомъ пріобрѣлъ среди своихъ согражданъ то нравственное значеніе, которое придавало ему власть надъ всѣми. Сначала какъ нунцій, а потомъ какъ совѣтникъ папы, онъ не менѣе энергично защищалъ въ Константинополѣ правовѣріе и халкидонскій соборъ; если же и онъ кончилъ тѣмъ, что уступилъ, частью въ угоду Юстиніану, частью же для того, чтобы стать папою послѣ Вигилія[1] ,— такъ какъ съ 537 г. при выборахъ папъ византійское вліяніе было рѣшающимъ,—то несомнѣнно, что, несмотря на эту слабость и вызванное ею недовѣріе къ нему, Пелагій заслуживаетъ того, чтобы занять мѣсто среди великихъ папъ VI вѣка. Онъ принесъ на каѳедру св. Петра то же благородство, тотъ же возвышенный характеръ, ту же твердость, которыя обнаружилъ въ 546 г. во время своего управленія Римомъ. Энергическими мѣрами онъ преобразовалъ управленіе церковью и искусно возсоздалъ экономическіе ресурсы ея [2], и когда, въ 560 г., онъ умеръ, то въ эпитафіи надъ его гробницею въ церкви св. Петра, могло быть по справедливости написано, что «онъ многихъ посвятилъ, но безъ всякой личной для себя выгоды»,—а это, принявъ во вниманіе обычаи того времени, «являлось даже героизмомъ [3]»,—и что онъ употреблялъ свое богатство на выкупъ плѣнныхъ, облегченіе бѣдныхъ и на утѣшеніе скорбящихъ:

Alterius gemitus credidit esse suos [4].

Такимъ образомъ въ древнемъ Римѣ, теперь находившемся въ развалинахъ, медленно выросталъ городъ папъ: на остаткахъ покинутыхъ храмовъ возвышались восторжествовавшія надъ ними базилики; религіозныя церемоніи и торжественныя процессіи, замѣнившія прежнія празднества и тріумфы, заполняли городъ своею меланхолическою пышностью. Въ то же время, несмотря на возстановленіе византійской власти, епископъ съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все большее значеніе перваго лица въ Римѣ. Съ формальной стороны, даже самъ законъ отводитъ ему особую роль въ общественной жизни; практически же исчезновеніе всего, что имѣло особую важность въ прошедшемъ, упадокъ древнихъ

1. *Duchesne*, loc. cit., 410.
2. *Hartmann*, loc. cit., I, 391 и сл.
3. *Duchesne*, loc. cit., 440.
4. *De Rossi*, Inscr. christ., II, 208.

аристократическихъ родовъ, ослабленіе отдаленнаго императорскаго могущества,—все это въ такой же мѣрѣ увеличивало могущество и значеніе папы. Среди развалинъ древняго Рима одна только церковь оставалась нетронутою, только она одна являлась дѣйствующею и живою. Въ великіе дни исторіи города, его глава всегда занималъ первое мѣсто: онъ шелъ къ Аттилѣ, онъ заключалъ договоръ съ Гензерихомъ; онъ же велъ переговоры съ Велизаріемъ и умѣрилъ строгія мѣры Тотилы. Въ повседневной жизни никто иной, одна только церковь, пользуясь продуктами своихъ обширныхъ, превосходно управляемыхъ владѣній, кормила городъ. Построенными ею больницами, множествомъ своихъ благотворительныхъ учрежденій, неистощимою ежедневною помощью она боролась съ нищетою и утѣшала бѣдныхъ, и такимъ образомъ въ Римѣ, который она защищала и въ которомъ поддерживала самое жизнь,—она постепенно и законно подготовила ту власть, которую въ соотвѣтственный моментъ осуществила. Въ царствованіе Юстиніана она тяжело испытала жестокость императорскаго деспотизма, она понесла много униженія и стыда, но она и дождалась наступленія того времени, когда римскій первосвященникъ освободился отъ тираніи византійскаго цезаропапизма, и этотъ день,—который въ VI вѣкѣ можно было только предчувствовать въ отдаленномъ будущемъ, но который долженъ былъ наступить,—измѣнилъ, вслѣдствіе союза Церкви съ Франками, теченіе исторіи въ послѣдующіе вѣка.

ГЛАВА VIII.

Равенна и византійское искусство.

Къ востоку отъ Болоньи, недалеко отъ Адріатическаго моря, среди низкой и печальной равнины расположенъ маленькій провинціальный городъ, въ настоящее время почти пустынный и полумертвый, но нѣкогда служившій убѣжищемъ послѣднихъ западныхъ императоровъ, столицею остготскихъ королей и резиденціей управителей Италіи послѣ ея обратнаго завоеванія Юстиніаномъ. Это—Равенна. Несмотря на ея теперешній упадокъ, она, по вызываемымъ ею великимъ воспоминаніямъ, по сохраняющимся въ ней памятникамъ славнаго прошлаго, представляетъ особую важность и для историка и для художника. Въ Равеннѣ лучше чѣмъ на Востокѣ, лучше даже чѣмъ въ Константинополѣ, можно изучать византійское искусство VI вѣка и глубокое вліяніе, оказанное имъ на Италію. Въ то время, когда Римъ незамѣтно сошелъ на уровень провинціальнаго города, роскошь великихъ построекъ продолжала существовать въ Равеннѣ и такимъ образомъ въ этомъ городѣ, издавна связанномъ съ Византіей постоянными сношеніями и ставшемъ потомъ центромъ императорскаго управленія полуостровомъ, восточное искусство могло развиться очень широко.

Равенну очень живописно назвали итало-византійскою Помпеей, и, дѣйствительно, рѣдко можно найти городъ, который такъ переноситъ бы въ прошлое. Все въ немъ приводитъ мысль къ одной эпохѣ, къ одному искусству; никакой посторонній интересъ не нарушаетъ покойное и мирное созерцаніе памятниковъ. Тишина пустынныхъ улицъ, въ которыхъ, то тамъ, то здѣсь, древніе саркофаги прислоняются къ стѣнамъ; великій духъ печали и заброшенности, лежащій на всѣхъ предметахъ; постоянная пустынность обширныхъ базиликъ,—все здѣсь призываетъ забыться въ воспомина-

ніяхъ объ исчезнувшихъ вѣкахъ. Когда въ церкви св. Аполлинарія Nuovo взоръ останавливается на длинномъ рядѣ святыхъ въ блестящихъ костюмахъ, или въ церкви св. Виталія на мозаикахъ, на которыхъ Юстиніанъ и Θеодора являются во всемъ блескѣ императорскаго великолѣпія, то на мгновеніе кажется, что всѣ эти покойныя и неподвижныя фигуры оживаютъ, и мысль естественно переносится въ ту эпоху, когда были созданы эти удивительныя зданія. Быть можетъ Равенна—единственный городъ въ мірѣ, гдѣ Юстиніанъ и Θеодора перестаютъ быть только пустыми и неинтересными именами, а становятся осязаемыми и почти присутствующими реальностями, и предъ такимъ выразительнымъ комментаріемъ къ исторіи сухіе разсказы хроникъ окрашиваются и освѣщаются, а изъ такого въ своемъ родѣ историческаго видѣнія вытекаетъ болѣе отчетливое уясненіе событій и болѣе ясное пониманіе памятниковъ [1].

I.

Какова была Равенна въ 540 г., когда Велизарій овладѣлъ ею именемъ императора, чѣмъ она стала подъ властью Юстиніана и благодаря ему,—знать это не трудно. Извѣстны тѣ маленькія книжки, назначенныя для путеводительства въ Римѣ пилигримовъ среднихъ вѣковъ, тѣ Mirabilia urbis Romae, которыя, ведя по разнымъ сооруженіямъ и разсказывая относящіяся къ нимъ наивныя легенды, даютъ намъ столь живую и любопытную картину вѣчнаго города. Очень сходный съ ними документъ даетъ намъ возможность нарисовать подобную же картину и Равенны. Одинъ равеннскій священникъ, Ангеллюсъ, жившій въ началѣ IX вѣка, оставилъ очень интересное сочиненіе, касающееся его родного города. Въ ней онъ хотѣлъ разсказать, въ назиданіе монаховъ своего монастыря, жизнь архіепископовъ, которые въ теченіе 800 лѣтъ наслѣдовали другъ другу престолъ святого Аполлинарія; но такая среда, какъ Равенна, должна была захватить его: проходя по улицамъ, посѣщая базилики, монахъ не могъ не заинтересоваться этими роскошными зданіями и

1. Относительно Равенны см. *Richter*. Die Mosaiken von Ravenna, 1878; *Bayet*. Recherches pour servir à l'histoire de la peinture et de la sculptures chrétiennes en Orient. 1879; *Diehl*. Ravenne, 1886; *Рѣдинъ*. Мозаики равеннскихъ церквей, 1896.

блестящими мозаиками; онъ скопировалъ надписи, покрывавшія стѣны церквей или украшавшія саркофаги, описалъ картины, украшавшія церкви, и разсказалъ чудеса и благочестивыя легенды, относившіяся къ этимъ монументамъ. Все, что онъ видѣлъ, все, о чемъ слышалъ, все это безъ особаго разбора онъ помѣстилъ въ свою книгу, и это именно и составляетъ ея главную прелесть. Конечно, ему случалось перемѣшать эпохи, перепутать дѣйствующія лица, даже

2[illegible] Церковь св. Аполлинарія in Classe; наружный видъ.

извратить исторію, но онъ описываетъ добросовѣстно и ведетъ разсказъ съ удивительною наивностью; если же иногда онъ становится нестерпимъ нѣкоторыми длиннотами и болтовнею, то все же имѣетъ существенное достоинство въ томъ отношеніи, что даетъ живой образъ византійской Равенны, ея зданій и преданій.

Въ настоящее время Равенна отстоитъ довольно далеко отъ моря, но прежде почти у самыхъ ея воротъ находился ея портъ на Адріатическомъ морѣ [1]. Это былъ Классисъ,

1. B. G., 8–9.

военный портъ, гдѣ помѣщался отрядъ императорскаго флота; торговый и промышленный городъ, гдѣ говорили столько же по гречески, какъ и по латыни, и который часто посѣщали по своимъ дѣламъ торговцы изъ Сиріи и Арменіи [1]; наконецъ, это былъ важный городъ въ религіозномъ отношеніи, переполненный монастырями и церквами. Изъ множества его зданій были особенно замѣчательны два, какъ по своей красотѣ, такъ и по окружавшей ихъ массѣ интересныхъ преданій. Первое—это церковь св. Петра, построенная въ V вѣкѣ архіепископомъ Петромъ Хризологомъ,—самая большая и самая великолѣпная изъ равеннскихъ церквей. Стѣны ея блистали мозаиками и драгоцѣнными камнями, алтари были переполнены серебряными и золотыми сосудами, но она обладала сокровищемъ, еще болѣе цѣннымъ,—столь прекраснымъ образомъ Христа, что самъ Спаситель удостоилъ узнать себя въ немъ [2]. Монастырь св. Іоанна былъ не менѣе славенъ и Агеллюсъ по его поводу разсказываетъ очень интересную и одну изъ самыхъ плѣнительныхъ легендъ въ его книгѣ [3], но время которой относится къ немного позднѣйшему періоду, чѣмъ эпоха Юстиніана. Теперь отъ временъ старыхъ памятниковъ и этихъ старыхъ воспоминаній не осталось ничего, или почти что ничего. Классисъ разрушенъ въ началѣ IX вѣка и тамъ, гдѣ нѣкогда врѣзывался портъ Равенны, нынѣ растилается болотистая равнина и среди этой нездоровой пустыни высится единственный и великолѣпный слѣдъ исчезнувшаго города—величественная базилика св. Аполлинарія in Classe.

Начиная отъ Классиса, длинное предмѣстье Цезарея [4] соединяло портъ съ городомъ. Въ моментъ, когда византійцы вступили во владѣніе Равенной, въ ней пользовались особою славою два имени, благоговѣйно хранились два великихъ воспоминанія. Одно — память императрицы V вѣка, той гордой и энергичной Галлы Плациды, жизнь которой прошла со всѣми превратностями какого-нибудь романа. Послѣдовательно—переходившая изъ равеннскаго дворца въ лагерь вестготовъ, съ береговъ Гаронны на берега Босфора; послѣдовательно—жена германскаго короля и мать римскаго императора, она сумѣла среди бѣдствій V вѣка силою своего ума и смѣлости поддерживать въ теченіе нѣкотораго

1. *Agnell.*, 30; *Marini.* Papiri dipl., 114, 90, 74, 93; *Greg. Magni* Epist., 3, 28; 4, 45.

2. *Agnell.*, 24—25.

3. Id., 131—132.

4. Id., 34—35.

времени колеблющуюся имперію. Она очень любила этотъ городъ Равенну, въ которомъ она родилась и въ которомъ пожелала быть погребенною; она увеличила въ немъ число зданій и религіозныхъ учрежденій [1] и до настоящаго времени ея имя остается нераздѣльнымъ съ тою капеллою святыхъ Назера и Цельса, гдѣ она погребена близъ своего брата и мужа, съ тою прелестною молельнею, украшенною повсюду мозаиками, которую называютъ мавзолеемъ Галлы Плациды и которая представляетъ собою быть можетъ самое изящное изо всего, что оставило намъ христіанское искусство V-го вѣка.

Другое воспоминаніе относилось къ великому государю остготовъ Теодорику. Этотъ варваръ, сдѣлавшійся почти римляниномъ, также любилъ Равенну особенною любовью. Онъ построилъ въ ней великолѣпныя церкви, св. Маріи in Cosmedin [2] и св. Мартина «съ золотыми небесами», которая теперь называется церковью св. Аполлинарія Nuovo [3]; онъ выстроилъ здѣсь пышный дворецъ, планъ котораго, какъ кажется, походилъ на константинопольскія Священныя Палаты, и который также былъ украшенъ блестящими мозаиками, на которыхъ король представленъ въ боевомъ костюмѣ между двумя символическими фигурами, олицетворявшими Римъ и Равенну [4]. На площади передъ дворцомъ возвышалась прекрасная бронзовая конная статуя короля-варвара [5], и таковъ былъ его престижъ въ Равеннѣ, что память его, хотя и запятнанная ересью, пользовалась уваженіемъ среди православныхъ византійевъ, которые не посмѣли коснуться чего бы то ни было, что напоминало столь великое и славное имя. Еще и теперь восхищаются въ Равеннѣ знаменитою Ротондою съ тяжелымъ каменнымъ куполомъ, въ которой былъ похороненъ Теодорикъ Великій.

На вновь завоеванную столицу Галлы Плациды и Теодорика, какъ и вездѣ, Юстиніанъ пожелалъ наложить свою печать. Съ своею обычною набожностью, онъ наполнилъ приношеніями равеннскую церковь [6], разоряя въ ея пользу остававшихся аріанцами готовъ; онъ далъ ей множество привилегій, сдѣлалъ базиликамъ великолѣпные подарки и своею щедростью заслужилъ, по словамъ равеннскаго хроникера, то, «что по его смерти въ Равеннѣ была великая

1. *Agnell.*, 41—42.
2. Id., 86.
3. Id., 86—88.
4. *Agnell.*, 94, 132.
5. Id., 94.
6. Id., 85.

скорбь и печаль о потерѣ столь правовѣрнаго государя» [1]. Къ тому же, какъ орудіе для выполненія своихъ желаній и какъ помощника для удовлетворенія своей склонности къ постройкамъ, Юстиніанъ нашелъ въ самой Равеннѣ человѣка, какой ему былъ нуженъ: это былъ архіепископъ Максиміанъ (546—556 гг.).

Максиміанъ, подобно императору, изображенъ на мозаикѣ церкви св. Виталія и, подобно императору, оставилъ по себѣ среди равеннатовъ долгую память. Еще два или три вѣка спустя послѣ его смерти ходило много разсказовъ о его болѣе или менѣе легендарныхъ приключеніяхъ, о его долгихъ путешествіяхъ на Востокъ, о дружескихъ отношеніяхъ съ Юстиніаномъ и при томъ не безъ непочтительнаго укола для императорскаго авторитета и епископской строгости о томъ способѣ, какимъ благочестивый епископъ надулъ великаго императора [2]. Въ глазахъ добрыхъ равеннатскихъ буржуа Максиміанъ представлялся человѣкомъ осторожнымъ, очень ловкимъ и хитрымъ, и если ходившія объ немъ исторіи вызываютъ нѣкоторыя сомнѣнія относительности его безупречности, какъ архіепископа, то онѣ за то дѣлаютъ большую честь его ловкости и изобрѣтательности.

Приведемъ одинъ изъ многихъ примѣровъ его способовъ обращенія съ Юстиніаномъ [3]. Однажды, когда онъ былъ еще только діакономъ въ Истріи, копая землю, онъ нашелъ большой сосудъ, наполненный до верха золотомъ. Онъ тотчасъ сообразилъ, что ему будетъ очень трудно скрыть подобную находку и, слѣдовательно, она въ концѣ концовъ достанется императору. Что же онъ сдѣлалъ? Онъ приказалъ, чтобы ему привели быка и тутъ же убили его, послѣ чего онъ набилъ его животъ золотыми монетами; затѣмъ онъ приказалъ сдѣлать себѣ большіе сапоги изъ козьей кожи и тоже наполнилъ ихъ золотомъ. Послѣ этого онъ отправился въ Константинополь и представилъ императору все остальное золото, которое онъ не могъ спрятать. Въ восторгѣ отъ неожиданной находки Юстиніанъ его отлично принялъ и только спросилъ, все ли онъ представилъ, что нашелъ. «Клянусь, государь, вашимъ спасеніемъ, отвѣчалъ Максиміанъ, что я оставилъ себѣ только то, что положилъ въ животъ и въ сапоги». Отвѣтъ былъ очень хитрый; Юстиніанъ подумалъ, что діаконъ этимъ указывалъ на деньги,

1. *Agnellus*, 90.
2. Id., 74, 78.
3. *Agnellus*, 70.

израсходованныя имъ на ѣду и на путевыя издержки, и радуясь, что нашелся такой честный человѣкъ, назначилъ его архіепископомъ въ Равенну.

Здѣсь также находчивость Максиміана нашла для себя почву [1]. Духовенство и народъ отказывались принять чуж-

201. Епископъ Максиміанъ; мозаика въ ц. св. Виталія.

даго имъ архіепископа и послѣдній былъ вынужденъ помѣститься въ одномъ изъ предмѣстій города. Друзья его были крайне раздражены этимъ; говорили, что нужно довести объ этомъ до свѣдѣнія императора, чтобы тотъ силою подавилъ наглость равеннатовъ. Максиміанъ не захотѣлъ и слышать объ этомъ; «предоставьте мнѣ дѣйствовать самому, сказалъ онъ имъ, потерпите нѣсколько дней». Вскорѣ послѣ этого

1 *Agnellus*, 7[illegible].

онъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ нѣсколькихъ священниковъ и высшихъ гражданъ и принялъ ихъ очень любезно, хорошо накормилъ и отпустилъ ихъ съ дорогими подарками, которые онъ могъ сдѣлать благодаря извѣстному кладу. Отпуская, онъ благословилъ ихъ и просилъ снова навѣстить его. На слѣдующій день онъ пригласилъ другихъ, на третій—тоже. Мало-по-малу въ Равеннѣ совершился поворотъ въ его пользу; стали говорить: «да это превосходный и очень мудрый человѣкъ; мы были противъ него, а онъ намъ воздалъ за зло добромъ. Наконецъ, мы не можемъ оставаться безъ епископа; пойдемъ, позовемъ его и примемъ въ городѣ». Такъ было и сдѣлано. На другой день утромъ торжественная процессія направилась къ Максиміану, который былъ затѣмъ встрѣченъ съ восторгомъ. Такимъ способомъ этотъ ловкій человѣкъ вступилъ въ обладаніе своимъ епископскимъ престоломъ.

202. Внутреній видъ ц. св. Аполинарія in Classe въ Равеннѣ.

Не менѣе остроумія обнаружилъ Максиміанъ, когда шелъ вопросъ о пріобрѣтеніи реликвій для основанныхъ имъ церквей. Онъ выстроилъ монастырь во имя св. Андрея и очень желалъ помѣстить въ немъ мощи апостола. Онъ отправился

въ Константинополь просить объ этомъ Юстиніана, но императоръ отказалъ, ссылаясь на то, что если въ Римѣ есть св. апостолъ Петръ, то надлежитъ, чтобы другая столица имперіи обладала хотя бы братомъ главы апостоловъ. Епископъ не сталъ настаивать; онъ попросилъ только, чтобы ему съ его священниками было позволено провести ночь въ молитвахъ у гробницы святого, и утромъ, вынувъ изъ подъ своей епископской ризы шпагу, отрѣзалъ ею въ благочестивомъ кощунствѣ бороду св. Андрея и унесъ ее въ Равенну [1].

Какъ бы то ни было, но Максиміанъ имѣетъ болѣе серьезныя права, чѣмъ въ силу подобныхъ анекдотовъ, на сохраненіе своего имени въ исторіи. Это былъ образованный человѣкъ, очень заботившійся о просвѣщеніи своего духовенства [2]; особенно же это былъ великій строитель, покрывшій свой епископскій городъ зданіями, жертвовавшій церквамъ великолѣпныя ткани, блестящія вышивки, серебряные и золотые сосуды. «Онъ одинъ сдѣлалъ больше, говоритъ хроникеръ, чѣмъ всѣ предшествовавшіе ему епископы [3]».

Нѣтъ надобности заниматься перечисленіемъ множества его сооруженій, изъ которыхъ многія, впрочемъ, уже исчезли,—ц. св. Стефана, гдѣ находился портретъ архіепископа, ц. св. Михаила in Affricisco, прекрасная мозаика изъ которой въ настоящее время находится въ берлинскомъ музеѣ,—а лучше прямо обратиться, какъ это дѣлали прежде путешественники, посѣщавшіе Равенну, къ тѣмъ несравненнымъ церквамъ, которые и понынѣ поражаютъ насъ своимъ великолѣпіемъ: св. Виталія, св. Аполлинарія in Classe и св. Аполлинарія Nuovo. Когда Максиміанъ въ 546 г. занялъ епископскую каѳедру, постройка этихъ зданій уже началась за нѣсколько лѣтъ до него. Епископъ Экклезіусъ (522—532), при содѣйствіи богатаго равеннскаго гражданина, банкира Юліана, предпринялъ въ 526 г. постройку ц. св. Виталія [4], а его преемникъ Урсицинусъ (532—536) началъ строить ц. св. Аполлинарія in Classe въ 534 г. [5]. Основаніе ц. св. Аполлинарія Nuovo (св. Мартина съ золотыми небесами) восходило къ еще болѣе раннему времени: надъ нею работали со времени Теодорика Великаго [6]. За Максиміаномъ остается слава окончанія въ 547 и въ 549 г.г. постройки двухъ

1. *Agnell.*, 76.
2. Id., 81.
3. Id., 77.
4. *Agnell.*, 57. 59.
5. Id., 61.
6. Id., 86.

первыхъ церквей [1] и сильно подвинуть впередъ работы по постройкѣ третей, освященной его преемникомъ Агнеллюсомъ (556—570) въ 558 г. [2], сдѣлавъ изъ нихъ, благодаря главнымъ образомъ содѣйствію Юстиніана, чудеса своего города. Въ глазахъ обывателей Равенны ничто не могло сравниться съ этими зданіями; они не находили достаточно сильныхъ выраженій для восхваленія въ Санъ-Аполлинаріо Нуово его удивительнаго плафона, похожаго на небесный сводъ, весь сіяющій золотомъ [3], и для прославленія тѣхъ драгоцѣнныхъ камней, которыми были украшены стѣны ц. св. Аполлинарія in Classe и которые днемъ и ночью озаряли базилику своимъ сіяніемъ [4]; но особенно возбуждала ихъ восторгъ церковь св. Виталія. «Нигдѣ во всей Италіи, пишетъ хроникеръ, нѣтъ церкви, которая могла бы сравняться съ нею по красотѣ и искусству постройки [5]». Разсказываютъ, что она стоила 26000 золотыхъ солидовъ; великолѣпіе ея мозаикъ, оригинальность плана, великія имена Юстиніана и Максиміана, связанныя съ нею,—все содѣйствовало тому, чтобы сдѣлать ее замѣчательною и, дѣйствительно, теперь, какъ и прежде, въ этомъ столь интересномъ городѣ церковь св. Виталія представляетъ собою одно изъ самыхъ поразительныхъ сооруженій.

II.

Св. Аполлинарій in Classe, св. Аполлинарій Nuovo и св. Виталій представляютъ три самые знаменитые и быть можетъ наиболѣе совершенные памятники, сохранившіеся до настоящаго времени отъ византійскаго искусства VI вѣка. Нигдѣ нельзя лучше уловить сложный характеръ этого искусства, въ которомъ смѣшиваются и сочетаются преданія первичнаго христіанскаго искусства и вѣянія новой эпохи; равнымъ образомъ нигдѣ нельзя найти лучшаго случая для изученія происхожденія этого искусства, и темнаго и труднаго періода его образованія.

Съ тѣхъ поръ, какъ пожаръ 1823 г. уничтожилъ церковь св. Павла за стѣнами въ Римѣ, а неудачная реставрація испортила ея прежній характеръ, ц. св. Аполлинарія in

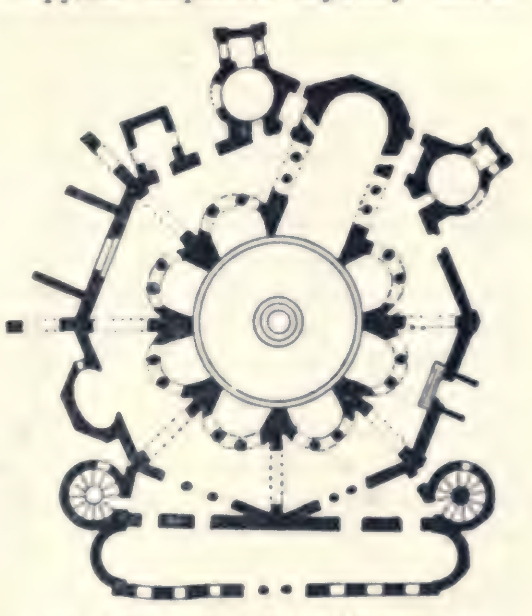
1. *Agnell.*, 88.
2. Id., 86—88.
3. Id., 77.
4. *Agnell.*, 63.
5. Id., 77.

Classe остается наиболѣе полнымъ и выразительнымъ типомъ древней христіанской базилики. Длинныя ряды мраморныхъ колоннъ, раздѣляющихъ ее на три корабля, ея длинныя дугообразныя окна, освѣщающія главный пролетъ, ея деревянные потолки, полукруглый клиросъ, на который подымаются по широкой лѣстницѣ и подъ которымъ расположенъ на сводахъ обширный склепъ, богатыя мозаики, украшающія абсидъ и тріумфальную арку, наконецъ, саркофаги, размѣщенные въ боковыхъ корабляхъ, — все это даетъ вѣрное и поражающее представленіе о священномъ храмѣ первыхъ временъ христіанства.

Прямо передъ нею, и какъ бы для контраста, стоитъ церковь св. Виталія, представляющая новый и оригинальный типъ. Это—зданіе круглой формы со смѣло возведеннымъ куполомъ на многоугольномъ основаніи, тѣмъ куполомъ, который съ тѣхъ поръ дѣлается характерною чертою византійской архитектуры. Несомнѣнно, что вскорѣ потомъ въ ц. св. Софіи такое архитектурное расположеніе осуществлено болѣе полно, геніально и смѣло. Въ ц. св. Виталія, какъ и въ церкви свв. Сергія и Вакха въ Константинополѣ, куполъ еще опирается на восемь столбовъ, расположенныхъ въ видѣ восьмиугольника, причемъ снаружи куполъ едва замѣтенъ. Тѣмъ не менѣе это сооруженіе ближе къ Византіи, чѣмъ къ Риму, а въ деталяхъ оно уже совершенно византійское. Посмотрите на капители: въ нихъ уже нѣтъ ничего классическаго, ни въ ихъ странной кубической формѣ, ни въ покрывающихъ ихъ сложныхъ украшеніяхъ,—настоящаго кружева изъ камня или чеканки изъ мрамора. Въ то же время надъ капителью появляется новая часть, внесенная въ архитектуру, это—тѣ каменные подушки, на которыхъ заканчиваются аркады и на которыхъ размѣщается цѣлый міръ животныхъ и птицъ—созданіе восточнаго искусства. Въ этомъ главнымъ образомъ выражается заимствованіе Равенны изъ Византіи: именно украшеніями, болѣе чѣмъ своими формами, церковь св. Виталія получаетъ обликъ Востока.

Во всѣхъ этихъ церквахъ широкіе ряды мозаикъ покрываютъ внутреннія стѣны зданій. Войдите въ Санъ-Аполлинаріо Нуово: это—тоже базилика, которую двадцать четыре мраморныя колонны съ тяжеловатыми коринфскими капителями дѣлятъ на три пролета; съ боковъ, въ глубинѣ абсида, вездѣ мозаики такъ и блещутъ сіяніемъ своего золота. На боковыхъ стѣнахъ двѣ процессіи развертываются

надъ аркадами, образуя—единственный въ своемъ родѣ образецъ византійскаго искусства—роскошный фризъ, въ которомъ воскресаетъ воспоминаніе объ античныхъ Панаѳинеяхъ; двѣ длинныя процессіи, одна — святыхъ мущинъ, другая — святыхъ женщинъ, идущихъ изъ-за ограды Равенны и Классиса по направленію къ Христу и Пресвятой Дѣвѣ, сидящихъ на тронѣ среди ангеловъ. Выше, между окнами, расположены фигуры пророковъ и апостоловъ, а еще выше—рядъ маленькихъ картинъ, изображающихъ жизнь и чудеса Іисуса Христа. Трудно выразить глубину впечатлѣнія отъ этихъ произведеній, положительно одного изъ самыхъ сильныхъ, которыя можно испытать въ Равеннѣ. Особенно поражаетъ длинная процессія с в я т ы х ъ ж е н щ и н ъ: блескъ костюмовъ, правильность чертъ, изящное движеніе головы, красота драпировки — придаютъ этимъ фигурамъ дѣвъ исключительную прелесть. Несмотря на нѣсколько торжественную строгость ихъ позъ, несмотря на уже совершенно восточный блескъ одѣяній, глядя на эти превосходные образы, невольно переносишься мыслью къ чудесамъ классическаго искусства.

203. Планъ ц. св. Виталія (*Clausse*, Bas. et Mos. chrétiennes).

Но великолѣпіе византійскихъ мозаикъ VI-го вѣка является особенно сильнымъ въ церкви св. Виталія. Тогда какъ въ св. Софіи или въ церквахъ въ Салоникахъ турецкіе краски затерли все, здѣсь, напротивъ, клиросъ и абсидъ сохранили въ неприкосновенности первоначальную окраску. Это—самое важное изъ произведеній искусства VI-го вѣка. На боковыхъ стѣнахъ—сюжеты, заимствованные изъ Ветхаго Завѣта, увѣнчиваютъ изгибъ аркадъ; въ абсидѣ—сидящій Христосъ, окруженный святыми и архангелами [1]. Но всего

1. Изъ описанія церкви св. Сергія въ Газѣ, сдѣланнаго Хорицíусомъ

болѣе привлекаютъ вниманіе двѣ большія историческія картины, гдѣ воскресаютъ во всей византійской помпѣ Юстиніанъ и Ѳеодора. Здѣсь такъ же, какъ и въ Санъ-Аполлинаріо Нуово, получаемое впечатлѣніе очень глубоко: тутъ какъ бы оживаетъ одинъ изъ моментовъ исторіи. Однако, если, съ цѣлью опредѣленія искусства, приступить къ изслѣдованію этихъ двухъ декоративныхъ произведеній, то въ нихъ можно найти, какъ это уже было замѣчено относительно архитектуры, тотъ же сложный характеръ. На ряду съ традиціями предшествующаго періода съ скромнымъ символизмомъ, заимствованнымъ изъ первичнаго христіанскаго искусства, въ томъ видѣ, какъ онъ выражается въ чудесныхъ эпизодахъ церкви св. Аполлинарія или въ библейскихъ сценахъ на клиросѣ церкви св. Виталія, появляются новые сюжеты въ картинахъ, представляющихъ страданія Христа,— произведенія совершенно иного типа, съ болѣе реалистическимъ характеромъ, и эти новыя стремленія находятъ для себя естественный выходъ въ той портретной и исторической живописи, которая украшаетъ клиросъ св. Виталія. Именно эта смѣсь и налагаетъ на искусство VI-го вѣка свою печать; но уже близокъ часъ—это хорошо чувствуется на мозаикахъ Санъ-Аполлинаріо in Classe—когда наивныя, простыя изображенія древняго христіанскаго искусства обратятся въ манерный, сложный и умышленный символизмъ. Этимъ заканчивается эволюція; пораженіе символизма—безспорно и отнынѣ побѣда исторической школы несомнѣнна.

При этомъ возникаетъ вопросъ, который необходимо попытаться разрѣшить: въ какой мѣрѣ это искусство Равенны есть дѣйствительно византійское искусство? Эта задача въ послѣдніе годы разбиралась очень сильно [1]. Равеннатскимъ памятникамъ то приписывался характеръ совершенно оригинальнаго искусства, то искали на Востокѣ, но не въ Византіи, того вліянія, которое породило его. На какомъ бы рѣшеніи не остановиться, все равно нельзя не принять участія въ спорѣ, тѣмъ болѣе, что изслѣдованіе въ этомъ направленіи имѣетъ еще большее значеніе въ томъ отноше-

видно, что въ Сиріи встрѣчается подобное же расположеніе фигуръ (*Dobbert*, Zur Gesch. der altchristl. und der frühbyz. Kunst. (Rep. f. Kunstwissenschaft, XXI, стр. 40 отдѣльнаго приложенія).

1. Ср. *Рѣдинъ*, Мозаики равен. церквей. Спб., 1896 г., и очень интересный отчетъ *Доббертa*, loc. cit., 28—41.

нія, что даетъ возможность узнать въ какихъ странахъ и подъ какими вліяніями образовалось само византійское искусство.

Вообще неоспоримъ одинъ фактъ, а именно—тѣсныя отношенія, которыя издавна существовали между Равенною и Востокомъ [1]. Въ V-мъ вѣкѣ Галла Плацида провела въ Константинополѣ значительную часть своей жизни и конечно вытребовала изъ столицы имперіи архитекторовъ и художниковъ, въ которыхъ нуждалась для своихъ построекъ. Точно также Теодорикъ, воспитанный въ Византіи, подвергся сильному вліянію послѣдней и ея обаянію. Когда онъ строилъ себѣ дворецъ въ Равеннѣ, то пожелалъ, чтобы въ немъ, какъ въ Священныхъ Палатахъ, имѣлась своя Халкея, помѣщеніе для стражи (Scubitus) и золотой дорожный столбъ [2]; равнымъ образомъ и его религіозныя сооруженія внушались Востокомъ и его великолѣпіемъ. Посмотрите на равеннатскія зданія V-го вѣка, напримѣръ, на процессію апостоловъ, развертывающуюся на сводѣ православной крещальни: характеръ имѣющейся здѣсь церемоніальной торжественности уже совершенно византійскій [3]. Взгляните на памятники VI-го вѣка: здѣсь византійское вліяніе еще болѣе безусловно. Не говоря даже о знаменитыхъ мозаикахъ въ ц. св. Виталія съ незабываемымъ изображеніемъ византійскаго двора, вездѣ, на фризахъ Санъ-Аполлинаріо Нуово, какъ и въ абсидѣ св. Виталія, роскошь костюмовъ, детали уборовъ, великолѣпіе украшеній, іерархическая строгость позъ,—все это указываетъ на Востокъ. Родство Равенны съ Византіей было очень близко, неоспоримо, и мы имѣемъ безусловное право находить въ зданіяхъ итальянскаго города проявленіе искусства, которое расцвѣло въ Восточной имперіи въ царствованіе Юстиніана.

Но установивъ этотъ принципъ, слѣдуетъ для выясненія его подробностей изслѣдовать самые памятники. При этомъ остановимся ли мы на архитектурныхъ формахъ или на системѣ украшеній, на мозаикахъ, миніатюрахъ или на издѣліяхъ изъ слоновой кости,—мы постоянно, какъ это увидимъ ниже, будемъ приводиться при разсмотрѣніи сношеній между Востокомъ и Равенной къ опредѣленнымъ и всегда однѣмъ и тѣмъ же провинціямъ Востока, однимъ

1. Ср. *Strzygowski*, Das Etschmiadzin Evangeliar, 59.

2. *Agnellus*, 94, 116.

3. *Dobbert*, loc. cit., 31.

словомъ къ Сиріи и къ Египту. Этотъ фактъ не безразличенъ; указывая на художественную дѣятельность этихъ областей въ VI вѣкѣ, онъ бросаетъ довольно яркій и новый свѣтъ на тотъ темный періодъ между IV и VI вѣками, когда складывалось византійское искусство, и такимъ образомъ до нѣкоторой степени выясняетъ трудную задачу происхожденія началъ этого искусства.

Въ исторіи византійской архитектуры царствованіе Юстиніана обозначаетъ рѣшительный моментъ, когда, послѣ долгаго періода подготовки и нащупыванія, искусство нашло наконецъ свою рѣшительную формулу и сразу достигло своего апогея. «Въ этотъ моментъ, говоритъ Шуази, всѣ методы построекъ установились, и всѣ сразу, безъ исключенія и безъ предвзятой мысли, нашли себѣ примѣненіе. Многоугольное основаніе, уже издавна указанное въ сочиненіяхъ Евсевія и св. Григорія Назіанзиса, возобновляется въ церквахъ св. Сергія и св. Виталія; планъ базилики повторяется въ церкви Божіей Матери въ Іерусалимѣ; крестообразное основаніе, увѣнчанное пятью куполами появляется во время перестройки церкви св. Апостоловъ; возникаетъ прекрасное расположеніе св. Софіи и наконецъ св. Софія въ Салоникѣ даетъ тотъ типъ церквей съ центральнымъ куполомъ, котораго всѣ церкви Аѳона и Греціи являются только варіантами. Никогда искусство не обнаруживалось такъ свободно, разнообразно и такъ плодотворно [1]». Точно такъ же оно никогда не давало столько доказательствъ такого обдуманнаго замысла, такой смѣлости исполненія, такого искусства и изобрѣтательности въ разрѣшеніи техническихъ задачъ. Мы уже говорили, что св. Софія, по оригинальности своего плана, удивительной легкости своей структуры, почти безразсудной смѣлости своего громаднаго купола и по разсчитанному искусству въ распредѣленіи равновѣсія, «представляется и въ настоящее время однимъ изъ самыхъ могучихъ созданій архитектуры [2]». Тѣ же качества выступаютъ и въ тѣхъ колоссальныхъ цистернахъ, которыя устроены всемогущею волею Юстиніана подъ землею его столицы. Построенная въ 528 г. цистерна Бинъ биръ Директъ, со своими двумя этажами стоящихъ другъ на другѣ тонкихъ колоннъ и поддерживающихъ массивные своды, равняется по своей смѣлости св. Софіи [3], и она еще

1. *Choisy*, L'Art de bâtir chez les Byzantins, 163.

2. Ibid., 133–138.

3. *Strzygowski*, Die byz. Wasserbehälter von CP., 216–217.

тѣмъ на нее похожа, что послѣ VI вѣка въ Византіи никогда не рѣшались повторить ея смѣлое устройство. Своими высокими аркадами, заканчивающимися слегка заостренною аркою, своими массивными столбами, подпираемыми призматическими контрефортами, гармоническимъ изяществомъ постройки, чудеснымъ техническимъ искусствомъ его сочетаній, Юстиніановскій водопроводъ дѣлаетъ не меньшую

204. Жертвоприношеніе Авраама. Мозаика въ церкви св. Виталія.

честь построившему ихъ неизвѣстному архитектору, «безусловно одному изъ величайшихъ инженеровъ всѣхъ временъ [1]». Можно было бы увеличить еще больше число примѣровъ, въ которыхъ проявляется этотъ духъ изобрѣтательности, умѣніе разрѣшать самыя тонкія архитектурныя задачи и бодрую рѣшимость, характеризующую византійскихъ мастеровъ VI вѣка [2]. Какъ уже замѣчено выше, никогда и ни въ какую

1. *Strzygowski*, loc. cit., 12—14.

2. См. Ibid., 218—219, о приспособленіяхъ, сдѣланныхъ въ цистернѣ Ун-Капанъ сокагхи, и на стр. 212, 214, о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя встрѣчаются въ устройствѣ византійской капители.

эпоху византійскаго искусства самые геніальные художники не осуществили такого громаднаго прогресса [1].

Но эта замѣчательная архитектура VI вѣка не родилась «въ опредѣленный моментъ во всѣхъ своихъ частяхъ, готовою освятить свое существованіе какимъ нибудь образцовымъ произведеніемъ [2]». Изслѣдуйте въ чемъ состоятъ ея дѣйствительно характеристическія черты, а именно: замѣна продолговатаго плана базиликъ многоугольною или круглою формою; примѣненіе для увѣнчанія зданій сферическихъ сводовъ и купола на особыхъ парусахъ свода и, наконецъ, самое сооруженіе свода стало производиться безъ примѣненія кружалъ [3]. Однако, всѣ эти элементы уже встрѣчаются и раньше VI вѣка. По частямъ они были извѣстны самымъ древнимъ цивилизаціямъ Востока, а Персія, продолжая и заимствуя эти старые способы, распространила ихъ и сдѣлала всеобщими. Отсюда они перешли въ римское искусство на Востокѣ, а затѣмъ и въ византійское [4]. Въ какой именно области Востока совершилось сліяніе этихъ различныхъ элементовъ, восточныхъ, греческихъ и римскихъ, откуда вышло собственно византійское искусство, — сказать это съ увѣренностью очень трудно. Церкви въ Эфесѣ, Сардахъ и Филадельфіи приводятъ къ мысли, что повидимому мѣстомъ соприкосновенія искусствъ была Малая Азія, гдѣ встрѣчались и смѣшивались всѣ произведнія трехъ великихъ цивилизацій [5]. «Отсюда, говоритъ Шуази, это искусство распространилось по остальнымъ частямъ греческой имперіи и до такой степени, что когда Юстиніанъ задумалъ постройку св. Софіи, одна Іонія снабдила его архитекторами, способными привести къ желанному концу его громадное предпріятіе: Траллесъ далъ ему Анѳимія, а Милетъ—Исидора [6]». Хотя это и вѣрно, но я полагаю, однако, что слѣдуетъ предоставить также Сиріи значительную долю въ тѣхъ вліяніяхъ, которыя образовали византійское искусство [7]. Мы уже видѣли, что въ погибшихъ городахъ этой области гораздо раньше начали появляться и развиваться въ постоянной эволюціи архитектурныя сочетанія, подготовившія апогей VI-го вѣка; мы видѣли также, что въ тамошнихъ церквахъ, напримѣръ въ Босрѣ или въ Езрѣ, уже въ началѣ VI-го вѣка сдѣланы были попытки соору-

1. *Strzygowski*, loc. cit., 217.
2. *Choisy*, loc. cit., 151.
3. Id., 59 и слѣд.; [illegible]
4. Ср. *Perrot*, Hist. de l'art dans l'antiquité, II, 176—177.
5. *Choisy*, loc. cit., 157—162.
6. Id., 162.
7. *Molinier*, Les Ivoires, 14.

женій, которыя потомъ получили болѣе основательное осуществленіе въ церквахъ св. Сергія или св. Виталія. Быть можетъ, нужно отвести въ этомъ подготовительномъ періодѣ нѣкоторое мѣсто и Египту, если правда, что константинопольскія цистерны являются геніальнымъ подражаніемъ цистернамъ Александріи [1]. Несомнѣнно также, что въ этихъ азіатскихъ и сирійскихъ школахъ, какъ глубоко онѣ не были проникнуты общими для нихъ восточными вліяніями черезъ посредство Персіи, постоянно возникали частные и мѣстные элементы, которые были потомъ подавлены великимъ толчкомъ VI-го вѣка. По моему мнѣнію, Константинополь, усвоивъ всѣ эти методы и примѣнивъ ихъ съ неизвѣстными до тѣхъ поръ изобрѣтательностью и смѣлостью, освятилъ ихъ и сдѣлалъ ихъ окончательно присущими византійскому искусству. Стоитъ обратить вниманіе на тѣ зданія, которыя въ нѣсколько лѣтъ были выстроены одно за другимъ въ столицѣ,— на церковь св. Сергія, сооруженную быть можетъ незадолго до восшествія на престолъ Юстиніана, на двѣ цистерны, Іеребатанъ Серай и Бинъ биръ Дирекъ, которыя относятся къ началу царствованія, и наконецъ на храмъ св. Софіи, законченный въ 537 году,—чтобы признать совершающійся прогрессъ въ постройкѣ каждаго сооруженія, ростъ смѣлости замысла и выполненія. Нельзя сомнѣваться, что для того, чтобы создать всѣ эти памятники, нуженъ былъ долгій подготовительный періодъ; происхожденіе же типа постройки нужно искать въ азіатскихъ провинціяхъ, особенно въ Сиріи. Но для того, чтобы придать этому искусству его окончательную форму, нужно было еще нѣчто другое: геній нѣсколькихъ великихъ архитекторовъ, жившихъ въ этомъ вѣкѣ, и тѣ неисчерпаемыя средства, которыя дало въ ихъ распоряженіе грандіозное честолюбіе Юстиніана.

Происходятъ ли равеннскіе постройки непосредственно отъ Сиріи или же азіатскіе способы дошли до Равенны черезъ посредство Константинополя,—рѣшить это очень трудно. Повидимому, христіанское искусство Сиріи распространилось на Западѣ въ очень раннюю пору; дворецъ Діоклетіана въ Спалато, съ его арками, лежащими прямо на колоннахъ, съ его архитравами, превращающимися въ архивольты, съ его куполами, вѣнчающими входъ во дворецъ, и съ ротондою купола,—удивительно напоминаетъ мону-

1. *Strzygowski*, loc. cit., 215.

менты сирійскаго Востока [1]. Въ самой Равеннѣ фасадъ дворца Теодорика, своими полукруглыми нишами въ толщѣ стѣнъ, съ рядами аркатуръ, напоминаетъ сирійскія архитектурныя формы, а мавзолей короля-варвара своимъ тяжелымъ куполомъ изъ одного цѣльнаго камня поразительно напоминаетъ пріемы сирійскаго искусства. Вполнѣ допустима мысль, что постройка церкви св. Виталія,—хотя она носитъ менѣе оригинальный характеръ, сооружена болѣе скромно и вообще болѣе отсталого типа [2], чѣмъ другія зданія этого города,—также находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ того же искусства. Такимъ образомъ, что—важнѣе всего и должно быть отмѣчено, — нужно признать то важное участіе, которое принимали въ образованіи византійскаго искусства азіатскія школы, глубоко проникнутыя восточными вліяніями.

Эти вліянія, особенно вліяніе Сиріи, еще яснѣе выступаютъ въ орнаментовой скульптурѣ VI-го вѣка [3]. Мы уже знаемъ характеръ декоративнаго искусства этого времени,—искусства роскошнаго, сложнаго и отличающагося при нѣсколько тяжеловѣсномъ великолѣпіи, богатствомъ, доходящимъ до излишества, въ которомъ чувствуется видимое желаніе ослѣпить. Извѣстно, на сколько это искусство любило выводить тонкіе узоры изъ камня, которые могутъ показаться вычеканенными изъ металла или кружевомъ; съ какою охотою оно помѣщаетъ всюду, на притолкахъ дверей, на карнизахъ, на изгибахъ арокъ, разнообразныя украшенія изъ листвы растеній,—при чемъ въ завиткахъ арабесокъ движется цѣлое населеніе животныхъ и птицъ,—и очень остроумное сочетаніе цвѣтовъ, розетокъ и завитковъ. Все это, какъ мотивы, такъ и самое выполненіе, чисто сирійскаго происхожденія. Стоитъ посмотрѣть на памятники Бальбека, Петры, Пальмиры, или еще лучше на зданія центральной Сиріи, въ Турманинѣ или Кальбъ Лузе и на тѣ обремененные скульптурою притолки, которыхъ находятъ въ Бехіохѣ, Бакузѣ или въ Данѣ, чтобы вездѣ встрѣтиться съ тѣмъ же стилемъ, полнымъ восточными мотивами, которые, будучи воспроизведены здѣсь, напоминаютъ внушившіе ихъ персидскіе оригиналы: всюду тѣ же украшенія, представляющія удивительное разнообразіе внѣшняго вида, несравненной красоты и

1. Ср. *Diehl*, En Méditerranée, стр. 25—30.

2. Напримѣръ относительно капителей см. *Strzygowski*, loc. cit., 112.

3. Ср. *Choisy*, loc. cit., 161—162; *Molinier*, Les Ivoires, 15—16; *Laurent*, Delphes chrétien (B. C. H., т. 23, стр. 263—267).

изящества; всюду та же разработка, немного расплывчатая, безъ силы и рѣзкости, при чемъ украшеніе кажется скорѣе какъ бы выгравированнымъ на поверхности камня, чѣмъ вполнѣ вырѣзаннымъ. Искусство обработки мрамора, его приспособленія къ самымъ сложнымъ мотивамъ — въ нихъ изумительно; изящество растительной и животной орнаментики, основанное на внимательномъ наблюденіи природы [1], также чрезвычайно замѣчательно, но изображеніе человѣка неудовлетворительно и очень посредственно [2]. Скульпторъ, по выраженію одного писателя, является здѣсь только орнаментщикомъ, служащимъ архитектору [3].

Такимъ образомъ великолѣпіе украшеній является характеристическою чертою всѣхъ построекъ того времени. Мы уже знаемъ, какимъ удивительнымъ разнообразіемъ цвѣтныхъ мраморовъ артисты VI-го вѣка украсили стѣны такихъ зданій, какъ св. Софія или базилика Паренцо въ Истріи; мы знаемъ также ту пышную роскошь мозаикъ, которыя въ св. Софіи, какъ и у св. Виталія, въ Паренцо, въ Санъ-Аполлинаріо Нуово или Санъ-Аполлинаріо in Classe, блещутъ золотомъ на сводахъ куполовъ и абсидъ и свидѣтельствуютъ объ умѣломъ и утонченномъ искусствѣ византійскихъ мастеровъ. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ, мнѣ кажется, можно найти слѣды сильнаго вліянія, оказаннаго Сиріей на развитіе искусства въ VI вѣкѣ. Конечно, для полнаго рѣшенія этой задачи намъ нужны были бы еще другія точки сравненія, кромѣ тѣхъ, которыми мы обладаемъ; намъ нуженъ былъ бы, напримѣръ, тотъ огромный циклъ стѣнныхъ картинъ, представляющихъ рядъ евангельскихъ эпизодовъ, который украшалъ въ VI вѣкѣ церковь св. Сергія въ Газѣ, но который, однако, мы знаемъ только по описанію Хориція [4]. Вмѣсто этого сохранились лишь изъ этого рода памятниковъ только недавно открытыя мозаики на Кипрѣ, которыхъ, не смотря на всю ихъ важность, недостаточно для пополненія пробѣла [5]. Однако и въ этихъ произведеніяхъ, не смотря на то, что отъ нихъ имѣются лишь куски, можно найти нѣкоторыя указанія; ихъ сирійское или александрійское происхожденіе повидимому не-

1. *Strzygowski*, Die altbyz. Plastik der Blütezeit (Byz. Zeitschr., I, 581—582).

2. Id., 581—582.

3. *Bayet*, L'Art byzantin 81.

4. *Choricii Gazaei* Orationes, изд. Буассонада, стр. 91—98.

5. **Смирновъ**, въ Виз. Времен., 1897, I, 93.

205. Покрышка изъ слоновой кости на переплетѣ евангелія, прежде хранившагося въ Мурано, а теперь находящагося въ Равеннѣ (VI вѣкъ).

сомнѣнно, а также неоспоримо ихъ сродство съ равенскими мозаиками [1]. За недостаткомъ произведеній обширнаго размѣра, мы можемъ, по крайней мѣрѣ, воспользоваться рукописями съ миніатюрами, дающими намъ какъ бы уменьшенное изображеніе большихъ картинъ, и многіе изъ которыхъ, какъ напримѣръ Codex Rossanensis или нѣкоторыя страницы изъ соч. Косьмы, по типу и манерѣ представленныхъ лицъ и по расположенію фигуръ, кажутся непосредственно заимствованными изъ произведеній великаго монументальнаго искусства [2].

Двѣ черты особенно характеристичны для византійскихъ мозаикъ VI вѣка: значительное мѣсто, отводимое въ нихъ украшенію и, съ другой стороны, тотъ видъ торжественной и пышной серьезности церемоній, который вносится въ

206. Срединная часть покрышки изъ слоновой кости, соотвѣтствующая равенской (Изъ коллекціи Crawford'a).

1. *Рѣдинъ*, Мозаики равенскихъ церквей, стр. 222. Ср. *Dobbert* въ Rep. f. Kunstwiss., XXI, стр. 58 (отдѣльный оттискъ).

2. *Haseloff*, Codex Rossanensis, 85; *Bayet*, Recherches, 70—71.

нихъ, какъ въ композицію сценъ, такъ и въ выраженіе фигуръ. Мы уже видѣли, какъ въ св. Софіи нѣжная орнаментація растеніями, рогами изобилія, наполненными плодами, виноградомъ, растилающимъ свои золотые листья, вѣтвями, на которыхъ сидятъ птицы, выстилаетъ большую часть стѣнъ церкви [1]; такая же система украшеній встрѣчается на многихъ монументахъ и сводъ клироса въ ц. св. Виталія даетъ хорошій примѣръ этому. Но орнаментація въ очень схожемъ съ этимъ стилѣ, столь же богатая и изящная, имѣется въ сохранившихся сирійскихъ рукописяхъ VI-го вѣка: во флорентійской библіи Rabula, какъ и въ самыхъ древнихъ миніатюрахъ эчміадзинскаго евангеларія [2], на каждой страницѣ мы видимъ изображеніе высокихъ аркадъ, поддерживаемыхъ тонкими колоннами, вокругъ которыхъ среди деревьевъ порхаетъ масса птицъ; тотъ же изысканный вкусъ, то же, нѣсколько чрезмѣрное, обиліе украшеній, которое уже отмѣчено нами относительно скульптурныхъ украшеній, и ихъ значеніе въ развитіи византійскаго искусства было не меньшее. Но особенно выступаетъ связь между мозаиками и сирійскимъ и египетскимъ искусствомъ при изученіи самихъ композицій, и чтобы дать себѣ отчетъ въ этомъ, достаточно изслѣдовать знаменитый Codex Rossanensis, къ которому въ настоящее время можно добавить отрывокъ Евангелія св. Матѳея, того же стиля и той же школы, который недавно пріобрѣтенъ парижскою Національною Библіотекою [3]. Стоитъ только взглянуть на миніатюры Rossanensis'a, чтобы увидѣть тѣсную связь ихъ съ мозаиками, въ особенности съ мозаиками равеннскихъ Санъ-Аполлинаріо Нуово и Санъ-Виталіо [4]. Въ нихъ тотъ же пышный и грандіозный характеръ церемоній, тотъ же способъ изображенія фигуръ въ пластическомъ стилѣ, та же манера помѣщать сцены въ идеальномъ мірѣ, гдѣ дѣйствующія лица рѣзко выступаютъ на пурпуровомъ или золотомъ фонѣ, и именно этимъ миніатюры очевидно берутъ свое начало въ большомъ монументальномъ искусствѣ, породившемъ мозаики [6]. Въ деталяхъ, ликъ Христа поразительно схожъ съ тѣмъ борода-

1. *Павелъ Силенц.*, 649–657.

2. *Strzygowski*, Das Etschmiadzin Evangeliar, 56–58, *Bayet*, Recher., 71.

3. *Omont*, Manuscrit grec de l'Evangile selon S. Mathieu (Journal des Savants, mai, 1900).

4. *Haseloff*, Codex Rossanensis, 48, 122–125.

5. Id., 48–50.

6. Id., 85.

ХРИСТОСЪ МЕЖДУ АНГЕЛАМИ.

Доска изъ слоновой кости въ христіанскомъ музеѣ въ Ватиканѣ.

тымъ Христомъ, какимъ онъ изображенъ въ сценахъ Страстей въ Санъ-Аполлинаріо [1]; въ эпизодахъ, представляющихъ Христа передъ Пилатомъ, имѣется много схожаго съ мозаиками ц. св. Виталія, представляющихъ Юстиніана и Өеодору [2]. Однако, несомнѣнно относящійся къ VI вѣку [3] Россанскій манускриптъ,—какъ бы не расходились высказанныя о немъ мнѣнія,—навѣрно азіатскаго происхожденія, по всей вѣроятности — сирійскаго или александрійскаго [4], и такимъ образомъ неоспоримое вліяніе сиро-египетскаго искусства проявляется даже въ области мозаики.

Наконецъ изученіе издѣлій изъ слоновой кости также приводитъ къ подобному же выводу. Извѣстно, что въ VI вѣкѣ, когда скульптура по мрамору слабѣла со дня на день, рѣзьба по слоновой кости, напротивъ, стала получать постоянно усиливающееся значеніе. Византійскій ремесленникъ, неспособный болѣе высѣкать изъ мрамора и дѣлать изъ него большія фигуры, обнаружилъ въ миніатюрной скульптурѣ изъ слоновой кости несравненное искусство. Отъ того времени сохранились произведенія подобнаго рода удивительно тонкой работы въ видѣ диптиховъ, крышекъ для евангелій, епископскихъ каөедръ, и многія изъ нихъ, какъ напримѣръ прелестный ангелъ Британскаго музея, являются настоящими образцами искусства. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній даютъ возможность сдѣлать довольно важные выводы.

Существуетъ въ Парижѣ (Національная Библіотека, évangéliaire de Saint-Lupucin), въ Равеннѣ (такъ называемый диптихъ Мурано), въ Эчміадзинѣ въ Арменіи и въ другихъ мѣстахъ [5] группа издѣлій изъ слоновой кости, число которыхъ очень увеличилось въ послѣдніи годы и стиль которыхъ представляетъ очень большой интересъ. Все это диптихи съ пятью отдѣленіями, очевидно происходящіе изъ одной художественной школы и очень сродные знаменитой кафедрѣ изъ слоновой кости епископа Максиміана, хранящейся въ Равеннѣ [6]. Повидиму всѣ они относятся къ первой

1. *Haseloff*, 50—52.

2. Id., 123.

3. Id., 129—130.

4. Id., 131—132.

5. Относительно эчміадзинскаго диптиха см. *Strzygowski*, Das Etschmiadzin Evangeliar, стр. 25—53 и табл. I. Относительно доски, составляющей pendant къ муранской, и разрозненныя части которой найдены въ коллекціяхъ Строгонова, Крауфорда и другихъ, см. статьи *Айналова* (Виз. Врем., 1897, 128—142. и 1898, 153—186) и у *Strzygowski* (Byz. Zeitschr., VIII, 678—681).

6. *Strzygowski*, loc. cit., 43—44; *Molinier*, Hist. générale des arts appliqués à l'industrie: les Ivoires, 57.

половинѣ VI вѣка. Вслѣдствіе чрезвычайной близости этихъ произведеній къ памятникамъ, сохранившимся въ Равеннѣ, прежде полагали, что всѣ онѣ вышли изъ одной равеннской мастерской [1]; въ настоящее же время, послѣ болѣе внимательнаго изученія стиля и иконографіи, всѣми признано, что онѣ сирійскаго или александрійскаго происхожденія [2]. Той же школѣ восточныхъ мастеровъ по слоновой кости приписываются, съ достаточнымъ основаніемъ, дошедшія до насъ многочисленныя пиксиды VI вѣка, изъ которыхъ найлучшая находится въ настоящее время въ Берлинѣ [3]. Но самый важный памятникъ этого рода, за которымъ должно быть признано подобное происхожденіе, это — знаменитая каѳедра Максиміана [4]. Она — верхъ искусства византійскихъ издѣлій VI вѣка изъ слоновой кости. По выразительности фигуръ; по широкой и полной отдѣлкѣ драпировокъ; по естественности положенія тѣла, пять фигуръ, украшающихъ переднюю часть каѳедры, чрезвычаной замѣчательны; еще лучше очень характерная орнаментація, въ которой среди изгибовъ виноградной лозы движется множество птицъ и животныхъ. «Ни одинъ изъ памятниковъ издѣлій изъ

207. Доска изъ слоновой кости на переплетѣ эчміадзинскаго евангелія (*Strzygowski*, Das Etchmiadzin-Evangeliar).

1. *Strzygowski*, loc. cit., 48. Объ этой же равеннской школѣ см. ibid., 50—51.
2. *Strzygowski*, Die christ. Denkmäler Aegyptens. (Rom. Quartalschrit, 1898, 38—40).
3. *Molinier*, loc. cit., 55—56
4. Ibid., 67—73.

слоновой кости предшествующаго періода не представляетъ подобнаго искусства въ расположеніи украшеній, соединеннаго съ техническимъ умѣніемъ, превосходящимъ всякую похвалу [1]». Пластинки, покрывавшія спинку кресла и изъ которыхъ многія перешли въ частныя коллекціи [2], сдѣланы, конечно, съ меньшимъ искусствомъ, хотя также очень ин-

208. Передняя часть каѳедры Максиміана въ равеннскомъ соборѣ.

тересны по обнаруживающимся въ нихъ реалистическому направленію и очень тщательному изученію природы [3]; во всякомъ случаѣ въ совокупности онѣ также очень высокого достоинства. Въ настоящее время происхожденіе этого замѣчательнаго произведенія кажется совершенно установлено: обнаруживающееся въ немъ искусство совершенно аналогично сирійскому или еще вѣрнѣе египетскому [4]. Такимъ образомъ все приводитъ насъ къ одному пункту, къ тому сиро-александрій-

1. *Molinier*, loc. cit., 69.

2. *Graeven*, Frühchrist. und mittelalt. Elfenbeinwerke aus Itaien, табл. 41 (Миланъ). 62—63 (коллекція Строганова).

3. *Molinier*, loc. cit., 70

4. Ibid., 69; *Graeven*, loc. cit., текстъ стр. 26, 34.

скому искусству, вліяніе котораго было всемогуще на византійскомъ востокѣ V и VI вѣковъ. И именно ему должны быть приписаны такія произведенія изъ слоновой кости, какъ Тонгрскій диптихъ [1], одинаковаго стиля съ каѳедрой Максиміана, или тѣ пластинки изъ вызвавшихъ столько споровъ тревскихъ сокровищъ, время которыхъ недавно очень остроумно установилъ Стржиговскій, именно VI вѣкъ, а равно и происхожденіе ихъ изъ Александріи [2]; или также интересныя дощечки, которыми была украшена такъ называемая каѳедра св. Марка и которыя хранились прежде въ Градо [3]. Къ сиро-египетскому же искусству относятся многія изъ тѣхъ небольшихъ вещичекъ религіознаго назначенія, сдѣланныя изъ золота, каковы металлическія ампулы для мvро, encolpia или золотыя ковчежцы для мощей [4]. Наконецъ, изъ Египта же недавно получились многія изъ тѣхъ прелестныхъ тканей, шелковыхъ и полотняныхъ, усѣянныхъ красивыми вышивками, которыя такъ интересно освѣщаютъ одну изъ сторонъ византійской роскоши [5]. Въ настоящее время уже не подлежитъ спору, что въ большихъ городахъ Малой Азіи, Сиріи и Египта, въ Ефесѣ, Антіохіи, Александріи, начиная съ VI вѣка произошло большое художественное движеніе, сильно запечатлѣнное восточными вліяніями, и что это искусство, особенно сирійское и египетское, оказало удивительное вліяніе на развитіе византійскаго искусства въ томъ видѣ, какъ оно сложилось въ VI-мъ вѣкѣ [6].

Но было бы несправедливо чрезмѣрно уменьшать участіе Константинополя въ этомъ большомъ движеніи. Къ несчастію, сохранилось очень мало памятниковъ, константинопольское происхожденіе которыхъ было бы несомнѣнно [7]; но тѣ, которыя дошли до насъ, всѣ первокласснаго достоинства. Таковы, напримѣръ, пластинка диптиха, хранящагося

1. *Molinier*, loc. cit., 54—55.

2. *Strzygowski*, Orient oder Rom, стр. 8; и слѣд. Ср. *Molinier*, loc. cit., 74—76.

3. *Graeven*, Der heilige Markus in Rom und in der Pentopolis (Röm. Quartalschr., 1899, 109—126) и Elfenbeinwerke aus Italien, табл. 42—48.

4. *Bayet*, Recherches, 123—125; *Strzygowski*, Das Etschmiadzin Evangeliar, 99—112.

5. *Strzygowski*, Orient oder Rom., 90—112; *Forrer*, Röm und. byz. Seidentextilen; *Gayet*, Le costume en Égypte, 23—27, 29—44, 90—172.

6. Объ этомъ христіанскомъ искусствѣ въ Египтѣ и его близкой связи съ таковымъ же въ Сиріи см. *Strzygowski*, Die christlichen Denkmaeler Aegyptens (Röm. Quartalschr., 1898, 1—41.

7. *Strzygowski*, Das Etschmiadzin Evangeliar, стр. 51—52.

въ Британскомъ музеѣ, съ изображеніемъ ангела, а также манускриптъ Діоскорида, иллюстрированный въ началѣ VI вѣка одною изъ принцессъ императорскаго дома [1]. Одинъ такой фактъ уже имѣетъ значеніе. Совершенно очевидно, что въ столицѣ, обогащенной драгоцѣнностями античнаго искусства, при тамошнемъ тщеславномъ дворѣ, подъ вліяніемъ государей, страстныхъ строителей и цѣнителей роскоши, при неисчерпаемыхъ средствахъ, которыя они предоставляли своимъ художникамъ, уже a priori можно думать, что новый стиль, въ рукахъ геніальныхъ мастеровъ, которыхъ далъ VI-ой вѣкъ, не могъ не достигнуть гораздо болѣе высокаго развитія сравнительно съ тѣмъ, до чего дошли помѣстныя школы [2]. Усваивая, нововведенія пришедшія изъ Азіи и Сиріи и изъ Египта, Константинополь ихъ узаконилъ [3]; но даже въ этомъ высшемъ развитіи искусства, элементы сиро-александрійскіе на всемъ кладутъ отпечатокъ своего вліянія. Возмите издѣлія, которыя по всей вѣроятности выполнены въ столицѣ,— именно диптихи консуловъ и столь многочисленныхъ въ VI вѣкѣ высшихъ чиновниковъ [4]: тѣ немногія изъ нихъ, которыя имѣютъ художественную цѣну, напр. издѣліе изъ слоновой кости, такъ наз. Барберини, напоминаетъ стиль диптиховъ сиро-египетскихъ съ пятью отдѣленіями, а прекрасный диптихъ Ареобинда [5] имѣетъ украшенія, совершенно похожія на тѣ, которыя сдѣланы на каѳедрѣ Максиміана.

Какъ бы ни было, но фактъ безусловенъ въ томъ отношеніи, что византійское искусство VI-го вѣка поразительно распространилось по всѣмъ направленіямъ, «охватило большую часть Италіи и оказывало могущественное вліяніе почти на весь Западъ въ теченіе многихъ столѣтій средневѣковья [6]». Мы уже знаемъ все, чѣмъ была обязана Равенна Востоку, но еще много другихъ италіанскихъ зданій было выстроено подъ вліяніемъ столичныхъ сооруженій. Въ Миланѣ, церковь Сенъ-Лоренцо, относящаяся къ VI-му вѣку, была построена по образцу св. Софіи [7]; въ Римѣ, церковь свв. Филиппа и Іакова воспроизвела планъ константинопольской церкви св.

1. *Strzygowski*, 52, и Die byz. Kunst (Byz. Zeitschr., I. 71).

2. Ср. *Strzygowski*, Die biz. Kunst Byz. Zeitschr., I, (66–68).

3. Объ этомъ см. у *Molinier*, loc. cit., 15, и у *Strzygowski*, Orient oder Rom, 150.

4. Списокъ ихъ у *Molinier*, loc. cit.: 29—39. 40—42. 44—48.

5. *Molinier*, loc. cit., таблица III; *Héron de Villefosse*, Feuille de dyptique consulaire conservée au musée du Louvre (Gaz. archéol., 1884).

6. *Molinier*, loc. cit., 131

7. *Kohte*, Die Kirche S. Lorenzo in Mailand., Berlin, 1890

Апостоловъ[1]. Въ особенности же замѣчательная базилика Паренцо, въ Истріи, раскрываетъ, на ряду съ памятниками Равенны, все великолѣпіе византійскаго декоративнаго искусства. По своимъ красивымъ капителямъ, покрытымъ узорами изъ камней или украшеннымъ по угламъ головами грифоновъ, по нѣжной орнаментаціи, покрывающей изгибы аркадъ, по необычайно красивой отдѣлкѣ стѣнъ разноцвѣтными мраморами, перламутромъ и агатомъ, образующихъ панель на стѣнахъ абсиды и имѣющихъ блескъ и бархатистость восточныхъ ковровъ, наконецъ по своимъ прекраснымъ мозаикамъ, удивительно напоминающимъ таковыя же въ церкви Санъ-Аполлинаріо въ Равеннѣ,—она является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній искусства VI вѣка. На тріумфальной аркѣ апостолы въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ направляются двумя рядами къ сидящему на земномъ шарѣ[2], какъ и въ церкви св. Виталія, Христу, а въ изгибѣ арки въ рядѣ медальоновъ святыя женщины въ золотыхъ одеждахъ, отдѣланныхъ драгоцѣнностями, напоминаютъ дѣвъ на фризѣ Санъ-Аполлинаріо Нуово. Въ абсидѣ, Божья Матерь, держащая на рукахъ божественное дитя, сидитъ, какъ и въ церкви св. Аполлинарія, на тронѣ, охраняемомъ двумя ангелами; ее окружаютъ святые, изъ которыхъ св. Мавръ представляетъ Святой Дѣвѣ епископа Евфразія, основателя базилики, сопровождаемаго архидіаконами Клавдіемъ и юнымъ сыномъ послѣдняго, тоже по имени Евфразіемъ. Ниже, между оконъ, одинъ ангелъ и два святыхъ занимаютъ промежутки, а по концамъ двѣ сцены, интересныя по подробностямъ костюмовъ и архитектуры, изображаютъ Благовѣщеніе и посѣщеніе Богородицею св. Елисаветы[3]. Все это вмѣстѣ—пока еще мало извѣстное — заслуживаетъ занять мѣсто на ряду съ лучшими памятниками Равенны, къ которымъ эта базилика очень близка, какъ по времени постройки, такъ и по стилю, и подобно имъ можетъ быть поставлена въ число важнѣйшихъ произведеній византійскаго искусства VI-го вѣка.

---

1. *Grisar*, loc. cit., 619—621.

2. Въ этой, недавно открытой, части античенъ только верхній поясъ.

3. *Garrucci*, IV, таб. 276. Ср. *Lohde*, Der Dom von Parenzo; *Amoroso*, Le basiliche cristiane di Parenzo. *Deperis*, Il duomo di Parenzo; *Boni*, въ Arch. stor. del'arte, 1894, 107 и слѣд., *Marucchi*, Le recenti scoperte nel duomo di Parenzo (Nuovo Bull. di Arch. crist., т. II).

III.

Таково было византійское искусство во времена Юстиніана въ томъ видѣ, какимъ оно является въ своей окончательной формѣ, которую оно нашло, перейдя періодъ подготовки и разныхъ попытокъ, выполненныхъ IV и V вѣками. Историческія событія, во время которыхъ оно развилось, придали ему тотъ особый характеръ, который нельзя не признать[1]. Для того, чтобы украсить прекрасныя и обширныя базилики, въ которыхъ высказывалась пышность новой государственной религіи, это искусство должно было усвоить болѣе серьезную и благородную манеру, болѣе выдержанное величіе; а для того, чтобы отвѣчать роскоши и церемоніальности, которыми было полно гражданское общество, оно должно было стать богаче, блестящѣе и въ то же время условнѣе. Простоту фресокъ оно замѣнило великолѣпнымъ украшеніемъ мозаиками, большими и величественными композиціями съ необыкновенно сильнымъ декоративнымъ эффектомъ, съ симметрически расположенными, спокойными и неподвижными фигурами, строгое величіе которыхъ производитъ чрезвычайно глубокое впечатлѣніе; безъискусственность символизма катакомбъ оно замѣнило типами и сценами болѣе историческаго характера, и во всемъ оно любило и искало декаративной тонкости, осмысленнаго сочетанія цвѣтовъ, великолѣпія отдѣлки золотомъ, переливовъ оттѣнковъ драгоцѣнныхъ тканей. Кромѣ того, оно стремилось поразить какъ величіемъ замысла, такъ и великолѣпіемъ исполненія. Такимъ образомъ оно въ первый разъ дало христіанскимъ представленіямъ нерѣдко окончательную форму, которую онѣ и сохраняли въ послѣдующее время; особенно же впервые оно выразило вполнѣ божественное величіе и блескъ торжествующаго христіанства.

Но можно ли сказать, что это искусство уже создалось во всѣхъ своихъ частяхъ?—Отнюдь, такъ какъ, говоритъ Бэйе, «когда византійскіе художники создавали новый стиль, ихъ умъ былъ полонъ воспоминаніями прошлаго и они жили среди его произведеній[2]». Они оставались вѣрны нѣкоторымъ существеннымъ принципамъ античной традиціи; они сохранили ея вкусъ къ красивому расположенію, къ

1. Ср. *Bayet*, Recherches. 45—46. *Diehl*, Ravenne. 41—42

2. *Bayet*, L'Art byzantin. 102—103.

гармоническимъ драпировкамъ, благородству позъ, къ умѣлому равновѣсію всей композиціи; но въ тоже время они были слишкомъ близки къ азіатскому Востоку, чтобы не подвергнуться его вліянію; они заимствовали отъ него смѣлость его

99. Диптихъ консула Юстина (540 г.). (Берлинскій музей).

архитектуры и усвоили вкусъ къ богатству и роскоши, который проявляется въ ихъ декоративныхъ пріемахъ. Тѣмъ не менѣе это искусство не было простымъ сочетаніемъ элементовъ различнаго происхожденія: оно было истинно творческимъ. Христіанство, которому оно отдало себя на служеніе, сооб-

щило ему своеобразный отпечатокъ и особое величіе [1]. Внимательное и постоянное наблюденіе природы, по крайней мѣрѣ въ ея растительныхъ и животныхъ формахъ, нѣкоторая склонность къ реализму, въ томъ видѣ, въ какомъ она проявляется въ VI-мъ вѣкѣ [2] въ мозаикахъ и въ издѣліяхъ изъ слоновой кости, особенно же духъ изобрѣтательности и особой смѣлости, проявляющійся въ архитектурныхъ памятникахъ, свидѣтельствуютъ не только объ удивительной производительности этого искусства, но и о его постоянномъ стремленіи къ обновленію.

По всему обширному азіатскому міру, главою котораго былъ Константинополь, различные элементы, изъ которыхъ образовалось византійское искусство, древность и христіанство, эллинизмъ и Востокъ, сочетались въ различныхъ степеняхъ въ зависимости отъ мѣстъ и обстоятельствъ. На общемъ фонѣ совершавшейся эволюціи выдѣлялись отдѣльныя провинціи, какъ нѣчто самостоятельное: имѣлось византійское искусство Малой Азіи, Египета, Сиріи, и изъ нихъ послѣднее повидимому оказало наиболѣе широкое и могучее вліяніе; но среди этого разнообразія существовала извѣстнаго рода общность: вездѣ «вліяніе сассанидской Персіи сочеталось съ римскими традиціями на почвѣ, гдѣ еще жилъ духъ эллинизма [3]». Изъ этихъ нововведеній, изъ этихъ попытокъ Константинополь вызвалъ къ жизни поразительное движеніе искусства, которымъ отмѣчено царствованіе Юстиніана; усваивая эти методы и прилагая ихъ съ новою смѣлостью, оно ихъ освятило и распространило даже на Западъ [4].

Если теперь бросить послѣдній взглядъ на памятники этого искусства, то конечно въ нихъ можно найти неправильности и недостатки, недостаточность фантазіи и изобрѣтательности, нѣкоторое однообразіе, порождаемое постояннымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же сюжетовъ, но въ цѣломъ они имѣютъ несравнимое величіе направленія [5], и всякій, кто провелъ, хотя бы даже нѣсколько часовъ, въ Равеннѣ, Паренцо или въ св. Софіи, уноситъ изъ этихъ удивительныхъ сооруженій неизгладимое воспоминаніе.

---

1. *Bayet*, L'Art byzantin, 104—105.
2. *Molinier*, loc, cit., 70; *Strzygowski*, Die altbyz. Plastik. (Byz. Zeitschr I, 70).
3. *Choisy*, Hist. de l' architecture II, 82.
4. *Strzygowski*, Orient oder Rom, 9—10, 149—150. Cp. *id.*, Die byzant. Kunst (Byz. Zeitschr., I, 70).
5. *Bayet*, Recherches, 102—104.

Заключеніе.

Если попытаться, заканчивая нашъ трудъ, оцѣнить во всей совокупности дѣло Юстиніана, то прежде всего напрашивается одно замѣчаніе. Въ управленіи императора такъ же, какъ и въ характерѣ его, какъ человѣка, перемѣшано много худого и много хорошаго, такъ что можно то безмѣрно превозносить, то настолько же и хулить государя, наполнившаго своимъ именемъ весь VI-й вѣкъ. Сами современники Юстиніана дали примѣръ такого противорѣчиваго суда; въ свое время они испытывали нѣкоторое затрудненіе въ справедливой и опредѣленной оцѣнкѣ этой сложной личности и его огромнаго дѣла. Смотря по настроенію, они впадали либо въ панегирикъ, либо въ памфлетъ, доставляя такимъ образомъ массу матеріала для доводовъ, какъ поклонникамъ, такъ и врагамъ Юстиніана. Весьма вѣроятно, что истина, какъ всегда, находится между двумя крайностями; и нужно постараться выдѣлить истину безпристрастно, безъ предвзятой мысли, безъ предустановленнаго мнѣнія. Конечно, гораздо легче рѣшить съ плеча: почеркомъ пера провозгласить Юстиніана великимъ человѣкомъ или сдѣлать его источникомъ всѣхъ золъ въ имперіи; но сужденіе, которое мы попробуемъ высказать, будетъ менѣе опредѣленно, быть можетъ менѣе рѣшительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ, внося болѣе оттѣнковъ, оно быть можетъ будетъ менѣе далеко отъ справедливости и дѣйствительности.

Юстиніана часто упрекаютъ, что онъ ради отдаленныхъ завоеваній разбросалъ силы, необходимыя для охраны византійскаго государства; что, удовлетворяя свое безполезное честолюбіе, онъ истощилъ и разорилъ имперію, а ради удовольствія совершенія на Западѣ хрупкаго эфемернаго дѣла повредилъ и пожертвовалъ на Востокѣ существенными интересами государства. Несомнѣнно, что Юстиніанъ поступилъ бы болѣе благоразумно и мудро, если бы, отка-

завшись отъ новаго завоеванія Африки, Италіи и Испаніи, напрягъ всѣ свои усилія на защиту восточныхъ провинцій; быть можетъ онъ поступилъ бы гораздо политичнѣе, если бы, рѣшивъ безповоротно разорвать узы, связывавшія его съ римскою церковью, онъ, — какъ это внушала ему, съ ея энергическимъ здравымъ смысломъ, Өеодора,—примирилъ бы, даже цѣною ереси, всѣ восточные народы въ одномъ вѣрованіи. Этимъ онъ избѣжалъ бы необходимости доводить до крайняго напряженія всѣ пружины управленія, истощая всѣ живыя силы имперіи и высасывая изъ нея всѣ средства; онъ оставилъ бы государство болѣе объединеннымъ и сильнымъ, способнымъ, не ослабѣвая, выдержать нападенія персовъ и арабовъ и, быть можетъ, такая перемѣна политики измѣнила бы даже самый ходъ исторіи. Это было бы тою политикою, которой нѣсколько вѣковъ спустя и въ той же Восточной имперіи, въ то время обширной и сильной, должны были слѣдовать великіе государи македонской династіи, и нужно признать, что эта политика была далеко не безславна. Но, чтобы держаться ее въ VI-мъ вѣкѣ, нужно было, чтобы идеи Юстиніана отличались отъ идей его времени и чтобы онъ лучше понималъ будущіе интересы государства, чего едва ли можно отъ него требовать. Намъ, знающимъ теперь изъ исторіи болѣе или менѣе печальныя послѣдствія его гигантскаго предпріятія, легко указывать болѣе скромныя цѣли и менѣе колоссальное честолюбіе, но дѣло въ томъ, что въ тотъ вѣкъ, въ которомъ жилъ Юстиніанъ, подобная политика была невозможна. Юстиніанъ не былъ только императоромъ византійскимъ, онъ смотрѣлъ на себя, какъ на преемника и наслѣдника цезарей и поставилъ себѣ задачу возстановить прежнюю римскую имперію во всей ея цѣлости. Отказаться отъ такого славнаго наслѣдія было бы для него униженіемъ, отреченіемъ, котораго никто въ VI вѣкѣ не понялъ бы и не потерпѣлъ; въ глазахъ современниковъ Юстиніана и даже его хулителей, грандіозное честолюбіе государя было его настоящимъ правомъ на славу [1], доказательствомъ, что онъ и по названію и на дѣлѣ былъ дѣйствительно римскимъ императоромъ. И, можетъ быть, для Юстиніана было несчастіемъ получить такое тяжелое наслѣдіе воспоминаній, традицій и обязанностей; во всякомъ случаѣ въ VI вѣкѣ для него было бы позоромъ отказаться отъ нихъ, да онъ,

1. B. P., 158: *Agath.*, 306.

какъ и его современники, не могъ даже и думать объ этомъ. Нельзя требовать отъ историческихъ великихъ людей, чтобы они думали иначе, чѣмъ люди ихъ времени, и нѣтъ никакихъ основаній упрекать ихъ за то, что они не могли предвидѣть отдаленнаго будущаго.

Поэтому должно устранить подобную оцѣнку и разсматривать царствованіе Юстиніана какимъ оно было, а не такимъ, какимъ было бы желательно, чтобы оно было. Ставъ на эту точку зрѣнія, прежде всего разберемъ цѣли, которыми руководился этотъ государь, и тогда должны будемъ признать, что въ общемъ онѣ хороши и достойны императора. У него было величественное желаніе, котораго нельзя отрицать, возстановить римскія традиціи во всѣхъ отрасляхъ управленія, вновь завоевать всѣ потерянныя провинціи и установить среди варварскихъ народовъ верховное главенство императора. Въ желаніи уничтожить слѣды религіозныхъ раздоровъ у него было ясное пониманіе жизненныхъ интересовъ государства. Въ старательности, съ которою Юстиніанъ покрылъ границы непрерывною цѣпью укрѣпленій, проявилась истинная забота обезпечить безопасность своихъ подданныхъ; эта попечительность объ общественномъ благѣ выступаетъ еще рѣзче въ усиліяхъ императора реформировать и внести лучшіе нравы въ управленіе государствомъ. Наконецъ, не изъ одного же тщеславія, не изъ ребяческаго желанія присоединить свое имя къ дѣлу, вызывающему удивленіе и восторгъ потомства, Юстиніанъ предпринялъ реформу права и покрылъ столицу и имперію великолѣпными сооруженіями. Въ стремленіи упростить законы, сдѣлать правосудіе болѣе обезпеченнымъ и скорымъ, у него было безспорное желаніе улучшить положеніе своихъ подданныхъ, а въ поразительномъ толчкѣ, данномъ имъ общественнымъ работамъ, нельзя не видѣть любви къ великому, заботу объ императорскомъ достоинствѣ, быть можетъ достойную сожалѣнія по своимъ послѣдствіямъ, но по руководящей мысли положительно похвальную.

Къ несчастью для этихъ идей, озаряющихъ начало царствованія, часто недоставало необходимаго орудія. Чтобы сдѣлать великое и удовлетворить потребности истинно имперской политики, нужны были громадные, неизсякаемые источники, а Юстиніану всегда стоило труда находить ихъ. Одною изъ самыхъ рѣзкихъ и наиболѣе характеристическихъ чертъ его управленія былъ постоянный недостатокъ

денегъ, непрерывное несоотвѣтствіе финансовыхъ средствъ съ грандіозными планами его политики. За недостаткомъ денегъ, начатыя съ ничтожными средствами войны велись плачевно и затягивались до безконечности; за недостаткомъ денегъ армія пришла въ разстройство и ослабѣла; за недостаткомъ денегъ, нужныхъ для содержанія необходимой наличности войскъ и снабженія крѣпостей, приходилось прибѣгать къ пріемамъ крайне разорительной дипломатіи. Постоянно нужно было прибѣгать къ разнымъ уловкамъ, чтобы выпутываться изъ сквернаго положенія. Для удовлетворенія необходимыхъ расходовъ возрастала тяжесть налоговъ, дѣлая ихъ невыносимыми, но — что еще хуже — чтобы покрыть нужду въ деньгахъ, Юстиніанъ долженъ былъ въ общественномъ управленіи допускать притѣсненія и вообще крайне печальные пріемы. Къ этому нужно прибавить, что такъ тяжело и съ такимъ трудомъ добытыя деньги къ несчастью очень часто были растрачиваемы, хотя и на грандіозныя, но безполезныя сооруженія, или на безуміе неслыханной роскоши. Несомнѣнно, что бо́льшая бережливость относительно бюджета и болѣе строгій контроль надъ расходами замѣтно облегчили бы, безъ большой помѣхи для выполненія важнѣйшихъ идей царствованія, тяжесть общественныхъ повинностей. Для всѣхъ государей, стремящихся вести широкія политическія дѣла, по вѣрному замѣчанію Ранке, должно быть постоянною задачею согласованіе требованій ихъ честолюбивыхъ намѣреній съ заботою о счастіи народа, но Юстиніанъ, какъ Людовикъ XIV или Наполеонъ, не разрѣшилъ этой задачи. Основной порокъ его царствованія слѣдуетъ искать въ дурномъ финансовомъ управленіи и этотъ порокъ сдѣлалъ недѣйствительными лучшія намѣренія императора и серьезно повредилъ нѣкоторымъ результатамъ, которые онъ желалъ получить.

Дѣйствительно, если на ряду съ намѣреніями посмотрѣть какъ онѣ осуществлялись и къ чему въ концѣ концовъ привели громадныя усилія, сдѣланныя Юстиніаномъ, то нужно будетъ признать, что далеко не все достойно похвалы. Мысль часто была велика, но исполненіе почти всегда было спѣшно, несовершенно, посредственно. Реформа управленія осталась совершенно безрезультатною; религіозная политика — недѣйствительною; деспотическій абсолютизмъ императора уничтожилъ въ государствѣ всю его жизненность, всякую свободу. Если славныя завоеванія на Западѣ придали

имперіи на время небывалый престижъ, то онѣ же, будучи довольно энергичными, были дорого оплачены бѣдствіями на Востокѣ, насиліями испорченной и жестокой выше всякой мѣры администраціи. Умирая, Юстиніанъ оставилъ государственную казну «доведенною до крайней степени бѣдности [1]», «разстроенную армію, государство, предоставленное непрерывнымъ нашествіямъ и насиліямъ варваровъ [2]», подданныхъ—въ состояніи надрывающей душу бѣдности [3], разоренныя и обезлюденныя провинціи, всеобщее недовольство, угрожающій сепаратизмъ. Но если безспорно были таковы въ концѣ концовъ послѣдствія всей системы, то не слѣдуетъ забывать, что онѣ очень сильно увеличены печальнымъ упадкомъ конца царствованія. Несправедливо судить о Юстиніанѣ по послѣднимъ десяти годамъ, когда состарившійся императоръ пережилъ самого себя и, на ряду съ неудачами, слабостями и позоромъ, справедливость требуетъ освѣтить неоспоримые и славные результаты его трудовъ.

Историки VI-го вѣка, даже тѣ, которые не скрываютъ ни одного изъ недостатковъ этого царствованія, единодушно хвалятъ благоразуміе, тонкость и искусство императорской дипломатіи и свидѣтельствуютъ о конечномъ ея успѣхѣ [4]. И дѣйствительно этимъ ловкимъ и гибкимъ сочетаніемъ политическихъ переговоровъ и религіозной пропаганды Юстиніанъ придалъ для даннаго времени небывалый престижъ и намѣтилъ въ будущемъ своимъ преемникамъ образъ дѣйствій, который въ теченіе многихъ вѣковъ поддерживалъ силу и существованіе государства. Въ дѣлѣ возсозданія имперіи были, конечно, слабыя и эфемерныя стороны, но въ ходѣ идей это стремленіе было вовсе не безполезно. Финлей очень хорошо выразился о царствованіи Юстиніана: «Вѣрный инстинктъ человѣчности свойственъ этому періоду, какъ одной изъ самыхъ важныхъ эпохъ въ лѣтописяхъ исторіи. Дѣйствующія лица могли быть въ немъ людьми обыкновеннаго достоинства, но событія, дѣятелями которыхъ они были, произвели одинъ изъ самыхъ глубокихъ переворотовъ въ обществѣ [5]». Какъ ни тяжело было господство византійцевъ для Запада, какъ ни безполезно для Востока было завоеваніе Африки и Италіи, тѣмъ не менѣе Юстиніанъ хоть на время отбросилъ наступленіе варваровъ и

1. Nov. 148.
2. Ibid.
3. *Evagr.*, 4, 30.
4. *Men.*, 283—284; *Agath.*, 331—332, 335.
5. *Finlay*, Hist. of Greece, 1, 194.

продолжилъ на нѣсколько столѣтій существованіе римской культуры въ этихъ странахъ. Въ исторіи цивилизаціи онъ оставилъ еще болѣе глубокій слѣдъ: и даже въ настоящее время Кодексъ и Св. Софія обезпечиваютъ ему безсмертную память. Нельзя судить человѣка и дѣло только по чисто матеріальнымъ результатамъ; какъ ни похвально само по себѣ умѣнье доставить благоденствіе своему народу, но оно составляетъ не единственное и не самое блестящее средство для того, чтобы вписать свое имя на страницы исторіи. Въ мірѣ идей есть еще элементы моральные и невѣсомые, которыхъ также нужно принимать въ разсчетъ, и нѣкоторые изъ нихъ имѣются въ дѣлахъ Юстиніана. У него были великія идеи, иногда лишенныя мѣры и испорченныя невыносимымъ тщеславіемъ, но которыя, однако, обезпечиваютъ его памяти исключительное мѣсто въ исторіи. Стремясь ихъ осуществить, онъ могъ, вслѣдствіе слишкомъ поспѣшнаго исполненія ихъ и за неимѣніемъ необходимыхъ средствъ, терпѣть иногда неудачу и ослабѣвать, но по энергіи усилія, по грандіозному намѣренію собрать во всей его цѣлости наслѣдіе Рима,—онъ вызвалъ среди современниковъ чувства удивленія или ужаса и придалъ имперіи удивительный блескъ. Если же въ матеріальномъ отношеніи онъ истощилъ государство и быть можетъ открылъ двери для будущихъ бѣдствій, то тѣмъ не менѣе въ теченіе времени почти полувѣка онъ обезпечилъ Византійской имперіи несравненный нравственный престижъ. Однимъ словомъ, онъ былъ, къ несчастью въ эпоху упадка, послѣднимъ великимъ римскимъ императоромъ и въ силу его дѣятельности новый Римъ, законный и признанный наслѣдникъ древняго, сталъ еще разъ столицею всего міра, безспорнымъ центромъ оригинальной и могущественной цивилизаціи.

Иллюстраціи.

Рисунки на отдѣльныхъ листахъ:

Главнѣйшія сочиненія и статьи, которыми пользовался авторъ.

Accarias. Précis de droit romain, 2-e éd. Paris, 1874.

Айналовъ. Эллинистическія основы византійскаго искусства. Спб., 1900.

Айналовъ. Часть равеннскаго диптиха въ собраніи гр. Строгонова (Виз. Времен., 1897).

Айналовъ. Часть равеннскаго диптиха въ собраніи гр. Крауфорда (Виз. Врем., 1898).

Amélineau. Contes de l'Égypte chrétienne, 2 vol. Paris, 1888.

Amoroso. Le basiliche cristiane di Parenzo, 1891.

Assemani. Bibliotheca orientalis, 4 vol., Rome, 1709.

Babelon. Justinien et Bélisaire. (Mém. de la Societé des antiquaires de France, т. 57).

Ballu. Le monastère byzantin de Tébessa. Paris, 1897.

Banduri. Imperium orientale, 2 vol. Paris, 1711.

Baumstark. Das Kirchenjahr in Antiochia (Röm. Quartalschrift, т. 11 и 13).

Bayet. Recherches sur l'histoire de la peinture et de la sculpture chrétiennes avant la querelle des Iconoclastes. Paris, 1879.

Bayet. L'art bizantin. Paris, 1883.

Бѣляевъ. Храмъ св. Ирины (Виз. Врем., I).

Benjamin. De Justiniani aetate quaestiones militares. Berlin, 1892.

Biener. Gesch. der Novellen Justinians. Berlin, 1824.

Boissier. La fin du paganisme, 2 vol. Paris, 1894.

Boni. Il Duomo di Parenzo (Arch. Stor. dell' arte, 1894).

Bryce. Life of Justinian by Theophilus (Engl. hist. Review, 1887, стр. 657).

Bury. History of the later Roman empire. 2 vol. London, 1889.

Bury. The Nika Riot (Journ of hell. Studies, 1897).

Cagnat. L'armée romaine d'Afrique. Paris, 1893.

Chabot. L'école de Nisibe (Journal asiatique, 1896).

Choisy. L'art de bâtir chez les Byzantins. Paris, 1882.

Choisy. Hist. de l' architecture, т. II, Paris, 1899.

Christ. Gesch. der griechischen Litteratur. München, 1890.

Couret. La Palestine sous les empereurs grecs. Grenoble, 1869.

Croiset (A. et M.). Hist. de la littérature grecque, т. V. Paris, 1899.

Dahn. Prokopius von Cæsarea. Berlin, 1865.

Debidour. Théodora. Paris, 1885.

Delehaye. Les Stylites (Rev. des quest. hist., 1895).

Diehl. Ravenne. Paris, 1886.

Diehl. Études sur l'administra-

tion byzantine dans l'exarchat de Ravenne. Paris, 1888.

Diehl. Rapport sur deux missions en Afrique (Nouv. Archives des Missions, т. IV).

Diehl. L'Afrique bizantine. Paris, 1896.

Diehl. Rescrit des empereurs Justin et Justinien en date du 1-er juin 527 (B. C. H., т. 17).

Diehl. Une charte lapidaire du VI-e siècle (C. R. de l'Acad. des Inscr., 1894).

Diehl. L'origine des thèmes dans l'empire byzantin (Études d'hist. du moyen age dédiées à G. Monod). Paris, 1896.

Diekamp. Die origenistischen Streitigkeiten im VI Jahrh und das fünfte allgemeine Concil. Münster, 1899.

Dillmann. Ueber die Anfänge des Axumitischen Reiches (Abhandl. Берлинской Акад., 1878).

Dillmann. Zur Gesch. des Axumitischen Reiches im 4 bis 6 Jahrhundert (Abhandl. Берлинской Академіи, 1880).

Dobbert. Zur Geschichte der altchristlichen und der frühbyzant. Kunst (Repert. für Kunstwissenschaft, т. 21).

Doppert. Selectiora ex Justiniani Magni historia. Schneeberg, 1714.

Ducange. Constantinopolis christiana. Paris, 1680.

Duchesne. Origines du culte chrétien. Paris, 1898.

Duchesne. Jean d'Asie. Paris, 1892.

Duchesne. Les Missions chrétiennes au sud de l'empire romain (Mél. de Rome, 1896).

Duchesne. Vigile et Pélage (Rev. des quest. hist., 1884. II).

Duchesne. L'Illyricum ecclésiastique (Byz. Zt., I).

Duval R. La littérature syriaque. Paris, 1899.

Duval R. Histoire d'Edesse (Jurn. asiat., 1892).

Eustratios. Σεύηρος ὁ μονοφυσίτης. Leipzig, 1894.

Fell. Die Christenverfolgung in Süd-Arabien (Zt. d. morgenländ. Gesch., 1881).

Finlay. History of Greece, éd. Tozer, t. I. Oxford, 1877.

Forrer. Römische und byzant. Seidentextilien, Strasbourg, 1891.

Förster. Antiochia am Orontes (Jahrb. des Archaeol. Instituts, 1897)..

Fustel de Coulanges. Hist. des institutions politiques de la France, t. II. Paris, 1891.

Garrucci. Storia dell'arte cristiana, 6 vol. Prato, 1871.

Gasquet. De l' autorité impériale en matière de religion. Paris, 1879.

Gasquet. L'empire byzantin et la monarchie franque. Paris, 1888.

Gaudenzi. Sul rapporti tra l'Italia e l'impero d'Oriente (476-554). Bologna, 1888.

Gayet. Le costume en Égypte. Paris, 1900.

Gelzer. Die Genesis der byz. Themenverfassung (Abhandl. der Sächs. Ges. der Wissensch. 1899).

Gelzer. Die politische und Kirchliche Stellung von Byzanz. Leipzig, 1879.

Gelzer. Kosmas der Indienfahrer (Jahrb. f. prot. Theol., 1883).

Gfrörer. Kaiser Justinian (Byzant. Geschichten, t. II. Graz, 1874).

Gibbon. History of the decline and fall of the Roman empire, éd. Bury, t. IV. London, 1898.

Giraud. Hist. du droit romain. Paris, 1844.

Glaser Ed. Skizze der Gesch. Arabiens von den ältesten Zeiten bis zum Propheten Muhammad. München, 1889.

Graeven. Frühchristliche und

Mitelalterliche Elfenbeinwerke aus Italien. Rom, 1900.

Graeven. Der heilige Markus in Rom und in der Pentapolis (Röm. Quartalschrift, 1899).

Gregorovius. Gesch. der Stadt Rom, t. I. Stuttgart, 1876.

Gregorovius. Gesch. der Stadt Athen im Mittelalter, t. I. Stuttgart, 1889.

Grisar. Geschichte Roms und der Pæpste im Mittelalter, t. I. Freiburg, 1901.

Harnack. Dogmengeschichte, 3 vol. Freiburg, 1888-1890.

Hartmann L.-M. Byzant. Verwaltung in Italien. Leipzig, 1889.

Hartmann L.-M. Gesch. Italiens im Mittelalter, t. I. Leipzig, 1897.

Haseloff. Codex Rossanensis. Leipzig, 1898.

Haury. Prokopiana. Augsburg, 1892.

Haury. Zur Beurteilung des Geschichtschreibers Procopius von Cæsarea. München, 1896.

Hefele. Histoire des Conciles, trad. Delarc. t. III, Paris, 1870.

Hertzberg. Gesch. Grichenlands unter der römischen Herrschaft, t. III, Halle, 1875.

Hertzberg. Gesch. Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens, t. I, Gotha, 1876.

Heyd. Hist. du commerce du Levant, t. I. Leipzig, 1885.

Hirth. China and the Roman Orient. Leipzig, 1885.

Hodgkin. Italy and her invaders, t. III, IV et V. 2-e éd., Oxford, 1896.

Houssaye H. L'impératrice Theodora (Rev. des Deux Mondes, 1-er février 1885).

Humbert. Essai sur les finances et la comptabilité publique chez les Romains, 2 vol. Paris, 1887.

Invernizzi. De rebus gestis Justiniani. Roma, 1783.

Isambert. Histoire de Justinien. 2 vol. Paris, 1856.

Jireček. Gesch. der Bulgaren. Praga, 1876.

Jörs. Die Reichspolitik Kaiser Justinians, Giessen, 1893.

Kalligas. Περὶ τῆς στάσεως τοῦ Νίκα (Μελέται καὶ λόγοι. Аѳины, 1882).

Kleyn. Jacobus Baradaeus. Leyde, 1882.

Knecht. Die Religions-Politik Kaiser Justinians I. Würtzburg, 1896.

Krueger. Histoire des sources du droit romain. Paris, 1894.

Krumbacher. Gesch. der byz. Litteratur, 2-е изд., München, 1897.

Labarte. Le palais impérial de Constantinople, Paris, 1861.

Латышевъ. Этюды по византійской эпиграфикѣ (Виз. Врем., I).

Lanciani. Pagan and christian Rom. London, 1892.

Lécrivain. Le Sénat romain depuis Dioclétien. Paris, 1884.

Lethaby and Swainson. The church of Sancta Sophia London 1894.

Letronne. OEuvres, t. I. Paris.

Loofs. Leontius von Byzant. Leipzig, 1887.

Ludewig. Vita Justiniani. Halle, 1731.

Mallet. The empress Theodora (English hist. Review, 1887).

Marin. Les Moines de Constantinople. Paris, 1897.

Marucchi. Le recenti scoperte nel duomo di Parenzo (Nuovo Bull. die archeol. christ., t. II).

May, G. Éléments de droit romain, 2 vol. Paris, 1889.

Meyer. Zwei antike Elfenbeintafeln (Abhandl. Мюнхенской Академіи, 1879).

Millingen (Van). Byzantine Constantinople. London 1899.

Molinier E. Histoire générale des arts appliqués à l'industrie, It., les Ivoires. Paris, 1896.

Molinier E. La coiffure des femmes byzantines (Etudes d'hist. du moyen âge, dédiées à G. Monod). Paris, 1896.

Mommsen. Das römische Militærwesen seit Diocletian (Hermès, t. 24).

Monnier. L'ἐπιβολή (Nouv. Revue hist. de droit, 1892).

Mordtmann. Esquisse topographique de Constantinople au moyen âge. Lille, 1892.

Mordtmann. Justinian und der Nika Aufstand (Mittheil. des deutschen Excursionsclub in CP., IV).

Muirhead. Introduction hist. au droit privé de Rome, (trad. Bourcart). Paris, 1889.

Müller A. Der Islam, t. I. Berlin, 1885-1886.

Müller D.-H. Epigr. Denkmæler aus Abessinien (Denkschriften Вѣнской Академіи, 1894).

Nissen W. Die Regelung des Klosterwesen in Rhomærreiche. Hamburg, 1897.

Nöldeke. Gesch. der Perser und Araber im Zeitalter der Sassaniden. Leyde, 1879.

Олтаржевскій. Палестинское монашество съ IV до VI вѣка. Спб., 1866.

Omont. Manuscrit grec de l'évangile selon saint Mathieu (Journal des Savants, mai 1900).

Панченко. О тайной исторіи Прокопія (Виз. Врем., II и III).

Paspati. Τά Βυζαντινά ἀνάκτορα. Constantinople, 1885.

Pératé. L'Archéologie chrétienne. Paris, 1892.

Pflugk Harttung. Belisars Vandalenkrieg (Hist. Zeitschrift, 1889).

Puech. Saint Jean Chrysostome. Paris, 1891.

Pulgher. Anciennes églises byzantines de CP. Vienne, 1880.

Rambaud. L'Hippodrome à Constantinople. (Rev. des Deux Mondes, 15 août 1891).

Rambaud. De byzantino hippodromo et de circensibus factionibus, Paris, 1870.

Rambaud. Empereurs et impératrices d'Orient. (Rev. des Deux Mondes, t. I за 1891).

Ranke. Weltgeschichte, т. IV, часть 2-я. Leipzig, 1883.

Reber F. von. Der Karolingische Palastbau (Abhandl. Мюнхенской Академіи 1891, т. 19).

Рѣдинъ. Мозаика равеннскихъ церквей. Спб., 1896.

Revillout. Mémoire sur le Blemmyes. (Acad. des Inscr. savants étrangers, t. VIII).

Rey. Architecture militaire des croisés. Paris, 1871.

Richter. Die Mosaiken von Ravenna. Вѣна, 1878.

Rossi de. Inscriptiones christianae urbis Romae, t. II. Roma, 1888.

Rügamer. Leontius von Byzanz. Würzburg, 1894.

Sabatier. Description générale des monnaies byzantines, 2 vol. Paris, 1862.

Salzenberg. Altchristliche Baudenkmæler von CP. Berlin, 1854.

Sathas. Ἱστορ. δοκίμιον περὶ του θέατρου τῶν Βυζαντινῶν. Венеція, 1878.

Scala R. von. Die Wichtigsten Beziehungen des Orient zum Occidente, Вѣна, 1887.

Schlumberger. Sigillographie byzantine. Paris, 1884.

Schlumberger. Melanges d'archéologie byzantine. Paris, 1895.

Schlumberger. L'Ivoire Barberini (Mon. Piot, t. VII).

Schulze V. Gesh. des Untergangs des griechisch-römischen Heidenthums, 2 vol. Iena, 1887-1892.

Seitz. Die Schule von Gaza. Heidelberg, 1892.

Смирновъ. Кипрскія мозаики (Виз. Вр., 1897).

Smith. Christian monasticism. London, 1892.

Sotiriadis. Zur Kritik des Johannes von Antiochia. (Jahrb. f. class. Philol. Прилож. XVI, 1888).

Strzygowski. Die byzantinische Kunst (Byz. Zeitschr. I).

Strzygowski. Die altbyzant. Plastik der Blütezeit. (Byz. Zeitschr. I).

Strzygowsky. Der Silberschild aus Kertsch. St-Petersburg, 1892.

Strzygowski. Das Etschmiadzin Evangeliar. Vien, 1891.

Strzygowski. Die byzantinischen Wasserbehælter von CP. Vien, 1893.

Strzygowski. Die christlichen Denkmæler Aegyptens (Röm. Quartalschrift, 1898).

Strzygowski. Orient oder Rom. Leipzig, 1901.

Texier et Poplewell Pullan. Architecture byzantine. London, 1864.

Tomaschek. Zur hist. Topographie von Kleinasien im Mittelalter (Sitzungsber. Вѣнской Академіи, 1891).

Unger. Quellen der byz. Kunstgeschichte. Vien, 1878.

Usener. Der heilige Theodosios. Leipzig, 1890.

Успенскій. Партіи цирка и димы въ Константинополѣ (Виз. Врем., I).

Васильевъ. О славянскомъ происхожденіи Юстиніана (Виз. Врем., I, 469).

Villefosse H. de. Feuille de diptyque consulaire conservée au musée du Louvre. (Gaz. Archeol., 1884).

Vogüé de. Syrie centrale. Architecture civile et religieuse du 1-er au VII-e siècle, 2 vol., Paris, 1865-1877.

Zachariae v Lingenthal. Gesch. des griechisch-römischen Rechts, 3-е изд. Berlin. 1892.

Zachariae v. Lingenthal. Zur Kenntniss des röm. Steuerwesens in der Kaiserzeit (Mem. l'Acad. de St.-Petersbourg, 1863).

Zachariae v. Lingenthal. Eine Verordnung Justinians über den Seidenhandel (Mém. de l'Acad. de Saint-Petersbourg, 1865.

Zöckler. Askese und Mönchthum, t. I. Francfurt, 1897.

ОГЛАВЛЕНІЕ.